ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

Роберт Ирвин

ГОВАРД

Конан из Киммерии

ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

Роберт
Ирвин
ГОВАРД

*Конан
из Киммерии*

Робърт
Ирвин
ГОВАРД

Башня Слона

Сплошь негодяи в доме

Дочь Ледяного Исполина

Королева Черного побережья

Сокровища Гвалура

Черный колосс

Железный демон

Тени в лунном свете

«Родится ведьма»

Призраки Замбулы

Люди Черного Круга

Ползучая тень

Колодец черных демонов

Гвозди с красными шляпками

За Черной рекой

Феникс на мече

Алая цитадель

Час Дракона

Москва

ЭКСМО

ВАЛЕРИ СПД

Санкт-Петербург

2007

Роберт
Ирвин

ГОВАРД

Конан из Киммерии

Москва
Эксмо
ВАЛЕРИ СПД
Санкт-Петербург
2007

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Г 57

ROBERT E. HOVARD

Серийное оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Говард Р. И.
Г 57 Конан из Киммерии: Фантастические повести/Пер. с англ. — М.: Эксмо, 2007. — 928 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 5-699-11546-3

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007
© Предисловие. Н. Перумов, 2002
© Перевод. Е. Хаецкая, М. Успенский, М. Семенова, А. Прутцкол, А. Циммерман, А. Кононов, Е. Кравцова, В. Карчевский, 2002

ISBN 5-699-11546-3

Предисловие

ГОВАРД, КАК ОН ЕСТЬ

Нет нужды касаться в этих заметках фактов биографии Роберта Говарда. Это гораздо лучше меня сделают историки литературы. Критики подвергнут внимательному рассмотрению его стиль, найдут источники и составные части, выявят, откуда, из каких источников он почерпнул те или иные реалии своего мира. Все это, несомненно, будет, потому что Роберт Говард — давно уже настоящая легенда, классик жанра фэнтези, фактически — один из его создателей. Были попытки до него, были и одновременно с ним — но именно с Говардом, с созданной им вселенной у большинства ассоциируется понятие фэнтези. Говард не был первым, кто решительно порвал с окружающей реальностью, погружаясь в мрак забытых веков и по собственному прихотливому воображению населяя этот мир богами, колдунами и демонами. Попытки делались. Не стану сейчас перечислять имен, они в большинстве своем известны только узкому кругу профессионалов. И только Говарду удалось — нет, не изобрести все в жанре фэнтези от альфы до омеги, конечно же, нет,— но сделать эту литературу массовым феноменом. Феноменом, который, насколько мне известно, так и не был повторен ни в фантастике вообще, ни даже в реалистической литературе.

Говард создал поистине «вечного героя».

Я сильно подозреваю, что вся проработка мира Хайборийской эры — создание реалий, географии, истории, этнографии — шла параллельно с созданием знаменитого Конана-киммерийца, вот уже почти семьдесят (!) лет не сходящего

с книжных страниц. Мир для Говарда был не самоцелью (как, скажем, во многом для Толкина), мир был — как ему и полагается — всего лишь ареной, на которой разворачивалась борьба человеческих и демонических сил.

Но прежде всего появился Конан.

Сейчас не так уж важно, когда именно Говард увидел его (некоторые утверждают, что имелось нечто общее с Коианом у самого Говарда). Важно лишь то, что Говард дал фэнтези действующего героя. Героя, привыкшего идти вперед и побеждать. Несмотря ни на что.

«Что же тут нового или удивительного? — могут мне возразить.— Говард выписал обыкновенного супермена, коими и так полна развлекательная литература». И формально возражающие будут совершенно правы. Несть числа широкоплечим и могучим, сокрушающим черепа и челюсти врагов с той же легкостью, с которой нормальный человек ломает спички. Несть числа описаниям их подвигов, однако все они, сверкнув на миг, гаснут, тонут в литературном лимбе, поглощающем 99% новинок в этом жанре фантастики. Они исчезают — а Конан живет. Живет уже почти 70 лет. И — что является случаем вообще уникальным — Конан перестал быть чисто говардовским героем. Давно нет в живых Роберта Говарда, создателя неукротимого киммерийца, а приключения Конана продолжают новые и новые поколения писателей. Конан из чисто «книжного» героя перешагнул на киноэкран (и в роли могучего варвара снялся не кто-нибудь, а Арнольд Шварценеггер), Конан теперь — персонаж и мультфильмов, и комиксов, то есть целого пласта фантастики, и не обязательно книжной.

И все это встречает живой отклик. Год за годом выходят романы о Конане. Ни один литературный персонаж не может похвастаться такой долгой и, скажем прямо, насыщенной жизнью. Сам Говард написал о Конане сравнительно немного — один «полноразмерный» роман, известный у нас как «Час Дракона», и около двух десятков повестей и рассказов. Остальной громадный корпус «конанианы» творили уже другие. И притом творили гранды фантастики. Достаточно назвать Леона Спрэг де Кампа, Лина Картера, Роберта Джордана, Стива Перри. Да что там Джордан и Перри! Сам Пол Андерсон, фигура ПЕРВОГО ряда, стоящий вровень с Хайнлайном, Желязны и Муркоком, не погнушался написать роман о Конане. Значит, не все так просто с этим варваром, неспроста привлекает он к себе столь

пристальное внимание, не случаен его успех у читателей, не случайно детище Говарда пережило своего создателя и, судя по всему, отнюдь не собирается отдавать концы.

Почему же так произошло?

Не претендую на то, чтобы высказать истину в последней инстанции. Не могу говорить за других. Только за себя.

На заре перестройки, когда книжный рынок уже покинул «трубное поле» на питерской станции Ульянка и обосновался в крошечном клубе «Водник», что на Шпалерной улице, тогда все еще прозывавшейся улицей Воинова, ваш покорный слуга был там одним из завсегдатаев. После долгих лет сенсорного голода обилие книг просто поражало. И среди изобилия первого книжного «вала», обрушившегося на нас во второй половине восьмидесятых (Господи! уже почти пятнадцать лет), чисто случайно на глаза мне попалась тоненькая книжечка в желтой аляповатой обложке, с черным птеродактилем на ней. Называлась она, если не ошибаюсь, «Крылья ночи», и была в ней повесть Роберта Говарда «Люди Черного Круга».

Не помню уже, кто ее издал. Но — так или иначе — эти люди сделали благое дело, одними из первых начав знакомить нас с Конаном.

И — со страниц «Людей Черного Круга» на меня дохнуло ароматом совершенно незнакомого мира. Насколько же это отличалось от всего того, что попадалось прежде! Ведь жанра фэнтези тогда не было вообще, и даже знаменитые «Хроники Эмбера» еще ждали своего часа, продаваясь в виде ксероксных распечаток по немыслимой (тогда!) цене аж в сорок рублей. Фэнтези начиналось и кончалось — для огромного большинства — либо «сказками советских писателей» (например, волковской переработкой сказок Баума, превратившихся у нас во всем известный цикл «Волшебник Изумрудного города»), либо первыми книгами Джона Рональда Руэла Толкина, «Хоббит» и «Хранители». Все.

Конечно, здесь меня могут поправить. Вспомнят «Королевство кривых зеркал» Губарева, что-то из булычевского цикла про Алису Селезневу. Но это все было как-то несерьезно. С первых же страниц прозы Говарда меня поразило — о совершенно невероятном мире он писал совершенно всерьез. Тексты его разительно отличались, конечно же, от рафинированного, проникнутого философскими раздумьями «Властелина Колец». Конан был совершенно другим. И это хорошо.

Со страниц книги Говарда дул свежий и дикий ветер, обжигающий ветер Хайборийских равнин. Боги, маги, воры, колдуны, жрецы, разбойники — все смешивалось в невообразимый клубок. Неистощимая фантазия Говарда всякий раз заставляла поверить в то, что автору и в самом деле случалось странствовать по страшным подземельям стигийских храмов, где среди вековой пыли дремлют невероятные существа, поднятые к жизни великими магами прошлого да так и оставшиеся в бессолнечных склепах, ждущие, пока судьба не пошлет им жертву в виде неосторожного путника. И это только один пример. Не прибегая ни к этнографическим, ни к лингвистическим изысканиям, не насыщая повествование деталями, Говард создает на удивление цельную и правдоподобную картину. Строго выдержана внутренняя логика. Не буду и говорить о динамичном сюжете, об умении Говарда создать «саспенс», напряженное ожидание, и притом куда лучше многих признанных мастеров «хоррора».

Но вернемся к Конану. Мир, как бы прекрасен он ни был,— это лишь сцена с декорациями. Он оживет, только когда из-за кулис покажется герой — тот, кто заставит двигаться картонные декорации, и тогда — не раньше — за словом «лес» мы начнем видеть настоящую чащу. Конан как раз и является таким героем.

Говард создал его варваром. На протяжении всей «конанианы» это подчеркивается чуть ли не с назойливостью. Киммериец. Варвар. Первобытный и жестокий.

Кому-то, быть может, захочется увидеть в этом некий «примитивизм». Мол, чего взять с накачанного дикаря! Однако Конан далеко не так прост, как может показаться. Он обладает живым и изворотливым умом, отнюдь не похожим на дикарский. Он с поразительной ловкостью адаптируется к любым условиям. Он и моряк, и наемный воин, и король — все вместе. Вдобавок он просто заворожен магией дальних дорог. Ему обязательно надо пройти все, даже самые неприметные, тропки, заглянуть в заветные тайники странных сил, раскрыть их секреты — и сокрушить тех, кто при этом творит зло или становится у него на пути.

Зло же у Конана всегда очень конкретно. Колдун, которому для его магических изысканий нужны человеческие жертвы, или древняя хищная тварь, не имеющая других желаний, кроме как жрать. Киммериец не затрудняет себя поисками причин Мирового Зла. Он принимает людей та-

кими, какие они есть. Есть Великий Сет, Мировой Змей,— с ним он сражается насмерть, и этого достаточно.

Говард сделал своего героя варваром, оторванным от «цивилизации» хайборийских народов. Конан хитер, как хитра лисица — природной, неосквернённой низким расчетом хитростью. Он жесток — так же, как жестока убивающая и воскрешающая природа. Но Конану абсолютно, совершенно чуждо властолюбие, власть ради власти, власть ради связанных с этим удовольствий. О да, он, как и всякий человек той эпохи, может помечтать о вкусной еде, красивых женщинах и золотых монетах, необходимых, чтобы купить все это; но когда доходит до дела — захвата власти в Аквилонии,— королевский трон оказывается не целью, а средством. Средством сделать жизнь еще более напряженной. Риск для Конана — все равно что воздух; жить рискуя для него столь же естественно, как пить или дышать. В этой жажде риска нет и грана желаний «опасности от скуки». Конан рискует не потому, что иначе ему скучно. Просто для него это единственно возможный способ жить.

Именно в этой прекрасно переданной первобытной силе и заключена, на мой взгляд, немалая доля притягательности Конана-киммерийца. Он — само олицетворение Свободы, коей современный человек лишен. За блага цивилизации необходимо расплачиваться. И он, человек, расплачивается. Личной несвободой в первую очередь. Однако остается неизбывная человеческая же тоска — по громадному, прекрасному, таинственному миру без аэрофотосъемок, топографических карт и тому подобных прелестей. По миру, где есть место чудесному и волшебному. Собственно говоря, именно из этой тоски родилась фэнтези, она водила пером даже одного из прародителей, сэра Томаса Мэлори, рыцаря, создавшего капитальный труд «Смерть Артура», и посегодня служащий неисчерпаемым источником вдохновения для современных авторов, начиная от Спрэг де Кампа и заканчивая Андреем Легостаевым.

Конан был целен и органичен. Именно он является стержнем, вокруг которого вращается все действие. Все прочее — не более чем фон, на котором живет, сражается, любит и ненавидит главный герой. Не случайно при огромном числе продолжений «о Конане» нет ни одного просто «о Хайборийском мире». Конан оживляет этот мир. Без него он — не более чем занятная театральная декорация.

Обратимся теперь к другому аспекту «конанианы» — к продолжениям. Как я уже сказал, сам Говард написал о Конане не так много; часть вышедших под его именем повестей и рассказов есть не что иное, как позднейшие обработки черновиков Говарда Лином Картером и Спрэг де Кампом. Сам по себе этот факт не столь удивителен. Историки литературы, несомненно, приведут не один пример, я же напомню лишь «Египетские ночи», завершенную Брюсовым поэму А. С. Пушкина. Но вот что было дальше...

Картер и де Камп первыми начали «продолжать». Сперва — кардинально переработав черновики самого Говарда, сохранив лишь сюжет и частично антураж. Дальше — больше: корифеи сами взялись за перо. Так было положено начало беспрецедентной эпопее, что тянется уже больше полувека. Дискретный характер новелл о Конане (в каждой описывается конкретное приключение, не занимающее, как правило, очень много времени) оставлял простор авторской фантазии. «Мягкость» говардовского мира допускала существенную авторскую свободу, что избавило романы о Конане от жесткой схематичности. В мире Говарда мирно уживались создания самых разных авторов. И никому не пришло в голову упрекать их в том, что это, мол, не было описано у Говарда и, следовательно, не имеет права на существование! Каждый автор мог по своему разумению добавлять в палитру Хайборийского Мира новые и новые краски. Да, никто не переносил Аквилонию на место Кхитая и наоборот; но вот новые существа, боги, демоны, колдуны — вполне могли появляться. И это, в свою очередь, обогащало ВЕСЬ созданный Говардом мир. Он радушно принимал любого, кто писал о Конане с любовью.

Здесь, в России, Конан прижился уже давно. Два фильма с Шварценеггером создали «первичную почву». И когда издательство «Северо-Запад» запустило свой проект «Конан», он имел очень большой успех. Оно и понятно: неистовый гуляка-варвар близок нам, близок своей бесшабашностью, удалью (в чем-то неуловимо похожей на удаль Васьки Буслаева), близок и странной своей неудачливостью. Это тоже очень интересный момент: во многих новеллах речь идет о том, как Конан, рискуя жизнью, охотится за каким-нибудь кладом и добывает его, преодолев все опасности, лишь для того, чтобы лишиться обретенного богатства на последних страницах книги. И киммериец лишь усмехнется, провожая взглядом в очередной раз канувшие в бездне бо-

гатства. Согласитесь, не очень-то характерно для западной фантастики с ее обязательными «хэппи-эндами»!

Ну и наконец, последнее. Что для меня Конан?

Признаюсь — я люблю этого героя. Есть в нем что-то от нашего, как ни крути, национального символа — могучего бурого медведя. Конан мне симпатичен. И, пожалуй, я с удовольствием написал бы о том, что случилось бы, попади волею Сета славный киммериец к нам, в наши дни, и окажись он в роли... ну хотя бы телохранителя по имени Конан Конанович Конанов.

Но это, конечно же, шутка.

Н. Перумов

В начале 1936 года два поклонника творчества Р. И. Говарда — литератор и издатель П. С. Миллер и химик Д. Д. Кларк — на основании уже опубликованных историй о Конане написали предполагаемую биографию великого воина и составили карту мира, где происходят описываемые события.

Миллер послал Говарду письмо, к которому приложил придуманную карту и биографию Конана. Ответное письмо Р. И. Говард написал за три месяца до своей трагической смерти.

Письмо Роберта Говарда

10 марта 1936 года

Дорогой мистер Миллер!

Я польщен Вашим и доктора Кларка интересом к Конану. Я благодарен Вам за то, что Вы взяли на себя труд составить описание жизни моего варвара и нарисовать карту его мира. И жизнеописание, и карта на удивление точны, если принять во внимание ту небольшую информацию, которой Вы располагали. Оригинальная карта — имеется в виду та, которую я нарисовал сам, когда только начал писать о Конане,— вероятно, где-то валяется. Я попробую ее отыскать, чтобы Вы взглянули на нее. К сожалению, на ней Вы найдете только страны западнее моря Вилайет и севернее Куша. У меня не было времени изобразить южные и восточные государства, несмотря на довольно ясное представление об их

географическом положении. Когда я пишу о них, то позволяю себе некоторые вольности, ибо представляю себе народы западных хайборийских стран так, как в средневековой Европе представляли Африку и Азию. Когда я пишу о хайборийском Западе, то чувствую себя связанным неколебимыми рамками и канонами, в то время как при описании других частей древнего мира я даю своей фантазии полный простор. Полно и четко разработанная география, а также этимология, таят в себе угрозу сковать автора по рукам и ногам, когда уже все предопределено и ничего не изменить. Так что о Востоке и Западе я не могу сказать ничего определенного или остановиться на какой-то одной картинке.

Что касается Куша, то это одно из черных королевств к югу от Стигии, которое, чтобы быть точным, дало свое имя всему побережью к северу от него. Поэтому, когда человек хайборийской эры говорит о Куше, он подразумевает под этим, как правило, не само королевство, а черное побережье в целом, и легко может случиться так, что «кушитом» он назовет любого, у кого черная кожа, не разбираясь, кто он в действительности — кешанец, дарфариец, пунтиец или в самом деле кушит. Это объясняется тем, что кушиты были первыми черными, с кем познакомились хайборийцы — барахские пираты, которые нападали на чернокожих и грабили.

Какова дальнейшая судьба Конана? Честно говоря, я и сам этого пока не знаю. Описывая его приключения, я постоянно испытываю такое чувство, будто он сам мне все рассказывает. Поэтому у моих произведений нет настоящего хронологического порядка. Когда бродяга говорит о своей беспокойной жизни, он обычно не придерживается определенной последовательности. Он вспоминает лица и события, отстоящие друг от друга и по времени, и территориально.

Ваше описание жизни Конана выглядит примерно так же, как и я себе ее представляю. Конану едва исполнилось 17 лет, когда он предстает читателю в «Башне Слона». Он еще не совсем взрослый, однако гораздо более зрелый человек, чем юноша его возраста из цивилизованных областей.

Конан родился на поле боя во время битвы между его родом и грабительской ордой. Страна, которую его клан считал своей, лежала к северо-западу от Киммерии. Кровь Конана была смешанной, но по рождению и по духу он

киммериец. Его дед принадлежал к южному киммерийскому роду, покинул родной очаг из-за кровной мести и после долгих скитаний прибился к одному из кланов севера. Перед тем как покинуть свою прежнюю родину, в юности, он участвовал в многочисленных разбойничьих набегах в хайборийские пределы. Может быть, рассказы деда пробудили в мальчике Конане потребность увидеть эти земли собственными глазами?

В жизни Конана много такого, чего я и сам толком не знаю. Я, например, не знаю, когда он впервые столкнулся с цивилизованными, если их можно так назвать, людьми. Может быть, в Венариуме или, возможно, еще задолго до этого он нанес дружеский визит какому-нибудь пограничному городу. В Венариуме Конан в свои 15 лет был уже противником, достойным внимания — довольно рослым и 170 фунтов весом.

Между Венариумом и его жизнью в городе воров лежит временной промежуток примерно в один год, за это время он вернулся на север к своему племени, а после предпринял свою первую вылазку за пределы Киммерии. Как это произошло, я точно не знаю, во всяком случае, он провел несколько месяцев у одного племени под названием «асы». Вместе с ними он сражался против ванов и гипербореев. Наверное, в это время в нем и проснулась ненависть к последним, которую он не смог преодолеть до конца своей жизни. Он попал к гипербореям в плен, однако ему удалось бежать на юг, и он прибыл в Замору как раз вовремя, к самому своему дебюту в развлекательной литературе.

Я не могу сказать определенно, произошло ли приключение с Багряным Жрецом именно в Заморе. Описанное мною противоборство политических группировок говорит против этого, потому что в Заморе царил деспотический абсолютизм, в условиях которого какие-либо политические движения были бы просто немыслимы. Я держусь того мнения, что этот город был одним из небольших городов-государств где-то к западу от Заморы, куда Конан явился, покинув город воров.

Хронологическая последовательность его приключений примерно такова, как Вы и мистер Кларк описали, только с той поправкой, что они заняли несколько меньший объем времени. Конану было сорок, когда он надел корону Аквилонии.

У моего варвара не было потомков мужского пола, поскольку он не удосужился найти время и, соблюдая все

формальности, сделать какую-нибудь женщину королевой, а его сыновья от наложниц (их у него было внушительное количество) не могли считаться наследниками престола.

Царствовал Конан, я думаю, много лет. Будучи королем Аквилонии в бурное время, когда хайборийская цивилизация достигла своего наивысшего развития и каждый правитель мечтал о предельном расширении своей державы, Конан воевал сначала только обороняясь, но под конец из чувства самосохранения он, наверное, был вынужден перейти к нападению. Я не знаю, удалось ли ему создать мировую державу, или же эта попытка привела варвара к гибели.

Он много пережил, не только до того, как сел на трон, но и после, когда стал королем. Он посетил Кхитай и Гирканию и еще менее известные области к северу и к югу от них, а также безымянный континент в западном полушарии. Сколько еще приключений Конана появится в печати, нельзя точно предсказать.

Большой интерес вызвали Ваши замыслы относительно находок на полуострове Ямал. Я слышу об этом впервые. Без сомнения, Конан вступал в контакт с народом, который развил эту культуру, или, по крайней мере, с предками этого племени.

Я надеюсь, что «Хайборийская эра» и далее будет находить отклик в Вашем сердце.

К письму я прилагаю копию своей карты. Да, кстати, Наполи представляет Конана довольно хорошо, несмотря на то, что он то и дело придает ему черты древнего римлянина, которые не подходят этому типу лица. Но это важно не настолько, чтобы об этом волноваться.

Я надеюсь, что полностью ответил на Ваши вопросы. Помните, я всегда буду рад обсудить любые вопросы, касающиеся жизни Конана, хайборийской истории и географии.

Еще раз большое спасибо за Ваш интерес.

С лучшими пожеланиями Вам и доктору Кларку, сердечно Ваш

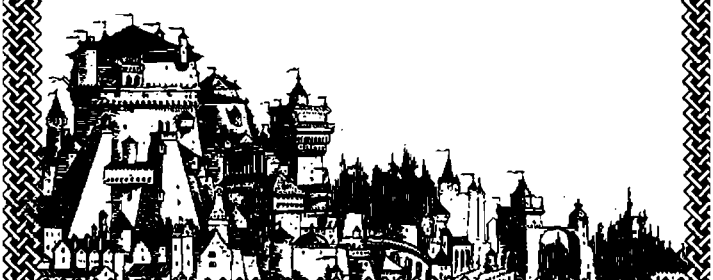
Роберт Говард

МОРЕ ЗАПАДА
ВАНАХЕЙМ
АСГАРД
ЗАСОНСКИЕ ПРЕДГОРЬЯ
КИММЕРИЯ
ГАНДЕРЛАНД
ДЕБРИ ПИКТОВ
Гиперион
Велитриум
Гинасук
Бивендум
Р. Чертова
Р. Гримхова
ТАУРАН
Р. Шипр
АКВИЛОНИЯ
Гарфилия
Р. Черная
Шамар
Р. Кровавая
Р. Красная
Кордава
ЗИНДАРА
Р. Кобра
ОФИР
Эрук
Барахские острова
Мессантия
АРГОС
Асгалун
ШЕМ
Ками
Луксур
Сухмет
Остров Ситтаха
КУШ
ДАР
Черный остров
Купал
Эрраско

ТУНДРЫ
СТЕПИ
ПУСТЫНИ
ГИПЕРБОРЕЯ
ГИРКАНИЯ
ВИЛАЙЕТ
ЗАПАДНЫЕ ГОРЫ
ВОСТОЧНЫЕ ГОРЫ
ЗАПАДНЫЕ ГОРЫ
ЗАПАДНЫЕ ГОРЫ
ЗАПАД

Это эссе Говард написал в те годы, когда только приступил к созданию цикла историй о Конане. Он сочинил псевдоисторию некоего доисторического времени, которая служит фоном для всех его рассказов об этом герое. Говард вовсе не имел в виду изложить нечто, что принималось бы всерьез, как подлинно научная история. В предисловии он писал:

«Ничто в этой статье не должно восприниматься как попытка создать теорию, которая полемизирует с известными исторической науке фактами. Моя статья — всего лишь более подробное изображение фона, на котором происходит действие серии выдуманных приключений. Когда несколько лет назад я начал писать цикл повестей о Конане, я и выдумал эту "историю" его эпохи и народов, населявших землю, чтобы моя сага приобрела некоторый налет реальности. Я задумал это так, что "факты" и сам дух этой псевдоистории облегчат мне задачу представить себе Конана человеком из плоти и крови и таким показывать его читателю, а не малевать железобетонного героя очередного сериала. Когда я писал о нем и его приключениях, случавшихся в различных государствах той эпохи, я придерживался "фактов" и характера выдуманной мною эры точно так же, как автор исторического романа придерживается подлинной истории. Предлагаемая читателю "история" была моей путеводной нитью для всех приключений серии о Конане».



Хайборийская эра

ЧАСТЬ I

О той эпохе, которую немедийские хронисты называют допотопной, нам известно крайне мало, за исключением, быть может, последнего отрезка времени, но даже и он скрыт вуалью легенд и домыслов. Абрис истории проступает сквозь это покрывало с того момента, как пали цивилизации, процветавшие до потопа. Среди них главенствовали королевства Камелия, Валузия, Верулия, Грондар, Тула и Коммория. Люди, населявшие эти страны, говорили на родственных языках, что позволяет высказывать предположение об их общих предках. Существовали и другие государства, с не менее развитой цивилизацией, население которых, однако, принадлежало к другим, очевидно более древним, расам.

Варварами той эпохи были пикты, которые населяли группу островов далеко в западном океане; атланты, родиной которых был небольшой континент, расположенный между островами пиктов и огромным континентом Турией; и лемурийцы, считавшие своим домом цепь больших островов в восточном полушарии.

Здесь имеется немало белых пятен. Королевства — очаги древней цивилизации — несмотря на свое огромное влияние, занимали лишь очень незначительную часть планеты. Валузия была самым западным государством на континенте Турия, Грондар — самым восточным.

Еще восточнее Грондара, народ которого был менее развит и менее цивилизован, чем в других королевствах, простирались дикие суровые земли, по большей части пустыни. Лишь в немногих из этих бесплодных областей, в джунглях и в горах жили разрозненные кланы и племена

примитивных туземцев. Далеко на юге находилась загадочная цивилизация, которая не имела ничего общего с культурой Турии, и, вероятнее всего, происхождение ее было дочеловеческим.

Дальневосточное побережье континента было заселено иной расой, человеческой, но тоже таинственной и нетурийской, с которой время от времени вступали в контакт лемурийцы. Эти люди, скорее всего, происходили с малоизвестного безымянного континента, расположенного много восточнее лемурийских островов.

Цивилизация Турии угасала; армии ее королевств состояли по большей части из наемников-варваров. Пикты, атланты и лемурийцы занимали в ней посты полководцев, политиков и — нередко — правителей.

О раздорах между отдельными государствами и войнах между Валузией и Комморией, как и о захватнических походах, с помощью которых атланты основали на континенте свое королевство, мы больше узнаем из легенд, чем из исторических описаний.

Затем мир был потрясен грандиозным катаклизмом. Атлантида и Лемурия были поглощены Океаном, а острова пиктов поднялись из вод и стали вершинами гор нового континента. Части турийского континента исчезли под волнами или сформировали во впадинах большие внутренние моря. Бурная вулканическая деятельность и страшные землетрясения превратили в ничто роскошные города. Исчезали целые народы.

Варварам пришлось несколько легче, чем цивилизованным расам. Население островов пиктов также было уничтожено, однако уцелела большая колония пиктов, которые переселились в горы на южной границе с Валузией, чтобы прикрывать свою родину в случае возможной агрессии. Пережило катаклизм и континентальное королевство атлантов, и тысячи сородичей континентальных атлантов прибыли туда на кораблях, спасаясь из своей затонувшей страны в поисках убежища. Множество лемурийцев бежали на восточное побережье турийского континента, которое сравнительно дешево отделалось. Но там они были порабощены древней расой, уже жившей на этом берегу, и вся их история на тысячелетия превратилась в историю беспросветного рабства.

На западной части континента благодаря изменившимся условиям жизни появились новые, необычные растения и

животные. Густые джунгли покрывали равнины, широкие реки проложили себе русла к морю, поднялись крутые горы, и моря захлестнули руины древних городов на плодородных равнинах. Из затонувших областей неисчислимое множество зверей и дикарей — в том числе человекообразных обезьян — хлынуло на континентальное королевство атлантов.

Несмотря на то, что атланты были вынуждены постоянно сражаться за свою жизнь, им все же удалось сохранить свой прежний статус достаточно развитой варварской цивилизации. Лишенные месторождений металлов, они обрабатывали камень, как их далекие предки, и уже достигли поистине удивительной ловкости и искусности, когда их развивающаяся культура встретилась с могущественным народом пиктов.

Пикты тоже были отброшены к каменному веку, но во всем, что касалось *политики* и войны, они развивались быстрее. Они были лишены творческой жилки, которая имелась у склонных к искусству атлантов. Это были толстокожие, практичные, крепкие, бесстрашные люди. Они не оставили после себя ни рисунков, ни резьбы по слоновой кости, как их враги, но зато было найдено впоследствии огромное количество на удивление хорошего каменного оружия, изготовленного ими.

Два этих государства новой каменной эры сражались друг с другом, и после ряда кровопролитных войн атланты, значительно сократившиеся в численности, впали в глубочайшее варварство; эволюция же пиктов остановилась.

Спустя пять столетий после катаклизма варварские королевства исчезли окончательно. На их месте мы видим теперь один дикарский народ (пиктов), который ведет непрекращающиеся войны против другого дикарского народа (атлантов). Пикты имели ряд преимуществ: большую численность и единство, в то время как атланты были раздроблены на небольшие кланы, лишь слабо связанные между собой. Таков был в то время запад.

На дальнем востоке, отрезанном от всего остального мира появлением гигантских гор и образованием сети озер, лемурийцы сохранялись лишь в качестве рабов под властью одной из древних рас. Далекий же юг теряется под покровом таинственности. Не затронутая катаклизмом, его история продолжает оставаться дочеловеческой. Из других цивили-

зованных народов турийского континента сохранились в невысоких горах юго-востока остатки земри — невалузийского народа.

Тут и там, рассеянные по миру, встречаются племена обезьяноподобных дикарей, которые вообще ничего не знают ни о расцвете, ни о падении древней цивилизации. На далеком севере, однако, постепенно зарождается новый род людей.

Во время катаклизма кучка дикарей, развитие которых недалеко ушло от уровня неандертальцев, бежала в сторону севера, спасаясь от гибели. В странах, покрытых снегом, куда они попали, существовали, правда, уже человекообразные виды снежных обезьян — это были огромные косматые белые звери, рожденные этим суровым климатом. Дикари победили их и прогнали за северный полярный круг, где те, как полагали пришельцы, и нашли свою смерть. Однако в действительности последнего не произошло, поскольку снежные обезьяны покорили и эту, еще более суровую, среду и вполне там процветали.

После того как пикто-атлантийские войны окончательно уничтожили то, что, возможно, привело бы к развитию новой культуры, еще один, более слабый, катаклизм изменил лик изначального континента. Он создал на месте цепи озер внутреннее море, которое еще больше отделило восток от запада; а землетрясения, наводнения и вулканическая деятельность довершили то, что начали варвары своими межплеменными войнами.

На тысячу лет после этого западный мир превратился в дикую местность, покрытую джунглями, озерами и бурными реками. Между заросшими лесом горами северо-запада кочевали толпы человекообразных обезьян. У них не было речи, они не знали огня и не использовали орудий труда. Это были потомки атлантов, которые погрузились в беспорядочное животное существование обитателей джунглей, откуда их предки выбирались с таким трудом.

На юго-западе существовали рассеянные кланы пещерных жителей, у которых имелся примитивный язык. Они сохранили название пикты, но у них это слово служило просто для наименования людей — то есть их самих, чтобы отделять себя от настоящих зверей, с которыми они сражались за жизнь и пропитание. Это имя было единственной связью между ними и их предками.

Ни одичавшие пикты, ни скатившиеся к состоянию обезьяны атланты не имели никаких связей с другими племенами и народами.

Далеко на востоке лемурийцы, приниженные своим нечеловеческим рабством до звериного состояния, поднялись и уничтожили своих господ. Теперь среди руин странной цивилизации жили дикари.

Те из представителей этой непонятной культуры, кто избежал мести своих бывших рабов, подались на запад. Они напали на загадочное, дочеловеческое царство, завоевали его, навязали ему свою культуру, которая, благодаря контактам с древними расами, несколько видоизменилась. Это новое королевство было названо Стигией. Остатки коренного населения жителей этой земли уцелели после завоевания и даже были весьма почитаемы, в то время как их раса была уничтожена.

Здесь и там в мире у небольших групп дикарей замечается некий прогресс, но достижения его разрозненны и беспорядочны.

На севере стали подниматься новые племена. Эти люди называли себя хайборийцами или хайбори; богом их был Бори — Великий Владыка, который, согласно легенде, был более могуч, чем король, выведший свой народ в северные пределы в дни великого катаклизма. О нем еще вспоминали древние саги.

Эти племена распространились по всему северу и вторглись в страны, расположенные южнее. До сей поры они еще не имели контактов с другими расами. Они вели войны между собой. За пять тысяч лет сформировалось племя северных людей. Они были высокого роста, со светлыми волосами и серыми глазами. Они были воинственны, полны жизненных сил и в то же время не лишены способностей к поэзии и искусствам. Большей частью средства к существованию доставляла им охота, хотя некоторые, более южные, племена уже несколько столетий разводили скот. Но было и исключение из правила их почти полной (до определенной поры) изоляции от остального человечества.

Один человек, который отправился в путь далеко на север, возвратился с известием, что в ледяной пустыне, почитавшейся пустой и безжизненной, обитает большое племя обезьяноподобных людей, которые — он клялся в этом — отличаются от зверей и которых их предки выгнали из ме-

нее суровой страны, захватив ее для себя. Он настаивал на большом военном походе против этих человеко-зверей за полярный круг, чтобы истребить их. Эти звери — в чем он тоже поклялся — превратились в настоящих людей. Его высмеяли. Но тем не менее небольшой отряд молодых воинов в поисках приключений отправился с ним в поход. Ни один из них назад не вернулся.

Постепенно все племена хайборийцев переселялись южнее и с увеличением их населения избрали именно это направление для миграций. Последующая эпоха стала эрой путешествий и завоеваний: по всему миру началось передвижение и переселение племен, и панорама постоянно менялась.

Поглядим на этот мир спустя еще пять сотен лет. Племена светловолосых хайборийцев передвинулись к югу и западу, они завоевали или уничтожили множество маленьких кланов. Благодаря тому, что они смешивались с покоренными народами, потомки древних завоевателей приобрели черты изменения расы, и эти новые расы были тут же сметены с пути новыми племенами, переселявшимися в те края, мощно и равнодушно, как метла сметает мусор. При этом они снова смешались и еще сильнее слились со старыми племенами.

Но до сих пор еще захватчики не вступали в контакт с древними народами. На юго-востоке пришельцы из племен земри, которые снова поднялись и стали многочисленны благодаря притоку свежей крови от смешанных браков с аборигенами, вновь попытались создать хотя бы отголоски своей прежней древней культуры.

На западе обезьяноподобные атланты вновь начали длинное восхождение. Они давным-давно уже забыли прежнее свое бытие в качестве людей. Ничего не зная об иных стадиях развития, они начали свой путь наверх без помощи и без вдохновляющих воспоминаний.

Пикты на юге оставались дикарями и являли собой очевидную насмешку над законами природы, не развиваясь и не деградируя. Еще дальше к югу существовало древнее таинственное королевство Стигия. У ее восточных границ текли кланы диких кочевников, известных в те времена как Сыновья Шема.

Соседом пиктов в большой долине Цингг, охраняемой мощными горами, был безымянный примитивный наро-

дец, который в конце концов, как предполагают, породнился с шемитами.

Еще одно обстоятельство дало новый толчок к миграции племен хайборийцев: одно из этих племен открыло для себя строительные возможности камня. Постепенно возникло первое хайборийское государство — суровое варварское королевство Гиперборея, началом которого послужили грубо сложенные крепости из скальных блоков, наваленных друг на друга. Их задачей было отражать нападение других племен. Люди этого племени вскоре отказались от своих палаток из лошадиных шкур и переселились в каменные дома, которые хотя и были неуклюжи, но зато долговечны. Защищенные таким образом, они стали сильны. Немного еще есть событий, достойных упоминания, при описании дикого королевства Гипербореи, народ которой столь внезапно отказался от своей кочевой жизни и начал сооружать себе жилища из камня, обнося их толстыми стенами,— раса, почти не знавшая каменного века и по чистой случайности познавшая первые основы архитектуры.

Появление этого государства вынудило к переселению многие другие племена, которые были разбиты в войне или же просто не находились в дружественных отношениях со своими родичами, проживающими в замках. Они пустились в долгое странствие, в результате которого обошли почти полсвета. И вот на северные племена напали гигантские белокурые дикари, которые по уровню своего развития недалеко ушли от обезьяны.

История последующей тысячи лет — это история возвышения хайборийцев, воинственные племена которых занимали доминирующее положение на западе. Примитивные королевства обретали форму. Светловолосые захватчики напали на пиктов и прогнали их в пустынные области запада. Потомки атлантов, которые без всякой помощи опять развились до стадии примитивного варварства, еще не вступали в контакт с хайборийцами.

Далеко на востоке появилась своеобразная, странная полуцивилизация лемурийцев. На юге хайборийцы основали королевство Коф на границе с пустынями, известными как Страна Шема, и дикари этой страны уже поднялись над стадией варварства — частично благодаря связям с хайборийцами, частично же благодаря стигийцам, которых они

грабили на протяжении столетий. Белокурые дикари дальнего севера возросли и численностью, и силой, так что северные хайборийские племена были вынуждены переселиться южнее. Старое королевство Гиперборея было завоевано одним из этих северных племен, однако сохранило свое прежнее название.

К юго-востоку от Гипербореи появилось королевство народа земри, названное Замора. На юго-востоке одно из племен пиктов вторглось в плодородную долину Цингга, подчинило себе местный народ, занимающийся сельским хозяйством, и осталось жить среди него. Это смешанное племя было позднее завоевано соседним родом хайборийцев, и из этого нового сплава народов выросло королевство Цингара, или Зингара.

Окончательно государства сформировались еще пятьсот лет спустя. Царства хайборийцев — Аквилония, Немедия, Бритуния, Гиперборея, Коф, Офир, Аргос, Коринфия и еще одно, которое именовали Пограничным,— владычествовали над западным миром. Замора лежит к востоку, а Зингара — к юго-западу от этих государств. Населения этих двух царств, сходные между собой смуглой кожей и экзотическими обычаями, не являлись, однако, родственными.

Далеко на юге дремлет Стигия, еще не затронутая чужеземной агрессией. Жители Шема уже сбросили стигийское иго, чтобы променять его на менее жестокую зависимость от Кофа. Темные владыки гнали их южнее великих потоков Стикса и Нила, которые вытекают из окутанных покровом тайны Нижних Стран, образуют множество петель и изгибов и исчезают в песках Шема, чтобы донести свои воды до моря.

Севернее Аквилонии, самого западного из хайборийских государств, жили киммерийцы, дикие варвары, которых завоеватели не сумели себе подчинить, но которые, однако, благодаря столкновениям с ними очень быстро развились. Это были потомки атлантов, эволюция которых прогрессировала куда стремительнее, чем у их древних врагов, пиктов, продолжавших жить в дикости западнее Аквилонии.

В последующие пятьсот лет хайборийские народы создали такую мощную цивилизацию, что одно только знакомство с ней было способно вырвать дикие племена из

оков примитивности. Самым могущественным было королевство Аквилония, но остальные вполне могли соперничать с ним в силе и великолепии. Хайборийцы были на удивление неоднородной расой. На первоначальную основу их рода наложились впоследствии черты гандеров — племени из Гандерланда, северной провинции Аквилонии. Это, однако, не ослабило род хайборийцев. Они по-прежнему доминировали в западном мире, несмотря на возвышение варваров пустынных земель.

На севере золотоволосые, голубоглазые варвары, потомки белых арктических дикарей, выгнали из снежных стран остатки хайборийских племен, за исключением старого королевства Гиперборея, которое сумело противостоять их натиску. Их страна называлась Нордхейм, и они делились на рыжеволосых ванов из Ванахейма и желтоволосых асов из Асгарда.

На сцене истории вновь появляются лемурийцы — под именем гирканцев. Столетиями пробивались они к западу, и теперь одно из их племен обосновалось на южных берегах большого внутреннего моря Вилайет и основало там королевство Туран.

Между морем Вилайет и восточной границей с другими королевствами простираются необозримые степи, а с севера и юга — пустыни. Негирканские обитатели этих областей раздроблены и ведут кочевой образ жизни без каких-либо племенных союзов. На юге они связаны с шемитами, и лишь изредка встречаются следы хайборийской крови. Ближе к концу описываемого периода и другие гирканские племена вторглись к западу от северного побережья внутреннего моря и столкнулись там с восточными пограничными постами гиперборейцев.

Бросим беглый взгляд на другие народности этой эпохи. Преобладающие среди населения Земли хайборийцы внешне не являются больше светловолосыми и сероглазыми. Они смешались с другими расами.

Люди из Кофа и — в меньшей степени — также из Аргоса имеют отчетливо узнаваемые шемитские и даже стигийские черты. Аргосцы имеют также признаки близкого смешения с зингарийцами. Восточные британцы завязали связи с темнокожими заморийцами, а люди из южной Аквилонии — с коричневыми зингарийцами, вплоть до того, что в южной провинции этой страны преобладают черные волосы и карие глаза.

Старое королевство Гиперборея, несмотря на свою изоляцию, также влило немало чужеземной крови в свои жилы благодаря обычаю похищать женщин из других племен — гирканок, асиянок, замориек. Только в провинции Гандерланд, где не было рабства, род хайборийцев до сих пор сохранился в чистоте.

Варвары также оставались неизменными: киммерийцы высоки ростом, сильны, у них темные волосы и синие или серые глаза. Люди из Нордхейма сходны с ними фигурой, но кожа у них более светлая, глаза голубые и волосы рыжие или белокурые. Пикты также остались тем типом людей, который всегда их характеризовал: невысокого роста, очень смуглые, черноглазые и черноволосые.

Гирканцы — смуглые люди и по большей части рослые и стройные, хотя постепенно в их среде появились люди приземистые, с миндалевидными глазами. Это случилось благодаря смешению со странным племенем умных, низкорослых туземцев, которые обитали в горах восточнее озера Вилайет и были покорены гирканцами во время их миграции на запад.

Шемиты чаще всего среднего роста, однако в тех случаях, когда преобладает стигийская кровь, могут быть огромны, широкоплечи, крепко сбиты, темноглазы, с иссиня-черными волосами и горбатыми носами.

Стигийцы высоки, темны, у них тонкие черты лица — то есть к этому типу относятся представители стигийской аристократии. Низшие касты произошли от смешения негроидной, стигийской, шемитской и даже хайборийской крови. Южнее Стигии находятся могущественные черные царства амазонок, кушитов, атлантов и гибриднос государство Зембабве.

Между Аквилонией и местом обитания дикарей-пиктов находится плодородная Боссонская низменность, где живут потомки туземной расы, которые к началу хайборийской миграции были покорены одним из племен хайборийцев. Этот смешанный народ никогда не достигал того уровня цивилизации, который характерен для чистокровных хайборийцев, и был отодвинут последними на самые окраины цивилизованного мира.

Боссонцы среднего телосложения, у них не очень смуглая кожа, карие или серые глаза. Они занимаются большей частью земледелием, живут в больших деревнях под защитой стен и считаются подданными Аквилонии. Их низ-

менная равнина простирается от внешнего королевства на севере до Зингары на юго-западе и образует нечто вроде буфера между Аквилонией и киммерийцами, а также и пиктами. Они отважные защитники, а столетия ведения войн против варваров севера и запада научили их обороне, которую не способно сломить ни одно прямое нападение.

Таким был мир во времена киммерийца Конана.

Легенды гласят, что самый могучий воин Хайборийской эры появился на свет прямо на поле битвы, и этим определилась вся дальнейшая его судьба. Дело вполне возможное, ибо киммерийские женщины владели оружием не хуже мужчин, и не исключено, что мать Конана, носившая его тогда под сердцем, устремилась вместе со всеми в бой, отражая нападение извечных врагов киммерийцев — злобных ванов. Но так или иначе, доподлинно известно, что все детство Конана в той или иной степени связано было с войнами, почти беспрестанно бушевавшими между киммерийскими кланами.

Унаследовав от отца, знаменитого кузнеца и ювелира, богатырскую стать, он участвовал в битвах с того самого момента, когда впервые сумел поднять меч. Ему не было и пятнадцати лет, когда объединившиеся племена киммерийцев разорили пограничный город Венариум, возведенный аквилонцами на исконно киммерийских землях. После штурма Венариума Конан жил еще некоторое время в родном краю, но затем попал в плен к гипербореям, бежал и, вместо того чтобы вернуться на родину, отправился на юг. На его пути оказался Аренджун — знаменитый заморийский Город Воров, где и началась его карьера профессионального вора и грабителя, длившаяся добрых несколько лет...

Башня Слона

1

Коптящие факелы бросали лишь хмурый свет в «Прожорливой глотке», где кутили, справляя свои ночные карнавалы, ворюги востока. В «Глотке» они могли шуметь и пьянствовать, сколько их душе угодно, ибо почтенные граждане избегали бывать в этом квартале, и ночные сторожа, подкупленные не совсем чистыми деньгами, не перегружали своим вниманием этот район. По узким, немощеным переулкам, мимо дурно пахнущих куч нечистот и вонючих луж бродили, качаясь, орущие, буянящие пьяницы. Сталь вспыхивала в тени, где был слышен пронзительный смех женщин, а кроме того, звон оружия и немного более тихий шум стычек. Свет пробивался из разбитых окон и широко распахнутых дверей. Запах перегара и потных тел сочился из этих дверей, звон кружек, стук кулаков по неструганным доскам столов и — как удары в лицо — разрозненные отрывки непристойных песен.

В одном из подобных кабаков было особенно оживленно. Сдавленный и пронзительный хохот гремел под низким, черным от копоти потолком. Здесь собирались висельники всех видов и родов в лохмотьях и обносках — но и в роскошнейших богатых одеяниях. Карманники с их ловкими пальцами кутили здесь, беспощадные похитители людей, искусные скалолазы — покорители фасадов зданий, хваткливые наемные убийцы со своими потаскушками, женщины, ярко раскрашенные дешевой косметикой, с пронзительными голосами. Отпетые жулики чувствовали себя здесь как дома и составляли большую часть публики — темноволосые, черноглазые заморийцы с кинжалом в рукаве и ложью в сердце. А кроме них — волки из полудюжины чужеземных стран,

и среди них огромный гипербореец, молчаливый, опасный, с могучим двуручным мечом на боку — ибо в «Прожорливой глотке» мужчины носили свое оружие открыто. Кроме того, был здесь фальшивомонетчик из Шема с горбатым носом и узенькой иссиня-черной бородкой. Косоглазая британская девка сидела на коленях гандера с светло-каштановыми волосами — он был из бродяжничающих наемников и сейчас находился в бессрочном отпуске, который взял у разбитой армии. И жирный висельник, чьи сальные шутки вызывали громовой хохот,— по профессии он был похитителем людей. Он явился из далекого Кофа, чтобы принести заморийцам (которые рождались с такой ловкостью в этого рода ремесле, какая ему и не снилась) искусство красть женщин. Этот человек оборвал описание красоты одной из намеченных жертв, чтобы сделать смачный глоток вина. Затем он обтер губы и произнес:

— Клянусь Бэлом, богом всех воров, я покажу вам, как надо красть женщин! Еще до рассвета я перетащу эту юную штучку через заморийскую границу, где ее уже поджидает караван. Три сотни серебряных обещал мне один офирский князь за прекрасную молодую британку из лучшего дома. Я целые недели потратил переодетым в лохмотья нищего, выглядывая в пограничных городах что-нибудь подходящее. Да, она и впрямь девчушка как с картинки! — Он причмокнул губами, отсылая воздушный поцелуй.— И я знаю высоких господ в Шеме, которые отдали бы за нее даже тайну Башни Слона,— пробормотал он напоследок, прежде чем снова обратиться к своему пиву.

Его подергали за рукав, и он повернул голову, помрачнев от того, что ему помешали. Рослый, крепко сложенный парень стоял возле него. В этом месте он казался таким же лишним, как волк среди вшивых крыс в сточной канаве. Дешевая куртка не скрывала крепкого торса, широких плеч, могучей груди, узких бедер и мускулистых рук. Лицо его загорело на солнце до черноты, синие глаза пылали. Густая грива черных нечесаных волос падала на высокий лоб. В кожаных ножнах на поясе он носил меч.

Кофиец непроизвольно отшатнулся назад, ибо парень не принадлежал ни к одной из известных ему цивилизованных рас.

— Ты говорил о Башне Слона,— сказал чужак на языке Заморы, однако с чужеземным акцентом.— Я много слыхал об этой башне. Что за тайна?

Поведение чужака не показалось кофийцу угрожающим, кроме того, мужество похитителя подогревалось обильно

потребленным пивом и вниманием его теперешних слушателей. Он весь надулся, дабы придать себе значимости.

— Тайна Башни Слона? — вскричал он.— Да ведь каждому болвану известно, что Яра, жрец, владелец могущественного колдовского камня, именуемого Сердцем Слона, живет там. В этом камне — тайна его колдовской силы.

Варвар коротко поразмыслил над этими словами.

— Видал я и башню,— сказал он.— Она стоит в большом саду над городом. Высокие стены окружают его, однако стражников я ни одного не заметил. Не так-то трудно будет взобраться на стену. Почему же никто еще не стащил этот таинственный камень?

С открытым ртом кофиец уставился на этого наивного чужеземца, затем разразился презрительным хохотом, который подхватили и остальные.

— Послушайте только этого дикаря! — громыхал он.— Он хочет спереть камешек Яры. Слушай, ты, парень,— сказал он и повернулся к молодому человеку.— Положим, ты, конечно, варвар, откуда-нибудь там с севера...

— Я киммериец,— заявил чужак не совсем дружески.

Ответ и тон мало что сказали кофийцу. Он происходил из королевства, лежащего далеко на юге, у шемских границ, и мало что знал о народах севера.

— Тогда навостри уши и немножко поучись! — сказал он и указал пивной кружкой на немного смущенного парня.— Знай же, что в Заморе и в первую очередь в этом городе живет больше искусных воров, чем где-либо в этом мире, больше даже, чем в самом Кофе. Если бы смертный человек мог украсть этот драгоценный камень, то, можешь быть уверен, он давно бы уже попал в чужие руки. Говоришь, простое дело вскарабкаться на стену, но едва ты успеешь туда забраться, как сразу об этом пожалеешь. Хорошая есть причина, коли сторожа по ночам не обходят этот сад, то есть сторожа-люди. Однако сторожевая комната внизу в башне всегда полна народу, и даже если тебе и удастся невредимым пройти мимо тех, кто ночью держит под наблюдением сад, не сводя с него глаз — или что там у них вместо глаз,— тебе придется с боем пробиваться через караулку мимо сторожей-людей, чтобы добраться до побрякушки, которая хранится где-то там, в башне, наверху.

— Но если кому-нибудь повезет пройти через сад, почему бы ему не попытаться добраться до камня через верхнюю часть башни? — возразил киммериец.— Этим он бы избежал встречи со стражниками.

И снова кофиец уставился на него, разинув рот.

— Нет, вы послушайте его! — крикнул он насмешливо.— Варвар у нас орел, который может взлететь над ограждением башни, усаженным драгоценными камнями!— Он снова бросил взгляд на киммерийца.— Да разве ты не знаешь, что эта башня пятьдесят и еще сто футов в высоту и ее круглые стены еще глаже, чем отполированное стекло?

Варвар с пылающим взором огляделся вокруг. Грохочущий смех, поднявшийся после издевательского замечания, немного смутил его. Сам он не видел никакого основания для веселья, и он был еще слишком неопытен для этого цивилизованного мира, чтобы понимать все его ухищрения. Цивилизованные люди скорее могли бы позволить себе быть невежливыми, чем дикарь, ибо им довольно трудно бывает представить себе опасность оказаться с раскроенным черепом за невежливые слова. Он был смущен и раздосадован и, без сомнения, отступил бы в смятении, не говоря ни слова, не продолжай кофиец его задирать.

— Иди-иди! Расскажи этим беднягам, которые чуть-чуть больше занимались своим воровским ремеслом, чем ты прожил лет, как ты собираешься добыть себе камушек!

— Всегда найдется путь, если мужество равно потребности,— раздраженно возразил киммериец.

Кофиец принял эти слова как личное оскорбление. Его лицо залилось краской.

— Что?! — взревел он.— Ты посмел обругать нас в глаза трусами? Убирайся! С глаз моих! — Он наградил Конана сильным тычком.

— Ты берешь на себя слишком много воли насмешничать надо мной. Да еще поднял на меня руку? — процедил варвар сквозь зубы. Он больше не мог обуздывать быстро возраставшую ярость. Он ответил на тычок ударом ладони, который сбросил насмешника на грубо выструганный стол. Пиво плеснуло через край кружки. Кофиец злобно зарычал и вытащил меч.

— Собака, дикарь! — загремел он.— За это я вырежу сердце из твоей груди!

Блеснула сталь. Сидящие вокруг поспешно бросились искать безопасное местечко. В спешке они опрокинули единственную горевшую в комнате свечу. Кабак погрузился в темноту. Треск опрокидываемых скамеек, топот ног, вопли и проклятия — вот что было слышно, а еще пыхтение обоих задир и наконец крик боли, пронзивший гвалт и сумятицу. Когда свечу снова запалили, оказалось, что большинство

гостей исчезли, сбежав через дверь и разбитое окно, остальные забрались под столы и за винные бочки. Варвар тоже покинул заведение. В центре комнаты лежал окровавленный труп кофийца. С безошибочным варварским инстинктом киммериец отыскал обидчика в темноте и, воспользовавшись всеобщей суматохой, прикончил.

2

Свет факелов и шумное веселье гуляк остались позади. Киммериец избавился от своей рваной куртки и теперь шагал сквозь ночь совершенно голый, если не считать набедренной повязки и высоких шнурованных сандалий. Он скользил с гибкостью тигра, его стальные мускулы играли под загорелой кожей.

Конан достиг той части города, что прилегала к храмам. Они поблескивали в свете звезд со своими мраморными снежно-белыми колоннами, золотыми куполами и серебряными арками порталов, эти ларцы бесчисленных загадочных божеств Заморы. Конан не слишком ломал себе над этим голову. Он знал, что религия Заморы, как и все прочее у народа, издавна изведавшего блага цивилизации, сложна и понять ее нелегко и что свое изначальное естество она давно затеряла в лабиринте обрядов и обычаев. Много часов провел он на открытых площадях, внимая увещеваниям теологов и учителей, и после этого запутался еще больше, чем прежде. Но в одном отныне он был убежден твердо: ни один из этих философов не пребывал в здравом рассудке.

Его родные боги были просты, и понять их было несложно. Кром был верховным среди них. Он жил на высокой горе, откуда насылал испытания и смерть. Бесполезно было молить о чем-либо Крома, ибо он был мрачным, диким богом и презирал трусов. Но мальчика при рождении он наделил мужеством, волей и силой убивать врагов. Это было, по воззрениям варваров, все, чего следовало ожидать от бога.

Сандалии Конана не издавали ни малейшего шума, ступая по блестящим камням мостовой. Ни одного стражника не было видно, ибо даже воры из «Прожорливой глотки» избегали храмов, где — как кругом болтают — всякого, кто вступал в них с нечистыми намерениями, ждала ужасная судьба. Впереди Конан видел Башню Слона, устремлявшуюся к небу. Он спрашивал себя, откуда она получила свое

имя. Никто этого, казалось, не знал. Сам он еще никогда не видел слона, однако знал по рассказам, если только правильно понял, что это чудовищно огромный зверь с одним хвостом спереди и одним сзади. Во всяком случае, так объяснял ему путешественник-шемит и притом клялся, что тысячами видел таких зверюг в стране гирканцев. Но нужно, конечно, еще не упускать из виду, что все шемиты большие любители соврать. В Заморе, по крайней мере, никаких слонов не водилось.

Холодно поблескивая, башня, казалось, хотела схватить звезды. В солнечном свете она так ослепляла, что только немногие переносили прямой взгляд на нее. Шептали, что она целиком построена из серебра. Она имела форму цилиндра, была высотой в сто пятьдесят футов, и драгоценные камни мерцали в свете звезд — они были густо утыканы в верхний край или в заграждение, что опоясывало башню. Башня стояла посреди сада, раскинутого высоко над городом, и легкий ветерок раскачивал ветви чужеземных деревьев. Могучая стена окружала сад, и с внешней стороны стены вокруг находилась низкая, не очень широкая полоска земли, которая также была отгорожена стеной. Ни один луч света не вырывался из башни. Она явно не имела оконных отверстий, по меньшей мере, их не было над внутренней стеной. Только сверкающие камни высоко наверху разбрасывали холодное сияние.

Под нижней внешней стеной рос густой кустарник. Киммериец проскользнул поближе и остановился, чтобы получше разглядеть всю картину. Хотя стена была довольна высока, одним прыжком он наверняка мог бы достичь края стены и уцепиться пальцами, а дальше оставались детские игрушки — подтянуться и перебраться через нее. Он не сомневался, что и внешнюю стену может одолеть подобным же образом. Но он заколебался при мысли о неизведанных жутких опасностях, которые, как он предполагал, подкарауливают его в саду. Здешние люди казались ему чуждыми и полными загадок. Они были совсем другого рода, чем киммериец, они были даже не той крови, что более западные народы — бритунцы, немедийцы, кофийцы и аквилонцы, о тайнах цивилизации которых он уже многократно был наслышан. Люди в Заморе произошли от старой, очень старой цивилизации, и, насколько он успел с ними познакомиться, они казались ему до основания испорченными и развращенными.

Он подумал о Яре, верховном жреце, который плел свое темное чародейство в башне из драгоценных каменьев. Во-

лосы киммерийца поднялись дыбом, когда на ум ему пришла одна история, выболтанная придворным пажом в изрядном подпитии, как Яра засмеялся в лицо одному мирно настроенному принцу и преподнес ему пылающий демонский драгоценный камень. Ослепляющие лучи вырвались из этого страшного камня и окутали принца. С криком опустился тот на пол и обуглился, превратившись в черный комок, который в конце концов обернулся пауком и принялся торопливо шнырять по покою, пока Яра не раздавил его подошвой.

Не часто покидал Яра свою колдовскую башню, а когда делал это, то явно только для того, чтобы ввергнуть в несчастье какого-нибудь человека и даже целый народ своей черной магией. Король Заморы боялся его пуще смерти. Он был постоянно пьян, ибо не мог смиренно переносить этот чудовищный страх. Яра был очень стар — поговаривали, будто он живет несчетные столетия и будет жить вечность, и все это с помощью магии камня, повсеместно именуемого Сердцем Слона, по той же причине, по какой высокое строение получило имя Башни Слона.

Погруженный в мысли такого рода, киммериец поспешно прижался к стене, когда уловил размеренные шаги в саду. Вместе с шагами он уловил также слабое позвякивание металла. Так что все-таки хотя бы один стражник ходит вокруг сада. Варвар ждал, пока тот не вернется, закончив обход, но опустилась ничем не прерываемая тишина.

Наконец любопытство пересилило. Киммериец подскочил, ухватился за край стены и подтянулся на одной руке. Затем плашмя лег на стену и посмотрел вниз, на полоску земли между обеими стенами. Тут не росло никаких кустов, только непосредственно перед внутренней стеной он увидел несколько заботливо подстриженных кустиков. Звездный свет падал на ухоженные газоны. Где-то плескал фонтан.

Конан осторожно спустился. Он вытащил меч из ножен и огляделся. Беспокойство дикаря, который стоит незащищенным под ярким светом звезд, наполняло его, и поэтому он быстро пробрался в тень стены за поворот, пока не оказался рядом с теми кустами, что приметил прежде. Ловкими, быстрыми шагами он пробежал, низко пригнувшись к ним, и почти что споткнулся о нечто лежавшее, скорчившись, возле кустов.

Быстрый взгляд в обе стороны — по меньшей мере в пределах видимости не имелось ни одного врага. Конан накло-

нился над фигурой. Острые глаза разглядели в свете звезд крепко сбитого мужчину в серебристом доспехе и шлеме с гребнем заморийской королевской гвардии. Щит и пика лежали рядом с ним. Конан установил, что воин был задушен. Варвар беспокойно огляделся по сторонам. Ему стало ясно, что это был тот стражник, шаги которого он слышал с той стороны стены. Прошло всего немного времени, и тем не менее неизвестная рука схватила из темноты воина за горло и лишила его жизни.

Напряженные глаза Конана внезапно уловили движение в кустах подле стены. Держа ладонь на рукояти меча, он прокрался туда. При этом он издавал шума не больше, чем пантера, скользящая в ночи. Тем не менее человек, на которого Конан хотел напасть внезапно, услышал его. Киммериец увидел на стене могучую тень и почувствовал облегчение — тень имела человеческие очертания. Незнакомец резко развернулся с хриплым выдохом, в котором был страх, и явно хотел наброситься на своего противника. Но, когда свет звезд отразился от Конанова клинка, он вновь отшатнулся. Прошло напряженное мгновение ожидания — каждый выжидал, что будет делать второй, оба готовые немедленно перейти к обороне.

— Ты не воин,— прошипел наконец незнакомец.— Ты вор, как и я.

— А кто ты? — недоверчиво спросил киммериец.

— Таурус из Немедии.

Киммериец опустил меч.

— Я наслышан о тебе. Тебя называют королем воров.

Тихий смешок послужил ответом. Таурус был ростом с киммерийца, но тяжелее. Он был довольно-таки толст и обладал большим брюхом, однако каждое его движение выдавало невероятную ловкость и стальную силу. Его острые глаза оживленно блестели в свете звезд. Он был бос и имел при себе свернутую веревку, тонкую, но прочную, с узлами на равных расстояниях.

— А ты кто? — прошептал он.

— Конан из Киммерии,— ответил варвар.— Я хочу отыскать дорогу к драгоценности Яры, которую именуют еще Сердцем Слона.

Конан почувствовал, как толстое брюхо заколыхалось от смеха, но в этом хохоте не было издевки.

— Клянусь Бэлом, богом всех воров! — прошипел Таурус.— Я полагал, что, кроме меня, ни в ком не достанет мужества отважиться на *такое*. Эти заморийцы называют

себя ворами — фу! Конан, мне нравится твоя наглость. Еще никогда и никому я не позволял выходить со мной вместе на охоту, но, клянусь Бэлом, если тебе хочется, попробуем вместе проделать это приключение.

— Так ты здесь тоже в погоне за камнем?

— А ты что думал? Месяц я потратил на разработку плана. А ты, как я думаю, действуешь под влиянием секундного порыва, я прав?

— Да,— пробурчал Конан.— Это ты убил воина?

— Разумеется. Я перелез через стену, когда он патрулировал другую сторону сада. Спрятался в кустиках. Он услышал меня или, по крайней мере, ему почудилось, что он что-то слышит. Когда он пробегал мимо, было совсем не трудно прыгнуть на него со спины и перекрыть ему воздух. Как и большинство людей, он в темноте наполовину слеп. Хороший вор должен иметь глаза, как у кошки.

— Ты допустил ошибку,— сказал Конан.

Глаза Тауруса зло блеснули.

— Я? Ошибку? Не может быть!

— Ты должен был оттащить труп в кусты...

— ...сказал подмастерье мастеру. Смена караула только в полночь. Если бы кто-нибудь начал его искать и обнаружил труп, он побежал бы прямой дорожкой к Яре, чтобы поднять тревогу. Между тем у нас было бы довольно времени, чтобы унести отсюда ноги. А вот если бы они его не нашли, они обыскали бы каждый куст и загнали нас в ловушку, как крыс.

— Ты прав,— признал Конан.

— Так что теперь слушай. Мы только транжирим время с этой проклятой болтовней. Во внутреннем саду нет стражников — я хочу сказать, людей. Но в любом случае там бродят твари, которые куда смертоноснее. Их присутствие заставило меня ломать себе голову долгое время, но под конец я нашел способ устранить их.

— А что воины внизу, под башней?

— Старик Яра гнездится наверху. Туда мы попадем и назад тоже вернемся, я надеюсь. Не спрашивай меня сейчас как! Я подумал и позаботился только об одной возможности. Мы заберемся сверху и оттуда свалимся на колдуна и придушим его, прежде чем он успеет положить нас одним из своих проклятых чародейств. То есть мы попытаемся это сделать. Либо мы окончим свои дни в обличии пауков и жаб, которых он раздавит сапогом, либо огромная власть и необъятное богатство — наши. Все хорошие воры должны идти на риск.

— Я готов к этому,— заявил Конан и стряхнул с ног сандалии.

— Тогда за мной!

Таурус повернулся, прыгнул, схватился за край стены и подтянулся наверх. Подвижность этого человека была неправдоподобной, если только подумать о его сложении. Со стороны это выглядело так, словно он почти взлетел на вершину стены. Конан последовал за ним и распростерся рядом. Они объяснялись только еле слышным шепотом.

— Я не вижу огней,— пробормотал Конан.

Нижняя часть башни не отличалась по виду от верхней половины, той, что была видна снаружи стены,— гладкий, блестящий цилиндр и никаких отверстий.

— Имеются окна и двери, очень искусно скрытые в стене,— тихо объяснил ему Таурус,— однако они закрыты. Воины дышат воздухом, который поступает сверху.

Сад был морем смутных теней, кустарники и низкие деревья с длинными ветвями тихо колебались внизу. Конан ощущал, как снизу исходит подстерегающая их угроза, ловил на себе пылающий взор невидимых глаз, и его ноздрей касался слабый запах, от которого у него тотчас же поднялись волоски на затылке. Он непроизвольно заскрежетал зубами, как охотничья собака, поймавшая запах отвратительного врага.

— За мной! — выдохнул Таурус.— Находись постоянно за мной, если тебе дорога твоя жизнь!

Прежде чем легко спрыгнуть в траву внутреннего сада, Таурус достал из-за пояса нечто, что выглядело как медная трубка. Конан приземлился рядом с ним, держа меч наготове. Таурус тесно прижал его к стене и не двигался, только сделал шажок вперед. Его поведение выдавало напряженное ожидание, и его взгляд, как и взгляд Конана, был направлен на тонущий в тени кустарник, находившийся на удалении в несколько шагов. Внезапно он заколебался, хотя не было ни дуновения ветерка. И вот уже блеснули между подвижных теней два больших глаза, а за ними в темноте еще и еще.

— Львы! — пробормотал Конан.

— Правильно. Днем их держат в подвальных помещениях под башней. Поэтому-то ни одного человека в этом саду и нет.

Конан быстро пересчитал глаза.

— Я вижу пять, однако, вероятно, в кустах еще несколько. Они могут напасть каждый миг.

— Тихо! — прошипел Таурус. Осторожным движением он отделился от стены, точно ступал по сырым яйцам, и поднял тонкую медную трубку. Конан чуял поблизости огромные слюнявые пасти (хотя не мог их видеть) и хвосты с кисточками, беспокойно хлещущие по светлым бокам. В воздухе сгущалось напряжение. Киммериец покрепче ухватился за рукоять меча. Каждое мгновение он ожидал атаки огромных сильных тел. Тут Таурус поднял к губам медную трубочку и сильно выдохнул. Желтый порошок дождем брызнул из нижнего отверстия трубки и быстро разделился на густые желто-зеленые облачка, которые опустились на кустарник и скрыли из виду сверкающие глаза.

Поспешно примчался Таурус назад, к стене. Конан, ничего не понимая, воззрился на кусты. Плотное облако полностью окутало их. Ни единого, ни малейшего шороха не доносилось оттуда.

— Что это еще за пыль? — тревожно спросил киммериец.

— Смерть! — шепнул немедиец.— Если поднимется ветер и подует в нашу сторону, нам нужно будет немедленно перепрыгивать через стену. Но нет, еще безветрие, а облако скоро рассеется. Нам нужно всего лишь переждать, пока оно исчезнет окончательно. Вдохнуть его — верная гибель.

Вскоре только несколько желтоватых теней, как призраки, колебались в воздухе. Наконец рассеялись и они, и Таурус сделал знак своему спутнику следовать за ним. Они проскользнули к кустам. Конан громко втянул в себя воздух. Пять могучих тел неподвижно лежали в тени, огонь свирепых глаз потух навсегда. Сладковатый, одурманивающий аромат еще висел в воздухе.

— Они погибли, не издав ни малейшего звука! — проговорил киммериец, пораженный.— Таурус, что за порошок такой?

— Это измельченные цветки черного лотоса, произрастающего только в непроходимых джунглях Кхитая, где живут лишь бритоголовые желтолицые жрецы Юуна. Запах этих цветков смертелен.

Киммериец опустился на колени возле сильных животных, чтобы удостовериться, что они в действительности более не в состоянии причинить кому-либо зло. Он потряс головой. Магия чужеземных стран была для варвара с севера жуткой и непонятной.

— Почему бы не убрать воинов из башни точно таким же способом? — спросил он.

— Потому что это был весь порошок, какой я сумел раздобыть. Даже эту малость получить в руки было деяни-

ем, достойным величайшего вора всех времен и народов. Я стянул его из одного каравана, направляющегося в Стигию. Он лежал в золотом мешочке между колец свернувшейся огромной змеи, которая должна была охранять его, и не разбудил ее. Но идем же, во имя Бэла! Или мы всю ночь будем только языком молоть?

Они пробрались сквозь кустарник к блестящему подножию башни, и тут Таурус, сохраняя молчание, развернул свою веревку с узлами, на одном конце которой имелся крепкий железный крюк. Конан сообразил, что тот намеревался предпринять, и не задал ни одного вопроса, когда немедиец взял веревку под крюком и раскрутил его над головой. Киммериец прижался ухом к гладкой стене, чтобы прислушаться, однако ничего не уловил. Воины в караулке явно даже не набредали на мысль, что в саду могут находиться взломщики. Немедиец тоже не слышал больше никаких шорохов, кроме ночного ветерка, который легонько поигрывал ветвями деревьев и кустов. Но внутреннее беспокойство охватило варвара. Быть может, вездесущий запах львов был тому виной.

Таурус без всяких видимых усилий зашвырнул веревку в высоту. Крюк взлетел, описав странное вращающееся движение, и исчез за краем башни, усыпанным драгоценностями. Он явно прочно зацепился там, поскольку не поддался ни при осторожном, ни при сильном рывке веревки и держался надежно.

— Повезло с первого раза,— возликовал Таурус,— я...

Варварский инстинкт внезапно подбросил Конана и заставил его вихрем обернуться назад. Он ничего не слышал, ибо смерть приблизилась к ним совершенно беззвучно. Один взгляд — и киммериец бегло заметил огромное желто-коричневое тело, вырисовывающееся на фоне звезд и уже приготовившееся к смертельному броску. Ни один человек, выросший в неге цивилизации, не смог бы отреагировать так быстро, как варвар. Меч сверкнул, как ледяной кристалл в свете звезд, и всю отчаянную силу могучих мышц вложил Конан в удар. И вот уже человек и зверь сплелись на земле.

Яростно, однако почти беззвучно ругаясь, Таурус нагнулся над телами дерущихся и увидел, что его спутник пытается высвободиться из-под чудовищной туши, бессильно навалившейся на него. Второй взгляд — удивленный — и немедиец обнаружил, что лев мертв, голова его рассечена. Он схватил труп, и совместными с варваром усилиями ему

удалось откатить льва в сторону и освободить киммерийца. Конан поднялся на ноги. Меч, с которого еще стекала кровь, он крепко сжимал в руке.

— Ты ранен? — хрипло спросил Таурус, все еще потрясенный быстротой, с которой разыгралась эта неожиданная битва.

— Нет, клянусь Кромом! — заверил его варвар.— Но я редко бывал так близко к смерти. Почему же проклятая бестия не зарычала, прежде чем напасть?

— В этом саду все необычно,— проворчал Таурус.— Львы наносят удар безмолвно — как и все в этом месте, полном призраков. Ну, идем же теперь! Битва не была совершенно бесшумной. Воины могли что-нибудь все же услышать, если они не дрыхнут или не напились. Эта тварь, должно быть, бродила в другой части сада и таким образом избежала смерти от яда. Но других львов здесь нет, не сомневаюсь. Нам нужно теперь забраться наверх как можно быстрее — и я, разумеется, только зря израсходую дыхание речи, если стану спрашивать киммерийца, умеет ли он лазать по скалам.

— Если веревка выдержит мой вес,— проворчал Конан и вытер меч о траву.

— Выдерживает три моих,— ответил Таурус.— Она сплетена из волос мертвых женщин, чьи косы я выкрадывал из гробниц в час полуночи. А чтобы придать ей еще больше крепости, я окунул ее в смертельное молоко дерева анчар. Я залезу первым, следуй за мной, не отставая.

Немедиец схватился за веревку и обвил ее ногой. Как кошка, вскарабкался он наверх, заставив в очередной раз забыть тучность своего массивного торса. Киммериец последовал за ним. Веревка раскачивалась и крутилась, но это не мешало двоим ворам, оба они уже имели за спиной куда более сложные опыты успешного покорения отвесных скал и стен. Усеянный драгоценностями край башни сверкал высоко над ними. Он немного выдавался в стороны над отвесными стенами, так что веревка свисала с него на расстоянии примерно фута от стены, что значительно облегчало восхождение.

Все выше и выше забирались они, так бесшумно, как это только было возможно. Огни города все шире расстилались перед их взором, и звезды казались тусклыми под блеском драгоценностей на парапете крыши. Таурус уже добрался до них, подтянулся и перелез через парапет. Конан немного задержался, он был захвачен зрелищем огромных драгоценных камней, сверканье которых остро резало ему

глаза. То были бриллианты, рубины, смарагды, сапфиры, бирюза, лунные камни, и все они плотно сидели рядом друг с другом в мерцающем серебре. Издалека многоцветные огни сливались в одно пульсирующее белое пыланне, но теперь, вблизи, они блистали всеми оттенками и цветами радуги и почти приковали своим блеском.

— Да здесь сказочное богатство, Таурус! — задохнулся Конан, но немедиец подтолкнул его:

— Давай быстрей! Если мы заберем себе Сердце, все остальное тоже будет нашим.

Конан перелез через сверкающее ограждение. Крыша башни находилась на несколько футов под парапетом. Она была плоской и сделанной из темно-синего, выложенного золотом материала. Свет звезд отражался от нее, так что в целом она была похожа на гигантский сапфир, осыпанный золотой пыльцой. Почти напротив того места, где они забрались через парапет, находилась своего рода будочка, или каморка, выстроенная прямо на крыше. Она была сделана из того же серебристого материала, что и стены башни, и вся сплошь усеяна маленькими драгоценными камнями, образующими разнообразные узоры. Дверь была золотая, покрытая орнаментом в виде чешуи и осколками драгоценностей, которые сверкали, как лед.

Конан бросил взгляд на переливающееся море огней далеко внизу, а потом взглянул на Тауруса. Немедиец втянул наверх свою веревку и смотал ее в бухту. Он указал варвару место, где зацепился крюк,— опору нашло только острие «кошки» пониже огромного, светящегося драгоценного камня на внутренней стороне ограждения.

— Нам опять повезло,— пробормотал он.— Вполне могло случиться так, что наш общий вес мог вырвать камень из опоры. Ну, за мной, настоящие трудности начинаются только сейчас. Мы с тобой в логове змеи и еще не знаем, где она сама.

Как тигры на охоте, они двинулись по темному полу и остановились перед сверкающей дверцей. Таурус осторожно попытался ее отворить. Она подалась без сопротивления. Оба вора напряженно всматривались, готовые ко всему. Через плечо немедийца Конан осматривался. Стены, потолок, пол были усыпаны большими белыми драгоценными камнями, которые, казалось, изливали огонь и освещали весь покой ярким светом. Ни одного живого существа здесь не было.

— Прежде чем мы вторгнемся в логово змеи, нам нужно, вероятно, еще удостовериться, как там дела внизу.

Глянь-ка через ограждение во все стороны. Если увидишь в саду воинов или вообще что-нибудь подозрительное, тотчас дай мне знать! Я подожду тебя здесь, в этом покое.

Конан счел эту меру предосторожности излишней, и в его настороженной душе проснулось легкое подозрение относительно его спутника, однако он сделал то, что приказал Таурус. Когда он отвернулся, немедиец заскочил в комнатку и притворил за собой дверцу. Конан совершил осторожный обход вокруг ограждения, не заметив в глубине сада под башней, в колышущемся море листьев, ни малейшего подозрительного движения. Он возвратился к дверце — и внезапно из глубины комнатки донесся придушенный крик.

Киммериец испуганно сделал большой прыжок к дверце, когда она распахнулась и оттуда, озаренный холодным мерцанием, вывалился Таурус. Он шатался, раскрывал рот, но лишь сухое шипение вырывалось из его горла. Пытаясь найти опору, он хватался за золотую дверцу, зашатался, споткнулся и во весь рост рухнул на пол, прижимая ладони к горлу. Дверца сама собой закрылась за ним.

Конан, пригнувшийся, словно пантера, в тот мимолетный миг, пока дверь была открыта, не увидел в помещении за спиной насмерть пораженного немедийца ничего подозрительного — разве что тень, мелькнувшую по гладкому полу. Но это мог быть просто обман зрения. Ничто не выскочило на крышу из комнатки, преследуя немедийца. Конан склонился над лежащим.

Широко раскрытыми, остекленевшими глазами, которые казались неверящими и смятенными, уставился Таурус в высоту. Его пальцы впились в горло, он издавал невнятные булькающие звуки. И вдруг замер. Пораженный киммериец тут же понял, что Таурус мертв, и у него появилось чувство, что Таурус так и умер, даже не поняв до конца, какая же смерть его постигла, какая гибель дотянулась до него когтями из темноты. Конан растерянно уставился на золотую дверцу, скрывающую столь ужасную тайну. В пустом помещении за ней, среди мерцающих стен, усыпанных самоцветами, смерть так скоро и так загадочно одолела короля воров, как это случилось в саду со львами.

Варвар задумчиво потрогал полуобнаженный труп в поисках ранений. Но единственным следом внешнего воздействия были три крошечные ранки на могучем затылке — они выглядели так, словно три иголки глубоко вонзились в кожу и тут же быстро были выдернуты обратно. Едва заметные края ранок почернели, и от них исходил слабый запах

тления. «Отравленные метательные иглы? — размышлял Конан.— Но тогда снаряды остались бы в ране».

Осторожно скользнул Конан к золотой дверце, толкнул ее и заглянул в комнатку. Она была пуста. Единственное, что казалось там живым, были светящиеся драгоценные камни, освещавшие ее. В центре потолка взгляд Конана скользнул по удивительному орнаменту. Он был восьмиугольным, черным, и в центре узора четыре самоцвета горели красным огнем, совершенно иначе, чем белое сияние камней вокруг. На противоположной стороне находилась еще одна дверь, похожая на ту, возле которой стоял Конан, но без узора в виде чешуи. Пришла ли смерть оттуда и ушла ли обратно за эту дверь, после того как нанесла удар?

Конан закрыл за собой дверь и вошел в комнату. Его босые ступни не издавали ни единого шороха на хрустальном полу. Здесь не имелось ни стульев, ни столов, только четыре дивана, шелковая обшивка которых была заткана золотыми нитями, сплетающимися в странный узор в виде змей. Кроме того, имелись обитые серебром сундуки из красного дерева. Некоторые были снабжены тяжелыми золотыми замками, резные крышки других были откинуты, выставляя напоказ хранившиеся в них сокровища — драгоценные камни всех родов, смешанные и навалснные кучей.

Конан беззвучно выругался. В эту ночь его удивленному взору предстало богатств больше, чем он предполагал найти во всем мире. Он был готов вспорхнуть при мысли о том, какой же ценности окажется тот драгоценный камень, за которым он охотился.

Теперь Конан находился в центре комнаты и, пригнувшись, двигался дальше, настороженно вытянув вперед меч, когда второй раз за эту ночь бесшумная смерть набросилась на свою жертву. Пролетевшая тень, скользнувшая над блестящим полом, была единственным предупреждением, и только инстинктивный прыжок в сторону спас Конану жизнь. Он мимоходом увидел волосатое черное создание, словно вышедшее из кошмарного сна, пролетевшее над ним с лязганьем ядовитых зубов. Что-то капнуло на обнаженные плечи, и кожа будто бы вспыхнула адским пламенем. Высоко подняв меч, Конан отскочил назад и увидел, что чудовище приземлилось на пол, повернулось и с пугающей ловкостью приближается к нему. Это был гигантский черный паук, какой мог привидеться только в кошмарном сне.

Он был размером со взрослую свинью, и восемь жирных волосатых ног несли бесформенное туловище над полом с

поразительной быстротой. Четыре злобно сверкающих глаза горели чужеродным рассудком, на клыках поблескивали капли — должно быть, смертельный яд; он уже оставил свой след, когда бестия промахнулась и только капнула на плечи киммерийца, горевшие теперь болью. Вот, стало быть, какова смерть, обрушившаяся на немедийца из своего гнездовья на потолке. Какие же они были глупцы, раз не подумали, что верхние помещения будут охраняться так же тщательно, как и нижние!

Эти мысли пронеслись в голове Конана, когда чудовище снова прыгнуло на него. На этот раз он высоко подскочил, и паук пролетел у него под ногами. Но он мгновенно развернулся, готовясь к новой атаке. Конан бросился в сторону и нанес удар, как кошка. Меч перерубил одну из лап, и вновь киммериец лишь на волосок избежал смерти, когда чудовище повернулось и зубы его громко лязгнули. Однако теперь бестия больше не гонялась за киммерийцем. Она пробежала по хрустальному полу и помчалась по стене к потолку, наверх. Там она съежилась, и красные глаза злобно засверкали. Затем без предупреждения она пролетела по воздуху и протянула за собой толстую серую нить. Конан уклонился от неуклюжего тела и успел еще пригнуться как раз вовремя, чтобы не коснуться паутины. Он понял, что собирается делать чудовище, и прыгнул к двери, но паук оказался проворнее. Он метнул липкую нить к двери и отрезал Конану путь к отступлению. Конан не осмеливался разрубить паука мечом, поскольку не сомневался, что клинок застрянет в теле чудовища и, прежде чем человек успеет его освободить, зверюга вонзит ему в кожу свои зубы.

Началась отчаянная игра, где демонской ловкости и изворотливости паука противостояли разум и реакция человека. Бестия больше не бегала по полу и не предпринимала прямых атак, не носилась она больше и по воздуху, нет, она принялась метаться по потолку и стенам, стараясь поймать свою жертву клейкими серыми нитями, которые паук выбрасывал с чудовищной меткостью. Эти нити были толщиной с корабельные тросы. Конану было ясно, что, как только они коснутся его в первый раз, всей его силищи не хватит, чтобы освободиться до того, как чудовище нанесет удар.

Если не считать прерывистого дыхания человека, легкого шуршания босых ног по отполированному полу и непрерывного клацанья зубов чудовища, смертельный танец разворачивался в совершенной тишине. Серые нити, свернув-

шись, валялись на полу, свисали петлями со стен, тянулись над ларцами с сокровищами и шелковыми диванами, болтались гирляндами с утыканного самоцветами потолка. Благодаря острым глазам и врожденной ловкости Конан до сих пор ухитрялся уворачиваться от паутины, хотя липкие нити не раз пролетали совсем близко от него. Он знал, что долго ему не продержаться. Ему приходилось постоянно помнить о тех, что свисали с потолка, и о тех, что лежали букетами на полу. Рано или поздно одна из этих веревок змеей захлестнет его, и он, беспомощный, спеленутый, как мумия, будет преподнесен чудовищу на блюдечке.

Паучина промчался по полу комнатки и протянул за собой серую нить. Конан перескочил через диван. Нечисть тут же развернулась и понеслась вверх по стене. Нить извивалась за насекомым и билась, рассекая воздух, точно живое существо, и задела щиколотку Конана. Киммериец схватился за петлю, отчаянно дергая ее, и тут же приклеился ладонями. Веревка держала его эластичными тисками, словно превратившись в пиявку. Волосатое отродье демона снова сбежало по стене вниз, готовое обрушиться на пойманную добычу. В своем отчаянии варвар изо всех сил ухватился за ларь с сокровищами и бросил его в паука. Необычный метательный снаряд придавил туловище паука к стене. Послышался отвратительный треск. Брызнули кровь и зеленоватая слизь, и размозженное тело вместе с разбитым в щепы сундуком повалилось на пол. Сверкающие драгоценности, переливающиеся всеми красками, лежали вместе с раздавленным черным туловом. Волосатые лапы еще судорожно подергивались среди изысканнейшей роскоши, и умирающие глазки пылали багрянцем среди блеска рубинов.

Конан огляделся, но никаких кошмарных тварей больше не показывалось. Так что он принялся без помех освобождаться от липких нитей, упорно цеплявшихся за его руки и щиколотки. Наконец он был свободен. Конан поднял меч и осторожно стал пробираться к двери среди серых петель и свернувшихся паутинных нитей, лежащих на полу. Какие ужасы ожидали его за второй дверцей — об этом он даже подозревать не мог. Горячая кровь бежала по его жилам. Он зашел так далеко, он столько препятствий преодолел, что теперь и помыслить не хотел об отступлении. Это приключение он доведет до страшного финала и отыщет могущественный драгоценный камень. Он был уверен в том, что среди самоцветов этой комнатки Сердца Слона не было.

Он убрал от внутренней дверцы липкие нити и установил, что и этот вход — куда бы он ни вел — тоже не заперт.

Конан задавался вопросом, заметили ли воины его вторжение. Ну, теперь он находится высоко над их головами, и если правда то, что рассказывают, так они давно привыкли к жутким звукам, доносящимся сверху.

Теперь его занимали мысли о Яре, и он шкурой ощущал себя не особенно хорошо, когда открывал вторую золотую дверь. Но увидел лишь ведущую вниз серебряную лестницу, освещенную чем-то таким, чего он не мог разглядеть. Крепко сжимая меч, Конан осторожно стал спускаться по ступенькам. Не услышав ни единого звука, он добрался наконец до двери из резной слоновой кости, инкрустированной кровавиком. Он прижался ухом, однако оттуда не доносилось ни шороха. Но примечательные тонкие облачка курений тихо струились из-под нижнего края двери. Странный аромат источали они — Конанов нос никогда прежде не вдыхал ничего подобного. Серебряная лестница уводила дальше в глубину и исчезала во мраке. И снизу не доносилось ни малейшего звука. У Конана возникло неприятное чувство — будто в этой башне, где гнездятся привидения и ужасы, он единственный живой человек.

3

Осторожно надавил Конан на дверь из слоновой кости. Она беззвучно подалась внутрь. Как воин на чужой территории, готовый к немедленному бою или немедленному бегству, стоял Конан на переливающемся пороге. Перед ним расстилался огромный золотой покой со сводчатым потолком и стенами из зеленого жадеита. Пол был выложен слоновой костью и местами укрыт толстыми коврами. Из курильницы, стоящей на золотом треножнике, поднимался пахучий дым, а за ним на своего рода мраморном ложе покоился идол. Широко раскрытыми глазами рассматривал его Конан. Зеленое создание имело туловище обнаженного мужчины, но голова... такая голова могла возникнуть только в поврежденном рассудке художника. Для человеческого тела она была чересчур велика и не имела в себе вообще ничего человеческого. Конан уставился на широкие, морщинистые уши, изогнутый хобот, длинные белые бивни справа и слева от него, острия которых были упрятаны в золотые шары. Глаза идола были закрыты, точно во сне.

Стало быть, этот идол и был причиной тому, что строение прозывали Башней Слона, ибо голова этого... созда-

ния выглядела в точности так, как расписывал слоновью внешность Конану бродяга-шемит. Это вот и был божок Яры, и драгоценная побрякушка наверняка находится здесь же, спрятанная на идоле либо внутри него, иначе почему бы тогда называть его Сердцем Слона?

Но когда Конан, не сводя взора со статуи, осторожно шагнул к ней, она внезапно раскрыла глаза!

Киммериец оцепенел.

Так это не изображение! Это живое существо, и он, Конан, угодил прямехонько к нему в ловушку!

Сковавший его ужас был виной тому, что он не обрушил на эту тварь в тот же миг свой клинок. Человек цивилизованный в его положении начал бы искать сомнительного прибежища в мысли, что он повредился в уме. Однако Конан никогда не набрел бы на такую идею — не доверять своему рассудку. Он знал, что здесь ему предстал демон Древнего Мира, и это осознание наполняло его таким ужасом, что он только и мог, что стоять и неподвижно смотреть на это существо.

Хобот поднялся и пошарил вокруг себя. Топазовые глазки, не видя, уставились в пустоту. Как только Конан сообразил, что существо слепо, оцепенение отпустило его, и он принялся тихонько пятиться к двери. Однако существо со слоновой головой явно обладало отличным слухом. Хобот вытянулся в сторону Конана. И вновь ужас сковал киммерийца. Но тут создание заговорило странно звенящим, лепечущим голосом, на ровной ноте, без единой интонации. Возможно, подумал варвар, причиной тому его пасть, не приспособленная для человеческой речи.

— Кто ты? Ты вновь пришел терзать меня, Яра? Неужто не будет предела твоей алчности? О Иаг-коша, неужто нет конца моим мучениям?

Слезы покатились из слепых очей. Конан бросил взгляд на тело, простертое на мраморном ложе. И тут он разглядел, что это ужасное существо совершенно не может встать, чтобы напасть на него. Он увидел шрамы, оставленные, должно быть, пыточными тисками и раскаленным железом. Каким бы черствым человеком ни был варвар, его потрясли эти чудовищные обрубки рук и ног, которые, как подсказывал ему инстинкт, когда-то были такими же совершенными, как его собственные молодые руки и ноги. И внезапно глубочайшее сострадание подавило и его ужас, и все его прежнее отвращение. Что это было за создание, Конан не знал, однако свидетельства страда-

ния, которое тому пришлось вытерпеть, были столь чудовищны и впечатляющи, что у киммерийца — непостижимо для него самого — сжалось сердце. Он ощутил космическую трагедию и содрогнулся от стыда, точно на его плечи взвалили бремя вины целой расы.

— Не Яра я вовсе,— сказал он.— Я всего лишь вор. Я ничего не сделаю тебе.

— Подойди ко мне, дабы мог я прикоснуться к тебе,— запинаясь, попросило существо. И Конан без всякого страха приблизился, позабыв о мече в своей руке. Чуткий хобот вновь простерся к нему и осторожно ощупал лицо и плечи киммерийца, как это делают слепцы, желая составить для себя картину, и прикосновение было нежным, точно у любящей женщины.

— Ты не демонской расы, как Яра,— пробормотало существо.— Чистая дикость пустынных земель слепила тебя. В былые века знавал я народ твой, но имя иное тогда он носил, нежели ныне, и из забытых древних времен воспоминание это, когда иным был лик мира и башни, исполненные роскоши, устремлялись в небо. Кровь на руках твоих.

— После сражения с пауком в клетушке наверху и со львом внизу, в саду,— отозвался варвар.

— Но в эту ночь убил ты и человека,— сказало существо с головой слона.— И чую смерть я на вершине башни. Я чую, ведомо мне.

— Да,— прошептал Конан.— Король воров погиб от укуса чудовищного паука!

— Так... так! — Странный нечеловеческий голос перешел к своеобразному, лишенному интонаций речитативу.— Смерть в харчевне, что ворам приют, смерть на крыше — чую я, ведомо мне. И третью смерть чародейство несет, о коем не грезилось Яре,— о чары избавления, о зеленые боги Иага!

И вновь покатились слезы из топазовых глаз, а изуродованное тело содрогнулось, раздираемое противоречивыми чувствами. Конан в растерянности уставился на существо.

Когда оно начало успокаиваться, нежные, невидящие глаза устремились на Конана. Хоботом оно сделало знак подойти ближе.

— Внемли мне, о человек! — сказало необыкновенное существо.— В глазах твоих я отвратителен, я чудовище. Можешь не возражать, то знаю я. Однако, быть может, и ты таковым показался бы мне, если бы мог я тебя увидеть. Есть множество миров на этом свете, и жизнь принимает

многообразные формы. Не бог я и не демон. Я из плоти и крови, как и ты, пусть даже и частично иного рода, и уж наверняка моя плоть облекает иные формы, чем у тебя.

Я очень стар, о человек из диких земель. Много, бесконечно много лет назад явился я на эту планету вместе с другими собратьями моими из нашего мира, зеленой планеты Иаг, что вечно ходит по краю этой Вселенной. Могучие крылья, что несли нас по космосу быстрее, чем луч света, пронесли нас сквозь Вселенную. Мы вели войну против королей Иага, побеждены мы были, и изгнали нас. Никогда мы не сможем возвратиться в отечество наше, даже если и будет нам разрешено, ибо крылья наши погибли и отпали с наших плеч. Так влачили мы здесь существование, отдаленные от жизни, расцветшей на земле, и приходилось сражаться нам с ужасными тварями, что в ту пору топтали лик земли тяжелой поступью. Со временем столь страшились нас уже, что покой наш не нарушался в мрачных джунглях востока, где мы нашли себе новое жилище.

И видели мы, как люди появились, поднявшись над стадией обезьян, и воздвигли прекрасные города Валузии, Камелии, Киммерии и сестер их. И видели мы, как пали они под натиском диких атлантов, и пиктов, и лемурийцев. И видели мы, как вздулись моря и поглотили их воды Атлантиду и Лемурию, и острова Пиктов, и великолепные грады. И видели мы, как те с островов Пиктов и Атлантиды, кто пережил катастрофу, вновь основали царства, но уже в каменной эре, и как пали и они в кровавых войнах. И видели мы, как скатились пикты в бездну варварства и как атланты опустились еще ниже и возвратились к стадии обезьян. И видели мы, как новые дикари с ледяного севера волна за волною устремлялись на юг в захватнических походах, как основали они новые цивилизации и заложили новые царства — Немедию, Коф, Аквилонию и прочие. И видели мы, как твой народ, что некогда был атлантами, восстал под новым именем из тех обезьян, что влачили дни свои в джунглях. И видели мы, как выходцы из Лемурии, устоявшие перед катаклизмом, поднялись из примитивной стадии и, образовав народ гирканцев, двинулись на запад. И видели мы, как эта демонская раса, уцелевшие потомки древнейшей культуры тех еще времен, что были прежде погружения Атлантиды на дно морское,— как вновь устремились они к вершинам цивилизации и власти и основали это проклятое королевство Замора.

Все это видели мы, не помогая космическому бегу времен и событий и не препятствуя ему. Один за другим уми-

рали мои друзья, ибо мы, пришельцы с Иага, не бессмертны, хоть длительность жизни нашей сравнима со сроком жизни планет и созвездий. В конце концов лишь я один еще оставался. Среди рухнувших храмов поросшего непроходимыми джунглями Кхитая грезил я о древних временах, и старая раса желтокожих чтила меня, как бога. И тогда пришел Яра, искушенный в темном знании, что было наследием тех времен, когда Атлантиду еще не поглотили воды,— сквозь годы варварства пронесли это знание, передавая из рук в руки.

Поначалу уселся он у ног моих и испросил мудрости. Но не удовольствовался он тем, чему я учил его, ибо то была Белая Магия, в то время как его интересовала Черная, дабы обратить королей в рабов и удовлетворить свое демонское честолюбие. Но не учил я его мрачным тайнам, что без моего желания стали ведомы мне за долгие эпохи моей жизни.

Но умнее был он, чем я предполагал. С помощью листа из рукописи, добытого в старом склепе темной Стигии, он вынудил меня открыть ему тайну, что иначе никогда не сошла бы с уст моих. Используя власть, добытую таким образом, он превратил меня в своего раба. Ах, боги Иага, сколь горьким стал мой жребий с того часа!

Из густых джунглей Кхитая, где серые обезьяны танцевали по свистку желтолицых жрецов, где на моем алтаре постоянно лежали подношения вином и фруктами, угнал он меня прочь. И не смог я больше быть богом для добросердечного народа джунглей — нет, с той поры я стал невольником демона в человеческом обличии.— И слезы вновь заструились из его слепых глаз.— Он запер меня в этой башне, которую я воздвиг по его приказу за одну ночь. Тисками и раскаленным железом пытал он меня и ослепил неземным мучением, коего тебе не понять. В муке своей давно бы я отнял у себя жизнь, если б только это было возможно. Но он заставляет меня жить — изувеченного, изуродованного, слепого, сломленного, дабы мог я исполнять ужасные его приказы. Три сотни лет вершу я с этого мраморного ложа все, что велит он мне, и черню душу мою космическими прегрешениями, и пятнаю мудрость свою чудовищными преступлениями, ибо нет у меня иного выбора. Но не все мои старые тайны сумел он вырвать у меня. Последняя моя дань будет чарами крови и камня.

Я чувствую, что конец мой близок. Ты станешь десницей судьбы. Возьми, прошу тебя, драгоценный камень, что видишь здесь на алтаре!

Конан повернулся к алтарю из золота и слоновой кости, на который указывало существо с головой слона, и поднял огромный драгоценный камень, прозрачный, словно кроваво-красный хрусталь. Это, должно быть, и было легендарное Сердце Слона.

— Теперь приступим к чарам, самым могущественным чарам, подобные коим не переживала еще прежде земля никогда и не переживет и впредь за миллионы и миллионы тысячелетий. Кровью жизни моей заклинаю я, кровью, что с зеленой груди Иога... Возьми же меч свой, о человек, и вырежи сердце мое. И сожми его так сильно, чтобы кровь потекла на красный камень. А затем идти тебе вниз по ступеням сим в покой эбенового дерева, где Яра предается греховным мечтаниям желтого лотоса. Позови его по имени, и проснется он. И положи камень этот пред ним и скажи: «Иаг-кошна посылает тебе последний дар свой и последнее свое чародейство». После этого ты должен тотчас удалиться из башни. Не страшись, ничто не преградит тебе пути. Жизнь человека — не совсем то, что жизнь тех, кто с Иага, и смерть, какой знают ее люди,— не то, что смерть того, кто с Иага. Освободи же меня из этой клетки искалеченного, слепого мяса, и вновь стану я Иогой с Иага, увенчанный утром, сияющий, и будут у меня крылья, чтобы летать, и ноги, чтобы плясать, и глаза, чтобы глядеть, и руки, чтобы брать!

В нерешительности приблизился Конан к чуждому существу, и Иаг-кошна, или Иога, который, несомненно, ощутил его колебания, показал ему, куда он должен нанести удар. Конан закусил губы и глубоко вонзил меч в грудь чужеземца.

Кровь хлынула на меч и руки. Иога еще раз содрогнулся, а затем остался лежать неподвижно. Удостоверившись в том, что жизнь — по меньшей мере то, что варвар понимал под этим словом,— покинула странное тело, Конан принялся за свое кровавое дело и вынул на свет божий то, что, без сомнения, было сердцем Иоги, хотя оно ни в коей мере не походило на человеческое. Он занес еще пульсирующий орган над сверкающим камнем и сжал его обеими руками, пока кровавый дождь не полился на драгоценность. К удивлению Конана, кровь не стекала вниз, а впитывалась в камень, словно в губку.

Осторожно взял Конан камень в руку и покинул необыкновенный покой. Он не оглядывался назад, ступая на серебряную лестницу. Инстинктивно чувствовал он, что

изменения, происходящие с фигурой на мраморном ложе, не предназначены для взора глаз человеческих.

Он закрыл за собой дверь из слоновой кости и, не мешкая, сбежал вниз по ступенькам. Ни мгновения он не думал о том, не пренебречь ли ему указаниями. У двери из эбенового дерева, центр которой украшал — или уродовал — серебряный череп, он остановился и толкнул ее. Он заглянул внутрь, в покой, отделанный черным деревом и гагатом, и увидел, что на черном шелковом диване лежит рослый, тощий человек. Глаза Яры, жреца и чародея, были раскрыты и затуманены курениями желтого лотоса. В бесконечные дали, в бездонные пропасти по ту сторону любого человеческого представления, казалось, глядел он.

— Яра! — крикнул Конан, точно судья, возглашающий приговор.— Проснись!

И тут же глаза прояснились, холодными и жестокими были они, как у грифа. Высокая, закутанная в шелка фигура поднялась и мрачно посмотрела на киммерийца.

— Собака! — зашипел он, как кобра.— Чего ты здесь ищешь?

— Тот, кто посылает тебе этот драгоценный камень, просил меня направить к тебе такие слова: «Иаг-коша шлет тебе свой последний дар и последнее свое чародейство».

Яра отшатнулся. Его смуглое лицо посерело, как зола. Драгоценный камень не был больше кристально прозрачным. Его темная глубина пульсировала, и странные дымные волны, меняя цвет, клубились над его гладкой поверхностью. Точно притягиваемый гипнозом, склонился Яра над столом, взял камень обеими руками и вгляделся в его затуманенную глубину, словно камень был магнитом, вытягивающим его дрожащую душу из тела. Конан разглядывал его и поначалу не верил своим глазам. Ибо, когда Яра поднялся с дивана, он предстал человеком огромного роста, но теперь варвар видел, что голова Яры едва достигала ему плеча. Конан заморгал, недоумевая, и впервые за эту ночь усомнился в своем рассудке. Но затем вместе с шоком пришло осознание, что жрец съеживается и становится все меньше прямо на глазах.

С ощущением нереальности воззрился Конан на происходящее. Он сомневался в себе самом, хотя ему было в высшей степени ясно, что здесь он стал свидетелем драмы могущественных космических сил, которые не мог представить себе ни один смертный.

Теперь Яра был не больше ребенка, затем он, как младенец, лег на стол, но все еще обхватывал руками камень.

И внезапно чародей осознал свою участь. Он вскочил, выпустил камень, однако продолжал уменьшаться, и Конан видел, как крошечная фигурка дико мечется по плите стола из черного дерева. Она жестикулировала маленькими ручками и вопила голоском, идущим в сравнение разве что с комариным писком.

Теперь он съежился так сильно, что крупный драгоценный камень казался рядом с ним горой. Конан заметил, что миниатюрное существо прикладывает ладошки к глазам, словно желая защититься от ослепительного света, и, шатаясь, пытается укрыться в безопасном месте. Конан ощущал, как чужеродная магнетическая сила притягивает Яру к камню. Трижды обегал он камень по спирали, и все больше сужалась спираль. Трижды пытался он повернуться и бежать прочь по столу, но затем с криком, прозвучавшим для наблюдателя лишь слабым писком, жрец выбросил руки вверх и помчался прямо к огненному шару.

Конан ниже склонился над ним и увидел, что теперь Яра карабкается вверх по гладкой изогнутой поверхности,— в нормальных условиях это было бы невозможным делом, ибо кому из людей удалось бы взобраться па круглую хрустальную гору? И вот жрец стоит наверху. Он уронил руки и отчаянно прокричал, а что прокричал — слышали только боги. И внезапно он провалился прямо в сердце камня, как человек, тонущий в пучине моря, и Конан видел, как дымные волны сомкнулись над его головой. И драгоценный камень вновь стал хрустально-прозрачным, и Конан стал свидетелем спектакля, разыгравшегося внутри кроваво-красного каменного сердца, хотя все это выглядело таким крошечным, словно киммериец смотрел из дальней дали. Зеленая светящаяся фигура с могучими крыльями, с телом человека и головой слона — больше не искалеченная и не ослепленная — разом показалась в этом сердце. Яра воздел руки и побежал так быстро, как только мог. Но мститель преследовал его. А потом большой драгоценный камень взорвался радужными струями, как мыльный пузырь, и теперь эбеновая плита стала пуста, так же пуста (в этом Конан был каким-то образом уверен), как мраморное ложе в покоях наверху, где лежал труп странного космического существа, называвшего себя Иаг-коша, или Иога.

Киммериец повернулся и побежал из комнаты вниз по серебряной лестнице. Он был так растерян, что даже не подумал покинуть башню таким образом, каким попал в нее. И он, торопясь, мчался по ступенькам винтовой лест-

ницы и пришел в покой, расположенный у подножья башни. Там он резко остановился — ведь это была караулка, полная воинов. Он увидел сверкание их серебряных лат, мерцание рукоятей мечей, украшенных драгоценными камнями. Они сидели, сгорбившись, за столом, где находились еще остатки трапезы, и темные перья султанов на их шлемах трепетали. Они лежали среди игральных костей и выскользнувших из рук кубков на запятнанном вином полу из лапис-лазури. Все они были мертвы. Иога сдержал обещание. Чародейство то было, упавшая ли тень могучих зеленых крыльев положила конец пиршеству воинов — этого Конан не мог сказать. Но ничто не преграждало ему дороги. Серебряная дверь была открыта для него, и сквозь проем уже мерцало утро.

Конан вышел в сад. Утренний ветерок принес ему терпкий запах свежей зелени, и он очнулся, словно после сна. Он неуверенно повернулся к таинственной башне, которую только что оставил. Был ли он, Конан, заколдован, или рассудок сыграл с ним злую шутку? Не приснилось ли ему все то, что он, как ему казалось, испытал этой ночью? Пока он задумчиво созерцал башню, она начала шататься. Усыпанная драгоценностями балюстрада еще раз сверкнула в свете юного дня, прежде чем все строение рассыпалось на сверкающие осколки.

В Башне Слона Конан едва не сложил голову, но пережитое там немногому его научило. Он благополучно возвратился в Аренджун, где в угаре воровской жизни вскоре позабыл и мага Яру, и пришельца из космоса Иаг-кошу, и опасности, подстерегавшие его в Башне на каждом шагу... Однако воровской удел, столь соблазнительный поначалу, постепенно разочаровал его, да за разные проделки на него ополчились не только аренджунские и шадизарские власти, но и гораздо более могущественные в этих городах повелители — вожаки преступных сообществ. И ему пришлось искать себе новое пристанище в Коринфии, состоящей из небольших городов-государств. Но и там он оставался верен своему намерению посягать на чужую собственность...

Сплошь негодяи в доме

Один сбежал, второй дрожал,
третий на золотой кровати
лежал.

Старинная считалка

1

Во время одного из дворцовых празднеств Набонидус, Багряный Жрец, вежливо коснулся руки молодого аристократа Мурило. Мурило повернулся и встретил загадочный взгляд, подивившись скрытому в нем намеку. Они не обменялись ни единым словом. Набонидус изящно поклонился и всунул ему в руку золотую шкатулку. Молодой человек знал, что Набонидус не делает ничего, не имея на то причин: он извинился и под первым удобным предлогом поспешно вернулся к себе. Он раскрыл шкатулку и обнаружил там человеческое ухо. Быстрый взгляд на необычный шрам, пересекающий его,— и он уже знал, кто был его первоначальным владельцем. Пот выступил у него на лице, и он не сомневался больше в значении того взгляда, с которым Набонидус передал ему шкатулку.

Однако несмотря на свои напомаженные черные локоны и щегольскую наружность, Мурило не был безвольным трусом, который без борьбы кладет голову на плаху. Он не знал только, играет ли Набонидус с ним в кошки-мышки или же хочет дать ему шанс добровольно уйти в изгнание. Судя по тому, что он был еще жив и находился на свободе, ему давалось по меньшей мере несколько часов сроку — вероятно, для медитации. Но ему не требовалось никакой медитации для того, чтоб принять решение. Что ему было

необходимо, так это орудие. И судьба создала для него такое орудие, которое в тот момент, когда молодой дворянин, сидя в своем доме, в квартале, застроенном мраморными дворцами с пурпурными башнями, дрожал и размышлял, предавалось своей деятельности в нищем районе между низкопробными кабаками и домами терпимости.

Жил-был жрец Ану, храм которого, стоящий на краю нищего квартала, повидал не только смиренное благоговение и молитвы прихожан. Жрец был жирный, откормленный, и был он не только укрывателем краденого, но и шпионом. Обе эти профессии были невероятно доходны, потому что та часть города, что находилась возле его храма, так называемый Лабиринт, представляла собой смешение извилистых переулков и грязных пивных, где встречались наиболее отчаянные головорезы со всего королевства. Самыми дерзкими и отпетыми из них были некий гандер, бывший наемник, и один варвар, киммериец. Однако жрец Ану коварно позаботился о том, чтоб гандер был схвачен и публично повешен на рыночной площади. Киммерийцу посчастливилось бежать. По возвращении он узнал о предательстве жреца, явился ночью в храм Ану и сделал жреца короче ровно на одну голову. Это вызвало в городе серьезные волнения. Поиски убийцы протекали безрезультатно, пока одна женщина не выдала его властям и не привела капитана с его отрядом к той норе, где варвар отсыпался после попойки.

Когда они попытались схватить его, он проснулся. Все еще пьяный, но полный дикой ярости, он повалил капитана и прорвался сквозь ряды нападающих. Он бы ушел от них, если бы выпитые в ту ночь крепкие напитки не затуманили ему мозги. Запутавшись и плохо соображая, он в страшной спешке промахнулся и, вместо того чтоб выскочить в раскрытую дверь, врезался в каменную стену так сильно, что потерял сознание. Когда оно к нему вернулось, он уже находился в самой надежной тюрьме города, прикованный к стене цепями, которые даже его варварские мускулы не в состоянии были порвать.

В эту камеру и пришел Мурило, замаскированный, закутанный в просторный черный плащ. Киммериец рассматривал его с большим интересом, поскольку принял его за палача, которого прислали за ним, чтоб повесить. Мурило, однако, быстро разъяснил недоразумение и начал разглядывать его с не меньшим интересом. Даже в полумраке тюрьмы, прикованный к стене, этот человек поражал своей при-

митивной мощью. Его крепкое тело соединяло в себе силу медведя с ловкостью и гибкостью пантеры. Под путаной черной гривой сверкали синие глаза, полные необузданной дикости.

— Ты хочешь жить? — спросил Мурило.

Варвар заворчал, и интерес его к Мурило усилился.

— Если я помогу тебе бежать, не сделаешь ли ты мне одного одолжения? — спросил аристократ.

Киммериец молчал, но пронзительный взгляд говорил за него.

— Я хочу, чтоб ты убил для меня одного человека.

— Кого?

Мурило понизил голос до шепота:

— Набонидуса, королевского жреца!

Киммериец не выразил ни озабоченности, ни смущения. Он не знал, что такое трепет перед властями, с которым зачастую рождаются цивилизованные люди. Король или нищий — до этого ему не было никакого дела. Он не спросил даже, почему Мурило пришел именно к нему, когда вне тюрьмы шляется и без того достаточно головорезов, которые с радостью предложили бы свои услуги.

— Когда я должен бежать? — спросил он.

— Через час. Ночью в этой части подземелья останется только один часовой. Я его уже подкупил. Вот ключи от твоих цепей. Я открою замки, а после того, как я буду уже дома, часовой — его имя Атикус — отворит дверь твоей камеры. Ты свяжешь его полосами твоей разорванной куртки, чтобы стража, когда найдет его, поверила, что ты сбежал, пользуясь помощью извне, и не стала бы его подозревать. Затем ты направишься прямо к дому Багряного Жреца и убьешь его. Оттуда иди к Крысиной Норе, где тебя будет ждать человек с лошадью и мешком золота. С этим тебе будет легко покинуть город и бежать из страны.

— Тогда снимай цепи,— потребовал киммериец.— И позаботься о том, чтобы охранник принес мне поесть. Клянусь Кромом, я не получил за целый день ничего, кроме кусочка скверного хлеба и воды. Я близок к истощению.

— Хорошо, сделаю. Но запомни: ты не должен бежать, пока я не успею добраться до дома.

Освобожденный от своих цепей, варвар поднялся и вытянул свои мускулистые руки, которые казались очень могучими в полумраке подземелья. Мурило был убежден: если есть на земле человек, способный сделать то, что ему требуется, то это киммериец. Он повторил еще раз свои указания

и покинул тюрьму, не забыв попутно поручить Атикусу принести заключенному кусок холодного мяса и кувшин вина. Он знал, что может доверять стражнику, и не только из-за денег, которыми он оплатил его услуги, но из-за более существенных вещей, которые о нем знал Мурило.

Когда Мурило вернулся в свои покои, он полностью взял себя в руки. Набонидус будет действовать через короля, в этом он был уверен. А поскольку королевские воины еще не постучали в его двери, значит, жрец еще не успел поговорить с монархом. Это он сделает, без сомнения, утром — если доживет до утра.

Мурило не сомневался в том, что киммериец постарается выполнить его поручение. Удастся ли ему это — вот в чем вопрос. Уже не в первый раз предпринимается попытка убить Багряного Жреца — и до сих пор все покушавшиеся погибали страшной, не поддающейся описанию смертью. Но все они были людьми, выросшими в городах и не обладавшими волчьими инстинктами варвара. С того момента как Мурило раскрыл золотую шкатулку с отрезанным ухом, он вспомнил, как несколько часов назад из своих тайных источников узнал об аресте киммерийца, и сразу же увидел в этом решение своей проблемы.

Он осушил бокал за здоровье человека по имени Конан и за его удачу, которая должна сопутствовать ему этой ночью. Но в тот момент, когда он вторично наполнял свой кубок, один из его шпионов принес ему известие о том, что Атикус арестован и сам брошен в темницу. Киммериец не бежал.

Мурило показалось, что кровь застыла в его жилах. В превратностях судьбы он видел могущественную руку Набонидуса, и в нем росло убеждение, что Багряный Жрец не просто человек, он чародей, который читает мысли своих жертв и тянет их за ниточки так, что они начинают плясать, словно марионетки. Он ощутил отчаяние и безнадежность. Он перепоясался мечом и спрятал его под просторным плащом. Так он покинул свой дом через потайной ход и торопливо зашагал по пустым улицам. Была как раз полночь, когда он добрался до дома Набонидуса, мрачной громадой высящегося в глубине сада за стеной, которая отгораживала его от соседних участков.

Стена была довольно высокой, но не непреодолимой. Набонидус поручил охрану своей персоны не каменным преградам. Страшиться нужно было не стен, а того, что

находилось за этими стенами. Что именно это было, Мурило точно не знал. Он слышал, что по меньшей мере по саду прогуливается огромный, очень опасный пес, который разорвал уже не одного взломщика, словно жалкого кролика. О том, что здесь еще может стоять на страже, Мурило даже подумать не мог. Те, кому удалось ненадолго посетить дом под предлогом деловых вопросов, рассказывали, что, несмотря на богатую обстановку дома, Набонидус живет очень просто и обходится минимальным количеством слуг. В самом деле, если Мурило только правильно вспоминает, они все упоминали, что видели только одного — крупного замкнутого человека по имени Джока. Второй, предположительно раб, был слышен где-то в доме, но кем бы он ни был, его никто не видел в лицо. Но самой большой загадкой этого полного тайн дома был сам Набонидус, которого ловкие интриги и хитросплетения политики сделали самым могущественным человеком в королевстве, и народ, канцлер, даже сам монарх плясали под его дудку.

Мурило вскарабкался по стене и прыгнул в сад, покрытый тенью деревьев и кустарников, которые тихо качались на ветру. Ни одного огня не светилось в окнах дома, встающего над садом черной скалой. Молодой аристократ поспешно, стараясь не шуметь, пошел мимо кустов. Каждый миг он ожидал услышать лай огромной собаки и увидеть, как она бросается на него из темноты. Он сомневался, что меч может много помочь ему в битве с таким врагом, однако это не заставило его повернуть назад. Он был уверен в том, что погибнуть под клыками этой твари ничуть не хуже, чем под секирой палача.

Неожиданно Мурило споткнулся обо что-то массивное, мягкое. Когда он наклонился пониже, в свете звезд он увидел лежащее у своих ног неподвижное тело. Это был труп собаки, которая должна была охранять сад, и в нем, несомненно, не теплилась больше жизнь. Шея пса была сломана, и раны указывали на то, что их оставили пальцы, в которых заключена страшная физическая сила. Мурило был убежден, что такое повреждение человек причинить не в состоянии. Вероятно, на пса напал зверь или монстр, который был еще более диким. Мурило бросил нервный взгляд на темные кусты, где могло скрываться неизвестно что, а потом, пожав плечами, тихим шагом направился к дому.

Уже первая дверь, которой Мурило коснулся, не была заперта. Он осторожно вошел, держа в руке меч, и увидел, что находится в длинном коридоре. Помещение было

освещено слабым светом, который пробивался сквозь занавеси в другом конце коридора. Тени играли на полу и на стенах. Во всем доме царила абсолютная тишина. Мурило проскользнул по коридору и остановился, чтобы прокрасться к занавеске на двери. Он увидел впереди освещенный покой: тяжелые бархатные шторы на окнах были опущены, так что ни малейшего луча света не вырывалось на улицу. Покой был пуст, но Мурило хватило одного мгновения, чтоб его передернуло от ужаса. Среди разбитой мебели и разорванных занавесей — свидетелей ужасной битвы — лежал труп человека. Он лежал на животе, однако голова его была так вывернута, что подбородок упирался в плечо. Лицо, искаженное жуткой ухмылкой, казалось, издевательски смотрит на оцепеневшего молодого аристократа.

В первый раз за эту ночь решимость покинула Мурило. Он бросил неуверенный взгляд на коридор, по которому пришел сюда, однако затем он подумал о плахе — и отказался от бегства. Он обогнул усмехающийся кошмар, лежавший на полу. Несмотря на то что он никогда не видел этого человека прежде, он узнал его по описанию других. Это был молчаливый слуга Набонидуса Джока.

И снова он остановился перед занавешенным дверным проемом и испытующе заглянул за занавес. Большой круглый зал открылся ему, опоясанный галереей примерно на середине между отполированным до зеркального блеска полом и высоким потолком. Этот зал был создан для королей. В середине стоял покрытый искусной резьбой махагоновый стол, заставленный сосудами с вином и деликатесами всех видов. Мурило замер. В широком кресле, которое было повернуто к нему спинкой, восседала фигура, одеяние которой было ему хорошо знакомо. Голова, скрытая так часто виденным багряным капюшоном плаща, была опущена в медитации. В королевском дворце Мурило сотни раз видел, как Набонидус сидит в этой позе.

Молодой человек проклял громкий стук своего сердца и с протянутым мечом скользнул в зал. Вся его фигура говорила о твердом намерении убить. Его жертва не двигалась, она еще, казалось, не слышала его приближения. Дремал ли Багряный Жрец, или это труп заснул вечным сном? Только один шаг отделял Мурило от врага, когда человек в кресле неожиданно встал перед ним.

Кровь отхлынула от лица Мурило. Меч выскользнул из его внезапно ослабевших пальцев и со звоном упал на по-

лированный пол. Страшный крик вырвался из его груди. Глухой стук падающего тела последовал за криком. И снова тишина воцарилась в доме Багряного Жреца.

2

Вскоре после того, как Мурило покинул тюрьму, в которую был заключен Конан, Атикус принес заключенному блюдо с едой, в том числе гигантскую бычью ляжку, и кувшин пива. Конан припал к ним с жадностью изголодавшегося, а Атикус отправился в последний обход по подземелью, желая убедиться в том, что все в порядке и никто не сможет увидеть заключенного во время побега. Пока он был занят всем этим, в тюрьме появился отряд стражников, который арестовал его. Мурило заблуждался, когда полагал, что этот арест стал последствием раскрытия плана побега. Он вообще не имел с побегом Конана никакой связи. Атикус был несколько небрежен в своих связях с «дном» общества, и его невнимательность принесла столь плачевные плоды.

Его место занял другой стражник, немного туповатый, но надежный человек, который никогда бы ни на шаг не отклонился со стези добродетели и выполнения своего долга. Он не обладал хорошо развитым воображением, зато был глубоко убежден в важности своей работы.

Когда Атикуса увели, новый стражник из чисто рутинных соображений сделал еще один обход подземелья. Когда он проходил мимо камеры Конана, его чувство справедливости было возмущено тем обстоятельством, что заключенный сидит в тюрьме, освобожденный от цепей, и с огромным удовольствием вгрызается в большую, хорошо прожаренную бычью ляжку. Стражник был этим настолько разгневан, что сделал серьезную ошибку, войдя в камеру, не потрудившись сперва позвать с собой воинов из других частей тюрьмы или, по меньшей мере, не поставив их в известность. Это была его первая ошибка в несении служебного долга и вместе с тем последняя. Конан ударил его обглоданным мослом по голове, забрал у него нож и ключи и без излишней спешки пустился в путь. Как упоминал Мурило, здесь по ночам на часах стоял только один стражник. Киммериец покинул здание тюрьмы с помощью ключа, похищенного им, и оказался на улице. Все это происходило так, как намеревался устроить Мурило, так, словно его план претворялся в жизнь без всяких помех.

Свои последующие шаги Конан обдумывал в тени тюремных стен. Ему пришло в голову, что он ничем не обязан Мурило, поскольку освободился самостоятельно. С другой стороны, именно юный аристократ самолично снял с него цепи и позаботился о том, чтоб его хорошо накормили. Без этого побег был бы невозможен. Так что в конце концов киммериец пришел к выводу, что он все же обязан Мурило, а поскольку он был человеком, не привыкшим оставаться в долгу, то решил сдержать данное молодому аристократу обещание. Но сначала ему нужно позаботиться об одном личном деле.

Он сбросил драную куртку и в одной лишь набедренной повязке скользнул в ночь. Он нащупал нож, который забрал у стражника. Это было смертоносное оружие с широким обоюдоострым клинком, примерно в девятнадцать дюймов длиной. По переулкам и темным площадям крался Конан, пока не добрался до той части города, которая и была его целью,— до Лабиринта. По его кривым переулочкам он шел с уверенностью старожила. Это был настоящий клубок темных улиц, грязных задних дворов, жутких лазеек и нор, полных таинственных звуков и разнообразных запахов. Улицы не были замощены, отбросы, нечистоты, жидкая грязь смешались здесь самым тошнотворным образом. Канав здесь также не было. Отходы и грязь просто выбрасывали из окон и дверей, они были свалены в смердящие кучи. Если при ходьбе не соблюдать осторожность, то очень легко может получиться так, что вы поскользнетесь и по колено увязнете в вонючей куче или утонете в луже жидкого дерьма, которая по своим размерам не уступает небольшому пруду. Не было здесь необычным делом и споткнуться о труп с перерезанной глоткой или разбитым вдребезги черепом. Добропорядочные граждане имели достаточные основания обходить Лабиринт стороной.

Никем не замеченный, Конан добрался до цели своего путешествия как раз в тот момент, когда личность, ради которой он и явился, выходила на улицу. Киммериец быстро спрятался в близлежащем дворе и увидел, как девица — та, что выдала его страже,— выпроваживает нового возлюбленного из своей комнатки в первом этаже. Дверь закрылась. Молодой негодяй ощупью нашел скрипящую лестницу. Он был полностью погружен в свои мысли, которые, как и у большинства обитателей Лабиринта, были заняты вопросами незаконного присвоения чужого добра. Посреди лестницы он резко остановился, и волосы шевельнулись у него на

голове. Кто-то огромный, со сверкающими глазами, скорчился в темноте на лестнице немного ниже его. Глухое рычание было последним, что он услышал в своей жизни, когда это чудовище бросилось на него, и почти мгновенно острый клинок оборвал ему жизнь. Человек испустил придавленный крик и бессильно скатился вниз по ступенькам.

Варвар поднялся над ним, как призрак. Его глаза горели во мраке. Он знал, что крик и звук падения тела были услышаны, но жители Лабиринта из соображений собственной безопасности давно уже взяли себе в привычку не проявлять внимания к подобным происшествиям. Позднее кто-нибудь из них наверняка высунет нос, чтобы посмотреть, что случилось, но совершенно ясно, что это произойдет не сейчас.

Конан поднялся по лестнице и остановился перед дверью, которую так хорошо знал. Девица была заперта изнутри, но он просунул клинок между дверью и косяком и сорвал щеколду. Он вошел, прикрыл за собой дверь и встал перед девицей, которая предала его.

Она сидела на разоренной постели, скрестив ноги. На ней была тонкая ночная сорочка. Девица смертельно побледнела и уставилась на него, как на привидение. Она слышала крик на лестнице и заметила окровавленный нож в руке варвара. Но она была слишком перепугана мыслью о своей собственной участи, чтоб найти время оплакивать кровавый жребий своего возлюбленного. Она стала умолять оставить ей жизнь, почти ничего не соображая от страха. Конан молчал. Он стоял перед ней с горящими глазами и водил большим пальцем по острию своего кинжала.

Наконец, когда она прижалась к стене и в отчаянии хрипло попросила пощады, он схватил ее грязной рукой за белокурые локоны и сорвал с кровати. Он сунул кинжал обратно в ножны, зажал свою бьющуюся пленницу под мышкой и выскочил в окно. Как в большинстве домов такого рода, на высоте окна каждый этаж был опоясан карнизом. Конан забрался в магазин и вылез на узкий карниз. Если бы кто-нибудь оказался сейчас поблизости, его удивленному взору предстал бы человек, который осторожно пробирается по карнизу первого этажа по наружной стене магазина с отчаянно отбивающейся, полуголой девкой под мышкой. Но даже этот гипотетический наблюдатель был бы ошеломлен не больше, чем сама девица.

Когда они добрались до места, Конан остановился и свободной рукой взялся за стену. В доме неожиданно поднял-

ся крик. Следовательно, труп обнаружен. Пленница Конана ныла, скулила, вертелась и надоела ему еще больше. Киммериец посмотрел вниз, на грязь и нечистоты, прислушался к шуму в доме и к жалобам и мольбам девицы, а затем с большой меткостью уронил ее прямо в выгребную яму, в дерьмо. С довольной ухмылкой Конан наблюдал за ее отчаянными попытками выбраться наружу и наслаждался ее ядовитой бранью и угрозами. Он расхохотался и смеялся до тех пор, пока возросший шум в доме не напомнил ему о том, что пора уже идти убивать Набонидуса.

3

Мурило очнулся от громкого звона металла. Он застонал и, совершенно растерянный, сел. Вокруг царили теперь совершеннейшая тишина и мрак. В какой-то миг он испугался — ему показалось, что он ослеп. Но потом он вспомнил о том, что произошло, и мороз пошел у него по коже. Он осторожно ощупал вокруг себя руками и установил, что лежит на полу, сложенном ровно подогнанными каменными плитами, а дальнейшие исследования показали, что и стены построены таким же образом. Он поднялся и прислонился к стене. В отчаянии он пытался сообразить, где же он может находиться. В том, что это нечто вроде тюрьмы, не могло быть сомнений, но как долго и где он лежал — этого он не мог даже предположить. Он смутно припоминал лязг металла и спрашивал себя, была ли это в самом деле железная дверь тюрьмы, которая захлопнулась за его спиной, или же это означало, что палач уже пришел.

При этой мысли он содрогнулся всем телом. Он быстро двинулся на ощупь вдоль стены. Каждый миг он ждал, что сейчас стена закончится, но через некоторое время пришел к выводу, что, вероятно, он идет по коридору. Он плотно прижался к стене, опасаясь люков в полу или других опасностей. Потом он почувствовал, что совсем близко в полной темноте кто-то стоит. Он абсолютно ничего не мог видеть, но, несмотря на то что ни одного предательского шороха не доносилось из мрака, какое-то шестое чувство предостерегало его. Мурило резко остановился. Волосы на затылке встали дыбом. Он был уверен в том, что нечто живое затаилось перед ним в темноте,— так же уверен, как в том, что он дышит.

Он думал, что сердце его остановится, когда голос прошептал с варварским акцентом:

— Мурило, это ты?

— Конан!

Слабея от облегчения, молодой аристократ пошарил в темноте, пока его руки не нащупали обнаженные плечи.

— Хорошо, что я узнал тебя,— проворчал киммериец.— Я уже собирался заколоть тебя, как свинью.

— Где мы, во имя Митры?

— В подвалах под домом Багряного Жреца, но почему...

— Сколько времени?

— Недавно была полночь.

Мурило потряс головой и постарался взять себя в руки.

— Что ты здесь делаешь? — спросил варвар.

— Я пришел убить Набонидуса. Я узнал, что стражника в тюрьме сменили...

— И в самом деле,— буркнул Конан.— Новому я проломил череп и отправился гулять. Я пришел бы сюда пораньше, но мне нужно было уладить сперва одно личное дело. Ну что, приступим к нашему визиту?

Мурило заколебался:

— Конан, мы в замке Властелина Преисподней! Я пришел посчитаться с врагом-человеком и нашел здесь волосатого демона из ада.

Конан глотнул. Он был пуглив не больше, чем раненый тигр, когда видел перед собой противника из простых смертных, но, как и все дикари, становился жертвой необъяснимого страха, когда сталкивался со сверхъестественным.

— Я пробрался в дом,— шептал Мурило, словно темнота могла его услышать.— В саду я споткнулся о зверски убитую собаку Набонидуса. В доме наткнулся на Джоку, слугу жреца. Кто-то сломал ему шею. А потом я увидел и самого Набонидуса. Он сидел в кресле, одетый в свой обычный плащ. Сначала я даже подумал, что он мертв. Я подкрался к нему, собираясь ударить его мечом. Тогда он встал и повернулся ко мне. Боги мои! — Воспоминания об этом страшном мгновении лишили молодого аристократа дара речи.— Конан,— зашептал он снова,— передо мной стоял *не человек*! Фигурой, осанкой он походил на человека, но из-под багряного капюшона жреца мне ухмылялось и скалило зубы лицо, которое может возникнуть только в кошмарном сне. Оно было полностью покрыто волосами, из которых выглядывали светящиеся красные поросячьи глазки. Нос у него плоский, с огромными раздувающимися ноздрями.

Он втягивал губы и обнажал желтые клыки. Руки, высовывающиеся из красных рукавов, были уродливы и тоже заросли шерстью. Все это я увидел в одно мгновение. Ужас охватил меня, и я потерял сознание.

— А потом? — беспокойно спросил киммериец.

— Я пришел в себя только несколько минут назад. Чудище, должно быть, бросило меня сюда. Конан, я давно уже подозревал, что Набонидус не совсем человек. Днем он принимает человеческий облик, а по ночам живет в своей истинной сущности.

— Похоже на то,— пробормотал киммериец.— Все знают, что бывают люди, которые по своему желанию могут превращаться в волков. Но зачем он убил свою собаку и своего слугу?

— Кто может знать, что происходит в голове у демона? — ответил Мурило.— Мы должны сейчас ограничиться тем, чтоб выбраться отсюда. Земное оружие не в состоянии уничтожить оборотня. Как ты вообще сюда попал?

— По каналу. Мне пришлось считаться с тем, что сад охраняется. Сточные каналы города имеют выход в одной шахте, которая как раз ведет сюда. Я надеялся, что дверь будет не заперта.

— Тогда давай уйдем той дорогой, по которой ты пришел! — возбужденно воскликнул Мурило.— К демону остальное! Как только эта змеиная нора останется позади, нам предстоит совсем небольшой риск, связанный с королевскими ищейками. Попробуем выбраться из этого города. Пойдем!

— Безнадежно,— сказал Конан.— Дорога к каналу перекрыта. Когда я залез в туннель, с потолка упала решетка. Если бы я не оказался быстрее молнии, ее острия пригвоздили бы меня к полу, как червяка. Она не подалась ни на волос, когда я попытался ее поднять. Ее даже слон не сдвинет. Разве что заяц протиснется между прутьями.

Мурило выругался. Ему показалось, что железная рука сжала его сердце. Хотел бы он знать, есть ли в доме Набонидуса неохраняемый выход. Если бы Конан не оказался таким ловким, как настоящий хищник, подъемная решетка раздавила бы его. Без сомнения, его появление в туннеле привело в действие какой-то скрытый механизм, который должен был его остановить.

— Мы можем сделать только одно,— сказал Мурило, чувствуя, как холодный пот бежит у него по спине.— То есть искать другой выход. Хотя я убежден, что все они защищены решетками, но ведь у нас все равно нет выбора.

Варвар проворчал что-то в знак согласия, и оба на ощупь двинулись по коридору. Неожиданно Мурило, несмотря на то что все нервы его были напряжены, подумал о совершенно посторонней вещи.

— А как ты все-таки узнал меня в этой кромешной тьме? — спросил он.

— По запаху помады, которой ты мажешь волосы. Я запомнил его, еще когда ты приходил ко мне в тюрьму,— ответил Конан.— И неожиданно снова запахло ею, когда я сидел тут в темноте. Это меня и остановило, ведь я собирался напасть на тебя.

Мурило потянул свой черный локон к носу. Он не уловил почти никакого запаха. У варвара, должно быть, чертовски острое обоняние.

Они пошли дальше, и Мурило инстинктивно протянул руку к мечу, но ему пришлось с сожалением убедиться в том, что ножны пусты. В этот момент они различили слабое свечение и почти сразу же оказались возле крутого поворота, из-за которого и исходил этот приглушенный свет. Они вместе подкрались к углу. Мурило, который прижался к своему спутнику, почувствовал, как тот замер. Но и сам он уже увидел *его* — полуобнаженного человека, который лежал в коридоре на полу за углом. Он был освещен лучом, падавшим из большого серебряного диска на противоположной стене. Распростертая фигура показалась Мурило на удивление знакомой, хотя лица, повернутого к полу, он видеть не мог. Неужели это возможно... Он сделал киммерийцу знак следовать за ним и проскользнул к лежащему, чтобы наклониться над ним. Прежде чем он перевернул его на спину, ему пришлось подавить приступ тошноты. Не веря своем глазам, смотрел он на него, и с губ его срывались проклятия. Киммериец поглядел на него вопрошающе.

— Это Набонидус! Багряный Жрец! — крикнул Мурило. Его захлестывали мысли.— Но почему же... кто был там?..

Жрец застонал и пошевелился. С кошачьей ловкостью Конан нагнулся и занес свой нож. Мурило схватил его за руку.

— Подожди! Не убивай его пока...

— Почему? — спросил варвар.— Он сбросил свою личину и спит. Хочешь его разбудить, чтоб он разорвал нас в клочья?

— Нет, подожди! — настаивал Мурило и сделал над собой усилие, пытаясь привести свои мысли в порядок.— Посмотри же! Он не спит! Разве не видишь кровоподтек на его

виске? Без сомнений, его оглушили. Он лежит здесь, наверное, несколько часов.

— А мне показалось, будто ты клялся, что видел его наверху в зверином облике,— фыркнул Конан.

— Да, я говорил! Или... а, он пришел в себя. Убери же нож, Конан! Я хочу докопаться до корней этой тайны, которая, кажется, еще чернее, чем я думал. Я хочу поговорить со жрецом, прежде чем ты его убьешь.

Набонидус медленно поднес руку к своему посиневшему от удара виску. Что-то пробормотал. Открыл глаза. Какой-то миг они казались пустыми и бессмысленными, потом в них как будто толчками стало возвращаться сознание.

Он сел и посмотрел на обоих мужчин. Каким бы страшным ни был удар, лишивший его на время рассудка, сейчас этот рассудок заработал со своей привычной остротой. Глаза жреца быстро обежали всю сцену и остановились на лице Мурило.

— Ты решил почтить мой скромный дом своим посещением, мой молодой господин? — насмешливо произнес он и покосился на могучую фигуру, громоздившуюся за плечами Мурило.— И привел с собой наемного убийцу, как я погляжу. Тебе что, не хватило длины твоего кинжала, чтоб оборвать мою ничтожную жизнь?

— Хватит болтовни! — нетерпеливо сказал Мурило.— Как долго ты лежишь здесь?

— Довольно странный вопрос к тому, кто только что пришел в себя,— ответил жрец.— Откуда я знаю, сколько сейчас времени? Я потерял сознание примерно за час до полуночи.

— Но кто же тогда там, наверху, был одет в твой плащ?

— Это, конечно, Тхак,— пробормотал Набонидус и поморщился, прикоснувшись к своему синяку.— Да, это мог быть только Тхак. И в моем плаще? Вот пес!

Конан, который ничего не понимал, нетерпеливо зашаркал ногами и заворчал что-то на своем языке. Набонидус посмотрел на него с легкой усмешкой.

— Твоему человеку не терпится воткнуть мне нож в сердце, Мурило,— сказал он.— Я считал тебя умнее и думал, что ты оценишь мое предостережение и покинешь город.

— Откуда я мог знать, что ты хочешь предоставить мне такую возможность? — возразил Мурило.— И кроме того, все, к чему я привязан в жизни, находится здесь, в этом городе.

— Этот подонок — весьма подходящая компания для тебя,— буркнул Набонидус.— Я уже давно держал тебя под

подозрением. Поэтому я и велел похитить этого дохляка-писца. Но прежде чем умереть, он рассказал мне кое-что, и среди прочего он назвал имя одного молодого аристократа, который заплатил ему за возможность ознакомиться с некоторыми государственными тайнами, которые этот милый юноша продал затем вражеской державе. И тебе не стыдно, совсем не стыдно, Мурило,— вор, который не хочет марать своих рук?

— У меня не больше оснований для стыда, чем у тебя, ты, ненасытный грабитель! — не остался в долгу Мурило.— Ты обираешь целое королевство, чтоб потешить свою жадность. Ты надел маску самоотверженного государственного мужа и вынуждаешь короля пожаловать тебя — разумеется, для блага страны — неограниченной властью, сложить руки и жертвовать ради твоей беспредельной жажды личной власти будущим целого государства. Ты же просто жирная свинья, запустившая свое рыло в корыто со жратвой. Ты куда больший вор, чем я. А этот киммериец из нас троих самый честный, потому что он крадет и убивает, не делая из этого тайны.

— Ну, стало быть, мы трое прекрасно подходим друг другу,— заявил Набонидус с дружеской простотой.— И что теперь? Моя жизнь?

— Когда я увидел ухо исчезнувшего писца, я понял, что моя участь решена,— резко сказал Мурило.— Я решил, что ты настроишь против меня короля. Я был прав?

— Совершенно,— ответил жрец.— Убрать с дороги маленького придворного писца очень просто, но попробуй я повторить этот номер с тобой — и поднимется очень много пыли. Я намеревался утром рассказать королю небольшую пикантную историю, связанную с тобой.

— Небольшую историю, которая стоила бы мне головы,— пробормотал Мурило.— Значит, король еще не в курсе моих дел с другими странами?

— Еще нет,— вздохнул Набонидус.— А теперь, когда я смотрю на твоего спутника с его столь нетерпеливым кинжалом, я вообще начинаю бояться, что никогда не смогу порадовать короля этой славной историйкой.

— Ты должен знать, как выбраться из этой крысиной дыры,— сказал Мурило.— Разумеется, я готов заявить, что жизнь твоя будет сохранена, если поможешь нам унести отсюда ноги и поклянешься хранить молчание относительно моих мелких махинаций.

— Когда это жрецы держали слово? — вмешался Конан, который только теперь понял, о чем идет речь.— Давай я

все-таки перережу ему глотку. Я хотел бы поглядеть, какого цвета у него кровь. В Лабиринте болтают, будто сердце у него черное, значит, и кровь должна быть такая же...

— Замолчи! — прошипел Мурило.— Если он не покажет нам дороги из этой дыры, мы сгнием здесь. Ну, Набонидус, что ты думаешь?

— Что думает волк, угодивший ногой в капкан? — Жрец рассмеялся.— Я полностью в твоей власти, а если мы хотим отсюда выбраться, один должен помогать другому. Я клянусь: если мы переживем это приключение, я забуду о твоих темных делах. Я клянусь в этом душой Митры!

— Мне этого довольно,— сказал Мурило.— Даже Багряный Жрец не посмеет нарушить эту клятву. Давайте уходить отсюда. Мой добрый друг попал сюда по туннелю, но подъемная решетка упала за его спиной и перегородила дорогу. Ты знаешь, как поднять ее?

— Не из этого подземного хода,— ответил жрец.— Рычаг, который приводит в действие механизм, находится в помещении над туннелем. Есть еще одна дорога отсюда, которую я тебе покажу. Только скажи мне, как вы сюда попали?

Мурило рассказал ему все в кратких словах. Набонидус кивнул и решительно поднялся. Он захромал по коридору, который расширился, превратившись в просторное помещение, и подошел к серебряному диску. Когда он приблизился к диску, свет стал ярче, хотя огонек горел по-прежнему слабый, затененный. Возле диска они увидели узкую лестницу, которая вела наверх.

— Вот другой выход,— сказал Набонидус.— И я не думаю, чтоб дверь наверху была заперта. Но полагаю, что того, кто захочет войти через нее, ждет смерть куда более верная, чем если бы он сам перерезал себе горло. Посмотрите в этот диск!

То, что внешне выглядело как круглая серебряная пластина, было на самом деле встроенным в стену зеркалом. Сложная система медных труб имела выход в стене и наклонялась под нужным углом. Когда Мурило заглянул в эти трубы, он увидел бесчетное количество маленьких зеркал. Он сосредоточил свое внимание на самом большом зеркале и удивленно вскрикнул. Конан заглянул ему через плечо и проворчал что-то неразборчивое.

Создавалось впечатление, что они смотрели через окно в ярко освещенную комнату. На стенах висели широкие зеркала, а между ними — бархатные шторы. Под зеркалами

стояли шелковые диваны и стулья, сделанные из эбенового дерева и слоновой кости. Из этого покоя вели двери, также скрытые шторами, а перед одной из дверей, той, что не была занавешена, сидело нечто черное, массивное, уродливо контрастирующее с роскошью этого зала. Мурило показалось, что кровь застыла в его жилах, когда он увидел страшилище, неподвижно глядящее, как ему чудилось, прямо ему в глаза. Он непроизвольно отшатнулся от зеркала, и Конан тут же всунул голову в трубы, прижимаясь подбородком к самому зеркалу. На своем варварском языке он произнес угрозу или вызов, что-то в этом роде.

— Во имя Митры, Набонидус,— прохрипел потрясенный Мурило,— что это?

— Это Тхак,— ответил жрец и осторожно провел пальцем по раненому виску.— Некоторые, вероятно, приняли бы его за обезьяну, но он отличается от настоящей обезьяны так же сильно, как и от настоящего человека. Подобные ему живут далеко отсюда, на востоке, в горах, проходящих по восточной границе Заморы. Таких, как он, немного, но если они не вымрут, то, я полагаю, за следующие сотни тысячелетий они разовьются в настоящих людей. Это уже не обезьяны, какими были их предки, но еще не люди, которыми в будущем могут, вероятно, стать их потомки. Они обитают на крутых, почти недоступных вершинах гор. Им незнаком огонь, они не умеют шить себе одежду и белье, не используют оружие. Но они имеют нечто вроде связной речи, которая на слух напоминает клокочущие и хрюкающие звуки.

Я взял к себе Тхака, когда он только что родился. Он обучался намного быстрее и был гораздо восприимчивее, чем животное. Я использовал его как слугу и как телохранителя. Но я позабыл, что он все же нечто большее, чем просто зверь, который стал тенью меня самого. Совершенно явно, что он способен ненавидеть и что в конце концов в нем развилось нечто вроде тщеславия.

В любом случае, он нанес мне удар, когда я менее всего ожидал этого. Сегодня ночью он словно с цепи сорвался. То есть, судя по его поведению, его можно было принять за взбесившегося зверя, однако я убежден, что в основе всего лежит тщательно продуманный план.

Я услышал в саду шум драки и вышел посмотреть, потому что подумал, что это моя собака рвет вас на куски. Тут является Тхак. Забрызганный кровью, он вылез из куста. Прежде чем я понял, каковы его намерения, он под-

скочил ко мне с ужасным воплем и ударил меня так, что я потерял сознание. Больше я ничего не могу вспомнить. Я могу только предположить, что он по какому-то непонятному капризу своего получеловеческого разума снял с меня одежду и бросил в туннель еще живого. Из каких соображений — это только богам известно. Очевидно, когда он вышел из сада и ударил меня, собака была уже убита. И вне всяких сомнений, потом он убил Джоку, которого вы видели в доме мертвым. Джока пришел бы ко мне на помощь, несмотря на то что сила Тхака была ему хорошо известна. Джока всегда его ненавидел.

Мурило смотрел в зеркало на тварь, сидевшую перед дверью с терпением, достойным любого животного. Он ужасался при виде его огромных лап, которые так заросли шерстью, что казались покрытыми мехом. Существо было сильным, широким в кости, слегка сутулым. Багряное одеяние треснуло на его неестественно широких плечах, и таким образом Мурило получил возможность увидеть, что и они покрыты густой черной шерстью. То, что выглядывало из-под красного капюшона, было, несомненно, звериной мордой, но тем не менее Мурило признал, что Набонидус был прав, когда говорил о Тхаке как о звере лишь отчасти. Что-то в красных мрачных глазах, в неуклюжей позе, во всем облике этого создания было такое, что поднимало его над животными. Это жуткое тело обладало разумом и душой, которые так сильно напоминали человеческие. Мурило был потрясен, когда заметил пусть еще слабое, смутное, но все же родство между человеком и этим уродливым монстром, и ему стало по-настоящему дурно при одной только мысли о том, из каких глубин первобытного звериного состояния с трудом поднялось человечество.

— Он же нас видит,— сказал Конан.— Почему он не хватает нас? Он мог бы с легкостью разбить это окно.

Мурило понял, что варвар принял зеркало за окно, в которое они попросту заглянули.

— Он нас не видит,— заверил его жрец.— Мы смотрим через это стекло в комнату, которая находится над нами. Дверь, которую, как мы видим, стережет Тхак, находится на верхнем конце этой лестницы. Благодаря такому расположению зеркал мы можем заглянуть в комнаты наверху. Вы видите вот это на стене? Маленькие зеркальца направляют изображение комнаты в эти трубы, затем, с помощью других зеркал, оно передается дальше и наконец в увеличенном виде отражается в большом зеркале.

Мурило подозревал, что жрец опередил свое время на столетия, когда изобретал и создавал эти механизмы. Конан, напротив, стал рассматривать все это как своеобразное колдовство и решил не ломать больше над этим устройством голову.

— Я проектировал подвал в качестве подземелья и погреба. Я уже не раз прятался здесь и наблюдал в зеркало, как те, кто приходили ко мне со злыми намерениями, встречали свою участь.

— Но почему Тхак следит за этой дверью? — спросил Мурило.

— Он должен был слышать, как закрылась подъемная решетка. Когда она поднимается, наверху это становится известно благодаря колокольчику. Он знает, что кто-то проник в туннель, и теперь ждет его появления. О, он был прилежным учеником! Он видел, что случается с теми, кто входит в дверь, если я при этом дергал за шнур на стене. И теперь он хочет проделать это со мной.

— Мы можем что-нибудь предпринять, пока он сидит здесь так терпеливо?

— Боюсь, что только наблюдать за ним. Пока он находится в этой комнате, мы не посмеем подняться по лестнице. Он обладает силой гориллы, и ему будет совсем нетрудно разорвать нас на куски. Но ему даже не придется напрягать мускулы. Достаточно просто потянуть за знакомый шнур на стене, чтоб отправить нас всех в вечность, как только мы откроем дверь.

— Каким образом?

— Я обещал помочь вам выбраться отсюда,— ответил жрец,— но отнюдь не раскрывать свои секреты.

Мурило хотел что-то сказать и внезапно замер. Чья-то рука украдкой отодвинула шторы одной из дверей, ведущей в другие покои. В комнату осторожно заглянуло смуглое лицо. Блестящие глаза с угрозой уставились на спину в красном одеянии.

— Петреус! — прошипел Набонидус.— Митра, воистину, собрание всех гарпий!

Из-за плеча первого показались лица других — смуглые, узкие лица, пылающие от возбуждения.

— Что им всем здесь нужно? — пробормотал Мурило и непроизвольно понизил голос, хотя он знал, что его не могут слышать наверху.

— Ну и как вы думаете, чего ищет Петреус со своими пылкими юными патриотами в доме Багряного Жреца? —

Набонидус рассмеялся.— Посмотрите только, с каким вожделением глазеют они на того, кого принимают за своего заклятого врага. Они стали жертвой того же недоразумения, что и вы. Вот будет потеха поглядеть на их рожи, когда они уразумеют, что к чему.

Мурило молчал. Все происходящее казалось ему нереальным. У него было впечатление, что он смотрит пьесу в кукольном театре или что он превратился в бестелесного духа, который, никем не замеченный, наблюдает за людьми.

Он увидел, как Петреус предостерегающе приложил палец к губам и кивнул заговорщикам. Мурило не понял, заметил ли Тхак вторжение. Человек-обезьяна не менял своей позы. Он сидел неподвижно, спиной к той двери, через которую проскользнули заговорщики.

— Они пришли с той же целью, что и ты,— прошептал Набонидус в ухо Мурило.— Только причины, побудившие их к этому, куда более патриотичны, чем просто себялюбие. Ну да, поскольку собака мертва, стало совсем нетрудно шляться по моему дому. Ох, какая возможность устранить эту угрозу раз и навсегда! Если бы только на месте Тхака был я — один прыжок к стене, один только раз дернуть за шнур...

Петреус уже переступил порог, его спутники следовали за ним вплотную, кинжалы их блестели. Неожиданно Тхак поднялся и с быстротой молнии повернулся к ним. Вместо ненавистного, но знакомого лица Набонидуса они увидели жуткую образину, и это лишило их воли, как и Мурило несколько часов назад. С пронзительным воплем Петреус отшатнулся, и это повергло его сообщников в бегство. Они спотыкались, цеплялись друг за друга, а Тхак одним гигантским прыжком подскочил к стене и резко дернул за толстый шнур, который висел перед дверью.

Обе половины занавеса тут же полностью раздвинулись, и что-то просвистело в воздухе, излучая неопределенное серебристое сияние.

— Он вспомнил! — в восторге крикнул Набонидус.— Этот зверь уже наполовину человек! Он видел, как это делаю я, и он не забыл! Смотрите теперь! Смотрите!

Мурило заметил, что теперь дверной проем был закрыт тяжелой стеклянной пластиной. Сквозь нее он различал бледные лица заговорщиков. Петреус протянул руки, словно обороняясь от нападения Тхака, но затем он коснулся прозрачной преграды. Судя по его жесту, он что-то сказал, обращаясь к своим товарищам. Благодаря тому что занаве-

си были раздвинуты, те, кто находился в подвале, могли наблюдать все, что происходило в комнате с непрошеными гостями. В паническом страхе они ринулись к двери, через которую, очевидно, вошли сюда, и остановились как вкопанные, натолкнувшись на другую невидимую преграду.

— По рывку шнура эта комната была перегорожена,— объяснил Набонидус, улыбаясь.— Это все очень просто. Стеклянные пластины двигаются по пазам в дверных косяках. Шнур приводит механизм в действие. Это возможно сделать, только находясь во внутреннем помещении. Совершенно исключено сдвинуть пластины, даже на волосок. Стекло абсолютно непробиваемо. Не раз его пытались разбить молотком, топором, причем с большой силой. А!

От ужаса люди, попавшие в ловушку, впали в истерику. Вслепую носились они от двери к двери, отчаянно молотили по ним кулаками и, казалось, грозили неподвижной, заросшей волосами фигуре, находившейся во внутреннем покое. Неожиданно один из них задрал голову и посмотрел на потолок. Судя по движению его губ, он испустил панический вопль, тыча рукой наверх.

— Когда пластины опускаются, высвобождаются Облака Уничтожения,— сказал Багряный Жрец с диким смешком.— Они состоят из пыльцы серого лотоса с Болота Мертвых из страны Кхитай.

В центре потолка висела гирлянда золотых цветов, которые раскрылись, как лепестки гигантской розы. Перед ними заколыхалось серое облако, которое быстро заполнило собой всю комнату. Сцена тут же стала иной. На смену истерике пришло безумие. Заговорщики шатались и спотыкались как пьяные, двигаясь по кругу. Пена выступила на их губах, которые кривились в жутких ухмылках. Одержимые безумием, они набросились друг на друга с кинжалами, они кололи, резали, грызли друг друга зубами в кошмарном сумасшествии. У Мурило свело желудок, когда он наблюдал эту сцену. Ему оставалось только благодарить судьбу за то, что он не может слышать воя и рычания, которые, без сомнения, раздавались в комнате ужаса.

А вокруг несчастных торжествующе прыгал Тхак, размахивая руками. Набонидус, который стоял рядом с Мурило, хохотал как сумасшедший.

— О, славный удар, Петреус! Выпусти ему кишки! А теперь твоя очередь, мой патриотически настроенный друг! Теперь все на пол, и пусть живые рвут мясо мертвых зубами!

Мурило отшатнулся. Киммериец за его спиной вполголоса ругался на своем жестком языке. Теперь одна только смерть царила в стеклянной комнате. С раскрытыми ртами и залитыми кровью лицами, которые безжизненно смотрели в потолок сквозь серые, слегка колеблющиеся облака, лежали заговорщики, безмолвные и совершенно неузнаваемые в одной кровавой куче.

Тхак сгорбился, как титанический гном, и бросился к стене, на которой висел шнур. На этот раз он потянул веревку не вверх, а в сторону.

— Открывает внешнюю дверь,— пояснил Набонидус.— Клянусь Митрой, он еще ближе к человеку, чем я предполагал. Смотрите, как вытягивается запах из комнаты и идет свежий воздух. Он ждет, чтоб опасность не коснулась его самого. Теперь он поднимает остальные пластины. Он предусмотрителен. Он знает об опасных свойствах серого лотоса, который приносит безумие и смерть. Митра!

Мурило чуть не подпрыгнул: так резко прозвучал этот возглас.

— Наш единственный шанс! — объяснил Набонидус.— Если он оставит этот покой, хотя бы на короткий миг, мы сможем попытать счастья и подняться по лестнице!

Они напряженно следили за чудищем, которое вышло в раскрытую дверь и исчезло. После того как стеклянные пластины были подняты, шторы снова задернулись и скрыли покой смерти.

— Нужно рискнуть! — шепнул Набонидус. Мурило увидел капли пота на его лбу.— Вероятно, он избавляется от трупов, как это делал я. Скорей! Идите за мной! По лестнице!

Он побежал к ней и взлетел по ступенькам с легкостью, удивившей Мурило. Юный аристократ и варвар следовали за ним. Они услышали глубокий вздох облегчения, когда он рванул дверь на верхнем конце лестницы. Они вошли в большой покой, который уже видели с помощью зеркала. Тхака нигде не было.

— Он в той комнате, где убитые,— прошептал Мурило.— Закроем его там таким же способом, каким он запер там заговорщиков,— предложил он.

— Нет, нет! — возразил Набонидус, и необычайная бледность покрыла его лицо.— Мы не можем быть уверены, что он и впрямь находится там. И кроме того, он может вернуться, прежде чем мы дотянемся до шнура! Лучше идите за мной в коридор. Мне нужно непременно попасть в мои

комнаты, чтобы добраться до оружия, которым я могу уничтожить его. Этот выход — единственный, где нет ловушек, и по нему мы можем пройти через эту часть дома.

Они быстро двинулись за ним через занавешенный дверной проем, расположенный против того, что вел в комнату смерти, и оказались в коридоре, в который выходило множество дверей. Дрожащими от спешки пальцами Набонидус проверял их одну за другой. Все они были заперты.

— Митра! — Жрец прислонился к стене. Лицо его посерело.— Двери закрыты, и Тхак забрал у меня ключи. Вот теперь мы действительно в ловушке.

Мурило был потрясен, потому что он никогда не ожидал увидеть жреца таким подавленным. Набонидусу пришлось собрать всю свою волю, чтоб вновь обрести самообладание.

— Эта бестия меня достанет,— обреченно сказал он.— Если бы вы, как я, видели, что Тхак делает с человеком... Храни нас Митра! Боюсь, нам придется вести борьбу теми скудными средствами, которые у нас имеются.

Он повел их назад, к занавешенному дверному проему, и заглянул в большой покой как раз в тот момент, когда Тхак выскочил из двери, расположенной напротив. Не было никаких сомнений — человек-зверь почувствовал что-то подозрительное. Его маленькие, плотно прилегающие к голове уши шевельнулись, он злобно осматривался сердито сверкающими глазками. Он бросился к двери и рванул в сторону шторы, чтоб заглянуть внутрь.

Набонидус отшатнулся. Он дрожал как осиновый лист. В полном отчаянии он схватил Конана за плечо.

— Послушай, парень. Ты не отважишься выставить свой нож против его когтей?

Искра, вспыхнувшая в глазах Конана, была единственным ответом.

— Тогда быстро,— шепнул Багряный Жрец и толкнул его к шторам возле стены.— Он все равно скоро нас обнаружит, будет лучше, если мы опередим его. Когда он устремится на нас, ударь его ножом в спину, если сможешь. Мурило, ты покажешься ему и сразу побежишь по коридору. Митра знает, в рукопашной схватке шансов у нас нет, но если он погонится за тобой, у нас появится возможность избежать смерти.

Мурило чувствовал, как кровь застывает у него в жилах, но он сцепил зубы и вышел в дверной проем. Тхак тут же резко развернулся на другом конце комнаты, смерил его

взглядом и с убийственным ревом бросился на него. Его багряный капюшон упал и открыл бесформенный череп. Черные лапы и красный плащ были забрызганы кровью. Это был черно-красный кошмар, который мчался по комнате, оскалив зубы. Кривые ноги несли мощное тело с удивительной скоростью.

Мурило побежал назад, в коридор. Косматое чудовище гналось за ним по пятам. Но в тот момент, когда они проскочили мимо штор, могучая фигура появилась за их спинами и почти одновременно с тем всадила нож чудовищу между лопаток. Тхак яростно зарычал, когда сильный толчок опрокинул его и он вместе со своим противником рухнул на пол. И оба они сплелись на каменных плитах в жуткий клубок железа, клыков и когтей.

Мурило видел, что варвар обвил тело человека-обезьяны ногами и пытался таким образом удержаться на его спине. Чудовище, со своей стороны, старалось стряхнуть с себя врага, чтоб он оказался в пределах досягаемости его огромных клыков. В водовороте ударов и багровых лоскутьев они покатились по коридору. Они крутились так быстро, что Мурило не решался пустить в ход стул, который он прихватил в качестве оружия, из опасения ударить варвара. Теперь он заметил, что, несмотря на первую рану, которую Конан нанес из укрытия, и несмотря на то, что развевающиеся лохмотья путались в руках и ногах чудовища, силы Тхака не убывали. Он, не переставая, уволакивал киммерийца вперед, и это невзирая на многочисленные колотые раны, которые давно уже убили бы обычного человека. Клинок варвара погружался в тело, в плечи и затылок, и чудовище истекало кровью, но если кинжал Конана не нанесет ему в ближайшие секунды смертельного удара, нечеловеческая сила Тхака покончит с киммерийцем, а потом и с Набонидусом, и с ним, Мурило.

Конан дрался, как дикий зверь, в полном молчании, которое прерывалось только хрипом или рычанием. Черные когти чудовища, его железные пальцы царапали и рвали тело. Распахнутая пасть с острыми клыками неустанно тянулась к его горлу. Неожиданно Мурило улучил момент вступить наконец в бой и изо всех сил обрушил стул, так что череп обыкновенного человека разлетелся бы под этим ударом. Но деревянный предмет сломался, стукнувшись о затылок Тхака. На мгновение чудовище ослабило свою хватку. Этот миг использовал Конан. Хрипя и заливаясь кровью, он бросился вперед и по самую рукоятку вонзил свой нож в сердце человека-обезьяны.

Судорожно вздрогнув, Тхак посмотрел на своего врага сверху вниз, затем рухнул. Его злобные зоркие глазки помутнели, мощные руки и ноги шевельнулись еще раз и застыли навсегда.

Конан, ошеломленный, залитый кровью, зашатался и вытер с глаз пот и кровь. Кровь капала с его ножа, с его пальцев, стекала по рукам и ногам, струилась по груди. Мурило схватил его, чтоб поддержать, но варвар недовольно оттолкнул его.

— Если я не могу больше сам держаться на ногах, значит, пришло время умирать,— процедил он сквозь запекшиеся губы.— Но я бы лучше выпил вина.

Набонидус разглядывал затихшую фигуру, словно не веря своим глазам. Черный, волосатый, жуткий человек-зверь, нелепый в лохмотьях багряного плаща, неподвижно лежал на полу. Но было в нем теперь больше человеческого, чем животного, и поэтому в том впечатлении, которое он производил, появилось что-то возвышенное.

Даже киммериец, казалось, заметил это, потому что он прохрипел:

— Я убил *человека, не зверя.* Я причислил бы его к храбрейшим из всех, чьи души мне доводилось отправить во мрак, и мои женщины пели бы о нем.

Набонидус поднял с пола связку ключей на золотой цепочке, которую Тхак выронил во время драки. Он сделал знак своим спутникам следовать за ним и направился к одному из покоев, отпер его, провел обоих через дверь. Как и во всех остальных помещениях дома, здесь ярко горел свет. Багряный Жрец взял сосуд с вином со стола и наполнил хрустальные бокалы. Когда его спутники жадно припали к вину, он проговорил:

— Что за ночь! Скоро утро. Что вы намерены предпринять теперь, друзья мои?

— Я хотел бы позаботиться о ранах Конана, если ты будешь настолько любезен и дашь мне перевязочный материал,— заявил Мурило.

Набонидус кивнул и шагнул к двери. Что-то в том, как он держался, заставило Мурило присмотреться к нему пристальнее. Возле самой двери Багряный Жрец неожиданно резко повернулся. Лицо его изменилось. Глаза пылали прежним огнем, рот кривился в беззвучном смехе.

— Негодяями можем быть мы все трое! — И голос его прозвучал, как и прежде, насмешливо.— Но идиот ты один, Мурило.

— Что это значит? — пылко спросил молодой аристократ и хотел было двинуться к нему.

— Назад! — предостерег его Набонидус.— Еще шаг — и тебе конец!

Мурило похолодел, когда увидел, что Багряный Жрец схватился за толстый шелковый шнур, который висел между штор сразу за дверью.

— Какое гнусное предательство! — крикнул юноша.— Ты же поклялся...

— Я поклялся ничего не говорить королю о твоих мелких махинациях! Но я не клялся не брать в руки этот предмет, раз уж мне представилась такая возможность. А ты что, решил, что я упущу подобный случай? В обычной ситуации я бы не решился убрать тебя собственноручно, не получив заранее одобрения от короля. Но об этом же никто не узнает. Ты исчезнешь в чане с негашеной известью вместе с Тхаком и этими кретинами-патриотами. Что за ночь для меня! Хоть я и потерял нужных мне слуг, но то обстоятельство, что я избавился от очень неприятных врагов, перевешивает все! Так что стойте оба на месте! Я уже переступил порог, и вы не успеете добраться до меня, прежде чем я дерну за шнур и отправлю вас в Преисподнюю — на сей раз не с помощью серого лотоса, но столь же эффективно. Почти в каждой из моих комнат имеется ловушка. И поэтому, Мурило, как только какой-нибудь идиот, вроде тебя...

Движением, слишком быстрым для того, чтоб за ним мог уследить глаз, Конан схватил стул и запустил им в жреца. Набонидус инстинктивно вытянул вперед руки, пытаясь защититься, но было поздно. Снаряд разбил ему голову. Багряный Жрец зашатался и упал на пол лицом вниз. Вокруг него сразу образовалась темная лужа.

— А кровь у него, оказывается, просто красная,— разочарованно буркнул Конан.

Мурило провел дрожащей рукой по волосам, влажным от пота, и, слабея от облегчения, прислонился к столу.

— Светает,— прохрипел он.— Давай уйдем отсюда, пока мы не попались в какие-нибудь другие ловушки! Если мы сможем перелезть через стену так, что нас не заметят, никто не приплетет нас к событиям, разыгравшимся в этом доме. Пускай власти сами ищут всему объяснение.

Он бросил еще один беглый взгляд на труп Багряного Жреца, лежавшего в луже крови, и пожал плечами.

— Он сам идиот,— пробормотал он.— Если бы не тратил время на то, чтоб издеваться над нами, запросто успел бы захлопнуть ловушку.

— Ну,— равнодушно отозвался киммериец,— он прошел по той дорожке, по которой рано или поздно проходят все подлецы. Я бы с удовольствием пошарил здесь на предмет добычи, но я нахожу, что самое умное для нас — это убраться отсюда как можно быстрее.

Когда сумрак сада остался позади и небо над ними посветлело, Мурило сказал:

— Багряный Жрец ушел в Преисподнюю, так что я могу остаться среди моих прежних друзей и бояться мне больше нечего. Но что будет с тобой? Обвинение в убийстве жреца из Лабиринта с тебя не снято...

— Я сыт этим городом по горло,— ухмыльнулся киммериец.— Ты не упоминал часом о какой-то лошади, которая якобы ждет меня возле Крысиной Норы? Ужасно любопытно будет узнать, как быстро сумеет доскакать кобылка до другого королевства. На свете много дорог, с которыми я хотел бы познакомиться, прежде чем встану на тот путь, по которому прошел сегодня Набонидус.

Скакун, подаренный юным аристократом, действительно оказался резвым, ибо в конце концов занес нашего героя аж в Туран, где тот поступил на службу в армию к королю Илдизу. Уже до того владевший в совершенстве многими военными искусствами, он добавил к ним стрельбу из лука и то, что позднее названо было джигитовкой. Дел у Илдиза хватало, и за неполные два года Конан успел побывать во многих странах, даже таких экзотических, как Мероэ, Вендия, Гиркания и Кешан. Однако ссора с непосредственным начальником, как поговаривали, из-за девушки, заставила варвара дезертировать, и он вернулся в родные края. Когда его соплеменники в очередной раз совершали набег на извечных врагов — ванов, он, естественно, в стороне не остался...

Дочь Ледяного Исполина

Стих грохот мечей и секир, боевые крики и стоны не тревожили больше обледенелую холодную равнину под хмурым зимним небом. На окровавленный снег снизошла тишина. Белесое негреющее солнце, еще недавно искрившееся в прозрачных глыбах льда, отражалось теперь в разбитых панцирях и щитах, в лезвиях боевых топоров, в изломанных клинках, что сжимали холодеющие руки погибших. Мертвые воины крепко держали оружие, словно не веря, что последний их бой завершен. Их головы в рогатых шлемах запрокинулись к небесам; бороды, рыжие и золотистые, торчали вверх, погасшие глаза были обращены к горам — туда, где властвовал Имир, Ледяной Исполин, бог и владыка воинственного племени северян.

Среди залитых кровью сугробов и тел в изрубленных доспехах стояли двое. В мертвом мире, холодном и безмолвном, лишь эти два бойца еще хранили жизнь; лишь они могли еще двигаться, дышать, сражаться. Над ними круглился серый купол небес, вокруг простиралась бесконечная белая равнина, морозный воздух стыл в ледяной тишине, заставляя лица мертвецов покрываться инеем. Двое живых, словно бестелесные призраки, скользили меж трупов, не спуская друг с друга настороженных глаз.

Оба они были рослыми, с широкими плечами, на которых мог улечься снежный барс, и повадками они напоминали барса. Щиты воинов были разбиты и отброшены, доспехи помяты и обагрены кровью, шлемы с медными рогами носили отметины ударов, следы смертоносной ласки секир. Один, черноволосый, синеглазый и безбородый, нес на плече окровавленный меч; клинок другого, тоже залитый кровью, был угрожающе направлен вперед. Борода и во-

лосы этого воина отсвечивали рыжим огнем на фоне белого снега.

Рыжий, встретив взгляд темноволосого, усмехнулся.

— Хотел бы я услышать твое имя, приятель. Да, хотел бы, чтоб в Ванахейме знали, чью голову снес меч Хеймдала. Последнюю голову из всей дружины Вулфера, павшей от клинков ванов!

— Об этом ты поведаешь не в Ванахейме, а на Серых Равнинах,— буркнул синеглазый.— Там ты будешь проклинать день и миг, когда встретил Конана из Киммерии!

Взревев, Хеймдал прыгнул, и его клинок, яростно сверкая в солнечных лучах, разрезал холодный воздух. Смертоносная сталь обрушилась на шлем Конана; он пошатнулся, но устоял на ногах. Перед глазами его расцвел радужный ореол, снег подернулся алым, рукоять меча дрогнула в окостеневших пальцах. Однако он был жив! И его ответный удар был страшен.

Меч киммерийца рассек доспехи рыжего вана, пробил ребра, проник сквозь жесткую плоть и дотянулся до сердца. Захрипев, Хеймдал откинулся назад и рухнул мертвым к ногам Конана. Остекленевшие его зрачки смотрели на север, рот раскрылся — будто для проклятия врагу или хвалы Имиру.

Победитель выпрямился и дернул к себе меч. Удар вана ошеломил его; в голове гудело, отблески солнечного света на снегу слепили глаза, колени подгибались. Он оглядел поле битвы — скошенный смертью луг, где златовласые асы Вулфера покоились рядом с рыжебородыми ванами Браги. Хеймдал был последним из них; значит, Вулфер победил! Или не Вулфер — Конан?

Подняв лицо к далекому тусклому небу, киммериец испустил вопль торжества, потом сделал несколько шагов, опираясь на меч. Внезапно серебристый блеск равнины потемнел, глаза Конана застлала мутная пелена; вскрикнув, он повалился в снег, ударившись закованным в броню локтем. Встать уже он не сумел — только тряс головой, словно разъяренный лев, потрясающий гривой. Потом взгляд его застыл, губы замерли; холод и тишина сомкнули крылья над киммерийцем.

Светлый луч коснулся век Конана; завеса тьмы начала рассеиваться, зрение возвращалось к нему. Киммериец раскрыл глаза.

Что-то странное, необъяснимое и непонятное происходило с миром. Ему казалось, что небо и земля слились, за-

мерцали чистым серебром; внизу искрились льды и снега, сверху — сияющий над бескрайней равниной облачный покров. Но Конан не искал объяснений свершившемуся преображению; он глядел на иное чудо.

В нескольких шагах от него стояла девушка. Юная и тонкая, как молодая осинка, она чуть покачивалась на ветру. Ноги ее были босы, но изящные маленькие ступни, будто бы выточенные из слоновой кости, не ощущали холода. Голову и тело ее окутывала полупрозрачная фата, не скрывавшая очертаний маленьких крепких грудей и округлых бедер. Девушка смеялась — смеялась прямо в лицо поверженному воину. Смех ее был бы подобен нежному журчанью горного ручья, если б в нем не слышались презрение и насмешка.

— Кто ты? — хрипло пробормотал киммериец, приподнимаясь на локте.— Кто ты? Откуда ты здесь? И что тебе нужно?

Девушка-осинка вновь рассмеялась.

— К чему тебе это знать? — Ее чистый хрустальный голос был безжалостным, как лезвие ножа.

Конан вздрогнул.

— Ты из племени проклятых ванов! — сказал он, протягивая руку к мечу.— Выследили меня, да? Ну так зови своих людей! Мы славно повеселимся! Клянусь Кромом, десять голов будут платой за мою жизнь! Вы, ваны, рыжие псы и потомки псов!

Девушка прервала его, взметнув края своей воздушной вуали.

— Ты это сказал, не я! При чем здесь ваны?

Перед глазами Конана окончательно прояснилось. Теперь он видел, что волосы девушки, показавшиеся ему сперва пламенными, словно огонь, на самом деле не были ни рыжими, ни белокурыми; они сверкали на солнце ярким золотом, сияли так, что золотистые отблески на мгновение ослепили киммерийца. Зрачки ее казались глубокими, точно два бездонных колодца, и в них Конан не различал знакомых красок севера — ни цветов голубого блеклого неба, ни оттенков серых скал. Лишь губы девушки, алые пухлые губы, сложенные в насмешливую улыбку, выглядели так, как у прочих людей.

Он посмотрел на нее внимательнее. Эта златовласая красавица была подобна мечте! Вся, от маленьких ступней до сверкающего ореола прядей, разметавшихся по точеным плечам!

Кровь набатом ударила Конану в виски.

— Не знаю, откуда ты,— буркнул он.— Может, враг, может, друг... то ли из Ванахейма, то ли из Асгарда... Но, странствуя по свету, я не встречал такой красоты. Я ослеплен золотом твоих кудрей... Клянусь Имиром! — Он вытянул руку к далеким горам, синевшим на горизонте.— Прекраснейшие дочери Асгарда — жалкие рабыни рядом с тобой!

— Клянусь Имиром! — повторила девушка, и губы ее презрительно изогнулись.— Тебе ли поминать его? Что ведаешь ты о владыке снега и льдов, повелителе воинов севера? Ты, безродный чужак, пришедший с юга?

— Кром! — взревел Конан.— Вот мой бог, и он грозней и сильней Имира! И он дал мне силу — такую силу, что нет равного мне ни среди золотобородых асов, ни среди рыжих ванов! Восемь десятков бойцов ушли сегодня на Серые Равнины... Восемь десятков! Все они пали — и люди Вулфера, и хищные волки Браги, и последний из них, Хеймдал... Лишь я остался в живых! Я, Конан из Киммерии! — Он нахмурился и устремил на девушку горящий взгляд.— Или ты не веришь мне? Тогда скажи, высмотрела ли ты кого живого? Видела ли блеск доспехов на снежной равнине или воинов, бредущих с поля боя? Слышала ли их голоса и крики?

— Видела я блеск льда на солнце, слышала голос ветра, что летит над вечными снегами,— отвечала девушка.

Конан сел и, стащив изрубленный шлем, покачал головой.

— Никого не осталось... никого, кроме меня! Но Ньорд и Хорса обещали, что присоединятся к нам со своими людьми... Видно, дружина их попала в засаду... Они мертвы, и Вулфер мертв, и все его бойцы...— Он огляделся, озирая безжизненную белую равнину, чувствуя, как когти холода заползают под броню.— Далеко же забрались мы в поисках добычи и врага! Ни дыма, ни хижины на много переходов окрест... Но ты,— взгляд киммерийца спустился к ногам девушки,— ты пришла босиком. Значит, близко есть жилье... И если ты — дочь Асгарда и друг, проводи меня в свое селенье, ибо мне нужно тепло очага и пища. Я изнемог от ран, златовласая.

— Селенье мое дальше, чем ты думаешь, киммериец! — Звонкий смех девушки всколыхнул морозный воздух.— Много дальше! — Она протянула руки к далекому горному хребту, а потом раскинула их и закружилась, затанцевала перед киммерийцем. Маленькие ступни ее не приминали снега; зрачки, не голубые, не синие и не серые, сверкали огнем под завесой длинных ресниц.

— Скажи, Конан из Киммерии, разве я не хороша? Разве не прекрасна? Разве не желаешь ты согреться в моих объятиях?

— Ты — утренняя заря, что серебрит снег на восходе...— прошептал очарованный Конан, и глаза вспыхнули, как у голодного волка.

— Тогда встань и иди ко мне! Иди, Конан! Немного стоит боец, умирающий среди груды трупов! Меньше, чем залитый кровью осколок льда!

Безумие слышалось в ее речах; безумие и опасность. Она танцевала меж мертвых тел, словно плясунья на пиру; вились края невесомой фаты, дразнили алые губы.

— Не можешь подняться, Конан? Тогда ложись и умирай, как остальные! Стань пищей для воронов и волков! Слабый не доберется до моего селенья! Слабый — добыча смерти!

С проклятьем киммериец вскочил; ноги его дрожали, гнев туманил голову, лицо побагровело. Но сильней гнева было разгоравшееся в нем желание; кровь стучала в висках, бешено пульсировала в жилах, алым туманом застила глаза. Он был изранен, он изнемогал от усталости, но боль и телесные муки отступали перед страстью. Он жаждал эту девушку! Жаждал так, как ни одну из женщин мира! Быть может, она была безумна; но теперь им тоже овладело безумие.

Конан молча поднял свой окровавленный клинок, сунул его в ножны и ринулся к желанной добыче. Руки его были распростерты, как крылья орла.

Девушка засмеялась. Прервав стремительную пляску, она отскочила и бросилась бежать — на север, к далеким горам, что нависали над ледяной пустыней. На бегу она оглядывалась, временами маня рукой; смех ее звенел, словно серебряные колокольцы. Конан мчался следом. Ноги его приминали снег, на губах стыли проклятья.

Он позабыл обо всем. Забыл о недавнем сражении, о погибших соратниках, чьи тела холодели среди льдов; забыл о Ньорде, то ли спешившем на помощь, то ли изрубленном вместе со своими людьми; забыл о Хеймдале, последней жертве его меча. Он несся по белым безжизненным полям, и мысли его летели вслед хрупкой фигурке, что, дразня, парила перед ним, недосягаемая и желанная.

Груды тел и залитый кровью снег остались позади. Панцирь давил на плечи, меч бился о бедро; ноги, в тяжелых сапогах и стальных набедренниках, крушили хрупкий наст. Он бежал; он мчался вперед с несокрушимым упорством,

рыча, будто дикий зверь. Киммерийцы были упрямы — но Конан был самым упрямым из всех. Зябкие морозные пальцы проникли под его доспехи и меховую куртку, но он, разгоряченный бегом, не замечал их; он должен был догнать и схватить добычу — или умереть.

Странно, но эта ледяная мертвая равнина не страшила беглянку. Казалось, она танцует не по обжигающему холодом насту, а по теплым доскам пола, перед натопленным очагом; она летела вперед, словно легкое перышко, и Конан, с каждым шагом глубоко проваливавшийся в снег, не видел ее следов. Он вспотел, но упрямство и желание превозмогали усталость; рыча и воя, он мчался за ней подобно голодному волку.

— Тебе не уйти! — ревел он.— Не уйти! И не заманить меня в ловушку! Попробуй — и люди твои лишатся голов! Ты не спрячешься от меня — ни тут, ни в горах! Я сверну камни, разобью скалы и настигну тебя даже на Серых Равнинах!

Презрительный хохот служил ему ответом.

Златовласое порождение льда манило его, увлекая в снежную пустыню. Солнце миновало зенит, начало клониться к горизонту, к далекому Западному океану, лежавшему за равнинами Ванахейма. Двое затерянных среди льдов и снегов по-прежнему мчались вперед — обуянные безумием, не знающие усталости.

Постепенно местность стала меняться. Бескрайняя плоская равнина теперь вспучилась холмами, ощетинилась зубцами скал; на севере, озаренные лучами вечернего солнца, вырастали горы — голубовато-льдистые, в отблесках алого, в отсветах багряной зари. Над головой Конана сверкающим кхитайским шелком развернулись полотнища северного сияния, многоцветные, как радуга жарких стран. Снег блестел и переливался то серебряным, то синим; мир вокруг исполнился магии и волшебства. И столь же колдовской была тонкая фигурка, манившая Конана вперед; он видел лишь ее и бежал, бежал, бежал...

Ничто уже не могло вызвать его удивления — ни танцующая перед ним недосягаемая красавица, ни два гиганта, внезапно загородивших ему дорогу. Доспехи их покрывал сверкающий иней, шлемы и лезвия секир отсвечивали синим льдом. Иней серебрился на их волосах, бороды смерзшимися прядями стекали на грудь, а в глазах стыл холод — ледяной холод, подобный отблеску зимних звезд.

Девушка метнулась к исполинам.

— О, братья мои! Взгляните — вот человек с теплой плотью, жертва нашему отцу! Я привела его к вам! Разрубите ему грудь, вырвите сердце, обагрите снег кровью! И, пока тело бьется и трепещет, возложите его на алтарь!

Раздался громоподобный рев — словно две ледяных горы, столкнувшись в океане, мерялись силой. Конан, вздымая меч, ринулся к гигантам; одетые инеем топоры взметнулись над ним. На долю мгновения их серебряный блеск ослепил киммерийца, но рука его была тверда: описав полукруг, стальное лезвие впилось в бедро великана. С хриплым рыком тот свалился в снег, но секира второго врага настигла Конана. Он тоже упал, сбитый с ног, но невредимый: плечо онемело, однако панцирь отразил удар.

Над ним, подобно башне, уходившей в сумрачное небо, высился гигант с подъятым топором. Лицо его казалось высеченным из гранита, пластины панциря отсвечивали сияньем льдов. Огромный топор рухнул вниз; Конан, спасаясь от удара, откатился. В следующий миг он уже был на ногах, и длинный его клинок просвистел погребальную песнь. Брызнула кровь, голова гиганта запрокинулась, огромная рана на шее казалась разверстым ртом. Подогнув колени, он медленно осел на землю — такой же каменно-недвижимый, как скалы, темневшие вокруг.

Девушка не отводила взгляда от бойцов, взирая на стремительную схватку; торжество в ее глазах быстро сменил ужас. Заметив это, Конан поднял окровавленный клинок и расхохотался — грозно, ликующе.

— Ну, где твои братья, красавица? Может, есть еще? Так позови их! И я разрублю им грудь, вырву сердца и обагрю снег их кровью! Но возлагать на алтарь не стану — брошу в снег, на поживу волкам!

Он шагнул к ней, и златовласая девушка в страхе бросилась к скалам — уже не смеясь, не издеваясь над Конаном, а желая лишь скрыться и спастись. Тщетно! Киммериец мчался за ней, чувствуя, как с каждым шагом, с каждым прыжком прибывают силы. Снег и осколки льда летели из-под его сапог.

Но расстояние не сокращалось — беглянка была быстроногой. Скрипнув зубами, Конан рванулся вперед. Теперь между ними было шагов сто, не больше. Он видел, как вьется по ветру полупрозрачная вуаль, и, казалось, уже чувствовал упоительный запах девичьей кожи. Прошло немного времени, и она начала спотыкаться; дыхание со свистом вырывалось из ее груди.

Конан ускорил бег и усмехнулся. Он побеждал!

Страсть, желание и гнев мешались в дикой его душе. С яростным воплем он сделал несколько гигантских прыжков, отшвырнул меч, вытянул руки и сжал беглянку в объятиях. Она билась, словно птица, попавшая в силок, но варвар держал крепко; его железные пальцы впились в нежную плоть. Тело девушки изогнулось, прикосновение к ее коже, холодной и белой, как снег, обожгло Конана. Золотые волосы метались перед ним, слепили глаза. Но коршун закогтил куропатку и не собирался выпускать добычи.

— Ты холоднее льда,— пробормотал он.— Ну ничего! Я согрею тебя, красавица! Моего жара хватит на двоих!

Она вырвалась отчаянным усилием и отскочила, оставив в его кулаке клочок своей невесомой фаты. Золотистые локоны рассыпались по плечам, растрепались, губы побледнели, судорожное дыхание волновало грудь. Конан замер. Ее красота — воистину нечеловеческая! — вновь поразила киммерийца.

Руки девушки взметнулись в мольбе, взгляд обратился к горам, что мрачными громадами темнели на горизонте. Теперь голос ее уже не казался перезвоном хрустальных колокольчиков; он был полон тревоги и страха.

— Имир! Имир, великий отец мой! Спаси! Защити меня!

Конан вновь попытался схватить ее, поймал край полупрозрачной вуали, потянул к себе... Но тут раздался грохот — такой, словно над ним заработали гигантские жернова, перетирая в пыль ледяную гору. В небесах холодным пламенем полыхнула зарница, затмив переливы северного сияния; громыхнул гром, и ослепительная вспышка заставила киммерийца зажмуриться. Фигурка девушки тоже казалась охваченной пламенем; какой-то миг оно сияло и жгло руки Конана, потом беглянка исчезла. Он был один; только ветер метался по равнине да угрюмые скалы торчали вокруг, темные и мрачные, подобные клыкам исполинского подземного чудища.

В небесах вновь громыхнуло, раскатистый рокот титанического барабана накатился с гор. Высоко вверху, над головой Конана, звезды пустились в стремительный хоровод, и в такт их круженью все бил и бил барабан. Потом звуки его сделались еще мощней, еще громче; теперь они напоминали грохот колес боевой колесницы и стук подков. Чудовищные кони влекли повозку все ближе и ближе, молнии летели из-под копыт, огромная фигура в ледяном панцире встряхивала вожжами, торопила скакунов...

Снежные сугробы, горы и скалы покачнулись, взлетела снежная пыль, застлав глаза Конану. Мириады огненных всплесков соединили землю и небеса, закружились, подобно гигантской карусели, рассыпались звездным ливнем. Равнина дрогнула и ушла из-под ног киммерийца.

Ослепший и оглохший, он рухнул в снег.

Чьи-то руки перевернули его, чьи-то пальцы коснулись заиндевевшей щеки.

Он оживал, медленно и словно бы нехотя всплывая к свету из мрачного и холодного мира Серых Равнин, царства мертвых, где не сияло солнце, не искрились звезды, не пел песен ветер. Кто-то тряс его, кто-то растирал ладони и ступни — так, словно пытался содрать с них кожу. От этой пытки Конан совсем очнулся, зарычал и в поисках оружия принялся шарить по мерзлой земле.

— Парень очнулся, Хорса! — прозвучал над ним громкий возглас.— Очнулся, клянусь медвежьими кишками! Горм, ты посильней, может, спасешь ему руки да ноги... Такой боец нам еще пригодится!

— Кулак у него железный,— пробормотал другой голос.— Пальцы на левой руке никак не разжать... Что-то он держит... Крепко, как клещами!

Конан раскрыл глаза. Над ним склонились рослые бородатые люди. Волосы их сверкали золотом, панцири светились серебром; на плечах топорщился волчий мех, и волчьими шкурами были подбиты просторные плащи. Асы, подумал он, Ньорд, Хорса... Губы его шевельнулись, морозный воздух обжег горло.

— Конан! Конан, брат мой, ты жив? — Один из воинов встал рядом с ним на колени.

— Кром! — хрипло выдохнул киммериец.— Или мы оба живы, Ньорд, или все мы уже на Серых Равнинах.

— Думаю, там потеплее,— ответил вождь асов, касаясь щеки Конана. Люди его, два или три человека, копошились вокруг, растирая киммерийцу ступни и ладони.

— Прости, брат, что мы задержались,— продолжал ас.— Попали в засаду! Ну, тем, кто в ней сидел, растирания уже не помогут...— Он ухмыльнулся, блеснув зубами.— Мы нашли груду изрубленных тел, еще не успевших остыть, но тебя среди них не было. Тогда мы пошли по следам... Но куда ты бежал, безумец? К горам, в ледяную пустыню! Клянусь Имиром, мы шли за тобой всю ночь, уже не надеясь найти,— вьюга заметала твой след. Куда тебя понесло?

— Имир,— прохрипел Конан,— Имир...

— Не поминай о нем слишком часто,— буркнул седовласый воин, растиравший ступни киммерийца.— Все земли окрест — под его властью! А сам он обитает в тех горах.— Ас кивнул на север.— Там — его владения!

— Имир,— воздух клокотал в горле Конана,— Имир... Девушка белая, как снег... золотая...

Потом речь его сделалась внятной.

— Мы встретили людей Браги утром,— отрывисто произнес он.— Утром, на равнине! Дрались, долго дрались... Времени я не считал... Мой меч сразил Хеймдала — последнего. Я остался жив, один... ослабел от ран... было холодно... так холодно! — Внезапно голос киммерийца окреп.— Потом появилась девушка. Возникла из ничего! Златовласая, прекрасная и холодная, как воздух Серых Равнин. Я смотрел, как она танцует в снегу, и душу мою охватило безумие. Я желал ее! Так, как не желал ни одну женщину на свете! Она побежала... побежала, и я помчался за ней...— Конан привстал на локте, шаря взглядом по сумрачным лицам воинов.— Вы нашли ее след? Видели великанов? Гигантов в доспехах из льда? Я сразил их... Одному перерубил ногу, другому — шею...

Ньорд, предводитель асов, покачал головой.

— В снегу были только твои следы, Конан. И великанов в доспехах из льда мы не нашли.

Киммериец сел, разминая ладонью шею.

— Кром! Рехнулся я, что ли? — Насупившись, он поглядел на равнину, где ветер играл серебристой снежной пылью.— Но эта девушка, босая и нагая, плясавшая в снегу, мне не приснилась! Я видел ее — так же ясно, Ньорд, как вижу тебя. И я почти поймал ее! Она была в моих руках, но тут вспыхнуло пламя... холодное пламя...

— Бред,— губы Ньорда скривились.— Бред! Он и в самом деле сошел с ума! Как ты думаешь? — Он взглянул на Хорсу, своего помощника.

Но Горм, седой воин с пронзительными серыми глазами, растиравший ступни Конана, покачал головой.

— Ты ошибаешься, вождь. Атали приходила к нему — златовласая Атали, дочь Имира. Она навещает умирающих на поле битвы...— Глаза старика затуманились.— Я тоже видел ее... видел в юности, истекая кровью после битвы у Вольравена... Она танцевала среди мертвецов, при полной луне, и тело ее казалось белей снежных северных равнин, а кудри отливали золотом. Я был трупом... почти трупом...

но я видел ее и хрипел, как издыхающий волк, потому что не мог поползти за ней. Не мог — к счастью! Ибо дева эта сводит раненых с ума и увлекает в ледяную пустыню, к грозным братьям своим. А те, разрубив человека и вырвав сердце его, справляют кровавую жертву...—Хорса кивнул и убежденно произнес: — Нет, Конан не лишился разума и говорит правду! Атали приходила к нему! Атали, дочь Исполина Льдов!

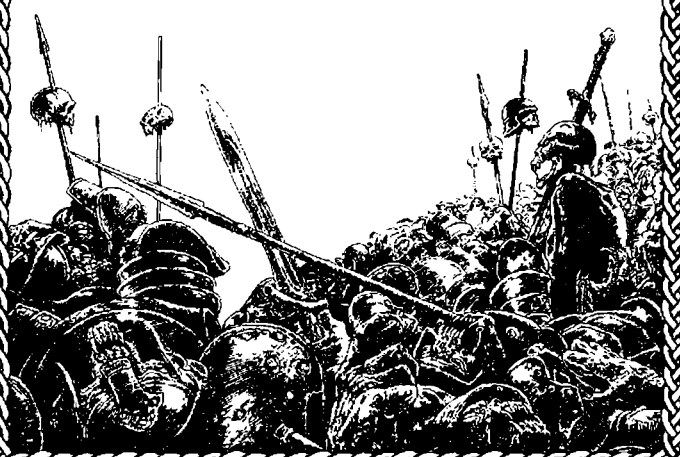
Хорса стукнул кулаком в кольчужной рукавице по щиту и рассмеялся.

— Хо! Все знают, что старый Горм рехнулся после Вольравенской битвы, где ему проломили шлем, а заодно и башку! Что за Атали? Сказки! Я согласен с тобой, Ньорд: он просто бредит! — Хорса похлопал киммерийца по плечу.— Взгляните на его панцирь и кровь, что сочится из трещин... Бой был жесток, и любой из этих ран достаточно, чтоб подхватить горячку! Он бежал в пустыню, но гнался за призраком, разве не так?

— За призраком? — повторил Конан, посматривая на стиснутую в кулак левую кисть.— Может, и за призраком. Но я притронулся к ней... притронулся...

Он смолк, разжал пальцы, застывшим взглядом уставившись в свою ладонь. Потом протянул руку Ньорду и Хорсе, и усмешки сползли с лиц асов. В полной тишине они смотрели на клочок полупрозрачной газовой фаты, на сиявший лунным блеском обрывок вуали, не знавшей прикосновения смертных тканей.

Проведя в родных киммерийских горах несколько месяцев и окунувшись в подзабытую уже стихию межклановых войн, Конан возвратился в цивилизованные хайборийские королевства. Послужил он наемным мечом в Немедии, побывал в Офире. Время это оказалось бедным на приключения — в кои-то веки выдалась передышка между бесконечными войнами, казалось бы, этому можно только радоваться... Но Конан чувствовал себя, как рыба, выброшенная из воды, и в поисках острых ощущений он отправился в Аргос...



Королева Черного побережья

1

ПИРАТЫ

Как лист, весной разбуженный,
Сгорит в осенней кроне,
Так сердце отнял суженый
У грозной девы моря...

«Песнь о Белит»

Был полдень — время, когда соннос знойное марево заливало город. Улицы, ведущие к порту, в этот час выглядели пустынными; даже собаки укрылись в тени домов и заборов. Торговец сидел у своей лавчонки, лениво отмахиваясь от жирных мух, рядом копошился в отбросах нищий старик. За углом, у порога таверны, прикрыв голову рваной мешковиной, дремал какой-то гуляка в разорванной на спине тунике.

На высокобортной галере, стоявшей возле пирса, разомлевшие от жары моряки неторопливо ставили большой полосатый парус. Крепкий бородатый мужчина, видимо шкипер, бранясь, подгонял их.

Царившие вокруг тишина и покой внезапно были нарушены гулким стуком копыт и шумом погони. Вдали, в самом начале улицы, ведущей к морю, показался всадник на черном коне и, ураганом промчавшись мимо по пыльному тракту, вылетел на пристань. Там он осадил жеребца — так, что скакун присел на задние ноги; затем всадник спрыгнул на землю и помчался к пирсу и готовой отплыть галере. На бегу он обнажил меч — огромный, длиной в четыре локтя. Впрочем, это внушительное оружие не помешало ему с легкостью перепрыгнуть на палубу судна.

— Отчаливай! — заорал незнакомец и одним взмахом клинка перерубил причальный канат.

— Ты кто такой, бандит? Нечего тут распоряжаться! — вскипел шкипер.— Кто тебе дал право взойти на мой корабль?

Обнаженный меч уперся в грудь моряка.

— Отчаливай! — рявкнул незнакомец.— Отчаливай, во имя Крома! Или твоя лоханка утонет в крови команды!

Затем непрошеный гость бросил тревожный взгляд на берег — там, в самом конце улицы, уже показался мчавшийся галопом отряд гвардейцев. Бородатый шкипер, несмотря на свою вспыльчивость, хорошо разбирался в людях; не было сомнений, что воин осуществит свою угрозу. А потому бородач отдал приказ и, отстранив острие меча, взялся за багор и оттолкнул судно от причала. Моряки быстро и сноровисто выполнили команду, потом взялись за весла; паруса наполнились ветром, и галера заскользила прочь от берега.

Гвардейцы на взмыленных лошадях вылетели на пирс. Вслед судну неслись проклятия, угрозы и приказы вернуться.

— Эк их разобрало! Пусть побесятся.— Усмешка скривила губы незнакомца. Он обернулся к шкиперу: — Не гневайся, приятель. Видит Кром, я заплачу тебе, сколько скажешь, когда ты высадишь меня на берег. Кстати, куда мы направляемся?

Воин вложил клинок в ножны и выразительно тронул зазвеневший кожаный мешочек, притороченный к широкому поясу. Очень высокий, мощный, черноволосый, с мускулистыми руками, беглец был облачен в тускло поблескивающие доспехи; голову его прикрывал стальной рогатый шлем. Пурпурный плащ, наброшенный на плечи, скрепляла золотая бляха в виде головы оскалившегося неведомого зверя. Суровое лицо пестрило шрамами, а взгляд синих глаз был настороженным и внимательным.

Шкипер посмотрел на берег, где все еще суетились фигурки воинов, пытавшихся раздобыть какую-нибудь лодку и продолжить погоню.

— Ну, я-то плыву в Куш! Товар у меня — украшения, шелка да сахар. Обратно пойду с рудой, слоновой костью и жемчугом. Внакладе не останусь! — пробурчал моряк. Потом широко улыбнулся: — Я Титус, аргосец. А ты кто? И чем ты так насолил этим олухам? Понятно, дело не мое, но все же...

— Мне нечего скрывать.— Рослый воин усмехнулся.— Я — Конан, киммериец! Приехал в Аргос поискать подходящее занятие. Крепкие руки и добрый меч всегда могут кому-

нибудь понадобиться, верно? Прошлой ночью сидел я в кабаке, а тут сотник королевской гвардии пристал к подружке молодого воина. Тот распалился, ввязался в драку да и прибил старого блудодея! Потом сбежал вместе с девкой. Ну, законы ты знаешь: гвардия неприкосновенна и всегда права! Кто-то донес, что я там был; утром меня схватили да отвели к судье. Задница Нергала! Старый пень стал твердить мне о долге перед страной, королем и о всяких других вещах, в которых без кружки доброго вина не разберешься. Он, похоже, думал, что я знаю, где спрятались беглецы. Ну да, знаю! Но почему надо их выдавать? Судья зудел и зудел, а сам знаешь, что бывает, когда голова трещит с похмелья... Я и уснул, прямо у его стола, а он решил, что я издеваюсь, заорал, запричитал, пообещал сгноить в тюрьме... Мне это не понравилось. Пришлось достать меч, прорубить дорогу на улицу да и дать деру! Тут на счастье подвернулся конь начальника стражи... Быстрый жеребец! Жаль, что пришлось его оставить!

Закончив свою историю, Конан с сожалением развел руками.

— Да, этих крючкотворов я тоже не жалую,— ухмыльнулся бородатый шкипер.— Много они мне крови попортили! Сам знаешь, у нас кто богат, тот и прав! А дело-то у меня торговое... прицепиться всегда можно. Думаю, по возвращении мне все припомнят! Но я-то действовал под угрозой меча...— Он снова ухмыльнулся и перевел разговор на другое.— Путешествие у нас будет долгим, и я против тебя, Конан, ничего не имею. Тем паче, что на море неспокойно и всегда может понадобиться такой воин, как ты. Да и от платы я тоже не откажусь... Может, вспрыснем сделку? Что-то в глотке пересохло... Пойдем! От моего вина у тебя в голове трещать не будет!

Они расположились на палубе, неподалеку от рулевых. «Аргос» был небольшим судном, похожим на многие другие купеческие корабли. Его полукруглая корма плавно опускалась в воду, нос был высоко загнут и украшен незамысловатой резьбой, большой парус из крепкого шелка укреплен кожаными полосами. В море, как правило, пользовались парусом, а не веслами; те шли в ход, когда случалось отчаливать от пристани и в безветренную погоду. Всего на галере имелось десять пар весел, одна мачта да палуба, под которой хранился груз. Команда состояла из двадцати матросов-гребцов, трех рулевых и шкипера Титуса. Все эти парни и мужчины были крепкими, бородатыми, дочерна загорелыми; их облаченье выдавало людей небогатых. Короткие штаны

да рубахи без ворота — вот и все! Многие были босы, другие обуты в кожаные ременные сандалии; кинжалы, висевшие на поясах матросов, чаще служили для трапез, чем для боя. Спала команда «Аргоса» прямо на палубе, между скамьями гребцов.

В ближайшие дни ветер дул в попутном направлении, и галера уверенно продвигалась к югу, вдоль берегов Шема и Стигии. Жара день ото дня усиливалась, и над палубой растянули сшитое из кусков ткани полотнище, чтобы хоть как-то укрыться от палящего солнца.

Конану путешествие по морю было в новинку. Он, однако, с легкостью обучался премудростям морского дела, удивляя моряков своей силой и сметкой. Киммерийский варвар играючи управлялся с огромным рулевым веслом, у которого обычно стояли трое дюжих мужчин. Быстро сделавшись своим среди команды, он часто смешил новых товарищей рассказами о воровских проделках в Аренджуне и Шадизаре и живо интересовался всем, что могли поведать моряки о странах, в коих случалось им побывать. Помимо того, киммериец ел за троих и пил за шестерых; крепкие напитки были его главной утехой и слабостью.

Прошло несколько дней; судно приближалось к берегам Куша. Как всегда, шкипер направил «Аргос» в хорошо знакомую бухту, но на сей раз вместо деревни чернокожих моряки увидели лишь развалины жилищ да трупы.

— Такое место было! — Шкипер вцепился всей пятерней в бороду.— Такое место! Здесь торговали лучшим жемчугом на всем побережье! А теперь... Проклятые пираты! О Митра, пусть души их поскорее уберутся на Серые Равнины, а тела поглотит океан! — И бородач крепко выругался.

— Что, если и мы на них нарвемся? — спросил Конан, потянувшись к перевязи с мечом.

— Война — не мое ремесло, но несколько раз нам удавалось отбиться да еще и преизрядно пощипать морских разбойников. Надо будет, так повторим! Будем драться! Если только не повстречаем «Тигрицу» Белит...

— Белит? Кто такая Белит? — привычным жестом варвар коснулся рукояти меча.

Шкипер пожал плечами.

— Никто не знает, откуда взялась эта ведьма! И она сама, и ее «Тигрица», битком набитая чернокожими! И как только женщина может командовать целой оравой черных головорезов? Говорят, они поклоняются ей как богине... зовут ее Королевой Черного побережья...

Затем шкипер показал на сложенное у мостика оружие: копья, короткие мечи, луки, колчаны со стрелами.

— Слабовато против ее банды...— с задумчивостью протянул он.— Но отдавать жизнь за медяк тоже обидно!

«Аргос» вновь повернул в открытое море. Солнце только встало из-за горизонта, когда дозорный закричал, подзывая шкипера: по правому борту показалась стремительно приближающаяся галера под пурпурным флагом. Вскоре на палубе ее стали видны полуобнаженные черные тела; потом донесся дикий вой — боевой клич чернокожих пиратов.

— Белит!

Лицо шкипера, несмотря на загар, сделалось почти белым.

— Левый борт — табань! Лево руля, круче! Еще круче! Гребите к берегу! Навались на весла!

Бородач с проклятиями бросился подгонять гребцов.

— Ну, давайте, проклятые недоумки! Гребите, не то все мы окажемся в заднице Нергала, коль не успеем добраться до берега! Шевелитесь!

Стоя на корме, Конан наблюдал, как быстро сокращается расстояние между кораблями. Даже ему, не слишком искушенному в морских делах человеку, было ясно, что пираты настигнут «Аргос» гораздо раньше, чем нос торговой галеры уткнется в прибрежный песок.

Дождем посыпались стрелы. Пока они еще не достигали купеческого судна, с плеском исчезая в волнах.

— Послушай-ка, борода, прикажи людям вооружаться,— произнес Конан.— Лучше встретить этот сброд мечом и копьем, чем бесславно погибнуть под их стрелами.

Но Титус не слушал, подгоняя гребцов бранью и тяжелыми кулаками. Те молча гребли, гребли изо всех сил; по их мускулистым телам струился пот.

— Быстрее, собаки! — рычал шкипер.— Пасть Нергала за нашими спинами!

Они были уже недалеко от берега, когда ветер резко стих и парус опал. Суда неумолимо сближались. Один из рулевых рухнул за борт: пиратская стрела пробила ему горло. Титус бросился к рулевому веслу.

Широко расставив ноги на качающейся палубе, Конан поднял лук. Теперь он хорошо видел белокожую женщину, что стояла на небольшой надстройке, венчавшей нос разбойничьей галеры. Рослые воины окружали ее, прикрывая щитами; по правому борту за лучниками сгрудились пираты с абордажными крючьями и обнаженными саблями.

Киммериец принялся посылать стрелу за стрелой. Большей частью они достигали цели: чернокожие с воплем валились на палубу. Но и на «Аргосе» все громче раздавались предсмертные хрипы и стоны раненых гребцов. Рулевые погибли первыми, и теперь Титус в одиночку пытался справиться с огромным рулевым веслом, выкрикивая ругательства и поминая всех богов разом.

На пиратском корабле лучников сменили копейщики, и Титус упал, пригвожденный к палубе тяжелым копьем. Моряки в ужасе смотрели на Конана: он был их последней надеждой.

Киммериец, отшвырнув лук, обнажил свой длинный меч.

— Что ж, парни, беритесь за оружие! Покажем этим собакам, что наши глотки не так просто перерезать! Бросайте весла! И так ясно, что мы попались!

Через несколько мгновений пиратская галера нависла над бортом «Аргоса», полетели абордажные крючья, затем на палубу с ревом и визгом посыпались чернокожие разбойники. «Белит! Белит!» — разносился над волнами их боевой клич.

Кровавой и короткой была эта битва. Словно черная волна затопила палубу «Аргоса», а когда она схлынула, остались лишь мертвые тела моряков да Конан, подобно мощному утесу возвышавшийся над поверженными. Стоя на корме, которая была сейчас на одном уровне с палубой пиратского корабля, киммериец рубил направо и налево: летели головы и отрубленные конечности, брызгала кровь, покрывая доски багровым месивом.

Однако натиск пиратов становился все ожесточеннее. Киммерийца охватила бешеная ярость, присущая в бою его соплеменникам; с горящими глазами он перепрыгнул на палубу пиратского судна. Меч его поднимался и опускался, сея смерть, и груда порубленных тел росла перед варваром с каждым взмахом клинка.

Внезапно кольцо пиратов раздалось, и чернокожие отступили, повинуясь громкому окрику. Конан увидел копья, направленные ему в грудь, и самих копейщиков, застывших перед броском, словно изваяния из эбенового дерева. Властно подняв руку, перед строем их замерла белокожая женщина. Конан взглянул ей в глаза, и даже близость смерти не помешала его сердцу исполниться восхищением. И было от чего! Стройные длинные ноги плавно переходили в округлые бедра, прикрытые узорным шелком; тонкая талия и плоский живот были охвачены перевязью, украшенной драгоценностями; ножны кинжала сияли золотом. По обна-

женным грудям и сильным загорелым плечам девушки струились смоляные пряди, темные глаза пылали. Большой, красиво очерченный рот и гордый профиль выдавали ее шемитское происхождение.

Белит, прекрасная Белит!

Да, то была Белит, в которой соединились грация пантеры и сила степного ветра. Она порождала волну страсти, желания обладать ее сильным, гибким, позолоченным солнцем телом.

Словно не замечая огромного окровавленного меча в руках варвара, Белит подошла к нему так близко, что острие клинка почти коснулось ее бедра.

— Кто ты? — прозвучал низкий голос девушки.— От Зингары до Атлаи мне знакомы все побережья и народы, но нет там подобных тебе. Где твой край? Где твоя родина? Откуда ты, воин?

— Из Аргоса.

Конан был настороже, опасаясь ловушки. Малейшее движение руки Белит к кинжалу стоило бы ей жизни.

— О нет, ты не аргосец,— сказала она, окинув взглядом черноволосого гиганта.— Мышцы твои как сталь, они не размякли от жизни среди мраморных стен и пышных ковров, и глаза твои ясны — в них нет скуки пресыщенных горожан. Откуда же ты явился?

В позе и низком звучном голосе Белит не было угрозы.

— Я Конан, киммериец,— сурово произнес воин.

Киммерия для людей юга была почти мифической страной, далекой и неизвестной; краем земли, где среди сумрачных снегов обитали непобедимые великаны, не покидавшие своих гор и долин.

«Этот витязь достоин меня»,— подсказал Белит безошибочный женский инстинкт. Девушка склонила голову.

— Меня зовут Белит,— словно царский титул произнесла она свое имя.— Белит, Королева Черного побережья! А ты — северный тигр, холодный и недоступный, как снежные хребты твоей родины... Огонь в душах моих людей и сталь в их сильных руках сделали меня королевой. Будь же моим королем, и вместе мы не узнаем пределов своей силы и бесстрашия!

За спиной Белит копья поднялись вверх: сабли, мечи, кинжалы грохнули о щиты, и воздух наполнился приветственными криками. Конан, ошеломленный, замер; он ждал взрыва ненависти, и реакция пиратов поразила его. Похоже, Белит и в самом деле была для них богиней; ее воле никто не смел противиться, ее решения принимались беспрекословно.

Киммериец окинул взглядом берег, потом — бесконечную гладь моря. Жизнь вновь улыбалась ему: плавать с этой молодой тигрицей, любить ее, участвовать в схватках, грабить...

— Хорошо, я останусь с тобой.— Он усмехнулся и опустил меч.

— О! — радостный вскрик Белит был ему ответом.

Затем она обернулась к воинам и твердым голосом приказала:

— Добычу — в трюмы, трупы — на дно! Мы отплываем!

Несчастный «Аргос» уже кренился на левый борт, и палубу лизали соленые волны. Привычно и быстро пираты перетащили груз, отцепили крючья. Освобожденная «Тигрица» спокойно покачивалась, пока ее палубу очищали от тел погибших, а раненых перетаскивали на корму, для осмотра и лечения. Конан бесстрастно наблюдал за этой суетой. Старый колдун, рослый и мускулистый, обработал его раны, присыпал порошком, похожим на пепел, к самым глубоким порезам приложил травы. Поплевал, жуя кору, на ушибы и ссадины. И Конан поразился, заметив, что уже не чувствует боли.

Он осмотрел корабль. Корму и нос длинной узкой пиратской галеры соединяли широкие балки; головы гребцов, сидевших по трое в ряд, были на уровне верхней палубы. Ритм ударам весел задавали барабанщики, стоявшие на корме у больших, обтянутых буйволиной кожей барабанов, и «Тигрица» плавно скользила по волнам.

Народ на корабле подобрался рослый да крепкий. Высокие поджарые пираты носили кто набедренную повязку, кто широкие, не доходящие до колен шаровары. На кожаных поясах висело самое разнообразное оружие, на шеях болтались амулеты. Плечи и торсы большинства чернокожих покрывала замысловатая вязь белесых шрамов. Эти узоры показались Конану необычными.

— Что это? — спросил он у чернокожего целителя.

Колдун Н'Гона рассмеялся и пояснил:

— Мы — народ маронг-туа, Дети Крокодила. У нас, когда юноша становится мужем, он уходит на время в Дом Предков. А там колдуны жертвенными ножами кромсают его тело, зато делают неуязвимой душу. Затем раны врачуют, и те, кто выжил, уже не боятся ни огня, ни меча.

Багряный диск солнца медленно опускался к черте, где волны сливались с небом. Величавой походкой Белит взошла на корму, приблизилась к Конану и царственным жестом освободилась от украшений, оружия, шелковой набедрен-

ной повязки и сандалий. Все это она сложила у ног киммерийца; потом выпрямилась и подняла руки — взволнованная, нагая, с глазами, блестящими, словно два агата. И крикнула своим людям:

— Волки южных морей! Смотрите на танец, брачный танец Белит, дочери королей Асгалуна!

Маленькие ступни стали отбивать мерный ритм на окровавленных досках, руки змеились над головой, тело же ее оставалось неподвижным. Но вот она изогнула свой гибкий стан и закружилась в бешеной пляске. О, что это был за танец! В нем слились отточенная грация одалисок шемитских сералей и буйная страстность черных женщин Куша. Рокотали барабаны, и в такт двигались ступни Белит. Распаленные зрелищем пираты били в ладоши, гремели рукоятями клинков о щиты.

— Кхей-я-а-а! Кхей-я-а-а! — несся гортанный крик из множества глоток.

Движения прекрасной танцовщицы были то резкими и чувственными, то нежными и плавными. Не в силах отвести зачарованных взглядов, раненые забыли о боли и смерти, здоровые — обо всем на свете, кроме божественной Белит. Ее золотистое тело мелькало, кружилось, подобно видению, и, казалось, взлетало в воздух в сгущающихся над морем сумерках.

Когда небесный купол покрылся звездными россыпями, Белит с торжествующим криком упала на широкую грудь Конана. Охваченный желанием, он подхватил нагую женщину и жарким поцелуем припал к ее губам...

2

ЛОТОС ЗАБВЕНИЯ

Драгоценностей блеск у алтаря
Жадно она поглощала глазами...
Ревность впервые пронзила меня,
Словно третий встал между нами.

«Песнь о Белит»

По всему южному побережью, от богатой и обильной Зингары до далекой жаркой Атлаи, ни купец, ни моряк, ни просто житель прибрежного поселения не знали покоя. Всех взбудоражила весть: Белит, эта жестокосердная ведьма, кровожадная тигрица, обзавелась любовником, свире-

пым варваром с севера. Их погромы, грабежи и разбои на море и на суше заставляли трепетать всех. Неуловимые и, казалось, неуязвимые пираты появлялись тут и там, исчезали вместе с награбленным добром, вырезали команды, топили корабли, поджигали города. Черные бестии Белит не миловали никого, сея ужас и ненависть. Проклятия неслись вслед «Тигрице», и каждый молил своих богов избавить его от встречи с шемитской ведьмой и ее грозным спутником.

А те беспечно наслаждались жизнью и друг другом. Так шло время, пока в один прекрасный день «Тигрица» не пришвартовалась в устье большой мрачной реки. По ее берегам сплошной зеленой стеной тянулись непроходимые джунгли.

— Это Зархеба, река смерти,— молвила Белит.— Как-то мы преследовали стигийскую галеру, и она, удирая, поплыла вверх по течению... Прошло несколько дней, и река вынесла к нашей стоянке стигийский корабль. Он не был поврежден, и груз никто не тронул, но на борту из всей команды остался единственный человек, лишившийся рассудка. Он умер в бреду, так и не сказав, что случилось с экипажем. Черные избегают этих мест, Конан! Они говорят, что вверх по реке есть город, полный невиданных сокровищ... Стены его высоки, улицы вымощены камнем, здания прекрасны... Он безлюден — но то ли древний бог, то ли демоны хранят его... Впрочем, то россказни трусливых людишек! Вдвоем нам ничего не страшно, любимый, ведь так? Давай поднимемся по реке и посмотрим на этот Мертвый Город!

Конан долго не размышлял; поход сулил новые приключения, и он одобрительно кивнул своей прекрасной возлюбленной. Варвар привык соглашаться с Белит, зная, что она всегда с трезвым расчетом продумывает свои планы, кои его меч и отвага воплощали в жизнь. И хотя команда «Тигрицы» совсем поредела в бесчисленных стычках, на борту оставалось еще достаточно отчаянных головорезов. И никого из них не интересовало, куда плыть, с кем сражаться,— главное, они были рядом с Белит, дрались за нее и во имя ее.

«Тигрица» медленно вошла в устье. Течение было слабым, и гребцы вполсилы налегали на весла. За первым же поворотом корабль очутился в тени огромных деревьев. Ни пения птиц, ни плеска обитателей вод, ни привычного звериного крика; берега были пустынны, и за все время путникам не попалось ни единой живой твари. Странную тишину нарушали только леденящие душу стоны, загадочные

скрипы и шорохи в джунглях, глухой далекий вой. Неожиданно раздался и тут же смолк дикий нечеловеческий крик.

— Это обезьяна,— задумчиво молвила Белит и после паузы добавила: — Души грешников в наказание за неправедную жизнь попадают в их безобразные тела.

Конан обнял ее за плечи и усмехнулся: он не верил в подобные байки. Застыв в молчании, варвар прислушивался к загадочным звукам.

Поднялась луна; ее восход джунгли встретили шумом, доносившимся издалека. Над речными водами показался низко стелющийся, странно мерцающий туман. Казалось, звери, как и люди, избегают приближаться к темному потоку Зархебы.

Луна поднялась еще выше, осветив своим слабым сиянием людей, корабль и гладь реки. Весла в руках гребцов словно опускались в жидкое серебро; мертвенным блеском отсвечивали драгоценные камни на рукоятях мечей, в волосах Белит, на доспехах Конана.

Пестрая шкура леопарда, брошенная на доски палубы, служила в этот час ложем шемитке. Она облокотилась на руку, ее глаза внимательно и неотрывно следили за киммерийцем.

— Я чувствую, что мы плывем в страну духов, привидений и смерти,— тихо произнесла женщина.— Тайна окружает нас... Тайна и смерть... Ты не боишься, Конан?

Киммериец лишь пожал плечами.

— Я тоже не боюсь. Никогда и ничего не боюсь! Я часто смотрела в глаза смерти... Но...

Она задумчиво помолчала, а затем спросила:

— Конан, ты страшишься гнева богов?

— У нас, киммерийцев, суровые боги. И мрачен мир, куда попадает душа человека после смерти... Он — серый и туманный, в нем только холодный ветер, да острые скалы, да черные тучи... И бесконечно странствие душ людских, и безысходно оно в вечности. Но я не боюсь! Ни смерти, ни богов!

Белит тихо засмеялась.

— Да, жизнь земная, хоть она полна лишений и тягот, все же лучше такого существования! Но во что ты веришь, Конан? В каких богов?

Киммериец опустился на палубу.

— В своих странствиях я узнал о многих божествах. Кто не верит в них — слеп, как летучая мышь! Но слеп и тот, кто верит слишком глубоко. Что будет после смерти? Кому

о том ведомо? Может, ждут человека Серые Равнины и тучи со снегом и льдом, как верят в Киммерии, или душу поглотит темнота, вечный мрак, как утверждают немедийцы... А может, душа угнездится в деревянном идоле в Доме Предков Н'Гоны... Слышал я еще, что кхитайцы чтят дракона Ху, Творца Мира. Лукав их бог! Его жрецы смотрят на мир так, будто он — зло и ловушка для душ людских. А души кхитайцев после смерти вечно возрождаются, попадая в тела всяких существ... Хорош бы я был, сделавшись бабочкой или птичкой!..

И Конан расхохотался, поводя могучими плечами. Он не любил отвлеченных рассуждений, считая их пустой тратой времени. Но Белит не приняла шутки и продолжала серьезно смотреть на возлюбленного. Тот положил широкую ладонь на ее обнаженное бедро и, лаская шелковистую кожу, сказал:

— Младенцев питают молоком, но сильных людей кормят мясом. Оставим пустую болтовню мудрецам и философам, моя красавица. О Кром! Пока я жив, я хочу жить полной мерой! Добрый меч и честная схватка, кровь и битвы — вот мой удел! Я хочу познать объятья женских рук и теплую податливость их тел, изведать вкус мяса и крепкого вина... Я счастлив, когда обладаю всем этим! Живу, люблю, убиваю — радуюсь жизни!

— Но есть боги, и есть жизнь после смерти,— сказала Белит.— Я знаю, знаю!

Быстрым движением она прильнула к Конану.

— Но моя любовь сильнее смерти! Душа моя — часть твоей души, а мое сердце неразрывно слито с твоим. Если я погибну, а ты будешь в смертельной опасности, я приду к тебе на помощь. Из бездны, из пекла, с Серых Равнин... Я принадлежу тебе, и никакая сила — ни смерть, ни боги, ни демоны — не разлучит нас!

Конан обнял ее в странном предчувствии, склонился к губам Белит, но внезапно громкий вопль дозорного прервал их объятия. Поднявшись, киммериец обнажил меч и ринулся на нос корабля. Там над палубой висел, корчась, один из пиратов, удерживаемый чем-то огромным, подобным дуге гигантского лука. У Конана перехватило дыхание; он понял, что чудовищная змея поднялась из речных вод и, изогнувшись, схватила ужасной пастью черного воина. Тот бился в конвульсиях, крича от боли и страха. Скользкая чешуя чудища блестела и переливалась в лунном свете.

Киммериец размахнулся и сильным ударом клинка почти перерубил тварь напополам. Во все стороны брызнула кровь, и огромный змей медленно погрузился в реку, так и не выпустив свою добычу. Воды сомкнулась над ними.

Теперь Конан решил сам нести вахту и остался на носу галеры, однако за ночь ничего больше не случилось.

Едва солнце позолотило верхушки деревьев, киммериец увидел в рассветной мгле очертания города. Он разбудил Белит; девушка спала прямо на палубе, закутавшись в пурпурный плащ Конана. Шемитка подошла к борту и застыла, внимательно разглядывая открывшуюся картину; глаза ее расширились от любопытства и возбуждения. Да, перед ними был город — вернее, руины некогда прекрасного города! Покосившиеся, потрескавшиеся здания, сквозь изломы которых пробивались деревья, рухнувшие колонны, опутанные лианами, обломки башен и стен... Кустарник и сорная трава проросли в трещинах брусчатки. Джунгли наступали на город со всех сторон.

За спиной Белит сгрудились чернокожие воины, жадно разглядывая руины некогда пышных дворцов и главную площадь, посреди которой высилась мраморная пирамида. Что-то огромное темнело на ее вершине. Поначалу Конан решил, что это статуя, но его зоркий взгляд уловил едва заметное движение.

— Глядите! Там гигантская птица! — закричал один из пиратов, указывая на вершину сооружения.

— Лопни мои глаза! Это чудовищная летучая мышь! — заспорил другой.

— Это обезьяна,— отрезала Белит.

И вдруг неведомая тварь расправила мощные крылья, выпрямилась и полетела в сторону джунглей.

— Крылатая обезьяна! — воскликнул колдун Н'Гона.— Это злое чудище, о котором говорили наши предки, и это заколдованное место, где творятся ужасные дела!

— Замолчи! Держись за свои амулеты и молись богам! Мы причаливаем.— На губах Белит заиграла усмешка.

Как только сбросили сходни, шемитка поспешила первой сойти на берег; за ней шел Конан, а вслед спустились остальные. Вокруг царила тишина. Безлюдье и разруха окружали людей. Здесь, в этом царстве запустения и смерти, прекрасная Белит была подобна чудному цветку, раскрывшемуся посреди могильных камней; радость жизни, отвага и жажда новых приключений придавали ей силы — так све-

жие соки земли питают возросший на кладбище розовый куст.

Солнце медленно поднималось над джунглями, заливая ярким светом обвалившиеся крепостные стены и башни. Белит указала на круглое строение, пред которым высился массивный алтарь. Дорога из потрескавшихся мраморных плит вела к нему, и пираты без колебаний направились к древнему святилищу.

— Смотрите, это храм неведомых богов! — воскликнула Белит.— Даже тысячи дождей не смыли крови жертв... Я вижу темные потеки в желобках по бокам алтаря... Стены рассыпались, а этот камень цел... О, здешние боги сильней жизни, смерти и самого времени!

— Кто же они? — спросил Конан.

— Предания о том молчат. Да и какое нам дело! — Белит отбросила со лба прядь черных волос.— Но в обычаях всех жрецов прятать свои богатства под алтарями. Глядите, там, в камне, есть выступы! Пусть четверо из вас попытаются сдвинуть эту плиту.

Она отошла в сторону, рассматривая из-под руки накренившуюся башню.

Конан и трое пиратов ухватились за каменный монолит и напрягли мышцы, пытаясь приподнять плиту. В тот же миг Белит пронзительно закричала. С проклятием отскочив от алтаря, киммериец бросился к ней. Все замерли.

— Что случилось? — выхватив меч, спросил киммериец.

— Змея! Змея в траве! — выдохнула Белит.— Найди и убей ее! — Она повернулась к пиратам.— Что встали? Отодвигайте плиту!

Пока варвар осторожно осматривал траву в поисках гадины, его место у плиты занял чернокожий воин. Пираты напряглись и слегка приподняли ее, как вдруг алтарь начал поворачиваться, а в башне раздался гул и страшный скрежет. Внезапно стены ее зашатались и рухнули вниз, похоронив четверых людей под обломками. Раздался крик ужаса. Тонкие пальцы Белит впились в плечо Конана.

— Никакой змеи не было,— едва слышно прошептала она.— Боги всегда охраняют то, что им принадлежит... А я не хочу тебя потерять.

Алтарь завалило. Пираты с трудом растащили каменные глыбы и наконец добрались до изуродованных тел своих соратников. Четверо мертвецов лежали у открывшегося входа в склеп, обагрив камни алтаря своей кровью. Плита, алтарное навершие, была искусно укреплена на гранитных

блоках, служила дверью в подземелье — и оттуда, казалось, ударило пламя. Лучи утреннего солнца отражались от множества граней самоцветов: бриллианты, рубины, изумруды, аметисты, сапфиры, опалы, лунные камни — несметные сокровища доверху заполняли склеп.

Белит с восторженным криком опустилась на колени среди окровавленных обломков у края склепа и по локоть запустила руки в груду драгоценностей. Перебирая и лаская камни, она забыла обо всем на свете. Глаза ее зажглись безумным огнем: души шемитов в богатстве всегда находят радостное упоение. Да и то сказать: вид этих сокровищ потряс бы даже утопающего в роскоши вендийского владыку. Наконец Белит поднялась, держа в руках чудное ожерелье — пурпурные камни, нанизанные на золотую струну. Надев его, шемитка хриплым от возбуждения голосом приказала:

— Грузите драгоценности! И поторапливайтесь, вы, отродья Сета!

— Погляди, владычица,— черная мускулистая рука вытянулась, указывая на «Тигрицу».

— Проклятье! — бросила Белит, обернувшись к своей галере. Она ожидала увидеть другой корабль, прибывший, чтобы отобрать ее добычу.

Однако река была пустынна, а с палубы поднялась крылатая обезьяна и полетела в джунгли.

— Что он там делал, этот демон? — со страхом произнес черный воин.

— Какая разница! — Белит гневно топнула ногой.— Вам что сказано! Сложите носилки из плащей и копий, грузите их и тащите на корабль! А ты куда?

Последний вопрос относился к Конану.

— Осмотрю галеру,— буркнул варвар.— Эта летучая тварь могла напакостить там, пробить дыру в днище или порвать парус.

Он побежал к берегу и взобрался на корабль. Осмотрел его и с хмурым выражением направился к тому месту, где недавно хозяйничал демон.

Вскоре он вернулся к Белит. Красные камни искрились на ее обнаженной груди, отбрасывая кровавые блики. Шемитка наблюдала за погрузкой, нетерпеливо поигрывая кинжалом. Громадный черный пират стоял в склепе, по пояс утонув в озере сияющих самоцветов, и щитом, словно лопатой, черпал переливающиеся камни, пересыпая их в подставленные носилки.

— Этот ублюдок пробил бочки с водой,— сказал Конан.— Мы сделали глупость, не оставив стражи, ведь из реки пить нельзя. Придется поискать источник... Пожалуй, я возьму двадцать парней и Н'Гону. Он чует воду, как верблюд в пустыне.

— Хорошо,— отмахнулась Белит,— иди! Мы останемся здесь и закончим с погрузкой.

Небольшой отряд углубился в джунгли. Свет сменился полумраком; яркие солнечные лучи не могли пробиться сквозь сплетающиеся кроны деревьев. Мечами прорубая путь сквозь густые заросли, люди медленно двигались вперед, пока не вышли на открытое место. Но и здесь им не удалось обнаружить ни ручейка, ни озера. Конан и его воины застыли, прислушиваясь к лесным звукам, но вокруг стояла гнетущая тишина. Ни пения птиц, ни шороха зверья... Киммериец тревожно огляделся.

— Н'Гона, веди людей дальше,— приказал он.— Остановитесь на том краю прогалины. Стойте там и ждите. Мне кажется, что кто-то следит за нами.

Чернокожие пираты беспокойно переглянулись, но ослушаться не посмели. Конан, спрятавшись за стволом огромного дерева, стал напряженно вглядываться в ту сторону, откуда пришел их отряд. Но все скрывала густая зелень, и покой джунглей, казалось, был нерушим — лишь вдали затихали голоса пиратов. Настороженный, словно зверь в засаде, киммериец уловил какой-то густой пряный аромат, потом что-то ласково коснулось его головы. Он мгновенно обернулся.

— О Кром! Черный лотос!

Из сплетения лиан склонялись к нему большие черные цветы, раскрывшие лепестки; они раскачивались и шелестели, хотя не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка. И вот уже один из них прикоснулся к щеке Конана... Тот отскочил, зная, что укус черного лотоса несет смерть, а аромат — кошмарные виденья. Но было поздно! Киммериец вдруг почувствовал, как туманится сознание; непослушными руками он попытался поднять меч, обрубить стебли, но сил не было. Он попробовал позвать своих воинов — губы онемели... Через мгновение джунгли вокруг него качнулись, подернулись маревом, и все поплыло перед глазами; ноги обмякли, и Конан, как подкошенный, рухнул в высокую траву. Он напряг мышцы в бесплодной попытке отползти подальше от чародейных цветов... И уже не слышал жуткого воя, криков и стонов, раздавшихся невдалеке.

3

УЖАС ДЖУНГЛЕЙ

Будь проклят этот сон, что жизнью
завладел!
Бессильный, словно смерть познавший,
Мой нож упиться кровью не сумел,
А меч остался в ножнах не однажды...
Но только ль спать мне лотос повелел?

«Песнь о Белит»

Сознание Конана было окутано тьмой — тьмой беспросветной и безоглядной. Затем пустота взорвалась вихрем; закружились, замелькали призрачные силуэты, нечеткие, страшные, безобразные. Мрак рассеивался, и перед внутренним взором киммерийца словно бы открылась панорама бескрайней равнины. Ее пересекала полноводная река, на берегах которой лежал город из зеленого камня, подобного кхитайскому нефриту.

Город был прекрасен: грозно высились его крепостные стены, золотом отливали купола башен и крыши домов, облицованных мрамором, широкие улицы заполняли жители. Но они не были человеческими существами: крылатые и огромные, они лишь отдаленно напоминали людей очертаниями тела, но больше походили на обезьян — разумных и мыслящих обезьян, достигших в своем развитии невиданных вершин. Знания их были обширны, а вкусы изысканны; и хоть жизнь их не длилась вечно, но, по человеческим меркам, она казалась долгой, очень долгой. Как все существа из плоти и крови, отлюбив и отстрадав, оставив потомство, они в конце концов умирали.

Время процветания их расы длилось миллионолетия, но вот наступила Великая Перемена. Сместились магнитные полюса, ледники наползли на новые земли; русла рек изменились, равнины стали болотами, поля поглотили непроходимые джунгли. Жители города упорно пытались приспособиться к новым условиям. Ни землетрясения, ни извержения вулканов не могли заставить их покинуть родные места.

Но однажды солнце перестало улыбаться с небес, и луна сделалась как кровь, и земля вздрогнула так, что рухнули крепостные стены и самые высокие башни. Река же почер-

нела от какого-то ядовитого вещества, поднявшегося из самых земных глубин, и те, кто пил эту воду, либо умирали, либо сильно изменялись, и каждое поколение приобретало все новые и новые ужасные черты. Многовековая мудрость была позабыта, черное колдовство заняло место божественной магии. Знания уходили, а те, что еще помнились, использовались страшным и странным образом. Волшба и чародейство пришли им в замену; милостивые боги превращались в демонов, злобных, коварных, безжалостных. Междоусобицы и каннибализм погубили некогда могучее племя крылатых.

И вот, сотни лет назад, в окрестностях города впервые появились люди. К тому времени в городских руинах остался лишь один обитатель — отвратительный каприз природы, монстр с красными глазами. Таясь и вынашивая лишь ему ведомые планы, он следил за пришельцами. То были стигийцы; поражение в битве заставило их бежать в этот неведомый край. Враги шли за ними по пятам, пока небольшому отряду не удалось затеряться в джунглях. Смуглые, с орлиными лицами, вооруженные бронзовыми секирами и клинками, в кожаных доспехах, стигийцы канули в безбрежный лес и спустя несколько дней добрались до мертвого города. Их оставалось всего полсотни — израненных, измученных, грязных и голодных беглецов. Они повалились на мраморные плиты, в щелях которых алели распускавшиеся лишь раз в столетие цветы, и уснули, сморенные пережитыми лишениями.

Полная луна озарила приближающееся к ним чудовище, и в ее призрачном свете лепестки цветов заблестели, как алые пятна крови. Над каждым из спящих монстр свершил таинственный колдовской обряд и скрылся во мраке. Затем началась жуткая трансформация, и вскоре на месте людей лежали пятьдесят отвратительных гиен. Очнувшись, звери задрали морды вверх, и к небу полетел тоскливый и скорбный вой, выворачивающий душу стон погубленных. Но лишь только вновь появился владыка мертвого города, они вскочили и помчались к нему, как стая покорных псов...

И снова сознание Конана окутала тьма. Когда она рассеялась, новые картины начали сменять друг друга перед его глазами. Он видел длинные лодки, плывущие по мутной реке к зеленому городу; но, как только они пристали к земле и чернокожая команда высадилась на берег, гиены и красноглазая летучая обезьяна набросились на них. Крики ужаса и

стоны умирающих наполнили джунгли. Желтые клыки хищников рвали плоть, хрустели кости, лилась кровь, а над всей этой бойней безумным огнем полыхали глаза крылатого вампира. Стремительно бросался он вниз, настигал жертву и, ломая ей шею, с глумливым хохотом выпивал горячую кровь.

Конан видел галеры, торговые парусники, боевые галеоны... И раз за разом, снова и снова гибли люди; смерть царила в этом проклятом месте, опять и опять чудовище и его кошмарные слуги торжествовали победу.

Неожиданно в глубине сознания варвара возникло отчетливое видение: галера с черными гребцами, на носу которой стоял синеглазый черноволосый гигант в тускло поблескивающих темных доспехах. Конан узнал самого себя на палубе «Тигрицы»; в этот миг он понял, что все привидевшееся ему лишь сон. Отчаянным усилием воли киммериец заставил себя пробудиться и раскрыл глаза. Затем он попытался подняться, но не смог — и, чувствуя странную тяжесть во всем теле, пополз прочь от склонившихся над ним черных цветов. Однако голова его упала, и вновь наступило забытье.

Теперь он видел стоявшего на прогалине Н'Гону, чернокожего колдуна, окруженного воинами; казалось, они кого-то ждали. И в тот момент, когда Конан осознал, что ждут его, наступил хаос. Люди закричали и, бросая оружие, в ужасе ринулись в джунгли.

Желание спасти своих товарищей помогло киммерийцу разорвать невидимые путы, что держали его во власти сна. Он встал и, шатаясь, побрел к прогалине. Лишь здесь он окончательно проснулся, увидев на влажной земле след огромной гиены.

Солнце садилось, наступали сумерки. Напрягая голос, Конан звал и звал Н'Гону. Он понимал, что находился у зарослей черного лотоса долго, слишком долго; он предчувствовал и то, какая опасность грозит его отряду: он верил в реальность привидевшегося.

Никто не откликался, и киммериец быстро зашагал по следам чернокожих воинов. Вскоре он узнал место, которое видел во сне. Тут не было людей; только щиты, копья да топоры в беспорядке валялись на земле. С одной стороны прогалина кончалась обрывом, на самом краю которого темнел чей-то силуэт. Обнажив меч, Конан поспешил туда.

Человек... Высокий чернокожий старец, сидевшей с безвольно опущенными руками... В глазах его застыло безумие, на губах выступила пена.

И только когда он вскочил и с отчаянным воем бросился на Конана, тот узнал Н'Гону. Он явно лишился рассудка, и киммерийцу ничего не оставалось, как, спасая свою жизнь, заколоть чернокожего колдуна.

Опустив меч и проклиная вынужденную жестокость, Конан подошел к краю обрыва. Багровые лучи заходящего солнца освещали недвижные тела воинов, раскиданные внизу по острым камням. Падая с такой высоты, никто не смог бы остаться в живых... Тучи черных мух уже вились над трупами, на ветвях ближних деревьев сидели невесть откуда взявшиеся стервятники.

Снедаемый тревогой, киммериец двинулся в обратный путь. Крепко стиснув обнаженный меч, он все время ускорял шаги и вскоре уже несся через джунгли упругой поступью степного волка. Солнце скрылось, в зарослях было почти темно, ветви хлестали по лицу, лианы путались под ногами, но никто и ничто не смогло бы сейчас остановить Конана. Тишину леса нарушало лишь его прерывистое дыхание да лязг брони.

Наконец джунгли расступились, и он выскочил на покрытый тенью деревьев речной берег. Перед ним темнели руины мертвого города; дальше, на темной глади Зархебы, застыла галера. Смерть царила вокруг: развалины усеивали трупы пиратов, их изуродованные останки лежали на мраморных плитах, на обвалившихся колоннах, на камнях зданий и рухнувших башен. Всюду виднелись пятна свежей крови, оторванные конечности, полуобглоданные человеческие кости.

Варвар осторожно приблизился к «Тигрице». В вечерних сумерках что-то светлело на ее мачте, словно неведомый скульптор вырезал там изящную статую из слоновой кости или белого нефрита. Прекрасным было тело Белит — прекрасным даже в смерти! Прекрасным, но мертвым, как камни проклятого города...

Онемевший от горя киммериец стоял и смотрел на свою возлюбленную, на Королеву Черного побережья, повешенную на рее собственного корабля.

Она висела на ожерелье из пурпурных камней, и в меркнущем зареве заката самоцветы на смуглой шее Белит блестели и переливались, словно капли алой крови.

4

УДАР

Черные тени его окружали,
Зубы оскалились в призрачной мгле,
Крови потоки из ран вытекали...
Но все я прошла и вернулась к тебе.
Любовь, над тобою не властвует зло:
Из бездны восстала, явившись на зов.

«Песнь о Белит»

В свете факелов на ступенях мраморной, увенчанной колонной пирамиды неподвижно сидел Конан. В руках его сверкало проклятое ожерелье, обнаженный меч лежал на коленях, а у ног — колчан со стрелами и лук. Луна еще не взошла; на небесах тускло блестели звезды. В темноте, за кругом света слышались крадущиеся шаги. Красными отблесками отсвечивали драгоценные камни ожерелья, и красными отблесками вспыхивали глаза гиен...

На палубе «Тигрицы» спала своим последним сном Белит. Укутанная в пурпурный плащ, она лежала на прокаленных солнцем досках как живая. Смерть не исказила лица шемитки, не обезобразила его; только чуть заострился нос, четче обозначился профиль, поблекли щеки и губы.

До поздней ночи Конан в мрачном ожесточении таскал из трюма и швырял на палубу яркие шелка, златоузорные ткани, туранские ковры и пушистые меха из пиктских лесов. Он валил в кучу бесценный кхитайский фарфор, вендийские благовония, аквилонское оружие; пригоршнями ссыпал драгоценности, украшения, золотые монеты и слитки. Теперь груда сказочных богатств высилась на корме: невиданный курган над телом погибшей королевы.

Закончив свой скорбный труд, варвар методично проверил, хорошо ли закреплены его доспехи, мягко ли выходит меч из ножен, не затупился ли кинжал. Потом он перебросил за спину колчан, полный стрел, и поднял тяжелый мощный лук. Взял факелы и сошел на берег.

Дойдя до пирамиды, он закрепил факелы в трещинах среди камней и принялся ждать. Сейчас киммериец не испытывал ни страха, ни ярости; ум его работал с трезвой четкостью. Он понял, что все случившееся было запланировано нечеловеческим разумом: бочки с водой разбиты специаль-

но, чтоб разделить людей. И уже без всякого черного лотоса виделась ему ясно прогалина в джунглях и воины, что ждали его там. Внезапно появившееся жуткое чудовище гнало обезумевших от страха людей к пропасти, к обрыву, ставшему их могилой...

Еще он видел берег, своих беспечно хохочущих товарищей; видел, как из джунглей выскочили огромные серые твари и бросились на людей, не ожидавших нападения. Никто их них не успел взяться за оружие, и началась кровавая бойня; лишь Белит выхватила кинжал, готовая дорого продать жизнь. Но подкравшийся сзади монстр сломал ей шею и с отвратительным чмоканьем припал к яремной вене. Выпил всю кровь, поднялся, не выпуская из лап добычу, и полетел к кораблю...

Конана передернуло. Он не понимал, почему до сих пор жив. Возможно, владыка Мертвого Города хотел измучить его тоской, страхом и неведением? Но он ошибался! В сердце варвара лишь сильней и сильней разгоралась жажда мести.

Взошла луна, бросив бледный свет на ступени пирамиды, обращенные к лесу. Кто-то зашевелился там во тьме, и в круг света скользнули два десятка огромных гиен. Конан видел, как блестят их влажные острые клыки, сверкают глаза... Сомнений не было: этих жутких существ сотворила не природа.

Он вскочил, поднял тяжелый лук. Запела спущенная тетива, с воем покатилась одна из гиен, потом другая, третья... Дождем смерти сыпались стрелы; киммериец пускал их сильно и точно. Он ни разу не промахнулся в боевом угаре, и вот уже десяток мохнатых бестий корчились у подножия пирамиды. Но звери, словно завороженные, продолжали атаковать. Тогда, отбросив лук, Конан выхватил меч, а левой рукой сжал факел.

Одна из гиен прыгнула к нему и, перерубленная пополам, рухнула на мраморные плиты; остальные кружили, выжидая. Глядя в их пылающие глаза, Конан все больше и больше убеждался в том, что имеет дело не с обычными хищниками. Что за неведомое чародейство, какая злобная волшба вдохнула жизнь в этих тварей? Черная магия или извращенные знания? Конана сие не интересовало; главное — они были смертны.

Вдруг, будто по команде, оставшиеся в живых гиены разом бросились на киммерийца. Подняв повыше факел, он принялся орудовать мечом.

— Отродья Нергала! Проклятые ублюдки! — шипел он, круша и кромсая тела, перерубая кости, разбивая черепа. Запах паленой шерсти и мяса ударил ему в ноздри, дикий вой и хохот гиен бил в уши... Под натиском множества тварей он не устоял и рухнул на ступени пирамиды. Отбросив бесполезное оружие, он руками разорвал пасть одному зверю, кулаком размозжил череп другого, плечом, закованным в доспехи, раздавил третьего. Едва он успел вскочить на ноги, как последняя тварь прыгнула к нему, метя в живот, и даже прокусила кольчугу. Конан успел схватить ее, поднял обеими руками и с силой швырнул на ступени... Раздался предсмертный вой, и с хищной стаей было покончено.

Широко расставив ноги, киммериец стоял над поверженными врагами, утирая с лица пот и кровь; потом нагнулся, поднял меч. Вдруг он услышал хлопанье огромных крыльев — то приближался новый, куда более страшный противник. Конан задрал голову, ожидая удара сверху, но его не последовало. Пирамида внезапно содрогнулась, ступени под ногами киммерийца затряслись, за спиной заскрежетало; обернувшись, Конан увидел, что гигантская мраморная колонна раскачивается, словно тростинка на ветру.

Он не стал долго раздумывать: сильно оттолкнувшись, прыгнул вниз. Второй прыжок перенес его с колеблющихся ступеней на землю, и в тот же миг пирамида рухнула, а колонна разлетелась на множество обломков, сбивших Конана с ног.

Он безуспешно пытался освободиться от кусков мрамора, один из которых придавил ему колени. Ремень шлема лопнул, и тот слетел с головы; волосы слиплись от крови и пота, алые струйки сочились из многочисленных ран. Опираясь на руки, киммериец изо всех сил старался сбросить камень и подняться. Внезапно черная тень зловещим силуэтом мелькнула на звездном небе, и варвар краем глаза увидел крылатого демона. Тот приземлился и начал быстро приближаться. Казалось, что, вытянув вперед мохнатые руки, прямо к Конану мчится огромный кривоногий человек с шишковатой головой и плоским лицом. Красным злобным огнем горели его глаза, топорщилась шерсть, блестели клыки... Но это создание не было ни человеком, ни зверем, ни демоном! Жуткий вампир, последний из племени крылатых вампиров...

Конан никак не мог дотянуться до меча, отлетевшего в сторону во время падения. Обдирая руки, напрягая могу-

чие мускулы, он пытался сдвинуть камень. Ему это почти удалось, но монстр уже был в двух шагах.

И в это мгновение над поверженным воином молнией мелькнул силуэт женщины. Она стояла, раскинув руки, закрывая собой лежащего; ее кожа серебрилась в свете луны, как слоновая кость, глаза горели, черные волосы развевались по ветру. Из груди ее вырвался боевой клич, и, подобно камню, выпущенному из пращи, она кинулась на крылатое чудовище.

— Белит! — захрипел Конан, и камень, давивший его ноги, вдруг рассыпался в прах.

Он вскочил, словно безумный, готовый к схватке.

— Белит!

Женщина оглянулась. Темные ее глаза сияли любовью, чистой, горячей, всепобеждающей любовью. Она протянула руки к Конану, улыбнулась ему — и тут же видение исчезло. Крылатый враг киммерийца в страхе присел на задние лапы, закрывая передними уродливую голову. В ушах Конана прозвучали слова: «Если я умру, а тебе придется сражаться в смертельной битве, я вернусь с Серых Равнин, приду к тебе на помощь!»

Киммериец завыл, точно волк, потерявший свою подругу, схватил меч и прыгнул к чудовищу. Он размахнулся во всю силу своих стальных мышц... Удар! Огромное тело монстра развалилось надвое; страшная рана рассекла его от плеча до паха. Затем последний из древнего рода рухнул навзничь, ломая крылья. Огромные лапы судорожно дрогнули, глаза подернула мутная пелена; спустя мгновение они закрылись.

Варвар стоял, глядя на поверженного врага, а когда поднял голову, то увидел, что трупы гиен, рабов крылатого демона, исчезли. Вместо них на мраморных плитах лежали нагие смуглые воины с орлиными лицами. Прямо на глазах Конана они рассыпались в прах.

Он устало побрел к берегу, поднялся на палубу «Тигрицы», прошел на корму и выкатил из-под настила бочонок с вином. Выбив пробку, Конан пил и пил, пил, не хмелея и не чувствуя вкуса отборного вина. Наконец, отшвырнув пустой бочонок, он ударом меча перерубил причальный канат, оттолкнул галеру веслом от берега и встал у руля. «Тигрица» плавно закачалась в водах Зархебы и медленно выплыла к середине реки. Там ее подхватило течение и несло до самого устья.

Выйдя на морской простор, Конан поставил парус. Боги были милостивы к нему: ветер гнал галеру к обжитым берегам. На закате второго дня варвар увидел дымки какого-то селения. Направив судно поближе к скалистому берегу, он спустился в трюм, достал бочонок со смолой и начал обливать ею палубу. Закончив дело, прикрепил за спиной меч, проверил кинжал и, направив нос корабля в открытое море, заклинил руль. Зажег факелы, разбросал по палубе, один засунул в смоляной бочонок и бросил его в трюм. Потом прыгнул за борт и поплыл к берегу.

Там, поднявшись на высокую скалу, он долго глядел, как полыхает уходящая вдаль «Тигрица». Погребальный костер Белит, Королевы Черного побережья, был яростен и ярок, и дым его достигал берега. Быть может, потому из глаз Конана катились слезы.

Конан закончил карьеру морского разбойника в одном из портов на побережье Куша. Направившись на юг страны, он неожиданно стал военным вождем жившего в джунглях негритянского племени. Однако жизнь в джунглях была не по душе Конану, и он направился в Мероэ, где правила королева Танаде. Варвар спас жизнь королевы и получил место начальника стражи. Королева в Мероэ заставила киммерийца покинуть город и отправиться навстречу новым приключениям.

Сокровища Гвалура

1

ДВОРЦОВЫЕ ИНТРИГИ

Скалы, словно вставшие на дыбы каменные звери, круто уходили из джунглей прямо к небу, переливаясь в лучах восходящего солнца зелено-голубым и темно-красным; слегка изрезанная линия гор, изгибаясь, простиралась на восток и на запад, пока не терялась из виду, и об это побережье разбивались волны зеленого океана листвы. Гряда казалась неприступной — гигантский частокол отвесных, монолитных скал с редкими кварцевыми вкраплениями, ослепительно сверкавшими на солнце. Но человек, упорно прокладывавший путь наверх, одолел уже половину подъема.

Выходец из племени горцев, необычайно сильный и ловкий, он без особого труда взбирался на любую кручу. Из одежды на нем были лишь короткие, свободные штаны; сандалии, чтобы не мешали подъему, связанные вместе болтались за спиной, туда же были заброшены кинжал и меч.

Гибкий как пантера, он вместе с тем обладал мощным сложением; бронзовая от загара кожа и грубо подрезанная черная грива, схваченная у висков серебряной лентой, дополняли общую картину. Его железные мускулы, острый взгляд и отточенные движения как нельзя лучше соответствовали поставленной задаче, ибо это была проверка на высочайшую степень выносливости и мастерства скалолазания. В ста пятидесяти футах под ним колыхались волны джунглей. Примерно столько же оставалось до края скалы, очерченного утренним голубеющим небом.

В выверенных движениях чувствовалась некоторая спешка, словно человек был ограничен во времени; и несмотря

на это, ему приходилось двигаться со скоростью черепахи, поминутно замирая и всем телом прижимаясь к скале. Жадно ищущие пальцы рук и ног находили крохотные ниши и выступы, в лучшем случае — какую-нибудь покатую опору в полступни, и ему уже не раз случалось висеть над пропастью на кончиках пальцев. И все-таки, цепляясь за каждую неровность, извиваясь змеей, огибая выступы, человек упрямо отвоевывал у скалы фут за футом. Время от времени он останавливался, чтобы дать отдых ноющим мускулам и вытряхнуть из глаз капли пота; тогда, повернув голову, он пристально вглядывался в расстилающиеся под ним джунгли, методично прочесывая зеленый покров в поисках признаков присутствия человека.

Конец пути был уже близок, как вдруг в нескольких футах над головой он заметил в крутой скале расселину. Еще несколько усилий — и он оказался совсем рядом. Это была небольшая пещера сразу под срезом обрыва. И только его голова поднялась над краем основания, как человек удивленно хмыкнул. Пещера была такой крошечной, что скорее походила на большую, высеченную в камне нишу, но, несмотря на малые размеры, она не пустовала. В ней сидела высохшая коричневая мумия со скрещенными ногами — руки сложены на груди, сморщенная голова опущена. Чтобы конечности не разогнулись, их привязали к телу ремнями из сыромятной кожи, давно уже сгнившими. Если тело когда-то и имело одежду, то безжалостное время задолго до того обратило ее в пыль. Но там — засунутый между скрещенными руками и впалой грудью — виднелся свиток пергамента, за бесконечные годы пожелтевший до цвета старой слоновой кости.

Человек протянул руку и, осторожно покручивая, достал свиток. Не разглядывая находку, он сунул ее в поясной карман и стал быстро подниматься, пока не выпрямился в проеме ниши во весь свой огромный рост. Подпрыгнув, он ухватился цепкими пальцами за скальный выступ и, подтянувшись, перекинул тело через край пропасти.

Шагнув вперед, человек остановился, тяжело дыша, окидывая взглядом открывшуюся панораму.

Под ним словно раскинулась огромная чаша с краями из камня. Дно чаши покрывали деревья и густой, непроницаемый подлесок, однако этот лес не был таким густым, как джунгли с наружной стороны гряды. Скалы одинаковой высоты окружали его плотным кольцом. Это был каприз природы, возможно, единственный в своем роде: величественный, естественного происхождения амфитеатр, часть

лссистой равнины трех-четырех миль в диаметре, заключенная в кольцо неприступных скал и совершенно отрезанная от остального мира.

Но человек на гребне скалы не стал восторгаться уникальным топографическим явлением. Жадным взором он обшаривал вершины деревьев и вдруг резко вдохнул воздух: среди сплошного зеленого покрова поблескивали мраморные купола. В этом не было ничего сверхъестественного, ибо под ним лежал легендарный дворец покинутого людьми города Алкменон.

Конан-киммериец, бродяга, оставивший след и у Барахских островов, и на Черном побережье — везде, где жизнь приправлена смертельным риском,— пришел в Кешан, влекомый тайной надеждой заполучить сокровища, своим блеском затмевавшие богатства королей Турана.

Кешан, королевство варваров, расположилось дальше на восток от Куша, где обширные пастбища постепенно переходят в леса, подступающие к стране с юга. Высокомерная смуглокожая знать держала в повиновении прочее население, в большинстве своем состоящее из чистокровных негров. Сами властители — князьки и верховные жрецы — считали себя прямыми потомками белокожих кланов, которые, согласно преданию, в далеком прошлом правили в этих местах страной со столицей в Алкменоне. Разные сказания по-разному объясняли внезапный упадок государства и окончательный уход из города немногих оставшихся в живых жителей. Не меньшим туманом была покрыта тайна «Зубов Гвалура» — сокровищ, захороненных где-то в Алкменоне. Но даже такой легенды, расплывчатой и потому малоубедительной, хватило, чтобы Конан — через обширные равнины, испещренные потоками джунгли и горные хребты — пробрался в королевство чернокожих.

В конце концов, преодолев все тяготы пути, он отыскал Кешан, который сам по себе в странах на севере и западе считался полумифом, и здесь многочисленные слухи подтвердили его догадки насчет сокровищ, называемых аборигенами «Зубы Гвалура». Но место, где они были спрятаны, оставалось загадкой, к тому же требовалось как-то объяснить причину своего появления: дело в том, что здешние власти косо смотрели на бродяг-чужестранцев.

Но это его не смутило. Со сдержанным достоинством он предложил свои услуги напыщенной, разряженной и подозрительной знати двора, отличавшегося варварски пышной безвкусицей. Он — воин, и его предназначение — сражаться. Он прибыл в Кешан в поисках работы. За хорошую

плату он мог бы обучить их войско искусству боя, чтобы потом повести его на Пунт — их злейшего врага, который, как он слышал, одержал недавно ряд славных побед, чем вызвал ярость невыдержанного короля Кешана.

Прозвучавшее из уст киммерийца предложение на самом деле не было столь наглым, как могло бы показаться на первый взгляд. Молва о Конане, повсюду опережавшая его, докатилась и до далекого Кешана: дерзкие набеги черных корсаров, этих безжалостных волков с южного побережья, прославили имя их предводителя — им восхищались, его боялись и мечтали заполучить в союзники во всех черных королевствах. Киммериец не отказался пройти некоторые испытания, придуманные смуглокожими лордами. Стычки вдоль всей границы происходили постоянно, так что возможностей показать себя в рукопашном бою было предостаточно. Его неукротимая ярость, помноженная на репутацию главаря, произвела должное впечатление, и казалось, перспективы намечались самые благоприятные. Все, чего втайне желал Конан, он получил: теперь, когда у него есть работа, он может открыто жить в Кешане до тех пор, пока не разузнает про место, где лежат сокровища Гвалура. И вдруг возникло непредвиденное затруднение. Оно явилось в образе Татмекри, прибывшего в Кешан из Зембабве во главе посольства.

Татмекри был стигийцем. Бродяга и искатель приключений, он благодаря смышленому уму добился расположения двух принцев-близнецов, правивших за сотню миль к востоку обширным королевством, народ которого составляли потомственные торговцы. Оба воина были знакомы еще с незапамятных времен, но относились друг к другу с холодком. Татмекри приехал к королю Кешана с аналогичным предложением: совместными усилиями покончить с Пунтом, чей король за месяц до того изгнал из своей страны всех зембабвийских купцов да еще сжег в придачу несколько пограничных крепостей своих соседей.

Возможная выгода от такого союза перевесила даже военную славу Конана. Он, Татмекри, клятвенно обещает, что уже в самое ближайшее время под его началом будет войско из черных копейщиков, шемитских лучников и вооруженных мечами наемников. С этими силами он вторгнется в Пунт с востока и поможет королю Кешана присоединить к своим владениям земли ненавистного соседа. А за свои услуги бессребреники зембабвийцы надеются получить самую малость: всего-то монопольное право на торговлю в Кешане и в его странах-данниках да еще, как залог добрых отношений, несколько «Зубов Гвалура». О, пусть высокочтимые

князья не беспокоятся — никто и не думает пускать их в оборот. Их отнесут в главный храм Зембабве и вместе со священными реликвиями королевства положат в раку рядом с сидящими на корточках золотыми идолами Дагоном и Деркето, чтобы тем самым скрепить договор о вечной дружбе между Кешаном и Зембабве. При последних словах плотно сжатые губы варвара скривились в жесткой усмешке.

Киммериец даже и не пытался тягаться с Татмекри и его помощником — шемитом Зархебой — по части дворцовых интрижек. Варвар прекрасно понимал, что если стигиец добьется заключения договора,— а дело к тому и шло,— то первым делом будет настаивать на высылке своего недруга. А потому для Конана оставался один путь: прежде чем король решится на сделку, найти эти «Зубы» и с ними покинуть страну. Единственное, что он знал наверняка, это то, что в Кешле драгоценностей нет и никогда не было: столица государства, представлявшая собой скопление тростниковых хижин, обнесенных глиняной стеной, с дворцом из глины, камня и бамбука в центре, меньше всего походила на место, где покоятся величайшие сокровища мира.

Пока варвар в нетерпении раздувал ноздри, вперед выступил верховный жрец Горулга и заявил, что прежде чем принять окончательное решение относительно союза с Зембабве, необходимо получить на то благословение богов, ибо по договору в залог дружбы должны быть переданы святыни, вот уже тысячелетие не осквернённые ни взглядом, ни руками смертного. В общем, необходимо обратиться к прорицательнице Алкменона.

Его заявление напустило на всех страху, и языки — как во дворце, так и в тростниковых ульях — заработали с небывалой силой. За последнее столетие ни один жрец не навещал мертвый город. Шептались, что прорицательница — это сама принцесса Елайя, последняя правительница города, внезапно умершая в расцвете молодости, красоты и сил, и что ее тело, каким-то чудесным образом неподвластное разрушительному воздействию времени, вот уже века как покоится во дворце.

В былые времена жрецы довольно часто ходили в город, и прорицательница, приоткрывая перед ними завесу непознанного, давала вкусить плодов истины. Только верховный жрец, что был там в последний раз, оказался нечист на руку: он замыслил недоброе — украсть прекрасные, искусно ограненные камни, известные как «Зубы Гвалура». Но в пустынном дворце его настиг злой рок. Бежавшие с заколдованного места младшие служители богов, с трудом придя

в себя, порассказали такие ужасы, что надолго отпугнули жрецов и от города и от прорицательницы.

Однако Горулга как верховный жрец и как человек, уверенный в чистоте своих помыслов, объявил во всеуслышание, что готов с горсткой храбрецов возродить древний обычай предков. И вновь отовсюду понеслось жужжание, и вместе с роем бестолковых слухов до ушей Конана наконец-то долетели слова, за которыми он охотился долгие недели. Ему удалось подслушать, как перешептывались младшие жрецы, в результате чего ночью накануне исторического паломничества он, никем не замеченный, выскользнул из города.

Всю ночь, весь следующий день и следующую ночь он погонял коня, пока рано на рассвете не приблизился к скалам, скрывавшим Алкменон. Конан находился у юго-западной границы королевства, среди диких джунглей, где аборигенам под страхом смерти запрещено было селиться. Никто, кроме жрецов, не смел приблизиться к загадочной долине на расстояние меньше десяти миль. И ни один жрец за последние сто лет не входил в Алкменон.

Молва утверждала, что для простых смертных эти скалы неприступны и что только жрецы знают тайный ход в долину. Конан решил не тратить время на поиски. Кручи, перед которыми в благоговейном страхе замирали эти чернокожие — всадники, обитатели прерий и равнинных лесов, не могли остановить человека, рожденного среди суровых гор Киммерии.

...Так он стоял на гребне скалы, глядя вниз на округлую долину и размышляя над тем, какая чума, война или сверхъестественная сила заставила древний белокожий народ покинуть свою цитадель, слиться с живущими вокруг черными племенами, чтобы в конце концов раствориться в них без остатка.

Итак, здесь они жили. В самой долине был выстроен только дворец для королевской семьи, двора и челяди. Город же находился снаружи, и зеленый океан джунглей надежно спрятал его руины. Но купола королевского дворца Алкменона, что поблескивали внизу среди листвы, словно бросая вызов времени, гордо взметнули в высоту венчавшие их остроконечные башенки.

Отыскав ногой первую опору, Конан начал быстро спускаться. Внутренняя стена была изрезана сильнее и не так отвесна, как наружная. Затратив вдвое меньше времени, чем на подъем, он наконец спрыгнул на густой травяной покров.

Сжав рукоять меча, киммериец настороженно огляделся. Конечно, не было причины подвергать сомнению слова жрецов о том, что Алкменон — город заброшенный, сейчас населенный одними лишь привидениями ушедших в небытие предков. Но подозрительность и неусыпная бдительность составляли неотъемлемую часть природы варвара. Вокруг царил первозданный покой: не шелохнулся ни один листочек, ни один звук не нарушил тишины. Присев, он впился взглядом в подлесок — ничего, только правильные ряды стволов, уходящие в голубоватый сумрак.

Тем не менее варвар не потерял осторожности: сжимая обнаженный меч, он продвигался медленно, пружинящей походкой — без единого шороха, пристально вглядываясь в тени по сторонам. Повсюду ему попадались следы древней цивилизации. Мраморные фонтаны, давно умолкшие, полуразрушенные, стояли в окружении стройных деревьев, в расположении которых угадывалась симметрия — слишком явная, чтобы отнести ее на счет природы. Дикий лес и кустарник энергично вторглись в тщательно спланированную рощицу, но ее контуры все еще были различимы. Вдаль убегали широкие мощеные дорожки, меж плит которых густо проросла трава. Сквозь зелень проглядывали стены с узорчатыми гребнями и изящные, высеченные из камня решетки, похоже, в свое время ограждавшие увеселительные павильоны.

Но вот впереди среди деревьев замерцали купола, и с каждым шагом все отчетливее стало проступать массивное сооружение, служившее им опорой. Наконец, продравшись сквозь сплетение дикой лозы, он вышел на сравнительно гладкую площадку с одиноко растущими деревьями. Здесь не было заслоняющего перспективу подлеска, и в сотне ярдов от себя киммериец увидел ряды колонн дворцового портика.

Поднимаясь по широким мраморным ступеням, он обратил внимание на то, что это здание сохранилось гораздо лучше остальных, не таких крупных построек. Очевидно, толстые стены и колонны оказались настолько прочными, что сумели устоять перед временем и стихиями. У дворца, как и повсюду в долине, господствовал тот же чарующий покой, и в тишине кошачья поступь его обутых в сандалии ног звучала необычно громко.

Он задумался. Где-то в этом дворце находится настенная роспись или статуя, которую кешанские жрецы многие века почитают как свою богиню-прорицательницу. И где-то в этом дворце — если, конечно, излишне болтливый младший

жрец не завирался — спрятаны сокровища древних королей Алкменона. Конан вошел в широкий коридор с выстроившимися вдоль стен рядами высоких колонн, промеж которых чернели пасти дверных проемов — сами двери давно сгнили. Он миновал полный сумрачного, таинственного света коридор и очутился у двустворчатой бронзовой двери — чуть приоткрытой, как, может быть, она стояла уже многие века. Через нее он попал в просторную, со сводчатым потолком комнату — как видно, зал для торжественных приемов.

По форме это был восьмигранник. Похоже, в потолке, повторявшем округлую линию купола, строители прорезали какие-то невидимые хитроумные отверстия, так как в зале было гораздо светлее, чем в мрачноватом коридоре. У дальней стены возвышался пьедестал, на который вели широкие лазуритовые ступени, а на постаменте стоял массивный трон с узорными подлокотниками и высокой спинкой, когда-то, без сомнения, увенчанной балдахином. Конан издал утробное рычание, глаза его загорелись жадным огнем. Золотой трон Алкменона, точно перенесенный прямо из древних сказаний! Наметанным глазом он прикинул его вес — сам по себе уже огромное богатство... если, конечно, придумать, как его отсюда вытащить. От блеска золота у варвара разыгралось воображение, он весь сгорал от желания поскорее добраться до скрытого в недрах дворца клада. Он представлял себе, как погрузит руку в сверкающую россыпь камней, чью красоту превозносили на рыночных площадях рассказчики Кешлы, сами лишь повторявшие легенды, на протяжении веков передаваемые из уст в уста; как дрожащими пальцами будет перебирать несметные сокровища, равных которым не было и нет во всем свете: рубины и изумруды, бриллианты и кровавые гелиотропы, опалы и сапфиры — бесценная добыча, которую он вырвет из истлевших рук далеких предков.

Конан ожидал увидеть сидящую на троне статую богини, но поскольку тот был пуст, то скорее всего, думал он, она находится в другой части дворца... если такая штука вообще существует. Однако с тех пор, как он водворился в Кешане, так много мифов успели обрести реальность, что, окажись вдруг перед ним сама богиня, он вряд ли удивился бы.

За троном зиял узкий сводчатый проем — наверняка в дни жизни Алкменона ту дверь скрывали драпировки. Он заглянул туда и обнаружил альков — совершенно пустой, из которого под прямым углом выходил узкий коридор.

Высунув голову из проема, он огляделся и тут, слева от постамента, увидел еще одну арку, на этот раз закрытую тяжелой дверью. И дверь эта не походила ни на одну другую. Портал, выполненный из того же ценного металла, что и трон, был испещрен множеством необычных значков.

Он лишь коснулся ее — и дверь открылась с такой легкостью, точно кто-то совсем недавно тщательно смазал дверные петли. Конан шагнул вперед... и замер, пораженный.

Он находился в квадратной комнате, не очень большой; ее мраморные стены поднимались к богато украшенному, с вкраплениями золота потолку. Золотые бордюры обегали стены сверху и у основания. Других дверей, кроме той, через которую он вошел, в комнате не было. Но он лишь мельком отметил про себя эти подробности. Все его внимание приковало к себе тело, покоящееся на пьедестале, выточенном из слоновой кости.

Он ожидал увидеть изваяние, высеченное с тем древним мастерством, секрет которого за века был утрачен. И все же ни один мастер, когда-либо творивший на свете, не сумел бы передать линии и пропорции этой совершенной фигуры.

Ни камень, ни металл, ни слоновая кость — перед ним покоились останки когда-то живой женщины, и Конан мог только гадать, с помощью какого колдовства древние сумели защитить тело своей принцессы от воздействия безжалостного времени. Даже одежда на ней осталась неповрежденной. Конан нахмурился: последнее обстоятельство пробудило в нем неясные подозрения. Искусство, с помощью которого сохранили от разрушения когда-то живую плоть, вряд ли могло оказать то же воздействие и на покровы. Но все же вот они, перед его глазами: и золотой нагрудник с двумя рисунками концентрических кругов, составленных из драгоценных камней, и позолоченные сандалии, и короткая шелковая юбка, стянутая в талии поясом в блестках бриллиантов. И камни и металл — все без малейших признаков налета!

Даже в смерти Елайя носила черты холодной красоты. Алебастровое тело было хрупким и в то же время чувственным; в гладких, стянутых над головой волосах цвета ночи пылал огромный рубин.

С минуту Конан стоял, нахмурившись и размышляя, потом постучал по пьедесталу кончиком меча. Ему вдруг пришла в голову мысль, что внутри может находиться полость, где и спрятаны сокровища. В ответ — лишь глухой

звук: выходит, надежды на легкую добычу не оправдались. Он повернулся и в нерешительности прошелся по комнате. Где искать? Ведь времени осталось так немного. Тот младший жрец трепался, что сокровища спрятаны где-то во дворце. Но дворец слишком велик — его не обшаришь за пару часов. Или, может быть, схорониться где-нибудь, дождаться, пока жрецы, сделав свое дело, уйдут, и тогда возобновить поиски? Но что, если они возьмут с собой не часть, а все сокровище целиком? Не иначе как этот пройдоха Татмекри подкупил Горулгу.

Конан достаточно хорошо знал Татмекри и потому мог предвидеть его действия. Варвар не ошибся, предположив, что именно Татмекри натолкнул зембабвийских королей на мысль завоевать Пунт, что в свою очередь являлось не более чем промежуточной ступенью на пути к главной цели — захвату «Зубов Гвалура». Братья-короли осторожничали и, прежде чем предпринять решительные шаги, требовали веских доказательств, что сокровища — не миф и не игра воображения. Камни, выторгованные Татмекри как залог дружбы, и послужили бы таким доказательством.

А вот тогда, получив бесспорное свидетельство существования сокровищ, короли Зембабве перейдут к открытым действиям. Пунт будет атакован одновременно и с запада и с востока, но зембабвийцы позаботятся о том, чтобы основную работу за них проделали кешанцы. Затем, когда Кешан и Пунт в ожесточенной борьбе окончательно измотают друг друга, зембабвийцы, объявив войну вчерашнему союзнику, захватят Кешан и силой овладеют сокровищами... даже если для этого им придется сжечь дотла весь Кешан и замучить до смерти половину его населения.

Однако не следовало сбрасывать со счетов и такой исход: если только Татмекри доберется до клада, то, следуя своей природе, он немедленно вознамерится одурачить всех — сам украдет сокровища и, незаметно улизнув из города, оставит своих благодетелей с голыми руками.

Конан ни на миг не сомневался, что все это паломничество к прорицательнице — не что иное, как сговор, имеющий целью склонить короля Кешана к союзу с зембабвийцами и заставить его пойти на поводу Татмекри: за время службы киммериец довольно насмотрелся на Горулгу и решил, что тот такая же бестия, как и все, кто замешан в возне вокруг сокровищ. Конан вовсе не стремился пробиться в ближайшее окружение верховного жреца: он знал свои слабые места и понимал, что по части подкупа ему до сти-

гийца далеко и что любая попытка с его стороны будет тому только на руку. Горулга, конечно, немедленно встал бы в позу оскорбленной чести, всенародно объявил бы киммерийца злодеем и тем упрочил бы свою репутацию праведника, заодно избавив Татмекри от злейшего врага. Одно не давало варвару покоя: как удалось стигийцу подкупить жреца, чем соблазнился человек, имея в полном своем распоряжении величайшие богатства мира?

В любом случае нет сомнений, что прорицательница — понятное дело, в полном согласии с волей богов — замолвит словечко в пользу планов стигийца, а напоследок присовокупит несколько слов относительно его, Конана, дальнейшей судьбы, отчего климат в Кешане покажется ему слишком уж жарким. Впрочем, последние соображения его не особенно беспокоили: как бы ни обернулись события, он еще в ночь отъезда решил не возвращаться в столицу чернокожих.

Итак, в комнате прорицательницы ключа к сокровищам нет. Киммериец вышел обратно в огромный тронный зал и, приблизившись к трону, уперся снизу в подлокотники. Трон был тяжел и поддавался неохотно, но ему удалось заглянуть под литое основание — совершенно гладкая поверхность, постамент был выполнен из цельного куска мрамора. Тогда Конан еще раз тщательно осмотрел альков: ведь не зря же он здесь устроен — что, если сокровища где-то рядом? Дюйм за дюймом он стал простукивать стены, пока наконец не наткнулся на пустоту — как раз напротив входа в узкий коридор. Тщательно обследовав стену, киммериец обнаружил, что в одном месте зазор между мраморными плитами был чуть шире обычного. Он вставил в него острие кинжала, нажал.

Плита бесшумно ушла в сторону, и глазам варвара предстала ниша — и больше ничего. Он с чувством выругался. Ниша была пуста и, похоже, никогда не служила тайником для сокровищ. Наклонившись вперед, он обнаружил множество узких щелок, проделанных под углом в стене на уровне рта человека. Он заглянул в них и понимающе ухмыльнулся. Ниша находилась в стене, разделяющей альков и комнату с телом богини. Конан разочарованно покрутил головой: он разгадал тайну пророчеств, но все было сработано на редкость слабо, без выдумки, даже примитивно. Так значит, Горулга залезет в нишу — или посадит сюда преданного слугу — и будет вещать сквозь эти дырки, а доверчивые младшие жрецы — все из черных — с благоговением будут внимать живому голосу Елайи.

Вдруг, словно вспомнив о чем-то, киммериец достал свиток, взятый на груди у мумии, и, соблюдая всяческую осторожность — тот был настолько древним, что казалось, одно неловкое движение — и он рассыпется в руках,— развернул папирус и повернул его к свету. Нахмурив лоб, он напряженно вглядывался в полустертые иероглифы. За время своих бесчисленных скитаний этот могучий искатель приключений нахватался порядком всяких знаний и помимо прочего познакомился с письменной и устной речью многих народов. Не один ученый грамотей лишился бы покоя от зависти, прознай он о лингвистических способностях киммерийца. Этим догматикам было и невдомек, что в рискованных предприятиях порой знание языка способно склонить чашу весов в пользу жизни.

Варвар скрипнул зубами: на первый взгляд такие знакомые иероглифы никак не хотели поддаваться расшифровке. Наконец он понял, в чем тут дело. Иероглифы принадлежали к древнему наречию пелиштов, значительно отличавшемуся от их современного, хорошо известного варвару языка,— изменения произошли после того, как тремя столетиями раньше их страну завоевали племена кочевников. Древние письмена читались с трудом. Нужна была зацепка. Тогда из тесных рядов значков он выделил многократно повторяющееся сочетание, в котором без труда угадал имя собственное — Бит-Якин, скорее всего имя автора манускрипта.

Сдвинув брови и шевеля губами, Конан, словно на ощупь, пробирался по выцветшим цепочкам иероглифов, многого не понимая, улавливая смысл оставшегося лишь наполовину.

Однако он разобрал, что автор, этот таинственный Бит-Якин, прибыл издалека вместе со слугами и что все вместе они вошли в долину Алкменона. Дальше текст запестрел незнакомыми иероглифами, и из того, что удалось расшифровать, он только понял, что прошло довольно много времени. Часто встречалось имя Елайи, а в последней части манускрипта промелькнуло, что Бит-Якин предчувствовал надвигающийся конец. Киммериец чуть поежился: выходит, мумия в пещере и есть останки составителя манускрипта — загадочного пелишта Бит-Якина. Значит, в конце концов, как он и предрекал, наступила смерть, и слуги, по-видимому исполняя последнюю волю умершего, поместили его тело в этот открытый, вознесшийся высоко над землей склеп.

Но почему тогда имя Бит-Якина не упоминается ни в одной из легенд об Алкменоне? Или он пришел в долину

уже после того, как ее покинули коренные жители, на что, кстати, указывается и в документе... хотя, с другой стороны, выглядит странным, что жрецы, в прошлые века довольно часто навещавшие прорицательницу, так ни разу не увидели ни самого пелишта, ни кого-либо из его слуг. Получается, что и мумии и манускрипту гораздо больше века. Значит, Бит-Якин обосновался здесь еще во времена, когда жрецы вовсю творили ритуалы перед мертвым телом Елайи. И все-таки о пелиште легенды молчат, повествуя лишь о безжизненном городе, населенном одними духами умерших.

Так что же делал человек в этом пустынном месте и куда подевались слуги после того, как они обустроили труп своего господина?

Пожав плечами, Конан засунул свиток обратно в поясной карман, и вдруг по его мощному телу пробежала дрожь, в ладонях неприятно защипало, ноги обмякли: неожиданно громко, парализуя волю, сонную тишину дворца разорвал резкий удар большого гонга!

Варвар круто повернулся — чувства предельно обострены, в руке обнаженный меч, глаза впились во тьму узкого коридора, откуда, как ему показалось, исходил звук. Может быть, это прибыли жрецы из Кешлы? Нет, невозможно — слишком рано. Но удар гонга — ведь это верный знак, что где-то рядом люди!

По натуре Конан был всецело человеком действия. Некоторая гибкость ума, приобретенная им за годы общения с изнеженными цивилизацией народами, в минуты внезапной опасности мгновенно уступала место природным инстинктам. Вот и сейчас, вместо того чтобы затаиться или отступить в противоположном направлении, как сделал бы в подобной ситуации любой другой, варвар быстро зашагал по коридору — туда, где находился источник звука. Его сандалии производили не больше шума, чем бархатные лапы пантеры, глаза превратились в узкие щелки, губы раздвинулись в зверином оскале. Страх, вызванный усиленными эхом раскатами гонга, лишь на краткий миг взял верх над природным хладнокровием, и тут же в сумрачной душе варвара всколыхнулась слепая ярость — ответ на смертельную угрозу.

Пройдя извилистым коридором, он вышел к внутреннему округлому дворику. В глаза ему бросился предмет, ослепительно сверкавший на солнце. Это был гонг — огромный золотой диск, подвешенный на золотой же лапе, торчащей из стены. Рядом валялся медный молоток, а вокруг —

ни звука, ни малейшего намека на присутствие человека. В стенах разинутыми пастями зияли дверные проемы. Пригнувшийся, укрытый полумраком коридора, он долгое время не решался выйти наружу. Но ничто не нарушало векового покоя огромного дворца. Наконец, исчерпав терпение, он бесшумно заскользил вдоль стены, заглядывая в каждый проем, готовый в любой миг отскочить в сторону или стремительно и точно, словно кобра, нанести удар.

Вот он у гонга. Заглянул под арку рядом — ничего нового: слабо освещенная комната, стены в мелких трещинах и пол, усыпанный каменной крошкой. Под гонгом на гладко отполированных мраморных плитах не было никаких следов, но в воздухе чувствовался аромат — чужой, чуть неприятный терпкий запах. Он попытался вспомнить его, широко раздувая ноздри, как это делают дикие звери,— все тщетно.

Киммериец шагнул к очередной арке. Внезапно внешне такие прочные плиты пола раскрошились, и он почувствовал, что под ногами — пустота! Раскинув руки, Конан в последний миг сумел зацепиться пальцами за выступающий мрамор, но края плит обломились, и он полетел в разверзшуюся под ним пропасть. Он стремительно падал прямо в бездну и вдруг погрузился в ледяную черную воду, которая обхватила его, завертела и с бешеной скоростью понесла прочь.

2

БОГИНЯ ПРОБУЖДАЕТСЯ

В первую минуту киммериец и не пытался бороться с бурным потоком, влекущим его среди мрака неизвестно куда. Он лишь старался по возможности держаться над водой, сжимая зубами верный меч, который не выпустил даже во время падения, и не гадая попусту, куда его вынесет стремнина. И вдруг мрак впереди пронзил луч света. Варвар увидел кипящую, вздымавшуюся волнами свинцовую воду — всю словно растревоженную каким-нибудь чудовищем, скрывавшимся в ее глубинах, и отвесные каменные стены канала, переходящие в сводчатый потолок. Вдоль обеих стен протянулось по уступу, но слишком высоко, чтобы до них можно было дотянуться рукой. В одном месте поверхность потолка была нарушена — похоже, тот просто обвалился,— и в образовавшуюся брешь струился свет. За

световым лучом стоял кромешный мрак, и варвар ужаснулся при мысли, что еще немного — и его пронесет мимо, прямо в черную тьму.

И тут Конан заметил еще кое-что: через равные промежутки от уступов к воде спускались бронзовые прутья лестниц, и как раз мимо одной из них он должен был скоро проплыть. Мгновение спустя он уже бешено работал руками и ногами, стараясь побороть течение, тянущее его обратно на середину потока. Оно точно оплело человека живыми скользкими пальцами, но тот, яростно сражаясь за каждый дюйм, колотил по свинцовым волнам с отчаянием обреченного, рвал невидимые путы и все ближе продвигался к берегу. Вот он поравнялся с лестницей, последний мощный рывок — и его пальцы впились в нижнюю ступеньку. Обессиленный, едва не захлебнувшийся, он повис в воде, цепляясь за спасительный прут.

Но отдых длился недолго. Через несколько секунд он уже вырывался из тесных объятий стремнины, слепо положившись на сомнительную прочность древних ступеней. Камни крошились, прутья гнулись, но держали, и варвар упрямо карабкался вверх к узкому карнизу, выложенному вдоль стены ярдов на пять ниже того уровня, где стена переходила в свод. Рослому киммерийцу пришлось нагнуть голову, когда, добравшись до цели, он захотел выпрямиться в полный рост. Недалеко от лестницы в стене на высоте уступа виднелась тяжелая бронзовая дверь. Варвар нажал плечом, но дверь не шелохнулась. Он вернул меч на место, в ножны, и сплюнул кровь: за время яростной схватки с потоком острое лезвие изрезало губы. Затем перевел взгляд на брешь в потолке.

Пожалуй, до пролома можно дотянуться. Он попробовал край на прочность — все в порядке, выдержит. В следующий миг он пролез в отверстие и очутился в просторной комнате, пребывавшей в крайней степени запустения. Большая часть потолка обвалилась, как и те несколько плит в полу, которые одновременно являлись сводом в туннеле с подземной рекой. Сквозь испещренные трещинами арки виднелись другие комнаты и коридоры — очевидно, он все еще находился в пределах огромного дворца. Конан с беспокойством подумал, сколько комнат таят несущуюся под ними стремнину и как среди сотен распознать коварные плиты, готовые расколоться у него под ногами и низвергнуть его обратно в пучину, из которой он только что выбрался.

И еще одна мысль не давала покоя: так ли уж случайно раскололись те плиты? Конечно, может статься, они просто не выдержали его веса, но что, если существует иная, гораздо менее безобидная причина? По крайней мере, ясно одно: во дворце кроме него есть живые люди. Тот гонг — он ведь ударил не сам по себе — неважно, была ли это ловкая приманка в зубах смерти или нет. Тишина дворца вдруг показалась зловещей, насыщенной скрытой угрозой.

А что, если его опередили? Он вдруг вспомнил загадочного Бит-Якина: тот заявился сюда явно неспроста. Разве не может быть, что за свое долгое пребывание в Алкменоне он отыскал-таки «Зубы Гвалура», а после смерти хозяина слуги унесли сокровище с собой? От одной мысли, что он, возможно, гоняется за несбыточной мечтой, варвар пришел в ярость.

Определив, в какой стороне должен находиться тронный зал и комната с богиней, он быстро зашагал по коридору, не забывая, однако, о разумной осторожности: перед его глазами все время стояла картина бурного, в пенных клочьях потока, стремительно несущего свои черные воды где-то у него под ногами.

В мыслях он постоянно возвращался к комнате за тронным залом, где покоилось удивительно живое на вид тело прорицательницы. Именно там нужно искать ключ к разгадке тайны сокровищ, если, конечно, оно до сих пор находится в пределах дворца.

По-прежнему все вокруг наполняла тишина, нарушаемая лишь быстрой мягкой поступью его сандалий. Залы и комнаты с просевшим или обвалившимся потолком, стены в прожилках трещин, каменная крошка, усеявшая мозаичный пол,— все носило на себе разрушительную печать времени, но по мере того, как он продвигался вперед, следы запустения становились все менее явными. Он вдруг подумал, для чего это древним понадобилось устраивать лестницы от карниза к подземной реке, но скоро, пожав плечами, отбросил эту мысль как несущественную. Вопросы быта минувших эпох, не приносящие реальной выгоды, варвара мало интересовали.

Конан уже начинал сомневаться в правильности выбранного направления, как вдруг очередной коридор вывел его прямо в тронный зал. Киммериец принял решение: бесполезно бродить по дворцу наугад, гораздо разумнее спрятаться где-нибудь здесь, дождаться кешанцев, а уж те, после того как разыграют свою сцену пророчества, сами прямой дорогой выведут его к сокровищам. Кто знает, может быть, в

этот раз они возьмут всего лишь несколько камней, а он, уж так и быть, удовольствуется остаточком.

Распаленный услужливым воображением, киммериец вторично вошел в комнату прорицательницы и, завороженный необычной холодной красотой, неслышными шагами приблизился к пьедесталу, где лежало тело давно умершей, почитаемой за богиню принцессы. Невероятно! Какое страшное заклинание удерживает от разложения эти прекрасные формы?

Внезапно он содрогнулся всем телом. Дыхание прервалось, коротко остриженные волосы на голове встали дыбом. Тело покоилось точно в таком же положении, без каких-либо видимых изменений, как и в тот раз, когда он вошел сюда впервые, неподвижное, все в том же золотом нагруднике с кругами из посверкивающих камней, в тех же золоченых сандалиях и в короткой шелковой юбке. И вместе с тем ощущалась едва уловимая разница. Точеные руки и ноги уже не казались окоченевшими, щеки налились слабым румянцем, губы покраснели...

Исторгнув из груди рычание, Конан выхватил меч:

— Кром всемогущий! Да она живая!

От крика варвара длинные темные ресницы дрогнули, поднялись, и немигающим взглядом снизу вверх его пронзили глаза — блестящие, непроницаемые, цвета тьмы. Он оцепенел, глядя на них в немом ужасе.

Богиня села: в простом движении — предельная гармония, глаза — словно заглядывают прямо в душу варвара.

Он нервно облизал сухие губы и наконец обрел дар речи.

— Ты... ты Елайя? — пробормотал он, запинаясь.

— Да! Я — Елайя! — Глубокий мелодичный голос с новой силой поразил его.— Не бойся. Я не причиню тебе зла, если не станешь мне противиться.

— Как может ожить мертвец, который пробыл мертвецом столетия? — В вопросе проскользнуло недоверие: казалось, он не верит собственным глазам. В щелках зрачков киммерийца стал разгораться хитрый огонек.

С божественной грацией она подняла руку.

— Я — богиня. Тысячу лет назад на меня пало проклятие могущественных духов — духов Тьмы, обитающих по ту сторону Света. Что было смертно во мне, умерло — божественное начало живет вечно. На этом ложе я покоюсь уже многие века и просыпаюсь каждый вечер на закате, чтобы вместе с призраками, вышедшими из тени прошлого, как и в давно минувшие года, устраивать приемы при дворе.— Легкая пауза.— Человек, если не хочешь навсегда лишиться разума,

если не хочешь, чтобы тебя постигло страшное заклятье, удались немедленно! Я, богиня, приказываю тебе — уходи! — Голос стал властным, чуть нетерпеливым, а изящная рука в повелительном жесте указала на бронзовую дверь.

Конан — с глазами, как горящие уголья,— вложил меч в ножны, однако выполнять божественное повеление не спешил. Точно под властью колдовских чар, он сделал шаг вперед — и вдруг совершенно неожиданно сгреб Елайю в свои медвежьи объятия! Богиня завизжала самым непотребным образом, и тут же послышался треск разрываемой материи: одним грубым рывком Конан сдернул с божественного тела шелковую юбку!

— Богиня! Ха! — В его рычании сквозило гневное презрение. Пленница извивалась, делая отчаянные попытки обрести свободу, но он словно бы не замечал их.— То-то мне показалось странным, что принцесса Алкменона говорит с коринфийским акцентом! Как только я очухался, я уже знал, что где-то раньше тебя видел. Ты Мьюрела — коринфийская танцовщица из окружения Зархебы. А вот на бедре и родимое пятно полумесяцем. Я видел его как-то раз, когда Зархеба учил тебя плетью. Богиня! Надо же!

Он звучно шлепнул по предательскому бедру ладонью, и девушка жалобно вскрикнула. Вся ее величавость пропала. Она была уже не мистическим творением глубокой древности, а самой обычной, дрожащей от страха и унижения юной танцовщицей, каких десятками продают на невольничьих рынках Шема. И вот послышалось жалобное шмыганье, еще минута — и, потеряв всякий стыд, развенчанная принцесса ударилась в слезы. С высоты своего роста варвар бросил на пленницу торжествующий взгляд.

— Принцесса! Слишком много чести! Так значит, ты из тех женщин, которых Зархеба привел в Кешан скрытыми под вуалью? Неужели ты всерьез надеялась обмануть меня, ты, жалкий комок перьев? Год назад я видел тебя в Хоршемише вместе с этой свиньей Зархебой, а я никогда не забываю ни лиц женщин, ни их тел. Пожалуй, я...

Но тут, подстегнутая ужасом, девушка извернулась в железных объятиях варвара и тонкими руками обвила его бычью шею; по щекам побежали ручейки слез, рыдания стали быстро нарастать — она была на грани истерики.

— Умоляю, не убивай меня! Не убивай! Меня заставили! Это Зархеба привел меня сюда, чтобы я сыграла роль богини!

— Что-о?! Не кощунствуй, мерзкая ты шлюшка! — загрохотал по комнате его голос.— Или ты не боишься гнева бо-

гов? Великий Кром! Неужто на свете повывелось благочестие?

— О, умоляю тебя! — От страха она совсем потеряла голову, лишь все сильнее льнула к нему, дрожа всем телом.— Я не посмела ослушаться Зархебы. О, что мне теперь делать? Эти языческие боги... Они проклянут меня!

— Как ты думаешь, если жрецы обнаружат, что их богиня — фальшивая, что они с ней сделают? — с ухмылочкой спросил он.

При мысли об этом ноги девушки отказались ей служить; дрожащая и безвольная, Мьюрела сползла к ногам варвара и, обхватив его колени руками, прерывистым голосом взмолилась о пощаде и защите, перемежая мольбы слабыми попытками убедить его в своей невиновности и в отсутствии у нее дурных помыслов. От прежней гордой принцессы предков не осталось и следа, что было и не удивительно, ибо страх преследовал ее постоянно, и если в прежней роли его еще удавалось как-то сдерживать, то теперь, едва ему поддавшись, она уже не смогла с ним совладать и сейчас быстро погружалась в бездну животного ужаса.

— Где Зархеба? Да прекрати ты выть, говори толком!

— Дожидается жрецов снаружи дворца! — донеслось сквозь всхлипывания.

— Сколько с ним человек?

— Никого. Мы пришли вдвоем.

— Ха! — Возглас весьма походил на довольное рычание льва на охоте.— Значит, вы покинули Кешлу всего через несколько часов после меня. Вы взбирались на скалы?

Она лишь покачала головой: слезы душили ее. Нетерпеливо выругавшись, Конан впился железными пальцами в нежные плечи и встряхнул несколько раз подряд, пока девушка не открыла рот и с шумом не втянула в себя воздух.

— Ты прекратишь когда-нибудь свой рев? Отвечай, как вы попали в долину.

— Зархеба знает тайный ход,— выдохнула она.— О нем ему сказал жрец Гварунга, а еще Татмекри. Снаружи, напротив южной части долины, у подножия скал есть большое озеро. Под водой в озеро открывается пещера — с берега входа в нее не видно. Мы нырнули и проникли в пещеру. Она почти сразу пошла кверху, вода кончилась, и дальше мы шли под горой. А выход из пещеры в долину скрыт густыми зарослями.

— Хм-м. А я-то взбирался на скалы с восточной стороны,— пробормотал он.— Ну да ладно, что было потом?

— Мы пришли ко дворцу, и Зархеба спрятал меня в лесу, а сам пошел искать комнату с телом прорицательницы. Он, похоже, не слишком доверяет Гварунге. Когда он ушел, мне послышалось, будто где-то ударил гонг, только я не совсем уверена. Наконец вернулся Зархеба и приказал следовать за ним. Он привел меня в комнату, где на пьедестале лежала богиня Елайя. Сняв с нее одежду и украшения, он заставил меня надеть все это, потом уложил на пьедестал в позе, в которой лежала богиня, и, оставив одну, сам отправился прятать тело и выслеживать жрецов, когда те явятся. Я очень боялась. Когда ты вошел, я готова была вскочить с пьедестала и умолять тебя забрать меня из этого проклятого места, но я страшилась мести Зархебы. А когда ты обнаружил, что я живая, то решила напугать, чтобы ты поскорее ушел.

— Что ты должна была им наговорить?

— Я должна была приказать жрецам взять «Зубы Гвалура» и некоторые из них, как и хотел Татмекри, передать ему в качестве залога, а остальные спрятать где-нибудь во дворце в Кешле. Я должна была сказать, что великие беды ожидают Кешан, если предложения Татмекри будут отвергнуты... Ах да, еще я должна была сказать, чтобы с тебя как можно скорее содрали кожу.

— Значит, Татмекри — или зембабвийцы — хотели заполучить сокровище в такое место, где его без труда можно было бы прибрать к рукам,— как бы размышляя вслух, сказал Конан; замечание насчет себя он оставил без внимания.— Ну да ладно, как только доберусь до него — вырежу печень. Горулга, конечно, тоже замешан в этом деле?

— Нет. Он искренне верит в своих богов. Он ничего не знает о планах заговорщиков и выполнит все повеления богини. Это все Татмекри — его игра. Зная, что кешанцы отправятся к прорицательнице, он подсказал Зархебе включить меня в посольство, доставить под вуалью в Кешлу и до поры до времени спрятать в укромном месте подальше от любопытных глаз.

— Ну и чудеса, будь я проклят! — От удивления варвар вскинул брови.— Неподкупный жрец, который верит в волю богов! Великий Кром! Должно быть, это Зархеба и грохнул по гонгу. Интересно, знал ли он обо мне? Если так, то получается — Зархеба и заманил меня на те проклятые плиты. Где он сейчас?

— Прячется в рощице лотосовых деревьев у старой аллеи, что ведет от южной части гряды ко дворцу,— все еще с опаской отвечала она и вновь захныкала: — О Конан, сжалься

надо мной! Я так боюсь здесь оставаться, этот дворец... в нем затаилось что-то злое! Лежа с закрытыми глазами, я слышала вокруг тихие, крадущиеся шаги. Умоляю, забери меня отсюда! Я знаю: как только я сыграю свою роль, Зархеба тут же убьет меня. Жрецы, если раскроют обман, тоже убьют. Он сущий демон! Он купил меня у работорговца, а тот выкрал из каравана, увязшего в песках пустыни. И с тех пор я — орудие в его руках: в любой своей интриге он использует меня. Конан, забери меня от него! Ты ведь не будешь со мной жесток, как этот зверь? Скажи! Ты ведь не бросишь меня здесь одну на верную смерть? Сжалься, прошу тебя!

Стоя на коленях, она собачонкой жалась к его ногам; красивое, обращенное кверху лицо было в слезах, темные шелковистые волосы — в беспорядке рассыпаны по белым плечам.

Конан осторожно поднял девушку.

— А теперь слушай. Я избавлю тебя от Зархебы. Жрецы не узнают о твоем розыгрыше. Но взамен ты сделаешь так, как я скажу.

Прерывистым голосом девушка пролепетала слова покорности, своими слабыми руками она обхватила мускулистую шею гиганта, словно в соприкосновении с этим могучим человеком искала защиты от своих страхов.

Слегка похлопывая ее по спине, Конан продолжал:

— Так вот. Когда явятся жрецы, ты, как и хотел Зархеба, сыграешь свою роль Елайи. Будет темно, и в свете факелов подмены никто не заметит. Но скажешь им вот что: «Боги повелевают, чтобы стигийца с его сворой псов-шемитов вышвырнули из Кешана. Они предатели и воры, задумавшие обокрасть богов. Пусть "Зубы Гвалура" передадут под охрану командующего Конана. Отдать под его начало войско Кешана. Он один любимец богов»...

От этих слов девушка задрожала с новой силой, вся ее хрупкая фигурка — воплощенное отчаяние, но выбора у нее не было.

— А как же Зархеба? — всхлипнула она.— Он убьет меня!

— Насчет Зархебы не беспокойся,— рыкнул он зверем.— Его я беру на себя, а ты делай, как велю. А сейчас прибери-ка волосы, а то вон они растрепались по плечам. И рубин выпал.

Он сам водворил камень на место, взглянул, чуть отстранясь, одобрительно кивнул:

— За один этот камень можно было бы набить всю эту комнату рабами. Так, теперь надень юбку. Она немного

порвана сбоку, но ничего, жрецы не станут разглядывать. Вытри лицо. Богине не пристало плакать, точно девчонке после розог. Клянусь Кромом! Да ты и впрямь как настоящая Елайя — то же лицо, фигура, волосы и все прочее! Если и перед жрецами ты разыграешь богиню не хуже, чем передо мной, то одурачишь их в два счета!

— Я постараюсь,— уже спокойнее ответила девушка, однако дрожь не утихала.

— Вот и прекрасно. Пойду поищу Зархебу.

Ее снова обуял страх.

— Нет! Не оставляй меня! Во дворце кто-то есть!

— Здесь тебе нечего бояться! — В голосе варвара слышалось нетерпение.— Разве что Зархебы, но я за ним присмотрю. Скоро вернусь. Во время обряда я на всякий случай буду неподалеку, но, думаю, если сыграешь роль как полагается, то никаких таких случаев не возникнет.

И, повернувшись, он быстро зашагал из комнаты, услышав напоследок слабый вскрик перепуганной насмерть Мьюрелы.

На долину спустилась ночь. Из углов выступили тени; комнаты, залы, коридоры потеряли четкость; бронзовые фризы тускло поблескивали сквозь толстый слой пыли. Конан двигался бесшумно, точно призрак, и все время, пока он скользил вдоль широкого коридора, его не покидало ощущение, будто из темных сгустков дверных провалов за ним внимательно следят глаза невидимых духов прошлого. Неудивительно, что девчонка чувствовала себя неуютно в такой обстановке.

Ступая мягко, как пантера, с мечом наготове, он спустился по широким мраморным ступеням. В долине царила тишина, а над грядою скал приветливо помаргивали звезды. Если кешанские жрецы уже вошли в долину, то ни шорохом, ни трепетом листвы они себя не выдали. Конан отыскал древнюю в трещинах аллею, ведущую к югу,— молодые деревца и буйно разросшиеся кусты почти скрыли из глаз ее изломанные плиты. Пригнувшийся, готовый ко всему, он начал красться по аллее, придерживаясь стороны, где заросли отбрасывали густую тень, пока не увидел стоящие в отдалении обособленной группой лотосовые деревья — необычные растения, которые в природных условиях растут лишь на землях Куша. Там, по словам девушки, скрывался Зархеба.

Конан — меч сжат в руке, чувства предельно обострены — мягко скользящей тенью растворился в зарослях.

Он приблизился к рощице окружным путем, и только едва уловимое шуршание листьев отмечало его шаги. Вот он уже у рощицы и тут, будто ткнувшись в невидимую преграду, застыл среди деревьев — в точности как замирает пантера в минуту опасности. Впереди, в неверном, тусклом свете среди плотной листвы, маячил бледный овальный предмет. На первый взгляд — один из крупных белых цветов, густо усеявших ветки деревьев; но зрение не обмануло варвара: это было лицо человека. И оно было обращено к нему! Конан отпрянул глубже в заросли. Видел ли его Зархеба? Тот ведь смотрел прямо на него! Мгновения казались минутами. Матовое лицо оставалось неподвижным. Конан разглядел темное пятно внизу — короткая черная бородка.

Внезапно он нахмурился. Странно: Зархеба был, насколько помнится, человеком не слишком высоким. Ему, Конану, он едва доставал до плеча, а сейчас их лица примерно на одном уровне. Может, он на что-нибудь встал? Нагнувшись, Конан попытался разглядеть хоть что-нибудь на земле под матовым лицом, но мешали кустарник и толстые стволы деревьев. Похоже, кое-что он все-таки увидел, потому что вдруг напрягся: сквозь узкую брешь в подлеске виднелся ствол того дерева, под которым предположительно стоял Зархеба. Лицо маячило как раз на фоне ствола, и, значит, там он должен был увидеть тело Зархебы, а никак не ствол. Но тела не было.

Наконец, сжавшись в комок нервов и мускулов — более плотный, чем тот, в который сжимается следящий за добычей тигр,— Конан вошел в рощицу. Еще несколько мгновений — и, отогнув в сторону ветку, киммериец, пораженный, уставился прямо в безжизненное лицо. Именно безжизненное, ибо никогда уже эти губы не растянутся в надменной улыбке. В глубоком молчании варвар смотрел на отрезанную голову Зархебы, подвешенную к ветке за длинные черные волосы.

3

ОТВЕТ ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦЫ

Конан круто повернулся, его пытливый взгляд прощупывал каждую тень, каждый куст. Никаких следов тела убитого, лишь чуть в стороне кто-то примял высокую сочную траву да залил газон чем-то темным и липким. Варвар

застыл, едва дыша, напряженно вслушиваясь в ночную тишину. Очерченные густыми сумерками, кусты и деревья в белых цветах стояли не шелохнувшись — большие, темные, зловещие.

В глубине души варвара зашевелился животный ужас. Кто побывал здесь? Жрецы Кешана? Если так, то где они? Или все-таки в гонг ударил Зархеба? В голове вновь всплыли воспоминания о Бит-Якине и его неведомо куда исчезнувших слугах. Бит-Якин умер, от него остался высохший скелет, обтянутый пергаментной кожей. Он обречен вечно, пока не рассыплется в прах, встречать восходящее солнце из своего разверстого склепа. Но остаются еще слуги Бит-Якина. Внезапно мозг пронзила страшная догадка: нет никаких доказательств того, что они вообще ушли из долины!

Конан подумал о Мьюреле: как там она, одна в огромном мраморном дворце, без надежды на помощь? Он повернулся и по сумрачной аллее побежал обратно ко дворцу — весь как пантера: грация и пластика, даже в прыжке готовый мгновенно нанести удар клинком.

Впереди сквозь деревья затускнели купола, но его зоркие глаза отметили и другое: красноватые отблески огня на мраморных плитах. Он тут же растворился в кустах, протянувшихся по обе стороны аллеи, прокрался среди плотных зарослей и вышел к открытому пространству перед портиком. Его ушей достигли неясные голоса, в нескольких ярдах замаячили факелы, и в свете пламени он различил лоснящиеся эбеновые плечи. То прибыли жрецы Кешана.

Так значит, они не пошли заросшей центральной аллеей, где их рассчитывал увидеть Зархеба. Очевидно, тайный ход в долину, о котором рассказала девушка, был не единственным.

Высоко подняв факелы, жрецы поднимались по широким мраморным ступеням. В голове процессии Конан увидел Горулгу — в пляске огня отчетливо выделялось его словно отлитое из бронзы лицо. Его сопровождали младшие жрецы — крупные негры, чья черная кожа отливала алым. Последним в цепочке важно вышагивал огромного роста чернокожий с необычайно злобным и коварным выражением лица. При виде его Конан сдвинул брови: это и был Гварунга, который, по словам Мьюрелы, открыл ей секрет тайного хода через озеро. «Интересно,— подумал киммериец,— насколько глубоко он увяз в этой истории?»

Конан поспешил к портику, огибая открытую площадку по краю круга, все время оставаясь в тени. Стражи у

входа они не оставили. Отблески света плясали далеко в коридоре. Процессия едва успела дойти до двустворчатой двери в конце коридора, а Конан, миновав лестницу, уже вступал за ними под своды Дворца. Перебегая от колонны к колонне, он достиг двери, когда жрецы все еще шли огромным тронным залом; от огня тени съеживались и прятались глубоко в ниши. Ни один из них не обернулся. Все так же в цепочке по одному с мерно кивающими плюмажами из страусовых перьев, в туниках кожи леопарда — до нелепости неуместных в этом окружении из мрамора и металлических арабесков — они прошли по залу и остановились у горящей золотом двери слева от постамента с троном.

Под сводами огромного пустого зала жутким эхом разнесся громкий голос Горулги; заунывные, протяжные звуки мешали притаившемуся варвару разобрать отдельные слова. Голос смолк. Верховный жрец толкнул позолоченные двери и вошел, беспрерывно кланяясь в пояс, следом вошли его спутники, точь-в-точь повторяя движения своего господина, с их факелов срывались огненные языки. Но вот золотая дверь закрылась, погасли блики, смолкли звуки — и Конан стрелой метнулся через зал в альков за троном; шорох шагов варвара был тише дуновенья ветерка.

Когда плита ушла в сторону, в глаза ему бросились лучики света, пробивавшиеся сквозь крохотные отверстия в стене. Скользнув в нишу, он припал глазами к дырочкам. Мьюрела в безупречной позе богини сидела на пьедестале — спина прямая, руки скрещены на груди, откинутая назад голова касалась стены всего в нескольких дюймах от него. Чуткими ноздрями киммериец уловил тонкий аромат, исходивший от волос девушки. Он не мог видеть ее лица, но вся поза Мьюрелы говорила о том, что ее неподвижный взгляд, скользя поверх бритых голов коленопреклоненных чернокожих гигантов, устремлен в неведомую даль. Конан одобрительно ухмыльнулся. «А у шлюшки-то природный дар лурачить простачков!» — подумал он. Сам-то он прекрасно знал, что каждая клеточка ее тела в эти минуты трепещет от ужаса, но внешне она оставалась бесстрастной. В сполохах пламени девушка смотрелась ничем не хуже той, настоящей, богини, которая прежде лежала на этом пьедестале; оставалось лишь уверовать, что древнее колдовство вдохнуло огонь жизни в ее мертвое тело.

Горулга своим громоподобным голосом нараспев читал что-то вроде заклинания. Наречие было незнакомо варвару — скорее всего, язык древнего Алкменона, в нетрону-

том виде передаваемый от поколения к поколению верховных жрецов. Казалось, этому не будет конца. Конан все больше волновался: ведь чем дольше продлится церемония, тем нестерпимей станет охватившее Мьюрелу напряжение. И если она сорвется... Он придвинул острие кинжала вплотную к идущей под углом щели в стене: нельзя допустить, чтобы чернокожие подвергли девчонку своим бесчеловечным пыткам.

Но вот монотонное песнопение — низкое, скрипучее и невыносимо зловещее — в конце концов прекратилось; младшие жрецы враз что-то прокричали — первая часть обряда благополучно завершилась. Подняв голову и простерев руки к безмолвной фигуре на пьедестале, Горулга глубоким, зычным голосом, обычным для жрецов Кешана, возгласил:

— О великая богиня! Ты, равная своим величием могуществу богов царства Тьмы! Да смягчится твое сердце, да раскроются твои уста и да изольется божественная мудрость на твоего раба, чья голова — в пыли у твоих ног! Молю тебя, великая богиня священной долины,— говори! Тебе ведом предначертанный нам путь; мрак, угрожающий смертным, для тебя — лучи полуденного солнца. Пролей свет мудрости на смиренных своих слуг. Скажи нам, вестница богов: как поступить нам с Татмекри-стигийцем?

Масса высоко уложенных, гладко зачесанных волос, ловящих бронзовые отблески огня, чуть шевельнулась. Шумный вздох благоговейного страха взметнулся над группой младших жрецов. В гробовой тишине в ушах Конана отчетливо звучал голос Мьюрелы — холодный, как бы издалека, хотя, отметил про себя Конан, и с заметным коринфийским выговором:

— Боги повелевают, чтобы стигийца с его сворой псовшемитов вышвырнули из Кешана! — Она точь-в-точь повторяла его слова.— Они предатели и воры, задумавшие обокрасть богов. Пусть «Зубы Гвалура» передадут под охрану командующего Конана. Отдать под его начало войско Кешана. Он один — любимец богов!

С последними словами в ее голосе промелькнула дрожь, и Конана прошиб холодный пот: ему почудилось, что девушка на грани срыва. Но чернокожие ничего не заметили, они даже не расслышали коринфийского акцента, поскольку никогда прежде не общались с коринфийцами. Сложив руки в молитвенном жесте, они забормотали слова покорности, благоговения и страха. В свете факелов глаза Горулги сверкнули фанатичным огнем.

— Елайя изрекла свое слово! — восторженно воскликнул он.— Такова воля богов! Давным-давно, в дни наших далеких предков, по повелению богов, которые еще на заре мира вырвали эти зубы из ужасной пасти Гвалура, властителя царства Тьмы, на сокровища было наложено заклятие. Затем по повелению богов «Зубы Гвалура» были спрятаны, по повелению богов «Зубы Гвалура» засияют вновь! О рожденная звездой, позволь нам удалиться, чтобы немедленно исполнить твою волю: достать из тайника сокровище и по возвращении передать его любимцу богов!

— Можете удалиться! — ответствовала подставная богиня, сопроводив слова великолепным жестом, при виде которого Конан широко ухмыльнулся.

Жрецы попятились; плюмажи, факелы вновь закачались вверх-вниз, вторя бесчисленным поклонам.

Золотая дверь закрылась, и со слабым стоном богиня безвольно упала на пьедестал.

— Конан! — всхлипнув, позвала она.— Конан!

— Ш-ш-ш! — прошелестел он, приложив губы к отверстиям; потом выскользнул из ниши и вернул на место плиту. Он бросил взгляд в дверной проем: через тронный зал, покачиваясь, удалялись факелы. Однако, как ни странно, зал был полон призрачного света, и он исходил не от огня, зажженного людьми. В первый момент он растерялся, но тут же отыскал решение загадки. Взошла луна, ее свет, падавший на купол, проникал сквозь невидимые щели и, ровный, усиленный благодаря искусству древних зодчих, наполнял зал призрачным, голубоватым свечением. Выходит, сияющий купол древнего Алкменона не сказка? Возможно, в купол вкраплены те необычные, точно в белом пламени кристаллы, которые попадаются лишь в горах Черных королевств. Свет заливал тронный зал и сквозь дверные проемы просачивался в примыкающие к нему комнаты.

Но только Конан сделал пару шагов по направлению к залу, как тут же круто обернулся: из коридора, уводящего из алькова, донесся шорох. Он бесшумно подкрался к входу и взглядом впился в темноту; в его ушах будто снова прозвучал удар гонга, эхом докатившийся по этому коридору,— удар, из-за которого он угодил в ловушку и едва не погиб. Свет от купола с трудом добирался до узкого коридора, и как Конан ни старался, он ничего не увидел. И все-таки он готов был поклясться, что из глубины туннеля слышалось слабое шлепанье босых ног.

Пока он так стоял, не зная, что ему предпринять, за его спиной вдруг раздался сдавленный женский крик. Быстро выглянув в тронный зал, он стал свидетелем неожиданной сцены, разыгравшейся в призрачном свете кристаллов.

Жрецы вместе со своими факелами уже покинули дворец — все, за исключением одного, Гварунги. Его зловещие черты были перекошены от ярости; сдавив своими железными пальцами горло оцепеневшей от ужаса Мьюрелы, он неистово тряс ее, не обращая внимания на хриплые мольбы о пощаде.

— Предательница! — Шипение, прорвавшееся сквозь толстые красные губы негра, казалось шипением кобры.— Что ты еще задумала? Разве Зархеба не научил тебя, что надо говорить? Да нет, не может быть — ведь Татмекри сам мне сказал! Одно из двух: или ты предала своего господина, или он с твоей помощью предает своих друзей! Грязная тварь! За твое предательство я откручу твою лживую голову, но прежде...

Взгляд расширенных глаз пленницы, вдруг устремленный поверх его плеча, предупредил огромного негра об опасности. Выпустив девушку, он круто обернулся — и в этот миг меч Конана рассек воздух. От удара чернокожий опрокинулся спиной на мраморный пол — из рваной раны в голове сочилась кровь.

Конан шагнул вперед с намерением закончить дело: негр так быстро повернул голову, что клинок ударил плашмя, но внезапно Мьюрела судорожно обхватила его руками.

— Я сделала все, как ты приказывал! — Она вся зашлась от ужаса.— Уведи меня отсюда! Умоляю тебя, уйдем поскорее!

— Еще не время! — отрезал он.— Я хочу выследить, где у жрецов спрятаны сокровища. Совсем не обязательно, что они возьмут с собой все. Ты можешь идти со мной. А кстати, где камень, что был у тебя в волосах?

— Наверное, выпал, пока я лежала на пьедестале,— неуверенно сказала она, ощупывая туго стянутые волосы.— Я так перепугалась... Когда жрецы ушли, я выбежала из комнаты, чтобы найти тебя, а этот зверь, оказывается, задержался. Он схватил меня своими лапами, и если бы...

— Ладно, будет тебе.— Варвар ободряюще похлопал девушку по спине.— Поищи рубин, а я пока закончу с этим полутрупом. Этот камешек один стоит целого состояния.

Она помялась немного — похоже, ей очень не хотелось туда возвращаться,— но, увидев, как деловито Конан пово-

лок Гварунгу к алькову, оставила опасения и вошла в комнату прорицательницы.

В алькове Конан бросил бесчувственное тело на пол и поднял меч. Киммериец слишком долго жил среди дикарей, чтобы питать иллюзии относительно человеческой благодарности. Безопасный враг — обезглавленный враг. Но он так и не ударил: от душераздирающего вопля его рука застыла в воздухе.

— Конан! Конан! Она вернулась!..— Вопль оборвался глухим рычанием и шарканьем голых ступней.

Варвар с проклятием метнулся из алькова и, промчавшись мимо постамента с троном, с последним отзвуком вопля вбежал в комнату прорицательницы. Там он застыл — обескураженный, во все глаза глядя прямо перед собой. Мьюрела, как ни в чем не бывало, лежала вытянувшись на пьедестале — веки были опущены, как если б она только что задремала.

— Что за переполох ты тут устроила? — в раздражении потребовал он объяснений.— Тоже нашла время для...

Он вдруг осекся. Пристальным взглядом варвар окинул цвета слоновой кости бедро, скользнул по облегающей шелковой юбке. Он искал глазами разрыв — большой разрыв от пояса до нижней каймы... и не находил. Куда он мог подеваться? Ведь он сам, собственной рукой разодрал юбку, когда грубо стаскивал ее с бившейся в его объятиях танцовщицы. И никаких следов штопки.

Одним прыжком киммериец покрыл ярды до пьедестала, положил руку на точеное бедро — и тут же резко отдернул, точно коснулся раскаленного железа, а не окоченевшего, во власти смерти тела.

— Великий Кром! — вырвалось у него, глаза превратились в пылающие огнем щелки.— Да это не Мьюрела! Это — Елайя!

Теперь он понял причину отчаянного вопля, сорвавшегося с губ Мьюрелы, когда та вошла в комнату. Богиня возвратилась на свое место. Раньше Зархеба раздел ее, чтобы в ее одеяния облачить танцовщицу. И все же вот они, шелка и драгоценности — точная копия тех, что он увидел, когда вошел сюда впервые. Он почувствовал, как где-то под коротко остриженными волосами на затылке пробудилось и стало быстро нарастать непривычное, холодное покалыванье.

— Мьюрела! — крикнул Конан.— Мьюрела! Где ты там?

В ответ — лишь издевательское эхо. В комнату вел только один ход — через золотую дверь, и, значит, никто не

мог ни войти в нее, ни выйти отсюда незамеченным. Однако факты говорили о другом: Елайю возвратили на пьедестал в то время, когда Мьюрела, выйдя из комнаты и угодив в лапы Гварунги, минуту или две билась в его когтях; кроме того, в ушах варвара до сих пор стоял звон от отчаянного вопля девушки, несшегося из этой комнаты, и вместе с тем ее здесь нет, она будто растаяла в воздухе. Напрашивался один вывод: где-то здесь должна находиться потайная дверь. И только он так подумал, как сразу увидел ее.

На фоне внешне монолитной мраморной плиты виднелась узкая, изломанная под прямым углом щель, из которой торчал шелковый лоскуток. Еще секунда — и он склонился над находкой. Это был обрывок шелковой юбки Мьюрелы. Сомнений нет. Очевидно, в тот момент, когда неведомые похитители проносили девушку сквозь небольшой проем, закрывающаяся дверь защемила юбку, и от той оторвался лоскуток. Он-то и помешал двери слиться со стеной.

Конан вставил острие кинжала в щель и, пользуясь им как рычагом, напряг свою в канатах мускулов руку. Лезвие согнулось, но не сломалось: клинок был выкован из акитской стали. Он приналег всем телом — и мраморная дверь открылась. С мечом наизготовку Конан заглянул в проем — никаких признаков опасности. В слабом свете, падавшем из зала в комнату прорицательницы, он увидел несколько высеченных в мраморе ступеней. Ухватившись за край, он сколько мог оттянул на себя плиту и, вставив в расщелину пола нож, закрепил ее. Затем без тени сомнений шагнул на верхнюю ступеньку. Впереди — ни проблеска, ни звука. Дюжина шагов вниз — и лестница окончилась узким коридором, который уходил прямо во тьму.

Вдруг он остановился, застыл как изваяние, пристально глядя на испещренные фресками стены, едва различимые в таинственном сумрачном свете. Рисунки, несомненно, были выполнены в манере пелиштов: похожие он видел на стенах Асгалуна. Но изображенные здесь сцены не имели с культом пелиштов ничего общего, кроме, пожалуй, часто повторяющейся детали: худого белобородого старика с настолько ярко выраженными расовыми признаками, что невозможно было ошибиться. Похоже, действие на всех рисунках происходило в той или иной части дворца. Несколько фресок изображали одну и ту же комнату, в которой Конан узнал комнату прорицательницы с телом Елайи, распростертым на пьедестале, и с огромными чернокожими, стоящими

перед богиней на коленях. А вот в нише за стеной притаился древний пелишт. Были и другие сюжеты: люди или просто шли по пустынному дворцу, или совершали обряды пелиштов, или доставали из подземной реки какие-то непонятные предметы. Еще несколько мгновений — и Конан замер: прежде непонятные строки древнего манускрипта с ошеломляющей ясностью вдруг засияли в его мозгу. Недостающие фрагменты встали на свои места, тайна Бит-Якина уже не была тайной, исчезновение его слуг — загадкой.

По спине варвара пробежал холодок. Пристальным взглядом он впился в черный провал коридора. Спустя минуту он уже шел по мрачному туннелю, ступая мягко, словно кошка, без тени сомнений в голове; по мере того как он удалялся от лестницы, тьма вокруг сгущалась. Воздух был насыщен запахом, который он почуял во дворике с гонгом.

Но вот он услышал легкий шорох — то ли шарканье босых ног, то ли шуршание свободных одежд о каменные плиты. В следующий миг его вытянутая вперед рука коснулась преграды, на ощупь — тяжелая металлическая дверь с гравированной поверхностью. Он приналег плечом — дверь не шелохнулась; попробовал отыскать острием меча щелочку — ни единой зацепки. Дверь стояла как влитая. Тогда он собрал все силы: ноги в узлах напрягшихся мускулов столбами уперлись в пол, жилы на висках вздулись, на лбу выступили капли пота — все тщетно. Этот портал устоял бы и перед натиском слона.

Все еще не желая отступать, он чутким слухом вдруг уловил по ту сторону едва различимый скрип — словно в шарнире проворачивалось ржавое железо. Реакция была молниеносна: практически сам звук, мысль и ответный ход произошли одновременно. Прыжок был легок и пружинист, и не успели его ноги коснуться пола, как что-то большое, грузное обрушилось сверху; каменный пол задрожал, по коридору прокатился жуткий грохот, в тело ударил целый рой осколков. Огромный каменный блок рухнул на то место, где он стоял мгновение назад. Доля секунды на раздумье — и его раздавило бы, как муравья.

Конан прислонился к стене. Где-то там, по ту сторону металлической двери, находится плененная Мьюрела... если она до сих пор жива. Но дверь ему не взломать, а если попрежнему торчать в коридоре, то на голову может свалиться другой блок, и кто знает, может быть, в следующий раз он будет менее удачлив. Если он превратится в кровавую лепешку, девчонке это вряд ли поможет. Ясно одно: в этом

направлении продолжать поиски бессмысленно. Лучше не лезть на рожон, а отыскать окольную лазейку, которая вывела бы его к цели.

Огорченно вздохнув, он заспешил к лестнице. Впереди забрезжил свет. Но только он поставил ногу на нижнюю ступеньку, как свет начал меркнуть и мраморная дверь с шумом захлопнулась. По коридору прокатилось гулкое эхо, затем все смолкло.

Что-то весьма похожее на страх охватило варвара: наглухо запертый в этом черном туннеле, отрезанный от мира, что он мог сделать? Стоя на ступеньке с мечом в руке, он пронзал свирепым взглядом тьму коридора, готовый, если потребуется, дать отпор любым силам — неважно, земные они или потусторонние. Но внизу, во мраке туннеля, все было спокойно: ни звука, ни движения. Быть может, люди по ту сторону двери — если это действительно люди — поверили, что его раздавил каменный блок, выпавший из потолка не без помощи какого-нибудь хитрого механизма?

Но почему тогда закрылась дверь в комнату прорицательницы? Отбросив бесплодные раздумья, Конан начал ощупью пробираться вверх по ступеням; по коже поползли мурашки, с каждым шагом он ожидал получить удар ножом в спину и все эти бесконечные минуты жаждал одного — утопить свой полустрах, полупредчувствие в яростном, беспощадном кровопролитии.

Поднявшись, Конан попробовал сдвинуть плиту — бесполезно. Оставалась последняя надежда — разрубить плиту. И тут, замахиваясь мечом, он левой рукой задел засов — похоже, когда дверь закрылась, тот сам вошел в паз. Киммериец вмиг отодвинул засов, и от первого же толчка дверь приоткрылась. Он вихрем ворвался в комнату; глаза — в узкие щелки, изо рта — звериное рычание: сама свирепость, кровожадность, жажда мести. Но схватки с коварным врагом не получилось: комната была пуста.

Кинжал, оставленный им в щели между плитами, пропал. Пьедестал опустел — Елайя снова исчезла.

— Великий Кром! — пробормотал киммериец.— Неужто она и вправду живая?

Он вышел в тронный зал, потоптался там немного и вдруг, пронзенный внезапной мыслью, быстро прошел за троном и заглянул в альков. На гладком мраморе, там, где он бросил бесчувственное тело Гварунги, виднелись следы крови — и все! Сам чернокожий исчез таким же таинственным образом, как и Елайя.

4

«ЗУБЫ ГВАЛУРА»

На короткое время разум Конана-киммерийца захлестнула слепая ярость: выручить Мьюрелу оказалось не менее сложным делом, чем овладеть «Зубами Гвалура». В голове вертелась одна мысль: не упустить жрецов. Быть может, непроглядный туман прояснится у тайника с сокровищами и там он получит подсказку, где следует искать девушку? Правда, надежда была невелика, но все же это лучше, чем бессмысленное блуждание по дворцу без определенной цели.

Конан крадучись шел по широкому, в черных проемах коридору, ведущему к портику, каждый миг ожидая, что затаившиеся по сторонам и за его спиной тени вдруг оживут клыками и когтями — острыми, как стальные клинки. Но ничто, кроме частых ударов его сердца, не нарушало ночной тишины, когда, настороженный, слегка пригнувшись, он появился у входа во дворец на вершине мраморной, в пятнах лунного света лестницы.

Варвар сбежал по широким ступеням, внизу внимательно огляделся: он искал знак, который указал бы ему верное направление. И такой знак нашелся — несколько лепестков упали на газон там, где оружие или свободные одежды прошлись по усыпанной цветами ветке. Трава в том месте была примята чьими-то тяжелыми шагами. Для Конана, который в родных горах охотился по следу за волками, не составило особого труда пройти по следу кешанских жрецов.

След вел от дворца: сквозь густые заросли необычных растений — их крупные цветы в мерцающих бледных лепестках источали экзотический, терпкий аромат; сквозь тускло зеленеющие кусты, от малейшего прикосновения просыпавшиеся градом цветов; сквозь узкие заросшие аллеи, пока наконец не вышел к громадной скале, точно замок великана выступавшей из кольцевой гряды в том месте, где та ближе всего подходила ко дворцу, почти невидимому за высокими деревьями и сплетениями лиан. Похоже, тот болтливый жрец все-таки ошибся, утверждая, будто «Зубы Гвалура» спрятаны во дворце. Правда, след уводил его все дальше от Мьюрелы, но с каждым шагом в варваре крепла уверенность, что из дворца во все концы долины протянулись подземные туннели.

Неслышно пробираясь по темно-фиолетовой тени разросшегося кустарника, Конан тщательно обследовал выдававшуюся поверхность скалы, дерзко обнаженную в ярком лунном свете. Склон, круто уходивший вверх, покрывали странные, высеченные в камне изображения уродливых мужчин и женщин, животных и каких-то людей, во многом схожих со зверями,— очевидно, богов или демонов. Манера исполнения, разительно отличавшаяся от всего, что он здесь успел повидать, наводила на мысль, что художник принадлежал к иной эпохе, к иной расе, исчезнувшей за многие столетия до того, как в долину пришел народ, отстроивший Алкменон, и искусство которой, шагнув через тысячелетия, осталось на этих стенах осколками давно забытого прошлого.

Среди ползучих растений в скале зиял большой темный провал — открытая дверь; там же в скале была высечена голова дракона, так что дверной проем являл собой разинутую пасть чудовища. Сама дверь, отлитая из бронзы, весила несколько тонн. Конан не заметил никаких замков, лишь по краю массивного портала с внутренней стороны виднелись несколько засовов — как видно, дверь открывалась и закрывалась с помощью особого механизма, секрет которого — он в этом ни на миг не сомневался — знали одни кешанские жрецы.

След показывал, что Горулга с младшими жрецами прошел в эту дверь. Тем не менее Конан колебался. Дожидаться их здесь? Но что, если дверь закроется перед его носом, а он не сможет найти способ, как ее открыть? С другой стороны, если последовать за ними, жрецы могут оказаться у входа раньше него и закроют его в этой пещере.

В конце концов, отбросив опасения, он проскользнул под большим порталом в пещеру. Где-то здесь, под мрачными каменными сводами, находятся сейчас жрецы, «Зубы Гвалура», а может быть, и ключ к спасению Мьюрелы. Соображения о личной безопасности еще ни разу не смогли удержать варвара от разумного риска.

Лунный свет, падая в открытую дверь, освещал несколько ярдов туннеля. Впереди себя Конан увидел слабые отблески пламени, эхо доносило оттуда обрывки заунывного песнопения. Жрецы ушли не так далеко, как он предполагал. Еще до того, как он вступил во тьму, узкий туннель расширился и превратился в правильной формы пещеру — не очень большую, но с высоким овальным сводом, инкрустированным фосфоресцирующими кристаллами, как Конан

уже догадался — довольно распространенный способ освещения для архитектуры этого уголка света. Людей в ней не было. В призрачном полумраке киммериец различил изваяние отвратительного, сидящего на корточках полузверя-получеловека, а также черные пасти шести-семи коридоров, выходящих из пещеры. Один из них находился как раз за спиной скрюченной каменной фигуры; само изваяние своими жуткими круглыми глазами смотрело прямо на входящего. В глубине коридора плясали отблески огня. «Наверняка от факелов,— подумал он,— ведь свет от кристаллов был ровным». Доносившееся оттуда пение постепенно набирало силу.

Медленно, крадучись, он миновал пещеру, коридор и очутился у входа в новую пещеру — гораздо больше первой. В ней не было фосфоресцирующих кристаллов, но факелы в руках жрецов давали достаточно света. В центре пещеры помещался массивный алтарь, а за ним — невыразимо мерзкий, вызывающий дрожь ужаса, стоял на четвереньках, точно жаба прильнув к полу, еще один идол. Перед отвратительным божеством стояли на коленях Горулга и десять младших жрецов; распевая тягучими голосами, они били лбами о каменный пол. Конан понял, почему процессия продвигалась так медленно: очевидно, прежде чем приблизиться к тайнику с «Зубами», необходимо было тщательно соблюсти длинный, утомительный ритуал.

Весь в нетерпении, он возбужденно переминался с ноги на ногу, но наконец поклоны и пение прекратились и, поднявшись с колен, жрецы прошли в коридор, открывавшийся в пещеру за свирепым идолом. Покачиваясь, факелы поплыли под каменными сводами, Конан — легко и бесшумно — за ними. Опасности быть обнаруженным — почти никакой. В тени он невидим, он точно порождение ночи, к тому же жрецы без остатка отдались своим ритуальным забавам. Похоже, они даже не заметили отсутствия Гварунги.

Процессия вошла в третью по счету пещеру — уже совершенно невероятных размеров; ее отлогие стены обегали ряды уступов-галерей. Обряд поклонения возобновился. На этот раз он совершался перед огромным алтарем в честь божества внешне настолько ужасающего и омерзительного, что в сравнении с этим прочие два показались киммерийцу фантазией невинного ребенка.

Конан затаился в черной пасти туннеля, пристальным взглядом обегая стены, на которых плясали огненные бли-

ки. Он увидел вырубленную в камне лестницу — ее ступени вели от уступа к уступу; свод пещеры терялся во мраке.

Внезапно по телу варвара волной пробежала дрожь, пение оборвалось, глаза коленопреклоненных разом оторвались от пола, взгляды устремились вверх. Где-то высоко над их головами под невидимым сводом прокатился мощный нечеловеческий голос. Не поднимаясь, жрецы застыли, на их обращенные вверх лица упал зловещий голубоватый свет, вдруг вспыхнувший на неимоверной высоте у самого свода и с каждым мигом разгоравшийся пульсирующим огнем. Вот свет залил очередную галерею — и из груди верховного жреца вырвался крик, тут же подхваченный срывавшимися голосами его спутников. Там, высоко над их головами, яркая вспышка высветила хрупкую белую фигурку — от ее шелковых одежд и золотых с вкраплениями бриллиантов украшений исходило неземное сияние. Постепенно сильный свет начал гаснуть, пока не превратился в слабое то нарастающее, то вновь ослабевающее свечение; предметы потеряли четкость, и от видения на галерее осталось неясное, бледное пятно.

— Елайя!!! — пронзительно вскрикнул Горулга; его обычно смуглую кожу покрыл пепельно-серый оттенок.— За что ты нас преследуешь? Разве мы не покорны твоей воле?

Отраженный от свода, многократно усиленный и искаженный до неузнаваемости, по галереям скатился зловещий, как из потустороннего мира, голос:

— Горе неверным! Горе продажным детям Кешлы! Проклятие на головы тех, кто изменяет своему божеству!

Вопль ужаса взметнулся над кучкой жрецов. Чуть поодаль в свете пылающих факелов стоял Горулга — неподвижный, словно вытянувший шею гриф.

— Я не понимаю! — запинаясь, наконец выдавил он.— Там, в комнате, ты нам сказала...

— Забудь все, что слышал в комнате! — вновь скатился сверху ужасный голос — такой мощный, что казалось, мириады глоток разом кричат, бормочут, шепчут в унисон одни слова.— Берегись ложных пророков и ложных богов! Демон в обличье богини говорил с тобой во дворце, его слова — ложь! А сейчас слушай и повинуйся, ибо я — настоящая богиня и я даю тебе только одну возможность избежать проклятия! Возьми из тайника «Зубы Гвалура». Все до последнего! Алкмеон более не обитель богов: осквернен-ный дыханием язычников, он утратил былую святость. Отдай «Зубы Гвалура» стигийцу Татмекри, и пусть тот отнесет

их в святилище Дагона и Деркето. Только так можно спасти Кешан от страшных бедствий, уготованных ему демонами Тьмы. Повелеваю тебе: возьми «Зубы Гвалура», немедленно возвращайся в Кешлу, там передай сокровища Татмекри, потом отдай приказ схватить чужака Конана и на площади содрать с него живого кожу!

Никто и не подумал усомниться. Стуча зубами от страха, жрецы кое-как поднялись с колен и нестройной толпой, спотыкаясь на каждом шагу, побежали к открытой двери по ту сторону отвратительного идола. Впереди всех бежал Горулга. Вопя и размахивая факелами так, что пламя лизало черные спины, группа жрецов протиснулась в дверь, и скоро торопливое шарканье их босых ног замерло в отдалении.

Конан остался. Его вдруг охватило непреодолимое желание докопаться до сути загадочных явлений, свидетелем которых он стал. Была ли то сама Елайя, как подсказывала ему его природа варвара,— недаром же при звуках этого голоса тыльную часть ладоней покрыл холодный пот! Или это опять проделки Мьюрелы, переметнувшейся на сторону врага? А что, если...

Не успел в черном туннеле погаснуть последний отблеск факела, как Конан рванулся вверх по каменной лестнице. Голубоватое свечение быстро тает, но еше можно различить стоящую на уступе бледно-матовую фигуру. Вот он ступает на галерею. У человека перехватывает дыхание, леденеет в жилах кровь, но он не колеблется ни секунды. Шаг вперед, другой, третий... Весь комок нервов и мускулов, киммериец медленно приближается к богине, и вот он рядом — словно бог Смерти возвышается с занесенным мечом над загадочной неподвижной фигурой.

— Елайя! — прорычал он.— Ха! Мертва, как и всю тысячу лет!

В темном провале коридора за его спиной обозначилась неясная тень. Но чуткий слух киммерийца вовремя уловил внезапный частый топот босых ног. Он повернулся и — гибкий, точно кошка,— увернулся от нацеленного в спину смертельного удара. И только мерцающая в черной руке сталь просвистела мимо его уха, как Конан с яростью разбуженного питона сделал выпад — и его клинок, пронзив убийцу насквозь, вышел у того между лопаток на полтора фута.

— Так-то! — Конан выдернул меч, жертва, разинув рот, захлебываясь кровью, повалилась на пол. Человек дернулся

пару раз и затих. В гаснущем свете Конан увидел эбеновое тело, черное лицо, застывшие черты которого в голубоватых сумерках казались особенно зловещими: он только что убил Гварунгу.

С трупа Конан перевел взгляд на богиню. На уровне груди и колен ее мертвое тело оплетали ремни, накрепко связавшие ее с каменным столбом за спиной, а черные волосы, схваченные за столбом в узел, придавали голове горделивую посадку. Достаточно было отойти на несколько ярдов — и в сумеречном свете тонкие путы терялись из виду.

— Похоже, он пришел в себя, когда я спустился в тунель,— пробормотал Конан.— Наверное, догадался, что я там, потому и вытащил из щели нож, отчего закрылась дверь.— Нагнувшись, он выдернул из коченеющих пальцев внешне похожее оружие, мельком осмотрел и, удовлетворенно хмыкнув, сунул на место — себе за пояс.— Потом забрал Елайю, чтобы с помощью ее трупа одурачить своих братьев по вере. Он-то и прокричал им «волю» богов. В пещере с таким эхом мудрено узнать знакомый голос. А что касается таинственного голубого пламени, то где-то я уже видел такой фокус. Известные штучки стигийских жрецов. Должно быть, Татмекри одолжил Гварунге своего огненного зелья.

Гварунга легко мог добраться сюда задолго до своих собратьев. Очевидно, по слухам или благодаря картам, переходившим в среде жрецов из поколения в поколение, он был неплохо осведомлен о расположении пещер и переходов. Скорее всего, вместе с телом Елайи он вошел в первую пещеру вслед за остальными, а потом окружным путем, через вырубленные в чреве скалы коридоры и комнаты, пробрался со своей ношей на галерею. Времени у него было предостаточно: Горулга с подопечными подолгу топтались в каждой пещере, творя свой бесконечный ритуал.

Сумерки сгустились еще больше, и в наступившем мраке проступил другой источник слабого сияния — входной проем одного из выходивших на эту галерею коридоров. Где-то в его глубине находилось скопление фосфоресцирующих кристаллов — Конан узнал их бледное ровное свечение. Коридор уходил в том же направлении, в котором скрылись жрецы, и он решил пойти этим путем вместо того, чтобы спускаться во тьму, заполнившую громадную пещеру. Он был уверен, что рано или поздно тот выведет его на другую галерею в другой пещере или комнате, куда — кто знает? — быть может, и направляются жрецы. Киммериец вошел в

узкий туннель. По мере продвижения вперед сияние усиливалось, он уже различал стены, пол и потолок. Где-то впереди, точно со дна колодца, вновь послышалось пение служителей Елайи.

Внезапно, очерченный ярким свечением, в левой стене показался проем, и до ушей варвара донеслись приглушенные рыдания. Он круто остановился и заглянул туда.

Его глазам открылась пещера — в отличие от прочих, созданных природой, эта была вырублена в монолитной скале руками человека. С куполообразного свода падал ровный белый свет, стены — почти невидимы под густой вязью арабесков все из того же утомлявшего глаз золота.

У дальней стены на гранитном троне, навечно обратя взор к входящему под сводчатый портал, сидел чудовищный, отвратительный до тошноты Птеор, бог пелиштов, отлитый из бронзы, с неестественно большими членами, он словно олицетворял собой все уродство самого культа. А у его ног на каменных плитах распростерлась хрупкая полуобнаженная фигурка.

— Ну и дела, будь я проклят! — пробормотал Конан, пораженный. Окинув подозрительным взглядом комнату и не заметив ни других ходов, ни признаков чьего-либо присутствия, он, бесшумно ступая, приблизился к девушке. Ее нежные узкие плечи вздрагивали от безысходного плача, лицо было спрятано в ладонях, длинные волосы растрепались. От толстых золотых колец на лодыжках идола к браслетам на запястьях девушки сбегали две золотые цепочки. Киммериец положил руку на обнаженное плечо — Мьюрела, вздрогнув, закричала и повернула к нему перекошенное, все в слезах лицо.

— Конан! — Она рванулась к варвару в попытке обнять его, прижаться к этой сильной надежной груди, но ее удержали цепочки.

Он разрубил мягкий металл, выбрав звенья поближе к запястьям, проворчал:

— Придется тебе походить с браслетами, пока я не раздобуду зубило или напильник. Да отлепись ты от меня! Очень уж ты чувствительна для гордой богини. Ну, выкладывай, что с тобой стряслось.

— Когда я снова вошла в комнату прорицательницы,— заговорила девушка, едва сдерживая слезы,— я увидела, что богиня, совсем как в тот, первый, раз лежит на пьедестале. Я крикнула тебя и побежала к двери, но вдруг что-то обхватило меня со спины. Рот зажала волосатая рука, в

стене открылся ход, и меня потащили сначала по ступенькам и дальше — по темному коридору. Я ничего не видела, пока меня не протащили мимо металлической двери и я не очутилась в коридорс с потолком, усеянным светящимися камнями, совсем как здесь.

О, я чуть было не упала в обморок, когда их увидела! Настоящие нелюди! Серые, сплошь заросшие волосами, ходят, как мы, а говорят на какой-то дикой тарабарщине — ни один нормальный человек не разберет! Там они остановились, точно поджидая кого-то, вдруг слышу — на дверь с той стороны будто кто-то налег плечом. Тогда одна тварь потянула вниз рычаг в стене, и что-то там с оглушительным грохотом рухнуло.

Потом меня опять понесли по извилистым коридорам, вверх по каменной лестнице, пока наконец не втащили в эту комнату и здесь приковали к своему ужасному идолу. До сих пор не могу опомниться. Кто они, ты не знаешь?

— Слуги Бит-Якина,— буркнул киммериец.— Ко мне попал один манускрипт, и кое-что я в нем разобрал, ну а когда наткнулся на настенные фрески, то понял и остальное. Бит-Якин был из пелиштов, он вместе со своими слугами пришел в долину уже после того, как ее оставили алкменонцы. Здесь он нашел мертвое тело принцессы Елайи и обнаружил, что кешанские жрецы регулярно навещают ее, чтобы сделать подношения: видимо, уже тогда ее почитали как богиню.

Он сделал из нее прорицательницу и сам от имени богини вещал жрецам из ниши, которую устроил в стене за ее пьедесталом из слоновой кости. Жрецы не подозревали об обмане: они никогда не видели ни самого пелишта, ни его слуг, поскольку те всегда успевали заблаговременно укрыться. Бит-Якин здесь жил, здесь он и умер, а чернокожие так ничего и не узнали. Один Кром ведает, сколько времени он пробыл в этих стенах, но думаю, не меньше нескольких столетий. Мудрецы-пелишты знают секрет, как растягивать срок жизни на века. Я сам видел кое-кого из них. Почему он навсегда остался в этой долине — один, лишь в окружении слуг, и почему взял на себя роль прорицателя — простому человеку не понять. Я полагаю, он затеял это для того, чтобы, объявив город святым местом, уберечь его от заселения другими народами, а в конечном счете — уберечь свой покой. Сам Бит-Якин питался подношениями жрецов, которые хотели умилостивить свою богиню и не скупились на дары, а его слуги перебивались как могли. В Пунтий-

ских горах есть озеро, куда тамошние племена бросают своих мертвецов, а из озера вытекает подземная река. Так вот: эта река протекает как раз под дворцом. У них там проложены вдоль стен галереи и сделаны лестницы к воде — с них-то они и вылавливают проплывающие мимо трупы. Бит-Якин все записал в свой манускрипт и наглядно изобразил с помощью настенных фресок.

Но в конце концов он умер, и слуги, следуя предсмертной воле хозяина, забальзамировали тело и оставили в пещере в скалах. Об остальном нетрудно догадаться. Слуги, которым наверняка также известен секрет долголетия, остались здесь; и когда верховный жрец в очередной раз пришел к богине за пророчеством, то некому было удержать их в узде и жреца просто разорвали на куски. С тех пор, вплоть до паломничества Горулги, никто не осмеливался приходить к прорицательнице.

Очевидно, слуги время от времени обновляли одежду и украшения богини, как это делал их хозяин. Где-то во дворце должна быть комната, которая запирается наглухо, и там, при соблюдении некоторых условий, можно уберечь шелк от порчи. Это слуги, обнаружив пропажу богини, нашли ее, одели и вернули на место... Да, совсем забыл: они отрезали Зархебе голову и подвесили ее за волосы среди лотосовых деревьев.

Девушка вздрогнула всем телом, и вместе с тем у нее вырвался вздох облегчения:

— Больше он не будет бить меня плетью!

— На этом свете — пожалуй, что да,— согласился Конан.— Но пойдем дальше. Заставив богиню вновь заговорить, Гварунга опрокинул все мои расчеты. И сейчас мне остается одно: следить за жрецами и, дождавшись, когда они завладеют сокровищами, отобрать у них камни. И вот еще что: впредь держись рядом. Не могу же я вечно разыскивать тебя в этом дворце!

— А как же слуги Бит-Якина? — прошептала она со страхом.

— Все равно надо попытаться. Не знаю, что там у них на уме, но пока они не выказывали намерения драться в открытую. Пошли.

Варвар взял девушку за руку, и вдвоем они вышли из комнаты. По мере продвижения по коридору пение жрецов усиливалось, вместе с ним нарастал другой звук — низкий, угрюмый шум водного потока. Наконец они вышли на галерею, протянувшуюся почти под самым сводом большой

пещеры. Затаив дыхание, оба осторожно выглянули из-за края уступа на разыгравшуюся глубоко под ними зловещую и фантастическую сцену.

Прямо над их головами мерцали фосфоресцирующие огоньки, в сотне футов внизу раскинулся гладко отполированный пол пещеры. У дальней стены пол обрывался в глубокий, ревущий поток, зажатый в скалистые берега. Вся в бурунах и пене, вода неслась из непроницаемого мрака, разрезала пещеру и снова исчезала в темноте. Водовороты и валы, отражая льющийся со сводчатого потолка свет, словно в россыпях драгоценных камней, как живые, мерцали холодно-голубым, полыхали огненно-красным и переливались всеми оттенками зеленого.

Конан и его спутница стояли на одном из уступов, который короткой галереей протянулся по самому верху стены у основания свода; отсюда, к небольшому уступу в стене, вставшей по ту сторону кипящего потока, на головокружительной высоте через всю пещеру взметнулся легкий арочный мостик — ажурное творение природы. Десятью футами ниже стены пещеры соединяла другая, более широкая арка. С каждой стороны оба основания пролетов соединяли вырубленные в скале ступени.

Взгляд Конана, следуя изгибу мостика от уступа, на котором он стоял, вдруг уловил мерцание, не похожее на зловещий бледный свет от камней в потолке пещеры. На узкой площадке напротив монолитную стену нарушала брешь, сквозь которую в пещеру заглядывали звезды.

Но он лишь отметил про себя эту деталь — и тут же сосредоточил все внимание на людях внизу. Жрецы пришли к цели своего паломничества. Там, в овальном углу пещеры, стоял высеченный из камня алтарь — на этот раз без посаженного сверху идола. Находилось ли какое-нибудь изваяние за алтарем, Конан утверждать не мог: благодаря изгибу стены или игре света весь угол был погружен во мрак.

Жрецы воткнули факелы в отверстия в каменном полу, и перед алтарем на расстоянии нескольких ярдов образовался правильный огненный полукруг. Жрецы встали полумесяцем внутри освещенного полукруга, а Горулга, воздев к своду руки, пробормотал невнятные заклинания. Затем, склонившись над алтарем, он опустил на него открытые ладони. Край каменного блока начал приподниматься, точно крышка сундука, пока не встал на обращенную к углу плоскость, открыв под собой маленький тайник.

Протянув в углубление длинную руку, Горулга извлек оттуда небольшую медную шкатулку. Вернув алтарь на место, верховный жрец установил на него шкатулку и откинул крышку. Людям на верхней галерее, впившимся жадными глазами в тусклую медь, вдруг показалось, что от его легкого движения из шкатулки во все стороны хлынули струи живого огня,— дрожа и пульсируя, он окружил алтарь сверкающим ореолом. Сердце варвара бешено заколотилось, рука сжала рукоять меча. Наконец-то! Вот они — «Зубы Гвалура»! Сокровище, владелец которого станет самым богатым человеком на земле! Дыханис с шумом прорывалось сквозь его крепко стиснутые зубы.

Внезапно он насторожился: что-то случилось с пламенем факелов и с призрачным мерцанием фосфоресцирующих камней — их свет бледнел, еще немного — и они погаснут вовсе! Отовсюду к алтарю подкрадывалась тьма, и только там, вокруг шкатулки, все усиливалось зловещее сияние «Зубов Гвалура». Чернокожие застыли, обратившись в базальтовые статуи; их неподвижные тела отбрасывали длинные уродливые тени.

Вот сияние камней залило алтарь сверху донизу, в нем резко выделялось окаменевшее от изумления лицо Горулги. И вдруг затаившаяся тьма за алтарем стала рассеиваться, и медленно, вместе с вползающим в угол светом, там проступили неясные, точно возникшие из тишины и ночи фигуры.

На первый взгляд, серые каменные статуи — неподвижные, волосатые, похожие на человека, но вызывающие лишь отвращение и страх. Однако это были не статуи: груди медленно вздымались и опадали, в живых глазах мерцали искорки холодного огня. Вот сполохи зловещего сияния высветили звериные лица; тут же Горулга издал дикий вопль и, в ужасе вскинув длинные руки, подался назад.

Но над алтарем метнулась чья-то еще более длинная уродливая рука, и узловатые пальцы сомкнулись вокруг его горла. Упиравшегося, не переставшего кричать верховного жреца протащили поверх алтаря, на его голову железным молотом обрушился огромный кулак — и крики оборвались. Тело — обмякшее, безвольное — распростерлось на каменной плите, из размозженного черепа медленно вытекал мозг. Вдруг будто между Тьмой и Светом прорвало плотину — то слуги Бит-Якина ринулись на пораженных ужасом черных жрецов.

И разразилась бойня — кровавая и беспощадная.

С галереи казалось, что черные тела набиты соломой,— с такой легкостью швыряли их убийцы, против нечеловеческой мощи и проворства которых кинжалы и мечи жрецов были бессильны. Конан видел, как чернокожие взлетали в воздух, как от удара об алтарь раскалывались черепа. Он увидел, как одно из чудовищ, зажав в руке пылающий факел, запихнуло горящий конец в глотку жреца, пока тот, отчаянно извиваясь, тщетно пытался высвободиться, стиснутый лапами другого. Он видел, как человека, точно цыпленка, разорвали надвое и как швырнули обе части тела через всю пещеру. Избиение — стремительное и ужасное — прокатилось по рядам жрецов, подобно урагану. Один кровавый яростный всплеск — и он угас; и лишь один несчастный, чудом избежавший лап чудовищ, с отчаянным воплем бросился по коридору, которым процессия пришла в пещеру. Следом за ним — забрызганные красным, с протянутыми к жертве окровавленными руками — устремились все порождения Ужаса и Тьмы. Беглец с преследователями пропали в черной пасти туннеля, несколько раз оттуда донеслись слабеющие вопли — и наступила тишина.

Мьюрела едва не лишилась чувств — сжавшись в комочек и обхватив руками ноги Конана, она уткнулась лицом в его колени, крепко зажмурив глаза. Ее дрожащая фигурка выражала неподдельный ужас. Варвар, напротив, был полон энергии. Быстрый взгляд на брешь с мерцающими звездами, потом взгляд вниз — туда, где на забрызганном кровью алтаре все еще излучала сияние открытая шкатулка,— и он наметил план, как можно с честью и с поживой окончить это рискованное предприятие.

— Я спущусь за шкатулкой,— отрывисто сказал он.— Жди меня здесь!

— Во имя Митры, не уходи! — В новом приступе страха она повалилась на пол и вцепилась в его сандалии.— Не уходи! Не оставляй меня одну!

— Лежи тихо и не вздумай разевать рот! — отрезал он и резким движением высвободил ноги.

Спускаться по ступеням не было времени. Не думая об опасности сломать себе шею, киммериец стал прыгать с уступа на уступ. Вот его ноги коснулись основания пещеры — вокруг все тихо. Вставленные в отверстия в полу несколько факелов по-прежнему горели желтым пламенем; со свода падал ровный бледный свет кристаллов; а волны реки — все в разноцветных блестках — словно переговаривались между собой на незнакомом языке. Загадочное сия-

ние — предвестник появления слуг Бит-Якина — с их исчезновением померкло. И только камни в медной шкатулке переливались зловещим ярким светом.

Обеими руками Конан схватил шкатулку, одним жадным взглядом окинув ее содержимое — необычной формы камни, горящие холодным неземным огнем. Варвар захлопнул крышку и, прижав добычу к груди, бросился к каменной лестнице — у него не было ни малейшего желания встречаться с волосатыми слугами Бит-Якина. Он достаточно на них насмотрелся, чтобы сделать заключение об этих тварях как о воинах. Одно непонятно: почему они ждали так долго, прежде чем нанесли по незваным гостям свой сокрушительный удар? Конан отбросил эту мысль: что он — здесь ни один мудрец не разгадает, что движет этими чудовищами. Они на деле показали, что они ровня людям и по уму и по сноровке. К тому же там, на каменном полу пещеры, лежат изуродованные и окровавленные свидетельства их звериной ярости.

Он застал коринфийскую танцовщицу в том же положении, как и оставил,— дрожащую и на коленях. Схватив девушку за руку, он рывком поставил ее на ноги.

— Пожалуй, самое время незаметно удалиться.

Парализованная ужасом, не сознавая, что вокруг происходит, Мьюрела покорно ступила за ним на ажурный мостик. И только когда прямо под ними забурлил поток, она, вдруг посмотрев вниз, испуганно вскрикнула и, если бы не Конан, непременно сорвалась бы в пропасть. Он успел свободной рукой обхватить талию девушки и, взяв ее под мышку, потащил безвольное, слабо шевелящееся тело к бреши на другом конце мостика. Не задерживаясь для того, чтобы поставить девушку на ноги, он быстро пошел коротким тунелем, в который открывался проем в стене. Еще немного — и оба оказались на узком уступе с наружной стороны скал, опоясавших долину. Менее чем в ста футах под ними в неверном свете звезд катились волны джунглей.

Конан посмотрел вниз — и не мог сдержать шумного вздоха облегчения. Киммериец не сомневался, что даже вместе с ношей из камней и девушки он без особого труда справится со спуском; а вот подняться в этом месте, пусть одному, навряд ли удалось бы. Он поставил шкатулку — всю в пятнах крови и в ошметках мозгов верховного жреца — и уже приготовился расстегнуть пояс, чтобы привязать к спине драгоценную добычу, как вдруг застыл, сраженный

шорохом — зловещим и таким знакомым, донесшимся из глубины скалы.

— Будь здесь! — отрывисто бросил он испуганной коринфийке.— Не двигайся! — И, вытащив меч, варвар скользнул обратно в туннель. У проема он осторожно заглянул в пещеру.

На середине верхнего мостика он увидел безобразную серую фигуру. Один из слуг Бит-Якина напал на его след. Сомнений нет: тварь видела их и теперь преследует. Драться у входа в коридор, конечно, выгоднее, но дело надо кончить быстро, до того, как подоспеют остальные слуги.

Киммериец вышел на карниз, ступил на мостик. Перед ним — ни обезьяна, ни человек. Согнувшись, волоча ноги, к нему приближался сам Ужас — порождение таинственных безымянных джунглей, раскинувшихся на юге, где в ядовитых испарениях кишела неведомая жизнь, куда не проникла цивилизация и где в деревянных храмах в честь кровожадных идолов били огромные барабаны. Как древнему пелишту удалось подчинить их своей воле да еще прожить столько времени отрезанным от остального мира — то была загадка из загадок. Впрочем, даже располагай он такой возможностью, варвар не стал бы ломать голову над поиском решения.

Человек и чудовище! Они сошлись на гребне арочного мостика, под которым на глубине ста футов несла бешеные воды черная река. И как только тварь нависла над ним своей серой, точно в проказе обсыпанной белесыми чешуйками тушей, Конан нанес удар, какой наносит раненый тигр,— внезапный и стремительный, вложив в него всю силу и всю ярость варвара. Обычного человека такой удар разрубил бы надвое, но кости слуги Бит-Якина были словно из закаленной стали. И все-таки даже закаленная сталь имеет предел прочности. Ребра не выдержали, и из огромной раны заструилась кровь.

Для второго удара не осталось времени. Прежде чем киммериец успел вновь замахнуться или отскочить назад, огромная рука смахнула его вниз с такой же легкостью, с какой щелчком сбивают со стены муху. Он полетел в поток, и шум воды зазвучал в его ушах похоронным звоном; но через несколько футов его отчаянно извивающееся тело ударилось поперек арки нижнего моста. Там оно задержалось на мгновение, покачиваясь, словно в нерешительности, но пальцы левой руки уже вцепились в арочный срез, еще

немного — и, подтянувшись, он выбрался на мост, как и всегда, сжимая в правой верный меч.

Вскочив на ноги, он тут же глянул вверх: истекая кровью, чудовище мчалось к узкому козырьку с явным намерением, спустившись по лестнице, соединяющей обе арки, возобновить схватку. У самого уступа тварь вдруг остановилась, повернув голову в сторону, и Конан с ужасом увидел, что привлекло ее внимание: там, у входа в туннель, со шкатулкой в руках стояла Мьюрела, глаза девушки были широко раскрыты, тело била крупная дрожь.

С победным ревом чудовище одной лапой сгребло девушку под мышку, другой подхватило оброненную ею в страхе шкатулку и, повернувшись, неуклюже затопало обратно по мостику. Крепко выругавшись, Конан заспешил на другую сторону нижнего моста. Мозг занимала одна мысль: во что бы то ни стало догнать тварь до того, как та успеет раствориться в лабиринте переходов, изрезавших чрево скалы.

Но постепенно движения чудовища стали замедляться, словно у механической игрушки, у которой кончается завод. Кровь ручьями текла из широкой раны на груди; зверь, точно пьяный, покачивался из стороны в сторону. Вот он запнулся, начал заваливаться набок и вдруг, сорвавшись, полетел вниз головой. Девушка, шкатулка с драгоценностями выпали из онемевших рук, и в воздухе, перекрывая рычание потока, раздался душераздирающий вопль Мьюрелы.

Туша падающего зверя едва не сбила Конана с моста. Задев ногами каменную арку, чудовище рухнуло в поток; но девушка, ударившись о камень, каким-то чудом сумела зацепиться за край, шкатулка упала на срез арки футах в пяти от нее. Конан оказался между ними: с одной стороны — девушка, с другой — сокровище. Оба — на расстоянии вытянутой руки, и лишь доля секунды на раздумье: шкатулка опасно раскачивается на самом краю, а Мьюрела висит уже на одной руке, ее лицо со страстной мольбой обращено к нему, глаза расширены в предчувствии близкой смерти, рот приоткрыт в немом отчаянном крике.

Конан не колебался, он даже не взглянул на шкатулку, таившую в себе богатства целой эпохи. Со стремительностью, превосходившей бег голодного гепарда, он бросился на камни и в тот миг, когда ослабевшие пальцы соскользнули с гладкого края, успел схватить девушку за руку. Затем одним мощным рывком поставил ее на ноги. Шкатул-

ка, потеряв равновесие, перевалилась через край и, пролетев девяносто футов, с негромким всплеском вошла в воду, где незадолго до нее скрылся слуга Бит-Якина. Клочок пены, брызги и пузыри отметили то место, где навсегда от людских глаз скрылись «Зубы Гвалура».

На сожаления не было времени. Подхватив девушку, словно маленького ребенка, Конан дикой кошкой метнулся через мост и дальше — вверх по вырубленным в скале ступеням. Он уже достиг верхней арки, как вдруг низкое завывание заставило его посмотреть вниз. Из коридорного просма недалеко от алтаря в пещеру волной выкатывались слуги Бит-Якина — с оскаленных клыков каплями стекала кровь. Изрыгая злобное рычание, они ринулись вверх по лестнице, петлявшей от галереи к галерее; но Конан, не слишком церемонясь, перекинул девушку через плечо и, единым духом промчавшись по туннелю, выбежал на козырек, нависший над джунглями. С отчаянным безрассудством, сам точно обезьяна, он заскользил вниз, каким-то чутьем варвара отыскивая опоры и зацепки и ежесекундно рискуя оборваться. Но когда в бреши показались искаженные злобой и яростью морды преследователей, киммериец и девушка уже скрылись в лесу, плотной стеной подступавшем к скалам.

— Ну вот,— сказал Конан, опуская девушку на ноги под надежным зеленым покровом,— теперь можно и отдохнуть. Вряд ли эти твари осмелятся выбраться из своей долины. В любом случае, меня здесь, возле озерка, дожидается славный конь, если, конечно, его еще не сожрали львы... Да чтоб тебе прогневить Крома! Сейчас-то ты о чем ревешь?

Мьюрела прижала к заплаканному лицу ладони, ее плечи сотрясали рыдания.

— Ты потерял свои сокровища,— сквозь всхлипывания донеслось из-под ладоней.— И все из-за меня. Если бы я послушалась тебя и дожидалась на уступе, как ты мне сказал, тот зверь ни за что бы меня не увидел. Лучше бы ты спас сокровища, а не меня!

— Что ж, может быть, так было бы и лучше,— согласился он.— Ну да ладно, забудем. Все, что прошло, не стоит сожалений. И, будь добра, прекрати ты свой рев!.. Вот так-то лучше. А теперь идем!

— Так ты меня не бросишь? Ты возьмешь меня с собой? — с надеждой в голосе проговорила девушка.

— А что, по-твоему, мне еще остается? — Усмехнувшись, он одобрительным взглядом прошелся по ее ладной

фигурке, надолго задержавшись на том месте, где порванная юбка открывала соблазнительную линию бедра цвета слоновой кости.— Ты мне понадобишься для представлений. Возвращаться в Кешлу нам не имеет смысла — там уже делать нечего. Мы отправимся в Пунт. Народ Пунта поклоняется какой-то богине, выточенной из слоновой кости, и на всем протяжении реки моет для нее золото. Я им скажу, что Татмекри подговаривает кешанцев напасть на них и сделать всех своими рабами — что, кстати, чистая правда — и что боги послали меня с целью их защитить... скажем, в обмен на хижину, набитую золотом. А если мне удастся незаметно протащить тебя в храм и подменить тобой их слоновокостную богиню, то не пройдет и месяца, как мы разденем их до последней нитки!

Не сумев раздобыть сокровища Гвалура, Конан и не думал отчаиваться. Вскоре он примкнул к отряду наемников под командованием принца Амальрика из Немедии, на службе у принцессы Ясмелы, в отсутствие своего брата-короля правившей небольшим пограничным королевством Хорайя. Киммериец прославился своим буйным нравом и отчаянной храбростью и вскоре получил капитанский чин. Пока брат Ясмелы томился в офирском плену, в знойной пустыне на юге готовили нашествие на Хорайю гигантские орды кочевников под предводительством таинственного Чародея в Маске...

Черный колосс

1

Вот ночь Владыки, когда судьба плывет по коридорам света, как колосс, нежданно вставший из вечного гранитного сна.

Э. Хоффман Прайс
«Девушка из Самарканда»

Над таинственными руинами Кутхемеса царила тишина. Ее ничто не нарушало вот уже многие века, но сейчас от нее веяло страхом. Этот страх владел душой пришельца, заставлял его обливаться ледяным потом, с присвистом, неровно дышать через сжатые зубы.

Одинокой, крошечной искоркой жизни затерялся он посреди циклопических монументов, во времена незапамятные заброшенных своими создателями и неуклонно разрушающихся с тех пор. Вокруг не было ни души, даже в необозримой небесной сини не парил, высматривая на земле добычу, коршун.

Был полдень, и солнце жгло немилосердно. Вокруг пришельца со всех сторон высились мрачные останки иной, давно ушедшей эпохи: грандиозные колонны упирались в небеса зазубренными вершинами; вповалку лежали исполинские каменные блоки неимоверной величины; полуразрушенные стены хранили следы жутких рельефных изображений, стертых ветром и песком. Никаких признаков жизни от горизонта и до горизонта, лишь пустыня без края и конца, чей вид наводил смертельное уныние,— пустыня, перерезанная руслом высохшей одни боги знают когда реки.

А в самом сердце этого безрадостного ландшафта — блестящие клыки развалин, колонны, точно сломанные мачты севших на мель судов, и господствующий над всем железный купол.

Перед этим-то куполом и застыл парализованный страхом Шиватас.

Купол опирался на громадный мраморный подиум, венчая собой террасированный холм на берегу реки, вернее, то, что раньше было холмом. К высоченной бронзовой двери в куполе, похожем на половину яйца, подводили широкие ступени. Чистое железо, из которого он был сделан, так сияло, как будто руки некоего великана ежедневно надраивали его. Ничуть не тусклей блестели золотой шпиль на макушке купола и надпись из золотых иероглифов, каждый в несколько ярдов высотой. Надпись опоясывала весь купол. Ни один человек в мире еще не сумел прочесть эти письмена, но в мозгу у Шиватаса при виде них возникли смутные догадки, и от этих догадок мороз пошел по коже. Шиватас был потомком древней расы, чья мифология уходила в глубь тысячелетий, к тем эпохам, когда на Земле царили совсем другие силы, нежели сейчас, и почитались совсем другие символы.

Шиватас был вылеплен из крутого теста — гибкий, как обезьяна, жилистый и выносливый. Впрочем, чтобы долгое время слыть лучшим заморийским вором, человеку необходимы соответствующие физические данные. Голова его была маленькой, выбритой до синевы. Из одежды он довольствовался одной набедренной повязкой из алого шелка. Как и все его соплеменники, он обладал очень темной кожей, а на узком лице с ястребиным профилем выделялись глаза — черные, близко посаженные, смышленые. Длинные тонкие пальцы нервно трепетали, точно крылышки мотылька. На поясе с золотой отделкой висел не то длинный кинжал, не то короткий меч с самоцветами на рукояти, в узорчатых сафьяновых ножнах. С этим мечом Шиватас обращался крайне осторожно, даже старался, чтобы ножны не касались его обнаженного бедра. И для такой осторожности у него были вполне серьезные причины.

В своем ремесле Шиватас достиг таких вершин, что его называли королем воров, его имя благоговейно произносили преступники в злачных местечках Эрука и в сумрачных криптах под храмами Бела, а песням и легендам о нем суждено было остаться в веках. Но в этот миг, стоя перед железным куполом Кутхемеса, он от страха казался себе ни-

чтожным червем. Не надо быть знатоком магических культов, чтобы сразу понять: в этом строении есть что-то сверхъестественное. Три тысячи лет истязали его солнце, дожди и ветра, а он сияет так же ярко, как в те дни, когда его воздвигли безымянные зодчие на берегу безымянной реки. Как будто некие потусторонние существа поселились здесь и охраняли свое жилище от воздействия непогоды.

Руины лежали посреди таинственной, неизученной пустыни юго-восточнее Шема. Шиватас помнил, что позади, на юго-западе, в нескольких днях езды на верблюде, остался великий Стикс — как раз в том месте он сворачивает под прямым углом и несет свои мутные воды к западу, к далекому океану. Там, за изломом реки, начинается Стигия, смуглогрудая владычица Юга. Это богатое королевство лежало на южном берегу Стикса, или, как его еще называли, Нилуса, а за его пределами раскинулись почти безжизненные пустыни.

Знал также Шиватас, что дальше к востоку пустыня постепенно сменяется степями гирканского королевства Турана, блистающего варварской роскошью на берегах обширного внутреннего моря. Если неделю ехать верхом на север, кончится пустыня и пойдут плодородные горные долины Кофа, самого южного из обжитых хайборийцами королевств. Западнее пустыня примыкает к шемским лугам, а они тянутся до самого океанского берега.

Все это король воров знал, не отдавая себе в этом отчета, как горожанин знает улицы и переулки своего города. На своем веку Шиватас пространствовал немало, охотясь за сокровищами разных королевств. Но теперь он замер в двух шагах от самого поразительного из приключений и самого богатого из сокровищ в его жизни.

В куполе из железа хранился прах Тугрохотана, темного некроманта, который три тысячелетия назад правил Кутхемесом. В ту пору Стигия и Ахерон лежали не только южнее, но и севернее великой реки, в их пределы входили шемские луга и горы. Позднее хайборийской расе стало тесно в своей колыбели у полярного круга, и северяне принялись заселять южные земли. Это переселение не имело себе равных в истории, и длилось оно даже не века, а тысячелетия. Однако в эпоху правления последнего из кутхемесских чародеев, Тугрохотана, на его плодородные земли явились рыжеволосые дикари в одежде из волчьих шкур и бронзовых кольчугах и своими мечами отсекли кусок территории, которой дали название Коф. Ураганом пронеслись

варвары по Кутхемесу, все сметая на своем пути, и оставили после себя залитые кровью мраморные башни. Королевство Ахерон погибло в огне и впредь не возродилось.

Пока на улицах древней столицы свирепствовали захватчики, а ее защитники, как зрелые колосья под серпом, падали под ударами мечей, Тугрохотан принял какой-то таинственный яд, и жрецы в бронзовых масках заперли его в усыпальнице, им же самим и построенной для этой цели. Вскоре вокруг усыпальницы разыгралась сцена кровавого побоища, и все верные помощники некроманта сложили головы. Но пришельцам не удалось выломать дверь склепа; устояла постройка и перед огнем и мечом. В конце концов они вернулись восвояси, оставив великий город лежать в развалинах.

Время безжалостно подточило колонны, превратило стены в груды щебня; не сохранилась даже река, благодаря которой в давние времена здешние земли были плодородны.

Если верить легендам, железный купол хранил не только мощи волшебника — он был под завязку набит сокровищами. Выкрасть их пытались многие храбрецы, но одни нашли свою смерть у входа в усыпальницу, а другие теряли разум, обуреваемые демоническими галлюцинациями, и обращались в бегство, и вскоре тоже умирали, и перед кончиной не человеческие слова срывались с их уст, а безумный хохот и завывания. Вот потому-то и дрожал Шиватас как осиновый лист, стоя перед мавзолеем. И не становился слабее его страх, когда вор думал о змее — она, если верить легенде, стережет останки колдуна. Но это — если верить легенде. Дело в том, что история Тугрохотана очень смахивала на миф, вдобавок окутанный покровом смертельного ужаса.

Оттуда, где стоял король воров, виднелись останки грандиозного павильона. Когда-то здесь пышно отмечались праздники и сотни опутанных цепями пленников ждали, когда явится король-жрец и отрубит им головы в честь зловещего стигийского бога-змея Сета. А где-то поблизости, по слухам, был глубокий зиндан, куда сбрасывали кричащих от ужаса жертв, и в темноте их приканчивал монстр, вползавший туда из другой пещеры, еще более глубокой и жуткой.

Да, если верить легендам, не простым человеком был Тугрохотан — даже, пожалуй, и не человеком вовсе, а порождением самой Тьмы. Ему поклонялись при жизни и после смерти, но впоследствии вера эта выродилась в из-

вращенный, противоестественный, омерзительный культ зугитов. Потомки адептов Туграхотана по-прежнему чеканили его лик на монетах, которые усопшим клали под язык, чтобы они могли заплатить за переправу через реку скорби. Считалось, что Стикс — всего лишь земная тень этой великой реки. Шиватас видел профиль чародея на монетах, похищенных у мертвецов, и лицо владыки запечатлелось в его памяти навсегда, как ни старался он забыть его.

Но как ни силен был страх, Шиватас не собирался уходить с пустыми руками. Он набрался храбрости и поднялся по ступенькам к бронзовой двери с полированной поверхностью, на которой не было ни ручки, ни щеколды. Однако не зря Шиватас много лет постигал мрачные оккультные тайны, не зря приходил к полуночи в лес, чтобы там прислушиваться к хриплому шепоту жрецов Скелоса; и не зря он корпел над переплетенными в железо книгами.

Он опустился на колени перед дверью и ощупал порог ловкими пальцами. Их сверхчуткие подушечки обнаружили выступы, такие маленькие, что доселе не выдавали себя ни чужим взглядам, ни даже менее чувствительным пальцам. Он осторожно нажимал на них, следуя определенной последовательности и бормоча при этом полузабытое заклинание. И вот нажат последний выступ. Вор вскочил как ужаленный и сильно ударил ладонью в самую середину двери.

Медленно и плавно, без щелчка засова и скрипа петель, дверь отошла назад, и Шиватас снова выпустил воздух через стиснутые зубы. За дверью оказался короткий узкий коридор. Скользнув по нему, дверь теперь закрывала его противоположный конец. В туннеле, открывшемся глазам охотника за сокровищами, пол, потолок и стены были из железа.

Теперь-то стало ясно, что зловещие легенды имели под собой почву. Из бокового ответвления в туннель вползал безмолвный извивающийся монстр — само воплощение ужаса. Он медленно поднял треугольную голову и посмотрел на незваного гостя злыми светящимися глазами. В длину змей был футов двадцати, не меньше, его чешуя блестела и играла всеми красками радуги. Где родилась эта тварь, в каких сырых и мрачных глубинах, вор не гадал — не было времени. Надо было спасать свою шкуру. С предельной осторожностью он обнажил меч. С клинка сорвалось несколько зеленоватых капель, таких же, как и те, что сбегали с кривых, как ятаган, зубов змея. Шиватас за этим ядом наведался в гибельные зингарские болота и рисковал там жизнью на каждом шагу. И сейчас настало время проверить, не напрасен ли был тот риск.

На полусогнутых ногах охотник за сокровищами медленно двинулся вперед, готовый в любое мгновенье прянуть в сторону, как огонек свечи под дуновением сквозняка. Осторожность себя оправдала — змей распрямил свое тело, как огромную пружину, треугольная голова с быстротой и неотвратимостью молнии устремилась вперед. И хотя Шиватас обладал поистине нечеловеческой ловкостью, он в тот миг был на волосок от гибели. А уж затея отскочить в сторону и рубануть мечом по вытянутой змеиной шее оказалась сущей глупостью — он не учел сверхъестественного проворства змеи. Вор только успел выставить перед собой клинок, вскрикнув при этом от страха и даже зажмурившись. В следующую секунду меч вылетел из его руки, а туннель наполнился оглушительным шумом.

Открыв глаза, Шиватас удивился тому, что он до сих пор жив. Чудовищное тело корчилось в жуткой агонии, а хвост с громкими хлопками бился о железные стены. Из распахнутой пасти монстра торчала рукоять меча. Шиватаса спасла случайность: змея нападала с раскрытой пастью и напоролась на бестолково выставленный вором клинок. Через несколько минут гад свился в чуть подрагивающие чешуйчатые кольца. Он даже не подозревал, что издох от яда своего зингарского сородича.

Боязливо перешагнув через мертвую рептилию, вор бегом устремился к двери. Она, словно обладая чувствительностью и разумом, при его приближении резко ушла вбок, пропуская его под купол. От неожиданности Шиватас вскрикнул. Он ожидал очутиться в кромешной мгле, а попал в багровый свет, в пульсирующее, дрожащее сияние, такое резкое, что человеческий глаз с трудом мог его выдержать.

Этот свет исходил из-под свода купола, его излучал прикрепленный там громадный драгоценный камень алого цвета.

Драгоценности Шиватасу были не в диковинку, но все же он застыл, пораженный зрелищем. Вожделенные сокровища лежали перед ним, вокруг него. Голова шла кругом от этого несметного богатства: рубины, сапфиры, опалы, изумруды, алмазы... Драгоценные камни лежали грудами, между ними были небрежно рассыпаны полудрагоценные: агаты, нефрит, лазурит. Здесь же стояли пирамиды золотых слитков, штабеля серебряных. Он увидел мечи в золотых ножнах, с рукоятями, украшенными алмазами: он заметил золотые шлемы с цветными султанами из конского волоса или с ало-черными плюмажами. На глаза ему попа-

лись инкрустированные серебром доспехи, перевязи, расшитые самоцветами,— когда-то их носили короли-воины, которые вот уже три тысячелетия лежат в своих усыпальницах. Он любовался кубками, вырезанными из цельных камней. Он покрывался холодным потом при виде окованных золотом черепов с лунными камнями в глазницах. А ожерелья из человеческих зубов вперемежку с драгоценными камнями будили любопытство пополам с алчностью. Даже на железной двери изнутри нарос толстый слой золотой пыли, тысячами искр она сверкала и мерцала в багровом свечении.

Шиватас стоял среди всей этой волшебной роскоши, попирая подошвами своих сандалий звезды земных недр.

Но вдруг его взгляд словно прирос к огромному кристаллу в центре купола, как раз под красным сияющим камнем. Эта плита черного нефрита служила одром для костей, которые должны были под мерной поступью тысячелетий давно стереться в прах. Но, как только Шиватас посмотрел в эту сторону, от смуглой кожи отлила кровь, колени обмякли, все тело покрылось гусиной кожей, беззвучно зашевелились губы.

Неожиданно к нему вернулся голос — нечеловеческий вопль ужаса рассек тишину, и долго его эхо звенело под высоким куполом. И снова под развалинами таинственного Кутхемеса воцарилось безмолвие.

2

Удивительные слухи доходили до жителей городов и зеленых лугов Хайбории. Эти слухи путешествовали с караванами — длинными вереницами верблюдов, которых вели через пески худощавые, жилистые люди с ястребиными чертами лиц, одетые в белые хламиды. Эту весть передавали друг другу горбоносые пастухи на горных пастбищах, она перелетала от пустынников, ютящихся в шатрах, к жителям невысоких каменных градов, где короли с черными как смоль, курчавыми бородами вершили загадочные ритуалы в капищах пузатых идолов. Пробрались слухи и по балкам меж холмов, где исхудалые нищие варвары брали с караванов пошлины. Новость добралась до плодородного нагорья, где на берегах синих озер и рек горделиво высились красивые города. Слухи ползли по широким торговым трактам, где никогда не оседала белая пыль, где громыхали

запряженные волами телеги, брели мычащие стада скота, скакали верхом рыцари в стальных доспехах, ехали в паланкинах под охраной копейщиков и лучников высокопоставленные жрецы. А родились те слухи в пустыне, что лежит восточнее Стигии и южнее кофских холмов.

Будто бы в одном из кочевых племен появился новый пророк. Будто бы племена номадов объединяются. Будто бы на юго-востоке собралась громадная орда и возглавляет ее кровожадный вождь, одерживающий победу за победой.

Раньше такая угроза северным народам исходила от стигийцев, но сейчас они были явно ни при чем, так как собирали армии на своих северных границах, а их жрецы чародействовали не покладая рук, чтобы свести на нет злое колдовство пророка из пустыни. Он носил имя Наток, Чародей в Маске, так как никогда не показывал своего лица.

И вот орды ринулись на северо-запад, и короли с черными как смоль, курчавыми бородами испустили дух перед алтарями пузатых идолов, а невысокие каменные стены их городов окрасились кровью знати и простонародья. Ходили разговоры, что Натоку и его подручным мало этой добычи, что теперь они зарятся на хайборийские нагорья.

Нашествия кочевников были вполне обычным делом в этих краях, но то, что происходило сейчас, вовсе не было простым набегом разбойников из пустыни. По слухам, Наток собрал под своим началом тридцать кочевых племен и принудил к союзу с ним пятнадцать городов-государств, и даже стигийский принц Кутаман, ранее никому не покорявшийся, в этот раз смирился и стал подручным чародея. Иными словами, пахло бедой — настоящей бедой.

По своему обыкновению, большинство хайборийских народов недооценило нарастающую угрозу. Но в Хорайе, стране, вырубленной кофскими мечами из шемитской империи, народ был встревожен. Хорайя лежала юго-восточнее Кофа, и ее границы были открыты для вторжения кочевников. Вдобавок молодой король этого государства был в плену у коварного офирского властелина. А перед тем стоял выбор: или за огромный выкуп отправить юношу на родину, или отдать его в руки его заклятого врага, жадного кофского короля, который золота не обещал, зато предлагал выгодный союз между Офиром и Кофом. Хорайе угрожала огромная опасность, и жители этой страны сомневались, что принцесса Ясмела, сестра юного короля, сумеет их защитить.

Во всех западных землях странствующие певцы воспевали ее красоту. Она была отважна и горда, как и вся хорай-

янская королевская династия. Но однажды ночью отвага слетела с нее, как шелковая накидка.

Принцесса находилась в своих покоях с лазуритовым сводом, мраморным полом, устланным дорогими мехами, с позолоченной лепниной на стенах. Десять юных аристократок из самых благородных семей дремали на бархатных кушетках вокруг ее позолоченного, с шелковым балдахином, ложа. Но на этом ложе не было принцессы Ясмелы. Обнаженная, она лежала лицом вниз на мраморном полу, по белым плечам рассыпались черные волосы, тонкие длинные пальцы в невыносимых мучениях царапали пол. В жилах принцессы заледенела кровь, зрачки расширились от ужаса, волосы стояли дыбом. В самом сумрачном углу покоя высилась огромная бесформенная тень. Она не принадлежала какому-то живому существу, она сама была существом, сгустком мглы, туманным пятном, кошмарным порождением ночи. Она могла бы показаться галлюцинацией бредящего мозга, если бы не глаза — два желтых огня в сумраке опочивальни.

Кроме того, тень обладала голосом. Он был очень тих, едва уловим, и больше всего напоминал змеиное шипение. И уж точно подобный звук не смогли бы произнести человеческие губы. Этот голос, как и смысл сказанного, наполнил ужасом сердце Ясмелы. Ужасом столь безмерным, что принцесса корчилась, как под ударами бича, и этими корчами как будто пыталась стряхнуть заползающее в душу цепкое зло.

— Принцесса,— шипела тварь,— ты помечена, ты принадлежишь мне. Я выбрал тебя еще до того, как очнулся от векового сна. Да, я давно стремился к тебе, но меня сковывало древнее заклятье, благодаря которому я спасся от своих недругов. Я душа Натока, Чародея в Маске. Погляди на меня внимательно, дитя мое. Скоро я обрету тело, и ты сможешь меня обнять. Скоро мы с тобой будем любить друг друга! — Шепот сменился похотливым смешком.

Ясмела застонала и в очередном приступе ужаса забила кулачками по мраморным плитам.

— Я спал в своем железном мавзолее,— снова зашипело страшилище.— Там, под рубиновым светочем, лежит мое тело, мои кости и плоть. Что есть тело? Оболочка, пустая скорлупа, которую может покинуть вольный дух, когда ему захочется летать. Если б ты умела летать и перенеслась сейчас к моему мавзолею, ты бы поняла, что всякое сопротивление бесполезно. В небе пустыни не счесть звезд, и не

счесть костров под этим небом, и каждый костер — это бивак моих воинов. Как лавина сходит с гор, набирая сокрушительную мощь, так растет мое войско, и скоро оно вторгнется в пределы моих древних врагов. Я буду пить вино из черепов королей, их жены и дети будут моими рабами. Долго я спал, но во сне росла моя сила... А ты, принцесса, будешь моей супругой, моей королевой. Я научу тебя древнейшим, давно забытым ласкам, и ты будешь ублажать меня так, как не умеют нынешние женщины...

Оскорбленная до глубины души этим мерзким посулом, Ясмела скорчилась, как под ударом кнута.

— Запомни,— шепнула тень на прощанье,— очень скоро я приду и возьму то, что мне принадлежит.

Зажмурившись, зажав ладонями уши, Ясмела все же расслышала хлопки, словно забила крыльями летучая мышь. Она набралась смелости и посмотрела вверх, но увидела только луну за окном. Ее луч, будто серебряный клинок, пронзал воздух там, где только что высилась чудовищная тень. Принцесса, дрожа от страха и изнеможения, поднялась на ноги, добрела до бархатной кушетки, рухнула на нее и разрыдалась.

А ее девушки в это время крепко спали. Наконец одна проснулась и, зевая, огляделась по сторонам. И увидела Ясмелу. Миг спустя она уже стояла возле ее кушетки на коленях, обнимала принцессу за осиную талию.

— Что случилось... Он приходил вновь? — Темные зрачки расширились от испуга.

Ясмела судорожно схватила ее за плечи:

— Ах, Ватиша! Да! Он снова приходил. Я видела его и слышала мерзкий голос! В этот раз он назвал себя... Наток! Это Наток! Нет, мне не приснилось, это действительно было! Отвратительная тварь стояла надо мной, а вы все спали, как будто вас опоили сонным зельем. О боги, что мне делать?!

Некоторое время Ватиша раздумывала, крутя на пухлой руке золотой браслет.

— Принцесса, теперь нет никаких сомнений в том, что оберег, который дали тебе жрецы Иштар, оказался бессилен. Очевидно, Наток и правда очень могучий чародей. А коли так, тебе остается только одно — просить помощи у забытого оракула Митры.

Услышав это имя, Ясмела содрогнулась. Многих вчерашних богов сегодня называют демонами. И хотя Митра — бог всей Хайбории, жители Кофа давно ему не покло-

няются, давно забыли его. Ничего не знала о нем и Ясмела, думала только, что раз он очень древний, то, наверное, очень злой. Боги Кофа — грозные создания, даже Иштар. На культуру и религию Кофа сильно повлияли культуры Шема и Стигии, и кое-что из них кофийцы позаимствовали. Раньше хайборийцы вели простой, аскетичный образ жизни, пока не познакомились с утонченностью, роскошью и деспотизмом Востока.

— Ты думаешь, Митра согласится мне помочь? — сжала Ясмела ладонь Ватиши.— Мы ведь отвернулись от него, уже столько лет поклоняемся Иштар...

— Сильные боги милостивы. Будем надеяться на лучшее.— Ватиша была дочерью офирского жреца, бежавшего в Хорайю от своих могущественных недругов.— К тому же у тебя нет выбора. Я пойду к оракулу с тобой.

— Спасибо, Ватиша.

Ясмела встала с кушетки. Ватиша хотела было одеть ее, но принцесса отказалась:

— Негоже мне стоять перед оракулом в дорогих шелках. Лучше я нагая приползу на коленях, как и подобает тому, кто просит милости. Пусть Митра не считает меня гордячкой!

Ватиша рассмеялась и махнула ладошкой:

— Ерунда! Митре больше по нраву, когда перед ним стоят прямо, а не ползают, как червяки. И пачкать его алтари кровью животных тоже ни к чему — он этого не любит.

Решив, что Ватиша лучше нее разбирается в «языческих культах», Ясмела позволила надеть на себя шелковую тунику с широким атласным кушаком. Вскоре красивые ноги принцессы были украшены сафьяновыми туфельками, а несколько ловких прикосновений умелых пухлых пальчиков офирки привели в порядок темные вьющиеся волосы госпожи. После этого Ватиша откинула край тяжелого златотканого гобелена и отодвинула засов притаившейся за ним двери потайного хода. Вслед за ней принцесса вошла в узкий изогнутый коридор. По нему девушки вскоре добрались до другой двери, ведущей в широкий зал. Там скучал стражник в позолоченном шлеме с султаном, посеребренном панцире и инкрустированных золотом поножах. Он опирался на длинную рукоять боевого топора.

Ясмела помахала ему, он салютовал оружием и снова уподобился медной статуе. Девушки прошли по залу, который в свете горящих на стенах факелов казался сверхъестественно огромным, и спустились по лестнице. Замечая в углах темные тени, Ясмела каждый раз вздрагивала. Они

прошли три марша и остановились в коридоре с потолком, выложенным драгоценными камнями, с заделанными в пол самоцветами, с позлащенной лепниной на стенах. По этому сверкающему коридору они прошли на цыпочках, держась за руки, и очутились перед позолоченной дверью. Ватиша отворила дверь, и взорам девушек явилась забытая святыня. Забытая всеми, кроме нескольких надежных слуг ну и, конечно, королевского семейства Хорайи, ради которых и сохранялся этот храм внутри дворца. Ясмела знала о нем только понаслышке, сейчас она здесь оказалась впервые. Внутреннее убранство выглядело скромно, ему было не тягаться с роскошью храмов богини Иштар. Но в этой скромности и простоте было достоинство, издревле свойственное митрианству.

В зале был высокий потолок, но не сводчатый, а плоский, из обычного белого мрамора. Мраморными также были стены и арка входа. По стенам проходила узкая полоска золоченого фриза. За алтарем из чистого зеленого нефрита, не испачканного кровью жертв, на небольшом пьедестале восседало материальное олицетворение бога. С благоговейным страхом принцесса смотрела на косую сажень плеч, на правильные, строгие черты лица. Большие хайборийские глаза, широкая борода мудрого патриарха, кудрявая шевелюра под простым серебряным обручем — суровый, но благородный облик божества-аскета.

Ясмела простерлась ниц перед ним, пропустив мимо ушей укоры и увещевания своей спутницы. На всякий случай Ватиша опустилась на колени — в присутствии древнего идола в ее душе проснулись суеверия. Впрочем, она не была бы сама собой, если бы не шепнула Ясмеле:

— Это всего лишь идол, а как на самом деле выглядит Митра — никому не известно. Его принято изображать как человека, настолько близкого к совершенству, насколько мы можем себе вообразить. Если верить вашим жрецам, Иштар живет в холодном камне. Бог Митра — не только в камнях, он везде: над нами, вокруг нас, под нашими ногами в земных недрах. Идол нужен только для того, чтобы ты могла сосредоточиться на нем и обратить свои помыслы к богу. Поэтому гляди на него и говори.

— И что говорить? — У Ясмелы голос сел от страха.

— Да что угодно. Повторяю, Митра — везде. А раз он везде, все твои мысли ему уже известны...

Ватиша не договорила. Обе девушки вздрогнули — в святилище зазвучал голос. Казалось, его источник находится

прямо у них над головами, невидимый, висит в воздухе. Голос был спокоен, звучен, прекрасен. Вновь Ясмела дрожала, внимая гласу бесплотного духа, но на сей раз не от страха и омерзения, а от благоговения.

— Дитя мое, не утруждай себя словами. Я действительно знаю, что тебе необходимо.— Да, это был поистине дивный глас — как будто высокие музыкальные волны мерно бились в золотой берег.— Из вековой тьмы выполз змей-демон, и есть только один способ спасти твое государство, а заодно и весь мир, от ядовитых клыков этого гада. Для этого ты должна в одиночку, без сопровождения, выйти на улицы своего города и доверить судьбу Хорайи первому встречному.

Лишенный эха глас умолк, и девушки в крайней растерянности посмотрели друг на друга. Затем они встали и на цыпочках покинули святилище. Всю дорогу до покоев Ясмелы обе молчали. Там принцесса выглянула в окно. Была глубокая безлунная ночь, город тонул в тишине. Хорайя спала под звездами, и, словно их отражения в воде, тускло светились факелы на улицах и в садах и на плоских крышах домов.

— Как ты теперь поступишь? — спросила все еще дрожащая Ватиша.

— Дай мне плащ.— У Ясмелы тоже стучали зубы от страха.

— Неужели решила выйти? Одна? Среди ночи?

Ясмела жестом велела служанке умолкнуть.

— Я слышала голос в святилище,— сказала принцесса.— Либо это проделка какого-нибудь изобретательного жреца, либо... в самом деле глас Митры. Выбирать мне не приходится. Я выйду.

Она окутала свою гибкую фигурку широким шелковым плащом, закрыла лицо вуалью и почти бегом добралась по коридорам до бронзовой двери. Снаружи у входа стоял десяток стражников с копьями, они недоуменно посмотрели девушке вслед. Только это крыло дворца выходило на улицу, с других сторон к нему примыкал обширный сад и тянулась высокая стена. Улицу, на которой очутилась принцесса, освещали факелы, расставленные через равные промежутки.

На миг она замерла в нерешительности, но сразу взяла себя в руки и зашагала прочь от стражников. Улица была безлюдна и тиха. Ясмела, в чьих жилах текла кровь королей, еще никогда в жизни не покидала этого дворца без сопровождения. Но что случилось, то случилось. Мысленно твердя себе, что иначе поступить не могла, она быстро удалялась

от родных стен. Ее ноги в мягких туфлях тихо ступали по плитам мостовой, но от каждого их шороха сердце ее панически сжималось. Мнилось, что эти шаги громовым эхом раскатываются по лабиринту улиц и будят затаившихся в тайных подземных норах злобных крысоликих демонов. Чудилось, будто в каждой тени спрятался адский убийца с обнаженным кинжалом, а с верхушек колонн высматривают добычу громадные черные твари с крыльями летучих мышей.

И вдруг впереди на темной улице возник чей-то силуэт. Принцесса поспешила укрыться в густой тени, которая теперь казалась ей спасительной. Сердце билось так, словно хотело расшибиться о ребра. Человек на ночной улице приближался. Он не крался, как вор, и не замирал, как запоздалый путник, перед темными углами. Нет, он шагал прямо и твердо, будто считал, что ему совершенно нечего опасаться. В этой поступи угадывалась природная смелость и достоинство, и его шаги — не Ясмелы, а его — разлетались громким эхом. Когда он проходил мимо факела, принцессе удалось его рассмотреть. Высокий мужчина в кольчуге из прочной стали — судя по всему, наемный воин.

Девушка набралась храбрости и вышла из тени, поплотнее запахнув плащ. Раздался шорох — клинок прохожего до середины выскочил из ножен, но замер: воин понял, что перед ним женщина. И все же взгляд его поверх ее головы стрельнул вправо-влево — незнакомец хотел убедиться, что ее никто не сопровождает.

Какое-то время они молчали, разглядывая друг друга. Мужская ладонь покоилась на длинной рукояти меча; ножны прятались под красным плащом, небрежно накинутым на широкие плечи. В сиянии факела синевато поблескивала сталь поножей и шлема. Такой же стальной синевой блестели глаза. С первого же взгляда на него Ясмела поняла, что это не уроженец Кофа, а когда зазвучал его голос, стало ясно, что перед ней не хайбориец. В армии ее страны было много наемников, среди них кого только не встретишь — как выходцев из цивилизованных стран, так и варваров. Что-то в облике и движениях этого человека напоминало волка. Принцесса поняла, что перед ней стоит варвар. Скорее всего, северянин. Не бывает такого дикого блеска в глазах у хайборийцев, даже в глазах преступников или безумцев.

От него пахло вином, но он стоял на ногах вполне твердо.

— Женщина на ночной улице? — произнес он на плохом кофском.— Тебя что, выбросили из дома, как больную

собаку? — Его пальцы аккуратно сомкнулись на девичьем запястье, и она поняла, что они легко могут сломать ей кости.— Мне пришлось спозаранку расстаться с теплой компанией — да проклянет Иштар мерзких аристократов, запретивших кабатчикам подавать вино по ночам. «По ночам надо спать, а не пьянствовать»,— говорят эти поборники морали. Мол, кто хорошо высыпается, тот лучше трудится, лучше воюет для своих господ. Как бы не так! Кто не умеет хорошо гулять, тот и в драке немногого стоит. Когда я служил в Коринфии наемником, мы ночь напролет хлестали вино и пиво, а потом день напролет рубились, и реки крови стекли по нашим мечам! Ну, да это к делу не относится. Отвечайка, малютка, что с тобой приключилось? И сними эту дурацкую тряпку с личика...

Гибкая принцесса сумела увернуться от его руки, но не попыталась убежать. Ясмела понимала, какой подвергается опасности — в ночном городе, вдали от стражников, наедине с пьяным варваром. И кто знает, как он себя поведет, если узнает ее имя? Вдруг решит изнасиловать, а потом перережет горло, чтобы не попасть на виселицу за надругательство над принцессой? А может, просто посмеется над ней и уйдет своей дорогой? Варвары — люди странные, и цивилизованного человека их поступки часто ставят в тупик.

Принцессе было очень страшно, но она старалась не подать вида.

— Сниму, но не здесь,— рассмеялась она.— Идем со мной, воин.

— Куда? — Его дикая кровь сразу разогрелась, но и осторожности этому человеку было не занимать.— Хочешь меня заманить под воровские ножи? Не на того напала, крошка. А ну-ка...

— Ну что ты! Клянусь, я не воровка! — Девушка снова увернулась от руки, которая попыталась сорвать с нее вуаль.

— Разрази меня Кром! — проворчал незнакомец.— Какая скромность для той, кто гуляет по ночам в одиночку. Ладно, малютка, стесняешься показывать свою рожицу — настаивать не буду. Позволь хоть на твою фигуру взглянуть.

Прежде чем она сообразила, что он затеял, мужчина сорвал с нее плащ и восхищенно присвистнул. Стоило ему увидеть на незнакомке богатый наряд, как он, похоже, мгновенно протрезвел. Затем в его глазах зажглось подозрение.

— Клянусь Кромом, этого я не ожидал! Кто ты, женщина? — спросил он сурово.— Ясно, что не уличная дев-

ка, если только твой сутенер не стащил для тебя эту одежку из королевского дворца.

— Неважно.— Она решилась положить нежную ладошку на его широкое, защищенное сталью плечо.— Пойдем, варвар. Я хочу поговорить с тобой, но не хочу этого делать посреди улицы.

Он с минуту колебался, но затем хмыкнул и пожал плечами. Принцесса догадалась, что он принял ее за знатную даму, которой надоели чересчур щепетильные и жеманные поклонники из аристократов и она решила найти ухажера попроще. Незнакомец вернул Ясмеле плащ и пошел рядом с ней.

По пути принцесса наблюдала за ним краем глаза. Кольчуга не скрадывала тигриной мощи его закаленного в походах и битвах тела. В его движениях сквозила хищность, первобытность, раскованность. Это был человек из другого мира, совершенно не похожий на услужливых и велеречивых придворных, среди которых прошло ее детство. Он внушал ей страх, его грубая звериная сила и беспардонность воина удачи были для нее дики. Однако что-то в ее душе, что-то неизвестное ей самой, но отчаянно смелое, падкое на головокружительный риск, тянулось к незнакомцу,— тайная первобытная струнка, которая есть в душе каждой женщины, отзывалась на его голос. Она чувствовала в своей ладони его напряженную кисть. Перед Ясмелой многие мужчины опускались на колени — но этот, она сознавала, не опустится никогда. Вести такого человека по улице — все равно что вести тигра на ремешке. Он будет идти спокойно и мирно — до тех пор, пока его это устраивает.

Они достигли дворца. Принцесса остановилась у двери и негромко постучала. Покосилась на воина — с его лица исчезло подозрение.

— Так ты служанка королевы? — предположил он.

«Уж не приводила ли сюда какая-нибудь из моих девушек этого мужчину?» — подумала принцесса и с удивлением поймала себя на ревности.

Никто из стражников даже бровью не повел, когда она вела своего спутника мимо них. Он же на них смотрел, как дикий пес смотрит на чужую стаю. Они прошли в покои принцессы. Там он стоял, с самым детским любопытством рассматривая гобелены, пока не заметил кувшин с вином на столике эбенового дерева. Содержимое кувшина тут же перекочевало в его желудок. Варвар удовлетворенно кряк-

нул. Из соседней комнаты выбежала Ватиша, обрадованно воскликнула:

— Моя принцесса! Ты вернулась!

— Принцесса?! — Пустой кувшин упал на пол и разлетелся на осколки. Молниеносное движение руки — и с Ясмелы сорвана вуаль. Наемник посмотрел ей в лицо, с проклятьем отпрянул; синевато блеснула обнаженная сталь. Сверкнули и глаза варвара, как сверкают глаза угодившего в западню тигра.

От страха Ватиша лишилась дара речи, но Ясмела твердо встретила взбешенный взгляд ночного гостя. Она сознавала, что смертельно рискует: варвар растерян, обуреваем подозрениями, возможно, испуган и готов разить при малейшем намеке на угрозу его жизни,— но все же принцесса испытывала какое-то непривычное, необъяснимое возбуждение от опасности.

— Не надо бояться,— улыбнулась она.— Да, я принцесса Ясмела, но я не желаю тебе зла.

— Зачем же ты меня сюда привела? — подозрительно озираясь, спросил он.— Что могло понадобиться принцессе от обычного капитана наемников? А может быть, ты заманила меня в западню?

— Успокойся, это не западня,— возразила принцесса.— Мне нужна помощь, и ты способен ее оказать, потому-то я и привела тебя сюда. Так повелел мне Митра — выйти из дворца ночью и обратиться к первому встречному.

Услышав такие слова, человек цивилизованный, наверное, не рассмеялся бы только из уважения к сану принцессы. Но совсем иначе реагировал варвар. В его племени тоже обращались к оракулам в тяжелые времена и их советами не пренебрегали. Он опустил меч, но не спешил спрятать клинок в ножны.

— Коли сама принцесса Ясмела разыскала меня, значит, ей и вправду нужна помощь,— проворчал он.— Похоже, речь идет о судьбе королевства, я прав? Ну, раз так, скажи, чем именно я способен тебе помочь. Я всего лишь скромный наемный рубака. Конечно, если надо без лишнего шума перерезать чью-то глотку...

— Присядь,— перебила его принцесса, указав на кушетку.— Ватиша, принеси вина нашему гостю.

Воин кивнул и сел — спиной к стене, чтобы держать на виду всю комнату. Меч, так и не возвращенный в ножны, он положил на обтянутые кольчугой колени. Похоже, осторожность была у него в крови.

Меч сразу привлек к себе внимание Ясмелы — казалось, в блеске клинка переливалась не только голубизна стали, но и багрянец, вобравший в себя цвет кровопролитных битв. Сама она вряд ли смогла бы поднять этот меч, но не раз видела, как наемники орудуют подобными с той же легкостью, как она — своей плеткой для верховой езды.

Столь же примечательны были могучие руки гостя, ничуть не похожие на корявые лапы дикаря-недочеловека. Она вдруг устыдилась, поймав себя на том, что представила, как эти сильные мужские пальцы играют прядями ее черных волос.

Похоже, ночной пришелец успокоился, когда Ясмела опустилась на кушетку напротив него. Он даже снял шлем и откинул на спину кольчужный капюшон. Без головного убора он оказался еще менее похож на хайборийца. Смуглое, изборожденное шрамами лицо было хмурым, даже грозным, но без печати порока или злобы. Самым же поразительным были его сверкающие синие глаза. На широкий крутой лоб ниспадали нечесаные пряди черных как смоль жестких волос.

— Как тебя зовут, воин, и какова твоя должность? — спросила принцесса.

— Я Конан, капитан отряда наемников-копейщиков.— Он единым духом осушил чашу вина и вернул ее Ватише, дав знак наполнить снова.— Родом из Киммерии.

Название было ей лишь смутно знакомо. Вроде бы это где-то на севере... мрачный горный край далеко за границей Хайбории, населенный людьми суровыми и жестокими... Живого киммерийца она увидела сейчас впервые.

— Конан,— произнесла она, устремив на него взгляд чарующих темных очей,— почему ты решил, что разговор у нас пойдет о судьбе королевства?

— Что тут непонятного? — ухмыльнулся он.— Твой брат — пленник офирского монарха, Коф зарится на твои земли и плетет интриги, а вдобавок появился этот шемский маг и учинил неслыханное кровопролитие... А самое неприятное — то, что из твоего войска каждый день дезертируют люди.

Столь откровенная речь простого капитана привела в растерянность привыкшую к церемониям принцессу. Этот человек не считал нужным маскировать жестокую правду цветистыми околичностями.

— И почему же они дезертируют, Конан-киммериец? — спросила она.

— Кое-кто поддался на кофские соблазны,— ответил он, смакуя вино.— Другие решили, что век Хорайи как незави-

симой страны приблизился к своему закату. А некоторых до смерти напугали слухи о Натоке, этом колдуне из пустыни.

— Но хоть наемники не разбегутся? — спросила она с надеждой.

— Пока мы вовремя получаем плату, можешь на нас положиться,— ухмыльнулся северянин.— А что до политики, то это не для нас. О ней можешь говорить разве что с нашим командиром Амальриком, даром, что ли, он беглый принц. А мы — простые воины, любим щедрое жалованье, лихую драку и богатую добычу. Хотя один совет по части политики и я могу тебе дать. Если заплатишь Офиру требуемый им выкуп, то пойдут слухи, что у тебя не осталось средств на жалованье нам. И тогда у нас появится искушение перейти на службу к королю Кофа, хоть он и скупец, каких свет не видел. Или мы можем взбунтоваться и разграбить этот город. Не все ли равно наемникам, на чьей стороне сражаться? Была бы добыча.

— А как насчет Натока? — посмотрела она на него в упор.— Почему бы вам не перейти под его знамена?

Конан пожал плечами:

— А чем он будет платить? Медными пузатыми божками из разоренных шемитских храмов? И это при том, что половина наемного войска — шемиты? Нет уж, с Натоком нам не по пути. А ты, если задумала с ним повоевать, можешь на нас рассчитывать.

— Ты отвечаешь за свои слова? — спросила она резким тоном.

— Странный вопрос,— удивился Конан.— У меня такое чувство, что ты его неспроста задаешь.

— Неспроста,— кивнула она.— Я хочу знать, пойдут ли за тобой наемники, если я назначу тебя командиром всей хорайянской армии.

Он не донес чашу с вином до губ, которые в следующий миг дрогнули и растянулись в ухмылке:

— Меня? Поставить над армией? Разрази меня Кром, вот это сюрпризец! А что же твои напомаженные аристократики? Как они воспримут идею подчиниться чужеземному дикарю?

— Они мои вассалы, как я скажу, так и сделают.

Она хлопнула в ладоши. Вошел раб, застыл в глубоком поклоне. Принцесса обратилась к нему:

— Передай графу Теспидскому, чтобы немедленно явился сюда. Еще позови канцлера Тауруса, принца Амальрика и агу Шупраса.

— Я верю Митре,— задумчиво сказала она, глядя, как Конан уничтожает поставленную перед ним Ватишей еду.— Ты, похоже, бывалый воин.

— Рожденный на поле боя,— оторвал он кусок мяса от кости крепкими зубами.— И первое, что я услышал в своей жизни, это звон клинков и крики сражающихся. Да, я бывалый боец. Участвовал в схватках враждующих кланов, в войнах разных государств, в завоевательных походах имперских армий.

— Значит, ты способен повести армию на врага и на поле боя построить ее в боевой порядок?

— Конечно, способен. Битва двух армий похожа на поединок двух рубак, только крови проливается побольше. Выхватываешь из ножен гвардию, бьешь ею — и либо враг опрокинут, либо ты сам остался без головы.

Возвратился раб, объявил о прибытии тех, за кем он был послан. Ясмела велела Конану оставаться на месте и перешла в соседнюю комнату, задернув бархатную гардину в дверном проеме.

— Я пригласила вас сюда, чтобы сообщить о важном решении,— начала она.— Нашей стране угрожает опасность...

— О да, моя принцесса, ты совершенно права,— перебил ее граф Теспидский, рослый красавец с завитыми и надушенными черными кудрями. Он то и дело приглаживал одной рукой загнутые кверху усы, в другой держал бархатный берет с красным страусиным пером и золотой брошью. Из расшитого золотом бархата были и остроносые туфли. С жеманностью его манер не вязалась стальная крепость мышц под шелковыми одеждами.— Но я знаю, как спасти королевство! Надо предложить офирскому монарху еще больше золота за освобождение твоего брата...

— Я против! — вмешался канцлер Таурус, престарелый вельможа в плаще с подбоем из горностаевого меха. От непрестанных забот на его лице давно пролегли глубокие складки.— Мы и так предлагаем огромный выкуп, и если заплатим его, государство останется нищим. А увеличив цену, только распалим жадность офирского короля. Я уже говорил, моя принцесса, и еще раз повторю: Офир занял выжидательную позицию. Он будет бездействовать до тех пор, пока мы не столкнемся с ордами Натока. Если потерпим поражение — офирцы выдадут нашего короля Кофу, победим — тогда его вернут нам за предложенный выкуп, а то и даром. Все любят дружить с сильными, слабый союзник не нужен никому...

— Силы мы не приобретем, пока сидим сложа руки,— перебил его принц Амальрик, командир наемного войска,

громадный, как медведь, немедиец с львиной гривой белокурых волос.— Ежедневно из армии сбегает несколько человек, а оставшиеся донимают меня вопросами, почему мы бьем баклуши. Если не выступим на юг сейчас же, то скоро просто не с кем будет выступать.

— Мы выступаем завтра,— твердо сказала принцесса.— А поведет вас вот этот человек!

Она рывком отодвинула бархатную занавесь и картинным жестом указала на киммерийца. Быть может, она выбрала не самый удачный момент: Конан лежал на кушетке, закинув ноги на столик эбенового дерева, держал обеими руками исполинскую кость и увлеченно ее обгладывал. Он с ухмылкой глянул на вельмож, подмигнул Амальрику и вернулся к своему занятию.

— Митра меня храни! — схватился Амальрик за голову.— Это же Конан! Северянин, самый буйный из моих каналий! Не будь он лучшим рубакой в отряде, я бы давно его вздернул.

— Моей принцессе захотелось нас разыграть? — закивал, неестественно улыбаясь, граф Теспидский.— Ну конечно же, это шутка! Этот человек не может командовать аристократами, потому что он — безродный, невоспитанный дикарь. Поздравляю тебя с отличным розыгрышем, принцесса. Будет о чем рассказать моим родовитым друзьям...

— Граф Теспидский,— перебила Ясмела,— ты давал нашему дому клятву вассала. Я избавляю тебя от нее. Можешь идти.

— Идти? — опешил он.— Куда идти?

— Хоть в Коф, хоть в ад! — вспылила принцесса.— Или ты будешь служить мне так, как я хочу, или не будешь служить вовсе!

По лицу графа было видно, что он решил пойти на попятный. Склонившись в глубоком поклоне, он проворчал:

— Моя принцесса, ты неправильно поняла мои слова. Я давал клятву вассала не для того, чтобы бросать тебя в беде. И если тебе угодно, чтобы в столь трудный для государства час я терпел унижения,— пожалуйста, я готов подчиняться этому варвару.

— А ты, доблестный Амальрик?

Тот, к которому она обращалась, сначала выругался себе под нос, потом ухмыльнулся. Это был настоящий воин удачи, и никакой ее фортель не сумел бы его удивить.

— А что я? Я наемник, готов служить под чьим угодно началом, лишь бы платили. Я всегда говорил, что век воина

должен быть коротким и веселым, а если в поход нас поведет этот киммерийский буян, вряд ли мы заживемся на этом свете, но зато уж повеселимся, так повеселимся!

— И наконец, ты, мой верный ага? — повернулась Ясмела к Шупрасу.

Тот пожал плечами — дескать, что еще мне остается? Это был типичный житель земель, примыкающих с юга к кофской границе: рослый, худой, с ястребиными чертами лица, даже более резкими, чем у его более чистокровных родичей — обитателей пустыни.

— Все мы — лишь орудия в руках Иштар, моя принцесса,— ответил он в духе своих предков-фаталистов.

— Подождите здесь,— велела принцесса и вышла.

Томясь в ожидании, граф Теспидский мял свой бархатный берет, Таурус нервно хрустел пальцами и что-то непрестанно бормотал, Амальрик львиной поступью расхаживал по комнате и ухмылялся. В своем покое принцесса хлопнула в ладоши, зовя рабынь.

Они принесли Конану взамен кольчуги стальные доспехи, и вновь он предстал перед аристократами, уже облаченный в броню. Сверкающие латы и шлем с плюмажем придавали его облику мрачное величие, и даже граф Теспидский против своей воли испытал робость перед этим варваром. Амальрик перестал ухмыляться.

— Вот уж чего я никогда не ожидал, Конан, так это увидеть тебя в доспехах рыцаря. Но, клянусь Митрой, они тебе к лицу. Не всякий король способен этим похвастаться, уж я-то их много повидал и знаю, о чем говорю.

Конану было суждено вспомнить эти слова Амальрика много лет спустя, когда пришло время сбыться самой сокровенной мечте.

3

Рано утром в тусклом свете солнца улицы Хорайи были запружены народом, смотревшим, как из южных ворот выезжают всадники. Наконец-то армия выступила в поход. Впереди ехали рыцари в сверкающих латах, над шлемами развевались цветные перья. Лошади под седлами из лакированной кожи и шелковыми попонами, в сбруе с золотыми пряжками и фестонами гарцевали и выделывали изящные курбеты, когда их пришпоривали наездники. Утренний свет играл на наконечниках копий, целый лес которых вздымался

над отрядами, а ветер трепал красивые флажки на древках. Каждый рыцарь взял с собой на войну знак дамы сердца — перчатку, шарф или розу, привязав его к шлему или перевязи меча. Это была королевская конница, цвет хорайянской знати, пятьсот доблестных рыцарей под командованием графа Теспидского, мечтавшего, по слухам, жениться на самой принцессе Ясмеле.

Следом за ними двигалась легкая конница на сильных конях. В седлах сидели жители холмистых краев, худощавые, с ястребиными чертами лица. Их головы были увенчаны остроконечными шлемами, под широкими халатами блестели кольчуги. Это были непревзойденные шемитские лучники, их стрелы поражали цель на пятьсот шагов. Во главе отряда конных стрелков ехал Шупрас, тоже в остроконечном шлеме. Его худое горбоносое лицо было хмурым.

Далее шествовали копейщики. Искать среди тяжелой пехоты выходцев богатых аристократов было бы бессмысленно — в любом хайборийском королевстве считалось, что состоятельному дворянину место только в кавалерии. Зато тут хватало выходцев из обедневших знатных родов. Хорайянских копейщиков, как и рыцарей, тоже было пятьсот.

В арьергарде следовали наемники — тысяча конников и две тысячи копейщиков. Кони были рослыми и сильными, как и всадники, не выделывали курбетов. Воины, побывавшие во множестве кровавых сражений, в сравнении с рыцарями явно проигрывали. Они не рисовались, их доспехи были крепки, но лишены прикрас: простые кольчуги, шлемы без забрал. На их длинных копьях не трепетали флажки. К седлам были пристегнуты топоры или стальные палицы, и у каждого воина на поясе обязательно висел широкий меч. Подобным же образом были экипированы и копейщики, с той лишь разницей, что их копья были длиннее и тяжелее, чем у конников.

Среди наемников были представители многих рас: гиперборейцы, долговязые, широкие в кости, лезущие в карман за словом, но не за оплеухой; рыжие гандеры с холмистой северо-западной окраины Хайбории; высокомерные изгои из Коринфа; чернявые зингарцы с густыми усами и неистовым темпераментом; хладнокровные аквилонцы с далекого запада. Все они были хайборийцами, кроме зингарцев.

Самым последним в этой кавалькаде шел верблюд под роскошной попоной, а его уздечку держал в руке рыцарь, который рысил на боевом коне в окружении конных копейщиков из охраны королевского дворца. На верблюде в седле

с мягкой бархатной подушкой ехала стройная девушка, закутанная в шелка; при виде ее горожане почтительно кланялись и выкрикивали приветствия.

Конан-киммериец, непривычно чувствовавший себя в рыцарских латах, косился на верблюда и неодобрительно качал головой. Он обратился к ехавшему рядом с ним Амальрику, облаченному в превосходную кольчугу, позолоченный нагрудник и шлем с султаном из конского волоса:

— Зря принцесса вызвалась ехать с нами. Она сильная девчонка, но в таком походе ей придется круто. И шелка очень скоро придется сменить на одежку попроще.

Амальрик, чтобы скрыть ухмылку, шевельнул светлыми усами. Неужто Конан думает, что Ясмела, подобно варваркам, в бою сама возьмется за меч?

— Конан, хайборийские женщины не сражаются, как твои соплеменницы-киммерийки. Ясмела поехала с нами, чтобы увидеть, как будет драться ее армия. Но, между нами говоря,— наклонился он к Конану и заговорил тише,— мне кажется, она просто не рискнула остаться одна, без защиты. Она боится...

— Мятежа? Коли так, не стоило ли нам вздернуть десяток-другой смутьянов, прежде чем выступать?

— Нет, тут мятеж ни при чем. Мне проговорилась одна из ее девушек, что среди ночи во дворец проникла какая-то адская тварь и до смерти перепугала принцессу. Как пить дать, это козни проклятого Натока. Эх, Конан, легко сражаться с существами из плоти и крови, но как противостоять сверхъестественному?

— Ничего,— буркнул киммериец,— против злых чар иногда помогает добрый меч.

Как только вся армия оказалась за воротами города, они закрылись со скрипом массивных петель. Командиры поспешили выстроить свои подразделения в походную колонну. Горожане смотрели на войско со стен — они понимали, что их жизнь или смерть зависит от того, вернется ли армия с победой или с поражением. Ордам кочевников, грандиозной волной накатывающих с бесплодного юга, неведомо такое понятие, как пощада.

Целый день армия продвигалась по лугам, на которых высокая трава качалась под порывами ветра. Эти луга были пересечены многочисленными реками и ручейками. Постепенно местность шла на подъем. Впереди показалась гряда невысоких холмов, она протянулась с востока на запад, и ее предстояло преодолеть. Но это было задачей следующего

дня, а сейчас хорайянское войско стало лагерем на северных склонах.

Вскоре появились полудикие горбоносые люди — местные пастухи. Они садились у костров на корточки и вполголоса сообщали новости из таинственной пустыни. То и дело из их уст звучало мрачное имя Натока. Якобы по его повелению демоны воздуха приносят в пустыню ураганы, громы и туманы, а свирепая нечисть подземного мира сотрясает ужасным ревом землю. Повинуясь его заклинаниям, прямо из воздуха рождается огонь и разрушает ворота укрепленных городов, сжигает воинов в латах, оставляя только пепел и расплавленный металл. Несть числа его воинам, их чуть ли не больше, чем песчинок в этой пустыне, а еще к нему примкнуло пять тысяч стигийцев на боевых колесницах — их привел мятежный принц Кутаман.

Все эти новости Конан выслушивал без дрожи в поджилках. Война есть война, а на его век походов и битв выпало с избытком. Вдобавок само ремесло наемного рубаки предполагает постоянный смертельный риск. С самого рождения Конана смерть была его неразлучной спутницей, шествовала рядом своей зловещей поступью, стояла за его плечом у игорных столов, стучала костлявыми пальцами по его кубкам с вином. Когда он засыпал, сморенный усталостью или хмелем, она стояла над ним чудовищной тенью в плаще с поднятым капюшоном. Но он привык не замечать ее, как не замечает король своего виночерпия или камергера. Да, рано или поздно наступит день, когда она заключит киммерийца в костлявые объятья, ну и что с того? Сейчас он жив, и это главное.

Но не все в его войске были такими бесстрашными, как он.

Конан проверил часовых и уже возвращался к своему шатру, как вдруг перед ним появилась гибкая девичья фигурка, закутанная в плащ. Девушка остановила его властным жестом.

— Принцесса? Почему ты бродишь по лагерю среди ночи? Почему не спишь в своем шатре?

— Да сон все нейдет.— Ее черные глаза прятались в тени капюшона.— Конан, мне страшно!

— Кто тебя напугал? Назови мне его, и, клянусь Кромом, он сейчас же недосчитается головы! — Широкая ладонь сдавила рукоять меча.

— Нет, Конан, я боюсь не человека.— Она содрогнулась.— А ты, Конан? Скажи, есть ли на свете то, что внушает тебе страх?

Он помолчал, задумчиво потер подбородок. Наконец признался:

— Да. Я боюсь, что меня проклянут боги.

Она снова задрожала.

— Вот и я... На мне лежит проклятие. Но не божеское — демон из Бездны пометил меня своим знаком. Каждую ночь является ко мне его кошмарная тень и нашептывает свои мерзкие, ужасные тайны. Он сулит унести меня в ад, в Преисподнюю, и там сделать своей королевой. И нынче я боюсь уснуть, потому что он придет и сюда, в мой шатер, и все повторится. Конан, ты такой сильный и отважный... Побудь со мной, пожалуйста. Мне очень страшно!

Сейчас перед ним стояла не властная гордячка, а испуганный ребенок. Преследуемая сверхъестественным ужасом, она неосознанно пришла к тому, кто казался ей самым сильным,— к Конану. Раньше ее отталкивала его свирепая варварская сила, а теперь влекла к себе.

Он ничего не ответил, но накинул ей на плечи свой красный плащ. На миг железной крепости рука задержалась на узком девичьем плечике, и снова Ясмела задрожала, однако на этот раз не от страха. По ней от этого прикосновения прошла горячая волна первобытной жизненной энергии, ей словно передалась толика силы Конана.

— Ложись здесь,— указал он на свободный клочок земли. Как будто нет ничего особенного в том, что принцесса будет ночевать у лагерного костра, укрывшись воинским плащом.

Но она беспрекословно подчинилась. Он присел рядом на широкий плоский камень, положил на колени меч. На латах из синеватой стали играли сполохи костра, и сам Конан напоминал статую из железа — сгусток нечеловеческой силы, на миг застывший, но не ради отдыха, а в ожидании приказа ринуться в битву. Лицо его тоже было неподвижным, но в глазах мерцало неукротимое пламя. Это был не просто варвар, это была плоть от плоти первобытной дикости, частица необузданной стихии. По его жилам бежала волчья кровь, его разум полнился густой мглой северной ночи, а в сердце полыхал огонь запаленных молниями дремучих лесов.

С этими мыслями Ясмела постепенно погрузилась в сон, укутанная, словно одеялом, блаженным чувством безопасности. Непонятно откуда пришла уверенность, что этой ночью над ней не будет нависать тень с горящими очами.

Но опять принцесса очнулась от леденящего ужаса, хотя причиной его на этот раз не был кошмарный сон.

Ее разбудили тихие голоса. Она открыла глаза и обнаружила, что от костра остались меркнущие угли. Похоже, близился рассвет. Она смутно различила сидящего на камне Конана, заметила синеватый блик его меча. Рядом с киммерийцем сидел на корточках какой-то человек в белом тюрбане. Ясмела сонно разглядела его горбатый нос, возбужденно блестящие глаза. Незнакомец говорил на языке шемитов, который она знала плохо. Но она, хоть и не без труда, понимала его слова.

— Конан, я правду говорю! Да отнимет Бел мне правую руку, если я лгу! Да лишит меня Деркето воровской сметки, если я хоть что-нибудь преувеличил! И пусть меня справедливо называют королем лжецов, не стану я обманывать старого друга и подельника. Иль ты забыл, как мы с тобой промышляли воровством в Заморе, прежде чем ты сменил отмычку на меч?

Так вот, Конан, я в самом деле видел Натока. Вместе с тысячами других я простирался перед ним ниц, когда он вопил свои заклинания Сету. Но я, в отличие от других, не зарывался носом в песок. Даром, что ли, я один из лучших воров в этом мире? И зрение у меня, как у орла. Да, я рискнул посмотреть вверх и увидел, как взметнулась на ветру его вуаль... Лицо на миг оказалось открытым, и я увидел... я увидел... Да поможет мне Бел... Конан, клянусь, я на самом деле видел! У меня в жилах застыла кровь, дыбом встали волосы. С тех пор то, что я увидел, жжет мою душу, как раскаленное железо. И понял я: не будет мне покоя, пока не удостоверюсь.

Так вот, Конан, я отправился в путь и добрался до развалин Кутхемеса, до знаменитого железного купола. И был потрясен, обнаружив, что вход в него открыт! У дверей лежала пронзенная мечом исполинская змея. Внутри купола я увидел человеческое тело, так сильно скорченное, так страшно изуродованное, что я его узнал с трудом. Это был труп Шиватаса из Заморы, единственного вора в Хайбории, чье превосходство над собой я всегда признавал. Я понял, что он даже не прикоснулся к сокровищам — они блистающими грудами лежали вокруг мертвеца. Но больше я не увидел ничего.

— Никаких мощей? — спросил киммериец.

— Вообще ничего! — с жаром перебил его шемит.— Один лишь труп Шиватаса.

Наступило тяжелое молчание. Ясмела содрогнулась, вспомнив ужасную тварь из своих снов.

— Откуда же он взялся, этот Наток? — зазвучал срывающийся голос шемитского вора.— Говорят, явился из пустыни. Явился среди ночи, когда в небе бушевали грозовые тучи, когда дрожали от страха звезды, когда ветры завывали в едином хоре с неприкаянными душами. В ту ночь вышли на охоту упыри, обнаженные ведьмы оседлали буйный ветер и закружились под небосводом, а в дебрях лесов перекликались волки-оборотни. Чародей ехал верхом на черном как смоль верблюде, несшемся быстрее скакового жеребца, и адский огонь озарял его зловещий силуэт, и следы от копыт верблюда светились во мгле. В оазисе Афака маг спешился перед капищем Сета, и верблюд повернулся и исчез в ночи. Я говорил с людьми из тех мест, они клялись, что верблюд распахнул громадные крылья и унесся в небо, оставляя за собой пламенный след, подобно комете. Больше его никто не видел с тех пор, но перед каждым рассветом в шатре Натока появляется черная тень, похожая и на человека, и на зверя, и говорит с ним в потемках. Конан, я тебе скажу, кто такой на самом деле Наток. Я покажу тебе лик того, кого видел в тот день, когда ветер откинул вуаль с его лица...

Оба мужчины низко склонились, что-то разглядывая, и Ясмела заметила блеск золота у шемита на ладони. Она услышала изумленный возглас киммерийца, а в следующую секунду ее окутала черная мгла — впервые в жизни принцесса Ясмела лишилась чувств от страха.

4

Первые лучи рассвета только-только забрезжили на востоке, а войско уже снялось с лагеря. Незадолго до этого в лагерь прискакали ястреболикие пастухи на шатающихся от долгой скачки конях и сообщили, что орда кочевников расположилась лагерем вокруг родника Алтак. Поэтому решено было преодолеть горы одним броском. Обоз пришлось оставить в надежде, что он благополучно догонит армию. Ясмела на своем верблюде поехала вместе с войском. В ее глазах застыл ужас: тень из кошмарных снов приняла еще более чудовищные контуры, когда девушка узнала монету в руке шемита. Такие монеты тайно чеканила изуверская секта зугитов, и на них изображался профиль того, кто вот уже три тысячи лет считался покойником.

Пыльная дорога вилась среди иззубренных утесов и обглоданных ветрами скал-свидетелей, которые подобно баш-

ням высились над узкими долинами. То и дело встречались селеньица — скопища хижин, сложенных из камней и обмазанных грязью. Из этих домов появлялись жители хорайянского пограничья, мужчины садились на коней и присоединялись к войску, и оно, пока двигалось через холмы, увеличилось на три тысячи конных лучников.

Холмы наконец остались позади, а впереди раскинулась такая огромная ширь, что при виде ее аж дух захватывало. Сухие луга уходили к югу, там обрезались крутым обрывом — это была естественная граница между Кофским нагорьем и пустыней. По эту сторону гряды холмов земля была скудной, здесь обитало только племя захеми, которому вменялось в обязанности охранять караваны от нападений кочующих разбойников. Дальше к югу простиралась пустыня с ее пыльными бурями и редкими оазисами и источниками воды. Где-то за горизонтом находился источник Атлак, и там сейчас отдыхали войска Натока.

Воины глядели со склонов вниз, на караванный путь, по которому раньше текли дорогие товары севера и юга и по которому прошли когда-то армии Кофа, Шема, Турана и Стигии. Насколько было известно Конану, только здесь всадникам можно было спуститься в долину — через единственное ущелье, не перегороженное каменными завалами. Ущелье походило на русло огромной реки, протянувшееся с холмов; два его рукава расходились и представляли собой естественные горные дороги с пологими внутренними склонами и крутыми внешними. Долина постепенно выходила на изрезанную оврагами подошву горы. Там был колодец, а также скопление каменных башен, в которых обитало племя захеми.

В этом месте войско остановилась по знаку своего военачальника. Конан спешился, чтобы сменить рыцарские латы на привычную кольчугу. К нему подъехал граф Теспидский, спросил недовольно:

— Почему мы стали?

— Будем ждать Натока здесь,— лаконично ответил Конан.

— Рыцарю подобает не ждать врага, а самому мчаться ему навстречу,— презрительно молвил граф.

— У колдуна слишком много воинов, нас просто раздавят численным перевесом,— объяснил Конан.— Вдобавок там почти нет воды. Достаточно отрезать нас от источников — и даже сражаться не понадобится, мы перемрем сами. Лучше здесь займем жесткую оборону, все равно другого пути в Хорайю нет...

— Мои рыцари спустятся и разобьют лагерь в долине,— высокомерно перебил граф Теспидский.— Мы — авангард, и наше место — впереди армии. И никто из нас не боится сброда из пустыни.

На это Конан лишь плечами пожал, и взбешенный аристократ ускакал к своему отряду.

Амальрик спорить не стал, он велел своим воинам располагаться в ущелье и проводил сверкающих латами рыцарей брезгливым взглядом:

— Вот дураки! Надолго ли хватит воды в их флягах? Скоро потащатся обратно, чтобы напоить коней.

— Пусть что хотят, то и делают,— махнул рукой Конан.— Этим щеголям не нравится, что ими командует чужеземец, да вдобавок варвар, а мне не нравится, что в их напомаженных головах больше спеси, чем ума. Ничего, справимся и без них. Вели-ка братьям-волкам не терять времени даром и маленько отдохнуть перед дракой. Пускай позаботятся о конях и сами хорошенько подкрепятся.

Посылать вперед дозоры не было резона — пустыня просматривалась очень далеко, лишь на горизонте ее скрадывали низко висящие облака. Плоскость рельефа в нескольких милях от холмов нарушалась нагромождением каменных развалин,— если верить легенде, это были останки древнего стигийского храма.

Спешенных регулярных лучников вместе с полудикими ополченцами Конан разместил вдоль горных гребней. Наемников и хорайянских копейщиков поставил на плато возле колодца. В тылу, там, где дорога только-только выходила на плато, был воздвигнут шатер принцессы.

Противник все не показывался, и войско расслабилось. Люди сняли шлемы, расстегнули пояса и перевязи. Пришло время обедать; перебрасываясь грубыми шутками, воины с чавканьем уплетали мясо и запивали его пивом прямо из бочек, сгибаясь и окуная в него губы. На гребне безлельничали лучники, закусывая оливками, финиками и козьим сыром. К Конану, сидевшему на валуне с непокрытой головой, подошел Амальрик.

— Слыхал, Конан, что рассказывают о Натоке дикари? Просто волосы дыбом встают, клянусь милостью Митры! А ты что скажешь?

— Иное семя веками лежит в почве и не гниет,— произнес киммериец.— Однако три тысячи лет — срок слишком долгий для любого семени. И все же я не сомневаюсь, что Наток — человек.

— А я в этом вовсе не уверен,— буркнул Амальрик.— Ну да ладно, демон с ним. Я, собственно, по другому поводу к тебе. Мои поздравления, Конан,— ты построил это войско, как опытный полководец. Теперь банды Натока не захватят нас врасплох. Но что это за туман на горизонте?

— Сначала я думал, это просто облака,— ответил Конан.— Но ты погляди: они же ползут на нас!

Он был прав: то, что совсем недавно выглядело как невинные облака, оказалось густым туманом, и он накатывался на север, подобно огромной океанской волне, стремительно сокращая открытый пустынный ландшафт. Вот он захлестнул развалины стигийского храма и потек дальше. Воины при виде этой небывалой, неестественной картины застыли в изумлении.

— Посылать туда дозорных бесполезно,— сказал огорченный Амальрик,— там, небось, ни зги не видать. Скоро он и до нас доберется...

Конан, с растущим беспокойством наблюдавший за приближением тумана, вдруг лег и прижал ухо к земле. Через миг он вскочил на ноги и исторг проклятие.

— Это они! На конях и боевых колесницах! Их тысячи, земля дрожит от копыт. Эй, вы! — прогремел его голос по долине и сорвал с мест отдыхающих воинов.— Живо к оружию, волки! Строиться!

Едва воины успели привести в порядок свои доспехи и занять позиции, туман откатился прочь, открывая несущуюся под его прикрытием орду, как занавес открывает сцену. А еще через мгновенье он исчез, подобно тому как исчезает задутый огонек свечи, и снова на пустыню обрушились жгучие солнечные лучи. Но пустыня уже не была голой — перед ошеломленным хорайянским войском кипело море из бронзы и стали, наконечники копий сверкали, как мириады звезд. Когда исчез туман, наступающие остановились. Воины стояли длинными шеренгами, плечом к плечу, блестя доспехами на солнце.

Впереди застыл длинный ряд колесниц, запряженных огромными неистовыми конями из Стигии, с цветными плюмажами на головах. Кони фыркали и пятились, когда обнаженный возница подавался туловищем назад, сгибая крепкие ноги и напрягая рельефные мышцы рук. В колесницах стояли рослые воины со смуглыми суровыми лицами, в бронзовых шлемах с полумесяцами на шишаках. Это были не простые воины, а аристократы Юга, рожденные для войн и охоты, умеющие на всем скаку поражать стрелами прыгающих навстречу львов.

За ними стоял в ожидании сигнала пестрый отряд полудиких всадников из Куша, самого северного из великих Черных королевств. Их тела лоснились, как эбеновое дерево. Гибкие и ловкие, как обезьяны, они носили только набедренные повязки из красивых перьев и держались на конях без седел, узды и стремян.

Орда позади них, казалось, затопила собой весь окоем: тысячи и тысячи воинственных сынов Шема в цилиндрических шлемах, а также диких кочевников пустыни в белых хламидах.

Все это войско снова пришло в движение, но уже беспорядочное: колесницы сбились в толпу, в рядах конницы возникли водовороты, пехота бессмысленно засуетилась. При виде столь огромного войска хорайянские рыцари поспешили сесть на коней и построиться, а их предводитель галопом помчался в лагерь основного войска. Подъехав к Конану, он не спешился, как подобало бы подчиненному, а резко заговорил с седла:

— Они не ожидали, что сойдет туман, и сейчас пребывают в замешательстве! Самый подходящий момент, чтобы атаковать. У кушитов нет луков, только круглый дурак мог выставить вперед этих голопузых мартышек. Натиском рыцарей они будут отброшены на шемитов и нарушат их строй. Я начинаю — ты добиваешь! Мы разгромим их одним ударом!

Конан отрицательно покачал головой:

— Я бы с тобой согласился, будь перед нами обычный враг. Но это замешательство в их рядах уж больно смахивает на военную хитрость. Такое впечатление, будто они хотят, чтобы мы ударили первыми. Нет, граф, я не буду рисковать.

— Не желаешь наступать?! — воскликнул аристократ, побагровев от гнева.— Презренный трус!

— Не пори горячку,— увещевал его киммериец.— Сейчас у нас выгодная позиция...

Выкрикнув грязное ругательство, граф Теспидский повернул коня и галопом умчался в долину, где его нетерпеливо дожидались рыцари.

Амальрик с упреком посмотрел на Конана:

— Зря ты его отпустил. Я бы на твоем месте... Гляди!

Граф остановился перед строем своих воинов. Его голос был едва слышен, но взмах руки в сторону неприятеля был достаточно красноречив. Пятьсот копий наклонились параллельно земле, и сверкающий латами, грохочущий копытами отряд помчался на врага.

От шатра Ясмелы прибежал запыхавшийся молоденький паж, пронзительно закричал:

— Конан, принцесса спрашивает, почему ты не выступаешь следом за графом Теспидским?

— Потому что я не такой самонадеянный дурак, как он,— хмуро ответил Конан, усаживаясь на валун, беря в руки большой говяжий окорок и принимаясь обгладывать мясо с кости.

— Раньше ты сам любил почем зря лезть на рожон,— заметил Амальрик.— Похоже, власть идет тебе на пользу. Я не раз замечал, что ответственность за своих людей остужает самые горячие мозги.

— Да, раньше я рисковал только собственной шкурой, а ее сохранность меня не очень-то заботит,— кивнул Конан.— Что это там, разрази меня Кром?!

Вражеское войско застыло. От края правого фланга отделилась колесница, помчалась вперед. Голый возница неистово хлестал коней. На колеснице стоял кто-то огромный, в черном шелковом одеянии, развевающемся на ветру. Он держал в руках большой золотой кувшин, из которого тонкой струйкой сыпался блестящий на солнце порошок. Колесница проехала перед всем фронтом войска пустыни, и за ней остался на песке тонкий сверкающий след.

— Это он, Наток! — вскричал Амальрик.— Что за адские семена сеет этот колдун?

Бросившиеся в атаку рыцари не умерили свой опрометчивый натиск. Осталось каких-то пятьдесят шагов до неровных шеренг кушитов, а те стояли неподвижно, даже не опустили копий навстречу врагу. И вот передний ряд рыцарей оказался над блистающей тонкой полосой. Как только ее коснулись подковы, раздались звуки, как будто сталь ударила о кремень — но с результатом куда более страшным. Пустыню сотрясло чудовищным взрывом, ее пересекла ослепительно-белая вспышка.

Вся передняя шеренга рыцарей была уничтожена этим пламенем. Лошади и их закованные в броню седоки умирали в огне, как муравьи на раскаленном противне. В следующее мгновение задний ряд налетел на обугленные тела. Всадники, несшиеся во весь опор, не могли остановиться и ряд за рядом попадали в пламя. Так и не соприкоснувшись с врагом, могучие рыцари погибали сотнями в страшных корчах, под ржание искалеченных коней.

Показного замешательства как не бывало — орда мгновенно приняла идеально четкие боевые порядки. Черноко-

жие дикари устремились вперед, чтобы пронзать копьями раненых, чтобы каменными булавами и чугунными молотами сбивать шлемы с всадников. Все закончилось так быстро, что зрители на склонах даже не успели осознать, что произошло. И за кушитами вперед двинулась вся орда, разделившись надвое, чтобы обогнуть кучу обугленных тел.

Эта картина ужаснула воинов на холмах. «Наши враги — не люди! — вскричали они.— Это сущие демоны!» Дрогнули лучники-ополченцы на гребнях, один из них бегом спустился на склон, с его бороды срывалась пена:

— Бегите! — призывал он.— Спасайтесь! Против чар Натока не устоит никто!

Конан с проклятьем сорвался с валуна и огрел паникера обгрызенной костью. Тот рухнул замертво, из носа и рта хлынула кровь. Конан рывком обнажил меч, его глаза превратились в щели, горящие синим огнем.

— Всем стоять, где стоите! — выкрикнул он.— Тому, кто сделает хоть шаг назад, башку снесу! Будем сражаться! Победим или ляжем костьми, но не отступим перед этой колдовской сволочью!

Паника улеглась так же быстро, как и поднялась. Ярость Конана окатила войско, словно ледяная вода, погасила пламя страха.

— Поняли, что я сказал? — прорычал он, озирая ряды своих воинов грозным взглядом.— Сегодня ни люди, ни демоны не пройдут на землю Хорайи!

Первыми встретить врага должны были наемники, крепко держащие копья в руках. Позади них стояли хорайянские конники, а чуть дальше и левее — резерв, тяжелая хорайянская пехота. Ясмела находилась у входа в шатер. От ужаса она лишилась дара речи и побледнела как полотно: свое войско казалось ей жалкой горсткой в сравнении с огромной ордой кочевников.

Конан стоял перед строем копейщиков. Он знал, что колесницы не будут карабкаться вверх по ущелью навстречу губительным стрелам, но заворчал, увидев, как спешиваются всадники. Он заметил, что у диких воинов пустыни нет обоза с припасами, воду и еду они везли в седельных сумках. Они дружно выпили последнюю воду и бросили фляги на землю.

— Отступать не намерены,— хмуро заключил он.— Но и потерь лишних не хотят, иначе бы атаковали в конном строю. А жаль: раненые лошади хорошо ломают боевые порядки.

Орда построилась гигантским клином. Его наконечником были стигийцы, за ними стояли шемиты в кольчугах и цилиндрических шлемах, а на флангах — кочевники и кушиты. Сомкнувшись и подняв щиты, они двинулись в атаку. Позади остался высокий колдун в неподвижной колеснице. Он воздел руки и запрокинул прикрытую вуалью голову в чудовищном заклинании.

Как только орда вклинилась в широкое преддверье ущелья, на нее обрушился град стрел. Щиты и доспехи спасали не всех — нападающие десятками падали с ног. Стигийцы бросили свои бесполезные луки; низко наклонив головы в шлемах, прикрываясь высокими щитами, они стремились вперед неукротимой волной, перешагивая через тела упавших соотечественников. Но лучники-шемиты своего оружия не бросили, и от их стрел потемнело небо. Конан смотрел над колышащимся лесом копий и гадал, какую новую подлость подготовил чародей. Что-то подсказывало ему, что Наток, как и все колдуны его сорта, в обороне куда опасней, чем в нападении. Если сейчас контратаковать, это закончится сокрушительным поражением хорайян.

Однако было несомненно, что эта же магия заставляла воинов пустыни идти вперед, невзирая на огромные потери. У Конана захватило дух: передние ряды врага были уже уничтожены почти целиком. Постепенно таяли задние углы клина, и уже все устье долины было покрыто мертвыми телами. Но живые продолжали наступать, как будто они лишились рассудка, как будто неизбежность смерти для них ничего не значила.

У Натока было гораздо больше лучников, чем у Конана, и это уже сказывалось: хорайянские стрелки падали с утесов один за другим. Тучи стрел заставляли укрываться неопытных в бою, необстрелянных ополченцев. Но хватало и тех, кто при виде страшной опасности только сжимал зубы и все быстрее метал стрелы во врагов, сверкая глазами, как попавший в западню волк.

Вот орда подступила к узкому горлу ущелья, и вниз с грохотом покатились огромные валуны, десятками круша воинов. Но атака не захлебнулась. Бойцы Конана подготовились к неизбежной рукопашной схватке. Они стояли плотными рядами; хорошая броня и надежные щиты свели потери от стрел к минимуму. Тем не менее Конан понимал, что противостоять огромному клину в ближнем бою его отряд сможет недолго. Он схватил за плечо стоящего рядом захеми:

— Можно как-нибудь спуститься в долину в стороне от этого прохода?

— Есть тайная тропка западнее, но она очень опасна, особенно для всадников...

Конан потащил его к Амальрику, сидящему на огромном боевом коне.

— Поезжай за ним,— приказал киммериец.— Это проводник, он покажет, как спуститься в пустыню другим путем. Ударите орде в тыл! Не спорь со мной, а действуй! Я понимаю, нас это не спасет, но хоть побольше врагов уничтожим.

Амальрик в свирепой ухмылке встопорщил усы, и через несколько минут его верховые копейщики следом за захеми скрылись в ущелье. Конан с мечом в руке бегом вернулся к пешим копейщикам.

И вовремя. В долине и на склонах люди умирали как мухи, но лучники Шупраса уже не могли сдерживать натиск неприятеля. С ревом всесокрушающего урагана стигийцы обрушились на наемников. Шеренги мгновенно смешались в грохоте и блеске стали. Псам войны со всего света противостояли аристократы Юга, рожденные и вскормленные для битв. Щиты раскалывались о щиты, с треском ломались древки копий, скрежетала сталь, пробивая доспехи. И рекой лилась кровь.

Конан заметил за лесом островерхих и цилиндрических шлемов могучую фигуру Кутамана, но пробиться к стигийскому принцу не было никакой возможности, он едва успевал отбивать чужие мечи и копья и разрубать запрокинутые, перекошенные от натуги и злобы лица. На стигийцев сзади с дикими воплями напирали шемиты. Кочевники на флангах орды карабкались на утесы и сходились в рукопашной со своими горными родственниками. Стиснутое каменными гребнями, кипело это озеро из крови, плоти и стали. Зубы против зубов, ногти против ногтей, безумный фанатизм против древней кровной вражды. Люди разрывали друг друга на куски; лишившийся копья или меча норовил вцепиться зубами в горло.

Наступающие несли огромные потери. Стигийцы полегли почти все, в рукопашную схватку вступили шемиты и завывающие нагие кушиты с развевающимися на ветру волосами. В битве установилось зыбкое равновесие. Хорайянские пастухи удерживали гребни, а наемники, сжимая в руках окровавленные копья, упираясь ногами в землю, защищали вход в ущелье. Выгодная позиция и надежная броня позволяли войску Конана сдерживать численно превосходящего неприятеля. Но долго это продолжаться не могло. Волна за вол-

ной кочевники с безумием в глазах устремлялись вверх по склонам — и откатывались, оставляя кровавую пену.

Во время одной из коротких передышек Конан обернулся и понял, что отряд Амальрика уже огибает западный гребень. Но они все не показывались внизу, в пустыне, а враг снова устремился в атаку, и наемные копейщики попятились под неистовым натиском. Надежда на победу и спасение оставила Конана.

Отдав краткие приказы задыхающимся капитанам, он покинул строй и поскакал к резерву. Хорайянские воины дрожали от нетерпения. О принцессе он совершенно забыл, сейчас в нем остался только инстинкт дикого зверя, требовавший перед смертью убить как можно больше врагов.

— Рыцарей у нас больше нет, но сегодня ими станете вы! — пообещал он со смехом, показывая окровавленным мечом на пасшихся поблизости лошадей лучников ополчения.— По коням, и за мной — в Преисподнюю!

Непривычные к лязгу кофской брони лошади пастухов шарахались в стороны и ржали, но несли своих всадников вслед за хохочущим киммерийцем туда, где восточный гребень ответвлялся и спускался в пустыню. Пятьсот бывших пехотинцев на полудиких шемитских конях мчались вниз по склону, по которому еще ни разу не рисковала двигаться конница.

С грохотом доспехов и копыт они скатились в заваленное трупами устье долины. При этом два десятка коней оступились и рухнули под копыта других, злополучные седоки вопили и корчились под громовой лавой. Но их гибель не была напрасной — в следующий миг хорайянские воины обрушились на тыл войска Натока, оставляя за собой ковер из растоптанных трупов.

Под этим страшным ударом вражеский клин вмиг смялся, утратил форму. И тут вокруг оконечности западного гребня промчались конники Амальрика и тоже врубились в чужую армию, как врубается в мягкое дерево каленый топор. Внезапное нападение двух отрядов на тыл кочевников ошеломило их, лишило боевого духа. Воины пустыни решили, что по ним ударили превосходящие силы. Боясь оказаться отрезанными от родных песков, они кинулись врассыпную, подставив спины своих более стойких товарищей под удар всадников. И те не замедлили этим воспользоваться. Успевшие забраться на склоны кочевники и кушиты дрогнули, и защитники гребней обрушились на них с удвоенной яростью;

разрубленные, пронзенные стрелами тела градом посыпались вниз.

Это была победа Конана и поражение воинов пустыни, даже не успевших осознать, что на них напали с тыла всего лишь две горстки храбрецов. Орда рассыпалась, и сейчас никакой маг не сумел бы превратить ее в боеспособную армию. Наемники Конана увидели через лес копий и мечей Амальрика с его всадниками — они прорубались к одному из немногих последних очагов сопротивления, круша все и вся на своем пути. И безумная радость зажгла отвагой сердце каждого защитника ущелья.

Пешие наемники дружно двинулись вперед, их стальные руки окунали копья в кипящие перед ними ряды. Пали все до одного, не сойдя с места, аристократы юга. Попятились шемиты, всегда лучше владевшие луком, чем мечом и копьем. А кушиты обратились в паническое бегство, и лишь кое-где отдельные группки темнокожих смельчаков продолжали сопротивляться.

Наверху, на гребне, лежал со стрелой в сердце доблестный старый Шупрас. Ругаясь на чем свет стоит, упал с седла Амальрик — брошенный кочевником дротик пробил ему бедро. От пехотинцев, посаженных Конаном на коней, уцелело полтораста человек. Но свою задачу они выполнили блестяще: раскололи на части казавшуюся непобедимой орду. Враги сломя голову удирали к лагерю, мечтая добраться до своих коней. Пастухи-ополченцы, ринувшись вниз по склонам, разили бегущих, пронзали горло раненым.

В кровавом хаосе побоища перед ошалевшим от ужаса скакуном Конана возникло поистине адское видение: принц Кутаман в одной набедренной повязке и помятом шлеме с плюмажем. Его тело было залито кровью. С воплем разъяренного демона он бросил Конану в голову обломок своего меча и в прыжке схватился за узду.

Полуоглушенный киммериец едва удержался в седле. Смуглокожий великан рвал узду то вправо, то влево, пока конь с диким ржанием не завалился на песок, пропитанный кровью, усеянный чьими-то внутренностями.

Только сверхчеловеческая ловкость спасла всадника. В последний момент он выпрыгнул из седла и отпрянул от лошади и обезумевшего принца. Кутаман с ревом бросился на него. В горячке этого боя киммериец не запомнил, как именно он убил этого человека. Помнил только, что камень в руке стигийца вновь и вновь обрушивался на шлем, так что искры сыпались из глаз, а Конан вновь и вновь всаживал кинжал в невероятно живучее тело.

Наконец он попятился от изуродованного трупа, остановился и осмотрелся. От гребня до гребня сплошным красным ковром лежали тела. А внизу, в пустыне, еще продолжалось побоище. Уцелевшие враги добрались до своих коней и стремглав помчались прочь. Их преследовали, но было ясно, что большинство спасется. Конан был потрясен, увидев, как мало у него осталось людей.

Вдруг чудовищный вопль перекрыл шум резни. По устью ущелья, к ее горловине, неслась колесница, высоко подпрыгивая над трупами. И не кони были в нее впряжены, а громадная, похожая на верблюда черная тварь. Возница — чудовищная человекообезьяна — неистово хлестал бичом, а седоком был Наток в развевающемся на ветру одеянии.

С порывом жгучего ветра пустыни колесница взлетела по усеянному телами склону. Она неслась прямо к шатру, где осталась всеми забытая Ясмела. Даже ее стража в горячке боя унеслась преследовать врагов. Конан похолодел, услышав пронзительный женский крик. Длинная, костлявая рука Натока схватила девушку и втащила в колесницу, а затем адская повозка развернулась и помчалась обратно в пустыню. И никто не посмел бросить копье или пустить стрелу, рискуя попасть в Ясмелу, которая извивалась в объятьях колдуна.

Только Конан, оказавшийся почти на пути Натока, с яростным ревом бросился наперерез. Но не успел он поднять меч, как передние ноги черной твари ударили его в грудь с невероятной силой, и он кувырком отлетел на несколько шагов. Колесница с грохотом проехала мимо, крик Ясмелы призрачным эхом отдался в его оглушенном мозгу.

Но уже в следующую секунду Конан снова оказался на ногах, с проклятьем поймал узду ближайшей осиротевшей лошади. Птицей взлетев в седло, он во весь опор понесся вслед за чародеем и его пленницей. Подобно смерчу, пересек он опустевший вражеский лагерь. Он устремился в пустыню, минуя отряды своих воинов, не обращая внимания на удирающих в панике врагов.

Долго колесница мчалась в глубь пустыни, и долго преследовал ее киммериец. И вот уже зашатался от изнеможения конь под ним. Кругом лежали пески, купаясь в пламенной роскоши южного солнца. Впереди появились древние руины, и вдруг возница с нечеловеческим визгом рванул на себя вожжи, и верблюд взвился на дыбы, а Наток с девушкой вылетели из колесницы. На глазах у потрясенного Конана произошла чудовищная метаморфоза: из спины черной твари, уже ничем не напоминавшей верблюда, вы-

простались гигантские кожистые крылья, и она взмыла в небеса, унося с собой сгусток ослепительного огня, в котором что-то радостно лопотала человекообразная обезьяна. Миг — и они исчезли, как жуткое видение из дурного сна.

Наток вскочил на ноги, бросил злобный взгляд на своего преследователя, приближавшегося с обнаженным клинком. Сразиться с ним чародей не рискнул — схватив лишившуюся чувств девушку в охапку, бросился в руины.

Конан спрыгнул с коня и побежал вдогонку. Вскоре он очутился в зале, заполненном неестественным, вызывающим дрожь светом, хотя снаружи уже сгущались сумерки. На черном нефритовом алтаре лежала Ясмела, ее обнаженное тело отсвечивало, как слоновая кость. Одежды принцессы валялись на полу — они были сорваны чародеем в страшной спешке. Наток повернулся на звук шагов киммерийца.

Колдун был невероятно высок и тощ и укутан в черные с зеленым отливом шелка. Он откинул вуаль с лица, и Конан увидел черты, знакомые ему по зугитской монете.

— Вон отсюда, пес! Беги, если жизнь дорога! — Голос его был похож на шипение исполинской змеи.— Я Туграхотан! Я тысячи лет пролежал на этом одре, дожидаясь пробуждения. Искусство моих жрецов спасло меня от варваров, но оно же заставило меня томиться в бездействии. Но я знал, что однажды в мою усыпальницу проникнет хитроумный вор и освободит меня. Так и случилось, и в награду этот несчастный умер так, как никто не умирал за тридцать веков! Жалкий глупец! Ты видел, как бежало мое войско с поля сражения, видел, как предали меня мои адские рабы. И что же, ты думаешь, что победил? Как бы не так! Я — Туграхотан, и я буду владычествовать над этим миром, презрев его беспомощных божков. Снова пустыня заполнится преданными мне людьми, снова демоны пойдут ко мне в услужение, и на сей раз я не совершу глупой ошибки! Не позволю вожделению к женщине ослабить мои чары! Она теперь моя, и я выпью ее душу и стану непобедим. А ты, дерзкий щенок, дорого заплатишь за то, что встал на пути будущего владыки мира!

Он швырнул свой посох к ногам Конана, и тот отпрянул, с губ сорвалось проклятие: посох вдруг ожил, стал изгибаться, корчиться, и вот на полу перед киммерийцем шипит кобра с развернутым капюшоном. Конан взмахнул мечом, у его ног остались лежать лишь два куска посоха из черного дерева.

Туграхотан расхохотался и поднял что-то с пола. На этот раз — никаких фокусов, на голой ладони колдуна изготовился к нападению огромный черный скорпион, самое ядовитое насекомое пустыни. Один укол его шипастого хвоста — и жертву уже ничто не спасет.

Секунду Конан медлил в нерешительности. Затем бросил меч как копье.

Чего-чего, а этого Туграхотан явно не ждал. Он не успел отпрыгнуть или отклониться, клинок пронзил ему грудь под сердцем и вышел из-под лопатки. Чародей захрипел и повалился, раздавив в кулаке ядовитую тварь.

А варвар поспешил к ложу, чтобы поднять окровавленными руками Ясмелу. Она судорожно обвила руками его шею в кольчуге и заплакала в истерике.

— Кром! — воскликнул он.— Нашла время распускать нюни, крошка! Пусти-ка меня. Сегодня полегло пятьдесят тысяч человек, и у меня еще уйма работы...

— Нет! — пролепетала она сквозь рыдания, прижимаясь к нему изо всех сил.— Я не отпущу тебя, ты мой! А я твоя, ты меня завоевал огнем, сталью и кровью! Пусть там, среди других людей, я буду принцессой Ясмелой, гордой и неприступной, а здесь я принадлежу тебе и себе. Нет, Конан, ты не уйдешь от меня.

Мгновение он колебался, в душе его бушевали страсти, в мозгу лихорадочно метались мысли. Неземной свет железной усыпальницы не погас со смертью колдуна, и в нем восхитительно сияла кожа девушки, блестели ее влюбленные, взволнованные глаза.

— Кром! — процедил Конан.— Дурак я буду, если откажусь от такого предложения.

И он с дикой страстью сжал в объятиях гибкий девичий стан.

Сколь ни сладка была любовь принцессы Ясмелы, судьба скитальца распорядилась так, что Конану пришлось покинуть гостеприимную Хорайю. И он вновь окунулся в вихрь приключений, сколотив из безработных наемников Вольницу, долгое время тревожившую набегами границы королевств Коф, Замора и Туран. Тураном, кстати, правил уже новый король — Ездигерд, унаследовавший от старика Илдиза ненависть к Конану. Спасаясь от преследований Ездигерда, Конан подался в степи к юго-востоку от моря Вилайет и присоединился к мунганам — конным грабителям, жившим на козацкий манер...

Железный демон

1

Рыбак ощупал рукоять своего ножа и проверил, как лезвие вынимается из ножен. Жест был инстинктивным, так как причина беспокойства вряд ли могла быть устранена с помощью ножа, даже такого зазубренного, кривого лезвия, которое одним ударом снизу вверх вспороло бы и человека. Ни человек, ни зверь не угрожали рыбаку в его одиночестве. Именно это полное отсутствие какого-нибудь живого существа на острове Ксапур, изобилующем диковинными строениями, напоминающими замки, угнетало рыбака.

Он только что вскарабкался на утесы, пробравшись сквозь джунгли, окружающие их, и теперь стоял среди немых свидетелей угасшей жизни. Под деревьями виднелись полуразрушенные колонны, вкривь и вкось тянулись остатки обвалившихся стен, а под ногами была широкая мостовая, растрескавшаяся, развороченная крепкими корнями деревьев.

Рыбак был типичным представителем того странного народа, происхождение которого терялось во мраке далекого прошлого. Они жили в примитивных рыбацких хижинах вдоль южного побережья моря Вилайет с незапамятных времен. Рыбак был плотно скроен, с длинными обезьяньими руками и мощной грудью, но с тощими бедрами и тонкими кривыми ногами. Его широкое лицо срезалось низким покатым лбом, волосы были густые и спутанные. Из одежды на нем был только пояс, на котором висел нож, и лохмотья, заменяющие набедренную повязку.

То, что рыбак оказался здесь, свидетельствовало о меньшей степени тупого безразличия, в котором пребывали его сородичи. Они редко посещали Ксапур. Остров был необита-

ем и почти забыт — просто один из мириадов островов, которые рассеяны в огромном внутреннем море. Люди прозвали остров «Ксапур Твердокаменный» из-за его руин — остатков какого-то древнего царства, исчезнувшего и забытого еще до нашествия на юг хайборийских завоевателей. Никто не знал создателей этих сооружений, хотя среди юетши еще существовали малоприятные полузабытые легенды, которые смутно намекали на какую-то неизмеримо древнюю связь между рыбаками и неизвестным островным царством.

Однако уже прошли тысячелетия с тех пор, как кто-нибудь из юетши понимал значение этих сказаний. Люди повторяли их теперь, как бессмысленные заклинания, которые их губы привыкли произносить по традиции. Ни один юетши не добирался до Ксапура по крайней мере уже сотню лет. Ближайшее побережье моря было тоже безлюдным, только страшные хищные звери населяли непроходимые тростниковые болота. Деревня рыбака была расположена на некотором расстоянии к югу от этих болот. Шторм отнес утлое суденышко далеко от привычных мест и выбросил на острые скалы острова. Крушение произошло этой ночью в ярких вспышках молний и реве волн. Сейчас на рассвете небо было чистое и голубое; в лучах восходящего солнца капли на мокрых листьях сверкали, как драгоценные камни.

Рыбак взобрался на утес, к которому его прибило ночью, потому что в водовороте шторма видел над этим местом потрясающий по своей силе разветвленный разряд молнии с аспидно-черных небес. Толчок от удара потряс весь остров. Он сопровождался таким оглушительным треском, какой вряд ли был бы возможен при попадании молнии в дерево.

Смутное любопытство побудило юетши к исследованию, и теперь он обнаружил то, что искал. При этом им овладело беспокойное чувство; он, как животное, ощущал скрытую опасность.

Среди деревьев возвышалось разбитое куполообразное строение, сложенное из гигантских блоков особого, подобного железу, зеленого камня, встречающегося только на островах Вилайета. Казалось невероятным, что человеческие руки могли вытесать и сложить эти монолиты, и конечно же за пределами человеческих сил было разрушить это сооружение. Но удар молнии расколол многотонные блоки, как стекло, и превратил некоторые из них в зеленую пыль. В результате свод купола был снесен почти целиком.

Рыбак пробрался через обломки и огляделся. То, что он увидел, заставило его издать звук, похожий на мычание.

Внутри разрушенного купола в зеленой пыли, среди кусков разбитой каменной кладки лежал человек. Он лежал на золотом блоке. Одежда человека состояла из чего-то вроде юбки, подпоясанной шагреневым поясом. Черные волосы, ниспадавшие ровно подстриженной гривой на массивные плечи, придерживались у висков узким золотым обручем. На обнаженной мускулистой груди лежал необычный кинжал с широким серповидным лезвием и обтянутой шагренью рукоятью, навершье которой было украшено драгоценностями. Кинжал во многом напоминал нож, который рыбак носил у бедра, но край клинка не был зазубрен и совершенно определенно сделан был гораздо искуснее.

У рыбака разгорелись глаза при виде удивительного оружия. Человек, конечно, был мертв, он был мертв уже много веков. Этот купол стал его гробницей. Рыбаку не пришло в голову удивиться поразительному искусству древних, которые сумели сохранить тело в таком чудесном состоянии, что оно совсем не было тронуто тлением, а мускулы на руках и ногах, так же как вся плоть под темной кожей, выглядели плотными и объемными, словно живые. Скудные мозги юетши не вмещали так много мыслей сразу. В этот момент его обуревало единственное желание иметь кинжал, изысканность формы которого он остро чувствовал, хотя вряд ли мог сформулировать это в словах. Глядя на волнистые линии тускло мерцающего лезвия, он забыл обо всем.

Рыбак сполз, цепляясь за обломки, внутрь развалин бывшего купола и схватил кинжал с груди лежащего. И в тот же миг произошло нечто невероятное и ужасное. Мускулистые темные руки конвульсивно вскинулись, а веки резко поднялись, открыв огромные черные магнетические глаза. Взгляд этих глаз подействовал на вздрогнувшего от испуга рыбака, как физический удар. Он отпрянул в смятении, выронив украшенный драгоценностями кинжал. Человек на возвышении с усилием приподнялся и сел, а рыбак широко открыл рот от изумления, только сейчас обнаружив невероятные размеры поднявшегося. Сузившиеся глаза притягивали юетши, в этих прищуренных орбитах он не находил ни дружелюбия, ни признательности; он видел в них только недобрый и враждебный огонь, подобный тому, что горит в глазах тигра.

Внезапно человек встал и склонился над юетши, всем своим видом выражая угрозу. В тупом сознании рыбака не было места тому страху, который мог охватить человеческое существо, оказавшееся свидетелем крушения фундамен-

тальных законов природы. Когда огромные руки упали ему на плечи, он выхватил свой нож и одним махом ударил снизу вверх. Лезвие сломалось о перевитый мускулами живот незнакомца, как о стальную колонну, и тут же мощная шея рыбака треснула, словно гнилая хворостина, в руках гиганта.

2

Джихангир Аджа, властитель Хоарезма и хранитель прибрежной границы, вновь пробежал глазами богато украшенный пергаментный свиток с павлиньей яркой печатью и сардонически хмыкнул.

— Ну? — с грубоватой прямотой спросил его советник Газнави.

Джихангир пожал плечами. Это был красивый мужчина, для которого превыше всего была его гордыня. Родовитость и высокое положение давали ему все основания для спеси.

— Терпение царя подходит к концу,— сказал он.— В собственноручном послании он в резких выражениях сетует на то, что изволит называть моими неудачами в охране границы. Клянусь Таримом, если я не сумею нанести удар по этим степным разбойникам, в Хоарезме будет новый правитель.

Газнави в раздумье теребил свою посверкивающую сединой бороду. Ездигерд, царь Турана, был могущественнейшим монархом на свете. В его дворце, расположенном в огромном портовом городе Аграпуре, хранились богатства, награбленные по всему миру. Его флотилии боевых галер под пурпурными парусами превратили Вилайет в Гирканское озеро. Темнокожий народ Заморы платил ему дань так же, как и восточные провинции Кофа. Далеко на запад, вплоть до Шушана, его правлению покорились шемиты. Его армии переходили границы Стигии на юге и внедрялись в снежные просторы Гипербореи на севере, неся опустошение и разорение. Его конники на западе предавали огню и мечу Британию, и Офир, и Коринфию и даже добирались до границ Немедии. Его меченосцы в золоченых шлемах попирали врагов копытами своих лошадей, и по его приказу исчезали в пламени крепости и укрепленные города. На затоваренных невольничьих рынках Аграпура, Султанапура, Хоарезма, Шадизара и Хорусуна женщины продавались за три маленькие серебряные монеты — блондинки Британии,

рыжеволосые стигийки, темноволосые заморийки, чернокожие кушитки и шемитки с оливковой кожей. Однако в то время как летучие конницы опрокидывали армии в дальних краях, на самых границах государства наглые проходимцы обирали его владения своими кровавыми и запятнанными копотью пожарищ руками.

В просторных степях между морем Вилайет и границами самых восточных хайборийских царств возникла новая народность. Ее начало было положено скрывающимися от правосудия преступниками, сборищем опустившихся людей, беглых рабов и воинов-дезертиров. На счету этих изгоев было много преступлений, они сошлись здесь из разных стран, некоторые родились в степях, другие бежали из западных королевств. Они назывались «козаки», что означает никудышные.

Проводя свою жизнь в диких открытых степях, свободные от каких-либо законов, кроме своего собственного кодекса чести, они стали народом, способным к открытому неповиновению Великому Монарху. Их непрерывные набеги на туранские границы оставались безнаказанными, так как козаки отступали обратно в свои степи всякий раз, когда терпели поражение. Вместе с пиратами Вилайета, которые во многом были той же породы, они опустошали побережье, вылавливая и грабя купеческие корабли, курсировавшие между гирканскими портами.

— Как я могу уничтожить этих волков? — сокрушенно спросил Джихангир.— Если я буду преследовать их в глубь степей, то рискую быть отрезанным и разбитым. Скорее же всего они, ускользнув, сожгут город в мое отсутствие. Последнее время они обнаглели больше обычного.

— Это из-за нового атамана, который объявился среди них,— отвечал Газнави.— Ты знаешь, кого я имею в виду.

— Да, конечно! — живо откликнулся Джихангир.— Это демон Конан; он даже более дикий, чем козаки, к тому же он хитер и ловок, как горный лев.

— В основном эти его качества питает инстинкт дикого животного, а не умственные способности,— отвечал Газнави.— Другие козаки, по крайней мере, являются потомками цивилизованных людей. Он же варвар. Однако устранить его означало бы нанести им сокрушительный удар.

— Но как? — требовательно спросил Джихангир.— Он неоднократно уходил из расставленных ловушек, которые, казалось, обрекали его на верную смерть. Делал ли он это, руководясь инстинктом, или за счет смышлености, имеет

второстепенное значение — главное, что он каждый раз ускользал от нас.

— До поры до времени. Для каждого зверя и каждого человека существует западня, которой он не избежит,— молвил Газнави.— Когда мы вели переговоры с козаками по поводу выкупа пленных, я имел возможность наблюдать этого Конана. Он весьма охоч до женщин и хорошей выпивки. Не привлечь ли нам твою пленницу Октавию? Прикажи привести ее сюда.

Джихангир хлопнул в ладоши, и бесстрастный евнух-кушит, словно идол из блестящего эбенового дерева в шелковых панталонах, склонился перед ним и, выслушав приказ, удалился выполнять поручение. Очень скоро он вернулся, ведя за руку высокую красивую девушку, чьи золотистые волосы, ясные глаза и светлая кожа не оставляли сомнений по поводу ее расы и чистоты крови. Ее короткая и открытая шелковая туника, подпоясанная на талии, подчеркивала изумительные контуры великолепной фигуры. Прекрасные глаза сверкали возмущением, а яркие губы были надуты, но плен научил ее покорности. Она стояла перед своим хозяином, опустив голову, пока он не сделал ей знак сесть на диван рядом с ним. После этого он вопросительно посмотрел на Газнави.

— Мы должны заманить Конана, увести его от остальных козаков,— коротко бросил советник.— Сейчас их военный лагерь разбит где-то в нижнем течении реки Запорожки. Она, как тебе хорошо известно, в этом месте заросла непроходимым тростником. Это настоящие болотистые джунгли, в которых завязла и распалась на отдельные отряды наша последняя экспедиция, закончившаяся тем, что эти неуловимые демоны разбили нас наголову.

— Я не намерен забывать об этом,— сказал Джихангир, скривившись.

— Есть необитаемый остров у побережья,— продолжал Газнави,— называется он Ксапур Твердокаменный, из-за нескольких древних развалин, расположенных на нем. У этого острова — одна особенность, которая делает его очень удобным для нашей цели. Там негде пристать, прямо из воды круто поднимаются утесы высотой примерно сто пятьдесят футов. Даже обезьяна не могла бы преодолеть их. Единственное место, где может пробраться наверх или спуститься человек,— это узкая тропа на западной стороне, напоминающая разрушенную лестницу, ступени которой высечены в скалах. Если бы мы сумели заманить Конана на

этот остров одного, то, вероятно, не составило бы труда расстрелять его из луков, как льва на охоте.

— С таким же успехом можно желать луну с неба,— прервал нетерпеливо Джихангир.— Что ты предлагаешь? Послать ему гонца и умолять, чтобы он вскарабкался на утесы и ждал там нашего прихода?

— Именно так!

И видя на лице Джихангира изумление, Газнави продолжил:

— Мы попросим козаков начать переговоры по поводу пленных на границе степи, у крепости Рог. Как обычно, мы подойдем с войсками и встанем лагерем под крепостью. Они также явятся вооруженные до зубов, и переговоры соответственно будут протекать с обычным недоверием и взаимной подозрительностью. Но на этот раз мы возьмем с собой, как будто случайно, твою красивую пленницу.

Октавия изменилась в лице и слушала с возрастающим интересом, видя, что советник кивнул в ее сторону.

— Она использует все свои уловки, чтобы привлечь внимание Конана. Не думаю, что это будет трудно. Дикому разбойнику она должна показаться ослепительным призраком красоты и очарования. Ее живость и величественная прекрасная фигура подействуют на него более притягательно, чем все куклоподобные красотки из твоего сераля, вместе взятые.

Октавия вскинулась, ее белые кулачки сжались, глаза засверкали. Ее била дрожь негодования на такое насилие и надругательство.

— Вы заставите меня играть роль потаскухи с этим варваром? — воскликнула она.— Я отказываюсь! Я не рыночная проститутка, чтобы ухмыляться и строить глазки всякому степному грабителю. Я дочь немедийского правителя...

— Ты была знатной немедийкой до того, как мои всадники умыкнули тебя,— цинично отвечал Джихангир.— Теперь ты всего лишь раба и будешь делать то, что тебе велят.

— Не буду! — бушевала она.

— Наоборот,— с нарочитой жестокостью вновь вступил в разговор Джихангир,— ты сделаешь это. Мне нравится план Газнави. Продолжай, первейший среди советников.

— Конан, возможно, захочет ее купить. Ты, конечно, откажешься продавать или менять ее на гирканских пленных. Тогда он может попытаться выкрасть ее или отбить силой — хотя я не думаю, чтобы даже он захотел нарушать заключенное для переговоров перемирие. В любом случае мы должны быть готовы ко всему, что он может выкинуть.

Затем, сразу после переговоров, чтобы не дать ему времени забыть о ней начисто, мы пошлем к нему гонца с белым флагом, обвиняя его в краже девчонки и требуя ее возвращения. Он может убить гонца, но зато будет думать, что она сбежала. Чуть позже мы пошлем в козачий лагерь шпиона — для этого подойдет какой-нибудь рыбак юетши, который передаст Конану, что Октавия прячется на Ксапуре. Если я не ошибаюсь в этом человеке, он отправится прямиком туда.

— Но мы не можем быть уверены, что он явится туда один,— возразил Джихангир.

— Неужели мужчина, стремящийся на свидание с желанной женщиной, возьмет с собой банду головорезов? — возразил Газнави.— Я думаю, что почти все шансы за то, что он будет один. Но, конечно, надо иметь в виду и другие варианты. Мы не будем ждать его на острове, где можем сами попасться в ловушку. Мы спрячемся в тростниковых зарослях болотистого мыса, который протягивается от берега на расстояние в тысячу ярдов от Ксапура. Если он приведет с собой большой отряд, мы дадим отбой и будем придумывать что-нибудь другое. В случае его появления в одиночку или с небольшой группой товарищей мы захватим его. Надо только помнить, что его приход целиком зависит от обольстительных улыбок твоей рабыни и ее многозначительных взглядов.

— Я никогда не опущусь до такого позора! — Октавия была вне себя от ярости и унижения.— Я лучше умру!

— Ты не умрешь, моя прекрасная бунтовщица,— сказал Джихангир,— но подвергнешься очень болезненной и унизительной процедуре.

Он хлопнул в ладоши, и Октавия побледнела. На этот раз вошел не кушит, а шемит — с рельефной мускулатурой, среднего роста, с короткой курчавой иссиня-черной бородой.

— Есть работа для тебя, Гилзан,— сказал Джихангир.— Возьми эту дурсху и поиграй с ней немного. Только будь осторожнее, чтобы не повредить ее красоту.

С рычанием шемит схватил Октавию за руку и сжал ее железными пальцами. Вся решимость к сопротивлению оставила бедняжку. С жалобным криком она вырвалась от него и бросилась на колени перед своим неумолимым господином, в бессвязных рыданиях умоляя о пощаде.

Джихангир жестом отослал разочарованного палача и сказал Газнави:

— Если твой план удастся, я осыплю тебя золотом.

3

В предрассветной темноте непривычные звуки нарушили дремотную тишину, стоявшую над тростниковыми болотами и туманными водами побережья. Это была не сонная птица или рыщущий зверь. Источником шума был человек, продирающийся сквозь густые заросли тростника, который был так высок, что скрывал идущего с головой.

И это была женщина. Если бы кто-нибудь мог наблюдать за ней в это время, то увидел бы, что она высока и светловолоса, а ее великолепные ноги и руки облеплены испачканной в грязи туникой. Октавия сбежала по-настоящему, каждая клеточка ее тела трепетала от возмутительного насилия и оскорбления, которые ей приходилось испытывать в плену, ставшем совершенно нестерпимым в последнее время.

Быть во власти Джихангира, само собой, не сладко. Однако тот с нарочитой демонической жестокостью отдал ее вельможе, чье имя было олицетворением идиотизма даже в Хоарезме.

Все упругое тело Октавии, полное жизни и огня, покрывалось мурашками и содрогалось при воспоминаниях. Отчаяние придало ей сил, и она выбралась из крепости Джелаль-хана по веревке, сплетенной из полос разорванного гобелена. Счастливый случай привел ее к привязанному коню. Она скакала всю ночь, и рассвет застал ее с павшей лошадью на болотистом берегу моря. Трепеща от отвращения при мысли о возможности насильственного возвращения к позорному уделу, который готовил для нее Джелаль-хан, она углубилась в болота, ища укромного места от погони, которую она ожидала.

Когда вода поднялась до бедер, тростники расступились, и ее взору открылись неясные очертания острова. Широкая полоса воды лежала между ним и ею, но Октавия не колебалась. Пока можно было, она брела вперед, потом, когда вода поднялась до груди, она сильно оттолкнулась и бросилась в воду. Энергичными рывками она продвигалась все дальше от берега, и сразу было видно, сколько энергии и выносливости было в этой девушке.

Приблизившись к острову, она увидела, что его утесы, напоминающие крепость, вздымаются отвесно от воды. Наконец она достигла их, но не могла нащупать ни выступа под водой, чтобы встать, ни малейшей неровности на поверхности, за которую можно было бы уцепиться. Она продолжала плыть вдоль скал, пытаясь обогнуть их. Усталость

начала одолевать ее, руки и ноги стали наливаться тяжестью. Ее руки наталкивались на совершенно гладкую стену, и вдруг она обнаружила углубление. Всхлипывая и вздыхая с облегчением, она выбралась из воды и прильнула к скале — промокшая белая богиня в тускнеющем свете звезд.

Под ногами у нее было что-то похожее на ступени, вырубленные в каменистом утесе, и Октавия стала карабкаться по ним вверх, стараясь слиться с камнями, так как до ее слуха вдруг донесся слабый плеск, видимо, укутанных чем-то весел. Девушка напрягла зрение и, как ей показалось, различила нечто бесформенное, перемещающееся от болотистого мыса, который она недавно оставила. Но было слишком далеко и темно, чтобы разобрать поточнее, к тому же слабый звук как будто прекратился, и Октавия продолжала взбираться наверх. Если это были ее преследователи, то лучшего выхода, чем спрятаться на острове, у нее не было. Октавия знала, что большинство островов у этого заболоченного побережья были необитаемыми. Возможно, здесь было пиратское логово, но даже пираты в ее положении были бы предпочтительнее тех животных, от которых она сбежала.

Торопливо карабкаясь наверх, девушка поймала себя на мысли о том, что невольно сравнивает своего бывшего господина с вожаком козаков, с которым — по принуждению — она бесстыдно флиртовала в шатрах лагеря у крепости Рог, где гирканские господа договаривались со степными головорезами. Горящий взгляд варвара испугал и оскорбил Октавию, но эта первозданная стихийная свирепость явно выигрывала перед извращенностью Джелаль-хана — монстра, каких может порождать только чрезмерно богатая и пресыщенная цивилизация.

Вскарабкавшись наконец на самый верх, она перебралась через край обрыва и испуганно вглядывалась во вздымающуюся перед ней стену дающих густую тень деревьев, которые росли прямо у обрыва, подобно плотному кольцу черноты. Что-то прошумело у девушки над головой, и она сжалась от страха, хотя осознавала, что это всего лишь летучая мышь.

Не по душе ей были эти черные тени, но Октавия сжала зубы и пошла к ним, стараясь не думать о змеях. Ее босые ноги ступали бесшумно, утопая в мягком дерне под деревьями.

Как только она вошла в чащобу, ее объяла пугающая темнота. Октавия не сделала еще и дюжины шагов, как потеряла из виду и скалы и море за ними. Было бесполезно огляды-

ваться и пытаться что-то рассмотреть. Еще через несколько шагов она безнадежно заплутала и перестала ориентироваться. Сквозь путаницу ветвей не просвечивали даже звезды. Октавия двигалась ощупью, слепо натыкаясь на деревья, и вдруг застыла как вкопанная.

Где-то впереди раздались ритмичные удары барабана. Меньше всего она ожидала услышать подобное в такое время и в таком месте. И тут ей пришлось забыть обо всем, так как девушка почувствовала чье-то присутствие рядом. Она не могла видеть, но явственно ощущала нечто стоявшее непосредственно возле нее в темноте.

С подавленным криком Октавия отпрянула назад, и в тот же миг что-то, в чем даже в объявшей ее панике она узнала человеческую руку, обвилось вокруг ее талии. Она взвизгнула и изо всех своих молодых сил рванулась в диком желании высвободиться, но тот, кто схватил ее, вскинул ее вверх, как ребенка, с легкостью усмиряя неистовое сопротивление. Молчание, с которым принимались ее бешеные попытки вывернуться и протестующие вопли, еще усиливало ужас, нараставший и от ощущения, что ее несут сквозь темноту по направлению к отдаленному гулу барабана, который продолжал отбивать ритм и глухо рокотать.

4

Приближающийся рассвет чуть окрасил небо в красноватые тона, когда маленькая лодка с одиноким гребцом достигла утесов. Человек в лодке выглядел достаточно живописно. На голове у него была темно-красная повязка, свободные, огненного цвета штаны были перетянуты широким кушаком, за который была заткнута кривая восточная сабля в шагреневых ножнах. Сапоги из тисненной золотом кожи скорее подошли бы всаднику, а не рыбаку, но греб человек умело. Широко распахнутая белая шелковая рубаха обнажала мощную мускулистую грудь, коричневую от солнечного загара.

Выпуклые мускулы на бронзовых руках перекатывались, когда гребец играючи управлялся с веслами, в его движениях была кошачья легкость и гибкость. Вся его внешность и повадки свидетельствовали о неукротимой энергии и живости, что сразу бросалось в глаза. Выражение лица не было ни свирепым, ни угрюмым, хотя тлеющие, как угли под пеплом, глаза выдавали легко пробуждаемую жестокость.

Это был Конан, который прибрел в вооруженный лагерь козаков, не имея при себе ничего, кроме головы на плечах и своего меча, и пробился с их помощью в атаманы.

Конан подгреб к выбитым в скалах ступеням так уверенно, как будто был знаком с местом, и причалил лодку под прикрытием большого камня. Потом, ни минуты не тратя на размышления, он стал подниматься по разрушенным ступеням. Конан был предельно насторожен, не потому, что знал об ожидающей его скрытой опасности, а просто готовность встретить ее, обостренная той дикой жизнью, которую он вел, стала его неискоренимой привычкой.

То, что Газнави считал звериной интуицией или неким шестым чувством, было всего лишь прирожденным даром и дикарской смекалкой варвара. Никакой инстинкт не подсказывал сейчас Конану, что несколько человек наблюдали за ним из укрытия в зарослях болотистого побережья.

Пока он взбирался на утес, один из сидевших в засаде, затаив дыхание, украдкой поднял лук. Джихангир схватил его за руку и зашипел ему в ухо:

— Болван! Ты хочешь выдать нас? Неужели ты не видишь, что стрела не долетит? Дай ему подняться на остров. Он будет искать девушку. Это займет у него какое-то время. А вдруг он почувствовал наше присутствие или разгадал наш замысел? Может, его бандиты спрятаны где-то здесь. Подождем. Через час, если ничего подозрительного не произойдет, мы подплывем к подножию лестницы и будем ждать его там. В случае его слишком долгого отсутствия кто-нибудь из нас пойдет наверх и сгонит его вниз. Но лучше бы этого избежать, потому что каждому понятно, что подобное преследование в зарослях будет стоить нам нескольких жизней. Я полагаю, самое разумное было бы подкараулить, когда он будет спускаться по ступеням. Здесь мы могли бы нашпиговать его стрелами с безопасного расстояния.

В это время ничего не подозревающий Конан нырнул в лес. Беззвучно ступая в своих мягких кожаных сапогах, он продвигался между деревьями, тщательно обшаривая взглядом каждую тень, готовый наткнуться на роскошную рыжеволосую красавицу, о которой он мечтал с тех пор, как увидел ее в шатре Джихангир-хана возле крепости Рог. Он бы возжелал ее, даже если бы она проявила к нему антипатию. Но ее загадочные улыбки и взгляды разожгли в киммерийце настоящую страсть. И теперь со всем неистовством своей буйной натуры, не знающей границ и законов, он желал эту белокожую золотоволосую женщину из цивилизованного мира.

Ему уже пришлось побывать на Ксапуре раньше. Менее чем месяц тому назад у него было здесь секретное совещание с пиратской шайкой. Он знал, что сейчас покажутся загадочные руины, благодаря которым остров и получил свое название. Конан размышлял на ходу, не найдет ли он девушку прячущейся среди них. Эти мысли внезапно были прерваны. Он остановился, как громом пораженный.

Перед ним среди деревьев поднималось то, что его разум отказывался воспринимать как возможное. Это была высокая темно-зеленая зубчатая стена с вздымающимися за ней башнями.

Конан застыл в недоумении, парализованный нереальностью того, что он видел. Любой на его месте, столкнувшись с подобной нелепицей, не укладывающейся ни в какие рамки мало-мальски разумного объяснения, потерял бы голову. Он не сомневался ни в своем зрении, ни в рассудке, но увязать концы с концами ему не удавалось. В этом было нечто чудовищное. Меньше месяца тому назад на этом месте среди деревьев стояли развалины. Могли ли человеческие руки воздвигнуть такое громадное сооружение и всего лишь за две-три недели? Кроме того, пираты, которые непрестанно бороздили Вилайет, обязательно узнали бы о любых работах, тем более проводимых в таком гигантском масштабе, и, конечно, сообщили бы об этом козакам.

Объяснения этому явлению не было, тем не менее сооружение было налицо. Он, Конан, был на Ксапуре, и это фантастическое нагромождение, увенчанное башнями каменной кладки, тоже находилось на Ксапуре, и все вместе взятое было абсурдом, и все же это была истинная реальность.

Он повернулся, чтобы дать ходу назад через джунгли, вниз по выдолбленным ступеням, за голубое море, к отдаленной стоянке в устье Запорожки. В этот момент необъяснимой паники даже мысль о задержке вблизи внутреннего моря была невыносимой. Надо было рвануть от него как можно дальше, бросить все эти бивуаки и шайки, оставить степи и проложить тысячи миль между собой и голубым загадочным Востоком, где основные законы природы могут быть превращены в ничто демон знает каким колдовством.

Какое-то мгновение судьбы целых царств, которые зависели от этого пестро разодетого варвара, держались на волоске. И лишь совсем незначительная вещица перевесила чашу весов. Это был шелковый лоскут, зацепившийся за куст. Он привлек беспокойный взор Конана. Киммериец

склонился над ним, ноздри его раздулись, а нервы затрепетали от этого еле заметного, возбуждающего все его чувства знака. Клочок одежды был настолько мал, что скорее смутный инстинкт насторожил и задержал Конана над ним. Ему показалось даже, что он улавливает мучительно соблазнительный аромат молодого упругого тела, тут же воссоздавший перед ним светлый образ чудесной женщины, которую он видел в шатре Джихангира. Значит, рыбак не врал, и она была здесь!

Внезапно Конан увидел отпечаток на глинистой почве — единственный отпечаток босой ступни — длинной и худой. Однако это был след не женщины, а мужчины, и он был вдавлен глубже, чем можно было бы ожидать. Вывод напрашивался сам собой: мужчина, оставивший этот след, нес тяжесть, и что же это была за ноша, если не девушка, которую искал киммериец?

В молчании стоял Конан, разглядывая темные башни, громоздящиеся среди деревьев. В прищуре его глаз вспыхивали голубые искры. Желание обладать золотокудрой женщиной перехлестывалось лютой первобытной яростью по отношению к тому, кто утащил ее. Человеческая страсть подавила сверхъестественный страх, и, крадучись, как пантера на охоте, почти ползком Конан стал подбираться к крепости, стараясь укрыться под сенью зелени, дабы его не заметили с зубчатых стен.

Достигнув их, Конан убедился, что стены сложены из того же зеленого камня, что и бывшие руины, и смутное чувство чего-то знакомого овладело варваром. Словно перед ним предстало нечто никогда прежде невиданное, но являвшееся ему во сне или рисовавшееся в воображении. В конце концов он понял, в чем дело. Стены и башни были построены по тому же плану, что и развалины. Как будто разрушенные линии и плоскости вдруг поднялись и сомкнулись сами собой, нарастив то, чего недоставало, и все сооружение, как по мановению волшебной палочки, восстало в первоначальном виде.

Ни один звук не нарушал утренней тишины, когда Конан подкрался к подножию стены, круто вздымавшейся из гущи буйных зарослей. Растительность здесь, как и вообще в южной части внутреннего моря, была почти тропической. Конан вскарабкался, как кот, на самое большое дерево, ухватился за толстую плеть обеими руками и раскачался что было сил. В нужный момент он отпустил лиану

и, как снаряд, выпущенный из катапульты, перелетел через парапет, приземлившись с кошачьей ловкостью за зубцами стены. Прокравшись по ней, он глянул вниз на улицы города.

Окружность стены была сравнительно невелика, но внутри ее помещалось поразительно много строений из того же зеленого камня. Это были трех- и четырехэтажные здания, в основном с плоскими крышами. Их архитектурный стиль был необычен и доведен до своеобразного совершенства. Улицы, подобно спицам колеса, сходились в центре, оставляя восьмиугольное огороженное пространство, где высоко вздымалось огромное сооружение, которое своими куполами и башнями доминировало над всем городом. Не было заметно никакого движения на улицах, никто не выглядывал из окон, хотя солнце уже поднялось. Здесь царила тишина, которая могла стоять только над мертвым опустевшим городом. Со стены вниз от того места, где стоял Конан, вели узкие каменные ступени; по ним киммериец и стал спускаться.

Дома так тесно жались к стене, что на полпути вниз по лестнице Конан обнаружил окно, находившееся всего на расстоянии вытянутой руки. Он задержался, чтобы заглянуть в него. Решеток на окне не было, и раздвинутые шелковые занавесы придерживались атласными шнурами. Конан заглянул в комнату, стены которой были затянуты темными бархатными гобеленами. Пол был покрыт толстыми коврами. Скамьи из полированного эбенового дерева и возвышение, устланное меховыми покрывалами, составляли обстановку помещения.

Конан собрался уже было продолжать свой спуск, когда услышал, как кто-то движется внизу по улице. До того как неизвестный мог завернуть за угол и обнаружить незваного гостя на лестнице, Конан перескочил отделявшее его от окна пространство и очутился в комнате с обнаженной саблей в руке. Мгновение он стоял не дыша, затем, так как ничего не произошло, стал пробираться по коврам к двери, расположенной в нише. И тут один из занавесов откинулся, и за ним обнаружился убранный подушками альков, из которого томно взирала на варвара стройная темноволосая девушка. Взгляд ее был затуманен.

Конан напряженно уставился на нее, ожидая, что она вот-вот поднимет крик. Но девушка только подавила зевок, прикрыв рот изящной ладонью, поднялась и небрежно отки-

нулась на драпировку, которую она придерживала одной рукой.

Без сомнения, незнакомка принадлежала к белой расе, хотя кожа ее была очень темной. Прямые, подстриженные ровным каре волосы были черны как ночь. Единственное ее убранство составлял лоскут шелка, обернутый вокруг весьма соблазнительных бедер.

Она заговорила, но язык был незнаком Конану, и киммериец отрицательно покачал головой. Тогда она снова зевнула, потянулась всем своим гибким телом и, не проявляя ни страха, ни удивления, перешла на язык, который Конан понимал. Это был диалект юетши, и звучал он удивительно архаично.

— Ты ищешь кого-то? — спросила девушка так безразлично, как будто внезапное появление вооруженного незнакомца в ее покоях было самым обычным делом.

— Кто ты? — спросил Конан в ответ.

— Я — Юатели,— отвечала она апатично.— Должно быть, я поздно пировала прошедшей ночью, и поэтому сейчас меня одолевает сон. Кто ты?

— Я — Конан, гетман козаков,— отвечал киммериец, внимательно следя за девушкой, считая ее поведение притворством и ожидая, что она только и ждет момента, чтобы ускользнуть и поднять на ноги весь дом.

— Конан,— повторила она сонно.— Ты не дагон. Я полагаю, ты наемник. Много голов юетши ты срубил?

— Я не воюю с водяными крысами! — фыркнул он.

— Однако они совершенно ужасны,— пробормотала девушка.— Я помню об этом с тех пор, как они были нашими рабами. Они взбунтовались тогда, все сожгли и всех перебили. Только заклинания Косатраля Келя и позволили им приблизиться к стенам...

Она задумалась и смолкла, вперив в Конана недоуменный взгляд, в котором озадаченность боролась с сонливостью.

— Я забыла,— вновь невнятно проговорила девушка.— Они все же влезли на стены прошлой ночью. Были слышны крики, виднелся огонь, и люди тщетно звали Косатраля.— Она потрясла головой, словно пытаясь проснуться.— Но этого не могло быть,— пробормотала она,— потому что я жива, а я думала, что умерла. О! К демону все это!

Она пересекла комнату и, взяв Конана за руку, потащила его к помосту. Он уступил ей в замешательстве и смущении. Девушка улыбнулась ему, как сонный ребенок, ее длинные шелковые ресницы опустились, закрыв затуманенные меркнущие глаза. Она запустила пальцы в густые чер-

ные лохмы киммерийца, словно желая удостовериться в его реальности.

— Это был сон,— позевывая, сказала она.— Возможно, все это мне приснилось. Мне кажется, я и сейчас сплю. Ну да все равно. Я не могу ничего вспомнить. Я забыла — чего-то я не могу понять, но чувствую, что меня еще больше одолевает сон, когда я пытаюсь думать. В любом случае это не имеет значения.

— Что ты имеешь в виду? — обеспокоенно спросил Конан.— Ты сказала, они перелезли через стены прошлой ночью? Кто?

— Юстши. По крайней мере, я так думала. Облако дыма скрыло все вокруг, но обнаженный, залитый кровью демон поймал меня за горло и всадил нож в грудь. О, ты не представляешь, как больно! Но это был сон, потому что, посмотри, здесь нет шрама.

Она вяло исследовала свою гладкую грудь и, опустившись Конану на колени, обвила его мощную шею своими мягкими гибкими руками.

— Я не могу вспомнить,— лепетала она, пристраивая свою темноволосую голову на могучей груди варвара.— Все плывет, как в тумане. Ну и пусть, все равно. Ты не сон. Ты сильный. Давай жить, пока можем. Люби меня!

Конан прижал блестящую черноволосую голову к груди и стал укачивать девушку, осторожно поддерживая ее сильными руками. Потом он поцеловал ее в полные красные губы с неподдельным удовольствием.

— Ты сильный,— повторила она прерывающимся голосом.— Люби меня, люби...

Сонный лепет прервался, затуманенные глаза закрылись длинными ресницами, опустившимися на цветущие щеки, нежное тело расслабилось на руках Конана.

Он хмуро рассматривал ее. Казалось, она была частью миража, которым представлялся весь этот город, однако упругость и эластичность ее тела под испытующими пальцами киммерийца убеждали его, что он держит на руках живую настоящую девушку, а не тень мимолетного наваждения. Ничто больше не удерживало его, и он торопливо уложил девушку на возвышении. Ее сон был слишком глубок, чтобы быть естественным. Конан решил, что она, должно быть, одурманена каким-то наркотиком вроде черного лотоса Ксутала.

И тут он обнаружил еще одну вещь, которая поразила его. Среди мехов на помосте лежала великолепная пятнис-

тая шкура, ее основной тон был чисто золотистым. Это была не качественная подделка, а шкура настоящего зверя, который, как Конан знал совершенно точно, вымер по крайней мере тысячу лет назад. Зверем этим был гигантский золотой леопард — чудесный образ хайборийских легенд, изображения которого многократно повторялись в рисунках и мраморных статуях древними художниками.

В замешательстве крутя головой, Конан вышел через арочную дверь в изгибающийся коридор. Тишина висела над домом, но снаружи чуткое ухо варвара уловило шум, как будто что-то поднималось по лестнице на стене, с которой Конан проник в здание. Секундой позже он вздрогнул, услышав, как нечто мягкое и тяжелое с глухим стуком опустилось на пол того помещения, которое он только что покинул. Быстро повернувшись, Конан побежал прочь, вдоль изогнутого прохода, пока что-то лежавшее на полу не заставило его остановиться.

Это было тело человека, лежавшего наполовину в коридоре, а частью в проходе, по-видимому обычно скрытом дверью, которая ничем не отличалась от панели стены. Это был мужчина, темнокожий и тощий, из одежды на нем была только шелковая набедренная повязка. Голова была выбрита. Черты лица — грубые и жестокие. Лежал человек так, будто смерть поразила его в тот момент, когда он появился из-за панели. Конан склонился над ним, пытаясь обнаружить причину смерти, но понял, что тот был лишь погружен в такой же глубокий сон, как и девушка в сказочном алькове.

Но почему же человек выбрал такое странное место для своего сна? Из раздумий о всех этих чудесах Конана вдруг вывел звук за спиной. Что-то продвигалось по коридору по направлению к киммерийцу. Он быстро огляделся. Коридор заканчивался большой дверью, которая, возможно, была заперта. Конан резко оттолкнул обмякшее тело в сторону и шагнул в проход, плотно задвинув за собой панель. Щелчок подтвердил, что она встала на место. Стоя в полной темноте, Конан услышал, как шаркающая поступь замерла как раз напротив двери, и холод пробежал у варвара по спине.

Это были не человеческие шаги и не поступь зверя.

Ни с чем подобным Конану до сих пор не приходилось сталкиваться.

На миг наступила тишина, потом послышался слабый скрип дерева о металл. Вытянув руку, Конан ощутил, как

дрогнула и почти прогнулась внутрь дверь, словно к ней снаружи привалили что-то очень тяжелое. Пока он вытаскивал оружие, все затихло. Конан услышал странный чавкающий звук. Волосы встали дыбом на голове Конана. С обнаженной саблей в руке он начал торопливо пятиться прочь от двери, нащупывая ногами ступени, спотыкаясь и почти падая. Он находился на узкой лестнице, ведущей вниз.

В темноте он нащупывал путь, обшаривая по дороге стены и не находя больше никакого прохода в сторону. Как раз тогда, когда Конан решил, что находится уже глубоко под землей, ниже уровня фундамента дома, ступени кончились и начался горизонтальный тоннель.

5

Вдоль темного тоннеля, погруженного в глубокое безмолвие, Конан пробирался ощупью, ежеминутно опасаясь свалиться в какую-нибудь невидимую яму. Однако наконец ноги вновь почувствовали ступени, по которым Конан стал подниматься, пока не наткнулся на дверь. Ему удалось нашарить металлический засов. Отодвинув его, он вышел в сумеречную, очень высокую комнату совершенно невероятной ширины. Фантастические колонны тянулись вдоль испещренных пятнами стен. Они поддерживали потолок, который был одновременно полупрозрачным и темным, подобно облачному небу в полночь, что производило впечатление умопомрачительной высоты. Если бы хоть какой-нибудь свет просачивался сюда снаружи, все выглядело бы совсем иначе.

В зловещем полумраке Конан двигался по голому зеленому полу. Огромная комната имела правильную округлую форму, которая нарушалась только с одной стороны гигантскими бронзовыми створками высоченной двери. Напротив нее на возвышении у стены стоял медный трон, к которому вели широкие полукруглые ступени. И когда Конан, присмотревшись, понял, что свернулось кольцами на троне, он спешно ретировался, вскинув кривой меч.

Немного погодя, так как эта штука не двигалась, Конан приступил к более тщательному исследованию. На этот раз киммериец поднялся по стеклянным ступеням и стал рассматривать диковину. Это была гигантская змея, изваянная из какого-то желтовато-зеленого материала типа жадеита. Изображение было настолько реалистичным, что можно было различить каждое кольцо. Переливчатая окраска камня

живо напоминала настоящую. Крупная клинообразная голова была наполовину укрыта блестящими витками, поэтому ни глаза, ни пасть не были видны.

Вдруг Конана осенило. Эта змея, вероятно, представляла одно из тех мрачных чудищ, которые в древние времена обитали в камышовых болотах на окраинах южного побережья Вилайета. Но, как и золотой леопард, они вымерли уже сотни лет тому назад. Конан уже видел грубые фигурки таких змей, правда, гораздо меньшего размера. Они встречались в молельных хижинах юстши среди других идолов. Описания подобных изваяний можно было встретить в Книге Скелоса, при составлении которой использовались сведения, заимствованные из доисторических источников.

Конана привел в восхищение чешуйчатый торс толщиной с его ляжку и, вероятно, колоссальной длины. Он не мог победить любопытства и положил руку на свернутые кольца. И как только его пальцы коснулись изваяния, сердце в нем замерло, кровь застыла в жилах, а волосы встали дыбом. Под рукой оказалась не гладкая хрупкая поверхность стекла, металла или камня, но мягкая, податливая и одновременно упругая масса чего-то живого. Он чувствовал под пальцами вялое биение инертной жизни.

Инстинктивно Конан отдернул руку, чуть не выронив меч. Ужас и отвращение обуяли его. Он бросился вниз по стеклянным ступеням, не спуская остекленевших от дикого страха глаз с мерзкого гада, который дремал на медном троне. Чудовище оставалось неподвижным.

Конан достиг бронзовой двери и толкнул ее. Сердце у него ушло в пятки, пот катился градом при мысли, что он может оказаться запертым с этой скользкой ползучей тварью. Но створки поддались, и он проскользнул между ними и захлопнул их за собой.

Теперь Конан оказался в широком коридоре с высокими задрапированными стенами. Проход тонул в таком же полумраке, который делал неразличимыми отдаленные предметы. Это усилило тревогу, наводя на мысли о невидимых змеях, извивающихся в темноте. В этом нереальном свете казалось, что до двери в противоположном конце коридора надо бежать еще милю. Рядом с Конаном один из занавесов висел так, будто за ним был расположен ход, и, осторожно приподняв его, он действительно обнаружил узкую лесенку, ведущую наверх.

Пока Конан колебался, в большой комнате, только что покинутой им, послышалась шаркающая поступь, которую он слышал за задвинутой панелью. Неужели его преследо-

вали и в тоннеле? Он стал торопливо подниматься по лестнице, предварительно сдвинув занавес на прежнее место.

Вскоре он вновь очутился в изогнутом коридоре и бросился в дверь, через которую вошел в него в первый раз. Два противоречивых желания руководили Конаном в его, по видимости, бесцельном метании: вырваться из здания с его тайнами и найти немедийскую девушку, которую, как он чувствовал, держали где-то в этом дворце, храме или Кром знает чем еще. Конан рассчитывал, что это и было большое строение под куполом, которое он видел в центре города. Скорее всего, здесь обретался правитель города, к которому, без сомнения, должны были привести пленную девушку.

Теперь киммериец был в комнате и собирался возвращаться дальше по уже пройденному пути, как вдруг услышал голос, шедший из-за стены. В этой стене не было двери, но Конан приложил к ней ухо и отчетливо различил слова. И опять мороз побежал по коже. Язык был немедийский, но голос никак не напоминал человеческий. Он гулко отдавался и гудел, наподобие колокола, отбивающего удары в полночь.

«Не было жизни в Бездне, кроме той, что была заключена во мне,— благовестил колокол.— Не было ни света, ни движения, ни единого звука. Только толчок извне, из запределья был причиной начала моего движения, он направил мой путь вверх, в полной слепоте, без смысла, без чувств, непреклонно и непоколебимо. Я поднимался все выше, через неизменные толщи вечной темноты, сквозь времена, век за веком...»

Завороженный этим гулким, вибрирующим гласом, Конан скорчился, забыв обо всем на свете, пока гипнотическая сила этих слов не привела к странной трансформации явлений и ощущений. Он не заметил, как звук стал создавать иллюзию видения. Конан больше не слышал голоса, он воспринимал его только как отдаленные ритмические волны. Выведенный из своего времени и собственной индивидуальности, он наблюдал превращения существа, называемого Косатраль Келем, которое медленно и мучительно выползало из Мрака и Бездны многие века тому назад, чтобы воплотиться в субстанцию материального мира.

Но человеческое тело было слишком бренно, хрупко, непрочно и ничтожно, чтобы удержать ужасную сущность того, что было Косатраль Келем. Хотя он предстал наконец в облике человека, его плоть не была плотью, кости — костями, а кровь — кровью. Он стал вызовом природе, ее поно-

шением, так как заставил жить, думать и действовать элементарное вещество, которое до этого никогда не знало и не должно было знать, что такое пульс и трепет живого существа.

Он шествовал по миру, как бог, поскольку не было оружия на земле, которое могло бы причинить ему вред. В своих странствиях он наткнулся на примитивный народ, населявший остров Дагонию. Ему доставило удовольствие зажечь жалкий разум этих людишек. С его помощью они построили город Дагон, заселили его и стали поклоняться его создателю. Однако слуги божества вызывали суеверный страх. Он вызывал их из темных закоулков планеты, где еще таились эти мрачные пережитки забытых времен. От его дворца в Дагоне к каждому дому в городе вел тоннель, через который его бритоголовые служители носили жертвы для ритуальных обрядов.

Несколькими веками позже на берегах моря появился по-звериному жестокий и примитивный народ. Они называли себя юетши, и как-то после особенно свирепой битвы они были побеждены и превращены в рабов. На протяжении жизни целого поколения после этого они умирали на алтарях Косатраля.

Его колдовство держало их в узде. Потом их жрец, странный мрачный человек, худой и долговязый, чье происхождение неизвестно было никому, исчез в пустыне, а когда вернулся, то принес с собой нож, сделанный из неземного материала. Он был выкован из метеорита, прочертившего когда-то небо, подобно пылающей стреле, и упавшего далеко в долине. Рабы восстали и своими ножами-серпами перерезали дагонов, как овец. Против ножа из космического вещества чары Косатраля были бессильны. Пока на затянутых красным дымом улицах бушевала резня, самый мрачный акт этой жуткой драмы разыгрывался в таинственном куполе за большим залом с пестрыми, как змеиная шкура, стенами и медным троном на помосте.

Из этого купольного помещения жрец юетши вышел один. Он не стал убивать своего врага, так как хотел с помощью угроз освобождения чудовища удерживать своих бунтующих подданных в повиновении. Он оставил Косатраля лежать на золотом возвышении с магическим ножом поперек груди, который удерживал его в бессознательном состоянии до поры до времени, а может, до конца света.

Прошли годы, и жрец умер, башни опустевшего Дагона обвалились, сказания стали непонятными, а число юетши

сократилось благодаря чуме, моровой язве, голоду, стихийным бедствиям и войнам. Рассеянные остатки этого народа доживали в нищете и убожестве вдоль побережья.

Только пятнистый купол сопротивлялся разрушительному действию времени, до тех пор пока случайный разряд молнии и любопытство рыбака, поднявшего волшебный нож с груди божества, не прервали его сон. Косатраль Кель ожил и снова набрал силу и могущество. Ему было приятно восстановить город в том виде, в каком он был до разорения. С помощью черной магии он поднял башни из пыли забытых тысячелетий, а людей, которые были прахом уже вечность, заставил снова вернуться в жизнь.

Но народ, который испытал смерть, мог жить только отчасти. В темных закоулках их душ и сознания смерть сохранялась непобежденной. К ночи люди Дагона двигались, любили, ненавидели, пировали и вспоминали падение Дагона и бойню, которой они подверглись, только как смутный сон; они двигались в колдовском иллюзорном тумане, ощущая неестественность своего существования, но не пытаясь даже понять причину этого. С приходом дня они впадали в глубокий сон, с тем чтобы встать снова только к ночи, которая была сродни смерти.

Все это пронеслось ужасающими видениями перед внутренним взором Конана, пока он скорчившись сидел у драпированной стены. Киммериец почти тронулся рассудком. Всякая уверенность и здравомыслие были сметены, осталось только ощущение призрачной мрачной Вселенной, которой постепенно овладевали загадочные, укутанные в покрывала фигуры, символизирующие некие скрытые силы, вызывающие суеверный страх.

Сквозь колокольный гул вещающего гласа, который благовестил триумф над предписанными свыше законами несущей разум планеты, до слуха Конана донесся человеческий крик. Его сознание вернулось из полета сквозь сферы безумия. Это были женские истерические рыдания.

Непроизвольно Конан вскочил на ноги.

6

Джихангир Аджа ждал со все возрастающим нетерпением в своей лодке в гуще камыша. Уже прошло больше часа, а Конан не возвращался. Несомненно, он все еще обшаривал остров в поисках девушки, которая, как он думал, была

спрятана здесь. Но тут в голову Аджи пришло другое соображение. Что, если гетман оставил своих приспешников где-то поблизости и они, заподозрив неладное, прибудут, чтобы выяснить причину его долгого отсутствия? Джихангир отдал команду гребцам, и длинная лодка выплыла из камыша и заскользила к выбитым в скале ступеням.

Оставив полдюжины человек в лодке, он взял с собой остальных — десять могучих лучников Хоарезма в остроконечных шлемах и тигровых шкурах. Как охотники, подкарауливающие отступление льва, они рассыпались под деревьями со стрелами наизготове и натянутыми тетивами. Тишина царила над лесом, только большая зеленая птица, скорее всего попугай, сделала круг над головами, резко разрезая воздух широкими крыльями, и поспешно скрылась за деревьями. Внезапным жестом Джихангир остановил свой отряд, и они уставились, не веря своим глазам, на башни, показавшиеся впереди среди зелени.

— Тарим! — пробормотал Джихангир.— Пираты отстроили руины! Несомненно Конан здесь. Мы должны осмотреть тут все. Укрепленный город так близко от нашего берега! Пошли!

Со вновь обострившейся осторожностью они стали пробираться между деревьями. Роли переменились — из преследователей и охотников они превратились в шпионов.

И пока они крались по труднопроходимой чащобе, человек, которого они искали, находился к смерти гораздо ближе, чем если бы был под прицелом заостренных стрел...

До сознания Конана дошло, что гудящий, как колокол, голос за стеной смолк, и дрожь пробежала по его телу. Он стоял неподвижно, как статуя, со взглядом, застывшим на занавешенной двери, через которую, как он знал, сейчас должно было появиться самое ужасное.

В помещении было сумрачно и туманно, и волосы Конана встали дыбом по мере того, как он вглядывался. Из полумрака неотвратимо, как сам рок, перед ним вырастали голова и гигантские плечи. Звуков шагов не было слышно, но темная махина вырисовывалась все явственнее, пока Конан не различил мужскую фигуру. На человеке были сандалии, юбка и широкий шагреневый пояс. Его ровно подстриженные до плеч волосы были схвачены золотым обручем. Конан не мог оторвать глаз от фантастического размаха этих чудовищных плеч, необъятной ширины выпяченной груди, бугров, валов и узлов мускулов, покрывающих весь его торс

и конечности. Лицо его было жестким, без тени милосердия или сострадания. Глаза представляли шары темного огня. И Конан знал, что перед ним стоял Косатраль Кель, пришедший из бездны бог Дагонии.

Ни одного слова не было произнесено. В словах не было необходимости. Косатраль простер свои огромные руки, и Конан, поднырнув под них, нанес удар в живот гиганта. И тут же отпрыгнул назад, в его глазах вспыхнуло изумление. Острое лезвие зазвенело, ударившись о могучее тело, как о наковальню, и отскочило, не оставив на нем никакого следа. И сразу Косатраль надвинулся на него, как неотвратимый вал ярости.

После этого произошла очень короткая, но яростная схватка, полная неистовых корчей, когда тела и конечности скручивались и переплетались самым невероятным образом, и Конан вновь вывернулся и отпрыгнул в сторону. Каждая клеточка тела трепетала от непомерного напряжения. Там, где кожу задели жесткие пальцы, выступила кровь. В этом мимолетном столкновении киммериец испытал натиск титанического бешенства, будто удар некоего древнего природного закона. Человек не мог бы нанести ему такой урон, так исколошматить и контузить — на это был способен только оживший и наделенный ощущениями металл. Тело существа, которое противостояло ему, состояло из живого железа.

Косатраль угрожающе нависал над воином в темноте. Допустить, чтобы эти громадные пальцы сомкнулись, означало конец. Железную хватку не ослабила бы уже никакая сила в мире, до тех пор пока не оставила бы безвольное тело. В этом затемненном помещении человек боролся с чудовищем из снов, как в ночном кошмаре.

Отбросив свой бесполезный меч, Конан схватил тяжелую скамью и швырнул ее изо всех сил. Она была так массивна, что немногие могли бы даже приподнять ее, не то что использовать в качестве метательного орудия. Она разбилась в щепы о могучую грудь Косатраля. Гигант даже не пошатнулся. В выражении его лица стало еще меньше человеческого. Огненный нимб полыхал вокруг его устрашающей головы. Подобно движущейся башне, он стал приближаться.

В отчаянном прыжке Конан сорвал громадный кусок гобелена со стены и, раскрутив его с еще большей силой, чем при броске скамьи, накинул на голову гиганта. С минуту Косатраль, запутавшись и ничего не видя, барахтался

в облепившей его ткани, которая задержала его лучше, чем дерево или сталь. И в этот выигранный момент Конан подхватил свой кривой меч и вылетел в коридор. Не сбавляя скорости, он бросился в соседнюю комнату, захлопнул дверь и задвинул засов.

Повернувшись, он остолбенел, кровь бросилась ему в голову. На ворохе шелковых подушек, рассыпав золотые волосы по обнаженным плечам и со взглядом, не выражающим ничего, кроме ужаса, скорчилась та женщина, которая так занимала его. Он почти забыл о кошмаре за спиной, но удар, расщепивший дверь, вернул его в чувство. Он подхватил девушку и одним прыжком оказался у противоположной двери. Пленница была слишком беспомощна от испуга, чтобы сопротивляться или, наоборот, помочь ему. Слабые жалобные стоны были единственной реакцией, на которую она оказалась способной.

Конан не стал терять время на отпирание двери. Сокрушительный удар кривого меча разрубил замок пополам, одновременно он увидел, как голова и плечи Косатраля проломили первую дверь. Колосс расправлялся с массивными панелями, словно они были из папируса.

Конан помчался вверх по лестнице, без усилий неся на одном плече высокую девушку, как ребенка. У него не было секунды сообразить, куда он бежит, лестница вывела его к двери в круглое купольное помещение. Косатраль поднимался за ним молча, как смертельный вихрь, и так же быстро.

Стены зала были из твердой стали, как и дверь. Конан захлопнул ее и задвинул большие засовы, которыми она была снабжена. Ему пришла в голову догадка, что это помещение и есть комната Косатраля, где он запирался, чтобы спать в безопасности от чудищ, которых он высвободил из Бездны, дабы они выполняли его приказания.

Он еле успел вдвинуть металлические стержни в гнезда, как громадная дверь затряслась и зашаталась под напором гиганта. Конан поежился. Здесь их ожидал конец, дальше бежать было некуда, в помещении не было ни других дверей, ни окон. Воздух и странный туманный полусвет, очевидно, просачивались в щели в куполе. В задумчивости он провел пальцем вдоль лезвия своего кривого меча. В укрытии к нему вернулось его хладнокровие. Он сделал все, на что была способна его натура, чтобы вырваться от чудовища; теперь, когда гигант сокрушит и эту дверь, он примет еще один бой с бесполезным мечом в руках, излив в атаке всю свою бешеную ярость и первобытную жажду жизни. Дикий взрыв

энергии вряд ли спасет его, но он все равно пойдет на это, так как по своей природе не способен умереть без борьбы. Сейчас была минута передышки, и поэтому его спокойствие не стоило ему особых усилий и не было притворным.

Взгляд, который он обратил на свою светловолосую компаньонку, был полон восхищения и неподдельного чувства, как будто он собирался жить еще сотню лет. Он сбросил ее на пол довольно бесцеремонно, когда повернулся закрыть дверь, и она приподнялась на колени, машинально приводя в порядок свои рассыпанные локоны и то немногое, что на ней было надето. Горячие глаза Конана выразили одобрение, когда он опять окинул взглядом ее густые, струящиеся по плечам золотистые волосы, огромные глаза, молочно-белую кожу, гладкую и блестящую, что свидетельствовало об избытке здоровья, крепкие выпуклости ее бюста, контуры ее изящных бедер.

В этот момент дверь задрожала, а засовы заскрежетали и стали поддаваться.

Конан не оглядывался. Он знал, что дверь еще немного продержится.

— Мне сказали, что ты сбежала,— сказал киммериец.— Рыбак юетши сообщил, что ты прячешься здесь. Как тебя зовут?

— Октавия,— выдохнула она, непроизвольно приходя в себя.

Затем слова полились стремительным потоком. В отчаянии она вцепилась в Конана.

— О Митра! Что это за кошмар? Люди... темнокожие люди... один из них поймал меня в лесу и принес сюда. Они оттащили меня к... к этому... к этому существу... нет, я не знаю, что это такое. Он говорил со мной... он сказал... Неужели я сошла с ума? Это сон?

Конан посмотрел на дверь, которая прогибалась внутрь, словно под ударами стенобитного орудия.

— Нет,— произнес он,— это не сон. Этот запор сейчас не выдержит. Странно, что демон должен взламывать дверь, как обычный человек, но, в конце концов, его сила сама по себе демоническая.

— Ты не можешь убить его? — умоляюще спросила она.— Ты такой сильный!

Конан был слишком честен, чтобы лгать ей.

— Если бы смертный мог убить его, он был бы уже мертв,— ответил варвар.— Я затупил лезвие об его брюхо.

Ее глаза помертвели.

— Значит, ты должен умереть, и я тоже! О Митра! — вскричала она в безумном отчаянии, и Конан схватил девушку за руки, опасаясь, что она сделает с собой что-нибудь непоправимое.

— Он сказал, чему собирается подвергнуть меня! — задыхаясь, кричала она.— Убей! Убей меня своим мечом до того, как он разрушит дверь!

Конан посмотрел на нее и отрицательно мотнул головой.

— Я сделаю, что смогу,— сказал он.— Это не очень много, но у тебя появится шанс проскользнуть у демона за спиной по лестнице вниз. Потом беги на утесы. Моя лодка привязана у подножия лестницы. Если ты сумеешь выбраться из дворца, ты еще, возможно, спасешься. Все люди в этом городе спят.

Октавия уронила голову на руки. Конан взял свой кривой меч и встал перед гудящей дверью. Тому, кто наблюдал за Конаном в этот момент, не пришло бы в голову, что варвар ждет неизбежной смерти. Его глаза вспыхивали чуть ярче, а мускулы на руке, сжимающей рукоять меча, вздувались чуть сильнее, чем обычно,— вот и все.

Петли сорвались от ужасного удара, и дверь зашаталась, почти вываливаясь, удерживаемая только засовами. Но и эти стальные стержни прогибались, выкручивались и вылезали из своих гнезд. Конан наблюдал за этим почти безучастно, как зачарованный, будто даже завидуя нечеловеческой силе монстра.

И вдруг без видимого повода атака прекратилась. В наступившей тишине Конан услышал посторонние звуки на площадке снаружи — удары крыльев, невнятные голоса, напоминающие жалобный вой полуночного ветра в ветвях. Потом вновь все смолкло, но чувствовалось, что обстановка как-то переменилась. Обостренный инстинкт варвара подсказывал Конану, что владыка Дагона больше не стоит за дверью.

Киммериец заглянул в трещину, образовавшуюся между дверью и стальной стеной. Площадка перед дверью была пуста. Конан отодвинул деформированные болты и осторожно оттащил искореженную дверь в сторону. Косатраля на лестнице не было, но далеко внизу он услышал лязг металлической двери. Он не знал, готовил ли гигант новые козни или был отвлечен всем, но времени на предположения и разгадки не оставалось.

Конан окликнул Октавию. Заслышав новые ноты в его голосе, Октавия вскочила и, почти не осознавая, что делает, бросилась к нему.

— Что произошло? — пролепетала девушка.

— Не стой, разговаривать некогда! — Конан схватил ее за руку.— Давай, быстро!

Возможность действовать преобразила его: глаза блестели, голос охрип от волнения.

— Нож! — пробормотал он вдруг, спохватившись уже на лестнице, куда в неистовой спешке почти насильно уволок девушку.— Магическое лезвие юетши! Он оставил его под куполом! Я...— Его голос внезапно оборвался, так как он мысленно представил всю ситуацию очень четко. Этот купольный зал соединен с большой комнатой, где стоит медный трон... При мысли об этом Конана окатило с ног до головы горячей волной. Единственный путь под купол проходил через комнату с медным троном и отвратительной тварью, дремлющей на нем.

Но колебаться было не в характере киммерийца.

Не теряя ни секунды, они сбежали вниз, пересекли помещение, спустились по следующей лестнице и вошли в большой темный зал с таинственными драпировками. Колосса нигде не было видно. Задержавшись у огромных бронзовых створок двери, Конан схватил Октавию за плечи и энергично тряхнул.

— Слушай! — отрывисто сказал он.— Я иду в комнату и запираю дверь. Стой здесь и слушай. Если появится Косатраль, зови меня. Если услышишь мой крик, беги, будто демон наступает тебе на пятки, что, возможно, так и будет. Используй ту дверь, на другом конце зала, потому что я не успею помочь тебе. Я иду за клинком юетши!

Прежде чем девушка успела открыть рот, чтобы воспротивиться, Конан проскользнул между створок двери и захлопнул их за собой. С большими предосторожностями он запер дверь, не замечая при этом, что запор можно было открыть и снаружи.

В туманном полумраке пристальный взгляд варвара различил зловещий медный трон; чешуйчатая тварь была еще там, заполняя сиденье своими отвратительными кольцами. Конан видел дверь за троном и знал, что она ведет в помещение под куполом. Но для того чтобы достичь ее, надо подняться на возвышение и пройти всего в нескольких футах от самого трона.

Ветерок, потянувший над зеленым полом, произвел бы больше шума, чем крадущиеся шаги Конана. Не спуская глаз со спящей рептилии, он достиг помоста и стал подниматься по стеклянным ступеням. Змея не двигалась. Конан уже почти добрался до двери...

Запор на бронзовых дверях звякнул, и Конан бесшумно выругался, так как увидел, что Октавия входит в комнату. Девушка растерянно вглядывалась в темноту, а киммериец стоял, окаменев, не осмеливаясь крикнуть, чтобы предостеречь ее. Тут она увидела еле различимую фигуру варвара и бросилась к помосту с криком:

— Я пойду с тобой! Я боюсь оставаться одна! О!

И вдруг, вскинув руки, она издала ужасающий визг, так как впервые заметила обитателя трона. Клинообразная голова поднялась из колец и, раскачиваясь на поблескивающей шее, выдвинулась на целый ярд по направлению к девушке.

Затем кольцо за кольцом змея стала плавно стекать с трона. Уродливая голова угрожающе раскачивалась в сторону парализованной девушки.

Отчаянным прыжком Конан преодолел расстояние между собой и троном и изо всех сил взмахнул кривым мечом. Но движение змеи оказалось таким стремительным, что еще до того, как меч опустился, она взметнулась и со слепящей скоростью свила около полудюжины колец вокруг его тела и конечностей. Наполовину остановленный удар не достиг своей цели, меч опустился на помост, глубоко надрезав чешуйчатое тело, но не разрубив его.

После этого варвар корчился на стеклянных ступенях, обвитый отвратительными скользкими кольцами, которые сжимались вокруг него, расплющивая мышцы, дробя кости, убивая его. Свободной еще у него оставалась только правая рука, но ему не удавалось выбрать положение, в котором он мог бы нанести смертельный удар. Конан знал, что одного удара должно быть достаточно, так как другого у него уже не будет. Со стоном, буквально треща от напряжения, так что жилы на висках готовы были лопнуть, а переплетения мускулов вздулись в судорожно дрожащие узлы, киммериец выпрямил ноги и выжал вверх почти всю махину сорокафутового монстра.

Мгновение Конан стоял пошатываясь на широко расставленных ногах, чувствуя, как его ребра вдавливаются во внутренности, а в глазах темнеет от напряжения. Кривой меч мерцал у него над головой, и наконец он обрушился, рассекая чешую, мышцы и позвонки. Один огромный извивающийся клубок змеиного тела неожиданно распался на две части, которые, в свою очередь, распались на хлещущие, извивающиеся в смертной муке обрубки. Конан, шатаясь, двинулся прочь, стараясь избежать конвульсивных

ударов чешуйчатого тела. Он совершенно выдохся, все плыло у него перед глазами, из носа текла кровь. Ничего не видя в кровавой пелене, он ощупью схватил Октавию и тряс ее, пока она не стала задыхаться.

— В следующий раз, когда я приказываю тебе оставаться на месте,— прохрипел он,— стой!

У киммерийца слишком сильно кружилась голова, чтобы выслушивать оправдания. Взяв девушку за руку, как напроказившую школьницу, он повел ее в обход отвратительных обрубков, все еще хлопающих и извивающихся на полу. Где-то по пути ему показалось, что он слышит пронзительный человеческий крик, но в ушах у него еще шумело, поэтому он не был уверен в этом.

Дверь подалась под нажимом. Если Косатраль поместил змею сторожить предмет, которого он боялся, очевидно, он считал эту меру предосторожности вполне подходящей. Конан почти ждал, что какое-нибудь другое чудовище нападет на него, когда он откроет дверь.

Однако в сумрачном свете он увидел только неясный изгиб арки, тускло поблескивающий блок золота и слабо мерцающий полумесяц на нем.

Со вздохом облегчения он подхватил его и, не тратя времени на изучение и рассматривание, развернулся и помчался через комнату, вниз, в большой зал, по направлению к дальней двери, которая, как он чувствовал, вела наружу. Он был прав. Несколькими минутами позже он выскочил на молчаливые улицы, наполовину неся, наполовину сопровождая свою товарку. Никого не было видно, но за западной стеной раздавались крики, стенания и вопли, которые заставили Октавию задрожать. Конан подвел ее к юго-западной стене и без затруднений нашел каменную лестницу, которая вела наверх к сторожевым башням. Он прихватил толстый гобеленовый шнур в большом зале и теперь, достигнув парапета, сделал из мягкой крепкой веревки петлю и, усадив в нее девушку, опустил на землю. Затем, привязав конец к одному из зубцов, он соскользнул по веревке вслед за ней. Для того чтобы покинуть остров, у них был один путь — лестница в скале с западной стороны. В этом направлении он и спешил, описывая широкий круг вокруг места, откуда слышались крики и звуки ужасных ударов.

Октавия ощущала, что страшная опасность скрывается в этих укрытых густой листвой дебрях. Дыхание у нее перехватило, сердце сильно забилось, и она тесно прижалась к своему защитнику. Но крики в лесу прекратились, и они не могли понять, в чем заключается опасность, пока не

выбрались из леса и им не бросилась в глаза фигура, стоящая на краю утеса.

Джихангир Аджа избегнул судьбы, постигшей его воинов, когда железный гигант, внезапно вылезший из ворот, начал плющить, мять и рвать их, превращать в куски растрепанного на волокна мяса, перемешанного с раздробленными костями. Когда он увидел, как ломаются мечи его лучников об это человекоподобное воплощение силы, он понял, что они столкнулись не с человеческим отродьем. Он сразу кинулся прочь, укрываясь в дремучей чащобе, пока не стих шум кровопролития. Затем он прокрался назад к лестнице, но его гребцов внизу уже не было.

Они услышали вопли и, ожидая в нетерпении и тревоге, вдруг увидели на утесе над собой залитое кровью чудовище, размахивающее гигантскими руками в жутком ликовании. Больше им некого было ждать. Когда Джихангир появился на скале, они как раз вплывали в камыши, и докричаться до них уже не было возможности. Косатраль исчез из виду — то ли вернулся в город, то ли рыскал по лесу в поисках человека, убежавшего от него за пределы стен.

Джихангир как раз готовился спуститься по лестнице и сесть в лодку Конана, когда увидел гетмана и девушку, выходящих из чащи. Леденящее кровь происшествие, почти разрушившее его планы, не изменило намерений Джихангира по отношению к вожаку козаков. Вид человека, которого он пришел убить, наполнил его радостью, вознаградившей за пережитое. Его удивило, что с ним была девушка, которую он отдал Джелаль-хану, но он не стал тратить время на нее. Подняв свой лук, он вложил стрелу и выстрелил. Конан присел, и стрела воткнулась в дерево. Смех обуял Конана.

— Собака! — насмешливо бросил варвар.— Ты не можешь попасть в меня. Я родился не для того, чтобы умереть от гирканской стали. А ну-ка! Попробуй еще раз, туранская свинья!

Джихангир оставил свои безуспешные попытки. Та стрела у него была последней. Он вытащил кривой меч и двинулся вперед, уверенный в своей безопасности, так как на нем был остроконечный шлем и мелкоячеистая кольчуга. Конан встретил его на полпути молниеносным выпадом меча. Кривые лезвия скрещивались, вновь взлетали, описывая сверкающие круги, слепили глаза. Октавия, наблюдающая схватку, не успела заметить, когда был нанесен решительный удар, но услышала его звук и увидела, что Джи-

хангир падает, а из его бока, где клинок киммерийца, пробив кольчугу, застрял в позвоночнике, хлещет кровь.

Но вопль Октавии был вызван не смертью ее бывшего хозяина. Обламывая сучья и сгибая деревья, над ними вырос Косатраль Кель. Девушка не могла бежать, громкий стон сорвался с ее губ, колени у нее подкосились, и она упала ничком на дерн.

Конан, нагнувшийся над телом Аджи, не шевельнулся, чтобы скрыться. Перехватив красный от крови меч в левую руку, он вытащил серповидный нож юетши. Косатраль Кель вздымался над ним с поднятыми, как кувалды, руками. Но когда лезвие отразило солнечный луч, гигант внезапно отступил.

Однако кровь Конана взыграла. Он стремительно бросился вперед и всадил серповидное лезвие. Оно не отскочило и не изогнулось. Его острие вошло в темный металл, из которого состояло тело Косатраля, как нож мясника или топор входит в обычное тело. Из глубокого надреза потекла странная жидкость — кровь богов, и Косатраль издал крик, подобный погребальному звону большого колокола. Его устрашающие руки молотили все вокруг, но Конан, который был стремительнее, чем лучники, погибавшие под этими ужасными ударами, увертывался, колол и рубил вновь и вновь. Косатраль закачался и накренился, его крики рвали слух, как будто металлу был дан язык, выражающий боль, словно железо пронзительно визжало и скрежетало от муки.

Затем, развернувшись, он двинулся в лес, шатаясь и спотыкаясь, проламываясь через кусты и натыкаясь на деревья. И несмотря на то, что Конан преследовал его со скоростью, которую ему придавала жажда возмездия, стены и башни Дагона выступили из-за деревьев раньше, чем он сумел всадить в гиганта кинжал еще раз.

И тут Косатраль снова развернулся, молотя воздух сокрушительными ударами, но Конан, распаленный до бешенства, не собирался отказываться от своего намерения. Как пантера в безвыходном положении сбивает с ног лося, так нырнул он под дубинообразные руки и всадил по рукоять серповидное лезвие в то место, где у человека находится сердце.

Косатраль зашатался и упал. Он сохранял облик человека, пока был на ногах, но то, что ударилось о землю, уже потеряло эту форму. Там, где раньше было подобие человеческого лица, теперь была гладкая поверхность, а метал-

лические конечности плавились и изменялись на глазах... Конан, который не отступал перед живым Косатралем, отшатнулся, побелев, от него мертвого, не в силах наблюдать ужасные превращения. В своей смертной агонии Косатраль Кель снова становился субстанцией, которая ползла вверх из Бездны в течение тысячелетий. Давясь от нестерпимого отвращения, Конан отвернулся, чтобы не быть свидетелем этого зрелища, и тут он обнаружил, что сооружения Дагона больше не просвечивали сквозь деревья. Они растаяли как дым — зубчатые стены, башни, огромные бронзовые ворота, бархат, золото, слоновая кость, темноволосые женщины и бритоголовые мужчины. С уходом сверхъестественной силы, вернувшей их к жизни, они вновь обратились в прах, которым действительно были в течение бесчисленных веков. Только остатки разрушенных колонн поднимались над обвалившимися стенами, разбитой мостовой и разрушенным куполом. Конан снова видел руины Ксапура, какими он помнил их по прежним временам.

Варвар-гетман некоторое время стоял, подобно статуе, будто в тумане, пытаясь понять хоть что-нибудь в космической трагедии мерцающей эфемерности. Потом, услышав собственный голос, прерывающийся от страха, Конан встряхнулся, как бы приходя в себя после тяжкого сна, бросил взгляд на чудовищные останки на земле, содрогнулся и пошел к утесам и девушке, которая ждала его там.

Она со страхом вглядывалась под деревья и встретила его полузадушенным криком облегчения. Он стряхнул смутные чудовищные видения, которые на мгновение одолели его, и снова стал самим собой — бурным и любящим жизнь.

— Где он? — передернулась она.

— Убрался обратно в Бездну, откуда и выполз,— отвечал он весело.— Почему ты не спустилась по ступеням и не удрала в моей лодке?

— Я не хотела тебя бросать...— начала девушка, но тут же оборвала себя и добавила довольно мрачно: — Мне некуда идти. Гирканцы снова угонят меня в рабство, а пираты...

— А что ты скажешь о козаках? — предложил он.

— Неужели они лучше пиратов? — насмешливо спросила она.

Восхищение Конана только возросло при виде того, как хорошо восстановила она душевное равновесие после пережитого ужаса. Ее высокомерие позабавило варвара.

— Кажется, ты так и думала в лагере у Рога,— ответил Конан.— Тогда ты была достаточно бойка.

Алые губки искривились в презрении:

— Неужели ты думаешь, я влюбилась в тебя? Не воображай, что я стала бы позориться, заигрывая с таким варварским вместилищем пива и пожирателем мяса, как ты, если бы меня не принудили к этому. Мой хозяин, труп которого лежит вон там, хотел, чтобы я играла роль приманки для гетмана козаков.

Конан казался удрученным. Затем он рассмеялся, не думая охлаждать свой пыл:

— Неважно. Теперь ты принадлежишь мне. Поцелуй меня.

— Ты осмеливаешься просить...— начала Октавия сердито и вдруг почувствовала, что ее ноги оторвались от земли, а сама она прижата к мускулистой груди гетмана. Она отбивалась от него неистово, вкладывая в это всю гибкую силу своей восхитительной юности, но Конан только бурно хохотал, пьяный от обладания этим превосходным созданием, извивающимся в его руках.

Он легко сминал ее атаки и пил нектар ее губ со всей необузданной страстью, на которую был способен, пока руки, отталкивающие его, не ослабели и конвульсивно не обвились вокруг его массивной шеи. Тогда Конан рассмеялся, глядя прямо в чистые глаза, и сказал:

— Почему бы тебе не предпочесть вожака свободного народа воспитанной в городе собаке из Турана!

Октавия откинула свои рыжеватые локоны, еще трепеща каждым нервом от огненных поцелуев варвара. Не расплетая рук, она поддразнила:

— Ты считаешь себя равным Адже?

Конан рассмеялся и, держа девушку на руках, большими шагами двинулся к лестнице.

— Ты сможешь судить сама,— хвастливо бросил киммериец.— Я запалю Хоарезм, как факел, чтобы он освещал путь к моему шатру.

Банда головорезов под предводительством Конана продолжала опустошать западные границы Туранской империи, пока его давний наниматель, король Илдиз, не решил примерно наказать разбойников. Войска под началом шаха Амураса заманили козаков в глубь туранской территории и уничтожили в кровавой битве у реки Ильбарс.

Тени в лунном свете

1

Стремительный натиск на высокий тростник. Грохот падения, пронзительное ржание. Рядом с умирающим конем, шатаясь, поднялся всадник — стройная девушка в сандалиях и подпоясанной тунике. Ее темные волосы падали на белые плечи, в глазах застыл ужас затравленного зверька. Она не смотрела ни на заросли тростника, окружающие небольшую прогалину, ни на синие воды, что плескались о низкий берег позади нее. Взгляд широко раскрытых глаз не отрывался от наездника, который пробился через стену тростника и спешился перед девушкой.

Это был высокий мужчина, худощавый, но крепкий как сталь. С головы до ног его прикрывала легкая посеребренная кольчуга, она облегала гибкое тело, как перчатка. Из-под куполообразного шлема, украшенного золотом, на девушку насмешливо взирали карие глаза.

— Отойди! — Ее голос звенел от страха.— Не прикасайся ко мне, шах Амурас, не то я брошусь в воду и утону!

Он рассмеялся — эти звуки напоминали шелест меча, выскальзывающего из шелковых ножен.

— О нет, Оливия, дочь недоразумения, ты не утонешь. Здесь слишком мелко, я успею схватить тебя прежде, чем доберешься до глубокого места. Видят боги, это была нелегкая охота — охота на человека, и все мои люди остались далеко позади. Но к западу от Вилайета нет скакуна, которому по силам уйти от Ирема.— Он кивнул в сторону высокого, тонконогого степного коня.

— Отпусти меня! — взмолилась девушка, и слезы покатились по ее щекам.— Разве я мало страдала? Разве есть на свете унижения и пытки, которым ты меня не подвергал? Сколь долго еще мне мучиться?

— До тех пор, пока мне не наскучат твои слезы, мольбы, стоны и корчи,— ответил он с улыбкой, которая человеку, не знающему его, могла показаться чарующей.— Оливия, ты на удивление мужественна. Мне хочется узнать, надосшь ли ты мне когда-нибудь, как надоедали все женщины до тебя. Что бы я ни делал с тобой, ты остаешься свежа и незапятнанна. Каждый день, проведенный в твоем обществе, дарит мне новые радости. Иди сюда, пора возвращаться в Акит, где народ все еще празднует победу над жалкими козаками, пока их победитель гоняется за негодницей-беглянкой!

— Нет! — Она отшатнулась и повернулась к воде, плещущей под ковром тростника.

— Да! — Неприкрытая ярость была как искра, высеченная из огнива. С тигриным проворством он настиг девушку, поймал ее руку и заламывал — жестокость ради жестокости,— пока Оливия не упала на колени, крича от боли.

— Дрянь! Надо бы привязать тебя к хвосту коня, чтобы бежала до самого Акита, но я милосерден. Поедешь на луке моего седла. Смиренно благодари за эту милость, не то...

Он ахнул от неожиданности, отпустил Оливию, схватился за саблю и прыгнул в сторону, когда из зарослей тростника с нечленораздельным яростным воплем выскочило жуткое существо.

Лежа на земле, Оливия увидела незнакомца и сразу приняла его за дикаря или безумца. Дикарь был мощного телосложения, наг, если не считать набедренной повязки в пятнах крови и высохшего ила. Его черные волосы слиплись от крови и тины, тело было сплошь в грязи, а длинный прямой меч, который он держал в правой руке, тоже покрыт запекшейся кровью. Под беспорядочно спадавшими на лоб волосами сверкало синее пламя налитых кровью глаз.

— Гирканский пес! — с варварским акцентом процедил сквозь зубы незнакомец.— Не иначе демоны мести привели тебя сюда!

— Козак! — отпрянув, воскликнул шах Амурас.— А я и не знал, что кому-то из вас, псов, удалось сбежать! Я думал, что все вы легли костьми в степи у реки Ильбарс.

— Все легли, кроме меня, будь ты проклят! — крикнул варвар.— О, как я мечтал об этой встрече, когда полз на брюхе по зарослям колючек, когда лежал под камнями, а муравьи жрали меня заживо, когда захлебывался болотной грязью! О боги ада, как я ждал этого мига!

Кровожадную радость незнакомца невозможно было описать. Его зубы скрипели, желваки перекатывались, на почерневших губах выступила пена.

— Не подходи! — рявкнул Амурас, следя за ним сузившимися глазами.

— Ха! — Этот возглас напоминал рык дикого волка.— Шах Амурас, великий правитель Акита! Не передать, до чего же я рад видеть того, кто скормил моих товарищей стервятникам, того, кто разрывал их дикими конями, того, кто выкалывал им глаза, заживо сдирал с них кожу. Ах ты пес! Грязный пес! — Его слова перешли в нечленораздельный вопль, и он бросился на шаха.

Выглядел этот безумец, или дикарь, поистине устрашающе, и все-таки Оливия ждала, что он упадет при первом же скрещении мечей. И правда, что он, нагой, может сделать защищенному кольчугой повелителю Акита?

Клинки блеснули и разлетелись, будто и вовсе не касались друг друга. Затем меч промелькнул быстрее сабли и с ужасающей силой опустился на плечо шаха Амураса. Оливия вскрикнула — столь яростен был этот удар. Она явственно различила скрежет кольчуги и хруст костей. Гирканец отшатнулся, вмиг его лицо приобрело пепельный цвет, из-под кольчуги потекла кровь. Сабля выпала из руки.

— Пощады,— хрипло прошептал он.

— Пощады? — Голос незнакомца дрожал от бешенства.— А ты, свинья, пощадил моих друзей?!

Оливия закрыла глаза. Это была уже не битва, а кровавая расправа, безумная и яростная, вдохновляемая ненавистью и бешенством,— безжалостная кара за пытки и бессмысленные убийства. Хотя Оливия и знала, что шах Амурас не заслуживает сострадания ни одного живого существа, она закрыла глаза и зажала ладонями уши. Она не могла смотреть на этот поднимающийся и опускающийся меч, не могла слышать отвратительного хруста, с каким он вонзался в поверженного врага, и захлебывающиеся крики, которые становились все тише и наконец прекратились.

Оливия открыла глаза. Незнакомец отвернулся от кровавой груды, которая лишь отдаленно напоминала человека. Грудь победителя вздымалась от усталости или волнения, лоб был покрыт испариной, правая рука забрызгана кровью.

Он не заговорил с девушкой, даже не глянул в ее сторону. Оливия смотрела, как он идет сквозь заросли тростника к воде, нагибается, берется за что-то, тянет. Выплыла лодка, которую дикарь прятал в тростнике. В этот миг девуш-

ка догадалась, как намерен поступить незнакомец, и эта догадка побудила ее действовать.

— Подожди! — Она вскочила на ноги и, пошатываясь, догнала его.— Не оставляй меня! Возьми с собой!

Он обернулся и внимательно посмотрел на нее. Теперь он выглядел по-другому. В воспаленных глазах не было безумия. Как будто кровь, только что пролитая им, потушила огонь его бешенства.

— Кто ты такая? — хмуро спросил он.

— Меня зовут Оливия. Я была его пленницей. Я убежала. Он преследовал меня, потому и оказался здесь. О, не оставляй меня! Его люди где-то недалеко. Они найдут мертвеца, найдут меня рядом с ним... О!

Девушка застонала от ужаса и заломила белые руки. На лице варвара появилась растерянность.

— Ты действительно хочешь отправиться со мной? — суровым тоном спросил он.— Ведь я дикарь, и вижу, ты боишься меня.

— Да, я тебя боюсь,— ответила девушка. Она была слишком потрясена, чтобы скрывать свои чувства.— Не могу не дрожать при виде тебя. Но гирканцев я боюсь сильнее! О, позволь мне плыть с тобой! Они запытают меня до смерти, если найдут рядом с телом своего мертвого повелителя!

— Что ж, садись.

Он посторонился, и Оливия быстро шагнула в лодку, стараясь не коснуться его. Варвар ступил в лодку, оттолкнулся от берега веслом и, орудуя им как шестом, стал с трудом прокладывать дорогу среди высоких стеблей тростника. Наконец они выбрались на чистую воду. Он сел и принялся широко, уверенно грести обоими веслами. Девушка невольно залюбовалась буграми его могучих мышц, которые перекатывались под грязной кожей.

Некоторое время они молчали. Девушка съежилась на носу лодки, мужчина работал веслами. Она наблюдала за ним с боязливым любопытством. Было очевидно, что он не гирканец, и он не походил на уроженца какой-нибудь хайборийской страны. В нем была жизненная сила волка, отличающая варваров. Черты его лица, покрытого шрамами битв, болотной грязью и свежепролитой кровью, выражали неукротимую дикость. Но в них не было тупой злобы или извращенной жестокости.

— Кто ты? — спросила девушка.— Шах Амурас назвал тебя козаком. Ты был в шайке, которую он разгромил?

— Я Конан из Киммерии,— проворчал он.— Да, я был с козаками, как называли моих товарищей гирканские псы.

Киммерия? Девушке смутно припомнилось, что эта страна лежит где-то на северо-западе, намного дальше самых далеких государств белой расы.

— Я дочь короля Офира,— сказала она.— Отец продал меня повелителю шемитов, потому что я отказалась выйти замуж за принца Кофа.

Киммериец удивленно хмыкнул. Губы девушки искривила горькая усмешка:

— О да, в цивилизованных странах есть обычай продавать своих детей в рабство дикарям. И при этом твое племя, Конан из Киммерии, называют варварским.

— Мы не продаем своих детей,— процедил он, свирепо выпятив подбородок.

— Ну а меня продали. И король пустынной страны нашел мне самое «достойное» применение. Он хотел купить благосклонность шаха Амураса, и я была в числе даров, которые он привез в Акит, город пурпурных садов. Потом...

Она вздрогнула и спрятала лицо в ладонях.

— Я должна была давно утратить стыд,— сказала она наконец.— Но каждое воспоминание для меня — все равно что удар плети для раба. Я жила во дворце шаха Амураса, пока несколько недель назад он со своим войском не отправился сражаться с бандой чужеземцев, которая бесчинствовала на границах Турана. Вчера он вернулся с победой, в ее честь начался пышный праздник. В суматохе, когда все перепились, я ускакала из города на украденной лошади. Я думала, что побег удастся, но в погоню за мной бросился сам шах Амурас. Мне удалось оторваться от его воинов, но не от самого шаха. Он настиг меня, и тут появился ты.

— Я прятался в тростнике,— проворчал Конан.— Я был одним из тех отчаянных парней, вольных козаков, которые жили и грабили на границах. Нас было пять тысяч, мы вышли из двух десятков народов и племен. Большинство прежде служило в наемном войске мятежного принца Кофа, а когда он замирился со своим проклятым сюзереном, мы остались без дела. Деваться было некуда, ну, мы и начали хозяйничать в приграничных землях Кофа, Заморы и Турана. Мы никому не давали спуску. Неделю назад Шах Амурас заманил нас в ловушку на берегу Ильбарса. С ним было пятнадцать тысяч человек. Митра! Небо почернело от стервятников. Мы дрались целый день, а когда наши ряды дрогнули, некоторые из нас попытались прорваться на север, другие — на запад. Сомневаюсь, что кому-то удалось бежать. Степь была полна всадников, они преследовали бег-

лецов. Я пробился на восток и долго блуждал по болотам на этом берегу моря Вилайет. Вплоть до вчерашнего дня гирканские псы прочесывали тростники — искали уцелевших козаков. Я закапывался в грязь, как змея, и питался мускусными крысами — сырыми, потому что не смел развести костер. Сегодня утром я нашел в тростнике эту лодку. Я собирался уйти в море не раньше наступления ночи, но теперь придется поспешить. Когда гирканцы найдут своего шаха, они быстро возьмут наш след.

— И что теперь?

— Наверняка они погонятся за нами. Если не заметят след лодки в тростниках, все равно догадаются, что мы пошли в море. Наверное, отправят вдогонку судно. Но у нас есть преимущество во времени, и я буду налегать на весла, пока мы не окажемся в безопасном месте.

— Где же мы найдем такое место? — уныло произнесла она.— Вилайет безраздельно принадлежит гирканцам.

— Кое-кто так не считает,— мрачно усмехнулся Конан.— Я имею в виду рабов, которые сбежали с галер и стали пиратами.

— И что ты намерен предпринять?

— Сотни миль юго-западного берега держат в своих руках гирканцы. Чтобы пересечь северную границу их владений, надо проделать долгий путь. Я собираюсь плыть на север, пока не решу, что граница осталась позади. Тогда мы повернем на запад и постараемся высадиться в необитаемой степи.

— А если встретим пиратов или попадем в шторм? — спросила она.— Да и какой смысл бежать в безлюдную степь? Мы там попросту умрем от голода.

— Я тебя не уговаривал плыть со мной,— напомнил он.

— Прости,— склонила она темноволосую голову.— Пираты, бури, голодная смерть — все это гораздо милосерднее туранцев.

— Да.— Брови киммерийца сурово насупились.— Успокойся, девочка. В это время года бури на Вилайете бывают редко. Если доберемся до степей, как-нибудь прокормимся. Я вырос на голой земле. Это проклятые болота, с их вонью и комарами, чуть не лишили меня силы духа. Что же касается пиратов...— Он многозначительно усмехнулся и сильней налег на весла.

Солнце кануло, как тусклый медный шар в огненное озеро. Синева моря слилась с синевой неба, и все кругом превратилось в мягкий темный бархат, усыпанный звезда-

ми и отражениями звезд. Оливия сомлела на носу покачивающейся лодки. Ей казалось, что она плывет по воздуху: звезды внизу, звезды вверху. Ее спутник безмолвствовал, весла поднимались и опускались, поднимались и опускались. Может быть, этот человек — легендарный перевозчик, которому поручено доставить ее на тот берег темного Озера Смерти? Но уже не было сил бояться. Она погрузилась в спокойный сон.

Оливия проснулась на рассвете от жуткого голода. А может, оттого, что лодка теперь качалась гораздо слабее. Конан отдыхал на веслах, глядя вдаль по-над головой Оливии. Она догадалась, что он греб всю ночь без передышки, и восхитилась его выносливостью. Повернувшись, чтобы проследить за направлением его взгляда, девушка увидела зеленую стену деревьев и кустарника, она поднималась от самой воды и огибала бухточку с неподвижными, как стекло, синими водами.

— В этом внутреннем море немало островов, мы перед одним из них,— сказал Конан.— Считается, что они необитаемы. Я слышал, гирканские галеры навещают их редко. Они обычно держатся поближе к берегу, а мы отплыли далеко. Я перестал видеть берег еще до заката.

Несколькими взмахами весел он подогнал лодку к острову и привязал к воздушному корню дерева у самой воды. Ступив на берег, протянул руку Оливии. Девушка слегка вздрогнула, потому что рука была запачкана кровью, но все же взялась за нее и ощутила буйную жизненную силу, которой дышало все тело варвара.

От леса, что обрамлял синюю бухту, веяло сонным покоем. Где-то далеко за деревьями птица завела утреннюю песню. Бриз шелестел листвой, заставлял листья перешептываться. Оливия поймала себя на том, что внимательно прислушивается, сама не зная к чему. Что может таиться в этом безымянном лесу?

Пока она робко всматривалась в тени среди деревьев, какая-то птица с громким хлопаньем крыльев выпорхнула на свет. Огромный попугай закачался на ветке, блестя нефритово-зелеными и кроваво-красными перьями. Попугай свесил набок увенчанную хохолком голову и посмотрел на пришельцев агатовым глазом.

— Кром! — пробормотал киммериец.— Никак это пращур всех попугаев? Ему, должно быть, тысяча лет. Посмотри, какой у него мудрый взгляд. Что за тайны ты стережешь, Мудрый Демон?

Птица неожиданно расправила яркие крылья и, покинув ветку, хрипло прокричала: «Йахкулан йок тха, ксухалла!» С диким пронзительным хохотом, совершенно неотличимым от человеческого, попугай скрылся в прохладном сумраке леса.

Оливия смотрела ему вслед, не в силах отвести взгляд, а дурное предчувствие гнало мурашки по ее спине.

— Что он сказал? — прошептала она.

— Могу поклясться, это были слова человеческого языка,— ответил Конан.— Но какого именно, я не знаю.

— И я не знаю,— сказала девушка.— Должно быть, он им научился у человека. Или...— Она снова посмотрела в глубь леса и вздрогнула, сама не ведая отчего.

— Кром, до чего я голоден! — воскликнул киммериец.— Готов съесть целого быка. Поищем фруктов. Но сначала я смою всю эту мерзость. Прятаться на болотах — грязное занятие.

С этими словами он отложил меч и зашел по плечи в синюю воду. Когда вернулся на сушу, его бронзовая кожа сверкала, блестящие черные волосы уже ничем не напоминали кошмарные патлы. Синие глаза, хоть и горели неугасимым огнем, больше не были налиты кровью. Но тигриная ловкость и угроза, сквозящая в обликe, не покинули его.

Он поднял меч и махнул девушке рукой, чтобы следовала за ним. Они вошли под арки огромных ветвей. Зеленый ковер травы пружинил под ногами.

Через некоторое время Конан заворчал от удовольствия при виде золотых и красновато-коричневых шаров, висящих гроздьями по нескольку штук среди листвы. Жестом велев девушке сесть на ствол упавшего дерева, он набросал ей в подол экзотических фруктов, а потом с волчьим аппетитом принялся за еду.

— Иштар! — воскликнул он, оторвавшись на миг от этого приятного занятия.— Со дня битвы у реки Ильбарс я питался только крысами и корнями, которые выкапывал из вонючей грязи. Эти фрукты великолепны, хоть и не слишком питательны. Но с голоду мы здесь не помрем, это точно.

Оливия была слишком занята едой, чтобы ответить. Как только киммериец утолил мучительный голод, он посмотрел на свою очаровательную спутницу с большим интересом, чем до сих пор. Оценил по достоинству роскошные темные волосы, персиковый оттенок нежной кожи и округлости гибкой фигуры, чье изящество почти не скрывала короткая шелковая туника.

Завершив трапезу, объект его пристального внимания поднял глаза. Встретив жгучий взгляд прищуренных глаз Конана, девушка залилась румянцем и выронила оставшиеся фрукты.

Скупой на слова киммериец жестом дал понять, что им надо осмотреть остров полностью. Оливия встала и последовала за ним. Они вышли на большую поляну, за которой деревья сплелись в непроходимую чащу. Неожиданно в чаще раздался треск. Конан прыгнул в сторону и увлек девушку за собой — как раз вовремя, чтобы уклониться от того, что пролетело в воздухе и со страшной силой ударилось о ствол дерева.

Выхватив меч, Конан пересек поляну и бросился в чащу. Но больше ничто не нарушало тишину. Испуганная и растерянная Оливия съежилась в траве. Наконец Конан вернулся, и был он мрачен.

— В чаще никого нет,— проворчал он.— Но кто-то ведь был...

Он изучил снаряд, едва не попавший в них, и хмыкнул, словно не мог поверить собственным глазам. Огромный куб из зеленоватого камня лежал на траве под деревом, чей ствол едва не раскололся при ударе.

— Странноватый камешек для необитаемого острова,— заключил Конан.

Прекрасные глаза Оливии расширились от изумления. Камень представлял собой правильный куб, несомненно, его вырубили и отшлифовали руки человека. Он был удивительно тяжел. Кряхтя от натуги, киммериец поднял его обеими руками над головой, отчего все тело взбугрилось мускулами, и бросил изо всех сил. Камень грянулся оземь в нескольких шагах. Конан выругался.

— Ни один человек в мире не мог перебросить этот камень через всю поляну. Это под силу только осадному орудию. Но здесь нет ни катапульт, ни баллист.

— Может, он пущен издали, с корабля? — предположила девушка.

Конан отрицательно покачал головой.

— Камень падал не отвесно. Он прилетел вон из той чащи. Взгляни на сломанные ветки. Кто-то швырнул его, как простую гальку. Кто? Или правильней будет сказать, что? Пойдем!

Она неохотно пошла за ним в чащу. Сразу за почти непролазным кустарником лес оказался не таким густым. Здесь царила полнейшая тишина. На упругой траве не осталось ничьих следов. И все же именно из этой таинственной чащи

прилетел камень, стремительный и смертоносный. Конан опустился на корточки, пригляделся к траве и с сомнением покачал головой. Даже его опытные глаза не различили ни малейшего следа. Он поднял взор на зеленый свод у них над головами — прочный потолок из густой листвы и сплетенных ветвей. И замер, точно громом пораженный.

Сбросив оцепенение, он поднял меч и попятился, увлекая Оливию за собой.

— Уходим, быстро!

От его шепота у девушки кровь застыла в жилах.

— Что там? Кого ты увидел?

— Никого,— ответил он, настороженно глядя по сторонам.

— Почему же тогда мы уходим? Кто прячется в этой чаще?

— Смерть,— ответил он, не сводя взгляда с раскинувшихся над ними изумрудных арок.

Как только они выбрались из чащи, Конан взял Оливию за руку и быстро повел между деревьями, пока они не выбрались на почти безлесный склон, поросший сочной травой. По склону они поднялись на низкое плато, где трава была выше, а деревья встречались редко. Посреди плато возвышалось длинное приземистое сооружение из выветрелого зеленоватого камня.

От изумления они застыли как вкопанные. Конан не мог припомнить ни одной истории, в которой бы упоминалась загадочная постройка на одном из островов моря Вилайет.

Варвар и дочь офирского короля осторожно приблизились к зданию. Каменные стены обросли мхом и лишайниками, кровля была вся в провалах. В траве валялись куски зеленоватого камня и даже целые блоки. На земле виднелись следы кладки. По-видимому, здесь когда-то стояло много домов, может быть, целый город. А теперь только продолговатая постройка, что-то вроде молитвенного зала, глядела в небо дырами в крыше, и ее покосившиеся стены были обвиты лианами.

Если и была дверь в широком проеме входа, она давно сгнила и обратилась в прах. Конан и его спутница остановились на пороге и заглянули внутрь. Солнечный свет струился сквозь дыры в крыше и стенах, заполняя зал путаницей рассеянных лучей и теней. Чуть наклонив голову и сжимая рукоять меча, Конан двинулся вперед мягкой, неслышной поступью охотящейся пантеры. Оливия на цыпочках последовала за ним.

Оказавшись внутри, Конан удивленно хмыкнул, а Оливия едва сдержала крик.

— Смотри! Смотри же!

— Вижу,— ответил он.— Нечего бояться, это статуи.

— Но они как живые! И до чего же злющими кажутся! — прошептала она, придвигаясь ближе к Конану.

Конан и девушка стояли посреди огромного зала, полированный каменный пол которого был покрыт пылью и щебнем. В щелях между плитами коренились лианы. Высокую и совершенно плоскую крышу поддерживали массивные колонны, они тянулись рядами вдоль стен. И в каждом промежутке между колоннами стояло удивительное изваяние.

Статуи. По-видимому, железные. Они были черны и сверкали так, будто их ежедневно начищали. Статуи изображали в натуральную величину высоких, стройных и сильных мужчин с ястребиными чертами суровых лиц. Эти люди были нагими, и каждая впадина и выпуклость на теле, все суставы и мышцы были изображены поразительно реалистично. И уже совсем как настоящие были их гордые, высокомерные лица.

Эти статуи были изваяны не по одному образцу. Каждое лицо обладало индивидуальными особенностями, хотя сходство некоторых черт говорило о том, что все эти люди принадлежали одному народу.

— Кажется, будто они слушают... и ждут! — Девушка поежилась.

Конан постучал рукоятью меча по ближайшей статуе.

— Железо,— заявил он.— Кром! В каких формах их отливали? — Он озадаченно покачал головой и пожал могучими плечами.

Оливия робко осмотрелась. В огромном зале было тихо. Ее взгляду предстали только увитые плющом стены и колонны да темные фигуры в промежутках между колоннами. На сердце легла тяжесть, захотелось поскорее уйти отсюда, однако ее спутника, похоже, изваяния странным образом привлекалик себе. Он рассмотрел их во всех подробностях и, как истинный варвар, попытался отломать кусок. Но материал, из которого они были сделаны, успешно выдержал покушение. Конану не удалось ни повредить статую, ни сдвинуть с места. Наконец он удивленно выругался под нос и сдался.

— Интересно, с кого их ваяли? — задал он риторический вопрос.— Статуи черные, но не похожи на негров. Я никогда не видел таких людей, как эти.

— Давай выйдем на свет,— попросила Оливия, и Конан кивнул, бросив последний озадаченный взгляд на темные фигуры.

Они выбрались из пыльного зала под прямые лучи яркого летнего солнца. Взглянув на светило, Оливия с удивлением поняла, что они пробыли в зале гораздо дольше, чем ей казалось.

— Может, вернемся в лодку? — предложила она.— Я боюсь. Тут все так странно, и я чувствую присутствие зла. Не забывай, где-то поблизости бродит тот, кто швырнул в нас камень. Вдруг он снова решит напасть?

— Думаю, пока мы не в лесу, опасаться нечего,— возразил он.— Пойдем-ка.

Плато, обрамленное лесистыми низинами на востоке, юге и западе, на севере шло на подъем и упиралось в нагромождение скал, вершина одной из которых была самой высокой точкой острова. Туда и направился Конан, соразмеряя свой размашистый шаг с походкой спутницы. Время от времени он бросал на нее взгляд искоса, и она это чувствовала.

Они добрались до северной оконечности плато и остановились перед высокими крутыми утесами. По краю плато к востоку и западу от утесов густо росли деревья, цепляясь за обрывистый склон. Конан подозрительно посмотрел на эти деревья, но все же начал восхождение, помогая спутнице. Скалы не были отвесны, к тому же на них хватало уступов. Киммериец, рожденный в горной стране, мог бы взбежать по ним, как кошка, но Оливия карабкалась с трудом. Снова и снова она чувствовала, как ее поднимают, переносят через препятствие, и все больше дивилась невероятной силе этого человека. Его прикосновения уже не вызывали у нее дрожь. Напротив, железная хватка Конана сулила надежную защиту.

Наконец они оказались на самой вершине, и морской ветер растрепал им волосы. От их ног скалы круто уходили вниз на три-четыре сотни локтей. Под обрывом лежала узкая полоса прибрежного леса. Посмотрев на юг, они увидели весь остров, плоский, как огромное овальное зеркало. Края плато загибались книзу и тонули в ободке зелени. Вокруг, насколько охватывал глаз, простиралась синяя морская гладь и исчезала в дымке на далеком горизонте. Оливия вздохнула с облегчением.

— Море спокойно,— произнесла она.— Почему бы нам не плыть дальше?

Конан, замерший на утесе подобно бронзовой статуе, указал на север.

Оливия увидела белое пятнышко — казалось, оно висит в дымке.

— Что это?

— Парус.

— Гирканцы?

— Поди определи на таком расстоянии.

— Они бросят здесь якорь и обыщут остров! — вскричала она, вмиг поддавшись страху.

— Не думаю. Судно идет с севера, значит, оно не гонится за нами. Но по той или иной причине оно может остановиться здесь. Тогда мы уйдем в лес и будем ждать. Но мне кажется, это или пираты, или гирканская галера возвращается из набега. Галера вряд ли бросит здесь якорь. Но кто бы это ни был, нам не выйти в море, пока они не скроются из виду, потому что судно идет с той стороны, куда надо плыть нам. Будем надеяться, за ночь они пройдут мимо острова, а на рассвете мы продолжим путь.

— Значит, придется ночевать на этом острове? — Девушка задрожала.

— Похоже на то.

— Тогда давай спать здесь, на скалах,— взмолилась она.

Конан отрицательно покачал головой, глядя на плато со скрюченными деревьями, на раскинувшийся внизу лес — он казался живым существом, он тянул зеленые щупальца, пытаясь уцепиться за скалы.

— Слишком много деревьев. Будем спать в развалинах.

Оливия ахнула от страха.

— Бояться нечего,— успокаивающе произнес он.— Тот, кто швырнул камень, не решился выйти за нами из леса. На развалинах я не заметил никаких следов хищных зверей. У тебя нежная кожа, ты привыкла к уюту. Я могу запросто переночевать голым на снегу, но ты к рассвету обязательно простудишься на таком ветру.

На это Оливии возразить было нечего, и она неохотно кивнула. Они спустились со скалы, пересекли плато и снова приблизились к мрачным, окутанным тайной руинам. К этому времени солнце утонуло за краем плато. Фрукты, сорванные с деревьев около утесов, послужили ужином — едой и питьем одновременно.

Быстро опустилась южная ночь, рассыпала по темно-синему небу крупные белые звезды. Увлекая за собой Оливию, Конан вошел в сумрачные развалины. Она задрожала

при виде черных статуй. В зал проникал слабый свет звезд, но она не могла различить их очертания, только чувствовала, что они ждут. Ждут одни боги знают сколько веков.

Конан принес полную охапку веток с листьями, устроил ложе для Оливии, и она легла. Не выразить того, что она при этом испытывала,— наверное, нечто подобное переживает человек, который устраивается спать в змеином логове.

Каковы бы ни были ее предчувствия, Конан их не разделял. Киммериец сел рядом с девушкой, прислонившись спиной к колонне, и положил на колени меч. Его глаза светились в темноте, как у пантеры.

— Не бойся, девочка,— сказал он.— Я сплю чутко, как волк. Никто не проникнет в этот зал, не разбудив меня.

Оливия не ответила. Лежа на постели из веток, она смотрела на неподвижный силуэт, едва различимый во тьме. Как это все же странно — она, дочь офирского короля, завязала дружбу с варваром! О ней заботится, ее защищает выходец из страны, сказками о которой ее пугали в детстве. Он вырос среди угрюмых, свирепых и кровожадных людей. Дикость сквозит в каждом его движении, горит в его взоре. И все же он не причинил Оливии вреда. Хуже всего обращался с ней человек, кичившийся своей принадлежностью к «культурному» народу.

Когда усталое тело отдалось дремотной неге, а разум погрузился в туман сновидений, Оливии вспомнилось волнующее прикосновение сильных пальцев Конана к ее нежной коже.

2

Оливия спала, и во сне ее мучило ощущение близости тайного зла — в образе черной змеи, скрытно ползущей среди цветов. Сны были обрывочны, но ярки — разрозненные элементы незнакомого узора, которые в конце концов сложились в картину, исполненную ужаса и безумия; фоном ей служили циклопические каменные блоки и колонны.

Она увидела огромный зал. Его высокий потолок опирался на каменные столбы, которые выстроились ровными рядами вдоль массивных стен. Между колоннами порхали огромные зелено-красные попугаи. Зал был полон темнокожих воинов с ястребиными чертами лиц. Они не были неграми. Их обличье, одежда и оружие были абсолютно чужды миру, в котором жила спящая.

Воины обступили привязанного к колонне человека. То был гибкий белокожий юноша, его золотые кудри спадали на лоб, белизной не уступающий алебастру. Его красота была не вполне человеческой. Она наводила на мысль о статуе бога, высеченной из белого мрамора.

Чернокожие воины смеялись над ним, что-то выкрикивали на незнакомом языке. Гибкое обнаженное тело корчилось под их безжалостными руками. Кровь стекала по бедрам цвета слоновой кости и капала на полированный пол. Залы откликались эхом на мученические крики. И вдруг, подняв лицо к потолку, юноша ужасным голосом выкрикнул имя. Кинжал в черной, как эбеновое дерево, руке оборвал его крик, и златовласая голова упала на грудь.

Словно в ответ на отчаянный предсмертный вопль раздался гром, как от ободьев небесной колесницы, и в воздухе среди мучителей материализовался человек. Вернее, только обликом он напоминал человека — еще ни один смертный не обладал такой сверхъестественной красотой. Между ним и юношей, который безжизненно повис на своих цепях, было несомненное сходство. Но ни одной из человеческих черт, что скрадывали богоподобность юноши, не было в облике незнакомца. Его красота была красотой статуи, холодного камня.

Чернокожие отшатнулись от него. Их глаза сверкали бешеным огнем. А он поднял руку и заговорил, и голос его многажды отразился гулким эхом от стен и сводов зала. Словно в трансе, отступали темнокожие воины, отступали, пока не заняли места вдоль стен в равных промежутках друг от друга. Затем с неподвижных губ незнакомца сорвалось чудовищное заклинание:

— Йахкулан йок тха, ксуххалла!

При звуках страшного заклятия черные силуэты замерли. Их члены сковала неподвижность, они окаменели в неестественных позах. Незнакомец коснулся безвольного тела юноши, и цепи упали. Он поднял мертвое тело на руки. Затем обернулся, спокойным взором скользнул по безмолвным рядам черных фигур и указал на луну, которая заглядывала в зал сквозь окна. И они поняли, эти застывшие в ожидании статуи, которые только что были живыми людьми...

Оливия проснулась, как от толчка. Она вся была в холодном поту, сердце громко стучало в полной тишине. Поведя вокруг диким взором, девушка увидела Конана,— он спал, прислонившись к колонне, голова свесилась на могучую грудь. Серебряные лучи поздней луны проникали сквозь

дыры в потолке, длинными белыми полосами ложились на пыльный пол. Девушка смутно различила статуи — черные, застывшие в миг величайшего напряжения, выжидающие. Борясь с истерикой, она разглядывала слабо озаренные луной колонны и статуи в нишах.

Что это? Дрожь прошла по статуям, едва их коснулся луч.

Словно невидимые оковы сомкнулись на ее членах, когда она заметила шевеление, судороги черных тел. Но через мгновение с ее уст сорвался вопль, и вместе с ним спало оцепенение. Конан вскочил на ноги, в руке его был меч, зубы сверкали в темноте.

— Статуи! Статуи! О боже, они оживают!

С пронзительным криком Оливия бросилась к пролому в стене, разорвала лианы. Она бежала вслепую, оглашая ночь дикими воплями, и вдруг твердая рука схватила ее за плечо. Девушка визжала и барахталась в объятьях чудовищной силы, пока знакомый голос не проник сквозь туман владевшего ею ужаса, пока она не увидела перед собой в лунном свете озадаченное лицо Конана.

— Кром! Да что с тобой, девочка? Кошмар приснился?

Его голос показался ей далеким, незнакомым. Всхлипнув, она обвила руками его могучую шею. Ее сотрясали рыдания, легким не хватало воздуха.

— Где они? Они гнались за нами?

— Никто за нами не гнался.

Все еще прижимаясь к нему, девушка огляделась вокруг. Оказывается, она добежала почти до южного края плато. Прямо под ними начинался склон, подножие скрывалось в густой тени леса. Обернувшись, она увидела руины, ярко освещенные луной.

— Неужели ты не заметил? Статуи двигались, поднимали руки, глаза сверкали во тьме...

— Я ничего не видел,— нахмурился варвар.— Спал крепче обычного, мне ведь уже давно не случалось выспаться. И все-таки не думаю, чтобы кто-то мог войти в зал, не разбудив меня.

— Никто и не входил.— Она истерически рассмеялась.— Они уже были там. О, Митра, мы устроились на ночлег в их логове! Овцы сами забрели на бойню!

— О чем ты говоришь? Я проснулся от твоего крика, но прежде чем успел осмотреться, ты бросилась наружу через трещину в стене. Я побежал следом, боясь, как бы с тобой не случилось чего. Решил, что тебе приснился скверный сон.

— Так оно и было! — Девушка вздрогнула.— Но реальность оказалась куда страшнее сна. Слушай!

И она рассказала обо всем, что увидела во сне и, как ей казалось, наяву.

Конан выслушал очень внимательно. Естественный скептицизм просвещенного человека был ему незнаком. В мифологии его народа встречались вампиры, гоблины и чернокнижники,— ни один киммериец не считал их выдумкой. Когда она договорила, он некоторое время сидел молча, в задумчивости поигрывая мечом.

— Юноша, которого пытали, был похож на высокого мужчину, который появился потом? — спросил он наконец.

— Как сын на отца,— ответила она и нерешительно добавила: — Если можно вообразить плод союза божества со смертным человеком, то это и будет тот юноша. Наши легенды говорят, что в древние времена смертные женщины иногда рождали детей от богов.

— От каких богов?

— Эти боги давно забыты, никто не знает их имен. Они вернулись в спокойные воды озер, на тихие холмы, на берега, что лежат за звездами. Боги столь же непостоянны, как и люди.

— Но если эти статуи — люди, превращенные в железо богом или демоном, как могут они оживать?

— Это лунное колдовство.— Девушка снова задрожала.— Пришелец указал на луну. Пока на них падает лунный свет, они живут.

— Но нас никто не преследовал,— пробормотал Конан, бросив взгляд на слабо освещенные развалины.— Тебе могло присниться... Пожалуй, я схожу, проверю.

— Нет, нет! — вскричала она и вцепилась в него изо всех сил.— Быть может, заклинание удерживает их внутри зала. Не возвращайся! Они разорвут тебя на части. О, Конан, давай лучше спустимся в лодку и навсегда оставим позади этот ужасный остров! Гирканский корабль уже наверняка прошел мимо. Бежим отсюда!

Ее мольбы были столь горячи, что подействовали на Конана. Суеверный страх киммерийца пересилил любопытство. Он не испугался бы целой армии врагов из плоти и крови, но малейший намек на сверхъестественные силы тотчас вызывал к жизни смутный и необъяснимый страх — варварское наследство.

Конан взял девушку за руку. Они спустились по склону и вошли в густой лес, где шептала листва и сонно вскрики-

вали неизвестные птицы. Под деревьями тени сгустились еще плотнее, и приходилось идти зигзагами, огибая самые темные места. Взгляд киммерийца непрестанно метался по сторонам и часто устремлялся вверх, на сплетенные ветви. Конан шел быстро, но осторожно. Он так крепко обнимал девушку за талию, что скорее нес ее, чем вел. Оба молчали. Тишину нарушали только быстрые шаги девушки да шорох травы под ее маленькими ступнями. Так они пересекли лес и добрались до воды, что блестела в лунном свете подобно расплавленному серебру.

— Надо было фруктов захватить,— пробормотал Конан.— Ну да ладно, найдем другие острова. Можно плыть прямо сейчас, рассвет уже скоро...

Он не закончил фразу. Один конец веревки по-прежнему был обмотан вокруг корня дерева, другой — привязан к носу лодки. Но сама лодка с проломленными бортами наполовину утонула в спокойной воде.

У Оливии вырвался сдавленный крик. Конан повернулся к густой тени, где затаился неведомый враг. Ночные птицы внезапно умолкли, в лесу воцарилась грозная тишина. Ветерок не шевелил ни одну ветку, и все же листва по непонятной причине трепетала.

Стремительный, как гигантская кошка, Конан обхватил девушку руками, оторвал от земли и побежал. Он промчался сквозь тени, как призрак, а в это время наверху и вокруг них какое-то существо ломилось через лес, и шум все приближался. Затем в глаза беглецам ударил лунный свет — они оказались на открытом месте, на склоне плато.

На самом верху Конан опустил Оливию на землю и обернулся взглянуть на море сумрака, которое они только что покинули. Листва содрогнулась от внезапного порыва ветра. Больше ничего не происходило. Конан тряхнул головой и выругался под нос. Оливия жалась к его ногами, как напуганный щенок.

— Конан, что нам делать? — прошептала она.

Он посмотрел на руины и снова — на лес.

— Пойдем к скалам.— Киммериец помог девушке подняться на ноги.— Завтра я смастерю плот, и мы снова доверим наши судьбы морю.

— Это не... не они разбили лодку? — Вопрос был риторическим.

Конан насупился и пожал плечами, не тратя слов.

Каждый шаг по залитому лунным светом плато давался Оливии ценой невыносимого напряжения воли. Но ни одна

ожившая черная статуя не встретилась им по пути, и наконец Конан с девушкой добрались до подножия величавых и мрачных скал. Здесь Конан постоял в нерешительности, пока не выбрал место под широким каменным козырьком, на достаточном удалении от деревьев.

— Ляг и засни, если сможешь,— сказал он.— Я покараулю.

Но сон не шел к Оливии, и она лежала, рассматривая далекие руины и лес вокруг плато, пока не стали бледнеть звезды, пока розово-золотая заря не воспламенила росу на траве.

Девушка встала, потянулась. Мысли ее вернулись к пережитому недавно ужасу. Но в свете наступающего дня ночные страхи показались плодами разгулявшегося воображения. Конан наклонился к ней, и его слова заставили ее вздрогнуть снова.

— Перед самым рассветом я слышал скрип дерева и канатов и плеск воды под веслами. Недалеко отсюда бросил якорь корабль. Может быть, это галера, которую мы видели вчера вечером. Давай поднимемся на скалу и поглядим.

Они взобрались на вершину утеса, залегли среди каменных выступов и увидели на западе, за деревьями, высокую мачту.

— Гирканское судно, судя по оснастке,— пробормотал Конан.— Интересно, команда уже...

Он оборвал фразу, услышав далекие голоса. Перебравшись на южный край вершины, они увидели разношерстный экипаж судна. Небольшая толпа выбралась из леса на западную оконечность плато и остановилась на открытом месте. Похоже, в ней разгорелся нешуточный спор: люди хватались за оружие, потрясали кулаками и громко перебранивались грубыми голосами. Затем весь отряд направился к развалинам. Их путь должен был пройти у самого подножия скал.

— Пираты! — шепнул Конан с угрюмой ухмылкой.— Захватили гирканскую галеру. А ну-ка, спрячься здесь и не показывайся, пока я не окликну,— приказал он.— Пойду потолкую с этими псами. Если дельце выгорит, мы останемся живы и уплывем отсюда вместе с ними. Если они меня схватят или прикончат, лежи здесь, пока не уйдет галера. Учти, все демоны этого острова не сравнятся жестокостью с морскими гиенами.

Оливия пискнула от страха и вцепилась в него обеими руками, но он решительно высвободился и скользнул вниз по скале.

С опаской выглянув из своего укрытия, Оливия увидела, что отряд уже приблизился к подножию гряды. В этот момент Конан вышел из-за валунов и встал перед пиратами с мечом в руке. Они отпрянули с возгласами изумления, а затем осыпали его ругательствами и угрозами. Морских бродяг было около семи десятков, и среди них Оливия узнала жителей Кофа, Заморы, Бритунии, Коринфии, Шема. Все без исключения лица носили печать свирепости, первобытной дикости. Многие были изуродованы шрамами от бичей или клеймами. Среди пиратов хватало людей с отрезанными ушами, вырванными ноздрями, пустыми глазницами, обрубками рук — поди угадай, кто тут поработал, враг в лихом сражении или палач в застенках. Большинство ходили полуголыми, но их одежда была богатой: златотканые халаты, атласные пояса, шелковые шаровары — все это, как и посеребренные доспехи, пестрело кровавыми и смоляными пятнами. В пиратских ушах и носах болтались кольца и серьги с драгоценными камнями. Самоцветы блистали и на рукоятях кинжалов и сабель.

Высокий, мускулистый, бронзовокожий киммериец с правильными чертами волевого лица разительно контрастировал с этим сбродом.

— Кто ты такой? — заорали морские разбойники.

— Конан из Киммерии! — его голос был подобен громовому рыку льва.— Козак из Вольницы. Я хочу попытать счастья в Червонном Братстве. Кто у вас главный?

— Я, клянусь Иштар! — раздался бычий рев, и вперед важно выступил настоящий исполин. Он был обнажен до пояса, алый кушак на необъятном животе поддерживал огромные, как парус, шелковые шаровары. На его обритой голове остался только чуб. Длинные усы свисали ниже подбородка. Обут он был в зеленые шемитские туфли с загнутыми носками, а в руке держал длинный прямой меч.

Конан мрачно уставился на него:

— Сергиуш из Хоршемиша, клянусь Кромом!

— Да, клянусь Иштар! — проревел гигант. Маленькие черные глазки горели ненавистью.— Надеешься, что я забыл тебя? Ха! Сергиуш никогда не забывает врагов. Сейчас я подвешу тебя кверху пятками и заживо сдеру кожу! Взять его, парни!

— Ага, спусти на меня своих псов, большебрюхий,— произнес Конан с брезгливой ухмылкой.— Ты всегда был трусом, кофская дворняжка!

— Трусом?! Это ты мне говоришь? — Широкое лицо почернело от гнева.— Ну, защищайся, северный пес! Я вырежу твое сердце!

В мгновение ока пираты образовали круг, в середине которого оказались соперники. Их глаза метали молнии, рычание вырывалось из глоток, разгоряченных свирепой радостью. Оливия наблюдала с вершины скалы, от волнения впиваясь ногтями в ладони.

Начало поединка не предварялось рыцарскими церемониями. Несмотря на свой вес, Сергиуш ринулся в атаку с быстротой гигантской кошки. Он скрежетал зубами и исторгал проклятия, бешено нанося и отражая удары. Конан дрался молча. Глаза его превратились в щелки, в них сверкал роковой синий огонь.

Вскоре Сергиуш был вынужден умолкнуть, чтобы не сорвать дыхание. В царство тишины вторгались только шарканье быстрых ног, сопение пирата, звон и клацанье стали. Мечи мелькали, как белые молнии, то уклонялись друг от друга, то соприкасались на краткий миг. Сергиуш отступал. Только превосходное мастерство фехтовальщика до сих пор спасало его от стремительного меча киммерийца. Но вот — оглушительный лязг, скрежет скользящих клинков, полный ужаса и боли возглас...

Яростный вопль пиратской орды расколол утреннюю тишину, когда клинок пронзил насквозь могучее тело капитана. Несколько мгновений острие меча пламенело в лучах солнца между лопатками Сергиуша. Затем киммериец рванул меч на себя, и пиратский атаман рухнул ничком на землю. Под ним быстро расширилась лужа крови.

Конан повернулся к опешившим корсарам.

— Эй вы, псы! — взревел он.— Я отправил вашего вожака в ад. Что говорит на этот счет закон Червонного Братства?

Прежде чем кто-либо успел ответить, стоящий позади остальных британец с крысиным лицом молниеносно раскрутил пращу. Камень устремился прямо в цель, Конан пошатнулся и упал, как столетний дуб под топором лесоруба. На вершине утеса Оливия ахнула, у нее все поплыло, закачалось перед глазами. Она не сводила глаз с киммерийца, неподвижно лежащего на земле. Из раны на его голове сочилась кровь.

Крысоликий пират радостно завопил и бросился к распростертому на земле исполину, чтобы выполнить посул своего атамана — вырезать сердце. Но тощий коринфиец отшвырнул его прочь.

— Ты что, Арат, презренный пес? Собрался нарушить закон Братства?

— Я не нарушаю закона,— ощерился британец.

— Не нарушаешь? Ах ты подонок! Этот человек, которого ты только что свалил,— наш капитан согласно справедливым правилам!

— Нет! — закричал Арат.— Он не из нашей банды, он чужак. Его не приняли в Братство. То, что он убил Сергиуша, не делает его капитаном. Вот если бы кто-нибудь из нас прикончил Сергиуша...

— Он хотел присоединиться к нам,— перебил коринфиец.

Его слова вызвали жаркий спор. Одни приняли сторону Арата, другие — коринфийца по имени Иванос. Посыпались проклятия, взаимные обвинения, пираты схватились за мечи.

И вдруг над этим гамом поднялся голос шемита:

— К чему спорить из-за покойника?

— Он не покойник,— возразил коринфиец, склонившись над Конаном.— Всего лишь оглушен и уже приходит в себя.

При этих словах спор возобновился. Арат пытался добраться до лежащего. В конце концов Иванос обнажил меч и заслонил Конана. Оливия поняла, что коринфиец принял сторону ее друга не из-за человеколюбия, а чтобы насолить Арату. Она догадалась, что эти двое были помощниками Сергиуша и давно враждуют между собой.

После долгого спора было решено связать Конана и забрать на галеру, а его участь решить позднее.

Киммерийца, уже почти пришедшего в себя, связали кожаными ремнями. Затем четверо пиратов подняли его и с натужным кряхтением, с проклятьями понесли. Отряд возобновил путешествие по плато. Сергиуш остался там, где погиб,— пираты не особо церемонились со своими покойниками.

На вершине скалы лежала Оливия, потрясенная несчастьем. Она была не в силах ни пошевелиться, ни заговорить, она могла только лежать и смотреть круглыми от ужаса глазами, как шайка свирепых разбойников уносит ее защитника.

Сколько времени она так пролежала, Оливия не знала. Она увидела, как пираты добрались до руин и внесли в зал своего пленника. Они то появлялись, то исчезали в дверях и проломах, рылись в грудах щебня и слонялись вокруг. Через некоторое время два десятка пиратов уволокли на запад Сергиуша — наверное, решили бросить в море. Остальные рубили около развалин хворост для костра. Оливия

слышала их крики, но не разбирала слов. Слышала она и голоса тех, кто ушел в лес,— деревья отвечали эхом. Через некоторое время, злобно бранясь, они вернулись с бочонками вина и кожаными мешками, набитыми провизией.

Все это едва укладывалось в сознание Оливии. Потрясенный мозг готов был отключиться в любое мгновение. Лишь когда она осталась одна-одинешенька, без малейшей надежды на спасение, Оливия поняла, как много значил для нее этот киммериец. Она рассеянно подивилась прихотям судьбы, которая сделала дочь короля спутницей варвара с окровавленными руками. Затем пришло отвращение к людям, называвшим себя просвещенными. К их числу относили себя ее отец и шах Амурас, и оба доставляли ей только страдания. Она никогда не встречала просвещенного человека, который был бы добр с нею, если только им не двигали какие-то тайные мотивы. Конан защищал ее, помогал и ничего не требовал взамен. Уронив голову на руки, Оливия плакала, пока отзвуки непристойного пиршества не напомнили девушке о том, что она голодна.

Она перевела взгляд с темной громады развалин, где мельтешили фантасмагорические силуэты пиратов, на сумеречные глубины леса. Даже если ужасные картины минувшей ночи она видела не наяву, а во сне, страшилища, что затаились в зеленой чаще, обитают вовсе не в царстве кошмаров. Независимо от того, погиб Конан или нет, ей придется выбирать одно из двух: сдаться морским гиенам или остаться на этом острове, населенном демонами.

Когда Оливия осознала весь ужас своего положения, силы оставили ее, и она потеряла сознание.

3

Придя в себя, девушка обнаружила, что солнце уже коснулось горизонта. Слабый ветерок доносил крики пиратов и обрывки похабной песни. Оливия осторожно поднялась и посмотрела в сторону лагеря. Пираты собрались вокруг огромного костра около руин. Ее сердце екнуло, когда из постройки вышла группа, волоча что-то тяжелое — несомненно, этим «чем-то» был Конан. Его прислонили к стене. Очевидно, он был по-прежнему крепко связан. Последовал долгий спор с потрясанием кулаками и бряцанием оружием. Наконец его отволокли обратно в зал и вернулись к бочонкам с пивом.

Оливия перевела дух. По крайней мере, киммериец еще жив. Как только опустится ночь, она прокрадется в эти мрачные развалины и либо освободит его, либо погибнет.

С такими мыслями она выбралась из своего убежища, чтобы нарвать орехов,— среди скал росло несколько кустов лещины. Собирая орехи, она никак не могла отделаться от чувства, что за ней следят. Девушка нервно оглядывалась на скалы, но никого не видела. И вдруг страшное подозрение заставило ее содрогнуться. Она подобралась к северному краю гряды и долго смотрела вниз, на колышащуюся зеленую листву. Лес тонул в закатных сумерках. Никого. Не может быть, чтобы за ней следила тварь из леса! Но Оливия явственно ощущала взгляд невидимки и чувствовала, что кто-то живой, обладающий разумом знает о ее присутствии, знает, где она прячется.

Прокравшись обратно в свое убежище, Оливия глядела на развалины, пока их не скрыла ночь. Теперь их местоположение выдавал только огромный костер, на фоне которого пьяно шатались тени.

Оливия встала. Пора выполнить задуманное. Но сначала она вернулась на северный край гряды и посмотрела на лес, что окаймлял плато. Звезды едва освещали его; она напрягла зрение и вдруг замерла. Будто ледяная рука коснулась ее сердца.

Далеко внизу кто-то двигался. Словно черная тень отделилась от скопища теней. Расплывчатая, бесформенная, она медленно продвигалась вверх по отвесному утесу. Ужас схватил Оливию за горло, и девушка едва сдержала крик. Повернувшись, она бросилась вниз по южному склону.

Бегство по темной скале было кошмаром наяву. Она скользила и оступалась и до крови ушибалась об острые камни, через которые вчера ее с такой легкостью перенес Конан. Как ей в те мгновения не хватало варвара с железными мышцами! Но эта мысль сразу канула в водоворот страхов и сумятицы безумного бегства.

Спуск казался бесконечным, но наконец ее ступни коснулись травы. Отчаяние придало девушке сил, и она помчалась к костру — огненному сердцу этой ночи. Позади раздался грохот камней, падающих с кручи, и от этих звуков у нее будто выросли крылья.

Бег выжал из нее все силы, и вместе с ними отчасти ушел ослепляющий страх. Когда Оливия приблизилась к развалинам, ее мысли были ясны и рассудок настороже, хотя ноги подкашивались.

Девушка легла на землю и ползла на животе, пока не добралась до деревца, которого не коснулся пиратский топор. Там она и затаилась, чтобы наблюдать за лагерем. Пираты уже наелись до отвала, но все еще пьянствовали, опуская матросские оловянные кружки и драгоценные кубки в бочонки с выбитыми крышками. Некоторые спали прямо на траве, оглашая ночь пьяным храпом. Другие, пошатываясь, забрели в постройку. Конана нигде не было видно. Оливия не вставала. Ждала. Трава вокруг нее и листья над головой покрылись росой. Люди вокруг костра играли в азартные игры, спорили и ругались. Около костра осталось несколько человек, остальные ушли спать в зал.

Девушка лежала, следя за пиратами. Нервы ее были напряжены до предела, она не забывала ни на миг, что и за ней, возможно, наблюдают из темноты, а то и неслышно подкрадываются. Время шло невыносимо медленно, точно каторжник в свинцовых башмаках. Один за другим пьяные разбойники погружались в тяжелую дремоту, пока все не улеглись рядом с догорающим костром.

Оливия некоторое время колебалась. Ее побудило к действию серебристое сияние над краем плато. Вставала луна!

Судорожно вздохнув, девушка поднялась на ноги и направилась к руинам. Она с головы до ног покрылась мурашками, пока шла на цыпочках между пьяными, лежащими перед входом в постройку. Внутри было еще больше пиратов. Они ворочались и бормотали, но ни один не проснулся. Увидев Конана, Оливия даже всхлипнула от радости. Киммериец не спал. Он был привязан к колонне. Его глаза блестели — в зал проникали сполохи костра.

Осторожно обходя спящих, Оливия приблизилась к варвару. И хотя она ступала почти бесшумно, он резко повернул голову, когда девичий силуэт обрисовался на фоне ночного неба. Едва уловимая ухмылка мелькнула на суровом лице.

Оливия подошла к Конану и на мгновение приникла к его груди. Он ощутил частое биение ее сердца. Сквозь широкий пролом в стене прокрался лунный луч, и вместе с ним в зал проникла неведомая угроза. Варвар ощутил ее кожей, его мускулы непроизвольно напряглись. Оливию тоже пробрал страх, она прерывисто вздохнула. Спящие продолжали бормотать и похрапывать. Быстро нагнувшись к одному из них, Оливия вытащила кинжал из-за кушака и занялась веревками Конана. Это были толстые и прочные канаты, завязанные морскими узлами. Она торопливо работала кин-

жалом, а полоса лунного света медленно подбиралась к стопам черных статуй между колоннами.

И вот запястья Конана свободны, но локти и ноги все еще крепко притянуты к колонне. Девушка бросила взгляд на статуи и содрогнулась. Казалось, они следят за ней с чудовищным терпением, не присущим ни живым, ни мертвым,— с терпением, свойственным только им одним. Пьяный пират застонал и заворочался во сне. Лунный свет полз по залу, касаясь ног черных воинов. Веревки упали с рук Конана. Он забрал у девушки кинжал и разрезал путы на ногах одним сильным и резким взмахом.

Конан шагнул вперед, стоически терпя адскую боль в затекших конечностях. Оливия приникла к нему и задрожала как лист. Был ли то обман зрения, или лунный свет действительно зажег глаза статуй зловещим огнем, отчего они походили на тлеющие угли костра?

Конан сорвался с места внезапно, как кошка джунглей. Он выхватил свой меч из груды оружия, поднял Оливию и выскользнул в заросший лианами пролом.

Они не обменялись ни словом. С девушкой на руках Конан бежал по плато, залитому лунным светом. Оливия обняла его крепкую шею и склонила темноволосую голову ему на могучее плечо. Ее охватило восхитительное чувство безопасности.

Ноша не помешала киммерийцу быстро пересечь плато. Оливия, открыв глаза, увидела, что они находятся в тени утесов.

— Кто-то взобрался на скалы,— шепнула она.— Я слышала, как он карабкается, когда спускалась.

— Придется рискнуть,— сказал он.

— Я уже не боюсь.— Она улыбнулась.

— Ты и раньше не боялась, когда пришла освободить меня,— проговорил Конан.— Кром, ну и денек! Никогда не слышал столько споров и воплей. Я чуть не оглох. Арат хотел отрезать мне голову, а Иванос не соглашался,— он Арата на дух не переносит. Пока они грызлись друг с другом, команда перепилась и уже не могла поддержать ни одного, ни другого...

Он вдруг умолк и замер, отчего стал похож на бронзовую статую в лунном свете. Как только он опустил девушку на землю, она увидела то, что заставило Конана насторожиться. И вскрикнула.

Из тени утесов появился чудовищный силуэт — человекоподобный, жуткий, отвратительный.

Да, очертания фигуры напоминали человеческие. Но морда, явственно различимая в лунном свете, была звериной: близко посаженные глаза, вывернутые ноздри и огромная пасть с отвисшими губами, в которой сверкали белые клыки. Существо было покрыто косматой серой шерстью, в ней попадались белые пряди, они серебрились под луной. Туловище было почти квадратным, а мощные задние лапы — совсем короткими. Ростом тварь была выше человека, который стоял перед нею; ширина грудной клетки и плеч потрясала воображение, а гигантские передние лапы напоминали узловатые стволы деревьев.

Освещенная луной картина закачалась перед глазами Оливии. Вот, значит, каков конец ее пути... Да, конец, ибо ни одно человеческое существо не способно выдержать свирепый натиск этой волосатой горы мускулов. Но когда Оливия перевела круглые от ужаса глаза на бронзовую фигуру, стоящую лицом к лицу с чудовищем, она почувствовала, что в противниках есть нечто общее. И сходство это было жутким. Она поняла: то, что сейчас произойдет, будет не схваткой человека и зверя, а битвой двух диких созданий, равно свирепых и беспощадных.

Разведя в стороны могучие лапы, зверь сверкнул белыми клыками и ринулся вперед с ошеломляющей быстротой.

Действия Конана были столь стремительны, что Оливия не сумела уследить за ними. Она увидела только, что он избежал смертельной хватки и его меч, блеснув подобно молнии, отсек одну из чудовищных лап выше локтя. Кровь хлынула рекой. Отрубленная лапа упала на землю, когтистые пальцы жутко скрючились. Но еще в момент удара вторая уродливая лапа поймала Конана за волосы.

Только железные мускулы спасли шею киммерийца, иначе быть бы ей сломанной в тот же миг. Его левая рука уперлась в горло зверя, левое колено вонзилось в волосатый живот. И начался смертельный танец, который продлился лишь несколько мгновений, но эти мгновения показались парализованной ужасом девушке вечностью.

Обезьяна мертвой хваткой держала Конана за волосы и притягивала его голову к клыкам, сверкающим белизной в лунном свете. Киммериец сопротивлялся, не давая согнуть свою левую руку, а меч в его правой руке ходил взад-вперед, вонзаясь то в пах, то в живот, то в грудь монстра. Все это происходило в тишине и оттого выглядело вдвойне ужасней. Похоже, зверь нисколько не слабел от потери крови, которая ручьями текла из страшных ран. Невероятная сила обезьяночеловека постепенно одерживала верх над желез-

ными мускулами Конана. Рука киммерийца постепенно сгибалась, враг подтягивал его голову все ближе к частоколу капающих слюной клыков. И вот сверкающие глаза варвара смотрят прямо в налитые кровью глазки обезьяны. Конан нанес еще один удар мечом, и клинок застрял в ране. Напрасно варвар пытался его вытащить. В этот миг страшные зубы, которые скалились всего в пяди от лица Конана, сомкнулись и заскрежетали в судороге. В предсмертных конвульсиях монстр отбросил варвара, и тот упал на землю.

Едва не лишившаяся чувств Оливия увидела, как обезьяна зашаталась, опустилась на землю, скорчилась и совсем по-человечески ухватилась за рукоять пронзившего ее меча. Еще одно жуткое мгновение... Наконец по огромному туловищу прошла дрожь, и оно застыло.

Конан поднялся на ноги и заковылял к мертвому врагу. Судя по тяжелому дыханию и поступи киммерийца, его мускулы и кости подверглись суровейшему испытанию на прочность. Он пощупал макушку и выругался при виде мокрых от крови прядей черных волос, намертво зажатых в лапе чудовища.

— Кром! — взревел он, хватая ртом воздух.— Ну и переделка! Я бы лучше сразился с дюжиной воинов. Еще немного, и эта тварь откусила бы мне голову. Будь ты проклята, гадина! Половину скальпа содрала!

Ухватившись за рукоять меча обеими руками, он с усилием высвободил клинок. Оливия подошла поближе, взяла его за руку и круглыми от страха глазами посмотрела на распростертое чудовище.

— Кто... кто это? — прошептала она.

— Серая человекоподобная обезьяна,— проворчал Конан.— Людоед. Они немые. Обитают в горах на восточном берегу моря. Не возьму в толк, как эта мерзавка добралась до острова. Может, ее смыло с берега в шторм и она приплыла на бревне?

— Это она бросила камень?

— Да. Я это заподозрил, когда мы стояли в чаще, над головами у нас закачались ветки. Эти твари прячутся в самой чащобе и редко выбираются оттуда. Не знаю, что привело се на открытое место, но нам очень повезло: в лесу я бы с ней не справился.

— Она шла за мной.— Оливия задрожала.— Я слышала, как она карабкалась на скалу.

— Идти за тобой по плато она не решилась, инстинкт заставил ее спрятаться в тени утесов. Серые обезьянолюди

обитают в сумраке, в потаенных местах, и ненавидят солнце и луну.

— Как ты думаешь, здесь есть ее сородичи?

— Нет. Иначе бы они напали на пиратов, когда те шли через лес. Серая обезьяна невероятно сильна, но осторожна. Потому и не осмелилась броситься на нас в чаше. Видно, ты уж очень ей приглянулась, раз она решилась напасть на открытом месте. Что это?!

Он резко повернулся в ту сторону, откуда они пришли. Ночную тишину разорвал жуткий крик. Он донесся из развалин.

За этим первым воплем последовала безумная какофония: крики, визг, завывания и мучительные стоны. Хотя им сопутствовало лязганье стали, шум скорее наводил на мысль о кровавой бойне, нежели о битве.

Конан застыл на месте. Девушка прижалась к нему и оцепенела, лишилась дара речи от ужаса. Шум нарастал бешеным крещендо. Киммериец повернулся и зашагал к краю плато, где темнели заросли. У Оливии так дрожали ноги, что она не могла идти. Конан обернулся, подхватил ее и понес. Когда девушка снова оказалась в колыбели его могучих рук, ее сердце перестало колотиться так неистово.

Они шли по темному лесу, но густые тени больше не таили ужасов, а серебро лунных лучей не выхватывало из тьмы зловещие силуэты. Сонно щебетали ночные птицы. Вопли избиваемых пиратов затихали позади, расстояние приглушило их до неразличимости. Где-то крикнул попугай: «Йахкулан йок тха, ксуххалла!» По лесу беглецы добрались до самой воды и увидели стоящую на якоре галеру, белый парус тускло сиял под луной. Звезды уже бледнели, предвещая рассвет.

4

В призрачно-бледном свете зари на берег выбралась горстка перепуганных, упавших духом пиратов в кровавых лохмотьях. Задыхаясь и шатаясь, они шли по мелководью к галере. Грубый оклик с борта судна заставил их остановиться.

На фоне светлеющего неба они увидели Конана-киммерийца, он стоял на носу галеры с мечом в руке. Легкий ветерок трепал его длинные черные волосы.

— Стоять! — приказал он.— Ни шагу дальше, псы! Что вам нужно?

— Пусти нас на корабль! — крикнул волосатый пират, трогая пальцем кровоточащий обрубок уха.— Мы хотим убраться с этого проклятого острова.

— Первому, кто попытается влезть на галеру, я вышибу мозги,— пообещал Конан.

Пиратов было сорок четыре против одного, но преимущество было на стороне киммерийца. События этой ночи напрочь выбили из морских гиен боевой дух.

— Милостивый Конан, позволь нам подняться на борт,— жалобно заскулил заморием с красным кушаком, в страхе оглядываясь на молчаливый лес.— Нам так досталось от этих черных бестий, мы так устали, пока бежали сюда, что ни один из нас не в силах поднять меч.

— Я не вижу Арата,— сказал Конан.— Где этот червь?

— Мертв, как и остальные! На нас, спящих, напали демоны! Дюжина лучших бойцов так и не проснулась — их растерзали на части. У этих чудовищ горящие глаза, острые клыки и длиннющие когти!

— О да,— вмешался другой пират.— Это были демоны острова, они притворились статуями, чтобы обмануть нас. Иштар! Подумать только, мы устроились на ночлег в самом их логове! Мы не трусы, мы упорно сражались с ними, но разве могут смертные одержать победу над силами тьмы? Когда мы обратились в бегство, демоны, точно шакалы, накинулись на трупы наших товарищей. Но они наверняка бросятся в погоню за нами!

— Да, да! — вскричал тощий шемит.— Конан, заклинаю тебя всеми богами, пусти нас на борт! Пусти добром, или будем драться насмерть! Конечно, мы так измучены, что ты наверняка перебьешь многих, но всех тебе одолеть не удастся.

— Тогда я пробью дыру в днище и потоплю галеру,— угрюмо ответил Конан.

Это обещание вызвало шквал яростных воплей, но львиный рык Конана заставил умолкнуть пиратов.

— Бешеные псы! С какой стати я должен помогать своим врагам? Пустить вас на борт, чтобы вы мне вырезали сердце?

— Нет, нет! — наперебой закричали они.— Мы твои друзья, Конан! Друзья и товарищи! Нам незачем ссориться. Мы ненавидим туранского короля, но не друг друга.

— Ах, вот как? — проворчал Конан.— Значит, я теперь принадлежу к Червонному Братству? Ну, коли так, на меня распространяются его законы. И раз я убил вашего главаря в честном поединке, я — капитан этой галеры!

Никто не возражал. Истерзанным, перепуганным пиратам хотелось только одного — как можно быстрее убрать-

ся подальше от этого страшного острова. Конан заметил среди них окровавленного коринфийца.

— Эй, Иванос! — крикнул он.— Ты уже вставал на мою сторону. А сейчас поддержишь меня?

— О да, клянусь Митрой! — Пират был из тех, кто всегда держит нос по ветру.— Конан прав, ребята. Он — наш законный капитан!

Последовали одобрительные возгласы. И хотя морским разбойникам недоставало энтузиазма, их голоса звучали искренне. К этому очень располагало грозное безмолвие леса, в котором, быть может, скрывались чернокожие красноглазые демоны с окровавленными клыками.

— Поклянитесь на мечах,— потребовал Конан.

К нему протянулись рукоятями вперед сорок четыре меча, и сорок четыре голоса произнесли пиратскую клятву верности.

Конан ухмыльнулся и вложил в ножны меч.

— Забирайтесь на борт, мои храбрецы, и хватайтесь за весла.

Он обернулся и заставил подняться на ноги Оливию, которая пряталась за фальшбортом.

— А что будет со мной, капитан? — спросила она.

— Чего бы ты хотела? — Конан внимательно поглядел на нее.

— Идти с тобой, куда бы ни лежал твой путь! — воскликнула она, обвивая белыми руками его бронзовую шею.

Пираты, карабкавшиеся на борт, при виде девушки загомонили от изумления.

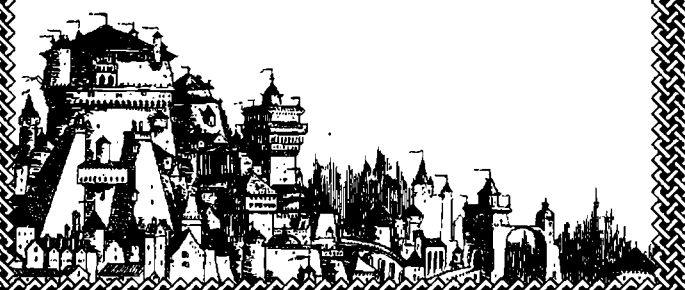
— Даже если это путь кровавых сражений? — спросил Конан.— Учти, за кормой этой галеры всегда будет тянуться багровый след.

— Да. Я готова ходить с тобой по любым морям, синим или красным,— пылко ответила она.— Ты варвар, а я — изгнанница, отвергнутая своим народом. Мы оба парии, бродяги на этой земле. Возьми меня с собой!

Он рассмеялся и приник к алым губам.

— Я сделаю тебя королевой синего моря! Поднимайте якорь, псы! Клянусь Кромом, мы еще подпалим штаны королю Илдизу!

Преследуемый войсками давнишнего своего врага — короля Ездигерда, Конан едва унес ноги и вновь присоединился к пиратам. Однако это приключение оказалось не более чем мимолетным эпизодом в неправдоподобно яркой биографии киммерийца, он вновь пустился в странствия по суше, возглавив в конце концов дворцовую гвардию королевы Тарамис в Хауране...



«...Родится ведьма»

1

Тарамис, королева Хаурана, пробудилась от тревожного сна. Окружающая ее могильная, звенящая в ушах тишина не походила на обычное безмолвие ночного дворца — скорее на покой мрачных подземелий.

Она удивилась тому, что свечи в золотых подсвечниках погасли. Сквозь стекла в серебряных оконных переплетах пробивался звездный свет, но он был слишком слаб, чтобы развеять мрак спальни.

В темноте Тарамис заметила светящуюся точку, и она приковала к себе все внимание королевы. Свет, исходивший из нее, становился все ярче и ярче, пока не осветил обитые шелком стены. Тарамис приподнялась и увидела, что перед нею вырисовываются очертания человеческой головы. Пораженная королева хотела позвать слуг, но ни одного звука не вырвалось из пересохшей гортани. Черты призрака становились все отчетливее: гордо запрокинутая голова, увенчанная копной черных волос. Королева замерла: перед нею было ее собственное лицо! Словно она гляделась в зеркало — правда, кривое. Таким жестоким и хищным было выражение этого лица.

— О Иштар! — прошептала Тарамис.— Я околдована!

К ее ужасу, отражение ответило голосом, источавшим сладкий яд:

— Околдована? Нет, милая сестричка, это не колдовство!

— Сестричка? — сказала королева.— У меня нет сестры!

— И никогда не было? — поинтересовался голос.— Неужели у тебя никогда не было сестры-близняшки с таким

же тонким телом, равно чувствительным и к пыткам, и к поцелуям?

— Да, когда-то у меня была сестра,— ответила Тарамис, все еще считая это кошмарным сном.— Но она умерла...

Прекрасное лицо во тьме исказилось гримасой, столь ужасной, что королева отпрянула,— ей показалось, что черные локоны со змеиным шипением поднимаются над мраморным челом призрака.

— Ты лжешь! — выдохнули алые искривленные губы.— Она не умерла! Ты дура! Но довольно маскарада — гляди на здоровье!

Свечи в золотых подсвечниках внезапно зажглись — словно светящаяся змейка проскользнула по стенам. Тарамис задрожала и съежилась в изголовье покрытого шелком ложа, глаза ее расширились и с ужасом уставились на фигуру, возникшую из мрака. Казалось, что перед нею стоит вторая Тарамис, сходная с королевой каждой жилкой тела, но как бы одержимая злым демоном. Ярость и мстительность горели в ее глазах дикой кошки, жестокость таилась в изгибе сочных пунцовых губ, каждое движение тела словно бы бросало вызов. И волосы были уложены так же, как у королевы, и на ногах такие же позолоченные сандалии...

— Кто ты? — пересохшими губами прошептала Тарамис.— Объясни, как ты сюда попала, или я прикажу слугам позвать стражу!

— Кричи-кричи, хоть надорвись от крика,— отвечала незваная гостья.— Слуги твои не проснутся до утра, даже если весь дворец сгорит. И гвардейцы не услышат твоего визга — я отослала их из этого крыла дворца.

— Что ты сказала? — воскликнула оскорбленная Тарамис.— Кто, кроме меня, осмеливается приказывать моим гвардейцам?

— Я, милая сестричка. Как раз перед тем, как войти сюда. Они подумали, что это их любимая повелительница. Ха! Я удачно сыграла эту роль! С каким царственным величием, с какой неотразимой женственностью держалась я с этими бронированными болванами...

Тарамис почувствовала, что какие-то грозные и загадочные события сжимают кольцо вокруг нее.

— Кто ты? — крикнула она в отчаянии.— Зачем ты пришла? Что это за бред?

— Кто я? — В ласковом голосе сквозило шипение кобры. Незнакомка наклонилась к ложу, крепко схватила ко-

ролеву за плечи и заглянула ей в глаза. Взгляд этот парализовал Тарамис.

— Дура! — взвизгнула гостья.— И ты еще спрашиваешь? И ты еще гадаешь? Я же Саломея!

— Саломея! — воскликнула Тарамис, и волосы зашевелились у нее на голове, когда это имя обрело в памяти смысл.— Я думала, что ты умерла сразу же после рождения...

— Многие так думали,— сказала та, что назвалась Саломеей.— Меня унесли умирать в пустыню — будьте вы все прокляты! Беспомощного плачущего ребенка, еле живого! А знаешь, почему меня обрекли на смерть?

— Я слышала... Мне рассказывали...

Саломея захохотала и разорвала тунику на груди. Как раз между двумя тугими полушариями виднелось странное родимое пятно в виде красного, как кровь, полумесяца.

— Ведьмин знак! — Тарамис отпрянула.

— Он самый! — Полный ненависти хохот был острым, как лезвие кинжала.— Проклятие царствующего дома Хаурана! До сих пор на торговых площадях наивные глупцы рассказывают эти байки о том, как первая в нашем роду королева сошлась с повелителем тьмы и понесла от него дочь, имя которой помнят и по сей день. И с тех пор каждые сто лет появляется в аскаурийской династии девочка с алым полумесяцем. «Раз в столетье да родится ведьма» — так звучит древнее проклятье. И оно сбывается! Некоторых из нас убивали при рождении — так хотели поступить и со мной. Другие оставались жить ведьмами — гордые дочери Хаурана, отмеченные адским полумесяцем на мраморном теле, и каждая из них звалась Саломеей! Всегда была и всегда будет появляться ведьма Саломея. Даже если сойдут с полюсов вечные льды, чтобы обратить мир в прах, даже если заново возродятся царства земные — все равно будет ходить по свету царственной походкой Саломея, и будут чары ее порабощать мужчин, и будут по ее капризу отрубать головы мудрейшим!

— Но ты... ты...

— Что я? — Глаза ведьмы загорелись зеленым огнем.— Меня вывезли далеко за город и бросили в горячий песок, на солнцепек, и уехали, оставив плачущее дитя на растерзание стервятникам и шакалам. Но жизнь не покинула меня, ибо источник ее таится в таких безднах, которых и представить не может ум человеческий. Шли часы, солнце палило нещадно — а я жила. И я помню, хоть и смутно, эти муки. Потом появились верблюды и желтолицые люди, говорив-

шие на странном наречии. Они сбились с караванной тропы. Их вожак увидел меня и знак на моей груди. И он взял меня на руки и спас мне жизнь. Это был чародей из далекого Кхитая, возвращавшийся из странствий по Стигии. Он взял меня с собой в город Пайкан, где пурпурные купола висят над зарослями бамбука. Там я выросла, постигая его науки. Годы не ослабили могущества моего наставника, и научил он меня многому...

Она прервалась, загадочно улыбнулась и продолжала:

— В конце концов он прогнал меня и сказал, что я заурядная колдунья, не способная управлять могучими силами. Он добавил, что собирался сделать меня владычицей мира, но я всего-навсего «проклятая вертихвостка». Ну и что? Мне вовсе не улыбалось сидеть одной в Золотой Башне, часами всматриваться в магический кристалл, бесконечно повторять заклинания, начертанные кровью девственниц на змеиной коже, а от замшелых книг меня просто тошнило. Учитель сказал, что я земная нежить и не сумею постичь космическую магию. Что ж — все, что я желаю, можно найти и на земле: власть, блеск, роскошь, красивых любовников и послушных рабынь. Заодно он рассказал мне и о моем детстве, и о проклятии. Вот я и вернулась, чтобы взять то, на что имею равное с тобой право.

— Что это значит? — вскочила оскорбленная Тарамис.— Неужели ты полагаешь, что, заморочив головы слугам и стражникам, получила права на корону Хаурана? Помни, что королева здесь я! Конечно, ты будешь иметь все, что положено принцессе крови, но...

Саломея злобно засмеялась:

— Как ты щедра, милая сестричка! Но прежде чем облагодетельствовать меня, будь любезна, объясни, что это за войско стоит лагерем за городской стеной?

— Это шемиты-наемники. Ими командует Констанций, вельможа из королевства Коф.

— А что их привело в наши пределы?

Тарамис почувствовала в тоне сестры издевку, но отвечала с королевским достоинством:

— Констанций обратился к нам с просьбой пропустить его воинов через нашу землю в Туран. Он поручился за войско своей головой и, покуда воины находятся в границах королевства, будет оставаться моим заложником.

— Неужели нынче утром этот витязь не просил твоей руки?

Тарамис гневно глянула на сестру:

— Откуда ты знаешь?

Ведьма пожала плечами и спросила:

— Можно ли поверить, что ты отказала такому красавцу?

— Разумеется! — ответила Тарамис.— Неужели ты, принцесса крови, могла подумать, что королева Хаурана даст иной ответ? Чтобы я вышла за бродягу с руками по локоть в крови, которого с позором изгнали из родной земли, за главаря банды наемных убийц и грабителей? Мне не следовало вообще впускать этих чернобородых мясников в пределы Хаурана. Но ведь он заточен в Южной башне, и мои гвардейцы зорко его стерегут. Завтра я прикажу, чтобы его орда покинула королевство, а он будет в заложниках до тех пор, пока не уйдет последний воин. Наши воины сейчас не патрулируют по городу, но я предупредила Констанция, что он головой поплатится за любой вред, причиненный землепашцам и пастухам!

— И Констанций вправду томится в Южной башне? — допытывалась Саломея.

— Я же сказала! Почему ты спрашиваешь?

Саломея хлопнула в ладоши и воскликнула голосом, полным жестокого торжества:

— Королева приглашает тебя на прием, Сокол!

Открылись раззолоченные двери, и в покой шагнул рослый воин. При виде его Тарамис воскликнула с гневом и удивлением:

— Констанций, как посмел ты войти сюда?

— Да, это я и есть, государыня.— Пришелец опустил голову в глумливом поклоне. Черты его лица и вправду напоминали хищную птицу. И красота его была хищной. Лицо его было опалено солнцем, черные, как воронье крыло, волосы зачесаны назад. Он был одет в черный камзол и высокие сапоги — обычный походный наряд, местами даже носивший следы ржавчины от панциря.

Подкрутив усы, наемник оглядел вжавшуюся в угол кровати королеву с такой бесцеремонностью, что она содрогнулась.

— Клянусь Иштар, Тарамис,— сказал он ласково.— Ночная рубашка тебе больше к лицу, чем королевский наряд. Да, черт возьми, эта ночь начинается совсем неплохо!

Ужас мелькнул в глазах Тарамис: она сразу поняла, что Констанций не отважился бы на такое оскорбление ни с того ни с сего.

— Безумец! — сказала она.— Пусть в этой комнате я в твоей власти, но тебе не уйти от мести моих слуг — они на клочки разорвут тебя, если посмеешь меня коснуться! Попробуй, если жизнь тебе не дорога!

Константций расхохотался, но Саломея остановила его:

— Довольно шутить, перейдем к делу. Послушай, милая сестрица. Это я послала Константция в твою землю, потому что решила занять престол. А для своих целей выбрала Сокола, потому что он начисто лишен качества, именуемого у людей добродетелью.

— Дивлюсь твоей доброте, госпожа! — иронически усмехнулся Константций и поклонился.

— Я послала его в Хауран. А когда его люди встали лагерем под стенами и сам он направился во дворец, прошла в город через Западные ворота — стерегущие их болваны решили, что это ты возвращаешься с вечерней прогулки.

Щеки Тарамис вспыхнули, гнев возобладал над королевским достоинством.

— Ты змея! — крикнула она.

Саломея усмехнулась и продолжала:

— Они, конечно, удивились, но впустили меня без слова. Точно так же прошла я во дворец и приказала стражникам, стерегущим Константция, удалиться. Потом пришла сюда, а по дороге успокоила твою служанку...

Тарамис побледнела и спросила дрожащим голосом:

— А потом?..

— Слушай! — Саломея гордо откинула голову и показала на окно. Сквозь толстые стекла все же доносилась поступь отрядов, лязг оружия и доспехов. Приглушенные голоса отдавали команды на чужом языке, сигналы тревоги мешались с испуганными криками.

— Люди проснулись и немало удивились,— ядовито сказал Константций.— Неплохо бы, Саломея, пойти успокоить их.

— Отныне зови меня Тарамис,— ответила ведьма.— Нам нужно привыкать к этому...

— Что вы сделали? — закричала королева.— Что вы еще сделали?

— Ах, я совсем забыла тебе сказать, что приказала страже отпереть ворота. Они удивились, но не ослушались. И вот армия Сокола входит в город!

— Демонское отродье! — воскликнула Тарамис.— Ты воспользовалась нашим сходством и обманула людей! О Иш-

тар! Мой народ сочтет меня предательницей! О, я выйду сейчас к ним...

С ледяным смехом Саломея схватила ее за руки и толкнула назад. Молодое и крепкое тело королевы оказалось беспомощным против тоненьких рук Саломеи, наполненных нелюдской силой.

— Константций, тебе знакома дорога из дворца в подземелье? — спросила ведьма и, видя, что Константций согласно кивнул, продолжала: — Вот и хорошо. Возьми эту самозванку и запрячь в самую глубокую темницу. Стража там усыплена зельем — я позаботилась об этом. Пока они не очнулись, пошли кого-нибудь перерезать им глотки. Никто не должен знать, что произошло нынче ночью. Отныне я Тарамис, а она — безымянная, забытая богами и людьми узница подземелья.

Константций улыбнулся, открыв ряд крупных белых зубов.

— Дела наши идут неплохо. Надеюсь, ты не откажешь мне в небольшом развлечении, прежде чем эта шалунья попадет в камеру?

— Я тебе не запрещаю. Вразуми эту злючку, если охота.

Саломея толкнула сестру в объятия Константция и с торжествующей улыбкой покинула спальные покои.

Она еще раз улыбнулась, когда услышала, проходя длинным коридором, высокий, отчаянный крик.

2

Одежда молодого воина была покрыта засохшей кровью, потом и пылью. Кровь продолжала сочиться из глубокой раны в бедре, из порезов на груди и руках. Капли пота выступили на его искаженном яростью лице, пальцы терзали покрывало постели.

— Она, верно, спятила! — снова и снова повторял он.— Все это, как дурной сон! Тарамис, любимица народа, продает нас этому демону! О Иштар, лучше бы меня убили! Лучше пасть в бою, чем знать, что королева предала свой народ!

— Лежи спокойно, Валерий,— умоляла девушка, перевязывавшая ему раны.— Ну, дорогой, успокойся! Ты разбередишь раны, а я не успела еще сбегать за лекарем...

— Не делай этого! — сказал раненый юноша.— Чернобородые демоны Констанция будут обыскивать все дома в поисках раненых хауранцев и прикончат всех, кто пытался дать им отпор. О Тарамис, как могла ты предать людей, обожествлявших тебя!

Валерий откинулся на ложе, содрогаясь от гнева, а испуганная девушка обхватила его голову руками и прижала к груди, умоляя успокоиться.

— Лучше смерть, чем позор, ставший уделом Хаурана,— стонал Валерий.— Неужели ты все это видела, Игва?

— Нет, милый.— Ее нежные чуткие руки снова принялись обихаживать раны.— Я проснулась от шума битвы на улице. Выглянула в окно и увидела, что шемиты убивают наших, а потом ты постучал в дверь — сле слышно...

— Я был уже на пределе,— пробормотал Валерий.— Упал в переулке возле дома и не мог подняться, хоть и знал, что тут меня быстро разыщут. Клянусь Иштар, я уложил троих! Они уже не осквернят своими лапами мостовых Хаурана — их сердца пожирает нечисть в Преисподней!

Я не был на стенах, когда шемиты вошли в город. Я спал в казарме вместе с другими свободными от службы воинами. На рассвете вбежал наш командир, бледный, при мече и в доспехах. «Шемиты в городе,— сказал он.— Королева вышла к Южным воротам и приказала их впустить. Я этого не понимаю, да и никто не понимает, но приказ я слышал своими ушами, и мы, как водится, подчинились. У меня новое распоряжение — собраться на площади перед дворцом. Построиться у казарм в колонны и без амуниции двигаться на площадь. Только Иштар ведает, что все это означает, но таков приказ королевы».

Когда мы вышли на площадь, шемиты уже были наготове. Они выстроились в каре — десять тысяч вооруженных бронированных демонов, а горожане выглядывали из окон и дверей. Улицы, ведущие к площади, заполнялись ошарашенными людьми. Тарамис стояла на ступенях дворца на пару с Констанпием, а тот крутил усы, словно толстый котяра, слопавший птичку. Перед ступенями стояли шеренгой полсотни шемитских лучников, хотя это место королевской гвардии. Но гвардейцы стояли среди нас и тоже ничего не понимали. Зато они, вопреки приказу, пришли во всеоружии.

Тарамис обратилась к нам и сказала, что повторно обдумала предложение Констанция,— хотя еще вчера при всем

дворе отказала ему,— и порешила объявить его королевским супругом. И ни слова о предательском вторжении шемитов. Сказала только, что у Констанция достаточно умелых воинов, так что хауранская армия отныне не нужна и будет распущена.

И повелела нам разойтись по домам с миром.

Послушание королям у нас в крови. Но ее слова так потрясли нас, что мы онемели и сломали строй. А когда повелели сложить оружие и гвардейцам, вперед неожиданно вышел их капитан, Конан. Люди говорят, что этой ночью он службы не нес и крепко набрался. Но сейчас он был в полном уме: приказал гвардейцам не двигаться без его команды, и они подчинились ему, а не королеве.

Потом он взошел на ступени, поглядел на Тарамис и воскликнул: «Да это не королева, не Тарамис перед вами, а демон в ее обличье!»

И начался настоящий ад. Не знаю, что послужило сигналом, кажется, кто-то из шемитов замахнулся на Конана и мертвым пал на ступени. Сейчас же площадь стала полем сражения — шемиты схватились с гвардией, но их копья и стрелы поразили также немало безоружных хауранцев. Некоторые из нас, схватив, что под руку попало, дали отпор, сами не зная, за кого сражаться. Нет, не против Тарамис, клянусь,— против Констанция и его чертей!

Народ не знал, чью сторону принять. Толпа металась туда-сюда, словно перепуганный лошадиный табун. Но на победу нам рассчитывать не приходилось — без брони, с парадными побрякушками вместо боевого оружия... Гвардейцы построились в каре, но их было всего пять сотен. Кровавый урожай собрала гвардия, прежде чем погибнуть, но исход был предрешен.

Что же делала Тарамис? Она спокойно стояла на ступенях, и Констанций обнимал ее за талию. Она заливалась смехом, словно злая колдунья! О боги! Это безумие, безумие...

Никогда я не видел человека, равного в бою Конану. Он встал у дворцовой стены, и вскоре перед ним выросла куча порубленных тел в половину его роста. В конце концов они одолели его — сотня против одного. Увидел, что он упал,— и мир перевернулся перед моими глазами. Констанций приказал взять его живым, покручивал усы, и улыбка у него была самая подлая...

...Именно такая улыбка была у Констанция и сейчас.

Предводитель шемитов возвышался на коне, окруженный скопищем своих людей — коренастых, закованных в броню, с иссиня-черными бородами и крючковатыми носами. Заходящее солнце играло на их остроконечных шлемах и серебристой чешуе панцирей. Примерно в миле отсюда, среди буйно зеленеющих лугов, виднелись башни и стены Хаурана.

На обочине караванной дороги стоял вкопанный в землю массивный крест, к которому железными гвоздями был прибит человек. Из одежды на нем была лишь набедренная повязка. Капли смертного пота выступили на лбу и могучем торсе распятого, из пробитых ступней и ладоней лениво сочилась кровь, но глаза под черной гривой волос горели диким голубым огнем.

Констанций глумливо поклонился и сказал:

— Весьма сожалею, капитан, что не смогу присутствовать при твоем издыхании — у меня есть дела в городе. Оставляю тебя твоей собственной судьбе. Не могу же я заставить ждать нашу прелестную королеву. Тобой займутся вон те красавицы,— он указал на небо, где черные силуэты неустанно выписывали широкие круги.— Если бы не они, такой крепкий дикарь, как ты, мог бы прожить на кресте и несколько дней. Так что пусть оставит тебя всякая надежда, я даже не поставлю стражу. Глашатаи объявили по городу, что всякий, кто попытается снять твое живое или мертвое тело с креста, будет заживо сожжен со всей родней. А слово мое в Хауране нынче надежнее всякой стражи. Я специально приказал поставить крест подальше от стен города, чтобы не помешать стервятникам...

Констанций подкрутил усы и, глядя Конану прямо в глаза, ехидно улыбнулся:

— Ну, капитан, желаю удачи. Я вспомню о тебе в ту минуту, когда Тарамис окажется в моих объятиях.

Кровь снова брызнула из пробитых ладоней жертвы. Кулаки, огромные, как ковриги хлеба, сомкнулись на шляпках гвоздей, заиграли мышцы на могучих плечах, и Конан, выгнувшись вперед, плюнул в лицо Констанцию. Тот лишь рассмеялся, вытер плевок и поворотил коня.

— И ты вспомни обо мне, когда грифы начнут тебя терзать,— бросил он через плечо.— Стервятники в пустыне весьма прожорливы. Случалось мне видеть, как человек висел на кресте часами — с выклеванными глазами, с оголенным

черепом и без ушей, прежде чем кривые клювы обрывали нить его жизни.

И, не оглядываясь больше. погнал коня в сторону города — стройный, ловко сидящий в седле, в сверкающих доспехах. Рядом скакали его могучие бородачи, поднимая дорожную пыль.

Смеркалось. Вся округа, казалось, вымерла. На расстоянии, доступном взгляду, не было ни единой живой души. Для распятого капитана Хауран, расположенный всего лишь в миле от него, мог с таким же успехом находиться в далеком Кхитае или существовать в другом столетии.

Конан стряхнул пот со лба и обвел мутнеющим взором такие знакомые места. По обе стороны от города и за ним тянулись пышные луга, стояли виноградники, мирно паслись стада. На горизонте виднелись селения. Ближе, на юго-западе, серебристый блеск обозначал русло реки, за которой сразу же начиналась и тянулась до бесконечности пустыня.

Конан оглядывал раскинувшиеся вокруг просторы, как ястреб, попавший в силок, смотрит на небо. Загорелое тело киммерийца блестело в лучах заходящего солнца. Гневная дрожь охватывала варвара, когда он бросал взгляд на башни Хаурана. Этот город предал его, запутал в интригах — и вот он висит на деревянном кресте, словно заяц, прибитый к стволу дуба метким копьем.

Неуемная жажда мести затмевала все другие мысли. Проклятия лились из Конана сплошным потоком. Вся Вселенная сейчас для него заключалась в четырех железках, ограничивших его свободу и жизнь. Вновь, как стальные канаты, напряглись могучие мышцы, и пот выступил на посеревшем теле киммерийца, когда он, используя плечи как рычаги, попробовал вытянуть из креста длинные гвозди. Тщетно — они были забиты как следует. Тогда он попытался содрать ладони с гвоздей, и не дикая боль остановила его, а безнадежность. Шляпки были слишком толстыми и широкими.

Впервые в жизни гигант почувствовал себя беспомощным. Голова его упала на грудь...

Когда раздалось хлопанье крыльев, он едва смог приподнять голову, чтобы увидеть падающую с неба тень. Он инстинктивно зажмурился и отвернулся, так что острый клюв, нацеленный в глаз, только разодрал щеку. Изо рта

Конана вырвался хриплый отчаянный крик, и напуганные стервятники разлетелись. Впрочем, недалеко.

Кровь из щеки стекла на губы Конана. Он облизнулся и, почувствовав соленый привкус, сплюнул. Жестокая жажда мучила его: минувшей ночью он как следует выпил, а вот воды ни глотка не сделал с самого утра перед боем на площади. Он смотрел на дальнюю речную гладь, словно грешник, выглянувший на миг из адской печи. Он вспоминал упругие речные потоки, которые ему приходилось преодолевать, рога, наполненные пенистым пивом, кубки искристого вина, которые ему случалось по небрежности или с перепою выливать на полы трактиров. И крепко стиснул челюсти, чтобы не завыть от необоримого отчаяния.

Солнце спускалось за горизонт — мрачный бледный шар погружался в огненно-красное море. На алом поле неба, словно во сне, четко вырисовывались городские башни. Конан взглянул вверх — небосвод отливал красным. Это усталость затягивала ему глаза багровой пеленой. Он облизнул почерневшие губы и снова глянул на реку. И река была алой.

Шум крыльев вновь коснулся слуха. Он поднял голову и горящими глазами смотрел на силуэты, кружившие вверху. Криком их уже не испугаешь. Одна из громадных птиц начала снижать круги. Конан изо всех сил запрокинул голову назад и ожидал с поразительным хладнокровием.

Гриф упал на него, оглушительно хлопая крыльями. Удар клюва разорвал кожу на щеке. Вдруг, прежде чем птица успела отскочить, голова Конана метнулась вперед, подчиняясь могучим мышцам шеи, а зубы с треском сомкнулись на зобе стервятника. Гриф заметался, словно яростный вихрь из перьев. Бьющиеся крылья ослепляли человека, длинные когти бороздили его грудь. Но Конан дернулся так, что мышцы челюстей задрожали,— и голая шея грифа не выдержала. Птица трепыхнулась разок и бессильно обвисла. Конан разжал челюсти, тело шлепнулось к подножию креста, он выплюнул кровь. Другие стервятники, казалось потрясенные участью своего сородича, поспешно убрались в сторону отдаленного дерева и уселись на его ветвях, подобные черным демонам.

Торжество победы оживило Конана, кровь быстрее побежала в жилах. Он все еще мог убивать — следовательно, он жил. Весь его организм противился смерти.

— Клянусь Митрой!

Человеческий голос или галлюцинация?

— Никогда в жизни не видел ничего подобного!

Отряхнув с глаз пот и кровь, Конан увидел в полумраке четырех всадников, глядевших на него снизу.

Трое из них, тонкие, в белых одеждах, были, несомненно, зуагирами — кочевниками из-за реки. Четвертый был одет так же, но принадлежал к другому народу — Конан сумел разглядеть это в густеющих сумерках.

Ростом он, пожалуй, не уступал Конану, да и шириной плеч тоже, хоть и не был так массивен. Короткая черная борода, волевая нижняя челюсть, серые глаза, холодные и проницательные, как лезвие.

Всадник уверенной рукой осадил коня и сказал:

— Митра свидетель, этот человек мне знаком.

— Да, господин,— отозвался голос с гортанным выговором зуагиров.— Это киммериец, который был капитаном королевской гвардии!

— Вот, значит, как избавляются от фаворитов,— проворчал всадник.— Кто бы мог помыслить такое о королеве Тарамис. Я бы предпочел долгую кровавую войну — тогда бы и мы, люди пустыни, могли поживиться. А сейчас подошли к самым стенам города и нашли только эту клячу,— он кивнул на коня в поводу у одного зуагира,— да еще этого издыхающего пса!

Конан поднял залитое кровью лицо.

— Если бы я мог спуститься с этой палки, ты сам бы стал у меня издыхающим псом, мунганский ворюга! — прошептали почерневшие губы.

— О Митра, эта падаль меня знает! — удивился всадник.

— Ты же один такой в округе,— проворчал Конан.— Ты Гарет, атаман тех, кто объявлен вне закона.

— Точно! И родом я из мунган, ты верно сказал. Хочешь жить, варвар?

— Дурацкий вопрос,— ответил Конан.

— Человек я тяжелый,— сказал Гарет,— и в людях ценю лишь мужество. Вот и посмотрим, истинный ли ты муж или взаправду издыхающий пес.

— Если мы начнем его снимать, нас увидят со стен,— предостерег один из кочевников.

Гарет властно сказал:

— Уже совсем стемнело. Бери-ка топор, Джебал, и руби крест у самого основания.

— Если крест упадет вперед, его раздавит,— возразил Джебал.— А если назад, у него башка расколется и все внутренности отобьет.

— Выдержит, если достоин ехать со мной,— нетерпеливо бросил Гарет.— А если нет, то и жить ему незачем. Руби!

Первый удар боевого топора в подножие креста отозвался в распухших ладонях и ступнях Конана пронзительной болью. Снова и снова бил топор, и каждый удар поражал измученные пыткой нервы. Конан закусил губу и не издал ни стона. Наконец топор врубился глубоко в дерево, крест дрогнул и пошел назад. Конан собрал все тело в единый узел твердых, как сталь, мускулов, а голову крепко прижал к брусу. Длинный брус грохнулся о землю и от удара подскочил на локоть. Адская боль на мгновение ошеломила Конана, но он понял, что железные мышцы уберегли тело от серьезных повреждений.

Одобрительно хмыкнув, Джебал склонился над ним с клещами, которыми выдергивают гвозди из подков, и ухватил шляпку гвоздя в правой ладони. Клещи были маловаты. Джебал сопел и пыхтел, пытаясь расшатать упрямый гвоздь, крутил его туда-сюда в древесине и в живой ране. Кровь текла между пальцами киммерийца, который лежал недвижно, как труп,— только грудь тяжело вздымалась.

Наконец гвоздь поддался, Джебал торжествующе поднял вверх окровавленную железку и бросил ее в пыль, перейдя к другой руке. Все повторилось. Затем кочевник занялся ступнями Конана. Но варвар сел, вырвал клещи у Джебала, а его самого отшвырнул крепким толчком.

Кисти его опухли и стали чуть ли не вдвое больше обычных, сгибать пальцы было мучением. Но киммериец, хоть и неуклюже, но сумел вытащить гвозди из ступней — они были забиты не так глубоко.

Он поднялся, качаясь на распухших, обезображенных ногах. Ледяной пот катился по его лицу и телу. Он стиснул зубы, чтобы перенести боль,— начались судороги. Равнодушно смотревший на него Гарет указал на краденую лошадь. Конан, спотыкаясь, побрел к ней. Каждый шаг причинял страшную боль, на губах богатыря выступила пена.

Изуродованная ладонь нащупала луку седла, окровавленная ступня с трудом нашла стремя. Сжав челюсти, киммериец оттолкнулся от земли, чуть не сомлев при этом,— и очутился в седле. Гарет стегнул коня хлыстом, тот поднялся на дыбы и едва не сбросил измученного всадника на землю. Но Конан обернул поводья вокруг кистей рук и сумел осадить коня, да так, что чуть не сломал ему челюсти.

Один из кочевников вопросительно поднял флягу с водой, но Гарет сказал:

— Пусть потерпит до лагеря. Здесь всего-то десять миль. Выдержит без воды еще столько же, если он вообще способен жить в пустыне.

Всадники помчались к реке. Конан глядел на мир налитыми кровью глазами, и пена засыхала на его почерневших губах.

3

Странствуя по Востоку в неустанной погоне за знаниями, мудрец Астрей написал письмо своему другу, философу Алкемиду, оставшемуся в родной Немедии. Все сведения народов Запада о полумифическом для них Востоке основаны были именно на этом послании.

Вот что писал Астрей:

«Ты даже представить себе не можешь, старина, что за порядки установились в этом маленьком царстве с тех пор, как королева Тарамис впустила в его пределы Констанция с наемниками — об этом я уже упоминал в предыдущей весточке. С того дня минуло семь месяцев, и, похоже, этой несчастной землей завладел сам демон. Тарамис, по моему мнению, начисто лишилась рассудка. Славившаяся прежде добродетелью, справедливостью и милосердием, ныне она выказывает совершенно противоположные качества. Интимная ее жизнь — это сплошной скандал, да и можно ли назвать ее таковой, коли королева и не пытается даже скрыть распутства, царящего при дворе. Она дает волю любым своим желаниям, устраивает пользующиеся дурной славой застолья (правду сказать — оргии) и заставляет участвовать в них несчастных придворных дам — и девиц, и замужних. Сама она даже не потрудилась сочетаться браком со своим любовником Констанцием, который восседает рядом с нею на троне, словно законный владыка. Его офицеры, следуя примеру вождя, преследуют всякую понравившуюся им женщину, не глядя на ее происхождение и положение.

Бедное королевство стонет под тяжестью чудовищных налогов и податей. Ограбленные до нитки селяне питаются кореньями и капустой, купцы ходят в лохмотьях — это все, что осталось после сбора налогов от их богатств. Да они и тому рады, что голова уцелела.

Предвижу недоверие твое, почтенный Алкемид; знаю, что усомнишься в моем рассказе, предвзятым его сочтешь. Верно, такое было бы немыслимо ни в одной из стран Запа-

да. Но всегда помни об огромной разнице между Западом и Востоком, особенно этой его частью. Ты знаешь, что Хауран — небольшое королевство, входившее некогда в состав империи Коф. Сравнительно недавно обрело оно желанную независимость. Ближайшее окружение Хаурана составляют подобные ему маленькие державы, несравнимые с великими государствами Запада или обширными султанатами Дальнего Востока, однако весьма влиятельные по причине необыкновенного богатства. К тому же в их руках все караванные пути. Среди этих держав Хауран расположен дальше всех на юго-восток и граничит с пустынными просторами земли Шем. Название государство получило по имени столицы — это самый большой город в стране. Хауран защищает плодородные земли и пастбища от набегов кочевников, словно сторожевая башня.

Земля здешняя столь обильна, что дает урожай трижды в год. Равнины к северу и западу от города густо населены. У того, кто привык к громадным поместьям Запада, эти крошечные поля и виноградники могут вызвать улыбку. Однако зерно и фрукты текут из них, словно из рога изобилия. Население занимается в основном крестьянским трудом. Люди это мирные и безоружные — тем более что сейчас им вообще запрещено иметь оружие. С давних времен живут они под защитой столичного гарнизона и совершенно утратили боевой дух. Крестьянское восстание, которое непременно бы вспыхнуло в подобных условиях на Западе, здесь невозможно. Хлебопашец гнет горб под железной рукой Констанция, а чернобородые шемиты неустанно снуют по полям с батогами — точь-в-точь надсмотрщики черных рабов на плантациях южной Зингары.

Не слаще и горожанам. Все они ограблены, а прекраснейшие из их дочерей отданы на потеху Констанцию и его наемникам. Люди эти безжалостны. Вспомни, с какой яростью сражались наши воины с шемитскими союзниками Аргоса — столь отвратительны были немедийцам их нечеловеческая жестокость, ненасытная жадность и зверства.

Горожане принадлежат к правящему сословию Хаурана и ведут свое происхождение от хайборийцев — отсюда их благородство и воинственность. Но измена королевы отдала горожан в руки угнетателей. Шемиты — единственная военная сила в городе, и горе тому обывателю, в доме которого найдут меч! С великим рвением истребляются молодые боеспособные мужи, их казнят или продают в неволю.

Тысячи молодцов бежали из города — кто под знамена чужеземных владык, кто просто в банды грабителей.

Сейчас стала реальной опасность нападения со стороны пустыни, населенной племенами шемитских кочевников-номадов. Дело в том, что наемники Констанция набирались в западных городах земли Шем — Пелиштиме, Анакиме, Аххариме, а зуагиры и другие кочевые племена люто их ненавидят. Ты знаешь, добрый Алкемид, что сия варварская страна разделяется на плодородные западные земли, тянущиеся до океана, на берегу которого стоят вышеназванные города, и восточную пустыню, где бродят номады. Пламя войны между жителями городов и обитателями пустыни не гаснет столетиями. С незапамятных времен зуагиры нападали на Хауран, но ни разу не одержали победы. Так что теперь, когда город захватили ненавистные западные сородичи, гордость номадов уязвлена. Ходят слухи, что эту вражду всячески раздувает человек, служивший раньше капитаном королевской гвардии. Он, будучи распят на кресте, непостижимым образом сумел ускользнуть из рук Констанция. Человек сей зовется Конан, и происходит он из варварского племени киммерийцев, чью дикую мощь не однажды испытали на собственной шкуре наши доблестные воины. В деревнях говорят, что человек этот стал правой рукой Гарета, мунганского кондотьера, что пришел из восточных степей и своей волей возглавил зуагиров. Болтают также, что банда зуагиров в последнее время весьма усилилась. Гарет же, несомненно, наущаемый киммерийцем, готовится напасть на Хауран. Кончиться это может весьма плачевно, ибо, не имея опыта правильной осады и надлежащих машин, кочевники не устоят в открытом бою перед вымуштрованными и хорошо вооруженными шемитами. Обитатели города встретили бы номадов с радостью, поскольку ига худшего, чем нынешнее, быть не может. Но они настолько запуганы и беспомощны, что никакой поддержки кочевникам оказать не сумеют. Воистину, горька их доля!

Тарамис же, обуянная злым демоном, запретила поклонение Иштар и храм ее превратила в языческое капище, где поклоняются идолам и жертвуют демонам. Статую Иштар из слоновой кости наемники изрубили топорами прямо на ступенях храма. Хоть это и второстепенная богиня по сравнению с нашим Митрой, ее все же следует предпочесть Шайтану, которому поклоняются шемиты.

Здание же храма наполнила Тарамис непристойными изображениями божков обоего пола в сладострастных позах и с самыми отвратительными подробностями, кои может измыслить извращенный ум. Многие из этих идолов — нечистые божества шемитов, туранцев, жителей Вендии и Кхитая. Другие же вообще похожи на злых духов, живьем явившихся из незапамятного прошлого, ибо ужасные признаки их сохранились только в самых туманных легендах, ведомых ныне лишь ученым да адептам тайного знания. Откуда Тарамис привела их — страшно даже подумать.

Королева ввела в обычай человеческие жертвоприношения, и со времени их позорного союза с Констанцием не менее шести сотен молодых мужчин, женщин и детей своими головами уплатили кровавую дань. Многие из них расстались с жизнью на жертвеннике, возведенном королевой в храме (причем она сама умерщвляла их ритуальным кинжалом), большинству же была суждена участь ужаснейшая. Ибо в тайном подземелье храма поселила Тарамис некое чудовище. Что оно собой представляет и откуда взялось — неведомо. Но королева, едва был подавлен мятеж воинов против Констанция, провела ночь в осквернённом храме в обществе дюжины связанных пленников. Потрясенный народ видел тяжелый смрадный дым, что поднимался над храмовой крышей, а изнутри всю ночь слышались заклинания королевы и смертные стоны пленников. Перед зарей добавился еще один звук — жуткий нелюдской хохот, и кровь застыла в жилах у тех, кто его слышал. Утром Тарамис покинула храм — усталая, но с торжествующим сатанинским блеском в глазах. Пленников больше никто никогда не видел, и хохот этот не повторялся.

Но есть в храме зала, в которую не вхож никто, кроме королевы. Королева же, направляясь туда, гонит перед собой обреченного в жертву. Никого из этих людей тоже уж больше не видят, и все полагают, что в оной зале и угнездилось чудовище, вызванное Тарамис из черной бездны веков и пожирающее людей.

Я уже не думаю о Тарамис как о простой смертной — это какая-то злобная гарпия, что таится в пропахшей кровью норе среди костей своих жертв. То, что высшие силы дозволяют такое безнаказанно, заставляет меня усомниться в божественной справедливости.

Сравнивая ее нынешнее поведение с тем, которое я запомнил в первые дни пребывания своего в Хауране, начи-

наю склоняться к мысли, что в тело Тарамис вселился некий демон.

Другое подозрение высказал мне один молодой воин по имени Валерий. Он утверждает, что некая колдунья приняла облик чтимой людьми королевы, сама же Тарамис заключена в подземелье. Молодец этот поклялся отыскать подлинную королеву, если та еще жива, но, боюсь, сам пал жертвой жестокого Констанция. Он участвовал в мятеже дворцовой гвардии, сумел бежать и скрывался, упорно отказываясь покинуть город. В его укрытии я и беседовал с ним. Теперь же он исчез — так же, как и другие, о чьей судьбе здесь не принято спрашивать. Боюсь, что шпионы Констанция его выследили.

На этом я вынужден закончить свое письмо, чтобы нынче же ночью отправить его с почтовым голубем. Он принесет послание туда, где родился,— на рубеж земли Коф. Оттуда будет отправлен верховой, а потом верблюжья эстафета доставит письмо тебе. Я должен успеть до рассвета, а уже поздно, и звезды начинают бледнеть над висячими садами Хаурана. Город погружен в тишину, и только глухой звук жертвенного барабана доходит со стороны храма. Не сомневаюсь, что это Тарамис в союзе с силами Преисподней затевает новые злодейства».

Но мудрец был неправ. Женщина, известная миру под именем Тарамис, стояла в подземелье, озаренная зыбким светом факела. Блики метались по ее лицу, усугубляя демонскую жестокость этих прекрасных очертаний.

Перед нею на голой каменной лавке сжалась фигурка, едва прикрытая лохмотьями. Саломея тронула ее носком золотого башмачка и мстительно улыбнулась:

— Не соскучилась ли ты по мне, милая сестричка?

Несмотря на семимесячное заточение и гнусные лохмотья, Тарамис все еще была прекрасна. Она ничего не ответила и только ниже склонила голову.

Ее равнодушие задело Саломею, она закусила пунцовую губку и нахмурилась. Одета она была с варварским великолепием женщин Шушана. При свете факела драгоценные камни сверкали на ее обуви, на золотом нагруднике, золотых кольцах и браслетах. Прическа была высокой, как у шемиток, золотые серьги с «тигровым глазом» поблескивали при малейшем движении гордо поднятой головы. Украшенный геммами пояс поддерживал платье из прозрачного

шелка. Небрежно наброшенная темно-алая накидка скрывала какой-то сверток в левой руке ведьмы.

Внезапно Саломея сделала шаг вперед, схватила сестру за волосы и откинула ее голову так, чтобы заглянуть в глаза.

Тарамис встретила этот страшный взгляд не дрогнув.

— Ты уже не рыдаешь, как бывало, милая сестричка? — прошипела ведьма сквозь зубы.

— Нет у меня больше слез,— ответила Тарамис.— Слишком часто ты тешилась видом королевы, на коленях просящей о милосердии. Знаю я, что живу лишь для того, чтобы ты могла меня унижать. Потому и в пытках соблюдала ты меру, чтобы не убить меня и не покалечить. Но я уже не боюсь тебя — нет во мне ни страха, ни стыда, ни надежды. И хватит об этом, сатанинское отродье!

— Ты льстишь себе, дорогая сестра,— сказала Саломея.— Я по-прежнему забочусь о том, чтобы страдали и твое прекрасное тело, и твоя гордыня. Ты забыла, что, в отличие от меня, подвержена и душевным мукам — вот я и развлекала тебя рассказами о том, какие забавы учиняю над твоими безмозглыми подданными. Но на этот раз я принесла более веское доказательство. Знаешь ли ты, что верный твой советник Краллид вернулся из Турана и был схвачен?

Тарамис побледнела.

— Что, что ты с ним сделала?

В ответ Саломея вытащила загадочный сверток и, сбросив шелковый покров, подняла вверх голову молодого мужчины. Лицо его застыло в страшной гримасе — смерть, видно, наступила после жестоких мук.

Тарамис застонала, как от удара ножом в сердце:

— О Иштар! Это Краллид!

— Да, это Краллид! Он пытался взбунтовать народ. Уверял, глупец, что Конан был прав насчет того, что я не настоящая королева. Дурень, неужели он полагал, что чернь с палками и мотыгами поднимется против воинов Сокола? Ну и поплатился за свою глупость. Собаки терзают его обезглавленное тело во дворе, а дурная голова полетит в помойную яму, к червям. Что, сестричка, неужели ты все-все слезы выплакала? Прекрасно! Под конец я приготовила для тебя отличную пытку — ты увидишь еще немало таких картинок! — И Саломея торжествующе потрясла головой Краллида.

В эту минуту она не походила на существо, рожденное на свет женщиной.

Тарамис не поднимала глаз. Она лежала ничком на грязном холодном полу, и тонкое ее тело сотрясали рыдания. Стиснутыми кулачками она колотила по каменным плитам.

Саломея медленно пошла к двери под звон браслетов.

Через несколько минут ведьма была у выхода из подземелья. Ожидавший там человек повернулся к ней. Это был огромный шемит с мрачными глазами и широкими плечами. Длинная черная борода его свисала на могучую грудь, обтянутую серебристой кольчугой.

— Ну что, завыла? — Голос его был подобен реву буйвола — низкий, глубокий, как отдаленный гром. Это был командир наемников, один из немногих приближенных Констанция, посвященных в тайну судьбы королевы Хаурана.

— Разумеется, Кумбанигаш. Есть в ее душе струны, которых я еще не касалась. Когда одно чувство притупляется, всегда можно найти другое, более отзывчивое на пытки.

К ним приблизилась согбенная фигура в лохмотьях — грязная, со спутанными волосами, потешно прихрамывающая. Один из ниших, что ночуют в открытых садах и аллеях дворца.

— Лови, пес! — Саломея кинула ему голову Краллида.— Лови, тварь бессловесная. Брось ее в ближайшую выгребную яму... Кумбанигаш, он глухой — покажи ему, что нужно сделать!

Командир исполнил поручение, а растрепанный нищий закивал головой — дескать, понял — и медленно стал ковылять в сторону.

— Зачем затягивать этот фарс,— гремел Кумбанигаш.— Ты уже так прочно сидишь на троне, что никакие силы не снимут тебя оттуда. Что такого, если глупые хауранцы узнают правду? Все равно они ничего не смогут сделать. Так царствуй под своим собственным именем. Покажи им их бывшую повелительницу и повели отрубить ей голову на площади!

— Еще не время, достойный Кумбанигаш.

Тяжелая дверь закрылась и заглушила высокий голос Саломеи и громовую речь Кумбанигаша.

Нищий притаился в одном из уголков сада. Там не было никого, чтобы заметить: руки, крепко обхватившие отрубленную голову — тонкие, мускулистые,— никак не вяжутся с горбатой фигурой и грязными тряпками.

— Я узнал! — шепот был едва слышным.— Она жива! О Краллид, твои муки не были напрасными! Они бросили ее в подземелье! Иштар, богиня честных людей, помоги мне!

4

Гарет наполнил алым вином украшенный самоцветами кубок, а потом пустил золоченый сосуд по черному дереву столешницы, прямо в руки Конану-киммерийцу.

Одеяние Гарета могло бы стать предметом зависти как любого варварского вождя, обожающего пышность, так и князя Запада, обладающего хорошим вкусом.

Вождь разбойников пустыни был облачен в белую шелковую тунику, расшитую на груди жемчугом и перетянутую в талии поясом из золотой и серебряной канители, переплетенной причудливыми узорами. Стальной остроконечный шлем был обернут тюрбаном из зеленого атласа и инкрустирован золотом с черной эмалью. Пышные шальвары заправлены в сапоги из выделанной кожи. Единственным оружием Гарета был широкий кривой кинжал в ножнах из слоновой кости, по моде номадов заткнутый за пояс над левым бедром.

Удобно расположившись в высоком резном кресле, Гарет вытянул скрещенные ноги и звучно прихлебывал благородный напиток из драгоценного кубка.

В противоположность утонченному облику мунгана, киммериец выглядел куда проще. Черные, гладко причесанные волосы, загорелое лицо в сетке шрамов, яркие голубые глаза. На нем была вороненая кольчуга, а единственным украшением служила золотая пряжка пояса, поддерживающего меч в истертых кожаных ножнах.

Они были вдвоем в шатре из тонкого шелка, освещаемом восточными светильниками. Пол был застлан трофейными коврами, шкурами зверей и бархатными подушками.

Извне в шатер доносился низкий шум большого военного лагеря. Время от времени ветер пустыни заставлял трепетать вершины пальмовых деревьев.

— Судьба переменчива! — воскликнул Гарет и, слегка распустив кушак, потянулся к сосуду с вином.— Некогда был я мунганским вожаком, ныне предводительствую людьми пустыни. Семь месяцев назад ты висел на кресте в двух полетах стрелы от стен Хаурана, а сейчас — доверенный

человек самого удачливого грабителя между туранскими укреплениями и пастбищами Запада. Ты должен благодарить меня!

— За то, что пригодился тебе? — рассмеялся Конан и поднял кубок.— Если ты позволяешь человеку подняться вверх, так уж, наверное, не без выгоды. А я добивался всего в жизни своей силой, потом и кровью.— Он поглядел на свои изуродованные ладони. Да и многих шрамов на теле еще не было семь месяцев назад.

— Верно, ты дерешься, как целое полчище демонов,— согласился Гарет.— Но ты же не думаешь, что это из-за твоих доблестей в орду приходят все новые и новые люди. Племенам номадов всегда недоставало удачливого вождя. Наверное, поэтому они предпочитают доверять чужеземцам, а не соплеменникам. Отныне для нас нет невозможного. Сейчас под моей рукой одиннадцать тысяч воинов. Через год их будет втрое больше. До сих пор мы грабили только пограничные города Турана. С тридцатью тысячами мы оставим набеги, развяжем настоящую войну, покорим королевство, и я взойду на его престол. Ты еще увидишь меня владыкой земли Шем. Если будешь послушен, останешься моей правой рукой — министром, канцлером, вице-королем. Сейчас нужно ударить на восток, взять туранскую крепость Везек — там собирают пошлину с караванов и можно неплохо поживиться.

Конан отрицательно покачал головой:

— Я так не думаю.

— Что значит — ты так не думаешь? Я возглавляю войско, мне и думать!

— Для моих целей воинов хватит уже сейчас,— ответил киммериец.— Неоплаченный долг тяготит меня.

— Ах вот как.— Гарет глянул исподлобья и отхлебнул вина.— Ты все никак не можешь забыть этот крест? Похвально, но с этим придется обождать.

— Когда-то ты обещал мне помочь взять Хауран,— сказал Конан.

— Верно, да ведь это когда было? Я в ту пору и не предполагал, что соберется такая армия. Кроме того, я собирался пограбить город, а не захватывать его. Я не хочу ослаблять свое войско, а Хауран — крепкий орешек. Вот через год, тогда...

— Через неделю,— оборвал его Конан, и твердость этих слов заставила мунгана изменить тон.

— Послушай, дружище, если бы я даже решился погубить своих парней, ты что думаешь — неужели наши волки сумеют осадить и взять неприступный Хауран?

— Не будет ни осады, ни приступа. Я знаю, как выманить Констанция за стены.

— Ну и что? — в гневе воскликнул Гарет.— Пока мы будем осыпать друг друга стрелами, не их, а нашей коннице придется туго. Их отряды пройдут через нас, как нож сквозь масло.

— Этого не будет, если за нами встанут три тысячи отчаянных хайборийских всадников, привыкших сражаться в строю по всем правилам военной науки.

— Где же ты возьмешь три тысячи хайборийцев? — рассмеялся Гарет.— Разве что из воздуха наколдуешь?

— Они уже есть,— твердо сказал Конан.— Три тысячи хауранских воинов откочевали в оазис Акель и ждут моего приказа.

— Что? — Гарет стал похож на загнанного волка.

— Что слышал. Эти люди бежали от власти Констанция. Большинство из них скитались по пустыне как изгнанники. Зато теперь это закаленные и готовые на все воины. Это тигры-людоеды. Каждый стоит троих наемников. Беда и неволя укрепляют истинных мужей и наполняют их мышцы адским пламенем. Они бродили мелкими группами, им недоставало вождя. Я связался с ними через моих посыльных. Они собрались в оазисе и ждут команды.

— И все это без моего ведома? — В глазах Гарета появился зловещий блеск, рука нашаривала кинжал.

— Они признали мою власть, а не твою.

— И что ты наобещал этим выродкам?

— Я сказал, что волки пустыни помогут им распластать Констанция и вернуть Хауран его жителям.

— Дурак. Ты что, вождем себя вообразил?

Оба вскочили. Демонские огни плясали в серых зрачках Гарета, губы киммерийца тронула грозная усмешка.

— Я прикажу разодрать тебя четырьмя конями,— процедил сквозь зубы мунган.

— Кликни людей да прикажи,— сказал Конан.— Авось послушаются.

Хищно осклабившись, Гарет поднял руку и остановился — его удержала уверенность Конана.

— Выродок с западных гор,— прошипел он.— Как же ты осмелился на заговор?

— В этом не было нужды,— ответил Конан.— Ты лгал, когда говорил, что люди идут к нам не из-за меня. Как раз наоборот. Они, правда, выполняют твои приказы, но сражаются за меня. Короче, двум вождям здесь не бывать, а все знают, что я сильнее тебя. Мы с ними прекрасно понимаем друг друга — ведь я такой же варвар, как они.

— Но что скажет армия, когда ты прикажешь ей драться за интересы Хаурана?

— Подчинится. Я обещал им караван золота из дворцовых сокровищниц. Хауран заплатит хороший выкуп за изгнание Констанция. А уж потом пойдем на Туран, как задумано. Народ подобрался жадный, им хоть с Констанцием биться, хоть с кем.

В глазах Гарета появилось осознание краха. За кровожадными мечтами о собственной империи он просмотрел то, что творилось под боком. Мелочи вдруг обрели настоящее значение. Он понял, что слова Конана — не пустая угроза. В черной кольчуге стоял перед ним подлинный предводитель зуагиров.

— Так умри, собака! — зарычал мунган и схватился за кинжал. Но рука Конана с кошачьей быстротой метнулась вперед, и кисть ее сомкнулась на предплечье Гарета. Раздался треск костей, и напряженная тишина повисла в шатре. Мужи стояли лицом к лицу, неподвижные, точно статуи. Капли пота выступили на лбу Гарета.

Конан засмеялся, но кулака не разжал:

— Неужели ты выдержишь это, Гарет?

Улыбка все еще бродила по лицу Конана. Мышцы его заиграли, сплетаясь в ременные узлы, а могучие пальцы вонзились в дрожащую руку мунгана. Послышался хруст костей, и лицо Гарета стало серым как пепел. Из прикушенных губ брызнула кровь — но он не издал ни звука.

Смеясь, Конан освободил его и отступил на шаг. Мунган покачнулся и оперся здоровой рукой о стол.

— Я дарю тебе твою жизнь, Гарет, так, как ты подарил мне мою,— спокойно сказал Конан.— Хотя ты снял меня с креста исключительно для своей пользы. Тяжкое это было для меня испытание, ты бы его не выдержал. Это под силу только нам, западным варварам. Ступай, садись на своего коня — он привязан за шатром, вода и пища во вьюках. Отъезда твоего не увидит никто, но поспеши — побежденному владыке не место в пустыне. Если воины увидят тебя, калеку, лишенного власти, то живым не отпустят.

Гарет молча выслушал Конана и так же в молчании повернулся и вышел из шатра. Молча взобрался он в седло высокого белого жеребца, привязанного в тени раскидистой пальмы, молча вложил поврежденную руку за ворот туники, поворотил коня и отправился на восток, в пустыню, чтобы навсегда исчезнуть из жизни племени зуагиров.

Конан остался один. Он осушил кубок и вытер губы. Ему полегчало, он отшвырнул кубок в угол, поправил ремень и вышел вон. Остановившись на секунду, он оглядел море палаток из верблюжьей шерсти, расстилающееся перед ним. Между палаток бродили люди в белом. Они пели, ссорились, чинили конскую сбрую и точили сабли.

Голос Конана был подобен грому, и раскаты его донеслись до самых дальних шатров:

— Эй вы, канальи, навострите уши и слушайте! Ступайте все сюда — я хочу вам кое о чем поведать!

5

Люди, собравшиеся в башне при городской стене, внимательно прислушивались к речам одного из них. Все они были молоды, крепки и ловки. Чувствовалась в них закалка, которую дают тяжкие испытания. Все они были в кольчугах, в кожаных кафтанах и при мечах.

— Я знал, что Конан прав — это не Тарамис! — говорил Валерий.— Целый месяц под видом глухого побирушки я слонялся возле дворца. И наконец убедился в своих давних подозрениях. Наша королева томится в дворцовом подземелье. Стал выжидать удобного случая. Тут мне и подвернулся стражник-шемит. Я его оглушил, затащил в ближайший погреб и допросил с пристрастием. Перед тем как сдохнуть, вот что он мне сказал: Хаураном правит ведьма по имени Саломея, а Тарамис заключена в самом глубоком подземелье. А этот набег зуагиров нам крепко поможет. Что намерен предпринять Конан — угадать трудно. Наверняка он посчитается с Констанцием, но, возможно, разграбит и разрушит город. Это ведь варвар, нам его не понять. Тогда у нас одна задача — в разгар битвы освободить Тарамис. Констанций выведет войско в поле, они уже седлают коней. В городе нет припасов, чтобы выдержать осаду,— слишком уж внезапно воины Конана появились под стенами. А киммериец как раз готовился к осаде: разведка доложила, что зуагиры тащат стенобитные машины и осад-

ные башни. Все это придумал Конан, он ведь все военные науки Запада превзошел. Констанций непременно выведет всех своих воинов, чтобы одним ударом покончить с врагом. В городе останется едва ли сотни три шемитов, да и те будут на стенах и у ворот. Тюрьма останется почти без охраны. А когда освободим Тарамис, посмотрим, как дело пойдет. Если победит Конан, покажем Тарамис людям и призовем к восстанию. И народ поднимется, сомнений нет! У нас хватит сил перебить шемитов даже голыми руками. А потом мы закроем ворота и от наемников, и от кочевников. Ни те, ни другие не попадут в город. А уж тогда можно и с Конаном толковать. Он всегда был верен присяге. А когда узнает правду да королева сама его попросит — может, и отступит. Но вероятнее всего, Констанций разгромит Конана. Тогда придется бежать из города и спасать королеву. Вы все поняли?

Собравшиеся разом кивнули.

— Доверим же мечи наши и души богине Иштар и пойдем к тюрьме — наемники выходят из города через Южные ворота!

Так оно и было. Солнце играло на остроконечных шлемах, непрерывным потоком льющихся через широкие ворота, на белых чепраках тяжелых боевых коней.

Битва должна была начаться с атаки тяжелой конницы, как принято на Востоке. Всадники выплывали из городских ворот стальной рекой — грозные мужи в вороненых и серебристых кольчугах, в кирасах, в сплошных панцирях, бородатые, с хищными носами. Свирепые глаза их выражали решимость и ярость.

Люди высыпали на улицы, выглядывали из окон, молча провожали взорами чужеземных воинов, вышедших защитить чужой город. А горожанам было все равно.

На башне, возвышающейся над широкой улицей, что вела к Южным воротам, Саломея иронически разглядывала Констанция, который перепоясался мечом и натянул рукавицы из стальных чешуек. Из окна доносился шум движущегося войска — поскрипывание сбруи и тяжелый конский топот по мостовой.

— Прежде чем стемнеет,— сказал Констанций и покрутил усы,— у тебя будет множество пленников, чтобы насытить твоего демона в храме. Ему, поди, надоели мягкие тела горожан? Может, ему номады понравятся — они жилистые!

— Смотри сам не нарвись на тварь еще более дикую, чем твой Тауг,— ответила Саломея.— Помни, кто ведет врагов.

— Память у меня хорошая, потому и выхожу ему навстречу. Этот паршивый пес воевал на Западе и знает толк в штурме городов. Мои разведчики подобрались к их лагерю, а это нелегко, ведь у номадов орлиное зрение. Все же они разглядели, что верблюды волокли и катапульты, и тараны, и осадные башни. Клянусь Иштар! Чтобы все это соорудить, десять тысяч человек должны были трудиться не меньше месяца. А где он взял материалы — ума не приложу. Неужели договорился с туранцами? Впрочем, все это ему понадобится. Я уже дрался с этими песчаными волками. Сперва перестрелка — тут моих воинов убережет броня,— потом атака. Мои полки прорвут слабый строй номадов, развернутся, ударят сзади и разгонят это воинство на все четыре стороны. Вечером я войду в Южные ворота, и сотни пленников поплетутся за хвостом моего коня. Ночью мы устроим на дворцовой площади праздник — мои ребята любят сжигать пленных живьем и сдирать с них кожу. Что же касается Конана, то неплохо бы взять его живым и посадить на кол перед дворцом.

— Развлекайтесь сколько влезет,— равнодушно откликнулась Саломея.— Я давно мечтала о платье из человеческой кожи. Но уж сотню пленных отдай мне — и на жертвенник, и для Тауга.

— Все будет по твоему слову,— ответил Констанций и бронированной ладонью зачесал волосы назад.— Итак, иду сразиться и победить во имя незапятнанной чести Тарамис! — Он взял украшенный перьями шлем на изгиб левой руки, правой же отдал шутовской салют. Через минуту с улицы донесся его властный голос, отдававший команды.

Саломея лениво приподнялась, потянулась и позвала:

— Занг!

Бесшумный жрец с лицом, точно из желтого пергамента, скользнул в комнату.

Саломея указала на возвышение из слоновой кости, на котором лежали два хрустальных шара, и велела жрецу взять тот, что поменьше.

— Поезжай за Констанцием. Будешь сообщать о ходе сражения. Ступай!

Человечек с пергаментным лицом низко поклонился, спрятал шар в складки черного плаща и поспешно вышел.

Через минуту послышался топот коня, затем грохот закрываемых ворот.

По широкой мраморной лестнице Саломея поднялась на крышу, защищенную от солнца балдахином. Отсюда открывался вид на опустевшие улицы и безлюдную дворцовую площадь — народ Хаурана предпочитал держаться подальше от опоганенного храма. Город словно вымер.

Только на южной стене и на крышах прилегающих к ней домов толпились горожане. Они не издавали обычных в таких случаях приветственных криков, ибо не знали — победы желать Констанцию или поражения. Победа — значит, снова вернется иго ненавистных шемитов, поражение — значит, в городе будет грабеж и резня. Никаких вестей Конан не подавал, а то, что он варвар, помнили все.

Полки насмников выходили на равнину. Далеко-далеко, на этом берегу реки, можно было разглядеть волну конницы. Противоположный берег был усеян темными точками — осадные машины оставались на месте. Должно быть, Конан опасался удара в момент переправы.

Отряды Констанция тронулись — сперва шагом, потом рысью. Низкий рев донесся до стоящих на стене.

Две встречные волны столкнулись и перемешались в сплошную клубящуюся массу. Нельзя было понять, кто ударил первым.

Тучи пыли, поднятой копытами, покрыли поле сражения, как туман. Изредка из этого тумана выныривали всадники и снова скрывались, временами сверкало оружие.

Саломея недовольно передернула плечами и спустилась вниз. Во дворце было тихо — все слуги и рабы вместе с горожанами таращились на сражение. Ведьма вошла в зал, где прощалась с Констанцием, и подошла к возвышению. Она увидела, что хрустальный шар помутнел и покрылся алыми пятнами. Саломея склонилась над ним и прошептала заклинание.

— Занг! — позвала она.— Занг!

Внутри шара поплыли туманные пятна, распадаясь в мелкую пыль. Мелькали неясные темные силуэты. Иногда, как молния в ночи, сверкала полированная сталь.

Затем появилось лицо Занга — такое четкое, словно он сам стоял перед Саломеей и глядел на нее выпученными глазами. По голому черепу текла кровь, желтая кожа была в пыли. Губы его дрогнули. Случись в зале посторонний, он бы ничего не услышал. Но для Саломеи голос жреца звучал отчетливо, словно и не было между ними нескольких

миль. Только демоны тьмы ведали, что за магические нити связывали оба шара.

— Саломея! — сказал раненый.

— Я слышу! — крикнула ведьма.— Говори!

— Мы погибли! Хауран потерян. Клянусь Сетом! Подо мной убили коня, я не могу убежать! Вокруг падают люди... Эти, в серебристых кольчугах, гибнут как мухи...

— Перестань скулить и говори, что случилось! — фыркнула Саломея.

— Мы пошли навстречу этим псам пустыни,— начал жрец.— И они двинулись к нам. Полетели тучи стрел, и номады дрогнули. Констанций скомандовал атаку, и мы двинулись сомкнутыми рядами. И тогда их орда расступилась вправо и влево, и перед нами оказались несколько тысяч хайборийских всадников — их никто не ждал! Хауранские витязи на могучих конях и в полном вооружении! Плотным железным клином они прошли сквозь нас. Мы и заметить не успели, как строй был разрезан пополам. И тогда с двух сторон ударили кочевники. Наши ряды смешались, нас сломали и перебили! Этот хитрый демон Конан! Осадные машины были для виду — одни каркасы из пальмовых стволов да раскрашенные тряпки. Наши разведчики ошиблись. Коварством выманили нашу армию за городские стены на погибель! Шемиты Сокола бегут! Конан зарубил Кумбанигаша. Констанция я не вижу. Хауранцы терзают нас, словно львы-людоеды, кочевники расстреливают из луков... Я... ах-х...

В хрустале блеснула сталь, брызнула кровь — изображение исчезло, словно лопнул пузырь на воде. Саломея застыла, вглядываясь в опустевший кристалл. Потом хлопнула в ладоши, и в комнате появился жрец, точь-в-точь похожий на покойного Занга.

— Констанций разбит,— торопливо сказала она.— Мы погибли. Скоро Конан начнет ломиться в городские ворота. Что со мной будет тогда, гадать не приходится. Но сперва я уверюсь, что моя проклятая сестричка никогда уже не взойдет на трон. Будь что будет, но мы угостим Таута на славу! Ступай за мной!

Они уже спускались во двор, когда со стен донесся нарастающий рев,— толпа, стоявшая там, поняла, что победил Конан. Из облаков пыли вырывались всадники и устремлялись к городу.

Дворец был соединен с тюрьмой длинной галереей под островерхой крышей. Потом Саломея и жрец вошли в широ-

кий коридор, откуда круто вниз уходили ступени. Вдруг Саломея встала как вкопанная, и проклятье застыло на ее губах. В полумраке возле стены лежал стражник-шемит, уставив короткую бороду в потолок. Голова его была почти отделена от тела.

Внизу раздавались приглушенные голоса и шаги нескольких человек, на стене появились отблески пламени.

Саломея отступила во тьму и притаилась за массивной колонной, туда же укрылся и жрец. Рука ведьмы потянулась к висящей на поясе позолоченной сумочке.

6

Яркое и дымное пламя факела пробудило королеву Хаурана от сна. Она приподнялась, опираясь на руки, и открыла глаза. Наверное, Саломея что-то задумала! Но раздался взволнованный голос:

— Тарамис! О, моя королева!

Она сперва подумала, что продолжает спать, но глаза ее увидели за пламенем блеск оружия и человеческие фигуры. Пятеро людей склонились над ней — грозные чернобородые загорелые лица.

Королева завернулась в лохмотья и, сжавшись в комок, ожидала своей участи.

Один из пришельцев пал на колени и простер к ней руки.

— О Тарамис! Иштар помогла разыскать тебя! Помнишь ли ты меня? Я Валерий. Когда-то, после битвы при Корвеке, ты удостоила меня поцелуем...

— Валерий...— простонала королева.— Я, должно быть, сплю... Это новая ворожба Саломеи...

— Нет! — голос его дрожал.— Твои верные слуги пришли спасти тебя. Но нужно торопиться. На равнине Констанций сражается с Конаном, который привел из-за реки зуагиров, но сотни три шемитов все еще в городе. Стражник убит, вот его ключи. Других часовых не видно. Уходим, быстро!

Королева облегченно вздохнула и потеряла сознание. Не раздумывая, Валерий подхватил ее на руки и пошел вслед за тем, кто нес факел. Они стали подниматься по сырым ступеням лестницы — казалось, им не будет конца — и очутились в коридоре. Вдруг, возле портала, факел погас, а тот, кто его нес, издал короткий предсмертный стон. Голу-

бая вспышка выхватила на миг из темноты разъяренные лица Саломеи и ее спутника.

Вспышка была такой яркой, что хауранцы ослепли. Валерий с королевой на руках продолжал бежать, слыша за спиной звуки убийственных ударов, стоны и хищное сопение. Но тут сильный толчок поверг воина на пол, а королеву вырвали у него из рук. Он кое-как поднялся и затряс головой, чтобы прогнать ослепление. Он был один в коридоре, его спутники лежали в крови, покрытые глубокими ранами. Ослепленные адским пламенем, они, должно быть, и не защищались. Все были мертвы.

Королева исчезла.

Грубо выругавшись, Валерий выдернул меч, стащил погнутый шлем и что было сил хватил им об пол. Из раны на голове по лицу потекла теплая струйка. Он несколько раз оборотился, прикидывая, в какую сторону унесли Тарамис, и услышал, что кто-то зовет его:

— Валерий! Валерий!

Спотыкаясь, он побежал на голос, и через минуту в его руках оказалось знакомое стройное тело.

— Игва! Да ты с ума сошла!

— Я должна, должна была пойти сюда,— со слезами в голосе сказала девушка.— Я следила за вами и спряталась во дворе за аркой. Только что я видела ее и слугу, который тащил женщину. Я узнала Тарамис и поняла, что вам не повезло... Ты ранен!

— Царапина.— Он оттолкнул ее руку.— Вперед, Игва! Показывай, куда они побежали!

— Через двор в сторону храма.

Молодой воин побледнел.

— Во имя Иштар! Вот ведьма! Она решила принести Тарамис в жертву своему демону! Скорее беги к людям на южной стене и скажи, что нашлась настоящая королева и ведьма тащит ее в храм. Беги!

Девушка, заливаясь слезами, пересекла площадь и скрылась в улице, что вела к стене. Валерий устремился к зданию, угрюмо возвышавшемуся напротив дворца. Ноги его едва касались каменных плит. Саломея и жрец в спешке не закрыли за собой тяжелую дверь. Воин вбежал в храм и увидел тех, кого преследовал. Королева очнулась и, чуя неминуемую гибель, сопротивлялась изо всех сил. Ей даже удалось вырваться из цепких рук жреца, но лишь на мгновение.

Они были уже в центре огромного зала, на другом конце которого находился страшный жертвенник, а за ним — высокие железные двери. Многие прошли через них, но возвращалась лишь одна Саломея.

Во время борьбы лохмотья слетели с королевы, и она казалась лесной богиней в объятиях демона. Саломея шагала к дверям, нетерпеливо оглядываясь. В полумраке мелькали перекошенные физиономии идолов.

Подняв меч, Валерий в гневе бросился вперед. Раздался предостерегающий крик Саломеи, и желтолицый жрец, отбросив Тарамис, достал из ножен окровавленный клинок.

Резать людей, ослепленных колдовским пламенем Саломеи, было, видно, легче, чем противостоять молодому и сильному хайборийцу, охваченному яростью и ненавистью.

Кровавый клинок взлетел вверх, но меч воина был более быстрым и просто-напросто отсек кисть жреца. Брызнула кровь. Опьяненный боем, Валерий наносил все новые и новые удары, пока бездыханное тело не рухнуло на пол. Лысая голова при этом покатилась в сторону.

Валерий, похожий в эту минуту на лесного хищника, обернулся в поисках Саломеи. Та склонилась над Тарамис. Одной рукой ведьма держала сестру за волосы, другая, с кинжалом, выбирала место для удара. Снова свистнул меч Валерия и вонзился в грудь ведьмы с такой силой, что вышел между лопатками на добрый локоть.

Со страшным криком Саломея рухнула на колени, схватилась руками за лезвие меча и упала, содрогаясь в конвульсиях. Глаза ее уже не походили на человеческие, и с нездешней силой цеплялась она за жизнь, вытекавшую из нее через рану — она как раз рассекла алый полумесяц на груди. Ведьма извивалась в агонии, кусала и царапала каменные плиты.

Валерий с отвращением отвернулся и поднял королеву: та была в полуобморочном состоянии. Оставив позади издыхающую тварь, он вынес Тарамис во двор к подножию лестницы.

Площадь была заполнена народом. Кто откликнулся на призывы Игвы, кто просто бежал со стены от страха перед ордой. Отупелость и равнодушие сменились подъемом, толпа волновалась и шумела, потрясала кулаками. Со стороны ворот раздавались глухие удары тарана.

Отряд разъяренных шемитов напирал на толпу — это была стража Северных ворот, спешившая на подмогу к Южным.

Но все — и стражники, и народ — разинули рты от удивления, когда на ступенях храма появился юноша, державший на руках обнаженное тело.

— Вот ваша королева! — провозгласил Валерий, стараясь перекричать толпу.

Люди ничего не поняли.

Верховые шемиты стали пробиваться к ступеням храма, избивая народ древками копий.

И тогда...

За спиной Валерия появилась тонкая фигурка в окровавленной белой одежде. И люди увидели, что на руках Валерия лежит их повелительница, а в дверях храма стоит другая — точная ее копия.

Увидев ведьму, Валерий почувствовал, что кровь стынет у него в жилах: ведь его меч пробил ей сердце. По всем законам природы ей полагалось быть мертвой. Но она была жива.

— Тауг! — закричала ведьма, оборотившись к дверям.— Тауг!

В ответ послышался громовой хохот, треск дерева и звон лопающегося металла.

— Это королева! — завопил сотник-шемит и сорвал с плеча лук.— Стреляйте в эту парочку на лестнице!

Но толпа уже рычала, как свора разъяренных собак. Люди наконец поняли смысл слов Валерия и догадались, кто их настоящая королева. С этим рычанием люди и набросились на шемитов, вооруженные лишь зубами, ногтями да кулаками.

Возвышавшаяся над этим месивом людских и лошадиных тел, Саломея покачнулась и упала на мраморные ступени — на этот раз мертвая окончательно и бесповоротно.

Стрелы свистели вокруг Валерия, пытавшегося укрыться за колонной портика. Конные шемиты рубили и стреляли направо и налево, стремясь спастись от расправы толпы. Валерий добежал до двери храма и уже собирался переступить порог, но вдруг повернулся, закричав от ужаса.

Из мрака, царившего в храме, выкатилась огромная черная туша и устремилась к Валерию длинными лягушачьими прыжками. Юноша увидел, как сверкают огромные глазищи, увидел клыки и саблеподобные когти, и отскочил от дверей. Стрела, просвистевшая над ухом, напомнила ему, что за спиною тоже смерть.

Четверо или пятеро шемитов пробились сквозь толпу, и теперь их кони были уже на ступенях. Стрелы с треском

ударялись в колонну. Тарамис давно уже была без сознания и казалась мертвой.

Прежде чем шемиты успели еще раз выстрелить, ворота храма заполнило гигантское тело. Наемники в ужасе повернули коней и влетели в толпу. Люди в панике побежали, топча упавших.

Но чудовищу нужны были только Валерий и королева. Протиснув свое могучее колышущееся тело сквозь ворота, оно бросилось к юноше, который бежал вниз по лестнице. Валерий слышал, как за его спиной движется огромная тварь, порожденная в сердце мрака, черная желеобразная масса, в которой можно было различить только горящие жаждой крови глаза и страшные клыки.

Тут раздался топот копыт, и отряд окровавленных, изрубленных шемитов влетел на площадь и стал вслепую прорубаться сквозь толпу. Это были те, что охраняли Южные ворота. Их преследовала группа всадников, которые размахивали окровавленными мечами и что-то кричали на родном языке,— то жители Хаурана, бежавшие в пустыню, вернулись в свой город. Вместе с ними въехали полсотни чернобородых номадов во главе с богатырем в вороненой кольчуге.

— Конан! — воскликнул Валерий.— Это Конан!

Гигант увидел его, все понял и отдал приказ. Не останавливая коней, всадники из пустыни подняли луки, натянули тетивы и выстрелили. Смертоносная туча запела над человеческим морем и вонзилась в тушу чудовища. Тварь остановилась, издала ужасный рев и зашаталась — черная клякса на белом мраморе. Всадники сделали еще один залп, еще один... Мерзкое кваканье раздалось из поганой пасти. Тварь рухнула и покатилась по ступеням — мертвая, как и та, что вызвала ее из бездны минувших тысячелетий.

Конан остановил коня и спешился.

Валерий положил королеву на мраморные плиты и упал рядом с нею — силы оставили его. Толпа всколыхнулась, приближаясь. Конан с проклятием отогнал ее и склонился над королевой.

— Клянусь Кромом, это Тарамис. А кто же та?

— Демоница, принявшая ее облик,— прохрипел Валерий.

Конан выругался и, сорвав с ближайшего воина плащ, накрыл им обнаженное тело королевы. Она открыла глаза и с изумлением посмотрела на покрытое шрамами лицо киммерийца.

— Конан! — Ее нежные руки обхватили богатырское плечо.— Или я сплю? Ведь она сказала, что ты убит!

— Убит, да не до конца,— широко улыбнулся Конан.— Ты не спишь, государыня! Там, у реки, я разгромил Констанция в пух и прах. Они бежали, трусливые собаки, но до стен не дошел ни один — я приказал не брать пленных, кроме самого Констанция. Стража захлопнула ворота у нас перед носом, но мы вышибли их тараном. Своих волков, не считая этой полусотни, я оставил за воротами. Не могу поручиться, что они будут вежливо вести себя в городе.

— О Иштар! Какой ужасный сон! — вздохнула королева.— Несчастный мой народ! Конан, ты должен помочь нам — отныне ты и капитан гвардии, и самый главный советник!

Конан засмеялся и отрицательно покрутил головой. Он встал и помог подняться королеве, потом кивнул хауранцам, чтобы они спешились и ждали распоряжений своей повелительницы.

— Не стоит, государыня,— капитаном я уже был. Отныне я вождь зуагиров и поведу их на Туран, как обещал. Вот из Валерия получится добрый капитан, а мне надоела жизнь среди мраморных стен. Но сейчас я должен оставить тебя и закончить свои дела — в городе еще полно живых шемитов!

Сказав это, Конан жестом приказал подать ему коня, вскочил в седло и помчался, увлекая за собой своих лучников.

Тарамис, опираясь на плечо Валерия, обернулась ко дворцу, и ликующая толпа расступилась, образовав коридор до самых дверей. Валерий услышал, как нежная ладонь коснулась его правой руки, онемевшей от тяжести меча, и не успел он опомниться, как оказался в объятиях Игвы. Наступило время мира и покоя.

Увы, не всем сужден мир и покой — некоторые для того и приходят на свет, чтобы неустанно сражаться, и нет у них иной дороги.

...Всходило солнце. По древнему караванному пути от стен Хаурана до самой реки растянулись всадники в белых одеждах. Во главе кавалькады ехал Конан-киммериец на огромном белом жеребце. Неподалеку от него торчал из земли обрубок деревянного бруса. По соседству возвышался массивный деревянный крест. На нем висел человек, прибитый по рукам и ногам железными гвоздями.

— Семь месяцев назад, Констанций, ты стоял здесь, а я висел на кресте,— заметил Конан.

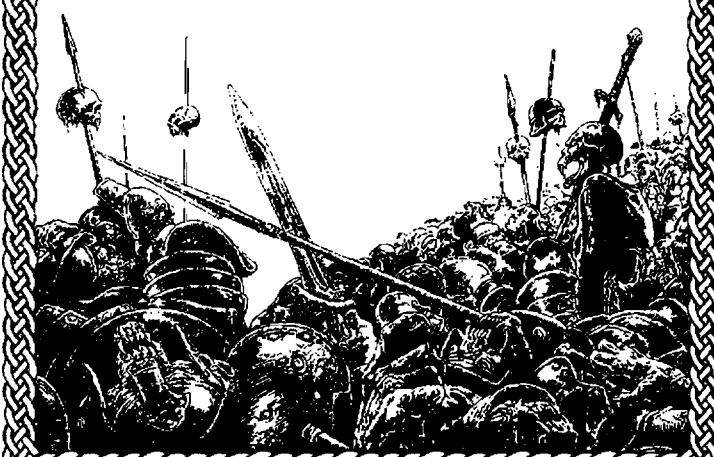
Констанций не ответил, только облизнул помертвевшие губы. Глаза его были полны болью и страхом.

— Пытать, конечно, ты горазд, а вот терпеть...— продолжал спокойно Конан.— Я висел точно так же, но выжил — хвала счастливому случаю и варварскому здоровью. Где вам, цивилизованным людям, равняться с нами. Вы умеете только мучить, но не переносить муки. Да, слабо вы за жизнь боретесь! Солнце не успеет зайти, как ты умрешь. Я оставляю тебя, Сокол Пустыни, в обществе других здешних птичек.— Он показал на стервятников, кружащихся в небе над головой распятого.

Констанций закричал от ужаса.

Конан тряхнул поводьями, и жеребец послушно направился к реке, горевшей серебром в лучах утренней зари. Следом за своим вождем тронулись белые всадники. На Констанция они взирали вполне равнодушно. Копыта коней отбивали в пыли ритм похоронного марша распятому, а крылья голодных стервятников рассекали воздух все ниже и ниже...

Честолюбивые планы Конана потерпели крах. Горячие зуагиры готовы были отдать жизнь в борьбе за свободу, их легко можно было поднять на грабительскую вылазку, но создать из них армию завоевателей, спаянную жестокой дисциплиной, оказалось не под силу даже варвару-киммерийцу. К тому же между зуагирами и мунганами, присоединившимися к номадам после того, как их выжил-таки из родных степей Ездигерд, начались свары и стычки. В конце концов Конан почел за лучшее расстаться и с теми и с другими и в одиночку отправился в Замбулу, город на пограничье Турана...



Призраки Замбулы

1

БАРАБАН НАЧИНАЕТ БИТЬ

— В доме Арама Бакша скрывается опасность!

Каркающий голос предупреждающего сорвался от волнения, а тощие с черными когтями пальцы вцепились в мускулистую руку Конана. Это был жилистый, почерневший от солнца человек с растрепанной темной бородой. Лоскутное одеяние выдавало в нем кочевника. Он выглядел меньше и слабее, чем на самом деле, рядом с широкогрудым чернобровым гигантом киммерийцем, с его мощными руками и мускулистыми ногами. Они стояли на углу Базара Оружейников, и с обеих сторон их обтекал многоязычный разноцветный уличный поток — такой экзотичный, разноплеменный, яркий и шумный здесь, в Замбуле.

Конан с трудом оторвал взгляд от прошествовавшей мимо девицы с дерзкими глазами и ярко-красными губами, чья вызывающая походка и короткая юбка с разрезом при каждом шаге позволяли видеть коричневое соблазнительное бедро, и недовольно посмотрел вниз, на своего назойливого компаньона.

— Что ты имеешь в виду, говоря об опасности? — спросил он.

Кочевник украдкой посмотрел через плечо, прежде чем ответить, и понизил голос.

— Никто не знает этого толком. Известно лишь, что людей пустыни и приезжих, которые останавливались на ночлег в доме Арама Бакша, больше никогда не видели после и ничего о них не слышали. Что с ними сталось? Сам он клялся, что они, встав от сна, продолжали свой путь. Дей-

ствительно, из его дома никогда не исчезал ни один из постоянных жителей города. Однако путешественников никто не видел снова, и люди говорят, что их вещи и снаряжение позже встречались на базарах. Как бы они попадали туда, если бы это не было делом рук Арама, который прежде должен был избавиться от их владельцев?

— У меня нет вещей,— проворчал киммериец, дотрагиваясь до обтянутой шагренью рукояти палаша, висевшего у его бедра.— Я продал даже коня.

— Но из дома Арама Бакша по ночам исчезают не только богатые странники! — продолжал зуагир.— Более того, бедные люди пустыни ночевали там — потому что он берет меньшую плату, чем в других тавернах,— и после этого они пропадали навсегда. Однажды вождь зуагиров, сын которого исчез таким образом, пожаловался сатрапу Джангир-хану, и тот приказал воинам обыскать дом.

— И они нашли подвал, полный трупов? — спросил Конан с добродушной насмешкой.

— Нет! Они не нашли ничего! И выпроводили вождя из города с угрозами и руганью! Но,— он придвинулся к Конану ближе и посжился,— кое-что все же они нашли! На краю пустыни за домом есть пальмовая роща, и в ней яма. И вот в этой яме были обнаружены человеческие кости, обугленные и почерневшие! И видно, что их жгли здесь не один, а много раз!

— И что это доказывает? — промычал киммериец.

— Арам Бакш — демон! Посуди сам, в этом проклятом городе, построенном стигийцами и управляемом гирканцами, где белые, желтые и черные народы перемешались так, что образовались богомерзкие смеси всех оттенков и племен,— кто может отличить здесь человека от скрытого демона в человеческом облике? Арам Бакш и есть такой демон — с личиной человека! Ночами он принимает истинное обличье и уносит своих гостей в пустыню, где устраиваются тайные сборища подобных ему демонов.

— Почему он всегда уносит чужестранцев? — спросил Конан скептически.

— Горожане не допустили бы, чтобы он убивал местных, но им дела нет до приезжих, которые попадают в его лапы. Ты с Запада, Конан, и не знаешь тайн этой древней земли. Но с того времени, как это началось, демоны пустыни стали устраивать ритуальные действа в честь Йога, Владыки Великой Пустоты. Все это связано с культом огня — огня, который пожирает человеческие жертвы. Прислушайся к моим

словам. Ты много лун жил в шатрах зуагиров, ты наш брат, поэтому я предупреждаю тебя. Не ходи в дом Арама Бакша!

— Прячься скорее! — внезапно прервал его Конан.— Вон идет отряд городской стражи. Если они увидят тебя, то могут вспомнить коня, который был украден из конюшен сатрапа.

Зуагир поперхнулся и заметался в поисках укрытия. Он нырнул между палаткой и каменным желобом, где поили лошадей, задержавшись лишь настолько, чтобы продребезжать:

— Будь осторожен, брат! В доме Арама Бакша водятся демоны! — После этого он устремился вниз по узкому проходу между домами и исчез из вида.

Конан поудобнее приладил свой широкий пояс, на котором висел меч, и спокойно встретил пронизывающие взгляды, которыми обшаривали его стражники, проходившие мимо. Они рассматривали его с любопытством и подозрением, так как он выделялся даже в такой пестрой толчее, которая запруживала извилистые улочки Замбулы. Его голубые глаза и необычная для этих мест внешность сразу бросались в глаза в восточной толпе, а прямой меч у бедра был добавочным признаком расового отличия.

Однако стражники не обратились к нему, а, сохраняя построение, прошли, мерно печатая шаг, вниз по улице среди толпы, расступающейся перед ними. Это были наемники пелишты, все, как на подбор, приземистые, крючконосые, с иссиня-черными бородами, прикрывающими грудь, защищенную броней. Их нанимали для работы, которую правящая прослойка туранцев считала ниже своего достоинства. По этой же причине они вызывали ненависть монгрельского населения.

Конан взглянул на солнце, которое начало садиться за дома с плоскими крышами, расположенные на западной стороне базара, и, подтянув снова свой пояс, двинулся по направлению к таверне Арама Бакша.

Цепким шагом жителя предгорий он продвигался по ежеминутно меняющемуся цветистому потоку из улицы в улицу. Оборванные туники попрошаек задевали отделанные горностаем халаты надменных купцов и вышитый жемчугом атлас богатых куртизанок. Черные рабы-исполины брели, расталкивая темнобородых шемитских странников, прибывших из дальних городов, одетых в лохмотья кочевников из ближних пустынь, торговцев и искателей приключений, стекающихся сюда из самых разных стран Востока.

Местное население было не менее разношерстным. Когда-то, несколько веков тому назад, эти земли были завоеваны стигийцами, которые расширили свою империю, захватив восточные пустыни. До их прихода Замбула была всего лишь маленьким торговым поселением — одним из многих в кольце оазисов. Обитателями ее были в основном потомки кочевников. Стигийцы превратили ее в большой город, осев здесь сами и приведя с собой шемитских и кушских рабов. Многочисленные караваны, пересекавшие пустыню с востока на запад и в обратном направлении, принесли городу богатство и способствовали еще большему смешению рас. Затем страну завоевали туранцы, пришедшие с востока. Их конница отодвинула границы Стигии, и теперь вот уже на протяжении жизни целого поколения Замбула была самым западным аванпостом Турана, которым правил туранский сатрап.

Вавилонское смешение самых разнообразных говоров и наречий, разноязычные крики и галдеж, неустанно меняющиеся картины причудливо переплетающихся улочек Замбулы впечатляли даже видавшего виды киммерийца. То тут, то там раздавался стук копыт и бряцание металла — это группы туранских всадников вклинивались в толпу. Конники были высокими, гибкими воинами с горбоносыми темными лицами и кривыми саблями. Люди разбегались из-под копыт их лошадей, так как они были завоевателями и властителями Замбулы. А высокие угрюмые стигийцы держались в стороне и, стоя в тени, смотрели исподлобья, памятуя о своей былой славе. Разноплеменному же населению было мало дела до того, какой царь вершил их судьбы. Им было все равно, обитал ли он в мрачной Кеми или в блистательном Аграпуре. Замбулой правил Джангир-хан, и, как передавали люди шепотом, любовница сатрапа Нефертари правила самим Джангир-ханом. Народ же жил своей жизнью, как делал это испокон веку. Пестрая уличная толпа все так же радовала глаз мириадами цветов и оттенков, люди щеголяли нарядами, торговались, спорили, играли в азартные игры, выпивали и любили, как делали это всегда на протяжении веков, с тех пор как башни и минареты Замбулы поднялись над песками Харамуна.

Бронзовые фонари, украшенные хищными драконами, уже зажглись на улицах, когда Конан добрался до дома Арама Бакша. Таверна была последним обитаемым жилищем на улице, ведущей на запад. Обширный сад с густо разросшимися финиковыми пальмами был обнесен стеной. Он отде-

лял таверну от домов, расположенных восточнее. К западу от гостиницы также возвышалась пальмовая роща, сквозь которую улица, превращающаяся здесь в дорогу, вела дальше в пустыню. Через дорогу напротив таверны тянулся ряд пустующих хижин, разбросанных в тени беспорядочно растущих деревьев. Их обитателями были только крысы и шакалы. Когда Конан спустился на дорогу, ему показалось странным, почему нищие, столь многочисленные в Замбуле, не приспособили эти пустующие дома для ночлега. Огни остались далеко позади. Здесь фонарей не было, за исключением одного, висящего перед входом в таверну: только звезды, мягкая пыль на дороге, в которой утопали ноги, да шелест пальмовых листьев в легком пустынном бризе.

Вход в заведение Арама располагался не со стороны дороги, а находился в аллее, которая соединяла таверну с садом финиковых пальм. Конан нетерпеливо дернул шнур колокольчика, свисающий за фонарем, и, неудовлетворенный его звяканьем, заколотил рукоятью своего меча в обшитые железом ворота из тикового дерева. Приоткрылась низенькая калитка, и в ней появилось черное лицо.

— Открывай, проклятье на твою голову! — потребовал Конан.— Я гость. Араму заплачено за комнату, и я займу ее, клянусь Кромом!

Черный вытянул шею, чтобы осмотреть освещенную только звездами дорогу за спиной киммерийца, после этого он открыл ворота, не говоря ни слова. Пропустив гостя, он вновь тщательно запер их на замок и задвинул засов. Стена была необычно высокой, но в Замбуле было много воров, а дом на краю пустыни, вероятно, нуждался еще и в защите от ночных набегов кочевников. Крупными шагами Конан прошел через сад, где в свете звезд покачивались крупные бледные соцветия, и вошел в небольшой зал, где за столом сидел стигиец с бритой головой книжника, размышляя о невыразимых тайнах бытия, а в углу пререкались, играя в кости, несколько человек неопределенного вида и рода занятий.

Арам Бакш вышел навстречу, мягко ступая. Это был тучный, осанистый мужчина с черной бородой, спускающейся на грудь, большим крючковатым носом и маленькими черными бегающими глазами.

— Не желаешь ли перекусить? — спросил он.— Или подать вина?

— Я уже съел хороший кусок мяса и лепешку в харчевне,— проворчал Конан.— Принеси-ка мне кружку аргосско-

го — у меня осталось только-только, чтобы заплатить за нее.— Он швырнул медную монету на залитый вином прилавок.

— Неудачно играл сегодня?

— Ты угадал, мне не повезло. Да и можно ли рассчитывать на выигрыш, если садишься играть, имея лишь пригоршню серебра? Я заплатил тебе за комнату сегодня утром, потому что знал, что могу продуться. Мне надо было обеспечить себе крышу над головой на ночь. Я заметил, что никто не остается ночевать на улицах Замбулы. Даже самые нищие бродяги стараются отыскать какую-нибудь щель или нишу, чтобы забаррикадировать ее до наступления темноты. Должно быть, город полон шайками особо кровожадных разбойников.

Крупными глотками он с удовольствием выпил принесенное дешевое вино и проследовал за Арамом из общей комнаты. Игроки за его спиной прервали свое занятие и проводили его взглядами, в которых чувствовалось непонятное сожаление. Никто не проронил ни слова. Только стигиец вдруг рассмеялся, и был в этом неприятном смехе оттенок бесчеловечного цинизма и издевки. Остальные опустили глаза, испытывая неловкость и стараясь не смотреть друг на друга. Видимо, премудрость, которую постигал стигийский школяр, не могла научить его разделять нормальные человеческие чувства.

Конан шел за Арамом вниз по коридору, освещенному медными светильниками, и ему не доставляло удовольствия наблюдать бесшумную крадущуюся походку его хозяина. Ноги Арама были обуты в мягкие туфли, а коридор был выстлан толстыми туранскими коврами, и все же создавалось неприятное ощущение вороватости и скрытности от того, как продвигался этот замбулиец.

В конце продуваемого коридора Арам остановился у двери, запертой тяжелым металлическим засовом с мощными скобами. Арам поднял засов и ввел киммерийца в хорошо убранную комнату. Конан сразу заметил, что окна в ней маленькие и забраны железными, красиво украшенными решетками. Пол здесь тоже был устлан коврами, тут же стояла тахта, убранная в восточном стиле, и табуреты с резным орнаментом. Комната была обставлена богаче, чем те, которые он мог бы снять за большую цену ближе к центру города. Это и побудило его остановить свой выбор на ней сегодня утром, когда он обнаружил, как похудел его ко-

шелек за последние дни, проведенные в кутежах. А ведь он прискакал в Замбулу только неделю назад.

Арам зажег бронзовую лампу и показал, как закрывается комната. В противоположной стене была еще одна дверь, которая, как и первая, закрывалась на тяжелую задвижку.

— Сегодня ты можешь спать спокойно, киммериец,— подмигнул хозяин, просунув свою густую бороду в дверной проем из коридора.

Конан хмыкнул и бросил свой обнаженный палаш на кушетку.

— Твои задвижки и засовы крепки, но я всегда сплю бок о бок со своим мечом наготове.

Арам ничего не ответил; с минуту он постоял, теребя свою пышную бороду и рассматривая грозное оружие, потом молча удалился, закрыв за собой дверь. Конан задвинул засов, пересек комнату, открыл противоположную дверь и выглянул. Комната была расположена со стороны дороги, ведущей на запад от города. Дверь вела в маленький дворик, отгороженный своей собственной стеной. Внутренние стены, которые отделяли дворик от основной огороженной территории вокруг таверны, были очень высокими, и никакого прохода в них не было видно. Зато стена, тянущаяся вдоль дороги, была низкой, а калитка не запиралась. Конан помедлил в дверях в свете лампы за его спиной, вглядываясь в дорогу в том месте, где она исчезала в пальмовой роще. По-прежнему было слышно только шуршание листьев на легком ветерке. За деревьями лежала голая пустыня. Далеко в противоположном направлении вверх по улице горели огни и смутно доносился шум города. Здесь же было только мерцание звезд, шепот пальмовых листьев, пыльная дорога за низкой стеной и пустые хижины с плоскими крышами, смутно вырисовывающиеся на фоне звездного неба. Где-то за пальмовой рощей вдруг раздался бой барабана.

Обрывки наивных предостережений зуагира всплыли в его памяти. Сейчас они почему-то не казались такими фантастическими, как представлялось на людных, залитых солнечным светом улицах. Он опять подивился заброшенности хижин напротив. Почему бродяги избегают их? Постояв еще немного, он вернулся в комнату, захлопнул дверь и задвинул засов.

Свет начал мигать. Выругавшись, он осмотрел лампу и обнаружил, что пальмовое масло в ней было на исходе. Арам не явился на его зов, и тогда киммериец пожал плечами и задул лампу. В темноте, не раздеваясь, он растянулся

на тахте, по привычке ощупав и придвинув поближе рукоять своего палаша. Некоторое время он бездумно смотрел на звезды, окаймленные зарешеченными окнами, и слушал шорох бриза в пальмовых листьях. Потом он погрузился в дремоту, сквозь которую смутно различал раскаты барабана, продолжавшего звучать снаружи в пустыне — низкое громыхание и рокот натянутой кожи барабана, по которому мягко и ритмично ударяла черная рука...

2

НОЧНЫЕ ПОХИТИТЕЛИ

Киммерийца разбудило почти беззвучное движение осторожно открывающейся двери. В отличие от цивилизованного человека, который, просыпаясь, некоторое время ничего не соображает, оставаясь сонным и вялым, он пришел в себя сразу. Голова его была совершенно ясной, и он точно определил источник звука, прервавшего его сон. Продолжая лежать в темноте, он весь напрягся для прыжка, в то время как дверь, выходившая во двор, медленно растворялась. На фоне ширящегося просвета, в который было видно звездное небо, он увидел огромный силуэт широкоплечей согнутой фигуры с бесформенной головой.

Конан почувствовал, как мурашки побежали у него между лопаток. Ведь он тщательно задвинул засов. Как же может открываться эта дверь, если не действием колдовских сил? И может ли быть голова человека такой странной формы? Легенды о демонах и гоблинах, слышанные им в шатрах зуагиров, всплыли в его памяти и заставили покрыться холодным потом все его тело. В это время чудовище бесшумно вползло в комнату на полусогнутых ногах, почти припав к земле. Привычный запах ударил в ноздри киммерийца. Его обычность не рассеяла страшной уверенности в его природе, поскольку зуагирские легенды утверждали, что демоны воняют именно так.

Затаив дыхание, Конан подтянул свои длинные ноги и приготовился к броску. В правой руке он держал обнаженный меч. Последовавший затем удар был неожидан и смертоносен, как прыжок тигра из засады. Даже демон не мог бы увернуться от такого выпада. Меч вонзился в тело и рассек его вместе с костями. Что-то тяжело повалилось на пол, захлебнувшись криком. Конан в темноте подобрался

к поверженному и склонился над ним, не выпуская из рук меча, с которого капало на пол. Демон, животное или человек — что бы это ни было — лежал мертвым на полу. Он чуял запах смерти, как дикий зверь. Посмотрев через полуоткрытую дверь во двор, освещенный звездами, он убедился, что калитка отворена, но двор пуст.

После этого киммериец прикрыл дверь, не потрудившись задвинуть засов. В темноте он нащупал лампу и зажег ее. Масла в ней должно было хватить на одну-две минуты, поэтому, не медля, он склонился над фигурой, которая распростерлась на полу в луже крови.

Это был огромный чернокожий, голый, если не считать набедренной повязки. В руке он сжимал сучковатую дубину. Курчавые космы парня были закручены наподобие рогов, проткнутых прутиками и обмазанных сухой глиной. Эта дикарская прическа, к несчастью для ее обладателя, и придавала такой странный вид его голове в тусклом свете звезд. Для подтверждения страшной догадки, осенившей его, Конан оттянул толстые красные губы лежащего и тихо выругался, увидев сточенные до основания зубы.

Теперь он понял, почему исчезали чужестранцы из дома Арама Бакша. Ясными стали и загадка черного барабана, выбивающего тревожную дробь неподалеку отсюда за пальмовой рощей, и ужасная тайна этой ямы с обгоревшими костями — ямы, где под звездами жарилось человеческое мясо и черные животные, сидя на корточках вокруг, пожирали его, удовлетворяя свой кощунственный голод. Человек на полу был рабом из Дарфара, в котором сохранялся каннибализм.

Таких людоедов в Замбуле было немало, хотя открыто об этом не говорили. Но теперь Конан знал, почему люди запираются на ночь так крепко и даже нищие избегают ночевок в открытых проходах или развалинах, не имеющих дверей. Он застонал от отвращения, живо представив звероподобные черные тени, рыскающие взад и вперед по ночным улицам в поисках человеческих жертв. Лютая ярость поднималась в нем, когда он думал об Араме Бакше, который открыл им дверь. Хозяин гостиницы не был демоном, он был хуже. Рабы из Дарфара пользовались дурной репутацией, всем было известно, что они занимаются воровством. Не было сомнений, что Арам Бакш прибирал к рукам часть украденного, а в ответ он продавал им человечину.

Конан задул свет, шагнул к двери и открыл ее. Он нащупал металлические узоры на ее внешней стороне, один

из них был подвижным, он был связан со специальным устройством, с помощью которого открывался засов. Комната была ловушкой для людей. Несчастные жертвы отлавливались, как кролики. Но на этот раз вместо кролика они будут иметь дело с саблезубым тигром.

Конан вернулся к противоположной двери, отодвинул засов и нажал на нее, пытаясь открыть. Дверь не поддавалась, и он вспомнил о запоре со стороны коридора. Арам обеспечивал себе полную изоляцию, не желая рискованных встреч ни со своими жертвами, ни с теми, с кем он вступал в эту грязную сделку.

Приладив меч к поясу, Конан крупными шагами вышел во двор, закрыв за собой дверь. Он не собирался откладывать свои расчеты с Арамом Бакшем. Тот должен ответить за многих и многих несчастных, которых глушили дубиной во сне, волокли из этой комнаты и дальше по дороге, ведущей через пальмовую рощу к ужасной яме с огнем.

Во дворе он остановился. Барабан еще звучал, и он уловил отблески колеблющегося красного пламени, просвечивающие сквозь деревья. Каннибализм был не только извращенной потребностью в пище для черных людей Дарфара, он был необходимым элементом их колдовских культов. Черные хищники уже приготовились к свершению своих зловещих ритуалов. Однако, кто бы ни попал в их желудки сегодняшней ночью, это будет не Конан.

Чтобы добраться до Арама Бакша, ему надо было перелезть через одну из стен, отделяющих маленький дворик от большого. Эти стены были очень высокими, вероятно, для защиты от людоедов — жителей равнин и болот. Однако они не были преградой для Конана, выросшего в горах и привычного к подъемам на крутые склоны. Он стоял у ближайшей стены, готовясь перемахнуть ее, когда до него донесся крик, эхом прокатившийся под деревьями.

В ту же минуту Конан, пригнувшись, подбежал к калитке и выглянул на дорогу. Звуки доносились от хижин, стоявших в тени за дорогой. Это был прерываемый удушьем визг, как будто жертве, делающей отчаянные попытки закричать, сжимали горло — и скорее всего черными руками. Из тени от хижины появилась тесно сбившаяся группа людей. Они двинулись вниз по дороге — трое громадных чернокожих мужчин, несущих тоненькую вырывающуюся фигурку. Конан разглядел белеющие в свете звезд руки и ноги, судорожно извивающиеся в безуспешных попытках освободиться. Вдруг пленник вырвался из грубых лап и помчался по

дороге — это была гибкая молодая женщина, нагая, как в день своего рождения. Конан видел ее совершенно отчетливо перед тем, как она скрылась в тени между хижинами. Чернокожие следовали за ней по пятам и также исчезли в тени. Невыносимый вопль агонии и ужаса достиг ушей Конана. Доведенный до белого каления разгулом вурдалачьих бесчинств, Конан ринулся через дорогу.

Ни жертва, ни преследователи не подозревали о его присутствии, пока облака мягкой пыли из-под его ног не выдали его. Но к этому времени он уже настиг их, налетев, как вихрь горного ветра. Он был полон безудержного гнева. Двое чернокожих повернулись, чтобы встретить его, и ожидали с поднятыми дубинками. Но они недооценили скорости, с которой он приближался. Один из них свалился, пронзенный еще до того, как смог опустить свою дубину. Извернувшись, как кошка, Конан избежал удара второй дубины и свистящим ответным ударом отсек черную голову так, что она взлетела в воздух. Безголовое тело, прежде чем рухнуть в пыль, сделало еще три неверных шага, жутко хватая воздух руками и орошая все вокруг хлещущей кровью.

Оставшийся в живых каннибал отпрянул, задохнувшись воплем, и с силой отшвырнул свою жертву. Она споткнулась и покатилась в пыль, а чернокожий в панике пустился наутек к городу. Конан не отставал. Черные пятки мелькали все быстрее, подгоняемые ужасом. Однако прежде, чем преследуемый достиг самой восточной хижины, он почувствовал смерть у себя за спиной и взревел, как бык на бойне.

— Будь проклят, черный пес! — С этим возгласом Конан вонзил свой меч между лопатками с такой мстительной яростью, что широкое лезвие вышло из черной груди почти наполовину. Поперхнувшись криком, чернокожий полетел головой вперед, и Конан, расставив ноги, вытащил меч из распростертого тела своей жертвы.

Только ветерок шевелил листья в наступившей тишине. Конан тряхнул головой, как лев гривой, и зарычал, не удовлетворив своей жажды крови. Но больше ни одна тень не вынырнула из темноты, и освещенная звездами дорога перед хижинами оставалась пустой. Вдруг он услышал шум частых шагов за спиной и живо обернулся, но это была только девушка, почти обезумевшая от пережитого ужаса. Она кинулась ему на грудь в отчаянном порыве благодарности за избавление от отвратительной смерти.

— Спокойно, девочка,— проворчал он.— Теперь уже все хорошо. Как они поймали тебя?

Она прорыдала что-то неразборчивое. Он забыл все, что было связано с Арамом Бакшем, рассматривая ее, насколько это было возможно в темноте. Это была белокожая и при этом очень яркая брюнетка — очевидно, одна из замбулийских помесей — высокая, тонкая и гибкая. Свирепое выражение его глаз сменилось восхищенным. И восхищение все возрастало по мере того, как его взгляд задерживался то на ее цветущей груди, то на мягких, прекрасной формы руках, которые до сих пор дрожали от страха и напряжения. Он обнял ее за гибкую талию и сказал, успокаивая:

— Перестань дрожать, детка. Теперь ты почти в безопасности.

Его прикосновение как будто вернуло ей сознание. Она откинула густые блестящие локоны и бросила боязливый взгляд через плечо, прижимаясь к киммерийцу все теснее, как бы ища защиты в его близости.

— Они поймали меня на улице,— пробормотала она, содрогаясь.— Залегли в засаде под темной аркой — черные мужчины, как большие уродливые обезьяны!

— Что ты делала на улице в такое позднее время? — спросил он, очарованный ее гладкой, как атлас, кожей, которую он ощущал под своими беспокойными пальцами.

Она провела рукой по волосам, отводя их назад, и безучастно посмотрела ему в лицо. Похоже, она еще не совсем пришла в себя и не замечала его нежных поползновений.

— Мой возлюбленный,— сказала она с трудом.— Мой возлюбленный выгнал меня на улицу. Он сошел с ума и пытался убить меня. Как только я вырвалась от него, на меня накинулись эти животные.

— Такая красавица, как ты, может свести любого мужчину с ума,— вымолвил Конан, проводя рукой по ее длинным шелковым прядям в порядке опыта.

Она замотала головой, пытаясь избавиться от оцепенения. Теперь она уже не дрожала, и ее голос стал твердым.

— Это происки жреца Тотрасмека — верховного жреца Ханумана. Этот мерзкий жрец возжелал меня...

— Не стоит его ругать за это. У старой гиены хороший вкус.

Она не обратила внимания на грубовато-простодушный комплимент. Самообладание быстро возвращалось к ней.

— Мой возлюбленный... он молодой туранский воин. Чтобы навредить мне, Тотрасмек дал ему снадобье, кото-

рое лишило его разума. Сегодня в припадке безумия он примчался ко мне с обнаженным мечом и пытался убить меня, но я выскочила от него на улицу. Негры поймали меня и притащили туда... я не знаю, как это назвать... что это было?

Конан уже не слушал. Бесшумно, как тень, он увлек ее за ближайшую хижину под беспорядочно стоящие пальмы. Они остановились там в напряженном молчании; пока неясный гул, который теперь слышали оба, не усилился так, что можно было различить отдельные голоса. По дороге от города приближалась группа негров — человек девять или десять. Девушка схватила Конана за руку, и он почувствовал, как ее податливое тело, прижатое к нему, содрогается от ужаса.

До их ушей доносилась гортанная речь чернокожих.

— Наши братья уже собрались у ямы,— произнес один.— Я надеюсь, они были более удачливы, чем мы, и хватит на всех.

— Арам сказал, что даст нам одного мужчину,— пробормотал другой, и Конан мысленно пообещал Араму рассчитаться с ним.

— Арам держит свое слово,— проворчал еще один.— Из его таверны мы получили уже немало людей. Но мы и платим ему хорошо. Я сам дал ему десять тюков шелка, который я украл у своего хозяина. Это был хороший шелк, клянусь Сетом!

Черные протащились по дороге мимо, вздымая пыль босыми шаркающими ногами, и их голоса затихли.

— Хорошо, что эти трупы лежат за хижинами, а не на дороге — не то нам было бы туго,— проговорил Конан.— Если они заглянут в комнату Арама, то найдут там еще один. Давай убираться отсюда!

— Да, да, поторопимся! — взмолилась девушка, снова впавшая в почти истеричное состояние.— Мой возлюбленный бродит где-то один по улицам. И негры могут схватить его.

— Демон бы побрал этот обычай! — взорвался Конан, когда они пробирались к городу вдоль дороги, но держась подальше от нее за хижинами и в спасительной тени деревьев.— Почему горожане не избавятся от этих черных собак?

— Они ценные рабы,— тихо отвечала девушка.— Их слишком много, и они могут взбунтоваться, если их лишить мяса, которого они так жаждут. Живущие в Замбуле

знают об их ночной охоте на улицах и поэтому стараются оставаться за запертыми дверями, если не случится что-нибудь непредвиденное, как со мной сегодня. Черные ловят всех, кого придется, но в основном им попадаются чужеземцы, до которых местным нет дела.

— Ну, положим, не все безразличны. Такие люди, как Арам Бакш, например, продают приезжающих черным. Он не осмелился бы на подобные проделки с горожанами.

Конан сплюнул в отвращении и минутой позже вывел свою спутницу на дорогу, которая здесь превратилась в улицу с тихими затемненными домами. Не в его характере было красться и прятаться в тени.

— Куда ты хотела пойти? — спросил он.

Девушка, казалось, не возражала против того, чтобы его рука оставалась на ее талии.

— Ко мне домой, чтобы разбудить моих слуг,— ответила она.— Я прикажу им разыскать моего возлюбленного. Я бы не хотела, чтобы город, жрецы — вообще кто-нибудь знал о его безумии. Он — он молодой офицер с большим будущим. Возможно, нам удастся привести его в нормальное состояние, если мы найдем его.

— Если мы найдем его? — недовольно загремел Конан.— С чего ты взяла, что я хочу проводить ночь, прочесывая улицы в поисках лунатика?

Она бросила быстрый взгляд на его лицо и оценила по достоинству блеск голубых глаз. Как любая женщина на ее месте, она смогла понять, что он последует за ней куда угодно и останется — по крайней мере, на некоторое время. Но будучи истинной женщиной, она не выдавала этого своего знания.

— Пожалуйста,— начала она опять со слезами в голосе,— мне некого просить о помощи, а ты был так добр...

— Ну хорошо! — согласился он.— Хорошо. Как зовут молодого паршивца?

— Как тебе сказать... ну, Алафдал. А я Забиби, танцовщица. Я часто танцую перед сатрапом Джангир-ханом и его возлюбленной Нефертари, а также перед высокородными господами Замбулы и даже господами королевской крови. Тотрасмек возжелал меня, а так как я отвергла его ухаживания, он сделал меня невольным орудием его мести Алафдалу. Я выпросила у Тотрасмека любовный напиток, не подозревая о его коварстве и глубине его ненависти. Он дал мне зелье, которое я должна была подмешать в вино моего возлюбленного, и поклялся, что, когда Алафдал вы-

пьет напиток, он полюбит меня еще больше, чем до сих пор,— просто как безумный — и будет выполнять любое мое желание. Я подмешала снадобье тайком и поднесла его Алафдалу. Но когда он выпил его, то начал неистовствовать, как сумасшедший, и потом произошло то, о чем я тебе уже рассказывала. Проклятый Тотрасмек, змеиный ублюдок... О-о-о!

Она судорожно ухватилась за его руку, и оба внезапно остановились. К этому времени они добрались уже до района магазинов и лавок — пустынных и темных в такой поздний час. В начале узкого переулка, по которому они пробирались, стоял человек. Он стоял безмолвно, не шевелясь, голова его была опущена, но Конан уловил странный блеск мрачных немигающих глаз, уставившихся на них исподлобья. По его коже побежали мурашки, и не из страха при виде меча в руке незнакомца, а из-за того, что его поза и молчаливость говорили сами за себя. Это было безумие в чистейшем виде. Конан оттолкнул девушку в сторону и вытащил свой меч.

— Не убивай его! — молила она.— Во имя Сета, не губи его! Ты сильный, ты справишься с ним!

— Посмотрим,— пробормотал он, беря меч в правую руку и сжав левую в кулак, напоминающий гирю.

Он сделал осторожный шаг в сторону стоящего — и тот с диким воющим смехом сорвался с места навстречу. Подбежав, он взметнул свой меч и, приподнявшись на носки, вложил в удар всю силу своего тела. Голубые искры посыпались от скрестившихся клинков, когда Конан парировал удар, и в следующую секунду сумасшедший распростерся в пыли без сознания от молниеносного хука слева.

Девушка подбежала к лежащему.

— О! Он не... он не...

Конан быстро наклонился, перевернул молодого человека и ловкими пальцами ощупал тело.

— Он не очень изувечен,— заверил Конан после осмотра.— Кровь из носа почти всегда идет после хорошего удара в челюсть. Немного погодя он придет в себя, и, возможно, после этого голова у него прояснится. А пока я свяжу ему руки его же поясом для меча — вот так. Теперь куда ты хочешь, чтобы я его отнес?

— Подожди! — Она опустилась на колени перед лежащей фигурой, схватила перетянутые руки и стала жадно рассматривать их. После этого она покачала головой, как будто сбитая с толку или разочарованная, и поднялась.

Подойдя близко к гиганту киммерийцу, она положила свои тонкие руки на его мощно вздымающуюся грудь. Ее темные глаза, подобные черным драгоценным камням в свете звезд, заглянули ему в лицо.

— Ты настоящий мужчина! Помоги мне! Тотрасмек должен умереть! Убей его ради меня!

— Чтобы сунуть свою шею в туранскую петлю? — хмыкнул он.

— Нет! — Ее тонкие руки, сильные, как гибкая сталь, обвились вокруг его мускулистой шеи, а мягкое податливое тело затрепетало, тесно прижатое к нему.— Гирканцы не любят Тотрасмека. Жрецы Сета боятся его. Он монгрел, который правил людьми с помощью страха и суеверий. Я почитаю Сета, туранцы поклоняются Эрлику, а Тотрасмек приносит в жертву своему Хануману осужденных! Туранская знать боится его черной магии и его влияния на смешанное население. Они ненавидят его. Даже Джангир-хан и его любовница Нефертари боятся и питают отвращение к нему. Если бы его убили ночью в храме, они не стали бы очень настойчиво разыскивать убийцу.

— А как же его колдовство? — возразил киммериец.

— Ты воин,— отвечала она.— Рисковать жизнью — часть твоей профессии.

— За плату,— согласился он.

— Конечно! — воскликнула она, приподнимаясь на цыпочки, чтобы заглянуть ему в глаза.

Близость ее трепещущего тела зажгла пламя в его крови. Аромат ее дыхания помрачил его сознание. Но когда его руки сомкнулись в объятии, она гибко увернулась от него со словами:

— Подожди чуть-чуть! Сослужи мне службу сначала. Уладь это дело!

— По рукам, договорились,— с трудом выдавил он, приходя в себя.

— Подними моего возлюбленного,— приказала она, и киммериец подошел и легко взвалил на свои широкие плечи высокое сухощавое тело. В этот момент он чувствовал, что почти с такой же легкостью мог бы опрокинуть дворец самого Джангир-хана. Девушка лепетала нежные слова своему милому, по-прежнему находившемуся без сознания, и чувствовалось, что ее отношение к нему очень искреннее. Очевидно, она любила своего Алафдала всем сердцем. Было ясно, что в какие бы деловые отношения она ни вступала с Конаном, ничто не могло повлиять на ее чувства к Алафдалу. Женщины более практичны в таких делах.

— Следуй за мной! — сказала она и торопливо пустилась вдоль по улице. Киммериец не отставал от нее ни на шаг, ни в коей мере не обремененный своей ношей. Он настороженно поглядывал по сторонам, ища глазами черные крадущиеся тени под арками, но не заметил ничего подозрительного. Несомненно, черные дарфарцы, все как один, собрались вокруг своей ямы для жарки людей. Девушка свернула в узкую боковую улочку и стала осторожно стучать в дверь под аркой. Почти сразу приоткрылось маленькое окошко в верхней части двери, в которое выглянуло черное лицо. Она близко склонилась к открывшему и стала быстро шептать ему что-то. Заскрипел засов, и дверь открылась. В мягком свете медной лампы стоял громадный черный человек. Конану было достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться, что он не из Дарфара. Его зубы не были подпилены, а курчавые волосы были коротко острижены. По указанию Забиби Конан передал бесчувственное тело на руки чернокожего, который уложил молодого офицера на бархатный диван. Он по-прежнему был без сознания. Удар, который привел его в такое состояние, мог свалить и быка. Забиби сразу же склонилась над ним, нервно сплетая и ломая свои пальцы. Затем она распрямилась и вышла назад на улицу к киммерийцу.

Дверь за ними мягко закрылась, звякнул замок. Когда захлопнулось и смотровое оконце, они опять остались в темноте. Забиби взяла Конана за руку, ее собственная немного дрожала.

— Ты не подведешь меня?

Он колыхнул своей гривастой головой, огромной на фоне звездного неба.

— Тогда проводи меня в святилище Ханумана, и да смилуются над нами боги!

Как духи древних времен, двигались они по тихим молчаливым улицам. Они не проронили ни слова. Девушка, возможно, думала о своем возлюбленном, лежавшем без сознания на диване, освещенном светом медных ламп, или содрогалась от страха перед тем, что ожидало их в обитаемом демонами святилище Ханумана. Варвар думал только о женщине, следовавшей за ним своей волнующей походкой. Аромат ее надушенных волос не оставлял его, ему казалось, что его ноздри до сих пор наполнены им. Он ежеминутно ощущал чувственную атмосферу ее присутствия, и это целиком занимало его, не оставляя места для прочих мыслей.

Один раз они услышали звяканье подкованных сандалий и бросились в тень мрачного портала, чтобы пропустить отряд пелишских стражников. Их было пятнадцать. Они прошагали тесным строем с пиками наизготове, у шедших сзади спины были прикрыты широкими бронзовыми щитами для защиты от ножевых ударов. Угроза нападения черных людоедов была страшна даже для вооруженных людей.

Как только утих звук их шагов, Конан и девушка вынырнули из своего убежища и торопливо продолжили путь. Немного погодя перед ними стало смутно вырисовываться приземистое сооружение с плоской крышей, которое они и искали.

Храм Ханумана стоял отдельно от других зданий в середине обширной, совершенно пустой площади. Мраморная стена окружала святилище. Широкий проход в ней располагался прямо перед входом в храм. Ничто не преграждало его — не было даже ворот.

— Почему черные не хотят творить свои молитвы здесь? — тихо проговорил Конан.— Кажется, ничто не мешает им делать это в храме.

Он вновь почувствовал, как Забиби дрожит всем телом, потому что она тесно прижалась к нему.

— Они боятся Тотрасмека, как и вся остальная Замбула, даже Джангир-хан и Нефертари. Входи! Пойдем, не теряя времени, пока решимость не оставила меня. Я чувствую, что она тает во мне с каждой минутой!

Страх девушки был очевиден, но она не колебалась. Конан вытащил свой меч и зашагал впереди нее через открытый проход. Он знал отвратительные обычаи восточных жрецов и понимал, что посягающего на святилище Ханумана могут встретить здесь самые ужасные неожиданности, каких не вообразишь даже в ночных кошмарах. Он отдавал себе полный отчет, что оба они с девушкой могут не выйти из храма живыми, но слишком много раз до этого он рисковал своей жизнью, чтобы всерьез обращать внимание на такие вещи.

Они вошли во двор, вымощенный мрамором, который белел в свете звезд. Несколько широких мраморных ступеней вели к обрамленному колоннами портику. Огромные бронзовые двери стояли широко открытыми, они не закрывались никогда — вот уже несколько веков. В дневное время мужчины и женщины еще могли робко входить в святилище, чтобы оставить пожертвования перед черным алтарем

обезьяноподобного божества. Ночью люди старались обходить храм Ханумана, как зайцы избегают змеиного гнезда.

Зажженные курильницы наполняли храм изнутри полупрозрачными, причудливо светящимися клубами дыма, что создавало иллюзию нереальности. У задней стены, за алтарем из черного камня, сидел бог, навсегда вперивший свой взгляд на открытую дверь, через которую век за веком входили его жертвы, влекомые цепями из роз. Неглубокий желоб тянулся от входа к алтарю, и Конан, попав в него ногой, отпрыгнул так, будто наступил на змею. Этот желоб был протоптан неисчислимым множеством слабеющих неверных ног тех, кто умер, заходясь от крика на этом мрачном алтаре.

В неопределенном, меняющемся освещении лицо Ханумана казалось живым. В его злобном вожделеющем взгляде была скотская чувственность. Он сидел со скрещенными ногами в позе человека, а не обезьяны, но от этого его вид был ничуть не менее обезьяньим. Идол был высечен из черного мрамора, глаза, сделанные из рубинов, горели красным похотливым огнем, как угли самых глубоких преисподних. Его огромные руки лежали на коленях, ладони были приподняты, и хищно скрюченные когтистые пальцы торчали в разные стороны. В непристойной выразительности атрибутов фигуры, в плотоядном взгляде его сатироподобного лица отражался отвратительный цинизм дегенеративного культа, который обожествлял его.

Девушка направилась к задней стене, для этого надо было обогнуть изваяние. Когда случайно ее гладкое бедро коснулось каменного колена, она отпрянула в сторону, и ее передернуло, как от прикосновения рептилии. Между широкой спиной идола и мраморной стеной с фризом из золотых листьев было пространство в несколько футов. По обе стороны от сидящего божества в стене располагались двери из слоновой кости под золотыми арками.

— Эти двери с двух сторон ведут в один и тот же изогнутый коридор,— торопливо проговорила она.— Однажды я была внутри святилища — только однажды! — Она затрепетала, и ее хрупкие плечи содрогнулись от ужасающего и непристойного воспоминания.

— Коридор изогнут, как подкова, и оба его кольца выходят в это помещение. Покои Тотрасмека находятся внутри дуги коридора и открываются в него. Но где-то здесь, в этой стене, есть секретная дверь, которая ведет непосредственно во внутренние комнаты.

Она начала шарить по гладкой поверхности, где не было и следа шва или щели. Конан стоял за ней с мечом в руке, беспокойно, с опаской оглядываясь. Тишина и пустота святилища вместе с картинами возможных ужасов за стеной, которые рисовало воображение, настораживали его, подобно дикому зверю, чующему ловушку.

— О! — Девушка нашла наконец скрытую пружину. Квадратное отверстие открылось черным провалом в стене. И вдруг: — Сет! — взвизгнула она, и Конан, метнувшийся к ней, увидел только, как громадная уродливая рука вцепилась в ее волосы. Ее сбили с ног и втянули головой вперед в отверстие. Конан безуспешно пытался удержать ее, но его пальцы лишь скользнули по обнаженной ноге, и в ту же секунду она исчезла, а стена опять стала гладкой, как в начале. Только теперь из-за нее доносился заглушенный шум борьбы, слабо слышные вопли и грубый смех, который леденил кровь в жилах.

3

ОБЪЯТИЯ ЧЕРНЫХ РУК

С проклятиями Конан крушил стену рукоятью своего меча, мрамор трескался и обламывался от ударов колоссальной силы. Но потаенная дверь не поддавалась, и разум подсказал Конану, что, несомненно, она была заперта засовом изнутри. Тогда он кинулся к одной из дверей из слоновой кости.

Он уже поднял меч, чтобы расщепить створки, но вначале решил на всякий случай толкнуть ее левой рукой. Она легко приоткрылась, и он заглянул в длинный коридор, который изгибался вдали в сумерках такого же неверного света курильниц, как и в главном зале храма. Тяжелый золотой засов на косяке двери привлек его внимание. Он слегка коснулся его кончиками пальцев. Металл был чуть тепловатым — только человек, чья чувствительность далеко превосходила волчью, мог ощутить это. Дальше вступала в свои права логика: засова касались — для того чтобы отодвинуть его — всего лишь несколько секунд назад. Он мог бы предположить заранее, что Тотрасмек, конечно, должен быть осведомлен о проникновении в храм кого бы то ни было.

Войти в коридор означало, без сомнения, ступить в ловушку, устроенную для него жрецами. Но Конан не коле-

бался. Где-то там, в сумеречных внутренних покоях, находилась плененная Забиби, и по тому, что он знал о жрецах Ханумана, было ясно, что она очень нуждается в его помощи. Конан, крадучись, как пантера, проник в коридор, готовый отражать возможные нападения слева и справа.

Слева от него в коридор открывались двери из слоновой кости, обрамленные арками, и он попытался открыть их одну за другой. Все они были заперты. Он прошел около семидесяти пяти футов, когда коридор резко отвернул в сторону, описывая кривую, о которой упоминала девушка. Дверь, расположенная на этом участке коридора, вдруг подалась под его рукой.

Он заглянул в обширную квадратную комнату, освещенную немного ярче, чем коридор. Стены были облицованы белым мрамором, пол — из слоновой кости, потолок покрыт потемневшим серебром. Он увидел диваны, обитые богатым атласом, украшенные золотыми узорами скамеечки из слоновой кости, круглый стол из какого-то массивного материала, напоминающего мсталл. На одном из диванов развалился человек, глядящий прямо на дверь. Он рассмеялся, встретив испуганный взгляд киммерийца.

На этом человеке не было ничего, кроме набедренной повязки и высоко зашнурованных сандалий. Кожа его была коричневой, черные волосы коротко подстрижены, а выпуклые глаза беспокойно бегали на его широком самодовольном лице. Он был непомерно широк и объемист, с громадными конечностями, на которых при малейшем движении взбухали и перекатывались мощные мускулы. Таких больших рук Конан никогда не видывал. Уверенность в своих колоссальных физических силах сказывалась в каждом его движении и интонации.

— Почему не входишь, варвар? — насмешливо позвал он, сопровождая свои слова издевательским жестом, означающим подчеркнуто вежливое приглашение.

Взор Конана начал зловеще разгораться, и он настороженно ступил в комнату с мечом наготове.

— Кто ты такой, демон тебя подери? — зарычал он.

— Я Ваал-Птеор,— отвечал человек.— Когда-то много лет тому назад и в другой стране меня называли иначе. Но это хорошее имя, а почему Тотрасмек дал его мне, об этом тебе расскажет любая храмовая девка.

— Значит, ты его пес! — загремел Конан.— Ну так будь проклята твоя коричневая шкура, Ваал-Птеор! Где девушка, которую ты втащил сюда только что?

— Мой хозяин принимает ее у себя! — рассмеялся Ваал-Птеор.— Слышишь?

За дверью, расположенной напротив той, в которую вошел Конан, слышались слабые женские крики, приглушенные расстоянием.

— Демон унеси твою душу! — Конан сделал было шаг по направлению к двери, но повернул назад, кожа его горела. Ваал-Птеор продолжал смеяться над ним, и этот смех граничил с угрозой. Шерсть поднялась дыбом на загривке у Конана, и красная волна кровожадной ярости застлала глаза.

Он кинулся к Ваал-Птеору, суставы на его руке, держащей меч, побелели. Быстрым движением смуглый великан бросил что-то навстречу. Это была светящаяся кристаллическая сфера, мерцающая в колеблющемся свете.

Конан инстинктивно попытался уклониться, но каким-то чудом шар задержался в воздухе, в нескольких футах от его лица. Он не упал на пол, но повис, как будто подвешенный на невидимых нитях в пяти футах от пола. И пока Конан в изумлении смотрел на него, он начал вращаться со все нарастающей скоростью. С каждым оборотом его размеры увеличивались, он раздувался, контуры становились неясными, туманными. Он заполнил уже всю комнату. Конан оказался внутри вихря, который поглотил мебель, стены, улыбающуюся физиономию Ваал-Птеора. Осталась только слепящая голубоватая туманность, вращающаяся с непостижимой скоростью. Ужасный ветер свистел в ушах Конана, он трепал его и валил с ног. Казалось, вот-вот он будет вовлечен в сумасшедшее кружение.

Давясь своим криком, Конан откинулся назад, его перевернуло несколько раз, и тут он почувствовал за спиной твердую стену. Иллюзия кружения сразу пропала. Вращающаяся необъятная сфера исчезла, как лопнувший мыльный пузырь. Конан опять оказался в комнате с серебряным потолком, и только серый туман клубился у его ног. Ваал-Птеор по-прежнему сидел, развалясь на диване, сотрясаясь от беззвучного смеха.

— Сукин сын! — заорал Конан и ринулся к нему. Но туман, поднявшийся от двери, накрыл коричневого гиганта. Ничего не видя в накатившем облаке, пытаясь ощупью добраться до своего врага, Конан ощутил вдруг какое-то головокружительное смещение в пространстве — комната, туман и смуглокожий сошлись в одну точку. Он обнаружил

себя стоящим в одиночестве на каком-то топком болоте, среди зарослей высокого тростника. Низко опустив тяжелую голову, на него стремительно несся буйвол. Он отскочил в сторону, стараясь увернуться от наставленных на него изогнутых, как сабли, рогов, и вогнал свой меч под лопатку животного, точным ударом проткнув его сердце. И в следующий момент он увидел вместо буйвола, умирающего в грязи, Ваал-Птеора. С проклятием Конан отсек ему голову, та взлетела высоко над землей и... вцепилась звериными клыками прямо в его горло. Изо всех своих немалых сил он старался оторвать ее от себя — и не мог. Он задыхался... давился... Потом был толчок, стремительный полет сквозь неизмеримое пространство, сопровождаемый ревом и хохотом, удар, шок — и вновь он очнулся в комнате с Ваал-Птеором, голова которого крепко сидела на плечах, а сам он беззвучно смеялся, как ни в чем не бывало развалясь на своем диване.

— Гипнотизм! — невнятно прорычал Конан, изо всех сил в неистовой досаде буквально роя ногами мрамор, за неимением земли.

Его глаза полыхали ярким пламенем. Коричневый пес разыгрывал его, делая из него посмешище! Но в этих маскарадных представлениях и детских играх с туманами и воображаемыми тенями невозможно расправиться с ним. Надо просто рвануть вперед и всадить в него меч, так чтобы коричневый прислужник распластался под ногами искалеченным трупом. На этот раз Конан не позволит морочить себя всякими иллюзорными тенями... Но он опять был одурачен.

Леденящее кровь рычание послышалось за его спиной, он живо обернулся и в ту же секунду рубанул сплеча по пантере, приготовившейся к прыжку на него с металлически поблескивающего стола. Еще до того, как удар достиг цели, видение исчезло, и меч оглушительно лязгнул по несокрушимо твердой поверхности. Он сразу почувствовал что-то ненормальное. Меч прилип к столу! Он дергал и тянул его изо всех сил, но тот не поддавался. Это уже был не гипнотический трюк. Стол был гигантским магнитом. Конан схватился за рукоять обеими руками, когда голос сзади заставил его оглянуться. На него шел человек, который наконец поднялся с дивана.

Лишь слегка более высокий, чем Конан, но намного массивнее, Ваал-Птеор неясно вырисовывался перед ним махиной угрожающих размеров. Он представлял собой устра-

шающий образец исполинской мускульной силы. Его огромные руки были неестественной длины, а уродливо большие лапы судорожно сжимались и разжимались, как в конвульсии. Конан отпустил рукоять своего намертво прижатого к столу меча и стоял, ничего не говоря, наблюдая за своим врагом сквозь прищуренные веки.

— Пропала твоя голова, киммериец! — издевательски проговорил Ваал-Птеор.— Я откручу ее с твоих плеч, как голову цыпленка, голыми руками! Сыны Косалы приносят жертву Яджару именно таким образом. Варвар, ты видишь перед собой душителя Йота-Понга. Жрецы Яджара выбрали меня еще в раннем детстве и тренировали с тех пор вплоть до того, как я вошел в зрелые годы. Они учили меня искусству убивать голыми руками — потому что только такие жертвы предписаны нашим законом. Яджар любит кровь, и мы не проливаем впустую ни единой капли из жил наших жертв. Когда я был совсем мал, они давали мне душить младенцев, мальчиком я имел дело с молодыми девушками, в юношеском возрасте мне доставались женщины, старики и подростки. И только достигнув полного расцвета сил, я получил возможность убивать на алтаре Йота-Понга сильных мужчин. Долгие годы я приносил жертвы Яджару. Сотни шей ломались с хрустом и треском между этими пальцами...— Он пошевелил ими перед пылающими гневом глазами киммерийца.— Тебя не касается, почему я сбежал из Йота-Понга и стал слугой Тотрасмека. Через минуту ты вообще потеряешь способность любопытничать. Жрецы Косалы, душители жертв для Яджара, намного сильнее, чем могут представить люди. А я самый сильный из них. Сейчас я сверну тебе шею своими руками, варвар!

И подобно двум кобрам, громадные длани сомкнулись на горле Конана. Киммериец не предпринимал никаких попыток увернуться или отбиться от них. Вместо этого его собственные руки быстрым как молния движением метнулись к бычьей шее косаланца. Черные глаза Ваал-Птеора расширились, когда он почувствовал жгуты мощных мускулов, защищающих горло варвара. С рычанием, рвущимся из его глотки, он напряг все свои нечеловеческие силы. Узлы, горы и канаты мускулов вздулись и перекатывались на его массивных руках. И вдруг приступ удушья перехватил его дыхание, когда пальцы Конана сцепились на его горле. На миг они застыли, как статуи, их лица с побагровевшими, вздувшимися жилами на висках были воплоще-

нием напряжения. Тонкие губы Конана расползлись в невольном оскале, сквозь крепко сжатые зубы прорывалось рычание. Глаза Ваал-Птеора почти вылезли из орбит, в них все больше нарастало выражение ужасного удивления и слабые проблески страха. Оба стояли неподвижно, как изваяния, только мускулы вздувались на их напрягшихся руках и упирающихся в пол переплетенных ногах. Силы, превышающие все обычные человеческие представления, сошлись в этой схватке — силы, способные вырывать с корнем деревья и крушить воловьи лбы.

Воздух внезапно вырвался со свистом сквозь разжатые зубы Ваал-Птеора. Его лицо побагровело, страх затопил глаза. Мускулы на руках и плечах гиганта, казалось, были готовы лопнуть, однако мощная шея киммерийца не поддавалась теряющему уверенность напору. Она напоминала переплетение железных канатов. Одновременно плоть самого Ваал-Птеора начинала расползаться под железными пальцами киммерийца, которые погружались все глубже и глубже в слабеющие мускулы, расплющивая их вместе с яремной веной и вдавливая в дыхательное горло.

Скульптурная неподвижность группы внезапно сменилась неистовыми рывками, так как косаланец, одолеваемый рвотными судорогами, начал дергаться и вырываться, стараясь откинуться назад. Он выпустил горло Конана и ухватил его за запястья, чтобы оторвать эти неумолимые пальцы.

Стремительным выпадом Конан оттолкнул его назад, так что тот ударился копчиком о стол. Конан продолжал перегибать его через край, все дальше и дальше, пока спина врага не начала хрустеть, готовая переломиться.

Низкий смех Конана был безжалостен, как звон стали.

— Ты глупец! — прошипел он.— Наверно, ты никогда до сих пор не встречал уроженца Запада. Неужели ты считаешь себя сильным только потому, что был способен откручивать головы цивилизованным людям, бедным слабакам с мускулами, похожими на гнилые веревки? Будь ты проклят! Попробуй свернуть шею дикому киммерийскому быку, перед тем как хвастаться своей силой! Я делал это еще до того, как стал взрослым мужчиной,— вот так!

И с этими словами он молниеносным беспощадным движением крутанул голову Ваал-Птеора и поворачивал ее до тех пор, пока искаженное гримасой боли лицо не оказалось за левым плечом, а позвоночник треснул, как подгнившая ветка.

Конан отшвырнул осевший труп на пол и снова вернулся к своему мечу. Он ухватился за рукоять обеими руками и изо всей силы уперся ногами в пол. Кровь текла по его широкой груди из ран на шее от когтистых пальцев Ваал-Птеора. Его черные волосы были мокры, пот стекал по лицу, а грудь тяжело вздымалась. Потому что, хотя на словах он и облил презрением силы Ваал-Птеора, на самом деле надо было признать, что в звероподобном косаланце он встретил почти равного себе по мощи. Но медлить было некогда, и, не давая себе передышки, чтобы выровнять дыхание, он вложил все оставшиеся силы в мощный рывок и наконец оторвал меч от удерживавшего его магнита.

В следующий момент он распахнул дверь, за которой слышались вопли, и оглядел длинный прямой коридор с рядом дверей из слоновой кости. Дальний конец был закрыт богатым бархатным занавесом, из-за которого и доносились ужасные звуки такой адской музыки, которую Конану не доводилось слышать даже в ночных кошмарах. Его волосы зашевелились, и мороз побежал по коже. В музыку вплетались женские рыдания, к которым примешивались звуки хриплого, затрудненного дыхания. Крепко ухватив меч, Конан стал крадучись продвигаться вдоль по коридору.

4

ТАНЦУЙ, ДЕВОЧКА, ТАНЦУЙ!

Когда Забиби была выдернута головой вперед в отверстие, которое открылось в стене за идолом, ее первой мыслью, если можно так назвать бессвязные обрывки, мелькавшие в голове в миг крайнего ошеломления, было то, что ей пришел конец. Она инстинктивно зажмурила глаза и ожидала разящего удара. Вместо этого ее бесцеремонно швырнули на мраморный пол, так что она сильно расшибла колени и бедро. Открыв глаза, она озиралась со страхом, за стеной в это время раздавались глухие удары. Она увидела гиганта с коричневой кожей, в одной набедренной повязке стоявшего над ней, а в помещении, в которое ее втащили, на диване сидел человек, спиной к богатому черному бархатному занавесу. Мужчина был широкий, полный, с жирными белыми руками и коварными глазами. По ее телу пробежали мурашки, потому что этот человек

был Тотрасмеком, жрецом Ханумана, который уже многие годы плел липкую паутину своей власти над всей Замбулой.

— Варвар старается пробить себе путь через стену,— произнес сардонически Тотрасмек,— но засов крепок.

Девушка увидела тяжелый золотой засов, задвинутый поперек секретной двери, которая с этой стороны стены была ясно различима. Такой засов и скобы могли выдержать натиск слона.

— Иди открой ему одну из дверей, Ваал-Птеор,— приказал Тотрасмек.— Убей его в квадратной комнате на другом конце коридора.

Косаланец поклонился, приложив руки ко лбу по восточному обычаю, и удалился через боковую дверь в стене комнаты. Забиби поднялась, глядя с испугом на жреца, глаза которого жадно обшаривали ее изящную фигуру. Она не обращала внимания на подобные взгляды, так как, будучи танцовщицей Замбулы, привыкла выходить обнаженной. Но жестокое выражение его глаз вогнало ее в дрожь.

— Ты снова посетила мое убежище, красавица,— промурлыкал он с циничным лицемерием.— Это неожиданная честь. Кажется, тебе так мало понравился твой прежний визит, что я и не надеялся на его повторение. Хотя я приложил все силы, чтобы развлечь тебя и обогатить интересным опытом.

Вогнать в краску танцовщицу из Замбулы — безнадежное дело, но тут пламя гнева опалило лицо Забиби и зажглось в ее расширившихся глазах, в которых до этого был только страх.

— Жирная свинья! Ты знаешь, что я пришла сюда не для любовных утех с тобой.

— Нет, конечно,— рассмеялся Тотрасмек,— ты пришла сюда, как дура, прокравшись ночью с глупым варваром, чтобы перерезать мне горло. Зачем тебе моя жизнь?

— Ты знаешь зачем! — вскричала она, зная тщетность попыток притворяться или скрывать.

— Ты думаешь о своем любовнике,— засмеялся он.— Тот факт, что ты здесь и жаждешь моей смерти, показывает, что он выпил снадобье, которое я дал тебе. Но разве не ты сама просила меня об этом? И не послал ли я то, что ты просила, из любви к тебе?

— Я просила тебя о лекарстве, которое усыпило бы его на несколько часов, не причиняя никакого вреда,— сказала она с горечью.— Ты же прислал слугу с зельем, вогнавшим его в безумие! Я была глупа, доверившись тебе. Можно

было бы знать, что твои заверения в дружбе не что иное, как ложь для маскировки ненависти и злобы.

— Почему ты хотела усыпить своего любовника? — начал он в ответ.— Потому что только таким образом ты могла украсть у него единственную вещь, которую он не давал тебе никогда,— кольцо с драгоценным камнем, называемым Звездой Хорала. Камень был украден у королевы Офира, и она отдала бы всю свою казну, чтобы вернуть его. Он намеренно не позволял тебе брать его, так как знал, что камень обладает магической силой. Умея применять его должным образом, можно приворожить сердце любого человека противоположного пола. Ты хотела украсть у него этот камень, потому что боялась, что его чародеи найдут ключ к волшебным чарам и он забудет тебя, покоряя цариц мира. Ты послала бы драгоценность королеве Офира, которая понимает ее силу и хотела бы использовать ее, чтобы приворожить меня, как она уже пыталась делать до того, как камень был украден.

— Но зачем он нужен тебе? — мрачно потребовала она.

— Я понимаю его силу. Он сделал бы мои чары еще более могущественными.

Она фыркнула:

— Так он же у тебя сейчас!

— У меня Звезда Хорала? Да нет же, ты ошибаешься.

— Зачем ты утруждаешь себя ложью? — резко запротестовала она.— Камень был у него на пальце, когда он вытащил меня на улицу. И его уже не было там, когда я вновь нашла своего возлюбленного. Должно быть, твой слуга следил за домом и снял кольцо, когда я убежала. Ну и демон с ним! Я хочу, чтобы мой любимый снова был здоров и невредим. Почему ты не вернешь ему разум? Ты можешь это сделать?

— Я мог бы,— уверил он ее, откровенно наслаждаясь ее отчаянием. Он порылся в своих одеждах и вытащил склянку.— Здесь сок золотого лотоса. Если твой любовник выпьет его, он снова станет разумным. Да, я буду великодушным. Ты была несговорчива и пренебрегала мной, и не один, а много раз. Он постоянно идет поперек моим желаниям. Но я буду великодушным. Подойди и возьми фиал из моих рук.

Она впилась глазами в Тотрасмека, трепеща от желания схватить склянку и в то же время опасаясь подвоха. Первое пересилило, и она стала робко приближаться с протянутой рукой. Он злорадно рассмеялся и подался от нее назад.

Девушка открыла было рот, чтобы выругать его, но тут же, инстинктивно почуяв опасность, вскинула глаза вверх. С золоченого потолка падали четыре сосуда желтовато-зеленого цвета. Она сумела увернуться, так что они ее не задели, а разбившись об пол, превратились в груды осколков, обозначивших квадрат, в центре которого она находилась. Девушка вскрикнула от испуга, и тут же ее крик перешел в пронзительные вопли, которые повторялись вновь и вновь, потому что из-под осколков каждого сосуда поднималась, раскачиваясь, голова кобры с характерным капюшоном. Одна из них уже добралась до ее обнаженной ноги. Конвульсивно отпрянув, девушка попала в пределы досягаемости другой змеи с противоположной стороны, и снова она метнулась с быстротой молнии, чтобы избежать атаки отвратительно блестящей головы.

Она оказалась загнанной в ужасную ловушку. Все четыре змеи раскачивались и пытались обвить ее ступни, лодыжки, икры, колени, бедра, бока — любую часть ее роскошного, возбуждающего чувственные желания тела, которая оказывалась вблизи. При этом она не могла ни перепрыгнуть, ни пробраться между ними без риска для жизни. Ей оставалось только вертеться вихрем, отскакивать, извиваться всем телом, чтобы избежать ядовитых гадов. И каждый раз, уворачиваясь от одной змеи, она попадала туда, где до нее дотягивалась другая, так что ей надо было двигаться со скоростью света, не останавливаясь. В любом направлении она могла перемещаться только в очень ограниченном пространстве, и жуткие зубастые пасти над капюшонами угрожали ей ежесекундно. Только танцовщица из Замбулы могла еще оставаться живой в этом смертоносном окружении.

Ее уже было не разглядеть — вся она превратилась в одно размытое пятно беспорядочного движения. Змеиные головы лишь на волос не доставали до нее, но тем не менее не доставали. Ее оружием против молниеносных бросков пятнистых демонов, которых ее враг вызвал своими заклинаниями из ничего, были ее быстрые ноги, гибкие члены и прекрасное зрение.

Где-то тонко и жалобно зазвучала музыка, похожая на завывания. Ей вторило шипение змей. Все вместе напоминало лютый ночной ветер, свистящий в пустые глазницы черепа. Даже в вихревом кружении во спасение жизни она стала замечать, что стремительные броски змей больше не были беспорядочными. Они подчинялись жуткой, пискляво, вызывающей суеверный страх музыке. В них был ужас-

ный ритм, и волей-неволей ее тело стало извиваться, корчиться и кружиться в согласии с ним. Неистовые движения приобрели характер танца, по сравнению с которым самый непристойный танец живота в Заморе показался бы невинным и сдержанным. Страдая от стыда и ужаса, Забиби слышала, как злобно веселится ее мучитель.

— Это Танец Кобр, моя милая! — смеялся Тотрасмек.— Так танцевали девушки, приносимые в жертву Хануману много столетий назад, но никогда у них это не получалось так красиво. Им не хватало твоей гибкости. Танцуй, девочка, танцуй! Сколько времени ты сможешь продержаться, увертываясь от укусов ядовитых тварей? Минуты? Часы? Когда-нибудь ты наконец устанешь. Твои быстрые, надежные ноги начнут спотыкаться и дрожать, а бедра станут вращаться медленнее. И тогда ядовитые зубы глубоко пронзят прекрасное тело цвета слоновой кости.

Занавес за ним заходил ходуном, словно под порывом сильного ветра, и Тотрасмек пронзительно вскрикнул. Его глаза расширились, а руки судорожно вцепились в блестящее стальное лезвие, внезапно появившееся из его груди.

Музыка оборвалась. Девушка еще продолжала свой головокружительный танец, крича от смертельного отвращения к колыхающимся ядовитым пастям, но все уже изменилось — только четыре легких струйки голубоватого дыма поднялись вверх вокруг нее, в то время как Тотрасмек сполз с дивана и растянулся на полу во весь рост.

Конан вышел из-за занавеса, вытирая свой палаш. Глядя сквозь драпировку, он видел отчаянный танец девушки между четырьмя раскачивающимися спиралями дыма и догадался, что для нее они выглядели совсем иначе. Но это уже не имело значения — он знал, что убил Тотрасмека. Забиби, задыхаясь, рухнула на пол, но стоило Конану двинуться по направлению к ней, как она вновь поднялась, пошатываясь, хотя ее ноги дрожали от изнеможения.

— Фиал! — еле выдохнула она.— Фиал!

Тотрасмек еще сжимал его в своей холодеющей руке. Без всякого сострадания к мертвому она вырвала склянку из его сомкнутых пальцев и тут же в страшном нетерпении начала шарить в его одеждах.

— Какого демона ты ищешь? — поинтересовался Конан.

— Кольцо! Он украл кольцо у Алафдала. Оно должно быть у него. Его взяли, когда мой возлюбленный бродил в беспамятстве по улицам. О! Будь проклят вор!

Убедившись в отсутствии кольца на теле Тотрасмека, она начала метаться по комнате, сдирая обивку с дивана, ощупывая драпировки и опрокидывая вазы.

На какой-то момент она остановилась в раздумье и откинула с глаз влажную прядь волос.

— Я забыла о Ваал-Пгеоре!

— Он в аду со сломанной шеей,— заверил ее Конан.

Она выразила мстительную радость по поводу этой новости и тут же разразилась проклятиями.

— Мы не можем задерживаться здесь. Скоро рассветет. Жрецы менее высоких рангов заходят в храм в любой час ночи, и, если они обнаружат нас с этим трупом, народ разорвет нас на куски. Тураниы не смогут нас спасти.

Она подняла засов на секретной двери, и несколькими минутами позже они уже были на улице и спешили прочь от безлюдной площади, над которой громоздилось старинное святилище Ханумана.

Немного погодя на продуваемом ветрами перекрестке Конан приостановился и задержал свою спутницу, положив свою тяжелую руку на ее обнаженное плечо.

— Не забывай о назначенной цене...

— Я помню! — сказала она, высвобождаясь.— Но мы должны торопиться — первым делом мы должны помочь Алафдалу!

Еще через несколько минут черный слуга открыл им дверь со смотровым оконцем. Молодой туранец по-прежнему лежал на диване со связанными руками и ногами, только теперь на месте пояса, которым стянул его киммериец, были богатые бархатные шнуры. Глаза лежавшего были открыты, но напоминали глаза бешеной собаки, губы были покрыты толстым слоем пены. Забиби содрогнулась.

— Разомкни ему челюсти! — скомандовала она, и Конан тут же исполнил приказание. Для этого ему не понадобилось ничего, кроме собственных железных пальцев.

Забиби вылила содержимое пузырька в глотку сумасшедшего. Как по волшебству, он сразу стих. Свирепый блеск в его глазах исчез, он поглядел на девушку с недоумением, но взгляд был осознанный, и он ее явно узнал. Потом он задремал.

— Когда он проснется, то будет совершенно нормальным,— прошептала она, делая знак молчаливому слуге.

С глубоким поклоном он передал ей в руки небольшую кожаную сумку и накинул ей на плечи шелковый плащ. Ее

манера держаться неуловимо изменилась, когда она кивнула Конану, чтобы он следовал за ней, и вышла из комнаты.

В нише, которая вела к двери на улицу, она повернулась к нему. Ее осанка стала царственной.

— Теперь я должна сказать тебе правду,— проговорила она с большим достоинством.— Я не Забиби, я Нефертари. А он не Алафдал, бедный капитан стражи. Он Джангир-хан — сатрап Замбулы.

Конан никак не отреагировал на это. Его покрытое шрамами загорелое лицо оставалось неподвижным.

— Я лгала тебе, потому что не смела разглашать правду никому,— продолжала она.— Мы были одни, когда Джангир-хан потерял рассудок. Никто, кроме меня, не знал об этом. Если бы стало известно, что сатрап Замбулы сумасшедший, сразу бы вспыхнул бунт и начался бы страшный разбой. Именно на это надеялся Тотрасмек, который подготавливал наше свержение. Ты видишь теперь, как невозможна та награда, на которую ты рассчитывал. Любовница самого сатрапа не... не может быть твоей. Но ты не уйдешь без вознаграждения. Здесь золото для тебя.

Она подала ему сумку, которую получила от слуги.

— Уходи сейчас, а когда взойдет солнце, будь во дворце. Я сделаю так, чтобы Джангир-хан произвел тебя в капитаны своей стражи. Но ты будешь исполнять мои секретные поручения. Вот тебе первый приказ: бери отряд стражников и отправляйся к святилищу Ханумана с официальной целью — найти улики для поимки того, кто убил жреца. На самом деле постарайся отыскать Звезду Хорала. Кольцо с камнем должно быть где-то там. Когда ты найдешь его, принеси мне. А теперь я разрешаю тебе идти.

Он кивнул, все так же молча, и зашагал прочь. Девушка, смотревшая на спокойно покачивающиеся широкие плечи, была задета отсутствием каких-либо признаков огорчения или смущения в своем недавнем защитнике.

Завернув за угол, он оглянулся назад и ускорил шаги, но — в другом направлении. Через несколько минут он был в квартале Конного Базара. Здесь он колотил в одну из дверей, пока из окна наверху не показалась бородатая голова. Обладатель ее потребовал объяснений, по какому поводу устроен такой шум.

— Коня,— приказал Конан.— Самого быстрого, какой у тебя есть.

— Я не открываю в ночное время,— недовольно проворчал торговец лошадьми.

Конан тряхнул своими монетами.

— Сучий мошенник! Ты что, не видишь, что я белый и один? Спускайся вниз, не то я разнесу твою дверь в щепы!

Вскоре Конан уже скакал на гнедом жеребце к дому Арама Бакша.

Он свернул с дороги на аллею, что тянулась от двора таверны к саду финиковых пальм, но не стал задерживаться у ворот. Он проехал дальше к северо-восточному углу ограды, затем завернул и поскакал вдоль северной стены. В нескольких шагах от северо-западного угла он остановился. Здесь деревья отступили от стены, но зато росло несколько низких кустов. К одному из них он привязал своего коня и собрался вновь влезть на него, когда услышал невнятный говор за углом.

Вынув ногу из стремени, он подкрался к углу и заглянул за него. Трое мужчин двигались по дороге по направлению к пальмовой роще. По шаркающей походке он признал негров. Они остановились на его тихий зов и стояли, сбившись в кучу, пока он шагал по направлению к ним с мечом в руках. Их белки поблескивали в свете звезд, звериное вожделение проступало на эбонитовых лицах, но они знали так же хорошо, как он, что их три дубины не стоили одного его меча.

— Куда вы идете? — вызывающе спросил он.

— Сказать нашим братьям, чтобы они тушили огонь в яме за рощей,— последовал мрачный гортанный ответ.— Арам Бакш обещал нам человека, но соврал. Мы нашли только одного из наших братьев мертвым в комнате-ловушке. Нам придется голодать в эту ночь.

— Я думаю, что нет,— улыбнулся Конан.— Арам Бакш даст вам человека. Видите эту дверь? — Он указал на маленькую обитую железом дверцу в середине западной стены.— Подождите здесь. Арам Бакш выдаст вам человека.

Осторожно пятясь, он отступил до места, где его уже не мог настигнуть внезапный удар дубины, повернулся и исчез за северо-западным углом ограды. Добравшись до своей лошади, он выждал, чтобы убедиться, что черные не преследуют его, затем вскочил в седло и встал на него ногами, успокаивая тихими словами беспокойного жеребца. Ему пришлось вытянуться изо всех сил, чтобы ухватиться руками за гребень стены. Подтянуться и перемахнуть ее было делом секунды. Распрямившись, он быстро осмотрелся. Таверна была построена в юго-западном углу

огороженного участка, остальное место было занято рощей и садом. Вокруг никого не было. Дом стоял темный и молчаливый, а окна и двери, как он знал, были укреплены решетками и засовами.

Конан помнил, что Арам Бакш спит в комнате, которая выходит на окаймленную кипарисами дорожку, ведущую к двери в западной стене. Он проскользнул между деревьев, как тень, и спустя несколько минут осторожно постучал в дверь комнаты.

— Что случилось? — спросил изнутри недовольный сонный голос.

— Арам Бакш! — свистящим шепотом позвал Конан.— Черные лезут через стену!

В двери, открывшейся почти мгновенно, стоял трактирщик, в одной рубахе, но с кинжалом.

Он вытянул шею, чтобы заглянуть в лицо киммерийца.

— Проклятье! Ты?!

Мстительные пальцы Конана сдавили его горло так, что он захлебнулся своим криком. Они покатились по полу, и Конан вырвал у своего врага кинжал.

Лезвие сверкнуло в свете звезд, и брызнула кровь. Арам Бакш стал издавать отвратительные звуки, задыхаясь, ловя воздух ртом, давясь и булькая кровью. Конан поставил его на ноги, и снова блеснул кинжал. На этот раз большая часть курчавой бороды упала на пол.

Все еще сжимая горло своего пленника — так как тот мог бессвязно закричать, несмотря на разрезанный язык,— Конан потащил его из темной комнаты и дальше по обсаженной кипарисами дорожке к обитой железом двери во внешней стене. Одной рукой он поднял засов и толкнул дверь. Она открылась, и за ней замаячили три размытые фигуры, которые, подобно черным грифам, ожидали снаружи. В их жадные руки Конан и швырнул хозяина гостиницы.

Ужасный, прерываемый бульканьем крик рвался из горла замбулийца, но никто не отозвался из молчаливой таверны. Люди внутри давно привыкли к воплям за стеной. Арам Бакш сопротивлялся, как дикарь, его выкатившиеся глаза были обращены к киммерийцу. Но жалости он не нашел. Конан думал о множестве несчастных, которые благодаря жадности этого человека приняли страшную смерть.

Негры в ликовании потащили свою жертву по дороге, передразнивая неистовые, невнятные крики трактирщика. Как они могли узнать Арама Бакша в этом полуобнаженном, залитом кровью существе с нелепо остриженной бо-

родой и нечленораздельной речью? Звуки борьбы доносились до Конана, стоящего у калитки, даже когда тесно сбитая группа исчезла среди пальм.

Закрыв за собой дверь, Конан вернулся к лошади, вскочил в седло и поскакал на запад в открытую пустыню, объезжая как можно дальше зловещую пальмовую рощу. На скаку он вытащил из-за пояса кольцо, в котором мерцал и переливался, подобно еще одной звезде, огромный драгоценный камень. Он поднял его вверх, любуясь и поворачивая так и этак. Сумка, туго набитая золотыми, приятно позвякивала на седельной луке, как обещание всевозможных грядущих благ.

«Интересно, как бы она повела себя, скажи я ей, что узнал в ней Нефертари, а в нем Джангир-хана сразу же, как увидел их,— размышлял он.— И Звезду Хорала я тоже признал. Хорошенькая будет сцена, если она когда-нибудь догадается, что это я снял кольцо с пальца хана, когда связывал его. Но они никогда не поймают меня. Я вовремя удрал».

Он оглянулся назад на затененную пальмовую рощу. Среди деревьев мерцали красные отблески. Ночь огласилась многоголосым торжествующим пением, в котором слышалось свирепое первобытное ликование. К дикому хору примешивались и другие звуки. Это были безумный оглушительный визг и вопли, в которых нельзя было различить ни единого слова. Еще долго этот шум преследовал Конана, пока он скакал на запад под бледнеющими звездами.

Ускользнув от подпиленных клыков чернокожих людоедов, Конан покинул Замбулу и направился на восток. Без особых трудностей он добрался до подножия Химелианских гор, где жили грозные афгулы. Обосновавшись среди горцев, варвар сумел подружиться с их вождями и начал сколачивать из разрозненных племен единую могучую силу...

Люди Черного Круга

1

СМЕРТЬ КОРОЛЯ

Король Вендии умирал. В душной, горячей ночи звон священных гонгов и рев раковин был слышен далеко. Слабые отзвуки доносились и в комнату с золотыми сводами, где на своем устланном бархатом ложе метался Бунда Чанд. Смуглая кожа короля блестела от пота, а пальцы впились в расшитую золотом постель. Он был еще молод, и не копьем его ранили, и не всыпали в вино яду. И все же на висках его набрякли синие узлы жил, а глаза застлала мгла приближающейся смерти. У основания подиума на коленях стояли дрожащие невольницы, а у изголовья была сестра короля Деви Жазмина, с глубокой тревогой вглядывалась она в его лицо. С нею был и вазам, пожилой дворянин, давно уже состоящий при королевском дворе.

Когда далекий рокот барабанов достиг ее слуха, Жазмина резко подняла голову.

— Ох эти жрецы и вся эта суматоха! — вскрикнула она с гневом и отчаянием.— Они так же беспомощны, как и врачи! Он умирает, и никто не знает от чего. Умирает — а я, беспомощная, стою здесь, я, которая сожгла бы весь этот город и пролила бы кровь тысяч, чтоб его спасти!

— Я не знаю ни одного человека в Айодии, который бы не хотел умереть вместо него, если б это было возможно, Деви,— сказал вазам.— Это яд...

— Я же говорила тебе, что это не яд! — выкрикнула она.— С самого детства его так хорошо охраняли, что самые ловкие отравители Востока никогда бы не смогли до него добраться. Пять черепов, белеющих на Башне Бумажных Змеев,

говорят о том, что те, кто пробовал это сделать, не достигли цели. Ты прекрасно знаешь, что мы держим здесь десять мужчин и десять женщин для того, чтобы они пробовали его вина и еду, а его покои стерегут пятьдесят стражей, как и сейчас. Нет, это не яд, это колдовство. Ужасное проклятье...

Она умолкла, потому что король в эту минуту заговорил, его посиневшие губы, правда, не шелохнулись, а в остекленевших глазах не появилось и проблеска сознания, но раздался невнятный, ужасный и тихий крик, словно взывающий из бездонных, исхлестанных ветром глубин.

— Жазмина! Жазмина! Сестра моя, где ты? Я не могу найти тебя. Всюду темнота и вой вихря!

— Брат! — закричала Жазмина, судорожно хватая его безвольную ладонь.— Я здесь! Ты не узнаешь меня?

Остановилась, видя полное безразличие, разлившееся по лицу короля. С его губ сорвался слабый, нечленораздельный звук. Невольницы у подиума заскулили от страха, а Жазмина рвала на себе одежды.

В другой части города какой-то человек выглядывал из-за ажурной решетки балкона на длинную улицу, освещенную тусклым светом дымящихся факелов, озарявших воздетые к небу темные лица со сверкающими белками глаз. Из тысяч уст вырывались долгие причитания.

Мужчина повел широкими плечами и вернулся в комнату со стенами, покрытыми арабесками. Он был высок, хорошо сложен, одет в дорогие одеяния.

— Король еще не умер, но уже слышны траурные пения,— сказал он второму мужчине, сидящему, скрестив ноги, на циновке в углу комнаты. Тот, второй, был одет в коричневую тогу из верблюжьей шерсти, сандалии и зеленый тюрбан. Он равнодушно посмотрел на говорящего.

— Просто люди знают, что он не дождется рассвета,— ответил он.

Первый мужчина посмотрел на него долгим испытующим взглядом.

— Не пойму,— сказал он,— зачем я должен был так долго ждать, пока твои хозяева начнут действовать. Если им удалось убить короля теперь, почему они не могли сделать этого на несколько месяцев раньше?

— Даже искусством, которое ты зовешь колдовством, управляют вселенские законы,— ответил человек в зеленом тюрбане.— От звезд зависят и эти вещи, а также все прочие дела на земле. Даже мои господа не в силах этим пренс-

бречь. Пока звезды не оказались в нужном положении, чары не действовали.

Длинным грязным ногтем он чертил созвездия на мраморных плитах пола.

— Положение Луны сулит несчастье королю Вендии, смятенье среди звезд. Змея в Доме Слона. При таком положении невидимые стражи покидают душу Бунды Чанда. Открыта дорога в невидимые королевства, и, когда нам удалось найти точку соприкосновения, были посланы той дорогой могучие силы.

— Точка соприкосновения? — переспросил второй мужчина.— Ты имеешь в виду ту самую прядь волос Бунды Чанда?

— Да. Все части тела все время пребывают между собой в нерасторжимой связи. Жрецы Асуры давно это подозревали, поэтому отрезанные ногти, волосы и все остальное, принадлежащее членам королевской семьи, предусмотрительно сжигалось, а пепел старательно прятался. Но в ответ на мольбы княжны Косаль, которая была безнадежно влюблена в Бунду Чанда, он подарил ей на память прядь своих длинных черных волос. Когда мои господа решили судьбу короля, эту прядь похитили из золотого, украшенного драгоценностями ларца, который княжна держала ночью под подушкой, а вместо него положили другую, похожую. Так что княжна подмены не заметила. Потом настоящая прядь выдержала долгое путешествие с караваном верблюдов до Пешкаури и через перевал Забар, пока не попала в руки к тем, к кому должна была попасть.

— Обычная прядка волос,— произнес аристократ.

— Благодаря которой можно многое извлечь из тела и увлечь в безграничные бездны мрака,— произнес человек, сидящий на циновке.

Аристократ с интересом приглядывался к нему.

— Не знаю, человек ты или демон, Хемса,— сказал он в конце концов,— мало кто из нас является тем, за кого себя выдает. Меня кшатрии знают как Керим Шаха, принца из Иранистана, но я всего лишь подставное лицо, как и прочие. Так или иначе, все — предатели, а половина из них даже не знает, на кого работает. Я, по крайней мере, избавлен от таких сомнений, потому что служу королю Турана Ездигерду.

— А я — Черным Колдунам с Имша,— сказал Хемса,— и мои господа более всемогущи, чем твой король; своим искусством они достигли того, чего он не мог достичь вместе со своими вооруженными тысячами.

Жалобные стоны вендийцев неслись к звездному небу, ослиное рычание раковин прорезало парную темноту ночи.

В дворцовых парках свет факелов отражался в блестящих шлемах, в изогнутых мечах и украшенных золотом нагрудниках. Все воины Айодии благородного происхождения толпились в огромном дворце и вокруг него, а возле невысоких овальных арок и у каждой двери встало на стражу по пятьдесят лучников со стрелами на тетиве. Но Смерть шагала по королевским покоям, и никто не мог удержать ее беззвучного шествия.

В комнате с золотыми сводами король, мучимый пароксизмами ужасной боли, вскрикнул еще раз. Его голос был так же слаб и далек. Деви наклонилась над ним, дрожа от ужаса, вызванного чем-то иным, нежели страх перед смертью.

— Жазмина! — раздался вновь этот приглушенный, полный страдания крик из темноты.— Помоги мне! Я так далеко от дома! Колдуны завлекли мою душу в исхлестанную вихрем темноту. Они пробуют порвать серебряную нить, связывающую меня с умирающим телом. Клубятся вокруг. Их руки, словно когти, их глаза красны, как огни, тлеющие во мраке. О, спаси меня, сестра! Их прикосновения жгут меня, как огонь! Они уничтожат мое тело и погубят душу! Что их привело ко мне? Ох!

Слыша безграничный ужас в его голосе, Жазмина пронзительно вскрикнула и в отчаянии прижалась к его груди. Тело короля вздрогнуло от ужасных судорог, с исказившихся уст его хлынула пена, а судорожно сжатые пальцы оставили след на плече девушки. Но глаза короля потеряли стеклянное выражение, словно бы ветер на мгновение развеял подернувшую их мглу, и король взглянул на сестру.

— Брат! — заплакала она.— Брат...

— Спеши! — крикнул он, а его слабеющий голос звучал вполне осмысленно.— Я уже знаю причину моей гибели. Я проделал долгое путешествие и все понял. Это колдуны из Химелии напустили на меня чары. Они извлекли мою душу из тела и унесли ее далеко, в каменную комнату. Там они пробуют порвать серебряную нить жизни и заключить мою душу в тело ужасного чудовища, которого их заклятья извлекли из ада. Ах! Я чувствую их силы! Твой плач и пожатие твоих пальцев вернули меня, но только на минуту. Моя душа все еще держится в теле, но эта связь все слабеет. Скорее, убей меня, прежде чем они навсегда поместят мою душу в эту тварь!

— Не могу,— рыдала она, ударяя себя в грудь.

— Скорее, приказываю тебе! — В слабеющем его шепоте послышались прежние повелительные интонации.— Ты всегда слушалась меня, послушайся и моего последнего приказа! Отправь мою чистую душу в лоно Асуры! Спеши, иначе обречешь меня на вечное пребывание в теле ужасного чудовища. Убей меня, приказываю тебе! Убей!

С ужасным криком Жазмина вырвала из-за пояса украшенный драгоценными камнями стилет и погрузила его по рукоятку в грудь брата. Король выпрямился, его тело ослабело, печальная улыбка искривила помертвевшие губы. Жазмина бросилась на застланные камышом плиты, ударяя по ним сжатыми кулаками. За окном рычали раковины и гремели гонги, а жрецы ранили свои тела медными ножами.

2

ВАРВАР С ГОР

Чундер Шан, губернатор Пешкаури, отложил золотое перо и внимательно перечел письмо, которое только что написал на пергаменте с печатью своего ведомства. Он правил в Пешкаури давно, благодаря тому, что взвешивал каждое слово, прежде чем сказать или написать его. Опасность порождала осмотрительность, и только осторожные люди долго жили в этом диком крае, где раскаленные равнины Вендии соседствовали с потрескавшимися скалами Химелии. Часа езды на запад или на север было достаточно, чтобы пересечь границу и оказаться в горах, где правит закон кулака и ножа.

Губернатор был в комнате один. Сидя за искусно сделанным столиком из красного дерева с инкрустацией, он видел через широкое, открытое для прохлады окно квадрат темно-синего неба, усеянного большими белыми звездами. Зубцы крепостной стены, доходящей до окна, еле видимой темной полосой вырисовывались на фоне темно-синего неба, а дальние бойницы и амбразуры как бы растворялись в нем. Крепость губернатора стояла вне стен города, охраняя ведущие к нему дороги. Ветерок, шевелящий на стенах гобелены, доносил с улиц Пешкаури слабые отзвуки жизни — обрывки песен или тихий звон цитры.

Губернатор медленно прочел то, что написал, бесшумно шевеля губами, заслоняя ладонью глаза от света латун-

ного светильника. Читая, он слышал топот конских копыт за сторожевой башней и резкое стаккато голоса стражника, спрашивавшего пароль. Занятый письмом, он не придал всему этому значения. Письмо было адресовано вазаму Вендии на королевском дворе в Айодии, и после традиционных восхвалений в его адрес шло следующее:

«Пусть Вашей милости будет известно, что я точно выполнил приказ Вашей милости. Тех семерых горцев запер в хорошо охраняемой тюрьме и непрестанно шлю вести в горы, и теперь жду, что их вождь лично прибудет для переговоров об их освобождении. Но он до сих пор не предпринял никаких шагов, за исключением распространения слухов, что, если их не выпустят, он сожжет Пешкаури и — прошу прощения, твоя милость,— покроет свое седло моей кожей. Он способен предпринять такую попытку, поэтому я утроил стражу на стенах. Этот человек не гулистанского происхождения. Я не могу предсказать, что он предпримет. Но поскольку все же это приказ Деви...»

Губернатор сорвался с кресла и в мгновение ока оказался у сводчатых дверей. Схватился за кривой меч, лежавший в изукрашенных ножнах на столе. Воздев его в приветствии, застыл.

Особа, которая так неожиданно вошла, была женщиной. Ее муслиновые одеяния не могли скрыть дорогих украшений, равно как и гибкости стройного молодого тела. К ее волнистым волосам, охваченным тройной косичкой и украшенным золотым полумесяцем, была приколота прозрачная вуалька, падающая ниже груди. Черные глаза смотрели сквозь вуаль на ошеломленного губернатора, а белая ладонь решительным жестом прикрывала лицо.

— Деви!

Губернатор преклонил колено, но удивление и замешательство испортили эффект от этого торжественного жеста. Движением руки она приказала ему встать. Он поспешно проводил ее к креслу из слоновой кости, все время находясь в глубоком, почтительном поклоне. Однако его первыми словами были слова упрека:

— Государыня! Это в высшей степени безрассудно! На границе неспокойно. Постоянные нападения с гор. Государыня, надеюсь, ты прибыла с достаточно большой свитой?

— Большой кортеж меня сопровождал до Пешкаури,— ответила она.— Там я оставила своих людей и поехала в крепость со своей придворной дамой по имени Гитара.

Чундер Шан охнул от страха.

— Деви! Ты не осознаешь опасности. В часе езды отсюда в горах полно варваров, которые грабят, убивают. Случалось, что на дороге между городом и крепостью похищали женщин и убивали мужчин. Пешкаури — это не южная провинция...

— Все же я здесь, цела и невредима,— нетерпеливо прервала его Деви.— Я показала мой перстень с печатью стражнику у башни и тому, кто стоит перед твоими дверьми, они разрешили мне войти без доклада, не зная меня, но подозревая, что я — тайный курьер из Айодии. Не будем терять время. Есть у тебя какие-либо известия от вождя варваров?

— Никаких, кроме угроз и проклятий, Деви. Он осторожен и подозрителен. Считает, что это ловушка, и, пожалуй, его трудно за это винить. Кшатрии не всегда сдерживали свои обещания, которые давали людям гор.

— Он должен принять мои условия! — прервала его Жазмина, сжимая кулаки так, что побелели пальцы.

— Не понимаю,— губернатор покачал головой.— Когда мне удалось поймать этих семерых горцев, я сообщил, как положено, об их поимке вазаму, и тогда, прежде чем я успел их повесить, мне пришел приказ не торопиться и договориться с их вождем. Так я и сделал, но он, как я уже говорил, не торопится. Эти люди принадлежат к племени афгулов, но их вождь прибыл с запада, и зовут его Конан. Я передал ему, что завтра повешу их на рассвете, если он не придет.

— Прекрасно! — воскликнула Деви.— Хорошо задумал. Я отвечу тебе, почему я отдала такой приказ. Мой брат...— проговорила она сдавленным, прерывающимся голосом, и губернатор наклонил голову, по традиции почтив тем самым память умершего короля,— король Вендии пал жертвой колдовства. Я поклялась, что посвящу свою жизнь мщению убийцам. Умирая, брат навел меня на след, которым я и иду. Я прочла Книгу и разговаривала с безымянными отшельниками из пещеры Иелай. Я узнала, кто и как его убил. Это сделали Черные Колдуны с горы Имш.

— Боже! — побледнев, прошептал Чундер Шан.

Она пронизала его взглядом.

— Боишься их?

— Кто ж их не опасается, государыня,— ответил он.— Это демоны, живущие в безлюдных горах за перевалом Забар. Но предания утверждают, что они редко вмешиваются в дела простых смертных.

— Не знаю, почему они убили моего брата,— сказала она.— Но я поклялась на алтаре Асуры, что уничтожу их. Мне сейчас нужна помощь горцев. Без них кшатрийская армия не пройдет на Имш.

— Да,— буркнул Чундер Шан.— Чистая правда. Нам пришлось бы сражаться за каждую пядь земли, а волосатые горцы сбрасывали бы на нас булыжники с каждого пригорка и рвали бы нам глотки в каждой долине. Когда-то туранцы прорвались через Химелии, но сколько их вернулось в Хорусун? Лишь немногие из тех, кто ушел от кшатрийского меча, когда король, твой брат, разбил их конницу над рекой Юмда, вновь увидели Секундерам.

— Поэтому мне необходимо подчинить приграничные племена,— сказала Деви.— Люди, знающие дорогу на Имш...

— Но они боятся Черных Колдунов и обходят ту проклятую гору,— прервал ее губернатор.

— А их вождь, Конан, тоже боится Колдунов? — спросила она.

— Ну, если говорить о нем,— сказал губернатор,— я сомневаюсь, существует ли что-либо, чего бы этот демон во плоти боялся.

— Мне тоже так говорили. Значит, это именно тот человек, который мне нужен. Он жаждет освободить семерых своих людей? Прекрасно, платой за свободу будут головы Черных Колдунов!

Последние слова она произнесла голосом, полным ненависти, ее руки инстинктивно сжались в кулаки. Стоя с гордо поднятой головой и бурно вздымающейся грудью, она казалась воплощением ярости.

Губернатор вновь преклонил колено, зная по своему многолетнему опыту, что женщина, которой владеет такая буря чувств, так же опасна для окружающих, как и разъяренная кобра.

— Будет так, как государыня пожелает,— сказал он, а когда Деви слегка остыла, он встал и попробовал остеречь ее: — Не могу предвидеть, что сделает Конан. Горцы всегда были беспокойны, а у меня есть основания верить, что эмиссары туранцев подбивают их нападать на наши земли. Как ты знаешь, государыня, туранцы основали на севере Секундерама и другие города, хотя горские племена все еще не разбиты. Король Ездигерд издавна с жадностью поглядывает на юг и, возможно, собирается благодаря измене до-

стичь того, чего не удалось ему достичь силой. Мне пришло в голову, что, может, Конан — один из его шпионов?

— Увидим,— ответила Деви.— Если он любит своих людей, то появится на рассвете у ворот, чтобы вести переговоры. Я проведу эту ночь в крепости. В Пешкаури я приехала переодетой, а свою свиту устроила на постоялом дворе, а не во дворце. Кроме них, только ты знаешь о моем прибытии.

— Государыня, я провожу тебя в покои,— сказал губернатор.

Когда они вошли в коридор, он кивнул стоявшему перед дверью стражнику, который, обнажив оружие, двинулся за ними. Перед комнатой их ждала придворная дама, тоже в вуали, как и ее госпожа. Все четверо пошли широким, извилистым коридором, освещенным коптящим пламенем факелов. Подошли к помещениям, предназначенным для знатных гостей, в основном для военачальников и вице-королей, потому что доселе никто из королевской семьи не почтил крепость своим присутствием. Чундер Шана все время мучила мысль, что это помещение не совсем подходит для такой высокопоставленной особы, как Деви, и хотя Деви старалась, чтобы в ее присутствии он чувствовал себя свободно, он все же испытал облегчение, когда она его отпустила. Низко кланяясь, вышел. Потом созвал всех слуг, которые были в крепости, чтоб они позаботились о гостях, и, хотя не сказал, кто эти гости, поставил перед их дверью отряд копьеносцев, а вместе с ними воина, который ранее охранял дверь в его собственную комнату. Сбитый с толку всеми этими событиями, он забыл заменить его другим воином.

Прошло немного времени после ухода губернатора, когда Жазмина припомнила, что забыла кое-что сказать ему. Ее интересовал человек по имени Керим Шах, дворянин из Иранистана, который перед прибытием ко двору Айодии какое-то время жил в Пешкаури. Смутные подозрения относительно этого человека подкреплялись его присутствием теперь в Пешкаури. Жазмине подумалось, не следил ли за ней Керим Шах от самой Айодии. Но поскольку она была непредсказуемой Деви, она не стала вызывать губернатора к себе, а вышла в коридор и направилась к его кабинету.

Чундер Шан тем временем вернулся в свой кабинет, закрыл дверь и подошел к столу. Взял свое письмо к вазаму

и порвал на клочки. И тут же услышал тихий шорох на парапете за окном. Подняв глаза, на фоне звездного неба увидел нечеткий силуэт. В комнату ловко спрыгнул какой-то человек. В сиянии светильника блеснуло длинное острие.

— Тихо! — остерег его голос.— Не делай шума, или отправлю тебя к праотцам.

Губернатор опустил руку, потянувшуюся было к лежащему на столе мечу. Он знал страшную быстроту реакции горцев и мастерство, с которым они обращаются с забарскими кинжалами.

Пришелец был высоким мужчиной, могучим и все же гибким и ловким, словно барс. На нем была одежда горцев, но суровые черты его лица и пылающие голубые глаза не гармонировали с убором. Чундер Шан таких раньше не видел; чужак наверняка не принадлежал ни к одной из восточных рас — скорее всего он был варваром с далекого запада. Однако его манера вести себя выдавала в нем натуру дикую и необузданную, такую же, как и у длинноволосых горцев, живущих на возвышенностях Гулистана.

— Ты приходишь ночами, как вор,— прокомментировал губернатор, обретая понемногу уверенность в себе, хотя не забывал, что в пределах слышимости отсюда — ни одного стражника. Но горец об этом знать не мог.

— Я взобрался на стену крепости,— рявкнул чужак.— Страж вовремя выставил голову над зубцами так, что мне было удобно ударить по ней рукояткой кинжала.

— Ты Конан?

— А кто ж еще? Ты послал весть, что хочешь, чтоб я прибыл для переговоров с тобой. Итак, во имя Крома, я прибыл! Держись подальше от стола, а то я выпущу тебе кишки!

— Я только хочу сесть,— ответил губернатор, осторожно опускаясь в кресло из слоновой кости, которое отодвинул от стола. Конан непрерывно кружил по комнате, подозрительно поглядывая на дверь и пробуя ногтем острие своего полуметрового кинжала. Он ступал иначе, чем афгулы, и, не прибегая к излишней восточной учтивости, сказал с грубоватой непосредственностью:

— У тебя семеро моих людей. Ты отказался принять предложенный мной выкуп. Чего же ты, демон тебя побери, хочешь?

— Поговорим об условиях,— осторожно ответил губернатор.

— Условиях? — В голосе пришельца появилась опасная угрожающая нотка.— В чем дело? Разве я не предложил тебе золото?

Чундер Шан рассмеялся.

— Золото? В Пешкаури столько золота, сколько ты отродясь не видал.

— Ты лжешь,— отпарировал Конан.— Я видел сук золотильщиков в Хорусуне.

— Ну, больше, чем видел кто-либо из афгулов,— поправился Чундер Шан.— А это только капля в море богатства Вендии. Так зачем же нам жаждать золота? Было бы больше пользы для нас, если бы мы повесили этих бандитов.

Конан в сердцах выругался, его бронзовые мускулы напряглись, как канаты, а длинное лезвие задрожало в сжатой руке.

— Я расколю твой череп, как спелую дыню!

Глаза горца заблестели от гнева, но губернатор только пожал плечами, хотя и не отрывал глаз от сверкающего острия.

— Ты без труда можешь это сделать, а возможно, и скрыться. Но семерым пленникам от этого не будет легче. Мои люди непременно повесят их. А ведь это вожди афгулов.

— Знаю,— сказал Конан.— Все племя грызет меня, как стая волков, мол, я мало делаю, чтоб их освободить. Скажи прямо, чего ты хочешь, или — о Кром! — если не будет другого способа, соберу всю орду и приведу их к воротам Пешкаури!

Видя гневный блеск в его глазах, Чундер Шан не сомневался в том, что стоящий перед ним с оружием в руках варвар способен на это. Губернатор не верил, что даже самая многочисленная орда горцев сможет взять город, но вовсе не желал опустошения своей провинции.

— Есть одно поручение, которое ты должен будешь выполнить,— сказал он, подбирая слова осторожно, словно это были бритвы.— Ты должен...

Губы Конана искривились в волчьей гримасе, он отпрыгнул назад и повернулся лицом к двери. Острым слухом он уловил тихий шорох приближающихся шагов. В ту же минуту дверь внезапно распахнулась, и в комнату вошла стройная женщина в шелках. Она прикрыла за собой дверь и замерла, увидев горца.

Чундер Шан сорвался с кресла, ощущая, что его сердце подкатило к горлу.

— Деви! — безотчетно крикнул он, на мгновение потеряв голову.

— Деви! — как эхо повторил варвар.

Губернатор заметил блеск в глазах Конана и понял его намерения. Крикнув в отчаянии, схватился было за меч, но горец двигался с убийственной быстротой урагана. Он бросился на губернатора и ударом рукоятки кинжала по голове свалил его на пол, потом сгреб мускулистой рукой онемевшую Жазмину и прыгнул к окну. Чундер Шан, в отчаянии пробуя подняться, какую-то минуту еще различал его на фоне неба, трепещущие ткани, отчаянные взмахи рук схваченной им Деви.

— Попробуй-ка теперь повесить моих людей! — триумфально крикнул Конан, спрыгнул на зубцы стены и исчез. Губернатор только услышал пронзительный крик Жазмины.

— Стража! Стража! — закричал он.

Потом встал и шатаясь подошел к двери. Открыл ее и вывалился в коридор. Эхо разносило его крики по коридорам, созывая воинов, которые вытаращили глаза при виде губернатора, державшегося за разбитую, окровавленную голову.

— Воины, на коней! — ревел он.— Похищение!

Несмотря на весь ужас положения, ему хватило ума не выдавать всей правды. Он стоял, словно окаменев, слыша стук копыт за окном, отчаянные крики девушки и победные выкрики варвара.

Потом он помчался вниз по лестнице, за ним бежали ошеломленные стражники. Во дворе крепости у оседланных коней всегда располагался отряд конников, готовых каждую минуту ринуться в погоню. Чундер Шан лично возглавил эскадрон в погоне за похитителем, хотя голова у него кружилась так сильно, что ему пришлось обеими руками держаться за луку седла. Он не выдал, кем являлась похищенная, сказал только, что дворянку, носящую королевский браслет, похитил вождь афгулов. Хотя злодей быстро скрылся из глаз, унося свою жертву, они-то знали, куда он поедет,— конечно же, по дороге, ведущей прямо к ущелью долины Забар. Ночь была безлунная, слабый свет звезд падал на стоящие вдоль дороги домики крестьян. Черные контуры крепостных бастионов и башен Пешкаури остались за спиной у всадников. Далеко впереди взметнулась черная стена гор Химелии.

3

ХЕМСА ПРИБЕГАЕТ К ЧАРОДЕЙСТВУ

В суматохе, воцарившейся в крепости, когда стражников призвали к оружию, никто не приметил, что придворная, сопровождавшая Деви, выскользнула через главные ворота и растворилась в темноте. Высоко подняв юбки, она помчалась в город. Бежала она не по дороге, а напрямик через поле и пригорки, огибая заборы и перепрыгивая через ирригационные канавы с ловкостью профессионального бегуна. Прежде чем она достигла стен Пешкаури, стук копыт всадников за пригорками затих. Девушка не пошла к главным воротам, возле которых, опершись на копья, напрягали взор стражники, вглядываясь в темноту и стараясь понять причину царящего в крепости замешательства. Она пошла вдоль стены, пока не дошла до места, с которого увидела возносящуюся меж зубцов башню. Тогда она приставила ладонь к губам и издала тихий, необычный и странно резкий звук.

Почти сразу же из амбразуры высунулась чья-то голова, и вдоль стены спустилась длинная веревка. Девушка схватилась за нее, вставила ногу в петлю на конце веревки и помахала рукой. Быстро и плавно ее втащили на отвесную каменную стену. Уже через минуту она взбиралась на зубцы и стояла на плоской крыше дома, прилегающего к крепостной стене вокруг Пешкаури. У открытых ставней мужчина в тоге из верблюжьей шерсти спокойно сматывал веревку, словно ему никакого труда не стоило втащить взрослую женщину на пятнадцатиметровую стену.

— Где Керим Шах? — выдохнула она.

— Спит внизу. Ты принесла весть?

— Конан украл Деви из крепости и увез ее в горы! — выпалила она, от торопливости проглатывая слова.

На лице Хемсы не отразилось никаких чувств, он только кивнул головой, обвязанной тюрбаном, и сказал:

— Керим Шах будет доволен, когда узнает об этом.

— Подожди! — Девушка обняла его за шею. Она тяжело дышала не только от бега. Ее глаза пылали во мраке, как два черных алмаза. Она приблизила свое лицо к лицу Хемсы, который, правда, принял ее объятия, но не ответил.— Ничего не говори гирканцу! — выдохнула она.— Мы сами используем это известие. Губернатор и его люди поехали в горы, но с таким же успехом они могли бы преследовать

духа. Чундер Шан никому не сказал, что похитили именно Деви. Кроме нас, в Пешкаури и в крепости никто об этом не знает.

— А какая в этом польза для нас? — сказал в раздумье мужчина.— Мои господа послали меня вместе с Керим Шахом, чтобы я помогал ему в каждом...

— Помоги себе! — крикнула она с яростью.— Сбрось ярмо!

— Ты хочешь сказать... Я должен оказать неповиновение моим господам? — пробормотал он, и девушка, прижавшаяся к его груди, почувствовала, как его тело содрогнулось от ужаса.

— Да! — Она со злостью встряхнула его.— Ты тоже колдун! Почему же ты должен быть невольником, направлять свои силы и искусство только на то, чтобы возвеличивать других? Пора уже самому воспользоваться всем этим!

— Нельзя! — Хемса дрожал, как в лихорадке.— Я не принадлежу к Черному Кругу. Только по приказу моих хозяев я осмеливаюсь пользоваться знанием, которым благодаря им располагаю.

— Но можешь использовать его намного лучше! — упорно убеждала она.— Сделай то, о чем тебя прошу! Это бесспорно, что Конан похитил Деви, чтоб держать ее как заложницу и обменять на пойманных семерых вождей. Убей их, чтобы Чундер Шан не мог использовать их для выкупа Деви. Потом подадимся в горы и отнимем ее у афгулов. Их ножи не помогут против твоего колдовства. Мы возьмем выкуп, сокровища вендийских королей будут наши, а когда их получим — обманем кшатриев и продадим Деви королю Турана. Мы станем богаче, чем сами можем себе вообразить! Будем в состоянии заплатить наемникам. Займем Корбул, выбьем туранцев с гор и вышлем наши войска на юг. Мы будем властителями империи!

Хемса тоже начал тяжело дышать, дрожа, как лист, в ее объятиях. Крупные капли пота стекали по его побледневшему лицу.

— Люблю тебя! — страстно крикнула она, извиваясь в его объятиях, крепко прижимаясь к нему и внезапно его встряхивая.— Сделаю тебя королем! Из любви к тебе я изменила своей госпоже, из любви ко мне измени своим магистрам! Почему ты боишься Черных Колдунов? Полюбив меня, ты уже нарушил один из их запретов! Нарушь и остальные! Ты так же могуществен, как и они!

Даже человек изо льда не выдержал бы огня страсти и ярости, веющего от ее слов. С невыразительным возгласом Хемса прижал к себе девушку, отклонил ее голову назад и осыпал градом поцелуев.

— Я сделаю это! — сказал он охрипшим от страсти голосом. Он шатался, как пьяный.— Сила, которой наделили меня магистры, будет служить не им, а мне! Мы завладеем миром! Миром...

— Ну идем же! — Осторожно вызволившись из его объятий, она взяла его за руку и повлекла к люку в крыше.— Мы должны быть уверены, что губернатор не обменяет этих семерых афгулов на Деви.

Хемса пошел за ней, как в трансе, они спустились по лестнице и оказались в небольшой комнате. Керим Шах неподвижно лежал на ложе, прикрывая лицо согнутой в локте рукой, словно ему мешал неяркий свет медной лампы. Девушка схватила Хемсу за руку и быстрым жестом провела ребром своей ладони по шее. Хемса поднял было руку, но потом, изменившись в лице, покачал головой:

— Я ел его соль,— шепнул он.— Кроме того, он нам вряд ли помешает.

Они с девушкой вышли через дверь, ведущую на узкую крутую лестницу. Когда их осторожные шаги затихли, Керим Шах поднялся с ложа, вытерев пот со лба. Он не боялся удара ножом, но Хемсы боялся, как ядовитого гада.

— Люди, устраивающие на крышах заговоры, должны помнить о том, чтоб говорить тише,— шепнул он себе.— Хемса восстал против своих господ, а ведь только через него я мог с ними общаться, значит, на их помощь уже нечего рассчитывать. Отныне действую на свой страх и риск.

Встал, быстро подошел к столу, достал из-за пояса перо и пергамент, потом начертал несколько коротких предложений:

«Косра-хану, губернатору Секундерама: Киммериец Конан похитил Деви Жазмину и отправился в афгульскую деревню. Есть шанс схватить Деви, чего так давно жаждет король. Не откладывая, вышли три тысячи верховых. Буду ждать их с проводниками в долине Гурашах».

Окончив, он приписал внизу свое имя, которое даже и близко не напоминало имя Керим Шах.

Потом достал из золотой клетки голубя и тоненькой ниткой прикрепил к его ноге свернутый в маленькую трубочку пергамент. Затем быстро подошел к окну и выпустил птицу в ночь. Голубь затрепетал крыльями, обрел рав-

новесие и исчез в темноте, как быстрая тень. Схватив плащ, шлем и меч, Керим Шах вылетел из комнаты и сбежал вниз по крутой лестнице.

Здание тюрьмы в Пешкаури находилось за массивной стеной, в ней были только одни, обитые железом и расположенные в полукруглом портале, ворота. В висящем над порталом светильнике горели смоляные щепки, а возле двери на корточках сидел стражник со щитом и копьем, опираясь головой на древко своего оружия и время от времени позевывая. Вдруг стражник вскочил на ноги. Он дал бы голову на отсечение, что не сомкнул глаз, и все же перед ним стоял человек, появления которого он не заметил. На мужчине была тога из верблюжьей шерсти и зеленый тюрбан. В отблесках мигающего света факела на его лице горели странно сверкающие глаза.

— Кто там? — спросил стражник, выставляя вперед копье.— Кто ты?

Пришелец не выказывал смятения, хотя острие копья касалось его груди. С необычайным вниманием он вглядывался в стражника.

— Что ты обязан делать? — спросил он вдруг.

— Охранять ворота! — машинально ответил тот сдавленным голосом и замер, как изваяние, его глаза остекленели, вид сделался отсутствующим.

— Неправда! Ты должен слушаться меня! Ты посмотрел мне в глаза, и твоя душа тебе уже не принадлежит. Открой эту дверь!

Словно каменный, с лицом, застывшим в удивленной гримасе, стражник повернулся, вынул из-за пояса большой ключ, повернул его в огромном замке и широко распахнул ворота. Потом встал поодаль, глядя перед собой невидящим взором.

Из тени выскользнула женщина и нетерпеливо положила руку на плечо гипнотизера.

— Скажи ему, чтоб дал нам коней, Хемса,— шепнула она.

— Зачем? — ответил Хемса. Чуть-чуть повысив голос, он сказал стражнику: — Ты исполнил то, что должен был исполнить. Теперь убей себя!

Воин, как в трансе, оперся концом копья о землю у стены и прислонил узкое лезвие к своему животу пониже ребер. Медленно, флегматично налег на него всей тяжестью тела, так что острие прошило его насквозь и вышло

между лопатками. Тело соскользнуло по древку и спокойно легло с высоко торчащим древком, похожим на ствол какого-то страшного дерева.

Девушка глядела на все это с мрачным восторгом, пока Хемса не схватил ее за плечо и не повлек за собой. Факелы освещали узкое пространство между стенами — внутренней и внешней. Внутренняя была ниже, в ней было много несимметрично расположенных дверей. Охраняющий это пространство воин медленным шагом подошел к открывающимся воротам, чувствуя себя в полной безопасности и ничего не подозревая, пока из темноты перед ним не появился Хемса с девушкой. Было слишком поздно. Хемса не тратил время на то, чтоб загипнотизировать жертву, но его спутнице и сейчас показалось, что она — свидетель колдовства. Стражник грозно замахнулся копьем и уже открыл было рот, чтобы закричать, что созвало бы сюда целый отряд стражников из караульной, но Хемса левой рукой отбил древко, как соломинку, в сторону, а его правая рука описала короткую дугу, словно мимоходом коснувшись шеи воина. Стражник рухнул с переломанной шеей на каменную мостовую, не издав даже крика.

Хемса больше не обращал на него внимания. Подошел к первой же двери и прислонил раскрытую ладонь к массивному бронзовому замку. Дверь с раздирающим слух треском уступила. Идя следом за Хемсой, девушка увидела, что по толстому тиковому дереву двери пошли трещины, бронзовые засовы погнуты и вырваны из гнезд. Даже сорок воинов, бьющих тысячефутовым тараном, не смогли бы нанести двери большего разрушения. Опьяненный свободой, Хемса играл своей чудесной силой, радуясь ей и тешась, как молодой исполин с избытком темперамента использует силу своих мускулов в рискованных выходках.

Выломанная дверь вела в маленький дворик, освещенный светом факелов. Напротив двери они увидели толстую решетку из железных прутьев. Заметили схватившуюся за решетку волосатую руку и белки блестящих в темноте глаз.

Хемса какое-то мгновение стоял неподвижно, вглядываясь в темноту, из которой отвечал ему взгляд пылающих зрачков. Потом сунул руку за пазуху и высыпал на каменную мостовую горсть блестящей пыли. Вспыхнул зеленый огонь, освещая дворик. Вспышка высветила фигуры семерых людей, неподвижно стоящих за решеткой, осветив каждую деталь их поношенной гуральской одежды и орлиные черты заросших лиц. Никто из них не отозвался, но в глазах

у них был ужас, волосатыми руками они крепко сжимали прутья.

Огонь погас, но блеск остался, дрожащий блеск зеленого шара, пульсирующего и трепещущего на камнях у ног Хемсы. Узники не могли оторвать от него взгляда. Шар постепенно вытянулся, превратился в спираль из ярко светящегося зеленоватого дыма, который изгибался и скручивался, как огромная змея, напрягающая блестящие, волнующиеся сплетения. Эта лента вдруг превратилась в облако, медленно движущееся по мостовой прямо к клетке. Узники смотрели на него широко открытыми от ужаса глазами, дрожь отчаянно сжавшихся на прутьях пальцев передавалась клетке. С раскрытых губ горцев не слетало ни единого звука. Зеленая тучка доползла до решетки, закрывая ее от глаз девушки. Как туман, проникла она сквозь прутья и окутала горцев. Из густых клубов раздался сдавленный стон, словно бы кто-то погружался под воду.

Хемса дотронулся до плеча девушки, которая смотрела на это широко раскрытыми от удивления глазами. Она обернулась и машинально пошла за ним, все время оглядываясь через плечо. Мгла стала рассеиваться: прямо возле решетки была видна пара обутых в сандалии ног, торчащих вверх, а также неясные абрисы семи неподвижно лежащих в беспорядке тел.

— А сейчас оседлаем верховую лошадь, которая быстрее любого из скакунов, взращенных в конюшнях смертных,— сказал Хемса.— Будем в Афгулистане еще до рассвета.

4

ВСТРЕЧА НА ПЕРЕВАЛЕ

Деви Жазмина не могла припомнить ни одной подробности своего похищения. Внезапность и быстрота, с которой происходили события, ошеломили ее, в памяти остались только отдельные моменты: парализующие объятия могучих рук, горящие глаза похитителя и его дыхание, обжигающее ее шею. Прыжок через окно на зубцы стены, бешеный бег по ступеням и крышам, когда ее парализовал страх высоты, потом ловкий спуск по канату, привязанному к зубцу (похититель спустился по нему в мгновение ока, перебросив онемевшую жертву через плечо),— все это оставило в памяти Деви лишь невыразительный след. Немного лучше она по-

мнила быстрый бег несущего ее с детской легкостью человека, тень деревьев, прыжок в седло дико ржавшего и фыркавшего балканского жеребца. Потом была бешеная скачка и стук копыт, высекающих искры на каменистой дороге, ведущей через предгорья.

Когда она вновь обрела ясность мысли, первым ее чувством была бешеная ярость и стыд. Она была в отчаянии. Правители золотых королевств на юге от Химелии почитались всеми почти как боги, а она ведь была Деви Вендии! Безудержный гнев взял верх над страхом. Она дико крикнула и стала вырываться. Она, Жазмина, переброшена через луку седла горского вождя, словно обычная девка, купленная на торжище! Конан только обнял ее покрепче, и Жазмина впервые в жизни подчинилась силе. Конан взглянул на нее и широко улыбнулся. В свете звезд сверкали белые зубы. Свободно опущенные поводья лежали на развевающейся гриве жеребца, который мчался по усеянной валунами дороге, напрягая в последнем усилии все мускулы и сухожилия. Но Конан без труда, почти небрежно, удерживался в седле, как кентавр.

— Пес! — выкрикнула Жазмина, трясясь от гнева, стыда и бессилья.— Ты имеешь дерзость... смеяться! Заплатишь за это головой! Куда меня везешь?

— В деревню афгулов,— ответил тот, оглядываясь через плечо.

Вдали, за пригорками, которые они проехали, на стенах крепости мелькали огоньки факелов; он заметил также отблеск света, говорящий о том, что открыли большие ворота. Конан громко засмеялся, смех его звучал, как горный поток.

— Губернатор выслал в погоню за нами конников,— сказал он с насмешкой.— О Кром, прихватим их на маленькую конную прогулку! Как ты думаешь, Деви, поменяют они семерых горцев на кшатрийскую княжну?

— Скорее вышлют армию, чтобы повесить тебя вместе с твоим демоновым родом,— пообещала она ему с убеждением.

Он радостно засмеялся и сильнее прижал ее к себе, усаживаясь поудобнее. Но Жазмина сочла это новым оскорблением и возобновила свою напрасную борьбу, пока не пришла к выводу, что эти ее попытки освободиться только смешат его. Кроме того, от возни ее воздушное, развевающееся на ветру шелковое убранство было в ужасном беспорядке. Она решила, что лучше будет хранить надменное спокойствие, и погрузилась в гневное молчание.

Но гнев сменило удивление, когда они достигли выхода в долину Забар, зияющую, словно брешь в темной стене скалы, которая загородила им дорогу, как огромный брустверь. Казалось, какой-то гигантский нож вырезал этот проход в сплошной скале. По обе стороны вознеслись на сотни футов крутые склоны, пряча выход в долину в кромешной тьме. Даже Конан не мог разглядеть в этой темноте ничего, но зная, что за ним погоня из крепости, и помня дорогу наизусть, он не придерживал коня. Огромный зверь еще не выказывал признаков усталости. Словно молния, они промчались дорогой, лежащей на дне долины, взобрались на откос и переправились через наиболее низкое место гребня, по обе стороны которого корочки предательского сланца подстерегали неосторожный шаг, а потом осыпались на дорогу, тянущуюся вдоль левой стены ущелья.

В густой темноте даже Конан не мог заметить засады, устроенной забарскими горцами. Они с Жазминой как раз проезжали возле темного проема одной из боковых балок, когда в воздухе просвистело копье и с глухим звуком вонзилось в круп мчащегося коня. Огромный жеребец споткнулся, пронзительно заржал и на всем скаку рухнул на землю. Но Конан, заметив летящее копье, отреагировал с быстротой молнии.

Он соскочил с падающего коня, держа девушку в объятиях, чтоб она не поранилась о сланец. Приземлился на ноги, как кот, втолкнул пленницу в расщелину и обернулся, выхватив кинжал.

Жазмина, сбитая с толку внезапностью событий, не понимая, что, собственно, произошло, увидела что-то черное, появившееся из темноты, услыхала топот босых ног на скале и шорох трущихся о тело лохмотьев. Заметила блеск стали, короткий обмен ударами, и в темноте раздался ужасный хруст, когда Конан размозжил противнику голову.

Киммериец отпрыгнул и притаился под прикрытием скал. В темноте было слышно какое-то движение, и вдруг зычный голос заревел:

— Что такое, псы? Хотите улизнуть? Вперед, проклятые! Взять их!

Конан дрогнул, глянул в темноту и закричал:

— Это ты, Яр Афзал?

Раздались удивленные возгласы и тихий вопрос:

— Конан, это ты?

— Да! — засмеялся киммериец.— Иди сюда, старый бандит. Я убил одного из твоих людей.

Между скал началось замешательство, замелькал огонек, вырос в светлое пламя факела и, мерцая, стал приближаться к ним. По мере того как он приближался, все яснее в темноте проступало бородатое лицо. Человек, державший факел, поднял его повыше и вытянул шею, вглядываясь в сланцевый лабиринт, в другой руке он держал огромную кривую саблю. Конан вышел вперед, пряча свой кинжал, а незнакомец, завидев его, радостно рявкнул:

— Да это Конан! Выходите из-за скал, псы! Это Конан!

В круге света появились и остальные: дикие, ободранные, бородатые мужчины с угрюмыми взглядами, с длинными ножами в руках. Жазмину они не заметили, потому что киммериец заслонил ее своим могучим телом. Выглядывавшая из-за этого укрытия девушка впервые за эту ночь ощутила, что у нее по телу поползли от страха мурашки. Эти мужчины были похожи скорее на волков, чем на людей.

— На кого ты охотишься ночью, Яр Афзал? — спросил Конан здоровяка, который, словно бородатый вампир, ощерил зубы.

— Кто знает, что может попасться в темноте? Мы, вазулы,— ночные птицы. А как твои дела, Конан?

— У меня пленница,— ответил киммериец и, отодвинувшись в сторону, открыл съежившуюся Жазмину. Протянув длинную руку в расщелину, вытащил дрожащую вендианку.

Жазмина потеряла свою прежнюю величавую осанку. С опаской поглядывая на бородатые лица собравшихся вокруг людей, чувствовала что-то вроде благодарности к человеку, который обнимал ее жестом властелина. Кто-то поднес поближе факел, стало слышно шумное сопение, потому что при виде девушки у горцев перехватило дух.

— Это моя пленница,— предостерег Конан, многозначительно поглядывая на лежащего здесь же за кругом света человека, которого он убил.— Я ехал с ней в Афгулистан, но вы убили моего коня, а за мной — кшатрийская погоня.

— Поехали с нами в нашу деревню,— предложил Яр Афзал.— В ущелье спрятаны наши кони. Нас в темноте никто не выследит. Говоришь, погоня недалеко?

— Так близко, что уже слышен стук копыт по камням,— печально ответил Конан.

Вазулы не стали терять время, сразу же погасили факел, и оборванные фигуры утонули во мраке. Конан схватил Деви на руки, она не сопротивлялась. Острые камни рани-

ли ее изнеженные ноги, на которых были только мягкие туфельки. Она чувствовала себя слабой и беззащитной в этой глубокой тьме, царящей над огромными потрескавшимися вершинами.

Чувствуя, что она дрожит под холодным дуновением воющего в ущелье ветра, Конан сорвал с плеча истрепанный плащ и завернул в него девушку. Вместе с тем предостерегающе шикнул ей на ухо, приказывая молчать. По правде, она не слышала тихого стука копыт, который уловило чуткое ухо горца, но была слишком испугана, чтобы не подчиниться.

Она не видела ничего, кроме нескольких затуманенных звездочек высоко вверху, но по сгущающейся темноте поняла, что они очутились в тесной балке. Услышала звуки: это шарахались кони. После короткого обмена мнениями Конан оседлал коня воина, которого он убил. Поднял девушку к себе в седло. Тихо, как привидения, вся банда выехала из ущелья. Мертвые конь и человек остались на дороге позади, полчаса спустя их нашли всадники из крепости. Признали в убитом вазула и сделали соответствующие выводы.

Прижавшись к груди своего похитителя, Жазмина не могла одолеть сон. Несмотря на неровность дороги, то вздымающейся в гору, то спускающейся в низину, конная езда обладает определенным ритмом, который в сочетании с усталостью и потрясением от избытка событий нагоняет неодолимую жажду сна. Жазмина совсем потеряла ощущение времени и пути. Они ехали в полной темноте, в которой время от времени она замечала абрисы гигантских скальных стен, возносящихся вверх, словно черные бастионы или огромные брустверы, почти достигающие звезд. Время от времени ощущала пустоту зияющей внизу пропасти, и ее пробирало холодное дуновение веющего среди недосягаемых вершин ветра. Постепенно все покрыла мягкая сонная мгла: и стук конских копыт, и скрип упряжи казались нереальными отзвуками сонного бреда.

До Жазмины с трудом дошло, что кто-то снимает ее с коня и вносит по ступенькам. Потом ее положили на что-то мягкое и шелестящее, что-то положили под голову — похожее на свернутый плащ — и заботливо накрыли одеянием, в которое перед этим ее заворачивал Конан. Она услышала смех Яр Афзала:

— Это ценная добыча, Конан. Достойная вождя афгулов.

— Я ее взял не для себя,— послышался ворчливый ответ.— За эту девчонку я выкуплю из плена семерых моих вождей, демон их побери!

Это были последние слова, которые она слышала, прежде чем заснуть глубоким сном.

Она спала в то время, когда вооруженные всадники прочесывали погруженные во тьму горы и решали судьбу королевства. Этой ночью мрачные ущелья и овраги наполнялись звоном подков мчащихся коней, свет звезд отражался на шлемах и кривых саблях, а странные создания, очутившиеся на потрескавшихся вершинах, выглядывали из-за скал, не понимая, что происходит.

Несколько таких призрачных фигур на исхудавших конях притаились в непроглядной тьме оврага, ожидая, пока вдали стихнет топот копыт. Их предводитель, хорошо сложенный мужчина в шлеме и плаще, расшитом золотом, остерегающе поднял вверх ладонь, держа ее так, пока всадники не проехали мимо. Потом тихо засмеялся:

— Должно быть, потеряли след! Или сообразили, что Конан уже в деревне афгулов. Много нужно будет войск, чтобы выкурить его из этой лисьей норы. На рассвете здесь появится много отрядов.

— Если будет схватка, будут и трофеи,— сказал кто-то за его плечами на иракзайском диалекте.

— Будут и трофеи,— ответил человек в шлеме.— Но сначала мы должны попасть в долину Гурашах и подождать конницу, которая еще до рассвета выйдет из Секундерама.

Он пришпорил коня и выехал из оврага, его люди двинулись следом — как тридцать обтрепанных призраков.

5

ЧЕРНЫЙ ЖЕРЕБЕЦ

Когда Жазмина проснулась, солнце было уже высоко в небе. Девушка не вскочила с кровати, оглядываясь вокруг пустым взглядом и соображая, где она находится. Проснувшись, она сразу припомнила все события, происходившие накануне. От долгой езды у нее болели все кости, а ее упругое тело все еще ощущало объятия мускулистых рук мужчины, который так далеко ее увез.

Она лежала на овечьей шкуре, прикрывающей ложе из листьев, брошенных на хорошо утоптанный глиняный пол. Под головой у нее был свернутый тулуп, а одеялом ей служил потрепанный плащ. Она находилась в огромном помещении с неровными, но толстыми стенами из неотесанных валунов, скрепленных между собой высушенной на солнце болотной грязью. Могучие балки поддерживали такой же крепкий потолок, в котором она заметила прикрытый крышкой лаз. В толстых стенах не было окон, только узкие бойницы. Была также и дверь — огромная плита из бронзы, несомненно, украденная с какой-нибудь вендийской сторожевой башни. Напротив двери виднелся широкий грот, отделенный от комнаты крепкой деревянной решеткой. За ним Жазмина увидела прекрасного черного жеребца, жующего сухое сено. Дом служил одновременно крепостью, жильем и конюшней.

В другом конце комнаты девушка в кафтане и мешковатых горских штанах сидела на корточках у небольшого костра, жаря полоски мяса на железной решетке, лежащей на камнях. Над костром в потолке находилось закопченное отверстие, через которое выходила часть дыма. Остальной дым голубоватыми прядями расползался по комнате.

Горянка через плечо бросила взгляд на Жазмину, показывая лицо со смелыми красивыми чертами, потом вернулась к своему занятию. Снаружи слышались мужские голоса, и через минуту в дом вошел Конан, отворив дверь ударом ноги. Утренний свет осветил его могучую фигуру, и Жазмина заметила еще несколько деталей, которые она не могла заметить ночью. Его одежда была чистой и неизношенной. Широкого бакарийского пояса, за которым торчал кинжал в резной оправе, не постыдился бы и князь, а сквозь расстегнутую рубашку виднелась сталь туранской кольчуги.

— Твоя пленница проснулась, Конан,— сказала вазулка.

Киммериец что-то буркнул под нос, подошел к огню и сгреб полоски баранины на каменную тарелку. Сидевшая на корточках у огня горянка улыбнулась ему и отпустила какую-то шутку, на что он ощерил зубы и, зацепив девушку ногой, опрокинул ее на землю. Похоже, что эти незамысловатые шутки доставляли вазулке удовольствие, но Конан уже не обращал на нее внимания. Достав откуда-то огромную краюху хлеба и медный жбан с вином, отнес все Жазмине, которая поднялась на ложе, с изумлением глядя на него.

— Это не очень подходящий харч для Деви, моя милая, но лучшего у нас нет,— буркнул он.— По крайней мере это наполнит твой желудок.

Он поставил миску на землю, и вдруг Деви ощутила, что страшно голодна. Без лишних слов она, скрестив ноги, уселась на полу и, поставив миску на колени, начала есть пальцами, которые отныне должны были ей заменить столовые приборы. Между прочим, умение приспосабливаться — одна из черт настоящего аристократа. Конан стоял, заложив руки за пояс, глядел на нее сверху вниз, он никогда не сидел по-восточному, скрестив ноги.

— Где я? — спросила она.

— В домс Яр Афзала, вождя Курум Вазулов,— ответил он.— Афгулистан лежит в добрых двух милях на запад отсюда. Мы останемся здесь на какое-то время. Кшатрии прочесывают горы, ищут тебя, горцы уже вырезали пару отрядов.

— Что ты намерен делать?

— Задержаться здесь, пока Чундер Шан не согласится выпустить моих конокрадов,— объяснил он.— Женщины вазулов выжимают чернила из листьев шоки, и вскоре ты сможешь написать губернатору письмо.

Жазмину охватил внезапный прилив гнева, когда она подумала о злом капризе судьбы, сделавшем так, что ее планы превратились в ничто и она стала узницей именно того человека, которого хотела сделать исполнителем своих планов и козней. Она отшвырнула миску с остатками еды и вскочила на ноги, сжав от злости зубы.

— Никакого письма писать не буду! Если ты не отвезешь меня назад, они повесят семерых твоих людей и еще тысячу!

Вазулка подавилась смехом, а Конан грозно нахмурил брови, и тогда открылась дверь и вошел Яр Афзал. Вождь вазулов был такого же роста, как и Конан, и более крепкого телосложения, но рядом с мускулистым киммерийцем выглядел увальнем. Он погладил свою рыжую бороду и многозначительно посмотрел на горянку, которая тут же встала и вышла из дома. Яр Афзал повернулся к приятелю:

— Эти проклятые все ропщут, Конан,— сказал он.— Хотят, чтобы я тебя убил, а за девушку взял выкуп. Говорят, что она благородная, это видно по ее одежде. Спрашивают, почему афгульские псы должны все получить, если мы рискуем, пряча ее в нашей деревне?

— Одолжи мне коня,— ответил Конан.— Я заберу ее, и мы уедем.

Яр Афзал фыркнул:

— Ты думаешь, я не смогу добиться от моих людей послушания? Я приказываю им танцевать в одних рубашках, когда они меня злят. Они не любят тебя, это правда, так же, как и прочих чужеземцев, но я-то прекрасно помню, что ты когда-то спас мне жизнь. Пошли к ним, Конан, только что вернулся разведчик.

Конан подтянул пояс и вышел с вождем на улицу. Они закрыли за собой дверь. Жазмина выглянула через бойницу, увидела открытое пространство, потом ряд хижин из камня и болотной тины, голых детей, играющих среди валунов, и высоких стройных горянок, занятых своими делами.

Тут же, у дома вождя, увидела заросших, ободранных мужчин, сидевших на земле полукругом, лицом к двери. В нескольких футах от них стояли Конан с Яр Афзалом и слушали мужчину, сидящего со скрещенными ногами. Воин хриплым голосом говорил с вождем на вазульском диалекте, который Жазмина понимала с трудом, хотя частью полученного ею образования была наука языков Иранистана и родственных гулистанских диалектов.

— Я говорил с дагозанцем, который прошлой ночью видел огромный конный отряд,— говорил разведчик.— Он сидел ночью в засаде около того места, где вождь Конан наткнулся на нашу засаду. Дагозанец слышал, что говорили всадники. Был среди них и Чундер Шан. Они нашли убитого коня, и один из воинов узнал в нем коня Конана. Они нашли также труп вазульского воина. Пришли к выводу, что вазулы убили Конана и похитили девушку, поэтому отряд решил прекратить погоню в Афгулистан. Но они не знали, из какой деревни этот мертвый воин, а мы не оставили следов, которыми могли бы воспользоваться кшатрии. Потом они поехали к ближней деревне вазулов, к Югре, сожгли ее и убили много людей. Но воины Коюра в темноте напали на них, нанесли им большой урон и ранили губернатора. Оставшиеся кшатрии улизнули под покровом ночи в долину Забар, но еще до восхода солнца вернулись с подкреплением, и с утра в горах идут стычки. Говорят, что вендийцы собирают большую армию, чтобы очистить горы вокруг Забара. Воины всех племен острят ножи и устраивают засады на каждом перевале до самой долины Гурашах. Кроме того, Керим Шах повернул в горы.

Вокруг раздались тихие восклицания, и Жазмина плотнее приникла к отверстию, услышав имя человека, давно возбуждавшего ее подозрения.

— Куда он направился? — спросил Яр Афзал.

— Дагозанец не знал. С ним триста иракзаев из равнинных деревень. Они где-то в горах.

— Иракзаи — это шакалы, собирающие остатки из львиной пасти,— заворчал Яр Афзал.— Бросаются на деньги, которые Керим Шах горстями разбрасывает среди приграничных племен, покупая людей, как коней. Не люблю его, хотя он наш родственник из Иранистана.

— Нет,— сказал Конан.— Я знаю его давно. Это гирканец, шпион Ездигерда. Если я его поймаю, повешу его шкуру на тамариске.

— А кшатрии?! — выкрикнул один из сидящих в полукруге воинов.— Мы должны сидеть по дворам и ждать, пока нас отсюда выкурят? В конце концов они узнают, в какой деревне держат девушку. Забарцы нас не любят, они помогут кшатриям.

— Пусть только появятся,— буркнул Яр Афзал.— Мы удержим ущелье против конницы.

Один из мужчин вскочил на ноги и погрозил Конану кулаком.

— Мы должны рисковать, а все плоды пожнет он! — заорал человек.— Мы за него должны сражаться?

Конан встал над ним, слегка наклонившись, посмотрел прямо в заросшее лицо. Кинжал он не вытаскивал, но левую руку держал на ножнах, со значением обнажив рукоятку.

— Я никого не прошу сражаться за меня,— ответил спокойно.— Вытащи оружие, если ты отважен, паршивый пес!

Вазул отпрыгнул, фыркнув, как кот.

— Попробуй дотронуться до меня, и эти пятьдесят человек разорвут тебя на части! — закричал он.

— Что?! — зарычал Яр Афзал, багровея от гнева. Ощетинил усы и выставил вперед живот.— Разве ты вождь Курума? Выходит, вазулы подчиняются приказаниям какого-то несчастного ублюдка, а не Яр Афзала?

Воин съежился, а непобедимый вождь подскочил к нему, схватил за горло и начал душить, пока лицо жертвы не стало сине-фиолетовым. Потом в ярости швырнул его оземь и встал над ним с саблей в руке.

— У кого еще есть какие-то сомнения? — зарычал он и обвел всех воинственным взором, а его соплеменники угрюмо уставились в землю.

Яр Афзал презрительно крякнул и втолкнул оружие в ножны жестом, являвшимся воплощением презрения. По-

том со злостью пнул лежащего на земле подстрекателя, исторгая из него рычание боли.

— Обойдешь посты на скалах и узнаешь, не заметили ли они чего,— приказал он. Мужчина удалился, трясясь от страха и скрежеща зубами от злости.

Яр Афзал взгромоздился на камень, что-то бормоча себе под нос. Конан стоял возле него, широко расставив ноги, заткнув пальцы за пояс, прищуренными глазами глядя на столпившихся вокруг воинов. Они угрюмо глядели на него, не осмеливаясь больше провоцировать гнев Яр Афзала, но ненавидя чужака так, как это могут только горцы.

Мужчина обогнул ряд хат, подгоняемый злыми замечаниями и смехом женщин, которые были свидетелями его поражения, потом быстро пошел вверх по дороге, вьющейся меж валунов и скал.

Едва он дошел до первого поворота и скрылся с глаз насмешников, как остановился, точно вкопанный, и раскрыл рот от удивления. Ему не верилось, чтобы кому-нибудь из чужаков удалось не замеченным соколиноокими наблюдателями на вершинах проникнуть в долину Курум, и все же на низком уступе скалы возле дороги сидел незнакомый мужчина в тоге из верблюжьей шерсти и зеленом тюрбане.

Вазул открыл было рот, чтобы крикнуть, а его ладонь схватилась за рукоятку ножа. Но в то время, как его глаза встретились с глазами чужака, крик замер в его горле, а рука бессильно опустилась. Он стоял будто статуя, вглядываясь вдаль остекленевшим, отсутствующим взглядом.

Несколько мгновений они стояли неподвижно, потом человек в зеленом тюрбане начертил пальцем на камне какой-то таинственный знак. Вазул не заметил, чтобы незнакомец что-то положил рядом с символом, но вдруг на скале что-то заблестело — появился круглый сверкающий шар, похожий на шлифованный уголь. Человек в тюрбане поднял его и бросил вазулу, который безотчетно схватил его.

— Отнеси это Яр Афзалу,— сказал незнакомец.

Вазульский воин машинально развернулся и зашагал дорогой назад, держа в вытянутой руке черный шар. Над краем уступа появилась голова девушки, которая с удивлением и страхом, которого еще вчера не ощущала, смотрела на него.

— Зачем ты это сделал? — спросила она.

Хемса ласково погладил ее черные волосы.

— Ты, наверное, все еще ошеломлена сдой на воздушном коне, раз сомневаешься в моей мудрости? — рассмеялся он.— Пока жив Яр Афзал, Конан в безопасности среди вазулов. Их много, и ножи их остры. Я задумал кое-что поумнее, чем просто убить киммерийца и отнять у вазулов девушку. Не надо быть чародеем, чтоб угадать, что сделают вазульские воины с Конаном, когда эта моя жертва подаст вождю Курума шар Езуда.

Тем временем Яр Афзал, стоя перед своим домом, прервал тираду на полуслове, с удивлением и неудовольствием увидав, что человек, которого он выслал в обход по дозорам, пробивается к нему сквозь толпу.

— Я же приказал тебе обойти посты! — зарычал вождь.— Ты не мог этого сделать так быстро!

Воин не отвечал, он стоял неподвижно, невидящими глазами глядя на вождя и протягивая ему руку с зажатым в ней черным шаром. Конан, взглянув через плечо Яр Афзала, шепнул что-то и хотел схватить вождя за руку, но прежде, чем он успел это сделать, вазул в порыве гнева ударил воина кулаком, свалив его на землю, как осла. Черный шар выпал из руки воина и покатился под ноги Яр Афзалу, который только теперь заметил этот предмет. Он наклонился и поднял его с земли. Остальные воины, с удивлением поглядывая на товарища, увидели, как их вождь наклоняется, но не заметили, что он поднял.

Яр Афзал выпрямился, взглянул на шар и хотел запихнуть его за пояс.

— Отнесите этого дурака в дом,— приказал он.— Он похож на человека, наевшегося лотоса. Глядел на меня таким пустым взглядом. Я... А-а-у-у!

В правой ладони вождь вдруг почувствовал какое-то странное трепетание. Что-то там менялось, двигалось, жило. Его пальцы больше не сжимали гладкий, блестящий шар. Он боялся взглянуть туда, язык его присох к гортани, и ладонь не хотела раскрываться. Изумленные воины вдруг увидели, что глаза Яр Афзала ужасно расширились и кровь отхлынула с его лица. Вдруг с его губ, спрятавшихся в густой рыжей бороде, сорвался ужасный крик боли, вождь зашатался и рухнул как громом пораженный, вытягивая перед собой правую руку. Он упал лицом к земле, а между его разжатых пальцев выползал паук — ужасное черное существо с волосатыми конечностями и туловищем, блестя-

щим, как шлифованный уголь. Мужчины заревели и отшатнулись от него. Пользуясь моментом, паук дополз до трещины в скале и исчез.

Воины в недоумении переглянулись. Вдруг среди шума послышался громкий, непонятно откуда звучащий, повелительный голос. Позже каждый из мужчин, присутствовавших там и оставшихся в живых, утверждал, что это кричал не он, но только слова эти слышали все:

— Яр Афзал мертв! Смерть чужаку!

Этот призыв сплотил горцев. Сомнения, недоверие и страх растворились в приливе неутолимой жажды крови. Под небеса взлетел разъяренный крик, когда все вазулы поддержали этот призыв. С горящими от ненависти глазами они бросились вперед, хлопая полами плащей и поднимая ножи для удара.

Конан столь же быстро отреагировал. В мгновение ока он очутился у дверей дома. Но горцы были слишком близко, и, оказавшись уже на пороге, он вынужден был повернуться и отбить удар полуметрового ножа. Проломив нападавшему голову, уклонился от удара другого ножа, распоров брюхо его обладателю, левой рукой свалил на землю очередного противника, а острием кинжала, который держал в правой руке, пронзил еще одного и изо всех сил ударил спиной в закрытую дверь. Летящий нож отколол щепку от дверного косяка прямо над его ухом, но дверь под нажимом его могучей спины уступила, и киммериец задом влетел в дом. В то же мгновение бородатый горец, нанося свой удар, потерял равновесие и растянулся во весь рост на пороге. Конан наклонился, схватил его за одежду и, отбросив его в глубь комнаты, толкнул дверь в лицо наступавшим. Раздался хруст ломающихся костей, в следующий момент Конан задвинул засовы и поспешно обернулся, чтобы отразить нападение мужчины, который уже вскочил с пола и как бешеный бросился на него.

Жазмина забилась в угол, с ужасом глядя на дерущихся, которые то влетали в комнату, то выкатывались оттуда, порой почти падая на нее. Комнату наполнил скрежет и блеск стали, а снаружи толпа нападавших выла, как стая волков, ударяя кинжалами по медной двери, бросая в нее камни. Кто-то притащил пень, и дверь задрожала под тяжелыми ударами.

Девушка закрыла уши руками, глядя на все безумными глазами. Борьба не на жизнь, а на смерть, происходившая

в доме, одержимый вой снаружи приводили ее в состояние полупомешательства. Жеребец ржал и бил подковами о стены своей загородки. Он повернулся и ударил копытами между прутьев как раз в тот момент, когда горец, отскочив назад во время убийственной атаки киммерийца, прикоснулся спиной к перегородке. Позвоночник вазула треснул в трех местах, как высохшая ветка, и воин упал на Конана, сбив его, так что оба они рухнули на пол из утоптанной глины.

Жазмина вскрикнула и прыгнула вперед. События развивались столь стремительно, что ей показалось, что оба они уже мертвы. Она была рядом с воинами как раз тогда, когда Конан оттолкнул труп и начал вставать. Схватила его за плечо, дрожа как в лихорадке:

— Ох, ты жив! Я думала... думала, что он тебя убил!

Конан посмотрел на нее — на побледневшее, обращенное к нему лицо и широко раскрытые черные глаза.

— Почему ты дрожишь? — спросил он.— С чего бы это тебе переживать, жив я или нет?

На лице Жазмины сразу же появилась тень надменности, она отодвинулась, делая жалкую попытку казаться прежней Деви.

— Предпочитаю уж лучше тебя, чем это стадо волков, воющих снаружи,— ответила она, показывая на дверь, вокруг которой уже начали крошиться камни.

— Долго не выдержит,— заметил Конан, потом быстро обернулся и подошел к перегородке, за которой находился жеребец.

Жасмина сжала кулаки и затаила дыхание, глядя, как он отодвигает в сторону сломанные прутья и входит к буйствующему животному. Жеребец встал на дыбы, ощерив зубы, забил копытами и пронзительно заржал, раздувая ноздри, но Конан подпрыгнул и, с нечеловеческой силой схватив его за гриву, заставил стоять спокойно. Конь фыркал, его била нервная дрожь, но он дал возможность надеть на себя упряжь и украшенное золотом седло с широкими серебряными стременами.

Киммериец повернул коня и позвал Жазмину. Она осторожно приблизилась, держась подальше от копыт жеребца. Конан орудовал у каменной стены загородки, тихо говоря девушке:

— Здесь есть тайная дверь, о которой даже вазулы ничего не знают. Яр Афзал однажды показал мне ее, когда напился. Она выходит прямо в ущелье за домом. Ха!

Он потянул за невзрачного вида выступ скалы, и вся часть ее отодвинулась внутрь на смазанных маслом железных рельсах. Выглянув в проем, Жазмина увидела узкую расщелину в скальной круче, вертикально вздымающуюся на несколько футов за задней стеной дома. Конан вскочил на коня, поднял девушку, посадил перед собой в седло. За их спиной толстая дверь, охнув, как живое существо, с шумом упала, через проем ввалилась толпа заросших, воющих во весь голос воинов с кинжалами в руках. Огромный жеребец вылетел из дома, словно его выстрелили из катапульты, и погнал ущельем, вытянувшись на бегу, как струна, с хлопьями пены на морде.

Этот маневр застал вазулов врасплох точно так же, как и тех, кто крался ущельем. Все произошло так быстро, что человек в зеленом тюрбане не успел уступить дорогу. Упал, сбитый мчащимся конем, а его спутница пронзительно вскрикнула. Конан видел ее всего лишь мгновение: стройная, темноволосая красавица в шелковых шароварах и нагруднике, шитом драгоценностями, прижавшаяся к стене расщелины. Черный конь мчал, как лист, несомый вихрем, унося киммерийца и его пленницу, а кровожадный вой горцев сменился криками изумления и отчаяния, когда они выбежали следом через потайную дверь в ущелье.

6

ГОРА ЧЕРНЫХ КОЛДУНОВ

— Куда мы теперь? — Жазмина, прижатая к похитителю, попробовала сесть прямо в качающемся седле. С легким стыдом она призналась себе, что прикосновения его мускулистого тела ей не так уж неприятны.

— В Афгулистан,— ответил он.— Это далекая дорога, но конь доставит нас туда без труда, если мы не наткнемся на твоих друзей или врагов моего племени. Сейчас, когда Яр Афзала нет в живых, эти проклятые вазулы будут нас преследовать по пятам. Я удивлен, что погони за нами еще не видно.

— Кто тот человек, которого ты сбил? — спросила она.

— Не знаю. Никогда раньше его не видел. Он наверняка не гулистанец. Не имею понятия, что он там, демон его побери, делал. Там еще была девушка.

— Да,— Жазмина свела брови.— Не пойму. Это была моя придворная по имени Гитара. Думаешь, она хотела мне помочь? И этот человек — ее друг? Если да, то вазулы схватят их обоих.

— Что ж,— проговорил Конан,— мы ничего не можем поделать. Если мы вернемся, то вазулы снимут с нас шкуру. Не пойму, как девушка могла забраться так далеко в сопровождении всего лишь одного мужчины, да и то, судя по одеянию, ученого. Что-то здесь не так. Тот человек, которого Яр Афзал избил, а потом послал в обход постов, двигался, как лунатик. Я видел в Заморе жрецов, совершавших свои ужасные обряды в тайных святынях Езуда,— у их жертв был такой же взгляд. Жрец посмотрит кому-либо в глаза, пробормочет несколько заклятий, и человек начинает вести себя, как живой труп, таращится стеклянными глазами, делает, что ему скажут.

Кроме того, я видел, что было в руках у этого человека, то, что поднял Яр Афзал. Это было похоже на большую черную жемчужину, такую, как носят девушки из Храма Езуда, танцующие перед черным каменным пауком, которому поклоняются. Яр Афзал держал в ладони именно это. А когда упал замертво, из его пальцев выскользнул паук, похожий на божество Езуда, только меньших размеров. Потом, когда вазулы стояли, не зная, что делать, какой-то голос крикнул, чтоб меня убили. Я знаю, что этот голос не принадлежал никому из воинов или женщин, толпившихся у хижин. Похоже было, что звучал он сверху.

Жазмина ничего не ответила. Посмотрела на суровые очертания высящихся хребтов и задрожала. Этот печальный пейзаж наполнил ее душу отчаяньем. В этом мрачном, пустом краю могло произойти все что угодно. Людям, рожденным на горячих равнинах богатого Юга, многовековые традиции внушали веру в то, что эту землю окутывает туман тайны и опасности.

Солнце было уже высоко в небе, донимая отчаянной жарой, и все же веющий внезапными порывами ветер, казалось, сорвался с ледяных круч. В какое-то мгновение Жазмина услышала вверху свист, который не был похож на свист ветра, и, посмотрев на Конана, внимательно вглядывающегося в небо, она поняла, что и он увидел в этом что-то необычное. Девушке показалось, что по голубому небу промчалась какая-то неясная полоса, словно что-то быстро пролетело у них над головами, но она не была увере-

на, что это ей не почудилось. Они не стали это обсуждать, но Конан незаметно проверил, хорошо ли вынимается кинжал из ножен.

Они поехали по едва приметной тропе, опускающейся в такое глубокое ущелье, что солнце никогда не достигало его дна; порой тропа взбиралась так высоко на крутые склоны, что, казалось, они вот-вот осыплются под ногами, или вела по острым, как нож, граням, со склонами по обе стороны тропы, ведущими в бездонные, завешенные голубоватой мглой пропасти.

Солнце уже клонилось к закату, когда они достигли узкого тракта, вьющегося между склонами. Конан натянул поводья и направил коня на юг, почти перпендикулярно прежнему направлению их пути.

— Эта дорога ведет в деревню галзаев,— объяснил он.— Их женщины ходят здесь по воду. Тебе нужна новая одежда.

Поглядев на свою легкую одежду, Жазмина решила, что он прав. Ее туфельки из парчи были изорваны так же, как платье и шелковое белье, которые теперь мало что прикрывали. Одеяние, подходящее для улиц Пешкаури, не очень-то годилось для каменистой Химелии.

Доехав до поворота, Конан слез и помог Жазмине сойти с коня. Они ждали довольно долго. Наконец Конан, довольный, кивнул головой, хотя девушка ничего такого не заметила.

— Идет женщина,— сказал он.

Жазмина во внезапном порыве испуга схватила его за руку.

— Ты... ты не убьешь ее?

— Как правило, я женщин не убиваю,— ответил Конан,— хотя некоторые из этих горянок — сущие волчицы. Нет,— улыбнулся он, словно услышав хорошую шутку,— я ее не убью. Во имя Крома, даже заплачу ей за вещи! Как тебе это нравится?

Он достал горсть золотых монет и спрятал их обратно, оставив самую большую монету. Деви с облегчением кивнула головой. Ей казалось обычным явлением то, что мужчины убивают и гибнут, но при мысли о том, что она могла бы быть свидетельницей убийства женщины, дрожь пробежала по ее телу.

Наконец из-за поворота вышла долгожданная женщина, высокая худая галзайка, несущая огромный пустой бурдюк. Завидев их, она остановилась как вкопанная, бурдюк

выпал у нее из рук. Она сделала движение, словно собиралась обратиться в бегство, но сейчас же сообразила, что Конан слишком близко от нее, чтобы ей удалось улизнуть, и стояла спокойно, глядя на них со страхом и любопытством.

Конан показал ей золотую монету.

— Если отдашь этой женщине свою одежду,— сказал он,— отдам тебе эту деньгу.

Горянка отреагировала сразу же. Широко улыбнувшись от удивления и удовлетворения, она с типично горским презрением к условностям охотно сбросила с себя вышитую безрукавку, сняла пышную юбку, брюки и рубашку с широкими рукавами, а также кожаные сандалии. Свернув все в узел, отдала сверток Конану, который передал его удивленной Жазмине.

— Иди за скалу и переоденься там,— приказал он, еще раз доказывая этим, что он не химелийский горец.— Сверни свое платье в узел и принеси мне, когда переоденешься.

— Деньги! — визгливо потребовала гальзайка, с жадностью протягивая руку.— Золото, которое ты обещал.

Киммериец бросил ей монету, она поймала ее в воздухе, куснула для пробы, потом спрятала ее в волосы, наклонилась, подняла бурдюк и пошла дальше по дороге, лишенная стыда, равно как и одежды.

Конан ждал с некоторым нетерпением, пока Деви впервые в жизни оденется сама. Когда она вышла из-за скалы, он помянул Крома от изумления, и Жазмина ощутила прилив странного волнения при виде нескрываемого восхищения, написанного у него на лице. Она ощутила стыд, замешательство и укол тщеславия, которого до этого не ощущала, а от его горящего взора ее бросило в дрожь. Конан положил тяжелую ладонь на ее плечо и, повернув Деви, оглядел ее со всех сторон.

— О Кром! — сказал он.— В тех ниспадающих, неземных одеяниях ты казалась холодной, равнодушной и далекой, как звезды! Сейчас ты — женщина из плоти и крови! Ты ушла за скалу как Деви Вендии, а вышла как горская девушка — но в тысячу раз более прекрасная, чем все девки Забара! Была богиней, теперь — женщина!

Он с силой хлопнул ее по заду, и Жазмина, поняв это лишь как знак своеобразного уважения, не оскорбилась. Вместе с одеждой она словно сама изменилась. Ею овладели до сих пор сдерживаемые чувства и желания, словно бы,

сбрасывая королевские одежды, она избавилась от уз предубеждений и условностей.

Но Конан не забывал о грозящей им опасности. Чем больше удалялись от Забара, тем менее правдоподобной была встреча с кшатрийскими отрядами, но он все равно постоянно прислушивался к отголоскам, свидетельствовавшим о том, что мстительные вазулы из Курума идут по их следам.

Устроив Деви в седле, Конан сам вскочил на коня и снова направил его на запад. Сверток с одеяниями, который девушка дала ему, он зашвырнул в тысячефутовую пропасть.

— Зачем ты сделал это? — спросила она.— Почему не отдал одежду девушке?

— Всадники из Пешкаури прочесывают горы,— сказал он.— Горцы будут в ответ нападать на них, а те — уничтожать деревни, которые им покорятся. Они могут направиться и на запад. Если бы они нашли девушку, которая носит твою одежду, то пытками заставили бы ее говорить, и она могла бы их навести на наш след.

— А что она сейчас будет делать? — спросила Жазмина.

— Вернется в деревню и скажет, что на нее напали. Скорее всего, за нами вышлют погоню. Но вначале она должна пойти набрать воды: если она осмелится вернуться без нее, будет избита. Это дает нам запас времени. Нас никогда не поймают. Еще до захода солнца мы пересечем границу Афгулистана.

— Здесь совсем не видно следов людских селений,— заметила Жазмина.— Даже для Химелии этот район слишком безлюден. Мы не встречали ни одной проложенной людьми дороги с тех пор, как покинули тракт, на котором встретили газайку.

В ответ он показал рукой на северо-запад, где она увидела вершину, окруженную остроконечными скалами.

— Это Имш,— сказал Конан.— Горские племена строят свои деревни как можно дальше от этой горы.

Жазмина окаменела.

— Имш,— шепнула она.— Гора Черных Колдунов!

— Так говорят,— ответил он.— Я еще никогда так близко не приближался к ней. Мы отклонились на север, чтоб не столкнуться с кшатрийскими воинами, которые могли бы углубиться аж до этих мест. Нахоженный путь из Курума в Афгулистан лежит на юге. Этот путь — старый, его редко кто использует.

Жазмина пристально вглядывалась в далекую вершину. Сжала руки так, что ногти впились в ладонь.

— Сколько нужно времени, чтобы доехать отсюда до Имша?

— Остаток дня и целую ночь,— ответил он с улыбкой.— Хочешь туда поехать? Во имя Крома, там не место для простого смертного, судя по тому, что рассказывают горцы.

— Почему они не соберутся и не убьют демонов, которые там поселились? — спросила она.

— С мечами против колдовства? Кроме всего, колдуны не вмешиваются в людские дела, разве что кто-то им вставляет палки в колеса. Я никогда не видел ни одного из них, хотя разговаривал с людьми, которые клялись, что их встречали. Говорили, что на восходе или закате солнца видели среди скал жителей Имша — высоких молчаливых мужчин в черных тогах.

— А ты? Побоялся бы на них напасть?

— Я? — Мысль об этом показалась ему неожиданной.— Ну, если б они мне перешли дорогу, то вышло бы: либо я, либо они. Хотя у меня с ними пока нет повода ссориться. Я прибыл в горы, чтобы собрать людей, а не для того, чтоб воевать с колдунами.

Жазмина ничего не ответила. Смотрела на гору как на живого противника, чувствуя, как гнев и ненависть вновь проникают в ее грудь. В ее голове начала прорастать новая мысль. Она старалась придумать, как бы настроить против хозяев Имша человека, во власти которого она сейчас находилась. Может, есть какой-то способ, чтоб достичь этой цели? Она не могла ошибиться относительно выражения, появившегося в его диких голубых глазах, когда он смотрел на нее. Не одно царство пало, когда маленькие белые женские ручки потянули за нити судьбы...

Вдруг она вздрогнула и показала пальцем:

— Смотри!

Над далекой вершиной поднялось еле заметное облачко необычной формы. Матово-алое, с искрящимися золотыми прядями, оно было в постоянном движении, вращалось, вибрировало и внезапно сжималось. Через минуту оно превратилось во вращающийся конус, сверкающий в солнечных лучах. Вдруг он оторвался от снежной вершины горы, как разноцветное перышко, проплыл по небу и исчез в его голубом бездонье.

— Что бы это могло быть? — неуверенно спросила девушка, когда своей выпуклостью оно заслонило вершину. Вид этот, хотя и был красив, но пробуждал тревогу.

— Здешние называют это Ковер Имша, но я не знаю, что это означает,— сказал Конан.— Когда-то я видел, как сотен пять местных жителей удирали, словно сам демон преследовал их по пятам, прятались в скалах и пещерах, потому что увидели, как эта ярко-красная туча отрывается от вершины. Что это...

Они только что проехали мимо узкой трещины, словно кто-то ножом вертикально рассек скалу, и оказались на широком выступе, по одну сторону которого был потрескавшийся скат, по другую — огромная круча. По этому уступу проходила заброшенная дорога, постепенно спускавшаяся вниз, скрывающаяся за скальными хребтами и вновь появляющаяся через равные промежутки пути. Выехав из расселины, которая вела на этот уступ, черный жеребец захрапел и стал как вкопанный. Конан пришпорил его, но конь только фыркнул и закивал головой, дрожа и напрягая мускулы, словно наткнулся на какую-то невидимую преграду.

Киммериец выругался и спрыгнул на землю, держа Жазмину на руках. Двинулся вперед, выставив перед собой руку, словно ожидая наткнуться на какой-то невидимый барьер. Но ничто не преграждало им путь, хотя, когда он попробовал потянуть за собой коня, тот пронзительно заржал и рванулся назад. Вдруг Жазмина вскрикнула, и Конан повернулся на каблуках, схватившись за рукоятку кинжала.

Он не приметил, чтобы кто-то приближался, и все же перед ним стоял мужчина, одетый в тогу из верблюжьей шерсти и зеленый тюрбан. Конан хмыкнул от удивления, узнав в незнакомце, стоявшем перед ним со сложенными на груди руками, человека, которого он сбил в ущелье у вазульской деревни.

— Кто ты, демон тебя возьми? — спросил Конан.

Он заметил, что зрачки незнакомца непривычно расширены, неподвижны, блестящи и с магнетической силой притягивают внимание.

Колдовство Хемсы основывалось на гипнозе, как и большая часть восточной магии. Бесчисленные поколения, живущие и умирающие с неколебимой верой в возможности и силу гипноза, создали благодаря всеобщей вере и практике такую гнетущую атмосферу страха, что человек, воспитанный в традициях этих земель, столкнувшись с гипнозом, был беспомощен.

Но Конан не был сыном Востока. Восточные традиции для него ничего не значили, он являлся продуктом совсем

иной цивилизации. В Киммерии гипноз не был даже мифом. Наследие, которое подготавливало жителя Востока к подчинению гипнозу, было Конану чуждо.

Он понимал, что именно пробует сделать Хемса, но удар его необыкновенной силы ощущал только как слабый импульс, как невидимые узы, настолько тонкие, что мог их разорвать так же легко, как и паутину.

Поняв враждебные намерения колдуна, он вырвал из-за пояса кинжал и, как буря, бросился на него.

Но гипноз был не единственным оружием Хемсы. Глядя со стороны, Жазмина не заметила какой-либо хитрой увертки или колдовства, благодаря которому человек в зеленом тюрбане уклонился от страшного удара, нацеленного ему в живот. Узкое острие прошло у него под мышкой, и Жазмине показалось, что Хемса только прикоснулся открытой ладонью к крепкой шее Конана — и киммериец с грохотом рухнул на землю.

Но удар не убил его. Падая, он смягчил удар от падения, подставив левую руку и одновременно стараясь сделать Хемсе подножку. Тот уклонился от нее, совсем не по-колдовски отскочив назад. Вдруг Жазмина громко крикнула, видя, как из-за скалы выходит и встает рядом с человеком в зеленом тюрбане женщина, в которой она узнала Гитару. Крик радости замер на губах у Деви, когда она увидела злобу, отразившуюся на красивом лице девушки.

Конан медленно поднялся, потрясенный и ошеломленный ужасным ударом, который был нанесен по всем правилам искусства, забытого задолго до погружения Атлантиды в пучину океана,— он, как сухую ветку, сломал бы шею каждого обыкновенного человека. Хемса внимательно, слегка потеряв уверенность, посмотрел на Конана. Маг уверился в своей силе, когда оказывал сопротивление орде разъяренных вазулов в расщелине у деревни Курум, но стойкость киммерийца, пожалуй, слегка поколебала его новоприобретенную веру в себя. Магия все же основывается на победах, а не на поражениях.

Хемса двинулся вперед, подняв руку... и вдруг замер, глядя вверх широко открытыми глазами. Конан и две женщины — сжавшаяся возле дрожащего коня Жазмина и девушка Хемсы — тоже невольно посмотрели в том направлении.

По горным склонам скатывалась алая конусовидная туча, как кружащееся облако из блестящей пыли, несомое вет-

ром. Лицо Хемсы стало пепельным, рука его задрожала и безвольно упала. Стоящая рядом девушка, чувствуя, что с ним что-то происходит, испытующе посмотрела на Хемсу.

Алое облако сползло по склону горы и, описав большой полукруг, приземлилось на уступе скалы между Конаном и Хемсой, который отпрыгнул со сдавленным криком. Отшатнулся назад, увлекая за собой девушку, судорожно вцепившись в ее плечо.

Алая тучка какое-то время висела на месте, вращаясь с ошеломляющей скоростью, словно овод, висящий в воздухе. Потом, без предупреждения, неожиданно исчезла, словно лопнувший мыльный пузырь. На скале стояло четверо мужчин. Это было невероятно, невозможно, но все же это были не духи, не привидения, а четверо высоких мужчин с выбритыми головами, в черных тогах, скрывавших их руки и ноги. Они молча стояли, согласно кивая головами, похожими на птичьи. Смотрели на Хемсу, но стоящий за их спинами Конан почувствовал, как в его жилах стынет кровь. Он встал и начал медленно пятиться, пока не уперся спиной в дрожащего жеребца, а рукой мог обнять испуганную Дели. Не было сказано ни единого слова. Вокруг, как тяжелый покров, лежала тишина.

Все четверо в черных тогах смотрели на Хемсу. На их лицах с птичьими чертами не было никакого выражения, а взгляды были неподвижно-сосредоточенны. Хемса трясся как в лихорадке, ноги его крепко упирались в скалу, а мускулы лодыжек напряжены в огромном усилии. Пот струями стекал по его смуглому лицу. Правой рукой он изо всех сил сжимал что-то спрятанное под коричневой тогой, так что с посиневшей его руки отхлынула кровь. Левую руку он положил на плечо Гитары и судорожно сжал его отчаянным движением тонущего человека. Девушка не дрогнула, не издала ни звука, хотя пальцы Хемсы впились в ее тело, как когти.

Прожив неспокойную жизнь, Конан был свидетелем сотен битв, но никогда не видел такой, как эта, в которой силы четырех демонов, объединившись, сражались с одной, тоже демонской силой. Но киммериец едва ощущал природу этой кошмарной битвы. Прижатый к стене, окруженный своими бывшими господами, Хемса сражался за свою жизнь, употребляя самые головокружительные способы и все свои ужасные знания, приобретенные в течение долгих, мрачных лет послушничества.

Он был сильнее, чем сам ожидал, а необходимость употребить эту силу в свою защиту высвободила в нем неожиданные запасы энергии. Страх и отчаяние увеличили эту силу. Он шатался под безжалостным напором четырех пар глаз, но не уступал им поля битвы. Его лицо исказила звериная гримаса боли, а тело изгибалось, словно его колесовали. Это была битва душ, извращенных разумом, которые проникли в пучину мрака и узнали там черные звезды, рождающие кошмары.

Жазмина понимала это лучше, чем Конан, и догадывалась, почему Хемса мог выдержать направленный удар четырех умов, воля которых могла бы расщепить на мельчайшие кусочки скалу, на которой он стоял. Причиной этому была девушка, которую он прижимал к себе со всей силой отчаяния. Она была якорем спасения его измученной души, сокрушаемой волнами эмоций. Силой Хемсы была его слабость. Любовь к девушке, пусть внезапная и осуждаемая, все же была нитью, связующей его с остатками человеческого, служа опорой рычагу его воли, создавая цепь, которую не могли разорвать враги, по крайней мере, не могли разорвать этого звена, которым был Хемса.

Они поняли это раньше, чем он. Один из колдунов перевел свой взор на Гитару. Сопротивления он не встретил. Девушка сжалась и поникла, как засохший лист. Ведомая повелительным наказом, она вырвалась из объятий любовника прежде, чем он понял, что происходит. Тогда началось самое ужасное. Девушка стала отступать к краю обрыва, обращенная лицом к своим преследователям, глядя на них черными расширившимися глазами, пустыми, как окна дома, в котором погас свет. Хемса застонал и потянулся к ней, попав в расставленную ему ловушку. Он не мог собраться с мыслями, чтобы отбить атаку противников. И в тот же миг превратился в побежденного, был уже только игрушкой в их руках. Девушка продолжала отступать, идя неуверенно, как во сне, а Хемса, спотыкаясь, шел за ней, напрасно пробуя ее поймать, охая и всхлипывая от отчаяния. Он двигался, как живой труп.

Девушка замерла на самом краю пропасти, стоя неподвижно, с пятками над провалом, а Хемса, упав на колени и причитая, полз к ней, протягивая вперед руки, чтоб удержать ее от падения. Уже почти прикоснулся к ней одеревеневшими пальцами, но один из чернокнижников рассмеялся громким, как бронзовый звон колокола ада, сме-

хом. Девушка зашаталась, и — о вершина жестокости! — чувства и сознание на мгновение вернулись к ней, и в ее глазах появился смертельный ужас. Она вскрикнула, попробовала было ухватиться за протянутую к ней руку любовника и не смогла этого сделать — с глухим криком упала в пропасть.

Хемса добрался до края пропасти и безумным взглядом посмотрел вниз, беззвучно шевеля губами, что-то шепча про себя. Обернулся и долго смотрел на своих мучителей широко раскрытыми глазами, в которых не было ни искры человеческого. Потом с криком, от которого стали трескаться скалы, бросился на четырех чернокнижников, держа нож в поднятой руке.

Один из колдунов шагнул вперед и топнул ногой, раздался глухой треск, перешедший затем в оглушительный рев. В том месте, где он ударил ногой, раскрылась и стала мгновенно увеличиваться трещина. С оглушительным звуком весь этот кусок выступа скалы рухнул вниз. Среди падающих камней мелькнула и фигура Хемсы, отчаянно взмахивающая руками, потом все исчезло под лавиной, с грохотом сползающей в бездонную пропасть.

Четыре мага сосредоточенно смотрели на потрескавшийся край пропасти, потом вдруг обернулись. В это время Конан, сбитый с ног внезапным сотрясением земли, вставал и помогал подняться Жазмине. Ему казалось, он двигается очень медленно и так же медленно соображает. Он был ошеломлен. Знал, что должен немедленно посадить Деви на черного жеребца и помчать, как вихрь, но его телом и мыслями овладела непонятная тяжесть.

Потом чернокнижники повернулись и посмотрели на него, подняв руки, и Конан с ужасом увидел, что их фигуры как бы расплываются, становятся туманными и невыразительными, потом исчезают в пурпурном дыму, который вдруг стал клубиться вокруг них, скрывая их от взоров Конана. Пурпурное, клубящееся облако скрыло магов... И вдруг Конан сообразил, что этот алый туман окружает и его. Услышал крик Жазмины и пронзительное ржание жеребца. Страшная сила вырвала Деви из его объятий и швырнула его о камни, как перышко, когда он наугад стал разить кинжалом. Наполовину оглушенный, он увидел, как конусообразное облако возносится над вершинами, быстро удаляясь. Жазмина исчезла вместе с четырьмя колдунами в черных одеяниях. На выступе скалы остались только Конан и испуганный конь.

7

ПО ДОРОГЕ НА ИМШ

Мгла в мозгу Конана рассеялась под порывом вихря. С ужасным проклятием вскочил он на спину ржущего и брыкающегося жеребца. Посмотрел на склон, поколебался и двинулся в том же направлении, в котором намеревался ехать до того, как его задержали здесь штучки Хемсы. Но теперь он уже ехал не шагом, а пришпорил жеребца. Конь помчал, как молния, словно этим внезапным движением мог избавиться от страха. Они неслись сломя голову по выступу, по которому вилась вдоль скалы узкая дорога над пропастью. Дорога эта бежала зигзагом, лепилась к неровной скале, и в какое-то мгновение далеко внизу Конан увидел то место, куда упала лавина: огромная груда разбитых камней и валунов у края гигантского обрыва.

До дна долины было все еще далеко, когда он домчался до длинного и широкого ребра, ведущего на другой склон как естественный мостик. Он поехал по нему. По обе стороны лежали почти вертикальные склоны. Он видел перед собой тропку, по которой ехал, а где-то внизу тропа спускалась со склона на дно долины и, сделав огромный крюк вдоль русла высохшей реки, возвращалась под скалу, на вершине которой сейчас находился Конан. Киммериец проклял необходимость делать крюк, но другого выхода не было. Спускаться вниз напрямик было бы самоубийством. Только птица смогла бы сделать это, не сломав себе шею.

Киммериец пришпорил измученного коня и вдруг услышал где-то внизу стук подков. Придержав коня, осторожно подъехал к краю пропасти и заглянул в ущелье, образовавшееся, когда здесь протекала река. По сухому руслу ехала прямоугольником толпа — пятьсот крепких, вооруженных до зубов бородатых мужчин на полудиких конях. Наклонившись над краем тридцатифутовой пропасти, Конан окликнул их.

На его окрик они приостановились, пятьсот бородатых лиц поднялись вверх, и по каньону пронеслось глухое ворчание. Конан не терял времени:

— Я сду в Гхор! — крикнул он.— Не рассчитывал встретить вас, псов, на этой дороге. Быстро поезжайте за мной, насколько это могут ваши клячи! Поедем на Имш и...

— Предатель! — Этот дружный крик был для Конана как ушат холодной воды на голову.

— Что такое? — выдавил он из себя, вытаращив глаза.

Увидел искаженные ненавистью лица и руки товарищей, взмахивающие саблями.

— Предатель! — дружно отозвались они.— Где семеро наших вождей, схваченных в Пешкаури?

— В губернаторской тюрьме,— ответил Конан.

В ответ услышал вой сотен глоток, звон оружия и крики, из которых никак не мог понять, что от него хотят. Рыча, как буйвол, перекрыв этот шум, он крикнул:

— Тысяча демонов! Пусть кто-то один скажет, чтоб я мог понять, в чем дело!

Худой, старый вождь взял на себя эту задачу: сначала погрозил Конану саблей, потом бросил ему обвинение:

— Ты не позволил нам напасть на Пешкаури и отбить наших братьев!

— Вы глупцы! — рявкнул разъяренный киммериец.— Даже если б вам удалось взобраться на стены, в чем я сильно сомневаюсь, то пленников повесили бы раньше, чем удалось бы их освободить!

— И ты сам поехал торговаться с губернатором! — завыл афгул, кипя злобой.

— И что с того?

— Где наши вожди? — кричал старый вождь, махая саблей.— Где они? Их нет в живых!

— Что? — Конан чуть не упал с коня от изумления.

— Их нет в живых! — подтвердило пятьсот жаждущих крови глоток.

Старик завертел саблей над головой и снова взял слово.

— Их не повесили! — кричал он.— Вазул в соседней клетке видел, как они погибли! Губернатор прислал чернокнижника, который убил их своим колдовством!

— Это ложь! — ответил Конан.— Губернатор не осмелился бы на это. Когда я разговаривал с ним прошлой ночью...

Эти слова были очень некстати. Остервенелое вытье и проклятья взвились под небеса.

— Да! Ты поехал к нему один! Чтоб предать нас! Это правда! Вазул удрал через дверь, которую сломал чернокнижник, и все рассказал нашим разведчикам, которых встретил в Забаре. Мы их послали искать тебя, когда ты вовремя не вернулся назад. Когда они услышали рассказ вазула, то вернулись на Гхор, а мы оседлали коней и пристегнули мечи.

— И что вы хотите делать, глупцы? — спросил Конан.

— Отомстить за наших братьев! — завыли они.— Смерть кшатриям! Убить его — это предатель!

Рядом с Конаном посыпались стрелы. Он поднялся на стременах, снова пробуя перекричать шум, после чего с возгласом злости, протеста и разочарования повернул коня и поскакал назад. Бросившиеся за ним вазулы, изрыгающие проклятья и угрозы, были слишком разъярены, чтобы сообразить, что они могут попасть на то ребро, по которому ехал Конан, только направляясь в противоположную сторону, обогнув поворот и кропотливо взбираясь крутой дорогой наверх. Когда они наконец сообразили это и повернули назад, их бывший вождь уже почти достиг того места, где ребро переходило в горный уступ.

Оказавшись над обрывом, Конан не поехал дорогой, которой сюда добирался, а направился по еле заметной тропке, покрытой валунами, о которые спотыкался жеребец. Они не проехали по ней далеко, когда конь фыркнул и бросился в сторону, видя что-то лежащее на дороге. Конан взглянул с его спины на страшно разбитое, кровавое подобие человека, пытающееся что-то выговорить сквозь сломанные зубы.

Одни боги тьмы, управляющие судьбами чернокнижников, знали, каким образом Хемса смог выбраться из-под огромной кучи камней и взобраться по крутому склону на дорогу.

Ведомый каким-то странным побуждением, киммериец слез с коня и остановился над искалеченным человеком. Он знал, что является сейчас свидетелем необычного, противоестественного явления. Хемса поднял окровавленную голову, а в его странных глазах, подернутых мукой и мраком приближающейся смерти, появились проблески сознания.

— Где они? — проскрипел он голосом, в котором не было ничего человеческого.

— Вернулись в свой проклятый замок, на Имш,— буркнул Конан.— Забрали с собой Деви.

— Пойду! — бормотал несчастный.— Пойду туда. Они убили Гитару, а я убью их... аколитов. Четверых из Черного Круга... и самого властелина! Убью... всех убью!

Он попробовал протащить дальше свое искалеченное тело, но даже его непобедимая сила воли была уже не в силах оживить эти кровавые лоскуты, потрескавшиеся кости, держащиеся только на порванных сухожилиях и изодранных мускулах.

— Иди за ними! — бормотал Хемса, изо рта которого струилась кровавая пена.— Иди!

— Я и намерен это сделать,— сказал Конан.— Хотел созвать моих афгулов, но они обратились против меня. Иду на Имш один. Отниму у них Деви, даже если бы мне собственными руками пришлось разнести на кусочки эту проклятую гору. Я не думал, что губернатор осмелится убить моих вождей, когда я захватил Деви, но похоже, что я ошибался. Он заплатит мне за это головой. Сейчас она мне уже не нужна как заложница, но...

— Пусть падет на них проклятье Изиля! — выдохнул Хемса.— Иди! Я — Хемса... умираю. Подожди, возьми мой пояс.

Искалеченной рукой он начал копаться в своих лохмотьях, и Конан, поняв его намерения, наклонился и помог снять с окровавленного тела пояс странного вида.

— В пропасти держись золотой жилы,— бормотал Хемса.— Носи мой пояс. Мне его дал стигийский жрец. Он поможет тебе, хотя меня подвел. Разбей хрустальный шар с четырьмя плодами граната. Берегись превращений владыки... Иду к Гитаре... она ждет меня в аду...

С этими словами он умер.

Конан посмотрел на пояс, сплетенный из волос, не похожих на конские. Скорее всего, пояс был сделан из черных женских волос. В плотных сплетениях блестели маленькие драгоценные камешки, таких он еще никогда не видел. Пряжка была странной: в форме плоской клиновидной головы змеи, покрытой мелкими золотыми чешуйками.

Когда Конан взглянул на этот пояс, холодная дрожь пробежала у него по телу. Он замахнулся, чтоб выбросить пояс в пропасть, но, подумав, застегнул его на бедрах, пряча под своим широким бакарийским поясом, который носил всегда. Потом сел на коня и двинулся дальше.

Солнце спряталось за вершину. Конан взбирался в горы по длинным теням, словно широким плащом покрывающим долины и уступы скал внизу. Он уже приближался к вершине, когда впереди услышал стук подкованных копыт. Он ни минуты не колебался. На самом деле тропа была так узка, что огромный жеребец не смог бы повернуть назад. Киммериец обогнул выступ скалы и оказался на более широком отрезке тропы. Раздался целый хор предостерегающих криков, но жеребец Конана уже прижал испуганного коня к скале. А Конан железной хваткой сдавил руку ездока, замахнувшегося на него ножом.

— Керим Шах! — произнес Конан, и в глазах его зажглись яркие огоньки.

Туранец не сопротивлялся. Сидя на конях, они почти соприкасались грудью, а рука киммерийца сжала его плечо. За Керим Шахом ехал отряд иракзаев на тощих конях. Они смотрели горящими глазами на незнакомца, загородившего им дорогу, и держали наготове луки и кинжалы, но не спешили их пускать в ход из-за опасной близости зияющей у их ног пропасти.

— Где Деви? — спросил Керим Шах.

— Тебе что до этого, гирканский шпион? — ответил Конан.

— Знаю, я в твоих руках,— сказал Керим Шах.— Я ехал с горцами на север, когда мы попали в засаду, расставленную нам врагами на перевале Шализах. Многие мои люди были убиты, а остальных преследовали, как стадо шакалов. Когда мы избавились от преследователей, направились на запад, к перевалу Амир Жехун, а сегодня утром наткнулись на бродившего по горам вазула. Он совсем спятил, но прежде, чем он умер, мы многое узнали из его беспорядочного бреда. Он нам сказал, что остался единственным уцелевшим из той банды, которая помчалась за вождем афгулов и пленной кшатрийкой в ущелье у деревни Курум. Все время он говорил о человеке в зеленом тюрбане, которого сбил конь афгула и который, когда на него напали вазулы, преследовавшие того человека, погубил их, уничтожив так, как язык пламени уничтожает тучу саранчи. Каким образом этот вазул уцелел, не знаю, и он тоже не знает, но из его бреда я понял, что Конан из Гхора был в Куруме со своей королевской пленницей. А когда мы пробирались через горы, встретили голую гальзайку с бурдюком. Она сказала, что ее ограбил огромный воин в одежде вождя афгулов, который — по ее словам — заставил ее отдать одежду для сопровождавшей его вендианки. Девушка утверждала, что ты поехал на запад.

Керим Шах не счел нужным рассказать, что, когда враждебно настроенные горцы перекрыли ему дорогу, он как раз ехал на условленную встречу с отрядом туранской конницы. Дорога к долине Гурашах через перевал Шализах была длинней, чем дорога, ведущая через перевал Амир Жехун, но эта последняя пересекала земли афгулов, которых Керим Шах предпочитал избегать, по крайней мере пока не соединится с армией. Отрезанный от дороги, ведущей на перевал Шализах, он тем не менее все же ехал этим небез-

опасным путем, пока весть, что Конан со своей пленницей еще не достиг Афгулистана, не склонила его к мысли повернуть на юг и совершить дерзкий поход в глубь гор в надежде встретить киммерийца.

— Скажи лучше, где Деви? — предложил Керим Шах.— У меня военное преимущество...

— Пусть только хоть один из твоих псов дотронется до тетивы, и я сброшу тебя в пропасть,— пообещал ему Конан.— Кроме того, тебе не пошло бы на пользу, если б ты меня убил. Меня преследуют пятьсот афгулов, и если б они увидели, что ты избавил их от удовольствия поймать меня, они спустили бы с тебя шкуру. Кстати, Деви со мной нет. Она попала в руки к Черным Колдунам с Имша.

— К Таруму! — тихо выругался Керим Шах, впервые теряя свою невозмутимость.— Хемса...

— Хемса мертв,— произнес Конан.— Его прежние господа вместе с каменной лавиной спустили его в ад. А теперь уйди с моей дороги. С радостью убил бы тебя, если б имел время, но сейчас спешу на Имш.

— Поеду с тобой,— отвечал вдруг туранец.

Конан рассмеялся ему в лицо.

— Ты думаешь, я тебе доверяю, ты, гирканский пес?

— А я и не прошу об этом,— ответил Керим Шах.— Нам обоим нужна Деви. Ты знаешь мои побуждения: король Ездигерд жаждет присоединить ее королевство к своей империи, а я — поместить ее в свой сераль. Я знаю тебя еще с того времени, когда ты был вождем степных разбойников, и знаю, что тебя интересует — грабежи на большой дороге. Ты хочешь опустошить Вендию и потребовать от них огромный выкуп за Жазмину. Может, мы на время, не питая никаких иллюзий относительно друг друга, объединимся и попробуем вырвать Деви из рук колдунов? Если это нам удастся и мы останемся в живых, то решим в поединке, кому она достанется.

Киммериец какое-то время смотрел на него, сузив глаза, потом, кивнув головой, отпустил его руку.

— Согласен. А как же твои люди?

Керим Шах повернулся к молчащим иракзаям и коротко произнес:

— Этот человек и я намерены отправиться на Имш и сражаться с чернокнижниками. Едете с нами или остаетесь и даете возможность афгулам, которые идут по пятам за своим вождем, содрать с себя шкуру?

Они посмотрели на Керим Шаха с угрюмой покорностью. О том, что они уже пропали, они знали еще с момента, когда свистящие стрелы дагозаев принудили их к бегству с перевала Шализах. Слишком часто вспыхивали кровавые распри между людьми из долины Забар и жителями гор. Их отряд был слишком мал, чтобы они без помощи ловкого туранца могли мечтать прорваться к приграничным деревням. Они уже считали себя мертвецами, поэтому дали ему ответ, который могли дать только пропащие люди:

— Мы пойдем с тобой, чтоб умереть на Имше.

— Значит, в путь, во имя Крома! — произнес Конан, беспокойно озираясь по сторонам и приглядываясь к темно-синим теням опускавшегося сумрака.— Эти афгульские волки были в двух часах езды за мной, но мы сейчас потеряли слишком много времени.

Керим Шах тронул с места коня, спрятал меч в ножны и осторожно развернулся. Через минуту все двинулись в гору так быстро, как только было возможно. Наконец они выехали на хребет в миле от того места, где Хемса задержал Конана и Жазмину. Тропинка, которой они приехали, даже для горцев была довольно опасной, и поэтому Конан с Жазминой избрали тогда другую дорогу. Керим Шах поехал по ней только потому, что думал, что и киммериец сделает то же самое. Даже Конан вздохнул с облегчением, когда кони проехали последний поворот. Они ехали, словно череда призраков, меряющих заколдованное королевство теней. Только тихий скрип кожаной упряжи и побрякивание стали давали знать об их присутствии, а через какое-то время мрачные горные склоны снова опустели, голые и молчаливые в свете звезд.

8

ЖАЗМИНА БЕЗУМНО ИСПУГАНА

Жазмина едва успела вскрикнуть, когда почувствовала, что алый омут втягивает ее, с поразительной силой отрывая от киммерийца. В тот миг у нее перехватило дыхание. Страшная воздушная волна оглушила ее, ослепила, отняла язык и слух. Она едва соображала, что очутилась где-то высоко и летит с ошеломляющей скоростью. У нее было ощущение, что она сошла с ума, а потом у нее закружилась голова, и она потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, еще было живо воспоминание о перенесенном, она громко вскрикнула и вскинула руки, словно защищаясь от падения. Ее пальцы сжали мягкую ткань, и девушка почувствовала глубокое облегчение, огляделась вокруг.

Она лежала на подиуме, покрытом черным бархатом, в огромной мрачной комнате со стенами, увешанными темными гобеленами, на которых с поразительной достоверностью были изображены извивающиеся тела драконов. Высокий свод комнаты тонул в густом полумраке, а тени, залегшие в углах, создавали ощущение зловещего ужаса. На первый взгляд казалось, что здесь нет окон и дверей или что они скрыты за этими кошмарными гобеленами. Жазмина не могла понять, откуда сочится слабый свет, позволяющий увидеть все подробности. Огромная комната была царством тайн, теней и мрачных углов, из которых, казалось, полз неясный душащий страх.

Наконец Жазмина увидела что-то принадлежащее к живому миру. В нескольких футах от нее, на втором, чуть меньшего размера возвышении, сидел со скрещенными ногами мужчина, задумчиво поглядывая на нее. Длинная тога из черного бархата, шитого золотом, окутывала его. Руки его были скрыты рукавами одеяния, на голове — бархатная шапка. Его лицо было спокойным, кротким и довольно привлекательным, глаза — блестящими и вместе с тем как бы немного затуманенными. Он с каменным выражением лица приглядывался к Жазмине и совсем никак не отреагировал на то, что она пришла в себя.

Жазмина ощутила, что у нее по телу побежали мурашки от страха. Оперлась на локти и посмотрела на незнакомца.

— Кто ты? — спросила она. Ее голос звучал неуверенно и беспомощно.

— Я — властелин Имша,— ответил человек глубоким, звучным голосом, напоминающим спокойные удары колоколов храма.

— Зачем ты меня сюда доставил? — спросила она.

— Разве ты не искала меня?

— Если ты — один из Черных Колдунов, то да! — дерзко ответила она, убежденная, что он и так читает ее мысли.

Человек тихо засмеялся, а у Жазмины снова по телу побежали мурашки.

— Ты хотела направить детей гор против Колдунов Имша! — рассмеялся он.— Я вижу это в твоих мыслях, княж-

на. Твой слабый человеческий рассудок переполняют смешные мечты о мести!

— Вы убили моего брата! — В голосе Деви растущий гнев боролся со страхом. Она сжала кулаки и окаменела от злости.— Зачем вы это сделали? Он вам не причинил никакого вреда. Жрецы говорят, что Колдуны Имша выше человеческих дел. Зачем вы убили короля Вендии?

— Как может простой смертный понять мотивы колдунов? — холодно ответил властелин.— Мои аколиты в храмах Турана, приобретшие власть над жрецами Тарима, настаивали, чтоб я действовал на пользу короля Ездигерда. По определенным причинам я согласился на это. Как я должен объяснять причины, побудившие меня к этому, чтоб ты поняла их своим слабым умом? Все равно не поймешь.

— Я понимаю одно: мой брат мертв! — выкрикнула Жазмина с болью и ненавистью. Она поднялась на колени и пронизывала его взглядом широко открытых глаз, как пантера, приготовившись к прыжку.

— Так пожелал Ездигерд,— холодно согласился ее собеседник.— Мой временный каприз поддержал его притязания.

— Ездигерд твой вассал? — Жазмина пробовала скрыть охватившие ее чувства. Она только что наткнулась коленом на что-то твердое и симметричное, скрытое под складками бархата. Незаметно переменила позу и засунула руку под покрывало.

— Разве пес, сжирающий объедки под стеной храма, может быть вассалом бога? — ответил владыка.

Казалось, он не видит незаметных движений девушки. Под складками покрывала ее рука тем временем нашарила что-то, что казалось ей рукояткой стилета. Жазмина наклонила голову, чтобы скрыть блеск торжества в глазах.

— Но хватит с меня Ездигерда,— сказал властелин.— Я нашел себе лучшее развлечение... Ха!

Жазмина прыгнула, как кошка, с диким криком, стараясь нанести убийственный удар. Вдруг она споткнулась и упала на пол, прильнула к нему, глядя на человека, который чуть было не стал ее жертвой. Тот сидел на подиуме, даже не шевелился, с его лица не сходила загадочная улыбка. Жазмина подняла дрожащую руку и взглянула на нее широко раскрытыми глазами. В ее руке был не стилет, а цветок золотого лотоса с помятыми лепестками и сломанным стеблем.

Она отшвырнула лотос, словно это была ядовитая змея, и на коленях отползла от колдуна. Вернулась на свой поди-

ум, не без основания полагая, что это больше подходит княжне, нежели ползание по полу у ног чернокнижника. Взглянула на него с ужасом, ожидая его реакции.

Но властелин не шелохнулся.

— Вся материя одинакова для того, кто располагает ключами от врат Космоса,— загадочно изрек он.— Для сведущих в Искусстве нет вещей неизменных. По его воле в неземных садах зацветает сталь или цветок сверкает острием меча в лунном свете.

— Ты демон! — всхлипнула она.

— Нет! — засмеялся он.— Я родился на этой планете очень давно. Когда-то был обычным человеком, и на протяжении долгих тысячелетий служения Искусству я не утратил всех признаков человеческого. А человек, углубившийся в Черное Искусство, сильнее демона. Я человек, но царю над демонами. Ты видела Властелинов из Черного Круга, и если бы я сказал тебе, из каких отдаленных королевств я призвал их и от какой судьбы охраняет их мой заколдованный кристалл и золотые змеи, ты потеряла бы рассудок от ужаса. И только я один — их господин. Мой глупый Хемса мечтал о величии — бедный глупец, разбивающий ворота и переносящийся вместе со своей любовницей по воздуху с вершины на вершину! Но если бы я его не убил, в один прекрасный день он смог бы стать таким же могучим, как и я.

Он снова рассмеялся.

— А ты, глупое создание, строила козни, желая отрядить своего волосатого вождя горцев на покорение Имша! Это прекрасная шутка, если бы мне это пришло в голову раньше, я сам постарался бы, чтоб ты попала к нему в руки. И я читаю в твоих мыслях, что даже тогда, когда он схватил тебя, ты не отказалась от мысли сделать его своим орудием, намереваясь использовать всякие свои женские штучки. Но если не брать во внимание твою глупость, все же ты — женщина, на которую приятно посмотреть. Я намерен держать тебя здесь как свою невольницу.

Слыша эти слова, наследница тысяч гордых императоров крикнула со стыдом и злостью:

— Не посмеешь!

Его издевательский смех стегнул ее, как кнут.

— Король не посмеет растоптать червяка на своей дороге? Глупенькая, ты не понимаешь, что твоя гордость значит для меня не более, чем стебелек соломы на ветру. Я, целовавший царицу ада! Ты видела, как я расправляюсь с теми, кто мне сопротивляется!

Съежившаяся от страха, девушка стояла на коленях на бархатном покрывале. Свет померк, в комнате потемнело. Лицо властелина стало ужасным. В его голосе появились повелительные нотки.

— Никогда тебе не покорюсь! — сказала она дрожащим от страха, но решительным голосом.

— Покоришься,— ответил колдун с жесткой самоуверенностью.— Страх и боль приучат тебя к покорности. Я буду стегать тебя ужасом и кошмаром до предела твоей выносливости, пока ты не станешь в моих руках, словно воск, мягкой и податливой на каждое пожелание. Ты изведаешь страдания, которых не довелось перенести ни одной смертной, пока каждый мой приказ не станет для тебя волей богов. Вначале, чтобы унять твою гордость, вернешься в свое забытое далекое прошлое, в свои предыдущие воплощения.

При этих словах мрачная комната словно зашевелилась перед глазами испуганной Жазмины. Волосы у нее на голове встали дыбом, а язык примерз к нёбу. Откуда-то долетел глубокий, зловещий удар гонга. Драконы на гобеленах, извергнув голубое пламя, исчезли. Сидящий на подиуме властелин превратился в бесформенную тень. Серый полумрак сменился густой, мягкой, почти осязаемой темнотой, пульсирующей странным светом. Жазмина не могла уже разглядеть властелина. Она ничего не видела. Только неясно ощущала, что стены и потолок отдаляются от нее, исчезают.

Потом где-то в темноте появилось пламя, то зажигающееся, то гаснущее, как светлячок. Оно увеличилось до размеров мяча, посветлело, стало ослепительно белым. Потом вдруг разлетелось дождем искорок, которые тем не менее не рассеивали мглы. В комнате все же остался слабый отблеск, позволяющий заметить черный гибкий пень, растущий из каменного пола. На глазах ошеломленной Жазмины пень выпустил отростки, принял реальные очертания, на отростках появились ветки, широкие листья и огромные черные, отравляющие цветы, склоняющиеся над сжавшейся на подиуме девушкой. В воздухе стоял еле слышный запах. Это страшный черный лотос в мгновение ока вырос из каменной плиты, так, как он вырастал в таинственных джунглях Кхитая.

Широкие листья колыхались со зловещим шелестом. Цветы склонялись над Жазминой, как разумные создания, танцуя по-змеиному на бледных стеблях. Еле различимые на фоне густой, непроницаемой тьмы, вздымались над ней,

как гигантские бабочки, каким-то непонятным способом давая ощутить свое присутствие. Их одуряющий запах кружил голову, и Жазмина пробовала сползти с подиума, но тут же судорожно прильнула к нему, когда пол наклонился под невероятным углом. Деви с ужасом вскрикнула и судорожно сжала руки, но ужасная сила разжала ее пальцы. У нее было ощущение, что она потеряла рассудок, а весь мир рассыпался в прах. В черной ревущей ледяной пустыне она была лишь дрожащим атомом разума, уносимым ветром, который грозил задуть слабое пламя ее жизни, как дыханье бури гасит горящую свечу.

Потом она ощутила внезапный импульс и движение, когда атом, в который она превратилась, смешался и слился с мириадами других атомов, рождая жизнь в бродящем болоте первобытной жизни. Уминаемая созидающими ладонями Природы, она вновь превратилась в мыслящую единицу, медленно кружащуюся по бесконечной спирали своего существования.

Охваченная ужасом, увидела и узнала свои предыдущие воплощения и вновь воплощалась во все тела, в которые во все эти века помещалось ее «я». Вновь ранила свои ноги на длинной, изнурительной дороге своих воплощений, увлекшей в забытое прошлое. Вновь, дрожа, сжималась она в первобытных джунглях перед праначалом Времени, догоняемая кровожадными существами. Одетая в шкуры, брела она по колено в воде по болоту рисового поля, сражаясь за драгоценные зерна с догоняющими ее птицами. Билась с парой мулов, разрыхляла заостренным колышком неподатливую землю и бесконечно наклонялась над ткацким станком в деревенских хижинах.

Она видела пылающие города и с криком убегала от убийц. Бежала нагая и окровавленная по горячему песку, ее тащили на аркане ловцы рабов, она узнала жгучие прикосновения грубых рук к ее телу, стыд и муку внезапного желания. Она кричала под ударами кнута, стонала, пробитая колом, сойдя с ума от ужаса, вырывалась от палача, неумолимо клонящего ее голову на окровавленный пень.

Она узнала родовые муки и горечь преданной любви. Перенесла все мучения, обиды и несчастья, которые мужчина причинял женщине на протяжении тысячелетий, перенесла презрение и злобу, которыми женщина может одарить женщину. И все время она сознавала, кем является, хоть это сознание жгло, как удары кнута. Будучи всеми этими созданиями, которыми она была в прошлом, она вместе с тем знала, что она — Жазмина. Ни на секунду она

не теряла этого знания. Она являлась одновременно нагой рабыней, согнувшейся под ударами бича, и гордой владычицей Вендии. И страдала она не только как рабыня, но и как Деви Жазмина, чей гордый характер ощущал удары бича, как прикосновения раскаленного железа.

Одна жизнь срослась с другой в бурлящем хаосе, а каждая следующая несла свое бремя несчастий, стыда и страданий, и так было, пока она не услышала, словно издалека, свой пронзительный крик, словно один долгий крик боли, эхом несущийся сквозь века.

Тогда она проснулась на покрытой бархатом постели в темной комнате.

В кошмарной полумгле она вновь увидела подиум и сидящую на нем фигуру в черных одеяниях. Слегка склоненную голову сидящего прикрывал капюшон, а его узкие плечи едва вырисовывались в царящем здесь сумраке. Жазмина не различала деталей, но вид капюшона вместо бархатной шапочки пробудил в ней неясную тревогу. Она напрягла зрение и ощутила странный, перехватывающий дыхание страх: у нее было такое ощущение, что это не властелин так спокойно сидит поодаль...

Вдруг фигура шевельнулась и встала, поглядывая на нее сверху. Наклонилась и обняла ее длинными руками, скрытыми широкими рукавами черной тоги. Жазмина с молчаливой яростью сопротивлялась, изумленная и испуганная худобой обнимающих ее рук. Голова в капюшоне наклонилась к повернутому лицу девушки. Жазмина пронзительно вскрикнула, охваченная ужасом и отвращением. Ее упругое тело обнимали костлявые руки, а под капюшоном она увидела воплощение смерти и разложения — ужасный череп, обтянутый истлевшей, как древний пергамент, кожей.

Жазмина вскрикнула еще раз, потом, когда лязгающие, ощеренные челюсти приблизились к ее устам, потеряла сознание.

9

ЗАМОК ЧЕРНОКНИЖНИКОВ

Над белыми вершинами Химелии встало солнце. Группа всадников, глядя вверх, приостановилась у подножия длинного склона. Высоко над их головами на склоне горы вздымалась каменная башня. Дальше, выше нее, бежали

стены еще более мощной крепости, стоящей у самой границы вечных снегов, покрывающих вершины Имша. В этой картине было что-то нерсальное: алые склоны тянулись к фантастическому замку, выглядевшему отсюда как детская игрушка, а сверкающая белизна вершины за ним, казалось, вонзалась в холодную голубизну неба.

— Оставим коней здесь,— произнес Конан.— Этот предательский подъем лучше одолеть пешком. Тем более, что кони устали.

Он соскочил с черного жеребца, который стоял на широко расставленных ногах, опустив голову. Всю ночь они мчались вперед, подкрепляясь остатками еды из своих вьюков и останавливаясь только для того, чтобы дать немного отдохнуть лошадям.

— В этой башне живут аколиты Черных Колдунов,— сказал Конан.— Или, как их еще называют, цепные псы своих господ. Они не будут сидеть сложа руки, когда увидят нас на склоне.

Керим Шах взглянул вверх на дорогу, по которой они приехали: она находилась довольно высоко на склоне Имша. Туранец напрасно старался увидеть в этом лабиринте какое-либо движение, которое говорило бы о приближающейся погоне. Афгулы, скорее всего, потеряли в ночи след своего вождя.

— Что ж, пошли!

Они привязали уставших коней к тамарискам и без лишних слов двинулись в гору. Отовсюду они были видны как на ладони. Голый склон был покрыт слишком маленькими валунами, чтоб за ними мог укрыться человек. Хотя там могли прятаться другие живые существа.

Они не прошли и пятидесяти шагов, когда из-за одного из камней выскочило рычащее существо с пеной, сочащейся изо рта, и глазищами, налитыми кровью. Конан шел первый, но пес не напал на него. Проскользнув рядом, он бросился на Керим Шаха. Туранец отпрыгнул в сторону, и огромный зверь упал на идущего следом иранзая. Воин крикнул и заслонился рукой. Бестия повалила его на спину, разрывая ему руку, и через секунду сама свалилась под ударами дюжины сабель. И все же не прекращала попыток вцепиться в челюсть следующей жертве, пока не была буквально разрублена на куски.

Керим Шах перевязал раненому разорванное плечо, внимательно посмотрел на него и молча отвернулся. Присоединился к Конану, и они продолжали подъем.

Потом Керим Шах сказал:

— Странно, что деревенский пес забрался аж сюда.

— Здесь нечего жрать,— согласился с ним киммериец.

Они оба обернулись и посмотрели на раненого воина, марширующего за ними в толпе иракзаев. Его темное лицо блестело от пота, а искаженные гримасой боли губы показывали оцеренные зубы. Конан и Керим Шах снова посмотрели на возносящуюся перед ними каменную башню.

На вершинах лежала сонная тишина. Ни на башне, ни на стенах стоящего за ней, похожего на пирамиду строения они не заметили ни малейшего движения. Устремившиеся туда мужчины шли в напряженном молчании, как люди, идущие по краю вулкана. Керим Шах снял с плеча огромный лук, который разил за пятьсот шагов. Иракзаи потянулись к своим лукам — они были полегче и разили на меньшее расстояние.

Но им еще не удалось подойти к башне на расстояние лета стрелы, когда что-то неожиданно упало на них из безоблачного неба. Пролетело так близко от киммерийца, что он почувствовал прикосновение машущих крыльев на лице, но не он, а следующий за ним иракзай зашатался и упал, истекая кровью из разорванной артерии. Сокол с крыльями цвета полированного металла, с окровавленным, изогнутым, как сабля, клювом, вновь взмыл в небо и внезапно замер, когда зазвенела тетива лука Керим Шаха. Птица рухнула, как камень, но никто из мужчин не мог бы указать того места, куда она упала.

Конан наклонился над несчастным, но тот уже умер. Никто ничего не успел сказать, не было смысла обсуждать ни этот случай, ни то, чего еще никогда доселе не случалось,— чтобы сокол напал на человека. В душах диких иракзаев бешенство состязалось с фаталистической апатией. Волосатыми руками они сжимали свои луки и бросали мстительные взгляды в сторону башни, неподвижность которой, казалось, издевается над ними.

Следующее нападение не заставило себя ждать. Все увидели, как из-за края башни выкатилось белое дымное облачко и поплыло вниз по склону. За ним появились другие облака. Они выглядели безобидными, как пушистые шарики мутной пены, но Конан отодвинулся в сторону, избегая столкновения с первым облачком. Один из иракзаев, идущий следом, размахнулся и рубанул тучку мечом. Раздался оглушительный грохот. Клуб дыма исчез в ослепительной вспышке, а от слишком любопытного воина осталась только

кучка обугленных, почерневших костей. Сморщенная ладонь все еще сжимала рукоять из слоновой кости, но клинок расплавился и испарился в страшном огне. И все же воины, даже стоявшие рядом с жертвой, совершенно не пострадали, они были только ошеломлены и слегка ослеплены внезапной вспышкой.

— Взрывается от прикосновения металла,— произнес Конан.— Смотри, они приближаются!

Склон над ними был почти покрыт спускающимися шариками. Керим Шах натянул тетиву и послал в самую их гущу стрелу. Пробитое стрелой облако взорвалось, как мыльный пузырь, брызгая огнем. Остальные воины последовали примеру туранца, и через несколько минут на склоне бушевала буря, разили громы и молнии, сыпавшие дождем искр. Когда белые клубы исчезли, в колчанах у воинов осталось не так уж много стрел.

Они яростно взбирались в гору по обугленной и почерневшей земле, огибая те места, где голая скала превратилась в лаву от этих проклятых взрывов.

Наконец они оказались на расстоянии полета стрелы от башни и растянули ряды, нервно оглядываясь вокруг: какую еще неожиданную ловушку устроят им защитники башни.

На стенах появилась одинокая фигура, несущая десятифутовый медный рог. Хриплый рев, покатившийся по склону, был похож на звуки трубы в судный день. Сейчас же из подземных глубин ему отозвался глухой грохот и шум. Земля под ногами воинов затряслась.

Иракзаи на дрожащем откосе зашатались, как пьяные, с криками ужаса, но Конан с бешеным блеском в глазах и с кинжалом в руках ринулся, как вихрь, по склону, прямо к двери в стене. Сверху раздавался издевательский рев и подвывание огромного рога. Керим Шах подтянул стрелу к уху и отпустил тетиву.

Только туранец мог сделать такой выстрел. Звук рога внезапно смолк, и в воздухе раздался высокий, пронзительный крик. Стоящая на башне фигура в зеленой одежде зашаталась, хватаясь за торчащее в груди длинное древко, потом перевалилась через парапет и рухнула вниз. Огромный рог покатился и повис на краю стены. Вторая фигура в зеленой тоге подскочила, чтобы схватить рог. Снова зазвенела тетива, и вновь эхом ей отозвался крик агонии. Второй аколит, падая, задел рог локтем, и он разлетелся на куски у подножия башни.

Конан с такой быстротой преодолел пространство, отделяющее его от двери, что еще не смолкло эхо от шума падения, а он уже бил острием своего ножа в дверь. Инстинктивно отскочил, когда сверху вылили на него расплавленное олово. В следующую минуту он уже был у ворот, атакуя их с удвоенной яростью. Тот факт, что их враги прибегли к таким обычным видам обороны, придал ему силы. Колдовская сила аколитов все же не была безграничной. Может, они уже исчерпали все запасы своих чародейских штучек?

По скату взбежал Керим Шах, а за ним следом — шатающиеся воины. На бегу они выпускали стрелы, которые со свистом перелетали за стену либо разбивались о зубцы стен.

Толстое тиковое дерево уступило под ударами киммерийца, который осторожно заглянул внутрь, приготовившись к худшему. Увидел овальную комнату и ведущую наверх крутую лестницу. В противоположной стене помещения увидел широко открытую дверь, за ней склон... и спины полдюжины одетых в зеленое людей, убегающих изо всех сил.

Конан завыл и прыгнул внутрь, но тут инстинкт подсказал ему остановиться и броситься назад на секунду раньше, чем огромный каменный блок с грохотом рухнул на то место, где он только что коснулся ногой пола. Киммериец побежал вдоль стены, криком призывая остальных следовать за ним.

Аколиты покинули первую линию обороны. Обежав башню, Конан увидал их зеленые силуэты высоко вверху. Дыша жаждой мести, он помчался за ними, а Керим Шах с иракзаями наступали ему на пятки. Минутное ликование заставило их забыть о своем врожденном фатализме, при виде убегающих врагов они завыли, как стая волков.

Башня стояла на нижнем крае узкого плато, почти незаметно наклоненного к откосу. Через несколько сот ярдов плато вдруг кончалось глубокой расщелиной, абсолютно незаметной снизу. В эту расщелину и спрыгнули аколиты, даже не замедлив бег. Преследователи только увидели их зеленые развевающиеся одежды, исчезающие за краем пропасти.

Несколько минут спустя преследователи также стояли на краю рва, отделяющего их от замка Черных Колдунов. Насколько видел глаз, в обе стороны лежала пропасть шириной в тысячу и глубиной в пятьсот футов, с вертикальными стенами, вероятно, идущая вдоль всей вершины Имша. Она была до краев наполнена искрящимся и блестящим туманом.

Конан взглянул вниз и выругался, заметив одетых в зеленое аколитов, поспешно проходивших по сверкающему, словно серебро, дну долины. Их силуэты были смазаны и невыразительны, словно они были погружены в глубокую воду. Они шли цепочкой, направляясь к противоположной стене обрыва.

Керим Шах натянул лук и выпустил засвистевшую стрелу. Но она, попав во мглу, наполнявшую расщелину, казалось, внезапно потеряла скорость и, отклонившись от своего курса, упала далеко от цели.

— Если они смогли туда спуститься, то и мы сможем! — сказал Конан стоящему рядом с ним Керим Шаху, который с удивлением наблюдал за полетом своей стрелы.— Я видел, они прошли этим путем...

Напрягая взгляд, он заметил внизу что-то напоминающее золотую нить, растянувшуюся по всей ширине каньона. Аколиты шли вдоль этой нити, и вдруг киммериец припомнил казавшиеся ему ранее непонятными слова Хемсы: «Держись золотой жилы!» Наклонившись, он нашел на краю расщелины тонкую полосу сверкающего золота: это жила золотого месторождения, лежащего прямо на поверхности, сбегала вниз и шла через серебряное дно ущелья. Он увидел кое-что еще, чего до этого не мог заметить из-за особенного преломления света. Золотая жила шла вдоль карниза, спускающегося до самого дна и снабженного углублениями для рук и ног.

— Ах вот как они спустились вниз,— сказал Керим Шах.— Они, значит, не могут летать по воздуху. Пойдем за...

В эту минуту укушенный псом мужчина издал ужасный крик и, оскалив зубы, бросился на Керим Шаха. Из его рта лилась пена. Туранец проворно, словно кот, отскочил в сторону, а взбесившийся рухнул головой вниз в пропасть. Остальные воины в изумлении подбежали к краю пропасти. Мужчина не пошел вниз камнем, а медленно плыл сквозь розовую мглу, как человек, погружающийся в воду. Конечности его судорожно дергались, а пунцовое, искаженное конвульсиями лицо выражало скорее боль, чем бешенство. Наконец он упал на блестящее дно пропасти и остался недвижим.

— В этой расщелине нас подстерегает смерть,— пробормотал Керим Шах, отшатнувшись от розовой мглы, которая почти доставала ему до ног.— А что теперь, Конан?

— Идем дальше! — невесело ответил киммериец.— Эти аколиты — обычные люди: если мгла не убила их, значит, она не убьет и нас.

Он подтянул пояс и невольно дотронулся при этом до пояса, подаренного Хемсой. Свел брови и грустно улыбнулся. Он совсем забыл об этой вещи, и все же именно она трижды спасла его, подставляя другие жертвы.

Аколиты достигли противоположной стены и ползли по ней, как большие зеленые мухи. Конан взошел на платформу и стал осторожно спускаться. Розовая туча окутала его ноги и поднималась выше по мере того, как он опускался по карнизу. Она доставала до его колен, до бедра, потом до пояса и плеч. Он ощущал ее вокруг себя, как густой туман во влажную ночь. Когда она уже доставала до шеи, он поколебался, потом с головой окунулся во мглу. В тот же миг стал задыхаться, неумолимая сила не давала ему вздохнуть, сдавив ребра в смертельном объятии. Конан в отчаянии подпрыгнул, борясь за жизнь. Выставив голову на поверхность, стал ртом хватать воздух.

Керим Шах наклонился над ним, что-то говоря, но Конан не слышал его и не обращал на него внимания. Он мысленно перебирал в памяти указания умирающего Хемсы. Попробовал нащупать золотую жилу и обнаружил, что, спускаясь, сошел с нее. Заметил ряд углублений для рук и ног в карнизе. Встав точно на жилу, начал спускаться вновь. Розовая мгла снова окутала его. Голова его тоже окунулась во мглу, но, стоя на золотой жиле, он по-прежнему мог дышать. Увидел вверху лица глядящих на него товарищей, слегка размытые в блестящем тумане. Жестом приказал им следовать за ним и быстро стал спускаться, не ожидая, пока они последуют его примеру.

Керим Шах молча вернул меч в ножны и пошел следом за киммерийцем, а иракзаи поспешили за Керим Шахом, скорее опасаясь потерять предводителя и проводника, чем какого-то подвоха, который мог их ожидать в этой расщелине. Они держались золотой жилы так, как показал им киммериец. Спустились на дно пропасти и пошли по серебристой равнине, ступая по золотой полосе, как люди, идущие по проволоке над пропастью. Шли, словно по невидимому туннелю, наполненному воздухом. Со всех сторон их окружала смерть.

Тропинка, по которой скрылись аколиты, вела к карнизу по другую сторону расщелины и исчезала за его краем. Они

двинулись туда, приготовившись к встрече с неизвестной опасностью, таящейся среди острых камней, которыми был усыпан край обрыва.

Их ждали там одетые в зеленые одежды, вооруженные ножами аколиты. Возможно, убегая, они достигли некоей границы, которую не могли переступить. Может, опоясывающий живот Конана стигийский пояс был причиной тому, что их заклятья оказались бессильными. А может, зная, что за поражение они будут наказаны смертью, решили использовать последний шанс и с ножами в руках выскочили из-за скал.

Среди потрескавшихся камней началась кровавая битва, оружием в которой было не искусство чернокнижников, а обычные клинки. Звенела сталь, со свистом опускались лезвия, рассекая плоть, мускулистые руки наносили могучие удары, лилась кровь, а по телам упавших топтались сражающиеся.

Как выяснилось потом, только один из иракзаев истек кровью и умер, но аколиты полегли все до одного,— изрезанные, порубанные на куски, сброшенные в пропасть, они медленно опускались на сверкающее внизу серебристое дно.

Победители, стерев с лица кровь, огляделись. Кроме Конана и Керим Шаха, еще четверо иракзаев вышли из битвы невредимыми.

Они стояли меж потрескавшихся скал, образовавших зубчатый край расщелины. Вьющаяся отсюда по невысокому склону тропка вела к широкой лестнице, сделанной из зеленых шестифутовых камней, напоминающих нефрит. Ступени вели на широкую галерею из такого же полированного материала, а за ней — этаж за этажом — вздымался замок Черных Колдунов. Казалось, что его вырубили из одной отвесной скалы ущелья. Архитектура замка поражала великолепием, хоть и была лишена украшений. Немногочисленные окна были прикрыты ставнями. Нигде никаких признаков жизни, ни одного дружественного или враждебного существа.

Без слов, осторожно, они пошли по тропе, словно люди, приближающиеся к змеиному логову. Иракзаи шагали точно в трансе, как идущие на верную смерть. Даже Керим Шах молчал. Только Конан, казалось, не осознавал, каким беспрецедентным нарушением традиций были их действия, какую огромную брешь они пробили в общеприня-

тых взглядах. Он был не с Востока, его породила раса, сражавшаяся с демонами и чернокнижниками так же ожесточенно и успешно, как и с прочими врагами людей.

Он взошел по блестящим ступеням и по широкой зеленой галерее подошел к виднеющейся по другую ее сторону, обитой золотом двери из тикового дерева. Окинул внимательным взглядом верхние этажи вздымающейся перед ним огромной пирамиды замка, протянул руку к медной ручке, торчащей в двери, и с кривой усмешкой задержал ее на полпути. Ручка была в форме змеи с выгнутой шеей и поднятой головой. Конан заподозрил, что металлический гад может вдруг ожить от прикосновения его руки.

Одним ударом он отрубил ручку, и медный звон упавшей на камень змеи отнюдь не рассеял его подозрения. Концом кинжала он отбросил ее и вновь повернулся к двери. Вокруг царила полная тишина. Розовая мгла окутывала далекие вершины. Солнце блестело на горных вершинах, покрытых снегом. Высоко вверху повис ястреб, как черная точка в небесной сини. Кроме него, единственными живыми существами были люди, стоящие перед обитой золотыми листами дверью,— маленькие фигурки на галерее из зеленого нефрита на склоне огромной горы Имш.

Холодный ветер, прилетевший с ледников, хлестнул по ним, развевая обрывки их одежды. Кинжал Конана, ударивший в массивную дверь, вызвал гремящее эхо. Киммериец бил раз за разом, пробивая металлические листы и тиковое дерево. Через минуту он осторожно заглянул сквозь пробитое отверстие внутрь. Увидел просторную комнату с голыми стенами из шлифованных камней и мозаичным каменным полом. Единственной мебелью здесь были столики из шлифованного эбенового дерева и каменный подиум. Нигде не было ни следа живой души. В противоположном углу комнаты он увидел следующую дверь.

— Оставь стражника у дверей,— сказал он.— Идем внутрь.

Керим Шах приказал одному из воинов стоять на страже, тот с луком наготове вернулся на середину галереи. Конан вошел в замок, за ним туранец и три остальных иракзая. Страж у двери плюнул, пробормотал что-то себе под нос и вздрогнул, услышав тихий издевательский смех. Подняв голову, увидел стоящую на втором этаже фигуру, одетую в черное, презрительно поглядывающую на него, с издевкой кивающую головой. Иракзай быстро натянул тетиву и пустил стрелу, которая, мелькнув вверху, впилась в обтянутую тогой грудь. Колдун, продолжая смеяться, вырвал стрелу

из тела и небрежным жестом швырнул ее лучнику. Воин отпрыгнул, инстинктивно выставив руку. Его пальцы сомкнулись на возвращенном древке.

Иракзай пронзительно вскрикнул. Прямая древесина вдруг стала гибкой, словно размякла в его руке. Он попробовал отшвырнуть ее, но было поздно. Холодные кольца обвились вокруг его запястья, а мерзкая клиновидная головка поползла к мускулистому плечу. Воин еще раз крикнул, лицо его набрякло и покраснело, а глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. В страшных конвульсиях он растянулся на полу и замер.

Мужчины, уже было вошедшие в замок, бросились назад. Конан быстро подошел к высаженным дверям и стал как вкопанный, ничего не понимая. Товарищам, смотревшим на это, казалось, что киммериец сражается с воздухом. Не видя перед собой никакой преграды, он все же ощутил под пальцами скользкую, гладкую поверхность и понял, что выход закрыт кристаллической плитой. Он видел через нее неподвижно лежащего на галерее стражника с оперенной стрелой в плече.

Конан поднял кинжал и ударил, а глядевшие на него в остолбенении товарищи увидели, как острие отскакивает от невидимой преграды с громким звоном, словно сталь натыкается на твердое вещество. Конан прекратил дальнейшие попытки пробиться. Он знал, что даже легендарный меч Амир Курума не смог бы сокрушить эту невидимую преграду.

В нескольких словах он объяснил это Керим Шаху. Туранец пожал плечами:

— Что ж, обратная дорога нам отрезана, мы должны искать другой путь. Значит, идем вперед, не так ли?

Кивнув головой, Конан повернулся и зашагал к двери по другую сторону комнаты, чувствуя, что идет навстречу неизбежной смерти. Поднял кинжал, чтобы ударить в дверь, но она тихо открылась, словно имела на то свою волю. Конан перешагнул через порог и оказался в огромном зале. Вдоль его стен тянулись блестящие колонны, а в ста футах от двери начинались широкие нефритовые ступени лестницы, сужающейся кверху, словно пирамида. Он не знал, что находится дальше, но, чтобы войти на ступени, ему нужно было пройти мимо странного алтаря из черного, как уголь, камня. Четыре огромных золотых змеи вились вокруг по четырем углам, выставив клиновидные головы, об-

ращенные к четырем сторонам света, как стражи легендарных сокровищ. Но на алтаре, который они стерегли, покоился только хрустальный шар, наполненный чем-то вроде дыма, в котором плавали четыре золотых плода граната.

Это зрелище пробудило что-то в памяти Конана, но он не стал вдумываться, что именно, потому что на нижних ступеньках лестницы увидел четверых одетых в черное людей. Он не заметил, как пришли Колдуны, они просто возникли здесь, согласно кивая птичьими головами, высокие, худые. Руки и ноги их были скрыты под складками многочисленных одеяний.

Один из них поднял руку, рукав тоги сполз, открывая ее... Это была вовсе не рука. Вопреки своей воле Конан задержался на полушаге. Он встретил силу, не похожую на силу Хемсы, и не в силах был сделать ни шагу вперед, хотя чувствовал, что может отступить назад, если захочет. Его друзья тоже остановились и выглядели еще более беспомощными, чем он, будучи не в состоянии сделать ни одного движения.

Чародей с поднятой рукой кивнул одному из иракзаев, тот, как в трансе, двинулся к нему, уставившись куда-то вдаль, держа свой меч в бессильно опущенной руке. Когда воин проходил мимо Конана, тот, вытянув руку, загородил ему дорогу. Киммериец был намного сильнее иракзая и в обычных условиях с легкостью смахнул бы его, как муху. Но сейчас воин оттолкнул его руку, как стебелек травы, потом неровной, механической походкой подошел к лестнице. Дошел до ступеней и встал на колени, отдавая свой меч и наклоняя голову. Колдун взял у него оружие. Блеснуло острие на взмахе. Голова иракзая упала с плеч и с глухим стуком покатилась по черному мраморному полу. Из рассеченных артерий хлынула кровь, потом тело осело и, широко раскинув руки, распростерлось на полу.

Нечеловеческая ладонь вновь поднялась и позвала следующего иракзая, который, шатаясь, двинулся навстречу смерти. Жуткая сцена повторилась, и второе обезглавленное тело распростерлось рядом с первым.

Когда и третий воин прошел мимо Конана, направляясь к своей погибели, киммериец, у которого набрякли жилы на висках от напрасных усилий преодолеть удерживающий его невидимый барьер, вдруг ощутил, что вокруг пробуждаются неизвестные, благоприятные для него силы. Это ощущение пришло без предупреждения, неожиданно, но с

такой силой, что он ни на минуту не сомневался в том, что подсказал ему инстинкт. Левая рука киммерийца невольно дотронулась до стигийского подарка Хемсы. Он сжал его и моментально ощутил прилив новых сил в одеревеневших конечностях: воля жизни взыграла в нем с силой сверкания раскаленной добела стали, а вторил силе пронизывающий его гнев.

Третий иракзай уже превратился в безжизненный труп, и отвратительный палец качнулся вновь, когда Конан почувствовал, что невидимый барьер треснул. Из его горла вырвался дикий крик, и накопившаяся в нем злость нашла выход в молниеносной атаке. Как буря, он ринулся на колдунов, сжимая левой рукой волшебный пояс с отчаянной силой, с которой тонущий держится за плавающее дерево. Длинный клинок в его правой руке сверкал, как солнечный луч. Стоящие на ступеньках Колдуны не шелохнулись. Даже если они и были удивлены, то не подали вида, смотрели холодно и равнодушно. Конан не терял времени на ненужные раздумья, что он сделает с ними, когда они окажутся в пределах досягаемости его кинжала. Его охватила жажда убийства, он хотел только одного — вонзать острие в тела врагов, утопить его в их крови.

Он был уже в паре шагов от ступенек, на которых, издевательски усмехаясь, стояли Колдуны. Набрал воздуха в грудь, ярость росла в нем с каждым вздохом. Он как раз был рядом с алтарем, обвитым золотыми змеями, когда, словно блеск молнии, его озарило воспоминание о таинственных словах Хемсы и он услышал их снова, словно кто-то прошептал ему на ухо: «Разбей хрустальный шар».

Он отреагировал почти машинально. Между побуждением и действием не прошло и сотой доли секунды, и наивеличайшие из чернокнижников не смогли бы прочесть за этот срок его мысли и помешать тому, что наступило. Ловко, как кот, он в прыжке сменил направление атаки и с треском опустил кинжал на хрустальный шар. Тотчас же почувствовал почти осязаемое дыхание ужаса, плывущее со ступеней, от алтаря или же от самого хрусталя. Слух разрезало пронзительное шипение позолоченных змей, которые вдруг ожили и, поднимая жуткие головы, пробовали кусать. Но разъяренный Конан был для них неуловим. Сверкающий клинок перерезал чудовищные тела одно за другим и ударил по хрустальному шару. С громовым раскатом кристалл взорвался, осыпаясь дождем огненных осколков на

черный мрамор пола, а золотые плоды граната, словно освобожденные из пут, выстрелили под высокие своды и исчезли.

Сумасшедший, звериный, чудовищный рев эхом прокатился по огромному залу. Четыре черные фигуры на ступенях извивались, корчились в конвульсиях, источая пену из посиневших губ. Крещендо нечеловеческого воя внезапно прервалось. Колдуны перестали двигаться. Конан знал, что они мертвы. Он посмотрел на алтарь и хрустальные обломки. Четыре безголовые золотые змеи по-прежнему обвивали алтарь, но в их металлических телах не осталось и следа жизни.

Керим Шах, которого во время сражения Конана отшвырнула невидимая сила, медленно поднялся с колен. Покачал головой, чтоб избавиться от звона в ушах.

— Ты слышал этот звук, когда разбил шар? — спросил он.— Словно вместе с ним в замке разбились тысячи хрустальных зеркал. Похоже, в этих золотистых плодах граната были заключены души чернокнижников? А!

Конан обернулся, видя, что Керим Шах хватается за меч и показывает куда-то рукой.

На лестнице появилась новая фигура. Незнакомец тоже был одет в черную тогу, но из расшитого бархата, а на голове у него была остроконечная шапка. На его красивом лице было написано невозмутимое спокойствие.

— Кто ты, демон тебя возьми? — спросил Конан, глядя на незнакомца.

— Я властелин Имша! — ответил тот голосом, напоенным жестокой радостью и звучащим, как праздничный колокол.

— Где Жазмина? — спросил Керим Шах.

Властелин взорвался смехом.

— И зачем, труп, тебе это знать? Или ты так быстро забыл о моей силе, которую я когда-то тебе передал, что прибыл сражаться со мной, бедный глупец? Пожалуй, я должен вырвать твое сердце, Керим Шах!

Он протянул руку, словно рассчитывая, что в нее что-то упадет, и туранец пронзительно вскрикнул в смертельной муке, зашатался, как пьяный. Вдруг раздался треск ломающихся костей и звеньев кольчуги, и из его груди хлынул поток крови, а сквозь огромную дыру в разорванных тканях выстрелило что-то алое и влажное — прямо в выставленную ладонь властелина, как кусок железа, притягиваемый магнитом. Туранец сполз на пол и перестал шевелиться, а властe-

лин Имша со смехом швырнул под ноги киммерийцу еще бьющееся человеческое сердце.

Конан выругался и с рычанием бросился к лестнице. Из пояса Хсмсы плыла струя силы и безграничной ненависти, помогающей ему преодолеть страшное излучение воли, с которой он столкнулся на лестнице. В воздухе повисла отливающая металлическим блеском мгла, в которую он окунулся, словно пловец, опустив голову, прикрывая лицо согнутой рукой и крепко сжимая в левой руке кинжал. Напрягая заслезившиеся глаза, чуть выше себя на ступеньках различил фигуру ужасного чернокнижника — это изображение шло волнами, как отражение в быстротекущей воде.

Его толкали и швыряли силы, которые ему было трудно постичь разумом, но он ощущал поддержку струящейся откуда-то извне силы, которая неудержимо несла его вперед против воли колдуна и его собственной слабости.

Он достиг вершины лестницы и сквозь серо-металлическую мглу увидал перед собой лицо колдуна и страх, сквозящий в его неуверенном взгляде. Конан прорвался сквозь мглу, как через волны прибоя, и кинжал в его мускулистой руке рванулся вверх, как живое существо. Острие разодрало тогу властелина, который отпрянул со сдавленным криком. Вдруг, на глазах изумленного киммерийца, чернокнижник исчез — попросту исчез, как мыльный пузырь. Только по лестнице проскользнула какая-то длинная и колеблющаяся тень.

Конан прыгнул за ней на узкую лестницу, ведущую с лестничной площадки вверх. Он не мог бы придумать названия тому, что туда проскользнуло, но бешеная ненависть приглушила охватившее его отвращение и страх.

Он побежал по широким коридорам с голыми стенами из полированного нефрита. Перед ним скользнула длинная тень, пропав за дверными портьерами. Одновременно с этим в глубине одной из комнат раздался испуганный женский крик. Этот крик пришпорил Конана, он помчался что было силы к двери и в следующий же миг оказался в помещении за портьерой.

Его глазам предстала ужасная картина. На краю покрытого бархатом подиума сжалась Жазмина, крича от ужаса и отвращения, подняв руку, чтобы защититься от нависшей над нею ужасной головой змеи с блестящей чешуей и сверкающими темными кольцами. Со сдавленным криком Конан метнул в змею кинжал.

Гад молниеносно обернулся и бросился на него, как ветер, пролетающий меж высоких трав. Длинный кинжал пробил его шею, рукоятка торчала с одной стороны, а острие — с другой, но это, казалось, только усилило ярость огромного гада. Он наклонил свою голову над человеком, который осмелился ему сопротивляться, и, оскаливая брызжущие ядом клыки, попробовал укусить его. Но в тот же миг Конан выхватил из-за пояса стилет и изо всех сил ударил остриём снизу вверх. Сталь пробила нижнюю челюсть чудовища и застряла в верхней, словно приколов челюсти друг к другу. Тотчас же огромное тело гада окольцевало киммерийца. Не имея возможности пустить в ход зубы, змея попробовала таким образом его задушить.

Левая рука Конана была прижата к телу змеиными кольцами, но правая была свободна. Крепко упираясь в землю широко расставленными для равновесия ногами, он схватил торчащую в теле змеи рукоятку кинжала и выдернул его. Как бы угадывая своим нечеловеческим умом намерения противника, бестия начала извиваться, напрягаться, силясь захватить и свободную руку противника. Но длинное острие поднялось и опустилось с быстротой молнии, почти перерезав надвое огромное тело змеи.

Прежде чем киммериец смог ударить снова, гибкие кольца выпустили его из своих объятий, и чудовище скользнуло по плитам, истекая кровью из ужасных ран. Конан прыгнул за ним, поднимая оружие для удара, но убийственный удар поразил только воздух, потому что извивающийся гад скользнул в сторону и ударил головой о перегородку из сандалового дерева. Одна из плит уступила: длинное, истекающее кровью тело скользнуло в щель и исчезло. Киммериец тут же несколькими ударами пробил в перегородке дыру и заглянул в темное помещение. Черного, жуткого гада не увидел нигде. Увидел только лужу крови на мраморных плитах и кровавые следы, ведущие к замаскированной в стене двери. Это были следы босых ног...

— Конан!

Он повернулся на пятках — и в самый раз, чтобы поймать в свои объятия Деви Вендии, дрожащую от страха, благодарности и облегчения. Она пробежала через всю комнату и бросилась ему на шею.

От всех этих происшествий взыграла горячая кровь киммерийца. Он прижал девушку к груди с силой, которая в иных обстоятельствах вызвала бы на ее лице болезненную

гримасу, и запечатлел на ее устах неожиданный поцелуй. Жазмина не сопротивлялась. Место Деви заняла обычная женщина. Закрыв глаза, она утонула в его диких, горячих поцелуях, отдаваясь этой волне страсти. Он прервался, чтоб набрать воздуха, и взглянул на нее, тяжело дышащую, прижавшуюся к его могучему плечу.

— Я знала, что ты придешь за мной,— сказала она.— Ты не смог бы бросить меня одну в этом логове демонов.

Услышав эти слова, Конан пришел в себя и вспомнил, где они находятся. Он поднял голову и напряг слух. В замке на Имше царила тишина, но эта тишина была напоена угрозой. Опасность подстерегала в каждом углу, издевательски ощеривалась из-за каждой портьеры.

— Лучше пойдем-ка отсюда, пока есть время,— сказал он.— От этих ран погибло бы любое существо и даже человек, но не чернокнижник. Нанесешь ему удар, а он отползет, как раненая змея, чтобы из какого-то волшебного источника снова зачерпнуть яду.

Он поднял девушку на руки и понес, словно ребенка, по блестящему нефритовому коридору и лестнице, с напряженным вниманием ища вокруг новые признаки опасности.

— Я встретила властелина Имша,— испуганно прошептала Жазмина, вновь переживая весь тот ужас и крепче обнимая спасителя.— Он насылал на меня чары, чтоб сломить мою волю. Самое страшное — это был гниющий труп, который хватал меня... потом я потеряла сознание и лежала, как мертвая, не знаю сколько времени. Когда пришла в себя, услышала внизу шум и крики, а потом этот змей вполз в комнату и... ах! — Она задрожала.— Каким-то образом я поняла, что это не видение, а настоящая змея, которая хочет меня убить.

— Да уж, это не было видение,— с уверенностью ответил Конан.— Он понял, что проиграл, и предпочел убить тебя, лишь бы не отдать мне.

— О ком ты говоришь «он»? — спросила она неуверенно.

Она вдруг вскрикнула, прижимаясь к Конану, и забыла о своем вопросе. Увидела лежащие у подножия лестницы трупы. Останки колдунов отнюдь не представляли собой приятное зрелище, они съежились и почернели, а распахнувшиеся одеяния обнажили их ноги и руки, не имеющие ничего общего с человеческими. Видя это, Жазмина побледнела и спрятала лицо на широкой груди Конана.

10

КОНАН И ЖАЗМИНА

Конан быстро пересек зал, еще одну комнату и добрался до двери, ведущей на галерею. Заметил, что пол здесь устлан мелкими блестящими осколками. Хрустальная плита, закрывавшая выход, рассыпалась на куски. Киммериец припомнил раздавшийся оглушительный звон, когда он разбил лежавший на алтаре шар, и догадался, что в тот момент рассыпались все хрустальные вещи в храме, и какое-то неясное, скрытое в подсознании ощущение подсказывало ему правду о печальной связи между Господами Черного Круга и золотыми плодами граната. Он ощутил, что по его спине пробежали мурашки, и поспешил выбросить все из памяти.

Он вышел на галерею из зеленого нефрита, с облегчением глубоко вздохнул. Ему нужно было еще преодолеть расщелину, но, по крайней мере, он уже мог видеть сверкающие на солнце белые вершины и огромные склоны, тонущие в море голубоватого тумана.

Иракзай лежал в том же месте, куда упал: бесформенное пятно на гладкой, сверкающей поверхности. Спускаясь вниз крутой тропкой, Конан с удивлением взглянул на солнце, которое еще не минуло зенита, хотя ему казалось, что с момента, когда он вошел в замок Имш, прошли долгие часы.

Он ощущал острую необходимость спешить, им руководила не слепая паника, а инстинктивное чувство подстерегающей за спиной опасности. Он ничего не сказал Жазмине, а девушка казалась успокоенной, имея возможность опереться своей черной головкой на его широкую грудь, чувствуя себя в безопасности в его могучих объятиях. Конан на мгновение замер на краю расщелины и, нахмурив брови, глянул вниз. Переливающийся туман в пропасти уже не был розовым и искрящимся. Он был мутным, серым и призрачным, как тень жизни, тлеющей в израненном человеке. Киммерийца посетила странная мысль, что колдовство чернокнижников связано с их личностью больше, чем игра актеров является отражением жизни живых людей.

Но далеко внизу равнина по-прежнему блестела, как матовое серебро, а золотая полоса сверкала неугасимым блеском. Конан взвалил Жазмину на плечо, против чего она не возражала, и стал спускаться вниз. Быстро спус-

тился по платформе и пробежал по отзывающемуся эхом дну распадка. Он был уверен, что будет погоня и что единственный шанс уцелеть — это как можно быстрее переправиться по этой ужасной полосе, прежде чем раненый властелин настолько обретет силу, что снова подвергнет их какой-либо опасности.

Когда он взобрался на противоположную стену и встал на краю, то вздохнул с облегчением и поставил Жазмину на землю.

— Дальше ты можешь идти сама,— сказал он.— Дорога все время идет под уклон.

Девушка украдкой бросила взор на сверкающую пирамиду по ту сторону распадка: замок Имш вздымался на фоне заснеженного склона как цитадель молчания и зла.

— Конан из Гхора, разве ты чародей, что победил Черных Колдунов с Имша? — спросила Жазмина, когда они стали спускаться по тропке.

— Это все пояс, который мне дал Хемса перед смертью,— ответил киммериец, обнимая крепкой рукой талию девушки.— Да, я нашел его на дороге. Это необычный пояс, я покажу его тебе, когда будет свободное время. Против некоторых заклятий он оказался бессилен, но против многих — очень мне помог, хотя добрый кинжал — самое лучшее заклятье.

— Но раз ты с помощью пояса победил властелина,— сказала Жазмина,— то почему не повезло с ним Хемсе?

Конан покачал головой:

— Кто знает? Хемса был слугой властелина, может, это и ослабило его силы. Надо мной он не имел такой власти, как над Хемсой. Но я б не сказал, что я его победил. Правда, он удрал, но я боюсь, что мы с ним еще встретимся. Хотелось бы, чтоб от его владений нас отделяло как можно большее расстояние.

Он обрадовался, найдя стреноженных копей у тамарисков, там, где их оставили. Быстро отвязал их, оседлал черного жеребца и посадил перед собой девушку. Остальные кони, набравшись сил на выпасе, дружно двинулись за ними.

— А что теперь? — спросила она.— В Афгулистан?

— Как бы не так! — грустно улыбнулся он.— Не знаю кто, возможно губернатор, убил семерых моих вождей. Мои глупцы афгулы думают, что я имею к этому какое-то отношение, и пока я не смогу убедить их, что они ошибаются, они будут преследовать меня, как раненого шакала.

— А что со мной? Если вожди мертвы, я не нужна тебе больше в качестве заложницы. Ты убьешь меня, чтобы отомстить за них?

Он окинул ее сверкающим взглядом и рассмеялся, услышав такое нелепое предположение.

— Едем к границе,— сказала она.— Там афгулы тебе угрожать не будут...

— Да, прямо на вендийскую виселицу.

— Но я королева Вендии,— напомнила она ему. В ее голосе на мгновение появились повелительные интонации.— Ты спас мне жизнь. Получишь за это награду.

Это прозвучало не так, как она хотела, и лишь привело Конана в негодование.

— Прибереги свои сокровища для своих придворных лизоблюдов, княжна. Если ты госпожа равнин, то я — господин гор и не сделаю ни шагу к вендийской границе!

— Ты был бы там в безопасности...— сказала она с недоверием.

— А ты вновь стала бы Деви,— прервал он ее.— Нет, благодарю, предпочитаю тебя такой, какой вижу сейчас,— женщиной из плоти и крови, едущей со мной в седле.

— Но ведь ты не можешь меня задержать! — воскликнула она.— Не можешь...

— Подожди и убедишься! — сказал он горько.

— Но я заплатила бы тебе огромный выкуп.

— К демонам твой выкуп! — сказал он грубо, крепче сжимая ее гибкую талию.— Во всем королевстве Вендии не могло бы найтись ничего, что я желал бы так же, как тебя. Я украл тебя, рискуя жизнью, и, если твоя дворня желает тебя вернуть, пусть приезжают в Забар и отнимут силой.

— Но ведь у тебя нет людей! — выкрикнула она.— Тебя преследуют. Как ты защитишь себя, не говоря уже обо мне?

— Есть еще у меня друзья в горах,— ответил он.— Вождь куракчаев спрячет тебя в надежном месте, пока я не договорюсь с афгулами. Если они не захотят меня выслушать, то — во имя Крома! — поеду с тобой на север, к степным разбойникам. Прежде, чем попасть на Восток, я был их вождем. Я тебя сделаю королевой Вольной Степи!

— Не хочу,— сопротивлялась она.— Ты не можешь меня заставить...

— Если эта идея так тебе неприятна,— сказал он,— почему ты так охотно подставляла свои губы для поцелуев?

— Даже королева может быть всего лишь женщиной,— ответила она, покраснев.— И потому, что я — королева, я

должна прежде всего жить интересами моего королевства. Не увози меня в чужие края. Возвращайся со мной в Вендию.

— А ты сделаешь меня своим королем? — спросил он с иронической улыбкой.

— Но обычаи...— замялась она, а Конан со смехом прервал ее:

— Да, обычаи цивилизованных людей не позволяют тебе сделать то, что ты хотела бы. Выйдешь замуж за какого-нибудь старого, морщинистого короля с равнины, а я поеду своим путем, беря с собой на память воспоминания о нескольких украденных поцелуях! А?

— Но ты можешь поехать в мое королевство,— беспомощно повторила она.

— Зачем? — спросил он со злостью.— Протирать задом золотой трон и слушать лесть глупо улыбающихся выскочек в бархатных одеяниях? И что тебе это даст? Послушай: я родился в горах Киммерии, где живут варвары. Был наемным воином, корсаром, разбойником, делал сотни иных таких же вещей. Кто из королей объездил столько стран, провел столько битв, любил стольких женщин и добывал такие трофеи, как я? Приехал в Гулистан, чтобы собрать орду и опустошить южные королевства, в том числе и твое. То, что я стал вождем афгулов, было лишь началом. Если мне удастся с ними помириться, в течение года за мной пойдет еще с дюжину других племен. Если нет — возвращусь в степь и вместе с разбойниками буду грабить приграничья Турана. А ты поедешь со мной. К демонам твое королевство, обходилось же оно как-то, когда тебя еще не было на свете!

Сидя в селле в его объятьях и глядя ему в лицо, Жазмина чувствовала пробудившееся в душе дерзкое желание, равное по силе его страсти. Но тысячи поколений предков были такой угнетающей тяжестью!

— Не могу! Не могу! — бессильно повторяла она.

— У тебя нет выбора,— уверял он ее.— Поедешь... Что такое, разрази меня Кром?!

Имш остался далеко за спиной, теперь они ехали по высокому ребру, разделявшему две долины. Они находились как раз на вершине скального гребня, откуда хорошо была видна долина по правую сторону. Там шла отчаянная битва. Сильный ветер дул от них, поэтому шум битвы был плохо слышен, но и так снизу доносился звон сабель и стук копыт.

Был виден солнечный блеск на остриях копий и остроконечных шлемах. Три тысячи закованных в сталь всадников гнали перед собой орду потрепанных воинов в тюрбанах на головах, которые убегали, как стая волков, огрызаясь на нападавших.

— Туранцы! — воскликнул Конан.— Это отряды из Секундерама. Что они здесь делают, демон их побери?

— А кого они преследуют? — спросила Жазмина.— И почему они так яростно дерутся? При таком преимуществе врага у них нет никаких шансов.

— Это пятьсот моих сумасшедших афгулов,— буркнул Конан, хмуря брови.— Они в ловушке и знают об этом.

Действительно, афгулы находились в тупике. Долина постепенно сужалась, переходя в глубокий овраг, заканчивающийся небольшой котловиной, окруженной крутыми, непреодолимыми стенами.

Наездников в тюрбанах загоняли в ту расщелину. Не имея другого выхода, они пятились туда шаг за шагом под дождем стрел и градом ударов. Туранцы теснили их решительно, но не слишком сильно. Они знали ярость доведенных до отчаяния горцев и прекрасно понимали, что загнали их в безвыходную ловушку. Узнав, что это воины из племени афгулов, они хотели их окружить и принудить покориться. Чтобы выполнить свой план, они нуждались в заложниках.

Их эмир был человеком дела. Когда он достиг долины Гурашах и обнаружил, что ни противника, ни эмиссара нет на месте встречи, он пошел дальше, доверяя своему знанию гор. Всю дорогу его войско сражалось с враждебно настроенными жителями гор, и многие деревни теперь зализывали раны. Эмир знал, что, наверное, ни он, ни один из его копьеносцев не вернется живым в Секундерам, потому что со всех сторон их окружают враги, но он был настроен выполнить приказ — любой ценой отнять у афгулов Деви и доставить ее Ездигерду в качестве невольницы или же, если это окажется невозможным, с честью погибнуть, отрубив ей голову. Конечно же, обо всем этом пара, глядящая на них с хребта, не имела ни малейшего понятия. Конан вертелся в беспокойстве.

— Почему они, демоны, дали себя загнать в ловушку? — спрашивал он.— Знаю я, что эти псы делали в этих краях: охотились на меня. Они заглядывали в каждую долину и, прежде чем успели опомниться, попали в ловушку. Несчастные глупцы. Они и в ущелье будут обороняться, но долго

не продержатся. Когда туранцы затолкают их в котловину, то сделают с ними, что захотят.

Шум, доносящийся снизу, усилился. Яростно обороняющиеся афгулы в узком ущелье на короткий миг задержали одетых в броню всадников, которые не могли бросить на них все свои силы.

Конан мрачно нахмурился и беспомощно завертелся в седле, поигрывая кинжалом. Наконец он сказал без обиняков:

— Деви, я должен пойти туда. Найди какое-нибудь укрытие, в котором переждешь, пока я вернусь. Ты говорила о своем королевстве... ну, не буду делать вид, что считаю этих волосатых демонов своими детьми, но, кроме всего прочего, какие они ни есть, они мои люди. Вождь никогда не покидает своих людей, даже если они покидают его первыми. Им казалось, что они были правы, когда обвиняли меня... К демону, я не буду стоять в стороне и смотреть, как их вырезают! Я все еще вождь афгулов и докажу это! Спущусь вниз в ущелье.

— А что со мной? — запротестовала она.— Ты увез меня из моей страны, а сейчас хочешь покинуть в горах одну?

Конан мучительно раздумывал, так что жилы набрякли у него на висках.

— Это правда,— сказал он грустно.— Кром знает, что я сейчас должен делать.

Жазмина легко наклонила голову, и на ее прекрасном лице появилось странное выражение.

— Слушай! — вдруг воскликнула она.— Слушай!

Ветер донес до их слуха слабые отзвуки фанфар. Они взглянули в долину с левой стороны и заметили там длинные колонны всадников. Они ехали по дну долины, сверкая на солнце сталью копий и полированными шлемами.

— Это вендийская конница!

— Их тысячи! — сказал Конан.— Давно уже кшатрийские отряды не забирались так далеко в горы.

— Они ищут меня! — выкрикнула Жазмина.— Дай мне своего коня! Я поеду к моим воинам. С левой стороны спуск не такой крутой, можно съехать вниз. Ты иди к своим и скажи им, пусть продержатся еще минуту. Я направлю конницу в долину и ударю по туранцам! Возьмем их в клещи. Быстрее, Конан! Неужели ты хочешь, чтобы твои люди погибли из-за твоих желаний?

Его глаза горели дикой страстью, но он соскочил с коня и отдал поводья.

— Ты выиграла,— сказал он.— Мчи как тысяча демонов!

Жазмина свернула на склон по левую руку, а он быстро побежал по ребру, пока не достиг длинной потрескавшейся расщелины, в которой кипела битва. Ловко, как обезьяна, спустился вниз, используя углубления и выступы на скале, чтобы в конце концов спрыгнуть в гущу сражающихся. Вокруг раздавался крик и лязганье стали, визг и ржанье лошадей, шум падающих тел.

Едва его ноги коснулись земли, киммериец завыл, как волк, схватился за украшенную золотом узду, уклонился от удара сабли и вонзил свой кинжал в сердце ездока. В следующую минуту он уже был в седле, выкрикивая яростные приказы ошеломленным афгулам. Они какую-то минуту глядели на него с раскрытыми ртами, потом, видя опустошение, которое он производит среди врагов, вновь принялись за дело, без возражений принимая его возвращение. В этом адском хаосе не было времени на лишние вопросы.

Все новые и новые ряды всадников в остроконечных шлемах и позолоченных кольчугах вступали в ущелье, узкий распадок был полностью забит скопищем людей и коней; сражающиеся сшибались грудь в грудь, отбиваясь короткими ножами, нанося смертельные удары, когда удавалось размахнуться в такой толчее. Воины, упавшие с коня, уже не поднимались, затоптанные сотней копыт. В такой битве все решала грубая сила, а вождь афгулов имел ее за десятерых. В такие минуты люди охотно подчиняются укоренившимся привычкам, и горцы, привыкшие видеть Конана своим вождем, воспрянули духом.

Но численное преимущество все же имело значение. Напирающие задние ряды туранской конницы теснили передних в глубь узкого ущелья под сверкающие лезвия сабель афгулов. Горцы медленно пятились, оставляя за собой горы трупов. Разя и убивая, как сумасшедший, Конан не переставал задавать себе вопрос, от которого стыла кровь: сдержит ли слово Жазмина? Она ведь могла присоединиться к своим воинам и повернуть на юг, бросив киммерийца и его афгулов на верную смерть.

Но наконец, когда казалось, что прошли века этих мучительных сражений, в звоне стали и криках гибнущих прорезался новый звук. С пением труб, от которого затряслись горы, с нарастающим стуком копыт пять тысяч вендийских всадников ударили по коннице Ездигерда.

Один этот удар разбросал туранские полки по сторонам, разбил их, смял и разогнал по всей долине. В мгновение

ока волна атакующих подалась из ущелья, туранцы повернулись, чтобы поодиночке либо группами броситься в омут битвы. Но когда пронзенный кшатрийским копьем эмир сполз на землю, наездники в остроконечных шлемах потеряли боевой дух и, ожесточенно погоняя коней, попробовали прорваться сквозь кольцо нападавших. По мере того как их отряды разбегались, победители-вендийцы бросались за ними в погоню, и вся долина и невысокие склоны у ее выхода были покрыты отступающими и их преследователями. Те из афгулов, которые еще могли держаться в седлах, вырвались из ущелья и присоединились к погоне, без возражений принимая неожиданный союз, так же, как они приняли возвращение изгнанного вождя.

Солнце уже пряталось за вершины Химелии, когда Конан в изодранной одежде, в забрызганной кровью кольчуге и с влажным от крови кинжалом в руке прошел через побоище и подошел к Деви Жазмине, ожидавшей его на краю пропасти в окружении своей свиты.

— Деви! — крикнул он.— Ты сдержала слово, хотя, признаюсь, были минуты, когда я думал... Берегись!

Огромный ястреб, как молния, упал с ясного неба, ударом крыла сшибая всадников с седел. Искривленный, как сабля, клюв целил в мягкую шею Жазмины, но Конан был быстрее: короткий бег, тигриный прыжок, бешеный удар окровавленного кинжала — и ястреб с ужасным человеческим стоном закачался в воздухе, потом рухнул в пропасть, чтоб через тысячу футов разбиться на камнях. Падая и разрезая крыльями воздух, он принял обличье человека в развевающейся черной тоге.

Конан блестящими глазами смотрел на Жазмину. Из многих ран на его мускулистых руках и ногах сочилась кровь.

— Вновь ты — Деви,— сказал он, не обратив внимания на столпившийся вокруг нее цвет рыцарства и только оскалив зубы при виде окаймленного золотом, тонкого, как паутинка, покрова, который она набросила на платье горской девушки.— Я должен поблагодарить тебя за то, что ты спасла более трех сотен моих бандитов, которые в конце концов убедились, что я не предавал их. Благодаря тебе я снова могу думать о завоеваниях.

— Я по-прежнему должна тебе выкуп,— сказала она, глядя на него сверкающими глазами.— Я заплачу тебе десять тысяч штук золота...

Он оборвал ее резким, нетерпеливым жестом и, вытерев кинжал, засунул его в ножны.

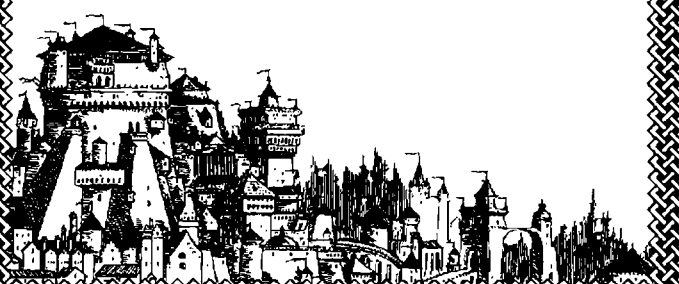
— Я сам возьму выкуп,— сказал он,— и сам определю способ и время оплаты. Я получу его в твоем дворце в Айодии, а приеду туда с пятьюдесятью тысячами воинов, чтоб быть уверенным, что получу все сполна.

Она засмеялась, натянув поводья.

— А я встречу тебя на берегу Юмды со ста тысячами!

Глаза Конана выражали восхищение и восторг, когда он отодвинулся в сторону и повелительным жестом поднял руку, показывая Жазмине, что путь свободен.

Замыслам Конана не суждено было исполниться и в Афгулистане. Вернувшись в хайборийские королевства, он присоединился к восстанию, поднятому принцем королевства Коф Альмариком против короля Страбонуса. Восставшие были разбиты и в конце концов беспощадно истреблены на краю южной пустыни...



Ползучая тень

1

Раскаленный воздух волнами поднимался над пустыней. Конан-киммериец провел по потрескавшимся губам ребром огромной ладони и огляделся по сторонам. Из одежды на нем была лишь шелковая набедренная повязка, да талию обхватывал широкий пояс с золотыми нашлепками, на котором висели сабля и кинжал,— он стоял, равнодушно снося болезненные уколы лучей нещадно палившего солнца. Могучие бицепсы на руках и мышцы на ногах носили следы свежих ран.

Обхватив руками колени и низко опустив светловолосую голову, рядом с ним на песке сидела юная девушка, белизна ее кожи резко контрастировала с цветом загорелых ног огромного варвара. Коротенькая, перехваченная в талии туника без рукавов и с глубоким вырезом на груди скорее обнажала, чем прикрывала ее прекрасное тело.

Конан тряхнул головой, словно хотел избавиться от слепящего блеска. Он приложил к уху кожаный бурдюк, который держал в руке, встряхнул его и, услышав слабый всплеск, только сильнее сжал челюсти.

Девушка вздрогнула и жалобно простонала:

— Пить! Пить! О Конан! Нам теперь нет спасения!

Киммериец ничего не ответил, враждебным взглядом окидывая песчаные барханы. Он смотрел на них исподлобья, и такая злоба пылала в его голубых глазах, что казалось — нет у него врага злейшего, чем эта пустыня.

Конан наклонился и поднес бурдюк к губам девушки.

— Давай, пей! — приказал он.- Пей, пока не остановлю.

Она пила мелкими жадными глотками, пока не выпила воду до последней капли. И лишь тогда все поняла.

— Ах, Конан! — воскликнула девушка.— Зачем ты это сделал? Ведь я же все выпила, все! Тебе ничего не осталось!

— Не реви! — рявкнул он.— Береги силы!

Конан выпрямился и отшвырнул в сторону пустой бурдюк.

— Ну почему ты не остановил, почему? — всхлипывала девушка.

Он даже не посмотрел на нее — стоял, выпрямившись во весь рост, и в его взгляде, устремленном в таинственную пурпурную мглу на горизонте, горела ненависть.

Киммериец понимал, что близится конец его жизненного пути, хотя при одной мысли об этом бунтовала вся его дикарская неуемная душа. Силы еще были, но он чувствовал, что долго под этим убийственным солнцем ему теперь не выдержать. Девушка уже совсем обессилела. Так не лучше ли одним-единственным ударом сабли милосердно прервать ее страдания? Видеть ее адские мучения, наблюдать, как она медленно сходит с ума от жажды — ведь эти несколько глотков утолили ее ненадолго,— о нет! Из ножен, вершок за вершком, медленно выползала сабля.

Вдруг рука варвара дрогнула. В глубине пустыни, далеко на юге, что-то сверкнуло в раскаленном воздухе. «Пригрезилось,— подумал он со злостью,— очередной мираж, которыми так богата пустыня». Конан приложил руку к глазам, полуослепшим от солнца,— и ему показалось, что он различает вдали башни, минареты, сверкающие стены. Он смотрел недоверчиво, ожидая, что мираж вот-вот поблекнет и растворится в воздухе. Натала перестала всхлипывать. Она с трудом поднялась на ноги и тоже вгляделась в мерцающее марево.

— Что это такое, Конан? — прошептала она, боясь пробудившейся надежды.— Город или мираж?

Киммериец молчал. Он несколько раз моргнул, посмотрел на город искоса, затем вновь прямо — город не исчезал, не улетучивался, стоял на том же самом месте.

— Кто его знает,— пробурчал он с сомнением.— Так или иначе, посмотреть стоит.

Он бросил саблю назад в ножны, наклонился и легко, словно перышко, поднял на руки Наталу.

— Не надо, Конан! — запротестовала она.— Я могу идти, пусти меня!

— Смотри, сколько камней! — рявкнул он гневно.— Мигом порвешь,— он мотнул головой, показывая на изящные, салатного цвета сандалии.— А нам надо спешить, чтобы дойти до заката.

Надежда на спасение влила новые силы в стальные мышцы киммерийца. Он бежал по барханам, словно летел на крыльях. Цивилизованный человек на его месте уже давно отдал бы богу душу, но он — варвар из варваров — сражался за свою жизнь, словно кошка.

Конан и Натала чудом унесли ноги после разгрома армии мятежного принца Альмарика, этой буйной, пестрой орды, которая вихрем промчалась по королевству Шем и утопила в крови северную границу Стигии. После этого орда, уже со стигийской армией на хвосте, вторглась в королевство Куш и в ее пределах была наконец окружена на краю южной пустыни. Армии стигийцев и кушитов соединились и уже не выпустили добычу из капкана. Конан-киммериец в последний момент поймал верблюда, забросил на него девушку — и был таков. Им посчастливилось, они избежали трагической судьбы своих товарищей, но для них оказалась открытой лишь одна дорога — в пустыню.

Натала была родом из Британии. Конан как-то увидел ее на невольничьем рынке в одном из шемитских городов, захваченных ордой Альмарика, она пришлась ему по душе, и он, недолго думая, тут же присвоил девушку, ни у кого не спрашивая на то разрешения. Сама она с радостью приняла такой поворот в своей жизни, да и чего лучшего ей было ждать? Скорее всего ее продали бы в шемитский сераль, а для женщин Хайборийской эры это было худшим из всех возможных зол.

Конан и его спутница несколько суток подряд не слезали с верблюда — целая стая стигийцев неутомимо преследовала их по пятам. Когда они наконец прекратили погоню, беглецам не оставалось ничего иного, как продолжить путь в том же направлении — возвращаться уже было поздно. Они долго ехали, высматривая оазис, но их спаситель, верблюд, в конце концов пал замертво, и им пришлось идти дальше пешком, утопая по колено в горячем песке и испытывая жесточайшую жажду. Девушка была сильной и выносливой, закаленной суровой лагерной жизнью, как мало кто из женщин той жестокой эпохи, но и она, как ни оберегал ее варвар, постепенно выбилась из сил.

Адская жара струилась с неба на черные, спутанные волосы Конана. Тошнотворный туман и тупое безразличие волнами заливали его мозг, но он не поддавался и шел, стискивая зубы, все дальше и дальше, поскольку теперь знал наверняка, что впереди действительно город, а не пустой мираж. Что ждет их там? Новые враги? Кем бы они ни оказались —

с ними можно будет сразиться, их можно будет убить. А большего варвару и не требовалось.

Солнце уже висело низко над горизонтом, когда они остановились наконец в животворной тени огромных ворот. Конан с облегчением расправил плечи. Перед ними на высоту не менее тридцати футов возносились крепостные стены — зеленоватые по цвету, они блестели, словно действительно были стеклянными. Конан пробежал взглядом по верхушкам стен, но ничего не заметил. Он крикнул во всю мощь своих могучих легких — ответом была тишина. Варвар ударил в ворота рукояткой сабли — лишь гулкое эхо отозвалось и тут же утонуло в песках. Натала, напуганная странной тишиной, дрожала, словно в лихорадке, а Конан, разгорячившись, навалился всей тяжестью на ворота, те вдруг уступили и, не издав ни малейшего скрипа, начали открываться. Варвар отскочил, настороженный, словно пума, и с саблей наготове прижался к стене, ожидая нападения. Девушка вскрикнула. За воротами лежал человек. Конан внимательно исследовал его взглядом, затем поднял глаза — и увидел просторную площадь, окруженную зданиями, сияющими, как и стены, зеленоватым светом, за ними возносились стройные башни минаретов. И нигде не было ни следа жизни. Посреди площади стоял четырехугольный сруб колодца. Ничто иное в ту минуту не могло бы обрадовать Конана больше, в его пересохшем рту уже едва ворочался облепленный песком вспухший язык. Он подхватил Наталу на руки, скользнул за ворота и закрыл их за собой.

— Он живой? — спросила со страхом девушка, показывая на неподвижно лежащее тело рослого мужчины средних лет, с чертами лица, обычными для человека той эпохи, лишь глаза его, быть может, были более раскосыми да кожа — чуть более желтой. На нем была пурпурная шелковая туника, ноги обуты в плетеные сандалии, к поясу приторочен короткий меч в ножнах, украшенных золотом. Конан прикоснулся к телу. Оно было холодным, без всяких признаков жизни.

— Даже не ранен,— удивился киммериец,— а мертвый, как Альмарик, когда его нашпиговали стигийскими стрелами. Да ладно, хватит об этом. Нам с тобой прежде всего надо напиться. Клянусь Кромом, я осушу весь колодец!

Сделать это оказалось вовсе не просто. Зеркало воды блестело в добрых сорока футах внизу, но ни веревки, ни какой-либо подходящей посудины поблизости не нашлось.

Разозленный неожиданным препятствием, варвар лихорадочно осматривался по сторонам, пытаясь разыскать хоть что-нибудь, когда до его ушей долетел пронзительный крик девушки. Он мгновенно повернулся — к нему бежал, держа меч высоко над головой, тот человек, которого он посчитал мертвым. Конан не тратил времени на долгие размышления, его сабля свистнула в воздухе, и голова незнакомца покатилась по каменным плитам. Из шеи, словно сок из перерубленной лианы, ударила струя крови, тело пошатнулось и, все еще с мечом в руках, рухнуло на землю.

— Умер ты наконец? — рявкнул Конан.— Или добавить? Ну что за город такой проклятый нам попался?

Натала дрожала всем телом, укрыв лицо в ладонях. Она посмотрела на Конана, раздвинув пальцы, и снова зашлась в рыданиях.

— Они убьют нас, Конан! Они не простят того, что ты сделал!

— А что я должен был делать? Ждать, пока нас изрубят на куски? — Он окинул площадь внимательным взглядом. По-прежнему вокруг господствовала тишина, нигде ни малейшего движения.

— Ни единой живой души,— пробурчал он успокоенно.— Ладно, я его спрячу.

Ухватив рукой за пояс, он поднял труп, второй рукой схватил за длинные волосы отрубленную голову и потащил свою страшную ношу к колодцу.

— Мы не можем напиться,— рассмеялся он,— так хоть ты попей вдосталь!

Он бросил тело в колодец, следом за ним швырнул голову. Мгновение спустя из темной глубины донесся глухой всплеск.

— А кровь, Конан! Кровь осталась! — прошептала девушка.

— Если я сейчас не напьюсь, то кровь прольется еще,— с угрозой в голосе сказал варвар, который не отличался долготерпением вообще, а уж тем более тогда, когда его мучили голод и жажда.

Девушка со страху и думать забыла о еде, но Конан помнил.

— Пойдем туда, во дворец. Должен же тут быть хоть кто-то живой.

— О, Конан! — Она крепко обняла его, пытаясь сдержать дрожь.— Я ужасно боюсь! Это город духов — духов и трупов! Вернемся в пустыню! Лучше погибнуть от жары, чем от нечистой силы!

— Вернемся в пустыню, как же,— бормотал Конан гневно.— Мы вернемся тогда, когда нас сбросят с этих стен. Я найду воду, пусть даже для этого придется поотрубать все головы в этом проклятом городе!

— А вдруг у них эти головы опять отрастут? — Ее голос дрожал от ужаса.

— Тогда я буду отрубать их, пока они совсем не отвалятся,— заверил он ее.— Держись за моей спиной и ни в коем случае не беги без приказа.

— Как скажешь, Конан,— шепнула она тихо.

Натала, смертельно перепуганная, шла за Конаном так близко, что он чувствовал не только ее горячее дыхание, но и, к собственному неудовольствию, ее сандалии, наступающие ему на пятки.

Сгущались сумерки, наполняя таинственный город пурпурными тенями. Они прошли под аркой и оказались в большом зале, пол и потолок которого были выложены все тем же стекловидным зеленоватым камнем, а стены — из того же, видимо, материала — покрывала драпировка из шелковой, с фантастическими узорами, ткани. На полу, устланном пушистыми шкурами, валялись беспорядочно разбросанные атласные подушки. Сквозь дверь в противоположной стене видна была следующая комната. Они прошли через несколько залов, похожих друг на друга, как две капли воды. Во дворце никого не было, но киммериец подозрительно посматривал по сторонам и что-то бормотал сам себе. Он никак не мог отделаться от ощущения, что в залах кто-то присутствовал за мгновение до того, как они в них появились. Вот софа — она еще теплая. На этой подушке не разгладилась еще вмятина — только что на ней кто-то сидел. В воздухе плыл сладкий запах благовоний — кто-то тут только что прошел.

Некая аура ирреальности окутывала дворец, он, казалось, снился ему в наркотическом сне. Некоторые из залов утопали в абсолютном мраке, в них они не заглядывали, другие были освещены мягким светом, исходившим из драгоценных камней, сверкавших на стенах. Вдруг Натала вскрикнула и судорожно вцепилась в плечо Конана. Он мгновенно отшвырнул ее и повернулся, готовый встретить врага лицом к лицу.

— В чем дело? — рявкнул он, никого не увидев.— Никогда не хватай меня за плечи, руки поотламываю! Ты почему кричала?

— Посмотри! — показала она дрожащей рукой.

Киммериец сглотнул слюну. На матово поблескивающем столе из черного дерева сияла золотом посуда: в тарелках полно еды, в чашках и кубках — вина.

— Пир! — благоговейно выдохнул варвар.— Какой пир мы сейчас с тобой закатим!

— Мы ведь не тронем тут ничего? — Голод боролся в голосе девушки со страхом.— Вдруг кто-нибудь придет...

Конан выругался на киммерийском языке, схватил Наталу за шею и бесцеремонно швырнул ее на позолоченное креслице, стоявшее у края стола.

— Тут кишки от голода змеями скручиваются, а она на двери оглядывается! Ешь!

Сам он плюхнулся в кресло на противоположном конце стола, схватил нефритовый кубок и осушил его несколькими большими глотками. На его пересохшее горло этот острый напиток, похожий на красное вино с каким-то экзотическим, неизвестным ему привкусом, подействовал подобно бальзаму. Утолив слегка жажду, он с волчьим аппетитом набросился на еду: на мясо неведомых животных, на фрукты странной формы. Кувшины, амфоры, тарелки — все чудной ювелирной работы, вилки — из чистого золота. Впрочем, на вилки Конан обращал внимания меньше всего, он рвал мясо руками, мозжил кости крепкими зубами. Манеры его более цивилизованной спутницы тоже вряд ли сочли бы приемлемыми в изысканном обществе, если бы увидели, с какой скоростью исчезали в ее маленьком рту яства сказочного стола. В голове бешено работавшего челюстями Конана мелькнула вдруг мысль, что еда и вино могут быть отравленными, но он тут же забыл о ней, здраво рассудив, что лучше умереть от яда, чем от голода.

Насытившись, Конан развалился поудобнее в кресле и удовлетворенно срыгнул. Что ж, раз в этом пустом дворце полно свежей еды и питья, должны быть и люди. Кто знает, быть может, в каждом из этих темных углов таится враг. Однако даже если это было так, киммериец относился к этому совершенно спокойно, он безгранично верил в свои силы. На него навалилась дремота, и он начал уже всерьез подумывать над тем, что неплохо было бы прилечь и соснуть часок-другой.

Натала, удовлетворив голод и жажду, вовсе не избавилась от своих страхов и опасений и даже не помышляла о сне. Она напряженно вглядывалась в темноту под арками, в которой крылось нечто неведомое, таинственное, молчаливое и ужасное. Зал, в котором они сидели, показался ей

вдруг огромным, стол — невероятно длинным, а сама она оказалась гораздо дальше от сонного великана, чем ей хотелось бы. Натала вскочила, обежала стол и устроилась на коленях своего опекуна, обшаривая зал тревожным взглядом. Крутые арки открывали вход к нескольким другим залам, некоторые из них были залиты мягким розоватым светом, другие утопали во мраке. Именно эти последние буквально приковывали боязливый взгляд девушки.

— Пойдем же, Конан, пойдем отсюда! — взмолилась она.— Я чувствую здесь зло!

— Не каркай! Ничего плохого с нами не случит...— начал он, но тут что-то зашуршало, и этот звук в сгустившейся тишине разнесся рокотанием грома. Конан, мгновенно собравшись, мягко, словно пантера, вскочил на ноги, девушка перышком слетела с его колен, а он уже держал саблю наготове, озираясь по сторонам. Шорох не повторялся, и киммериец, двигаясь бесшумно, направился в ту сторону, откуда он донесся до их ушей, а девушка, съежившись и дрожа всем телом, следовала за ним.

Они остановились на пороге соседнего зала, и варвар застыл, словно лев перед прыжком, а Натала, боязливо вытянув шею, посмотрела через его плечо. Их глаза, быстро привыкшие к темноте, уловили очертания стоявшего у стены возвышения, похожего на саркофаг, на котором лежал на спине человек, как две капли воды похожий на того, которого Конан спустил в колодец. Одежда его, правда, отличалась гораздо большей пышностью — она вся была усыпана золотом и драгоценными камнями, и в скудном свете, проникавшем из соседнего зала, сверкала подобно огромному бриллианту. Снова послышался зловещий шорох, словно кто-то отодвинул портьеру. Конан моментально отскочил в сторону, потянул за собой девушку и зажал ей рот своей огромной ладонью.

С того места, где они стояли, не было видно возвышения с лежавшим на нем человеком, лишь на стене рисовалась слабая тень. Так вот, к этой тени медленно подползала иная тень, она была бесформенной, огромной и настолько черной, что киммериец похолодел от ужаса. Эта тень не была тенью человека или животного — Конан никогда в жизни не видел ничего подобного. Натала еще шире раскрыла свои огромные, остекленевшие от страха глаза, в гробовой тишине явственно слышалось ее спазматическое дыхание. Тяжелая, словно черное облако, тень обволокла человека, и они увидели, как на стене вспучился огромный горб, тут же,

впрочем, опавший и рассосавшийся. Тень медленно и лениво уползла куда-то вниз, открывая очертания ложа. Ложе было пустым — человек исчез.

Тело девушки конвульсивно дернулось — первый признак истерики.

Конан, чтобы привести ее в чувство, вновь воспользовался ладонью. Он сам ежился от холодного пота, стекавшего по спине. Ничто в подлунном мире не могло так напугать его, но ведь то, что они видели, судя по всему, относилось вовсе не к этому миру.

И все же любопытство пересилило страх, и киммериец, чуткий, словно кошка, скользнул в зал. Он был пуст. Пустым оказалось и возвышение, обитое шелковой тканью. В его изголовье быстро впитывалась капля алой крови, поблескивая, словно рубин. Натала увидела ее и взвизгнула от ужаса. Конан не обратил на это внимания, ибо и он чувствовал, что его горло все сильнее сдавливает ледяная петля страха. Значит, здесь действительно лежал человек, а затем появилось нечто чудовищное и человек исчез. Что же это было, какие мрачные силы скрывают бесчисленные закоулки этого треклятого дворца?

Варвар взял девушку за руку, собираясь уйти из зловещего зала,— и замер, не дыша. Издалека, со стороны того зала, в котором они пировали, слышался тихий шелест шагов. Сомневаться не приходилось, к ним кто-то приближался, мягко ступая босыми ногами. Киммериец сорвался с места, таща за собой девушку, он надеялся, что сумеет выбраться на площадь через иные двери, избежав встречи с незнакомцем, кем бы там он ни был.

Однако они не успели еще добежать до арки, когда тяжелая шелковая занавеска раздвинулась за их плечами, и в комнату заглянул человек. Это был мужчина, тоже очень похожий на того, что встретился им, на свою беду, по пути во дворец,— столь же высокий, плотный, в пурпурной тунике, перетянутой в талии расшитым золотом и драгоценностями кушаком. У бедра болтался короткий меч, но мужчина даже руку не положил на его рукоять, он неподвижно стоял, равнодушно разглядывая пришельцев. В его янтарных глазах не отражалось ничего, кроме отчаянной скуки. Тишину разорвал сонный голос незнакомца. Так же равнодушно, ни к кому не обращаясь конкретно, он произнес несколько слов на неизвестном Конану языке.

Киммериец ответил по-стигийски и тут же услышал вопрос, заданный на том же языке:

— Кто вы такие?

— Я Конан-киммериец,— гордо выпрямившись, ответил варвар.— А се зовут Натала, она британка. Скажи нам, что это за город?

Незнакомец молчал, но его сонный мечтательный взгляд, скользнувший по девушке, дрогнул, глаза загорелись вдруг вожделением.

— О юное создание, ты прекраснее всех, кого мне здесь доводилось видеть! Кто же ты, о златовласая гурия, в какой из благословенных стран родилось такое чудо? В Андарре, Тотре или, быть может, в сверкающей серебряными звездами Кут?

— Что ты мелешь? — спросил раздосадованный Конан, который терпеть не мог пустых речей.

Незнакомец не обратил на его слова ни малейшего внимания и, захлебываясь от восторга, продолжал:

— Да, это верно, мне снились многие красавицы, они были стройными и грациозными, словно газели, их волосы были темнее самой темной ночи. Но твоя кожа белее молока, глаза прозрачнее, чем воздух раннего утра, ты слаще нектара самых нежных цветов. Иди же ко мне, взойдем на мое ложе, мягкое, словно лебяжий пух, о прекраснейшая из прекрасных, королева моих снов!

Он подошел к Натале танцующим легким шагом и протянул руку, на которую тут же обрушился огромный кулак Конана.

Незнакомец пошатнулся, зашипел от боли, его глаза изумленно раскрылись.

— Это еще что такое? В моих снах меня же и бьют?! — закричал он.— Ах, негодяй! Убирайся с глаз моих! Исчезни! Поди прочь! Приказываю тебе — исчезни!

— Это ты сейчас у меня исчезнешь! — рявкнул разозленный киммериец, и в его руке блеснула сабля.— Это так тут у вас гостей встречают!

Сонное выражение в глазах незнакомца сменилось безграничным удивлением, затем в них появилось озарение.

— Клянусь Тогом! — воскликнул он.— Ты живой! Ты существуешь на самом деле! Кто вы? Как вы попали в Кеутал?

— Пришли из пустыни,— объяснил хмуро Конан.— Мы вошли в город на закате, чуть живые и голодные, словно волки, а тут видим — стол с яствами и ни единой живой души рядом. Что нам оставалось делать? Мы сели, утолили голод и жажду. Заплатить нам, правда, нечем. У меня на родине гостя, даже незваного, прежде всего кормят, но у

вас, людей цивилизованных, все, наверное, выглядит иначе... Мы пришли из пустыни, туда же и вернемся, не причинив никому зла, ибо — клянусь Кромом! — не нравится мне этот город, в котором трупы носятся по улицам, размахивая мечами, а спящих пожирают какие-то дурацкие тени!

Последние слова Конана буквально ошеломили незнакомца. Его лицо мгновенно пожелтело.

— Что ты сказал? Тени пожи...

— Тени — не тени, не знаю, как их назвать. Нечто такое, что приходит и уходит, а от человека остается одна-единственная капля крови.

— Вы видели? Что вы видели? — Незнакомца колотила крупная дрожь, его голос срывался.

— Лежал тут один на возвышении,— начал Конан,— вдруг видим, накрывает его огромная тень, а когда исчезает...

Незнакомец уже не слушал. Он пронзительно взвизгнул и бросился наутек. Ударившись о стену на повороте, он упал, но тут же вскочил и со всех ног помчался прочь, крича что-то во весь голос. Конан стоял, не в силах сдвинуться с места от изумления, девушка с отчаянием цеплялась за его руку. Крик незнакомца несся все дальше и дальше, его подхватывало эхо, отражаясь от потолков бесчисленных залов. Внезапно крик оборвался на высокой ноте — и все стихло.

— О Кром! — Конан дрожащей рукой вытер пот со лба.— Этот город воистину проклят! Идем отсюда скорее!

— Призраки! Призраки! Тут все мертвы! — рыдала девушка.— Мы обречены! Мы в аду! Да, это ад! Мы умерли там, в пустыне, а здесь только наши призраки! Духи-и-и-и!

Она зашлась в рыданиях, и варвар в сердцах приложил ей своей тяжелой пятерней чуть пониже спины. Девушка завопила еще громче.

— Духи так не вопят! — вполне резонно заметил киммериец.— Живем, я же слышу! А будем здесь стоять, точно голов лишимся. Идем!

Однако, едва переступив порог следующего зала, они остановились. Навстречу им снова кто-то шел. Кто-то или что-то. Зрачки варвара сузились, ноздри дрогнули — он уловил тонкий запах благовоний, точно такой же возносился в одном из первых залов. Под аркой появилась неясно очерченная фигура человека. Киммериец неуверенно кашлянул, а Натала раскрыла от удивления рот.

Перед ними стояла стройная, прекрасная девушка, ее черные, чувственные, полные тайной неги глаза изумленно смотрели на них из-под длинных ресниц. Всю ее одежду составляла узкая набедренная повязка, изукрашенная бисерной вязью и множеством драгоценных камней. Иссиня-черные волосы тяжелой волной падали на плечи, подчеркивая алебастровую белизну кожи. Красота ее была столь ослепительной, что у варвара перехватило дыхание. Овал лица незнакомки был типично стигийским, но у стигиек никогда не встречалось столь белой кожи.

— Кто вы такие? — спросила девушка по-стигийски, ее голос был высоким и мелодичным.— Как вы сюда попали? С неба свалились?

— А ты кто такая? — вопросом на вопрос грубо ответил варвар.

— Меня зовут Талис,— сказала девушка.— Я родом из Стигии. Но расскажите мне наконец, какими судьбами вы попали в этот город? Не может же того быть, чтобы вы пришли сюда по доброй воле.

— Не может быть, говоришь! — взвился киммериец.— Это того, что мы здесь видим, не может быть! Мы приволокнись в этот город на закате солнца, чуть живые от голода и жажды. Возле ворот валялся какой-то труп, который через пару минут напал на меня с мечом в руках. Мы зашли во дворец, видим — стол прямо гнется под тяжестью блюд с едой и кувшинов с вином. Затем наткнулись на спящего мужчину, который тут же исчез, когда его накрыла какая-то тень...— киммериец, внимательно наблюдавший за девушкой, заметил, что та побледнела,— накрыла, стало быть, тень, а потом...

— Что потом? — Стигийка явно преодолела страх.— Говори же! Я жду!

— Гм, я тоже жду. Мне казалось, что ты завопишь и бросишься наутек. Когда я рассказал то же самое твоему приятелю в пурпурной тунике, он взвыл от ужаса и был таков.

— Ах, значит, это он так орал,— пожала она белоснежными плечами.— Дурак! От судьбы не скроешься! Тог везде найдет, когда придет срок.

— Что еще за Тог? — спросил Конан с ноткой неуверенности в голосе.

Она провела по его телу настолько бесстыдным взглядом, что щеки Наталы залились темным румянцем, а жемчужные зубки со злостью прикусили нижнюю губку.

— Сядем на эту софу,— предложила Талис,— и я расскажу тебе обо всем. Прежде всего, назовите мне ваши имена.

— Я Конан-киммериец,— ответил варвар.— Ее зовут Натала, она британка. Но я не собираюсь сидеть на софе и гадать, свалится мне эта тень на шею или нет!

Она звонко рассмеялась и грациозно опустилась на мягкое ложе.

— Видите ли,— сказала она с напускным смирением в голосе,— бежать от Тога — напрасный труд. И тот, которого вы видели, тоже не избежал своей судьбы.

Конан пробурчал что-то и присел на край софы, вытащив, однако, саблю и держа ее наготове на коленях. Рядом с ним, поджав под себя ноги, пристроилась Натала. Она с ненавистью посматривала на прекрасную Талис, чувствуя себя рядом с нею никчемной дурнушкой, от ее внимания не укрылись также те пламенные взоры, которыми забрасывала могучего варвара юная стигийка.

— Расскажи нам о городе,— попросил киммериец.— Что за люди живут здесь?

— Ксутал — очень старый город. Много веков назад одно из племен, кочевавших по пустыне, наткнулось на оазис и осталось в нем жить. Когда именно это случилось, горожане уже не помнят.

— Горожане не помнят... Значит, здесь все же живут люди?

— Да, живут. Их не слишком много, но больше, чем ты думаешь. Ксутал — город, в котором стоит одно-единственное здание, поскольку все строения за этими крепостными стенами соединены тысячами коридоров и переходов, и вы могли бы часами и даже сутками бродить по залам и ни с кем из жителей города не встретиться. Но их тут сотни...

— Как же это? — изумился Конан.

— Видите ли, горожане обычно спят, вся их жизнь проходит в снах, гораздо более реальных для них, чем действительность. Вам, наверное, доводилось слышать о черном лотосе? Нет на земле растения ядовитее. Но предки ксуталийцев научились так обрабатывать его сок, чтобы он приносил им не смерть, а сны — фантастические, красочные, чудесные,— и с тех пор горожане живут исключительно этими снами. Они иногда просыпаются — едят, пьют, занимаются любовью — и вновь возвращаются в свои сны, иногда не притронувшись даже к еде, стоящей на столах. К одному из таких столов вы, наверно, и попали...

— А что они едят? — перебил ее Конан.— Что-то я не видел нигде в округе ни полей, ни виноградников. А где их сады, фермы?

— О, они мудрецы, эти ксуталийцы, или, точнее, их предки были мудрецами. Они получают еду из воды и воздуха, используя солнечную энергию. Кто знает, до чего они додумались бы, не погуби их лотосные сны. К счастью, до того, как они увлеклись ими поголовно и без оглядки, город уже был построен. Вы обратили внимание на светящиеся алмазы? Стоит потереть такой камень пальцем, и он загорается. Потрешь снова — гаснет. И это лишь малая толика древних знаний, большая их часть уже давным-давно утрачена. Впрочем, зачем им это в их похожих на смерть снах?

— Значит, этот тип у ворот тоже спал? — спросил киммериец.

— Ну конечно, вне всяких сомнений. Человек, погруженный в сон, подаренный соком лотоса, подобен мертвецу. Их тела как бы умирают, а души тем временем странствуют в чудесных видениях. Бедняга у ворот был стражником — они все тут несут стражу по очереди, таков уж обычай, но с тех пор, как была построена эта стена, через городские ворота не вошел ни один чужак... Чему ж тут удивляться, когда они спят на посту?

— Так где же все эти люди? — допытывался Конан.— Ты говоришь, их здесь сотни. Так где они?

— Спят,— ответила она,— спят на софах, на шелковых оттоманках, на пушистых шкурах, на атласных подушках, спят, сложив руки на груди, спят...

Варвар вздрогнул, подумав о том, что сотни тел неподвижно лежат где-то рядом, вглядываясь широко раскрытыми, остекленевшими глазами в мрак и тишину своих комнат.

— А что это за тень похитила одного из них?

Прекрасное лицо стигийки исказилось на миг гримасой страха.

— Это Тог, древний бог, который живет глубоко под землей. Никто не знает, был ли он в оазисе, когда здесь появились первые люди, или пришел сюда с ними. Многие столетия жители Ксутала чтят его как бога. Большую часть времени он проводит где-то в земных недрах, но, когда проголодается, некими тайными тропами поднимается на поверхность. И тогда беда тому, кто повстречается ему на дороге.

Натала охнула от ужаса и обняла Конана за шею с такой силой, словно боялась, что ее вот-вот разлучат с могучим защитником.

— О Кром! — воскликнул ошарашенно киммериец.— Как же это? Они что, так и лежат, как бараны, пока этот демон их пожирает?

— А ты отказал бы богу в полагающейся ему жертве? У нас в Стигии людей тоже убивают на алтарях во славу богов, и на месте жертвы может оказаться любой из стигийцев. Так не все ли равно — жрец приносит жертву или бог сам приходит за нею?

— Ну нет! — воскликнул гневно варвар.— У нас людей в жертву не приносят. Клянусь Кромом, хотел бы я посмотреть на жреца, которому пришло бы в голову зарезать на алтаре киммерийца! Кровь пролилась бы, это верно, но чья кровь, как ты думаешь?

— Ты варвар! — рассмеялась Талис.— Ты настоящий варвар! Но Тог — очень старый бог, бог кровавый, алчущий жертв, не забывай об этом.

— Ну что за люди! — бормотал гневно Конан.— Лежать и спать, зная, что проснуться, быть может, придется уже в животе у чудовища!

— Такова уж их судьба! — улыбнулась Талис.— Ими с незапамятных времен лакомился Тог. Некогда их были тысячи, сейчас — едва сотни. Еще несколько поколений, и останутся единицы, а Тогу придется искать поживу в другом месте или убираться туда, откуда появился. Ксуталийцы знают о том, что их ждет, но даже не помышляют о бегстве, они давно уже смирились с этим. Вы не поверите, но вот уже несколько поколений никто из них не выходит из города дольше, чем на пару часов. А я видела старинные карты, нарисованные на пергаменте, на них, в дне пути в южном направлении, указан оазис, еще в дне пути дальше — второй, а там уже и до края пустыни рукой подать. Но так далеко никто из горожан пойти теперь не решится. Они хуже растений, всех их погубили лотосные сны. У них есть золотистое вино с чудесными свойствами, которое залечивает любые раны и возвращает силы даже после самых разнузданных оргий,— его они и пьют. И спят, спят... И все же, несмотря на сонное отупение, все они судорожно цепляются за жизнь, когда приходит их час, да вы сами в этом убедились. Мне тоже приходилось видеть перепуганных горожан, а однажды весь город переполошило известие о том, что Тог покинул свои подземелья. Люди бегали по улицам,

рвали на себе волосы, пока наконец не выскочили за ворота. Посовещавшись там, они бросили жребий и оттащили того, на кого он пал, связанным по рукам и ногам в одну из комнат, чтобы Тог, удовлетворившись жертвой, оставил их в покое.

— Бежим отсюда! — рыдала Натала.— Бежим скорее!

— Замолчи! Еще не время! — шикнул на нее Конан, любуясь белым, словно слоновая кость, телом прекрасной стигийки.— Но скажи, Талис, как ты оказалась в этом городе?

— О, я попала сюда еще ребенком,— ответила она, томно потянувшись и заложив руки за голову.— Я принцесса, ты, надеюсь, уже понял это. Меня похитил из отчего дома один из принцев-мятежников, он шатался по свету с бандой кушских лучников, все искал место, чтобы основать собственное королевство, пока не заблудился в пустыне. В конце концов и он сам, и его люди умерли от жажды. Я обязана жизнью одному из лучников — он, прежде чем испустить дух, посадил меня на верблюжью спину. Это славное животное притащило меня, полумертвую, прямо к воротам этого города. Потом мне рассказывали, что однажды утром увидели за воротами мертвого верблюда, а рядом с ним полузасыпанную песком девушку. Горожане принесли меня в город и отпоили вином. Так вот я и выжила. Я не знала их языка, но они очень быстро изучили мой. Особенно старались мужчины. И вовсе не потому, что стигийский язык им так понравился,— ради меня они готовы были бросить все, даже свои сны.

Она бесстыже рассмеялась, бросив откровенный взгляд на киммерийца.

— Их женщины ужасно ревнивы,— продолжила стигийка.— Они, кстати, очень красивы, и если бы не желтоватый оттенок кожи да не припухшие от сна веки, их красота вообще была бы совершенной. Здешних мужчин прельщает не столько моя красота, сколько то, что я совсем иная, чем их женщины. Я, правда, тоже вкусила лотосового сна, но мне это не понравилось, я предпочитаю жить наяву, а не в розовых снах, как те желтые лунатики. Ксуталийцы охочи до женских ласк и знают в них толк. Я бы посоветовала тебе своей рукой избавить от мучений эту несчастную девушку, прежде чем они дорвутся до ее тела. Сладострастной похоти этих распутников ей не вынести — слишком слаба. Мне не было и пятнадцати лет, когда я впервые приняла участие в мистериях в честь богини Деркето, но где нашим

жрецам тягаться с ксуталийцами по этой части! У них вся жизнь проходит в снах и оргиях.

— Какая мерзость! — сплюнул презрительно киммериец.

— О, это дело вкуса,— усмехнулась Талис, опуская глаза.

— Ладно, нам пора,— поднялся Конан,— только время даром тратим. Мы не собираемся сидеть здесь и ждать, пока не проснутся эти негодники или не появится Тог. Чем дольше мы здесь находимся, тем больше мне кажется, что в пустыне гораздо уютнее, чем в этом злосчастном городе.

Натала плохо говорила по-стигийски, но знала язык достаточно, чтобы понять, о чем шла речь, поэтому она охотно сорвалась с места, готовая не медля ни минуты отправиться в путь.

— Покажи нам дорогу, и мы уйдем отсюда,— сказал киммериец, не сводя глаз с нагого тела прекрасной Талис. Та, отлично понимая значение блуждающего по ее высокой груди и стройным бедрам жадного взгляда, лениво потянулась, словно персидская кошка.

— Идите за мной,— махнула она рукой и пошла впереди, покачивая бедрами. Они шли по незнакомым залам, но, прежде чем в сердце киммерийца зародилось подозрение, что дело нечисто, остановились в маленькой комнате со стенами, выложенными слоновой костью, и фонтаном, тихо журчащим в ее центре.

— Ополосни личико, милая,— обратилась Талис к Натале.— Ты вся в пыли, даже в волосах песок.

В голосе стигийки прозвучало столько издевки и пренебрежения, что бедная девушка залилась румянцем. Но совет был неплох, как и кем бы он там ни был дан,— солнце и песок действительно оставили свои следы на нежной, словно лепесток розы, коже бритунки. Натала забросила за спину свои длинные светлые волосы и нагнулась над фонтаном.

— О Кром! — пожал плечами киммериец.— Женщина всегда остается женщиной! Тог не Тог, ей лишь бы зеркало. Да ведь стоит нам оказаться за воротами, как ты опять вся пылью покроешься! Ты дашь нам что-нибудь из еды и питья в дорогу? — повернулся он к Талис.

Она вместо ответа прижалась к нему всем телом и положила руки на его бедра. Он чувствовал нежную теплоту ее кожи, пьянящий запах волос дразнил ноздри.

— Зачем тебе пустыня? — шептала она горячо.— Останься со мной! Я научу тебя любви, ты узнаешь самые сокровенные тайны Ксутала. Ты настоящий мужчина, не чета этим

сонным мечтателям. А я хочу настоящей любви. Хочу тебя. Мое сердце рвется из груди навстречу тебе, я теряю сознание, чувствуя на своем теле твои руки. Оставайся со мной! Я сделаю тебя королем Кеутала!

Талис обняла варвара за шею и, поднявшись на цыпочки, прильнула к нему горячим нагим телом. Конан посмотрел через плечо стигийки на Наталу. Она изумленно следила за происходящим, широко раскрыв свои лазоревые очи. Киммериец смущенно кашлянул и одним движением могучей руки отодвинул в сторону черноволосую красавицу. Та удивленно подняла на него глаза, метнула взгляд в сторону Наталы и понимающе улыбнулась.

Очи Наталы метали молнии, губы перекосились в гримасе гнева. Конан что-то пробурчал себе под нос. Он исповедовал верность в любви не больше любого другого из наемников, но в нем все еще оставались какие-то крохи врожденной стыдливости — вернейшего союзника Наталы.

Талис пожала плечами и вдруг, словно испугавшись чего-то, отшатнулась к стене, задев плечом за висевший на ней гобелен.

— Что случилось? — спросил встревоженно киммериец.— Ты что-то услышала?

— Оглянись! — протянула она белоснежную руку, показывая на что-то за его плечами.

Конан мгновенно повернулся, выхватив из ножен саблю. И никого не увидел. За его спиной послышался вздох, шелест, какой-то стук. Он вновь повернулся к фонтану. Обе девушки исчезли. По гобелену волною плыла складка, словно кто-то только что приподнимал его край. Складка проплыла и разгладилась. И тут где-то за стеной громко закричала Натала.

2

Натала стояла за Конаном, когда он повернулся к выходу, и в ту же секунду стигийка, быстрая и гибкая, словно пантера, зажала ей рукой рот, второй обхватила за талию и с неожиданной силой рванула за собой — прямо в стену или, точнее, в открывшуюся в стене потайную дверь.

Они оказались в абсолютном мраке. Талис, возясь у двери, видимо закрывая ее на запор, вынуждена была отпустить Наталу, и та немедленно закричала во весь голос. Медовый смех стигийки, пропитанный смертельным ядом, пронизал темноту.

— Кричи, кричи сколько влезет, моя милая! Скорее сдохнешь!

Натала замолчала, слышно было, как стучат от страха ее зубы.

— Что я сделала! Что я тебе сделала? Что тебе надо от меня?

— Да ничего мне от тебя не надо. Сейчас я оттащу тебя, плакса, по этому коридору вниз,— голос Талис утратил обычную мелодичность, стал злым, шипящим,— полежишь там немного, пока за тобой не придут, а придут обязательно!

— О боги, сжальтесь надо мной! — Натала всхлипывала, и ее голос ломался от страшного предчувствия.— Чем я провинилась перед тобой?

— Мне нужен твой молодец, а ты мешаешь. Я же вижу, что ему нравлюсь. Если бы не ты, он остался бы со мной. Ты исчезнешь — он станет моим.

— Да он скорее горло тебе перегрызет! — воскликнула Натала, безгранично верившая своему варвару.

— Увидим,— рассмеялась Талис со столь же безграничной верой в свои женские чары.— Да тебе-то что до того, горло он мне перегрызет или к сердцу прижмет. Ты к тому времени будешь уже нежиться в объятиях жениха из бездны!

Хотя Натала, постанывая от ужаса, отбивалась руками и ногами, стигийка скрутила ее, словно беспомощное дитя, и поташила вниз по коридору. Девушка, помня злорадное предупреждение, молчала. В глубокой тишине слышны были только резкое спазматическое дыхание Наталы да сопение стигийки. Внезапно пальцы несчастной бритунки наткнулись на усыпанную алмазами рукоятку кинжала, торчащую из-за набедренной повязки Талис. Девушка, недолго думая, выхватила кинжал и ударила им сверху вниз, вложив в удар свои последние силы.

Талис взвизгнула от боли и гнева, пошатнулась и выпустила Наталу из рук. Девушка упала на каменные плиты, но тут же вскочила на ноги, отбежала и прижалась к стене. Она не могла видеть что-либо в окружающем ее мраке, но слышала пронзительный голос стигийки — лучшее доказательство того, что убить ее не удалось. Талис выкрикивала грязные ругательства, и в ее голосе было столько злобы, что Натала похолодела.

— Куда ты делась, проклятая сука?! — кричала стигийка.— Ну, попадись ты мне в руки!

Описание пыток, уготованных ею сопернице, было красочным и более чем подробным, а язык, которым оно было

изложено, заставил бы залиться румянцем стыда даже самую бесстыжую из куртизанок Аквилонии.

Талис искала что-то, на ощупь шаря по стене руками, и вскоре загорелся тусклый свет — стигийка в ярости забыла об угрожавшей им обеим опасности. Натала увидела в нескольких шагах от себя Талис. Сквозь пальцы левой руки, которыми та сжимала рану в боку, ручейком текла кровь, но стигийка твердо стояла на ногах, и в глазах ее пылала смертельная ненависть. Надежда, теплившаяся в душе Наталы, покинула ее бесследно, когда стигийка презрительно стряхнула кровь с ладони и она увидела, что удар кинжала не достиг цели: лезвие скользнуло по драгоценным украшениям на набедренной повязке и лишь слегка поцарапало атласную кожу ее грозной противницы.

— Отдай кинжал, гадина! — процедила сквозь стиснутые зубы стигийка, нагнувшись над скорчившейся у стены девушкой.

Натала понимала, что это последняя возможность отстоять свою жизнь, что иной ей уже не представится, но не могла воскресить в себе даже искорки отваги — она никогда, впрочем, ею не отличалась — и лишь дрожала всем телом, полностью парализованная темнотой, яростью соперницы, всей безысходностью своего положения. Талис без труда вынула кинжал из ее безвольно повисшей руки и отбросила его во мрак.

— Кусаешься, сука! — Она со всего размаху ударила ее окровавленной ладонью по щеке.— Кусаешься? Ну так кровь за кровь! Ты пожалеешь еще о своей дерзости!

Стигийка схватила Наталу за волосы и выволокла на свет. Из стены торчало железное кольцо, с которого свисал привязанный шелковый шнур. Девушке показалось вдруг, что то, что с нею происходит,— кошмарный сон. Она уже не сопротивлялась, когда Талис, сорвав с нее остатки одежды, подтащила ее руки вверх и затянула на запястьях крепкий узел. Нагая, натянутая словно струна, она висела, едва касаясь пола кончиками пальцев, словно заяц, с которого вот-вот начнут сдирать кожу. Повернув с огромным трудом голову, она увидела Талис, снимавшую со стены тяжелый кнут с рукояткой, поблескивавшей золотом и алмазами, и семью длинными концами, плетенными из особого шелка, более твердыми и гибкими, чем обычные ременные.

Стигийка глубоко вздохнула, с наслаждением размахнулась — и семь жгучих языков пламени обернулись вокруг бедер взвизгнувшей от боли Наталы. Бедная девушка вилась всем телом, стонала, пыталась выдернуть руки из шел-

ковой петли, кричала, выла, начисто забыв о кошмарной опасности, таившейся где-то неподалеку. Жестокая стигийка, по всей видимости, тоже об этом забыла, наслаждаясь муками своей жертвы.

Обезумевшая от боли Натала подняла залитые слезами глаза, собираясь в последний раз взмолиться о пощаде,— и стон замер на ее отвердевших сразу губах, а глаза наполнились неописуемым ужасом.

Взметнувшийся в очередной раз кнут завис в воздухе, когда Талис, встревоженная выражением лица жертвы, быстро, словно кошка, повернулась посмотреть на то, что ее так напугало. Но новый противник действовал быстрее! Перед глазами полумертвой от боли, ужаса и переживаний Наталы мелькнуло подброшенное с невероятной силой белое тело стигийки — мелькнуло и исчезло в недрах огромного черного облака. Пронзительный вопль разорвал тишину, и облако растворилось во тьме.

Еще несколько секунд из мрака коридора доносился умоляющий лепет Талис, затем ее громкие стоны перешли в душераздирающий крик, завершившийся истерическим, диким смехом,— и все утихло. Натала до боли напрягала глаза, вглядываясь во мрак, в котором исчезла Талис. Она чувствовала, что там таится нечто, угрожающее не только ее телу, но и душе.

Мрак вздыбился вдруг гигантской волной, в нем проявилось некое бесформенное пятно, образовавшее что-то вроде колоссальной головы с разинутой жабьей пастью, чьи контуры расплывались, словно марево; в голове прорезались два светящихся, словно гнилушки в дупле дерева, глаза — они притягивали, в них читалось омерзительное, воистину космическое вожделение,— и вся эта похожая на густой черный дым масса клубилась, пульсировала, густела и изменялась. Трудно было сказать, ползет это нечто, или идет, или летит, наконец,— но оно двигалось, приближалось к ней. Вот оно добралось до круга света, падавшего из алмаза-светильника, но эта клубившаяся тень не поддавалась свету; и даже тогда, когда этот сгущенный мрак оказался на расстоянии вытянутой руки от Наталы,— если бы она могла, конечно, вытянуть руку,— даже тогда она не различала деталей на этом теле — не теле, лишь жабья пасть рисовалась вполне выразительно, словно черное пятно на сетчатке ее собственного глаза.

В голове девушки мелькнула мысль, что она, вероятно, уже сошла с ума, ведь ничто и никто не может смотреть одновременно сверху и снизу, из бездонной пропасти и с

головокружительной высоты; а ведь было именно так, это нечто смотрело на нее отовсюду. И в то же время, и она знала это совершенно определенно, оно было реальным, осязаемым, вполне материальным, а если ее даже обманывало зрение, то уж никак не обманывало тело, которое вдруг ощутило холодное прикосновение не то лапы, не то щупальца. То, что проползло по ее ноге, было холодное, но вместе с тем жгло, словно раскаленный уголь, скользкое и в то же время шершавое, оно абсолютно отличалось от чего бы то ни было, хоть раз прикасавшегося к ее телу. Натала вскрикнула от омерзения. В этом прикосновении сконцентрировалась вся непристойность, вся похоть, все распутство, которое копилось среди отбросов земной жизни со дня ее зарождения. Она чувствовала такой стыд и такое отвращение, о каких до тех пор не имела понятия. Теперь она отчетливо сознавала, что это чудовище может быть чем угодно, какой угодно формой жизни, но только не безмозглым примитивным животным.

Безумный визг девушки разорвал тишину, когда это нечто потянуло ее к себе, выворачивая суставы и разрывая натянувшиеся до предела мышцы и ткани рук,— но тут где-то высоко вверху послышался треск, какая-то огромная масса пронеслась по воздуху и грохнулась на плиты пола.

3

Когда Конан-киммериец увидел разглаживающийся гобелен, он с диким рычанием бросился на стену, будто хотел снести ее одним ударом своего огромного тела. Удар был таким сильным, что, наверное, поломал бы кости любого другого человека, но варвар лишь отскочил от стены словно мячик, сорвав с нее гобелен. Его глазам открылась совершенно гладкая, монолитная поверхность. Вне себя от злости, он взмахнул саблей, словно собирался иссечь на куски мраморную преграду, но услышал за спиной шорох и оглянулся. Его смуглое лицо было белым от не находившей выхода ярости.

За ним стояли десятка два мужчин в пурпурных тупиках и с желтоватыми лицами, и каждый из них держал в руке короткий меч. Когда Конан оглянулся, они набросились на него, что-то гневно вопя. Он не пытался ни успокаивать их, ни объяснять, взбешенный исчезновением девушки, он действовал так, как действовал бы на его месте любой другой человек Хайборийской эры.

Конан с яростным ревом метнулся навстречу, его свистнувшая в воздухе сабля отбила в сторону чей-то меч, и вот уже из головы первого из нападавших брызнули мозги. Изогнувшись по-кошачьи, Конан ударил снова, и чья-то рука, судорожно теплявшаяся за рукоять меча, отрубленная в запястье, взвилась по крутой дуге в воздух, волоча за собой кровавый хвост, словно комета. Даже долю секунды не потерял Конан, когда легким движением увернулся от воинов, одновременно нападавших на него,— и вот уже меч одного из них по рукоять погрузился в грудь второго.

Увидев это, кхуталийцы закричали от ужаса, а варвар рассмеялся хрипло, победно, нырнул под чью-то руку, хлынула алая струя, и следующий воин в пурпурной тунике рухнул наземь, зажимая руками огромную рану в животе. Кхуталийцы завыли, словно волки, настигающие добычу. Непривычные к ратному труду, отупевшие от своих лотосовых снов, они безнадежно проигрывали быстрому, словно молния, варвару, в котором стальные мышцы и высокоразвитый, четко работающий мозг составляли единое целое. Его противники, путаясь друг у друга под ногами, наносили удары или слишком поздно, или слишком рано, рассекая мечами пустой воздух. Киммериец же двоился, троился, исчезал в одном месте, чтобы тут же появиться в совершенно ином, неуловимый, словно ртуть, недоступный мечам врагов, а тем временем кривое лезвие его сабли ежесекундно грозило смертью и выполняло угрозы.

Но, пусть неуклюжие и нерасторопные, желтолицые воины тем не менее не были трусливыми. Они кружили вокруг варвара, грозно крича, и рубили короткими мечами, а со всех сторон в комнату вбегали через настежь раскрытые двери все новые и новые горожане, разбуженные непривычным их слуху шумом.

Конан, с виска которого уже лилась кровь, взмахнул в очередной раз саблей, одним ударом уложил, словно косец пшеницу, нескольких врагов и огляделся по сторонам, намечая путь отступления. В ту же секунду на одной из стен раздвинулась драпировка и приоткрылась потайная дверь, за ней виднелась широкая лестница из зеленоватого камня, на самом ее верху стоял человек в роскошном шелковом одеянии, моргая, словно спросонок, глазами. Киммериец, не колеблясь ни единой секунды, одним прыжком преодолел лязгающий мечами круг и помчался к лестнице. Трое воинов преградили ему путь, три меча молниями сверкнули над его головой — и тут же упали, киммериец же, не задерживаясь, несся вверх по лестнице, за ним гналась свора

преследователей, спотыкаясь о валявшиеся тела. Один из несчастных лежал лицом вниз в луже из крови и мозга, второй пытался подняться на руках, залитых кровью, хлеставшей струей из перерезанного горла, третий, тихо скуля, словно собака, прижимал к груди кровавый обрубок правой руки.

Увидев варвара, бежавшего прямо на него, человек в богатых одеждах опомнился, его меч холодно сверкнул в лучах камней-светильников и пал на голову Конана, но тот успел увернуться и воткнул саблю, словно мясницкий нож, в тело противника. Инерция движения Конана была столь велика, что сабля пронзила горожанина насквозь, а варвар, налетев на него, споткнулся и с грохотом врезался в стену. Когда он падал, сабля, острая, словно бритва, распорола живот убитого снизу доверху, и обмякшее тело покатилось по ступеням вниз, путаясь в собственных внутренностях и сбивая с ног желтолицых воинов.

Полуоглушенный варвар, придя в себя, яростно потряс в воздухе окровавленной саблей и помчался дальше. Остановившись на мгновение в комнате наверху и убедившись, что она пуста, варвар метнулся к двери. Внизу тем временем поднялся крик, в котором звучало столько гнева и отчаяния, что Конан понял, что, сам того не желая, отправил на тот свет кого-то очень важного, быть может, даже самого короля этого странного города.

Киммериец бежал, не оглядываясь и не выбирая дороги. Он понимал, что Натале грозит смертельная опасность, но не мог заняться поисками девушки, не стряхнув волчью стаю преследователей со своего хвоста. Комнаты верхнего этажа дворца были погружены в полутьму, и Конан, скоро потеряв ориентацию, вновь заскочил в зал, по которому уже пробегал пару минут назад, чуть не столкнувшись с преследователями. Увидев варвара, они заорали, словно сумасшедшие, и бросились к нему, он же, с трудом увернувшись, проскочил под арку. Комната, в которой на этот раз оказался киммериец, в отличие от всех остальных, не была пустой. Ее хозяйка только что вскочила на ноги, вскрикнув от удивления и испуга.

Перед киммерийцем стояла совершенно нагая — если не считать ожерелья из драгоценных камней на шее — женщина, которая вглядывалась в него широко раскрытыми от удивления и страха глазами. Это было последнее, что он успел заметить: когда женщина подняла руку и потянула за шелковый шнур, свисавший со стены, под его ногами разверзлась

черная пропасть — даже феноменальная реакция варвара на этот раз запоздала.

Высота, с которой свалился Конан, была не слишком большой, и любой другой на его месте, вероятно, тоже остался бы в живых, отделавшись множественными переломами рук, ног и ребер. Как кошка падает на четыре лапы, так приземлился и Конан, не выпуская из руки сабли. Внутренне сжимаясь от ударившего в уши девичьего крика, он вскочил на ноги, оскалив зубы, и увидел нагую Наталу, отчаянно извивавшуюся в сладострастных объятиях чего-то настолько отвратительного, что не могло быть ничем иным, как порождением черной адской бездны. Любой из людей, увидев этого ужасного монстра, был бы парализован страхом. Любой, но только не Конан. Его глаза заволокла красноватая мгла бешенства, жажда крови затмила мозг — и он обрушился на чудовище. Бросив свою жертву, монстр как бы повернулся к нежданному противнику, сабля которого рассекла воздух, пролетела сквозь черные клубы тела — не тела и чиркнула по каменной стене, высекая сноп голубоватых искр. Конан, ожидавший гораздо большего сопротивления черной субстанции, потерял равновесие и упал на колени. Когда он вскочил на ноги, черное облако уже сидело на его плечах. Варвару казалось, что его захлестывают волны некой студенистой жидкости,— он рубил их саблей, разрывал и рассекал кинжалом, по его лицу сплошным потоком текла какая-то грязь, вероятно, кровь чудовища. Конан не знал, отсекает ли он щупальца или какие-то иные органы монстра, врубается ли в само его тело, вновь и вновь сливавшееся в однородную массу. Ему уже начинало казаться, что он сражается не с одним, а с огромным множеством адских существ — грызущих, царапающих, колющих, колотящих его с невероятной силой. Он чувствовал клыки и когти, разрывающие его тело, чувствовал гибкие, но твердые, словно сталь, не то щупальца, не то лианы, обвивающие его руки и ноги. Вдобавок ко всему нечто похожее на скорпионий хвост с острым шипом на конце молотило по его спине, шее, груди, до кости рассекая кожу и мясо и впрыскивая в кровь яд, жгучим огнем растекавшийся по всему телу.

Сплетенные в плотный клубок человек и чудовище выкатились из круга света и оказались в абсолютной темноте. Забыв в пылу сражения о брезгливости, варвар вонзил зубы в тело врага, и его чуть не вывернуло наизнанку, когда это нечто с писком и скрежетом упруго выскользнуло из захвата его мощных челюстей.

Они катились все дальше и дальше по коридору. Варвар начал уже терять сознание от ран и боли, когда увидел высоко над собой огромную жабью пасть, освещенную тусклым светом, исходившим, казалось, откуда-то изнутри ее. Киммериец собрался с силами и с хриплым криком рванулся, словно волк к горлу, к этой кошмарной пасти. Его верная сабля погрузилась в нее по эфес, и вдруг бесформенная масса, поглотившая Конана, конвульсивно содрогнулась. Сильная судорога свела и тут же отпустила адское тело — не тело, которое вдруг поспешно поползло по неровному полу коридора, таща за собой варвара, упрямо цеплявшегося за рукоятку сабли, застрявшей где-то глубоко в пасти монстра. Движение чудовища ускорилось, киммерийца трясло, давило, мяло, но он не сдавался, яростными ударами кинжала раздирая на части студенистую массу.

Внезапно из нее ударил какой-то странный фосфоресцирующий свет прямо в глаза Конану, и тот почувствовал вдруг, что клубящееся, сотрясаемое конвульсиями тело куда-то исчезло, а его рука с саблей повисла в пустоте. Он лежал на ослизлом краю какого-то бездонного колодца, в глубь которого летело, сверкая, словно метеор, тело чудовища. Прижавшись щекой к грязной каменной плите, он смотрел, не в силах отвести глаз от быстро уменьшающегося светящегося шара, навстречу которому из глубины вдруг начала подниматься темная блестящая поверхность, поглотившая в конце концов фосфоресцирующую точку. В таинственной бездне всколыхнулся тусклый огонек и тут же погас. Воцарилась мертвая тишина и абсолютный мрак.

4

Натала из последних сил пыталась освободиться, сбросить шнур, болезненно врезавшийся в запястья рук. Ее взгляд неотрывно следил за краем тьмы, сгущавшейся за кругом света. Там исчез Конан, увлеченный демоном, и девушка, напрягая слух, еще некоторое время слышала сопение варвара, свист его сабли и грохот ударов, затем шорох, похожий на шум лавины, сползающей с гор, сменившийся глухой и мертвой тишиной. Голова Наталы упала на грудь, тело безжизненно повисло на шелковом шнуре.

Она очнулась, услышав шаги, подняла голову и увидела вынырнувшего из темноты варвара. Вздох, выражавший одновременно облегчение и ужас, вырвался из ее опухших,

перссохших губ и эхом понесся по бесконечному коридору. Лицо варвара представляло собой сплошной синяк, словно кто-то долго и старательно колотил по нему бревном, кровь из рассеченной на голове кожи заливала глаза, губы были искусаны и разбиты, руки, ноги и все тело покрывали глубокие раны. Хуже всего выглядели грудь и шея, они почернели и опухли, кожа свисала с них клочьями, казалось, их долго и безжалостно истязали бичом.

— Ах, Конан! — рыдала Натала.— Как тебе досталось!

Опухшие губы киммерийца исказила гримаса презрительного пренебрежения к собственным ранам. Он тяжело дышал, и его волосатая, залитая потом и кровью грудь вздымалась и опадала, словно кузнечные мехи. Он с трудом дотянулся до шелкового шнура, связывавшего запястья девушки, перерезал его кинжалом и привалился к стене, пошире расставив дрожащие ноги, чтобы не упасть. Натала прижалась к его плечу и горько заплакала.

— О Конан! Ты умираешь!

— Нельзя драться с демоном,— прошептал он тихо,— и остаться невредимым.

— Ты его убил? — спросила она с надеждой в голосе.— Ты убил его, Конан?

— Не знаю. Он свалился в какой-то колодец. Я не знаю, страшна ли ему вообще сталь...

— Ох, твоя спина! — всплеснула она ладошками.— Что он с нею сделал!

— Это хвостом,— скривился он от боли.— Он был твердый, словно из стали, и жег огнем. Но хуже всего эти его щупальца, они давили и мяли меня, словно сотня питонов. Готов поспорить, что все мои кишки змеями расползлись по животу.

— И что нам теперь делать? — всхлипнула девушка.

Он запрокинул голову. Крышка ловушки была плотно захлопнута, ни единого звука не доносилось сверху.

— Там не пройдем,— пробурчал он.— Там полно трупов и, наверное, засада. Они думают, что с нами покончено, или просто боятся спускаться в эти коридоры. Выковыряйка вон тот светящийся камешек. Я, когда шел сюда, наткнулся на несколько боковых коридоров. Пойдем по одному из них. Не сдыхать же нам здесь.

Зажав в левой руке камешек-светильник, а в правой — окровавленную саблю, киммериец направился вниз по коридору. Он шел медленно, каждый шаг давался ему с огромным трудом. В его висках пульсировала тупая боль, он ежесекундно облизывал запекшиеся губы.

Через некоторое время камень тускло высветил черное отверстие в стене, в которое Конан свернул, ни секунды не колеблясь. Сколько они шли этим черным туннелем, Натала не знает, но в конце концов дошли до какой-то лестницы, вскарабкались по ней и остановились под каменной дверью, запертой на золотой засов.

Девушка нерешительно посмотрела на покачивавшегося на ослабевших ногах великана, в вялой ладони которого дрожал слабый огонек. По стенам метались и раскачивались их огромные тени.

— Открывай же! — бормотал Конан.— Там нас ждут. О Кром! Я принесу тебе такую жертву, о которой понятия не имеет никто в этом городе.

Натала поняла, что варвар бредит. Она вынула из его окровавленной руки светящийся камень, вытащила золотой шкворень и открыла засов. Дверь оказалась завешенной изнутри золотистой шелковой тканью. Британка осторожно отодвинула занавеску и заглянула за нее. Ее глазам открылась комната, совершенно пустая, лишь в самом центре ее шумел серебристый фонтан.

Широкая ладонь варвара легла на ее нагое плечо.

— Отойди в сторону, девушка! — пробормотал он.— Сейчас тут будет жарко!

— Здесь никого нет,— успокоила она его.— Это вода шумит.

— Вода,— облизал он почерневшие губы,— хоть напьемся перед смертью.

Она взяла его за руку и, словно слепца, повела, осторожно ступая, к фонтану, с замиранием сердца ожидая, что вот-вот в комнату со всех сторон ворвутся воины в пурпурных туниках.

— Я посторожу, а ты пей,— сказал с трудом Конан.

— Пей, пей, я не хочу. Ляг сюда, я омою твои раны.

— Не слышу звона мечей,— удивился он, протирая глаза, словно пытаясь сорвать с них мешавшую пелену.

— Тут никого нет, Конан.

Он на ощупь нашел край чаши фонтана, наклонился, погрузил лицо в чистую, прозрачную жидкость и пил, пил, пил, не в силах оторваться. Когда варвар поднял голову, Натала увидела, что безумие уже покинуло его глаза. Он облегченно вытянулся на полу рядом с фонтаном, но выражение чуткой озабоченности не покинуло его изуродованного лица, а сабля так и осталась торчать в крепко сжатом кулаке.

Она омыла его рваные раны и перевязала самые глубокие из них бинтами из разорванной на широкие полосы шелковой занавески. Занимаясь этой работой, Натала ни на секунду не прерывала лихорадочных раздумий над тем, что им следует делать дальше. Если они останутся во дворце, их рано или поздно найдут,— в этом она не сомневалась. Правда, не исключено, что ксуталийцы уже не ищут их, а давно спят где-нибудь в своих потайных комнатах, отправив души в бесконечные лотосовые скитания.

Закончив перевязывать раны, Натала подняла голову — и оторопела. В алькове, стоявшем в нише, поначалу незамеченной ею, кто-то был — сквозь щель в пологе высовывалась мертвенно-белая человеческая рука. Стараясь двигаться как можно тише, чтобы не тревожить киммерийца, девушка, держа кинжал наготове, подкралась к алькову. Умоляя сердце биться тише, она медленно отодвинула полог. На возвышении, похожем на ложе катафалка, покоилось нагое тело женщины с желтоватой кожей, рядом с ним, на уровне ее плеча, стоял нефритовый сосуд с золотистой жидкостью. Вероятно, это был тот самый чудесный эликсир, о котором говорила Талис. Натала осторожно наклонилась над спящей, чуть ли не касаясь ее груди кончиком кинжала, и схватила сосуд.

Прижав к себе кувшин с драгоценной жидкостью, она пару секунд раздумывала над тем, не стоит ли ей превратить лотосовый сон желтолицей женщины в сон вечный,— но так и не смогла заставить себя воткнуть кинжал в беззащитное тело, вновь задернула полог и вернулась к мирно посапывавшему в полузабытьи Конану.

Присев рядом, она поднесла сосуд к губам варвара. Тот послушно глотнул пару раз, затем странно оживился, сел и выхватил кувшин из рук девушки.

— Клянусь Кромом,— сказал он,— это то самое чудесное вино. Откуда оно у тебя?

— Стояло там в алькове,— показала она рукой.— Там же спит какая-то женщина.

Конан припал губами к краю кувшина и осушил его несколькими огромными, жадными глотками.

— О Кром! — выдохнул он с облегчением.— Я чувствую животворный огонь в жилах! Оно придало мне новые силы!

Конан вскочил на ноги.

— Вернемся, Конан, вернемся в тот коридор, пересидим там, пока ты не поправишься!

— Ни за что! — воскликнул варвар.— Мы что, крысы, чтобы прятаться по норам? Мы уйдем из этого проклятого

города, и пусть хоть кто-нибудь попытается нам в этом помешать!

— А твои раны?

— Да не чувствую я никаких ран,— бодро сказал он.— Может, я захмелел немного, и в этом все дело, но я не чувствую больше боли!

Он подошел к окну, тоже укрывшемуся было от глаз Наталы. Она посмотрела через его плечо. За окном чернело бархатное небо, усыпанное множеством звезд. Внизу серым бесконечным ковром расстилалась пустыня.

— Талис говорила, что весь этот город — одно-единственное огромное здание,— вспомнил Конан,— значит, комнаты и залы в крепостных башнях тоже соединяются со всеми остальными. Нам повезло.

— Что ты задумал? — спросила она с опаской в голосе.

— Там на столе хрустальный кувшин,— сказал он вместо ответа.— Наполни его водой и привяжи к нему ручку из этой вот ткани. Я тоже немного поработаю.

Она повиновалась, а когда, закончив с порученным делом, подняла голову, то увидела, что Конан связывает туго скрученные шелковые ленты, оторванные от полога, в длинную веревку, один конец которой уже был привязан к ножке массивного столика из слоновой кости, стоявшего в алькове.

— Попытаем счастья в пустыне,— пояснил варвар.— Талис говорила, что в дне пути отсюда — оазис, в двух — второй. Там мы и переждем, пока затянутся мои раны. Нет, воистину это вино творит чудеса! Только что я был полутрупом, а сейчас мог бы гору свернуть. Эй, прикройся же наконец чем-нибудь!

Натала совсем забыла, что на ней нет ни клочка одежды — впрочем, ее это нимало не смущало,— но, вспомнив о жаре и палящем солнце, которыми встретит их пустыня, она поспешила набросить на себя шелковую накидку. Киммериец тем временем подошел к окну и, презрительно сплюнув, без труда выломал решетку, выкованную из какого-то золотистого металла. Опоясав бедра Наталы веревкой, он затянул петлю, перенес девушку за зеленоватый парапет и осторожно спустил се на веревке вниз. Когда она высвободилась из петли, он втащил веревку наверх и привязал к ней кувшин с водой. Когда кувшин оказался у девушки, по веревке быстро съехал сам киммериец.

Как только он ступил на землю, Натала вздохнула с облегчением. Они стояли у подножия городской стены под бархатным куполом звездного неба, лицом к безбрежной

пустыне. Девушка понятия не имела об опасностях, подстерегавших их далее, но сердце ее пело от радости, ибо они покинули наконец этот чуть было не убивший их город.

— Если найдут веревку, могут отправить за нами погоню,— буркнул Конан, забрасывая за плечо кувшин,— хотя мне кажется, что они теперь и шагу ступить из города побоятся. Ладно, юг там. Идем.

Конан с нежностью, совершенно не характерной для него, взял Наталу за руку, и они направились в пустыню, не оглядываясь на холодно поблескивавшую за их спинами стену Ксутала.

— Скажи, Конан,— осмелилась спросить Натала,— ты там, в черном коридоре, нигде не видел Талис?

— Было темно, я вообще ничего не видел, но ощупывал путь перед собой и знаю, что там никого не было.

— Хотя она чуть было не замучила меня насмерть,— шепнула девушка,— но мне жаль ее.

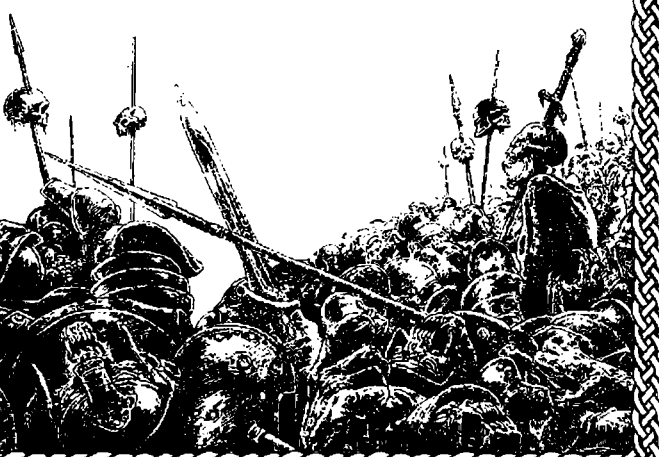
— Это так все принимают гостей в этом проклятом городе! — воскликнул гневно варвар, но тут же успокоился.— Ничего, нас они надолго запомнят. Их кишки и мозги размазаны чуть ли не по всему городу, а этому их Тогу, думаю, досталось похуже даже, чем мне. В конце-то концов мы не так уж и плохо выпутались из всей этой истории. Есть вода, знаем, где искать оазис. Меня, правда, изрядно исполосовали, да и у тебя на спине сплошь рубцы от бича...

— Это ты виноват! — вспыхнула британка.— Если бы ты не пялился, разинув рот, на эту стигийскую кошку...

— О Кром! — проворчал варвар.— Надо, чтобы небо на голову обрушилось, лишь тогда заставишь женщину забыть о ревности. Я, что ли, виноват, что стигийка в меня влюбилась? Все вы, женщины, такие...

Оставив за спиной Ксутал, Конан продолжил свой путь по южным равнинам Черных королевств. А поскольку чернокожие народы прекрасно помнили Амру-Льва (они знали Конана под этим именем), ему было нетрудно достичь берега, который он в прошлые времена разорял вместе с Белит. Там случайно оказался корабль пиратов с Барахских островов, что лежат к юго-западу от Зингары. Морские разбойники охотно приняли опытного воина в свои ряды.

Долгое время он плавал и сражался вместе с ними. Однако ему, послужившему в огромных, спаянных железной дисциплиной хайборийских армиях, барахские ватаги кажутся слишком слабыми, чтобы достичь с их помощью своей главной цели. Вдобавок в Картахе он ухитряется испортить отношения с атаманами сразу нескольких шаек и вынужден бежать посреди ночи...



Колодец черных демонов

Тонкие губы кордавской красавицы полураскрылись в зевке, вытянулись длинные изящные ноги. Санча устраивалась поудобнее на шали с горностаевой оторочкой. Та шаль была расстелена на юте каракки — сплошь позолоченное эбеновое дерево и узорчатые кхитайские шелка с золотой бахромой.

Санча уже давно пребывала в блаженной праздности. Она вполне отдавала себе отчет, что вся команда каракки, от бушприта до рулевого весла, не сводит с единственной девушки на борту судна налитых багровым вожделением глаз; точно так же она вполне отдавала себе отчет, что от этих похотливых взоров тут нигде не спрячешься, они прямотаки прожигают ее недлинное шелковое платье, стремясь добраться до восхитительно нежной кожи и потрясающе плавных линий роскошного женского тела.

Ну да и пусть смотрят! Девушка с пренебрежительной, дерзкой улыбкой повела глазами в ответ — мол, что уж тут, вас, морских бродяг, не переделать,— и грустно вздохнула: золотой солнечный блин уже высоко поднялся над линией горизонта, припекает все сильнее, и скоро придется уйти в тень.

Звуки, не похожие ни на скрип такелажа и рангоутного дерева, ни на плеск волн о борта, достигли ее ушей в следующее мгновение. Санча поднялась на ноги и устремила недоуменный взор на фальшборт — через него перебрался мокрый до нитки человек, с его одежды на палубу ручьями стекала морская вода. Снова полураскрылись прелестные коралловые губки, но на этот раз не в зевке, а в возгласе изумления; а заодно с ними распахнулись миндалевидные черные очи. Он был совершенно незнаком ей, этот муж-

чина, столь бесцеремонно нарушивший ее покой. Водяные струйки сбегали по косой сажени его плеч и могучим рукам прирожденного бойца. Из одежды на нем были только шаровары из красного шелка и широченный златотканый кушак. На этом кушаке висел меч в ножнах, и с ножен тоже капало.

Незнакомец, стоявший у фальшборта, в утренних лучах светила напоминал статую из бронзы. Он выжал пальцами морскую воду из спутанной черной гривы, а в следующий миг его синие глаза вспыхнули алчным интересом, заметив девушку.

Этот дерзкий, оценивающий взгляд возмутил Санчу еще больше, чем само появление незваного гостя на борту ее каракки.

— Кто ты? — вскинула подбородок кордавская красавица.— Откуда взялся?

Небрежным взмахом руки он указал вдаль, на добрый румб правее бушприта. При этом его глаза не отрывались от точеной девичьей фигурки.

— Хочешь сказать, что ты обитатель вод? Живешь в пучине? — язвительно спросила девушка.

В глазах пришельца зажглось откровенное восхищение. Это смутило Санчу, хоть она и была привычна к восторженным взглядам мужчин.

Ответить он не успел. Раздался топот бегущих ног, и на юте появился хозяин каракки. Его правая рука сжимала рукоять тяжелой абордажной сабли, а колючие черные глаза из-под кустистых бровей сверлили чужака.

— Это еще кто такой? — прозвучал голос, в котором не было и тени миролюбия.— Что за демоны принесли тебя на мое судно?

— Меня зовут Конан,— ответил, даже бровью не поведя, пришелец.

У него был странный акцент, совершенно не похожий на зингарский. Это заинтересовало Санчу.

— Я спрашиваю, как ты оказался на моей каракке? — с подозрением допытывался капитан.

— Вплавь.

— Вплавь? — Ответ привел шкипера в бешенство.— Ах ты, наглый пес! Да ты надо мной смеешься! Оглянись! Где-нибудь видишь берег? До материка не один день пути под всеми парусами, да при хорошем ветре! А вплавь этот путь способен одолеть разве что морской бог! За глупца меня принял? А ну, отвечай и не вздумай снова солгать!

Конан вновь указал сильной, покрытой бронзовым загаром рукой на восток, навстречу золотистым лучам восходящего светила.

— Я с островов.

— С островов? — Негодование на лице владельца каракки внезапно сменилось любопытством. Затем сдвинулись кустистые черные брови, нехорошо заблестели колючие глаза, тонкие губы изогнулись в недоброй ухмылке.— Так ты, выходит, пират, из этих барахских каналий!

Конан легкой ухмылкой подтвердил правильность его догадки.

— Ну, а ты хоть догадываешься, барахская свинья, с кем тебя свела твоя кривая дорожка?

— На скуле твоей лоханки я прочел название «Головорез». В этих краях все знают, что капитана «Головореза» зовут Запораво.

Владелец каракки ухмыльнулся и кивнул. Ему явно польстило, что Конан знает его имя. Запораво тоже был очень рослым, почти с Конана, но не так широкоплеч и крепко сбит. Он почти никогда не расставался с доспехами; лицо в обрамлении стального шлема было смуглым и всегда мрачным, крючковатый нос придавал ему сходство с хищной птицей, и поэтому Запораво носил кличку Ястреб. Его рука ни на мгновение не отрывалась от рукояти шпаги, такой же дорогой, богато изукрашенной, как и его костюм, говоривший о принадлежности владельца к зингарской знати.

Согревая ладонью эфес, он продолжал буравить взглядом незваного гостя. В этом взоре была неприязнь на грани ненависти: зингарские авантюристы, промышлявшие морским разбоем, плохо ладили со своими собратьями по ремеслу, которые селились на Барахских островах юго-западнее Зингары. В населении Барахских островов преобладали аргосские мореплаватели, число представителей других народов было совсем незначительным. Добела вылизанные водой скалы, которые представляли собой Барахские острова, не могли прокормить многочисленное корсарское братство, но с этой ролью вполне справлялись торговые суда на оживленных морских путях, а также богатые города на побережье Зингары. Зингарские лиходеи кормились на той же ниве, но они категорически отказывались называть себя пиратами, горделиво именуясь «вольными мореходами», а свои грешки норовили свалить на барахский люд. Так уж повелось, наверное, еще со дня сотворения мира — громче всех «Держи вора!» кричит сам вор.

Примерно такие мысли промелькнули в голове Запораво, когда он, лаская рукоять шпаги, ощупывал подозрительным взглядом пришельца. А о чем размышлял Конан, по его лицу угадать было невозможно.

Сложив руки на груди, он стоял на юте каракки с такой же безмятежностью, с какой бы стоял на палубе собственного судна. С его губ не сходила высокомерная улыбка, и ни малейшего беспокойства не было в синих очах.

— А тут тебе что понадобилось? — проворчал вольный мореход.

— Вчерашнюю ночь я собирался провести в Картахе, в одной теплой компании,— отвечал Конан.— Но все сложилось не так, как мне хотелось бы, и перед восходом луны пришлось срочно отплыть в утлой лодчонке. Ночь напролет я орудовал веслами да вдобавок вычерпывал воду из дырявого корыта. А когда рассвело, я заметил твои паруса и рассудил, что вплавь доберусь сюда быстрее, чем на проклятой посудине.

— Ты здорово рисковал — эти воды кишат акулами,— проворчал шкипер, но Конан только пожал в ответ широкими плечами.

Снизу на возвышение юта, где происходил этот разговор, глядело множество глаз. Глядело с любопытством и настороженностью. Хватило бы одного слова Запораво, чтобы вся команда обнажила абордажные сабли, ринулась наверх и, как ураган, смела незнакомца, хоть он и выглядел сильным и опытным бойцом.

— У меня торговое судно, а не ночлежка для всяких безвестных бродяг, которых носит по волнам,— угрюмо молвил шкипер.— С чего ты взял, что я не прикажу сейчас же бросить тебя обратно в море?

— На торговом судне всегда найдется работа для пары опытных рук,— логично возразил Конан, даже не подумавший рассердиться.

Запораво вновь насупился, но вскоре решил, что незнакомец прав. И это решение сгубило старого морского волка, и он потерял все: команду, женщину, жизнь. Но, разумеется, предвидеть будущее он не мог. Ему не нравился этот дерзкий чужак, как он выразился, «безвестный бродяга, которого носит по волнам», волею судьбы оказавшийся на борту его судна. Но ведь он не причинил никакого зла капитану. Разве что вел себя слишком уж непринужденно и самоуверенно, без того раболепства, которое, на взгляд Запораво, должен был бы проявить в такой ситуации любой человек, не желающий снова очутиться среди акул.

— За работу будешь получать кормежку, а о денежном жалованье даже не мечтай,— заявил Ястреб.— А сейчас топай вниз и всегда помни: на этом борту один закон — моя воля.

Крепко сжатые губы барахского пирата растянулись в ухмылке. Он без промедления, но и без суетливости повернулся и сошел по трапу на нижнюю палубу. Санчу, которая, вся обратившись в слух, не упустила ни единого слова из этого краткого диалога, он больше не удостоил взглядом.

Как только его нога коснулась настила нижней палубы, вокруг него столпился весь экипаж. Он целиком состоял из обнаженных до пояса зингарцев. Пестрые шелковые шаровары на них были в пятнах корабельной смолы, на мочках ушей, на рукоятях абордажных сабель и кинжалов блистали самоцветы. На борту появился новенький — что ж, на то есть старинный обряд приема в члены экипажа, и сорвиголовы предвкушали удовольствие. Чужаку предстоит пройти испытание, которое и определит его будущее положение среди матросов.

Запораво, стоявший на возвышении юта, очевидно, уже успел забыть о существовании Конана, однако Санча попрежнему со жгучим любопытством следила за происходящим. Ритуал посвящения был ей не в диковинку, она сознавала, что это будет суровое испытание и, возможно, не обойдется без крови. Однако, хоть и не первый год была она знакома с крутыми нравами и обычаями морских разбойников, до опыта киммерийца ей было далеко. Когда его взяли в кольцо люди с явно угрожающими выражениями физиономий, он только ухмыльнулся и обвел их безмятежным взглядом. На его лице никакой угрозы не было, лишь непоколебимая уверенность в себе.

Да, он был далеко не новичок и знал правила игры, неписаные законы моря. Если бы несколько минут назад он поддался гневу и ударил капитана, весь экипаж волчьей стаей бросился бы на него. Но с капитаном удалось договориться, а это значит, что наладить отношения с командой будет еще проще. Надо только одолеть в поединке того, кого выставят матросы для «проверки» новичка.

Расталкивая плечами товарищей, вперед прошел избранный для этой задачи человек — кряжистый, жилистый, звероподобный. Точно тюрбаном, его бритая голова была обмотана шелковым кушаком цвета крови. Костистый подбородок выдавался далеко вперед, на физиономии, изборожденной страшными шрамами, казалось, на-

всегда застыла злобная гримаса. Его взгляд лучился презрительным вызовом, таким же вызовом веяло от походки враскачку. От природы он был груб, жесток и примитивен; столь же грубым, примитивным и жестоким способом он завязывал ссору.

— Так ты, стало быть, с Барахских островов? — сверкнул он волчьим оскалом.— Но мы-то знаем, что там водятся только собаки, а мужчин и в помине нет. Вольные моряки плюют на барахскую сволочь, вот так! — Он плюнул, целясь в лицо чужаку, и схватился за абордажную саблю.

Но пришелец с Барахских островов опередил его. Движение Конана было стремительным, настолько молниеносным, что его никто даже заметить не успел. Кулак северянина, силой и крепостью не уступавший кузнечному молоту, врезался в нижнюю челюсть наглого морехода. Ноги зингарца оторвались от палубы, он пролетел несколько футов и бесформенной грудой остался лежать у фальшборта.

Конан неторопливо повернулся к остальным членам экипажа. В его лице ничего не изменилось, разве что постепенно мерк блеск глаз. Не было больше нужды подогревать в себе ярость — испытание новобранца закончилось так же внезапно, как и началось. Несколько матросов подошли к своему приятелю, подняли. У него безвольно моталась голова, сломанная челюсть отвисла.

— Клянусь Митрой, этот чужак ему шею сломал! — пробормотал человек с широкой, черной как смоль бородой.

Конан расхохотался:

— У вас, вольные мореходы, больно уж косточки хрупкие. Любой из наших барахских «псов», получив такого тумака, разве что слегка почешется. Есть еще желающие сунуться ко мне с сабелькой? Нет таких глупцов? Вот и прекрасно. Значит, мы теперь друзья, да?

Поскольку испытание он выдержал по всем правилам, нашлось несколько человек, уверивших его, что он принят. Две пары загорелых до черноты рук отправили мертвеца за борт, и вскоре в том месте, куда упал труп, добрый десяток акульих плавников разрезал воду. Конан со смехом потянулся, как исполинский кот, всем своим могучим телом и поднял глаза на ют. Санча наблюдала за ним, перегнувшись через планшир ограждения юта, алые губки были разжаты, черные глаза блестели от любопытства. Солнце висело как раз за ее спиной, очерчивая гибкую фигурку, пронизывая лучами легкую материю платья. Вдруг на нее упала мрачная тень капитана. На хрупкое плечо девушки

тяжело легла мужская ладонь. Этот жест вкупе с угрюмым, полным угрозы взглядом, брошенным Запораво вниз, красноречиво говорил о том, кто хозяин на этом судне.

Конан ничего не сказал на это, лишь ухмыльнулся капитану. Но едва ли Запораво способен был разгадать значение этой ухмылки. Он совершал ошибку, свойственную многим тиранам. Привыкнув жить в гордом уединении, на возвышении юта, этого символа власти на корабле, он считал людей, обитавших на нижней палубе, низшими существами. Ему бы убить Конана, как только тот оказался на его борту, но Запораво, упиваясь своим величием, проворонил шанс. Конан отправился на нижнюю палубу, к своре таких же, как он, презренных псов, и у шкипера не возникало даже мысли о том, что кого-то из них следует опасаться. Он так долго прожил наверху, он сломал, раздавил, уничтожил стольких врагов, что теперь подсознательно мнил себя божеством, которому не страшны ничьи козни и посягательства.

А Конан и не думал развеивать эти блаженные иллюзии. Он сроднился с экипажем, делил с ним и обильный труд, и скудные развлечения. Вскоре все убедились, что он бывалый и умелый моряк. К тому же он был намного сильнее любого из матросов. Работал за троих и на любое тяжелое, опасное дело шел первым. Мало-помалу уважение вольных мореходов к нему росло, его уже считали своим в доску, надежным парнем. Сам он ссор ни с кем не затевал, и его старались не сердить. К тому же людям нравилась его бесшабашность, нравилось, как он в азартной игре не боится поставить на кон свой пояс с ножнами, как, выигрывая деньги и оружие у товарищей, со смехом тут же возвращает обратно. Так ведут себя прирожденные лидеры — и команда вскоре, даже не отдавая себе в этом отчета, стала видеть в нем вожака.

О причинах, заставивших его расстаться с Барахским архипелагом, он умалчивал, но что же такое должен был совершить этот человек, чтобы его изгнали островные пираты, знаменитые своей дикостью и необузданностью? Наверное, что-то поистине ужасное.

Как бы то ни было, Конан никогда не задевал Запораво и матросов, всегда был спокоен, не дерзил, попыток выслужиться за ним не замечали. Манерами он сильно отличался от вечно угрюмого, нелюдимого, грубого капитана, и это не укрылось от глаз даже самых слабоумных моряков. Барахский пират любил веселье, над палубой часто

гремел его смех, на добром десятке языков он распевал скабрезные песенки, наравне с товарищами хлестал пиво, а о своем будущем, похоже, нисколько не думал. Узнай Запораво, что команда, пусть и неосознанно, сравнивает его с этим чужаком, человеком с нижней палубы, он бы от потрясения и злобы лишился дара речи. Но капитан был поглощен своими думами, которые год от года становились все мрачнее. К тому же он находился в плену иллюзий, считая себя избранником небес. Много времени уходило и на девушку, обладание которой доставляло ему наслаждение с горьковатым привкусом. Впрочем, и все другие его радости имели оттенок желчи.

Девушка же все чаще поглядывала на мускулистого великана с густой гривой черных волос, благо выделить его в толпе было несложно. И в работе, и в отдыхе он, подобно горе, возвышался над своими товарищами. Сам Конан никогда не пытался завести с нею разговор, но огонь в его глазах при виде Санчи нельзя было истолковать двояко. По крайней мере, Санча точно знала, что означает этот огонь, и все чаще задумывалась, надолго ли у нее хватит отваги продолжать рискованную игру. Не так уж давно рассталась она с кордавскими дворцами, но казалось, целая жизнь прошла с того дня, когда Запораво снял ее с охваченной пламенем каравеллы, которую подстерегло его «торговое судно». Изнеженная, избалованная дочь кордавского графа испытала на себе, что значит быть игрушкой в руках пиратского вожака.

Природа наделила ее силой и гибкостью, Санча гнулась, но не ломалась, и сумела выжить там, где быстро погибали другие женщины. К тому же она была совсем юная, в ней бурлила жизнь, и в своем новом уделе девушка даже научилась находить мелкие радости. В этой новой жизни не было места уверенности в завтрашнем дне, она походила на сон, она изобиловала потрясениями: битвами, грабежами, кровопролитием, бегством от возмездия. Вдобавок капитан Запораво был человеком со странностями, и это делало жизнь экипажа еще более непредсказуемой, чем у других вольных мореходов. Его очередного поступка не мог предугадать никто.

В этот раз корабль оставил за кормой знакомое побережье и теперь все дальше уходил в неведомые дали, куда обычные мореплаватели старались без крайней нужды не совать носа. Правда, авантюристы, искатели приключений появлялись от сотворения мира, некоторые из них вели свои суда этим курсом, вели, чтобы исчезнуть без следа.

И вот далеко за кормой остались изученные людьми земли. День сменялся днем, а впереди расстилался только бескрайний синий простор, чуть всхолмленный волнами. Казалось бы, что делать пиратам в этой пустыне? Ни городов, которые можно грабить, ни судов, которые можно пустить на дно. Экипаж роптал, правда, пока очень тихо, боясь, что крамольные речи достигнут ушей беспощадного капитана. А он, исполненный угрюмого высокомерия, днем и ночью расхаживал по юту или стоял, склонившись над старинными чертежами, над пожелтевшими от древности картами, или листал рассыпающиеся, источенные червями пергаментные страницы фолиантов. Иногда он разговаривал с Санчей, но девушке его речи казались странными, даже бредовыми. Запораво упоминал о затерянных материках, о мифических градах, что веками дремлют на островках суши среди голубых вод. Он утверждал, что эти города — осколки великих государств, угасших еще до зарождения человеческой расы; короли этих государств оставили после себя невиданные сокровища, и теперь они хранятся под неусыпным надзором рогатых драконов.

Санча сидела, обвив руками колени, слушала своего мрачного повелителя и не слышала. Да и как было речам пирата проникнуть в ее разум, если там все время звучал раскатистый и первобытный, как морской ветер, смех бронзовокожего исполина?

Много недель, столь же скучных, сколь и утомительных, длилось это плаванье. Наконец впередсмотрящий углядел на западе землю, а на рассвете следующего дня судно вошло в неглубокую бухту и бросило якорь. По берегу тянулась полоса белого песка, за ней полого уходил кверху горный склон, покрытый высокой, густой травой и деревьями. С суши ветерок принес запахи цветов и сочной зелени, и Санча захлопала в ладоши — наконец-то она побывает на берегу. Увы, недолго ей было радоваться: Запораво велел оставаться на корабле, пока он не пришлет с берега шлюпку. Он никогда не утруждался объяснять свои решения, и ей оставалось лишь догадываться, что им движет,— кроме тех случаев, увы, нередких, когда в его душе просыпался демон и побуждал его истязать девушку без всякого на то повода с ее стороны.

Охваченная унынием, Санча устроилась на юте смотреть, как работают веслами матросы, ведя шлюпку к берегу по водной глади, которая блистала в лучах утреннего солнца, как расплавленный нефрит. Вот они высадились на песчаный пляж — настороженные, с оружием наизготовку.

От группы отделилось несколько человек и направилось к деревьям — на разведку. Среди них был Конан. Трудно было бы не узнать эту высокую фигуру, этот бронзовый отлив кожи, эту пружинистую поступь. Некоторые матросы говорили Санче, что он сущий дикарь, киммериец, из диких племен, которые издревле живут на далеких северных холмах и своими набегами наводят ужас на соседей с юга. Девушка и сама чувствовала что-то необычное в этом человеке, какую-то поразительную, поистине варварскую жизненную силу, отличавшую его от прочих матросов, любого из которых тоже можно было бы смело назвать дикарем.

С берега доносилось эхо голосов. Больше ничто не нарушало тишины, и это придало пиратам уверенности. Высадившаяся группа рассеялась, матросы разбрелись по берегу, некоторые отошли к деревьям в поисках фруктов. Санча видела, как пираты карабкаются на деревья, срывают плоды и бросают их оставшимся внизу товарищам. И ей тоже захотелось попробовать свежих фруктов. Она топнула изящной ножкой и выругалась, как заправский пират. Там, на берегу, люди собрали богатый урожай и уселись пировать, а ей приходится глотать слюнки по прихоти жестокого Запораво, чтоб ему заживо сгореть в Преисподней!

Тот, о ком она думала столь нелестно, фруктов не искал и не ел. Услышав от разведчиков, что нигде поблизости не обнаружено признаков человека или диких зверей, он теперь стоял и глядел на длинные гряды покатых, плавно переходящих один в другой холмов. Наконец он отдал своим людям краткий приказ и пошел к деревьям. Какой-то матрос посоветовал ему не уходить в одиночку, но в награду за свою заботливость получил сокрушительный удар в челюсть. Запораво не нуждался в сопровождении. Он собирался выяснить, действительно ли этот остров — тот самый, о котором говорилось в таинственной Книге Скелоса.

В этой книге было сказано, что на острове обитают неописуемые чудовища, порождения давно забытых мудрецов-магов. Эти чудовища охраняют склепы, где лежат груды золотых изделий, покрытых иероглифами. Мрачный эгоист Запораво был верен себе. Он не собирался делиться этим знанием, будь оно истинным или ложным, ни с кем, а уж тем более со своим экипажем.

С неутолимым интересом Санча наблюдала с юта за происходящим на берегу. Вот она увидела, как исчез среди деревьев Запораво. Чуть позже она заметила, как барахский пират по имени Конан быстро оглянулся на своих

товарищей, которые разбрелись по берегу, а затем двинулся в ту же сторону, что и Запораво, и тоже исчез в лесу.

Любопытство девушки разгоредось не на шутку. Когда же они вернутся, эти отчаянные смельчаки? Но они все не возвращались. Моряки знай себе праздно слонялись по берегу, некоторые улеглись в тени и задремали, а некоторые тоже забрели в лес. Время тянулось мучительно. Санча места себе не находила, в волнении расхаживала по юту. Солнце припекало все сильней, даже через холщовый навес. Санча была вынуждена томиться в этом жарком, тихом, сонном узилище, тогда как в считанных ярдах от судна, за полосой голубого мелководья, в прохладной тени леса крылась тайна неведомого острова. Эта тайна манила к себе Санчу, как пение мифической сирены, но еще сильнее ее манила загадка исчезновения Запораво и Конана.

Но она давно успела изучить крутой и неумолимый нрав своего господина и знала, каким будет наказание, если она посмеет ослушаться его.

Некоторое время эта мысль удерживала ее на месте. Наконец девушка решила, что стоит рискнуть, даже если потом Запораво отхлещет ее плетью. Больше не колеблясь, она сбросила легкие кожаные сандалии и платье и осталась в чем мать родила. Она перебралась через борт, спустилась по канатам, бесшумно окунулась в воду и поплыла к берегу. Через считанные мгновения она вышла на берег и вздрогнула — раскаленный песок обжег ступни. Оглядевшись, Санча увидела лишь несколько человек в отдалении — большинство из них спало, уютно расположившись под деревьями. В руках у пиратов лежали золотистые плоды. Было удивительно, что моряков в такой ранний час сморил сон.

Она пересекла пляж и очутилась под пологом леса. Никто ее не окликнул. Оказалось, на покатых склонах лес растет неровными пятнами, между купами деревьев лежат широкие луга. Санча пошла в глубь острова, в ту же сторону, куда удалились Запораво и Конан. Расстелившийся перед ней зеленый ландшафт казался сказочным. Покатые холмы сменяли друг друга, зеленый ковер травы пестрел крапинами рощ. В неглубоких низинах между холмами тоже росла высокая трава. Казалось, ландшафт таял, растворялся; одна картина плавно переходила в другую. Это был удивительный пейзаж, просторный и вместе с тем будто замкнутый в какие-то неразличимые рамки. И все, словно колдовскими чарами, было окутано дремотным безмолвием.

Неожиданно девушка вышла на вершину столообразного холма, окаймленного высокими деревьями, и волшеб-

ная сонная зачарованность вмиг исчезла, стоило Санче увидеть того, кто лежал на истоптанной траве. Девушка отпрянула с криком испуга, но тотчас взяла себя в руки и, дрожа, с широко раскрытыми глазами, крадучись двинулась вперед. Перед ней лежал на траве Запораво, его невидящий взгляд был устремлен кверху. В груди зияла кровавая рана. Рядом с безжизненной рукой лежала шпага.

Было бы несправедливо сказать, что Санча без всякого трепета смотрела на мертвое тело своего господина. Причин любить его у нее не было, но она испытывала те же чувства, что и любая девушка при виде человека, который лишил ее невинности, а теперь сам лишился жизни. Ей не хотелось плакать, но ее била сильная дрожь, а в жилах заледенела кровь. Девушка с трудом удержалась от истерики. Кто же нанес Ястребу этот роковой удар?

Санча осмотрелась, но не увидела того, кого ожидала увидеть. Ничто не встретилось ее взгляду, кроме кольца лесных великанов с густыми кронами и синеватых склонов за ними. Куда исчез тот, кто отправил к праотцам вольного морехода? Может быть, получил тяжелую рану и уполз умирать? Но тогда остался бы кровавый след, а его не видно.

Не зная, что и предполагать, девушка пошла к деревьям, но внезапно застыла как вкопанная. Зашевелились изумрудные листья — зашевелились, хотя стоял мертвый штиль. Она настороженно приблизилась к деревьям, вглядываясь в листву.

— Конан? — спросила она робко. В этом безбрежном царстве тишины, от которой вдруг повеяло роковой тревогой, собственный голос показался девушке громовым. От страха у нее задрожали колени.— Конан! — вскричала она в отчаянии.— Это я, Санча! Ты здесь? Отзовись, пожалуйста.

Она осеклась, карие зрачки расширились от безумного страха, с ярких губ сорвался нечленораздельный возглас. Ее как будто разбил паралич. Надо бы бежать стремглав, но невозможно пошевелить ни единым пальцем. Отнялся даже язык. Она могла только кричать что-то неразборчивое.

2

Увидев, что Запораво в одиночку направился в глубь острова, Конан понял: вот он, долгожданный шанс. Киммериец не отведал плодов, не участвовал в грубых забавах спутников. Он только притворялся, будто занимается тем же, что и они, а на самом деле следил за пиратским капи-

таном. Матросы привыкли к странностям своего вожака и не удивились, что их шкипер решил в одиночку исследовать этот таинственный, а возможно, и враждебный остров. Они радовались как дети, оказавшись на берегу после долгого плавания, и не заметили, как Конан, словно пантера на охоте, вслед за Запораво скользнул в лес.

Конан сознавал, что команда давно приняла его как равного. Но неписаные законы вольного морского братства запрещали тому, кто еще не участвовал в сражениях и набегах, вызвать на смертельный поединок своего капитана. А с тех пор, как Конан оказался под началом у Запораво, этот корабль бороздил только безлюдные морские просторы, и у Конана не было возможности пройти самое важное испытание — испытание боем. Решись он открыто напасть на капитана — и команда вмиг ополчится против него. Но если смерть настигнет Запораво без свидетелей, осиротевший экипаж вряд ли будет хранить верность покойнику. В волчьей стае ценятся только живые вожаки.

Потому-то Конан, с мечом в руке и нетерпением в сердце, и крался за Запораво. Они вышли на плоскую, окаймленную высокими деревьями вершину холма. За толстыми стволами маячила зелень пологих холмов, которые вдали скрадывала синяя дымка. Запораво дошел до самой середки вершины и обернулся, почувствовав преследование. Его рука легла на эфес шпаги. Пират выругался:

— Что тебе нужно, грязная собака? Зачем ты следишь за мной?

— А сам не догадываешься? — рассмеялся Конан, быстро приближаясь к своему капитану.— Неужто ты наивен, как младенец? — На губах варвара играла ухмылка, в глазах пылал дикий огонь.

Запораво снова выругался и обнажил клинок. Барахский пират бросился на него без лишних слов. Меч киммерийца описал в воздухе свистящую, сверкающую дугу, сталь зазвенела о сталь.

У Запораво за плечами была тысяча боев на суше и на море. Наверное, на всем свете не сыскать было бы человека, так хорошо постигшего искусство фехтования. Но еще никогда не доводилось ему встречаться с клинком, который держали могучие руки варвара, выросшего в диких краях, вдали от стран цивилизованных. Искусство владения клинком столкнулось с молниеносной скоростью и чудовищной силой, доступной лишь дикарям. Конан не прибегал к хитрым финтам, он дрался просто и грубо, как лесной волк,

и против этой первобытной ярости оказалось бесполезным искусство фехтовальщика, как бесполезны навыки боксера против разъяренной пантеры.

Запораво сражался, как не сражался еще ни разу в жизни. Он истратил все силы, отбивая клинок, который молнией блистал над его головой. Замешкавшись, он пропустил страшный удар рукоятью меча, и его рука онемела по самое плечо. А за этим ударом тотчас последовал другой, столь чудовищной силы, что острие меча пробило кольчугу и ребра, как бумагу, и насквозь проткнуло сердце. Губы капитана искривились в смертной муке, но он, верный до конца своей мрачной, высокомерной натуре, не обронил ни звука. Он умер еще до того, как его тело вытянулось на истоптанной траве, усеянной кровавыми росинками, которые, подобно рубинам, сверкали в солнечных лучах.

Конан пучком травы стер кровь с меча, ухмыльнулся с удовлетворением, но без злорадства, потянулся, как огромный кот, и замер. Довольное выражение сошло с его лица, сменившись настороженностью. Он застыл как истукан, с мечом наизготовку. Его взгляд поднялся с тела поверженного противника, двинулся вкруг, по деревьям, по синеватому пейзажу за ними, и обнаружил нечто фантастическое, невероятное, не поддающееся объяснению. Над округлым абрисом далекого холма он увидел силуэт высокого, черного, нагого человека, который нес на плече другого человека — тоже обнаженного, но белого. Зрелище исчезло так же неожиданно, как и возникло, и Конан остался в полнейшей растерянности.

Пират снова осмотрелся, неуверенно глянул в том направлении, откуда пришел, и выругался. Он пребывал в замешательстве, даже в беспокойстве, если это слово применимо к обладателю стальных нервов. Посреди пейзажа, хоть и экзотического, но вполне реального, он увидел мираж — блуждающего призрака из кошмарного сна. Ни тени сомнения в остроте своих глаз, в здравости своего рассудка Конан не допускал. Он знал доподлинно: только что перед ним возникло нечто таинственное, жуткое, сверхъестественное, чуждое. Что же означало это появление исполинского черного существа с белым пленником на плече?

Не зная, что и думать, Конан зашагал в ту сторону, где появилась и исчезла удивительная картина. О том, насколько разумно и оправданно такое действие, он даже не рассуждал. Достаточно было того, что его охватило жгучее любопытство. Он просто не мог не поддаться соблазну.

Холм за холмом оставлял он позади. Все эти возвышенности были похожи друг на друга как две капли воды, покрытые густой сочной травой, с купами деревьев там и тут. Приходилось то подниматься по склонам, то спускаться, но в целом местность понемногу повышалась.

Путь вскоре наскучил киммерийцу, череда округлых вершин и неглубоких лощин казалась бесконечной. Но в конце концов пират поднялся на холм, который, по-видимому, был самой высокой вершиной на острове, и застыл как вкопанный при виде блистающих зеленых стен и башен. Пока он не добрался до этого места, они, сливаясь с зеленью ландшафта, были совершенно незаметны для его зорких глаз.

Некоторое время киммериец стоял в нерешительности, лаская рукоять меча, затем, палимый любопытством, двинулся дальше и приблизился к высокой арке в стене между двух башен. Все было тихо, вокруг вроде бы ни души. Конан осторожно заглянул в арку и увидел небольшой двор, заросший сорной травой. Двор был обнесен круглой стеной из полупрозрачного зеленого материала. Таких арок, как эта, в стене было еще несколько.

С мечом наизготовку Конан наугад выбрал одну из арок и, пройдя на цыпочках через нее, оказался в таком же точно дворе, как предыдущий. Над противоположной стеной он увидел шпили каких-то построек — очевидно, башен, но очень уж непривычной формы. Одна из этих башен врезалась в двор, где стоял Конан, в нее вела широкая лестница. Киммериец двинулся вверх по ступенькам, гадая, действительно ли все это с ним происходит наяву, или он опьянен черным лотосом и грезит. Он поднялся по лестнице и очутился на огороженном каменными перилами выступе, а может быть, на балконе,— не разобрать, очень уж странная архитектура. Отсюда можно было различить детали построек, но они ему ничего не говорили.

По спине пробежал холодок при мысли, что эти башни не могли быть построены руками нормальных человеческих существ. В этой архитектуре прослеживались симметрия и система, но они были абсолютно чужды человеческому разуму. Разобраться в планировке этого городка — или замка? — не представлялось возможным, у Конана лишь сложилось впечатление, что он представляет собой огромное скопление дворов, преимущественно круглых; каждый двор окружен своей стеной, а в соседние из него можно проникнуть через арки. Дворы эти группировались вокруг расположенных в центре замка загадочных башен.

Конан повернулся спиной к башням и вздрогнул, съежился у парапета, до глубины души потрясенный увиденным.

Площадка, на которой он стоял, возвышалась над противоположной стеной, и Конану был виден соседний двор. Стена этого двора разительно отличалась от других, которые он успел здесь увидеть. Она не была гладкой. Ее пересекали длинные ряды выступов, усаженных какими-то странными гроздьями, разглядеть которые ему не удалось. Впрочем, в тот миг он не слишком внимательно смотрел на стену. Его взгляд привлекла к себе группа существ рядом с темно-зеленым бассейном в центре двора. Нагие существа были черны и человекоподобны, и самое низкое из них, если бы выпрямилось, оказалось бы выше Конана на две головы. Рослый пират с трудом достал бы ему до плеча.

Пожалуй, этих массивных существ можно было назвать стройными, их мускулистые тела обладали непривычной человеческому оку грацией и красотой. Но даже с такого расстояния Конан рассмотрел нечто демоническое в их лицах.

В центре этой группы стоял, съежившись от ужаса, обнаженный юноша, в котором Конан узнал юнгу с «Головореза». Значит, это он был пленником, которого несло по склону черное существо? Тогда Конан не слышал шума схватки, он и теперь не замечал крови или ран на лоснящейся коже великанов цвета эбенового дерева. Скорее всего несчастный юнга забрел слишком далеко от берега и от своих товарищей, и его подстерег и схватил черный островитянин.

Конан, за неимением лучшего определения, решил называть этих существ черными людьми, хотя инстинктивно понимал, что они — не люди в привычном смысле этого слова.

Расстояние было слишком велико, и звуки не достигали Конана. Черные люди обменивались друг с другом кивками и жестами, но создавалось впечатление, что они не обладают даром речи,— во всяком случае, их губы не шевелились. Один из них, сидя на корточках подле дрожащего от страха юнги, держал в руках какую-то вещицу, похожую на флейту или свирель. Он поднес ее к губам. Конан не услышал ни звука, но молодой зингарец услышал или почувствовал голос флейты. Он дрожал и корчился, точно в агонии. Спустя несколько мгновений в этих корчах появилась упорядоченность, движения стали ритмичными, дрожь переросла в ужасные содрогания всего тела. Юноша танце-

вал — так кобры танцуют под дудку факира. Но не было никакого пыла, радостного упоения, азарта в этой пляске, были только ужас и отчаяние. От этого зрелища Конана пробрал озноб. Казалось, немая музыка впивается жестокими когтями в самые глубокие тайники души зингарца и с демонской жестокостью вырывает из него проявления затаенных пороков и страстей. Это были конвульсии непотребства, пароксизмы похоти, противоестественное извержение тайных вожделений. Это было желание без удовольствия, боль, сросшаяся с похотью в одно целое. Как будто на глазах у Конана с души несчастного паренька срывали один за другим покровы, и вот она осталась совсем нагой и все ее мрачные, не знавшие света загадки разом оказались на поверхности.

Конан лицезрел, окаменев от ужаса и омерзения. К горлу подкатывала тошнота. Пускай он сам был по натуре прост и даже примитивен, как лесной волк, но в странствиях своих он познакомился с извращенными тайнами отмирающих цивилизаций. Он бывал в городах Заморы, он знавал распутных женщин Шадизара — Города Воров. Однако сейчас он ощущал присутствие космического зла, по сравнению с которым обычная человеческая испорченность — не более чем невинный пустяк. Конан чувствовал присутствие мерзкой, уродливой ветви, вопреки воле природы взросшей на древе жизни и развившийся по законам, чуждым человеческому пониманию. Не ритмичная агония злосчастного юнги потрясла Конана, а исконная мерзость душ этих созданий, способных вызывать на свет божий пороки, что дремлют под спудом в глубинах человеческой души, и с удовольствием выставляющих напоказ то, на что не следовало бы даже намекать, то, о чем не следовало бы вспоминать даже мучительными ночами, когда бессонница перемежается кошмарами.

Внезапно черный истязатель положил флейту на землю и встал, возвысившись подобно каланче над дрожащим белым человечком. Гигант грубо схватил юнгу за шею и ноги, перевернул головой вниз и окунул в зеленый пруд. Конан увидел, как блеснула сквозь зелень воды белая кожа несчастного пирата. Долго черный исполин держал пленника под водой. Потом его сородичи вдруг зашевелились, и Конан поспешил укрыться за ограждением площадки, чтобы его не заметили.

Любопытство через некоторое время победило, и он осторожно высунул голову. Черные люди переходили под аркой

в соседний двор. Один из них что-то ставил на выступ противоположной стены, и Конан узнал в нем великана, который мучил юнгу. Он был выше остальных, его голову венчал обруч с драгоценными камнями. Молодого зингарца было нигде не видать. Великан ушел следом за своими товарищами; Конан определил, что они выходят через ту самую арку, через которую он сам проник в этот ужасный замок, и направляются в ту сторону, откуда пришел он. Никто из них не носил оружия, однако было ясно, что они затеяли расправиться с экипажем «Головореза».

Надо было бы предупредить не подозревающих об опасности пиратов, но прежде Конан решил выяснить, чем закончилось для юнги его страшное приключение. Кругом стояла мертвая тишина. Конан пришел к выводу, что в этом скопище дворов и башен, кроме него, никого больше нет. Он бегом спустился по лестнице, пересек двор и прошел через ту же арку, через которую перед этим удалились черные люди. По пути он успел рассмотреть, что представляют собой загадочные выступы на стене. Каждый из них был вытесан из цельного камня. На каждом стояли десятки небольших, не длиннее человеческой руки, статуэток, преимущественно серых оттенков. Все они изображали людей, и все были изваяны столь мастерски, что Конану удавалось разглядеть признаки различных рас — типичные черты жителей Зингары, Офира, Аргоса и Куша. Эти последние даже были черны, как настоящие кушиты. Странная тревога одолевала Конана, когда он разглядывал эти немые и слепые статуэтки — несомненно, точнейшие копии, хоть и уменьшенные, с оригиналов. Он потрогал некоторые из фигурок, но не сумел определить на ощупь, из какого вещества они изготовлены. Что-то похожее на окаменевшую кость. Но откуда бы взяться на этом острове запасам окаменелой кости, чтобы их хватило на такое множество изваяний?

Конан заметил, что изображения людей знакомых ему рас расставлены на верхних выступах, а нижние заняты фигурками, чей облик ему в диковинку. Либо эти черты рождены фантазией безымянного мастера, либо принадлежали давно вымершим, канувшим в забвение народам.

Не видя смысла тратить время на догадки, Конан повернулся к пруду. В круглом дворе негде было бы спрятать труп зингарца, а раз его не видно, значит, он остался на дне. Конан приблизился к безупречно круглому зеленому диску и всмотрелся в поблескивающую гладь, как в толстое зеленое стекло — прозрачное, но обманчивое. Бассейн был невелик,

кругл, как колодец, с бортиком из зеленого нефрита. Конан разглядел дно, но сказать, насколько далеко оно от поверхности, он бы не взялся. Однако создавалось впечатление, что колодец невероятно глубок. У Конана голова закружилась, как будто он смотрел в бездну. Ему даже не верилось, что он видит дно. Оно казалось невероятно далеким, призрачным, но тем не менее было явственно различимым. То и дело ему казалось, будто он видит слабое свечение в недрах цвета нефрита, но это, возможно, была иллюзия. Зато не возникало сомнений в том, что колодец пуст, если не считать поблескивающей воды. Но коли так, куда же мог исчезнуть юнга, которого здесь так жестоко утопили на виду у Конана? Он выпрямился, провел по острию меча пальцем и вновь оглядел двор. И тут его взгляд споткнулся об одну из фигурок на верхнем выступе стены. Он вспомнил, как черный великан туда что-то поставил... На загорелой коже киммерийца выступил ледяной пот.

Пират нерешительно, но вместе с тем неуклонно, словно его притягивало магнитом, подошел к блестящей стене. Потрясенный догадкой, настолько чудовищной, что язык не поворачивался высказать ее вслух, он посмотрел на фигурку, стоящую в ряду крайней. Сходство было слишком очевидным. Ошибка исключена! Каменно-неподвижные черты статуэтки — это черты зингарского юноши! Изваяние смотрело на киммерийца незрячими глазами. Потрясенный до глубины души, пират отпрянул, меч дрогнул в оцепеневшей руке. Он стоял, раскрыв рот, он не мог оторвать взгляда от статуэтки, ошеломленный открытием, способным помрачить даже самый крепкий рассудок. А ведь Конану удалось разгадать лишь часть тайны, лежащую на самой поверхности. И никакого желания не испытывал он проникать в темные и зловещие глубины колдовства, которое позволяло черным великаном делать со своими жертвами то, что они делали.

3

Сколько времени простоял Конан посреди двора, переживая свое открытие, он и сам не знал. Но наконец с него спало оцепенение. Раздался женский крик, потом другой, третий. Женщина кричала все громче, как будто ее несли все ближе к киммерийцу. Конан узнал этот голос, и уже в следующий миг он несся вверх по узким выступам, пинка-

ми сбрасывая гроздь статуэток. Он прыгнул, схватился за верхний край стены, подтянулся на руках и посмотрел вниз.

Эта стена оказалась внешней, глазам Конана открылась часть зеленого луга, окружающего замок. По травянистому склону шествовал черный исполин, неся под мышкой корчащуюся пленницу, как взрослый мужчина несет сопротивляющегося ребенка. Пленницей была не кто иная, как Санча. Ее спутанные черные волосы ниспадали волнами, оливковый цвет кожи резко контрастировал с черным лоском великана. Он, не обращая никакого внимания на ее вопли и рывки, приближался к арке входа.

Когда черный человек скрылся, Конан спрыгнул со стены, едва не сломав ноги, поднялся и осторожно прошел через арку в соседний двор. Оттуда, прижавшись к стене, он следил, как великан вносит свою сопротивляющуюся пленницу во двор с колодцем. С такого расстояния Конан хорошо разглядел облик черного человека. Действительно, симметрия его черт была безупречна. Под кожей цвета эбенового дерева перекатывались громадные мышцы, и Конан нисколько не сомневался, что великан способен голыми руками разорвать на части обычного человека. Было у него, помимо мускулов, и другое мощное оружие — ногти на пальцах рук, длинные и толстые, словно когти хищного зверя. Лицо напоминало маску из черного дерева. В темно-карих глазах мерцало, переливалось золото, и ничего человеческого не было в этом лице, каждая его черточка казалась клеймом зла — глубинного, адского, превосходящего любое человеческое зло. Нет, это существо не было, просто не могло быть человеком. Это было отродье ада, воплощенное богохульство, противоречащее самой жизни; это была насмешка над естественными законами, глумление над эволюцией.

Великан грубо бросил Санчу на траву. Девушка лежала вниз лицом, плача от ужаса и боли. Черный человек осмотрелся с таким видом, будто его что-то обеспокоило, и вдруг застыл. Его зрачки расширились — он заметил сброшенные с выступов статуэтки. Но колебался он недолго. Наклонился, взял пленницу за шею и ноги, перевернул вниз головой и решительно зашагал к зеленому колодцу.

Конан бесшумно пробежал через арку и, словно ветер смерти, помчался к нему через двор. Великан то ли заслышал, то ли почуял его приближение. Он обернулся к бронзовокожему человеку, темно-карие глаза вспыхнули. Нападение застигло его врасплох. Он даже ослабил на миг

жестокую хватку, и Санче удалось вырваться из его рук. Она снова упала на траву, к ней вновь устремились чудовищные когти, но Конан проскользнул под ними и вонзил клинок в низ обнаженного черного живота.

Обливаясь кровью, черный человек рухнул как подкошенный, и в следующее мгновение Санча вцепилась в Конана изо всех сил. Все ее тело содрогалось от рыданий — слишком глубокими потрясениями были для нее как пережитый ужас, так и внезапное избавление.

Конан выругался и стряхнул ее с себя — нашла время лезть с объятьями! Впрочем, его враг уже испустил дух: темно-карие глаза остекленели, мышцы громадного черного тела больше не трепетали в конвульсиях.

— Ах, Конан! — всхлипывала Санча, снова прижавшись к киммерийцу.— Что будет с нами? Кто эти страшилища? О, я поняла: мы с тобой попали в Преисподнюю, и эта черная тварь — демон!

— Коли так, Преисподней теперь нужен новый демон,— по-волчьи оскалился барахский пират.— Но ты-то как ухитрилась попасть ему в лапы? Я видел, как эти твари уходили к берегу. Они что, захватили судно?

— Не знаю.— Девушка хотела подолом платья вытереть слезы и лишь теперь вспомнила, что на ней совсем нет одежды.— Я вплавь добралась до берега. Я видела, как ты ушел вслед за Запораво, и отправилась следом за вами. Я наткнулась на Запораво... Это ты его убил?

— А то кто же? — проворчал Конан.— И что было дальше?

— Я заметила среди деревьев какое-то шевеление.— Девушку вновь бросило в дрожь.— Подумала, что это ты, звала тебя. А после... увидела эту черную тварь, она сидела на ветке, как обезьяна, и злобно таращилась на меня. Это было как в кошмарном сне! Со мною что-то случилось, я не могла бежать, даже шевельнуться не могла, только кричать... А потом этот демон спрыгнул и схватил меня.— Девушка еще раз всхлипнула и закрыла лицо ладонями, не в силах вынести даже воспоминаний о пережитом ужасе.

— Ладно, хватит тебе причитать, пора убираться отсюда,— проворчал Конан, взяв Санчу за руку.— Идем, идем, надо еще наших предупредить...

— Почти все матросы спали на берегу, когда я пошла в глубь острова,— вспомнила девушка.

— Что? Спали? — рассердился киммериец.— Проклятье! Разрази меня Кром, если это не пахнет бедой!

— Постой! Ты слышал? — Бледная как полотно девушка обмерла; она казалась воплощением страха.

— Еще бы не слышать,— буркнул Конан.— Это был громкий стон. Жди меня здесь!

Конан снова взобрался по выступам, глянул на луг и в замысловатом пиратском ругательстве излил такую ярость, что Санча даже ахнула. Черные люди возвращались, причем с добычей. Каждый нес человека, а кое-кто даже двух. Конан оказался прав: дорого стоил безмятежный сон вольным морякам. Теперь они, точно тряпичные куклы, висели в руках великанов, и если бы не слабые движения их конечностей, если бы не судороги их тел, киммериец бы решил, что их прикончили. Пираты были без оружия, но не связаны. Черный великан нес охапку мечей в ножнах, точно вязанку хвороста. Время от времени кто-нибудь из пленников испускал слабый крик — так пьяница вскрикивает в дурном сне.

Конан огляделся по сторонам, как волк, попавший в западню. Из двора с колодцем вели три арки. Черные люди уходили отсюда через восточную арку; возможно, через нее они и вернутся. Сам он проник через арку. За западной аркой он прятался, но тогда ему было недосуг выяснять, что находится в том дворе. Он совершенно не представлял себе планировку замка, но требовалось срочно принимать решение.

Конан спрыгнул во двор и в лихорадочной спешке вернул статуэтки на их места, а убитого гиганта подтащил к колодцу и перевалил через нефритовый борт. Тело кануло без звука.

Провожая его взглядом, Конан похолодел — тело съеживалось, уплотнялось, уменьшалось на глазах. Дрожа, он поспешил отвернуться, схватил за руку девушку и увлек ее за собой к южной арке. Санча умоляла объяснить, что происходит.

— Черные твари переловили наших,— ответил он на бегу.— Хоть убей, я не знаю, что предпринять. Мы сейчас просто спрячемся, а там будет видно. Может, они не заглянут в колодец и не догадаются, что мы здесь.

— Но они увидят кровь на траве!

— Надеюсь, не придадут этому значения,— ответил Конан.— Как ни крути, выбирать нам с тобой не приходится. Сделаем, как я уже сказал.

Они очутились в том самом дворе, из которого он следил, как истязали юнгу. Конан быстро втащил девушку по

лестнице на верх южной стены и заставил ее опуститься на корточки за ограждением балкона. Неважнецкое это было укрытие, но все же лучше, чем никакого.

Едва они успели спрятаться, как во двор вошли чернокожие люди. У нижней ступеньки лестницы грянул металлический звон, Конан напрягся всем телом и схватился за рукоять меча. Но великаны прошли через юго-западную арку. Послышались глухие удары и стоны — ловцы побросали свою добычу на траву. Санча истерически захихикала, и Конан поспешил зажал ей ладонью рот, прежде чем эти звуки насторожили бы черных тварей.

Спустя некоторое время они услышали топот многих ног по травянистой земле. Когда наступила тишина, Конан привстал и глянул за парапет. Двор опустел, черные люди перебрались в соседний, к колодцу, и теперь сидели на корточках. Очевидно, пятна крови на траве и нефритовом бортике бассейна остались ими незамеченными. Вероятно, пролитая кровь здесь была совершенно в порядке вещей. Не заглядывали эти твари и в колодец. Они были увлечены беседой, в которой движения конечностей и мимика лиц с успехом заменяли речь. Музыкант снова заиграл на золотой флейте, а сородичи обратились в слух, застыв, будто статуи из черного дерева.

Конан взял Санчу за руку и бесшумно двинулся вниз по лестнице, пригибаясь, чтобы над стеной не было видно его голову. Девушка упиралась, в страхе смотрела на арку, ведущую во двор с колодцем. Отсюда через арку не было видно ни колодца, ни зловещей компании рядом с ним. У подножия лестницы лежала груда трофейных мечей. Конан и Санча поняли, что это был за звон — великан бросил наземь охапку пиратского оружия.

Конан увлек девушку к юго-западной арке. Они бесшумно пересекли двор и через очередную арку попали в очередной двор. Там в беспорядке — кого где бросили — валялись моряки, в их ушах поблескивали серьги, из приоткрытых ртов текла слюна. То один, то другой ворочался и беспокойно стонал. Конан склонился над ними, а Санча рядом опустилась на колени, наклонилась вперед, опираясь на руки, и испуганно сказала:

— Какой странный запах... Сладкий, почти приторный. Это от них так пахнет?

— На берегу они наелись фруктов,— пояснил Конан.— Я помню, как они пахли. Наверное, их действие сродни черному лотосу — наводит на человека сон. Ха! Клянусь

Кромом, они уже просыпаются! Проклятье, у них отобрали оружие. И эти черные демоны вряд ли будут мешкать — вот-вот они явятся сюда и потащат парней к своему адскому колодцу. Не проснувшись толком да без оружия много ли навоюешь?

Он с такой силой сдавил оливковое запястье, что Санча ойкнула от боли.

— Вот что мы сделаем! Я отвлеку этих черномазых негодяев, заведу их в другую часть замка и постараюсь там задержать. Ну, а ты пока растолкай наших сонных тетерь и принеси им оружие. Это наш единственный шанс выбраться отсюда живыми, поняла, крошка? Справишься?

— Я... даже не знаю! — Она снова дрожала как осиновый лист; похоже, от страха девушка плохо соображала.

Киммериец выругался, схватил ее за длинные пряди волос и тряс, пока перед ее глазами не закачались стены.

— Должна справиться! — прорычал он.— Должна! Другой возможности спастись у нас не будет!

— Я попробую,— пролепетала она.

Конан наградил ее одобрительным ворчанием и ободряющим шлепком, который едва не свалил ее с ног. В следующий миг киммериец скользнул прочь и спрятался за аркой, ведущей во двор с колодцем. Оттуда он следил за чернокожими извергами. Они по-прежнему сидели возле нефритового бортика, но их жесты уже сквозили злобным нетерпением. Со двора, где лежали пленные пираты, доносились стоны, все громче и громче. А вот послышались и нечленораздельные проклятия. Дыша сквозь стиснутые зубы, Конан напряг мышцы, подобрался, как пантера перед прыжком...

Любитель помузицировать встал на ноги, отнял от губ флейту, а в следующую секунду Конан одним грандиозным прыжком оказался посреди опешивших от неожиданности черных тварей. Тигр на охоте прыгает, чтобы убивать; точно так же и Конан прыгнул, чтобы разить мечом. Трижды блеснул его клинок, прежде чем кто-либо из черных людей успел поднять руку в свою защиту. Затем Конан метнулся в сторону и стремительно пересек двор. На траве позади него трое лежали с разрубленными черепами.

Его яростный натиск застал великанов врасплох, но те, кого не коснулся меч, быстро оправились от замешательства. Когда Конан достиг западной арки, твари устремились в погоню. Длинные ноги несли их с невероятной быстротой, и хотя Конан думал, что способен оторваться,

вовсе не это было его задачей. Нет, он хотел отвлечь их от Санчи и зингарцев, чтобы девушка успела их разбудить и вооружить.

Варвар миновал западную арку... и в сердцах помянул Крома. Этот двор был не таким, как предыдущие,— не круглый, а восьмиугольный. И арка, через которую вбежал Конан, была единственной.

Он повернулся и увидел, что все черные гиганты вбежали за ним во двор. Несколько тварей осталось у выхода, другие растянулись в цепь и пошли в атаку. Он медленно попятился к северной стене, пытаясь никого не упустить из виду. Вражеская цепь изогнулась в полукольцо, черные великаны явно затеяли окружить его. Конан по-прежнему отступал, но с каждым шагом все медленнее, следя за тем, как расширяются промежутки между атакующими. Они опасались, что он решит проскочить в обход фланга, и все больше растягивали цепь.

Конан ждал со спокойствием и настороженностью волка. Когда же он нанес удар, это напоминало вспышку молнии и всех застигло врасплох. Киммериец атаковал самую середку полукольца. Преграждавший ему дорогу великан, разрубленный от плеча до середины груди, растянулся на земле. Черные люди справа и слева не успели ничего предпринять — барахский пират перескочил через труп и оказался снаружи «клещей». Сторожившая выход группа была готова встретить дерзкого человека, но Конан обманул и ее, не став нападать. Он обернулся и взглянул на преследователей, не показывая никаких чувств и уж тем более не показывая страха.

Они сообразили, что неплотная цепь ему не преграда, что глупо распылять силы, имея дело с таким расчетливым и сильным противником. Эти существа обладали способностью учиться на своих ошибках, особенно если за ошибки приходилось платить такую высокую цену. Снова образовав прямой ряд, они плечом к плечу без спешки двинулись на Конана.

Варвар догадывался, что лобовое столкновение с этим скопищем вооруженных когтями мышц не сулит ему ничего хорошего. Как только он окажется среди черных тварей и они смогут дотянуться до него, его попросту задавят массой, и не спасет даже первобытная ярость.

Конан посмотрел вверх, на стену, и заметил над одним из восьми углов какой-то выступ. Для чего он служил архитекторам замка, можно было лишь догадываться, а вот

для чего он послужит ему, Конан понял сразу и попятился в ту сторону. Великаны прибавили шагу, им, очевидно, казалось, что они теснят своего противника в угол. Вне всяких сомнений, они сочли Конана существом низшего порядка, обладателем разума, который в подметки не годится их собственному. Что ж, они будут не первыми, кто обожжется на недооценке врага.

Он уже находился в считанных шагах от стены. Черные люди почти бежали, спеша зажать его в углу, навязать близкий бой. Их сородичи покинули арку, чтобы поучаствовать в расправе. Великаны шли на полусогнутых ногах, в их глазах золотилось адское пламя, белые клыки ослепительно сверкали, когтистые руки грозно тянулись вперед. Они были готовы к внезапному и неистовому сопротивлению своей жертвы, но Конан и на этот раз сумел застать их врасплох.

Он поднял меч над головой и сделал шаг навстречу противникам, но в следующее мгновение повернулся и прыгнул к стене. Мышцы, как стальная пружина, подбросили его вверх. Пальцы вытянутой руки зацепились за выступ. Раздался хруст — выступ не выдержал его веса. Конан свалился на заросшие травой плиты. Если бы не эта трава, смягчившая падение, у него бы сломался позвоночник, так как упал Конан на спину. Через долю секунды он снова оказался на ногах, как огромная кошка, и смотрел на своих недругов. Безмятежность исчезла с его лица, в глазах зловеще горело синее пламя, черная грива стояла дыбом, через стиснутые зубы прорывалось угрожающее рычание. Ситуация изменилась в корне, теперь придется защищать не чужие жизни, а свою, и дикарская натура Конана со всей первобытной свирепостью отреагировала на эту перемену.

Черные люди, растерянно замершие в момент его прыжка, опомнились и теперь были готовы наброситься на него. Но тут тишину разорвал громкий крик. Обернувшись, великаны увидели под аркой пеструю толпу пиратов. Моряки шатались, точно пьяные, и сыпали нечленораздельными проклятиями. Они еще не успели толком прийти в себя, они плохо соображали, но инстинкты воинов оказались на высоте — морские волки обнажили клинки и двинулись вперед, чтобы крушить всех, кто окажется у них на пути.

Черные люди ошеломленно уставились на них. Конан испустил дикий вопль и бросился на врагов, как разящая молния. Точно колосья спелой пшеницы, падали они под его клинком. Зингарцы с ревом устремились через двор и обрушились на великанов стаей кровожадных демонов. Пусть

одурманенные матросы ничего не соображали, когда Санча отчаянно трясла их и совала в руки оружие, но страхолюдного облика незнакомых врагов и пролившейся крови было достаточно, чтобы в душах проснулась боевая ярость.

В мгновение ока двор превратился в поле жестокой битвы, а еще через миг она перешла в кровавую резню. Зингарцы плохо держались на ногах, но на их умении орудовать мечами это почти не сказывалось. Они с проклятьями наседали на черных тварей и не обращали никакого внимания на свои раны, если те не были смертельными. Вдобавок пиратов было намного больше, чем чернокожих. Но аборигены оказались серьезными противниками: возвышаясь над атакующими, они орудовали зубами и когтями, разрывали людям глотки и сокрушали черепа. Перемешавшись в беспорядке с врагами, моряки не смогли как следует использовать свое преимущество — ловкость и быстроту. Вдобавок многие настолько отупели от наркотика, что даже не пытались уклоняться от губительных ударов. Они просто дрались, как дерутся дикие звери: не избегая смерти, заботясь лишь о том, чтобы ее не избежал враг. Их сабли, как мясницкие тесаки, рассекали черную кожу и красную плоть. Визг, вопли и проклятия смешались в отвратительный рев бойни.

Санча, прижавшаяся к стене возле арки, была оглушена шумом и яростью схватки. Перед ее очами бушевал кровавый хаос, в нем вспыхивала сталь, мелькали руки, возникали и исчезали перекошенные злобой лица. Сражающиеся сталкивались, переплетались, налетали друг на друга в этой безумной адской пляске.

Ее память запечатлела некоторые подробности, как рисунки черной тушью на кровавом фоне. Вот зингарский моряк, ничего не видя из-за ленты кожи, содранной со лба и закрывающей ему глаза, по самую рукоять всадил саблю в живот черного великана. Она хорошо слышала, как пират крякнул, нанося удар, и увидела, как темно-карие глаза жертвы закатились в агонии, а из распоротого живота вывалились кишки и брызнула кровь. Умирающий схватился за острие голыми руками. Ослепленный моряк пошатывался на месте — похоже, ничего не соображал. Внезапно кисть черной руки схватила его за шею, черное колено с чудовищной силой ударило в позвоночник. Голова зингарца откинулась назад под неестественным углом, раздался треск, громкий даже в шуме битвы,— как будто сломали толстый сук. Победитель отшвырнул тело своей жертвы, но тут же позади него молнией блеснул стальной клинок. Черный человек

покачнулся, голова скатилась ему на грудь, а оттуда — на землю.

Санче стало дурно, она прижала ладонь ко рту, сдерживая рвоту. Надо было уйти подальше от этого страшного места, но не слушались ноги. И глаза она не могла закрыть. Да и не пыталась — наоборот, раскрыла еще шире. Она была потрясена до глубины души, ее мутило, и вместе с тем она испытывала какое-то странное возбуждение, как всегда при виде крови. Однако эта битва была намного страшнее всех тех набегов на порты и захватов кораблей, которые произошли на ее глазах.

И тут она увидела Конана.

Группа врагов сумела оттеснить Конана от его товарищей, и он не устоял на ногах под натиском черной волны когтистых рук и могучих тел. Он бы уже давно отправился к праотцам, если бы, падая, не ухитрился увлечь одного из черных людей за собой, и теперь он служил пирату щитом. Великаны рвали сородича когтями, стремясь добраться до киммерийца, а Конан что было сил вцепился зубами в глотку издыхающего туземца и крепко прижимал к себе его тело.

Напавшие зингарцы оттянули на себя часть неприятельских сил. Конан выбрался из-под мертвеца и встал во весь рост — в крови с головы до ног, ужасный, как бог смерти. Великаны возвышались над ним, как огромные черные тени, размахивали ручищами, пытались схватить или нанести чудовищные удары. Но поймать или ударить Конана было не проще, чем обезумевшую от драки пантеру. Каждый взмах его стремительного меча проливал кровь черного человека. Ран, полученных киммерийцем в этой схватке, хватило бы, чтобы убить трех обычных людей, но у могучего варвара не убыло жизненной силы.

Над полем кровавой битвы разнесся боевой клич Конана, и одурманенные, но кипящие гневом зингарцы удвоили свои усилия. Крики боли и проклятия почти утонули в звуках клинков, рассекающих плоть и кости.

Наконец черные люди дрогнули и устремились к выходу. Очутившаяся на их пути Санча с визгом бросилась в сторону. Арка оказалась слишком узкой для толпы убегающих, сразу возник затор; ликующие зингарцы с радостными криками обрушивали сталь на спины ближайших врагов. Столпотворение под аркой превратилось в кровавое побоище. Уцелевшие великаны разбежались по замку, теперь каждый был сам за себя.

Их азартно преследовали. Великаны удирали по заросшим травой дворам, по сверкающим лестницам, по кру-

тым крышам фантастических башен, даже по широким парапетам стен. Они истекали кровью, а пираты гнались за ними по пятам, как волки. Некоторые исполины, будучи загнаны в угол, сами набрасывались на моряков и даже убили несколько человек. Но все такие схватки заканчивались одинаково: изрубленное черное тело валилось на траву или, корчась, летело вниз со стены или с башни.

Дрожащая от ужаса Санча укрылась во дворе с колодцем. Вдруг снаружи раздался жуткий крик, послышался топот ног, и через арку вбежал окровавленный черный великан. Это был вожак, тот самый, у которого сверкал на голове драгоценный обруч. По пятам за ним бежал коренастый пират. У самого края колодца великан остановился и обернулся — видимо, понял, что уйти ему не дадут. Он поднял саблю, оброненную каким-то умирающим моряком, и встретил натиск зингарца непривычным оружием. Сила черного гиганта вкупе с неосторожностью одурманенного пирата дали желанный результат — моряк рухнул с проломленным черепом. Но удар оказался таким мощным, что не выдержал и клинок в руке последнего живого великана.

Он бросил рукоять в толпящихся под аркой пиратов и повернулся к колодцу. Искаженное злобой демоническое лицо застыло, превратилось в чудовищную маску. В этот миг Конан прорвался сквозь толпу пиратов и, не медля ни секунды, устремился к чернокожему.

Гигант раскинул руки, из его горла исторгся нечеловеческий вопль — единственный звук, который люди услышали от черных тварей за все время битвы. Он протяжно кричал, изливая в небеса свою ненависть. Это не был голос живого существа — это был вой адской твари. Зингарцы оробели, кое-кто даже попятился. Один лишь Конан не остановился. Он молча занес над головой свой грозный меч, чтобы сразить черного демона, застывшего у бортика колодца.

Но в то самое мгновение, когда обагренный кровью клинок сверкнул в воздухе, исполин прыгнул. Казалось, он на какую-то секунду завис над колодцем. А затем с потрясающим землю ревом вздыбились, устремились ему навстречу зеленые воды — как будто посреди странного замка проснулся вулкан и исторг вверх зеленую лаву.

В тот миг, когда вода скрыла черного исполина, Конан прервал свой стремительный прыжок — и как раз вовремя, иначе бы он угодил в колодец. Он отскочил назад и замахал могучими руками на своих людей, отгоняя их от опас-

ного места. Нефритовый колодец превратился в настоящий гейзер, из него с оглушительным шумом извергался водяной столб, увенчанный пенной шапкой.

Конан гнал пиратов к арке, как стадо баранов, не жалея тумаков и ударов мечом плашмя. Казалось, от кошмарного рева воды они утратили остатки рассудка. Даже Санча стояла в оцепенении, распахнув от ужаса глаза, и неотрывно смотрела на зеленый столб. Киммериец окликнул ее громовым возгласом, который перекрыл грохот воды и вывел ее из ступора.

Протягивая руки, девушка бросилась к нему. Конан подхватил ее под мышку и вынес со двора.

Уцелевшие матросы между тем столпились у последней арки, той, что вела на луг. Обессилевшие, израненные люди едва держались на ногах, их одежда превратилась в кровавые лохмотья. Они стояли и тупо разглядывали огромную колонну яростной воды, которая в один миг выросла, казалось, до самого небосвода. Белая пенная шапка над колонной была раза в три шире ее основания. Конан ждал, что столб вот-вот рассыплется на брызги, которые ринутся вниз водопадом, но он продолжал расти.

Конан окинул взором жалкие остатки команды «Головореза»: два десятка окровавленных людей, не больше. В такой ситуации не до щепетильности. Он схватил ближайшего пирата за шиворот и так встряхнул, что кровь из ран моряка забрызгала всех вокруг.

— Где остальные? — проревел Конан своей жертве в ухо.

— Все тут! — крикнул тот в ответ, перекрывая грохот гейзера.— Остальных прикончили эти черные твари...

— Ладно, я понял. А теперь давайте убираться отсюда! — взревел Конан и грубо пихнул зингарца к выходу.— Этот столб вот-вот рухнет!

— И утопит нас всех! — перепуганный мореход заковылял к арке.

— Утопит? — осклабился Конан.— Как бы не так! Превратит всех нас в каменных болванов. А ну, бегом к берегу, канальи, разрази вас Кром!

Он поспешил к выходу, оглядываясь то на грандиозную водяную башню, то на едва переставляющих ноги морских волков. Они, ошеломленные кровопролитной битвой, оглушенные чудовищным ревом воды, двигались, как в трансе. Конан подгонял их самым немудреным способом: с руганью хватал за шиворот и толкал к арке, прибавляя им скорости крепкими пинками. Санча боялась с ним расстаться, так и

норовила обвить руками, пока не получила шлепок по ягодице — такой крепкий, что она птицей вылетела на луг.

Лишь когда Конан убедился, что ни один из переживших битву пиратов не остался в стенах замка, он сам пересек заросший травой двор. Обернувшись, он бросил взгляд на ревущую колонну, которая возвышалась над замком. Башни в сравнении с ней казались крошечными. Конан последним выбежал наружу, покинув эту обитель неописуемых кошмаров.

Зингарцы уже оставили позади плоскую вершину холма и теперь спускались по склону. На макушке следующего холма его дожидалась Санча. Конан остановился на мгновенье, чтобы бросить на замок последний взгляд: казалось, над башнями распустился циклопический цветок с зеленым стеблем и белыми лепестками. Воздух был наполнен умопомрачительным ревом.

Внезапно нефритово-зеленая, увенчанная белым колонна накренилась с таким грохотом, будто раскололся небесный свод, и на замок обрушились гремучие потоки, вмиг поглотив и стены, и башни.

Конан схватил Санчу за запястье и припустил со всех ног. Бегущие оставляли позади холм за холмом, по пятам за ними с грохотом и ревом неслась зеленая вода. Бросив взгляд за плечо, Конан увидел, как расстилается с вершины на вершину широкая зеленая лента. Поток продолжал расти, только теперь не в высоту, а в длину; не меняя направления, он исполинским змеем спускался в балки и взбирался на холмы. Казалось, он обладал разумом и задался целью во что бы то ни стало настигнуть свою упущенную добычу.

Как только киммериец понял это, он удвоил усилия, что было настоящим подвигом. Санча вскоре изнемогла, ее уже не держали ноги, и она со стоном упала на колени. Конан перебросил ее через свое крепкое плечо и побежал дальше. Его грудь бурно вздымалась, ноги подкашивались, воздух со свистом вырывался сквозь стиснутые зубы. Впереди, подгоняемые страхом за свою жизнь, из последних сил семенили пираты.

И вдруг перед его глазами открылось море. У Конана уже кружилась голова от изнеможения, он сам не понимал, как ему еще удается переставлять ноги. Он увидел «Головореза» — судно было целым и невредимым. Пираты с разбегу попрыгали в шлюпки, Санча упала на дно и так и осталась лежать, не имея сил подняться. У Конана стучала

кровь в ушах, а перед глазами клубился алый туман, но он схватил весло и греб наравне с задыхающимися от бега товарищами.

Казалось, их сердца вот-вот вырвутся из грудных клеток, но моряки отчаянно гребли, и лодки быстро плыли к кораблю. Вот уже показалась зеленая река, под ее натиском деревья рушились, как подрубленные, тонули в нефритовой влаге, исчезали. Поток вырвался на песчаный пляж, достиг кромки прибоя, и зелень морской воды приобрела еще более густой и зловещий оттенок.

Пираты не рассуждали, они повиновались только инстинктивному страху, напрягая измученные мышцы, выжимая из них последние силы. Они ничего не знали о преследующем их колдовстве, но понимали, что соприкосновение с этой мерзкой зеленой струей ничего хорошего не даст ни их телам, ни их душам.

Один лишь Конан знал доподлинно, чем грозит зеленая река. Он видел, как она рассекает волны, как она преследует гребцов, не меняя своей формы и курса. Поэтому он выложил последние силы, какие только были у него в запасе. Он греб так отчаянно, что в его руках сломалось весло.

Но тут лодки ткнулись в борт «Головореза», матросы полезли вверх по снастям. О том, чтобы поднять шлюпки на борт, не могло быть и речи. Лишившуюся чувств Санчу внес на борт корабля Конан на своем широком плече. Барахский пират бесцеремонно сбросил ее на палубу и взялся за руль, выкрикивая четкие приказы жалким остаткам экипажа. Никто ему не перечил — все инстинктивно почувствовали в нем вожака.

Шатаясь, как пьяные, пираты брались за снасти. Не отошедшие от дурмана мозги бездействовали, руки машинально выполняли команды нового капитана. Кое-как они выбрали якорную цепь, кое-как поставили паруса, и те сразу наполнились ветром. Судно встряхнулось, накренилось и величаво повернуло бушприт в открытое море. Конан глянул в сторону берега. Подобно языку зеленого огня, хищная лента лизала воду в длине весла от руля «Головореза», не отставала, но и настичь уже не могла. Конан перевел взгляд с зеленого потока на белый песок пляжа, затем на холмы, которые таяли в голубом мареве.

К киммерийцу вернулось самообладание. Он окинул взглядом своих окровавленных, тяжело дышащих товарищей и ухмыльнулся. Санча уже стояла рядом с ним, по ее щекам бежали слезы — девушка еще не скоро придет в себя.

Конан где-то потерял пояс с ножнами, его шаровары превратились в окровавленные лохмотья. В крови был и меч, который он воткнул перед собой в палубу. Густые черные волосы киммерийца слиплись от крови, ухо было разорвано. Руки, ноги, грудь и плечи были в шрамах, как будто он вышел из схватки с дюжиной пантер. Но он ухмылялся, крепко стоя на могучих ногах, и поворачивал руль, радуясь возвращению сил в мышцы.

— И что же будет теперь? — робко спросила девушка.

— Будет жизнь пиратов, морских бродяг! — расхохотался Конан.— Пусть у меня сейчас не команда, а шайка жалких дураков в драных штанах, но они вполне способны управиться с кораблем, а в любом порту мы найдем новых матросов. А ну-ка, малютка, иди ко мне! Кажется, сегодня я заслужил твой поцелуй.

— Поцелуй? — истерически взвизгнула Санча.— Ты сейчас способен думать о поцелуях?

Его смех был громче хлопанья парусов. Он сорвал девушку с палубы могучей рукой, привлек ее к себе и горячо поцеловал в ярко-красные губы.

— Я сейчас способен думать о жизни! — выкрикнул он.— Мертвых товарищей не воскресить, но зато у меня теперь есть корабль, и команда сорвиголов, и девушка с губами, как вино,— а больше ничего и не нужно. Эй вы, морские бродяги, зализите свои раны и несите сюда пиво — выпьем за наше возвращение из ада! Скоро вам придется поработать на этом судне, как никогда в жизни не работали, а пока веселитесь, пляшите и пойте. Довольно нам бороздить пустые моря! Пойдем туда, где в портах скопились несметные богатства, где торговые суда битком набиты ценными товарами.

И «Головорез», словно окрыленный его словами, еще быстрее побежал по волнам.

Конан давно собирался порвать с пиратами и вернуться в хайборийские земли, но судьба позволила ему только сменить одну шайку на другую — он порвал с барахцами и связался с зингарскими каперами. Однако корабль его пошел на дно, и варвар вступил в Вольницу под начало некоего Заралло. Отряд этот стоял в пограничном городке Сухмет, и жизнь там была, надо сказать, невыносимо скучной...

Гвозди с красными шляпками

1

ЧЕРЕП НА СКАЛЕ

Женщина натянула поводья своего усталого коня. Тот остановился, широко расставив ноги, словно изящная уздечка красной кожи с золотыми кистями лежала на нем непомерной обузой. Женщина вынула ноги из серебряных стремян и соскользнула с позолоченного седла на землю. Привязав коня к молодому деревцу, она повернулась и принялась напряженно всматриваться в окружающий ландшафт — ладони прижаты к бедрам, лоб чуть нахмурен.

Местность не выглядела гостеприимной. Маленькое озерко, из которого только что напился конь, обступали огромные деревья. Густой подлесок ограничивал видимость: взгляд тщетно пытался пробиться сквозь мрачные сумерки под величественными кронами. Женщина едва заметно передернула великолепно очерченными плечами и тихо выругалась.

Она была высокого роста, с развитой грудью, а длинные ноги и тяжелые бедра идеально сочетались с узкими плечами. Ее фигура говорила о необыкновенной силе, в то же время каждой своей линией подчеркивая принадлежность к прекрасному полу. Она была женщиной во всем — с головы до пят, и это несмотря на манеры и одежду. Последняя в силу обстоятельств мало чем напоминала изящный наряд. Вместо юбки на ней были короткие широкие штаны из шелка, которые, не доходя до колен, резко сужались; обмотанный вокруг талии шелковый пояс на застежке не давал им сползти вниз. Сапоги мягкой кожи с ярко окра-

шенным верхом закрывали ноги почти до колен, а рубашка с глубоким вырезом, широким воротником и рукавами завершала костюм. У одного бедра висел прямой обоюдоострый меч, у другого — длинный кинжал. Густые непослушные волосы цвета золота, грубо обрезанные у плеч, были схвачены алой лентой.

Естественная грация тела и яркий наряд в этом мрачном, первобытном лесу казались неуместными, почти нереальными. Ей скорее подошло бы окружение из морского простора, белых облаков и парящих чаек. Дерзкие, жадные глаза словно отражали морскую синеву. Иначе и быть не могло, ибо это была Валерия — воительница из Ватаги Красных Братьев, чьи дела и походы повсюду прославляют в своих песнях и балладах морские бродяги, стоит им только собраться где-нибудь теплой компанией.

Она попыталась отыскать в плотном лесном покрове брешь, чтобы увидеть хоть краешек неба, но в конце концов отказалась от этой затеи. С прекрасных губ сорвалось проклятие.

Оставив коня, женщина зашагала на восток, время от времени оглядываясь на озеро, чтобы выдержать направление. Тишина леса действовала угнетающе. Ни пения птиц в сплетенных высоко над головой ветвях, ни шороха в кустах — спутника хлопотливой жизни мелких зверюшек. Она прошла уже несколько миль в этом царстве тишины, и ничто, кроме мягкой поступи ее ног, не нарушало векового покоя.

Валерия предусмотрительно утолила жажду у озерка, но сейчас проснулся голод, и она стала высматривать знакомые плоды, которыми питалась с тех пор, как иссякли запасы пищи в седельных сумках.

Но вот впереди показалась темная скала — будто чудовищный каменный зуб с поверхностью, изъеденной временем, она высилась посреди деревьев-исполинов. Ее вершина терялась в сплошной завесе листвы. Валерия на миг задумалась: судя по виду, скала насквозь прорезала зеленый покров, и, значит, взобравшись на нее, можно будет узнать, далеко ли край этого леса... если только у него действительно есть хоть какой-нибудь предел: после стольких дней путешествия под темным сводом надежды выбраться на открытую местность почти не осталось.

Узкий кряж, протянувшийся по крутому склону, позволял без особых хлопот подняться к вершине. Одолев около пятидесяти ярдов, Валерия вплотную приблизилась к зеленому поясу. Мощные стволы высились чуть поодаль, но их

нижние ветви, дотянувшись до склонов, оплетали скалу густой листвой. Валерия поднималась все выше, пробираясь среди ветвей и листьев, уже потеряв из виду землю и не подозревая о том, что может ожидать ее через фут, как вдруг увидела голубой лоскуток неба; еще минута — и ее залили жаркие лучи солнца.

Она стояла на широком уступе, от ее ног убегали вдаль волны зеленого моря. С уступа кверху взметнулся острый шпиль, венчавший скалу, на которую она взобралась. Глядя на солнце, она несколько раз глубоко вздохнула и вдруг опустила голову: в сухих листьях, толстым ковром устилавших площадку, ее носок задел что-то твердое. Она быстро расшвыряла ногами листья, и ее глазам открылся человеческий скелет. Опытным взглядом женщина пробежала по выбеленным костям, но не нашла ни переломов, ни прочих признаков насилия. Выходит, человек умер естественной смертью, правда, оставалось неясным, зачем за этим надо было лезть на высокую скалу.

Валерия поднялась к вершине шпиля и, примостившись на крохотном козырьке, прижавшись к камню, окинула взглядом горизонт. Тесные ряды крон, напоминавшие с ее наблюдательного пункта неровный зеленый пол, сверху были так же непроницаемы, как и снизу. Даже озерко, возле которого она оставила коня, отсюда не было видно. Она посмотрела на север, откуда пришла, но увидела все тот же океан растительности, лишь у самого горизонта голубела размытая линия — напоминание о горной гряде, пройденной несколько дней назад еще до того, как ее поглотила эта зеленая пустыня.

За исключением полоски гор, на востоке и на западе — картина та же. Но стоило ей перевести взгляд на юг, как ее тело застыло в напряжении, дыхание перехватило. Уже через милю лес в той стороне начинал быстро редеть и, резко обрываясь, сменялся голой равниной, густо поросшей кактусами. А посреди ее высились стены и башни города. Не в силах сдержать изумления, Валерия вычурно выругалась. Увиденное превзошло самые смелые расчеты. Она не удивилась бы, окажись тут поселение людей: что-нибудь вроде скопления хижин — обычное стойбище чернокожих или похожие на груды каменных обломков жилища смуглых аборигенов, принадлежавших к неведомой расе, по преданиям, в незапамятные времена заселившей этот край. Но обнаружить город здесь, за многие недели пути до ближайшей окраины цивилизации — этого она ожидала меньше всего.

Валерия с трудом оторвала взгляд от неожиданного зрелища. Все еще хмурясь в нерешительности, она проворно спустилась на уступ. Пожалуй, в своем бегстве она зашла слишком далеко — далеко от лагеря наемников, расположенного посреди саванны у пограничного города Сухмет, где пестрое сборище отчаянных головорезов охраняло стигийские рубежи от набегов дикарей, красными волнами накатывавшихся из Дарфара. Ее бегство в совершенно незнакомую страну походило на бегство слепца. И сейчас она колебалась между сильным желанием, вернувшись к коню, отправиться прямо в город и инстинктом самосохранения, который подсказывал, что самое разумное — незаметно обогнуть его и в одиночестве продолжить путь.

Ход рассуждений прервал шорох сухих листьев за спиной. Она круто обернулась — в глазах блеск дикой кошки, рука на рукояти меча — и застыла, пораженная, уставившись на стоявшего перед ней воина.

Ростом едва ли не с великана, он обладал железными мускулами, буграми вздувшимися под гладкой, потемневшей под лучами солнца кожей. На нем была почти та же одежда, за той лишь разницей, что вместо пояса талию стягивал широкий кожаный ремень. Палаш и кинжал дополняли картину.

— Конан-киммериец! — воскликнула женщина.— Ты здесь откуда? Преследуешь меня?

Он грубо усмехнулся; голубые глаза варвара жадным взглядом окинули идеальные формы, задержавшись на прекрасных округлостях груди под легкой рубашкой и на полосе обнаженного тела между штанами и мягкими голенищами сапог; в его темных зрачках вспыхнул огонь, понятный любой женщине.

— Не догадываешься? — Он рассмеялся.— Или я недостаточно намекал на свои чувства с самой нашей первой встречи?

— Куда уж яснее — жеребцы все одинаковы! — Она презрительно передернула плечами.— Но я никак не ожидала встретить тебя здесь, вдали от мисок и пивных бочек Сухмета. Ты что же, в самом деле покинул ради меня лагерь Заралло? А может быть, тебя просто вышвырнули за воровство?

Он лишь расхохотался на ее оскорбительный тон и согнул руки — под кожей заходили бугры мускулов.

— У Заралло не хватило бы людей, чтобы выставить меня из лагеря.— Он широко ухмыльнулся.— Разумеется, я ушел

сам. Ты, кстати, тоже не промах! Ты хотя бы знаешь, что, поцарапав стигийского начальника, ты потеряла расположение Заралло, а в Стигии тебя объявили вне закона?

— Знаю,— мрачно ответила она.— А что мне оставалось? Я ему повода не давала, так что нечего было на меня набрасываться.

— Ну да,— согласился Конан.— Будь я поблизости, сам перерезал бы ему горло. Но когда женщина живет в лагере воинов-мужчин, она должна быть готова к подобным наскокам.

Валерия в ярости топнула ногой и выругалась.

— Почему мужчины не оставят меня в покое, не дадут жить свободной — так, как живут сами?

— Ну, это как раз понятно! — И вновь его глаза жадно прошлись по ее телу.— Хорошо, что у тебя хватило ума сбежать из лагеря, иначе стигийцы содрали бы с тебя живой кожу. Брат убитого погнался за тобой и, я уверен, догнал бы. Он почти настиг тебя, когда мы встретились. У него была хорошая лошадь — гораздо лучше твоей. Еще несколько миль — и он перерезал бы тебе горло.— Киммериец умолк.

— Ну?

— Что ну? — Он сделал изумленное лицо.

— Что с ним случилось?

— Не догадываешься? — Он пожал плечами.— Конечно, я убил его: надо же и грифов подкармливать. Из-за этой заминки я едва не потерял твой след, пока ты переваливала через горы. А иначе догнал бы много раньше.

— И что думаешь делать? Потащишь меня в лагерь к Заралло? — Она недобро усмехнулась.

— Не мели ерунды! — отрезал он.— Уймись, девочка, и не гляди злючкой. Разве я похож на того стигийца, которого ты так неосторожно пощекотала ножичком? По-моему, нет.

— Бродяга с дырявыми карманами! — Она хотела уколоть его, но варвар только расхохотался.

— Ты бы на себя глянула со стороны! У самой не хватит денег даже на заплату на заднице. Кривись на здоровье, но меня не проведешь. Тебе прекрасно известно, что совсем недавно под моим началом было больше кораблей и людей, чем ты имела за всю свою жизнь. А что до пустых карманов... так где ты видела морского бродягу, который дрожал бы над монетами? Того золота, что я просадил в портовых тавернах, хватило бы, чтобы набить им галеру. Да что я говорю — сама знаешь.

— И где же они, те грозные корабли и отважные корсары, которыми ты командовал? — усмехнулась Валерия.

— Большей частью — на дне моря! — беспечно ответил он.— Последний корабль потопили зингарцы недалеко от побережья Шема — вот почему я оказался в Вольнице у Заралло. Но, притопав в лагерь на границе с Дарфаром, я убедился, что меня подло надули. Жалованье — нищенское, вино — кислятина, о чернокожих красотках я вообще не говорю: какую ни возьми, так обязательно зубы подпилены, в носу — кольцо! Бр-р-р! А ты как очутилась у Заралло? Ведь от соленой воды до Сухмета путь не близкий!

— Красному Орто взбрело в голову затащить меня к себе в постель,— угрюмо ответила она, опуская глаза.— Вот я и прыгнула как-то ночью за борт, когда мы стояли на якоре неподалеку от кушского берега. А на берегу повстречала куппа-шемита, который и сказал, что Заралло увел своих вольных братьев на юг к границе с Дарфаром. Ничего лучшего не предвиделось, вот я и примкнула к каравану, идущему на восток, и в конце концов добралась до Сухмета.

— Надо было совсем рехнуться, чтобы искать спасения на юге,— задумчиво сказал киммериец.— А с другой стороны, ты поступила весьма благоразумно: никому и в голову не придет искать тебя здесь. Один брат убитого взял верный след, и то благодаря лишь случаю.

— Ну хорошо, что дальше? — решительным тоном потребовала ответа Валерия.

— Повернем на запад. Мне приходилось забираться так далеко на юг, но чтобы еще и к востоку — такого пока не случалось. Через много дней пути мы выйдем в открытую саванну, где племена чернокожих пасут свои стада. У меня среди них есть друзья. Оттуда доберемся до побережья и найдем подходящий корабль. Я уже по горло сыт джунглями.

— Вот и прекрасно! — воскликнула она.— Счастливого пути! А у меня на этот счет свои соображения!

— Не будь дурой! — Впервые Конан повысил голос.— Мало ты плутала по этому лесу, хочешь еще?

— Почему бы и нет?

— Что-то задумала?

— Не твое дело! — отрезала она.

— Ошибаешься,— уже ровным тоном ответил он.— Не для того я забрался в такую глушь, чтобы возвращаться с пустыми руками. Подумай хорошенько, девочка. Я не желаю тебе зла.

Он сделал шаг вперед — она отпрыгнула и выхватила меч.

— Не прикасайся ко мне, пес! А то насажу на меч, как поросенка на вертел!

Он нехотя подчинился.

— Хочешь, чтобы я отобрал у тебя игрушку и отшлепал непослушную по попке?

— Слова! Одни слова! — Девушка в открытую издевалась над ним, в дерзких глазах солнечными лучиками по голубой воде плясали огоньки.

Она была права. Никто из живущих не смог бы разоружить Валерию из Братства голыми руками. Варвар нахмурился: его одолевали противоречивые чувства. Глупое упрямство девушки вызывало раздражение, в то же время присутствие духа восхищало его. Он сгорал от страсти: хотелось крепко прижать, стиснуть в своих железных объятиях ее соблазнительное тело, но больше всего он боялся причинить ей боль. Варвар буквально разрывался между грубым желанием и нежностью к ней. Он знал: еще один шаг — и ее меч пронзит его сердце. Слишком часто он наблюдал, с какой легкостью Валерия расправляется в пограничных стычках с врагами, чтобы иметь на этот счет какие-то сомнения. В бою она была стремительна и беспощадна, как тигрица. Конечно, можно вытащить клинок и выбить меч из ее рук, но сама мысль поднять оружие на женщину, пусть и без худых намерений, вызывала в его душе крайнее отвращение.

— Чтоб ты пропала со своим упрямством! — взорвался он.— Ну да я доберусь до тебя!

Не помня себя от ярости и страсти, он рванулся вперед, девушка изготовилась для смертельного удара, но вдруг развязка — неожиданная, страшная — прервала эту трагикомическую сцену.

— Что это?!

Голос принадлежал Валерии, но содрогнулись оба. Конан круто повернулся — огромный меч в руке, тело — комок мускулов и нервов. Внезапно тишину леса разорвали жуткие вопли смертной муки, ужаса, агонии — это ржали их лошади. К этим звукам примешивался еще один — громкий хруст, словно кто-то перемалывал кости мощными челюстями.

— Львы пожирают наших лошадей! — воскликнула Валерия.

— Какие там львы! — Конан сверкнул глазами.— Или ты слышала львиное рычание?! Нет? Я тоже нет! И потом, лев

не стал бы поднимать такой шум из-за какой-то лошади. Да еще этот хруст...

Киммериец начал быстро спускаться по естественному кряжу, Валерия — следом. Вражда была забыта, перед лицом таинственной опасности оба искателя приключений из противников моментально превратились в союзников. Едва они миновали лиственную завесу, как отчаянное ржание стихло.

— Я обнаружил твою лошадь у пруда, привязанную к дереву,— говорил он, ступая без малейшего шума,— не удивительно, что его появление там, на скале, застало девушку врасплох.— Я привязал свою рядом и пошел по следу твоих сапог... Тихо! Замри и слушай!

Они спустились чуть ниже зеленого пояса и сейчас, прильнув к скале, напряженно вглядывались в густой подлесок. Над их головами раскинулся сумрачный шатер из ветвей и листьев. Под ними скудный свет, пробившийся сквозь сплетенные заросли, окрашивал все в приглушенные зеленые тона. Стволы гигантских деревьев, высившихся менее чем в ста ярдах от скалы, призрачно темнели в полумраке.

— Лошади там, за молодым подлеском,— прошептал Конан, и в неподвижной тишине его голос ветерком прошелся среди ветвей.— Вот, слышишь?

И Валерия услышала. По ее спине пробежал холодок; не сознавая того, она положила свою белую руку на мускулистое загорелое плечо варвара. Со стороны зарослей вместе с хрустом костей и треском раздираемой плоти доносилось громкое чавканье — звуки ужасного пиршества.

— Лев не наделал бы столько шума,— прошептал Конан.— Кто-то пожирает наших лошадей, но только не лев... Великий Кром!

Внезапно чавканье смолкло. Конан выругался: некстати поднявшийся ветерок дул прямо в сторону невидимого убийцы.

— Идет! — едва слышно сказал Конан, приподнимая меч.

Молодые деревца дрожали, некоторые бешено раскачивались. Валерия, прижавшись к варвару, вцепилась в его руку. Не знакомая с обитателями джунглей, она все же понимала, что ни одно из известных животных не смогло бы раскачивать крепкий подлесок так, точно оно пробиралось по тростниковым зарослям.

— Должно быть, не меньше слона,— пробормотал Конан, как бы отвечая на ее мысли.— Пусть только эта тварь...— Он вдруг осекся, пораженный.

Из чащи высунулась голова — настоящее порождение безумия и ночного кошмара! Оскаленная пасть открывала два ряда острых желтых клыков, отвратительная морда древнего ящера была вся изборождена морщинами. Глаза — как у питона, но в тысячу раз больше — не мигая смотрели на двух оцепеневших от ужаса людей на скале. С отвислого, в чешуйках, края огромной пасти на землю вперемешку со слюной стекала кровь.

Голова, намного больше, чем у аллигатора, была насажена на длинную чешуйчатую шею, из которой в несколько рядов торчали зазубренные шипы, а дальше, ломая ветки и деревья, неуклюже переваливалось туловище твари — исполинская туша с выпяченным, словно бочонок, брюхом на нелепо коротких ножках. Белесое брюхо едва не стлалось по земле, в то время как острия шипов на хребте торчали так высоко, что до них не дотянулся бы и самый рослый из людей. Длинный, усеянный шипами хвост волочился по земле.

— Вверх, живо! — крикнул Конан, толкнув девушку себе за спину.— Вряд ли оно лазает по скалам, но если встанет на задние лапы, то запросто до нас дотянется!

Круша деревья и кустарник, чудовище двинулось к скале — к людям. Оба взлетели по откосу, точно гонимые ветром сухие листья. Уже на границе с зеленым поясом Валерия решилась оглянуться — их опасения оправдались: встав на дыбы, огромная тварь тянулась к ним раскрытой пастью. Сердце отважной женщины захлестнул ужас, кровь в жилах обратилась в лед. На задних лапах чудовище казалось еще огромнее, его плоская голова подпирала лиственный свод. Вдруг ей в запястье железными клещами впились пальцы Конана, она почувствовала, как ее тащат вверх, в спасительный покров и дальше — на солнечный свет. И вовремя! Не успели они взобраться на уступ, как чудовище с такой силой обрушилось передними лапами на скалу, что каменная глыба под их ногами задрожала.

За спинами беглецов раздался страшный треск. Не останавливаясь, они быстро оглянулись, и Валерия едва не закричала: словно в ночном кошмаре среди листвы торчала голова чудовища — в глазах безжалостный огонь, пасть широко раскрыта! Не помня себя, они взлетели на уступ. Гигантские челюсти с клацаньем сомкнулись чуть ниже их ног, и голова, погрузившись в зеленые волны, скрылась с глаз.

Заглянув в образовавшуюся брешь с обломанными по краям ветвями, царапавшими о скалу, они увидели зверя —

тот сидел на задних лапах у подошвы склона, его глаза не мигая смотрели на людей.

Валерия содрогнулась.

— Как ты думаешь, долго он там будет торчать?

Конан легонько пнул выбеленный череп, шурша сухими листьями, тот откатился в сторону.

— Этот парень, как видно, взобрался сюда, чтобы укрыться от него... или от другого такого же. Похоже, он просто умер с голоду. Все кости целы. Скорее всего это дракон, о них упоминается в легендах чернокожих. И если это так,— что очень похоже на правду,— то он не уйдет, пока мы оба не умрем.

Валерия в растерянности посмотрела на киммерийца — от ее прежней ярости не осталось и следа. Всеми силами она пыталась справиться с охватившим ее отчаянием. Ей незачем было доказывать свою храбрость, нередко доходившую до безрассудства: тысячу раз в самых беспощадных схватках на суше и на море, на скользких от крови палубах горящих кораблей, при штурме городских укреплений, на прибрежных пляжах, где головорезы из Ватаги Красных Братьев отстаивали свое право на лидерство зубами, ножами и мечами,— везде она была не из последних. Но от неизбежной страшной участи стыла кровь. Глубокая рана от абордажной сабли по сравнению с этим представлялась царапиной: вот так сидеть на голой скале, сложа руки, не в силах что-либо изменить, и покорно ждать, пока не сгинешь от голода, а внизу эта ископаемая тварь, каким-то чудом сохранившаяся с допотопных времен,— от одной мысли об этом рыдания подкатывали к горлу.

— Ведь должен же он пить и есть — может, тогда уйдет? — высказала робкое предположение девушка.

— Для этого не надо уходить далеко,— отозвался Конан.— Он только что сожрал лошадей и теперь, как и все змеи, еще долго сможет обходиться без еды и питья. Спать после еды ему тоже не обязательно. Единственное, что нам на руку, так это то, что сюда ему нипочем не забраться.

Речь Конана звучала спокойно, без надрыва. Он был варваром, и невероятная выносливость дикаря, унаследованная от предков, органично сочеталась в нем и с низменной страстью к женщине, и с бешеной яростью к врагам. Загнанный в угол, он проявлял хладнокровие, немыслимое с точки зрения цивилизованного человека.

— Может быть, нам перелезть на дерево и передвигаться по кронам, вроде обезьян? — В ее голосе уже слышалось отчаяние.

Он покачал головой:

— Я уже думал об этом. В том месте, где ветки подступают к скале, они слишком тонкие и не выдержат нашего веса. А кроме того, сдается мне, что эта тварь может повалить любое из растущих здесь деревьев.

— Так что же, будем сидеть на задницах и ждать, пока не передохнем с голода, как этот? — в ярости крикнула она и пнула по черепу — стуча по камням, тот улетел вниз.— Лично я против. Вот спущусь сейчас и отрублю башку этой гадине!

Конан уселся на каменный зуб, торчащий у основания шпиля. Глядя снизу вверх, он залюбовался на морщинку гнева, на блеск в голубых глазах и на все ее сильное, жаждущее действия тело; однако он понимал, что в таком состоянии она способна на любое безрассудство, и когда заговорил, его голос звучал ровно, даже чуть пренебрежительно.

— А ну сядь! — Схватив за руку, он рывком усадил ее себе на колено. Валерия так удивилась, что даже не подумала сопротивляться, а Конан, легко отобрав у девушки меч, отправил его обратно в ножны.— Угомонись! Ты лишь затупишь клинок о его панцирь. Да он заглотит тебя целиком, а не то поведет своим шипастым хвостом — и выпустит наружу кишки. Понятно, что так или иначе, но выбираться надо, но только не через брюхо этой твари.

Она ничего не ответила, даже не сделала попытки сбросить его руку, успевшую обвить ее тонкую талию. Ее охватил страх, а это чувство было слишком ново для Валерии из Ватаги Красных Братьев. Итак, она по-прежнему, слегка понурившись, сидела на его коленях — товарищ по несчастью или пленница? — сидела с таким покорным видом, что, окажись рядом Зарапло, по мнению которого Валерия явилась не иначе как из сераля князя Тьмы, тот был бы повержен в глубокий шок.

Конан рассеянно поигрывал локонами золотистых волос, словно без остатка отдавшись наслаждению от своей победы. Казалось, ничто не могло вывести его из равновесия: ни скелет у его ног, ни страшное чудовище внизу.

Пытливые глаза девушки, скользящие по листве, приметили на фоне общей зелени какие-то пятна. Это были плоды — большие пурпурные шары, висящие на ветках дерева с необычайно густой ярко-зеленой листвой. Она вдруг почувствовала голод и жажду, и если чувство голода еще можно было как-то подавить, то от сознания, что внизу, на пути к озеру, ее подстерегает смерть, жажда только усиливалась.

— Пожалуй, голод нам пока что не грозит,— сказала Валерия.— Я вижу фрукты, и до них нетрудно дотянуться,— она указала на пурпурные шары.

Конан тоже взглянул на дерево.

— Точно, и после такой закуски нам уже будут не страшны зубы дракона,— проворчал он в ответ.— Чернокожие из Куша называют их яблоками Деркето. Деркето у них — королева мертвецов. Если хлебнешь глоток сока или прольешь его на кожу, то не успеешь спуститься к нашему приятелю, как превратишься в труп.

— Ну да!

Девушка погрузилась в мрачное молчание. «Как ни крути,— угрюмо размышляла она,— а от судьбы не уйдешь. Неужели конец?» Она не видела ни малейшей возможности избежать смерти, а Конан, похоже, прочно завладел ее талией и ни о чем другом не помышляет. Если у него в голове и зрел план, то по виду никак этого не скажешь.

— Если уберешь с меня свои лапы и заберешься на шпиль,— в конце концов не выдержала она,— то увидишь нечто интересное.

Он бросил на нее вопросительный взгляд, затем, пожав литыми плечами, нехотя последовал ее совету. Обхватив руками заостренную вершину, он посмотрел поверх деревьев.

Долгое время он молчал — неподвижный, весь устремленный вдаль, загорелое, мускулистое тело в лучах солнца отливало бронзой.

— Город, и весьма приличный,— наконец сказал он.— Не туда ли ты собиралась отправиться, спровадив меня на побережье?

— Я знала о нем еще до твоего появления. Но когда бежала из Сухмета, то и понятия не имела о его существовании.

— Кто бы мог подумать, что здесь окажется город? Вряд ли стигийцы забрались так глубоко в джунгли. Неужели он — творение рук чернокожих? И ни одного стада на равнине, земля не возделана, да и людей не видно.

— Да разве на таком расстоянии что-то увидишь!

В ответ он только пожал плечами и спрыгнул на уступ.

— В любом случае горожане нам помочь не смогут. А если б и могли, то вряд ли захотели бы. Жители Черных королевств враждебно относятся к чужестранцам. Как правило, все их гостеприимство умещается на острие копья.

Он осекся, точно вдруг потерял нить разговора. Сдвинув брови, Конан молча уставился на пурпурные шарики, слабо мерцающие на солнце среди листвы.

— Копье! — пробормотал он.— Ну и осел же я, что не додумался до этого раньше! Вот вам наглядный пример того, как хорошенькая женщина превращает нормального мужчину в последнего дурака!

— Ты это о чем? — оживилась Валерия.

Не удостоив ее ответом, Конан спустился до зеленого пояса и заглянул в брешь. Огромный зверь все в той же позе неподвижно сидел у подножия скалы, его тупое упрямство рептилии нагоняло тоску и страх. Вот так же, может быть, один из его предков десятки, сотни тысяч лет назад следил немигающим взглядом за первобытными людьми, загнанными на высокую скалу. Конан деловито выругался и принялся срезать ветки, стараясь дотянуться ножом как можно дальше. Волнение и шорох листвы пробудили чудовище от апатии. Оно встало на четыре лапы, ужасный хвост пришел в движение, ломая молодые деревца, словно сухой тростник. Конан настороженно следил за ним краем глаза, и как только Валерия вскрикнула, увидев, что дракон готовится встать на дыбы, варвар быстро вскарабкался на уступ вместе со своим трофеем. Всего веток было три — упругие, каждая длиной около семи футов и толщиной с его большой палец. Вместе с ними он срезал несколько нитей гибких, тонких лиан.

— Для древков копий эти ветки слишком легкие, а лианы не толще бечевы,— пояснил он, кивнув на растительность внизу.— Ни те, ни другие не выдержат нашего веса, но сила — в единстве. Так говорили нам, киммерийцам, отступники из Аквилонии, когда явились в наши горы с намерением собрать войско, чтобы вторгнуться и покорить свою же родину. Но мы привыкли драться кланами и племенами.

— Может, объяснишь, что общего между твоей болтовней и этими палками? — спросила она.

— Имей терпение.

Собрав прутья в плотный пучок, он вставил с одного конца свой кинжал острием наружу и туго перевязал пучок в нескольких местах нитями лиан. Когда он закончил, перед ним лежало копье не менее грозное, чем настоящее, с таким же длинным и прочным древком.

— Нам-то в нем что за польза? — Она по-прежнему ничего не понимала и потому говорила раздраженно.— Сам же говорил, что его чешую не пробьешь.

— Ну, не везде же у него чешуя,— ответил Конан.— Есть много способов освежевать пантеру.

Снова спустившись к лиственному поясу, он приподнял копье и, как можно осторожнее проткнув острием одно из яблок Деркето, сразу отступил назад, чтобы пурпурные капли из сочащегося соком плода не попали на кожу. Подержав так некоторое время копье, он вынул острие и показал девушке голубую сталь — всю в темно-красных пятнах.

— Не знаю, поможет это или нет,— сказал он,— но на этом лезвии сейчас столько яда, что хватило бы свалить слона. Что ж, сейчас увидим.

Киммерисц начал спуск. Валерия не отставала от него ни на шаг. Вот они уже недалеко от нижней границы зеленого пояса. Отведя острие подальше от себя и девушки, Конан высунул голову в брешь, проделанную в листве чудовищем, и обратился к тому с такой речью:

— Какого рожна ты еще дожидаешься, ты, полоумный недоносок бессильных родителей? — Для начала он выбрал одно из самых мягких своих обращений.— А ну живо подними свою уродливую башку, длинношеяя тварь, если не хочешь, чтобы я спустился и выкосил мечом колючки у тебя на спине!

Он добавил еще кое-что. От его красноречия глаза Валерии полезли на лоб, лицо залила краска — и это несмотря на то, что по части ругани эта женщина прошла превосходную школу на палубе морского корсара. Чудовище тоже не осталось безучастным. Подобно тому как непрерывное, надоедливое тявканье шавки сначала беспокоит, потом раздражает и в конечном счете приводит в бешенство солидных толстокожих молчунов, точно так же крикливые, резкие интонации человеческого голоса в одних животных будят страх, в других же — слепую ярость. Совершенно неожиданно с немыслимым для такой туши проворством зверь поднялся на задние лапы и жуткой мордой потянулся к человеку; крохотный мозг захватило одно желание: достать и уничтожить этого горластого пигмея, нарушившего вековечный покой древнего царства.

Однако Конан точно рассчитал расстояние: мощная голова зверя, с треском войдя в сплетение ветвей и листьев, остановилась за пять футов от людей. Чудовище разинуло огромную змеиную пасть, и в этот миг Конан вонзил копье в угол пасти, прямо в челюстной сустав! Удар был нанесен сверху, обеими руками и со всей силы; длинное лезвие кинжала по самую рукоятку вошло в мякоть, сухожилия и кость.

Челюсти конвульсивно сомкнулись, и, потеряв равновесие, с огрызком древка в руках Конан начал заваливаться на бок. Его спасла Валерия: в самый последний момент

она успела ухватить варвара за ремень. Вцепившись в каменный выступ и вновь обретя устойчивость, он с ухмылкой пробормотал слова благодарности.

А внизу, будто пес с запорошенными перцем глазами, ползало по земле чудовище. Широко разевая клыкастую пасть, оно то раскачивало головой, то обхватывало ее передними лапами, то принималось возить ею по земле. Наконец, сумев каким-то образом зацепить лапой за обломок древка, оно выдернуло застрявший клинок. Затем чудовище подняло голову — пасть широко раскрыта, из раны потоком кровь — и уставилось на скалу с выражением такой осмысленной, такой лютой ненависти в глазах, что Валерия вся задрожала и схватилась за меч. Чешуйки на боках и на спине из ржаво-коричневых стали темно-красными, но что самое ужасное — чудовище подало голос! Того, что изрыгала эта окровавленная пасть, ни Конан, ни Валерия никогда в жизни не слышали.

С диким, режущим слух ревом дракон бросил свое тело на скалу — цитадель врагов. Снова и снова ужасная голова устремлялась вверх, пытаясь пробиться за зеленый свод, хватая пастью ветви, листья, воздух. От мощных ударов исполинской туши скала содрогалась до самого основания. Встав на дыбы, чудовище обхватило ее передними лапами, пытаясь, словно дерево, выдернуть каменный зуб из земли.

При виде необузданной животной ярости кровь стыла в жилах Валерии, однако Конан оставался спокоен: варвар не испытывал ничего, кроме всепоглощающего интереса. С точки зрения варвара пропасть, отделявшая его и других людей от животных, была не так велика, как она представлялась Валерии. Для Конана беснующееся внизу чудовище являлось не более чем одной из форм жизни, лишь внешне отличавшейся от него самого. Наделяя зверя человеческими чертами характера, он видел в его ярости свой гнев, в рычании и вое — подобие той ругани и тех проклятий, которыми он осыпал его недавно. Благодаря смутному ощущению близкого родства со всеми дикими тварями, включая драконов, ему было неведомо чувство расслабляющего ужаса, захлестнувшее Валерию, впервые столкнувшуюся с первобытной свирепостью.

Конан невозмутимо сидел на камне, не сводя глаз со зверя, время от времени отмечая едва заметные перемены в голосе, движениях и цвете чешуи.

— Яд начинает действовать! — наконец убежденно сказал он.

— Я ничего не вижу.— Валерии казалась нелепой сама мысль, что какой-то плод, пусть и ядовитый для всего живого, может хоть как-то подействовать на эту гору беснующихся мускулов.

— Я слышу в голосе боль,— пояснил Конан.— Сначала была просто ярость от занозы в пасти. Сейчас его грызет яд, и зверь это чувствует. Видишь? Он споткнулся. Еще несколько минут — и он ослепнет... Ну, что я говорил?

Внезапно дракон опустился на все четыре лапы и, пошатываясь, с треском ломая подлесок, стал удаляться от скалы.

— Он вернется? — с тревогой спросила Валерия.

— Он пошел к озеру! — Конан вскочил на ноги — весь энергия и решимость.— Яд пробудил жажду. Быстро! Тварь скоро ослепнет, но сможет найти дорогу обратно по запаху, и если снова нас здесь учует, то будет сидеть под скалой, пока не издохнет. А на вопли одной могут сойтись и другие. Идем!

— Как, вниз?! — У Валерии аж подкосились ноги.

— Куда ж еще? Надо бежать в город. Там нам, может статься, отрубят головы, но это единственный шанс на спасение. Конечно, на пути могут попасться и другие драконы, но оставаться здесь — верная смерть! Если будем ждать, пока подохнет этот, то как бы потом не пришлось иметь дела с дюжиной его сородичей. За мной, да пошевеливайся!

Он заскользил вниз по откосу — легко и быстро, как обезьяна, останавливаясь лишь затем, чтобы помочь своей менее ловкой спутнице. И вновь Валерия была уязвлена, на этот раз той уверенностью, с какой варвар чувствовал себя на почти отвесном склоне,— а ведь она-то воображала, что ни среди корабельных вантов, ни на скалах она ни в чем не уступает мужчинам!

Они спустились в полумрак под лиственным покровом и скоро бесшумно скользнули на землю, хотя Валерия была убеждена, что удары ее сердца слышны едва ли не на милю. Со стороны озера из-за густых зарослей доносились лакание вперемежку с бульканьем: дракон утолял жажду.

— Он вернется, как только зальет в брюхо достаточно воды,— прошептал Конан.— Могут пройти часы, прежде чем яд убьет его... если вообще убьет.

Где-то далеко за лесом садилось солнце. Весь в таинственных сумерках, в пятнах черных теней и размытых прогалин, лес словно затаился, готовя людям страшную участь.

Сжав запястье Валерии, Конан заскользил прочь от подножия скалы. Он поднимал не больше шума, чем ветерок, овевающий стволы деревьев, но Валерии казалось, что топот ее сапог из мягкой кожи разносится по всему лесу.

— Не думаю, чтобы он мог идти по следу,— на бегу прошептал Конан,— но если ветер донесет наш запах, он нас обнаружит.

— О милосердный Митра, не дай ветру подняться! — выдохнула Валерия.

Лицо девушки смертельно-бледным овалом выделялось на фоне мрака. Свободной рукой она схватилась за меч, но прикосновение к рукоятке в шагреневой коже вызвало в ней лишь ощущение беспомощности.

Они все еще находились довольно далеко от кромки леса, как вдруг услышали за собой грозный топот и треск ломающихся деревьев. Валерия закусила губу, чтобы сдержать рвущийся наружу крик.

— Он все-таки взял след! — в отчаянии прошептала она.

Конан покачал головой.

— Зверь не учуял нас у скалы и сейчас вслепую тычется по лесу в поисках запаха. Быстрей! Теперь одно спасение — город! На дереве не спрячешься: он легко повалит любое. Только бы не поднялся ветер...

Не сбавляя шага, они крались вперед, и наконец лес впереди немного поредел. Позади остался непроглядный океан теней, и откуда-то из его глубин доносился зловещий шум: дракон не оставлял попыток набрести на запах своих врагов.

— Равнина... уже близко! — Она ловила воздух широко раскрытым ртом.— Еще немного — и мы будем...

— Великий Кром! — прорычал Конан.

— О милосердный Митра! — голос Валерии дрогнул.

С юга, быстро усиливаясь, поднимался ветер. Обтекая людей, он дул прямо в черные дебри за их спинами. И тут же лес содрогнулся от мощного рычания. Беспорядочное топанье и треск сменились непрерывным, все нарастающим грохотом: круша деревья и кустарник, дракон приближался к источнику ненавистного запаха.

— Бежим! — рявкнул Конан, глаза его сверкнули, как у загнанного волка.— Вдруг успеем!

Моряцкая обувь не очень-то пригодна для быстрого бега, а пиратский образ жизни не располагает к карьере бегуна. Уже через сотню ярдов Валерия начала задыхаться, она то и дело спотыкалась о торчащие из земли корни, а за их

спинами глухой топот и треск перешел в громовые раскаты: чудовище из плотных зарослей вырвалось на прореженное пространство.

Железная рука Конана обхватила талию женщины, изящные ноги в кожаных сапогах едва касались земли. Влекомая своим гигантским спутником, она словно парила с такой скоростью, какую никогда не сумела бы развить сама. Если бы хоть на минуту пропал запах — скажем, утих бы ветер, но нет, тот упорно дул с юга, и, быстро оглянувшись, Конан увидел, как чудовище неотвратимо приближается, подобно боевой галере впереди урагана. Тогда варвар отбросил Валерию с такой силой, что та, нелепо размахивая руками, улетела не меньше чем на дюжину шагов в сторону, где приземлилась на кучу сухих листьев у подножия мощного ствола. Избавившись от девушки, киммериец круто обернулся навстречу рычащему титану.

Уверенный, что смерть уже неминуема, варвар поступил так, как подсказала ему мать-природа: с мечом в руке он бросился прямо к нависшей над ним жуткой пасти! Подпрыгнув, он со страшной силой опустил свой меч на морду чудовища, тонкие пластинки не выдержали, из рассеченного мяса хлынула кровь. И в тот же миг он получил такой удар, что пролетел кувырком пятьдесят ярдов — без многих чувств, с душой, чудом удержавшейся в теле.

Как он сумел подняться — то навсегда осталось тайной, непостижимой и для самого киммерийца. В мозгу занозой сидела одна мысль: как там Валерия, беспомощная, возможно без сознания, в считанных ярдах в стороне от протопавшего мимо зверя; и не успел воздух со свистом ворваться в его глотку, как он уже стоял над ней, сжимая в руке верный меч.

Девушка лежала там же, куда он ее отбросил, делая лишь слабые попытки сесть. Ни острые шипы хвоста, ни всесокрушающие лапы ее не коснулись. Самому Конану, судя по всему, досталось от предплечья или передней лапы чудовища. От резкой боли наступающей агонии слепой зверь потерял интерес к жертвам, чей запах он до сего момента вынюхивал огромными ноздрями, и с треском протопал дальше. Подобно лавине, сметая все на своем пути, он мчался по прямой, пока его опущенная к земле голова не врезалась в ствол гигантского дерева. От страшного удара дерево с грохотом повалилось на землю, одновременно раздался жуткий треск — то лопнул череп зверя. Исполинское

чудовище и дерево упали рядом, а люди, пораженные ужасным зрелищем, молча взирали, как дрожат листья, под которыми билась в предсмертной агонии доисторическая тварь. Затем все стихло.

Конан помог Валерии подняться, и оба, шатаясь, побежали прочь от страшного места. Через несколько минут лес кончился: перед ними, залитая сумрачным светом, лежала открытая равнина.

На мгновение прервав бег, Конан бросил взгляд назад, на непроницаемую чащу леса. Ни щебета птиц, ни дрожания листьев. Угрюмый и молчаливый, лес стоял, как он стоял сотни тысяч лет назад, задолго до появления человека.

— Вперед! — прохрипел Конан, хватая девушку за руку.— Еще не кончено! Что, если другая тварь выйдет из леса и...

Продолжать было незачем...

Казалось, город слишком далеко, гораздо дальше, чем представлялось со скалы. Сердце Валерии молотом стучало в груди, еще минута — и она задохнется! Каждый миг она ждала, что вот сейчас раздастся треск и другое чудовище — само воплощение ночного ужаса — нависнет над ними громадной тушей. Но ничто не нарушало тишины зеленых зарослей.

Когда между беглецами и лесом пролегла первая миля, Валерия задышала ровнее. К ней стала возвращаться прежняя уверенность. Солнце село, и над равниной собиралась тьма; лишь звезды мерцали на небе, и в их неверном свете одинокие кактусы стояли причудливыми привидениями.

— Ни скота, ни возделанных полей,— пробормотал Конан.— Интересно, чем они тут живут?

— Может быть, скот развели на ночь по загонам? — высказала предположение Валерия.— А поля расположены по ту сторону города.

— Может быть,— проворчал он.— Хотя со скалы я ничего такого не заметил.

За городом взошла луна и залила окрестности своим желтоватым светом, четкой границей проступили зубчатые стены и башни. Девушку охватила дрожь. Протянувшийся черной ломаной полосой загадочный город выглядел мрачным и зловещим.

Похоже, нечто подобное испытывал и Конан. Варвар остановился и, оглядевшись, сказал:

— Дальше не пойдем. Ни к чему заявляться к их воротам ночью. Нас могут не впустить. К тому же нам не мешает

отдохнуть — кто знает, как там встречают чужаков. А несколько часов хорошего сна — и опять можно будет хоть удирать, хоть драться.

Он направился к группе кактусов, росших по окружности,— обычное явление в южных пустынях. Прорубив в колючих зарослях узкий проход, он жестом пригласил Валерию войти.

— По крайней мере змеи нас здесь не достанут.

Она со страхом посмотрела назад — туда, где милях в шести глухой стеной встал лес.

— Что, если драконы по ночам выходят из леса?

— Будем сторожить по очереди,— успокоил он ее, хотя из ответа неясно было, что же все-таки делать, окажись это правдой.

Взгляд варвара был прикован к городу в нескольких милях от лагеря. Ни единого огонька на башнях, безмолвное, таинственное пятно черной громадой высилось в лунном сиянии на фоне иссиня-черного неба.

— Ложись и спи,— сказал Конан.— Я посторожу первым.

Она замялась, украдкой взглянула на него, но варвар уже сидел, скрестив ноги, у бреши в живой ограде, положив меч на колени и обратившись лицом к равнине, спиной — к девушке. Не сказав более ни слова, она легла на песок.

— Разбуди меня, когда луна будет в зените,— привычным повелительным тоном сказала она.

Он ничего не ответил, даже не обернулся. Последнее, что видела Валерия, прежде чем провалиться в сон, была его мускулистая фигура — неподвижная, словно отлитая из бронзы статуя в обрамлении из россыпи звезд.

2

В МЕРЦАНИИ ЗЕЛЕНЫХ КАМНЕЙ

Валерия проснулась внезапно, как от толчка; над равниной занимался бледный рассвет.

Она села, потирая кулаками глаза. Конан, сидя на корточках над срезанным кактусом, со знанием дела выдергивал из зеленой мякоти колючки.

— Ты так и не разбудил меня! — В голосе сквозило возмущение.— Из-за тебя я проспала всю ночь!

— Вчера ты сильно устала,— отвечал он.— Да и зашу твоему порядком досталось за время путешествия: вы, пираты, непривычны к верховой езде.

— А сам-то ты кто?

— Ну, прежде чем стать пиратом, я был козаком, а вся жизнь козака проходит в седле. Я сплю вполуха, как пантера, которая в ожидании добычи затаилась у тропы на водопой. Пока глаза спят, мои уши видят все вокруг.

И в самом деле: огромный варвар выглядел таким же свежим, как если бы он всю ночь провел на мягком золоченом ложе. Удалив колючки, он срезал грубую кожицу и протянул девушке толстый сочный лист.

— Попробуй-ка, язык проглотишь. Для жителей пустынь кактус — это и еда и питье. Одно время мне довелось быть начальником в отряде пустынников-зуагиров, живущих разбоем на караванных путях,— от них и научился.

— И кем ты только не был! — воскликнула она с насмешкой, плохо скрывавшей неподдельное восхищение.

— Пожалуй, королем хайборийского королевства,— усмехнулся Конан, запихивая в рот огромный кусок кактуса.— Знаешь, иногда так хочется стать королем. Может быть, я им и стану... когда-нибудь. Чем я хуже других?

Она не нашлась что ответить, лишь покачала головой на невиданное нахальство варвара и занялась своей долей кактуса. К ее удивлению, вкус этой еды не был лишен приятности, а прохладный сок превосходно утолял жажду. Покончив с завтраком, Конан вытер о песок руки, встал, расчесал пальцами гриву черных волос и наконец, застегнув ремень с ножнами, сказал:

— Ну что ж, пошли. Если жители этого города намерены перерезать нам глотки, пусть сделают это сейчас, пока не наступила дневная жара.

Мрачная шутка сорвалась с языка неосознанно, но Валерии подумалось, что его слова вполне могут оказаться пророческими. Поднявшись, она в свою очередь надела пояс. Ночные страхи прошли. Ревущие драконы из синеющего в отдалении леса уже казались полузабытым сном. И когда она бок о бок с киммерийцем покидала стоянку, ее походку отличала самоуверенность и грация. Какие бы испытания ни ждали впереди, врагами, несомненно, окажутся мужчины. А за свою жизнь Валерия из Ватаги Красных Братьев еще не сталкивалась ни с одним мужчиной, чей вид поверг бы ее в смятение.

Конан сверху вниз посмотрел на шагавшую рядом девушку — ее свободная, широкая поступь почти не отличалась от его энергичного шага.

— Ты скорее ходишь как горец, чем как моряк,— одобрительно заметил он.— Ты родом случайно не из Аквилонии? Даже солнце Дарфара не сожгло твою кожу. Ее белизне позавидовала бы не одна принцесса.

— Ты прав, Аквилония — моя родина.

Странно, но его комплименты уже не раздражали, наоборот — неподдельное восхищение варвара доставляло ей удовольствие. Если бы ее смену этой ночью отстоял кто другой, Валерия возмутилась бы: она всегда с яростью отвергала любые поползновения мужчин встать на ее защиту или покровительствовать ей — и все из-за того, что она, видите ли, всего лишь слабая женщина. Но вот с ней точно так же обошелся этот мужчина, а Валерии почему-то было приятно. А кроме того, он не воспользовался случаем в минуту, когда она была испугана, слаба и, значит, не смогла бы дать отпор его желаниям. В конце концов морская воительница пришла к выводу, что ее спутник — личность во всех отношениях необычная.

Над городом вставало солнце, окрашивая башни в зловещий темно-красный свет.

— Ночью при луне они черные,— глухо проговорил Конан, по его лицу пробежало облачко, в глазах отразилось крайнее суеверие, присущее варварам.— А утром на солнце они почему-то красные, будто кровь. Не нравится мне этот город.

Однако они не сбавили шага, и тут Конан вдруг обнаружил еще кое-что: ни одна дорога не вела к городу с севера.

— Я не вижу на земле следов от копыт,— снова заговорил он.— Многие годы, если не века, ее не касался плуг, но посмотри,— он указал на полузасыпанную, полузаросшую кактусами канавку,— было время, когда здесь занимались земледелием.

Валерия и сама уже обратила внимание на следы древней оросительной системы. В недоумении она окинула взглядом равнину и нахмурилась: открытое пространство окружало город со всех сторон и, в свою очередь, упиралось в кромку леса, протянувшегося высоким плотным кольцом. Что скрывалось в лесной чаще, как далеко она еще простиралась — о том можно было только догадываться.

Валерия с тревогой посмотрела на город. Ни блеска шлемов или наконечников копий на укреплениях, ни при-

зывных звуков труб, ни оклика стражи. Тишина — глухая и гнетущая, как и в лесу,— висела над башнями и минаретами.

Солнце стояло уже высоко, когда они подошли к воротам в северной стене и остановились в тени высокого вала. Бурые пятна ржавчины покрывали железные части массивного бронзового портала. Карнизы бойниц, створы ворот, шарниры — все густо заросло паутиной.

— Да их уже несколько лет не открывали! — воскликнула Валерия.

— Мертвый город! — глухо отозвался Конан.— Так вот почему заросли каналы, а земля не вспахана.

— Но кто его построил? Кто жил здесь? И куда они подевались? Почему все бросили?

— Кто знает? Возможно, здесь осел какой-нибудь опальный род, высланный из Стигии. Хотя... по виду стены и башни не походят на стигийские. Может быть, жителей вытеснили враги или выкосила чума.

— В таком случае их богатства по-прежнему должны пылиться в городской сокровищнице,— высказала предположение Валерия: в ней пробудился инстинкт стяжательства, свойственный ее профессии, усиленный к тому же женским любопытством.— Нельзя ли как-нибудь открыть ворота? Тогда можно было бы войти в город и поискать их.

Конан с сомнением окинул взглядом тяжелые створы, однако вышел на середину и, упершись в один из них своим мощным плечом, нажал. Мускулы на икрах и бедрах вздулись буграми, по телу заструился пот. Варвар удвоил усилия — раздался жуткий скрежет ржавых шарниров, и ворота нехотя подались вовнутрь. Шумно дыша, Конан выпрямился и обнажил меч. Проворная Валерия первой заглянула в образовавшуюся щель и не смогла сдержать возгласа удивления.

Они ожидали увидеть улицу или дворик — ничего подобного! Ворота, точнее, двери открывались прямо в широкий, длинный зал, уходивший в глубину насколько хватало глаз. Исполинских пропорций, зал поражал воображение. Пол, вымощенный красной квадратной плиткой, едва заметно светился, словно отражая пламя факелов. Стены были сложены из какого-то блестящего зеленого минерала.

— Пусть меня назовут шемитом, если это не жадеит! — От удивления Конан тихонько выругался.

— Но чтобы столько и в одном месте! — возразила Валерия.

— Я повидал довольно караванов, шедших из Кхитая, так что можешь мне верить — это жадеит.

В сводчатый лазуритовый потолок были вставлены гроздья больших зеленых камней, испускающих в полумраке ядовито-зеленое свечение.

— Огненные камни! — Несмотря на внешне бесстрастный вид, Конан был поражен.— Так называют их аквилонцы. Существует поверье, что это — окаменевшие глаза доисторических гадов, которых наши предки называли «золотыми змеями». В темноте они горят, будто кошачьи. Так что ночью в этом зале светло, только, должно быть, это жуткое зрелище. А сейчас займемся поисками — вдруг да наткнемся на тайник с драгоценностями.

— Закрой дверь,— попросила Валерия.— У меня нет никакого желания удирать от дракона и в этом зале.

Конан ответил, ухмыльнувшись:

— Не думаю, чтобы драконы отважились покинуть свой лес.

Однако он выполнил просьбу девушки и, указав на разорванный засов, добавил:

— Когда я налег плечом, мне послышалось, будто что-то хрустнуло. Засов весь изъеден ржавчиной, как видно, его я и сломал. Но если люди покинули город, почему двери были заперты изнутри?

— Значит, они вышли другими воротами.

Валерия подумала, сколько, должно быть, минуло столетий с тех пор, как в этот зал в последний раз проникал дневной свет. Но она ошибалась. Огромный зал вдруг начал заполняться светом, и скоро они обнаружили его источник. В сводчатом потолке были прорезаны узкие щели-окна, прикрытые полупрозрачными пластинками какого-то кристалла. Зеленые камни в темных промежутках между окнами мигали, точно глаза разъяренных кошек. Под ногами мерцающий пол переливался всеми цветами и оттенками пламени. Они словно шагали по земле царства Мертвых под небом, усеянным злыми мигающими звездами.

Три галереи с балюстрадами протянулись одна над другой вдоль стен зала.

— Похоже на четырехэтажный дом,— пробурчал Конан.— В высоту зал до самой крыши. Длинный, как улица. Кажется, в той стене есть дверь.

Валерия пожала своими ослепительно-белыми плечами.

— Не спорю — твои глаза поострее моих, хотя, должна признаться, среди корсаров меня тоже не считали за слепую.

Они свернули в открытую дверь и прошли через несколько комнат: пол у всех был выложен, как и в большом зале, плитами; стены, украшенные золотым, серебряным или бронзовым фризом,— из того же зеленого жадеита, мрамора, реже из халцедона. Вкрапления зеленых камней источали с потолка все тот же призрачный мерцающий свет.

В некоторых комнатах освещение отсутствовало, их дверные просмы вставали непроницаемо-черным пятном, словно бреши в потусторонний мир. Валерия и Конан проходили мимо них, все время держась светлых помещений.

В углах висела паутина, но на полу, на мраморных полах, сиденьях не ощущался присущий запустению слой пыли. То и дело встречались коврики, выполненные из кхитайского шелка, известного своей прочностью. И ни одной двери или окна, которые выходили бы на улицу, во двор или в сад. Каждая дверь неизменно вела в новую комнату или в зал.

— Где же у них тут улицы? — проворчала Валерия.— Похоже, по размерам этот дворец не уступит сералю короля Турана.

— Чума здесь ни при чем,— размышляя о своем, медленно проговорил Конан.— Иначе были бы скелеты. Что, если их одолели частые набеги и вот они собрались и ушли? Или...

— Что, если тебе бросить свои гаданья?! — вдруг вспыхнула Валерия.— Все равно ничего не узнаем. Лучше посмотри на фризы. Тебе не кажется, что эти линии чем-то напоминают людей? Как ты думаешь, какой они расы?

Конан тщательно осмотрел рисунки и покачал головой.

— Никогда раньше таких не видел. Хотя... В них есть восточные черты — скорее всего, выходцы из Вендии или из Козалы.

— Ты что, был королем в Козале? — Насмешливый тон не мог скрыть острого любопытства.

— Нет. Но я был начальником в отряде афгулов — племени, населяющего Химелийские горы вдоль вендийской границы, а они держат сторону Козалы. Но для чего козалийцам понадобилось строить город так далеко от родных земель?

Фигуры на стене — мужчины и женщины, стройные, с кожей цвета оливок — были высечены со всей тщательностью, в глаза бросались необычные черты лиц, горделивая грация тел, проницательный взгляд. Резчик одел их в легкие, как паутинка, одеяния с обилием искусных украшений

из драгоценных камней и металлов, изобразив во время пиршества, танцующими или в любовных сценах.

— Конечно, с востока,— уже решительней сказал Конан,— только не пойму, откуда именно. Похоже, их жизнь протекала до отвращения гладко, иначе мы нашли бы сцены сражений и поединков... Что там — ступени? Давай поднимемся.

Это была винтовая лестница, берущая начало в комнате, в которой они сейчас находились. Они поднялись на три пролета и очутились в просторной комнате на четвертом этаже; потолки этого яруса были гораздо выше, чем на нижних трех. Сквозь окна-щели, прорезанные в потолке, в комнату падал свет; здесь, как и в зале, слабо посверкивали огненные камни. Из комнаты вели четыре двери, заглянув в три из них, они увидели уходящие вдаль анфилады комнат все в том же призрачном свете, четвертая выходила на галерею, протянувшуюся вдоль зала — гораздо меньшего по сравнению с тем, который они обследовали ранее.

— Будь они прокляты! — Валерия с мрачным видом опустилась на скамью из жадеита.— Люди, удравшие из этого проклятого города, похоже, захватили с собой все ценности. Я устала: бродишь, бродишь — и ничего, одни пустые комнаты!

— Весь верхний ярус освещен окнами в крыше.— Холодный, размеренный тон варвара подействовал на нее успокаивающе.— Значит, надо найти окно с видом на город. Давай осмотрим комнаты вон за той дверью.

— Вот ты и осматривай,— слабо огрызнулась девушка.— А я пока останусь здесь — ноги уже гудят.

Бесшумно, словно привидение, Конан растворился в просме двери — напротив той, что вела на галерею, в то время как Валерия, сцепив пальцы на затылке, откинулась на спинку скамьи и с наслаждением вытянула ноги. Эти молчаливые комнаты и залы с гроздьями мерцающих камней над головой и кроваво-красным полом действовали на нее угнетающе. Единственное, чего ей сейчас хотелось,— это поскорее выбраться из лабиринта на улицу. Расслабившись, она целиком отдалась потоку мыслей. «Интересно,— рассеянно думала Валерия,— что за люди ступали по этим алым плиткам и сколько зла перевидели за сотни лет загадочно мигающие под потолком зеленые камни?»

Легкий шорох пробудил ее от раздумий. Еще не осознав причины, она была уже на ногах, сжимая в руке меч, вся

обратившись в слух: для Конана слишком рано, к тому же он всегда появлялся неслышно, точно призрак.

Звук исходил из-за двери, ведущей на галерею. Без малейшего шороха, как кошка, ступая в сапогах мягкой кожи, она скользнула в дверь, пересекла балкон и, укрывшись за тяжелой колонной балюстрады, глянула вниз.

По залу крадучись двигался человек.

Появление живого существа в этом, казалось, уже века как брошенном дворце сразило девушку: на миг захолонуло сердце, прервалось дыхание. Очнувшись, она быстро присела за каменные перила и с напряженным вниманием — нервы как струны — горящими глазами стала следить за фигурой внизу.

Человек ничем не напоминал людей, чьи изображения она видела на стенах. Чуть выше среднего роста, очень смуглый, но не из племени чернокожих, он был совершенно голый, если не считать шелковой повязки, наполовину прикрывавшей мускулистые бедра, а также кожаного пояса шириной с мужское запястье, стянувшего узкую талию. Прямые черные волосы, рассыпанные в беспорядке по плечам, придавали ему вид дикаря. На первый взгляд худой, но канаты и узлы мускулов, буграми выступающие под кожей рук и ног, все тело без той излишней плоти, что придает линиям плавность, а облику — гармонию, говорили о том, насколько обманчивым может оказаться поверхностное суждение. Убрав излишки, природа вылепила образ цельный, почти отталкивающий.

И все-таки больше всего воительницу поразила не внешность, а повадки человека. Он крался на полусогнутых ногах, припадая к полу и поминутно оглядываясь. В правой руке он сжимал рукоять кривого, широкого у острия клинка, и она видела, как дрожала эта рука от завладевших человеком чувств. Воин был испуган, трясся в тисках животного ужаса, и когда вновь оглянулся, из-под черных прядей блеснула пара широко раскрытых глаз.

Валерию он не заметил. Дальше и дальше скользил он на цыпочках через зал, пока не скрылся в открытых дверях. Минутой позже оттуда донесся слабый вскрик, и снова в воздухе повисла тишина.

Не в силах побороть любопытства, Валерия, пригнувшись, перебежала по галерее до двери, расположенной прямо над той, в которой скрылся человек. Не задумываясь, она вошла в дверь и очутилась на галерее поменьше, обегающей большую комнату.

Эта комната располагалась на третьем этаже, и ее потолок был не так высок, как в большом зале. Ее освещали только огненные камни, их зловещий зеленый свет не мог рассеять тьмы под галереей.

Глаза Валерии расширились. Человек, которого она заметила, находился там, внизу.

Он лежал на пурпурном ковре в центре комнаты — тело обмякло, руки раскинуты в стороны. Кривой меч — рядом.

Ей показалось странным, что он так долго лежит без движения. Но вот девушка вгляделась в ковер под неподвижной фигурой — и глаза ее сузились. Под телом и около него цвет ткани был иным, более ярким — алым.

Дрожа мелкой дрожью, она присела за ограждением, ее глаза пытливо изучали тени под галереей. Но бесполезно: тьма надежно скрывала свою тайну.

Внезапно на месте ужасной драмы появилось новое лицо — человек, почти копия первого, вошел через дверь напротив той, что вела в зал.

При виде распростертого на полу собрата глаза его сверкнули, и он тихо позвал: «Хикмек!» — но тот даже не шевельнулся.

Тогда он быстро прошел к ковру, нагнулся и, впившись пальцами в поникшее плечо, перевернул тело на свое колено. Из груди его вырвался сдавленный крик: голова лежавшего безвольно откинулась, обнажив горло, рассеченное от уха до уха.

Человек выпустил труп, и тот упал на залитый кровью ковер. Воин вскочил, весь дрожа, словно лист на ветру. От страха его лицо стало пепельно-серым. И вдруг, уже готовый рвануться прочь со страшного места, он застыл, превратился в камень, как завороженный глядя округлившимися глазами в дальний конец комнаты.

Там, во мраке под галереей, затеплился огонек — быстро разгораясь, он ничем не походил на мерцание зеленых камней. Валерия почувствовала, как зашевелились волосы у нее на голове: едва видимый в пульсирующем свечении, по воздуху плыл череп, и казалось, прямо от черепа — человеческого, но страшной, уродливой формы — исходит этот таинственный свет. Череп висел, как отсеченная голова,— возникший из ночи и тьмы, он на глазах обретал четкую форму... да, человеческий, но человека неведомой ей расы.

Воин стоял неподвижно — изваяние парализованного страхом,— не сводя глаз с жуткого видения. Вот череп кач-

нулся от стены, и вместе с ним — неясная тень. Постепенно тень сгустилась и обрела человеческие очертания; на обнаженном торсе и конечностях мертвенно-белым цветом проступали кости. Голый череп в ореоле сияния ухмылялся жуткой улыбкой мертвеца, пустые глазницы насквозь пронзали живую, скованную страхом плоть. Воин не шелохнулся; меч, звякнув, выпал из онемевших пальцев, на лице застыла маска жертвы, обреченной на заклание силами Зла.

Валерия почувствовала, что не только страх парализует волю человека. В пульсирующем свечении присутствовало нечто сверхъестественное, неземное, что отнимало способность мыслить и действовать. Даже здесь, на галерее, будучи в полной безопасности, она, пусть и слегка, но поддалась воздействию зловещего, несущего угрозу разуму света.

Ужас, охвативший несчастную жертву, лишил ее последних сил; прижав ладони к глазам, человек рухнул на колени. Покорный неизбежной участи, он ждал удара клинка, мерцающего в руке видения — самой Смерти, занесшей над человеком свой меч.

Валерия, во власти первого порыва, поступила так, как ей подсказала ее изменчивая природа. Тигрицей перемахнув через перила, она как на подушечках опустилась за спиной призрака. От мягкого удара кожаных сапог тот круто обернулся, но не успел сделать и шага; сверкнула разящая сталь — и волна ликования и гнева захлестнула девушку: вместо пустоты клинок встретил мясо и кости смертного!

Раздался вскрик, заглушенный гортанным бульканьем, и рассеченное от плеча до середины груди видение повалилось на пол; светящийся череп откатился в сторону, открыв копну черных прямых волос и смуглое лицо, искаженное предсмертной мукой. Под страшным балахоном оказался обычный человек, во многом схожий с тем, что на коленях дожидался смерти.

При звуке удара тот, словно очнувшись, поднял голову и сейчас, пораженный, во все глаза смотрел на белокожую женщину, стоявшую над трупом с окровавленным мечом в руке.

Пошатываясь, он встал на ноги, что-то невнятно бормоча,— казалось, увиденное лишило его разума. К своему удивлению, Валерия все поняла: слова были знакомы — человек говорил на стигийском языке, хотя и с незнакомым выговором.

— Кто ты? Откуда? Зачем ты в Ксухотле? — И вдруг слова хлынули из него, как вода из прорванной плотины: — Но

ты же друг — богиня или демон — какая разница! От твоего меча пал сам Пылающий Череп! Под ним скрывался человек — кто мог подумать? А мы-то считали его за демона, которого они заклинаниями вызвали из катакомб! Тихо! Слышишь?

Он оборвал словесный поток и вновь застыл, с напряженным вниманием вслушиваясь в тишину. Валерия замерла — безмолвие царило во дворце.

— Надо торопиться! — горячо зашептал человек ей в ухо.— Они сейчас к западу от Большого зала! Это здесь! Быть может, уже крадутся сюда!

Воин сомкнул пальцы на ее запястье, она попробовала высвободить руку — тщетно!

— Ты говоришь «они», кто это? — спросила девушка.

Он задержал на незнакомке взгляд, как бы удивляясь ее неосведомленности.

— «Они»? — Он запнулся.— Ну, те, из Ксоталана. Ты только что убила одного из них. Те, что живут у Восточных ворот.

— Так значит, город населен?! — воскликнула она.

— Да, да! — От нестерпимого желания поскорее покинуть опасное место воин извивался всем телом и едва не подпрыгивал.— Идем! Нам надо поскорей вернуться в Техултли!

— Где это?

— Кварталы у Западных ворот! — И, крепче сжав руку девушки, он повлек ее к двери, через которую вошел пятью минутами раньше. Его смуглый лоб усеяли крупные капли пота, глаза от страха блестели.

— Стой! Подожди! — Валерия вырвала руку из его клещей.— Не прикасайся ко мне, или я раскрою тебе череп! Что все это значит? Кто ты? И куда меня тащишь?

Огромным усилием воли человек взял себя в руки и, бросая по сторонам испуганные взгляды, заговорил срывающимся голосом, но так быстро, что она с трудом разбирала слова:

— Меня зовут Техотл. Я сам из Техултли. Мы с этим парнем, что лежит с перерезанным горлом, прокрались в Зал тишины, надеясь подстеречь и убить кого-нибудь из ксоталанцев, и потеряли друг друга. Тогда я вернулся сюда, но увидел, что мой приятель лежит на ковре, уже мертвый. Я знаю, это сделал Пылающий Череп, он бы и меня прирезал, если бы ты его не убила. Но думаю, он здесь не один. Наверняка из Ксоталана явятся другие. Боги — и те

бледнеют при виде участи несчастных, попавших в лапы ксоталанских зверей живыми.

От одной мысли об этом незнакомец задрожал как в лихорадке, смуглая кожа словно покрылась пепельным налетом. Нахмурив лоб, Валерия задумалась. За малопонятными фразами таилось что-то важное, но суть ускользала от нее.

Она повернулась к черепу — тот по-прежнему испускал пульсирующий свет — и носком сапога потянулась было к нему, как вдруг человек, назвавшийся Техотлом, дико вскрикнув, прыгнул вперед.

— Не прикасайся! И не смотри на него! В нем — Безумие и Смерть! Только колдуны Ксоталана знают его тайну. Они нашли его в катакомбах среди останков жестоких королей, правивших Ксухотлом в мрачные дни прошлого, за сотни лет до нас. Тем, кто не познал великую тайну черепа, хватает взгляда на него, чтобы застыла в жилах кровь и затуманился разум. Раз прикоснувшись, человек сходит с ума и скоро угасает.

Валерия окинула воина недоверчивым взглядом. Худой и мускулистый, с сальными волосами, он не внушал доверия. В глазах наряду с огоньками затравленного зверя она уловила лихорадочный блеск — верный признак расстроенных нервов. И вместе с тем в его голосе звучало искреннее беспокойство.

— Пойдем! — чуть ли не жалобным тоном заговорил он и вновь потянулся к ее запястью, но вдруг, вспомнив угрозу, отдернул руку.— Ты не из здешних. Не знаю, как сюда попала, но будь ты богиня или демон, ты должна помочь Техултли. Там все узнаешь. Мне кажется, ты пришла из-за Большого леса — оттуда пришли наши предки. Но ты ведь друг, иначе не стала бы убивать нашего врага. Прошу тебя, поторопимся, пока ксоталанцы не обнаружили нас и не прирезали.

С неприятного, горящего нетерпением лица Техотла она перевела взгляд на череп — то едва тлевший, то снова разгоравшийся на плиточном полу возле трупа. Словно явившийся из ночного кошмара, во многом схожий с обычным, череп, однако, отличался каким-то особым зловещим уродством. При жизни его обладатель, должно быть, являл собой отталкивающий, даже страшный вид. При жизни? Ей почудилось, что череп продолжает жить какой-то своей, обособленной жизнью. Челюсти вдруг раздвинулись и с лязгом сомкнулись. Свечение усилилось, по черепу забегали

живые огоньки, стало нарастать ощущение нереальности — да, это сон, тяжелый сон, вся жизнь всего лишь сон...

— Не смотри! Не смотри на череп! — донесся до нее будто издалека, через пространство резкий голос Техотла. Пучина, едва не поглотившая ее разум, начала быстро рассеиваться.

Валерия встряхнулась, точно львица. Зрение прояснилось. А Техотл между тем продолжал:

— При жизни он носил в себе мозг ужасного короля магов! Он и сейчас живет, получая силы и колдовской огонь из царства Тьмы.

Исторгнув страшное проклятие, Валерия рванулась вперед. Прошелестело лезвие — и череп разлетелся на десятки горящих осколков.

Где-то то ли в глубине комнаты, то ли в отдалении, то ли в уголках ее сознания раздался животный рев боли и ярости.

Рука Техотла почтительно коснулась ее пальцев, сжимавших рукоять меча; его губы невнятно шептали:

— Ты разрубила Череп! Разрушила чары! И никакие заклинания ксоталанцев уже не смогут его воскресить! А теперь уходим. Быстро!

— Но я не могу,— возразила она.— У меня здесь неподалеку друг, и мы договорились, что...

Она осеклась, увидев, как страшно исказилось его лицо, как остановился взгляд, устремленный поверх плеча. Она круто повернулась и увидела четырех воинов: разом вбежав через четыре двери, те ринулись к двоим в середине комнаты.

Они ничем не отличались от других: такие же тощие, с узловатыми мускулами, те же прямые иссиня-черные волосы и тот же безумный огонь в широко раскрытых глазах. Одежда, оружие — все как у Техотла, с той лишь разницей, что на груди у всех был нарисован белый череп.

Не было ни вызова, ни боевого клича. Как жаждущие крови тигры, бросились ксоталанцы на врагов, горя желанием достать клинком до горла. Техотл встретил их с яростью обреченного. Уклонившись от палаша, он схватился с воином врукопашную, увлек на пол, где в полном молчании оба катались и рвали друг друга на части!

Трое оставшихся, с глазами красными, как у бешеных собак, налетели на Валерию.

Первого, кто оказался в пределах досягаемости ее меча, она убила сразу — не успел тот замахнуться, как упал с

раскроенным черепом. Отбивая удар, она метнулась в сторону. Глаза девушки горели, на губах играла беспощадная улыбка. Вновь она была Валерией – воительницей из Ватаги Красных Братьев, и шелест длинного прямого меча звучал ей слаще свадебной песни.

Вот ее меч блеснул мимо вражеского клинка, прорвал защиту и, вспоров дубленую кожу, на шесть дюймов погрузился в живот врага. Хватая ртом воздух, человек повалился на колени, но его рослый товарищ прыгнул вперед и с такой яростью стал наносить удар за ударом, что Валерия никак не могла выбрать момента, чтобы ответить. Она отступала, парируя удары, хладнокровно дожидаясь случая для решающего выпада. Все равно этот стальной смерч долго не продлится. Рука устанет, ослабеет, ураган стихнет, и тогда она возьмет свое — вонзит клинок прямо в сердце. Валерия мельком увидела Техотла: оседлав врага, тот всеми силами пытался разжать мертвую хватку на своем запястье, чтобы всадить кинжал меж ребер ксоталанца.

Пот крупными каплями выступил на лбу нападавшего, глаза полыхали, как угли. Несмотря на яростный натиск, он не мог ни сломить, ни даже пробить оборону девушки. Но вот его дыхание стало прерывистым, удары — беспорядочными и уже не такими мощными. Она сделала шаг назад, вынуждая того сменить позицию, и вдруг почувствовала, как железные пальцы мертвой хваткой впились ей в бедро. Раненый на полу! Она совсем о нем забыла!

Привстав на колени, тот замкнул пальцы на ее ногах; его товарищ торжествующе заклекотал и начал пробираться по кругу, чтобы атаковать девушку слева. Она снова рванулась — все напрасно! Один удар вниз — и она освободилась бы от этих капканов, но в этот миг кривой клинок рослого воина раскроил бы ей череп. Вдруг левую ногу пронзила страшная боль: добравшись зубами до бедра, раненый, точно дикий зверь, впился в живую плоть.

Свободной рукой Валерия схватила того за длинные волосы и оторвала от себя, так что пылающие ненавистью глаза воззрились на нее снизу вверх. Рослый ксоталанец, исторгнув из груди яростный вопль, прыгнул вперед и что было сил обрушил на нее палаш. Она едва сумела отразить удар — плоской стороной меч ударил ее по голове, из глаз сыпанули искры, пол покачнулся. Вновь раздалось животное рычание, и вновь взметнулся меч, но внезапно за спиной ксоталанца выросла гигантская фигура и молнией сверкнула

сталь. Крик воина оборвался, и, точно бык под топором, он повалился на пол — из раскроенного до горла черепа вывалились мозги.

— Конан! — только и выдохнула Валерия. Распаленная боем, она круто повернулась к раненому, ее сильная рука по-прежнему сжимала пучок его волос.— Умри, собака! — С тихим шелестом клинок очертил в воздухе дугу, и обезглавленное тело повалилось к ее ногам — из шеи струей била кровь. Отрубленную голову девушка зашвырнула в дальний угол.

— Что тут еще стряслось? — Расставив ноги, варвар стоял над трупом убитого воина. Не опуская широкого меча, он обегал комнату изумленным взглядом. Стряхивая с кожи красные капли, Техотл поднялся с бьющегося в агонии последнего из четверки ксоталанцев. Глубокая рана на его бедре сочилась кровью. Широко раскрытыми глазами он уставился на Конана.

— Ну, скажет мне кто-нибудь? — снова потребовал объяснений варвар: оставив девушку на несколько минут, он меньше всего ожидал застать ее в гуще смертельной схватки с какими-то полупризраками в этом, как он считал, заброшенном, необитаемом городе. Обойдя наугад несколько комнат наверху, Конан вернулся туда, где ее оставил, и, не найдя на месте, встревожился. Шум внезапно вспыхнувшей схватки, от которого у варвара чуть не лопнули барабанные перепонки, подсказал, где следует искать его подругу.

— Пять псов за один бой! — Глаза Техотла заблестели от восторга.— Целых пять мертвецов! Значит, в черный столб вобьют еще пять красных гвоздей! Хвала вам, боги крови!

Он простер дрожащие руки к потолку, но вдруг его лицо исказила злоба; он плюнул на трупы и, не в силах сдержать переполнявшей его радости, начал отплясывать на мертвых телах отвратительный победный танец. Его недавние союзники в замешательстве взирали на это дикое зрелище. Наконец Конан спросил на аквилонском:

— Кто этот ненормальный?

Валерия пожала плечами:

— Его зовут Техотл. Из его бормотания я поняла, что его клан живет в одном конце этого города сумасшедших, а те, что убиты,— из враждующего клана, который занимает противоположную часть. Пожалуй, нам лучше пойти с ним. Сам видишь — в отличие от своих врагов, он к нам явно расположен.

Техотл уже не плясал на трупах: словно собака склонив голову набок, он напряженно вслушивался в незнакомую речь, его отталкивающие черты отражали происходящую в душе борьбу восторга от одержанной победы со страхом перед неизвестно откуда взявшимися чужаками.

— Прошу вас, идемте! — зашептал он.— Мы сделали доброе дело. Пять мертвых псов! Мой народ с благодарностью примет вас. Вам окажут великие почести! Только, заклинаю богами, скорей! До Техултли не так уж близко. Что, если ксоталанцы нагрянут сюда целым отрядом? Тогда не помогут даже ваши мечи.

— Хорошо. Веди! — проворчал Конан.

Техотл не мешкая ступил на лестницу, ведущую на галерею, и кивнул чужакам, приглашая тех следовать за собой, что они и сделали. Быстро поднявшись на галерею, он выбрал дверь в западной стене. Замелькали бесчисленные комнаты — одна за другой, очень похожие, где свет давали зеленые мерцающие камни или окна, прорезанные в потолке.

— Как думаешь, куда мы попали? — едва слышно прошептала Валерия.

— Одному Крому известно! — ответил Конан.— Прежде я встречал таких людей — на побережье озера Эвад, почти у самой границы с Кушем. Скорее всего, нечистокровные стигийцы — помесь какой-то расы, пришедшей в Стигию много веков назад с востока и породнившейся с коренным населением. Там их называют тлазитланцами. Хотя я сильно сомневаюсь, чтобы они смогли построить такой город.

По мере удаления от комнаты с мертвецами страх Техотла не исчезал, наоборот — он становился все сильнее. Техултлинец беспрерывно вертел головой, пытаясь уловить звуки возможной погони, и напряженно вглядывался в каждый дверной проем, мимо которых бесшумно скользили их тени.

Несмотря на сильный характер, Валерия не могла справиться с охватившей тело дрожью. Она никогда ничего не боялась, но полыхающий красным пол под ногами, мерцающие камни над головой, где их зеленый свет перемежался с черными тенями, крадущаяся поступь их до смерти перепуганного проводника — все это наполняло ее душу неясным мрачным предчувствием, ощущением затаившейся где-то поблизости опасности.

— Они могут поджидать нас на пути в Техултли! — предупредил Техотл.— Надо соблюдать осторожность, чтобы не угодить в засаду!

— Но почему бы нам не выбраться из этого проклятого дворца на улицу? — раздраженно спросила Валерия.

— В Ксухотле нет улиц,— ответил проводник,— нет ни площадей, ни открытых дворов. Весь город построен как один огромный дворец под одной крышей. Единственное, что как-то напоминает улицу,— так это большой зал, протянувшийся от Северных до Южных ворот. И выйти из города можно только через ворота, хотя...— он замялся,— вот уже пятьдесят лет, как ими никто не пользовался.

— Сколько времени вы здесь живете? — спросил Конан.

— Я родился в замке Техултли тридцать пять лет назад и ни разу не выходил за пределы города. Во имя богов, ступайте тише! Эти залы могут быть битком набиты врагами! Вот доберемся до места, там Ольмек сам все вам расскажет.

И в полной тишине, шагая по пылающему полу под мернос мигание зеленых огней, они двигались дальше, пока Валерии не начало казаться, что они пробираются покоями царства Теней, ведомые темнокожим длинноволосым гоблином.

Однако рядом был Конан — он напомнил о себе, остановив маленький отряд, когда они пересекали необычайно широкую комнату. По натуре Конан оставался варваром и потому обладал слухом дикаря, гораздо более острым, чем слух Техотла, пусть и отточенный в молчаливых коридорах дворца за время войны длиною в жизнь.

— Ты думаешь, мы можем напороться на твоих врагов?

— Они круглые сутки рыщут по этим комнатам... мы тоже сюда наведываемся. Залы и комнаты между Техултли и Ксоталаном — это пограничная территория, она ничья, Мы называем ее Залами Тишины. А почему ты спросил?

— Потому что в комнатах впереди затаились воины: я слышал звяканье стали о камень.

И снова Техотл задрожал с головы до пят, ему даже пришлось крепко сжать зубы, чтобы не выдать их стуком себя и чужаков.

— А вдруг это твои друзья? — предположила Валерия.

— Лучше не рисковать,— выдохнул он. С поразительной быстротой техултлинец свернул в сторону и растворился в дверном проеме левой стены, за ней оказалась комната, откуда вниз, прямо в кромешный мрак, вела винтовая лестница со ступеньками цвета слоновой кости.

— Она ведет в темный коридор под нами! — прошелестел голос проводника, на его лбу бисеринками блестели капли пота.— Нас могут подстерегать и там. Может быть,

все это подстроено нарочно, чтобы заманить нас туда. Но если в верхних комнатах действительно засада, то это — наш единственный шанс. За мной, быстро!

Двигаясь неслышно, точно призраки, они спустились по ступеням и вышли к черной дыре — входу в коридор. На миг задержались, прислушиваясь, потом растаяли во мраке. Уже через несколько шагов у Валерии по коже поползли мурашки: ей каждую секунду казалось, что еще миг — и в ее тело войдет вражеский клинок. Если бы не железные пальцы Конана, сжимавшие ее запястье, разум захлестнуло бы чувство полного одиночества. Кошка, ступающая на бархатные подушечки своих лап, произвела бы больший шум, чем эти трое. Тьма была — хоть глаз выколи. Пальцами вытянутой руки девушка скользила по стене, иногда вместо камня встречая пустоту проема. Казалось, коридору не будет конца.

Внезапно все трое замерли, затаив дыхание: за их спинами послышался слабый звук. Валерия узнала его, и по ее спине волной пробежал холодок — в темноте чья-то рука осторожно открывала дверь. В коридор входили люди. И словно отвечая на немой вопрос, под ноги попалось что-то круглое, похожее на человеческий череп. Она запнулась — и предмет с ужасным стуком покатился по коридору.

— Бежим! — взвизгнул Техотл вне себя от страха, рванувшись вперед с прытью летающего привидения. Конан, как всегда, был рядом: схватив Валерию под мышку, он увлек ее за собой вслед за проводником. В темноте варвар видел не лучше девушки, но чутье дикаря подсказывало ему верный путь. Без его поддержки одна она давно упала бы или налетела на стену. Они мчались по коридору, а за их спинами — все ближе и ближе — топот десятка ног; и вдруг Техотл крикнул:

— Вот она — лестница! За мной!

Валерия едва не оступилась во тьме, но невидимая рука удержала ее. Вновь на запястье пальцы — уже проводника, ее куда-то тащат, почти несут — кругами, вверх по бесконечной лестнице.

Выпустив девушку, Конан повернулся для отпора; его инстинкты, слух подсказывали — враги близко. Вдруг он весь подобрался: к топоту человеческих ног примешивались иные, непонятные звуки.

Казалось, что-то извиваясь ползло вверх по ступеням — что-то скользкое, шуршащее, от одной близости которого стыла кровь в жилах. Конан с силой опустил огромный меч

и почувствовал, как сталь, разрубив податливое тело — похоже, что живую плоть,— глубоко вошла в ступеньку лестницы. Его ноги словно коснулись льдины, затем послышались тяжелые удары, похожие на удары плети, и в воздух взвился предсмертный вопль человека.

В следующий миг Конан уже мчался вверх по винтовой лестнице. Но наконец ступеньки кончились, и он влетел в открытую дверь — Валерия и Техотл уже ждали его. Проводник тут же захлопнул дверь и наложил засов — первый увиденный Конаном после засова на городских воротах.

Покончив с дверью, Техотл помчался к стене напротив. В этой комнате было довольно света. Готовый нырнуть вслед за ним в темный проем, Конан оглянулся: под мощными, яростными ударами запертая дверь стонала и вся ходила ходуном.

Хотя Техотл по-прежнему не умерял ни прыти, ни осторожности, он чувствовал себя явно увереннее. У него был вид человека, добравшегося до знакомых мест, где по его первому зову на выручку придут друзья.

Но Конан своим вопросом вновь повергнул его в ужас.

— Что это за тварь была там, на лестнице? — небрежно бросил на бегу варвар.

— Люди из Ксоталана,— не оглядываясь, быстро ответил проводник.— Я говорил: залы прямо кишат ими.

— То был не человек,— возразил варвар.— Тварь ползает и холодна как лед. Похоже, я чуть не рассек ее надвое. Скорее всего она упала на наших преследователей и в ярости убила одного из них.

Голова Техотла откинулась назад; лицо вновь посерело, ноги невольно заработали быстрее.

— Это был Ледяной Змей! Чудовище, которое они своими заклинаниями вызвали из подземных катакомб себе в помощь. Какой он с виду, мы не знаем, но только много раз находили трупы наших, которых он подстерег во тьме. Во имя Сета, поторопимся! Если его пустят по нашему следу, он не отстанет до самых ворот в Техултли!

— Навряд ли,— проворчал Конан.— Слишком серьезную рану он получил от меня на лестнице.

— Быстрей! Быстрей! — только и простонал Техотл.

Они пробежали через несколько комнат, полных зеленого сумрака, пересекли широкий зал и остановились перед огромной бронзовой дверью.

Техотл облегченно вздохнул:

— Наконец-то! Техултли!

3

НАРОД, ЖИВУЩИЙ НЕНАВИСТЬЮ

Техотл постучал кулаком по двери и сразу повернулся, чтобы не терять из виду зал.

— Случалось, наших убивали у самой двери, когда они успокаивались, полагая, что находятся в полной безопасности,— сказал он.

— Почему нам не открывают? — Конан недовольно нахмурился.

— Они сейчас рассматривают нас через Око,— ответил Техотл.— Должно быть, их смущает ваш вид.— И уже громче: — Экселан! Откроешь ты или нет? Это же я, Техотл, а со мной друзья из большого мира за лесом!.. Они откроют, обязательно откроют! — успокоил он своих спутников.

— Не мешало бы им поторопиться,— мрачно изрек Конан.— Я слышу, как что-то ползет по полу комнаты, выходящей в зал.

Техотл снова подернулся пеплом и обрушил на дверь целый каскад ударов.

— Открывайте, олухи несчастные! — завопил он.— Ледяной Змей ползет за нами по пятам!

Он еще молотил кулаками по бронзе, как вдруг дверь бесшумно отворилась вовнутрь и их глазам предстала тяжелая цепь, натянутая поперек проема, поверх которой ощетинились острия копий; глаза воинов секунду ощупывали нежданных гостей колючим взглядом. Наконец цепь упала, и Техотл, неистово сжав руки своих друзей, почти силком перевел их через порог. Дверь уже закрывалась, когда Конан, бросив взгляд через плечо, увидел в дальнем конце темного зала неясные очертания огромной змеи: словно нескончаемый поток мерзкой слизи, судорожно извиваясь, рептилия медленно выползала из противоположного проема, отвратительная голова в красных пятнах бессмысленно раскачивалась из стороны в сторону... Дверь закрылась, и жуткое видение исчезло.

Они стояли в квадратной комнате, напоминавшей небольшую площадь. Поперек двери вновь наложили засовы и навесили цепь. Все сооружение было прекрасно продумано и могло бы устоять перед любым натиском. Вокруг стояло четверо человек стражи — такие же темнокожие и черноволосые, как и их проводник, у каждого в руке — копье, у бедра — меч. В стене у входа Конан заметил слож-

ное приспособление из нескольких зеркал — как видно, то самое Око, о котором упоминал Техотл; зеркала были установлены таким образом, чтобы через вставленный в узкую прорезь плоский кристалл можно было, не обнаруживая себя, видеть все, что происходит снаружи. Четверо стражников в изумлении смотрели на незнакомцев, однако вопросов не задавали, а Техотл не счел нужным давать им какие-либо объяснения. Он двигался с небрежной уверенностью, словно в тот миг, когда шагнул через порог, разом сбросил с себя путы страха и нерешительности.

— Пошли! — отрывисто бросил он недавно обретенным друзьям.

Конан с сомнением посмотрел на засовы.

— А как насчет парней, что нас преследовали? Что, если они надумают взломать дверь?

Техотл замотал головой.

— Они прекрасно знают, что невозможно взломать дверь Орла. И теперь хочешь не хочешь, а придется им вместе со своим ползучим гадом убираться в Ксоталан. Пошли! Я проведу вас к правителям Техултли.

Один из стражников открыл дверь в стене напротив бронзовой, и они ступили в длинный зал, который, как и большинство комнат этого яруса, был освещен гроздьями мигающих зеленых камней и слабыми дневными лучами, падавшими сквозь узкие щели-окна в потолке. Однако в отличие от бесчисленных комнат, увиденных за этот долгий день, зал носил на себе следы обитания. Вышитые по бархату рисунки украшали глянцевые стены из жадеита, толстые ковры устилали алый пол, а на сиденья, скамьи и диваны были положены бархатные подушки.

Зал оканчивался дверью с витиеватой резьбой, стражи перед ней не было. Техотл бесцеремонно толкнул дверь и ввел друзей в просторную комнату. Стоило им появиться, как человек тридцать мужчин и женщин с изумленными возгласами повскакивали со скамей и кушеток.

Все, кроме одного, принадлежали к расе Техотла; женщины — такие же темнокожие, с тем же блеском в глазах — были, однако, по-своему красивы какой-то сумрачной, полумистической красотой. На груди все носили сандаловые вызолоченные пластинки, короткая шелковая юбка, которую удерживал усыпанный камнями пояс, не скрывала правильной линии бедер, а черная грива волос, грубо обрезанная у обнаженных плеч, была схвачена серебряным обручем.

На широком, из слоновой кости сиденье, установленном на массивном возвышении, сидели двое — мужчина и женщина, по виду несколько отличавшиеся от остальных. Он — настоящий гигант: невероятной ширины в плечах и с огромной, как у быка, грудной клеткой. Густая иссиня-черная борода ниспадала почти до пояса. Свободная одежда из пурпурного шелка при малейшем движении переливалась всеми оттенками крови, а рукав, упавший к локтю, обнажил руку в буграх мускулов. Лента, вся в сверкающих каменьях, стягивала пряди густых волос.

При виде чужаков женщина, слабо вскрикнув, вскочила на ноги; ее изумленный взгляд, скользнув по Конану, остановился на Валерии, глаза с жгучим интересом рассматривали незнакомку. Высокого роста, гибкая и стройная, она, несомненно, была самой красивой женщиной из всех присутствующих в зале. Одежды на ней было еще меньше, чем на других: вместо юбки — широкая полоса пурпурной с золотой нитью ткани, продетая под ремнем, концы которой едва достигали колен. Другая полоса, продетая со спины, довершала эту часть ее наряда, который она носила с невозмутимым бесстыдством. Нагрудные пластинки и обруч у висков украшала россыпь драгоценных камней. И было еще нечто, что отличало ее от темнокожих представительниц племени Техотла: в глазах женщины Конан не заметил блеска сумасшествия. После невольного вскрика она так и не произнесла ни слова, лишь стояла, вся подобравшись, сжав пальцы в кулаки, пристально глядя на Валерию.

Мужчина не поднялся.

— Принц Ольмек! — В низком поклоне, ладонями вверх Техотл простер к трону руки.— Я привел к тебе союзников. Они пришли к нам из мира по другую сторону леса. В комнате Тецоти моего друга Хикмека убил Пылающий Череп.

— Пылающий Череп! — прокатился по рядам техултлинцев судорожный шепоток.

— Да-да! Потом в ту комнату вошел я и увидел Хикмека на полу с перерезанным горлом. Не успел я убежать, как из стены выплыл Пылающий Череп. Я взглянул на него — и кровь застыла в жилах, леденящий холод пробрал меня до мозга костей. Я уже не мог ни бежать, ни биться, а только стоял и покорно ждал смертельного удара. И вдруг откуда ни возьмись появилась эта белокожая женщина и сразила его одним ударом меча! О милосердный Сет! Оказывается, под видом призрака скрывался кхоталанский пес! Белой

краской он намалевал у себя на коже кости, а на голову надел живой череп древнего колдуна! Сейчас этот череп валяется там, разрубленный на куски, а пес, что таскал его на голове,— уже мертвец!

Лицо рассказчика раскраснелось, в глазах заплясали безумные огоньки, от восторга его голос срывался на крик. Среди слушателей раздались приглушенные проклятья и возгласы удивления.

— Погодите! — воскликнул Техотл.— Это еще не все! Только я успел переброситься с ней несколькими словами, как на нас напали четверо ксоталанцев. Одного я убил, и рана в бедре — памятка о том отчаянном поединке. Двоих убила женщина. Но в самый разгар, когда нам приходилось особенно туго, в схватку вступил ее товарищ и раскроил голову четвертого врага. О! Пять красных гвоздей — вот наше подношение к столбу мести!

Он указал на эбеновый столб, высившийся за пьедесталом. На черной поверхности виднелись сотни алых точек — шляпки гвоздей, вбитых в дерево.

— Пять красных гвоздей — жизни пяти ксоталанцев! — отчеканил Техотл, и в диком восторге, охватившем толпу, потонули остатки разума этих людей.

— Кто они? — Голос Ольмека — низкий и глубокий — походил на отдаленный рев быка. Никто из жителей Ксухотла не говорил в полный голос. Казалось, они с молоком матери впитали в себя тишину пустых залов и заброшенных комнат.

— Я Конан-киммериец,— отрывисто бросил варвар.— Со мной — Валерия из Ватаги Красных Братьев, пиратов из Аквилонии. Мы бежали из боевого отряда, стоящего на рубеже с Дарфаром далеко к северу отсюда, и сейчас пробираемся к побережью.

Заговорила женщина — необычайно громко, в спешке коверкая слова:

— Вам никогда не добраться до побережья! Из Ксухотла нет выхода. Остаток жизни вы проведете в этом городе!

— Что такое?! — зарычал Конан, кладя руку на эфес меча и поворачиваясь так, чтобы держать в поле зрения всех — и толпу и трон.— Уж не хотите ли сказать, что мы пленники?

— Вы нас не поняли,— вмешался Ольмек.— Мы — ваши друзья. Мы не станем удерживать вас против воли. Но, боюсь, есть обстоятельства, которые помешают вам покинуть Ксухотл.

Он бросил на девушку взгляд — быстрый как молния — и тут же опустил глаза.

— Мою женщину зовут Тасцела,— продолжал он.— Она — принцесса Техултли. Но довольно вопросов. Пусть нашим гостям принесут еду и напитки. Я думаю, за время длинного путешествия они порядком устали и проголодались.

Жестом он пригласил обоих искателей приключений за стол цвета слоновой кости. Обменявшись многозначительными взглядами, те сели. Киммериец подозревал подвох. Его голубые глаза перебегали с человека на человека, с предмета на предмет; кисть правой руки не поднималась выше пояса, держась поближе к ножнам. Предложение насытиться и выпить не уменьшило его подозрений. Время от времени его взгляд задерживался на Тасцеле, но принцесса, похоже, не замечала ничего, кроме его белокожей спутницы.

Техотл, перевязав рану на бедре шелковой лентой, тоже присел за стол — он с готовностью взял на себя обязанность прислуживать своим друзьям, как видно, считая за честь для себя удовлетворять малейшие их пожелания. Он тщательно осматривал еду и напитки, приносимые на золотых блюдах и в золотых сосудах, и прежде чем передать их гостям, пробовал сам. Пока те насыщались, Ольмек молча сидел на троне, пристально наблюдая за чужаками из-под густых черных бровей. Принцесса сидела рядом, обхватив лицо руками, локтями упершись в колени. Взгляд ее темных загадочных глаз был прикован к сильному, гибкому телу Валерии. За ее спиной мрачноватая, но не лишенная красоты девушка размеренно поднимала и опускала роскошное опахало из страусовых перьев.

Еда состояла из незнакомых фруктов экзотического вида, однако очень приятных на вкус; крепкое, красного цвета вино веселило кровь.

— Вы пришли издалека,— наконец вымолвил Ольмек.— Я читал книги отцов. Аквилония лежит за землями стигийцев и шемитов, за Аргосом и Зингарой, а Киммерия — еще дальше.

— Нам обоим не сидится на месте,— легкомысленно ответил Конан.

— Для меня загадка, как вы прошли через лес,— продолжал Ольмек.— В давние времена не больше половины от тысячи храбрых воинов смогли пробиться через его гиблые чащи.

— Мы натолкнулись там на жуткое чудовище размером с мастодонта,— небрежно обронил Конан, держа в руке кубок, в который Техотл с видимым удовольствием лил вино из кувшина.— Но после того, как мы с ним покончили, нас уже никто не тревожил.

Сосуд выскользнул из пальцев Техотла и со стуком, расплескивая красное вино, упал на пол. Смуглая кожа проводника в который уже раз превратилась в пепельно-серую. Ольмек вскочил на ноги — пораженный, он уставился на этих непонятных чужестранцев; толпа замерла в благоговейном ужасе. Некоторые опустились на колени, точно ноги отказывались им служить. Конан озадаченно посмотрел вокруг.

— Что это с вами? С чего вы вдруг поразевали рты?

— Ты... ты убил божественного дракона?!

— Божественного? Я убил чудовище, только и всего. А что прикажете делать, если вас хотят сожрать?

— Но драконы бессмертны! — воскликнул Ольмек.— Случалось, правда, что они убивали друг друга, но из людей еще ни один не убивал дракона. Наши предки были в той тысяче воинов, что пробивались через лес, и они не смогли одолеть чудовищ! Об их чешую мечи ломаются как палки!

— Если бы ваши предки догадались вымазать острия копий в ядовитом соке яблок Деркето,— проговорил Конан с полным ртом,— а потом ткнуть ими в глаза, рот или еще куда, где помягче, они бы увидели, что драконы не более бессмертны, чем телячья отбивная. Труп твари валяется у самой кромки леса. Если не верите, можете сходить и убедиться.

Ольмек тряхнул головой — без тени недоверия, все больше поражаясь отваге чужаков.

— Именно из-за драконов наши предки не пошли дальше Ксухотла,— сказал он.— Они не осмелились, миновав открытую равнину, снова углубиться в лес. Прежде чем они достигли города, чудовища пожрали множество людей.

— Так значит, Ксухотл построили не они? — спросила Валерия.

— Ксухотл — древний город. Сколько он простоял до нас, не знал никто, даже его полувыродившееся коренное население.

— Ваш народ пришел с озера Эвад? — Конан окинул толпу быстрым взглядом.

— Да. Более полувека назад племя тлазитланцев восстало против владычества короля Стигии. Потерпев в решающем бою поражение, наши предки бежали на юг. Много недель они шли по прериям, пустыне, пробирались через горные хребты, пока наконец не попали в величественный лес — тысяча воинов, и с ними женщины и дети.

— И там, в лесу, на них обрушились драконы. Те, кого не разодрали в куски, кто спасся от клыков и когтей, в безумном страхе перед чудовищами бежали прочь. Скоро остатки людей уже были у кромки леса, и там их глазам, прямо посредине голой равнины, предстал город Ксухотл.

Они разбили лагерь у стен города, не решаясь покинуть открытое место: в наступившей ночи из леса доносился ужасный рев и треск ломаемых деревьев. Упустив остатки добычи, чудовища накинулись друг на друга. К счастью для людей, звери не осмелились выйти на равнину.

Жители города закрыли ворота, со стен в наших полетели стрелы. Тлазитланцев как бы заперли в огромную тюрьму: со всех сторон равнину окружала стена густого леса, углубиться в который посмел бы разве что сумасшедший.

Той ночью в лагерь из города прокрался раб — одной с нами крови. Он с отрядом других искателей приключений прошел лес еще будучи молодым, за много лет до того, как им прошли наши предки. Драконы сожрали всех его товарищей, а его горожане впустили и сделали своим рабом. Его звали Толкемек.— При звуках этого имени в десятках темных глаз вспыхнул огонь, с губ сорвались слышные грязные ругательства, кое-кто даже презрительно плюнул.— Он обещал открыть воинам ворота. Взамен просил об одном: чтобы всех пленных отдали ему в руки.

На рассвете раб открыл ворота. Воины устремились вовнутрь, и залы Ксухотла окрасились кровью. В живых осталось лишь несколько сот горожан — жалкие остатки некогда могущественного народа. По словам Толкемека, они пришли с востока, из древней Козалы — очень давно, когда предки тех, что сейчас населяют Козалу, ворвались в страну с юга и вытеснили коренное население с их исконных земель. Они долго скитались, пока не оказались однажды на этой голой, опоясанной лесом равнине с единственными в ту пору обитателями — племенем чернокожих.

Они обратили аборигенов в рабство и начали строить город. Все нужное привозили с гор на востоке: жадеит и мрамор, лазурит и золото, серебро и медь. Стада слонов

давали слоновую кость. Когда город был построен, всех черных рабов убили. Колдуны выставили вокруг города страшную охрану: по найденным в лесу огромным костям они с помощью колдовства воссоздали драконов — облекли кости плотью, вдохнули в свои творения жизнь, и огромные твари, как и в древности, стали бродить по земле. А чтобы не вышли из леса и не напали на город, колдуны наложили на них особое заклятие.

В течение многих веков после того жизнь в Ксухотле текла без изменений: люди возделывали плодородную землю, всю равнину избороздила сеть ирригационных каналов. Так шло до тех пор, пока их мудрецы не додумались, как можно выращивать фрукты внутри города, при этом растения получали питание не из почвы, а прямо из воздуха. Поля забросили, вода из каналов ушла, а люди, все больше предаваясь праздности, постепенно превратились в вымирающую расу. Когда наши предки, прорвавшись сквозь лес, вступили на равнину, этот народ был уже обречен. К тому времени их колдуны давно умерли, искусство волшебства было забыто, а сами горожане в бою уже не владели толком ни мечом, ни колдовством.

Наши отцы перерезали всех жителей Ксухотла — всех, кроме последней сотни, которую отдали Толкемеку, их бывшему рабу; и еще немало дней и ночей по залам прокатывалось эхо отчаянных воплей — то кричали под изощренными пытками пленники бывшего раба.

Итак, тлазитланцы зажили на новом месте. Городом правили два брата — Техултли и Ксоталан, а с ними — Толкемек. Толкемек взял в жены девушку из нашего племени, а поскольку он открыл ворота и знал много ремесел ксухотланцев, то разделил бремя власти с обоими братьями — вожаками восстания.

Жизнь наладилась, и все шло своим чередом. В течение нескольких лет ничто не нарушало покоя новых горожан. Все только и делали, что ели, пили, занимались любовью и растили детей. За ворота не выходили: Толкемек научил их, как выращивать плоды, не выходя из города, поэтому можно было не ковыряться в земле. Кроме того, с убийством последнего ксухотланца пало заклятие, наложенное колдунами на лесных чудовищ, и чуть ли не каждую ночь твари подбирались к воротам и оглашали окрестности своим жутким ревом. От их бесконечных поединков земля становилась красной, потоки крови наполняли сухие каналы. Вот тогда-то...— Король вдруг оборвал себя, не докончив

фразы, помолчал немного, а когда снова заговорил, Конан и Валерия почувствовали, что, прежде чем сказать, он тщательно взвешивает каждое слово.

— Пять лет прошли в мире. Затем...— Ольмек метнул взгляд на женщину рядом,— затем Ксоталан взял в жены девушку, любви которой добивались и Техултли и престарелый Толкемек. Обезумев от страсти, Техултли похитил ее у законного супруга. К слову сказать, девушка не особенно и возражала. Толкемек назло Ксоталану помогал его брату в этом грязном деле. Ксоталан потребовал вернуть ему жену, а совет племени оставил последнее слово за женщиной. Та решила остаться с Техултли. В неописуемой ярости Ксоталан вознамерился забрать ее силой, и сторонники обоих братьев сошлись в Большом зале на бой.

То был день великой скорби. С обеих сторон пролилась кровь. Так ссора переросла в непримиримую вражду, вражда — в открытую войну. Обозначились три группы: часть воинов возглавил Техултли, еще одну — Ксоталан, остальные примкнули к Толкемеку. Еще в мирное время они поделили между собой весь город. Техултли поселился в западных кварталах, Ксоталан — в восточных, а Толкемек вместе с многочисленным семейством обосновался у Южных ворот.

На почве ненависти, зависти и презрения пышным цветом расцвело насилие. Раз обнажив меч, очень трудно вложить его обратно в ножны, а поскольку за кровь нет иной платы, кроме крови, то за каждое убийство неминуемо наступало отмщение. Техултли дрался с Ксоталаном, а Толкемек брал сторону то одного, то другого, то предавал обоих сразу, во всех случаях преследуя только собственную выгоду. В конце концов Техултли со своими людьми отступил в кварталы у Западных ворот, где мы сейчас и находимся. Ксухотл имеет форму овала. Замок Техултли, получивший название в честь своего принца, расположен в западной части этого овала. Все двери, соединяющие его с остальным городом, были заблокированы, оставили лишь по одной на каждом этаже, которые надежно укрепили, чтобы можно было без труда обороняться от возможного нападения. Потом наши предки спустились в катакомбы и возвели глухую стену, отделив западную часть подземелья, где захоронены останки коренных ксухотланцев и тлазитланцев, погибших в междоусобице. Они обустроились, как в осажденном замке, постоянно тревожа неприятеля дерзкими вылазками.

Сторонники Ксоталана точно так же укрепились в восточной части города, а Толкемек сделал нечто подобное с кварталами, примыкающими к Южным воротам. Таким образом, центральная часть города осталась незаселенной. Ее пустынные залы и комнаты превратились в поле боя, в место постоянной охоты за людьми и страха смерти.

Толкемек воевал на стороне обоих кланов попеременно. Это был сам демон в образе человека, в десять раз хуже и опаснее Ксоталана. Ему были известны многие тайны города, о которых он никому никогда не рассказывал. Разгадав надписи в подземных склепах, он выкрал у мертвецов их тайны — тайны давно ушедших королей и колдунов, забытые обессилевшими от праздности ксухотланцами, которых перебили наши предки. Но даже магия не спасла его, когда однажды ночью мы, соратники Техултли, штурмом овладели его замком и перерезали всех, кого там нашли. Самого Толкемека пытали много дней...— Жесткий голос рассказчика упал до мягкого шепота, лицо приняло отрешенное выражение, взгляд устремился вдаль, словно перед его глазами проходили сцены далекого прошлого, вид которых доставлял ему неизъяснимое наслаждение.

— Ах да,— снова обычным голосом заговорил Ольмек.— Мы не давали ему умереть, пока он не начал молить о смерти, как иные молят о встрече с любимой. Тогда мы вынесли его из комнаты пыток и живого швырнули в темницу на съедение крысам. Но ему каким-то чудом удалось выбраться из темницы, и он убрался в катакомбы. Там, полагаю, и подох, потому как из подземелья замка Техултли есть только один выход — в замок Техултли, а здесь он не объявлялся. Его скелета тоже не нашли. Подверженные суевериям, однако, готовы поклясться, что призрак Толкемека до сих пор разгуливает по подземелью, завывая посреди разбросанных костей. Вот уже двенадцать лет как мы покончили с Толкемеком, а вражда между Техултли и Ксоталаном не затухает, и она не погаснет, пока в живых будет оставаться хотя бы один воин, одна женщина.

Минуло пятьдесят лет с того дня, когда Техултли похитил жену Ксоталана. И все полвека идет вражда. С этой враждой я родился. Все в этом зале, за исключением Тасцелы, родились с этой враждой. С ней, надеюсь, мы и умрем.

Мы — раса обреченных, совсем как те ксухотланцы, которых убили наши предки. Когда началась война, то в каждом лагере было по нескольку сот воинов. Сейчас же все жители Техултли — перед вами; вместе с четырьмя вои-

нами у главных дверей нас всего сорок два человека. Сколько осталось ксоталанцев, я не знаю, но вряд ли больше. За последние пятнадцать лет у нас не родился ни один ребенок, и мы не видели ни одного у ксоталанцев.

Мы вымираем, но прежде чем умрет последний воин, мы сделаем все, чтобы выпустить из ксоталанцев как можно больше крови — столько, сколько позволит нам милость богов.

Глаза Ольмека зажглись ненавистью, и он еще долго говорил об их бесконечной вражде, о стычках в безмолвных комнатах и сумеречных залах, когда под потолком разливают свой пульсирующий свет зеленые камни, а под ногами адским пламенем полыхает пол — весь в темных пятнах крови из рассеченных вен. В этой бойне сгинуло целое поколение. Самого Ксоталана не было в живых: вот уже много лет, как он пал в ужасной схватке на лестнице из слоновой кости. Тсхултли тоже умер: он попал в плен, и обезумевшие от ярости ксоталанцы содрали с него живого кожу.

Бесстрастным голосом Ольмек повествовал об ужасных схватках в черных коридорах, о засадах на винтовых лестницах, входил в подробности кровавой резни. Огонь в его темных, глубоко посаженных глазах разгорался все сильнее по мере того, как он рассказывал о мучениях мужчин и женщин, с которых живьем сдирали кожу, которым ломали кости, разрывали на части их обнаженные тела; о жутких воплях истязаемых пленников и о предсмертных проклятиях, вырывавшихся из окровавленных глоток. Пытки были настолько бесчеловечны, что даже варварскую душу киммерийца охватило отвращение. Не удивительно, что Техотл весь трясся при одной мысли о плене! И все-таки в надежде убить врага он отважился на вылазку — ненависть оказалась сильнее страха. Ольмек говорил еще и еще: о черной магии и колдовстве, о темных, загадочных силах, проникших в верхние этажи из ночного мрака катакомб, о сверхъестественных тварях, вызванных людьми из небытия для борьбы с врагами. В подобных делах ксоталанцы имели значительное преимущество, поскольку именно в восточной части подземелья были захоронены останки наиболее могущественных колдунов из прежних ксухотланцев, постигших все тонкости своего древнего ремесла.

Валерия с каким-то нездоровым интересом ловила каждое слово.

Наконец жажда мести превратилась в смысл жизни обоих кланов, в животную, непреодолимую потребность уби-

вать. Вражда вытеснила все. Во вражде люди рождались и во вражде умирали. Они никогда не покидали своих укрепленных замков, за исключением тех случаев, когда с замирающим сердцем крались по залам Тишины, лежащим между противоборствующими крепостями, и все затем, чтобы убить или быть убитыми. Иногда лазутчики возвращались с обезумевшими от страха пленниками, иногда лишь приносили ужасные свидетельства одержанной победы. Случалось, что они не возвращались вовсе, и тогда их рассеченные на куски, обезглавленные тела находили сваленными в кучу у бронзовых дверей. Во все это верилось с трудом: чтобы живые люди по собственной воле превратили свою жизнь в настоящий кошмар... Отрезанные от остального мира, загнанные в одну ловушку, они, как бешеные крысы, кидались друг на друга, крались по темным коридорам, куда не проникал луч солнца, гонимые одной мыслью: калечить, мучить, убивать!

Все время, пока говорил Ольмек, Валерия чувствовала на себе жгучий взгляд Тасцелы. Похоже, принцесса вообще не слушала Ольмека. Ее лицо оставалось неподвижным: шла ли речь о славных победах или горечи поражений, на нем не отражалась ни дикая ярость, ни жестокое ликование, от которого лица остальных техултлинцев теряли человеческие черты. Великая вражда, которой было одержимо это племя, для нее, похоже, не имела никакого значения. Ее полное безразличие к жизни племени показалось Валерии едва ли не более отвратительным, чем неприкрытая жестокость Ольмека.

— Нам уже не уйти из города,— слышался Валерии его голос.— За последние пятьдесят лет ни один человек не выходил за его стены, кроме тех, кто...— Он снова оборвал себя на полуслове.— Даже оставив риск угодить в пасти драконов, тот, кто родился здесь, кто вырос среди стен, никогда не отважится покинуть город. Мы ни разу не ступали по голой земле, нам было бы не по себе под бескрайним небом, под палящими лучами солнца. Нет, мы родились в Ксухотле, и в Ксухотле мы умрем.

— Что ж, вольному воля,— сказал Конан.— Однако, с вашего разрешения, мы попытаемся управиться с драконами. Ваша вражда нас никоим образом не касается. Вы просто проводите нас до Западных ворот — там и расстанемся.

Пальцы Тасцелы сжались, она горячо заговорила, но вмешался Ольмек:

— Уже почти стемнело. Если вы в такое время выйдете на равнину, то наверняка падете жертвой драконов.

— Мы спали эту ночь на равнине под открытым небом, и твари нас не потревожили,— возразил киммериец.

Тасцела загадочно улыбнулась:

— У вас не хватит мужества, чтобы выйти из Ксухотла!

Глаза варвара сверкнули, в нем шевельнулась неприязнь к этой женщине, а та так и впилась взглядом в его спутницу.

— Да нет, пожалуй, хватит,— сказал Ольмек.— Не в этом дело. Выслушайте меня, Конан и Валерия. Мне думается, вас послали боги, чтобы мы наконец раз и навсегда смогли покончить с Ксоталаном. Вы оба — искусные воины. Почему бы вам не взять нашу сторону? Мы обладаем огромными богатствами: драгоценные камни в Ксухотле попадаются на глаза чаще, чем в иных городах булыжники. Кое-что ксухотланцы принесли с собой из Козалы. Кое-что, например огненные камни, нашли в горах на востоке. Помогите нам истребить ксоталанцев, и мы отсыпем вам столько камней, сколько сможете унести.

— А вы поможете нам победить драконов? — спросила Валерия.— С луками и отравленными стрелами хватит и тридцати человек, чтобы очистить от них лес.

— Согласен! — с готовностью воскликнул Ольмек.— Правда, мы в основном учились ближнему бою и подзабыли, как владеть луком, но не беда — научимся заново.

— Что скажешь? — взглянула на Конана Валерия.

— А что тут говорить? — с недоброй усмешкой ответил тот.— Мы ведь бродяги, у которых не отыщется за душой и стертой монеты. Какая разница, кого убивать. Ну пусть это будут ксоталанцы.

— Так вы согласны? — Ольмек даже привстал, а Техотл едва не закричал от радости.

— Да. А сейчас не худо бы найти пару лежанок, чтобы поспать и отдохнуть, а завтра со свежими силами приступим к работе.

Ольмек кивнул и махнул рукой. Техотл и одна из женщин направились к двери слева от жадеитового пьедестала. У двери Техотл сделал знак следовать за собой, и оба искателя приключений вошли в проем. Прежде чем раствориться в сумраке коридора, Валерия быстро оглянулась: опустив подбородок на сплетенные пальцы, принц Ольмек неподвижно сидел на троне, глядя им вслед. В его глазах пылал огонь жестокости и мести. Тасцела, откинувшись на спинку, нашептывала что-то своей угрюмой служанке Язале. Губы принцессы едва не касались уха девушки, склонившейся к плечу своей госпожи.

Этот ход оказался не таким широким, как прочие, зато довольно длинным. Но вот женщина остановилась, открыла дверь и шагнула в сторону, приглашая Валерию войти.

— Обожди-ка.— Конан обернулся к проводнику: — А где буду спать я?

Техотл указал на дверь в противоположной стене — следующую от той, что выходила в коридор напротив двери в комнату Валерии. Конан заколебался, словно у него были свои соображения на этот счет, но Валерия, ядовито улыбнувшись, захлопнула дверь перед его носом. Пробормотав нечто весьма неучтивое по адресу всей женской породы, варвар зашагал вслед за Техотлом дальше по коридору.

В богато украшенной комнате, отведенной киммерийцу на ночлег, сквозь окна и щели в потолке пробивался тусклый свет. Некоторые окна были шире других — достаточно широкие, чтобы в них пролез худощавый воин, конечно, при условии, что он разобьет стекло.

— Почему бы ксоталанцам не пройти по крышам и не проникнуть в замок через окна?

— Кристаллы небьющиеся,— ответил Техотл.— Кроме того, поверхность крыши очень неровная: в основном это шпили, купола и крутые коньки с гладкими стенами.

Он тут же выложил варвару немало полезного об устройстве «замка Техултли». В частности, выяснилось, что, как и весь город, замок имеет четыре этажа, или яруса, с комнатами, залами и башнями, мощными столбами, торчащими над крышей. У каждого яруса — свое название, а вообще-то жители Ксухотла дали имена каждой комнате, лестнице, каждому залу — точно так же, как люди в обычных городах присваивают названия улицам и кварталам. Этажи в Техултли назывались так: ярус Орла, ярус Обезьяны, ярус Тигра и ярус Змеи — в перечисленном порядке. Ярус Орла — самый верхний из них, то есть четвертый.

— Кто такая Тасцела? — спросил Конан.— Супруга Ольмека?

Техотл вздрогнул и, прежде чем ответить, опасливо оглянулся.

— Она не супруга. Она — Тасцела! Она была женой Ксоталана — той самой женщиной, которую похитил Техултли, из-за чего и разгорелась вражда.

— Что ты болтаешь?! — возмутился Конан.— Да ведь она красива и выглядит молодо. Не хочешь ли сказать, что пятьдесят лет назад эта женщина была уже замужем?

— Ну да! Клянусь, когда тлазитланцы бежали с озера Эвад, она была уже вполне сформировавшейся женщиной. Лишь потому, что король Стигии захотел иметь ее своей наложницей, и взбунтовались Ксоталан с братом, потому им и пришлось бежать из родных мест. Она — колдунья и знаст секрет вечной молодости.

— Как так?

Техотл снова вздрогнул.

— Не спрашивай! Я не смею. Все это слишком страшно даже для Ксухотла! — И, прижав палец к губам, он выскользнул из комнаты.

4

АРОМАТ ЧЕРНОГО ЛОТОСА

Валерия расстегнула пояс и, не доставая меча из ножен, положила оружие на кушетку. Увидев, что двери снабжены засовами, она спросила, куда они выходят.

— Те, что справа и слева, открываются в соседние комнаты,— ответила служанка.— А та,— она указала на обшитую медными полосами дверь напротив входной,— та дверь открывается в коридор, ведущий к лестнице, которая спускается в катакомбы. Ты не бойся — здесь вполне безопасно.

— А кто боится? — Валерия презрительно фыркнула.— Просто я должна кое-что знать о бухте, в которой довелось бросить якорь. Надеюсь, у тебя нет в мыслях улечься на полу у моей кушетки? Я не терплю, когда мне навязывают свое общество, по крайней мере — женщины. Разрешаю тебе удалиться.

Оставшись одна, отважная воительница первым делом закрыла на засовы все двери, затем, стянув кожаные сапоги, с наслаждением растянулась на мягком ложе. Она представила себе, как в эту минуту Конан у себя в комнате устраивается на ночлег, и тут же женское тщеславие дорисовало недостающие детали: хмурый вид, глухое рычание и мускулистое, разгоряченное мужское тело на широкой кушетке... в полном одиночестве! Она злорадно усмехнулась и сомкнула веки.

За городскими стенами на равнину спустилась ночь. В залах Ксухотла зеленые камни светились подобно глазам доисторических зверей. Где-то среди темных башен, точно

неприкаянный дух, завывал ветер. А по сумрачным проходам ночными призраками крались неясные тени.

Валерия проснулась внезапно, как от толчка. В неверном свете зеленых камней она различила склонившегося над ней человека. На краткий миг ей показалось, что видение это — всего лишь продолжение сна. Ей снилось, что она лежит на той же кушетке в той же комнате, а над ней в медленном такте шевелил своими лепестками черный цветок — такой огромный, что закрывал собою потолок. Терпкий аромат цветка охватил Валерию, проник в каждую клеточку мозга, погружая тело в чувственную, восхитительную истому — слишком сладостную, чтобы быть сном. Вот волны аромата, несущего неизъяснимое блаженство, накрыли ее с головой... и вдруг что-то коснулось ее лица. Все чувства под воздействием дурмана были настолько обострены, что легкое касание показалось ударом хлыста. Вместе с пробуждением пришло ощущение реальности; и тогда вместо огромного уродливого цветка она увидела темнокожую женщину, стоящую у изголовья кушетки.

К Валерии вернулись чувства, и первым — гнев. Тень быстро повернулась, но прежде чем та успела сделать хотя бы шаг, воительница вскочила на ноги и сомкнула пальцы вокруг смуглой руки. Женщина рванулась с яростью дикой кошки, но тут же затихла, побежденная, почувствовав превосходство в силе. Валерия повернула пленницу к себе лицом и, свободной рукой схватив за подбородок, подняла голову и заглянула той прямо в глаза. Перед ней стояла мрачная Язала, служанка Тасцелы.

— Признавайся, что ты выделывала надо мной? Что у тебя в руке, покажи!

Язала ничего не ответила, лишь шарила по сторонам глазами, выискивая, куда бы забросить предмет. Тогда Валерия вывернула руку, и на пол упало что-то черное — большой, необычного вида цветок на темно-зеленом стебле; размером с человеческую голову, он, однако, не шел ни в какое сравнение с огромным видением наркотических грез.

— Черный лотос! — чуть слышно вскрикнула Валерия.— Цветок, чей запах навевает глубокий сон. Ты хотела меня одурманить! И не коснись лепесток моего лица... Зачем ты это сделала? Чего ты хочешь?

Язала не произнесла ни звука. Валерия с проклятием повернула ее спиной, заставила встать на колени и, вывернув руку, стала загибать ее кверху.

— Говори, не то я за себя не ручаюсь!

По мере того, как загибалась рука, тело служанки все сильнее извивалось от нестерпимой боли, но в ответ она только отчаянно мотала головой.

— Дрянь! — Валерия оттолкнула от себя служанку, и та распростерлась на каменных плитах. Взглядом, полным ненависти, воительница окинула слабо шевелящееся тело. Она вспомнила горящие глаза Тасцелы, и в душу отважной женщины закрался страх, пробуждая к жизни тигриные инстинкты самосохранения. Этот народ переживал период упадка, а при таких обстоятельствах от них можно было ожидать чего угодно — любой низости или коварства, возведенных в ранг добродетели. Но сейчас Валерии уже казалось, что этими людьми управляют какие-то потусторонние силы, что-нибудь более ужасное и мерзкое, чем просто осознание обреченности своего народа. Чувство страха и гадливости по отношению к этому зловещему городу охватило воительницу. Его жителей никак нельзя было назвать нормальными, весьма сомнительно, можно ли их вообще назвать людьми. Во всех глазах полыхает огонь сумасшествия — во всех, кроме жестоких, скрытных глаз Тасцелы, владевшей знанием более ужасным, чем само сумасшествие.

Валерия подняла голову, прислушалась. Залы Ксухотла хранили молчание, город словно вымер. Зеленые камни заливали комнату призрачным светом, в котором обращенные к воительнице глаза женщины на полу сверкали жутковатым блеском. Волна животного ужаса прокатилась по сильному телу Валерии, остатки жалости исчезли — осталась ярость.

— Зачем ты хотела меня одурманить? — Она ухватила в пучок черные волосы на затылке и, откинув назад голову служанки, впилась взглядом в темные глаза, опушенные длинными ресницами.— Тебя подослала Тасцела?

Молчание. Валерия грязно выругалась и что было сил ударила служанку ладонью по одной щеке, по другой. Звуки ударов, отразившись от стен, прокатились по комнате. Язала даже не вскрикнула.

— Почему ты не кричишь? — Голос Валерии вздрагивал от ярости.— Боишься, что тебя услышат? Кого боишься? Тасцелу? Ольмека? Конана?

Язала не ответила. Стоя на коленях, злобными, как у василиска, глазами она смотрела на свою мучительницу. Упрямство неизбежно вызывает гнев. Повернувшись, Валерия оторвала от ближайшей портьеры пучок веревок.

— Грязная тварь! — процедила она сквозь зубы.— Я привяжу тебя голую поперек кушетки и буду сечь, пока не скажешь, чем ты здесь занималась и кто тебя подослал!

Ни слова мольбы, ни малейшей попытки сопротивления за то время, пока Валерия выполняла первую часть угрозы; упрямство жертвы только усиливало ее ярость. Затем некоторое время не было слышно ничего, кроме свиста и ударов шелковой плети по обнаженному телу. Язала не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой — так туго она была привязана к кушетке. Ее тело выгибалось и вздрагивало, голова моталась из стороны в сторону в такт ударам плети. Чтобы сдержать рвущийся наружу крик, она закусила губу, из которой уже стекала струйка крови.

Скрученные вместе нити впивались в тело почти бесшумно, лишь резкие, отрывистые звуки отсчитывали удары, но каждая нить оставляла на смуглой коже узкую красную полоску. Валерия трудилась со знанием дела, вкладывая в удары немалую силу своей тренированной руки; она истязала жертву с жестокостью, воспитанной за время жизни среди пиратов, где боль и пытка были явлением обыденным, и с той циничной изобретательностью, которую способна проявить только женщина по отношению к женщине. Язале не пришлось бы так страдать — и физически и душевно, если бы ее палачом был мужчина, пусть даже гораздо сильнее этой разъяренной воительницы.

Именно женская изощренность в конце концов сломила волю темнокожей служанки.

С окровавленных губ сорвалось рыдание. Валерия, замерев с поднятой рукой, убрала со лба влажный светлый локон.

— Хочешь что-то сказать? — Она недобро усмехнулась.— А то смотри, я не устала. Могу трудиться над тобой хоть до утра.

— Пощады! — прошептала женщина.— Я все скажу.

Валерия разрезала веревки у запястий и лодыжек, рывком поставила женщину на ноги. Язала безвольно опустилась на кушетку, вздрогнув от боли, когда иссеченное тело коснулось мягкого ложа. Согнув ногу, она склонилась к обнаженному бедру, левой рукой опершись о кушетку. Все члены ее била дрожь.

— Вина! — еле слышно прошептала она пересохшими губами, дрожащей рукой указав на золотой кувшин на столе.— Дай мне пить. Я совсем ослабела от боли. Потом скажу все.

Валерия взяла сосуд. Язала с трудом поднялась, чтобы принять его, медленно поднесла кувшин к губам — и вдруг плеснула содержимое прямо в лицо аквилонки! Валерия отпрянула, замотала головой, натирая кулаками веки, лишь бы избавиться от жалящей боли в глазах. Словно сквозь туман она увидела, как Язала метнулась через комнату к обитой медными полосами двери, отомкнула засов и, распахнув дверь, исчезла в темном коридоре. Воительница бросилась следом — с мечом в руке и жаждой мести в сердце.

Но у Язалы было преимущество во времени, к тому же ее гнал животный ужас человека, которого едва не засекли до потери разума. Она свернула за угол — считанные ярды впереди Валерии; когда же угол миновала аквилонка, ее глазам открылся пустой зал и в дальнем конце — черный провал дверного проема. Внезапно оттуда потянуло влажными гнилостными испарениями. Валерия содрогнулась. Должно быть, эта дверь вела в катакомбы. Так значит, Язала нашла убежище среди мертвых!

Валерия приблизилась к проему. Она увидела каменные ступени, уходящие вниз, в кромешную тьму. Судя по запаху, эта лестница не имела выхода в нижние ярусы, а вела напрямую в подземелье под городом. Она поежилась при мысли о тысячах и тысячах трупов, лежащих в саванах в бесчисленных склепах там, внизу. У нее не было никакого желания пробираться на ощупь по этим каменным ступеням, в то время как Язале наверняка был известен каждый поворот, каждый закоулок в подземных туннелях.

Раздраженная неудачей, Валерия повернула было обратно, как вдруг снизу до нее донесся отчаянный крик. Казалось, он исходил из глубин тьмы, но слова можно было разобрать. Голос был женский — срывающийся на визг, страшный:

— Помогите! Помогите! Во имя Сета! А-а-а!..

Все стихло, но через миг Валерии почудились отголоски демонского хихиканья.

По спине воительницы пробежал холодный ручеек. Что могло случиться с Язалой там, внизу, во мраке катакомб? Ведь наверняка это кричала она. Но что за опасность подстерегла ее? Или это уловка, чтобы отвязаться от погони? Ольмек заверил их, что катакомбы под Техотлом отгорожены от остального подземелья стеной, слишком прочной, чтоб сквозь нее мог прорваться враг. А кроме того, это мерзкое хихиканье — оно вообще мало похоже на смех человека.

Даже не задержавшись, чтобы закрыть дверь на лестницу, Валерия поспешила обратно по коридору. Скользнув в свою комнату, она сразу закрыла дверь на засов. Затем натянула сапоги и застегнула на талии пояс с ножнами. Решение было принято: прорваться в комнату Конана и, если тот еще жив, вдвоем — пусть с помощью оружия — выбираться из этого проклятого богами города.

Но только она подбежала к двери, как по коридорам и залам прокатился длинный вопль предсмертной муки, и вместе с ним — топот бегущих ног и звон мечей!

5

ДВАДЦАТЬ КРАСНЫХ ГВОЗДЕЙ

В караульном помещении, примыкавшем к главной двери этажа, известного под именем «ярус Орла», два воина вели неторопливый разговор. Они давно уже относились к службе с прохладцей, но в силу привычки постоянно были настороже. Несмотря на то, что вот уже много лет ни одна сторона не отваживалась нападать на замки друг друга, вероятность такого приступа сохранялась.

— Эти чужаки — сильные союзники,— сказал один.— Думаю, Ольмек двинется на врага завтра.

Он говорил так, как говорил бы иной воин на обычной войне. В крошечном мирке Ксухотла и горстка бойцов считалась армией, а пустынные залы между замками — обширным пространством, на котором велись военные действия.

Второй помолчал, размышляя.

— Допустим, мы сокрушим с их помощью Ксоталан,— наконец сказал он.— А что потом, Хатмек?

— Ну, вобьем за всех красные гвозди. Пленных четвертуем, сожжем или сдерем с них кожу.

— Это понятно. Дальше-то что? — настаивал тот, другой.— Когда всех перебьем? Ведь это страшно — жить, не имея врагов! Всю свою жизнь я ненавидел ксоталанцев и боролся с ними. И если исчезнет вражда, то что останется?

Хатмек пожал плечами. В своих мыслях он никогда не заходил дальше победы над врагом. Он просто не был способен заглядывать так далеко.

Внезапно оба застыли: за дверью послышался подозрительный шум.

— К двери, Хатмек! — шепнул воин товарищу.— Я загляну в Око.

С мечом в руке Хатмек приложил ухо к бронзовой двери в надежде что-нибудь услышать. Его товарищ посмотрел в зеркало — и содрогнулся. По ту сторону дверей плотной кучкой сбились враги — мрачные, темнолицые, они сжимали мечи в зубах. Но не это повергло воина в ужас: пальцами враги затыкали себе уши! Один из них, с разукрашенным перьями убором, имел при себе инструмент из нескольких дудочек. Вот он поднес его к губам, и только стражник открыл рот, чтобы поднять тревогу, как из отверстий полились резкие, режущие ухо звуки.

Крик замер в глотке техултлинца. Зловещая, визгливая мелодия, проникнув за металлическую дверь, заполнила уши стражников. Хатмек оцепенел, не в силах шевельнуться. Лицо воина омертвело: на нем отразился ужас. Другой стражник, находящийся дальше от источника звука, кожей ощутил надвигавшуюся опасность — угрозу разуму, которую несла с собой эта демоническая музыка. Словно где-то под черепом невидимая паутина оплела мягкую ткань его мозга, и на волне сумасшествия подняли голову звериные инстинкты. Сжимая ладонями виски, воин рухнул на колени, но отчаянным усилием воли прорвался сквозь пелену чар и закричал истошно и дико, предупреждая своих об опасности.

Не успел затихнуть его крик, как мелодия изменилась: переросла в однотонный невыносимый вопль, острым ножом врезавшийся в барабанные перепонки. Страшная боль пронзила тело Хатмека; точно чья-то рука смахнула с его лица последние признаки разума — так порыв ветра задувает теплившийся огонек. В припадке безумия он сбросил на пол массивную цепь, рывком распахнул дверь и, прежде чем его товарищ успел его остановить, выбежал в зал. Не меньше дюжины лезвий ударили в жилистую плоть, и, топча мертвое тело, ксоталанцы валом повалили в комнату стражи; по коридорам и залам прокатилось эхо их торжествующего рева.

Голова звенела, перед глазами все плыло, но оставшийся в живых стражник вскочил, чтобы с копьем в руке встретить врага. Ужас перед колдовством, свидетелем которого он только что был, вытеснило осознание смертельной опасности: враг проник в Техултли! Это была его последняя мысль, ибо в тот миг, когда зазубренный наконечник его

копья вошел в обтянутый смуглой кожей живот, меч ксоталанца раскроил его череп. И он уже не увидел, как поднятые по тревоге воины с глазами, одичавшими от ярости, бурным потоком вливались в смежные комнаты.

Эти вопли людей и звон стали и сбросили Конана с кушетки — голова ясна, в руке привычный меч. В три прыжка он очутился у двери, распахнул ее и только выглянул в коридор, как на него с безумным блеском в глазах, задыхаясь, налетел Техотл.

— Ксоталанцы! — выпалил тот.— Прорвались через ворота!

Конан помчался по коридору, и тут в дверях своей комнаты показалась Валерия.

— Что тут стряслось? — крикнула она.

— Техотл говорит, что ксоталанцы в замке,— торопливо ответил варвар.— Судя по шуму, так оно и есть.

Вместе с техултлинцем, следующим по пятам, они ворвались в тронный зал, где их глазам предстало зрелище, по своему безумию превосходившее самый жестокий и кровавый кошмар. Два десятка мужчин и женщин с взлохмаченными черными волосами и намалеванными на груди белыми черепами схватились в смертельной схватке с жителями Техултли. Женщины сражались наравне с мужчинами, и на полу уже повсюду валялись трупы.

Ольмек в одной набедренной повязке дрался перед троном; и только в зале появились чужаки, как откуда-то из внутренней комнаты с мечом в руке выскользнула Тасисла.

Хатмек с товарищем были мертвы, и некому было сообщить техултлинцам, каким способом враг проник в их цитадель. Также никто не мог сказать, что заставило ксоталанцев отважиться на этот дерзкий штурм. Соратники Ольмека и не догадывались, что потери ксоталанцев были гораздо более ощутимыми, чем казалось со стороны — из Техултли. Глубокая рана их чешуйчатого союзника, гибель Пылающего Черепа и главное — новость, слетевшая с губ умирающего воина, о появлении загадочных белокожих, вставших на сторону противника,— все это повергло ксоталанцев в тягчайшее уныние, из которого в конце концов и выросла густо замешанная на отчаянии решимость: пусть в безнадежном, пусть в последнем бою, но унести с собой во Мрак как можно больше жизней своих извечных врагов.

Для техултлинцев нападение явилось полной неожиданностью — вот отчего бой кипел уже в тронном зале среди трупов их соратников. Но, оправившись от первого страш-

ного потрясения, они с не меньшей яростью пошли в атаку, к тому же на подмогу уже спешила стража с нижних этажей. Это была смертельная схватка бешеных волков — задыхающихся, ослепленных яростью, безжалостных. Волна нападавших то подкатывалась к возвышению с троном, то вновь отступала; клинки сверкали, в податливую плоть входила сталь, из перерезанных артерий била кровь, ноги топтали красный пол, на который повсюду натекли алые липкие лужи. Изящные столы слоновой кости валялись перевернутыми, стулья — разбиты в щепки, сорванные портьеры тяжелого бархата — все в красных пятнах. Настал решающий миг кровавой вражды длиной в полвека, и каждый в зале это понимал.

Однако конец был предрешен. По численности техултлинцы превосходили врагов едва ли не вдвое; это придавало им уверенности, а кроме того, разве не рядом с ними их несокрушимые белокожие союзники?

Последние ворвались в гущу свалки и прошлись по ней, как торнадо по зеленому молодняку. По силе с Конаном могли сравниться разве что три тлазитланца вместе, и несмотря на все, он был проворнее любого из них. Он прокладывал дорогу сквозь ураганы и смерчи толпы с хладнокровием матерого волка, окруженного сворой тявкающих дворняжек, оставляя за собой след из корчащихся полутрупов.

Валерия сражалась бок о бок с варваром, губы ее кривила жесткая усмешка, глаза горели. Она была сильнее среднего мужчины, быстрее любого из них и более жестока в схватке. В ее руке меч словно оживал. Там, где Конан сокрушал противника своим весом и мощью удара, ломая копья, разрубая черепа и панцири, Валерия брала хитростью. Прежде чем убить, она игрой меча ослепляла врага, сбивала его с толку, и тот в конечном счете становился легкой добычей. Уже который воин, взмахнув тяжелой сталью, чтобы рассечь надвое эту изящную фигурку, вдруг ощущал на своей шее прикосновение самого кончика ее клинка. Конан, возвышаясь неприступной башней, двигался среди сражающихся, рубя направо и налево; Валерия же легким призраком вилась поблизости: появляясь и исчезая, нападала и отступала, мастерски выполняя свою часть дела. Раз за разом мечи свистели мимо, а их владельцы, вспоров воздух, умирали со сталью в сердце, кровью в горле и с издевательским смешком в ушах.

Ни пол, ни раны не принимались во внимание. Пять кхоталанских женщин пали с перерезанным горлом, прежде чем Конан и Валерия вступили в бой. Когда же женщина или мужчина падали на пол, всегда находился нож, чтобы полоснуть по горлу беззащитной жертвы, или обутая в тяжелую сандалию нога, готовая размозжить удачно подвернувшуюся голову.

От стены к стене, от двери к двери перекатывались волны схватки, временами выплескиваясь в смежные комнаты. И наконец в большом тронном зале остались одни техултлинцы да их светлокожие союзники. Словно чудом уцелевшие после Судного дня или кончины мира, стояли они с бледными лицами, тяжело дыша, мрачно глядя друг на друга поверх искромсанных трупов своих соратников и врагов. На широко расставленных ногах, на руках, сжимавших рукояти мечей, на разгоряченных телах — всюду виднелись алые струйки крови. Не хватало дыхания, чтобы воспеть победу, и лишь безумный, звериный вой вырывался из пересохших глоток. Так не кричат люди в минуты торжества. Так воет стая бешеных волков, гордо стоящих посреди растерзанных недругов.

Поймав руку Валерии, Конан повернул девушку лицом к себе.

— У тебя нога в крови,— глухим голосом сказал он.

Она глянула вниз, лишь сейчас почувствовав жалящую боль. Должно быть, какой-нибудь умирающий в последнем усилии всадил нож ей в мякоть ноги.

— Ты тоже смотришься не краше мясника,— рассмеялась в ответ воительница.

Он смахнул с рук красные капли.

— Не мое. Ого! Смотри-ка ты, царапина — и здесь, и тут. Ну да ладно, ерунда. А вот твою лапку надо бы перевязать.

Твердо ступая среди хаоса из сломанной мебели, мертвецов и оружия, по направлению к ним шел Ольмек; его широкие обнаженные плечи были забрызганы кровью, иссиня-черная борода — заляпана алым. Глаза принца полыхали красным огнем — так в черной воде отражается пламя.

— Мы победили! — прохрипел он с изумлением, точно не веря сам себе.— Вражде — конец! Кхоталанские собаки сдохли!.. Ах да, кроме пленников, с которых предстоит еще снять шкуру. Все-таки до чего приятно смотреть на их застывшие морды! Двадцать мертвых псов! Двадцать красных гвоздей в черный столб!

— Позаботились бы лучше о раненых,— проворчал Конан, отворачиваясь.— Давай, кошечка, посмотрим твою лапку.

— Да подожди ты! — Она резко оттолкнула его от себя: в ее душе еще не стих огонь сражения.— Что, если это не все? Может быть, это лишь часть и они по собственной воле сделали вылазку?

Ольмек покачал головой:

— Они не стали бы дробить силы ради обычного набега.— Он прямо на глазах обретал прежнее царственное величие, однако без своей роскошной пурпурной мантии этот человек походил на принца не более, чем какой-нибудь отвратительного вида хищник.— Нет, голову даю на отсечение — мы перебили всех! Их оказалось меньше, чем я думал, и похоже, это был шаг отчаяния. Но как они проникли в Техултли?

Подошла Тасцела, на ходу вытирая меч об обнаженное плечо; в другой руке она держала предмет, который нашла рядом с трупом вождя ксоталанцев.

— Это флейты безумия,— сказала она.— Один из воинов сказал мне, что Хатмек сам открыл дверь перед ксоталанцами и что его зарезали на месте при штурме караульной комнаты. Тот воин выбежал из внутреннего зала и видел все своими глазами. Еще он слышал затухающие звуки непонятной, жуткой мелодии, от которой, по его словам, стыла душа. Толкемек много раз говорил мне об этих дудках; коренные ксухотланцы клялись, что инструмент спрятан где-то в катакомбах рядом с останками древнего колдуна, владевшего им при жизни. Очевидно, ксоталанские псы нашли его и узнали, как с ним обращаться.

— Вместо пустых разговоров лучше бы кто-нибудь сходил в Ксоталан да посмотрел бы на месте, не остался ли там кто еще,— сказал Конан.— Я бы пошел, если дадите людей.

Ольмек с сомнением окинул взглядом остатки своей армии. В живых осталось человек двадцать, из них некоторые, постанывая, лежали на полу. Все техултлинцы были в большей или меньшей степени изранены, одна Тасцела вышла из схватки без единой царапины. Вражеские мечи не коснулись ее, хотя принцесса сражалась с не меньшей отвагой, чем остальные воины.

— Кто хочет пойти с Конаном в Ксоталан? — громко спросил Ольмек.

Прихрамывая, вперед выступил Техотл. Глубокая рана у него на бедре сочилась кровью, грудь рассекала красная полоса.

— Я пойду!

— Тебе нельзя,— решительно возразил Конан.— Ты тоже не пойдешь, Валерия. Еще немного — и у тебя онемеет нога.

— Я пойду! — подал голос воин, зубами стягивающий узел повязки вокруг запястья.

— Хорошо, Янат. Отправляйся с киммерийцем. Ты тоже пойдешь, Топал,— Ольмек указал на другого воина, раны которого были незначительны.— Но прежде помогите перенести раненых на ложа — их надо побыстрей перевязать.

С этим делом управились быстро. В то время как они склонились над женщиной, оглушенной ударом булавы, борода Ольмека коснулась уха Топала. Конану почудилось, будто принц что-то прошептал, однако он не мог бы утверждать наверняка. Спустя минуту он уже шел к выходу, оба воина — следом.

В дверях Конан оглянулся на следы недавней бойни: на тускло краснеющем полу валялись мертвецы; в кровавых пятнах ноги и руки скрючились в предсмертной агонии, на смуглых лицах застыла маска ненависти, остекленевшие глаза вперились в потолок, с которого огненные камни заливали жуткую сцену сумеречным, колдовским светом. Среди мертвых живые двигались бесцельно, неуверенно, точно в тумане. Конан услышал, как Ольмек подозвал женщину и приказал ей перевязать ногу Валерии. Воительница нехотя прошла за той в смежную комнату — она уже начала прихрамывать.

Соблюдая осторожность, два техултлинца вели Конана — сначала по залу за бронзовой дверью и дальше бесчисленными комнатами под мерцающим зеленым сиянием. И за весь путь — ни единой души, ни даже звука, кроме гулких шагов по каменным плитам. Миновали Большой зал, протянувшийся с севера на юг через весь город, и сразу от близости вражеской территории чувства воинов предельно обострились. Но напрасно настороженные взгляды обыскивали каждый закоулок, каждый сгусток тени: комнаты и залы были пусты. Наконец они вошли в широкий сумрачный зал и остановились перед бронзовой дверью — точной копией двери на ярусе Орла при входе в Техултли. От первого же легкого прикосновения пальцев дверь бесшумно ушла вовнутрь. С трепетным страхом смотрели воины на откры-

шуюся их глазам анфиладу комнат. Вот уже пятьдесят лет ни один техултлинец не входил под этот свод... конечно, кроме тех несчастных, чья незавидная участь была предрешена. Попасть в Ксоталан — более ужасной кары богов жители западного замка не знали. Страх перед этим заставлял сжиматься их сердца с раннего детства. Для Яната и Топала ступить под этот портал было все равно что добровольно шагнуть в царство Тьмы.

Оба во власти инстинкта, они разом отшатнулись от страшной двери. Тогда Конан, плечом раздвинув проводников, вошел в Ксоталан.

Робко, едва не дрожа, техултлинцы шагнули следом. Каждый, коснувшись пола по ту сторону порога, на миг замирал, дико озираясь по сторонам. Но ничто, кроме их частого дыхания, не нарушало гнетущей тишины.

Они вошли в квадратную караульную комнату, вроде той, что была за входной дверью на ярусе Орла в Техултли; оттуда, как и в западном замке, широкий коридор вел в просторную комнату, по форме и размерам напоминавшую тронный зал Ольмека.

В начале коридора Конан остановился. Напряженно вслушиваясь, он в то же время перебегал взглядом с ковров на диваны, с диванов на портьеры, с портьер на черные проемы в стенах по сторонам. Вокруг — ни звука. Похоже, смежные комнаты также пусты. Сомнений нет: в Ксухотле больше не осталось ни одного ксоталанца.

— Пошли! — Он двинулся вперед. Но не успел пройти и дюжины шагов, как понял, что вместо двух с ним только один воин — Янат. Варвар круто обернулся и увидел Топала: объятый ужасом, тот словно прирос к месту; растопыренными руками он как бы пытался защитить себя от неминуемой, страшной опасности; взгляд его расширенных глаз был устремлен на диван, стоявший ярдов за двадцать в глубине коридора.

— Ну что там еще? — И вдруг Конан увидел то, что остановило техултлинца, и легкий озноб пробежал по могучей спине варвара. Из-за дивана торчала голова чудовища, судя по всему, рептилии: широкая, как у крокодила, с острыми изогнутыми клыками в верхней челюсти, выступавшими над нижней. Однако тварь была подозрительно неподвижна, в ее немигающих, остекленевших глазах зелеными точками отражались огненные гроздья под потолком.

Конан заглянул за кушетку. Там лежало уже окоченевшее тело огромной змеи. За всю свою богатую на приклю-

чения жизнь бродяги не видел он такого чудища. Казалось, тварь вобрала в себя самую отвратительную вонь, самый пронизывающий холод, какие только нашлись во чреве земли. Кожа не имела определенного цвета: он менялся в зависимости от того, под каким углом Конан смотрел на змею. Глубокая рана у головы указывала на причину смерти.

— Ледяной Змей! — в благоговейном ужасе прошептал Янат.

— Это та тварь, которую я рубанул на лестнице,— сказал Конан.— Она преследовала нас до самых бронзовых дверей, а потом, видимо, уползла сюда подыхать. И как только ксоталанцы управлялись с эдаким зверем?

Вздрогнув, техултлинец покачал головой.

— Его вызвали заклинаниями из черных туннелей, расположенных еще ниже катакомб. Они знали многое из того, чего не знали мы.

— В любом случае тварь мертва, а будь у ксоталанцев еще такие же, они наверняка прихватили бы их с собой в Техултли. Вперед!

Оба воина едва не наступали Конану на пятки, пока тот шел по коридору и потом, когда налег плечом на массивную дверь в серебряной чеканке.

— Если на этом этаже никто не попадется,— говорил он своим спутникам,— спустимся на нижние. Надо облазить Ксоталан с катакомб до крыши. Если Ксоталан ничем не отличается от Техултли, то на этом ярусе должно быть светло от... Великий Асура, что это?!

Они вошли в просторную тронную комнату, во всем похожую на тронный зал в Техултли. Такое же возвышение из жадеита с таким же сиденьем цвета слоновой кости, точно такие же диваны, ковры и гобелены на стенах. Не было только черного, в красных точках столба за тронным возвышением, однако зловещие свидетельства вражды были на месте.

Вдоль стены за троном, от края до края, сверху донизу, протянулись застекленные полки. А на полках, прекрасно сохранившиеся, рядами стояли сотни человеческих голов — бесстрастными глазами они смотрели на вошедших, как смотрели одним богам ведомо сколько лет и месяцев.

Топал глухо пробормотал слова проклятия, но Янат стоял молча, в его расширенных зрачках разгорался огонь сумасшествия. Конан нахмурился: он знал, что разум любого тлазитланца и так постоянно висит на волоске, а тут еще это зрелище.

Внезапно, выбросив вперед дрожащую руку, Янат указал на ужасные останки.

— Там голова моего брата! — прошептал он непослушными губами.— Рядом — младшего брата моего отца! А там дальше — старшего сына моей сестры!

Он вдруг заплакал, как плачут мужчины — без слез; низкие громкие рыдания сотрясали его сильное тело. Янат не прятал лица, напротив: не отрывая глаз, смотрел на выставленные рядами головы. Но вот рыдания стали резче, сменились жутким, визгливым хохотом, который в свою очередь перерос в нескончаемый невыносимый вопль. Последние искорки разума погасли — Янат сошел с ума!

Конан положил руку ему на плечо, и от этого дружеского прикосновения словно все злые силы, до той поры таившиеся в смутной душе тлазитланца, разом вырвались на свободу. Круто повернувшись, Янат с пронзительным криком замахнулся на киммерийца мечом! Конан парировал удар. Топал схватил безумца за руку, но тот каким-то чудом вывернулся и глубоко вонзил меч в тело товарища. Топал со стоном повалился на пол, а Янат — с выступившей в уголках рта пеной — завертелся в безумном танце; затем, подскочив к полкам, принялся крушить стекла стальным клинком.

Конан прыгнул на него со спины, думая застать врасплох и обезоружить, но маньяк вдруг повернулся и, вопя, как неприкаянная душа, набросился на варвара. Увидев, что разум уже не вернуть, киммериец отступил в сторону и, когда воин оказался рядом, взмахнул мечом. Разрубив ключицу, сталь глубоко ушла в грудь, и бедняга распростерся на плитах рядом со своей жертвой.

Конан склонился над Топалом — тот был при последнем издыхании. Из ужасной раны в боку толчками вытекала кровь. Воин был обречен.

— Топал, ты умираешь,— глухо сказал Конан.— Хочешь что-нибудь передать своим?

— Нагнись ко мне,— прохрипел техултлинец. Конан склонился ниже — и едва успел перехватить руку с ножом, нацеленным в его сердце!

— Кром! — выругался варвар.— Ты тоже спятил?!

— По приказу Ольмека! — выдохнул умирающий.— Не знаю почему. Когда переносили раненого, он прошептал, чтоб я убил тебя, когда пойдем обратно в Техултли...— И с именем своего клана на губах Топал испустил дух.

Конан сдвинул брови — он был явно озадачен. Все это отдавало каким-то массовым психозом. Или Ольмек тоже сошел с ума? А что, если все техултлинцы гораздо более безумны, чем ему казалось? В конце концов, пожав плечами, он зашагал по коридору к бронзовым дверям, оставив мертвых техултлинцев лежать под пронизывающим взглядом сотен остекленевших глаз их сородичей.

Возвращаясь по лабиринту, Конан не нуждался в проводнике. Его природный инстинкт безошибочно подсказывал дорогу, по которой они шли к Ксоталану. Варвар ступал так же осторожно, как и полчаса назад, сжимая в руке обнаженный меч, впиваясь взглядом в каждый затененный угол, ибо сейчас он опасался не призраков убитых ксоталанцев — угроза исходила от его недавних союзников.

Он уже миновал Большой зал и шел комнатами западной части города, как вдруг услышал впереди странные звуки — словно кто-то с трудом, прерывисто и тяжело дыша, тащил что-то тяжелое по каменным плитам. Еще миг — и Конан увидел человека, который полз навстречу ему по полыхающему красным полу, за ним тянулся широкий кровавый след. Это был Техотл — глаза его уже подернулись туманом, ладонью он зажимал глубокую рану на груди, обильно сочащуюся кровью. Опираясь на другую руку и подтягивая тело, он рывками продвигался вперед.

— Конан,— прохрипел он, увидев киммерийца.— Конан! Ольмек взял себе желтоволосую женщину!

— Так вот почему он приказал убить меня! — пробормотал Конан, опускаясь перед Техотлом на колено; опытным глазом он сразу определил, что перед ним умирающий.— Похоже, Ольмек вовсе не такой сумасшедший, *как я о нем думал.*

Пальцы Техотла нашли руку киммерийца, сжали ее. В его беспросветной жизни техултлинца, в которой не осталось места ни любви, ни дружеской поддержке, чувства восхищения и привязанности по отношению к загадочным пришельцам из большого мира образовали маленький оазис человеческого тепла, крохотный огонек, благодаря которому он смог постичь добро и сострадание — понятия, которых начисто были лишены его товарищи, чьи души переполняли ненависть, сластолюбие и ненасытная потребность терзать живую плоть.

— Я хотел ему возразить,— в горле Техотла булькало, на губах пузырилась кровавая пена.— но он ударил меня мечом. Он думал, что убил меня, но мне удалось уползти оттуда. Милосердный Сет! Сколько же мне пришлось полз-

ти! Берегись, Конан! Ольмек наверняка устроит тебе засаду. Убей его! Он не человек, он — зверь! Возьми Валерию и бегите! Не бойтесь леса. Ольмек с Тасцелой обманули вас. Драконы перебили друг друга много лет назад, остался только один — самый сильный. Двенадцать лет он бродил вокруг города. Если вы его убили, то вам ничто не угрожает. Дракон был для Ольмека богом, он поклонялся ему, скармливал ему людей — и молодых и старых: связанную жертву швыряли со стены поджидавшему внизу дракону. Торопись! Ольмек увел Валерию в комнату...

Техотл уронил голову на грудь, тело его обмякло: перед Конаном лежал труп.

Варвар вскочил на ноги, глаза — словно пылающие угли, в голове — полная ясность. Так вот какую игру затеял Ольмек: сначала с помощью чужаков сокрушить враждебное племя, а после!.. И он-то хорош — мог бы догадаться, что зреет под обезьяньим черепом этого чернобородого выродка!

...Забыв об осторожности, едва ли не бегом, Конан спешил в Техултли, на ходу вспоминая, сколько прежних союзников осталось в живых. Получалось, что после жестокой схватки в тронном зале уцелел двадцать один человек. С тех пор трое умерло, значит, осталось посчитаться с восемнадцатью. В своей ярости Конану казалось, что он и голыми руками мог бы истребить все вражье племя.

Но вскоре природная хитрость дикаря взяла верх над природной яростью. Он вспомнил предупреждение Техотла о засаде. Скорее всего принц так и сделал — на тот случай, если Топалу не удалось бы выполнить приказ. Наверняка Ольмек поджидает его где-нибудь на пути, которым небольшой отряд уходил в Ксоталан.

Конан поднял голову: сквозь кристалл узкого окна в потолке он разглядел мерцающие звезды — значит, рассвет еще не наступил. Выходит, весь этот водоворот событий уместился в несколько часов.

Свернув с прямого пути, Конан спустился по винтовой лестнице этажом ниже. Он не знал, в каком месте на этом уровне находится дверь — вход в замок, но был уверен, что сумеет ее отыскать. Оставалось неясным, как он управится с засовами, но одно он знал наверняка: все двери, ведущие в Техултли, заперты — хотя бы из осторожности, ставшей привычкой за полстолетия непримиримой вражды. Что ж, в любом случае больше ничего не остается.

Сжимая меч, он бесшумно скользил дальше по лабиринту затененных или залитых зеленым светом комнат и за-

лов. Он был уже на подходе к замку, как вдруг его остановил негромкий звук. Он сразу узнал его — то было сдавленное мычание человека с кляпом во рту. Звук исходил откуда-то спереди и чуть левее. В этих наполненных тишиной комнатах малейший шорох разносился на удивление далеко.

Конан свернул и принялся разыскивать источник звука: тот время от времени повторялся, что значительно облегчало поиски. И вдруг он остановился, во все глаза глядя в дверной проем на зловещую картину. В комнате на низких стойках была укреплена железная решетка, а на ней, с накрепко привязанными к прутьям руками и ногами, распростерлось тело человека-гиганта. Его голова упиралась в щетину железных игл, на треть окрашенных красным. Всю голову оплетала какая-то упряжь, приспособленная, однако, таким образом, чтобы кожаные ремни не могли защитить затылок от острых шипов. Вытянувшаяся в струну тонкая цепочка соединяла упряжь с необычным механизмом, прикрепленным к огромному железному шару, подвешенному над скрытой иссиня-черной бородой грудью пленника. До тех пор, пока тот силой воли оставался неподвижным, железный шар висел не шелохнувшись. Но каждый раз, когда боль в затылке вынуждала пленника приподнять голову, шар опускался на несколько дюймов. Проходило время, и напряженные шейные мускулы уже не могли удерживать голову в этом неестественном положении, и та вновь падала на шипы. Таким образом, медленно, дюйм за дюймом, но рано или поздно шар неизбежно должен был расплющить в лепешку того, кто был распластан на решетке. Изо рта жертвы торчал кляп, поверх которого, дико вращаясь, блестели черные воловьи глаза. Но вот их взгляд остановился на человеке в дверном проеме, опять послышалось мычание — и Конан отступил, пораженный: привязанный к решетке, лежал Ольмек, принц Техултли.

6

ВЗГЛЯД ТАСЦЕЛЫ

— Неужели для того, чтобы перевязать рану, надо было тащить меня в отдельную комнату? — спросила Валерия недовольно.— Почему этого нельзя было сделать в тронном зале?

Она сидела на кушетке. Раненая нога покоилась на подушках, а рядом стояла техултлинка, только что закончившая накладывать повязку из шелковых лент. Весь в красных подтеках меч Валерии лежал рядом.

Воительница нахмурилась. Женщина исполнила работу молча и старательно, однако Валерии не понравилось ни едва ощутимое поглаживание мягких пальцев, ни выражение ее смуглого лица.

— Остальных раненых разнесли по другим комнатам,— ответила женщина нежным голосом техултлинок, в котором, однако, не чувствовалось ни нежности, ни еще меньше — кротости. Не более чем час назад эта самая женщина на глазах Валерии всадила нож в грудь ксоталанки и выдавила глаз распростертому на полу ксоталанцу.

— Тела мертвецов спустят вниз в катакомбы,— продолжала та,— чтобы их призраки не бродили по комнатам.

— Ты веришь в призраков? — удивилась воительница.

— Я знаю, что по катакомбам бродит призрак Толкемека,— ответила та, содрогнувшись.— Я его видела однажды; я тогда спряталась в склепе, где покоятся останки королевы, а он прошел мимо — на вид старик, длинная седая борода, волосы, и глаза светятся в темноте. Это был Толкемек: я видела его еще ребенком, когда его пытали.

Ее голос упал до испуганного шепота:

— Ольмек смеется над подобными страхами, но я-то знаю, что по катакомбам бродит дух Толкемека! Говорят, что это крысы объедают свежие трупы... но призраки тоже едят такое мясо. Кто его знает, а только...

На кушетку упала широкая тень, и женщина испуганно вскинула голову. Валерия посмотрела вверх — над ней, пожирая ее взглядом, возвышался Ольмек. Принц очистил от крови руки, ноги, торс и смыл с бороды красные пятна, но так и не накинул мантию, и сейчас все его крупное темнокожее и безволосое тело являло собой воплощение силы — звериной, послушной лишь инстинктам матери-природы. В глубоко посаженных темных глазах пылал огонь животной страсти; чуть подрагивающие пальцы, теребящие густую иссиня-черную бороду, также говорили о многом.

Он перевел тяжелый взгляд на женщину, и та, быстро поднявшись, выскользнула из комнаты. В проеме двери она оглянулась — ее глаза были полны грязного любопытства, губы кривила циничная усмешка.

— Ну и поработала,— ворчливо проговорил принц, подходя к дивану и склоняясь над повязкой.— Дай-ка взглянуть...

С быстротой, удивительной для его грузного тела, он схватил меч и зашвырнул его в дальний угол комнаты. Следующим движением Ольмек обхватил огромными руками гибкое тело девушки.

Каким бы стремительным и неожиданным ни было это нападение, ответ последовал молниеносно: едва он успел стиснуть ее в своих объятиях, как в изящной руке сверкнул нож и острие нацелилось ему в горло. Скорее благодаря везению, чем мастерству, ему удалось перехватить ее запястье, и на кушетке разгорелась яростная борьба. Она пустила в ход кулаки, носки и пятки, колени, зубы и ногти, добавив всю изворотливость и силу своего совершенного тела, все искусство рукопашной борьбы, приобретенное за годы разбоя на суше и на море. Но ничто не могло противостоять его звериной силе. Кинжал она выронила в первый же миг схватки, а кроме как сталью причинить этой туше ощутимый урон оказалось невозможно.

Похотливый блеск в его черных зрачках не затухал, от их липкого взгляда в Валерии пробудился гнев, а злобно-насмешливая улыбка, которая угадывалась под лиловой порослью, только добавила масла в огонь. В его глазах, в улыбке отразился весь цинизм, вся жестокость, бурлившие под внешне пристойной маской этого извращенного, вырождающегося народа, и в первый раз за свою жизнь Валерия ощутила страх перед мужчиной. Ей казалось, что она борется с неиссякаемой первобытной силой: о его железные руки, как волны о скалы, разбивались все ее выпады. Она почувствовала, как в ее душе нарастает отчаяние. Он словно был невосприимчив к боли. И только раз, когда она с яростью вонзила крепкие зубы в его смуглую руку, да так, что выступила кровь, в нем пробудился зверь. Ладонью он закатил ей по виску такой удар, что искры сыпанули из глаз, а голова откинулась на плечо.

Во время схватки рубашка на ней разорвалась сверху донизу, и он, обезумев от страсти, принялся с изощренной жестокостью тереть жесткой густой бородой об ее обнаженные груди, от чего нежная кожа зарделась кровью, а с алых губ сорвались первые крики боли и бешеной ярости. Но все усилия были тщетны. Безоружную, задыхающуюся от ненависти, ее швырнули на кушетку; она стиснула зубы, в глазах застыло выражение пойманной в капкан тигрицы.

В следующий миг с Валерией на руках он уже быстро шел к выходу из комнаты. Она больше не сопротивлялась, и лишь огонь в глазах говорил о том, что она не побеждена, по крайней мере — дух ее не сломлен. Девушка не кричала: Конан был далеко, и нечего было надеяться, что кто-нибудь из техултлинцев отважится выступить против своего принца. Но почему тогда Ольмек идет словно крадучись, повернув голову, как бы вслушиваясь в звуки погони; и почему он не пошел в тронный зал?

С девушкой на руках он вошел в противоположную дверь, миновал комнату и осторожно пошел по длинному, широкому коридору. И только Валерия убедилась, что Ольмек опасается неизвестных врагов, как, откинув голову, она пронзительно закричала во всю силу своих легких.

Ее тут же наградили оглушительной пощечиной, а Ольмек с быстрого шага перешел на неуклюжий бег.

Но ее крик был услышан. Раздался тихий возглас, и, едва не свернув себе шею, Валерия выглянула за спину принца и сквозь пелену слез и белых точек увидела Техотла, который, прихрамывая, шел следом.

Издав глухое рычание, Ольмек перекинул девушку под руку, и в этом неудобном и, несомненно, малопочтенном положении, прижатая железной рукой к могучему торсу, она, как капризный ребенок, извивалась, царапалась и лягалась, хотя и без заметного успеха.

— Ольмек! — В голосе Техотла слышалось осуждение.— Ты этого не сделаешь! Это подло! Она — женщина Конана! Она помогла нам победить ксоталанцев и...

Без единого слова, сжав пальцы свободной руки в огромный кулак, Ольмек нанес удар, и раненый без чувств рухнул на пол. Принц нагнулся и, не обращая внимания на отчаянную борьбу и проклятия пленницы, вытащил меч Техотла из ножен и вонзил острие клинка в грудь воина. Затем, бросив оружие, зашагал дальше по коридору. Он так и не заметил смуглого женского лица, украдкой смотревшего из-за гобелена ему в спину. С первым стоном Техотла оно исчезло. Превозмогая страшную боль, тот поднялся и, шатаясь как пьяный, выкликая слабым голосом имя Конана и спотыкаясь на каждом шагу, заковылял прочь.

Пройдя быстрым шагом в конец коридора, Ольмек очутился у винтовой лестницы, спустился этажом ниже, пересек несколько узких коридоров и наконец остановился в просторной комнате, двери в которой закрывали тяжелые портьеры — все, кроме одной: тяжелой бронзовой двери, похожей на главную дверь яруса Орла.

Указав на нее, Ольмек самодовольно проурчал:

— Вот, смотри! Эта дверь — один из четырех входов в Техултли. Впервые за пятьдесят лет здесь нет стражи: нам больше незачем ее охранять, ибо нет больше ксоталанцев!

— Ты забыл, что это во многом благодаря мне и Конану, грязный подонок! — презрительно выкрикнула Валерия, дрожа от ярости и стыда за совершенное над ее волей насилие.— Ты вероломный пес! За такие дела Конан перережет тебе глотку!

Ольмек решил не утруждать себя пустыми фразами, а потому не стал сообщать ей, что, как ему, Ольмеку, думается, по его тайному приказу самому Конану к этому часу наверняка уже выпустили кишки. Принц так далеко зашел в своем цинизме, что ему было абсолютно наплевать, как отнесется к этому его белокожая пленница. Он пожирал ее глазами, подолгу задерживая обжигающий взгляд на тех местах, где в разорванную во время схватки ткань выглядывала нежная белая плоть.

— Забудь своего Конана,— хриплым голосом сказал он.— Отныне Ольмек — повелитель Ксухотла. Ксоталан повержен. Больше не будет смертей. Вместо войны мы посвятим наши жизни вину и любви. Но сначала — выпьем!

Он уселся на стол, инкрустированный пластинками из слоновой кости, и силой усадил ее себе на колени — словно темнокожий сатир, облапивший прекрасную белую нимфу. Не обращая внимания на ее отнюдь не нимфовые выражения, он крепко держал девушку, обвив одну руку вокруг гибкой талии, другой же, потянувшись через стол, достал кувшин с вином.

— Пей! — приказал он, сунув горлышко к ее губам и наклоняя кувшин.

Девушка откинула назад голову, и вино, омочив губы, пролилось на обнаженную грудь.

— Кажется, твоей гостье пришлось не по вкусу твое вино, Ольмек,— вдруг раздался сзади холодный, насмешливый голос.

Ольмек словно окоченел, в его полыхающие страстью глаза закрался страх. Он медленно повернул большую голову и помутненным взглядом уставился на Тасцелу, в небрежной позе стоявшую перед дверной портьерой,— ладонь левой руки на гладком бедре, другая рука отведена за спину. Валерия завертелась с удвоенной энергией, пытаясь вырваться наконец из железной хватки Ольмека, как вдруг ее взгляд случайно встретился со взглядом Тасцелы — и по спине вои-

тельницы пробежал холодок. Слишком многое пришлось познать гордой воительнице за эту ночь. Совсем недавно она впервые в жизни испытала страх перед мужчиной; сейчас она поняла, что такое страх перед женщиной.

Ольмек словно прирос к столу, его смуглая кожа все сильнее покрывалась пепельно-серым налетом. Тасцела достала из-за спины руку, в которой держала небольших размеров золотой сосуд.

— Я так и думала, что ей не понравится твое вино, Ольмек,— промурлыкала принцесса,— и потому принесла немного своего — того самого, что когда-то захватила с собой с озера Эвад... Ты понимаешь меня, Ольмек?

На лбу принца выступили крупные капли пота, хватка его ослабела. Тотчас Валерия, вырвавшись из страшных лап, скользнула через стол. Но несмотря на то, что здравый смысл подсказывал ей немедленно покинуть комнату, она, точно в наваждении, не могла двинуться с места и молча наблюдала за развитием событий.

Вихляющей неспешной походкой, которая сама по себе уже являлась оскорблением, Тасцела приблизилась к принцу. Ее голос звучал вкрадчиво, нежно, но глаза ярко блестели. Тонкие, изящные пальцы пробежали по грубым волосам иссиня-черной бороды.

— Нельзя же быть таким эгоистом, Ольмек,— мягко, как бы с легким упреком сказала она, губы ее растянула улыбка, в глазах — сталь и холод.— Ты вознамерился оставить нашу гостью себе, хотя прекрасно знал, что я сама собиралась поразвлечь ее. Ты сильно провинился, Ольмек!

На миг маска приоткрылась, обнажив истинное лицо принцессы: ее глаза полыхнули огнем, тонкие черты исказил гнев, пальцы конвульсивно сжались, и с невероятной силой, неожиданной для этого стройного тела, она вырвала из густой бороды клок волос. И все-таки это внезапное проявление сверхъестественной силы наводило меньший ужас, чем всплеск дикой ярости, бушующей под внешне бесстрастными манерами принцессы.

Издав звериное рычание, Ольмек вскочил со стола; своей огромной медвежьей тушей он навис над хрупкой на вид женщиной, пальцы его рук судорожно сжимались и разжимались.

— Шлюха! — Громовые раскаты наполнили комнату.— Ведьма! Жаль, Техултли не убил тебя пятьдесят лет назад! Пошла прочь! Довольно я от тебя натерпелся! Белокожая девка — моя! Убирайся, пока я сам тебя не прирезал!

Принцесса тихо рассмеялась и швырнула пряди волос ему в лицо. В ее смехе было не больше жалости, чем в звоне мечей.

— Когда-то, Ольмек, ты говорил иначе,— насмешливо проворковала она.— Когда-то, в дни своей молодости, ты говорил мне слова любви. Да-да, помнится, много лет тому назад ты даже был моим любовником, и лишь благодаря любви ты, опьяненный черным лотосом, спал в моих объятиях... Тогда-то ты и отдал в мои руки цепи, которыми я поработила тебя. Ты знаешь, что не можешь противиться моей воле. Ты знаешь, что стоит мне всего лишь посмотреть тебе в глаза — с той колдовской силой, которой обучили меня стигийские жрецы,— и ты станешь бессмощен и кроток. Помнишь ту ночь, когда над нами, качаемый таинственным ветерком, благоухал черный лотос; и вот снова ты вдыхаешь его неземной аромат, он облаком окутывает тебя, очаровывает — и вот ты уже мой раб. Ты не можешь бороться со мной. Ты мой раб, как был рабом в ту ночь, и ты останешься моим рабом до конца дней своих, Ольмек из Ксухотла!

Ее голос упал до невнятного бормотания, словно журчание ручейка, бегущего неизвестно куда и откуда под звездным покровом ночи. Придвинувшись к принцу, она стала водить ладонями по его мощной груди. Глаза гиганта потухли, руки безвольно обвисли по бокам.

С жестокой, зловещей улыбкой Тасцела поднесла к его губам сосуд.

— Пей!

Отрешенный, с остановившимся взглядом принц подчинился приказу — и в тот же миг пелена спала с его глаз, и их захлестнула волна ярости, живого разума и неподдельного ужаса. Рот его широко раскрылся, но из пересохшего горла не вылетело ни звука. С полминуты он раскачивался на полусогнутых ногах и вдруг бесформенной массой повалился на пол.

Звук падения грузного тела вывел Валерию из состояния паралича. Круто повернувшись, она метнулась к двери, но в стремительном броске, который посрамил бы и пантеру, Тасцела преградила ей дорогу. Сжав пальцы в кулак, Валерия выбросила вперед руку, вложив в этот удар все силы своего тренированного тела. Будь перед ней мужчина, тот без чувств рухнул бы к ее ногам. Но, чуть прогнувшись своим гибким телом, Тасцела увернулась и пальцами обвила

запястье девушки. Еще миг — и та же участь постигла левую руку. Удерживая оба запястья одной рукой, другой Тасцела деловито связала их шнуром, который выдернула из пояса. До сих пор Валерия полагала, что за эту бесконечную ночь она испытала достаточно унижений, но стыд от грубого обращения Ольмека не шел ни в какое сравнение с тем чувством, от которого в беззвучных рыданиях сотрясалось сейчас ее тело. Валерия всегда была склонна презирать прочих представительниц своего пола, и встреча с женщиной, которая обращалась с ней играючи, точно с ребенком, явилась для ее израненной души слишком большим ударом. Она почти не сопротивлялась, пока Тасцела вела ее за шнур к стулу, пока, силой усадив ее, прикручивала связанные руки между колен к сиденью, и потом, когда привязывала ноги. Небрежно перешагнув через Ольмека, Тасцела направилась к бронзовой двери. Убрав засов, она распахнула дверь, за которой оказался длинный зал.

— В этот зал,— заметила она, впервые обращаясь к своей пленнице,— выходит комната, в прежние времена известная как пыточная. Когда мы заперлись в Техултли, то большинство орудий унесли с собой, но одно, слишком тяжелое, пришлось оставить. Оно и сейчас, как и в прежние времена, находится в рабочем состоянии и, думаю, подойдет как нельзя лучше.

Легко узнаваемый ужас появился в глазах принца. Тасцела вернулась к Ольмеку и, нагнувшись, стальной рукой схватила того за волосы.

— Он только парализован, и то на время,— как ни в чем не бывало пояснила она.— Он может слышать, думать и чувствовать... О да! Уж с этим-то у него все в порядке!

И с этим зловещим замечанием она направилась к двери, волоча за собой принца с такой легкостью, словно это был мешок тряпья. Глаза воительницы расширились от ужаса. Принцесса вышла в зал и, не останавливаясь, проследовала дальше, пока вместе с пленником не исчезла в дверном проеме, откуда вскоре вслед за этим донеслось звяканье железа.

Валерия тихо выругалась и попыталась разорвать веревки, но тщетно: опутавшие ее шнуры, внешне так похожие на нити, на деле оказались невероятно прочными.

Но вот наконец вернулась Тасцела; за ее спиной из смежной с залом комнаты раздавались приглушенные стоны. Она прикрыла за собой дверь, однако не стала накладывать на нее засов. Тасцелу не коснулась жесткая хватка привычки,

точно так же, как и душе ее были чужды чувства и инстинкты, свойственные обычным людям.

За все это время Валерия не проронила ни звука; она лишь не отрывая глаз смотрела на женщину, чьи изящные руки держали сейчас ее судьбу.

Сжав в пучок золотистые волосы воительницы, Тасцела потянула руку вниз и заглянула той в лицо. Взгляд принцессы обдавал холодом, но блеск в темных глазах говорил о бушующих в ее душе страстях.

— Я удостаиваю тебя великой чести,— наконец изрекла она.— Ты поможешь возродить юность Тасцелы. Ты, кажется, удивлена? О да! Я выгляжу молодо, и все-таки я чувствую, как кровь в моих жилах замедляет свой бег, как к сердцу подбирается холод, я чувствую, как это случалось уже тысячу раз, дыхание старости. Да, я стара — так стара, что не помню своего детства. Но когда-то я тоже была юной девушкой, и меня любил стигийский жрец, который и передал мне секрет бессмертия и вечной молодости. Он потом умер... злые языки говорили — от яда. А я осталась жить в своем дворце на берегу озера Эвад, и быстротечные годы не коснулись меня. В конце концов меня возжелал король Стигии, но наше племя восстало, и в результате мы очутились здесь. Ольмек называл меня принцессой, но во мне нет ни капли королевской крови. Я стою выше, чем любая из принцесс. Я — Тасцела, чья юность возродится благодаря твоему восхитительному телу.

От ровного голоса Тасцелы язык Валерии прилип к гортани. Она кожей ощутила, что за всем этим кроется нечто более ужасное, чем упадок и вырождение народа Ксухотла.

Женщина отвязала от стула аквилонку, рывком поставила ее на ноги. И не страх перед необычайной силой, заключенной в руках принцессы, превратил Валерию в беспомощную жертву — то были глаза Тасцелы, в которых разгорался завораживающий, наводящий ужас огонь.

7

ТОТ, КТО ВЫШЕЛ ИЗ ТЬМЫ

— Ну вот и я! — Конан воззрился на человека, растянутого на решетке: — Чего это ты здесь разлегся! Не нашлось другого места?

Из-под кляпа послышалось невнятное мычание. Конан наклонился и выдернул тряпку изо рта принца. У того вы-

рвался сдавленный рев: от резкого движения его голова приподнялась, и железный шар, качнувшись вниз, замер в каком-то дюйме от его широкой груди.

— Во имя Сета — осторожнее! — выдохнул Ольмек.

— Ну вот еще! — ухмыльнулся Конан.— С какой стати я должен волноваться о твоем здоровье? Жаль, у меня нет времени, а то бы я полюбовался, как эта железяка будет выдавливать из тебя кишки. Но, к сожалению, я тороплюсь. Где Валерия?

— Освободи меня! — взмолился Ольмек.— Я все скажу!

— Сначала скажи.

— Никогда! — Тяжелые челюсти принца упрямо сжались.

— Прекрасно! — Конан уселся на скамейку рядом.— Я подожду, пока ты не превратишься в желе, а после найду ее сам. А кстати, события можно ускорить, если кончиком меча поковырять у тебя в ухе.— И он, как бы примериваясь, приподнял клинок.

— Не надо! — Слова вдруг бурным потоком полились из пересохшей глотки принца: — Твою женщину отняла у меня Тасцела. Я всегда был лишь игрушкой в ее руках.

— Тасцела? — фыркнул Конан и сплюнул.— Что еще надо этой развратной...

— Нет-нет! — выпалил Ольмек.— Все гораздо хуже, чем ты думаешь. Тасцела стара — ей сотни лет. Но она поддерживает в своем теле жизнь и возвращает себе молодость, принося в жертву красивых юных женщин. И это одна из главных причин, почему наш клан оказался на грани вымирания. Она перельет жизненную силу Валерии в свое дряхлеющее тело и расцветет заново — свежая, сильная, прекрасная!

— Двери заперты? — деловито спросил Конан, проводя пальцем по острию меча.

— Да! Но я знаю тайный ход в Техултли. Его знаем только мы с Тасцелой, но она уверена, что я не опасен, а ты — убит. Освободи меня, и — клянусь! — я помогу тебе вызволить Валерию. Без меня тебе в Техултли не пробраться; даже если пыткой принудишь открыть тайну,— все равно один не справишься. Развяжи меня! Мы вдвоем выследим Тасцелу, незаметно подкрадемся и убьем прежде, чем она пустит в ход свое колдовство и заворожит нас взглядом своих ведьминых глаз. Нож в спину сделает свое дело. Мне давно надо было бы ее прирезать, но я боялся, что без нее ксоталанцы быстро возьмут над нами верх. Я тоже был ей нужен —

потому и жив до сих пор. Но теперь никто ни в ком не нуждается, и один из нас должен умереть. Обещаю, что, когда покончим с колдуньей, вы с Валерией сможете уйти и никто не посмеет вам помешать. Когда Тасцела умрет, мои люди будут подчиняться только мне.

Наклонившись, Конан перерезал веревки, удерживающие тело принца. Тот осторожно выскользнул из-под огромного шара и поднялся, как бык встряхивая головой и со словами проклятий ощупывая пальцами изодранный затылок. Стоя плечом к плечу, эти два воина являли собой грозную картину первобытной мощи. Ольмек был одинакового с Конаном роста и немного тяжелее, но что-то в глазитланце вызывало настороженную неприязнь: в его облике затаилось что-то зловещее, звериное, что резко отличало его от крепко сбитого, но гармонично развитого тела киммерийца. Конан еще раньше сбросил пропитанные кровью лохмотья, оставшиеся от рубашки, и сейчас стоял с обнаженным торсом, демонстрируя мощную мускулатуру. Плечи — широкие, как у Ольмека,— были очерчены четче, а огромная, выгнутая дугой грудная клетка переходила в упругую, гибкую талию, которой явно недоставало принцу с его уже обрисовавшимся брюшком. Все тело варвара, словно отлитое из бронзы, могло служить прообразом силы — примитивной и потому несокрушимой. Кожа Ольмека была темнее, но не от солнца. И если в Конане природа повторила человека, каким он был на заре своей истории, то в угрюмых, неуклюжих формах Ольмека угадывался человек мрачных, доисторических времен.

— Веди! — приказал Конан.— Шагай впереди! Я тебе не особенно доверяю, а как известно, когда имеешь дело с быком, то лучше держаться хвоста, чтобы не угодить на рога.

Повернувшись, Ольмек пошел вперед; пальцами левой руки он, как гребешком, расчесывал бороду.

Принц не повел варвара к бронзовой двери, поскольку был уверен, что Тасцела заперла ее. Вместо того он направился в одну из комнат, имеющих общую стену с Техултли.

— Секрет потайной двери сохраняли все пятьдесят лет,— сказал принц.— О существовании хода не подозревал никто из наших, не говоря уже о ксоталанцах. Техултли сам придумал его, а после убил всех рабов, которые его строили. Дело в том, что Техултли опасался Тасцелы; он боялся, что однажды его выставят за двери собственного королевства и

уже не впустят обратно: к тому времени былая страсть Тасцелы успела смениться глубокой ненавистью. Но та разгадала секрет и как-то раз, когда он удирал от погони после неудачной вылазки, закрыла дверь перед его носом. Так что ксоталанцы схватили его и содрали с живого кожу. Сам я узнал про дверь случайно: просто выслеживал Тасцелу, и она на моих глазах вошла через ход в замок.

Принц нажал на позолоченный узор в стене, панель бесшумно ушла вовнутрь, и перед ними открылись ступени ведущей вверх лестницы.

— Эта лестница поднимается по внутренней стене каменного колодца,— сказал Ольмек.— Она ведет в башню над крышей, а оттуда уже другие лестницы разбегаются по разным комнатам внизу. Пошли!

— После тебя, дружочек! — насмешливо возразил Конан, слегка качнув вперед широким мечом. Пожав плечами, Ольмек шагнул на нижнюю ступеньку, киммериец — за ним, и тотчас массивная дверь бесшумно встала на место. Где-то высоко над их головами мерцала гроздь огненных камней, заливая колодец зловещим сумрачным светом.

Они поднимались по лестнице до тех пор, пока, по расчетам Конана, не миновали четвертый ярус, и вдруг через широкий люк выбрались в круглую башню, где в центре сводчатого потолка был вмурован пучок огненных камней, освещавших лестницу. Сквозь забранные золотыми решетками окна с пластинками из небьющегося кристалла — первые нормальные окна, увиденные им в Ксухотле,— Конан пробежался взглядом по конькам, куполам и башням, чернеющим на фоне звездного неба. Перед ним простиралась крыша Ксухотла.

Ольмек не смотрел в окно. Выбрав одну из лестниц, что змеями уходили вниз, он кивнул Конану, приглашая того следовать за собой. Уже через несколько футов лестница сменялась узким коридором, который, петляя, терялся в сумерках. Он оборвался у нового пролета с крутыми ступенями. Там Ольмек остановился.

Оттуда, из глубины, едва слышный, но все-таки узнаваемый, доносился женский крик, полный ужаса, стыда и ярости. Конан вздрогнул: он узнал голос Валерии.

Вал бешенства взметнулся в душе варвара и вместе с тем — изумления: как, неужели есть на свете опасность, способная исторгнуть из груди дерзкой воительницы этот дикий вопль? Забыв обо всем, киммериец оттолкнул Оль-

мека и шагнул на лестницу. Но тут же в нем пробудился инстинкт — и вовремя: Ольмек выбросил вперед огромный, точно кувалда, кулак. Удар — мощный и неожиданный — был нацелен в основание черепа, но киммериец повернулся, и удар пришелся по шее. У другого человека хрустнули бы позвонки, но Конан лишь качнулся назад и в этот краткий миг, выпустив меч, бесполезный на ограниченном пространстве, успел перехватить Ольмека за руку и, падая, увлек его за собой. Плотным клубком из сплетенных рук, ног и торсов оба скатились вниз. И пока они пересчитывали ступеньки, железные пальцы варвара нащупали бычью шею принца и сомкнулись на горле.

От мощного удара громадного кулака Ольмека, вложившего в него всю силу руки в бугристых мускулах и мощь квадратных плеч, шея киммерийца вмиг онемела. Но это ни в малейшей степени не уменьшило его ярости, скорее наоборот. Рыча, словно бульдог, он мертвой хваткой вцепился в принца. Враги молотили друг друга по камням, давили локтями и коленями, рвали зубами и наконец с такой силой врезались в дверь у основания лестницы, что та разлетелась в куски и оба в вихре обломков и пластинок слоновой кости влетели в комнату. Но к тому времени Ольмек был уже мертв: железные пальцы сломали шею, и жизнь оставила тело принца.

Конан поднялся, стряхивая с плеч щепки и смаргивая, чтобы очистить глаза от пыли и капелек крови.

Потом огляделся. Он находился в тронном зале. Кроме него там было еще человек пятнадцать, и первой, на ком остановился его взгляд, была Валерия. Перед возвышением с троном стоял необычного вида черный алтарь. Установленные вокруг него семь черных свечей на высоких позолоченных канделябрах неторопливо испускали спирали густого зеленого дыма, терпкий запах которого волновал кровь. Эти спирали, сгущаясь под потолком в зеленое облако, образовывали над алтарем полупрозрачную арку. А на алтаре — совершенно обнаженная, растянутая в струну — лежала Валерия; ее светлая кожа резко выделялась на фоне поблескивающего камня цвета эбенового дерева. Она не была привязана. В изголовье алтаря стоял на коленях молодой воин: точно в тисках сжимал он запястья вытянутых над головой девушки рук. С другой стороны молодая женщина крепко держала ее за лодыжки. Распростертая на алтаре, воительница была не в силах ни подняться, ни даже шевельнуться.

Одиннадцать мужчин и женщин Техултли образовали полукруг и, молча стоя на коленях, горящими и жадными глазами наблюдали за зловещим действом.

На троне из слоновой кости в небрежной позе развалилась Тасцела. По обе стороны трона на витых подставках возвышались бронзовые чаши-курильницы. Струйки дыма гибкими ласковыми пальцами оплетали ее руки и ноги. Принцессе не сиделось на месте: она извивалась, ерзала в каком-то чувственном экстазе, словно получая неизъяснимое наслаждение от касания ее нежной кожи о гладкую поверхность трона.

Страшный грохот от разлетевшейся в щепки под натиском двух гигантов двери никак не повлиял на ход событий. Стоящие на коленях лишь мельком взглянули на труп своего принца и на человека, поднявшегося из-под обломков, и снова обратили жадные взоры на белеющее на черном алтаре прекрасное тело. Тасцела окинула варвара наглым взглядом и, усмехнувшись, откинулась на спинку трона.

— Тварь! — От ярости у Конана потемнело в глазах. Пальцы сжались в железные молоты, он шагнул вперед. Но тут же что-то громко звякнуло — и в ноги ему впились стальные зубы. Вдруг остановленный в размашистом шаге, он споткнулся, едва не упал. Челюсти железной западни сомкнулись, острые клыки глубоко ушли в тело и мертвой хваткой держали ногу. И только благодаря буграм икроножных мышц сталь не раздробила кости. Проклятая пасть выпрыгнула прямо откуда-то из-под полыхающего красным пола. Вглядевшись под ноги, Конан увидел паз, в котором она — тщательно замаскированная — поджидала его.

— Глупец! — Тасцела рассмеялась.— Неужели ты думал, что я не приму мер против твоего возможного появления? В этой комнате каждая дверь охраняется такой пастью. А сейчас стой и смотри, как я буду помогать твоей смазливой подружке выполнять ее божественное предназначение! Потом займусь тобой.

Рука Конана метнулась к поясу, но наткнулась на пустые ножны: его меч остался у вершины лестницы. Нож, не раз выручавший в трудную минуту, лежал брошенный в лесу — там, где дракон вырвал его из своей пасти. Стальные зубы, впившиеся в его ногу, жгли, как горящие угли, но боль не грызла его так, как сводила с ума бешеная ярость, клокотавшая в груди. Он попался — угодил в ловушку, точно волк-одногодок. Будь у него в руке меч, он отрубил бы

себе ногу, прополз бы по полу и убил бы Тасцелу. Глаза Валерии, не отрываясь, с немой мольбой смотрели на него, и от бессилия что-либо изменить варвар почувствовал, как на его мозг начинают накатывать красные волны безумия.

Упав на колено свободной ноги, он попытался просунуть пальцы под острые зубья в надежде, что ему удастся с помощью своей исполинской силы развести челюсти капкана. Из-под ногтей выступила кровь, но намертво сомкнувшиеся челюсти не оставили между сталью и вспоротой плотью ни малейшего зазора: идеально пригнанные друг к другу, сегменты сидели на жестких пружинах и от давления о кости и мускулы частично ушли в железное чрево ловушки. Вид обнаженного тела Валерии только сильнее разжигал ярость варвара.

Тасцела будто забыла о нем. Томно поднявшись с трона, она обвела медленным взглядом коленопреклоненные фигуры своих подданных, потом спросила:

— А где Ксамек, Зланат и Тахик?

— Они не вернулись из катакомб, принцесса,— ответил кто-то.— Они вместе со всеми переносили в склепы убитых, но так и не вернулись. Похоже, их настиг призрак Толкемека.

— Заткнись, идиот! — грубо оборвала она.— Твой призрак — это миф!

Она сошла с пьедестала, поигрывая тонким, с золотой рукояткой кинжалом. Ее глаза горели адским пламенем. У алтаря принцесса остановилась, и напряженную тишину нарушил ее голос:

— Твоя жизнь вернет мне молодость, белокожая женщина! — заговорила она.— Еще немного — и я приникну к твоей груди, прижму свои губы к твоим и медленно... ах как медленно! погружу этот клинок в твое сердце, чтобы твоя жизнь, покидая коченеющее тело, вошла в меня и я снова расцвела бы вечной молодостью и красотой!

Словно змея над парализованной взглядом жертвой, принцесса склонилась над алтарем и не торопясь, дюйм за дюймом, разрывая собой вьющиеся струи дыма, стала приближаться к замершей в трансе девушке, которая расширенными от ужаса глазами смотрела прямо в пылающие зрачки колдуньи — зрачки, что с каждым мгновением становились все больше, глубже и подобно черным лунам мерцали сквозь дымовые струи.

Сжав кулаки, коленопреклоненные техултлинцы замерли, напряженно ожидая кровавой кульминации действа; и

только шумное дыхание Конана, пытавшегося вырвать ногу из капкана, нарушало тишину тронного зала.

Глаза у всех были прикованы к алтарю и к распростертому на нем обнаженному телу; казалось, прогреми рядом гром — и он не разрушил бы чар. И все-таки хватило одного тихого возгласа, чтобы застывшие люди очнулись,— едва слышного вскрика, но такого, от которого волосы на голове встают дыбом. Все разом обернулись — там стоял Он!

В дверном проеме слева от возвышения с троном, неясно очерченная, виднелась фигура — шагнувший в реальность ночной призрак! Но это был человек: его всклокоченные седые волосы белым венцом обрамляли голову, спутанная седая борода ниспадала на впалую грудь. Рваные лохмотья не скрывали изможденного тела, голые руки и ноги казались полупрозрачными. Его кожа ничем не напоминала кожу человека: цвета пергамента, вся в отвратительных чешуйках и струпьях, она наводила на мысль о том, что существо давно уже живет в условиях прямо противоположных тем, при которых обычно зарождается и расцветает человеческая жизнь. И наконец, не было ничего от человека в тех глазах, что сверкали на людей из-под копны седых волос. Словно два диска, они не мигая рассматривали живую картину — светящиеся, белесые, без малейшего намека на живой огонь или разум. Вот потрескавшиеся губы раздвинулись, но с них не сорвалось ни единого членораздельного звука — одно визгливое хихиканье!

— Толкемек! — задохнулась Тасцела, смертельно побледнев; все остальные, накрыв головы руками, в безмолвном ужасе ткнулись в пол.— Так значит, ты не миф, не призрак! Великий Сет! И все двенадцать лет ты скитался во тьме? Двенадцать лет среди костей и трупов?! Какой же страшной пищей ты питался все эти годы! И какой жуткой должна быть жизнь там, в катакомбах, в кромешном мраке бесконечной ночи! Сейчас я понимаю, почему не вернулись... и уже никогда не вернутся оттуда Ксамек, Зланат и Тахик. Но почему ты столько выжидал, почему не нанес удар раньше? Или что-то искал по подземельям? Какое-нибудь секретное оружие, о котором слышал раньше? И вот наконец нашел?

В ответ — лишь зловещее хихиканье. Неожиданно Толкемек прыгнул вперед и очутился в зале, благополучно миновав зубастый капкан, затаившийся перед дверью: возможно, ему помог случай, а может быть, его память цепко держала знания о ловушках Ксухотла. Он не сошел с ума, как обычно сходят с ума люди. Он так долго жил оторванный от обще-

ства, что перестал быть человеком. Одна-единственная мысль, теплящаяся в угасшем разуме, тонкой, но прочной нитью соединяла его жизнь с жизнью людей наверху — это мысль о мести. Она одна согревала его все эти годы, побуждала невидимым красться за людьми и убивать из-за угла тех, кого он смертельно ненавидел. Лишь эта нить удерживала его от того, чтобы навсегда удалиться в черные коридоры, комнаты и залы — в давно уже открытое им глубоко под землей вечное царство Мрака!

— Ты что-то искал! — прошептала Тасцела, медленно отступая от белого призрака.— И ты нашел! Ты не забыл нашей с тобой вражды! Великий Сет! После стольких лет, проведенных во мраке, ты помнишь все!

Ибо в скрюченной руке Толкемека покачивался причудливой формы с жадеитовым оттенком жезл, на одном конце которого алым пламенем полыхал набалдашник в форме граната. Призрак вытянул вперед руку с жезлом, и от алевшего плода оторвался луч красного огня. Тасцела успела отпрыгнуть в сторону, и на пути луча оказалась техултлинка, державшая Валерию за лодыжки. Пламя ударило между плеч. Послышался громкий хруст, огненная струя переметнулась с груди женщины на алтарь и там рассыпалась голубыми искрами. Женщина отвалилась в сторону, и через миг, когда тело ее коснулось пола, это была уже мумия — иссохшая и безобразная.

Валерия не растерялась: она скатилась с алтаря и, пользуясь им как прикрытием, на четвереньках, точно зверь, ломая ногти и сдирая с колен кожу, засеменила к противоположной стене. А тем временем в тронном зале мертвого принца Ольмека вырвались на свободу силы Зла.

Следующим принял смерть воин, сжимавший запястья воительницы. В ужасе он отпустил жертву и побежал, но не успел ступить и десяти раз, как Толкемек с неожиданным для его изможденного тела и потому еще более страшным проворством обогнул тронный зал, и воин очутился между ним и алтарем. И вновь пространство прорезал огненный луч — и техултлинец, уже безжизненный, сморщенным стариком покатился по полу, а луч, ударив по алтарю, разбился голубыми шарами.

И разразилась бойня. В безумном страхе, дико вопя, метались люди по залу, натыкаясь друг на друга, отскакивая, запинаясь и падая. А между ними — то здесь, то там — сновал Толкемек, верша великое дело мести. Техултлинцы

не могли выбежать в двери: как видно, металлические части порталов служили тем же, что и испещренное бронзовыми жилками ложе алтаря,— принимали на себя избыток демонической силы, подобно грому извергавшейся из колдовского жезла в руке этой тени прошлого. Каждый раз, когда белесый полутруп заставал кого-нибудь в пространстве между собой и алтарем или же дверным порталом, человек мгновенно умирал. Толкемек не намечал себе жертв. Он просто подлавливал их одну за другой, с быстротой молнии перемещаясь по залу, и лохмотья одежды на нем развевались рваными парусами, а визгливое хихиканье, жутким эхом прокатываясь под сводом, заглушало вопли обреченных на смерть людей. Тела, как осенние листья, падали вокруг алтаря и в проемах дверей. Только один воин, замахнувшись кинжалом, в безумном отчаянии бросился к Толкемеку — и упал, сраженный, в трех шагах от колдуна. Но все остальные были как стадо на бойне: без мысли о сопротивлении и без малейшего шанса укрыться от смерти.

В ту минуту, когда пал последний техултлинец, принцесса наконец-то добралась до Конана и укрывшейся с ним рядом аквилонки. Быстро нагнувшись, Тасцела коснулась фрагмента мозаичного пола, и скрытый механизм пришел в движение. Стальные челюсти разомкнулись, освобождая кровоточащую ногу, и страшная пасть скрылась в полу.

— Убей его! — выдохнула она, вкладывая в руки киммерийца тяжелый нож.— Против его оружия мое колдовство бессильно!

С глухим рычанием варвар прыгнул вперед — разгоряченный предвкушением схватки, он едва замечал острую боль в истерзанной ноге. Толкемек неторопливо приближался — в его немигающих глазах застыла ненависть — и вдруг точно споткнулся: в руке киммерийца сверкнула сталь. И пошла жуткая, зловещая игра, в которой Толкемек пытался загнать варвара между собой и алтарем или дверью, а Конан, всеми способами избегая ловушки, примеривался, как бы ему точнее распорядиться ножом. Затаив дыхание, подобравшись, как пантеры, обе женщины с напряженным вниманием следили за поединком.

Ничто не нарушало тишины — лишь шорох да легкое шарканье ног. Толкемек уже не метался по залу. Он понял, что столкнулся с противником куда более серьезным, чем обезумевшая от страха толпа. В стальных глазах варвара он прочел ту же первобытную жажду убивать, какая прочно

завладела им самим. Они покачивались вперед-назад, вправо-влево, и когда делал движение один, его тотчас повторял другой, точно невидимые нити связывали их обоих. И в то же время Конан шаг за шагом все ближе подступал к врагу. Вот мускулы ног напряглись перед прыжком, он чуть нагнулся — и вдруг Валерия вскрикнула: колдун, киммериец, бронзовый портал — все очутились на одной прямой! Вылетел красный луч, и Конан, выгнувшись дугой, лишь в последний миг избежал удара. Но даже в этом положении он не упустил свой шанс: сталь распорола воздух — и древний Толкемек начал заваливаться на бок, в костлявой груди дрожала рукоять ножа.

Тасцела рванулась с места — не к Конану, а туда, где на полу, словно живой, посверкивал колдовской жезл. Но вместе с ней метнулась и Валерия. На ходу выдернув из мертвеца нож, воительница со всей силы закаленных в боях мускулов вонзила лезвие в спину принцессы замка Техултли, так что окровавленное острие, пройдя тело насквозь, выступило между великолепных грудей! Издав пронзительный вопль, Тасцела повалилась к ногам Валерии. Девушка презрительно ткнула носком в дрожащее в предсмертных судорогах тело.

— Я должна была это сделать... хотя бы для того, чтобы не пасть в собственных глазах,— сказала воительница, тяжело дыша и глядя на Конана поверх остывающего трупа.

— Ну что ж, вот и конец вражде,— оскалившись в усмешке, прорычал варвар.— Суматошная, однако, выдалась ночка! Интересно, где у них хранятся припасы? Я проголодался.

— Сначала надо перевязать ногу.

Оторвав от шелковой драпировки солидный кусок, девушка повязала его вокруг талии. Затем, разорвав остатки на полосы, с недюжинной сноровкой перевязала израненную ногу киммерийца.

— Я смогу идти,— заверил он ее.— Лучше поскорее убраться отсюда. Там, за стенами города, должно быть, уже светает. Сказать по правде, я сыт Ксухотлом по горло. Оно и к лучшему, что эти люди извели сами себя. Мне не нужны их драгоценности. Наверняка на них лежит заклятье древних.

— На свете и без их камней всего полно — нам хватит,— ответила она, вставая рядом,— гибкая, стройная и... такая соблазнительная.

Как и тогда, на скале, его глаза зажглись огнем, но на этот раз, сжатая в мощных объятиях, она не стала вырываться.

— До побережья путь неблизкий,— наконец сказала девушка, неохотно отводя свои губы от жарких губ Конана.

— Что с того? — Огромный варвар рассмеялся.— Вдвоем нам все под силу. Еще до того, как настанет сезон и стигийцы откроют свои порты для торговли, мы ступим с тобой на палубу корабля. А вот потом мы всем покажем, что значит настоящая морская охота!

Валерия осталась лишь эпизодом в жизни Конана, как, впрочем, и все остальные женщины, кроме той, что стала в конце концов королевой Аквилонии. Одинокий варвар какое-то время странствовал по свету, затем снова вернулся в Киммерию. Там до него дошла весть, что аквилонцы, которых ничему не научил горький урок крепости Венариум, опять расширяют свои владения к западу, вторгаясь в леса, населенные племенами пиктов, или, как их еще называли, Пустоши Пиктов. Значит, впереди снова ждало кровопролитие и много работы для таких искусных воинов, как Конан...

За Черной рекой

1

КОНАН ТЕРЯЕТ ТОПОР

В лесу стояла такая первозданная тишина, что осторожная поступь обутых в мягкую кожу ног звучала необычно громко. По крайней мере, так казалось одинокому путнику, хотя он шел по едва видимой тропе с уверенностью, свойственной лишь искателям приключений, кто исходил немало троп за Громовой рекой. Это был юноша среднего роста, с открытым лицом и копной взъерошенных темно-желтых волос, не упрятанных ни под шапку, ни под боевой шлем. На нем была одежда, обычная для жителей этих мест: туника из грубой ткани, схваченная в талии ремнем, короткие кожаные штаны и сапоги из выделанной шкуры, едва не доходившие до колен. Из-за голенища торчала рукоять ножа. К широкому кожаному ремню были пристегнуты ножны с коротким тяжелым мечом и сумка из той же мягкой шкуры, что и сапоги. Глаза, скользящие по зеленой бахроме леса, плотной стеной вставшего по обе стороны тропы, смотрели спокойно и холодно. Не отличавшийся высоким ростом, он был, однако, хорошо сложен, а короткие рукава открывали сильные, в узлах мускулов руки.

Человек с уверенностью шагал вперед, хотя между ним и последним жильем, где он останавливался, пролегло уже немало миль, и по мере того, как увеличивалось это расстояние, росла смертельная опасность, точно непроницаемая тень, затаившаяся в древнем лесу.

Он шел почти бесшумно, так что страхи во многом были плодом воображения, хотя, с другой стороны, даже легкий шорох прозвучал бы набатным колоколом, коснись он ушей

затаившегося в засаде врага. Внешняя беспечность была обманчива: глаза и уши были начеку — особенно уши, ибо самый пытливый взгляд не пробился бы сквозь сплетение ветвей и густых листьев глубже, чем на несколько футов.

Но именно инстинкт прежде природных чувств подсказал ему — опасность! Он замер, рука метнулась к рукоятке меча. Человек неподвижно стоял посреди тропы, затаив дыхание, усиленно пытаясь понять, действительно он что-то слышал или это ему только показалось. В воздухе повисла гнетущая тишина. Ни шороха белки, ни щебета птиц. Затем его взгляд остановился на густом кустарнике, росшем у тропы за несколько ярдов впереди. В лесу было тихо, но он только что видел, как там дрогнула ветка. Коротко остриженные волосы на затылке зашевелились, мгновение он медлил в нерешительности, понимая, что малейшее движение — и из кустов к нему рванется смерть.

Вдруг в гуще листвы раздался глухой звук — как будто рубанули секачом по мясной туше. По кустам прошла неистовая дрожь, и тут же из них со свистом вылетела стрела — отскочив за ствол, путник успел заметить, как та скрылась высоко среди деревьев.

Пригнувшись за стволом, сжимая в руке меч, так что подрагивал клинок, он не отрываясь смотрел на гущу зарослей. Но вот кусты раздвинулись, и на тропу неспешно выступил широкоплечий гигант. От удивления у путника округлились глаза. В облике обоих было много общего: те же сапоги, те же штаны, правда из шелка, а не кожаные. Но вместо туники — темная кольчуга, а на гриву черных волос был насажен шлем. Этот шлем буквально заворожил юношу: без гребешка по центру, зато по сторонам прилеплены два бычьих рога. Ни один мастер из стран, облагороженных цивилизацией, не смог бы сработать такую вещь. Лицо под шлемом также не слишком походило на лицо цивилизованного человека: смуглое, в шрамах, с холодным блеском в голубых глазах, оно прекрасно вписывалось в фон, создаваемый диким, доисторическим лесом. В правой руке человек держал меч, на острие которого алела свежая кровь.

— Эй, там, чего прячешься? — крикнул он с выговором, доселе неизвестным путнику.— Все в порядке. Пес был один, без дружков. Так что бояться больше некого.

Все еще нерешительно юноша показался из-за ствола и с опаской уставился на неожиданного спасителя. Рядом с незнакомцем он чувствовал себя на редкость беспомощным и слабым — настолько внушительной была у того внешность:

взгляд завораживала эта широкая, точно отлитая из железа грудь и опаленная солнцем, в буграх и узлах мускулов рука, сжимавшая окровавленный меч. Своими легкими, со скрытой угрозой движениями незнакомец напоминал пантеру; удивительно гибкий, он ничем не походил на изнеженных цивилизацией жителей городов и селений — даже тех ее оазисов, что вплотную подступали к землям дикарей.

Повернувшись, он сделал шаг назад и раздвинул ветви. По-прежнему мало что понимая, путник, однако, приблизился и заглянул в кусты. Там лежал человек — низкого роста, темнокожий, мускулистый, из одежды лишь набедренная повязка из львиной шкуры, на шее — ожерелье из человеческих зубов, вокруг запястья — медный браслет. За поясом из львиной шкуры торчала рукоять широкого меча, окоченевшие пальцы сжимали тяжелый черный лук. У человека были длинные черные волосы — и это все, что можно было сказать о его голове, поскольку разрубленный до зубов череп являл собой сплошное месиво из крови и вытекшего мозга.

— Клянусь богами — пикт! — пораженный, воскликнул путник.

Холодно мерцающие глаза испытующе посмотрели на него.

— Ты удивлен?

— Меня предупреждали в Велитриумс и еще поселенцы, живущие при дороге, что эти демоны время от времени просачиваются на чужую территорию, но я никак не думал встретить их так далеко от границы.

— Мы всего лишь в четырех милях к востоку от Черной реки,— пояснил положение незнакомец.— А их убивали и в миле от Велитриума. Ни один поселенец от Громовой реки до самой крепости Тасцелан не может чувствовать себя в безопасности. Я взял след пса в трех милях к югу от крепости этим утром и с тех пор преследовал его. Я подоспел вовремя: он уже натягивал тетиву. Еще миг — и пес пополнил бы тобою Царство мертвых. Но я расстроил его планы.

Широко раскрытыми глазами путник взирал на этого загадочного гиганта: казалось невероятным, чтобы смертный смог выследить и убить лесного дикаря, сам оставаясь незамеченным. Для этого требовалось самому слиться с лесной жизнью, раствориться в ней без остатка, что было немыслимо даже для Конаджохары.

— Ты из гарнизона крепости? — наконец спросил он.

— Я не воин. Я получаю плату и довольствие как полевой командир, но исполняю службу в лесах. Валанн понимает, что для меня больше подходит патрулировать лес вдоль пограничной реки, чем сидеть взаперти в курятнике, именуемом крепостью.

Воин небрежно отшвырнул ногой труп поглубже в заросли, выпрямил помятые кусты и, повернувшись, пошел по тропе. Юноша — следом.

— Меня зовут Балтус,— назвал он себя.— Я был в Велитриуме вчера вечером и пока не решил, что лучше: взять надел или поступить в крепость на службу.

— Лучшую землю у Громовой реки уже разобрали,— усмехнувшись, сказал гигант.— Есть много хорошей земли между скалой Скальпа — ты прошел мимо нее за несколько миль отсюда — и крепостью, но там опасно: река слишком близко. Пикты пробираются через границу, жгут поселения, режут людей. Бывает, нападают группами. Когда-нибудь они соберутся и выметут из Коналжохары всех поселенцев. Может быть, им это удастся... пожалуй, что так. Вся эта затея с колонизацией — чистое безумие. Ведь есть немало отличной земли к востоку от Боссонского пограничья. Если бы аквилонцы слегка поурезали владения своих баронов, чтобы посеять пшеницу там, где сейчас охотятся на оленей, то ни к чему было бы переходить границу и отбирать у пиктов их землю.

— Странно слышать такое от человека, состоящего на службе у правителя Конаджохары.

— Дело не во мне,— резко ответил его спутник.— Я наемник. Я со своим мечом там, где больше платят. Я никогда не сеял и никогда не посею пшеницу — во всяком случае, пока найдется жатва моему мечу. Но вы, хайборийцы, вы зашли слишком далеко. Вы захватили пограничные земли, сожгли деревни, перебили людей и отодвинули границу к Черной реке; только я сильно сомневаюсь, чтобы вам удалось удержать то, что вы завоевали, и уж конечно, вам ни за что не продвинуться дальше на запад. Ваш выживший из ума король не представляет, какие здесь условия. Он жмется с отправкой сюда крупных подкреплений, а поселенцам с нашествием объединенных кланов одним не справиться.

— Но ведь среди пиктов междоусобица,— возразил Балтус.— Они никогда не выступят вместе, а с одним кланом мы всегда справимся.

— Пожалуй, даже с тремя,— согласился воин.— Но однажды появится вождь, который объединит тридцать, со-

рок племен, как это случилось в Киммерии, когда много лет назад гандерландцы попытались отодвинуть границу к северу. Они начали колонизировать южные земли Киммерии: победили несколько слабых кланов, построили укрепленный город Венариум... да ты и сам наверняка слышал эту историю.

— Да, действительно,— вздрогнув, ответил Балтус. Память о сокрушительном поражении позорным пятном омрачала победную летопись его воинственного народа.— Мой дядя был в Венариуме, когда киммерийцы захватили стены. В числе немногих ему удалось вырваться из бойни. Он часто рассказывал нам о том черном дне. Варвары, как несметная прожорливая стая, вдруг хлынули с холмов и атаковали с такой яростью, что было невозможно выдержать их натиск. Мужчины, женщины, дети — всех перерезали. Венариум превратился в груду дымящихся развалин, там и сейчас одни руины. Аквилонцы были отброшены за приграничье и с тех пор уже не отваживались нападать на Киммерию... Но ты говоришь так, будто сам там побывал. Или я ошибаюсь?

— Нет, отчего же.— Воин усмехнулся.— Я был там — и в той прожорливой стае, что хлынула с холмов. Мне не было тогда и пятнадцати зим, но мое имя уже звучало на советах старейшин.

Балтус невольно отпрянул в сторону. Неужели человек, спокойно вышагивающий рядом с ним, один из тех вопящих кровожадных демонов, которые в тот давний день ворвались в город и пролили потоки крови?

— Ты что же, варвар?! — воскликнул он.

Тот не обиделся, а лишь кивнул:

— Я Конан-киммериец.

Страхи прошли. Балтус с живым интересом посмотрел на спутника.

— Я слышал о тебе.

Не удивительно, что пикт так ничего и не заметил — ведь он пал от руки такого же дикаря! По ярости и свирепости киммерийцы не уступали пиктам, но были гораздо смышленее и накопили кой-какие знания. Похоже, Конан немало повращался среди цивилизованных народов, хотя, судя по виду и повадкам, не стал мягче и сохранил в неприкосновенности все примитивные инстинкты. Удивление сменилось восхищением, когда Балтус заметил, как по-кошачьи легко и бесшумно киммериец ступает по земле. Смазанное вооружение ни разу не звякнуло — в самой

густой роще или в сплошных зарослях кустарника Конан мог бы скользить так же неслышно, как любой голый пикт.

— Ты не из гандеров? — скорее подтверждая собственную догадку, чем спрашивая, обратился к нему киммериец.

Балтус покачал головой.

— Я из Турана.

— В Туране есть немало добрых лесных жителей. Но боссонцы несколько веков стояли между аквилонцами и дикарями с запада, поэтому вам не хватает выучки и жесткости.

Варвар был прав: Боссонское пограничье с укрепленными деревнями, в которых мужское население состояло из решительных и храбрых лучников, долгое время надежно защищало Аквилонию от племен варваров. Сейчас среди поселенцев, обосновавшихся за Черной рекой, подрастало поколение, способное сражаться с варварами их же оружием, но настоящих воинов набралось бы пока немного. Большинство колонистов, как и Балтус, были скорее крестьянами, чем жителями лесов.

Солнце еще не село, но уже скрылось из виду за густой стеной леса. На тропу наползали длинные тени.

— Мы не успеем дойти до крепости, как стемнеет,— обронил Конан. И вдруг: — Тише!

Он круто остановился, замер, слегка согнувшись, меч обнажен — снова дикарь, жестокий, подозрительный, готовый в любой миг крушить врага, отпрянуть, впиться в глотку. Балтус и сам все слышал: дикий вопль, оборвавшийся на высшей ноте,— так кричит человек в смертельном ужасе или агонии.

В следующий миг Конан уже мчался по тропе, с каждым прыжком увеличивая расстояние между собой и напрягающим все силы спутником. Балтус хрипло выругался. У себя в Туране он считался неплохим бегуном, однако Конан уходил вперед прямо-таки с оскорбительной легкостью. Но когда в уши ворвался дикий вопль — самый ужасный, какой он мог себе представить,— тут стало не до мелочных обид. Леденящий кровь, как завывание потусторонних тварей, он словно был исполнен скрытого торжества над побежденным человечеством, жутким эхом отдаваясь в темных уголках сознания.

Балтус запнулся, тело покрыл холодный пот. Но Конан не колебался: стрелой метнувшись за поворот тропы, варвар исчез, и Балтус, вдруг с ужасом осознав, что он остался один на один с этим кошмарным воем, заполнившим весь лес зловещими отголосками, собрал волю в ку-

лак и, взяв немыслимую скорость, помчался вслед за киммерийцем.

Аквилонец едва не налетел на варвара: тот стоял посредине тропы над изувеченным телом. Но Конан смотрел не на труп, распростертый в кроваво-красной пыли у его ног. Пылающие глаза воина прощупывали гущу зарослей по обе стороны тропы.

При виде трупа с губ Балтуса слетело страшное проклятие. Быстрым взглядом он окинул тело: маленький, толстый человечек с вызолоченными сапогами на ногах, одетый, несмотря на жару, в богатую, отороченную горностаем тунику,— как видно, зажиточный купец. На полном бледном лице застыла гримаса ужаса, толстая шея была рассечена от уха до уха, словно по ней прошлись лезвием бритвы. Короткий меч, оставшийся в ножнах, указывал на то, что нападение произошло внезапно и путник не успел схватиться за оружие.

— Пикт постарался? — прошептал Балтус, отворачиваясь от жуткого зрелища и с опаской вглядываясь в сгущающиеся тени.

Конан покачал головой. Он выпрямился и, сдвинув брови, посмотрел на мертвеца.

— Его настигла лесная тварь. Великий Кром, вот и пятый!

— Что за тварь такая?

— Ты что-нибудь слышал о колдуне пиктов по имени Зогар Саг?

Балтус в недоумении пожал плечами.

— Он живет в Гвавеле, деревушке, ближе других подступившей к Черной реке. Три месяца назад недалеко отсюда он подстерег караван, идущий в крепость, и украл несколько вьючных мулов с поклажей — кажется, чем-то опоил погонщиков. Так вот, те мулы принадлежали этому человеку,— Конан небрежно указал на труп у его ног.— Это Тиберий, купец из Велитриума. А груз состоял из бочонков с элем, и прежде чем переправиться через реку, старина Зогар изрядно приложился к одному из них. Один из лесных жителей по имени Сорakt выследил его и привел Валанна и с ним трех воинов к тому месту, где в густых зарослях валялся мертвецки пьяный колдун. По настоянию Тиберия Валанн заключил Зогар Сага в тюрьму, то есть нанес пикту смертельное оскорбление. Но тот каким-то образом перебил стражу и удрал, а после передал весточку, в которой

обещал убить Тиберия и тех пятерых, что захватили его в плен, таким ужасным способом, что аквилонцы будут содрогаться не одно столетие при воспоминании о его мести. Соракт и воины уже мертвы. Соракта убили на реке, а воинов — у самой крепости. А сейчас умер и Тиберий. Ни один пикт к этим делам не причастен. У каждой жертвы, кроме Тиберия, недоставало головы — наверняка их черепа украшают сейчас алтарь бога, которому поклоняется Зогар Саг.

— Почему ты уверен, что их убили не пикты?

Конан указал на труп купца.

— Ты, верно, думаешь, что его полоснули мечом или ножом, не так ли? Но посмотри поближе и увидишь, что такую рану мог оставить только коготь. Кожа распорота, а не рассечена.

— Что, если пантера...— неуверенно начал Балтус, но Конан нетерпеливо отмахнулся.

— Уж выходец-то из Турана мог бы распознать когти пантеры. Нет, здесь не обошлось без лесной твари, призванной Зогар Сагом, чтобы свершить свою месть. Для Тиберия было непростительной глупостью отправляться в Велитриум одному, да еще на исходе дня. И все жертвы, прежде чем пасть, похоже, прямо-таки цепенели от ужаса. Посмотри сам — признаки налицо! Тиберий ехал по тропе верхом на муле, не иначе как приторочив к седлу добрую связку шкурок выдры на продажу, а тварь напала сзади из кустов — вон оттуда, где сломаны ветки и примята трава. Тиберий только и успел, что вскрикнуть: ему тут же порвали горло, и он отправился торговать шкурками прямиком в Царство Теней. А мул умчался в лес. Слышишь треск? Наверняка это он продирается сквозь чащу. Демону не хватило времени, чтобы забрать голову: мы его спугнули.

— Точнее сказать, ты его спугнул,— поправил Балтус варвара.— Должно быть, чудище не так ужасно, раз бросилось наутек от одного вооруженного человека. И все-таки, что, если это пикт с каким-нибудь крюком вместо ножа, который, точно коготь, разрывает, а не режет ткани? Ты его видел?

— Тиберий тоже был вооружен,— глухо сказал Конан.— Если Зогар Саг может призвать себе на помощь демонов, то почему бы ему не научить их, кого следует убить, а кого не трогать. Нет, я его не видел. Я только видел, как раскачиваются ветки зарослей. Но если тебе мало моих слов, смотри!

Прежде чем скрыться, убийца ступил в лужу крови, в которой плавал мертвец, и сейчас на суглинке у края тропы четко виднелся кровавый отпечаток.

— Что скажешь? Похож он на след человека?

В затылке Балтуса противно закололо. Ни один человек, равно как ни одно животное из тех, что он знал, не могли оставить этот уродливый трехпалый след, чем-то напоминающий отпечаток лапы птицы или ящерицы, но, что совершенно очевидно, не принадлежащий ни тем, ни другим. Стараясь не задеть земли, он растопырил над следом пальцы и удивленно хмыкнул: след далеко выступал за кончики ногтей.

— Что это? — прошептал он.— Никогда не видел зверя, который оставлял бы такие следы.

— И никто не видел,— мрачно ответил Конан.— Это следы болотного демона — они похожи на следы гигантских летучих мышей, что обитают в топях за Черной рекой. В жаркие ночи сильный южный ветер, случается, доносит их вой — должно быть, так воют только неприкаянные души.

— Что же делать? — спросил аквилонец, с тревогой вглядываясь в быстро сгущающиеся голубоватые тени. Его неотступно преследовала маска животного ужаса на застывшем лице мертвеца. Он терялся в догадках: что это за чудовище, если от одного вида оскаленной пасти, вдруг показавшейся среди кустов, у человека кровь стынет в жилах!

— Нет смысла преследовать эту тварь,— проворчал Конан, доставая из-за пояса трупа короткий топор — обычный спутник лесного жителя.— Я уже пробовал — после того, как он разделался с Сорактом,— но потерял след, не сделав и дюжины шагов. То ли у него выросли крылья и он улетел, то ли провалился сквозь землю прямиком в Царство Теней — не знаю. За мула тоже нечего беспокоиться: тот или вернется в крепость, или прибьется к чьей-нибудь хижине.

За разговором Конан не забывал орудовать топором. У самого края тропы он срубил пару молоденьких деревцев, каждое длиной футов десять, и несколькими ударами очистил их от веток. Затем отсек кусок дикой лозы, точно змея вытянувшейся среди кустарника, и, обвязав ею одну жердь в паре футов от края, обмотал вокруг другой и так, перекидывая с жерди на жердь, в несколько минут соорудил грубые, но прочные носилки.

— Уж я позабочусь, чтобы тварь не добралась до головы Тиберия,— прорычал он.— Отнесем тело в крепость. Это не больше трех миль. Мы с толстяком всегда недолюблива-

ли друг друга, но я не допущу, чтобы проклятые пикты проделывали всякие гадости с головами белых людей.

К слову сказать, сами пикты хотя и были смуглокожи, но принадлежали к той же белой расе, однако жители пограничья никогда не считали их за белых.

Конан бесцеремонно бросил на носилки труп бедняги купца, Балтус взялся за один конец, варвар — за другой, и оба быстрым шагом заторопились к крепости. С увесистой ношей Конан шагал так же бесшумно, как если бы крался налегке. Завязав ремень купца петлей, он затянул ею обе жерди и сейчас в одной руке нес носилки, в то время как другая сжимала обнаженный меч. Его пытливый взгляд без устали обшаривал мрачные зеленые стены по обе стороны тропы. Тени сгущались. Голубоватый туман скрадывал очертания кустов и деревьев. Лес наполняли сумерки, и с ними словно пробуждались от спячки обитавшие под его покровом таинственные, неведомые создания.

Они отшагали уже больше мили, и крепкие мышцы на руках Балтуса начинали побаливать, как вдруг из чащи леса донесся отчаянный крик.

Конан вздрогнул всем телом, а Балтус от неожиданности едва не выронил носилки.

— Это женщина! — воскликнул он.— Великий Митра, это был голос женщины!

— Просто жена какого-нибудь поселенца заблудилась в лесу,— проворчал Конан, опуская носилки.— Может быть, искала корову, ну и... Подожди меня здесь.— И, словно волк на охоте, он скользнул в стену зарослей.

У Балтуса волосы встали дыбом.

— Ждать одному в компании с трупом, когда в лесу рыщет эта тварь?! — воскликнул он.— Нет уж, я с тобой!

И, недолго думая, он нырнул вслед за киммерийцем. Конан бросил на него взгляд через плечо, однако возражать не стал, но и не сбавил шага, чтобы подстроиться под своего товарища. Балтус только напрасно сбивал дыхание, кляня на чем свет стоит легкую поступь варвара,— тот будто призрак уходил все дальше, неясной тенью мелькая среди деревьев. И вдруг Конан очутился на сумрачной прогалине; он остановился, сразу весь подобравшись — зубы оскалены, меч наизготовку.

— Чего стоим? — тяжело дыша, подкатился Балтус; он помотал головой, вытряхивая из глаз капли пота, в правой руке он сжимал рукоять короткого меча.

— Крик шел с прогалины или откуда-то неподалеку,— ответил Конан.— Я всегда точно определяю источник звука, даже в лесу. Но где же тогда...

Внезапно крик повторился, уже у них за спиной, со стороны тропы. Жалобный и пронзительный, он забирался все выше — крик женщины, зажатой в тисках смертельного ужаса,— и вдруг оборвался, сменившись оглушительным издевательским хохотом, который мог вырваться не иначе как из пасти мерзкого чудовища — порождения Тьмы.

— О милосердный Митра...— Мертвенно-бледное лицо Балтуса матовым пятном маячило в сумерках.

Страшно выругавшись, Конан метнулся обратно сквозь заросли; аквилонец, спотыкаясь, ничего не соображая, побежал следом. На полпути, полуослепший, он налетел на вдруг остановившегося киммерийца и отскочил от него, как от железной статуи. Хватая воздух, Балтус услышал свистящее дыхание, прорывавшееся сквозь стиснутые зубы варвара. Тот словно застыл, впившись взглядом в темноту.

Аквилонец выглянул из-за плеча киммерийца — и волосы зашевелились у него на голове. В кустах, плотной стеной подступивших к тропе, что-то двигалось — не летело, не ступало ногами, скорее ползло, как змея. Но это была не змея. Сумерки скрадывали очертания, но было видно, что существо выше человеческого роста и не слишком крупное. От него исходило призрачное свечение, похожее на слабое голубое пламя. Собственно, только это свечение и можно было различить — словно пламя, приняв некую расплывчатую форму, двигалось по мрачному лесу к какой-то заданной цели.

Конан с проклятием метнул топор. Но существо, как будто не замечая, скользило дальше. Они наблюдали его всего несколько мгновений — высокое, неопределенных очертаний, точно сгусток призрачного пламени, плывущего среди кустарника. Затем оно скрылось с глаз, и в лесу вновь установилась мертвая тишина.

Издав приглушенное рычание, Конан ринулся сквозь сплетения зарослей к тропе. Пробираясь за ним, Балтус отметил про себя, что на этот раз проклятия варвара гораздо изощреннее и идут от души. Наконец он увидел киммерийца, стоявшего над носилками с телом Тиберия. Головы у тела больше не было.

— Тварь одурачила нас! — бушевал Конан, в ярости размахивая над головой мечом.— И я-то хорош! Попался как

последний дурак! Теперь Зогар украсит свой алтарь последней из пяти голов!

— Но что это за существо, которое кричит, как женщина, хохочет, точно демон, и светится во мраке колдовским огнем? — неуверенным голосом проговорил Балтус, отирая бледное лицо.

— Болотный демон,— угрюмо ответил Конан.— Ладно, берись за палки. Доставим в крепость то, что осталось. По крайней мере, нести будет легче.

И с этой мрачноватой философской выкладкой он взялся за кожаную петлю и зашагал по тропе.

2

КОЛДУН ИЗ ГВАВЕЛЫ

Крепость Тасцелан стояла на восточном берегу Черной реки, воды которой плескались у самого основания бревенчатой стены. Как и стены, все здания внутри крепости, включая главную башню (которую называли так в особо торжественных случаях), были выстроены из бревен. В башне располагался штаб гарнизона, высотой она превосходила стены, и с нее открывался прекрасный вид на окрестности. За рекой лежал огромный и непроходимый, как джунгли, лес, подступавший к болотистым берегам. На стенах по деревянному парапету день и ночь вышагивали часовые, наблюдая за густой прибрежной зеленью. Изредка среди кустов мелькала фигура человека, но часовые не поднимали тревоги: они знали, что из-за реки за ними тоже непрерывно наблюдают чужие глаза — горящие ненавистью, безжалостные, полные первобытной злобы. Непосвященному лес показался бы безжизненной пустыней, на самом же деле в нем кипела жизнь: под зеленым покровом обитали птицы, змеи, звери и самый свирепый из плотоядных — человек.

Там, в крепости, обрывалась цивилизация. Являясь передовым рубежом могущественных хайборийских народов, крепость Тасцелан была в то же время крайним оплотом цивилизованного мира на западе. За Черной рекой в лесном полумраке царила первозданная тишина: там, в плетеных хижинах, скалились насаженные на шесты человеческие черепа; в деревнях, обнесенных обмазанным глиной частоколом, полыхал ночной костер и грохотали барабаны, а угрюмые люди со спутанными черными волосами и глазами

голодных змей молча точили острия копий. Эти глаза нередко с холодным блеском разглядывали из кустов часовых. Когда-то на месте крепости стояли их хижины — хижины темнокожих; их деревни были разбросаны и там, где сейчас раскинулись поля с бревенчатыми домами светловолосых поселенцев, и дальше до самого Велитриума, пограничного городка с вечно сумбурной жизнью, поднявшегося на берегу Громовой реки, и вдоль берегов реки, очертившей с запада Боссонское пограничье. К ним наведывались и купцы, время от времени туда забредали босоногие нищие служители Митры, и большинство их умерло там страшной смертью, но вслед за этими пришли воины, потом люди с топорами, и наконец в запряженных быками повозках прибыли женщины и дети. Огнем и мечом аборигенов оттеснили сначала за Громовую, а со временем — и за Черную реку. Но темнокожие никогда не забывали, что когда-то Конаджохара принадлежала им...

У восточных ворот Конана и аквилонца окликнула стража. Сквозь частые прутья решетки было видно, как дрожащее пламя факела отражается от гладкой поверхности стального шлема и в темных глазах воина, настороженно оглядывавшего поздних гостей.

— Открывай ворота! — рыкнул Конан.— Своих не узнаешь? — Тупое исполнение приказа неизменно раздражало варвара.

Ворота медленно открылись вовнутрь, и Конан со своим спутником вошли в крепость. Балтус огляделся. Он увидел, что с каждой стороны ворота снабжены башней, выступающей над стенами. Он также обратил внимание на узкие амбразуры, сквозь которые лучники во время штурма могли пускать стрелы, сами оставаясь в безопасности.

При виде зловещей ноши стражники что-то пробурчали и поспешили закрыть ворота. Они так торопились, что древки копий в их руках глухо брякнули друг о друга, и Конан раздраженно спросил:

— Вы что, никогда не видели безголовых мертвецов?

В свете факелов лица воинов казались мертвенно-бледными.

— Это Тиберий! — выпалил один.— Только у него была такая богатая туника. Валерий, ты мне должен пять лунов.— Тут же, довольный, пояснил: — Я говорил ему, когда Тиберий выезжал из ворот на муле, что тот наверняка слышал вой сумасшедшего, потому как глаза у купца были точно

стеклянные. Тогда и поспорил, что если он и вернется, то не иначе как без головы.

Загадочно усмехнувшись, Конан сделал знак Балтусу опустить носилки и направился к казармам. Аквилонец не отставал ни на шаг. Юноша возбужденно озирался по сторонам, примечая черты незнакомой военной жизни: ряды казарм вдоль стен, конюшни, лавчонки купцов, массивный склад, прочие дома, обступившие площадку, где днем муштровали новобранцев и где сейчас весело полыхал огонь, вокруг которого развалились свободные от службы воины. Но и они, оставив отдых, присоединились к толпе, быстро собиравшейся вокруг носилок. Стройные тела аквилонских копейщиков и лесных лазутчиков смешались с приземистыми, коренастыми фигурами боссонских лучников.

Балтус почти не удивился тому, что комендант крепости лично принял их обоих. Общество, в котором нерушимо соблюдались законы иерархии, осталось далеко к востоку. Валанн был еще довольно молод и крепко сбит, его лицо с правильными, точно чеканными чертами смотрело холодно и рассудительно — свидетельство упорного труда и немалой ответственности.

— Мне передали, что ты вышел из крепости еще до рассвета,— сказал он Конану.— Я уже начал опасаться, что пикты добрались и до тебя.

Варвар недобро усмехнулся.

— Когда настанет время коптить над костром мою голову, об этом будут знать по обоим берегам реки. Вой пиктских женщин, оплакивающих мертвецов, долетит и до Велитриума... Я ходил на разведку и держал уши открытыми. Сегодня целый день за рекой били в барабаны.

— Они каждую ночь бьют,— отозвался комендант, но, посмотрев в глаза киммерийца, нахмурился. Он давно понял, что пренебрегать чутьем этого дикаря — непростительная глупость.

— Прошлой ночью они били по-другому,— проворчал Конан.— И так с тех пор, как Зогар Саг убрался за реку.

— Нам надо было отправить его с подарками домой, а еще лучше — повесить.— Валанн глубоко вздохнул.— Ты ведь советовал, да только...

— Да только вы, хайборийцы, никак не усвоите порядки дикарей,— перебил его Конан.— Ладно, чего сейчас об этом, но знай, что до тех пор, пока жив Зогар, пока он помнит, как потел в вашей тюрьме, мира на границе не будет. Я вы-

следил воина, который пробрался на эту сторону за свежими зарубками на своем луке. А после наткнулся вот на этого парня по имени Балтус, он пришел из Турана вам на подмогу.

Валанн одобрительно окинул сильное тело юноши, отметив про себя выражение его честного, открытого лица.

— Рад приветствовать тебя. Хотелось бы побольше таких. Нам нужны люди, привычные к лесной жизни. Многие воины и даже кое-кто из поселян — выходцы из восточных провинций и мало знакомы с лесными обычаями или с сельским трудом.

— «Многие» — не то слово.— проворчал Конан.— Эта крепость битком набита одними неженками. Но сейчас не об этом. Валанн, мы с аквилонцем нашли на тропе мертвого Тиберия.— И в нескольких словах он рассказал об ужасном происшествии.

Валанн побледнел.

— Я не знал, что он вышел из крепости. Должно быть, он сошел с ума!

— Так оно и было.— ответил Конан,— как, впрочем, и с остальными. Каждый, когда наступал его черед, сходил с ума и мчался в лес навстречу смерти — совсем как кролик, который сам лезет питону в пасть. Что-то позвало их из глубины леса, все они слышали то, что за неимением других слов прозвали здесь «зов безумного», причем слышат его только обреченные на гибель. Зогар Саг прибегнул к чарам, которые не в силах преодолеть цивилизованные аквилонцы.

Валанн не нашелся, чем ответить на выпад. Он нервно вытер со лба пот.

— Воины знают об убитом?

— Мы оставили труп у восточных ворот.

— Лучше бы вы зарыли его где-нибудь в лесу — люди и так как на иголках.

— Они бы все равно узнали. Если бы я спрятал тело, его доставили бы в крепость, как это было с трупом Соракта: привязали бы снаружи к воротам, а утром его обнаружила бы стража.

Валанн вздрогнул. Отвернувшись, он подошел к узкому окну и стал молча смотреть на черные воды реки, слабо мерцающие под ночным звездным небом. За рекой непроницаемой стеной встали джунгли. Тишину нарушил отдаленный вой пантеры. Ночь непомерной тяжестью давила на плечи, грудь, виски, приглушая говор воинов на плацу и яркое пламя костра. В ветвях шептался ветер, теребя гладь воды.

Он приносил с собой глухие, мерные удары — зловещие, как мягкая поступь леопардовых лап.

— А собственно,— заговорил Валанн, как бы размышляя вслух,— что мы вообще знаем — да и не только мы — о том, что скрывают в себе джунгли? До нас доходят лишь неясные слухи о гиблых болотах и мутных реках, о бесконечном лесе, который, через горы и равнины, простирается до самого побережья Западного океана. Даже представить себе невозможно, какие твари могут обитать на этих пространствах между Черной рекой и побережьем. Из белых, что дерзнули углубиться в джунгли, ни один не вернулся, так что узнать не от кого. Мы со своими знаниями достигли многого, но на западном берегу все наши премудрости не стоят ломаной монеты. И кто знает, какие силы — земные или сверхъестественные — затаились во мраке за чертой тусклого круга наших знаний? Мы можем лишь догадываться, каким богам поклоняются в этом доисторическом лесу, какие демонские твари выползают из жижи топей. Да и земные ли они создания — обитатели этой черной страны? Над Зогар Сагом в восточных городах немало потешались, принимая его заклинания за бормотания заезжего факира, однако он необъяснимым образом довел до безумия и убил вот уже пятерых. Порой я начинаю сомневаться, человек ли он.

— Если я выйду на него на расстояние броска топора, то, думаю, сумею разрешить твои сомнения,— прорычал Конан, изрядно угостившись вином и протягивая кубок с остатками Балтусу; тот, украдкой посмотрев на коменданта, нерешительно принял кубок.

Отвернувшись от окна, Валанн бросил на варвара задумчивый взгляд.

— Странно. Воины, которые не верят ни в привидения, ни в демона, на грани паники. А ты, верящий в духов, упырей, гоблинов и прочую нечисть, похоже, не боишься никого из них.

— Да потому что я уверен, что перед холодной сталью все равны,— ответил Конан.— Я метнул в демона топор, а тому хоть бы что. Но в сумерках я мог и промахнуться, или какая-нибудь ветка помешала. Я не собираюсь бросить все и заняться охотой на демонов, но уж если кто из них и попадется, то будь уверен — своего не упущу.

Валанн поднял голову и встретил открытый взгляд варвара.

— Конан, ты даже не представляешь, как много от тебя зависит. Тебе известны местные условия и связанные с ними сложности — все оттого, что наша провинция узким клином врезается в первобытную дикость. Ты знаешь, что жизни людей, поселившихся к западу от пограничья, зависят от этой крепости. Если она падет, красные топоры вопьются в ворота Велитриума раньше, чем всадник покроет пограничье. Его величество или же советники его всличества оставили без внимания мою просьбу о подкреплении. Они понятия не имеют, насколько трудна здешняя жизнь, и потому предпочитают тратить деньги на что угодно, но только не на укрепление границы. Так что судьба пограничья сейчас целиком зависит от нас.

Ты знаешь, что большую часть войска, завоевавшего Конаджохару, отозвали обратно. Ты знаешь также, что имеющихся под моим началом сил совершенно недостаточно для надежной охраны границы, особенно с тех пор, как Зогар Саг ухитрился отравить колодец и у нас за один день умерли сорок человек. Из оставшихся в живых одни больны, других укусили змеи, а третьим досталось от дикого зверья, которым так и кишат окрестности крепости. Дошло до того, что воины начали верить похвальбе Зогара, будто по одному его слову лесные твари могут убить всех его врагов.

У меня сейчас три сотни копейщиков, четыреста боссонских лучников и человек пятьдесят таких, как ты, лесных лазутчиков. Каждый из вас стоит десятка обычных воинов — беда в том, что вас слишком мало. Нет, правда, Конан, положение ухудшается с каждым днем. Воины подбивают друг друга на дезертирство, они совсем пали духом, уверенные, что это Зогар Саг натравил на них своих демонов. К тому же колдун пригрозил напустить на крепость черную чуму — ужасную пагубу, обитающую в непроходимых болотах. Всякий раз, когда я вижу больного воина, я холодею от ужаса: что, если вот сейчас, прямо на моих глазах, он почернеет, иссохнет и умрет?

Конан, если на нас напустят чуму, здесь не выживет ни одного воина! Граница останется незащищенной, и тогда ничто не сможет удержать темнокожие племена от набегов на Велитриум, а может быть, и дальше, в глубь страны! И если мы, воины пограничья, не сумеем отстоять крепость, то как наши смогут удержать город?

Конан, Зогар Саг должен умереть, иначе нам не удержать Конаджохару. Больше медлить нельзя. Ты дальше других забирался в дикий лес, ты знаешь, где находится Гвавела и

кое-какие тропы по ту сторону реки. Я дам тебе людей. Выступишь этой же ночью. Попробуй захватить колдуна в плен, а не получится — убей. Понимаю, что мое предложение — чистое безумие. Существует не больше одного шанса из тысячи, что вам удастся вернуться живыми. Но если мы не покончим с ним, нам всем конец. Можешь взять столько воинов, сколько пожелаешь.

— В подобном предприятии от дюжины больше проку, чем от полка,— ответил Конан.— Пяти сотням в Гвавелу не пробиться, а дюжина сможет незаметно подкрасться к деревне и позже ускользнуть от погони. Я хочу сам выбрать воинов. Мне не нужны случайные люди.

— Возьми меня! — горячо воскликнул Балтус.— У себя на родине я всю жизнь охотился на оленей.

— Хорошо. Валанн, мы будем есть за столом, где собираются лазутчики, там и отберу людей. Из крепости выйдем в течение часа. Спустимся по реке ниже деревни и подкрадемся к ней лесом. Если останемся живы, вернемся до рассвета.

3

СКОЛЬЗЯЩИЕ ВО ТЬМЕ

Река неясной лентой вилась между черных стен. Лопасти весел уходили в воду бесшумно, как клювы цапель, и длинная лодка, скрытая густой тенью деревьев, быстро продвигалась вдоль восточного берега. В плотных сумерках широкие плечи сидящего перед ним человека казались Балтусу окрашенными в лиловый цвет. Он знал, что в окружавшей их тьме даже зоркие глаза застывшего на носу лодки варвара видят вперед не дальше, чем на несколько футов. Конан прокладывал путь, целиком положившись на инстинкты и на свое знание жизни на реке.

Все молчали. Балтус успел хорошо присмотреться к будущим спутникам еще до того, как все незаметно выскользнули за стену и спустились к реке, где для них было приготовлено каноэ. Они были из тех, кто вырос в суровом мире пограничья, кого жестокая необходимость заставила накрепко усвоить законы леса. Все до последнего аквилонцы, они имели в своем облике много общего. Одеты были одинаково: кожаные штаны, рубашка из оленьей шкуры, схваченная в поясе широким ремнем с заткнутым топором и ножна-

ми для короткого меча, на ногах — мягкой кожи мокасины; тела — поджарые, исполосованные шрамами и мускулистые; все молчаливые, с тяжелым взглядом.

В известном смысле тоже дикарей, их, однако, отделяла от Конана огромная пропасть. Изначально дети цивилизации, аквилонцы вернулись к полуварварскому состоянию в силу обстоятельств, в то время как Конан был прямым потомком тысячи поколений варваров. Они приобрели повадки дикаря со временем — он обладал ими с рождения. Он выделялся среди них гибкостью и отточенностью движений. И если аквилонцы были сродни волкам, то сам Конан — тигру.

Балтус не переставал восхищаться и аквилонцами, и их предводителем, он был в восторге от того, что его приняли как равного. Юноша с гордостью отметил, что ступает так же бесшумно, как и его товарищи. По крайней мере, в этом он оказался на высоте, хотя мастерство охотников Турана не шло ни в какое сравнение с мастерством лазутчиков из пограничья.

Чуть ниже по течению река образовывала широкую излучину. Огни крепости скоро скрылись из виду, но каноэ продолжало плыть еще с милю, с непостижимой легкостью обходя коряги и плавающие бревна.

Затем в тишине послышалась глухая команда, нос лодки повернулся, и она быстро заскользила к противоположному берегу. После непроницаемой тени от кустов, густой бахромой росших у самой воды, появление на открытой со всех сторон стремнине на первый взгляд выглядело безумием: казалось, еще миг — и они будут обнаружены! Но скоро Балтус успокоился: если кто в ту минуту и наблюдал за рекой, то в тусклом свете звезд даже самый пытливый глаз не смог бы рассмотреть пересекающее реку каноэ.

Волна качнула каноэ под разросшиеся у самого берега кусты. Ощупью найдя торчащий из воды корень, Балтус вцепился в него руками. Никто не проронил ни слова. Каждый получил необходимые указания еще до того, как отряд лазутчиков покинул крепость. Словно огромная пантера, Конан бесшумно скользнул за борт и исчез в кустах. Вслед за ним, также ничем не нарушая тишины, последовали еще девять человек. Юный аквилонец, не выпускавший из рук коряги, не верил своим ушам: казалось невероятным, чтобы в таком сплетении зарослей без единого звука смогли бесследно раствориться десять воинов.

Он приготовился ждать. С ним — еще один воин, оба сидели не шелохнувшись, не раскрывая рта. Отсюда, примерно в миле к северо-западу, окруженная непроходимыми лесами, стояла деревня Зогар Сага. Балтус четко усвоил отданное ему распоряжение: вместе с еще одним воином дожидаться возвращения команды лазутчиков. Если Конан с остальными не вернется к началу рассвета, эти двое должны изо всех сил грести обратно в крепость и там сообщить, что лес в очередной раз взял свою жатву. Вокруг стояла гнетущая тишина. Лес, невидимый за черной громадой нависших кустов, не издавал ни звука. Барабаны смолкли. Балтус вдруг понял, что они молчат вот уже несколько часов. Не сознавая того, он все время щурился, пытаясь проникнуть за плотную завесу мрака. Ночная сырость от реки и влажные лесные испарения будили в его душе тревожные предчувствия. Где-то, совсем рядом, плеснула вода, словно большая рыба, ударив хвостом, ушла на глубину. Похоже, рыба даже задела борт: ему почудилось, что по лодке пробежала легкая дрожь. Корма, чуть покачиваясь, начала отходить от берега. Должно быть, его напарник умудрился выпустить из рук корягу. Повернув голову, Балтус шепотом выразил свое недовольство; в двух футах от него виднелся размытый сгусток черной тени — его товарищ.

Тот ничего не ответил. Подумав, что тот просто-напросто уснул, Балтус вытянул руку и коснулся плеча воина. К его удивлению, от легкого прикосновения тело воина качнулось и безвольно осело на дно каноэ. Сердце юноши бешено заколотилось. Он осторожно повернул воина на бок и быстро пробежал по нему кончиками пальцев. Вот его пальцы коснулись шеи — и лишь мгновенно стиснутые зубы удержали рвущийся из горла крик! Пальцы наткнулись на страшную кровавую рану: шея напарника была перерезана от уха до уха.

Объятый ужасом, Балтус хотел было вскочить, но вдруг из мрака возникла мускулистая рука и, оплетя пальцами его шею, со страшной силой сдавила горло. Крик замер, не родившись. Лодка неистово раскачивалась. В руке Балтуса очутился нож, каким-то чудом выхваченный из-за голенища; и он ударил — вслепую, яростно! Он ощутил, как сталь пронзила ткани тела, и в тот же миг его оглушил звериный вопль, подхваченный десятком глоток. Тьма вокруг словно ожила. Оглушительно заплескала вода, и тут же в него вцепились сразу несколько рук. Под массой карабкающихся тел каноэ резко качнулось, но прежде чем аквилонец слетел

в воду, что-то с силой ударило его по голове. На краткий миг его ослепили вспышки разноцветных молний, и сразу навалилась тьма, в которой не осталось места даже звездам.

4

ЗВЕРИ ЗОГАР САГА

По мере того как прояснялось сознание, перед глазами снова заплясал огонь. Он зажмурился, помотал головой. От ярких вспышек разболелись глаза. В ушах нарастал неясный шум, который постепенно разбился на отдельные голоса. Он приподнял голову и, с трудом разлепив веки, тупо посмотрел по сторонам. Вокруг него, очерченные языками пламени, застыли темные фигуры.

Память и понимание происходящего острой иглой вонзились в мозг. Он стоял, привязанный к столбу, в окружении каких-то ужасных, свирепого вида существ. За кольцом неподвижных фигур горели костры, поддерживаемые обнаженными темнокожими женщинами. Дальше утоптанной площадки виднелись крытые тростником хижины со стенами из прутьев, обмазанных глиной. За хижинами встал частокол с широкими воротами. Но Балтус лишь мельком отметил про себя эти подробности. Даже темнокожие силуэты женщин с причудливо сбитыми волосами не привлекли его внимания. Он не сводил глаз с жутких фигур с горящими, как угли, глазами, обступивших его плотным кольцом.

Небольшого роста, широкоплечие, со впалой грудью и узкими бедрами, они были совершенно голые, если не считать набедренной повязки из львиной шкуры. В свете костров аквилонец видел, как играли узлы мускулов, выступающие под смуглой кожей. Темные лица сохраняли неподвижность, но в щелках глаз пылал огонь, какой пылает в глазах следящего за жертвой тигра. Черные гривы волос были схвачены на затылках лентами цвета меди. Пальцы сжимали мечи и топоры. Руки и ноги некоторых из них были обмотаны тряпьем. Как видно, совсем недавно они побывали в схватке — жестокой и кровавой.

Не в силах вынести огонь горящих, точно угли, зрачков, он опустил глаза — и едва не закричал от ужаса! В нескольких футах от столба возвышалась невысокая зловещая пирамида из окровавленных человеческих голов. Мертвые, остек-

леневшие глаза смотрели в черное небо. Среди обращенных в его сторону голов он с ужасом увидел лица воинов, сопровождавших Конана. Он не мог сказать наверняка, была ли в той пирамиде голова самого киммерийца. Ему были видны лишь несколько лиц. Похоже, что там было по меньшей мере голов десять-одиннадцать. Юношу охватила слабость. К горлу подступила тошнота. Рядом с пирамидой лежали тела полдюжины пиктов. Все стало ясно: лес собрал новую жатву.

Отвернувшись от страшного зрелища, он вдруг увидел неподалеку другой столб — тоже черный, как и тот, к которому он был привязан. Там на веревках висело тело человека в одних кожаных штанах, в котором Балтус узнал одного из лазутчиков Конана. Из его рта стекала струйка крови, бок был обезображен рваной раной. Приподняв голову, он облизал синевато-багровые губы и, с трудом перекрывая зловещий ропот толпы пиктов, хрипло произнес:

— Значит, ты тоже попался!

— Они подкрались по воде и перерезали горло напарнику. Мы так ничего и не услышали, пока на нас не накинулись. Великий Митра! Они ходят неслышно, будто призраки!

— Они — сущие демоны! — прохрипел воин.— Похоже, они нас заметили, когда мы выплыли на середину реки, и потом уже не выпускали из виду. Мы угодили в западню. Не успели опомниться, как нас утыкали стрелами. Большинство умерло на месте. Трое или четверо вломились в кусты и схватились врукопашную. Но врагов было слишком много. Жаль, что меня не прикончили сразу,— так было бы гораздо лучше. Конану, кажется, удалось скрыться. Во всяком случае, его головы здесь нет. Я на него не в обиде. В другое время нам удалось бы подкрасться незаметно. Обычно так далеко от крепости они за бортом не наблюдают. Скорее всего, мы напоролись на большой отряд, который возвращался вдоль берега с юга. Милые шуточки судьбы. Но откуда здесь столько пиктов? Я вижу, здесь дикари не только из Гвавелы, но еще из племен на западе, с верховьев и с низовьев реки.

Балтус медленно огляделся. Он мало что знал о жизни пиктов, но тоже вдруг с удивлением обнаружил, что вокруг сгрудилось гораздо больше воинов, чем обычно приходится на одну деревню. Хижин на всех явно не хватало. Приглядев-

шись, он обнаружил некоторые различия в боевой раскраске — в зависимости от того, к какому племени принадлежал тот или иной дикарь.

— Вот увидишь, не иначе как затевают какое-нибудь грязное действо,— проговорил воин у соседнего столба.— Должно быть, они собрались полюбоваться на колдовство своего Зогара. А тот, уж будь уверен, не упустит случая показать на нас свое могущество. Я всегда знал, что на границе не приходится рассчитывать на смерть в постели, но, право, жаль, что мы не последовали за остальными вовремя.

Внезапно волчье урчание сменилось единодушным воем, и по волнению в рядах дикарей, по их неистовому восторгу и телодвижениям Балтус понял, что появилась важная персона. Чуть не свернув себе шею, он обнаружил, что столбы стояли перед длинной хижиной, гораздо больше прочих, крышу которой украшали человеческие черепа. В широких дверях хижины кружилась в танце нелепо разодетая фигура.

— Зогар! — выдохнул лазутчик, его окровавленные черты заострились, в напрягшееся тело впились веревки.

Балтус увидел худого человечка среднего роста, почти невидимого за множеством страусовых перьев, привязанных к доспехам из кожи и меди. Из гущи перьев выглядывало злобное, уродливое лицо. Балтус был озадачен. Он знал, что такие перья привозят с юга, чуть ли не с другого конца света. Колдун подпрыгивал и приседал, а вместе с ним зловеще колыхались и шуршали перья.

Неистово отплясывая свой дикий танец, колдун вошел в кольцо темнокожих фигур и закружился перед замершими, безмолвными пленниками. Будь это кто другой, его прыжки показались бы нелепыми — обычное кривлянье выжившего из ума шамана. Но злобное лицо, горящие ненавистью глаза придавали разыгравшейся сцене мрачный оттенок. Такое лицо могло принадлежать лишь порожденью Зла — и никому другому!

Внезапно колдун остановился, замер, как статуя; перья, взлетев в последний раз, разом опали. Вой оборвался, в воздухе повисла тишина. Зогар Сан — прямой и неподвижный — стоял перед пленниками; казалось, он растет и ширится прямо на глазах. Балтусу вдруг почудилось, что пикт, возвышаясь над ним, презрительно усмехается с высоты своего огромного роста, хотя — он это знал наверняка — шаман едва ли достигал его плеча. Усилием воли он сбросил с себя наваждение.

Шаман забормотал; его голос — хриплый, гортанный — вместе с тем походил на шипение кобры. Вот его голова на тонкой, длинной шее задергалась у самого лица раненого воина, глаза заполыхали красным, точно лужицы крови в свете факелов. Не сдержав отвращения, аквилонец плюнул прямо в маячившее перед ним мерзкое лицо.

С пронзительным воплем колдун подпрыгнул на месте — над толпой дикарей взметнулся к небесам яростный рев! Все ринулись к столбу, но шаман взмахом руки остановил соплеменников. Он прорычал несколько слов, и четверо дикарей помчались к воротам. Распахнув створы, они так же быстро вернулись и растворились в толпе. Людское кольцо разомкнулось; давя друг друга, дикари в спешке отступали в стороны. Балтус увидел женщин и голых детей, в панике бегущих к хижинам. Укрывшись за стенами, они украдкой выглядывали из дверей и окон. От столбов к открытым воротам пролегла широкая полоса, за которой черной стеной встал лес; таившийся в его глубинах мрак ворвался в брешь ворот и темными сгустками расползся по углам.

В воздухе повисла напряженная тишина. Повернувшись к лесу, Зогар Саг привстал на цыпочки и исторг из груди нечеловеческий, зловещий вопль, многоголосым эхом прокатившийся во мраке ночи. Откуда-то из самой глубины чащи раздался низкий ответный рев. Балтус вздрогнул. Такой рев мог принадлежать кому угодно, только не человеку. Он вспомнил слова Валанна о том, что Зогар похвалялся, будто может подчинить своей воле любого, даже самого свирепого зверя. Окровавленное лицо воина стало мертвенно-бледным. Он судорожно облизал пересохшие губы.

Поляна затаила дыхание. Зогар Саг стоял, не шелохнувшись, в ореоле чуть вздрагивающих перьев. И вдруг в воротах возникла чья-то тень.

Вздох ужаса пронесся по деревне, люди в страхе подались назад; давя друг друга, они пытались укрыться за стенами хижин. Балтус почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. В открытых настежь воротах стоял зверь — живое воплощение ночного кошмара. Он был необычного белесого цвета, из-за чего казался полупрозрачным призраком. Но низко посаженная голова чудовища с длинными, кривыми клыками, поблескивающими в языках огня, меньше всего походила на голову призрачного существа. Бесшумно ступая на мягких лапах, он приближался к пленникам — фантом, явившийся из сумрачного прошлого. Это

был выходец из далеких времен, ужас многих легенд — огромных размеров саблезубый тигр-людоед. Вот уже несколько веков как ни один охотник Хайбории не встречал на тропе это доисторическое создание. Древние мифы наградили этих животных сверхъестественной силой, по-видимому, за жуткий цвет их шкуры и не сравнимую ни с чем свирепость.

Зверь, скользящей походкой подступавший к аквилонцам, был несравненно крупнее обычного полосатого тигра — почти как медведь. Невероятно развитые плечи и массивные передние лапы придавали ему неустойчивый вид, хотя задняя часть туловища была гораздо мускулистее туши льва. Огромная пасть и грубой формы голова говорили о неразвитом мозге. В нем не нашлось места другим инстинктам, кроме инстинкта разрушения. Это был зловещий каприз природы, уродливое отклонение в эволюционной цепи плотоядных, выродившееся в кровожадный кошмар из клыков, зубов и когтей.

Зогар Саг вызвал из леса одно из своих чудовищ! Балтус больше не сомневался: так значит, шаман и в самом деле обладает магической силой! Ибо только темные силы могли подчинить себе волю этого зверя с крошечным мозгом и несокрушимой мощью. В глубине сознания смутной тенью всплыло имя давно забытого древнего бога Тьмы и Ужаса, которому в первобытные времена были подвластны и люди и животные и чьи последыши — как о том ходили упорные слухи — до сих пор обитают в недоступных уголках мира. И ярость в глазах юноши, устремленных на Зогар Сага, сменилась страхом.

Вот зверь миновал распростертые на земле трупы и пирамиду из окровавленных голов — казалось, он их даже не заметил. Как видно, он не питался мертвечиной. Его притягивала только жизнь, в агонии которой был весь смысл его существования. В немигающих зеленых глазах горел вечный голод — голод не столько пустого желудка, сколько ненасытной потребности убивать! Из раскрытой пасти стекала слюна. Сделав шаг назад, шаман указал рукой в сторону раненого воина.

Огромная кошка присела на задние лапы, и тут Балтус вдруг вспомнил услышанный еще в детстве рассказ о наводящей суеверный ужас свирепости зверя: как во время охоты на слона тот, запрыгнув на исполина, так глубоко вонзает свои клыки-сабли в череп животного, что уже не может их

вытащить и в конце концов, прикованный к своей жертве, умирает голодной смертью... В этот миг колдун что-то резко выкрикнул, и с оглушительным рычанием чудовище прыгнуло к жертве.

Балтус никогда прежде не видел такого прыжка: ему показалось, будто в воздух взметнулся чудовищный сгусток железных мускулов с острыми как бритва когтями - - само воплощение всеразрушающей силы. Всей своей мощью зверь обрушился на грудь воина; от удара столб треснул, сломался у основания и с грохотом рухнул на утоптанный плац. Слабо рыкнув, саблезубое чудовище направилось к воротам, волоча по земле кровавые ошметки — все, что осталось от человека. Парализованный ужасом, юноша смотрел вслед уходящему зверю, мозг отказывался воспринимать то, что видели глаза.

Прыжок был настолько мощным, что зверь не только переломил толстый столб, но и оторвал привязанную к нему жертву. Острые когти, лишь коснувшись, вспороли тело раненого — едва не рассекли его надвое, а огромные клыки срезали полголовы с такой же легкостью, как если бы они вошли не в кость, а в мясо. Широкие сыромятные ремни порвались, как бумажные ленты, а там, где уцелели, не выдержали кости и плоть. Балтуса вырвало. За свою недолгую жизнь он поохотился и на пантер и на медведей, но у него и в мыслях не было, что еще обитают звери, способные в мгновение ока превратить живого человека в кровавое месиво.

Саблезубый гигант исчез за воротами, и минуту спустя лес огласило низкое, постепенно удаляющееся рычание. Перепуганные насмерть пикты подались глубже в тени за хижинами, один шаман стоял неподвижно, обратившись лицом прямо к черной пасти открытых ворот.

Внезапно кожу юноши покрыл холодный пот. Какой зверь войдет сейчас в эти ворота? Какая тварь превратит в падаль его молодое сильное тело? Разум захлестнула волна паники, он весь напрягся, тщетно пытаясь разорвать ремни. За чертой света затаилась ночь — таинственная, угрожающая. Пламя костров, отбрасывая зловещие блики, казалось пламенем ада. Он чувствовал устремленные на него глаза пиктов — сотни голодных, жестоких глаз, в которых, он знал это, не отражалось ни одной мысли — одна лишь жажда убийства. Они меньше всего походили на людей: скорее порождения Тьмы, населившие эти мрачные джунгли,— такие же бесчеловечные, как и те твари, к которым

обращал свои вопли изверг, разряженный в страусовые перья.

И вновь в ночи прозвучал зов колдуна: ни в чем не похожий на первый, он был полон зловещего шипения и свиста. Балтус похолодел: он понял, какую смерть уготовил ему Зогар Саг. Если бы змея могла шипеть так же громко, она издавала бы точно такое шипение.

Черный лес безмолвствовал: поляна затаила дыхание, лишь в ушах юноши тяжелым молотом билось сердце. Но вот в гробовой тишине послышался шорох — нарастающее шуршание сухих листьев, от которого пленника бросило в холодный пот,— и в воротах показалась новая тварь.

И снова Балтус узнал чудовище древних легенд. Там, на границе света и мрака, оторвав от земли треть туловища, раскачивалась огромная змея. Он как-то видел на рисунке и эту сплюснутую голову, не уступающую в размерах лошадиной, и слабо светящееся, свернувшееся кольцами тело, и этот злобный взгляд змеиных глаз. Раздвоенный язык появлялся и исчезал с быстротой молнии, на ослепительно-белых ядовитых зубах играли блики костров.

Балтус застыл, парализованный мыслью об ожидавшей его страшной смерти. Это была рептилия, которую далекие предки называли «змей-призрак». В незапамятные времена этот мерзкий ужас Тьмы вползал по ночам в хижины людей и пожирал целые семьи. Подобно питону, он душил свои жертвы, но кроме того, обладал ядом, вызывающим сумасшествие и смерть. Его тоже давно считали вымершим, но Валани говорил правду: ни один белый не мог с точностью сказать, какое зверье скрывалось в бескрайнем лесу за Черной рекой.

Чудовище двинулось вперед. Оно приближалось медленно, стлалось по земле, не поднимая головы, лишь чуть отогнув ее назад, готовясь для броска. Балтус, как завороженный, не сводил глаз с белесого опавшего брюха, которое через минуту, когда змея заглотит его, сразу раздуется, станет гладким и толстым. Но страха не было — все вытеснило чувство омерзения и тошноты.

И вдруг, брошенный из-за хижин, в воздухе промелькнул длинный предмет: и в тот же миг огромная рептилия судорожно ударила длинным телом и в ярости кольцами завертелась по земле. Словно во сне, аквилонец увидел дротик, засевший в шее змеи под широко раскрытой пастью,— спереди торчало древко, стальное острие вышло наперед.

Дротик не задел позвоночника, он лишь пронзил мускулы мощной шеи. Свиваясь в кольца и узлы, обезумевшее от злобы чудовище оказалось рядом с толпой дикарей, те в ужасе отпрянули, но — поздно! Яростно извивающийся хвост выкашивал за раз десяток, челюсти рвали плоть, брызги яда, попадая на кожу, жгли точно жидкий огонь. Вопя и завывая, люди отчаянно пытались ускользнуть от смерти: прятались в хижинах, бежали прочь, сбивая друг друга с ног, топча тела упавших. Но вот огромная змея накрыла своей тушей костер, в воздух взлетел сноп искр — и в приступе незнакомой жгучей боли чудовище с новой силой обрушилось на ненавистных двуногих!

Ослепленные страхом, дикари мчались прямо в огонь, разбрасывая направо и налево горящие бревна. На краткий миг пламя взметнулось вверх, но тут же опало; и только пылающие уголья давали багровый свет, в котором и разыгралось продолжение ужасной драмы.

Балтус стоял отрешенный, готовый к смерти, как вдруг ему почудилось, будто кто-то дергает его за запястья. В следующий миг он каким-то чудом оказался на свободе, его схватили за руку и быстро толкнули за столб. Пораженный, он узнал Конана и только тогда почувствовал на своей руке железную хватку киммерийца.

Кольчуга варвара была в крови, на обнаженном мече — капли засохшей крови; в багровых сполохах неясно вырисовывалась его гигантская фигура.

— За мной, пока они не очухались!

В руке Балтуса очутилась рукоятка топора. Зогар Саг исчез. Конан до тех пор тащил за собой юношу, пока с того не спало оцепенение и его ноги не заработали сами собой. Выпустив руку аквилонца, варвар вбежал в дом с черепами. Балтус — за ним. Внутри в глаза ему бросился каменный алтарь — в неверном свете, падавшем снаружи, на нем зловеще ухмылялись пять человеческих голов. Взгляд приковала одна из них — на вид недавно срезанная. Он вгляделся — и едва не закричал: то была голова купца Тиберия! Сразу за алтарем помещался идол — в полумраке его уродливые размытые формы отдаленно напоминали человеческие. И снова у Балтуса перехватило дыхание от ужаса: внезапно то, что казалось высеченной статуей, медленно приподнялось с корточек и, лязгая цепями, воздело длинные, в мерзких наростах руки к высокому потолку!

Меч Конана, описав дугу, разрубил кости и мясо. Киммериец поташил Балтуса вкруг алтаря мимо косматой, вздра-

гивающей на полу кучи к двери в задней стене хижины. Через нее они вывалились наружу — и снова внутри ограды! Но в нескольких ярдах перед ними смутно маячил частокол.

Позади хижины с алтарем было темно. Спасаясь от чудовища, пикты обегали хижину с идолом по сторонам. У стены Конан остановился, подхватил юношу и легко, как перышко, приподнял на вытянутых руках. Балтус ухватился за острия бревен, торчащие из высохшей на солнце глины, и, не обращая внимания на впивавшиеся в кожу щепки, вскарабкался на гребень. Он уже протянул руку киммерийцу, как вдруг из-за угла хижины выбежал пикт. Он круто остановился, во все глаза глядя на человека на стене,— в сполохах догорающих костров четко выделялась белая кожа аквилонца. Конан метнул топор — без промаха, но пикт уже раскрыл рот, чтобы предупредить своих; над общим гамом взвился его крик — и сразу оборвался: с раскроенным черепом дикарь повалился на землю.

Слепой ужас не мог подавить всех природных инстинктов дикарей. Едва раздался этот дикий крик, как на мгновение повисла тишина, но тут же разорвалась яростным воплем сотни глоток, и воины понеслись на зов, чтобы сообща отразить опасность.

Высоко подпрыгнув, Конан схватил руку Балтуса — не за запястье, а едва ли не у плеча — и, раскачавшись, забросил свое тело на гребень частокола. Юноша стиснул зубы, но еще миг — и киммериец оказался рядом. Перевалившись через гребень, беглецы спрыгнули на землю и пропали в темноте.

5

ДЕТИ ДЖЕББАЛЬ САГА

— В какой же стороне река? — нерешительно спросил Балтус.

— Я думаю, к реке нам лучше не приближаться,— ответил Конан.— Через минуту лес между деревней и рекой будет кишеть врагами. Скорей! Мы пойдем туда, где им в голову не придет нас искать,— на запад!

Ныряя в густые заросли, Балтус оглянулся: весь гребень стены был густо усеян черными точками — головами дикарей. Пикты явно пребывали в замешательстве. Они подоспели слишком поздно и не видели, как беглецы перелеза-

ли через степу. Воины примчались по тревоге, готовые дать отпор, но вместо врага обнаружили только труп соплеменника. Враг исчез.

Балтус решил, что скорее всего дикари пока не знают о бегстве пленника. Из деревни слышались беспорядочные возгласы и резкий, отрывистый голос Зогар Сага: под руководством шамана воины добивали змею из луков — на чудовище уже не действовали колдовские чары. И вдруг характер криков изменился: в ночь выплеснулся мощный рев звериной ярости.

Конан мрачно рассмеялся. Он вел товарища на запад по узкой тропке, то и дело теряющейся в плотном подлеске, однако варвар ступал так уверенно, словно находился на прекрасно освещенной центральной улице города. Балтус, спотыкаясь, шел следом; его не оставляло чувство, что он продирается между глухими стенами.

— Должно быть, нас уже ищут. Наверняка Зогар обнаружил пропажу, к тому же он прекрасно знает, что моей головы в той пирамиде не было. Грязный пес! Будь у меня второй дротик, я бы сначала продырявил его, а уж потом угостил бы змею. Старайся ступать по тропе. С факелами им нас не выследить, а от деревни отходит не меньше дюжины троп. Для начала они пойдут теми, что ведут к реке, обшарят берег на целые мили, понаставят дополнительные кордоны — думают, что мы будем пробиваться к крепости прямо сквозь их чащобы. Но мы не полезем в буерлом без крайней необходимости. Нас пока что вполне устраивает эта тропинка. Ну а сейчас, приятель, забудь обо всем и беги так, как не бегал никогда в жизни!

— Однако быстро же они справились с паникой, чтоб им...— пропыхтел Балтус, припуская вслед за киммерийцем.

— Они дикари и не способны бояться подолгу,— донеслось в ответ.

Какое-то время оба молчали. Все силы, все внимание были отданы бегу. С каждой минутой росла пропасть между беглецами и цивилизацией, и с каждой минутой они все глубже проникали в мир первозданной дикости. В душе Балтуса росла тревога, но он ни о чем не спрашивал. Наконец Конан, урвав время, внес некоторую ясность:

— Когда отойдем достаточно далеко, то повернем обратно и в обход деревни выйдем к реке. Вокруг Гвавелы на несколько миль нет ни одного поселения. В ней собрались пикты со всей округи. Мы сделаем большой круг. До рассве-

та они нас не выследят. Утром, понятно, возьмут верный след, но до тех пор мы оставим тропу и углубимся в лес.

Они быстро продолжали путь. Вопли сзади постепенно стихли. Меж зубов Балтуса со свистом прорывался воздух. В боку нарастала боль, бег становился пыткой. Он то и дело натыкался на купы кустов, вставшие по обеим сторонам тропы. Внезапно Конан остановился; круто повернувшись, он впился взглядом в уходящую в сумерки тропу.

Где-то вставала луна; ее тусклый беловатый свет заползал в самые темные уголки.

— Пора сворачивать в лес? — тяжело дыша, спросил Балтус.

— Дай топор,— едва слышно прошептал Конан.— За нами кто-то крадется!

— Может, лучше свернуть?

Покачав головой, Конан увлек товарища в сплетение зарослей. Луна поднялась еще выше, и на тропе чуть прояснило.

— Но нам не одолеть целого племени! — прошептал Балтус.

— Ни один двуногий не смог бы отыскать нашу тропу так быстро и в любом случае — не догнал бы,— тихо сказал Конан.— Молчи и не шевелись.

Воздух заполнила напряженная тишина, но Балтусу казалось, что биение его сердца слышно за мили. И вдруг, совершенно неожиданно, без малейшего шороха, из мрака на тропу высунулась звериная голова. Сердце подкатило к горлу юноши, на миг он отвел глаза, боясь узнать в ней жуткую голову саблезубого тигра. Но эта оказалась значительно меньше и уже — на тропе, скаля пасть и кровожадно урча, стоял леопард. К счастью, ветер дул в сторону людей и относил их запах. Зверь опустил морду, принюхиваясь, затем нерешительно двинулся вперед по тропе. По спине Балтуса пробежал холодок: последние сомнения исчезли — зверь их выслеживал.

Хищник был осторожен. Пройдя футов пять, он остановился и поднял голову; в полумраке сверкнули две огненные точки — глаза твари. Послышалось низкое рычание — и в этот миг Конан метнул топор!

Вся сила руки и мощь плеча ушли в этот бросок. Точно серебряная лента промелькнула в сумерках — и прежде чем Балтус успел понять, что это было, он увидел леопарда, бьющего лапами в предсмертной агонии: из раскроенного надвое узкого черепа торчком стояла рукоять топора.

Оставив укрытие, Конан подошел к зверю и выдернул из его головы топор. Затем оттащил безвольное тело с тропы в лес и спрятал среди деревьев подальше от случайного взгляда.

— А сейчас — за мной, и быстро! — отрывисто бросил он, сворачивая с тропы к югу.— За кошкой наверняка появятся и пикты. Я думаю, как только до Зогара дошло, что к чему, он послал зверя выследить нас. Воины должны идти следом за леопардом, но, думаю, он оставил их далеко за собой. Прежде чем напасть на след, леопард покружил около деревни, а как вышел на нашу тропу, то уж, поверь мне, не стал мешкать. Дикари не могли держаться за его хвостом, но уже сообразили, в какой стороне нас искать. Должно быть, напрягают сейчас слух — ждут воя своей кошки. Пусть себе тужатся, но скоро они обнаружат на тропе кровь, обыщут заросли и найдут труп зверя. Вот тогда, скорее всего, погони не избежать. Осторожнее ступай.

Сам Конан без труда уклонялся от низко нависших веток, неуловимым движением он огибал жесткий кустарник с цепкими колючками; с удивительной легкостью, не задевая стволов, скользил среди деревьев, каждый раз опуская ногу в точно выбранное место, где оставалось меньше всего следов. Однако для аквилонца все обстояло значительно сложнее.

Сзади не было слышно ни звука. Они прошли уже больше мили, когда Балтус спросил:

— А что, Зогар ловит щенков и натаскивает их, как собак?

Конан помотал головой:

— Он вызвал этого леопарда из леса.

— Но послушай,— продолжал упорствовать юноша,— если он может приказать одному зверю, то почему он не натравит на нас всех зверей сразу? В лесу полно леопардов, что он мелочится?

Какое-то время Конан молчал, а когда заговорил, голос его звучал несколько отчужденно:

— Он не имеет власти над всеми животными — только над теми из них, кто помнит Джеббаль Сага.

— Джеббаль Сага? — Балтус с сомнением повторил древнее имя. За всю свою жизнь он слышал его не более трех-четырех раз.

— Когда-то ему поклонялись все живые твари. То было очень давно, когда звери и люди говорили на одном языке. С тех пор люди о нем забыли, забыли и почти все звери, а

тех, что помнят, остались единицы. Так вот: люди и звери, что сохранили память о Джеббаль Саге, остались братьями и, как и прежде, говорят на одном языке.

Балтус ничего не ответил. Он побывал у столба смертников и своими глазами видел, каких чудовищ извергал ночной лес из своих глубин по призыву шамана.

— Цивилизованные люди надо всем этим посмеиваются,— продолжал Конан,— но пока что ни один из них толком не объяснил мне, как удается Зогар Сагу вызывать из чащи леса питонов, тигров, леопардов и заставлять их быть послушными его воле. Они обвинили бы меня во лжи... если бы посмели. Обычная манера всех цивилизованных. Когда вы не можете что-либо объяснить своими ушербными мозгами, вы просто заявляете, что этого не может быть.

Жители Турана по своему развитию стояли ближе к природе, чем остальное население Аквилонии; они все еще были подвержены различным суевериям, корни которых терялись в глубокой древности. К тому же Балтус видел то, от чего по его телу все еще временами пробегала дрожь. И потому он предпочел поверить на слово всему, о чем ему поведал Конан.

— Говорят, где-то здесь должна быть роща, которую Джеббаль Саг считал священной,— сказал варвар.— Не знаю, сам я ее не видел. Но тех зверей, что помнят Джеббаль Сага, в этом лесу обитает больше, чем во всем остальном мире.

— Тогда нас могут выслеживать и другие?

— Они нас и выслеживают,— спокойным тоном ответил киммериец, отчего у Балтуса отнюдь не улучшилось настроение.— Зогар всегда действует наверняка.

— И что же нам делать? — нервно спросил юноша, хватаясь за топор и со страхом вглядываясь в сумрачные зеленые арки над головой. По коже поползли мурашки, ему вдруг почудилось, что в каждой тени затаились клыки и когти, готовые в любую секунду вонзиться в его тело.

— Постой-ка!

Варвар остановился и, присев на корточки, острием ножа принялся рисовать на рыхлой земле какой-то знак. Нагнувшись, Балтус заглянул ему через плечо, и — непонятно почему — по его спине пробежал холодок. Воздух был недвижим, но листья над ними зашуршали, и оттуда донесся вой — зловещий и протяжный. Конан бросил вверх через плечо загадочный взгляд и, встав на ноги, мрачно воззрился на символ.

— Что это? — прошептал Балтус. Знак выглядел древним и потому был совершенно незнаком. Он подумал, что, может быть, ему просто не хватает знаний, а символ принадлежит к какой-нибудь древней культуре? Но даже будь он самым знающим художником на свете, он ни на дюйм не приблизился бы к разгадке.

— Я однажды видел такой,— пробормотал Конан,— высеченный на стене в пещере, в которую за последние миллион лет не заглядывал ни один человек. Я наткнулся на нее в необитаемых горах за морем Вилает, за тысячи миль отсюда. Позже я видел, как этот знак рисовал на песке у безымянной реки чернокожий колдун. Он-то и приоткрыл мне его тайну — это священный символ Джеббаль Сага и всех существ, которые его почитают. Вот, смотри!

Оба отступили на несколько ярдов в глубь плотных зарослей и замерли в напряженном ожидании. Где-то на западе послышался приглушенный бой барабанов: спустя минуту им ответили барабаны с востока и с севера. Балтус вздрогнул, хотя и знал, что от угрюмых барабанщиков, отбивающих на своих древних инструментах вступление к кровавой драме, его отделяют несколько миль мрачного леса.

Сам того не замечая, юноша затаил дыхание. Внезапно чуть дрогнули листья, расступились кусты, и на тропу выскользнула грациозная пантера. В пятнах лунного света лоснилась черная шерстка, под которой поигрывали великолепные мускулы.

Влажная почва хорошо держала запах. Опустив голову, пантера двинулась в сторону людей. Но вдруг остановилась, словно застыла, почти касаясь мордой таинственного символа. Долгое время она стояла без движения. Затем сильное тело расслабилось, и животное растянулось на земле, положив голову перед рисунком. Балтус почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове: поза грозного хищника выражала благоговейный трепет и слепое обожание.

Наконец пантера поднялась и медленно, на полусогнутых лапах начала пятиться в кусты у обочины тропы. И только она скрылась в них наполовину, как, круто повернувшись, словно объятая смертельным ужасом, метнулась прочь, не разбирая дороги!

Балтус вытер дрожащей рукой пот со лба и искоса посмотрел на киммерийца.

В глазах варвара мерцали огоньки, каких аквилонец никогда не видел у людей, впитавших в себя идеи цивилизо-

ванного общества. Бок о бок с ним стоял настоящий дикарь, похоже, начисто забывший о своем товарище. Его горящий взор пробудил в голове юноши смутные образы — неведомые и пугающие; в мозгу зашевелились полустершиеся воспоминания о простой, бесхитростной жизни, которую вели люди на заре истории человечества и от которой они отказались, выродившись в изнеженную расу господ и рабов.

Но вот лицо варвара обрело прежнее выражение, и, встряхнувшись, Конан молча направился в глубь леса.

— Зверей можно больше не бояться,— сказал он через некоторое время,— но мы оставили примету, на которую могут наткнуться люди. Сейчас нас выследить гораздо труднее, а если пикты не найдут мой знак, то так и не будут до конца уверены, где нас искать — на юге или где еще. А если и найдут, то без зверей, одним, им придется изрядно повозить по земле носами. Но в любом случае в лесу к югу от тропы будет полно воинов, и на день лучше затаиться, чтобы не напороться на какой-нибудь отряд. Найдем укромное местечко и там переждем день, а ночью выйдем к реке. Надо предупредить Валанна, а вряд ли ему будет легче, если мы сгинем в этом лесу.

— Предупредить Валанна? О чем?

— Кром всемогущий! Ты что, так ничего и не понял? Прибрежный лес прямо-таки кишит пиктами! Поэтому нас и обнаружили. На этот раз Зогар готовит большую войну, а не набег, как раньше. Он сделал то, чего на моей памяти не делал ни один пикт: объединил в один кулак по меньшей мере пятнадцать кланов. Думаю, здесь не обошлось без его славы колдуна: пикты куда охотнее пойдут в бой под началом колдуна, чем опытного военачальника. Ты видел — их в деревне целое сборище, но то была малая часть, еще несколько сот наверняка прячутся в зарослях вдоль берега. И на подходе другие, из дальних деревень. У него будет по меньшей мере три тысячи воинов. Я затаился в кустах и слышал разговоры, когда мимо проходил отряд. Они намерены напасть на крепость; когда, точно не знаю, но, думаю, Зогар не станет медлить. Он распалил их ярость и если не поведет в битву немедленно, то дикари скоро перессорятся друг с другом. Они точно взбесились — так жаждут напиться крови! Я не уверен, смогут ли они овладеть крепостью, но все равно мы должны переправиться через реку и предупредить своих. Поселенцам, которые обосновались при дороге на Ве-

литриум, надо как можно скорее или укрыться в крепости, или вернуться в Велитриум. Пока главные силы пиктов будут осаждать крепость, их летучие отряды будут рыскать вдоль дороги и могут проникнуть далеко на восток — может быть, даже за Громовую реку, в густонаселенные земли за Велитриумом.

Конан говорил на ходу, с каждым шагом все глубже забираясь в дикие дебри. Наконец он довольно хмыкнул. Они вышли к местности, где кустарник был довольно редкий, зато повсюду виднелись протянувшиеся к югу скальные обнажения. Ступив на скалу, Балтус приободрился: на голых камнях ни один пикт не сможет разглядеть их следы.

— Как ты остался жив? — наконец спросил он.

Конан постучал кончиками пальцев по кольчуге и по шлему.

— Если бы воины пограничья носили такие штуки, то на хижине с идолом было бы гораздо меньше их черепов. Но беда в том, что наши люди не способны ходить с оружием бесшумно. Дикари затаились по обе стороны тропки. А когда пикт стоит не шелохнувшись, его не заметит даже проходящий рядом лесной зверь. Они видели, как мы переплываем реку, и приготовились к встрече. Если бы они становились по местам после того, как мы вошли в прибрежные заросли, я бы еще, пожалуй, что-нибудь да заметил бы. Но нас уже поджидали, и ни один лист не дрогнул. Сам демон ничего бы не заподозрил. И лишь когда я услышал, что вроде бы где-то о лук трется стрела, тогда только закрались подозрения. Я бросился на землю и крикнул остальным, но те растерялись и действовали вяло. Большинство пали после первого же залпа, накрывшего нас с обеих сторон. Несколько стрел, перелетев через тропу, поразили пиктов, стоявших напротив. Я слышал, как они выли.— Он усмехнулся с мрачным удовлетворением.— Те, кто остался цел, вломились в заросли и схватились с дикарями врукопашную. Когда я увидел, что все, кроме меня, уже не двигаются, то расшвырял насевших на меня размалеванных демонов и скрылся в темноте. Они были повсюду. Я и бежал, и полз, и крался, и, бывало, лежал на брюхе под кустами, пока они обтекали меня по бокам. Потом сунулся к берегу, но их там оказалось что муравьев в муравейнике: ждали, что я именно так и поступлю. Я все равно рискнул бы — пробился к берегу и попытался бы переплыть реку,— но тут услышал со стороны деревни бой барабанов и понял, что кого-то взяли жи-

вым. Все были так поглощены шаманством Зогар Сага, что я без труда перелез через стену за длинной хижиной. Там должен был находиться часовой, но тот, сидя на корточках и выглядывая из-за угла, во все глаза следил за церемонией. Я подкрался сзади, и не успел тот сообразить что к чему, как я свернул ему шею. Его-то дротик и засел в змее, а топор — у тебя за поясом.

— А что это... что это была за тварь, которую ты убил в хижине с алтарем? — спросил Балтус, содрогнувшись при воспоминании об уродливом чудище.

— Один из богов Зогара. Он из детей Джеббаль Сага, но потерял память, и потому его приковали к алтарю. Это самец огромной обезьяны. Пикты поклоняются этим обезьянам, поскольку думают, что их отметил сам Великий-Волосатый-Который-Живет-на-Луне — Бог-горилла, раб большого бога по имени Гулла. Уже светает. Вот подходящее местечко, где можно спрятаться, пока не выясним, удалось ли дикарям напасть на след. Здесь переждем день.

За разговором прошли еще миль пять. Неподалеку высился невысокий холм, густо поросший деревьями и кустарником. Чуть ниже гребня из склона в беспорядке торчали обломки скал, прикрытых плотной зеленью. Укрывшись за ними, можно было, не обнаруживая себя, наблюдать за джунглями. Место годилось не только для наблюдения, но и для обороны. Балтус не слишком верил, что пикты смогут отыскать следы на каменистой почве, но он по-прежнему боялся зверей Зогар Сага. Несмотря на уверенность варвара, его вера в непонятный знак за время пути успела пошатнуться.

Прошло еще с полчаса. Под сенью сплетенных ветвей с каждой минутой становилось все светлее. Розовые лоскутки неба наливались голубым. Юноша почувствовал муки голода — хорошо еще, что они некоторое время шли по ручью и ему удалось утолить жажду. Вокруг царил полный покой, изредка нарушаемый щебетом птицы. Барабанов больше не было слышно. Расслабившись, Балтус обратился в мыслях к драме, разыгравшейся перед ритуальной хижиной этой ночью.

— Я видел на Зогаре перья страуса,— сказал он.— Такими же были украшены шлемы баронов, которые приезжали с востока к нам в пограничье. Но ведь в этих лесах страусы не водятся?

— Их привезли сюда из Куша,— ответил Конан.— За много переходов к западу лежит океанский берег. Зингарские купцы время от времени привозят на кораблях оружие, вино и украшения, чтобы обменять их у прибрежных племен на шкуры, медную руду и золотой песок. Иногда они торгуют и страусовыми перьями, которые получают из Стигии, куда, в свою очередь, они попадают из чернокожих племен Куша, расположенного к югу от Стигии. Шаманы пиктов за них хорошо платят. Но в такой торговле есть много риска. Пикты всегда не прочь завладеть кораблем силой. Да и само побережье опасно для мореплаванья. Я как-то плыл вдоль того берега, когда ходил под одним парусом с пиратами с Барахских островов.

Балтус бросил на товарища восхищенный взгляд.

— Я и раньше слышал, что ты на границе недавно. Ты назвал сейчас несколько стран. Наверное, много путешествовал?

— Да, поскитался по свету. Я побывал там, где до меня не был никто из моего народа. Я видел все большие города хайборийцев, шемитов, стигийцев и гирканцев. Я забирался в неизведанные джунгли к югу от черных королевств Куша и в пустыни восточнее моря Вилайет. Я был капитаном наемников, пиратом, козаком, бродягой без медяка за душой и полководцем — Кром всемогущий, кем я только не перебывал! Пожалуй, только королем в какой-нибудь цивилизованной стране, но, может быть, до смерти успею побывать и королем.— Варвар едва заметно усмехнулся: как видно, мысль пришлась ему по душе. Затем, пожав плечами, он растянулся на камнях.— По-моему, в такой жизни нет ничего зазорного. Я вот не знаю, останусь ли на вашей границе еще на неделю, месяц или год. Мне не сидится на месте. Просто для меня здешняя жизнь, как и везде,— ничем не лучше и не хуже.

Усевшись поудобнее, Балтус принялся наблюдать за лесом. Каждую минуту он ожидал, что вот сейчас из листьев высунется свирепое, в боевой раскраске лицо. Так проходил час за часом, но ни шорох веток, ни хруст камешков под осторожно ступающими ногами не нарушали разлитую в воздухе тишину. Может быть, пикты потеряли след и отказались от поисков? Тогда почему беспокоится Конан?

— Странно, что до сих пор не появились рыскающие по лесу отряды,— проворчал киммериец.— Если они махнули на нас рукой, значит, затевается по-настоящему крупная

игра. Похоже на то, что дикари собирают силы, чтобы преодолеть реку и захватить крепость.

— Стали бы они так забираться к югу, если бы вдруг потеряли след?

— Понятно, что они его потеряли, иначе давно свалились бы нам на головы. В другое время пикты прочесали бы лес вокруг деревни на десяток миль, и с холма мы их обязательно заметили бы. Видимо, они все-таки готовятся к переправе. Что ж, придется рискнуть... Мы идем к реке!

Все время, пока они крадучись спускались с холма, у Балтуса по спине ползали противные мурашки: каждый миг он ожидал услышать свист тучи стрел, выпущенных из крон деревьев. Юноша боялся, что пикты давно их обнаружили и устроили засаду. Однако Конан был уверен, что врагов поблизости нет, и, как выяснилось, киммериец был прав.

— Мы зашли слишком далеко к югу,— хмуро сказал Конан.— Поэтому пойдем напрямик. Не знаю, насколько они продвинулись вниз по реке, но будем надеяться, что выйдем к берегу ниже их отрядов.

С быстротой, казавшейся Балтусу безрассудством, они зашагали на восток. Жизнь в лесу словно вымерла. Варвар полагал, что все пикты собрались в Гвавеле, если не предположить самого худшего — что переправа уже началась. Хотя вряд ли дикари посмели бы плыть через реку днем.

— Они не дураки и понимают, что кто-нибудь из береговых лазутчиков наверняка их заметит и сразу поднимет тревогу,— терпеливо объяснял он юноше.— Нет, они переправятся ниже и выше крепости — так, чтобы их не увидела стража со стен,— а оставшаяся часть с рассветом рассядется по каноэ и начнет штурм стены, выходящей к реке. И как только они начнут атаку, те, что укрылись на восточном берегу, ринутся на стену с суши. Они раз сделали такую попытку, но тогда им повыпускали кишки. Но сейчас у них достаточно сил, чтобы овладеть крепостью.

Оба быстро скользили среди зарослей; Балтус время от времени бросал по сторонам жадные взгляды: в ветвях мелькали белки, и он мог бы сбить любую одним броском топора. Юноша со вздохом затянул ремень. Эта вечная тишина и постоянные лесные сумерки действовали на него угнетающе. Он поймал себя на мысли о том, что с тоской думает о светлых, в солнечных пятнах рощицах Турана, о его просторных лугах; об искрящемся весельс, царившем в дни праздников в отцовском доме со стенами из тесаного

камня, крытом соломой; о тучных коровах, щиплющих густую, сочную траву, и об искренней дружбе между загорелыми, сильными пахарями и пастухами.

Юноша чувствовал себя одиноко, хотя был не один. Но Конан был так же слит с этим первозданным миром, как Балтус — чужд ему. Киммериец мог провести годы в крупнейших городах мира, мог есть за одним столом с верховными правителями цивилизованных стран, мог даже осуществить свою бредовую идею — самому стать королем в одной из этих стран. Почему бы нет? В мире случались вещи и более невероятные. Но при этом он всегда оставался и останется варваром. Его интерес не заходил дальше жизненных основ. Тепло привычной домашней обстановки, простые человеческие чувства и милые сердцу пустячки, так много значащие в жизни цивилизованного человека, для него — пустой звук. Волк — это волк, даже если волею случая ему приходится одно время бежать в одной стае с гончими. Кровопролитие, насилие и свирепость были неотъемлемой частью жизни, которую он знал: он никогда не понимал и не поймет тех тихих радостей, которые так дороги людям цивилизованного общества.

Тени уже удлинялись, когда они вышли к реке и, затаившись в прибрежных зарослях, внимательно оглядели местность. Река просматривалась примерно на милю вверх и вниз по течению. Угрюмый поток нес свои воды — открытый и пустынный. Конан бросил хмурый взгляд на противоположный берег.

— Придется рискнуть еще раз. Сейчас мы милях в шести к югу от Гвавелы. Лучше всего переплыть реку здесь. Пока не ясно, успели пикты переправиться или нет. Лес на том берегу может кишеть ими, как запаршивевшая голова вшами. Но другого пути у нас нет.

Вдруг варвар резко пригнулся — и тут же Балтус услышал звон спущенной тетивы. Полоса яркого света прочертила воздух — стрела! В следующий миг Конан сделал мощный прыжок и пропал в зарослях. Над кустами сверкнула сталь — и в тишину ворвался вопль смертельной муки! Аквилонец не стал медлить: забыв обо всем, он вломился в заросли вслед за киммерийцем.

На земле с раскроенным черепом, судорожно сжав в скрюченных пальцах пук травы, лежал лицом вниз пиктский воин. Еще с полдюжины — с топорами и мечами наизготовку — роем вились вокруг Конана. Их луки, беспо-

лезные в ближнем бою, валялись поодаль. Нижние челюсти дикарей были окрашены белым, резко выделяясь на общем фоне смуглых лиц; рисунок, украшавший мускулистые грудные клетки, был совершенно незнаком аквилонцу.

Один из них метнул в Балтуса топор и бросился к юноше с ножом. Пригнувшись, Балтус успел перехватить руку, сжимавшую нацеленный на горло клинок, и, потеряв равновесие, оба тесным клубком покатились по земле. Пикт нападал с яростью дикого зверя, его мышцы стальными тросами ходили под кожей.

Вцепившись в руку дикаря, Балтус старался пустить в ход свой топор, но схватка была настолько яростной и стремительной, что ни один удар не достиг цели. В попытках высвободить руку пикт извивался дикой кошкой, рычал, брызгал слюной; хватаясь за топор, он в то же время коленями уперся в пах аквилонца. Наконец он попытался перехватить нож в свободную руку, и в этот момент Балтус привстал на колено, размахнулся и со всей силы опустил топор на размалеванную голову дикаря.

Вскочив на ноги, Балтус повел вокруг пылающим взглядом, ожидая увидеть своего товарища поверженным многочисленными врагами, и тут только он осознал всю силу, ярость и искусство киммерийца. Варвар уже успел покончить с двумя пиктами — раскинув руки, те валялись рядом, едва не разрубленные надвое. В следующий миг Конан отбил клинок короткого меча и, с кошачьей ловкостью легким прыжком в сторону уйдя от топора, вдруг очутился рядом с дикарем, нагнувшимся за луком. Пикт не успел выпрямиться, как окровавленный широкий меч метнулся вниз и разрубил смуглое тело от плеча до грудной кости, где и застрял. Оставшиеся два воина с двух сторон кинулись на варвара. Балтус примерился, бросил топор — и от двоих остался лишь один, а Конан, прекратив попытки вызволить свой меч, повернулся и встретил врага голыми руками. Коренастый воин, на голову ниже киммерийца, подпрыгнул и обрушил на Конана топор, другой рукой яростно ткнув его ножом в живот. Нож сломался о кольчугу, а топор, подрагивая, остановился в воздухе: выбросив руку вверх, Конан сомкнул железные пальцы на смуглом запястье. Громко хрустнула кость, и Балтус увидел, как дикарь, сморщившись от боли, пошатнулся. Пинком в лодыжку пикта сбили с ног, две сильные руки подняли его высоко в воздух, секунду подержали там — и швырнули отчаянно извивающегося во-

ина головой оземь с такой силой, что его тело отскочило от земли, рухнуло вновь и осталось лежать — неподвижное, скрюченное, с неестественно вывернутыми конечностями, что было верным признаком раздробленных костей и сломанного позвоночника.

— Вперед! — Конан рывком освободил свой меч и подхватил топор.— Хватай лук, охапку стрел — и за мной! Придется снова положиться на ноги. Наверняка тот вопль услышали. Через минуту здесь будет целый клан. Если переплывать сейчас, то не успеем добраться до стремнины, как нас утыкают стрелами!

6

КРАСНЫЕ ТОПОРЫ ГРАНИЦЫ

Конан не стал углубляться в лес. За несколько сот ярдов от реки он изменил направление и побежал вдоль берега. Балтус понял причину: охота в лесу может затянуться, а варвар решительно был настроен переправиться через реку и предупредить крепость об опасности. За их спинами нарастал вопль бешенства — отряды дикарей выбежали к прогалине с трупами. Судя по новой волне воплей, дикари всем скопом устремились за беглецами в лес: удирая, они оставили за собой такую тропу, что ни один пикт не сбился бы со следа.

Конан прибавил скорость; стиснув зубы. Балтус тоже наддал ходу, хотя чувствовал, что его сердце готово разорваться на кусочки. Казалось, прошли века с тех пор, как он что-то клал себе в рот. Кровь так стучала в ушах, что он даже не сообразил, когда же стихли вопли их преследователей.

Внезапно Конан остановился. Балтус, тяжело дыша, прислонился к дереву.

— Все, отвязались! — хмуро бросил киммериец.

— А вдруг... крад... крадутся! — порывисто выпалил юноша.

Конан покачал головой:

— Когда они наступают на пятки, как сейчас, то орут не переставая. Нет, они вернулись. К тому же за несколько секунд до того, как стали стихать вопли, я вроде бы слы-

шал чей-то окрик. Их отозвали к реке. Для нас это — удача, но для людей в крепости — хуже не придумаешь. Это значит, что воинов собирают для решительного штурма. Те пикты, на которых мы напоролись, были из племени с низовьев реки. Они, конечно, шли в Гвавелу, чтобы вместе со всеми участвовать в штурме. Кром всемогущий! Прошло столько времени, а мы только и делаем, что удираем все дальше и дальше! Все, хватит! Пора переправляться.

Варвар свернул на восток и, не таясь, быстро зашагал к реке. Балтус поспешил следом; глубокие отметины, оставленные зубами пикта на плечах и на груди, давали о себе знать острой, пульсирующей болью. Он продирался сквозь густые кусты, росшие по берегу, когда Конан, вдруг круто обернувшись, толкнул его обратно в заросли. Послышались ритмичные всплески, и юноша сквозь листву увидел идущую снизу каноэ-долбленку, ее одинокий гребец изо всех сил работал веслом, борясь с течением. Это был крепкого сложения пикт; за ленту цвета меди, схватывающую грубо остриженную у плеч черную гриву, было воткнуто белое перо цапли.

— Он из Гвавелы,— шепнул Конан.— Посол Зогара. Это видно по белому перу. Он вел переговоры о мире с нижними племенами, а сейчас торопится обратно, чтобы тоже принять участие в резне.

Одинокий посол почти поравнялся с затаившимися воинами, как вдруг произошло нечто такое, отчего Балтус чуть было не выпрыгнул из собственной кожи: прямо под ухом у него раздалась характерная хрипловато-гортанная речь пиктов! Не сразу до него дошло, что это Конан окликнул посла на родном языке дикаря. Вздрогнув от неожиданности, человек в лодке уставился на кусты, потом отрывисто проговорил несколько слов и бросил испуганный взгляд на противоположный берег. Нагнувшись как можно ниже, пикт направил лодку к западному берегу. Ничего не понимающий Балтус увидел, что киммериец берет лук, подобранный на прогалине, и вкладывает стрелу.

Подогнав каноэ ближе к берегу, пикт поднял весло, затем поднял глаза к кустам и снова что-то сказал. Ответ последовал незамедлительно: зазвенела тетива, и стрела, прочертив в воздухе короткую прямую, по самые перья вошла в широкую грудь дикаря. Тот коротко вскрикнул, осел набок и свалился в прибрежное мелководье. В мгновение ока Конан скатился по невысокому откосу и, войдя в воду, под-

хватил относимую течением лодку. Балтус — несколько неуверенно — спустился следом и забрался в каноэ. Усевшись на низкую скамью, Конан схватил весло и мощными гребками направил утлое суденышко к восточному берегу. Балтус с восхищением и завистью следил, как играют мускулы под загорелой кожей киммерийца. Варвар был точно железным: казалось, ему было неведомо чувство усталости.

— Что ты сказал пикту? — спросил Балтус.

— Чтобы греб к берегу. Сказал еще, что заметил на том берегу белого охотника, который уже взялся за лук.

— Мне кажется, ты поступил не совсем честно! — осмелился возразить юноша.— Ведь он принял тебя за друга. Оно и понятно: ты говорил, как настоящий пикт.

— Нам нужна была его лодка,— спокойно ответил Конан, не переставая грести.— Другим способом нельзя было подманить его к берегу. Что хуже: обманом убить пикта, который с удовольствием содрал бы с нас живьем кожу, или обмануть надежды белых с восточного берега, чьи жизни сейчас зависят от нашей расторопности?

Балтус не долго размышлял над моральной стороной вопроса. Пожав плечами, он спросил:

— Как далеко мы от крепости?

Конан указал на устье речки за несколько сот ярдов ниже по течению, впадающей в Черную реку с востока.

— Это Южная речка; от ее устья до крепости десять миль. Она служит южной границей Конаджохары. За ней пограничье совершенно дикое. Оттуда нападать некому. Девятью милями выше крепости Северная речка образует другую границу. Местность там такая же дикая. Так что нападения можно ждать только из-за Черной реки. Конаджохара вонзилась в пиктские земли, как копье с острием шириной в девятнадцать миль.

— Почему бы нам не остаться в лодке и не доплыть по реке?

— Потому что пришлось бы лавировать против течения да еще огибать излучины. Пешком мы доберемся быстрее. К тому же вспомни — Гвавела находится к югу от крепости, и если пикты уже начали переправу, мы угодим прямо к ним в лапы.

Сгущались сумерки, когда они ступили на восточный берег. Не отдохнув ни секунды, Конан зашагал на север с такой легкостью, что уже через сотню ярдов крепкие ноги Балтуса дали о себе знать.

— Валанн предлагал построить две крепости: в устьях Северной и Южной речек,— проворчал киммериец.— Тогда можно было бы весь участок реки держать под постоянным наблюдением. Но правительство решило иначе. Толстопузые дурни, развалившиеся на мягких подушках, с голыми девками под боком, которые, стоя на коленях, протягивают им кубки с ледяным вином,— я хорошо знаю эту породу. Они не способны видеть дальше дворцовой стены. Дипломатия — идиотизм! Они считают, что вместо оружия они могут победить пиктов своими бреднями о постепенном освоении новых земель. И вот таким олухам должен подчиняться Валанн со своими воинами! Им больше не удастся отхватить ни ярда пиктской земли — здесь повторится та же история, что и с Вендариумом. Даже хуже — если дела и дальше так пойдут, то в один прекрасный день варвары полезут на стены восточных городов!

Еще неделю назад Балтус поднял бы на смех автора подобного предположения. Сейчас же он не нашелся что ответить, ибо своими глазами видел неукротимую ярость тех, кто обитал в лесу западнее границы.

Аквилонец поежился. Он то и дело с опаской поглядывал на гладь реки, видную сквозь кустарник, на зеленые арки деревьев, вплотную подступивших к воде. Ему не давала покоя мысль, что пикты, должно быть, уже переправились через реку и расставили вокруг крепости засады. Тем временем быстро спускалась ночь.

Легкий шорох — и тут же сердце у Балтуса подкатило к горлу, а меч Конана сверкнул в воздухе. Он опустил его, когда из кустов выскользнул пес — огромный, поджарый, иссеченный шрамами зверь — и, остановившись, вывалив язык, уставился на людей.

— Это пес одного поселенца,— сказал Конан.— Парень построил дом на берегу реки несколькими милями южнее крепости. Однажды ночью к нему наведались пикты — самого, понятно, убили, а дом сожгли. Мы нашли его мертвого среди остывающих угольев; чуть в стороне лежал вот этот пес, оглушенный, едва не порезанный на куски, а рядом — трупы трех пиктов с порванным горлом. Мы взяли его в крепость, перевязали раны, выходили, но только он поправился, как сбежал в лес и одичал... Ну что, Секач, опять охотишься за теми, кто убил твоего хозяина?

Крупная голова зверя покачивалась из стороны в сторону, в глазах горел зеленоватый огонь. Он не рычал и не лаял. Бесшумно, как привидение, пес приблизился к людям.

— Пусть идет с нами,— пробормотал Конан.— Он учует двуногих тварей раньше, чем мы их заметим.

Балтус улыбнулся и, думая приласкать пса, положил руку ему на голову. В тот же миг пасть зверя оскалилась, обнажив два ряда белых острых клыков; затем, опасливо опустив голову, пес нерешительно дернул хвостом, словно с трудом вспоминая давно забытое тепло человеческой руки. Балтус мысленно сравнил это большое, поджарое, сильное тело с гладкими, упитанными собаками, с визгом и лаем резвящимися на скотном дворе возле отцовского дома. Юноша вздохнул. Для животных граница явилась не менее суровым испытанием, чем для людей. За время одиночества бедняга-пес почти забыл, что значили для него раньше преданность и дружба с человеком.

Секач поднял голову, и Конан пропустил его вперед. Последние следы сумерек растаяли в ночной тьме. Под размеренным, неутомимым шагом быстро бежали миля за милей. Казалось, у Секача навсегда пропал голос. Внезапно он остановился и, весь подобравшись, навострил уши. Мгновение спустя то, что услышал пес, услышали и люди: слабый как шепот, жуткий, демонический вопль сотен глоток где-то впереди вверх по реке.

Конан страшно выругался.

— Они напали на крепость! Мы опоздали! Вперед!

Он ускорил шаг, полностью положившись на чутье собаки. В приливе возбужденного ожидания Балтус забыл и о голоде и об усталости. По мере продвижения к крепости вопли становились все громче, к визгу пиктов примешивались низкие выкрики воинов. И только Балтус подумал, что вот сейчас они выбегут прямо на вопящую толпу дикарей, как Конан, свернув в сторону от реки, пошел широким полукругом, пока перед ними не оказалась низкая вершина, с которой, однако, можно было окинуть взглядом лес. Взбежав наверх, они увидели крепость в кольце факелов, выставленных за парапет на длинных кольях. Факелы отбрасывали на поляну вокруг крепости дрожащий, слабый свет, а там, внизу, вдоль бахромы леса, бесновались толпы голых, размалеванных человечков. Гладь реки бороздили десятки каноэ. Пикты взяли крепость в кольцо!

Из леса и с реки на стены крепости нескончаемым потоком полетели стрелы. Над воплями поднялся многократно усиленный низкий звон спущенной тетивы. Наконец, завывая волками, несколько сот голых воинов выбежали из-под

деревьев и с топорами в руках устремились к Восточным воротам. До цели оставалось не меньше ста пятидесяти ярдов, как вдруг со стен на них обрушился губительный дождь стрел; в минуту землю усеяли трупы, а уцелевшие волной откатились под защиту деревьев. Тут же ударили веслами гребцы каноэ, но были встречены залпом из катапульт и небольших баллист, установленных на башнях по краям обращенной к реке стены. Камни и бревна, со свистом пронесясь по воздуху, разбили в щепки полдюжины каноэ, поубивав находящихся в них воинов; прочие лодки поспешили выйти из зоны обстрела. И тогда со стен скатился мощный рев торжества, в ответ на который со всех сторон взвился злобный звериный вой!

— Будем прорываться? — дрожа от нетерпения, спросил юноша.

Конан покачал головой. Скрестив на груди руки, он стоял, чуть наклонив голову, погруженный в мрачные раздумья.

— Крепость обречена,— глухо сказал киммериец.— Пикты помешались от крови и теперь не отступят, пока их не перебьют всех до единого. А в крепости для такой задачи слишком мало воинов. Нам не прорваться, а если бы и прорвались, то смогли бы разве что умереть вместе с Валанном.

— Так что же, будем спасать свои шкуры?

— Да. Надо предупредить поселенцев. Знаешь, почему пикты не подожгли крепость горящими стрелами? Им ни к чему большой огонь, который мог бы предупредить остальных об опасности. Они хотят поскорее покончить с крепостью, чтобы потом, пока никто не узнал о ее падении, устремиться дальше на восток. Так, переправившись через Громовую реку, дикари смогут взять Велитриум прежде, чем его жители поймут, что же случилось. И в любом случае они уничтожат все живое между крепостью и Громовой рекой. Нам не удалось предупредить Валанна, но, как я понимаю, ему это все равно не помогло бы. В крепости слишком мало людей. Еще несколько атак — и пикты заберутся на стены и разобьют ворота. Но еще можно предупредить поселенцев при дороге на Велитриум. Мы снаружи кольца, которым пикты обложили крепость, и сейчас главное — не обнаружить себя. За мной!

Широким полукругом они стали огибать крепость; вопли то взлетали волной, то опадали, отмечая новые атаки и

отступления пиктов. Воины крепости держались, но ярость дикарей от этого только усиливалась. Пронзительные крики постепенно перерастали в резкий визг, в котором угадывалась уверенность в скорой победе.

И вдруг, совершенно неожиданно для Балтуса, они вышли к дороге, ведущей на восток.

— Теперь — бегом! — отрывисто бросил Конан.

Балтус стиснул зубы. До Велитриума было девятнадцать миль, до речки Скальпа, за которой начинались поселения,— добрых пять. Аквилонцу начинало казаться, что их бегству и стычкам с дикарями не будет конца. Но нервное возбуждение, разгонявшее в жилах молодую кровь, пробуждало к жизни исполинские силы.

Секач с опущенной к земле головой бежал впереди. Вдруг пес тихонько рыкнул — впервые за все это время он издал какой-то звук.

— Впереди — пикты! — прошептал Конан. Встав на колено, он дюйм за дюймом осмотрел небольшой участок дороги. Наконец, озадаченный, помотал головой: — Не пойму, сколько их. Может быть, летучий отряд из тех нетерпеливых, что не стали дожидаться падения крепости, а отправились вперед, чтобы перерезать белых прямо в постелях. За мной!

Скоро впереди между деревьями сверкнуло пламя, и они услышали свирепые голоса, распевающие какую-то дикую, полную ненависти песню. Дорога здесь делала поворот. Свернув в сторону, они заскользили напрямик через заросли и спустя несколько секунд уже смотрели на открывшуюся их глазам зловещую сцену. На дороге стояла телега, нагруженная убогим домашним скарбом. Все было в огне; запряженные в телегу быки лежали с перерезанными горлами. Чуть поодаль посреди дороги скорчились два тела — мужчины и женщины, обнаженные и жестоко израненные. А вокруг, размахивая окровавленными топорами, отплясывали в неудержимом веселье свой жуткий танец пятеро пиктов; один из них крутил над головой женское платье, густо испачканное алым.

При виде расправы глаза Балтуса застлал красный туман. Подняв лук, он прицелился в пляшущую фигурку, черным пятном выделяющуюся на фоне огня. Зазвенела тетива — и дикарь, вдруг подпрыгнув, рухнул на землю со стрелой в сердце. В следующий миг перед пораженными пиктами, точно разгневанные духи леса, предстали двое белых и ог-

ромный пес. Конаном двигала его душа воина, его извечная готовность к бою и старинная, корнями уходящая в далекое прошлое расовая ненависть; но Балтус весь так и кипел от ярости.

Первого пикта, вставшего у него на пути, он сразил мощным ударом топора; раскрашенный череп развалился надвое, и, перепрыгнув через труп, юноша бросился к остальным. Но Конан уже успел покончить с одним из двух, что он наметил для себя, а ко второму аквилонец не поспел: только он занес топор, как грудь воина пронзил широкий меч и враг повалился на землю. Балтус с надеждой повернулся к пятому — над тем стоял Секач, из пасти пса каплями стекала кровь.

Балтус в глубоком молчании посмотрел на две жалкие фигурки, лежащие на дороге ярдах в пяти от горящей повозки. Оба были молоды, особенно женщина — на вид не больше двадцати. По непонятной причине пикты не изуродовали ее лица, и даже жестокие предсмертные муки не смогли исказить его красивые черты. Но прекрасное юное тело было все исполосовано ножами. На глаза юноши навернулись слезы, к горлу подступил комок. На мгновение он потерял контроль над собой. Ему захотелось пасть ничком и плакать, плакать, спрятав лицо и впиваясь в землю зубами.

— Какая-то молодая парочка.— Конан говорил бесстрастно, вытирая меч о траву.— Ехали в крепость, тут пикты их и встретили. Парень, наверное, хотел поступить на службу в гарнизон, а может быть, взять землю. И то же ожидает всех мужчин, женщин и детей по эту сторону от Громовой реки, если мы не поможем им как можно скорее добраться до Велитриума.

Колени Балтуса дрожали, когда он шел вслед за Конаном. Но в легкой, уверенной походке киммерийца не было и намека на слабость. Между ним и огромным поджарым зверем, скользящим рядом, установилось некое подобие родства. Секач больше не ворчал, хотя по-прежнему принюхивался к земле. Дорога перед ними была свободна. Вопли с реки постепенно стихали, но Балтусу хотелось верить, что крепость еще держится. Внезапно Конан с проклятием остановился.

Он указал на узкую колею, которая сворачивала с дороги на север. Колея была старая, местами заросшая свежей молодой травой, и по этой траве недавно проехало колесо! Балтус скорее понял это шестым чувством, чем разглядел,

хотя варвар, похоже, видел во тьме, как кошка. Киммериец показал, где широкие колеса телеги, сворачивая с большой дороги, оставили в мягкой лесной почве глубокий след.

— Поселенцы отправились на солончаки за солью,— с тревогой в голосе сказал он.— Они у самого края пограничья, примерно за десять миль отсюда. Проклятье! Их отрежут и перебьют всех до последнего! Сделаем так: предупредить людей при дороге можно и одному. Это за тобой: буди всех подряд и гони в Велитриум. Я найду тех, кто пошел за солью. Они должны разбить лагерь возле солончаков. На дорогу не вернемся, будем пробираться лесом.

Не вдаваясь в подробности, Конан свернул с дороги и быстро зашагал по едва различимым следам; а Балтус, проводив варвара взглядом, направился дальше по дороге. Пес остался с юношей и сейчас бесшумно скользил у его ног. Они прошли ярдов сорок, как вдруг Секач глухо зарычал. Круто повернувшись, Балтус впился взглядом во тьму и застыл, пораженный: в направлении, которым ушел Конан, удалялся бесформенный сгусток призрачного зеленоватого света. В рычании пса послышался хрип, шерсть на его шее встала прямо; в темных зрачках заискрились зеленые огоньки. Юноша вспомнил мрачное виденье, унесшее голову купца Тиберия,— это случилось где-то здесь, неподалеку,— и заколебался. Было ясно, что тварь преследовала Конана. Но с другой стороны, гигантский киммериец уже не раз доказывал свою способность позаботиться о себе, и Балтус решил, что долг обязывает его предупредить мирно спящих поселенцев, волею судьбы оказавшихся на пути кровавого урагана. Перед глазами встала жуткая картина: два мертвых, изуродованных пыткой тела около объятой пламенем повозки, и опасения за Конана вытеснил ужас за судьбу ничего не подозревающих людей.

Он побежал дальше по дороге, перешел вброд речку Скальпа и увидел первый дом поселенцев — длинное приземистое сооружение из отесанных бревен. В следующий миг аквилонец уже барабанил в дверь. Заспанный голос спросил, что ему нужно.

— Проснитесь! Пикты на этом берегу!

Ответ последовал незамедлительно. В доме послышался слабый вскрик, дверь распахнулась, и перед юношей предстала женщина в короткой ночной сорочке. Ее волосы в беспорядке разметались по плечам, в одной руке она держала горящую свечу, в другой сжимала рукоять топора. В пере-

кошенном лице не было ни кровинки, в широко раскрытых глазах застыл ужас.

— Входите! — крикнула она.— Запремся в доме!

— Нет! Надо бежать в Велитриум! Их тысячи! Крепость долго не продержится. Может быть, она уже пала. Одеваться некогда, берите детей и — бежим!

— Но как же муж... он ушел с другими за солью! — запричитала женщина, заламывая руки; из-за ее спины, щуря глаза, с опаской выглядывали три взъерошенных мальчугана.

— Их предупредит Конан. Он выведет их в безопасное место. У нас нет времени — надо успеть предупредить остальных.

Из груди женщины вырвался вздох облегчения.

— Хвала Митре! — воскликнула она.— Раз за ними пошел киммериец, значит, они спасены... если только это под силу смертному!

Страхи пропали — в ней проснулась энергия. Подхватив на руки младшего, она вытолкала старших перед собой в дверь. Балтус затоптал свечу, прислушался. Темный лес молчал.

— У вас есть лошадь?

— В конюшне,— простонала она.— Это там — скорее!

У сарая женщина дрожащей рукой отомкнула засов. Нетерпеливо отстранив ее, Балтус вошел в конюшню и вывел лошадь; затем, усадив детей на спину животного, велел им держаться за гриву и друг за друга. Несмотря на малый возраст, они серьезными глазами, без единого звука смотрели на нежданного гостя. Взяв лошадь под уздцы, женщина быстрым шагом пошла по дороге. В руке она по-прежнему сжимала топор, и Балтус знал, что в случае опасности она будет биться с яростью загнанной в угол пантеры.

Он задержался, напрягая слух. Наверняка крепость уже пала, и, значит, темнокожие орды, обезумевшие после резни и опьяневшие от запаха крови, мчатся сейчас с прытью голодных волков по дороге на Велитриум.

Наконец впереди показались неясные очертания еще одного дома. Женщина пронзительно закричала, предупреждая об опасности, но Балтус остановил ее. Подбежав к двери, он негромко постучал. Ответил слабый голос. В двух словах юноша рассказал о нападении, и тут же из дома лавиной выбежали его обитатели: старуха, четверо детей и две молодые женщины. Оказалось, что их мужья, не подозревая о близкой опасности, днем раньше тоже отправились за

солью. Сраженная страшным известием, одна из них впала в транс, другая от отчаяния забилась в истерике. Но старуха — суровый старожил пограничья — грубым окриком привела обеих в чувство; затем помогла Балтусу вывести из загона за домом двух оседланных лошадей и усадить на них ребятишек. Балтус настаивал, чтобы она ехала вместе с детьми, но та только помотала головой, усадив вместо себя молодую женщину.

— Она ждет ребенка,— проворчала старуха.— А я еще могу ходить... и драться, если до того дойдет.

Они уже вышли на дорогу, когда шагавшая рядом женщина спросила Балтуса:

— Незадолго до сумерек мимо проехала молодая пара. Мы им советовали заночевать у нас, но они торопились попасть в крепость до наступления темноты. Они... они...

— Они встретили пиктов.— коротко бросил аквилонец, и женщина всхлипнула в ужасе.

Едва дом скрылся из виду, как с той стороны, приглушенный расстоянием, донесся протяжный резкий вопль.

— Волк! — воскликнул кто-то из взрослых.

— Волк,— согласился Балтус,— только размалеванный и с топором в руке. Езжайте вперед! Будите всех и забирайте с собой. Я — следом.

Не сказав ни слова, старуха, как опытный пастух, погнала перед собой ватагу подопечных. Караван уже скрылся во тьме, и там маячили лишь бледные овалы — обращенные к нему личики детей. Балтус вспомнил родных, оставшихся в Туране, и на него нахлынула непривычная слабость. Поддавшись чувствам, он опустился на корточки, положил руку на мускулистую шею пса и тут же почувствовал, как его лица коснулся влажный и теплый собачий язык.

Юноша через силу улыбнулся.

— Ну что, дружище,— пробормотал он, вставая.— Вот и для нас нашлась работа.

Среди деревьев мелькнул и начал быстро разгораться красный свет: пикты подожгли брошенный дом. Он усмехнулся. Уж и побесится Зогар Саг, когда узнает, что его воины не смогли совладать со своими дикарскими наклонностями. Этот пожар поднимет на ноги многих, а значит, люди проснутся и успеют собраться еще до того, как к их домам подъедут беглецы. Однако лицо аквилонца оставалось серьезным. Женщины идут медленно, лошади перегружены. Быстроногие пикты нагонят их через какую-нибудь милю, если только...

Место для засады он выбрал за грудой поваленных деревьев у обочины дороги. Участок к западу был освещен горящим домом, и когда показались пикты, он их увидел первым — крадущиеся черные фигурки на фоне полыхающего за деревьями пожара.

Прицелившись в одну из голов, Балтус пустил стрелу, и дикарь мешком повалился на землю. Остальные немедленно растворились в лесу по обе стороны дороги. Секач тихонько заскулил: ему не терпелось убивать. Но вот у кромки леса возникла неясная тень и бесшумно скользнула через дорогу к упавшим деревьям. Вновь зазвенела тетива, пикт завопил и, ковыляя, отступил в тень: стрела пронзила его бедро. Секач обогнул груду деревьев и, подкравшись сбоку, прыгнул в заросли. По кустам словно пронесся ураган; затем все стихло, и скоро пес ткнулся носом в руку юноши — на морде зверя алела кровь.

Больше никто не появлялся, и Балтус уже начал опасаться, что враг, сделав большой крюк, просто обошел его засаду, как вдруг слева от него раздался слабый шорох. Он тут же пустил наугад стрелу и выругался, услышав глухой звук: наконечник вонзился в дерево. И снова Секач скользнул в темноту; послышался треск, горловое бульканье, и бесшумно, как привидение, пес показался из зарослей. Своей крупной, в алых пятнах головой он потерся о бедро Балтуса. Из раны на плече пса сочилась кровь, но с той стороны больше не донеслось ни звука.

Остальные воины, скрывавшиеся в придорожных зарослях, как видно, кожей почувствовали, какая смерть настигла их товарища, и потому решили, что лучше уж атаковать в открытую, чем угодить в лапы ужасного зверя-невидимки. К тому же они, возможно, поняли, что за стволами — всего один человек. Внезапно выбежав на дорогу, они с двух сторон помчались к поваленным деревьям. Трое упали, пронзенные стрелами, еще двое замялись. Один развернулся и помчался прочь; зато другой, оскалив зубы и замахнувшись топором, ринулся на укрепление. Балтус вскочил, но поскользнулся — это спасло ему жизнь. Топор, чиркнув по голове, сбрил добрую прядь волос; и дикарь, потеряв равновесие, скатился вниз. Прежде чем он успел подняться, Секач разорвал его горло.

Затем наступило напряженное ожидание. Балтус терялся в догадках: был ли струсивший воин единственным, кто уцелел в отряде дикарей, или в зарослях затаились другие?

Может быть, это была всего лишь банда грабителей, которые не стали задерживаться у крепости? А что, если это отряд, посланный на разведку впереди главных сил? Но в любом случае с каждой минутой растут шансы на спасение женщин и детей, которые спешат сейчас по дороге на Велитриум.

Внезапно над укрытием аквилонца со свистом пронесся настоящий вихрь стрел. Из придорожного леса вырвался дикий боевой клич. Это означало одно из двух: или уцелевший воин вернулся с подмогой, или подоспела другая банда грабителей. К тому времени дом уже догорел и рассыпался грудой углей, но света было достаточно. И вот враг показался: призрачные черные тени, мелькающие между деревьями по ту сторону дороги. Выпустив последние три стрелы, Балтус отбросил бесполезный лук. Словно чувствуя его отчаянное положение, дикари приближались медленно, уже не вопя, но сохраняя гробовое молчание; и только частый топот босых ног нарушал тишину.

Юноша обхватил руками голову огромного, глухо рычащего пса, прошептал: «Ничего, дружище, мы им покажем!» — и, вскочив на ноги, сжал рукоять топора. А потом... потом через край хлынул поток коренастых, смуглых тел — и завертелся вихрь из топоров, ножей и яростных клыков, рвущих живую плоть!

7

БОЛОТНЫЙ ДЕМОН

Сворачивая с дороги на Велитриум, Конан полагал, что до солончаков не меньше девяти миль, а потому сразу припустил что было духу. Но не успел он пробежать и четырех, как услышал впереди шум бегущих ног. Судя по оглушительному топоту, это были белые. Он их окликнул.

— Кто там? — раздался в ответ грубый голос.— Стой, где стоишь, пока тебя не разглядим, не то получишь стрелу.

— Ты в таком мраке и в слона не попадешь,— нетерпеливо отмахнулся Конан.— Хватит дурить, это я — Конан. Пикты переправились через реку.

— Я так и думал.— Вперед выступил старший группы, за ним другие — все рослые, мускулистые мужчины с суровыми обветренными лицами; у каждого в руках был лук.—

Один из наших ранил антилопу и шел по ее следу до самой Черной реки. Он слышал их вопли ниже по реке и сразу примчался в лагерь. Мы бросили и соль и повозки, выпрягли быков и побежали обратно так быстро, как могли. Ведь если пикты осадили крепость, значит, их банды рыщут по дороге и очень скоро доберутся до наших домов.

— Ваши семьи в безопасности,— сказал Конан.— Мой товарищ позаботится, чтобы они добрались до Велитриума. Но если мы сейчас выйдем на большую дорогу, то скорее всего напоремся на орды дикарей. Поэтому возьмем к югу напрямик через чащу. Идите впереди, я буду прикрывать.

Убеждать не пришлось. Через пару секунд вся ватага уже мчалась на юг. Конан следовал за беглецами — медленнее, однако в пределах слышимости. Он выругался про себя: эти поселенцы лезут напролом, как стадо слонов; ровно столько же пиктов или киммерийцев, двигаясь через чащу, подняли бы не больше шума, чем легкий ветерок, запутавшийся в ветвях.

Варвар только что пересек небольшую прогалину, как вдруг природный инстинкт, которому он чутко следовал и который никогда его не обманывал, приказал ему: оглянись! Круто повернувшись, он замер, вслушиваясь в ночные шорохи. Шум от бегущих постепенно стих. Внезапно с той стороны, откуда он шел, донеслось слабое:

— Конан! Конан! Подожди меня, Конан!

— Балтус? — Сбитый с толку, киммериец выругался, но, быстро придя в себя, осторожно позвал: — Я здесь!

— Подожди, Конан! — Голос звучал уже более отчетливо.

Выступив из-за кустов, Конан гневно зарычал:

— Какого демона ты сюда приплелся?! Разве я не сказал тебе... Кром всемогущий!

Он чуть пригнулся, по спине пробежала холодная волна. На той стороне прогалины Балтуса не было. Там, за деревьями, разгорался зловещий свет. Вот жуткое видение показалось из зарослей и двинулось вперед, к человеку — сгусток зеленоватого колдовского огня, в действиях которого, однако, угадывались определенные цель и намерение.

На расстоянии нескольких футов от варвара оно остановилось; расширенными от ужаса глазами Конан, не отрываясь, смотрел на видение, пытаясь угадать в зеленоватых переливах хоть какие-то формы. Было ясно, что ядро у сгустка плотное — пламя являлось не более чем покровом, под которым скрывалось живое, источающее зло существо; но как ким-

мериец ни пытался, он не мог разглядеть его очертания. И вдруг из центра огненного столба раздался голос:

— Варвар, почему ты стоишь, как овца под ножом мясника?

Слова были знакомые, но голос — резкий и вибрирующий — не мог принадлежать ни одному из людей.

— Как овца? — Волна ярости подавила минутный страх.— Неужели ты думаешь, что я испугаюсь какого-то болотного демона пиктов? Я здесь, потому что меня позвал друг.

— Это я звал тебя его голосом,— прозвучало в ответ.— Те, кого ты сопровождаешь, принадлежат моему брату; я не стану лишать его удовольствия выпустить им кровь. Но ты, варвар, ты — мой. Жалкий гордец! Ты пришел сюда с далеких серых гор Киммерии — и все для того, чтобы найти в лесах Конаджохары свою смерть.

— Ты мог бы явиться ко мне и раньше,— презрительно бросил Конан.— Почему же до сих пор не убил?

— Тогда мой брат еще не выкрасил череп черным и не бросил его в незатухающее пламя черного алтаря бога Гуллы. Он не шепнул твоего имени мрачным духам, летающим над холмами царства Тьмы. Но вот из-за гор Мертвецов прилетела летучая мышь и нарисовала кровью твое лицо на белой тигровой шкуре, что висит перед длинной хижиной, в которой спят Четверо Братьев Ночи. Их ноги обвивают огромные змеи, а в волосах, как светлячки, мерцают россыпи звезд.

— За что боги Тьмы приговорили меня к смерти? — прорычал киммериец.

Что-то — рука ли, лапа или коготь,— Конан не понял, протянулось от огня к земле и быстрыми штрихами начертило знак. Конан опустил глаза — и невольно вздрогнул: у его ног, на рыхлой лесной почве, пламенел таинственный символ; еще миг — и он погас, но варвар разглядел все до последней линии.

— Ты осмелился начертить знак, который доступен лишь жрецам Джеббаль Сага. Гром прокатился по черным горам Мертвецов, и ветер с залива Призраков разметал хижину с алтарем бога Гуллы. Полярная гагара, что служит вестником у Четырех Братьев Ночи, прилетела как молния и прошептала мне твое имя. Твой народ побежден. А ты... ты уже мертв! И скоро твой череп украсит ритуальную хижину моего брата, а тело склюют остроклювые, чернокрылые дети Джаббаля.

— Может быть, скажешь наконец, кто твой брат? — вызывающе бросил Конан. В его правой руке поблескивал

обнаженный меч, левой он потихоньку вытаскивал из-за пояса топор.

— Ты знаешь его. Это — Зогар Саг, потомок Джеббаль Сага, который до сих пор время от времени бывает в своих священных рощах. Однажды в одной из них он застал спящую женщину из Гвавелы. Ее ребенок — Зогар Саг. Я тоже сын Джеббаль Сага, моя мать — женщина огненного народа из далекого мира. Зогар Саг призвал меня к себе. С помощью чар, заклинаний и собственной крови он облек меня в плоть людей вашей планеты. Связанные невидимыми нитями, мы сейчас — единое целое. Его мысли — мои мысли; если ударят его, я тоже чувствую боль. Если я ранен, у него будет такая же рана, которая будет так же кровоточить... Но хватит, я сказал достаточно. Скоро твой дух встретит духов царства Тьмы, и те поведают тебе о древних богах, которые не умерли, но спят во внешних пространствах, лишь изредка просыпаясь, чтобы напомнить о себе.

— Хотел бы я посмотреть на твое подлинное обличье,— пробормотал Конан, вытаскивая весь топор.— Что ты за тварь такая, если не оставляешь на земле следов, горишь, как огонь, и вдобавок еще говоришь человеческим голосом?

— Увидишь,— донеслось из огненного сгустка,— увидишь и унесешь воспоминание обо мне с собою в царство Тьмы.

Языки пламени взметнулись вверх — и сразу опали, огонь съежился, померк. В ярком свете начали проступать неясные черты. Сначала Конан подумал, что это сам Зогар Саг стоит перед ним в одеянии из зеленого огня. Однако лицо находилось фута на два выше его собственного, и в нем было что-то демоническое. Конан давно обратил внимание на уродство Зогар Сага: на его заостренные уши, косые глаза, по-волчьи тонкие губы, но в этом зеленом чудище отталкивающие черты колдуна были многократно усилены. В глазах, красных как угли, полыхал живой огонь.

Постепенно фигура обретала четкость: гибкое сухопарое тело в змеиной чешуе чем-то напоминало человека, худые руки росли от пояса вверх; длинные журавлиные ноги оканчивались трехпалой стопой, как у огромной птицы. По всем конечностям чудовища перебегали голубые огоньки. Легкий мерцающий туман окутывал его формы.

И вдруг, совершенно неожиданно, видение очутилось рядом с ним. Длинная рука — он только сейчас заметил на ней кривые острые когти — потянулась к его шее. Конан яростно зарычал, наваждение пало — и, пригнувшись, он

метнул топор. Но демон, с невероятным проворством откинув назад узкую голову, уклонился от топора и снова навис над человеком; варвар услышал, как чешуйчатую кожу с шипением обвивают языки зловещего пламени.

Но если прежние жертвы чудовища были скованы животным ужасом, то Конан не испытывал ни малейшего страха. Он четко усвоил, что холодной стали податливо любое облаченное в осязаемую плоть существо — будь оно даже самой мерзкой, самой жуткой наружности.

Длинный, как серп, коготь сбил с головы варвара шлем. Чуть ниже — и Конан остался бы без головы. Но тут же его захлестнул дикий восторг: меч, пробив кожу, вонзился меж ребер врага. Отскакивая от бьющей лапы, он одновременно выдернул клинок. Когти прошлись по груди, разрывая стальную кольчугу, словно шелк. И сразу — ответный выпад, стремительный и точный, как прыжок голодного волка. Доля секунды — и Конан уже промеж шарящих в воздухе рук, еще миг — и он погружает свой меч глубоко в брюхо чудовища! Но тут же его обхватили страшные руки и он услышал скрежет раздираемой поперек спины кольчуги; на него обрушился град ударов, глаза ослепил голубой, холодный как лед огонь. Наконец, яростно рванувшись, он высвободился из быстро слабеющих рук, и его меч описал в воздухе широкую дугу.

Демон качнулся и неуклюже повалился набок — его голова висела на лоскуте кожи. Языки пламени, скрывающие чудовище, взметнулись вверх и налились красным, как свежепролитая кровь. В ноздри варвара ударил запах паленого мяса. Помотав головой, чтобы вытряхнуть из глаз капли крови и пота, Конан повернулся и, запинаясь, побежал в чашу леса. По ногам его стекала кровь. Где-то далеко, за несколько миль к югу, он увидел слабый свет — еще одна горящая хижина. За его спиной, со стороны дороги, поднимался и рос дикий вой, отчего силы Конана множились с каждой минутой.

8

КОНАДЖОХАРЕ — КОНЕЦ

И была битва на Громовой реке — жестокая и беспощадная, у самых стен Велитриума. Топоры и факелы прошлись вдоль ее берегов, и не один дом мирных поселенцев обратил-

ся в пепел, прежде чем размалеванные орды откатились обратно в свои мрачные леса.

За ураганом наступил непривычный покой. Собравшись вместе, люди обсуждали последние события, привычно приглушая голоса. По всем тавернам сидели воины с кровавыми повязками и молча, кружку за кружкой, пили эль.

В одном из таких заведений к Конану-киммерийцу, мрачно потягивающему вино из огромного стеклянного кубка, подсел сухопарый воин-лазутчик; голова его была затянута белой, с кровавым пятном тряпкой, правая рука — на перевязи. Он единственный уцелел из всего гарнизона крепости Тасцелан.

— Ты ходил с воинами к руинам крепости? — спросил он.

Конан кивнул.

— А я так и не смог,— тихо сказал воин.— Был бой?

— Нет. Пикты убрались за Черную реку. У них вдруг отчего-то сдали нервы; хотя только один демон — их прародитель знает, в чем тут дело.

Воин взглянул на перевязанную руку и вздохнул.

— Говорят, там даже некого было хоронить.

Конан покачал головой:

— Был пепел. Перед переправой пикты стащили трупы в крепость и подожгли ее. Сгорели все — и дикари и воины Валанна.

— Валанн погиб в числе последних в рукопашной схватке, когда пали ворота,— тихо сказал воин.— Дикари хотели взять его живым, но Валанн дрался отчаянно и вынудил пиктов убить себя. Нас, десяток оставшихся в живых, взяли в плен, когда уже совсем не осталось сил. Они прикончили уже девять воинов. И если бы не внезапная смерть Зогар Сага, мне ни за что не удалось бы вырваться на свободу.

— Так Зогар Саг мертв? — воскликнул Конан.

— Да. Я видел его конец. Потому-то на Велитриум пикты наседали не так яростно, как на крепость. Да-а. Странная это была смерть, ведь во время штурма колдун не получил ни одной царапины. Он плясал среди убитых, размахивая топором, которым только что раскроил череп последнему из моих товарищей; наконец, завывая волком, стал подступать ко мне, как вдруг точно споткнулся, выронил топор и завертелся на месте, воя так страшно, как не кричит, наверное, ни один зверь и уж точно — ни один человек. Он упал как раз между мной и костром, на котором меня собирались поджаривать,— глаза из орбит, у рта пена — дер-

нулся и будто разом окоченел. И тут же все пикты завопили, что их шаман помер. Поднялась жуткая суматоха, про меня забыли, и тогда я потихоньку развязал веревки — и со всех ног припустил к лесу.

Я хорошо разглядел его в свете факелов. Его не коснулись ни стрела, ни клинок, однако на теле были кровавые следы, как будто раны от ударов мечом — меж ребер, на животе и на шее — там рана такая обширная, что голова буквально висела на ниточке. Что это было, как ты думаешь?

Конан ничего не ответил, и воин, знакомый со сдержанным отношением варваров к некоторым вещам, продолжал:

— Он жил своей магией и умер от магии. Именно тайна его смерти лишила пиктов их безрассудной храбрости. Ни один из тех, кто видел его конец, не бился под Велитриумом. Те сразу убрались обратно за Черную реку. Сражавшиеся на Громовой реке ушли из-под крепости раньше, чем умер Зогар, и их оказалось слишком мало, чтобы взять город.

Я шел по дороге за их главными силами и точно знаю, что за моей спиной никого не было. Потом прокрался сквозь расположения врага в город. Тебе удалось провести по пограничью поселенцев-мужчин, но их женщинам и детям, когда перед ними открывали ворота, размалеванные демоны так и дышали в затылки. Если бы юный Балтус и старина Секач не задержали дикарей, те перерезали бы всех женщин и детей Конаджохары. Я проходил мимо того места, где Балтус и пес держали свой последний рубеж. Они лежали посреди кучи мертвых пиктов — я насчитал семерых с раскроенными черепами и с разорванными горлами, а на дороге лежали еще несколько, убитые стрелами. О боги! Вот это был бой!

— Он был настоящим мужчиной,— сказал Конан.— Я пью в честь его духа и духа пса, не знавшего, что такое страх.— Одним глотком варвар осушил кубок на четверть и, странным, языческим жестом вылив остаток вина на пол, вдребезги разбил бокал о каменную плиту.— Десять пиктов заплатят своими головами за смерть юноши, еще семь — за смерть пса, который стоит больше любого воина-человека.

И, заглянув в голубые, теплящиеся жестоким огоньком глаза варвара, воин понял, что обещание свое тот сдержит.

— Крепость восстановят?

— Нет. Конаджохара для Аквилонии потеряна. Граница отодвинута. Новой границей станет Громовая река.

Воин вздохнул и, опустив глаза, посмотрел на свою огрубевшую руку, годами сжимавшую рукоять меча или то-

пора. Конан потянулся через весь стол к кувшину с вином. Глядя на огромного варвара, воин сравнивал его с теми, кто окружал их в ту минуту, с теми, кто напрасно погиб на берегах потерянной Черной реки, сравнивал и с дикарями, обитавшими за этой рекой. Конан, похоже, не замечал его испытующего взгляда.

— Похоже, варварство — естественное состояние для человечества,— наконец сказал воин, по-прежнему мрачно глядя на киммерийца.— Цивилизация для нас — излишество, гримаса природы. И варварство всегда и всюду возьмет свое.

Потеря Конаджохары лишь подтвердила тот факт, что не все ладно в Аквилонии, крупнейшем хайборийском королевстве. Жестокость и полная бездарность короля Нумедидеса вызывали всеобщее недовольство, приведшее к серии заговоров и наконец открытому бунту, во главе которого стал Конан. Он собственными руками задушил короля Нумедидеса прямо на троне и возложил себе на голову корону, пользуясь поддержкой ведущих аквилонских политиков.

Однако жизнь короля отнюдь не состоит из одних только праздников...

Феникс на мече

1

Предрассветные тишина и мрак плотным плащом укутывали великолепные башни Тарантии — столицы Аквилонии. В неприметном доме, стоявшем на одной из узеньких улочек, чья-то осторожная рука приоткрыла дверь, из которой выскользнули четыре темные человеческие фигуры, мгновенно, словно призраки, растворившиеся во мраке. За дверью мелькнуло смуглое лицо, глаза на нем горели затаенной злобой.

— Убирайтесь, создания тьмы! — произнес насмешливый голос.— Глупцы, вы и не подозреваете, что ваша судьба, словно кровожадная собака, преследует вас по пятам.

Человек, сказавший эти слова, прикрыл дверь, тщательно запер ее, поднял свечу на уровень глаз и шагнул в узкий коридор. Это был высокий мрачный мужчина, почти гигант, темная кожа и острые черты лица которого свидетельствовали о значительной толике стигийской крови, текшей в его жилах. Пройдя по коридору, он вышел в комнату, в которой на устланном шелками ложе, развалясь, словно усталый кот, и потягивая вино из тяжелого золотого кубка, лежал худой мужчина, облаченный в потрепанные бархатные одежды.

— Ну, Аскаланте,— сказал стигиец, ставя свечу на стол,— твои оборванцы, как крысы, расползлись по всем щелям. Странные, однако, орудия ты используешь в борьбе за власть.

— Орудия? — изумился Аскаланте.— Но это меня они считают орудием. Вот уже целый месяц я, выбиваясь из сил, готовлю все необходимое для свержения узурпатора.

И надо сказать, мне в одиночку, действуя в абсолютной тайне, удалось сотворить то, что оказалось не под силу всему аквилонскому рыцарству. О Митра, недаром же я был одним из виднейших государственных деятелей Аквилонии до того, как эти негодяи поставили меня вне закона.

— Стало быть, это дурачье ошибается, когда думает, что использует вас в своих целях?

— Пусть они и дальше думают, что я служу им верой и правдой. Подождем, пока каждый из них исполнит то, что от него требуется по моему плану. Кто они такие, чтобы равняться с графом Аскаланте? Больмано — нищий граф Карабанский, Громель — бездарный солдафон, лишь волею судеб ставший командиром Черного Легиона, Дион — жирный трусливый богач, барон Атталусский, Ринальдо — слабоумный придворный поэт. Это я был тем, кто сбил их в одну стаю, и я же передавлю их поодиночке, когда придет тому время. А оно уже на пороге. Сегодня ночью король умрет.

— Пару дней назад я видел, как королевские войска покидали город,— сказал стигиец.

— Они направились к границе, чтобы утихомирить разбушевавшихся пиктов. Если бы ты знал, сколько крепкого вина я переправил пиктским вождям, чтобы подстегнуть их выступление. Горы золота пошли на это — Диону пришлось изрядно раскошелиться. А Больмано — позаботиться о том, чтобы убрать из города остатки верных королю отрядов. Используя свою высокородную родню, он легко уговорил Нуму, короля Немедии, пригласить к себе графа Троцеро, сенешаля Аквилонии. И конечно, как и подобает его высокому сану, Троцеро будет сопровождать королевский эскорт, поедет с ним и Просперо, правая рука короля Конана. Итак, в городе останется небольшая часть личной гвардии короля — Черных Драконов и, конечно, Черный Легион. Если повезет, я с помощью Громеля разберусь и с королевским караулом — около полуночи охрана у дверей в спальню Конана будет снята. В это время я с шестнадцатью верными мне людьми проскользну через тайный ход в замок. Даже если народ Аквилонии не пожелает принять нас с ликованием после того, как дело будет сделано, Черного Легиона будет вполне достаточно, чтобы привести их в чувство и удержать корону.

— Так Дион считает, что все это делается лишь для того, чтобы возвести его на трон?

— Да. Этот жирный дурак утверждает, что трон принадлежит ему, поскольку его кровь содержит некоторую примесь крови королевского дома. Конан совершил ошибку, за которую поплатится головой, когда не удалил со двора всех, кто хоть в какой-то мере признавался в родстве с прежней династией. А Больмано рассчитывает на то, что в его карманы вновь посыпется щедрый дождь золотых монет, как это было при старом режиме. Громель ненавидит Паллантида, командира Черных Драконов, и жаждет командовать всеми вооруженными силами Аквилонии. Эту цель он преследует с упорством, типичным для боссонца. Ринальдо — единственный из них, кто начисто лишен личных амбиций. Он видит в Конане лишь узколобого дикаря, который явился в цивилизованный мир, чтобы грабить всех подряд, и идеализирует прежнего короля, убитого Конаном. Ринальдо помнит только то, что тот изредка поощрял искусства, и совершенно забывает обо всей несправедливости и бестолковости его правления,— и он делает все для того, чтобы народ забыл об этом тоже. Уже везде вокруг открыто поют написанные им хвалебные гимны Нумедидесу, в которых до небес превозносится старый мошенник и изливается хула на «дикаря с черным сердцем, восставшего из мрачных глубин Преисподней». Конан на это не обращает внимания, но народ ропщет.

— А почему Ринальдо так ненавидит Конана?

— Поэты всегда ненавидят тех, кто стоит у власти. Они бегут от действительности в свои мечты о прошлом или о будущем. Ринальдо — типичный фанатик-идеалист. Он верит, что ему судьбой предназначено свергнуть тирана и освободить народ. А что касается меня — еще пару месяцев назад я и не помышлял о троне, собираясь провести остаток своей жизни в изгнании, но ведь аппетит приходит во время еды. Конан умрет, на трон взойдет Дион. Затем и он умрет. А следом за ним один за другим расстанутся с жизнью все те, кто стоит у меня на пути: от огня, или от стали, или испив отравленного вина, которое горазд готовить мой верный раб. Аскаланте, король Аквилонии! Звучит неплохо, не правда ли?

Стигиец пожал широкими плечами.

— Что мне до ваших планов и амбиций? — сказал он вдруг с нескрываемой горечью.— Мои друзья и соперники несказанно удивились бы, если бы увидели, как низко я пал. Они просто не поверили бы, что Тот-Амон может рабски служить простому смертному.

— Ты всю жизнь занимаешься магией и колдовством,— невозмутимо произнес Аскаланте,— я же во всем полагаюсь на меч и свой собственный разум.

— Что значат меч и человеческий разум перед мудростью Тьмы? — пробурчал стигиец. Его черные глаза угрожающе сверкнули, под ними пролегли темные тени.— Не потеряй я кольцо, наши роли сейчас, быть может, поменялись бы...

— Пора, видимо, напомнить,— спокойно ответил Аскаланте,— что на спине у тебя еще не зарубцевались шрамы от моего кнута и, судя по всему, к ним вот-вот добавятся свежие.

— Ты так в этом уверен? — Глаза стигийца вспыхнули на миг демонской ненавистью.— Однако мне, может, посчастливится найти кольцо вновь, и тогда, клянусь змеиной западней Сета, я рассчитаюсь с тобой за все...

Аквилонец, зарычав от гнева, вложил в удар все силы. Тот-Амон пошатнулся, на его разбитых губах выступила кровь.

— Теперь ты придержишь язык за зубами, собака! — пробурчал Аскаланте.— Берегись! Не забывай, что я знаю твою мрачную тайну. Поднимись на крышу и крикни во всеуслышание, что Аскаланте в городе, что он собирается свергнуть короля Конана,— если, конечно, отважишься на это!

— Я не отважусь на это,— тихо сказал стигиец и вытер кровь с губ.

— Да, ты не отважишься,— усмехнулся Аскаланте высокомерно.— Потому что, стоит мне испустить дух, некий отшельник в южной пустыне узнает об этом и сломает печать на свитке. И как только он познакомится с содержанием этого свитка, вся Стигия поднимется на ноги. Куда ты тогда денешься, Тот-Амон?

Раб вздрогнул, и его темное лицо стало пепельно-серым.

— Достаточно! — Аскаланте сменил тон.— У меня есть для тебя работа. Я не доверяю Диону. Только что я приказал ему отправиться в свое поместье и сидеть там до тех пор, пока здесь все не закончится. Этот жирный дурак не сможет скрыть от короля своей нервозности и, того и гляди, всех нас погубит. Скачи следом. Если не догонишь его по дороге, отправляйся в поместье и оставайся с ним до тех пор, пока не получишь уведомление, что опасность миновала. Не спускай с него глаз, он ничего не соображает от страха и может сотворить что угодно — даже побежать к Конану и выложить ему все, что о нас знает, лишь бы спасти свою драгоценную шкуру. Ступай!

Раб поклонился, скрывая ненависть в глубоко запавших глазах, и вышел. Аскаланте с облегчением откинулся на подушки и потянулся за кубком. Над верхушками городских башен, усыпанными драгоценными камнями, поднималось солнце.

2

Вокруг все пели славу мне
В час возвращенья из похода,
И, проезжая на коне,
Топтал дары я все феодов.
Увы, не вечен лести пыл..
Теперь я царь — и в том причина,
Что мне грозят ударом в спину
И ядом в кубке для вина.

«Дорога Королей»

В огромном зале с полированными деревянными панелями на стенах, толстыми мягкими коврами на полу из слоновой кости и высоким потолком, покрытым изумительной красоты лепкой, за столом из той же слоновой кости, инкрустированной золотом, сидел молодой мужчина, чьи широкие плечи и загорелая кожа резко контрастировали с окружавшей его роскошью. Человек, подобный ему, смотрелся бы гораздо естественнее на фоне суровых горных вершин или в насквозь продуваемой ветром степи. В каждом его движении чувствовалась огромная физическая сила. Если он сидел неподвижно, то это была неподвижность бронзовой статуи, если начинал двигаться, то с грацией дикой кошки.

Его одежда была сшита из драгоценных тканей, но отличалась простотой покроя и полным отсутствием мишуры. Он, судя по всему, не признавал колец и прочих украшений, лишь в волосах поблескивал простой серебряный обруч, удерживавший надо лбом слегка подстриженную черную гриву.

Он положил золотое стило, которым что-то писал на специальной дощечке, лежавшей перед ним, оперся подбородком на огромный кулак и с завистью посмотрел на человека, возившегося со своими доспехами рядом с ним. Тот зашнуровывал позолоченные латы на боку, стягивая их как можно туже, и рассеянно насвистывал веселенькую мело-

дию — не совсем обычное поведение придворного перед лицом короля.

— Просперо,— сказал мужчина за столом,— эти проклятые дела меня замучили. Я устал так, как не уставал даже тогда, когда с утра до вечера махал мечом на поле боя.

— Привыкай, от этого теперь не уйдешь,— ответил черноглазый пуантенец.— Ты — король, и это часть твоих повседневных занятий.

— Если бы ты знал, как мне хочется поехать с тобою в Немедию,— зависть Конана на глазах возрастала.— Мне кажется, что я уже целую вечность безвылазно торчу в этом дворце и прошли целые десятки лет с тех пор, как я в последний раз садился на коня. Но Публиус твердит, что дела государственные требуют моего присутствия в городе. Ты знаешь, когда я возложил себе на голову корону Нумедидеса, то думал, что достиг предела желаний. Но оказалось, что захватить трон — одно, и совершенно другое — управлять королевством. Было время, когда я считал, что любые вопросы легко разрешаются мечом, сейчас мне начинает казаться, что меч — вообще не помощник в государственной политике. Когда я сверг Нумедидеса, все считали меня освободителем. А посмотри, что происходит сейчас? Они установили статую старого негодяя в храме Митры, бросаются перед нею ниц, молятся ему, как святому, принявшему мученическую смерть от рук варвара. Когда я из боя в бой вел войска королевства к победе, они великодушно забывали, что я чужак, но вот теперь никак не могут простить мне этого недостатка. Теперь они курят благовония и жгут свечи перед статуей Нумедидеса — все: и те, кто лишь чудом избежал лап его палачей, и те, кто потерял сыновей, замученных ими в подземельях, и даже те, чьих жен или дочерей этот дряхлый распутник забрал в свой гарем. Ах, глупцы!

— Во всем этом немалая доля вины Ринальдо,— сказал Просперо, затягивая пояс туже.— Он поет подстрекательские песенки на всех площадях столицы. Заточи его в одну из башен, пусть орет там свои дурацкие песни до посинения.

Конан тряхнул львиной гривой.

— Нет, Просперо, это не имеет смысла. Великий поэт всегда сильнее короля. Его песни стоят большего, чем даже королевский скипетр. Я умру, и меня забудут, а песни Ринальдо будут жить вечно. Нет, Просперо,— продолжал король, и тень набежала на его лицо.— За всем этим скрывается нечто большее, чем талант безумного поэта. Я чувствую это точно так же, как в юности чувствовал, где в

высокой траве лежит тигр, хотя никак не мог видеть его глазами. Во всей стране ощущается некое подспудное волнение. Я сейчас словно охотник у маленького костра посреди густого леса, который скорее представляет себе, чем действительно слышит шорох шагов подкрадывающихся хищников. Ах, если бы это было нечто осязаемое, против чего я мог бы обратить свой меч! И говорю тебе, это не случайность, что пикты в последнее время все чаще нападают на пограничные области. Думаю, что мне самому пора отправиться туда, чтобы во всем разобраться на месте.

— Публиус боится заговора. Он считает, что тебя хотят выманить на границу, чтобы загнать там в западню,— напомнил ему Просперо, накидывая шелковый плащ на доспехи и вертясь перед зеркалом.— Поэтому он и уговаривает тебя остаться в городе. Я не сомневаюсь, что ты прав и твоя интуиция варвара тебя не обманывает — в королевстве действительно что-то происходит, но наемники и армия на нашей стороне; что же касается Черных Драконов, все пуантенцы принесли тебе клятву верности. Единственная реальная опасность — прямое покушение на твою жизнь, но этому помешают телохранители, стерегущие тебя днем и ночью. Над чем ты, кстати, там трудишься?

— Над картой,— с гордостью ответил Конан.— Наши карты недурны, если речь идет о землях на юге, востоке или западе, но в том, что касается севера, врут напропалую. Поэтому я сам взялся за карту севера. Посмотри сюда! Это вот Киммерия, где я родился. А вот...

— Асгард и Ванахейм! — Просперо изумленно смотрел на карту.— О Митра, я считал эти страны легендой!

Конан усмехнулся и невольно провел кончиками пальцев по шрамам на своем смуглом лице.

— Если бы ты вырос на северной границе Киммерии, то относился бы к ним совсем по-другому. Асгард расположен на севере, а Ванахейм на северо-западе от Киммерии, и на этих границах бушует никогда не прекращающаяся война.

— А что за люди живут на севере? — спросил Просперо.

— Они высоки ростом, светлокожи и голубоглазы. Их бог — ледяной гигант Имир, и у каждого племени свой собственный король. Они сражаются днями напролет, а по ночам пьют пиво и во весь голос орут дикие воинственные песни...

— Ну, тут ты мало от них отличаешься,— ухмыльнувшись, сказал Просперо.— Ты много и жадно пьешь, да и любимые свои песни ты скорее орешь, чем поешь.

— Похожи страны — похожи и люди, которые в них живут,— сказал, улыбнувшись, король.— И там и там под вечно серым небом возвышаются огромные горы — голые или покрытые дремучими лесами, с пустынными долинами, насквозь продуваемыми ледяными ветрами.

— Тогда нет ничего удивительного в том, что и люди там столь же дики и суровы.— Просперо пожал плечами и невольно вспомнил теплые равнины и ленивые голубые реки своей родины — Пуантена, южной провинции Аквилонии.

— Все они обречены,— пробормотал Конан.— И они, и те, кто придет им на смену. Их боги — Кром и его мрачные братья, царствующие в стране Вечных Туманов, Королевстве Мертвых. Митра видит — здешние боги мне гораздо милее.

— Успокойся, Конан, ты ведь навсегда покинул свою Киммерию. Твое королевство — здесь,— улыбаясь, сказал Просперо.— Ну вот, мне пора отправляться. На пиру у Нумы я выпью за твое здоровье кубок самого лучшего белого вина.

— Ладно,— пробурчал король.— Но не целуй от моего имени танцовщиц Нумы — испортишь все межгосударственные отношения.

Весело рассмеявшись, Просперо вышел из зала.

3

В катакомбах пирамид
Сет Великий молча спит.
А в тени границ живет
Проклятый его народ.
Сету шлет свои моленья
Без надежд на утоленье,
Жажды просто жить, как все.
Тщетно! Там во всей красе,
В катакомбах пирамид,
Сет Великий молча спит.

«Дорога Королей»

Солнце, прячась за горизонтом, на несколько минут залило сияющим золотом зеленый и туманно-голубой лес. Его потухшие уже лучи все еще отражались в звеньях толстой золотой цепи, нервно подрагивавшей в потных пухлых

руках Диона Аталусского. Барон, беспокойно ерзая плотным задом по мраморной скамье, то и дело поглядывал на пестрые цветы и густую листву деревьев в своем саду и временами украдкой оглядывался, словно пытался захватить врасплох спрятавшегося врага. Поблизости журчал родник, множество других источников, рассеянных по всему этому чудесному уголку наслаждений, нашептывали нежные мелодии.

Дион был один, если не считать темнокожего гиганта, удобно расположившегося на мраморной скамье неподалеку от барона. Дион не обращал на раба ни малейшего внимания, хотя знал, что Аскаланте полностью ему доверяет. Как и многие другие богатые люди, он не замечал людей, стоящих на более низких ступеньках социальной лестницы.

— Нет никаких оснований так нервничать,— сказал Тот-Амон.— Все будет в порядке.

— Как и любой другой, Аскаланте может допустить ошибку,— фыркнул Дион, и на его лице выступил пот при одной мысли о возможных последствиях такой ошибки.

— Он не допускает ошибок,— заверил его стигиец с мрачной усмешкой.— Будь иначе, рабом был бы он, а не я.

— Это еще что за болтовня? — возмущенно воскликнул Дион, который слушал раба вполуха.

Глаза Тот-Амона сузились. Несмотря на свое железное самообладание, ему начало казаться, что он вот-вот лопнет от непрерывно кипевших в нем ярости, ненависти и позора, и он торопился использовать любой, даже самый ничтожный шанс вырваться из порочного круга. Забыв о том, что Дион смотрит на него как на раба, а не как на человека, обладающего душой и разумом, стигиец обратился к нему со страстной речью.

— Послушай меня,— сказал Тот-Амон.— Ты непременно станешь королем. Однако ты не знаешь, что замышляет Аскаланте. Когда Конан умрет, у тебя не будет врага страшнее и коварнее, чем мой хозяин. Я могу тебе помочь и сделаю это, если ты возьмешь меня под свою защиту, когда окажешься на троне. Знай же, о господин, что я могущественнейший волшебник. О Тот-Амоне говорят обычно с таким же глубоким уважением, как и о знаменитом Раммоне. Король Стигии Ктесофон возвысил меня и оказал мне величайшие почести. Он прогнал всех своих магов и назначил меня своим придворным волшебником. Изгнанные маги

затаили злобу и обиду, но трогать меня боялись, потому что я имел власть над потусторонними силами и мог рассчитывать на их помощь в любое время. Сет видит, враги трепетали, потому что знали, что в любую минуту на них может обрушиться потусторонняя тварь и вонзить острые когти в их морщинистые шеи. Столь безграничное могущество давало мне змеиное кольцо Сета, найденное мною в одном из склепов Стигии, чуть ли не в миле под поверхностью земли. Думаю, что оно было утеряно там кем-то еще до того, как далекий предок человека выбрался на берег из морского ила.

Но вор украл у меня это кольцо, и я потерял все свое могущество! Маги объединились, чтобы убить меня, но мне посчастливилось, и я сумел бежать. Нанявшись погонщиком верблюда, я отправился в Коф, но по дороге на нас напали бандиты Аскаланте. Все, кроме меня, были убиты, я спас свою жизнь только тем, что поклялся верно служить Аскаланте, когда тот узнал меня. Вот так я попал к нему в рабство.

Чтобы удержать меня, он записал мои признания, запечатал свиток и передал его некоему кофскому отшельнику. Я не могу отважиться вонзить ему во сне кинжал в сердце или выдать его врагам, потому что тогда отшельник откроет свиток, прочтет его и сделает то, о чем просил Аскаланте. А когда об этом узнают в Стигии...— Тот-Амон вздрогнул, и его лицо побледнело.— В Аквилонии я пока в безопасности,— продолжал он.— Однако рано или поздно враги дознаются о моем убежище, и тогда мне уже ничто не поможет, от судьбы уйти не удастся. Только король с его могучими крепостями и верными войсками смог бы защитить меня. Вот поэтому я предлагаю тебе заключить со мной соглашение. Я помогу тебе советом сейчас, а ты защитишь меня потом. А уж когда я найду кольцо...

— Кольцо? Кольцо?

Тот-Амон недооценил абсолютный эгоизм этого человека, который отмахнулся от слов раба, словно от гудения назойливой мухи, и полностью погрузился в свои невеселые мысли. Но слова о кольце ему что-то напомнили.

— Кольцо? — повторил он снова.— Как же, помню! Это, должно быть, то самое Кольцо Счастья. Я купил его у одного шемитского вора, который хвастал, что украл его у колдуна с далекого юга, и клялся, что оно приносит счастье.

Мне захотелось его иметь, и, видит Митра, я заплатил за него весьма немало. И вот теперь, пожалуй, мне понадобится все мое счастье, чтобы выпутаться из этого проклятого заговора, в который втянули меня Больмано и Аскаланте. Надо найти это кольцо!

Тот-Амон вскочил. Кровь бросилась в его и без того темное лицо, а в глазах вспыхнула ярость, хотя он был поражен эгоистичной глупостью своего собеседника. Дион вообще не обращал на него внимания. Он быстрым движением руки открыл секретный ящичек в своей мраморной скамье и начал рыться в куче талисманов, игральных костей, странного вида амулетов и тому подобных безделушек. Все это якобы приносило счастье, и он суеверно собирал их где только мог.

— Ага, вот оно! — Он радостно поднял кольцо великолепной ювелирной работы. Оно было выковано из металла, похожего на медь, и имело форму чешуйчатой змеи, трижды свернувшейся, положив одно кольцо на другое и засунув кончик хвоста себе в пасть. Глазами ее были желтые драгоценные камни, злобно блестевшие в сгущавшихся сумерках. Тот-Амон вскрикнул, и барон повернулся к нему. Увидев лицо раба, он внезапно побледнел и широко разинул рот. Глаза стигийца сверкали, его темные пальцы, словно когти, тянулись к кольцу.

— Кольцо! О Сет! Мое кольцо! — громко воскликнул он.— Кольцо, которое у меня украли!

В руке Тот-Амона блеснула сталь. Он молниеносно воткнул кинжал в жирное брюхо барона. Болезненный крик Диона перешел в хрипение, и барон осел на землю, словно оплывшая гора сливочного масла. Скорее всего он так и не понял, что послужило причиной его смерти.

Тот-Амон оттолкнул в сторону обмякшее тело, выхватил из рук мертвеца кольцо и забыл об убитом. Он обеими руками держал кольцо, и его черные глаза пылали мрачным огнем.

— Мое кольцо! — прошептал он в радостном возбуждении.— Я вновь обрел свое могущество!

Даже сам стигиец не смог бы сказать, как долго он стоял неподвижно, словно статуя, с таинственным кольцом в руках, чья ужасная аура исцеляла его опозоренную душу. Когда он закончил медитировать и вернул душу из мрачной бездны, в которую позволило заглянуть это кольцо, на небе

уже появилась луна, бросившая длинные тени на спинку мраморной скамьи, перед которой лежало то, что недавно было хозяином Атталуса.

— А теперь я покончу с Аскаланте! — прошептал стигиец, глаза которого горели в темноте красным огнем, словно у вампира. Он осмотрелся, набрал пригоршню крови из лужи, в которой лежала его жертва, и погрузил в нее глаза медной змеи, выждав, пока сверкающая желтизна не насытилась соком жизни.

— Раскрой глаза, о волшебная змея,— запел он хриплым голосом, от которого у слушателя застыла бы кровь в жилах.— Позволь им насытиться лунным светом и заглянуть в черную бездну! Что ты там видишь, о змея Сета? Кого ты призываешь из глубины мрака? Чья тень идет на дрожащий свет? Приведи его ко мне, о змея Сета!

Круговыми движениями пальцев, вновь и вновь описываемыми вокруг исходной точки, он гладил ясно ощутимую чешую змеиного кольца, шепча при этом ужасные имена и монотонно читая заклинания, давно забытые в мире людей и сохранившиеся лишь в глубинах темных склепов таинственной Стигии.

Воздух над его головой заколебался, словно в нем забилась неизвестно откуда появившаяся огромная рыба. Пронесся ледяной ветерок, и Тот-Амон почувствовал, что за его спиной стоит нечто, но не обернулся. Он направил свой взгляд на освещенную лунным светом мраморную скамью, на которой обозначилась едва заметная тень. Продолжая бормотать свои заклинания, он наблюдал за тем, как тень росла и становилась все четче. Теперь ее очертания напоминали контуры тела гигантского павиана, но таких обезьян нигде на Земле, даже в Стигии, никогда не было. Однако Тот-Амон и теперь не обернулся. Он вытащил из-за широкого пояса сандалию своего господина — он давно носил ее с собой в надежде на подобный случай — и бросил ее через плечо.

— Посмотри на нее внимательно, раб кольца! — крикнул он.— Найди того, кто ее носил, и уничтожь! Посмотри ему в глаза и истерзай его душу, прежде чем разорвешь ему горло! Убей его! — И после короткого раздумья с яростью добавил: — И убей всех, кто будет с ним!

На мраморную скамью за Тот-Амоном воплощением ужаса опустился бесформенный череп и, как охотничья

собака, обнюхал сандалию. Тот-Амон почувствовал дуновение ветра за спиной, и тень исчезла. Колдун в адском триумфе простер руки вверх, и его глаза и зубы сверкнули в лунном свете.

Стражники на крепостной стене в ужасе вскрикнули, когда над ними пронеслась черная тень с пылающими глазами, растаяв во мраке. Это, однако, произошло так быстро, что испуганные воины, опомнившись, начали спрашивать друг друга, было ли это на самом деле, или все им только почудилось.

4

Когда мир был молод, а люди слабы,
Лишь демоны были орудьем судьбы.
Но взял я огонь, взял и яд, и сталь,
И змей наказанием быть перестал!
Доныне, хотя над землей пролетели века
И в черной скале все дремлю я пока,
Кто первым посмеет забыть храбреца,
Что с Сетом сражался тогда до конца?!

«Дорога Королей»

Король Конан спал в королевской опочивальне с высоким позолоченным куполообразным потолком и видел сон. Сквозь колышущийся серый туман к нему пробивался слабый, словно из невообразимой дали доносящийся зов. Он не понимал слов, но воспринимал его суть всем своим существом. Конан с мечом в руке на ощупь продирался сквозь туман, как сквозь плотное облако. С каждым его шагом голос становился четче, постепенно он стал разбирать повторяющееся в зове слово — это было его собственное имя, проникавшее в мозг сквозь пространство и время.

Туман рассеялся, и он увидел, что идет по широкому темному коридору, высеченному в сплошной скале. Пол и потолок коридора были тщательно обработаны и отполированы, они тускло поблескивали, а со стен смотрели на него барельефы древних героев и неведомых богов. Король вздрогнул, когда увидел их призрачные очертания, и понял, что уже много столетий в этом коридоре не появлялся никто из смертных.

Он подошел к широкой лестнице, также высеченной из камня и круто спускавшейся куда-то вниз. Стены шахты были покрыты таинственными знаками, такими древними и ужасными, что Конан невольно содрогнулся. На каждой ступени лестницы была с огромным искусством вырезана змея, так что при каждом шаге нога короля опускалась на змеиный череп. Однако голос звал его, и он, наконец преодолев зону темноты, казавшуюся почти физически ощутимой, вышел к странному склепу, в котором на крышке массивного саркофага сидел белобородый старец, контуры его фигуры расплывались во мраке.

Волосы на голове Конана зашевелились, он поднял меч, но незнакомец заговорил с ним звучным монотонным голосом:

— О человек, ты узнаешь меня?

— Во имя Крома, нет! — ответил удивленный король.

— Знай же,— сказал старец,— я — Эпимитреус.

— Но мудрец Эпимитреус мертв вот уже пять тысяч лет! — выдохнул Конан.

— Выслушай меня, человек! — сказал тот властно.— Брось камень в тихую воду, и ты увидишь, как пойдут круги, которые рано или поздно достигнут берега. События в подлунном мире докатили свои волны до меня и пробудили от дремоты. Я увидел и выбрал тебя, Конан, варвар из Киммерии. Великими и славными делами отмечен твой путь. Однако стране, которой ты правишь, грозит беда, справиться с которой твой меч не сможет.

— Ты говоришь загадками,— сказал обеспокоенный словами старца Конан.— За любой бедой стоит ее виновник, покажи мне его, и я тут же размозжу ему череп.

— Побереги свои силы для противника из плоти и крови,— посоветовал старец.— Речь идет вовсе не о нем. Слушай внимательно! Существуют темные миры, неведомые для простых смертных, в которых повсюду рыщут бесформенные чудовища — злые демоны. Зная соответствующие заклинания, их можно призвать из глубины мрака и натравить на избранную заранее жертву. В твоем доме, о король, притаилась змея, да — в твое королевство заползла гадюка. Она явилась из Стигии, и душа ее черна как сажа. Как спящий видит сон о змеях, когда те ползают у его постели, так и я чувствую появление колдуна в твоей стране. Он обладает абсолютной властью над демонами и насылает их на своих

врагов. Весьма вероятно, что он с их помощью положит конец твоему царствованию. Потому я и призвал тебя к себе, чтобы вложить в твои руки оружие, смертельно опасное для стигийского колдуна и его адской своры.

— А почему именно меня? — спросил Конан смущенно.— Легенда говорит, что ты дремлешь в черном сердце Коламиры и лишь в случае крайней необходимости твой дух возносится на невидимых крыльях, чтобы помочь Аквилонии. Но я... варвар, а не аквилонец.

— Не задавай вопросов! — прогремел под темными сводами монотонный голос.— Твоя судьба накрепко связана с судьбой Аквилонии. Великие события вплетаются в ткань твоей судьбы. Кровожадный, обезумевший от злости на своих обидчиков колдун не должен изменить предначертанное богами. Давным-давно Сет обвился кольцами вокруг подлунного мира, словно удав вокруг тела жертвы. Три поколения людей сменилось на земле за время моей жизни, и всю ее без остатка я отдал борьбе с ним. Я преследовал Сета по пятам и загнал в тупик на юге, однако в проклятой богами Стигии люди все еще чтут его и воздают божеские почести этому исконному врагу человеческого рода. Ты поможешь мне в борьбе с ним, его слугами и приверженцами. Подними свой меч!

Конан удивленно повиновался. Старец описал костлявыми пальцами странный полукруг возле рукояти меча, а на широком клинке начертал некую сложную фигуру, вспыхнувшую в полутьме белым пламенем. В следующее мгновение старец и склеп исчезли, а Конан вскочил в испуге со своего ложа, стоявшего все там же, в королевской опочивальне со сводом.

Размышляя над странным сном, приснившимся ему, он вдруг осознал, что в своей правой руке крепко сжимает меч. По коже у него пробежали мурашки, потому что на клинке было выгравировано изображение феникса. Он тут же вспомнил, что в загадочном своем сне видел в склепе скульптуру этого сказочного существа, и спросил себя, действительно ли она была высечена из камня. Непроизвольная дрожь сотрясла его тело.

Крадущиеся шаги перед дверью полностью вернули его в действительность, он не задумываясь скользнул в свои латы и вновь стал тем, кем был всегда,— варваром, бдительным и недоверчивым, словно серый волк.

5

Что мне дворцовые интриги? Вот вопрос.
Сейчас мне верный слух охотника донес,
Что зреет здесь коварная измена.
Ха, все это сгоряча!
Я сын суровых мест,
И вырос я под неба крышей.
Судьба моя — на острие меча!
Там жизнь моя и смерть всех тех,
Кто голос совести не слышит.

«Дорога Королей»

По коридору королевского замка крались двадцать закутанных с головы до ног в плащи мужчин. Лезвия их остро отточенных топоров, мечей и кинжалов зловеще поблескивали в тусклом свете смолистых факелов, горевших в стенных нишах.

— Тише! — прошипел Аскаланте.— Кто это там дышит так громко? Офицер охраны отозвал часть часовых со своих постов, а остальным подсунули бурдюки с вином, так что они сейчас спят там вповалку пьяные. Но несмотря на это, будем соблюдать предельную осторожность. Эй, назад! Стража идет!

Они поспешно спрятались за украшенными барельефами колоннами, и мимо них быстрым шагом прошли десять гигантов в черных доспехах. Впереди шел офицер. Спрятавшиеся заговорщики видели, что его лицо было белым, словно снег, и он время от времени вытирал дрожащей рукой пот со лба. Офицер был очень молод, и предательство давалось ему нелегко. Он проклинал про себя безудержную страсть к игре, которая превратила его в игрушку в руках политиканов-заговорщиков.

Громко стуча подошвами сандалий, отряд стражников исчез за поворотом коридора.

— Отлично! — сказал Аскаланте.— Теперь Конан спит без охраны. Поспешим же! Если нас застанут у его постели, нам придется плохо. Однако никому и в голову не придет мстить нам за него тогда, когда дело будет уже сделано.

— Да, поспешим! — прошептал возбужденно Ринальдо, чьи голубые глаза блестели, как клинок меча, которым он размахивал над головой.— Мой меч жаждет крови тирана! Стервятники уже кружат над его головою!

Они бежали по коридору, пока не уткнулись в позолоченную дверь, украшенную королевскими драконами и гербом Аквилонии.

— Громель! — позвал вполголоса Аскаланте.— Открой дверь!

Гигант втянул в себя воздух и изо всей силы ударил плечом в дверь, которая затрещала и прогнулась под его ударом. Громель ударил снова. Засов сломался, дерево лопнуло, и дверь распахнулась.

— Вперед! — воскликнул Аскаланте.

— Вперед! — проревел Ринальдо. - Смерть тирану!

Однако они остановились, словно вросли в пол, увидев стоявшего перед ними Конана. Не полуголого, еще не проснувшегося полностью человека, которого легко было бы зарезать, как барана, видели их изумленные глаза: перед ними стоял могучий рыцарь в доспехах с обнаженным мечом в руках. Мгновение заговорщики стояли неподвижно: четверо главарей застыли на пороге, за ними толпились бородатые наемники. Однако тут Аскаланте заметил лежавший на маленьком столике возле королевского ложа серебряный скипетр и узкий золотой обруч — корону Аквилонии, и алчность победила в нем все остальное.

— Вперед, негодяи! — заревел он.— Конан один, а нас два десятка, и на нем нет шлема!

Это было правдой. У Конана не было времени на то, чтобы надеть тяжелый, украшенный перьями шлем, а также на то, чтобы зашнуровать по бокам латы, и даже на то, чтобы сорвать со стены массивный щит. Несмотря на это, Конан был защищен лучше, чем его противники, за исключением Больмано и Громеля, на которых поблескивали под плащами полные доспехи.

Король смотрел на ворвавшихся в спальню людей, пытаясь узнать их лица. Однако забрало шлема Аскаланте было опущено, и он не узнал графа Тунского, как не узнал и Ринальдо, надвинувшего широкополую шляпу на самые глаза. Впрочем, не время было ломать голову над этим. Предатели взвыли — вой этот эхом отразился от куполообразного потолка — и ринулись на Конана. Впереди всех летел Громель. Он мчался, словно разъяренный бык, наклонив голову вниз и выставив меч вперед, чтобы воткнуть его тяжелое лезвие королю в живот. Однако король с тигриной ловкостью прыгнул ему навстречу и, вложив в замах всю свою силу, ударил нападавшего мечом. Широкое лезвие про-

свистело в воздухе и обрушилось на стальной шлем боссонца. Клинок и шлем раскололись на несколько кусков, Громель упал замертво, а Конан отскочил назад, сжимая в руке обломанную рукоять.

— Громель! — фыркнул он. В его голубых глазах мелькнуло удивление, когда свалившийся с головы убитого шлем открыл его лицо. Однако остальные заговорщики вновь набросились на короля. Острие кинжала, проникшее в щель между грудным и спинным панцирями, скользнуло по его ребрам, перед глазами сверкнуло лезвие меча. Отбросив левой рукой человека с кинжалом, он обломком меча ударил в висок другому противнику, размозжив ему череп.

— Пятеро к двери! — проревел Аскаланте, коршуном круживший вокруг сражавшихся. Он боялся, что Конан пробьется сквозь толпу и ускользнет через дверь. Негодяи неохотно отступили назад, когда вожак оттолкнул нескольких из них к единственной двери. Используя короткую передышку, Конан метнулся к стене и сорвал с нее древний боевой топор, висевший там уже добрых полторы сотни лет.

Заговорщики выстроились перед ним полукругом, преграждая путь к двери. Конан не стал ждать, пока круг замкнется. Любой другой на его месте был бы уже мертв, и Конан тоже не питал особых надежд на то, что ему удастся спастись. Но в его варварской душе гремел воинственный гимн, он жаждал крови врагов и уж во всяком случае не собирался сдаваться без боя.

Конан прыгнул вперед, его топор опустился на плечо одного из заговорщиков, а на обратном пути размозжил череп второго. Над его головой просвистел меч, но киммериец ловко увернулся и отскочил в сторону, описав тяжелым топором круг смерти над головою.

Заговорщики, злобно вопя, окружили короля плотным кольцом. На шее, руках и ногах Конана появились кровоточащие раны, но его ловкость и беспощадная решительность заставили нападавших отступить.

— Ах, подлецы! — заорал Ринальдо и сорвал с головы свою широкополую шляпу. Его глаза дико сверкнули.— Вы что, боитесь его? Смелее вперед! Убьем тирана!

Он, кипя от ярости, поднял меч и обрушился на Конана. Король, узнавший наконец поэта, подставил топор под удар меча и изо всей силы толкнул Ринальдо в грудь, тот отлетел назад и упал на спину.

В это время кончик меча Аскаланте оцарапал левую руку короля. Конан мгновенно послал в ответ топор, но него-

дяй успел увернуться и отскочить назад. Один из заговорщиков нагнулся и попытался повалить короля, ухватившись за его ноги, но с таким же успехом он мог бы пытаться свалить каменную башню. Взглянув вверх, он успел еще увидеть падавший на его голову топор, но уклониться уже не сумел. Его товарищ ударил короля мечом по плечу, латы Конана мгновенно наполнились кровью.

Больмано нетерпеливо оттолкнул мешавшего ему соседа, прицелился и с огромной силой опустил меч на ничем не защищенную голову Конана. Король пригнулся, и клинок срезал прядь его черных волос, скользнув по черепу. Конан крутнулся на пятках и взмахнул топором. Его лезвие пробило грудной панцирь с левого бока графа, и тот осел на пол.

— Больмано! — простонал Конан.— Я должен был бы сразу узнать этого карлика!

Он выпрямился, чтобы отбить нападение обезумевшего Ринальдо, который рванулся к нему, визжа во весь голос и размахивая кинжалом. Конан отступил назад и выставил топор перед собой.

— Назад! Я не хочу тебя убивать!

— Умри же, тиран! — тяжело дыша, крикнул менестрель и снова бросился на короля. Конан помедлил с ударом, но, почувствовав, что в его незащищенный бок вонзается кинжал, со слепым отчаянием махнул топором.

Ринальдо упал с разрубленным черепом, а Конан отшатнулся назад, к стене. Кровь брызнула из-под его пальцев, когда он зажал рану.

— Вепрь ранен! — воскликнул Аскаланте.— Добейте его!

Конан оперся левой рукой о стену и поднял правой рукой топор. Он стоял, широко расставив ноги, немного наклонившись вперед и нагнув голову. Жгуты его мускулов грозили разорвать кожу, черты лица заострились, глаза грозно блестели. Заговорщики невольно отпрянули назад — тигр, даже умирающий, еще способен был нанести не один смертельный удар.

Конан почувствовал их неуверенность и злобно усмехнулся, оскалив зубы.

— Кто хочет умереть следующим? — прохрипел он сквозь прокушенные кровоточащие губы.

Аскаланте прыгнул к нему, но тут же с невероятной гибкостью извернулся, застыв на мгновение в воздухе, и упал на пол, избежав просвистевшей над ним смерти. Он мгновенно выпрямил ноги и откатился в сторону, когда

Конан ударил снова. На этот раз топор вонзился в полированный пол почти в дюйме от ног Аскаланте. Один из нападавших решил воспользоваться удобным моментом, но недооценил силу короля. Мгновенно вырванный из пола окровавленный топор взметнулся вверх, и бездыханное тело заговорщика свалилось под ноги его товарищей.

В эту секунду пятеро наемников, стерегущих дверь, одновременно вскрикнули, потому что на стене появилась вдруг бесформенная тень. Все, кроме Аскаланте, испуганно вздрогнули, увидев это, оглянулись, завопили от ужаса, выскочили в дверь и понеслись по коридору куда глаза глядят.

Аскаланте не сводил глаз с раненого короля. В его голове мелькнула мысль, что, по всей видимости, шум сражения переполошил-таки весь дворец и на выручку Конану прибежали преданные ему гвардейцы. Однако почему в таком случае сбежали его люди, вместо того чтобы дать им отпор? Конан тоже не обращал внимания на дверь, пристально наблюдая за руками Аскаланте.

— Похоже, все потеряно,— пробормотал он,— и прежде всего честь... Однако, по крайней мере, король умрет стоя...

Эти слова не успели еще покинуть его губ, когда граф, воспользовавшись тем, что король опустил топор, чтобы смахнуть с глаз кровь, бросился в атаку.

Однако, едва сорвавшись с места, он услышал некий странный гул, и в ту же секунду чудовищная тяжесть обрушилась на его спину. Он упал на пол головой вперед, чувствуя, как чьи-то острые когти вонзаются ему под ребра, причиняя чудовищную боль. Он отчаянно извернулся под неведомым врагом и повернул голову. То, что он увидел, было сродни ночному кошмару или бредовому видению сумасшедшего. На нем сидела огромная черная тварь, которая не могла быть порождением подлунного мира. Ее слюнявые черные зубы тянулись к его горлу, а взгляд пылавших желтым огнем огромных глаз иссушал его мозг подобно самуму, обрушившемуся на пшеничное поле. Отвратительная морда неведомой твари не могла принадлежать животному, в ее демонических чертах было нечто от древней, заколдованной неведомыми силами мумии, пробудившейся вдруг к жизни, и Аскаланте с ужасом уловил вдруг в них неясное, словно тень, сходство со своим рабом Тот-Амо-

ном. Разинув рот в безумном крике, он отдал богам душу еще до того, как слюнявые клыки впились ему в горло.

Конан, едва успевший протереть глаза, недоуменно уставился на чудовище. Сначала он подумал, что на скрюченном теле Аскаланте сидит огромная собака. Но потом, когда взгляд его прояснился, он понял, что это вовсе не собака, а павиан.

С воплем, мало отличавшимся от предсмертного крика Аскаланте, он оттолкнулся от стены и со всей силой, на которую еще был способен, метнул топор. Тяжелое лезвие отскочило от голого черепа бестии, и та молча бросилась на короля. Удар ее могучего тела был настолько сильным, что Конан перелетел через всю комнату и грохнулся на пол.

Слюнявые челюсти сомкнулись на руке, поднятой Коианом вверх, чтобы защитить горло, но чудовище вовсе не спешило расправиться с ним. Не выпуская из пасти окровавленной руки короля, оно злобно смотрело в его глаза, наслаждаясь пробуждающимся в них ужасом, тем же, который только что убил заговорщика Аскаланте. Конан почувствовал, как сжимается его душа, как она медленно покидает тело, чтобы кануть в желтые глубины, в которых призрачно мерцал хаос, похищая его жизнь и разум. Глаза чудовища, и без того огромные, набухли и стали воистину гигантскими. Конан не видел в них ничего, кроме глубочайшего кощунственного ужаса, подстерегающего разум в абсолютной пустоте и черных безднах иных миров. Конан открыл окровавленный рот, чтобы криком выплеснуть свою ненависть и отвращение, однако лишь сухой хрип вырвался из его горла. Надо сказать, что ужас, парализовавший и погубивший Аскаланте, подействовал на варвара совершенно иначе: он пробудил в нем неописуемую ярость, близкую к сумасшествию. Не обращая внимания на боль, Конан пополз назад, волоча за собой чудовище. Его вытянутая рука коснулась чего-то, и он на ощупь узнал рукоятку сломанного меча. Действуя инстинктивно, Конан схватил обломок и ударил им, словно кинжалом, не целясь, наотмашь. Зазубренное лезвие глубоко вонзилось в тело твари, и рука Конана освободилась, когда отвратительная пасть раскрылась в пароксизме боли. Короля отшвырнуло в сторону. Когда он поднялся, опираясь на руку, все еще сжимавшую обломок меча, то увидел, что из чудовищной раны на теле демона хлещет мутный поток слизи. Тварь содрог-

нулась в предсмертных муках и, устремив в потолок взгляд остекленевших янтарных глаз, застыла на месте.

Конан моргнул несколько раз, стряхивая с ресниц густеющую кровь. То, что происходило, казалось невероятным: огромное чудовище расплывалось, превращаясь в студенистую массу.

А затем до его ушей донеслись знакомые звуки и голоса: это проснувшиеся наконец придворные — охрана, дворцовая челядь, советники, дамы — вбежали в опочивальню. Все они наперебой задавали бестолковые вопросы, толпясь и мешая друг другу. Были здесь и Черные Драконы. Дикая ярость сверкала в их глазах, и они ругались на языке, непонятном, к счастью, жеманным придворным дамам. Молодого офицера, снявшего охрану у двери в опочивальню, нигде не было видно, и его так и не нашли позже, когда обыскали все королевство.

— Громель! Больмано! Ринальдо! — выдохнул, увидев трупы, канцлер Публиус и заломил жирные руки.— Черная измена! За это кое-кто попляшет на виселице! Позвать охрану!

— Охрана уже здесь, старый ты дурак! — сердито фыркнул Паллантид, командир Черных Драконов, напрочь забывая о высоком ранге Публиуса.— Прекрати скулить и помоги лучше перевязать раны короля, пока он не истек кровью!

— Да, да! — вскричал Публиус, который был прекрасным теоретиком, но всегда терялся, когда дело доходило до практики.— Мы должны перевязать раны! Зовите сюда всех придворных лекарей! О мой король, какой это позор для города! Что с вами сделали! Чем мы можем вам помочь?

— Вина! — прохрипел Конан. Его положили в постель. Кто-то поднес к окровавленным губам наполненный до краев кубок, и король большими глотками осушил его до дна.

— Хорошо! — пробурчал он и уронил голову на подушку.— После таких передряг пересыхает в горле.

Кровотечение прекратилось, и невероятные жизненные силы варвара начали исцелять его тело.

— Сначала позаботьтесь о ране на моем боку,— обратился он к главному придворному лекарю.— Ринальдо начал было писать там свою новую балладу, и перо его было куда как остро.

— Его давно надо было повесить! — произнес Публиус сердито.— От этого сумасшедшего поэта всего можно было ожидать... Эй, кто это?

Он брезгливо потрогал носком сандалии труп Аскаланте.

— О Митра! — воскликнул командир Черных Драконов.— Это же Аскаланте, бывший граф Тунский! Какой демон занес его сюда?

— Почему он застыл в такой позе? — прошептал Публиус, непроизвольно отступая назад.

— Если бы вы видели то, что довелось увидеть мне,— проворчал король и поднялся на локте, несмотря на протесты лекаря,— вы бы этому не удивлялись. Впрочем, убедитесь сами, там...— он обескураженно замолчал, потому что его палец указывал на голый пол. Странные останки ужасного чудовища бесследно исчезли.

— О Кром! — прошептал он.— Адская тварь превратилась в слизь!

— Король бредит, у него лихорадка,— прошептал один из придворных.

Конан услышал его и не смог сдержать негодования.

— Клянусь Кромом! — яростно воскликнул он.— Я знаю, о чем говорю! Это было нечто похожее и на стигийскую мумию, и на павиана одновременно. Это чудовище проникло через дверь и обратило в паническое бегство негодяев Аскаланте. Оно убило Аскаланте в тот самый момент, когда предатель хотел вонзить меч мне в живот. Потом оно набросилось на меня, и я убил его, хотя понятия не имею, как это случилось, ибо мой боевой топор отскочил от его черепа словно от каменной стены. Но я думаю, что ко всему этому имеет какое-то отношение Эпимитреус...

— Слышите? Он говорит о легендарном мудреце, который умер пять тысяч лет тому назад! — украдкой шептали друг другу придворные.

— О Имир! — загремел король.— Да, я сегодня ночью говорил с Эпимитреусом! Он во сне призвал меня к себе, и я долго шел по черному, высеченному в скале коридору с барельефами древних богов и героев на стенах, затем по лестнице, на ступенях которой были вырезаны змеи Сета, пока не дошел в конце концов до склепа. Там я нашел саркофаг, на крышке которого был изображен феникс...

— Во имя Митры, мой повелитель, остановись! — эти слова сорвались с губ верховного жреца Митры, лицо которого стало пепельно-серым.

Конан откинул назад голову и прорычал:

— Что я, раб, чтобы мне затыкали рот?

— Нет, нет, о мой государь! — Верховный жрец дрожал всем телом, но вовсе не из страха перед гневом короля.— Я и не думал оскорблять тебя! — Он нагнулся к Конану и прошептал ему на ухо: — Мой государь, то, о чем ты говоришь, просто невероятно. Только узкий круг жрецов Митры знает о черном каменном туннеле, выбитом неведомыми руками в самом сердце горы Коламиры, и об охраняемом фениксом склепе, в котором несколько тысяч лет назад был похоронен великий Эпимитреус. Но с тех пор ни один из смертных не входил в склеп, потому что жрецы, совершив обряд погребения, замуровали вход в гробницу, и сегодня даже я, верховный жрец, понятия не имею, где он находится. Только из передающихся из уст в уста рассказов нескольким доверенным жрецам известна тайна о гробнице Эпимитреуса — одна из основных в культе Митры...

— Я не знаю, с помощью какой магии Эпимитреус призвал меня к себе,— сказал Конан.— Но он говорил со мной и каким-то совершенно непонятным мне способом нацарапал магический знак на моем мече. Почему этот символ оказался смертельным для демона, я не знаю, а также понятия не имею о колдуне, виновном, по его словам, во всей этой катавасии. Однако, хотя я и сломал клинок меча о шлем Громеля, обломка оказалось вполне достаточно, чтобы отправить демона туда, откуда он появился.

— Позволь мне осмотреть твой меч,— прошептал верховный жрец, горло которого вдруг пересохло.

Конан поднял обломок и отдал его жрецу. Тот вскрикнул и упал на колени.

— О Митра, защити нас от власти Тьмы! — простонал он.— Король действительно говорил сегодня ночью с Эпимитреусом! На его мече тайный символ — знак бессмертного феникса, охраняющего гробницу великого мудреца. Свечу! Быстрее! Осветите то место, на которое указал король!

Место это оказалось прикрытым сорванным со стены в общей суматохе гобеленом. Когда гобелен оттащили в сторону и поднесли свечи к полу, у всех перехватило дыхание от ужаса. Некоторые из придворных упали на колени и воззвали к Митре, другие с воплями умчались прочь.

На полу, там, где чудовище испустило дух, осталось большое темное пятно, которое невозможно было удалить никакими средствами. Кровь демона оставила четкий отпе-

чаток его тела, и ни у кого из тех, кто его видел, не возникало ни малейших сомнений в том, что более ужасной твари никогда еще не появлялось в земном мире. Но знающие люди поговаривали, что зловещая тень обезьяноподобного бога не раз уже мелькала у алтарей заброшенных стигийских храмов.

Почти год минул с того дня, как в Тарантии рухнул заговор против нового аквилонского короля. Но за это время созрел новый заговор, ничуть не менее опасный...

Алая цитадель

1

Мерзавцы Льва поймали на равнине Шема,
Всего его сковали железами...
Под вой фанфар они визжали громко —
Еще бы, наконец он заточен!
Беда вам, города, деревни, села,—
Ведь Лев когда-то сможет снова выйти
на охоту!

«Дорога Королей»

Шум сражения затихал, победные крики заглушали звон оружия и стоны умирающих. Равнина была покрыта мертвыми телами, словно сухими листьями, сорванными осенним ветром. Лучи заходящего солнца падали на темные шлемы, кольчуги, панцири, сломанные мечи, тяжелые складки знамен, насквозь пропитанных кровью. Рядом со всадниками, облаченными в сталь, лежали лошади в попонах; и гривы, и плюмажи окрасились в багровый цвет. Там и тут изуродованные трупы в стальных шлемах и кожаных куртках — лучники и копейщики, раздавленные копытами.

Над равниной разносились звуки фанфар, отряды победителей со всех сторон стекались туда, где последний из их соперников продолжал безнадежную битву.

В тот день были растоптаны, разрублены на куски лучшие рыцари Конана, короля Аквилонии. С пятью тысячами всадников он пересек юго-восточную границу Аквилонии, направляясь к зеленым равнинам Офира на помощь своему старому другу, королю Амальрусу. Но тот, предав их дружбу, объединил свое войско с армией Страбонуса, владыки Кофа.

Конан слишком поздно догадался, что попал в ловушку. Против пяти тысяч его рыцарей выступили тридцать тысяч неприятельских копейщиков и конных лучников. Конан ринулся в бой во главе своей тяжелой конницы; не имея поддержки ни лучников, ни пехоты, он прорвал вражеский строй в центре и обратил в бегство знаменитую стальную кавалерию Амальруса, но фланги громадного объединенного войска сомкнулись, и рыцари Аквилонии оказались в кольце. Лучники Страбонуса сеяли смерть, их стрелы находили щели в доспехах всадников или валили лошадей, и копья воинов короля Кофа пронзали наездников, сброшенных на землю. К копейщикам в центре примкнули всадники с фланга. Офирские рыцари, успев оправиться от замешательства, перестроили ряды и, усиленные на флангах легкой конницей, нанесли контрудар. Враг подавлял численностью.

Аквилонцы не отступили ни на шаг, и ни одному из пяти тысяч рыцарей, отправившихся с Конаном на юг, не суждено было вернуться живым. И вот король остался один среди трупов своих подданных. Он стоял перед тесными рядами врагов, прижимаясь спиной к груде мертвых коней и воинов. Со всех сторон его атаковали офирские рыцари в золоченых доспехах, коренастые, чернобородые шемиты Страбонуса и смуглые пешие латники Кофа. Звон мечей был оглушителен. Темный силуэт облаченного в доспехи из вороненой стали короля Аквилонии, рубившего мечом направо и налево, возвышался среди вражеской орды. Повсюду бродили осиротевшие лошади, вокруг Конана грудами лежали трупы. Он защищался яростно, отчаянно и заставил врагов попятиться.

Тогда в ряды вопящих от страха и злобы воинов ворвались короли-победители: Страбонус со смуглым лицом и хитрым взглядом; стройный, худощавый франт — предатель Амальрус, а с ними тощий, страшный, как кобра, Тзота-Ланти, облаченный только в шелка,— кофский жрец со сверкающими черными глазами и головой стервятника. По свету ходило великое множество слухов об этом некроманте. В северных и западных деревнях светловолосые женщины пугали его именем детей, а строптивые рабы смирялись при одной угрозе, что их продадут этому человеку. Поговаривали, что у него целая библиотека магических книг в переплетах из человеческой кожи и что в просторных подвалах своего дворца он заключает сделки с темными силами, обменивая

молодых рабынь на сатанинские тайны. Именно он был истинным властелином Кофа.

Колдун надменно усмехался, глядя, как рыцари натягивают поводья и пятятся от черного силуэта, возвышающегося среди мертвецов. Грозный блеск голубых глаз под измятым шлемом заставлял бледнеть и пятиться самых отважных. Смуглое, покрытое шрамами лицо киммерийца побагровело от ярости. Черная броня на Конане была изрублена, длинный меч — в крови по самую рукоять. Налет цивилизованности, приобретенный Конаном в многолетних странствиях, бесследно исчез, он снова превратился в неукротимого варвара, готового сразиться с любыми врагами. Конан был выходцем из племени суровых горцев, испокон веков населявших сумрачные, туманные земли Киммерии. О том, как он взошел на трон Аквилонии, ходили легенды.

Короли не решались приблизиться к нему. Под ударами киммерийца капитаны падали, словно скошенные колосья, и Страбонус, ценивший своих рыцарей на вес золота, исходил пеной от ярости. Не выдержав, он велел лучникам-шемитам издали расстрелять врага, но Тзота отрицательно покачал головой:

— Надо взять его живым.

— Легко сказать! — проворчал Страбонус, опасаясь, как бы гигант в черной броне не прорубился к нему сквозь ощетиненный копьями строй.— Кому под силу скрутить этого тигра-людоеда? Клянусь богиней Иштар, он перебил моих лучших бойцов! Семь лет ушло на их обучение, и стоило оно кучу золота. Теперь же они годятся только грифам на корм. Стреляйте, лучники!

— А я говорю: нет! — возразил Тзота. Он спрыгнул с коня и поинтересовался с ледяной улыбкой: — Разве ты не уяснил еще, что мой ум острее меча?

Он прошел сквозь ряды воинов,— великаны в кольчугах расступались, боясь коснуться его длинной мантии. Всадники тоже спешили посторониться. Перешагивая через трупы, Тзота приблизился к королю Аквилонии. Воины затаили дыхание, над полем сражения повисла тишина. Грозно приподняв окровавленный двуручный меч, киммериец в черной броне возвышался над хрупким жрецом в шелковых одеждах.

— Конан, я дарю тебе жизнь,— произнес Тзота с ядовитой усмешкой.

— Колдун, я дарю тебе смерть! — прохрипел киммериец.

Он напряг стальные мышцы, и длинный меч метнулся к тощей шее Тзоты. Воины вскрикнули в один голос, но ответный жест колдуна не заставил себя ждать: Тзота молниеносно коснулся того места на левом предплечье Конана, где кольчуга была разрублена и виднелась кожа. Свистящая сталь отклонилась, и гигант в черном замертво рухнул на землю. Тзота затрясся в беззвучном смехе.

— Подойдите к нему, не бойтесь. Лев лишился клыков.

Короли пришпорили коней и подъехали ближе, с опаской разглядывая поверженного дикаря. Конан лежал без движения, но в широко раскрытых глазах таилась бессильная ярость.

— Что ты с ним сделал? — со страхом спросил Амальрус.

Тзота показал кольцо необычной формы. Он резко сжал пальцы в кулак, и из перстня выскочило крошечное стальное острие.

— Шип смазан соком пурпурного лотоса с болот южной Стигии, где живут призраки,— пояснил маг.— Скоро Конан придет в себя, а пока закуйте его в цепи и положите в повозку. Солнце заходит, нам пора возвращаться в Хоршемиш.

Страбонус повернулся к командиру своей гвардии Арбанусу:

— Мы возьмем небольшой отряд кавалерии и повезем в Хоршемиш раненых. А ты на заре отправляйся со своими людьми в Аквилонию и осади Шамар. Офирцы снабдят вас провиантом. Мы придем с подкреплением, как только уладим свои дела.

Армия закованных в латы рыцарей, лучников, копейщиков и обозников разбила лагерь на лугах недалеко от поля битвы. Той же звездной ночью два короля вместе с колдуном, чьему могуществу они завидовали, отправились в путь к столице Страбонуса. Они ехали, окруженные пышной королевской гвардией. Позади следовал обоз с ранеными. В одной из повозок лежал Конан, король Аквилонии, в тяжелых цепях на теле и с горечью поражения в сердце.

Яд, отнявший у него силу, не парализовал мозга. Трясясь на дне повозки, Конан проклинал себя за доверчивость. Два дня тому назад к нему прискакал гонец Амальруса с мольбой о помощи — Страбонус, мол, опустошает его восточные земли между Аквилонией и обширным южным королевством Коф. Он просил лишь тысячу всадников, но обязательно под началом самого Конана, чтобы укре-

пить боевой дух офирского войска. И теперь Конан вполголоса бранил себя за то, что привел впятеро больше воинов, чем просил предатель. Киммериец вступил в Офир, ни о чем не подозревая, и угодил в западню. Можно было только восхититься мужеством его рыцарей, ведь потребовались две громадные армии, шестикратное численное превосходство, чтобы одолеть пять тысяч храбрецов.

Глаза Конана заволокло красным туманом, вены чуть не лопались от напора крови, в висках стучало. Никогда в жизни не испытывал он такой ярости и бессилия. В памяти мелькали события прошлого, мимолетные сцены, где он был то варваром в звериных шкурах, то наемником в рогатом шлеме и панцире, то корсаром на борту галеры с драконьим носом, оставляющей за кормой полосу крови вдоль всего южного побережья, то закованным в латы капитаном гвардии на черном жеребце, то королем на золотом троне под знаменем с изображением льва, в окружении вельмож и благородных дам в роскошных платьях.

Но толчки повозки постоянно возвращали его в действительность, к предательству Амальруса и подлой уловке Тзоты. Вспоминая об этом, он скрипел зубами, и только стоны и крики раненых, доносящиеся из других повозок, маломальски утешали его.

К полуночи обоз пересек границу Офира, а в лучах восходящего солнца у горизонта засверкали купола Хоршемиша. Над стройными башнями возвышалась угрюмая алая цитадель, издали она казалась кровавым пятном на небе. То был замок Тзота-Ланти. Единственная узкая дорога, вымощенная мрамором и перегороженная в нескольких местах массивными стальными воротами, вела на вершину горы, где нависала над городом крепость. Склоны горы были слишком круты для восхождения. С высоких стен цитадели открывался вид на широкие улицы города, мощенные белым камнем, на храмы и капища, на роскошные дворцы и убогие хижины, на лавки и базары. Королевский дворец приковывал взгляд; он сиял как драгоценный камень в оправе из великолепных садов, где росли плодовые деревья и прекрасные цветы, где журчали рукотворные ручьи и били фонтаны хрустально-прозрачной воды. И над всей этой красотой — угрюмая цитадель, словно кондор, высматривающий добычу.

Высокие тяжелые ворота между огромными сторожевыми башнями распахнулись, и король вступил в свою столи-

ну, сопровождаемый двумя рядами копейщиков. Пятьдесят труб приветствовали его, но немногие люди вышли на улицы бросать цветы под копыта лошадей. Страбонус скакал впереди. Горожане, с неохотой оставившие свои дела, глазели с разинутыми ртами на короля, вернувшегося раньше времени и с такой малочисленной свитой, и не могли взять в толк, победу это означает или поражение.

Конан, немного пришедший в себя, вытянул шею и приподнялся в повозке, чтобы взглянуть на чудесный город — «жемчужину Юга». К этим золоченым воротам он собирался подъехать во главе отряда конных рыцарей, под штандартом с изображением льва. Вместо этого его привезли сюда в повозке, скованного по рукам и ногам, словно беглого раба. Конан не удержался от смеха, похожего на рычание загравленного льва.

2

Чудесно паутина лжи сверкает на свету —
Владыкам льстит, о мудрости богов твердит...
Все верно. От отцов своих вы приняли корону ту.
Я же — воин лишь простой, ничем не знаменит.
Но, Кромом поклянусь, хоть вы стращайте адом,
Трон будет мой! Ведь я завоевал его,
Мне больше ничего не надо!

«Дорога Королей»

В стенах цитадели, в зале с высоким сводчатым потолком из резного агата и дверьми, инкрустированными темными драгоценными камнями, состоялась необычная встреча. Израненный, истекающий кровью король Аквилонии стоял перед своими недругами. По обе стороны от него выстроилось шестеро чернокожих гигантов, они сжимали рукояти топоров в могучих руках. Тзота, Страбонус и Амальрус, разодетые в золото и шелка, возлежали на бархатных диванах, а обнаженные мальчишки-рабы подливали вино в их сапфировые чаши. Конан, грязный, в одной лишь набедренной повязке, скованный по рукам и ногам, резко контрастировал с окружающей роскошью. Под прядями спутанных черных волос яростно сверкали его голубые глаза.

Но держался он с таким достоинством, что даже спесивые короли испытывали неловкость. Только Тзота, довольный, ухмылялся.

— Да сбудутся наши желания, король Аквилонии,— заявил он.— И чем скорее, тем лучше. А желаем мы расширить империю Коф.

— За счет моего королевства, да, мразь? — проворчал Конан.

— А кто ты такой? Пройдоха, завладевший короной, на которую у тебя не больше прав, чем у любого бродяги,— процедил сквозь зубы Амальрус.— Не горюй, мы тебе за нее заплатим.

Конан оглушительно расхохотался:

— Цена позора и измены! Пусть я всего лишь варвар, но неужели ты думаешь, что я отдам королевство и свой народ в обмен на жизнь и ваше проклятое золото? Ха! А где вы подобрали свои короны, ты и эта свинья с черным рылом, что сидит с тобою рядом? То, что вы унаследовали от отцов, не шевельнув пальцем — разве что отравили нескольких братьев,— мне досталось в сражениях. Да вы посмотрите на себя! Разлеглись на шелках и пьянствуете, а простой люд гнет на вас спины! И еще смеете говорить о праве на корону! Я прошел путь от бойца до короля, не жалея ни своей, ни чужой крови, и если кто-то из нас имеет право на корону, то, клянусь Кромом, это я! Докажите, что вы достойней меня! Когда я пришел в Аквилонию, ею правили мерзавцы вроде вас. Бароны раздирали страну на части, народ стонал под бременем налогов. А нынче ни один аристократ Аквилонии не смеет плохо обращаться с моими подданными, и налоги с народа — самые легкие в мире. Что ты ответишь на это, Страбонус? А ты, Амальрус? Твой родной брат ненавидит тебя, он отхватил кусок королевства на юге и вовсе не желает его отдавать. А сколько замков мятежных баронов осаждают сейчас твои, Страбонус, воины? Уж никак не меньше десятка. В ваших королевствах народ задавлен поборами, а теперь вы и моих подданных хотите ограбить? Ха! Развяжите мне руки, и я размажу по полу ваши мозги!

Тзота холодно улыбнулся, заметив, как разозлились Амальрус и Страбонус:

— Ты уводишь разговор в сторону, варвар. Наши дела тебя нисколько не касаются. Мы хотим от тебя только одного — чтобы ты подписал этот пергамент, отречение в пользу принца Арнелло де Пеллиа. Мы вернем тебе оружие и коня,

дадим пять тысяч лунов золотом, а затем проводим до восточной границы.

Ответный смех Конана был похож на лай дикой собаки.

— То есть отправите туда, откуда я пришел наняться в армию Аквилонии, и украсите клеймом предателя? Арпелло, говорите? У меня всегда были подозрения насчет этого мясника. Вы не можете открыто грабить, вам нужен предлог, пусть самый ничтожный. Арпелло уверяет, что он — особа королевской крови, вот вы и пользуетесь им, чтобы оправдать воровство! Хотите поставить у власти сатрапа? На мое согласие не рассчитывайте.

— Дурак! — рявкнул Амальрус.— Ты в наших руках! Мы тебя не то что короны — головы можем лишить, когда захотим.

Ответ Конана не был по-королевски благородным, зато ярко характеризовал его как личность. Варварская природа зачастую брала в нем верх над хорошими манерами. Конан плюнул прямо в глаза Амальрусу. Король Офира с ревом вскочил, выхватил меч из ножен и бросился на Конана, но тут вмешался Тзота:

— Погоди, государь! Этот человек — мой пленник!

— Прочь, колдун! — прорычал Амальрус, разъяренный насмешливым блеском голубых глаз Конана.

— Назад, я сказал! — рявкнул Тзота. Его тощая рука вынырнула из обшлага и бросила горсть бесцветного порошка в искаженное злобой лицо короля Офира. Амальрус взвыл от боли, выронил меч и упал на диван под равнодушными взглядами кушских стражников.

Страбонус поспешил припасть к чаше с вином. Руки его заметно дрожали. Вскоре серые глаза Амальруса прояснились.

— Я чуть не ослеп,— проворчал он.— Что ты со мной сделал, колдун?

— Всего лишь дал понять, кто здесь *хозяин*,— сухо ответил Тзота, сбрасывая маску услужливости и обнажая свою демоническую сущность.— Страбонус уже получил однажды этот урок, а теперь — ты. Я бросил тебе в глаза немного пыли из стигийской гробницы. Если сделаю это еще раз, ты до конца дней своих не увидишь света.

Амальрус пожал плечами, улыбнулся и взял чашу, чтобы утопить в ней страх и гнев. Опытный дипломат, он быстро обрел уверенность в себе, по крайней мере внешнюю.

Тзота повернулся к Конану, который бесстрастно следил за происходящим. По знаку колдуна негры схватили ким-

мерийца и потащили по длинному извилистому коридору, вымощенному разноцветными плитками. Стены коридора были обиты золотистой и серебристой тканями, со сводчатого потолка свисали золотые курительницы, наполняли галерею душистым дымом. Затем люди свернули в коридор со стенами из нефрита и агата — узкий, темный и жуткий. Он упирался в бронзовую дверь, над которой угрожающе скалился череп. У двери стояло отвратительное жирное существо со связкой ключей в руках — Шукели, главный евнух Тзоты, о котором говорили, что любовь к чужим страданиям заменяет ему все нормальные человеческие чувства.

За бронзовой дверью находилась узкая лестница, уводившая в самое сердце горы, на которой стояла цитадель. Маленькая процессия спустилась по ступенькам и остановилась возле железной двери, способной выдержать удар тарана. Шукели провернул ключ в замочной скважине, отворил дверь и шагнул в сторону, уступая путь. При этом Конан заметил на лицах чернокожих стражников беспокойство, да и сам евнух с опаской заглядывал в темноту. За дверью оказалась решетка из толстых стальных брусьев, запертая на хитроумный замок, отпиравшийся только снаружи. Шукели повозился с замком, и решетка ушла в стену. Переступив порог, все оказались в широком коридоре, прорубленном в скале.

Цепь Конана продели в кольцо, вмурованное в гранитную стену. В нише над головой укрепили факел так, чтобы пленник находился в полукруге рассеянного света. Сделав это, негры поспешили уйти, что-то бормоча себе под нос и боязливо вглядываясь в темноту. Тзота повернулся к Конану, и король не без тревоги заметил, что глаза колдуна светятся, а зубы скалятся по-волчьи.

— Прощай, варвар,— с издевательской улыбкой произнес Тзота.— *Я тороплюсь в Шамар, хочу принять участие в* осаде. Через десять дней я буду пировать в твоем дворце, в Тарантии. Что передать твоим женщинам, прежде чем с них сдерут красивую кожу, в которую я переплету хронику побед Тзота-Ланти?

Конан ответил страшным киммерийским ругательством, от его рева могли лопнуть барабанные перепонки у обычного человека, но Тзота лишь усмехнулся и вышел. Конан видел его силуэт за толстыми брусьями, когда евнух задвигал решетку. Затем лязгнула тяжелая железная дверь, и в подземелье воцарилась тишина.

3

Рванулся Лев через жуткие челюсти ада.
Тени метались повсюду, черны и ужасны,
Множество тварей незваных,
в мраке запрятанных,
Разные бестии мерзкие
с пастями вечно раскрытыми.
Темень дрожала от воя и визга вампирьего.
Лев же, с немалою силой своей и отвагою,
Путь от темницы своей до свободы искал.

«Дорога Королей»

Конан ощупал кольцо в стене и натянул цепь. Руки были свободны, но он сознавал, что даже его исключительной силы недостаточно, чтобы разорвать хотя бы одно звено, сработанное из стального прута толщиной в палец. Цепь крепилась к железному обручу вокруг пояса. Замок, стягивающий обруч, был таким массивным, что не разобьешь и молотом, а кольцо не уступало ему в прочности.

Киммериец выругался и всмотрелся во мрак. Черная глубь коридора таила в себе что-то зловещее. Все суеверные страхи, дремавшие в душе варвара, проснулись. Воображение населяло мглистые галереи чудовищами. Разум подсказывал Конану, что враги обрекли его на медленную смерть в каменном мешке. О том, что он отказался от предложения победителей, Конан не сожалел. Он не продал бы своих подданных мяснику ни за какие сокровища, хотя в борьбе за аквилонский трон думал лишь о собственной выгоде. Случается, и нередко, что даже у отъявленного грабителя просыпается чувство долга.

Конан вспомнил отвратительную угрозу Тзоты и застонал от бессильной ярости, понимая, что колдун не из тех, кто бросает слова на ветер. Нежные руки, ласкавшие Конана, алые губы, прикипавшие к его губам, юные груди, дрожавшие под страстными поцелуями... И со всех этих бедняжек сдерут кожу, белую, как слоновая кость, нежную, как цветочные лепестки?!

Из горла Конана вырвался звериный рык. Дрожащее эхо прокатилось по галерее и напомнило пленнику о его собственном положении. Конан опасливо вгляделся во мрак, вспоминая ужасные рассказы о жестокости некроманта Тзоты. С дрожью подумал он, что попал в знаменитые Залы Ужаса, о которых говорили только шепотом. Именно здесь

Тзота ставил гнусные опыты над людьми, животными и, по слухам, даже над демонами. Говорили, что Ринальдо, сумасшедший поэт, побывал в этих каменных мешках по приглашению Тзоты, и тот демонстрировал ему ужасы, описанные впоследствии в «Песни подземелья». Это отнюдь не было вымыслом больного мозга, разлетевшегося, кстати, под ударом топора в тот день, когда Конан защищался от убийц, проведенных во дворец безумным стихотворцем. Вспоминая строфы зловещей поэмы, Конан обливался холодным потом.

Внезапно киммериец уловил слабый шелест и насторожился, весь обратился в слух. Он не мог ошибиться: по камням скользила чешуйчатая кожа. На лбу Конана выступил холодный пот, когда в сумраке за полукругом света блеснули желтые глаза, а затем он увидел страшную треугольную голову, которая покачивалась на вытянутой шее, а на полу — скользкое извивающееся туловище огромного гада.

Такую змею Конан лицезрел впервые в жизни, подобное чудище даже в дурном сне не привидится. В длину рептилия достигала восьмидесяти футов, голова ее размерами не уступала лошадиной. В сиянии факела поблескивала белоснежная чешуя. Змея, несомненно, родилась и выросла в подземелье, однако ее злобные глаза видели на свету не хуже, чем в темноте. Она свилась в несколько огромных колец и приблизила голову к лицу Конана. Раздвоенный язык, выныривая из пасти, почти касался его губ. От гнусного запаха рептилии варвара затошнило. Огромные желтые глаза жгли Конана, он завороженно смотрел в них, борясь с искушением сомкнуть на шее твари железные пальцы. Однажды, в бытность свою корсаром, Конану ценой неимоверных, нечеловеческих усилий удалось раздавить череп питона. Но эта змея, в отличие от питона, была ядовитой: с громадных, длиной в фут клыков, кривых, как сабли, капала бесцветная жидкость. Возможно, Конан и сумел бы сокрушить треугольный череп (страх удвоил его силы), но риск, что чудовище успеет вонзить в него зубы, был слишком велик. Рассудок подсказывал, что он лишь отдаляет неминуемую гибель, но инстинкт самосохранения оказался сильнее, он превратил мускулы киммерийца в камень.

Змея подняла над Конаном чудовищную голову и замерла, рассматривая факел. Капля яда упала на голое бедро пленника — словно к нему приложили раскаленное железо. Нестерпимая боль пронзила тело, однако он не выдал

себя ни дрожью мускулов, ни трепетом ресниц. Он только подумал, что рубец от этой раны останется навсегда.

Змея покачивалась, будто пыталась понять, жив Конан или нет. И вдруг во тьме глухо лязгнула железная дверь. Змея с невероятной быстротой исчезла во тьме.

Дверь распахнулась, решетка въехала в стену. На пороге, в сиянии факелов, что горели в коридоре, появился человеческий силуэт. Пришелец скользнул в камеру и осторожно задвинул решетку, но так, чтобы не сработал запор. Бесшумно ступая по каменному полу, к Конану приблизился огромный, почти голый негр с длинным мечом в одной руке и связкой ключей в другой. Негр обратился к нему на языке жителей побережья, которому Конан научился, когда пиратствовал у берегов Куша.

— Много лет я мечтал встретиться с тобой, Амра,— произнес негр, называя Конана именем, под которым его знали кушиты: Амра-Лев. Кривая улыбка осветила черное лицо, глаза недобро вспыхнули в полумраке.— Я рискнул головой, чтобы увидеть тебя. Посмотри, вот ключи от твоих оков! Я украл их у Шукели. Сколько ты за них заплатишь? — Он побренчал ключами под носом у Конана.

— Десять тысяч лунов золотом! — выпалил Конан.

— Мало! — вскричал негр.— Слишком мало. Здесь бродят чудовища, а Шукели, если обнаружит пропажу ключей, прикажет меня повесить. Ну, так сколько ты дашь?

— Пятнадцать тысяч лунов и дворец в Пуантене,— сказал Конан.

Негр зарычал и затопал ногами.

— Мало! — закричал он ликующе.— Я хочу больше! Не жадничай, Амра!

— Ах ты, черная собака! — взвыл Конан, рассвирепев.— Кабы не оковы, я бы тебе шею сломал. Уж не послан ли ты евнухом, чтобы поглумиться надо мной?

— Шукели ни о чем не подозревает, белый человек,— ответил негр, вытягивая шею, чтобы заглянуть Конану в глаза.— Я давно тебя знаю, я был вождем свободного племени, а потом стигийцы увезли меня на север и продали в рабство. Ты позабыл, как вместе с морскими волками разграбил и сжег Абомби? Забыл, как перед дворцом короля Аджаги убил одного вождя, а другой убежал? Ты убил моего брата, а убежал я. Ну, назови же цену его крови, Амра!

— Освободи меня, и получишь столько золота, сколько весишь,— проворчал Конан.

Налитые кровью глаза негра злобно сверкнули, соперничая с волчьим оскалом:

— Ты такой же, как все белые собаки, но для черного человека золото никогда не станет ценой крови. Плата, которую я возьму... это твоя голова!

Последнее слово он проревел во всю силу легких, и оно, пронесясь по бесконечным коридорам, вернулось мрачным эхом. Конан застыл, натянув цепь, ожидая неминуемой смерти. И вдруг обмер от страха: в темноте за спиной негра появился ритмично покачивающийся смутный силуэт.

— Тзота никогда ни о чем не узнает! — захохотал чернокожий. Опьяненный злобной радостью, он не подозревал о нависшей над ним смерти.— Он не скоро спустится в подземелье, а к тому времени демоны растащат твои кости, Амра. А я унесу твою голову!

Стоя на широко расставленных ногах, он обеими руками поднял меч. Под черной кожей, тускло блестящей в свете факела, вспухли огромные мускулы. В ту же секунду гигантская тень выпрямилась и бросилась на него...

Звук удара клинообразной головы о человеческое тело раскатился по подземелью. Толстогубый рот негра округлился от невыносимой боли, но не выронил ни звука. Конан неотрывно смотрел в огромные глаза кушита — в них, как задутое пламя свечи, гасла жизнь. Следующий удар отбросил черного великана на стену. Извивающееся чудовище скользнуло следом, обвило его несколько раз, и Конан услышал страшный хруст костей. Меч и ключи выпали из рук негра и, звякнув об пол, отскочили почти к самым ногам киммерийца.

Он попытался наклониться, но цепь не пустила. Сердце бешено стучало в груди, запирало дыхание. Конан сбросил с ноги сандалию и подцепил ключи пальцами. Он едва не закричал от радости, когда ключи оказались в руке.

Еще немного возни с замком, и оковы упали на пол. Конан подобрал меч, взглянул на змею, тащившую прочь бесформенное, ничем уже не напоминающее человеческое, тело. Киммериец повернулся к открытой двери. До порога несколько шагов... Внезапно под сводами раскатился ехидный смех. Решетка гулко ударилась в стену, лязгнул замок. Между брусьями появилась страшная ухмыляющаяся морда... Евнух Шукели хватился своих ключей. Обрадованный тем, что успел преградить Конану путь к свободе, он не заметил меча в его руке. Пленник с громким криком прыгнул к нему, широкое лезвие коброй метнулось между брусьями, и смех Шукели превратился в хрип. Евнух сложил-

ся пополам и упал, держась жирными ладонями за распоротый живот.

Конан удовлетворенно крякнул: поделом мерзавцу. Однако сам он все еще оставался пленником. Ключи были бесполезны: замок отпирался только снаружи. Он ощупал толстые брусья. Может, попробовать мечом? Он не рискнул лишиться единственного оружия. Изучая решетку, он нащупал вмятины, похожие на следы невероятных клыков, и с дрожью подумал о том, какие же неведомые чудовища так упорно атаковали эту преграду.

Оставалось искать другой выход. Взяв из ниши факел и сжимая в другой руке меч, Конан углубился в галерею. Змея и ее жертва исчезли, только по полу тянулся кровавый след.

Безмолвная тьма, пронзенная мигающим светом факела, сомкнулась вокруг него. В стенах туннеля виднелись проемы боковых ходов. Боясь угодить в ловушку, Конан смотрел под ноги и никуда не сворачивал, пока не уловил жалобное всхлипыванье, похожее на плач женщины. Чего-чего, а подобных звуков он никак не ожидал здесь услышать. «Наверное, одна из многочисленных жертв Тзоты»,— подумал он и, еще раз проклял колдуна, пошел на рыдания по коридору с низким потолком и сырыми стенами.

Чем дальше уходил он от галереи, тем громче звучал плач. Наконец, подняв факел, он замер от ужаса, а затем отпрянул, разглядев у себя под ногами омерзительное чудовище. Короткие бесформенные щупальца непрестанно извивались, а туловище напоминало студень. Конана чуть наизнанку не вывернуло от этого зрелища. Голова твари походила на лягушачью, из разинутой пасти с багровыми губами исторгались рыдания. Когда выпуклые глаза завидели Конана, рыдания превратились в гадкий смех, и чудовище поползло к нему.

Конан повернулся и пустился бежать. Сразиться с тварью он не рискнул — подобную нечисть, решил он, вряд ли убьет оружие людей. Некоторое время за спиной слышались шлепки склизкого тела по полу и дикий смех. Так смеялись похотливые женщины в Шадизаре, Городе Роскоши, когда у них на глазах раздевали молодых рабынь. Каким демоническим искусством воспользовался Тзота, чтобы дать жизнь этой гадине? Тут явно попирались извечные законы природы.

Направляясь к главной галерее, Конан очутился в небольшом квадратном зале, откуда вправо и влево вели два туннеля. Вдруг он споткнулся обо что-то мягкое, вскрикнул и

растянулся на полу. Факел выпал из его руки и погас. Ошеломленный падением, Конан неуверенно поднялся на ноги и побрел ощупью. Факел он не стал искать, ведь его все равно нечем было зажечь. Неизвестно, сколько времени пробирался он в полной темноте, но внезапно инстинкт варвара предупредил его об опасности.

Он застыл на месте. Однажды он испытал такое же ощущение, оказавшись ночью на краю пропасти. Конан опустился на колени и стал ощупывать пол. Очень скоро он обнаружил край колодца. Протянув над ним руку с мечом, дотронулся до противоположного края. Конечно, он мог бы перепрыгнуть через колодец, но решил не рисковать. Только он собрался пойти назад, как ощутил слабое колебание воздуха; ветерок из колодца шевелил его черные спутанные волосы. Конан содрогнулся и попытался было убедить себя, что колодец ведет во внешний мир, но инстинкт подсказывал, что этого не может быть. Он находился не только в чреве горы, но и глубоко под землей. Откуда же взяться сквозняку? Из колодца доносился еле слышный гул, будто где-то вдали грохотали барабаны. Конана бросило в пот.

Он вскочил на ноги и пятился до тех пор, пока из колодца не вылетело *нечто*. Конан не мог сказать, что это было; он абсолютно ничего не видел, но ясно чувствовал присутствие разума, чудовищно отличающегося от его собственного. Конан повернулся и со всех ног бросился прочь.

Далеко в глубине туннеля он заметил крошечную красную искру. Побежал к ней, налетел на каменную стену и увидел тлеющий факел у своих ног. Конан поднял его и раздул огонь. Поглядев на взметнувшееся пламя, с облегчением вздохнул — он снова в зале, где расходятся туннели. Тут пламя заколебалось, будто на него полул невидимка. Конан снова ощутил чье-то присутствие и, подняв факел, огляделся.

Он ничего не увидел, но смутно почувствовал, что в воздухе парит кто-то неосязаемый и невидимый, изрыгая непристойности и проклятия, которые Конан не слышал, но улавливал интуитивно. Он взмахнул над головой мечом — сталь на миг увязла, словно наткнулась на прочную паутину.

Он бросился в туннель, чувствуя на затылке горячее, зловонное дыхание.

Лишь выскочив в широкий главный коридор, он понял, что оторвался от погони, и снова пустился в путь, ежесекундно ожидая нападения из темноты. В подземелье слышались то демонический хохот, то протяжные вопли, то вой

гиены, неожиданно сменившийся отвратительной руганью на человеческом языке. Конан слышал крадущиеся шаги и в проемах туннелей различал силуэты безобразных тварей.

Киммериец находился в самом центре ада, сотворенного колдуном Тзота-Ланти; казалось, он обречен тут скитаться до скончания века. Но в главной галерее чудовищ не попадалось, хотя он отчетливо слышал голодное урчание и ловил на себе плотоядные взгляды из боковых ходов.

За спиной послышался шорох. Он отскочил в ближайший коридор, торопливо затушил факел. По галерее ползла гигантская змея, отяжелевшая от последней своей трапезы. Рядом с Конаном какая-то тварь взвизгнула от страха и метнулась прочь. Вот почему так нерешительны прочие твари, сообразил Конан. Главный коридор — охотничьи угодья змеи, остальные чудовища его сторонятся.

Для Конана же змея была меньшим изо всех зол. Он даже почувствовал к ней некоторую симпатию, вспомнив рыдающую и хохочущую тварь и зловещего невидимку из колодца. Змея, по крайней мере, земное существо: это ползучая смерть, но она угрожает только телу, тогда как некто из колодца покушался также на душу и разум.

Когда змея проползла мимо, Конан снова раздул факел и последовал за ней на почтительном расстоянии. Но не сделал и нескольких шагов, как из ближайшего туннеля донеслись жуткие стенания.

Осторожность советовала Конану продолжать путь, но любопытство взяло верх. Он поднял выше факел, от которого почти ничего не осталось, углубился в коридор и вдруг замер в изумлении. Хотя казалось, был готов ко всему.

В просторном зале, отгороженном от подземного хода решеткой, вмурованной в пол и потолок, виднелся силуэт, похожий на человеческий. Конан пригляделся. Человек был оплетен растением наподобие виноградной лозы, этаким вьюном с крошечными листьями и кроваво-красными цветами, росшим как будто прямо из каменного пола. Тонкий и гибкий стебель оплел нагое тело жертвы, цветы, казалось, прижимались к нему в страстном поцелуе. Большой цветок распустился у самого рта. Громкие мученические стоны срывались с губ несчастного, голова дергалась в приступе невыносимой боли, в тусклом стеклянном взгляде синезеленых глаз, устремленном на Конана, не было и проблеска мысли.

Внезапно огромный темно-красный цветок ожил и прижался лепестками к губам. Человек извивался в муках, вет-

ки и листья растения дрожали, словно в экстазе. Окраска вьюна менялась на глазах, становясь все более яркой, ядовитой.

Конан не понимал, что происходило в клетке, но страдания пленника — будь он человеком или демоном — тронули сердце привычного ко всему киммерийца. Он поискал вход и обнаружил решетчатую дверь с тяжелым замком; к нему подошел ключ из связки. Тотчас ядовитый вьюн подобрался, уподобился потревоженной кобре и качнулся навстречу, угрожающе вытянув усики. Растение явно было наделено разумом и чувствами и следило за ним, излучая волны ненависти.

Конан осторожно подошел поближе и увидел место, где из сплошной скалы появлялась лоза — крепкий стебель толщиной с человеческое бедро, покрытый гладкой корой. Когда длинные ветви, грозно шурша листьями, потянулись к нему, киммериец взмахнул мечом и перерубил стебель одним ударом.

Несчастный пленник в тот же миг отлетел в сторону, но громадная лоза, как обезглавленная змея, корчилась на полу. Ветви щелкали об пол, словно хлысты, листья тряслись и трещали, как кастаньеты, цветы съеживались в агонии. Наконец вьюн вытянулся и застыл, цветы поблекли, тошнотворная белая жидкость из перерубленного ствола образовала на полу лужу.

Конан завороженно смотрел на мертвую тварь, пока шорох за спиной не заставил его резко обернуться и вскинуть меч над головой. Но удара не последовало — Конан застыл как вкопанный, раскрыв от изумления рот.

Спасенный успел подняться на ноги, его глаза уже не выглядели остекленевшими. Темные, задумчивые, они светились умом; узкая, гордо посаженная голова с высоким лбом, стройная фигура, маленькие кисти рук с длинными пальцами и узкие стопы — все говорило об аристократическом происхождении этого человека. Первые же его слова на кофском наречии поразили Конана.

— Какой нынче год? — спросил недавний беспомощный узник растения.

— Сегодня десятый день месяца Юлука, года Газели, ответил Конан.

— Великая Иштар! — пробормотал незнакомец.— Десять лет!

Он провел ладонью по лбу и встряхнулся, сбрасывая оцепенение.

— Сплошной туман в голове. Что ж, через десять лет полнейшего безмыслия вряд ли можно ожидать от мозга, чтобы он соображал, как встарь. Кто ты?

— Конан, выходец из Киммерии, а ныне — король Аквилонии.

Незнакомец удивился:

— Вот как? А Нумедидес?

— Я задушил его на троне в ту ночь, когда захватил столицу.

Ответ короля вызвал улыбку на губах узника.

— Прости, государь. Я должен был сначала поблагодарить тебя за услугу, ведь ты избавил меня от сна, более глубокого, чем смерть, и наполненного адскими кошмарами. Скажи, почему ты перерубил ствол растения, вместо того чтобы вырвать его с корнем?

— Я с давних пор усвоил, что не следует касаться руками того, что видишь впервые,— ответил Конан.

— Браво. Если бы ты схватил Ятгу, тебя не спас бы и меч. Его корни тянутся до самого ада. Представляешь, каких тварей ты мог выдернуть вместе с ними?

— А кто ты такой? — поинтересовался наконец Конан.

— Меня зовут Пелиас.

— Как?! — вскричал Конан.— Маг Пелиас, соперник Тзоты, исчезнувший с лица земли десять лет назад?

— Только с лица земли,— горько усмехнулся Пелиас.— Тзота не убил меня, он подыскал мне оковы куда страшнее, чем ржавое железо. Он запер меня вместе с чудовищным вьюном, семена которого прилетели из космоса и только в аду, кишащем мерзкими тварями, нашли для себя пригодную почву. Я не мог вспомнить ни одного заклинания из-за этой мерзости, изводившей меня погаными ласками. Она пила мои мысли, и голова моя была пуста, как разбитая амфора. Десять лет! Да поможет мне Иштар!

Конан молчал, сжимая догоревший факел. Он пытался убедить себя в том, что этот человек безумен, но не находил тому подтверждения в спокойном взгляде черных глаз.

— Скажи, колдун в Хоршемише? — спросил Пелиас.— Впрочем, нет нужды спрашивать. Силы возвращаются ко мне, и я вижу в твоем мозгу великое сражение и пленение обманутого короля. И вижу Тзота-Ланти, скачущего к Шамару со Страбонусом и королем Офира. Тем лучше. Я еще не окреп после долгого сна и пока не хотел бы встречаться с Тзотой. Мне потребуется некоторое время, чтобы окончательно прийти в себя. Пойдем, незачем здесь оставаться.

Конан потряс связкой ключей:

— Наружная решетка заперта на засов, его не отодвинуть изнутри. Нет ли другого выхода из этого проклятого подземелья?

— Есть один, но мы им не воспользуемся, поскольку он ведет вниз, а не наверх,— с улыбкой ответил Пелиас.— Ну да не беда. Пойдем, посмотрим на ту решетку.

Он направился в тупиль. Его ноги, одеревеневшие от долгой бездеятельности, подкашивались, но мало-помалу походка становилась все уверенней. Идя за ним, Конан заметил:

— По этому коридору ползает огромная змея. Как бы ее не потревожить.

— Я ее помню,— проворчал Пелиас.— На моих глазах эта гадина сожрала десятерых моих верных слуг. Это Сатха, любимица Тзоты.

— Значит, Тзота велел прорубить ходы в скале, чтобы населить их своими чудовищами?

— Нет, твари появились задолго до Тзоты. Три тысячи лет назад король Коссус Пятый, основавший Хоршемиш на месте древних развалин, воздвиг свой дворец на вершине горы и приказал прорыть подземный ход. Землекопы, расчищая место для кладовых, наткнулись на запертую дверь, взломали ее и обнаружили эти ходы. Но когда великого визиря Коссуса, рискнувшего спуститься в подземелье, постигла ужасная гибель, перепуганный король велел наглухо запереть дверь. Всем было объявлено, что великий визирь упал в колодец,— но погреба были засыпаны, а сам король вскоре переселился в долину, в другой дворец. Но и оттуда он однажды сбежал в страхе, обнаружив на мраморном полу своей спальни черную плесень. Он перебрался со всем двором на восток королевства и основал там новый город. Покинутый дворец на горе мало-помалу разрушился. Когда Аккуто Первый решил вернуть Хоршемишу былую славу, он отстроил на месте дворца крепость. Она стояла, пока тут не появился Тзота-Ланти и не перестроил ее в Алую Цитадель. Он снова открыл дверь в подземелье. Какова бы ни была причина смерти великого визиря короля Коссуса, Тзота сумел избежать его участи. Он спустился в колодец и вернулся оттуда со странным выражением лица, которое с тех пор не покидает его. Я тоже видел это отверстие, но у меня не возникло желания лезть туда в поисках мудрости. Я маг и обладаю большей силой, чем думают люди, но я все

же человек. А что касается Тзоты... Говорят, недалеко от развалин на холме Дагота однажды уснула шадизарская танцовщица, а проснулась она в объятьях черного демона, и от этого адского союза появился на свет проклятый выродок, зовущийся ныне Тзота-Ланти...

Конан пронзительно закричал и отскочил в сторону, увлекая за собой спутника. Перед ними выросла белая фигура Сатхи, глаза ее сверкали тысячелетиями копившейся ненавистью ко всему живому. Конан изготовился к отчаянному броску, выставил перед собой факел и меч, но змея даже не смотрела на него, она злобно уставилась на Пелиаса, а тот спокойно улыбался, скрестив руки на груди. И в огромных желтых глазах гада ненависть постепенно превратилась в страх, в ужас... В следующее мгновение змея исчезла, словно унесенная порывом ветра.

— Что ее так напугало? — спросил Конан, с опаской поглядывая на Пелиаса.

— Гады земные видят то, что ускользает от взора человечьего,— загадочно ответил волшебник.— Ты видишь мою телесную оболочку, а она — обнаженную душу.

Ледяной пот потек по спине Конана при мысли о том, кто же Пелиас на самом деле — человек или демон в человеческом обличье. Он уже всерьез подумывал, не вонзить ли меч в спину волшебника, пока не поздно, но тут они подошли к решетке, прутья которой казались черными в мерцании факелов.

За решеткой, привалясь к брусьям, сидел Шукели в луже крови. Пелиас оглушительно захохотал.

— Клянусь белоснежными бедрами Иштар, это наш привратник, благородный Шукели собственной персоной! Не ты ли подвесил моих людей за ноги и сдирал с них кожу, вопя от удовольствия? Ты спишь, Шукели? Скажи, отчего твое жирное брюхо стало плоским, как у жареного поросенка?

— Он мертв,— растерянно пробормотал Конан.

— Живой или мертвый,— смеясь, сказал Пелиас,— но он сейчас нас выпустит.— Волшебник громко хлопнул в ладоши.— Встань, Шукели! Вернись из ада, поднимись с залитых кровью плит и отвори своим хозяевам! Вставай, говорю!

Под сводами прозвучал стон, и тело Шукели зашевелилось. У Конана встали дыбом волосы, а по спине заструились ручейки ледяного пота. Под смех Пелиаса, безжалостный, как удары топора, евнух медленно поднялся, цепляясь толстыми пальцами за брусья решетки, и открыл безжиз-

ненные остекленевшие глаза. Из широкой раны на животе выпали длинные кишки. Топча их ногами, евнух, как автомат, отодвигал засов. Наблюдая за ним, Конан подумал было, что Шукели каким-то чудом остался жив, но нет... Он давно уже был мертв.

Пелиас спокойно перешагнул через порог, и Конан поспешил за ним, обливаясь потом и стараясь не задеть страшное существо, которое цеплялось за полуотодвинутую решетку. Пелиас даже не взглянул на Шукели, а Конану происходящее казалось кошмарным сном. Сделав несколько шагов, он услышал позади глухой стук и оглянулся. Труп Шукели лежал на пороге.

— Сделав свое дело, он вернулся в ад,— любезно объяснил Пелиас, притворяясь, что не замечает, как дрожат колени могучего варвара.

Они поднялись по длинной лестнице и миновали бронзовую дверь. Конан держал меч наизготовку, ожидая нападения, но в цитадели царила тишина. Пройдя темным коридором, они вступили в зал, где покачивались курительницы, наполняя воздух дивными ароматами. Никто не встретился им по пути.

— Рабы и воины живут в другом крыле цитадели,— объяснил Пелиас.— Сегодня их господина нет, и они, наверное, пьют вино и сок черного лотоса.

Конан выглянул из высокого стрельчатого окна с золотыми подоконниками, выходящего на широкую террасу, и крякнул от неожиданности, увидев синее небо, усеянное звездами. Его заточили в каменный мешок с первыми лучами солнца, а сейчас было за полночь. Он и не подозревал, что пробыл под землей так долго. Внезапно он обнаружил, что ужасно проголодался.

Пелиас провел Конана в зал с позолоченными сводами, серебряным полом и стенами, облицованными лазуритом, и там устало опустился на диван.

— Наконец-то я вижу золото и шелка,— сказал он.— Тзота уверял, что он выше телесных наслаждений. Но он — полудемон, а я — человек, хотя и волшебник. Я люблю удобства и вкусную еду. Между прочим, Тзота скрутил меня, когда я выпил лишнего и уснул. Вино — предатель, клянусь белоснежными грудями Иштар! И хитрый предатель: стоило о нем вспомнить, а оно уже на столе. Надо воздать ему по заслугам. Налей-ка мне чашу, друг мой... Ан нет, я забыл, что ты король. Я тебя сам обслужу.

— К демонам церемонии,— проворчал Конан, наполняя хрустальную чашу и подавая Пелиасу. После чего опрокинул над собственным ртом кувшин.— Этот пес знает толк в вине,— заметил он, вытирая губы.— Но, клянусь Кромом, нет смысла ждать, пока проснутся воины и перережут нам глотки.

— Не беспокойся, друг мой. Не желаешь ли посмотреть, что поделывает Страбонус?

Глаза Конана заблестели. Он до белизны в суставах пальцев стиснул рукоять меча.

— Страбонус! — воскликнул он.— Как я мечтаю выпустить ему потроха!

Пелиас взял со столика из черного дерева большой блестящий шар.

— Хрустальный шар Тюты. Детская игрушка, но при нехватке времени на более серьезные чары вполне годится. Смотри, государь!

Он поставил шар перед Конаном, и тот вгляделся в его сумрачную глубину. Перед ним вереницей проплывали образы. Вот знакомый пейзаж: пологие берега извилистой реки, равнина, которую обступили низкие холмы. На северном берегу высится крепостная стена города, вдоль нее тянется ров.

— Клянусь Кромом! — вскричал Конан.— Это Шамар! Его осадили проклятые псы!

Захватчики уже переправились через реку и разбили лагерь в узкой долине между городом и холмами. Воины лезли на стены, их доспехи поблескивали в лунном свете. Со стен и башен на них сыпались стрелы и камни, штурмующие пятились и снова шли на приступ.

Конан выругался, а между тем эта сцена сменилась другой: высокие башни и сверкающие купола пронзают туманное небо. Конан узнал свою столицу Тарантию, охваченную смятением. Он видел пуантенских рыцарей в стальной броне, самых верных своих воинов, выезжающих из ворот. Народ, столпившийся на улицах, бранил и освистывал их. Он видел, как рыцари с гербом Пеллиа на щитах врывались в башни и дома и творили бесчинства на улицах и площадях. И над всем этим нависало призрачное, искаженное гримасой торжества лицо принца Арпелло де Пеллиа.

Изображение всколыхнулось и сгинуло.

— Вот оно что! — сжал кулачищи Конан.— И народ предал меня... Стоило мне уехать...

— Не совсем так,— перебил его Пелиас.— Людям сказали, что ты умер и теперь некому защитить их от захватчиков и предотвратить междоусобицу. Естественно, они приняли сторону сильнейшего из дворян, чтобы избежать ужасов анархии. Люди помнят недавние войны и не доверяют пуантенским рыцарям... А Арпелло — самый влиятельный принц метрополии.

— Как только я вернусь в Аквилонию, он лишится головы и будет гнить в яме у Башни Изменников! — Конан заскрипел зубами от злости.

— Как бы ты ни спешил,— напомнил Пелиас,— Страбонус явится в столицу раньше тебя. А его рыцари разграбят по пути все твое королевство.

— Твоя правда! — Конан метался по залу, как лев в клетке.— Самый быстрый конь не домчит меня до Шамара раньше полудня. А если бы и домчал — это не спасло бы королевство, ведь крепость скоро падет. От Шамара до Тарантии скакать не меньше пяти дней, даже если насмерть загнать лошадей. Прежде чем я попаду в столицу и соберу армию, Страбонус окажется у наших ворот. А собрать войско нелегко — проклятые дворяне разбежались по своим уделам, услыхав о моей смерти. Народ изгнал Троцеро де Пуантена, и никто не помешает алчному Арпелло завладеть короной... и сокровищами. Он отдаст страну в руки Страбонуса в обмен на соломенный трон, а едва уедет Страбонус, поднимет народ на восстание. Но дворяне не поддержат его, и Страбонус воспользуется мятежом как предлогом, чтобы открыто захватить королевство. О Кром и Сет! Дайте мне крылья, чтобы домчаться до Тарантии с быстротой молнии!

Пелиас, задумчиво барабанивший пальцами по нефритовому столику, при последних словах Конана резко встал и поманил его за собой. Король, охваченный печальными мыслями, поднялся вслед за ним по мраморной, с золотыми перилами, лестнице на самую высокую башню. Ветер, свистевший в звездной ночи, вмиг растрепал черные волосы Конана. Внизу сияли огни Хоршемиша, казалось, они более далеки, чем звезды над головой. Сдержанный, задумчивый Пелиас выглядел величественным, как сам космос. Глядя ввысь, он произнес:

— И на земле, и в морской пучине, и в просторах небесных обитают существа, неизвестные людям. Однако с помощью волшебства и Абсолютного Знания мы можем повелевать ими. Смотри и не бойся, они не злы.

Он простер руки к небу и издал протяжный клич, заполнивший собою все вокруг. Дрожа и затихая, крик унесся к самым звездам. Затем наступила тишина, и Конан, заметив в вышине черные крылья, попятился в испуге. Еще миг, и перед ним опустилось гигантское существо, похожее на летучую мышь, и устремило на короля спокойный взгляд огромных глаз.

— Садись и лети,— велел Пелиас.— К рассвету это создание примчит тебя в Тарантию.

— Клянусь Кромом! — вскричал Конан.— Не сон ли это? Может, я сплю сейчас у себя во дворце и вижу кошмарный сон? Я не могу оставить тебя одного среди врагов.

— Обо мне не беспокойся,— заверил его Пелиас.— На заре народ Хоршемиша узнает о том, что у него уже новый владыка и что тебя унесли боги. Мы встретимся снова на равнине у Шамара. Счастливого пути.

Конан с опаской взобрался на спину летучей твари и обхватил руками изогнутую шею, весьма сомневаясь, что ему не снится фантастический кошмар. Распластав крылья, черное существо с шумом взвилось в небеса, и у Конана закружилась голова, когда он увидел далеко под собой башню и городские огни.

4

Меч, который убивает короля, перерезает узы, скрепляющие империю.

«Дорога Королей»

На улицах Тарантии толпились люди, размахивая секирами и ржавыми пиками, а кто и просто голыми кулаками. Занималась заря второго дня осады Шамара.

События развивались с невероятной быстротой. Благодаря стараниям Тзота-Ланти весть о поражении и гибели короля достигла Тарантии менее чем за полдня после начала штурма. И тотчас возникла суматоха. Бароны умчались из столицы, нахлестывая лошадей, чтобы защитить свои замки от жадных до чужого добра соседей. Королевство Конана, казалось, было на грани распада, и народ дрожал от страха. Люди молились, чтобы вернулся король и защитил их от своих дворян и иноземных врагов. Граф Троцеро, которого король назначил командиром городской стра-

жи, старался успокоить людей, но те, напуганные и сбитые с толку, вспомнили о гражданской войне и о том, что тот же граф Троцеро несколько лет назад брал штурмом Тарантию. На улицах кричали, что Троцеро предал короля. В некоторых кварталах наемные воины грабили лавки и гонялись за женщинами.

Троцеро обрушился на погромщиков, загнал их в казарму и арестовал зачинщиков. Несмотря на это, народ по-прежнему негодовал, считая, что граф намеренно учинил смуту, решив напугать этим горожан.

Принц Арпелло предстал перед обескураженным Королевским Советом и заявил, что готов взять бразды правления в свои руки и удерживать их до тех пор, пока не появится новый король. У Конана не было сына, и пока обсуждался вопрос о наследнике, слуги принца терлись в толпе и подбивали народ встать на сторону Арпелло. В зале совета были слышны крики горожан, собравшихся под окнами дворца: «Арпелло — наш спаситель!» И Совет уступил.

Троцеро сначала отказался подчиниться его решению, но горожане накинулись на него с воплями и руганью, стали бросать камни в его рыцарей. Поняв, что сражения с воинами Арпелло на узких городских улицах ему не выиграть, Троцеро швырнул в голову соперника свой жезл начальника стражи и, приказав напоследок повесить на рыночной площади командиров наемников, выехал через южные ворота с пятнадцатью сотнями тяжелой кавалерии. Как только за пуантенцами с грохотом опустились решетки, маска добродушия свалилась с лица Арпелло, обнажив клыки голодного волка.

Он предстал перед взбудораженным народом на коне-великане и под одобрительный гвалт обманутой толпы провозгласил себя королем Аквилонии. Канцлера Публиуса, возмущенного дерзостью самозванца, бросили в темницу. Купцы, с облегчением принявшие нового короля, были ошеломлены первым же его указом, по которым весь торговый люд Тарантии облагался непомерными налогами. Шестеро богатых и уважаемых купцов, избранных в делегаты, выступили с протестом, но их арестовали и казнили безо всяких церемоний.

Простой народ не волновала судьба купцов, но и он начал роптать в ответ на повсеместные грабежи, которые можно было сравнить разве что с налетом туранских бандитов. К Арпелло потекли жалобы на вымогателей, насильников и убийц. Принц временно расположился во дворце Публи-

уса, так как отчаявшиеся советники, осужденные по его приказу, заняли оборону в королевском дворце при поддержке части гарнизона. Вскоре, однако, Арпелло захватил нижний этаж дворца, и наложницы Конана, жившие там, были опозорены. Люди ворчали, видя, как королевские красотки бьются в грубых объятиях воинов. Темноглазые толстушки из Пуантена, стройные брюнетки из Заморы, Зингары и Гиркании, златоволосые красавицы из Бритунии плакали от страха и стыда — они не привыкли к насилию.

На растревоженный город опустилась тьма, а после полуночи пронесся слух, что кофийцы не удовлетворились разгромом армии Конана и атакуют Шамар. Об этом поведал шпион Тзоты, и люди затрепетали от страха, даже не удивляясь тому, сколь быстро дошла до них новость. Они стали барабанить в ворота королевского дворца и требовать от Арпелло, чтобы тот выступил с войсками на юг и изгнал врага. Арпелло мог бы объяснить, что у него мало войск и что набрать большую армию нельзя, поскольку бароны не признали его королем, но, опьяненный властью, он просто расхохотался в лицо горожанам.

Тогда один молодой студиозус по имени Афемидес взобрался на колонну на рыночной площади и обвинил Арпелло в пособничестве Страбонусу, а затем нарисовал согражданам страшную картину будущей жизни под властью кофийцев и сатрапа Арпелло. Он не завершил своей речи, а толпа уже ревела от страха и ярости. Арпелло приказал воинам схватить юношу, но люди заслонили его телами и принялись швырять в воинов камни и все, что попалось под руку. На толпу обрушился ливень стрел, однако Афемидесу удалось ускользнуть из города. Он пустился вдогонку за Троцеро, надеясь уговорить его освободить Тарантию, а затем выступить на помощь Шамару.

Афемидес нашел Троцеро и его рыцарей в лагере неподалеку от города. Граф как раз приказал снимать шатры и двигаться в Пуантен, город на юго-западе королевства. На мольбы молодого человека он ответил, что у него слишком мало сил для штурма Тарантии, да и сражения со Страбонусом ему не выиграть даже при поддержке горожан. Кроме того, жадные дворяне разграбят Пуантен, пока он будет биться с кофийцами. Король умер, теперь каждый сам за себя.

В то время, как Афемидес уговаривал Троцеро, толпа бесновалась на улицах и площадях у королевского дворца, выкрикивая проклятья в адрес Арпелло. А тот стоял на краю

башни возле дворца и хохотал. Его гвардейцы, выстроившись вдоль зубчатой стены, держали наготове луки и арбалеты.

Принц Арпелло де Пеллиа, коренастый, среднего роста, с сумрачным лицом, был по природе своей интриганом. Под его длинной туникой, расшитой золотом, поблескивала вороненая сталь доспехов. Длинные черные волосы, завитые и надушенные, перетягивала серебристая лента, а на бедре висел широкий меч с драгоценными камнями на рукояти, помнивший множество сражений.

— Дураки! Безумцы! Орите, что хотите. Конан умер, и теперь Арпелло — король Аквилонии!

Что ему за дело, что вся страна готова восстать против него? У Арпелло достаточно воинов, чтобы удержаться в надежных стенах города до подхода Страбонуса. Аквилония раздроблена, бароны готовы друг другу глотку перегрызть из-за клочка земли, и Страбонус без труда справится с ними. Надо только до его прихода удержать столицу.

— Безумцы! Дураки! Арпелло — король!

За восточными башнями вставало солнце. На охваченном багряной зарей небе появилась черная точка, она быстро росла в размерах, и вот уже она с летучую мышь, а теперь — с орла... Когда же над стенами Тарантии пронеслось существо из полузабытых легенд, все в ужасе закричали. Крылатая тварь с рычанием опустилась посреди широкого двора, и с ее спины на землю соскочил человек. Тварь оглушительно хлопнула крыльями и исчезла в облаках. Через некоторое время на башне рядом с Арпелло появился полуголый окровавленный варвар, размахивающий мечом. Многоголосый вопль потряс стены.

— Король! Это король!

Арпелло оторопел, но, тут же придя в себя, взвизгнул и бросился на Конана. С львиным ревом киммериец парировал удар, затем, отбросив меч, схватил принца за горло и за ноги и поднял над головой.

— Ступай в царство Тьмы со своими заговорами! — крикнул он и, как мешок с песком, швырнул предателя вниз. Оглашая площадь безумным криком, Арпелло закувыркался в воздухе.

Толпа шарахнулась от стены. Принц, упав с высоты ста пятидесяти футов, разбился в лепешку о мраморные плиты. Мертвый Арпелло в черных латах был похож на раздавленного майского жука.

Лучники на башне, охваченные паникой, отпрянули от зубцов и бросились по лестнице вниз, а там их встретили советники, которые выбежали с саблями из дворца. Напрасно рыцари и воины Пеллиа искали спасения на улицах — от мстительной толпы негде было укрыться. По городу разносились торжествующие крики и предсмертные вопли, тут и там еще можно было заметить меч, яростно крутящийся среди густого леса копий и секир, а сверху на побоище взирал полуголый король. Сложив руки на груди, он громко смеялся над всеми: над толпой, над изменниками... и над собой тоже.

5

Лук верный возьми, натяни тетиву
В лучах заходящего солнца,
И рухнет кофийский король на траву,
Пронзенный стрелою боссонца.

Из песни боссонских лучников

Послеполуденное солнце сияло над спокойными водами Тайбора, омывающего южные бастионы Шамара. Растерянные и усталые до предела защитники города знали, что лишь немногие из них увидят завтрашний рассвет. Равнина пестрела шатрами осаждающих. Народ Шамара не мог помешать многочисленному войску врага переправиться через реку — связанные вместе баржи послужили мостом, по которому прошла орда завоевателей. Страбонус не решился напасть на Аквилонию, оставив в тылу непокоренный Шамар. Он послал отряды воинов в глубь страны для грабежа, а сам установил осадные машины на равнине. На стрежне реки бросила якоря флотилия. Некоторые суда были потоплены городскими баллистами, но остальные держались, и за бортами, прикрытыми стальными щитами, укрывались лучники, сеявшие смерть среди защитников Шамара. Это были шемиты, о которых говорили, что они родились с луками в руках. Ни один лучник Шамара не мог с ними сравниться.

С берега катапульты забрасывали город валунами и бревнами, которые проламывали крыши и давили людей, как насекомых. В стены непрерывно били тараны, а землекопы вгрызались в землю, точно кроты, рыли глубокие подкопы под башнями. Рвы осушили и завалили землей, камня-

ми и трупами людей и коней. У подножия крепостных стен копошились воины, закованные в броню: одни пытались выломать ворота, другие подкатывали осадные башни к стенам.

Надежда оставила город. Полторы тысячи жителей с трудом сдерживали натиск сорокатысячного войска. Из глубины королевства до Шамара, аванпоста Аквилонии, не доходило никаких известий. Конан умер — во всяком случае, об этом радостно кричали враги. Только благодаря мощным стенам и отчаянной храбрости осажденных город еще держался.

Но дело шло к развязке. Западная стена уже превратилась в груду обломков, на которых завязалась яростная рукопашная схватка; другие стены покрылись широкими трещинами и угрожали вот-вот рухнуть. Башни качались на пустотах, как пьяные.

Неприятель готовился к решающему приступу. Звучали трубы, на равнине строилась стальная армия, с грохотом катились осадные башни. Защитники Шамара видели трепещущие на ветру знамена Кофа и Офира, различали среди сверкающих рыцарей коренастого Страбонуса в черной броне и Амальруса, облаченного в расшитый золотом камзол. Между ними скакал человек, от одного вида которого бледнели самые отважные: тощий, похожий на хищную птицу колдун в длинной развевающейся мантии.

Алебардщики выступили первыми. Затем пришпорили коней всадники и выстроились копейщики. Защитники города глубоко вздохнули, препоручив души Митре, и крепче сжали в руках оружие.

Внезапно раздался сигнал трубы, и на равнину обрушился громоподобный топот копыт, заглушающий все остальные звуки. На севере вздымалась гряда холмов, словно огромная лестница в небо. С ее склонов, подобно лавине, неслась легкая кавалерия Страбонуса, посланная в глубь Аквилонии. Всадники нещадно хлестали и пришпоривали коней, преследуемые рыцарями в железных латах, над которыми развевалось большое знамя Аквилонии с изображением льва.

Дружный крик осажденных потряс небеса. Опьянев от радости, воины стучали окровавленными мечами по изрубленным щитам, а горожане — богатые и нищие, шлюхи в красных юбках и знатные дамы в шелках — упали на колени и запели благодарственный гимн Митре, и слезы счастья катились по их щекам.

Страбонус подъехал к Амальрусу, который спешно разворачивал армию навстречу неожиданной угрозе, и проворчал:

— Мы без труда с ними справимся, если у них нет резерва за холмами. Это всего лишь пуантенцы. Мы ведь так и предполагали, что Троиеро полезет в пекло.

Амальрус растерянно проговорил:

— Я вижу Троцеро и капитана Просперо... Но кто скачет между ними?

— О Иштар, помоги нам! — бледнея, пролепетал Страбонус.— Это король Конан!

— Вы с ума сошли! — вскричал Тзота.— Конан уже давно в брюхе Сатхи!

Натянув поводья, он повернулся к коннице, мчавшейся по равнине. Ошибки быть не могло: он узнал могучего воина в латах из вороненой стали, инкрустированных золотом. Король скакал на черном боевом коне под трепещущим полотнищем огромного штандарта. Тзота в ярости зарычал, брызжа слюной. Впервые в жизни Страбонус видел мага в таком замешательстве и гневе, и это напугало его.

— Колдовство! — вскрикнул Тзота, брызгая слюной на бороду.— Как он мог убежать, добраться до своего королевства в такой короткий срок да еще собрать войско? Ему помог Пелиас, будь он проклят! И будь проклят я, что не убил его раньше!

Услышав имя волшебника, которого уже десять лет считали мертвым, короли задрожали; их страх передался армии. Тзота заметил суеверный ужас в глазах воинов, и злоба превратила его лицо в демоническую маску.

— Вперед! — закричал он.— Мы сильнее! Раздавите этих псов! Сегодня вечером мы устроим пир на развалинах Шамара! О Сет! — Он вскинул тощие руки, призывая бога-змея, и напугал этим даже Страбонуса.— Даруй нам победу, и, клянусь, я принесу тебе в жертву пятьсот девственниц Шамара, истекающих кровью!

Тем временем армия противника наводнила равнину. Всадники, скакавшие вслед за рыцарями на маленьких быстрых конях, спешились и построились в боевые порядки. Это были стойкие боссонские лучники и гандерландские копейщики с рыжими кудрями, выбивавшимися из-под стальных шлемов.

Конан собрал свою разношерстную армию в считанные часы после возвращения в столицу. Он спас от кровожадной толпы пеллийских лучников и копейщиков и зачислил их, обязанных ему жизнью, в свою пехоту. Он призвал к ору-

жию чернь Тарантии, он послал гонца к Троцеро с приказом вернуться. С большим отрядом — ядром будущей армии — Конан выступил на юг. Дворяне Тарантии вместе со своими дружинами и окрестные крестьяне пополнили его войско. Он набирал рекрутов во всех городах, встречавшихся на пути. Тем не менее его армия все еще значительно уступала орде захватчиков.

Конан привел к Шамару девятнадцать сотен рыцарей, в том числе много пуантенских. Были с ними и наемники. Армия двигалась в полном боевом порядке: сначала лучники, потом копейщики, в арьергарде — рыцари.

Арбанус бросил на противника объединенные войска Офира и Кофа, и равнина превратилась в океан сверкающей стали. Дозорные на крепостных стенах ужасались, глядя на огромную рать, значительно превосходящую числом армию Конана. Впереди шли лучники-шемиты, потом — кофские копейщики, за ними скакали одетые в кольчуги рыцари Страбонуса и Амальруса. Было ясно: Арбанус решил смести пехоту Конана и очистить путь для ураганного натиска тяжелой кавалерии.

Стрелы шемитов сыпались градом. Лучники из западных провинций Аквилонии, закаленные безжалостными войнами с дикарями-пиктами, уверенно шли вперед, перешагивая через упавших товарищей. Их было очень немного, и лучники-шемиты нанесли им большой урон, но боссонцы превосходили врага меткостью, а кроме того, они сражались за правое дело. Подойдя ближе, они выпустили стрелы, и целые ряды шемитов рухнули как подкошенные. Синебородые воины в легких кольчугах не устояли и бросились бежать, побросав луки, а их отступление нарушило строй копейщиков-кофийцев, шагавших позади.

Без поддержки лучников воины сотнями падали под стрелами боссонцев, а если яростно бросались в бой, то натыкались на копья. Никакая пехота в мире не могла сравниться с гандерландской. Родиной этих бойцов была самая северная провинция Аквилонии, расположенная недалеко от границ Киммерии. Они были рождены и выращены для войны. Кофские копейщики, понеся невероятные потери, в беспорядке отступили.

Страбонус побагровел от гнева и велел трубить сигнал «в атаку». Арбанус колебался, видя, как выстроились боссонцы перед аквилонскими всадниками, замершими в ожидании. Он советовал немного отступить, чтобы выманить рыцарей из-под прикрытия лучников, но Страбонус был

вне себя от злости. С ненавистью глядя на горстку людей в кольчугах, бросивших ему вызов, он повторил Арбанусу приказ о наступлении.

Полководец помолился Иштар и велел трубить в золотой рог. Огромная армия ощерилась целым лесом копий и понеслась по равнине. Земля дрожала от топота копыт, и блеск золота и стали слепил глаза дозорным на башнях Шамара.

Конница врезалась в ряды копейщиков, опрокидывая их, но утодила под ливень стрел боссонцев. Над полем битвы стоял невообразимый грохот; атакующие падали, как трава под косой. Еще сто шагов, и они обрушатся на боссонцев и сметут их... Но плоть не могла выдержать смертельного ливня стрел.

Лучники стояли плечом к плечу, для устойчивости широко расставив ноги, и с дикими криками одну за другой выпускали стрелы. Первые ряды всадников рухнули, скакавшие позади спотыкались о тела людей и коней и увеличивали собой вал из трупов. Арбанус рухнул со стрелой в горле, его череп был раздроблен копытом агонизирующего коня. Началась паника.

Страбонус выкрикивал один приказ, Амальрус — другой, и никто не мог избавиться от суеверного страха при виде ожившего Конана.

В то время как сверкающие ряды ломались и пятились, трубы Конана прозвучали снова. По этому сигналу лучники расступились и дали дорогу страшной аквилонской коннице.

Армии столкнулись с грохотом, потрясшим древние стены Шамара. Конница растерянного врага оказалась перед стальным клином, ощетиненным копьями и пиками. Острием клинка были рыцари Пуантена с грозными обоюдоострыми мечами.

Зазвенела сталь, словно миллионы молотов забили о наковальни.

Дозорные на башнях, оглушенные шумом сражения, глядели, как скрещиваются внизу клинки, как слетают султаны под ударами мечей, как поднимаются и вновь исчезают плюмажи и штандарты.

Амальрус упал, разрубленный пополам двуручным мечом Просперо, и скрылся под копытами обезумевших коней. Девятнадцать сотен всадников Конана плотным стальным косяком все глубже врубались в смешанные ряды неприятеля. Тщетно рыцари Кофа и Офира пытались устоять перед их натиском.

Лучники и копейщики, разгромив кофскую пехоту и обратив ее в бегство, теперь появились на подступах к крепости. Они стреляли из луков в упор, копьями выбивали всадников из седел, подрезали подпруги лошадей или вспарывали им животы. Конан находился в самой гуще сражения, время от времени издавал свой языческий боевой клич. Его громадный меч то и дело описывал сверкающую дугу, сбивая шлемы вместе с головами. Пустив коня бешеным галопом, он прорвался сквозь ряды закованных в железо всадников, и рыцари Кофа сомкнулись за ним, отрезав обратный путь. Меч его разил, как молния; в яростной схватке Конан крушил кофийцев до тех пор, пока не оказался перед Страбонусом, мертвенно-бледным, окруженным гвардией. В этот миг решался исход битвы, ибо численное превосходство оставалось на стороне кофского короля и возможность изменить ход сражения, переломить его в пользу союзных армий была еще вполне реальной.

Страбонус взвыл, увидев перед собой заклятого врага, и, взмахнув боевым топором, с грохотом обрушил его на шлем Конана. Посыпались искры, Конан покачнулся, но быстро оправился и нанес ответный удар. Клинок в пять локтей длиной рассек череп Страбонуса. Боевой конь взвился на дыбы и поскакал прочь, увлекая за собой бездыханное тело короля.

В армии началась суматоха, ряды смешались и попятились. Отряд Троцеро, рубя направо и налево, ринулся вперед и пробился к Конану. В этот миг позади растерявшихся врагов раздались крики и взметнулось пламя костров. То защитники Шамара предприняли отчаянную вылазку. Они изрубили в куски воинов у ворот и захватили лагерь осаждавших, поджигая палатки и разбивая военные машины. Это было последней каплей — армия завоевателей рассыпалась и бежала, за ней по пятам гнались победители.

Отступавшие бросились к реке, но гребцы флотилии, спасаясь от камней и стрел осмелевших горожан, подняли якоря и отплыли к другому берегу. Часть беглецов успела переправиться по мосту из барж, но вскоре воины Конана перерубили канаты. Сражение превратилось в бойню. Захватчики бросились в воду, но либо погибали, раздавленные баржами, либо тонули в своих тяжелых доспехах. Люди гибли тысячами, моля о пощаде.

Равнина была завалена трупами, а вода в реке покраснела от крови. Из девятнадцати сотен рыцарей Конана осталось в живых всего пятьсот, лучники и копейщики тоже

понесли огромный урон, но зато великолепная армия Страбонуса и Амальруса растаяла, как снег по весне, а уцелевшие стоили теперь не дороже мертвых.

Пока шла резня, на другом берегу реки разыгрался последний акт этой драмы. Тзота успел перескочить по мосту из барж, прежде чем его разрушили. Он вихрем несся на своем боевом коне, с которым не могла сравниться ни одна лошадь. Давя и раскидывая своих и чужих, он выскочил на южный берег и оглянулся.

Его настигал черный всадник на огромном вороном жеребце. Канаты уже были перерублены, и баржи плыли по течению, но конь Конана перепрыгивал с палубы на палубу. Тзота громко выругался. Вороной сделал последний прыжок и вынес всадника на берег. Маг поскакал в луга. Конан погнался за ним, размахивая длинным мечом, с которого капала кровь.

Они неслись во весь опор, дичь и охотник,— но второму не под силу было выиграть бешеную скачку. Колдун и варвар скакали в последних лучах заходящего солнца, пока шум резни не смолк вдалеке. И тогда в небе появилась черная точка. Она росла с каждой секундой и наконец превратилась в громадного орла, который обрушился с высоты на голову коня Тзоты. Конь заржал и взбрыкнулся, выкинув всадника из седла.

Тзота вскочил на ноги и повернулся к своему преследователю. Глаза его по-змеиному светились, лицо перекосилось от нечеловеческой злобы. В каждой руке он держал по сверкающему шару, и Конан узнал в них смертоносное оружие.

Король спрыгнул на землю и пошел на врага, подняв меч.

— Вот мы и встретились, колдун! — произнес он и захохотал.

— Назад! — по-шакальи пролаял Тзота.— Я сдеру мясо с твоих костей! Я непобедим! Даже если ты разрубишь меня на куски, мое тело срастется вновь и будет преследовать тебя до самой смерти! Я знаю, что здесь не обошлось без Пелиаса, но бросаю вызов вам обоим! Я — Тзота, сын...

Конан бросился вперед, меч его сверкнул в лучах солнца. Тзота размахнулся, и варвар пригнул голову. Что-то блестящее пролетело над ним и взорвалось за спиной, опалив землю клубком адского огня. Прежде чем Тзота успел бросить второй шар, который держал в левой руке, меч Конана обрушился на его шею. Голова колдуна слетела с плеч,

и туловище, брызгая кровью, повалилось на землю. Но черные глаза по-прежнему злобно сверкали, глядя на киммерийца, зубы скрипели, а руки шарили вокруг, будто в поисках отрубленной головы. В этот момент что-то упало с небес...

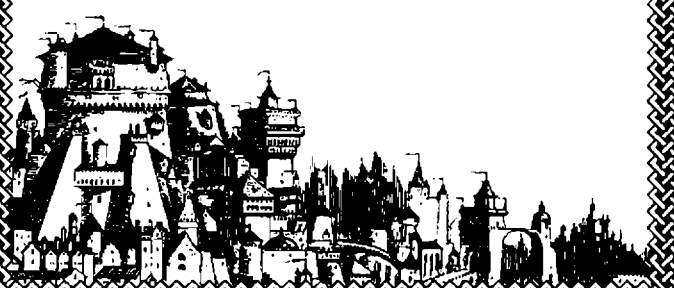
Орел схватил могучими когтями окровавленную голову и взмыл с нею в небо. Конан застыл от ужаса, когда птица расхохоталась голосом Пелиаса.

И тут случилось самое ужасное: безголовое тело вскочило и побежало на непослушных ногах, простирая руки к удаляющейся черной точке.

Конан стоял, словно изваяние, глядя вслед страшной фигуре, растворяющейся в лиловых тенях вечера.

— Клянусь Кромом! — воскликнул он, сбросив с себя оцепенение.— Чума пади на этих колдунов! Пелиас был добр ко мне, но демон меня побери, если я согласен встретиться с ним еще раз! Дайте мне добрый меч и достойного врага, которого можно сразить раз и навсегда,— вот это по мне! Проклятье! Проклятье! Чего бы я сейчас не отдал за кувшин вина!

Отметив добрым вином победу над подлыми предателями и коварными колдунами, Конан со всей своей бешеной энергией занялся восстановлением разрушенного. Он сколачивал мощную армию и строил в своем королевстве дороги, он заключал союзы и налаживал торговлю с соседями. Но его Аквилония — самое цивилизованное среди хайборийских королевств — была слишком лакомым куском для алчных королей сопредельных государств, чтобы они согласились без боя уступить ее какому-то варвару...



Час Дракона

1

СПЯЩИЙ, ПРОБУДИСЬ!

Дрогнуло пламя длинных тонких свечей. По стенам заметались черные тени. Всколыхнулись бархатные занавеси, потревоженные неосязаемым дуновением. Четверо мужчин стояли у стола из черного дерева, на котором покоился зеленый саркофаг, отблескивавший подобно нефриту. В четырех воздетых руках горели зловещим зеленоватым огнем черные свечи. Снаружи была ночь, слышался стон ветра, заблудившегося меж голых деревьев.

Напряженная тишина царила в чертоге, лишь тени беззвучно перемещались по стенам. Четыре пары горящих глаз приникли к саркофагу, на поверхности которого корчились таинственные иероглифы, казалось, оживавшие в неверном блеске свечей.

Человек, стоявший в изножье саркофага, склонился над ним и повел свечой, словно пером, чертя в воздухе мистический символ. Затем он вставил свечу в подсвечник черненого золота, стоявший подле саркофага, и, пробормотав некую формулу, недоступную слуху сообщников, опустил широкую белую руку в складки своей мантии, отороченной мехом. Когда он извлек руку, всем показалось, будто он держит на ладони сгусток живого огня.

Трое других приглушенно ахнули.

— Сердце Аримана! — прошептал темноволосый, мощного сложения мужчина, стоявший в головах саркофага. Державший камень тотчас вскинул руку, призывая всех к тишине.

Где-то далеко тоскливо завыла собака, по ту сторону надежно запертых дверей послышались крадущиеся шаги. Но ни один из четверых не отвел взгляда от крышки саркофага, над которой человек в отделанной горностаями мантии водил в воздухе огромным пламенеющим камнем, вполголоса произнося заклинание. Это заклинание было древним еще в те времена, когда море сомкнулось над Атлантидой. Сияние камня слепило глаза; никто не понял, что именно произошло, но резная крышка саркофага с внезапным грохотом разлетелась на части, ни дать ни взять раздробленная чудовищной силой, рвавшейся изнутри. Четверо мужчин тотчас склонились над саркофагом, с жадностью разглядывая то, что лежало внутри,— сморщенную, иссохшую мумию. Сквозь истлевшие повязки виднелась бурая кожа, туго обтянувшая кости. Руки и ноги мумии походили на ветви мертвого дерева.

— И ты хочешь оживить *это*? — Коротышка, стоявший по правую руку, сопроводил свои слова коротким язвительным смешком.— Да оно же рассыплется от прикосновения! Мы глуп...

— Тихо! — повелительно прошипел тот, что держал сияющую драгоценность. Его глаза были расширены, на высоком бледном лбу выступил пот. Он наклонился и, не прикасаясь руками, опустил на грудь мумии пламенеющий камень. Потом отступил назад, не сводя с нее напряженного, почти яростного взгляда. Его губы шевелились, беззвучно произнося слова волшебства.

Огненный шар, мерцая, сверкал на безжизненной, иссохшей груди. Но вот смотревшие изумленно втянули воздух сквозь плотно сжатые зубы. Ибо прямо на глазах у них началось жуткое преображение. Мумия начала расти, наливаться, обретая плоть. Повязки рвались на ней, рассыпаясь коричневой пылью. Распрямлялись съежившиеся члены. Постепенно светлела бурая кожа...

— Во имя Митры! — прошептал стоявший слева высокий желтоволосый мужчина.— По крайней мере, он не был стигийцем! Хотя бы в этом мы не ошиблись.

И вновь воздетый палец, дрожа, призвал к тишине. Собака снаружи больше не выла. Она скулила, словно ей приснился дурной сон; потом стих и этот звук, зато желтоволосый явственно расслышал скрип двери — так, словно с той стороны на нее навалилась неодолимая сила. Он уже начал было поворачиваться, протягивая руку к мечу...

— Остановись! — прошипел человек в горностаевой мантии.— Не разрывай цепи! И не подходи к двери, если тебе дорога жизнь!

Пожав плечами, желтоволосый повернулся обратно — и замер, потрясенный увиденным. В нефритовом саркофаге лежал живой человек — высокий, хорошо сложенный, нагой мужчина. У него была белая кожа и темные волосы и борода. Он лежал неподвижно, открытые глаза были бессмысленны, точно у новорожденного. Камень искрился и пылал у него на груди.

Человек в горностаях слегка пошатнулся, точно сбрасывая с плеч непосильную тяжесть.

— О Иштар! — выдохнул он.— Это в самом деле Ксальтотун! И он действительно ожил! Валерий, Амальрик, Тараск! Вы видите? Видите? Вы сомневались во мне, но я сумел справиться! Да, нынче мы вплотную приблизились к раскрывшимся вратам Преисподней, силы тьмы дышали нам в спину — о, они до последнего следовали за ним. И все-таки мы сделали это! Мы вернули к жизни величайшего из волшебников...

— И, несомненно, обрекли свои души на вечную муку,— пробормотал смуглый коротышка Тараск.

Желтоволосый Валерий рассмеялся резким, неприятным смехом:

— Какие муки могут быть горше этой жизни? Считай, все мы прокляты с колыбели. Да и кто откажется продать свою жалкую душонку за трон?

— В его взгляде нет разума, Ораст,— сказал здоровяк.

— Он долго пролежал мертвым,— ответил Ораст.— Он похож на только что разбуженного. Его разум еще пуст после долгого сна... какое там сна — ведь он был мертв! Мы вызвали его дух из бездны тьмы и забвения. Надо поговорить с ним.

Он наклонился над саркофагом и, вперив взгляд в широко раскрытые темные глаза лежавшего внутри, медленно произнес:

— Пробудись, Ксальтотун!

Губы воскрешенного дрогнули и шевельнулись.

— Ксальтотун? — повторил он неуверенным шепотом, словно ощупывая перед собою дорогу.

— Ты — Ксальтотун! — проговорил Ораст, подобно гипнотизеру, вводящему свою жертву в транс.— Ты — Ксальтотун из Пифона, что был в Ахероне.

Далекое пламя встрепенулось в темных глазах.

— Я тот, кто был Ксальтотуном,— послышался шепот.— Я мертв.

— Ты — Ксальтотун! — вскричал Ораст.— Ты не мертв более. Ты — жив!

— Я — Ксальтотун,— жутко прошелестело в ответ.— Но я умер. Там, в Стигии, в городе Кеми, в своем доме.

— И отравившие тебя жрецы забальзамировали твое тело, не тронув ни единого органа! — воскликнул Ораст.— Велико было их черное искусство, но теперь ты снова живешь! Сердце Аримана вернуло тебе жизнь, возвратив твой дух из пустых пространств вечности.

— Сердце Аримана! — Огонек воспоминания разгорелся ярче.— Варвары похитили его у меня...

— Память возвращается к нему,— пробормотал Ораст.— Поднимите его из саркофага!

Остальные повиновались после некоторого колебания. Нехотя прикоснулись они к ими же воссозданному человеку. Их пальцы ощутили твердую, мускулистую плоть, пышущую полнокровной жизнью, но легче от этого никому почему-то не стало. И все-таки они усадили ожившего. Ораст же обрядил его в темно-фиолетовую мантию, усыпанную золотыми звездами и полумесяцами, а потом повязал ему на голову златотканую ленту, перехватив волнистые черные пряди, падавшие на плечи. Оживший не воспротивился им ни словом, ни жестом; молча дал он усадить себя в высокое кресло, напоминавшее трон с высокой спинкой черного дерева, серебряными подлокотниками и ножками в виде когтистых позолоченных лап. Он сидел неподвижно, лишь в темных глазах медленно разгорался пробудившийся разум. Казалось, два затонувших светоча всплывали со дна бездонных колодцев, наполняя странным свечением полонившую их тьму.

Ораст исподтишка покосился на своих сообщников, с болезненным интересом вглядывавшихся в своего удивительного гостя. У этих людей были железные нервы: они выдержали испытание, способное свести с ума человека менее закаленного. Что ж, Ораст знал с самого начала: он сговаривался не с какими-то слабаками, но с воинами, чье проверенное мужество не уступало способности ко злу, которая таилась в их душах, и необузданному властолюбию, способному смести любые законы. Ораст вновь обратил взгляд на человека, занявшего черный трон. Как раз в это время тот наконец заговорил.

— Я помню...— произнес он сильным, звучным голосом по-немедийски, со странным архаичным акцентом.—

Я — Ксальтотун. Я был верховным жрецом Сета в городе Пифон, что в Ахероне. Сердце Аримана... мне приснилось, будто оно снова обретено. Где оно?

Ораст вложил кристалл ему в руку, и великий маг глубоко вздохнул, вглядываясь в глубины камня, пылавшего у него на ладони страшным огнем.

— Давным-давно Сердце было похищено у меня,— проговорил он.— Алое Сердце ночи, властное спасти или проклясть. Издалека прибыло оно, из дальних времен. Никто не мог противостоять мне, пока оно было у меня. Но его похитили, и пал Ахерон, я же изгнанником бежал в мрачную Стигию. Я многое помню, но многое и позабыл... Я пребывал в далеком краю, за непроницаемыми туманами, за безбрежными океанами мрака. Какой теперь год?

— Завершается год Льва,— ответил Ораст,— со времени падения Ахерона минуло три тысячи лет.

— Три тысячи лет! — пробормотал маг.— Так долго! Но кто вы такие?

— Я — Ораст, бывший когда-то жрецом Митры. Это — Амальрик, барон Тора, что в Немедии, это — Тараск, младший брат немедийского короля, а этот высокий молодой человек — Валерий, законный наследник престола Аквилонии.

— Зачем вы вернули меня к жизни? — спросил Ксальтотун.— Что вам от меня нужно?

Теперь не могло быть никакого сомнения в том, что он воистину жив: пристальный взгляд говорил о деятельной работе ясного, бодрствующего ума. Да и в поведении его не осталось и намека на неуверенность и сомнение. Его вопрос был прям: должно быть, он хорошо знал — люди не склонны давать что-либо даром. Ораст ответил ему с той же прямотой:

— Сегодня мы отворили врата Преисподней и, освободив твою душу, вернули ее в тело, ибо нам нужна твоя помощь. Мы хотим, чтобы Тараск взошел на трон Немедии, а Валерий завладел короной Аквилонии. Твое искусство некроманта должно нам помочь.

Но цепкий ум Ксальтотуна не пропускал ни единой мелочи.

— Ты, Ораст, и сам наверняка не новичок в нашем искусстве, раз уж сумел меня воскресить. Как вышло, что жрец Митры умело пользуется Сердцем Аримана и заклинаниями Скелоса?

— Я более не жрец Митры,— ответил Ораст.— Занятия черной магией послужили причиной моего изгнания из

Ордена. Если бы не присутствующий здесь Амальрик, меня, всего вероятнее, сожгли бы как колдуна. Лишение жреческого сана, однако, развязало мне руки, и я приступил к дальнейшим занятиям. Я объехал Замору, Вендию и Стигию, я прошел населенные призраками джунгли Кхитая. Я читал книги Скелоса, переплетенные в железо, спускался в глубочайшие колодцы, чтобы побеседовать с незримыми существами. Безликие видения говорили со мной в смрадной черноте джунглей. Наконец во внутренней Стигии, в посещаемых демонами подземельях гигантского храма Сета, мне попался на глаза твой саркофаг. Я изучил искусство, способное вдохнуть жизнь в твое иссохшее тело. Изъеденные плесенью манускрипты поведали мне о Сердце Аримана... Целый год потратил я на его поиски — и вот оно здесь!

— Тем непонятнее, зачем тебе понадобилось возиться со мной.— Ксальтотун не сводил с Ораста пронизывающего взгляда.— Почему ты сам не использовал силу, заключенную в Сердце?

— Потому,— ответствовал жрец,— что сегодня его секретов не знает никто. Даже легенды прошлого ни единым намеком не говорят о том, как пробудить его мощь. Я знал только, что оно способно возвратить жизнь, но большие откровения мне недоступны. Я смог использовать его лишь для того, чтобы воскресить тебя. Нам нужны твои познания, Ксальтотун. Лишь ты знаешь Сердце и его жуткие тайны!

Ксальтотун покачал головой, задумчиво вглядываясь в рдеющие глубины камня.

— Мои некромантические познания в самом деле превосходят познания всех прочих людей, вместе взятых,— сказал он наконец.— Но и я в полной мере не овладел силой кристалла. В прежней моей жизни я и не пытался взывать к Сердцу — лишь хранил его, чтобы оно не было использовано против меня. Когда же по прошествии лет его все-таки похитили, то в руках убранного перьями шамана дикого племени оно развеяло всю мою магическую мощь... Потом Сердце исчезло неведомо куда, я же был отравлен стигийскими жрецами, так и не успев его отыскать.

— Оно хранилось в пещере под храмом Митры в Тарантии,— сказал Ораст.— Найдя твои останки в подземном храме Сета, я одолел еще немало извилистых путей, прежде чем мне удалось его обнаружить. Заморийские воры, отчасти защищенные моими заклятиями,— лучше не упоминать, где я их вычитал,— выкрали твой саркофаг из самых когтей тех,

что приставлены были охранять его во мраке. Долго путешествовал он с караваном верблюдов, на галере, на повозке, запряженной быками, и прибыл наконец сюда, в этот город. Те же воры — вернее, те из них, что уцелели в исполненном ужасов путешествии,— похитили и Сердце Аримана из охраняемой демонами пещеры под храмом Митры. Вся их ловкость, все могущество моих заклинаний едва не оказались бессильны... Лишь один сумел выбраться живым из проклятого подземелья. Из рук в руки передав мне камень, он умер в мучениях, пытаясь в предсмертном бреду рассказать о том, что предстало его глазам... Во всем свете нет людей, столь же верных данному слову, как заморийские воры! И даже с помощью моих заклинаний никто, кроме них, не был способен выкрасть Сердце из тайника, в котором демоны тьмы стерегли его три тысячи лет со дня падения Ахерона!

Откинув львиную голову, Ксальтотун уставился немигающим взглядом в пространство, словно пытаясь прозреть минувшие века.

— Три тысячи лет! — повторил он.— Во имя Сета! Поведайте же мне, что переменилось в мире!

— Варвары, уничтожившие Ахерон, основали новые королевства,— начал рассказывать Ораст.— На развалинах империи возникли три державы — Аквилония, Немедия и Аргос, называемые так по основавшим их племенам. Древние королевства Офира, Коринфии и западного Кофа, подчинявшиеся когда-то ахеронским владыкам, с распадом империи вновь обрели независимость.

— Что же сталось с ахеронским народом? — спросил Ксальтотун.— Когда я бежал в Стигию, Пифон лежал в руинах и сандалии варваров попирали залитые кровью города Ахерона — великие города!

— В горах еще живут разрозненные племена, которые похваляются, будто ведут свой род от ахеронцев,— ответил Ораст.— Все остальные были сметены с лица земли моими предками-варварами. Видишь ли, они — мои предки — достаточно натерпелись в свое время от королей Ахерона.

Жестокая и жуткая улыбка искривила губы пифонца.

— О да! Множество варваров — мужчин и женщин,— крича от ужаса, умерло на алтарях под этой самой рукой! Я видел, как на главной площади Пифона складывались пирамиды из их голов, когда короли возвращались из походов на запад, везя добычу и ведя толпы нагих пленников.

— О да,— кивнул головою Ораст.— И когда настал день возмездия, мечи не ведали отдыха. Итак, Ахерон пал, а

Пифон с его пурпурными башнями стал всего лишь полузабытой легендой. Но на руинах родились и возвысились юные королевства. И вот мы вызвали тебя из прошлого, чтобы ты помог нам управлять этими королевствами. Быть может, ты не найдешь в них чудес древнего Ахерона, и все-таки они могучи, богаты и вполне заслуживают того, чтобы сражаться за них. Смотри! — И Ораст развернул перед магом карту, с немалым искусством нарисованную на тонком пергаменте.

Ксальтотуну хватило одного взгляда, чтобы в изумлении встряхнуть головой:

— Я смотрю, изменились самые очертания земли! Так нечто знакомое иной раз видишь во сне неузнаваемо искаженным...

— И тем не менее,— указывая пальцем, продолжал Ораст,— вот Бельверус, столица Немедии, где мы ныне находимся. А вот здесь пролегли границы Немедии. На юге и юго-востоке лежат Офир и Коринфия, к востоку — Бритуния, а на западе — Аквилония.

— Это карта мира, который мне совсем незнаком,— еле слышно прошептал Ксальтотун. Но от Ораста не укрылся зловещий огонек ненависти, промелькнувший в темных глазах.

— Это карта мира, который ты поможешь нам изменить,— сказал он магу.— Для начала нам требуется посадить Тараска на трон Немедии. Мы хотели бы достичь этого без борьбы и таким образом, чтобы даже тени подозрения не пало на нашего ставленника. Нам не нужна гражданская война, которая опустошила бы страну. Наоборот — силы следует сберечь для завоевания Аквилонии. Если король Немедии и его сыновья умрут естественной смертью — скажем, от чумы,— Тараск, будучи ближайшим наследником, взойдет на трон без какого-либо сопротивления.

Ксальтотун молча кивнул, и Ораст продолжал:

— Следующая наша задача много трудней. Невозможно возвести Валерия на аквилонский трон без войны. Между тем эта страна очень грозный противник. Она населена воинственным и стойким народом, закаленным в постоянной борьбе с пиктами, зингарцами и киммерийцами. Пятьсот лет Аквилония и Немедия то и дело воюют между собой, и последнее слово неизменно оставалось за аквилонцами. Теперешний же их король — самый знаменитый воин западных стран. Это чужестранец, обычный искатель приключений, силой захвативший корону во время народной смуты. Он собственными руками задушил короля Нумедидеса пря-

мо на троне. Его имя Конан. Говорят, в бою перед ним не может выстоять ни один человек. Истинным наследником аквилонского трона остается Валерий: он состоит в родстве с прежней династией, но был сослан Нумедидесом и много лет прожил в изгнании. Тем не менее многие аквилонские бароны втайне приветствовали бы свержение Конана, ибо в нем нет ни капли благородной крови, не говоря уже о королевской. Увы, простые люди и дворянство внешних провинций верны Конану беззаветно. И все-таки, если войска Конана будут разгромлены в неизбежном сражении, а сам он убит, полагаю, сделать Валерия королем будет нетрудно. Ведь Конан не принадлежит к какой-либо династии — это всего лишь авантюрист-одиночка!

— Хотел бы я взглянуть на этого короля,— задумался Ксальтотун, поглядывая на серебристое зеркало, вставленное в стенную панель. В зеркале этом ничего не отражалось, но, судя по выражению лица Ксальтотуна, он прекрасно понимал его назначение. Ораст кивнул головой с гордостью ремесленника, удостоившегося похвалы великого мастера.

— Постараюсь показать его тебе,— сказал он. И, усевшись перед зеркалом, принялся вглядываться в его недра, где через некоторое время замаячила смутная тень.

Со стороны это могло показаться чудом, но Ксальтотун знал, что зеркало всего лишь отражало мысль Ораста — точно так же, как магический кристалл воплощает идею волшебника.

Расплывчатая тень неожиданно обрела удивительно ясные очертания. Взглядам смотревших предстал широкоплечий гигант, разодетый в шелка и бархат, как и положено королю: царственные львы Аквилонии горели золотом у него на груди, а густую гриву черных волос венчала корона. Но под шелками перекатывались железные мышцы, и громадный меч у бедра подходил ему гораздо больше, нежели королевские аксессуары. Под широким лбом горели неукротимым пламенем ярко-синие глаза. Его лицо было лицом воина: смуглое, иссеченное шрамами, оно выглядело достаточно зловеще, а бархатные одежды не могли скрыть грозной, стремительной мощи.

— Этот человек не принадлежит к хайборийской расе! — воскликнул Ксальтотун.

— Нет. Он киммериец, один из тех дикарей, что живут на севере, на окутанных мглою горах.

— Когда-то мне приходилось сражаться с его предками,— пробормотал Ксальтотун.— Даже короли Ахерона не сумели их покорить...

— Они и по сей день остаются сущим проклятием для южных соседей,— ответил Орест.— Конан же — истинный сын своего народа. До сих пор его никто не мог победить.

Ксальтотун промолчал. Он смотрел вниз, в алое пламя, трепетавшее и бившееся у него на ладони. Снаружи опять завыла собака — протяжно, с безысходной тоской...

2

ДУНОВЕНИЕ ТЬМЫ

Начало года Дракона ознаменовалось войной, мором и смутой. Тень смерти бродила по улицам Бельверуса, не пропуская ни купца за прилавком, ни раба в его хижине, ни рыцаря за пиршественным столом. Лекари беспомощно разводили руками, в народе же говорили, что адское наказание ниспослано свыше — за грехи прелюбодеяния и гордыни. Болезнь разила по-змеиному смертоносно и быстро. Тело жертвы покрывалось лиловыми пятнами, затем быстро чернело. Несколько минут — и человек валился наземь в агонии и, прежде чем смерть уносила прочь душу, успевал ощутить смрад гниения собственного тела. Жаркий южный ветер завывал над страной, в полях иссыхал урожай, скот падал и не мог больше подняться.

Люди в слезах призывали Митру, бога солнечной справедливости, и шепотом винили во всем короля. Ибо по Немедии прошел слух, будто в ночной тиши дворца Нимед совершал запретные обряды и предавался отвратительным оргиям. А потом смерть, ухмыляясь, вступила и во дворец, и жуткие испарения клубились у ее ног. В одну ночь умерли король Нимед и трое его сыновей, и грохот траурных барабанов заглушил мрачное позвякивание колокольчиков на тележках, что тащились по улицам, подбирая разлагающиеся трупы...

В ту же ночь, перед самым рассветом, губительный ветер, дувший несколько недель кряду, наконец перестал зловеще шуршать шелковыми занавесками. С севера примчался ураган и с ревом обрушился на городские башни. Молнии слепили глаза, чудовищный гром сотрясал землю и небо, стеной надвигался ливень. Утро, однако, занялось чистое, умытое и зеленое; обожженная зноем земля на глазах укутывалась травой, жаждущие хлеба напились и воспряли, и — самое главное — прекратился мор: могучий ураган бесследно развеял заразу.

По мнению народа, боги удовлетворились гибелью нечестивого Нимеда и его потомства. И когда Тараск, младший брат покойного, венчался на царство в громадном коронационном зале, башни Бельверуса содрогались от восторженных криков толпы. Немедийцы были счастливы — теперь у них был король, на котором пребывала милость Богов.

Вихрь праздничного веселья и воодушевления прокатился из конца в конец по стране; не следует удивляться, когда следом за подобными вспышками разражается завоевательная война. Никто и не удивился, когда король Тараск отменил перемирие, которое его предшественник заключил с западным соседом, и начал собирать войска для нападения на Аквилонию. Глашатаи на всех перекрестках кричали о благородных целях этой войны. Король Тараск намеревался заступиться за Валерия, объявляя его единственным законным престолонаследником. Не врагом, но другом шел он на Аквилонию, желая спасти народ от тирании узурпатора, к тому же чужестранца.

Кое-кто, конечно, криво усмехался, выслушивая подобное; кое-где передавался из уст в уста некий слушок, касавшийся закадычного королевского друга Амальрика, чье неизмеримое личное богатство, похоже, щедрой рукой лилось в изрядно-таки поиздержанную казну дворца... Но таков был почти религиозный восторг черни, боготворившей Тараска, что мало кто обращал внимание на подобные разговоры. А если иные умные головы и посещала грешная мысль — уж не Амальрик ли истинный правитель Немедии?..— у таких умников хватало осторожности не высказываться вслух. Так что подготовка к войне шла своим чередом при полном одобрении народа.

Собрав союзников, король двинулся на запад во главе пятидесятитысячного войска. Сверкали рыцарские доспехи, развевались над горлыми шлемами цветные султаны, мерно шагали арбалетчики в кожаных куртках и копейщики в нагрудниках и стальных касках. Вступив в аквилонские пределы, они взяли пограничный замок и сожгли три деревеньки в горах. Но всего в десяти милях от границы, в долине реки Валкий, перед ними стеной встали войска Конана, короля Аквилонии,— сорок пять тысяч рыцарей, лучников и простых воинов, цвет и слава аквилонского оружия. Лишь рыцари Пуантена, ведомые графом Троцеро, еще не подоспели из отдаленного юго-западного угла королевства, где лежали их земли. Тараск ударил без предупреждения: нашествие последовало сразу за его воззваниями к народу, без объявления войны.

Два войска расположились друг против друга в обширной неглубокой долине, окаймленной отвесными скалами. Берега обмелевшей реки, извивавшейся по дну долины, заросли ивами и тростником. Слуги и повара с обеих сторон, идя за водой, выкрикивали оскорбления и кидались камнями через реку.

Последние лучи солнца играли на золотом знамени Немедии с вышитым на нем алым драконом, что развевалось на вечернем ветру у палатки короля Тараска на холмике возле утесов, ограничивавших долину с востока. Но тень западных скал широким пурпурным покровом окутала шатры аквилонцев и черный с золотым львом стяг, реявший над палаткой их короля.

Ночью по всей долине горели костры, а ветер нес зов боевых труб, лязганье оружия и резкие оклики часовых, которые шагом разъезжали туда и сюда вдоль заросших плакучими ивами берегов.

Содрогнувшись всем телом, проснулся король Конан и с коротким криком вскинулся на постели, хватаясь в предрассветном мраке за меч. Полководец Паллантид, вбежавший в шатер, обнаружил своего короля сидящим на ложе — а ложе это, правду сказать, представляло собою всего лишь шелк и меха, брошенные на деревянный топчан. Ладонь Конана сжимала рукоять меча, на необычно побледневшем лице блестели капли пота.

— Государь! — воскликнул Паллантид.— Что-нибудь случилось?

— Что там в лагере? — спросил Конан.— Часовых выставили?

— Пятьсот всадников не спускают глаз с реки, государь,— ответствовал полководец.— Немедийцы не пробовали воспользоваться темнотой. Как и мы, они ждут рассвета.

— Во имя Крома,— пробормотал Конан.— Я проснулся с таким чувством, точно злой рок готов был свершиться надо мною в ночи.

И он поднял глаза к огромному золотому светильнику, что заливал мягким сиянием ковры и бархатные занавеси, составлявшие убранство большого шатра. Они с Паллантидом были одни — никакой паж или слуга не спал на коврах возле королевского ложа. Но глаза Конана горели тем особым огнем, что вспыхивал в них в минуты величайшей опасности, а меч подрагивал в могучей руке.

— Прислушайся! — прошипел король.— Слышишь? Крадущиеся шаги...

— Семь рыцарей охраняют твой шатер, государь,— сказал Паллантид.— Никто не сможет приблизиться к нему незаметно.

— Снаружи — да,— проворчал Конан.— Но по-моему, шаги раздавались внутри!

Изумленный Паллантид быстро обежал глазами шатер. По углам его бархатные занавеси тонули в густой тени, и тем не менее, если бы там прятался кто-нибудь лишний, полководец его неминуемо разглядел бы. Он покачал головой:

— Здесь никого нет, господин мой. Да и откуда бы? Ты спишь посреди верного тебе войска.

— Я видел, как смерть поразила короля посреди тысячной толпы,— пробормотал Конан.— Нечто крадущееся незримо...

— Должно быть, государь, тебе что-то приснилось,— в немалом смущении сказал Паллантид.

— Вот именно,— буркнул Конан.— И демонски страшен был этот сон. Нынче ночью я заново прошагал весь тот долгий и трудный путь, что привел меня к аквилонской короне.

Он умолк. Паллантид смотрел на него, не решаясь заговорить. Король был живой загадкой для полководца, как, впрочем, и для большинства своих цивилизованных подданных. Паллантид знал: много странных и страшных дорог было в его бурной, богатой приключениями жизни. Кем только он не был, прежде чем каприз Судьбы усадил его на аквилонский престол!

— Я вновь видел поле битвы, на котором родился,— задумчиво подперев огромным кулаком подбородок, заговорил Конан.— Я видел себя в набедренной повязке из шкуры пантеры, мечущим копье в горного зверя. Я снова был наемником, гетманом козаков с реки Запорожки, корсаром, опустошавшим берега Куша, пиратом с Барахских островов и вождем горцев Химелии... Все эти люди, которыми я когда-то был, прошли передо мною в ночи, и шаги их отбивали мне похоронный марш по гулкой земле. И клубились, летя сквозь мой сон, ужасные призраки, и далекий голос издевался надо мной... Под конец же я увидел себя лежащим на этой самой постели, а надо мной склонилась бесформенная фигура, закутанная в покрывало. Я не мог шевельнуться... и вот откинулся капюшон и ухмыляющийся череп уставился мне в лицо. Тогда-то я и проснулся!

— Недобрый сон, государь,— поневоле содрогнувшись, сказал Паллантид.— Но это всего лишь сон, и не более!

Конан покачал головой, не отрицая, но и не соглашаясь. Он происходил из варварского народа и, соприкоснувшись с цивилизацией, отнюдь не утратил инстинктов и суеверий, унаследованных от предков.

— Я видывал немало дурных снов,— сказал он,— и большинство их было бессмысленно. Но, клянусь Кромом, нынешний не таков! Хотелось бы мне, чтобы скорей началась и кончилась эта битва, и кончилась победоносно. Дурное предчувствие снедает меня с тех самых пор, как от черного мора скончался король Нимед. Почему с его смертью прекратился мор?

— Люди говорят, его непотребства...

— Люди, как обычно, глупы,— перебил Конан.— Если бы мор поразил всех, кто грешил,— именем Крома, некому было бы пересчитывать уцелевших! Жрецы внушают нам, что боги справедливы,— так если мор был послан в наказание королю, с какой бы стати богам поражать пять сотен крестьян, купцов и дворян прежде, чем добраться до Нимеда? Или они разили вслепую, подобно воинам, угодившим в туман? Клянусь Митрой! Если бы я действовал так же, у аквилонцев давно уже был бы новый король!.. Нет, Паллантид, черный мор не был обыкновенной заразой. Я знаю: он таится во тьме стигийских гробниц, и лишь маги способны его вызывать. Я был воином в армии принца Альмарика и участвовал в его стигийском походе. Из тридцати тысяч воинов пятнадцать тысяч пали под стигийскими стрелами, а остальных унес точно такой же мор, налетевший с юга на крыльях черного ветра. Я был единственным, кто остался в живых.

— Но в Немедии умерло всего лишь пять сотен,— возразил Паллантид.

— Тот, кто вызвал мор, сумел и остановить его по своей воле,— ответил Конан.— Я уверен, за всем этим таится какой-то план, какая-то демонщина. Кто-то распространил мор, а затем прекратил его... когда дело было сделано, когда Тараск благополучно взошел на трон, приветствуемый как избавитель страны от гнева богов! Кром! Нет, здесь не обошлось без могучего и насквозь черного разума. Скажи-ка мне, что говорят о том чужестранце, с которым, по слухам, все время советуется Тараск?

— Его лицо покрыто вуалью,— отвечал Паллантид.— Говорят, он в самом деле чужестранец, прибывший из Стигии.

— Из Стигии! — хмурясь, повторил Конан.— Я бы сказал скорее, из Преисподней... Э, а это еще что такое?

— Трубы немедийцев! — вскричал Паллантид. — А теперь и наши трубят! Наступает рассвет, государь, полководцы выстраивают войска для битвы! Да пребудет над нами благословение Митры, ибо многие уже не увидят, как солнце опустится за хребты...

— Оруженосцев ко мне! — Конан быстро вскочил на ноги, сбрасывая бархатный халат; близость боя, казалось, рассеяла мрачные предчувствия короля. — Иди к войску и проследи, все ли готово. Я подойду, как только надену доспехи.

Цивилизованные люди, которыми он повелевал, никак не могли объяснить себе иные привычки своего короля — в частности, его настойчивое стремление ночевать одному в покое или шатре. Паллантид вышел, лязгая доспехами, которые, проспав лишь несколько часов, он надел еще в полночь. Быстрым взглядом окинул он пробудившийся лагерь: повсюду звякали кольчуги, меж длинных рядов палаток шевелились неясные тени людей. Звезды еще украшали западную половину неба, но на востоке уже трепетали розовые знамена рассвета, и на их фоне вздымались и опадали шелковые складки немедийского флага с вышитым на нем драконом.

Покинув Конана, Паллантид направился к небольшой палатке поблизости, в которой ночевали королевские оруженосцы. Разбуженные трубами, они один за другим выскакивали наружу. Паллантид как раз собирался поторопить их, но не успел. Из шатра короля послышался яростный крик и тотчас же звук тяжелого удара, а потом — шум падения сраженного тела... и негромкий, медленный смех, от которого кровь заледенела в жилах отважного полководца.

Эхом отозвавшись на крик, Паллантид крутанулся на месте и кинулся обратно в шатер. Новый крик вырвался у него, когда он увидел могучее тело своего государя беспомощно распростертым на коврах. Громадный двуручный меч короля лежал у самой ладони: шатровый столб, перерубленный пополам, красноречиво говорил о том, куда был направлен удар. Паллантид на всякий случай выхватил из ножен свой собственный меч и тщательно осмотрел все углы. Однако шатер был пуст — так же пуст, как и тогда, когда он из него выходил.

— Государь! — Паллантид бросился на колени подле сраженного великана.

Глаза Конана были широко раскрыты. Он узнал верного полководца, губы его шевельнулись, но не смогли из-

дать ни звука. И, похоже, он был не в состоянии пошевелиться.

Снаружи донеслись голоса. Паллантид быстро поднялся и шагнул к дверной занавеске. Перед ней в ожидании стояли королевские оруженосцы и один из рыцарей, охранявших шатер.

— Мы слышали какой-то крик,— извиняющимся тоном обратился к Паллантиду рыцарь.— Надеюсь, с королем ничего не случилось?

Паллантид смерил его пристальным взглядом:

— Ты уверен, что ночью никто не входил в шатер и не выходил из него?

— Никто, кроме тебя, господин мой,— отвечал рыцарь. У Паллантида не было причин сомневаться в его честности.

— Король споткнулся и выронил меч,— коротко сообщил он.— Отправляйся на место.

Когда рыцарь удалился, полководец незаметно поманил к себе шестерых оруженосцев и, впустив их вовнутрь, плотно задернул вход. Юноши, как один, побледнели при виде распростертого на полу короля. Быстро вскинув руку, Паллантид заставил их сдержать готовые вырваться восклицания.

Сам он вновь склонился над Конаном. Тот страшным усилием сумел оторвать голову от земли. Жилы вздулись на висках и на шее, но все-таки он проговорил, вернее, невнятно пробормотал:

— Тварь... тварь, там, в углу!

Паллантид в ужасе огляделся. Но пламя светильника озарило лишь бледные лица оруженосцев, разбрасывая по углам шатра бархатные тени... Пусто!

— Там ничего нет, государь,— сказал Паллантид.

— Оно было... там, в углу,— с трудом выговорил король, мотая головой в тщетной попытке подняться.— Человек... или что-то похожее на человека... весь в повязках, как мумия... в истлевшем плаще с капюшоном... Я видел только его глаза... он прятался там, в темном углу. Я и его сначала принял за тень, но успел разглядеть глаза. Они были как два черных алмаза!..— Речь короля постепенно становилась яснее.— Я бросился на него, занося меч, но промахнулся вчистую — одному Крому известно, как это могло произойти! — и снес этот столб. На миг я потерял равновесие, и он перехватил мое запястье... его пальцы жгли, как раскаленное железо... Вся сила тотчас покинула меня, а пол взметнулся навстречу и ударил меня, точно дубиной. Он исчез... я остался лежать... будь он проклят, я не могу пошевелиться! Я парализован!

Паллантид поднял бессильную руку исполина, и мурашки побежали у него по спине. На запястье короля синели отметины длинных, тонких пальцев. Что за рука могла оставить подобный след на этом ширококостном, мускулистом запястье? Паллантид припомнил жуткий, медленный смех, который послышался ему, когда он вбегал в шатер, и капли холодного пота выступили на лбу полководца. Смеялся не Конан!

— Демонщина...— дрожа прошептал один из оруженосцев.— Люди говорят, дети тьмы сражаются на стороне Тараска...

— Тихо! — сурово прервал его Паллантид.

Снаружи меркли звезды, уступая рассвету. С гор потянул легкий ветерок и донес согласный клич тысячи труб. При этом звуке жестокая судорога прошла по телу поверженного гиганта. Вновь мучительно вздулись жилы на висках — Конан силился разорвать невидимые оковы, но не было сил.

— Наденьте на меня латы... привяжите меня к седлу! — прошептал он.— Я еще поведу вас в атаку!

Паллантид покачал головой.

— Господин...— Один из оруженосцев коснулся его одежды.— Если все узнают о том, что стряслось с государем, мы пропали. Только он мог повести нас сегодня к победе.

— Помогите мне перенести его на постель,— сказал полководец.

Юноши повиновались. Заботливо опустили они беспомощного исполина на меховое ложе и укрыли его шелковым плащом. Тогда Паллантид повернулся к шестерым оруженосцам и долго вглядывался в их бледные лица, прежде чем заговорить.

— Запечатаем наши уста печатью молчания: никто не должен узнать о том, что произошло здесь, в шатре,— сказал он наконец.— Ибо от этого зависит судьба Аквилонского королевства! А теперь пусть один из вас приведет сюда Валанна, предводителя пеллийских копейщиков.

Оруженосец, к которому он обращался, поклонился и поспешил вон. Паллантид остался у постели короля. Между тем снаружи ревели трубы, грохотали барабаны, взлетал к рассветному небу гомон многих тысяч людей. Спустя некоторое время вернулся оруженосец и привел с собой человека, о котором говорил Паллантид,— высокого, широкоплечего воина, могучим сложением напоминавшего самого короля. У него даже были такие же густые черные волосы, но тем сходство и ограничивалось: в отличие от Конана,

Валанн был сероглаз и совершенно не походил на него чертами лица.

— Внезапная болезнь сразила короля,— кратко пояснил ему Паллантид.— Тебе оказана великая честь: ты наденешь его доспехи и поскачешь в них во главе войск. Никто из воинов не должен знать, что не сам король ведет их вперед!

— За подобную честь и жизнь не жалко отдать,— потрясенно заикаясь, пробормотал Валанн.— Коли будет на то воля пресветлого Митры... А я уж не подведу!

И вот на глазах поверженного короля, в горящем взгляде которого мешались бессильная ярость и унижение, раздиравшие ему сердце, оруженосцы сняли с Валанна шлем, поножи и кольчугу, чтобы взамен того обрядить его в Конановы вороненые латы и рыцарский шлем с забралом и черным плюмажем, венчавшим навершие, сделанное в виде крылатого дракона. Поверх лат накинули шелковую мантию с золотыми королевскими львами, вышитыми на груди, и в завершение опоясали Валанна широким мечом с дорогими камнями на рукояти, что висел в парчовых ножнах на ремне с золотой пряжкой.

Слаженно трудились оруженосцы, а за стенами шатра перекликались трубы, звенело оружие и разносился низкий гортанный рев: полк за полком выстраивался для боя...

И вот уже полностью снаряженный Валанн преклонил колена и склонил увенчанную плюмажем голову перед королем, недвижно лежавшим в постели.

— Государь мой,— сказал он,— да не попустит Митра, чтобы я обесчестил доспехи, доверенные мне нынче!

— Принеси мне голову Тараска, и я сделаю тебя бароном! — прозвучало в ответ.

Страдание сорвало с Конана тонкий налет цивилизованности, обнажив истинные черты. Он яростно скрипел зубами, глаза его кровожадно горели — сущий варвар, только что спустившийся с киммерийских холмов.

3

И СОДРОГНУЛИСЬ УТЕСЫ...

Когда из королевского шатра появился исполин в черной броне, аквилонское войско уже стояло в полной готовности — длинные, плечом к плечу сомкнутые шеренги пеших копейщиков и всадников, закованных в блестящую сталь,

Когда же он вскочил в седло вороного жеребца, с трудом удерживаемого четверкой оруженосцев, войско разразилось восторженным ревом, от которого вздрогнули горы. Рыцари в позолоченных латах, копейщики в кольчугах и шлемах, лучники в кожаных камзолах, с длинными луками, зажатыми в левой руке,— все они, потрясая оружием, громовым кличем приветствовали своего воинственного короля.

Войско на другом берегу тем временем не спеша спускалось по отлогому склону к реке. Пряди утреннего тумана завивались вокруг копыт, и мерцала сквозь туман стальная броня.

Аквилонское войско так же не спеша двинулось навстречу врагу. Размеренный шаг покрытых панцирями коней сотрясал землю. Утренний ветер расправлял шелковые складки знамен; длинные пики щетинились, словно густой лес; пестрели флажки, развевавшиеся у наконечников.

Королевский шатер осталось охранять лишь несколько суровых воинов, закаленных битвами и умевших держать язык за зубами. Остался с Конаном и юный оруженосец: он стоял у двери, выглядывая наружу сквозь узкую щелку. Кроме горстки посвященных, о том, что на громадном жеребце во главе полков скакал вовсе не Конан, во всем многотысячном войске не ведала ни одна живая душа.

Силы аквилонцев были выстроены в обычном для них порядке. В середине помещался ударный кулак — тяжеловооруженные рыцари, по бокам двигались конные латники, усиленные копейщиками и стрелками. Стрелками в аквилонской армии были боссонцы из западных провинций страны — невысокие крепкие люди в кожаных куртках и железных шлемах.

Немедийцы двигались подобным же строем. Два войска приближались к реке, постепенно выдвигая фланги вперед. В центре аквилонского войска, над головой рослого всадника, закованного в вороненую сталь, трепетало и билось королевское знамя — золотые львы на черном поле.

Сам же король Конан стонал от душевной муки на постели в своем шатре, и языческие проклятия сыпались с его языка.

— Войска сходятся, государь,— глядя в щелку, рассказывал ему оруженосец.— Слышишь, трубы гремят? Восходящее солнце слепит мне глаза, отражаясь от шлемов и наконечников копий... Река кажется алой, и, видит небо, ей в самом деле суждено покраснеть еще до вечера!.. Вот вступили на берег... тучи жалящих стрел закрывают солнце, государь!

Отлично, лучники! Верх за боссонцами! Слышишь, как кричат?

И действительно, перекрывая рев труб и лязг доспехов, издалека долетел слитный грозный крик, с которым боссонцы одновременно натягивали и спускали тетивы.

— Их арбалетчики пытаются отвлечь наших стрелков и прикрыть своих рыцарей, ибо те уже въезжают в реку,— продолжал оруженосец.— Берега здесь отлогие; я вижу, как боевые кони ломятся сквозь кусты... Клянусь Митрой, наши стрелы не пропускают ни единой щелочки в их броне! Падают люди, и кони бьются, пытаясь выбраться из воды. Там неглубоко и течения особого нет, но они тонут в тяжелых доспехах, затоптанные мечущимися конями... А теперь двинулись наши! Аквилонские рыцари вступили в реку и рубятся с немедийскими! Вода бурлит, достигая брюха коней, оглушительно гремит меч о меч...

— Кром! — в муке выдохнул Конан. Жизнь мало-помалу возвращалась в его тело, но подняться с постели по-прежнему не было сил.

— Фланги сошлись,— рассказывал оруженосец.— Копейщики и меченосцы врукопашную бьются в воде, а лучники, стоя позади, стреляют, стреляют... Во имя Митры, немедийским арбалетчикам приходится нелегко! А боссонцы, государь, берут прицел повыше, чтобы стрелы падали в глубине вражеских рядов! Их центр не может продвинуться ни на фут, а битва на флангах идет уже на том берегу!

— Кром! Имир и Митра! — метался на постели король.— Боги и демоны! Чего бы я не отдал только за то, чтобы оказаться там — пусть даже для того, чтобы погибнуть после первого же удара!

Битва бушевала и гремела до самого вечера того долгого и жаркого дня. Склоны долины содрогались от топота атак и контратак, от посвиста стрел, треска копий и щитов. Аквилонское войско стояло насмерть. Лишь один раз его принудили было откачнуться от берега, но ответный удар рыцарей под королевским черным знаменем, летевшим над гривой вороного коня, быстро восстановил равновесие. Ни дать ни взять — железная крепость высилась на правом берегу речного потока; и наконец охрипший от волнения оруженосец сказал королю, что немедийцы начали отступать.

— Их фланги в смятении, а рыцари уклоняются от рукопашной. Что я вижу? Твое знамя двинулось вперед! Рыцари въехали в воду! Во имя Митры — Валанн ведет войско на тот берег!

— Глупец! — простонал Конан.— Это может быть и ловушкой! Ему следовало бы просто удерживать позицию, а на рассвете Просперо подоспел бы сюда с пуантенскими ополченцами...

— Рыцарей встретил шквал стрел, но они не дрогнули, государь! — возбужденно выкрикивал оруженосец.— Они несутся вперед... они уже на том берегу! Скачут вверх по склону! Паллантид бросил фланги через реку, следом за ними, больше он ничего сделать не может... Знамя со львами плещется и вьется над схваткой... Немедийские рыцари, кажется, решили остановиться и дать отпор... но нет, не выдержали, повернули коней. Их левое крыло беспорядочно отступает, наши копейщики добивают их на бегу! Я вижу Валанна — как он рубится, государь! Никто больше не обращает внимания на Паллантида — все следуют за Валанном. Людям кажется, что это ты, государь, ведь он не поднимает забрала... Но он дерется не так самозабвенно, как может кому-нибудь показаться! Вот он созвал к себе пять сотен рыцарей, цвет нашего войска. Он видит то же, что я отсюда: основные силы немедийцев в панике отступают, но в скалах, что прикрывают их справа, есть теснина, по которой можно выйти к ним в тыл! И всего-то горстка копейщиков прикрывает вход в это ущелье! Вот наши прорвались сквозь их реденькую цепочку и скачут прямо туда...

— Засада! — в бешенстве зарычал Конан, шаря по постели руками и пытаясь хотя бы сесть.

— Нет, государь! — захлебывался восторгом юный оруженосец.— Я отлично вижу все немедийское войско! Они попросту забыли про эту теснину! Откуда им было знать, что их оттеснят так далеко? Дурень, дурень Тараск, это ж надо так оплошать! Я вижу флажки на пиках наших рыцарей, показавшихся с той стороны, за спинами немедийцев. Сейчас они ударят на них сзади и втопчут их в пыль... О Митра! О Митра, *что это*?

Он пошатнулся, с трудом устояв на ногах; ходуном заходили стены шатра. Издали, сквозь гром сражения, докатился низкий, неописуемо зловещий гул.

— Утесы колеблются, государь! — испуганно завопил оруженосец.— Боги мои, что там? Река вспенилась и вышла из берегов! Качаются горные пики! Земля уходит из-под ног, опрокидывая людей и коней... Скалы! Скалы рушатся, государь!

Чудовищный рокот катящихся глыб заглушил его голос. Ощутимо задрожала земля. Крики смертельного ужаса достигли ушей короля.

— Скалы обрушились, государь! — Лицо юноши было мертвенно бледно.— Обвалились прямо в ущелье и раздавили все живое, что там находилось... Черное знамя мелькнуло меж падающих валунов... исчезло... Слышен победный клич немедийцев, ну да, ведь они уничтожили пятьсот лучших рыцарей Аквилонии... А это что за крик?

И Конан внятно разобрал многоголосое, отчаянное:

— Король пал! Король пал! Бегите, бегите! Король пал!

— Ложь! — Конан задохнулся от ярости.— Собаки, трусы, скоты! Ох, Кром, если бы я мог встать!.. На четвереньках, с мечом в зубах доползти до реки!.. Что там, мальчик? Неужели бегут?

— Да, государь! — всхлипнул оруженосец.— Мчатся обратно к реке, шпоря коней! Они сломлены, они как пена, несомая ураганом... Государь, Паллантид пытается остановить их, но его сминают... затаптывают! Они бросаются в воду; рыцари, копейщики, лучники — всех уравняло и перемешало безумное бегство... Немедийцы висят на плечах и косят их, косят...

— Пусть же дадут отпор, выйдя на этот берег! — зарычал король. Кое-как он сумел приподняться на локтях: от страшного усилия пот ручьями потек у него по вискам.

— Нет, государь, они уже не могут! — плакал оруженосец.— Они сломлены... Это разгром! О Боги, Боги, и зачем я дожил до этого дня! — Но тут он вспомнил о своем долге и окликнул воинов, что непоколебимо стояли охраной вокруг шатра короля, наблюдая за битвой, которую вели их товарищи: — Живо приведите коня и помогите мне усадить в седло государя! Мы не должны здесь задерживаться!

Но прежде чем воины успели выполнить его приказание, волна бегущих накатила на лагерь. Рыцари, лучники и копейщики опрокидывали палатки, спотыкались о короба и веревки — а между ними, рубя направо и налево, неслись конные немедийцы. Падали смятые шатры, сразу в сотне мест вспыхнул огонь, и, конечно, без промедления начался грабеж. Суровые воины, сторожившие королевский шатер, отчаянно отбиваясь, умерли под градом ударов там же, где и стояли, и копыта коней победителей промчались по их изуродованным телам.

Но оруженосец плотно задернул дверную занавеску, и в безумии всеобщей резни никому не пришло в голову, что внутри еще есть кто-то живой. Вверх по долине унеслась кровавая клокочущая волна, и выглянувший наружу оруженосец заметил небольшую группу людей, целеустремленно двигавшуюся прямо к шатру.

— Государь! — прошептал юноша.— Сюда идет сам король немедийский с четырьмя спутниками и оруженосцем! Он хочет сам принять твою сдачу, мой государь.

— К демону сдачу! — заскрипел зубами король.

С величайшим трудом он заставил себя сесть. Спустил ноги с ложа — и встал, качаясь как пьяный. Оруженосец кинулся на иомощь, но Конан отпихнул его прочь.

— Дай лук! — прохрипел он, указывая на длинный лук и колчан со стрелами, висевшие на столбе.

— Но, государь...— в величайшем смятении осмелился возразить оруженосец.— Ведь битва проиграна! Тебе надлежит сдаться с достоинством, приличествующим человеку королевских кровей...

— Я не королевских кровей! — зарычал Конан.— Я варвар и сын кузнеца!

Выхватив у юноши лук и стрелу, он кое-как доплелся до выхода из шатра. Он был почти обнажен, если не считать коротких кожаных штанов и рубахи без рукавов, распахнутой на широченной волосатой груди. Но из-под спутанной гривы черных волос страшным огнем горели синие глаза. Таким грозным мужеством веяло от короля, что оруженосец попятился: благоговея перед своим господином, он боялся его больше, нежели всего немедийского войска.

Шатаясь и широко расставляя ноги, чтобы не упасть, Конан рванул дверную занавеску и вышел наружу, иод тент. Король Немедии и его спутники, как раз сошедшие с коней, замерли на месте, с изумлением взирая на неожиданно представшее перед ними видение.

— Я здесь, шакалы! — услышали они рык киммерийца.— Я — король! Попробуйте-ка взять меня, сукины дети!

И прежде чем они успели опомниться, он натянул лук и спустил тетиву. Оперенное древко затрепетало в груди рыцаря, стоявшего подле Тараска.

— Проклятие этой трясущейся руке! — выругался Конан.— Ну? Берите меня, если посмеете!

Покачнувшись на непослушных ногах, он привалился спиной к столбу и обеими руками поднял перед собой меч.

— Клянусь Митрой, это действительно король! — вырвалось у Тараска. Быстро оглядевшись вокруг, он рассмеялся: — Тот, другой, был просто одет в его доспехи! Живо вперед, псы! Принесите мне его голову!

Трое воинов — судя по их эмблемам, королевские стражники — ринулись на Конана. Один из них походя взмахнул булавой, замертво уложив беднягу оруженосца. Двоим другим повезло меньше. Первый, подскочивший к аквилон-

скому королю, едва успел занести меч: Конан встретил его страшным ударом наотмашь. Его клинок разрубил звенья кольчуги, как полотно, и отсек руку немедийца вместе с плечом. Тело рухнуло вперед, угодив под ноги товарищу. Тот споткнулся... выпрямиться ему уже было не суждено: меч Конана пронзил его насквозь.

Запаленно дыша, Конан высвободил клинок. Его сотрясала дрожь, широкая грудь тяжело вздымалась, по лицу и по шее ручьями тек пот. Но свирепые глаза вдохновенно горели:

— Иди сюда, бельверусская гнида! Мне до тебя не дотянуться! Подойди и умри!

Тараск замешкался, поглядывая то на уцелевшего воина, то на своего оруженосца — худого и мрачного человека в черной кольчуге. Потом все-таки шагнул вперед. Он намного уступал гиганту киммерийцу силой и статью, но на нем был полный доспех, а искусство Тараска как фехтовальщика было известно во всех западных королевствах.

Оруженосец удержал его за руку:

— Не рискуй жизнью понапрасну, мой повелитель. Я позову лучников, и они расстреляют этого варвара, точно дикого льва.

И никто из них не заметил колесницу, которая подъехала во время схватки и остановилась чуть позади. Один Конан видел ее, и странный холодок пробежал у него по спине. Даже в вороных конях, что были впряжены в колесницу, смутно угадывалось нечто нездешнее. Но не кони приковали взгляд короля, а человек, стоявший на колеснице.

Это был высокий, превосходно сложенный муж, облаченный в длинное, ничем не украшенное шелковое одеяние. Складки шемитского головного убора скрывали черты лица — видны были лишь темные магнетические глаза. В белых руках угадывалась немалая сила: они твердо держали вожжи, смиряя вздыблявшихся коней. Чем дольше глядел Конан на незнакомца, тем более внятно предупреждал его первобытный инстинкт. Он явственно ощущал недобрую мощь, исходившую от человека на колеснице. Так высокая трава, волнующаяся в безветренный день, говорит о приближении опасной змеи.

— Привет тебе, Ксальтотун! — обернувшись, воскликнул Тараск.— Смотри, вот аквилонский король! Оказывается, он не погиб под обвалом, как мы полагали.

— Знаю, - ответил Ксальтотун. И, не позаботившись объяснить, откуда он это знает, спросил: — И что ты намерен с ним делать?

— Позову лучников, и пусть расстреляют,— сказал немедиец.— Покуда он жив — он слишком опасен!

— И все-таки даже пес бывает полезен,— проговорил Ксальтотун.— Возьмите его живым.

Конан хрипло рассмеялся.

— Иди сюда и попробуй,— предложил он ахеронцу.— Если б не мои несчастные ноги, я бы выкорчевал тебя из этой колесницы, как дровосек дерево. Живым ты меня не получишь!

— Боюсь, он говорит правду.— вставил Тараск.— Это же варвар, бессмысленный и свирепый, точно раненый тигр. Я позову лучников.

— Смотри и учись,— сказал Ксальтотун.

Его рука нырнула в складки одежд и извлекла наружу нечто блестящее — какой-то полированный шарик. Внезапным движением Ксальтотун метнул его в Конана. Киммериец с презрением отмахнулся мечом... но шарик, едва коснувшись клинка, с громким треском взорвался. Полыхнуло слепящее белое пламя, и Конан без сознания рухнул на землю.

— Он мертв? — В тоне Тараска было скорее утверждение, а не вопрос.

— Нет,— ответствовал Ксальтотун.— Всего лишь оглушен. Он очнется через несколько часов. Прикажи своим людям связать его по рукам и ногам и бросить в мою колесницу.

Тараск кивнул, и воины исполнили приказание, ворча на неподъемную тяжесть. Ксальтотун набросил на безжизненное тело бархатный плащ, полностью укрыв его от случайного взгляда, и собрал вожжи.

— Я еду в Бельверус. Передайте Амальрику, что я буду с ним, если понадоблюсь. Но поскольку Конан устранен, а его войско разгромлено, я полагаю, для завершения завоевания хватит и простого оружия смертных. Вряд ли Просперо приведет сюда более десяти тысяч воинов: прослышав о нынешней битве, он, несомненно, отступит к Тарантии. Ни Амальрику, ни Валерию о нашем пленнике не говорите. Пусть думают, что Конана раздавили рухнувшие скалы!

Тут он уставился на королевского стражника и смотрел на него так долго и пристально, что воин принялся нервно переминаться.

— Что это там у тебя на животе? — спросил наконец Ксальтотун.

— Как что? Пояс, с твоего позволения, господин...— ошеломленно выдавил стражник.

— Лжешь! — Смех Ксальтотуна был безжалостен, точно разящий клинок.— Это ядовитая змея. Глупец, ты подпоясался змеей!

Тот наклонил голову, недоуменно тараща глаза, и, к его ужасу, пряжка ремня ощерила истекающие ядом клыки и зашипела ему в лицо. Вместо ремня тело воина опоясывал отвратительный гад. С диким криком стражник ударил ладонью по его оскаленной морде, почувствовал, как входят в тело клыки... и, застыв в столбняке, тяжело повалился наземь.

Тараск смотрел на него безо всякого выражения. Он видел простой кожаный ремень и пряжку с острым язычком, впившимся в руку воина. Ксальтотун обратил свой гипнотический взор на оруженосца Тараска. Тот затрясся, серея лицом, но король вмешался:

— Не надо. Этому человеку можно доверять.

Чародей натянул вожжи, разворачивая коней:

— Во всяком случае, пусть это останется тайной. Если я буду нужен, пусть Альтаро, слуга Ораста, вызовет меня, как я его научил. Я же буду в твоем дворце в Бельверусе.

Тараск приветственно поднял руку, но выражение его лица, пока он глядел вслед удалявшейся колеснице, было не из приятных.

— Почему он пощадил киммерийца? — прошептал до смерти напуганный оруженосец.

— Я и сам могу лишь предполагать,— проворчал Тараск.

Невнятный шум продолжавшейся битвы скоро стих в отдалении. Закатное солнце венчало утесы пламенеющей алой каемкой, и скоро колесница затерялась в синей тени, надвинувшейся с востока.

4

«ИЗ КАКОЙ БЕЗДНЫ ТЫ ВЫПОЛЗ?»

Долгая поездка на колеснице Ксальтотуна прошла мимо сознания Конана. Он лежал точно мертвец и не слышал, как бронзовые колеса лязгали о камни горных дорог, затем шуршали в густой траве плодородных долин и как наконец, одолев изломанные хребты, эти колеса равномерно застучали по широкой, вымощенной белым камнем дороге, что вьется среди роскошных лугов до самых стен Бельверуса.

Лишь перед рассветом жизнь начала понемногу возвращаться к нему. Он услышал невнятный шум голосов и тяжелый скрип громадных петель. Сквозь разрез бархатного плаща, которым он был накрыт, проник неверный факельный свет. Конан разглядел громадную черную арку ворот и бородатые лица воинов. Пламя факелов играло на их шлемах и наконечниках копий.

— Господин! Как кончился бой? — с живым интересом спросил кто-то по-немедийски.

— Хорошо,— был краткий ответ.— Король Аквилонии убит, а войско его разбежалось.

Стражники взволнованно зашумели, но все голоса заглушил гром колес, быстро покатившихся по каменным плитам. Бронзовые ободья высекали снопы искр: хлеща кнутом, Ксальтотун погнал своих скакунов под арку ворот. И все-таки Конан расслышал, как один из воинов пробормотал:

— От самой границы до Бельверуса между закатом и рассветом! И кони почти не вспотели! Во имя Митры, они...

Однако голоса отдалились, и снова был только цокот копыт и стук колес по безлюдной ночной мостовой.

Конан запомнил услышанное, но ни одной мысли оно в нем не породило. Он был подобен бессмысленной кукле, которая все видит и слышит, но не способна понять. Свет и звук ничего не значили для него. Потом он вновь впал в глубокую летаргию и лишь смутно почувствовал, что колесница наконец остановилась посередине окруженного высокими стенами двора, что множество рук подняли его и понесли куда-то сначала по винтовой каменной лестнице, затем по длинному полутемному коридору. Шепот, осторожные шаги, какие-то непонятные шорохи раздавались кругом... но далеко, далеко, и он был совершенно к ним безразличен.

А потом он пришел в себя окончательно — сразу, толчком, с полной ясностью в голове. Он прекрасно помнил битву в горах и ее исход и вполне представлял себе, где оказался.

Он лежал на бархатном диване. На нем была та же одежда, что накануне. Но руки и ноги отягощали цепи, которых даже он не мог разорвать. Комната, в которой он находился, была убрана с мрачной роскошью: на стенах красовались черные бархатные шпалеры, на полу — толстые фиолетовые ковры. Ни окон, ни дверей не было заметно. Лампа резного золота, подвешенная к высокому потолку, неживым светом заливала чертог.

В этом свете фигура человека, сидевшего против Конана в серебряном кресле, похожем на трон, казалась не вполне реальной; прозрачная шелковая накидка придавала ей некую расплывчатость очертаний, но бородатое лицо вырисовывалось ясно и четко, что тоже казалось неестественным в мертвом сиянии лампы. Казалось, странный нимб играл вокруг головы человека, заставляя рельефно выделяться черты, делая их единственной реальностью в таинственном, призрачном покое.

И лицо это было великолепно — точеное, классически прекрасное. Впрочем, в его безмятежном спокойствии угадывалось нечто тревожащее: некий намек на сверхчеловеческие познания и такую же сверхчеловеческую уверенность в себе. И пугающее чувство узнавания шевельнулось в глубине сознания Конана. Нет, он хорошо знал, что никогда прежде не видел этого человека. Тем не менее его черты кого-то — или что-то — напоминали. Похоже было, как если бы Конан наяву повстречал видение из своих худших кошмаров...

— Кто ты? — с угрюмым вызовом спросил король и попытался сесть, несмотря на вес кандалов.

— Люди зовут меня Ксальтотуном,— был ответ. Сильный, звучный голос звенел, как золотой колокол.

— И где это мы? — поинтересовался киммериец.

— В одном из чертогов дворца короля Тараска, в Бельверусе.

Конан не удивился; Бельверус, столица Немедии, был и самым крупным среди городов, лежавших близ границы.

— А где Тараск?

— С войском.

— Что ж,— проворчал Конан,— если собрался меня убивать, давай.

— Я не для того спас тебя от королевских стрелков, чтобы прикончить здесь, в Бельверусе,— сказал Ксальтотун.

— Что ты там сделал со мной? — спросил Конан.

— Лишил тебя сознания,— прозвучало в ответ.— Каким образом — этого ты все равно не поймешь. Можешь, если хочешь, назвать это черной магией.

Конан и сам пришел к такому же выводу и раздумывал уже совсем над другим.

— Кажется, я понимаю, зачем ты меня пощадил,— сказал он.— Амальрик, видно, собрался стращать мной Валерия — в том случае, если произойдет невозможное и этот молодчик станет-таки королем Аквилонии. Все хорошо зна-

ют, что за попыткой посадить Валерия на мой трон стоит барон Торский! Насколько я знаю Амальрика, он предназначает Валерию роль пешки, не больше. Так же, как сегодня — Тараску!

— Амальрик о твоем пленении и не подозревает,— ответил Ксальтотун.— Как и Валерий. Оба уверены, что ты погиб в битве при Валкие.

Глаза Конана сузились, он пристально посмотрел на своего собеседника.

— Я чувствовал за всем этим чью-то мощную волю,— пробормотал он.— но думал, что это воля Амальрика. Однако, похоже, Амальрик, Тараск и Валерий — всего лишь марионетки, а нитки дергаешь ты. Кто ты?

— Какая разница? Даже если я расскажу, ты мне вряд ли поверишь. Ответь лучше: что, если бы я предложил снова посадить тебя на аквилонский престол?

Конан смотрел на него, точно волк, угодивший в клетку.

— Назови цену!

— Повиновение мне.

— Ну и катись в Преисподнюю со своим предложением! — зарычал Конан.— Я тебе пешкой не буду! Я добыл свою корону мечом! А кроме того, не в твоей власти покупать или продавать трон Аквилонии. Королевство еще не завоевано — одна битва не решает исхода войны!

— Ты забыл, что тебе противостоят не только воины с их жалким оружием,— ответил Ксальтотун.— Или меч смертного поразил тебя в твоем собственном шатре еще до начала сражения? О нет: то было порождение мрака, скиталец, явившийся из внешних пространств по моему слову. Его пальцы пылали вечным морозом межзвездных черных пустот. Этот-то холод оледенил твою кровь и лишил мышцы силы. Холод, обжегший твое тело подобно железу, раскаленному добела! Или, может, ты скажешь, что человек, надевший твои доспехи, по чистой случайности повел рыцарей в ту теснину? Случайность, благодаря которой на них обрушились скалы?

Конан молча смотрел на него, и по спине гулял холодок. Мифология его варварского племени изобиловала легендами о чародеях и колдунах. К тому же, глядя на Ксальтотуна, любой дурак мог сказать, что это — человек не обычный. Конан явственно ощущал нечто неизъяснимое, отличавшее его от всех остальных,— некую ауру чужого времени и пространства, некое веяние зловещей, немыслимой древности. И все-таки упрямый дух Конана отказывался признать поражение.

— Обвал мог быть и случайностью,— процедил он сквозь зубы.— А бросок в ущелье — так это каждый бы на его месте предпринял!

— Вовсе нет. Ты, например, ни за что не сунулся бы туда. Ты бы сразу заподозрил ловушку. Для начала, кстати, ты и через реку бы не пошел, не убедившись, что немедийцы действительно разгромлены. И потом, даже в безумии битвы гипнотическое внушение не могло бы внедриться в твое сознание и заставить слепо ринуться в расставленную западню, как поступил тот простак, выряженный тобою.

Конан никак не мог распроститься с сомнениями:

— Но если все было подстроено, чтобы разгромить мое войско, почему же твой межзвездный скиталец не прикончил меня прямо в шатре?

— Потому что я желал заполучить тебя живым. Я и без волшебства мог предсказать, что Паллантид велит другому надеть твои латы. Ты был нужен мне живым и не искалеченным, ибо ты можешь пригодиться для осуществления моих планов. В тебе есть жизненная сила, которая стоит больше, чем все искусство и вся хитрость тех, кто считает себя моими союзниками. Ты — упорный враг, из тебя может получиться отменный вассал.

Услышав это, Конан плюнул, но Ксальтотун, не обращая внимания на его ярость, взял со стола хрустальный шар и поместил перед ним. Он ни на что не положил его и не стал никак укреплять. Тем не менее шар повис в воздухе, словно уложенный на подставку. При виде этого чуда Конан лишь фыркнул, хотя, по правде сказать, некоторое впечатление оно на него произвело.

— Хочешь посмотреть, что делается в Аквилонии? — спросил Ксальтотун.

Конан не ответил, но то, как он замер, напрягшись всем телом, выдавало его отчаянное желание узнать.

— Сейчас вечер следующего дня после битвы при Валкие,— вглядываясь в туманную глубину шара, заговорил Ксальтотун.— Основная часть немедийского войска заночевала у реки, и лишь рыцарские отряды продолжали громить отступавших аквилонцев. На рассвете армия свернула лагерь и двинулась через горы на запад. Просперо, который всю ночь гнал свои десять тысяч пуантенцев быстрым маршем, надеясь поспеть к началу сражения, был еще за много миль оттуда, когда ему начали попадаться бегущие. Не в силах собрать остатки разбитого войска, он отступил к Тарантии. Он примчался туда после отчаянной скачки, заменяя из-

мученных коней отобранными у крестьян. Я вижу его рыцарей — усталых, в покрытых пылью доспехах, с обреченно повисшими плюмажами; из последних сил понукают они лошадей, пересекая равнину... Вижу я и улицы Тарантии. В городе неспокойно: каким-то образом сюда уже дошел слух о поражении и гибели короля Конана. Чернь сходит с ума от ужаса. «Король погиб! — повторяет она со слезами.— Кто теперь поведет нас на немедийцев?» Исполинские тени надвигаются на Аквилонию с востока, а небо ее черно от стервятников...

Конан замысловато выругался.

— Пустые слова! Любой уличный оборванец мог бы напророчить не хуже! Если ты хочешь сказать, что разглядел все это в стекляшке, так ты не только негодяй — в чем, кстати, я и не сомневался,— но еще и лжец, каких мало. Просперо соберет баронов и удержит Тарантию. Страной же в мое отсутствие правит Троцеро, граф Пуантенский, и уж он-то заставит немедийских собак с воем разбежаться по конурам! Что такое эти несчастные пятьдесят тысяч вашего войска? Да Аквилония проглотит их и не подавится! Не видать им не то что Тарантии, даже и Бельверуса! При Валкие была разбита не Аквилония, а всего только Конан!

— Аквилония,— невозмутимо ответствовал Ксальтотун,— обречена. Копье, секира и огонь заставят ее покориться. А не заставят — что ж, я призову против нее из тьмы веков иные силы. Точно так же, как рухнули скалы над Валкием, обрушатся по моему слову стены городов, а понадобится — и сами горы. Реки выйдут из берегов и затопят целые провинции. Так что лучше бы сталь и тетива сделали свое дело без дальнейшей помощи моего искусства, ибо могучие заклятья способны стронуть силы, грозящие поколебать равновесие Вселенной!

— Из какой бездны ты выполз, пес тьмы? — пробормотал Конан, не сводя с него глаз. Невольная дрожь потрясла могучего киммерийца: он чувствовал перед собой нечто неправдоподобно древнее и исполненное столь же неправдоподобного зла.

Тут Ксальтотун приподнял голову, словно прислушиваясь к шепоту, долетавшему из-за края мира. Казалось, он позабыл о пленнике. Затем он нетерпеливо тряхнул головой и рассеянно глянул на Конана.

— Что? Я уже говорил, ты все равно не поверишь, даже если я тебе расскажу. Однако разговор с тобой меня утомил.

Увы, легче уничтожить укрепленный город, нежели облечь мои мысли в слова, доступные пониманию безмозглого варвара.

— Будь мои руки свободны,— заметил Конан,— я бы мигом сделал безмозглый труп из тебя.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь. Вот потому-то я и не дал тебе такой возможности.— И Ксальтотун хлопнул в ладоши.

Его поведение разительно изменилось: в нем сквозило нетерпение и, пожалуй, даже нервозность. Впрочем, Конан был далек от мысли, что это как-то связано с ним.

— Поразмысли над моими словами, варвар,— сказал Ксальтотун.— Времени у тебя будет в достатке. Я еще не определил твою участь: все зависит от обстоятельств, еще не успевших сложиться. Запомни одно: если я надумаю использовать тебя в своей игре, лучше подчиниться добровольно, чем испытать мой гнев!

Конан тут же послал его весьма и весьма далеко, но в это время занавеси распахнулись, обнаружив спрятанную за ними дверь, и в комнату вошли четыре чернокожих гиганта. На них не было иной одежды, кроме шелковых набедренных повязок, перехваченных поясами; у каждого на поясе висел внушительных размеров ключ.

Ксальтотун нетерпеливым жестом указал неграм на пленного короля, сам же отвернулся, как бы потеряв к нему всяческий интерес. Конан обратил внимание на то, как странно подергивались его пальцы. Из резной нефритовой шкатулки извлек он щепоть блестяще-черного порошка и бросил в курильницу, стоявшую на золотом треножнике у его локтя. Хрустальный шар, о котором, похоже, он позабыл, упал на пол, лишившись своей незримой опоры.

Тут негры подняли Конана и понесли его прочь, потому что сам он, опутанный цепями, идти не мог. Но прежде чем затворилась за ними позолоченная тиковая дверь, Конан бросил взгляд назад. Ксальтотун, откинувшись и скрестив на груди руки, полулежал в своем кресле, похожем на трон, а над жаровней завивалась тонкая струйка дыма. Конан почувствовал, как волосы на голове становятся дыбом. В Стигии, древнем царстве зла, лежавшем далеко на юге, ему приходилось уже видеть порошок, который воскурил Ксальтотун. Это была пыльца черного лотоса, дающая сон, похожий на смерть и исполненный чудовищных сновидений. Конан знал, что лишь жуткие чародеи Черного Круга, достигшие последних бездн зла, по своей воле ищут кошма-

ров черного лотоса и даже черпают из них новые силы для своего колдовства.

Для большинства жителей западных стран Черный Круг был всего лишь страшной сказкой, но Конан-то хорошо знал, до чего он реален. В мрачных подземельях Стигии, под сводами, никогда не знавшими света, все еще творились отвратительные обряды и полночные оргии, посвященные Тьме...

Конан еще раз оглянулся на позолоченную дверь и содрогнулся при мысли о том, что за нею происходило.

Он не мог сказать, какое было время суток — день или ночь. Казалось, дворец короля Тараска был погружен в вечные сумерки, казалось, кто-то не хотел впускать внутрь солнечный свет. И воплощением тьмы и теней, окутавших дворец, был — Конан чувствовал это — чужестранец Ксальтотун.

Негры пронесли Конана по извилистому коридору, столь скупо освещенному, что выглядели они скорее четырьмя черными призраками, несущими мертвое тело. Потом была винтовая каменная лестница, бесконечно струившаяся вниз, вниз... Факел в руке одного из негров отбрасывал на стены громадные бесформенные тени: ни дать ни взять демоны спускались в Преисподнюю, таща мертвеца.

Лестница привела их в длинный прямой коридор. По одну сторону в сплошной стене там и сям зияли сводчатые проходы, за которыми виднелись лестницы, уводящие вверх. По другую сторону через каждые несколько футов следовали запертые двери, забранные надежными решетками.

Остановившись возле очередной двери, один из негров поднял висевший на поясе ключ и повернул его в замке.

Решетчатая дверь отворилась. Негры и узник оказались в небольшой камере: стены, пол и потолок были каменные, а напротив виднелась вторая такая же дверь. Конан понятия не имел, что за ней находилось, но подумал, что вряд ли там был еще один коридор: свет факела уходил меж прутьев неизвестно куда и терялся в беспредельной тьме, чуть слышно откликавшейся эхом.

В одном углу камеры, возле двери, через которую они вошли, с толстого железного кольца, вмурованного в стену, гроздьями свисали ржавые цепи. В цепях болтался скелет человека. Конан невольно задержал на нем взгляд, удивившись тому, что кости в большинстве своем были переломаны, а то и расщеплены. Череп же, отвалившийся от позвоночника, был расплющен ударом ужасающей силы.

Один из чернокожих тюремщиков — не тот, что открывал дверь,— своим поясным ключом отомкнул тяжелый замок и флегматично оттащил в сторону и ржавые цепи, и раздробленные кости. Затем они пристегнули кандалы Конана к освободившемуся кольцу, и третий негр своим ключом — тоже третьим по счету — попробовал замок дальней двери и удовлетворенно хмыкнул, убедившись, что она была как следует заперта.

Какое-то время они молча смотрели на Конана — черные великаны с узкими глазами и лоснящейся кожей, блестевшей в факельном свете.

Затем тот, что носил на поясе ключ от ближней двери, гортанно произнес:

— Вот каков теперь твой дворец, белый король-собака! Никто не знает, где ты, только наш хозяин и мы. Весь дворец спит, а мы не болтливы. Ты будешь жить здесь, а может, здесь и умрешь. Как он! — Негр презрительно пнул расколотый череп, который со стуком покатился по каменному полу.

Конан не снизошел до ответа, и тюремщик, наверное уязвленный молчанием узника, пробормотал ругательство, нагнулся — и плюнул в лицо королю. Но это было ошибкой. Конан сидел на полу: цепи, охватившие его тело, запястья и лодыжки, были примкнуты к кольцу, он не мог ни встать, ни отодвинуться от стены более чем на длину руки. Но в ручных кандалах была изрядная слабина: Конан незаметно собрал всю цепь в ладонь — и, прежде чем негр успел выпрямиться, обрушил ее на заостренное темя противника. Чернокожий свалился, точно зарезанный бык. Его товарищи разинули рты: кожа на голове была рассечена, из носа и ушей потекла кровь.

— Ну? — поигрывая окровавленной цепью, зарычал Конан.— Кто еще?

Приблизиться тюремщики не отважились. Бормоча что-то на своем гортанном наречии, они подняли оглушенного собрата и вынесли наружу, точно мешок. Они заперли дверь ключом, который так и не сняли с золотой цепочки, прикрепленной к ремню. Унесли они и факел, и, когда они удалялись по коридору, темнота, точно живое существо, крадась следом за ними. И вот наконец стих шорох шагов, скрылись последние отблески факела. Тьма и тишина безраздельно завладели подвалом.

5

УЖАС ПОДЗЕМЕЛИЙ

Конан лежал неподвижно, перенося тяжесть цепей и безнадежность своего положения со всем стоицизмом истинного сына диких киммерийских просторов. Он не шевелился, потому что звяканье цепей, сопровождавшее каждое движение, казалось непростительно громким в мертвой тишине Подземелья. Между тем инстинкт варвара, наследие бесчисленных поколений, предостерегал: не можешь как следует за себя постоять — притаись. Логические рассуждения были здесь ни при чем. Конан лежал тихо вовсе не потому, что подозревал во тьме присутствие неведомых и грозных существ, способных его обнаружить. Ксальтотун заверил его, что никакого ущерба ему не нанесут, и Конан полагал, что тот в самом деле не был заинтересован в его погибели — во всяком случае, пока. Но инстинкт дикаря, тот же самый, что еще ребенком заставил Конана лежать неподвижно и молча, пока дикие звери рыскали кругом его убежища,— этот инстинкт не дремал и теперь.

Даже острое зрение Конана не могло пронизать густую тьму. И все-таки по прошествии некоторого времени — хотя сколько именно времени минуло, он нипочем не смог бы сказать — он различил едва заметное сияние, нечто вроде косого луча серого света. Этот луч позволил Конану смутно увидеть прутья входной двери у своего локтя, а затем даже и контуры дальней решетки. Сперва это озадачило его, но потом он понял, в чем дело. Конан знал, что находится глубоко под землей, в катакомбах под королевским дворцом. Тем не менее кому-то понадобилось устроить колодец наверх таким образом, что в него иногда заглядывала поднявшаяся луна. Конан сразу подумал о том, что сможет, вероятно, следить с его помощью за сменой ночи и дня, отсчитывая время. Возможно даже, днем через отверстия будет проникать солнечный свет... если только колодец не закроют там, наверху, с наступлением дня. Чем не изощренная пытка — время от времени позволять узнику видеть лунный или солнечный свет?

Конан снова обратил взгляд на осколки костей, смутно белевшие в противоположном углу. Он не стал предаваться болезненным раздумьям о том, кем мог быть при жизни этот несчастный и за что ему выпала подобная участь. Его внимание привлекло состояние костей. Он видел, что пе-

реломаны они были не на дыбе. И еще одна весьма неаппетитная деталь открылась внимательному взгляду: берцовые кости были расколоты вдоль. Объяснение этому могло быть только одно: кто-то расщепил их, чтобы полакомиться костным мозгом. Но кто, кроме человека, добывает мозг из костей? Уж не говорили ли эти немые останки о жуткой трапезе какого-нибудь бедняги, доведенного голодом до людоедства? «Может, кто-нибудь однажды будет так же разглядывать и мои кости, висящие в ржавых цепях...» — подумал Конан, с немалым усилием подавляя приступ слепого животного ужаса.

Киммериец не сыпал проклятиями, не плакал и не бушевал, как, вероятно, поступили бы на его месте многие цивилизованные люди. Однако его боль и душевное смятение были нисколько не меньше оттого, что прорывались они наружу лишь дрожью, временами сотрясавшей его могучее тело. Где-то там, далеко на западе, немедийское войско огнем и мечом прокладывало себе путь к сердцу его королевства. Маленький отряд пуантенцев не сможет их остановить: Просперо в Тарантии продержится несколько недель, в лучшем случае — месяцев; но если не придет помощь, сыграет свою роль численный перевес немедийцев. Без сомнения, бароны поспешат на выручку Просперо, объединяясь против захватчиков... Но он-то, Конан, обречен беспомощно лежать в темном каземате, пока другие ведут его воинов на врага и отвоевывают королевство!

В бессильном бешенстве король заскрипел зубами... и тотчас замер, расслышав со стороны дальней двери крадущиеся шаги. Напрягая зрение, он кое-как различил неясную фигуру, скрючившуюся по ту сторону решетки. Скрежетнул металл по металлу, потом раздался щелчок, как если бы ключ повернулся в замке, и фигура растаяла во мраке, скрывшись из глаз. «Какой-нибудь стражник приходил проверить замок»,— рассудил Конан. Спустя некоторое время откуда-то издали послышался такой же металлический щелчок, а следом — звук открывающейся двери и быстрый, пугливый топот ног, обутых в мягкие башмаки.

И вновь неподвижная тишина установилась в подвале...

Конан продолжал напряженно прислушиваться: ему казалось, минуло довольно долгое время, но он сам знал, что обманывается: луна все еще светила сквозь невидимый колодец. Ни звука! В конце концов он переменил положение тела. Громко лязгнули цепи... и почти сразу по ближнему коридору, через который его втащили в камеру, про-

семенили легкие шаги. Еще миг — и в сером полусвете обозначился хрупкий, тоненький силуэт.

— Король Конан! — позвал дрожащий девичий голос.— Государь мой, ты здесь?

— А где ж мне еще быть,— ответил он сдержанно и вывернул шею, пытаясь получше разглядеть незнакомку.

Это в самом деле была девушка, и она стояла совсем рядом с ним, обхватив пальчиками прутья решетки. Слабый свет луны обрисовывал ее изящное тело, перехваченное в бедрах клочком шелковой ткани, и смутно играл на украшенных самоцветами пластинах, прикрывавших грудь. Большие испуганные глаза мерцали во мраке, нежное тело, казалось, слегка светилось, точно алебастровое. Длинные волосы ниспадали темной волной; они роскошно блестели даже в полумраке колодца.

— Вот ключи от твоих оков и от дальней двери! — прошептала она, и белая узенькая рука просунулась сквозь решетку, чтобы действительно уронить три предмета, звякнувшие подле Конана об пол.

— Что за игру ты ведешь? — спросил он угрюмо.— Ты говоришь по-немедийски, а в Немедии у меня нет друзей. Что еще за демонщину выдумал твой хозяин? Послал тебя поиздеваться надо мной?

— Я не издеваюсь, господин мой! — Девушка чуть не плакала и дрожала так, что браслеты и нагрудные пластины звенели о прутья решетки, которые она сжимала обеими руками.— Клянусь Митрой, я украла ключи у чернокожих тюремщиков! Они — хранители подземелий, и каждый имеет при себе ключ лишь от одного вида замков. Я напоила их... всех, кроме одного, того, которому ты разбил голову,— его унесли к лекарю, и его ключ достать я не смогла. Но остальные — здесь, у тебя! Молю, не медли! За этими темницами таится страшное подземелье — там, во тьме, врата Преисподней!

Если она притворялась, то притворялась здорово. Все же Конан попробовал ключи с немалым сомнением, ожидая лишь неудачи и издевательского смеха девчонки. Однако, к его радостному изумлению, один из ключей вправду отомкнул его цепи, подойдя не только к замку у кольца, но и к тем, что запирали кандалы на руках и на ногах. Мгновение — и он поднялся во весь рост, охваченный яростным восторгом пусть относительной, но свободы. Быстрый шаг к двери — и его пальцы охватили железный прут вместе с тоненьким девичьим запястьем. Она, впрочем, и не пыта-

лась вырваться и убежать. Подняв голову, она прямо и смело взглянула в его свирепые глаза.

— Кто ты, девочка? — спросил он требовательно.— Почему ты взялась мне помогать?

— Я всего лишь Зенобия,— прошептала она, и дыхание у нее перехватило, словно от страха.— Всего лишь рабыня, купленная в сераль короля.

— И все-таки,— настаивал Конан,— не вижу, с какой бы стати тебе отдавать мне ключи... если только это не какой-нибудь подвох!

Она опустила темноволосую голову, но потом вновь вскинула ее и вновь прямо встретила подозрительный взгляд киммерийца. Слезы алмазными звездами мерцали на пушистых ресницах.

— Я всего лишь рабыня, купленная в сераль короля,— повторила она, и Конан различил в ее голосе гордость, боровшуюся с унижением.— Но король ни разу даже не посмотрел на меня и, может быть, никогда не посмотрит. Я — ничтожнее псов, что гложут кости в его пиршественном зале. Но я — не раскрашенная игрушка! Я дышу, ненавижу, боюсь, радуюсь... и люблю. И я полюбила тебя, король Конан, с того самого дня, когда ты навещал короля Нуму несколько лет назад. Я видела, как во главе своих рыцарей ты проезжал по улицам Бельверуса, и сердце мое рвалось из груди, мечтая упасть в дорожную пыль, под копыта твоего коня...

Жаркая краска залила ее щеки при этих словах, но она не отвела глаз. Конан помедлил с ответом. В глубине души он так и остался необузданным дикарем, и все же мужчина должен быть уже совершенным скотом, чтобы не испытать невольного трепета и смущения, когда женщина раскрывает перед ним свою душу.

Тут Зенобия склонила голову, и нежные губы прижались к его пальцам, стиснувшим ее запястье. Но ужас их положения тотчас же с новой силой отразился в широко раскрытых темных глазах.

— Поспеши! — отчаянно прошептала она.— Уже минула полночь! Беги, государь!

— А с тебя не сдерут шкуру за то, что ты утащила ключи?

— Они никогда не дознаются. Даже если утром негры припомнят, кто дал им вино, они нипочем не посмеют сознаться, что напились и потеряли ключи. Я только не смогла заполучить тот, что отпер бы эту дверь. Ты должен проложить себе путь к свободе через те подземелья, мой

государь! Какие ужасы таятся там во мраке, я не решаюсь даже гадать. Знаю только, что участь твоя будет еще страшнее, если ты останешься здесь. Ибо король Тараск возвратился...

— Что? Тараск?

— Да, причем возвратился тайно. Некоторое время назад он спустился сюда, в подземелье, а когда вышел обратно, весь дрожал и был смертельно бледен, как человек, страшно испытывающий судьбу. Я слышала, как он шепнул Аридею, своему оруженосцу, что, несмотря на запрет Ксальтотуна, ты все-таки умрешь.

— А что Ксальтотун? — пробормотал Конан. И почувствовал, как она содрогнулась.

— Не говори о нем! — был едва слышный ответ.— Демоны часто являются туда, где произносят их имена... Рабы говорят, он лежит в своем чертоге, за крепко запертой дверью, и внимает сновидениям черного лотоса. Мне кажется, даже Тараск втайне боится его, не то бы он расправился с тобою открыто. Но он спускался в подземелья нынешней ночью... и одному Митре известно, что он там делал!

— Уж не Тараск ли возился под дверью? — задумался Конан.

— Вот кинжал! — Зенобия протянула что-то сквозь решетку, и его пальцы жадно сомкнулись на знакомом предмете.— Когда выйдешь в ту дверь,— продолжала она,— поворачивай налево и иди вдоль камер, пока не доберешься до каменной лестницы. Не удаляйся от камер, если тебе дорога жизнь! Отвори дверь наверху лестницы — один из ключей должен подойти. Я буду ждать тебя за ней, и да не оставит нас Митра!

И с этими словами она растворилась во тьме, лишь шелковые туфельки прошуршали по каменным плитам.

Конан пожал плечами и повернулся к дальней решетке. Мысль о возможности коварно подстроенной Тараском ловушки по-прежнему не покидала его. Что ж, очертя голову броситься в западню? А хотя бы и так! Это все же лучше, чем сидеть на цепи, беспомощно дожидаясь неведомой участи. Конан осмотрел кинжал, врученный ему Зенобией, и мрачная улыбка тронула его губы. Что бы там ни представляла собою девчонка, оружие в руке киммерийца свидетельствовало о ее практичном уме. Это не был какой-нибудь изящный стилетик, выбранный ради дорогих камней в рукояти и золотой крестовины и годный разве что для

изящного убийства в дамском будуаре. В ладони Конана было настоящее оружие воина, с широким, обоюдоострым пятнадцатидюймовым лезвием, плавно сбегавшим к острию алмазного закала и остроты.

Удовлетворенное ворчание вырвалось у Конана. Ощущение рукояти в руке подбодрило его, уверенность теплом разбегалась по жилам. Какие бы паутины заговоров ни сплетались вокруг, какими бы сетями измены и коварства ни пытались опутать его,— эта сталь была настоящей. Мощные мускулы на правом плече короля вздулись, предвкушая убийственные удары.

Держа наготове ключи, он тронул дальнюю дверь и обнаружил, что она открыта. В то же время он помнил, как запирал ее негр. Стало быть, та скрюченная, крадущаяся тень не была тюремщиком, вздумавшим еще раз проверить запоры. Наоборот — тот человек отпер дверь! Все это поневоле наводило на нехорошие мысли, но Конан задумываться не стал. Без колебаний распахнул он решетку и, покинув темницу, ступил во тьму.

Как он и думал, помещение по ту сторону не было коридором. Каменные плиты пола уходили неизвестно куда, теряясь во мраке, ряд камер тянулся налево и направо, но каковы были размеры подземелья, в которое он угодил, ни малейшего понятия Конан не имел. Ни потолка, ни другой стены не было видно. Лунный свет просачивался лишь сквозь решетчатые двери камер, темнота была почти абсолютной. Кто-нибудь менее зоркий, нежели киммериец, вряд ли различил бы мутно-серые пятна на полу перед дверьми.

Повернув налево, он со всей возможной быстротой скользнул вдоль решеток. Босые ноги короля беззвучно ступали по каменному полу. Проходя мимо, он бросал короткий взгляд в каждую камеру. Все были пусты и заперты. Несколько раз взгляд Конана ловил отблеск нагих белых костей. Камеры эти были наследием более мрачной эпохи, когда Бельверус был скорее крепостью, а не городом. Однако и в нынешние времена камеры явно использовались куда чаще, чем думали люди.

Когда впереди замаячили очертания лестницы, круто уходившей вверх, Конан понял, что добрался до цели. И в тот же миг ощущение близкой опасности заставило его обернуться назад и низко пригнуться, прячась в непроглядной тени у подножия ступеней.

Где-то там, позади него, во мраке двигалось нечто — нечто громадное, но осторожное, и мягкие лапы его не были человеческими ступнями. Конан скользнул глазами

вдоль длинного ряда камер, перед каждой из которых лежал на полу сероватый прямоугольник даже не то чтобы света — просто менее густой тьмы... и увидел, как что-то не спеша приближалось к нему, пересекая эти прямоугольники. Что это было, Конан не взялся бы сказать. Громадное, тяжелое, оно тем не менее передвигалось с ловкостью и быстротой, до которых далеко было человеку. Неясный силуэт его то возникал на фоне пятен серого света, то пропадал в черноте промежутков. И веяло жутью от этой крадущейся поступи...

Конан слышал, как скрипели прутья решеток, когда неведомая тварь одну за другой пробовала их отворить. Наконец она достигла камеры, которую он только что покинул,— и эта дверь, единственная из всех, распахнулась. Мелькнула темным пятном и снова скрылась огромная туша: существо вошло в камеру. Лоб и ладони Конана взмокли от пота. Теперь он знал, зачем подкрадывался к его двери Тараск и почему удрал так поспешно. Король отомкнул дверь его камеры, а потом, где-то в демонской глубине подземелий, выпустил из клетки чудовище.

И вот оно покинуло бывшую Конанову темницу и заспешило дальше вдоль ряда дверей, опустив уродливую морду к самому полу. Оно больше не дергало запертые решетки. Оно шло по свежему следу.

Теперь Конан видел его лучше. Серый свет обрисовывал гигантское тело, напоминавшее человеческое, только неимоверно массивней и толще. Ссутулившись, тварь ковыляла на задних ногах, и косматый густой мех ее отливал серебром. Длинные руки, вернее сказать, передние лапы свисали почти до земли, а морда была жуткой пародией на человеческое лицо.

Конан наконец узнал этот ужас подземелий и понял, что означали раздробленные, расщепленные кости. Перед ним была серая обезьяна-людоед из тех, что водятся в горных лесах восточного побережья моря Вилайет. Страшные эти обезьяны, великаны животного мира, убийцы, таящиеся в ночных джунглях, вызвали к жизни жуткие легенды о гоблинах, которыми хайборийцы пугали детей.

Конан видел, что обезьяна его учуяла. Теперь она быстро шла, почти бежала вперед: бочкообразное тело покачивалось на коротких кривых могучих ногах. Конан еще раз покосился на лестницу. Тварь догонит его прежде, чем он успеет добежать до двери там, далеко наверху. Больше Конан не думал о бегстве. Он встретит чудовище здесь — лицом к лицу.

Он шагнул вперед, становясь в ближайший промежуток лунного света: он знал, что тварь видела в темноте гораздо лучше его, и пытался обеспечить себе хоть какое-то преимущество. Обезьяна тут же заметила его и оскалила желтые клыки, но не издала ни звука. Серые чудовища с моря Вилайет, порождения ночной тишины, были безгласны. Но на его морде, на этом извращенном подобии человеческих черт, отразился людоедский восторг.

Конан стоял наготове, бестрепетно наблюдая за приближением страшилища. Он знал, что жизнь или смерть его будет зависеть от одного-единственного удара. У него не хватит времени ни на то, чтобы ударить еще, ни даже на то, чтобы отскочить. Если он хотел выжить в неравной схватке, его первый удар должен был сразить обезьяну, и сразить наповал. Он смерил взглядом короткую толстую шею, сытое волосатое брюхо и могучую грудь, напоминавшую два сдвинутых вместе щита. Нет, бить надо в сердце. Уж лучше пойти на риск и надеяться, что клинок не соскользнет, ударившись о прочное ребро зверя, чем ударить в какое-нибудь другое, не столь жизненно важное место.

Прекрасно понимая неравенство сил, Конан готовился противопоставить верный глаз и силу послушных разуму мышц тупой животной мощи и ярости косматого людоеда. Итак, грудь на грудь... смертельный удар... и будем надеяться, что крепкое тело сумеет выдержать чудовищные объятия, избежать которых не удастся уже наверняка.

Когда обезьяна ринулась к нему, широко распахивая страшные лапы, Конан нырнул под них и нанес удар с силой, удесятеренной отчаянием. Он почувствовал, как его клинок до рукояти ушел в мохнатую грудь, и немедленно, разжав пальцы, пригнул голову, сворачиваясь в один комок напряженных мышц. Упираясь коленом в брюхо зверя, он еще попытался перехватить лапы чудовища, не дать им сомкнуться и переломать ему кости.

На какой-то безумный миг Конану показалось, будто землетрясение выворачивает ему суставы, раздирая тело на части... и вдруг все кончилось и он лежал лицом вниз, невредимый, а под ним, закатив красные глаза, содрогалась в последней муке страшная обезьяна. В ее груди торчала рукоять кинжала: удар достиг цели.

Конан и сам дрожал всем телом, тяжело дыша, точно после долгого боя. Ему казалось, у него была вывихнута половина костей, из глубоких рваных царапин, оставленных когтями чудовища, бежала кровь. Измятые мускулы и су-

хожилия немилосердно болели. Проживи обезьяна секундой дольше, она точно разорвала бы его. Но жизненная сила в который раз помогла Конану выстоять в испытании, немыслимом для обычного человека. Ибо даже предсмертных конвульсий издыхающей обезьяны вполне хватило бы, чтобы оторвать кому угодно другому и руки, и ноги.

6

УДАР КИНЖАЛА

Нагнувшись, Конан выдернул кинжал из груди обезьяны и быстро зашагал вверх по ступеням. Он понятия не имел о том, какие еще ужасы могли таиться во тьме, и выяснять не собирался. Даже ему, гиганту киммерийцу, вовсе не улыбалась еще одна подобная схватка. К тому же и свет, проникавший в невидимые колодцы, постепенно меркнул, сгущалась непроглядная тьма. Иными словами, что-то подозрительно близкое к паническому ужасу все быстрее гнало Конана по лестнице. Он вздохнул с большим облегчением, когда кончились ступени и пришло время пустить в ход третий ключ. Приоткрыв дверь, Конан осторожно выглянул наружу, ожидая, что на него тут же бросится человек — а может, и зверь.

Но перед ним был пустой, скупо освещенный каменный коридор. И — все та же тоненькая девичья фигурка, которую он впервые увидал сквозь прутья решетки.

— Государь мой! — В тихом, дрожащем голосе мешались радость и страх. Девушка подбежала было к королю, но тут же в смятении отпрянула: — Ты весь в крови! Ты ранен!

Он нетерпеливо отмахнулся:

— Ерунда, эти царапины не повредили бы и ребенку... Впрочем, твоя зубочистка неплохо мне послужила, так что спасибо. Если б не она, Тарасков питомец сейчас хрустел бы моими косточками, разыскивая мозг. Ну так что, теперь-то куда?

— Пойдем,— прошептала Зенобия.— Я выведу тебя за городскую стену, там у меня припрятана лошадь.

И она повернулась идти, но тяжелая рука Конана легла на ее обнаженное плечо.

— Иди-ка лучше рядом,— приказал он вполголоса, придерживая ее за талию.— Покамест у меня нет причины сомневаться в тебе, но, видишь ли, я дожил до этого дня в

основном потому, что никогда особо не доверялся ни мужчинам, ни женщинам. В общем, вздумаешь шутить — учти: смеяться над шуткой тебе уже не придется.

Она не испугалась ни окровавленного кинжала, ни прикосновения его мускулистой руки.

— Убей меня безо всякой жалости, если я тебя предам,— сказала она.— Объятие твоей руки, даже угрожающее,— это ли не исполнение мечты?

Сводчатый коридор вывел их к двери. Зенобия отворила ее. За дверью лежал еще один чернокожий — здоровяк в тюрбане и шелковой набедренной повязке. На каменном полу возле его ладони валялся кривой меч. Чернокожий не двигался.

— Я дала ему вино, сдобренное дурманом,— обходя лежащего, шепнула Зенобия.— Это последний, внешний страж подземелий. Никто еще не убегал отсюда и тем более не стремился проникнуть извне, потому-то и ведают подземельями лишь эти четверо негров. И только они — из всех слуг дворца — знали, что король Конан был привезен на колеснице Ксальтотуна как пленник. А еще о том знала я, ибо я бессонно следила из окошечка в башне за всем, что делалось во дворе, пока другие девушки спали... Я слышала, что на западе происходит — или уже произошла — битва. Я страшилась за тебя... Я видела, как негры несли тебя во дворец, и узнала твое лицо при факельном свете. Дождавшись вечера, я проскользнула в это крыло дворца, и вовремя — тебя тащили в подземелье. А перед тем ты целый день пролежал в покоях Ксальтотуна, опоенный или околдованный. Я не смела спуститься за тобой до темноты... Но поспешим, государь, ибо сегодня во дворце происходит что-то воистину странное! Рабы говорят, что Ксальтотун спит, воскурив пыльцу стигийского лотоса; он часто делает это. Однако вернулся Тараск — вернулся безвестно, через потайной ход, и плащ короля был покрыт пылью дальней дороги. С ним был только его оруженосец — молчаливый тощий Аридей. Я не очень поняла, что к чему, но мне стало страшно!

Поднявшись вместе с Конаном по узкой винтовой лестнице, Зенобия открыла неприметную дверцу, и они вышли. Девушка тщательно притворила дверцу, вновь сделав ее неотличимой частью богато разукрашенной стены. Этот коридор был просторнее прежних, пол его устилали ковры, по стенам красовались шпалеры, а масляные лампы, подвешенные к потолку, распространяли золотое сияние.

Конан напряженно прислушивался, но во всем дворце господствовала ничем не нарушаемая тишина. Конан не знал, в какой части дворца они находились и в каком направлении помещался чертог Ксальтотуна. Дрожа всем телом, Зенобия повела его по коридору и остановилась перед стенной нишей, укрытой атласной занавесью. Отдернув ее, она жестом пригласила Конана вступить в нишу и прошептала:

— Подожди здесь! Там, дальше, днем и ночью нередко снуют евнухи и рабы. Я схожу посмотрю, нет ли кого.

Конан мгновенно ощетинился:

— Хочешь в ловушку меня завести?

Темные глаза наполнились слезами. Упав на колени, Зенобия схватила его руку.

— О мой король, не сомневайся во мне! — В дрожащем голосе была настойчивость, вызванная отчаянием.— Если ты промедлишь, мы оба погибли! И неужели я вывела бы тебя из подземелий только затем, чтобы предать?

— Ладно,— буркнул он,— придется поверить... хотя Кром видит, как нелегко расстаться с многолетней привычкой! И потом... знаешь, я тебя пальцем не трону, хоть ты все немедийское войско сюда приведи. Если б не ты, Тарасков людоед нашел бы меня безоружным и закованным в цепи. Поступай, девочка, как знаешь!

Поцеловав его руку, она легко вскочила на ноги и убежала по мягким коврам коридора, чтобы скрыться за прочными двойными дверьми.

Конан проводил ее взглядом, гадая, чем обернется для него такая доверчивость. Потом передернул могучими плечами и поплотнее сдвинул атласные занавеси. Его не особенно удивило, что юная красавица рада была рискнуть жизнью ради него; такое случалось с ним не однажды. Многие женщины дарили ему свою благосклонность и во дни его странствий, и позже, когда он стал королем.

Не в его натуре было сидеть неподвижно, дожидаясь возвращения девчонки. Чисто инстинктивно он решил обследовать нишу — нет ли другого выхода. И выход нашелся. За шпалерами обнаружилась узкая щель, которая привела Конана к резной двери, едва видимой в луче тусклого света, проникавшего из коридора. Покуда Конан ее разглядывал, за нею хлопнула еще какая-то дверь, потом донесся приглушенный гул голосов. Один из этих голосов был Конану определенно знаком, и на загорелом лице короля появилось

зловещее выражение. Не раздумывая, скользнул он в узкий проход и затаился у двери, точно пантера, подкарауливающая добычу. Дверь оказалась не заперта. Действуя умело и очень осторожно, Конан чуть-чуть ее приоткрыл.

С той стороны тоже висели плотные занавеси, но сквозь щель меж бархатных штор можно было заглянуть в комнату, освещенную пламенем единственной свечи, горевшей на эбеновом столике. В комнате находились двое. Один — покрытый шрамами, злодейского вида оборванец в кожаных штанах и видавшем виды плаще. Вторым был Тараск, король Немедийский.

Тараску было явно не по себе. Он был бледен и беспрестанно оглядывался, как будто страшась услышать какой-нибудь звук или приближающиеся шаги.

— Отправляйся готчас же и не мешкай в пути,— говорил Тараск.— Он глубоко погружен в дурманные сновидения, но откуда знать, когда его угораздит проснуться.

— Вот уж не ждал я услышать из уст Тараска слова, исполненные страха,— пробурчал его собеседник. Голос у него был низкий и грубый.

Король нахмурился:

— Ты прекрасно знаешь, что обычных людей я не боюсь. Но когда я увидел, как при Валкие рушились скалы, я убедился: мы воскресили не какого-то шарлатана, а сущего демона. И я боюсь его силы, потому что не знаю, сколь далеко она простирается. Я понял только одно: она как-то связана с этой проклятой штуковиной, которую я у него выкрал. Она вернула его к жизни, и, видно, на ней-то и зиждется все его колдовство. Недаром он так надежно спрятал ее! Но я дал одному из рабов тайный наказ проследить за чародеем, и раб подсмотрел, как он клал эту вещь в золотую шкатулку и убирал шкатулку в тайник. Но я ни за что не осмелился бы похитить ее, если бы Ксальтотун не заснул сном черного лотоса... Итак, эта вещь — основание его могущества. С ее помощью Ораст вернул его к жизни. А он, опять же с ее помощью, сделает нас всех своими рабами, если мы не убережемся. Так что возьми-ка ее и выброси в море, как я велел. Только смотри сделай это подальше от берегов, чтобы шторм или прилив не вынесли ее снова на сушу. И помни, что я тебе хорошо заплатил.

— Это верно,— ответствовал негодяй.— Сказать по правде, король, не в одном золоте дело: за мной долг благодарности. Даже воры умеют быть благодарными.

— Когда бросишь эту штуку в море,— сказал Тараск,— можешь больше не считать себя моим должником, в чем бы ни заключался твой долг.

— Я поеду в Зингару и в Кордаве сяду на корабль,— пообещал вор.— Я не смею показаться в Аргосе из-за убийства одного тамошнего...

— Мне все равно, так что договорились,— перебил король.— Вот, возьми. Конь ждет тебя во дворе. Ступай же — и поторопись!

Что-то перешло из рук в руки — что-то, больше всего похожее на частицу живого огня. Конан лишь мельком успел заметить его. Вор надвинул на глаза широкополую шляпу, завернулся в плащ и поспешно вышел из комнаты.

Дверь едва успела закрыться за ним, когда ярость и жажда отмщения взметнули Конана в стремительном, смертоносном прыжке. Он сдерживался, пока мог, но всему есть предел. От близости заклятого врага кровь варвара заклокотала в жилах, начисто смыв всякую осторожность.

Тараск уже направился ко внутренней двери, но Конан, разметав занавески, кровожадной пантерой ринулся в комнату. Тараск обернулся, но кинжал Конана вонзился в него еще прежде, чем он успел разглядеть, кто же напал.

Однако смертельного удара не получилось, Конан понял это тотчас. Его ступня угодила в складки портьеры и подвела его в прыжке. Клинок вошел Тараску в плечо и пропахал по ребрам. Король Немедии отчаянно закричал.

Страшный удар и тяжесть обрушившегося тела швырнули Тараска прямо на столик, тот опрокинулся, и свечка погасла. Оба противника рухнули на пол и запутались в портьерах. Конан вслепую наносил удар за ударом и никак не мог попасть в Тараска, который вопил во все горло от боли и ужаса. Страх придал немедийскому королю сверхчеловеческие силы — вырвавшись, он убежал в темноту с криком:

— Спасите! Стража! Аридей, ко мне! Ораст! Ораст!..

Конан поднялся, отшвырнув занавесь. И, ругаясь на чем свет стоит, пинком отбросил обломки стола. Что может быть горше неудавшейся мести! Вопли Тараска еще слышались в отдалении; во дворце начинался переполох. Немедиец удрал в темноте, и Конан не мог сообразить, в какую сторону он скрылся, а главное, куда следовало теперь бежать ему самому. Плана дворца Конан не знал. Необдуманная месть сорвалась; оставалось попробовать спасти свою шкуру — если получится...

Понося последними словами постигшую его неудачу, Конан тем же проходом вернулся в свою нишу, и сейчас же к нему подбежала Зенобия.

— Что случилось? — вскрикнула девушка. Ее глаза были круглыми от ужаса.— Дворец так и гудит! Но, клянусь, я не предавала тебя! Я...

— Нет, это я разворошил осиное гнездо,— проворчал он.— Хотел тут сквитаться с одним, да не получилось. Как бы поскорее выйти наружу?

Она схватила его за руку и во всю прыть помчалась по коридору. Но добежать до двери они не успели: та уже сотрясалась от ударов — в нее ломились с другой стороны. Зенобия, всхлипнув, заломила руки:

— Мы отрезаны! Возвращаясь, я заперла эту дверь... через нее ведет путь к тайному ходу... Сейчас они ворвутся сюда!

Конан оглянулся: с другого конца коридора слышались невнятные крики, и, еще не видя врагов, киммериец понял, что опасность была не только впереди, но и за спиной.

— Сюда! Скорее сюда! — Девушка пересекла коридор и распахнула перед ним дверь какой-то комнаты. Конан последовал за нею и вдвинул в ушки золоченый засов. Он стоял в прихотливо убранном покое, где, кроме них двоих, не было никого. Зенобия тянула его за руку, увлекая к окошку. Сквозь позолоченную решетку виднелись кусты и деревья.

— Ты сильный,— задыхаясь, вымолвила Зенобия.— Ты еще можешь спастись, если сломаешь решетку. В саду полно стражи, но кусты там густые, ты спрячешься. Южная стена сада — это и городская стена. Переберись через нее, и ты на свободе. Там, возле дороги, ведущей на запад, в нескольких сотнях шагов от фонтана Траллоса тебя ждет конь, спрятанный в чащобе. Ты знаешь, как добраться туда?

— Знаю, но что будет с тобой? Я думал забрать тебя отсюда.

Радость озарила ее лицо, сделав его еще краше.

— О Боги, чаша счастья моего переполнена... Но я не задержу твоего бегства. Если я обременю тебя, ты погибнешь! Не страшись за меня, они никогда не заподозрят, что я помогала тебе по собственной воле. Спеши же! Слова, которые я только что слышала, долгие годы будут наполнять светом всю мою жизнь.

Он вдруг схватил ее в железные объятия, с силой прижал к себе тоненькое затрепетавшее тело и принялся неистово

целовать ее глаза, щеки, шею и губы. Зенобия едва не лишилась сознания от его жадных ласк и от счастья, грозившего разорвать сердце.

— Я уйду,— зарычал Конан.— Но, во имя Крома, когда-нибудь я вернусь за тобой!

Обхватив ладонями золоченые прутья, он одним яростным усилием выдернул их из гнезд. Перекинул ногу через подоконник и быстро спустился вниз, цепляясь за лепные украшения стены. Спрыгнул наземь — и тотчас растворился, как тень, в сплошной гуще высоких розовых кустов и раскидистых деревьев. Оглянувшись через плечо, он еще раз увидел Зенобию. Стоя у окна, она протягивала руки в немом жесте прощания и самоотречения...

Стража — рослые воины в начищенных кирасах и полированных бронзовых шлемах — мчалась ко дворцу, откуда все громче доносились суматошные крики и топот. Броня и оружие стражников поблескивали в свете звезд, шаги были слышны издалека. Конану, выросшему в диких лесах, эти вояки казались стадом быков, бестолково ломившимся сквозь кусты. Кое-кто из них, не подозревая того, пробежал в считанных футах от киммерийца, распластавшегося в тени зарослей. Они бежали ко дворцу и ничего не замечали вокруг. Когда они промчались с криками мимо, Конан поднялся и заскользил через сад в другую сторону, двигаясь бесшумно, точно охотящаяся пантера.

Быстро добрался он до южной стены и взбежал по ступенькам к самому парапету: стена была неприступна снаружи, но отнюдь не изнутри. Никаких часовых не было видно. Перед тем как проскользнуть между зубцами, Конан обернулся в последний раз и окинул взглядом громадный дворец, вздымавшийся над вершинами кипарисов. Свет горел в каждом окне; туда-сюда носились тени людей, напоминавшие Конану кукол, которых дергают за незримые нити. Ощерившись, Конан на прощание погрозил дворцу кулаком и, выбравшись на ту сторону, повис на руках.

Невысокое дерево, росшее в нескольких шагах от стены, приняло его тело. Беззвучно свалившись на его ветви, мгновением позже он уже мчался сквозь ночь размашистым шагом горца, что неутомимо пожирает долгие мили.

Стены Бельверуса были окружены парками и загородными виллами состоятельных жителей. Ленивые рабы, спавшие в обнимку с копьями, не замечали стремительной тени, которая перемахивала ограды, скользила по аллеям

под сомкнутыми кронами деревьев, неслышно пересекала виноградники и фруктовые сады. Одни лишь сторожевые псы просыпались полаять на эту легкую тень, которую они наполовину чуяли, наполовину угадывали во тьме,— и замолкали, когда она исчезала.

Во дворцовом покое король Тараск стонал и сыпал проклятиями, корчась на испятнанном кровью диване под ловкими, быстрыми пальцами Ораста. За дверью, трепеща, толпились перепуганные слуги, но в комнате, где лежал король, кроме него самого и растриги жреца не было никого.

— Так ты уверен, что он еще спит? — снова спросил Тараск, скрипя зубами: гравяные снадобья, которыми Ораст умащивал глубокую и длинную рану на его плече и боку, причиняли невыносимую боль.— Иштар, Митра и Сет! Жжет, словно кипящая смола Преисподней...

— ...В которой ты, без сомнения, уже сейчас бы варился, если бы тебе повезло хоть чуточку меньше,— невозмутимо заметил Ораст.— Кем бы ни был владелец ножа, он бил насмерть. Да, Ксальтотун по-прежнему спит. Я тебе говорил и могу повторить. Но почему это так тебя беспокоит? Он-то здесь при чем?

— Что тебе известно о том, что произошло нынче ночью здесь, во дворце? — Тараск не сводил с лица Ораста пристального, горящего взгляда.

— Ничего,— был ответ.— Как ты знаешь, вот уже несколько месяцев я занимаюсь тем, что перевожу рукописи для Ксальтотуна — перевожу тома эзотерического знания с современных языков на древние, чтобы он мог их прочесть. Он прекрасно владел всеми языками и видами письменности, существовавшими в его эпоху, однако новые, появившиеся с тех пор, изучить еще не успел. Вот он для быстроты дела и велел мне перевести для него кое-какие труды: он хочет выяснить, что нового появилось в магии за три тысячи лет. Даже о его возвращении прошлой ночью я узнал лишь тогда, когда он послал за мной и рассказал о сражении... после чего я вернулся к своим занятиям и не покидал кельи, пока во дворце не начался переполох! Я не знал даже о том, что ты вернулся...

— И о том, что Ксальтотун привез во дворец пленного короля Аквилонии, тоже не знал?

Ораст покачал головой, но, похоже, не особенно удивился.

— Ксальтотун сказал только, что Конан больше не будет нам мешать. Я предположил, что он пал, но о подробностях не расспрашивал.

— Я собирался прикончить его,— зарычал Тараск,— но Ксальтотун спас ему жизнь. Я сразу понял зачем! Он собирался держать Конана в плену живым и пугать им нас всех — Амальрика, Валерия и меня! Покуда Конан жив — он опасен. Он способен объединить Аквилонию. А значит, с его помощью нас можно принудить вести такую политику, на которую мы бы в ином случае никогда не согласились. Ох, не доверяю я этому воскресшему пифонцу! И скажу тебе больше: последнее время он попросту внушает мне страх! Когда после битвы он отправился на восток, я выждал несколько часов, а потом последовал за ним. Я хотел выяснить, что он собирается делать с Конаном. Я узнал, что он заточил его в подземелье. Я решил пойти против воли Ксальтотуна и умертвить варвара. И я его...

Осторожный стук в дверь прервал речь короля.

— Это Аридей,— пробормотал Тараск.— Впусти его.

Дверь отворилась — вошел угрюмый оруженосец. Глаза его блестели от сдерживаемого волнения.

— Ну что, Аридей? — воскликнул Тараск.— Поймал ли ты того, кто на меня напал?

— Успел ли ты разглядеть его, государь? — спросил Аридей, словно бы желая еще раз подтвердить некое уже известное ему обстоятельство.— Ты не узнал его?

— Нет. Все произошло очень быстро, и потом, свеча сразу погасла — я уж решил, что это Ксальтотун своей магией напустил на меня какого-то демона.

— Пифонец спит, заперевшись на все замки и засовы. Дело в том, что я спускался в подземелье! — И Аридей нервно передернул тощими плечами.

— Говори же! — нетерпеливо потребовал Тараск.— Что ты там увидел?

— Пустую камеру,— прошептал оруженосец.— И дохлую обезьяну!

— Что?! — Тараск вскинулся на диване. Кровь снова хлынула из открывшейся раны.

— Да, государь,— повторил Аридей.— Людоед мертв — кто-то пырнул его точно в сердце. А Конан — сбежал!

Лицо Тараска посерело. Безвольно подчинился он Орасту, который уложил его обратно на диван и занялся раной.

— Конан! — твердил король.— Там должен был валяться его растерзанный труп. А вместо этого он... он сбежал! Это не человек, а сам демон! Я-то думал, что за нападени-

ем на меня стоит Ксальтотун. Но теперь я знаю, кто это был! Боги и демоны! Это Конан пырнул меня!.. Аридей!

— Да, мой король!

— Осмотри каждый уголок во дворце. Быть может, он рыщет по темным коридорам, подобно голодному тигру! Загляни в каждую нишу... только будь осторожен. Помни, что ты охотишься не за цивилизованным человеком, но за кровожадным варваром, свирепым и сильным, точно дикий зверь! Обыщи хорошенько дворцовый парк, нет, весь город! Вели поставить оцепление у стен! Если окажется, что он уже скрылся из города — а это вполне возможно,— возьми отряд конников — и за ним! Ты должен выследить его, как выслеживают волка в холмах! Поспеши, и тебе еще удастся его схватить!..

— В этом деле нам пригодился бы сверхчеловеческий разум,— сказал Ораст.— Не посоветоваться ли с Ксальтотуном?

— Нет! — порывисто воскликнул Тараск.— Пусть воины догонят Конана и расправятся с ним. Ксальтотун не сможет ничего возразить, если мы убьем сбежавшего пленника!

— Что ж,— сказал Ораст.— я, конечно, не чета ахеронцу, но тоже владею кое-каким искусством и повелеваю некоторыми духами, заключенными в материальную оболочку. Я постараюсь помочь.

Фонтан Траллоса находился примерно в миле от городских стен, недалеко от дороги. Дубовая роща окружала его плотным кольцом. Конан издалека расслышал мелодичное журчание его струй, переливавшихся в тишине звездной ночи. Утолив жажду его студеной водой, Конан без промедления направился к югу, где виднелись плотные заросли. Обойдя их, он заметил крупного белого коня, привязанного в кустах. Удовлетворенно и глубоко вздохнув, Конан уже шагнул к коню, когда насмешливый хохот, раздавшийся позади, заставил его стремительно обернуться.

Из непроглядной тени вышел человек, одетый в тускло поблескивавшую кольчугу. Это был не какой-нибудь дворцовый стражник в полированном нагруднике и шлеме со страусиным плюмажем. Перед Конаном стоял высокий, крепкий мужчина в боевом шлеме и серой кольчуге. Он принадлежал к особому классу странствующих воинов, которых можно было встретить лишь в Немедии. Их ряды пополнялись теми, кто не сумел обрести рыцарское досто-

инство и соответствующий достаток либо утратил его; это были закаленные воины, посвятившие жизнь войне и поиску приключений. Между ними существовали свои отношения, иногда они возглавляли войска, но сами не признавали над собой никого, кроме короля.

На более опасного врага напороться было мудрено.

Быстрый взгляд, брошенный вокруг, убедил Конана, что его противник был один. Конан вздохнул полной грудью, подбираясь всем телом в ожидании схватки.

— Я ехал в Бельверус по поручению Амальрика,— осторожно приближаясь, говорил тем временем воин. Звездный свет играл на огромном двуручном мече, который он держал перед собой, вынув из ножен.— Слышу, конь мой перекликается с чьим-то чужим, спрятанным в чаще. Дай, думаю, посмотрю, кому бы это понадобилось оставить в таком месте лошадь? Решил подождать — и, вижу, не прогадал!

Эти люди зарабатывали себе на жизнь мечами.

— Я узнал тебя,— пробормотал немедиец.— Ты — Конан, король Аквилонии. Я думал, что ты погиб при Валкис под обвалом, но теперь ви...

Договорить не пришлось: Конан прыгнул вперед, как раненый тигр. Немедиец был опытным воином, но не учел быстроты, на которую в решительный миг способен был варвар. Конан застал его врасплох; тот не успел ни рубануть тяжелым мечом, ни отразить стремительного удара. Кинжал короля вошел ему в горло, над шейным вырезом кольчуги, и, скользнув вниз, остановил сердце. Издав булькающий звук, воин зашатался и рухнул. Он еще не успел упасть, когда Конан безжалостно выдернул кинжал. Белый конь громко фыркнул, шарахаясь от запаха крови, от вида окровавленного клинка.

Покрытый потом, со страшным кинжалом в руке, Конан замер, как статуя, вслушиваясь в голоса ночи. В лесу было тихо, если не считать сонного чириканья разбуженных птиц. Но потом со стороны города, далеко-далеко, резко прокричала труба.

Конан склонился над убитым и быстро обыскал его. Если этот человек и вез какое-то сообщение, оно, вероятнее всего, было устным.

Король не стал медлить: до рассвета оставалось всего несколько часов. Очень скоро белый конь мчался галопом по дороге на запад, а всадник его был одет в серую кольчугу странствующего воина-немедийца.

7

ЗАВЕСА РАЗДВИНУЛАСЬ

Конан знал: если он хотел спастись, нужно было уходить, и уходить быстро. У него не возникло и мысли о том, чтобы спрятаться где-нибудь вблизи Бельверуса и отсидеться, пропустив погоню мимо себя. Он был уверен, что сверхъестественный союзник Тараска без труда его выследит. Отсиживаться и выжидать было не в его натуре: открытая схватка, открытая погоня — это подходило ему куда больше. Он знал, что отрыв для начала был неплохой. И уж он погоняет их, пробираясь к границе.

Зенобия подобрала ему замечательного коня: белый жеребец был крепок, силен и отменно вынослив. Девчонка неплохо разбиралась в конях, оружии и, не без самодовольства сказал себе Конан, в мужчинах. Он скакал на запад, оставляя позади милю за милей.

Спящая страна расстилалась вокруг. Конан видел деревни, укрытые зеленью рощиц, и окруженные белыми стенами виллы, раскинувшиеся среди фруктовых садов и просторных полей. Чем дальше на запад, тем меньше их становилось.

Местность постепенно делалась все более суровой и пересеченной. Со скалистых высот хмурились крепости, без слов говорившие о столетиях пограничной войны. Но никто не окликал с их стен одинокого всадника, никто не выезжал наперерез. Хозяева замков были в походе под знаменем Амальрика, и вымпелы, реявшие обычно над башнями, развевались теперь над равнинами Аквилонии.

Когда осталась за спиной последняя деревушка, дорога свернула на северо-запад, к далеким перевалам, и Конан оставил ее. Дорога привела бы его к пограничным башням, где все еще стояли вооруженные гарнизоны, и уж там-то его ничуть не пропустили бы без расспроса. К тому же с рассветом, по всей вероятности, там появятся обозы с ранеными и кавалькады возвращающихся воинов. Зато вдали от дорог и застав пограничные пустоши вряд ли так кишели разъездами, как в обычное время.

Бельверусский большак был единственной дорогой через границу на добрых пятьдесят миль с севера на юг. Дорога вилась между холмами, а слева и справа раскинулись дикие, малонаселенные горы. Конан по-прежнему ехал только на запад, намереваясь пересечь границу в самом сердце глухих гор, несколько южней перевалов. Короткий путь был на-

много трудней, но вместе с тем и безопасней для преследуемого беглеца. Армия застряла бы здесь, одинокий же человек на коне надеялся проскользнуть.

К рассвету, однако, Конану не удалось достичь гор, синевших у горизонта. Он заехал в такие места, где не было ни ферм, ни деревень, ни вилл, мерцающих белизной сквозь зелень садов. Утренний ветер колебал высокую жесткую траву, высохшую на корню. В отдалении, на невысоком холме, виднелась сторожевая крепость. Аквилонцы нередко тревожили степное приграничье набегами, оттого-то поселения были здесь не так часты, как дальше к востоку.

Казалось, рассвет поджег степь. В небе над головой Конана с заунывным криком пролетел на юг запоздалый косяк диких гусей. Спустившись в болотистую низину, Конан спешился и расседлал коня. В течение нескольких часов он гнал его немилосердно; скакун тяжело поднимал бока, белая шерсть потемнела от пота. Конан дал ему от души поваляться и попастись, сам же взошел на невысокий подъем и залег там, глядя на восток.

Там, вдалеке, виднелась дорога, белой ленточкой протянувшаяся к склону холма. На ней не было заметно никакого движения. Конан присмотрелся к сторожевому замку. Похоже, и там на одинокого путника не обратили внимания.

Минул час, все было тихо по-прежнему. Конан не замечал вокруг никаких признаков жизни. Лишь однажды между зубцами крепостных бастионов на солнце блеснула сталь. Да еще ворон безостановочно кружился над степью, то снижаясь, то снова взмывая,— ни дать ни взять что-то высматривал. Конан оседлал коня и вновь поскакал на запад, уже без той спешки, что прежде.

Но едва он выехал из ложбины, как над головой раздалось злорадное карканье. Конан вскинул голову: там, высоко в небе, трепетали черные крылья. Конан поехал дальше, и ворон последовал за ним, держась над его головой и поганя ясное утро хриплым, назойливым криком. Отогнать его Конану не удалось.

Так продолжалось несколько часов; в конце концов Конан дошел до последней степени раздражения и готов был отдать полкоролевства только за то, чтобы свернуть эту мерзкую черную шею.

— Демоны Преисподней! — взревел он в бессильной ярости, грозя наглому созданию закованным в сталь кулаком.— Ты что, взялся с ума меня свести своим карканьем? Прочь, черное отродье погибели! Лети лучше поищи пшеницы в крестьянских полях!

Его конь тем временем уже взбирался в предгорья; Конан неприятно удивился, когда на вопли ворона сзади как будто откликнулось эхо. Обернувшись, он увидел вторую черную точку, повисшую в синеве. А еще дальше послеполуденное солнце играло на полированной стали. Это могло означать лишь одно — воинов. И скакали они не по большаку — тот давно уже скрылся за горизонтом. Они преследовали беглеца.

Мрачнея, вновь посмотрел он на кружившуюся над ним птицу, и по спине пробежал озноб.

— Так значит, это не просто прихоть безмозглой твари,— пробормотал он.— Всадники не могут тебя разглядеть, адское ты создание, но та, другая птица видит тебя, а они видят ее. Она следует за тобой и ведет их. Кто ты на самом деле? Отлично обученное пернатое создание или демон в облике птицы? Уж не Ксальтотун ли пустил тебя по моему следу? Или ты сам — Ксальтотун?

В ответ раздался зловещий, пронзительный крик, только теперь Конану слышался в нем отзвук злобной насмешки.

Он не стал больше тратить силы на перебранку с проклятым соглядатаем. Мрачно стиснув зубы, он больше не позволял ему себя отвлекать. Скачка по холмам, лежавшим впереди, обещала быть долгой и трудной. Конан не решался особенно понукать коня, не успевшего толком передохнуть возле болотца. Преследователи были еще далеко, но он знал, что его нынешнее преимущество скоро сойдет на нет. Они ведь почти наверняка пересели на свежих коней в замке, мимо которого он проезжал.

Дорога делалась все трудней. Круглые травянистые холмы сменились крутыми, заросшими густым лесом горными склонами. Конан скорее всего ушел бы здесь от погони... если бы не чертова птица, продолжавшая кружиться над ним и беспрерывно вопить. Петляя меж скал, Конан потерял из виду преследователей, но знал, что они по-прежнему шли по пятам, безошибочно ведомые своими крылатыми союзниками. Черная тень над головой все больше казалась Конану демоном, посланным гнаться за ним по всем кругам Преисподней. Камни, которые он с проклятиями швырял вверх, пролетали мимо или падали вниз, не причинив твари вреда. А ведь в юности ему случалось сбивать ястребов на лету!

Конь быстро выбился из сил, и Конан понял, что положение его сделалось безнадежным. Более того: он ощущал за всем этим неумолимую руку судьбы. Спасения не было. Он и теперь оставался таким же пленником, каким был в

бельверусских подвалах. Однако Конан не был сыном Востока, готовым безропотно склониться перед неизбежным. Может, он и не сумеет бежать, но, по крайней мере, прихватит с собой в Вечность некоторое количество врагов... Конан присмотрел на горном склоне густые пушистые лиственницы и направился к ним, собираясь принять здесь свой последний бой.

И в это время впереди послышался крик — человеческий, но очень странного тембра. Конан раздвинул зеленые ветви и сразу увидел кричавшую. Там, внизу, на неширокой поляне, четверо воинов в немедийских кольчугах надевали петлю на шею худой древней старухе в крестьянской одежде. На земле валялась охапка сухих веток, перехваченная веревкой. Должно быть, женщина собирала хворост, когда попала в руки воинов.

Негодяи уже подтаскивали старуху к дереву, сучьям которого, раскинутым невысоко над землей, по всей видимости, предназначалась роль виселицы. От этого зрелища в сердце Конана медленно закипела смертоносная ярость. Около часа назад он пересек границу и теперь стоял на своей земле, и что же? На его глазах собирались расправиться с одним из его подданных!

Между тем бабка отбивалась отчаянно, проявляя неожиданную силу. Конан увидел, как она подняла голову: снова раздался тот же удивительный и жутковатый, далеко слышный зов. Ворон, мелькавший между вершинами деревьев, насмешливо передразнил ее крик. Воины захохотали, один из них ударил старуху по лицу.

Конан спрыгнул с усталого жеребца и съехал вниз по каменной круче. Его кольчуга лязгнула, когда он приземлился на траву, и все четверо оглянулись разом, выхватывая мечи. У них так и отвисли челюсти при виде гиганта в кольчуге, стоявшего перед ними с обнаженным клинком в могучей руке.

Конан хрипло расхохотался.

— Подонки! — сказал он, и голос его был спокоен и беспощаден.— Стало быть, немедийские шакалы нынче заделались палачами и вешают моих подданных по своему усмотрению? Нет уж, сперва снимите голову их королю. Я здесь, паршивые шакалы, и я к вашим услугам!

И он шагнул вперед. Воины смотрели на него, не вполне понимая, что происходит.

— Кто этот сумасшедший? — проворчал в бороду один из негодяев.— Кольчуга на нем немедийская, а говорит с аквилонским акцентом.

— Какая разница? — отозвался другой.— Прикончим его, а потом вздернем старую ведьму.

Сказав так, он побежал навстречу Конану, замахиваясь на ходу. Но ударить не успел: просвистел громадный меч короля, раскроив и шлем, и череп под шлемом. Немедиец упал, но остальные оказались закаленными рубаками. Рыча, точно волки, обступили они великана в серой кольчуге, и скоро крики сражающихся и звон стали заглушили даже неумолчное карканье ворона, кружившего вверху.

Конан бился молча. Его губы кривила безжалостная улыбка, глаза превратились в два синих огня. Двуручный меч крушил и сверкал, устремляясь то влево, то вправо. При всей своей богатырской стати Конан был ловок, как кот, и двигался с таким проворством, что удары, сыпавшиеся с трех сторон, чаще всего рассекали лишь воздух. Когда же он рубил сам, удары были страшны и смертоносны. Вот и еще двое свалились в траву и испустили дух, а четвертый получил не менее полудюжины ран и пятился, спотыкаясь и едва поспевая отмахиваться мечом.

И в это время шпора Конана запуталась в накидке одного из убитых. Конан запнулся, и прежде чем он успел вновь обрести равновесие, немедиец, подхлестнутый отчаянием, атаковал его так, что Конан не удержался на ногах. Немедиец издал хриплый крик торжества и прыгнул вперед, двумя руками занося меч и пошире расставляя ноги для решительного удара... И тут что-то большое и мохнатое перелетело через поверженного короля и молнией обрушилось воину на грудь: крик торжества сменился предсмертным воплем — и стих.

Вскочив на ноги, Конан увидел, что его противник мертв. Он лежал на земле с разорванным горлом, а над ним стоял громадный серый волк и, опустив голову, обнюхивал кровь, лужей растекавшуюся в траве.

Король обернулся, услышав голос старухи. Он обратил внимание, что она была высокого роста и держалась прямо. И хотя наряд ее был беден, точеные, орлиные черты лица и пронизывающий взгляд черных глаз говорили о том, что перед Конаном стояла не простая крестьянка. Вот она позвала волка, и громадный зверь подбежал, точно послушный пес, и ласково потерся мускулистым плечом о колено старухи, глядя на Конана умными зелеными глазами. Старуха рассеянно опустила руку на мощную шею зверя; оба стояли неподвижно, глядя на короля Аквилонии. И хотя смотрели они совсем не враждебно, Конану под их взглядами стало несколько не по себе.

— Люди говорят, король Конан погиб, задавленный землей и камнями, когда рухнули скалы при Валкие,— низким, звучным голосом проговорила старуха.

— Говорят,— буркнул он в ответ. Спорить ему не хотелось, он думал о конных латниках, нагонявших его с каждым мгновением. Ворон снова пронзительно закричал, и Конан невольно глянул вверх, раздраженно скрипнув зубами.

Выше по склону, над скалами, устало свесив голову, стоял белый конь. Старуха внимательно посмотрела на него, потом на ворона... и вновь прозвучал таинственный крик вроде тех, что Конан слышал уже дважды. Как бы узнав этот клич и испугавшись его, ворон вдруг замолчал и, развернувшись в воздухе, помчался к востоку. Но далеко улететь не успел. Большая тень накрыла его: откуда-то снялся орел и, быстро набрав высоту, скользнул к черному вестнику. Удар могучих когтей — и мерзкий голос предателя умолк навсегда.

— Кром! — проворчал Конан, во все глаза глядя на старуху.— Никак ты тоже волшебница?

— Я Зелата,— был ответ.— Жители долин называют меня ведьмой. Значит, это отродье ночи вело по твоему следу вооруженных людей?

— Да,— сказал Конан. И отметил про себя, что старуха нисколько не удивилась.— Похоже, они уже недалеко.

— Возьми коня и следуй за мной, король Конан,— коротко велела она.

Конан без пререканий полез на скалу и сошел на поляну обходным путем, ведя коня в поводу. Он видел, как вернувшийся орел лениво спустился с небес и на миг коснулся плеча Зелаты, простирая громадные крылья и словно боясь сокрушить своей тяжестью хрупкие кости старухи.

Зелата молча зашагала вперед, громадный волк бежал у ноги, орел парил над головой. Конан долго шел за ней то непроглядными чащобами, то извилистыми карнизами, нависшими над бездной. Наконец узкая тропа, тянувшаяся вдоль обрыва, привела их к необычному жилищу, затерявшемуся в путанице хребтов и ущелий. Оно было частью сложено из камня и представляло собой наполовину дом, наполовину пещеру. Сверху нависал огромный утес. Орел взлетел на вершину утеса и застыл там на страже, недвижный, как изваяние.

По-прежнему молча Зелата устроила коня в соседней пещере, пододвинув ему большие охапки травы и молодых листьев; в глубине пещеры журчал тоненький ручеек.

Проведя короля в домик, она указала ему на деревянную лавку, покрытую шкурами, сама же присела на низенькую скамеечку возле крохотного очага. Развела огонь, подбросила в него тамарисковых поленьев и приготовила немудреный ужин. Волк дремал подле нее, положив на лапы тяжелую голову и обратив морду к огню. Волку что-то снилось: его уши подрагивали и шевелились во сне.

— И не страшно тебе сидеть в доме у ведьмы? — нарушив наконец молчание, спросила старуха.

Конан не ответил, лишь передернул плечами, обтянутыми серой кольчугой. Зелата подала ему деревянное блюдо, на котором лежали сушеные фрукты, сыр, ячменный хлеб и стоял вместительный горшок хмельного горского пива, что варят из ячменя, выросшего в заоблачных долинах.

— Задумчивая тишина полян и ущелий милей шума и суеты городских улиц,— сказала Зелата.— А дети лесов — добрей детей человеческих...— Ее рука легонько погладила жесткую шерсть спящего волка.— Сегодня мои дети были далеко от меня, а не то в твоем мече, мой король, не было бы нужды. Они услышали мой зов и поспешили ко мне...

Конан спросил ее:

— Чего от тебя добивались эти немедийские выродки?

— Воины сбегают из вторгшейся армии и разбойничают по всей стране, от границ до самой Тарантии,— отвечала она.— Крестьяне, живущие в долинах, наболтали им, будто у меня где-то припрятан золотой клад. Эти глупцы надеялись отвлечь таким образом их внимание от своих погребов и амбаров. Воины требовали у меня выдать сокровища; мои ответы привели их в ярость... Но здесь тебя не найдут ни разбойники, ни преследователи, ни даже ворон.

Конан покачал головой, жадно заглатывая пищу:

— Я поеду в Тарантию.

Тут уж настал ее черед качать головой.

— Ты лезешь прямо в пасть дракону, король. Лучше будет, если ты скроешься из страны. Твое королевство лишилось сердца.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.— В прежние времена бывало и так, что война начиналась с поражения, а оканчивалась победой. Один проигранный бой — это еще не потеря королевства!

— Значит, ты хочешь поехать в Тарантию?

— Да. Просперо ее Амальрику не отдаст.

— Ты уверен?

— Демоны Преисподней, женщина! — воскликнул он гневно.— А как же иначе?

Она снова покачала головой:

— Я чувствую, что дело обстоит не так, как тебе кажется. А впрочем, давай посмотрим. Нелегко раздвинуть завесу, и все-таки я постараюсь сделать это и показать тебе столицу.

Конан не разглядел толком, что она метнула в огонь. Однако волк тявкнул во сне, а домик наполнился густыми клубами зеленого дыма. Конану показалось, что стены и потолок начали отступать и наконец ушли в бесконечность; так или иначе, дым не давал ничего рассмотреть. Но потом в нем начали появляться и пропадать какие-то образы, постепенно обретая предельную ясность.

Конан видел знакомые башни и улицы Тарантии, запруженные кричащей толпой. И в то же время каким-то образом он различал вдали немедийские знамена, неудержимо ползущие к западу, а за ними — пожары и пепелища разоренной страны. На главной площади Тарантии бесновался народ. Люди кричали о том, что король пал в бою, что бароны вот-вот начнут делить Аквилонию между собой и что власть короля — даже такого короля, как Валерий,— все же лучше безвластия. Вот к народу выехал в сияющих латах Просперо. Тщетно пытался он успокоить людей, призывая их довериться графу Троцеро и встать на стенах, помогая его рыцарям удерживать город. Но страх толпы искал выхода в гневе, и слепой гнев этот обратился против Просперо. В рыцарей полетели отбросы и камни, люди обзывали Просперо пуантенским наймитом и врагом хуже Амальрика.

Ясная картина несколько замутилась — это, видимо, означало пропуск некоторого времени,— и глазам Конана предстал Просперо, покидающий Тарантию во главе своих рыцарей. Выезжая из ворот, они поворачивали к югу и давали шпоры коням. Позади них в городе творилось нечто несусветное...

— Дурачье! — хрипло пробормотал Конан.— Дурачье! Не поверить Просперо! Вот что, Зелата, если ты надумала морочить мне голову...

— Я показала тебе то, что было,— ответствовала она сурово и невозмутимо.— Вечером минувшего дня Просперо выехал из Тарантии, выехал почти на глазах у Амальрика. Со стен уже было видно, как горели окрестные села... Так я прочитала в дыму. На закате, не встретив сопротивления, немедийцы вступили в Тарантию. Смотри же! Вот что сейчас происходит в королевском зале Тарантии...

И Конан неожиданно увидел перед собой громадный зал. Валерий, облаченный в горностаевую мантию, стоял на

тронном возвышении. Амальрик же, так и не снявший пропыленных, испачканных кровью доспехов, возлагал на его желтые кудри сверкающий золотой обруч — корону Аквилонии! Толпа, ликуя, рукоплескала; молча стояли длинные ряды закованных в сталь немедийских воинов. Вельможи, бывшие при Конане в немилости, прохаживались с развязным и напыщенным видом, и у каждого на рукаве красовался герб Валерия.

— Кром! — Конан вскочил с яростным криком, сжимая огромные кулаки. На висках вздулись жилы, судорога исказила лицо.— Чтобы немедиец короновал изменника аквилонской короной! В королевском зале Тарантии!

Как бы развеянный этой бешеной вспышкой, дым поблек и пропал, и Конан встретил взгляд черных глаз Зелаты, поблескивавших в полутьме.

— Ты сам видел — жители твоей столицы оказались недостойны свободы, которую ты завоевал для них потом и кровью. Они сами отдались в руки работорговцам и палачам. Они показали, что не верят в свое предназначение. И на этих-то людей ты хочешь опереться, отвоевывая королевство?

— Они думали, что я мертв,— проворчал он, беря себя в руки.— Сына у меня нет, а люди не склонны хранить верность памяти... Ну и что с того, что немедийцы взяли Тарантию? Еще остались провинции и тамошние бароны... остался народ! Валерий добыл всего лишь мимолетную славу...

— Ты упрям, как и подобает бойцу. Я не властна показать тебе ни будущее, ни все прошлое полностью. На самом деле я вовсе ничего тебе не показываю. Я лишь помогаю тебе увидеть, как неизреченные силы раздвигают завесу. Не хочешь ли поискать в минувшем ключа к тому, что происходит сегодня?

— Хочу! — Конан вновь сел.

И опять заклубился зеленый дым. Снова замелькали видения. На сей раз королю оставалось только гадать, какое отношение они имели к происходившему. Он увидел громадные, вздымающиеся черные стены и окутанные тенями пьедесталы, на которых громоздились отвратительные изваяния звероголовых богов. В тенях двигались люди — жилистые, смуглокожие люди в набедренных повязках из красного шелка. Они уносили в гигантские черные коридоры зеленый нефритовый саркофаг. Но пока киммериец размышлял о смысле увиденного, картина переменилась. Перед Конаном предстала пещера — обитель мрака, логово безымянного

ужаса. На алтаре, вытесанном из черного камня, стоял странной формы золотой сосуд, сработанный в виде раковины морского гребешка. Конан видел, как проникли в пещеру люди — такие же смуглые и жилистые, как те, что несли саркофаг. Они схватили сосуд... и тотчас кругом них заклубились тени,— Конан не мог с уверенностью сказать, что там произошло. Он успел только разглядеть в вихре тьмы некое сияние; источник сияния показался ему комком живого огня.

А потом дым стал всего лишь обычным дымом, что поднимался, рдея и становясь прозрачным, с тамарисковых поленьев.

— Но что означает все это? — спросил Конан недоуменно.— То, что касалось Тарантии, мне понятно. Но при чем здесь заморийские воры, крадущиеся переходами стигийского подземного храма Сета? И эта пещера — сколько ни странствовал я по свету, ни о чем похожем не слышал. Я видел какие-то разрозненные обрывки, которые мало что значат сами по себе. Но раз уж ты смогла мне их показать, почему ты не можешь приоткрыть мне будущее?

Зелата долго молчала, ворошила угли.

— Эти вещи подчинены непреложным законам,— сказала она наконец.— Я не могу тебе объяснить. Я и сама не вполне понимаю — а ведь я бессчетные годы училась мудрости в тишине горных вершин. Если бы я могла, я бы спасла тебя, но этого мне не дано. У последней черты человек должен сам трудиться во имя своего спасения. Возможно, однако, мне что-нибудь откроется в сновидении и утром я смогу подсказать тебе ключ к тайне.

— К какой тайне? — спросил Конан.

— К той, что противостоит тебе и уже лишила тебя королевства,— ответила она. Потом расстелила овчину на полу перед очагом.— Спи!

Не сказав ни слова, Конан растянулся на овчине и погрузился в беспокойный, но все же глубокий сон. Чудовищные тени склонялись над ним, молчаливые призраки крались сквозь его сновидения, а потом на фоне пурпурного бессолнечного горизонта предстал силуэт невидимого и великого города. Этого города не было на дневном лике Земли. Громадные колонны и тонкие минареты, казалось, доставали до звезд. А над ними, точно мираж, плыло бородатое лицо Ксальтотуна.

Конан открыл глаза в зябких предрассветных сумерках и сразу увидел Зелату, склонившуюся перед крохотным огоньком. Он ни разу не проснулся в течение ночи, хотя шаги выходившего, а затем вернувшегося волка должны были бы его разбудить. Волк сидел у очага. На мохнатой шубе его блестели капли росы — и не только росы. В густом меху запеклась кровь, на плече была рана.

Зелата кивнула, не оборачиваясь: казалось, мысли царственного гостя были ей открыты.

— Он охотился перед рассветом, и кровавой была его добыча,— сказала старуха.— Человек, вздумавший выслеживать короля, никогда уже не будет охотиться, ни на человека, ни на животное.

Конан завороженно смотрел на громадного зверя. Зелата протянула королю плошку с едой.

— Когда я снова сяду на трон, я ни о чем не забуду,— сказал он коротко.— Ты здорово выручила меня... во имя Крома, я уж и не помню, когда это я ложился спать, полностью доверившись гостеприимству мужчины или женщины, как нынешней ночью! Но что там насчет загадки, которую ты сулила истолковать мне поутру?

Последовало долгое молчание, нарушаемое лишь потрескиванием поленьев в огне.

— Разыщи Сердце своего королевства,— наконец проговорила Зелата.— В нем заключено твое поражение — или победа. В этой битве ты сражался не только со смертными. И тебе не бывать больше на троне, если ты не разыщешь Сердце своего королевства!

— Ты имеешь в виду город? Тарантию? — спросил он.

Она покачала головой:

— Я всего лишь пророчица, чьими устами вещают тебе боги. И они же налагают на мои уста печать, дабы я не открыла тебе слишком многого. Ты должен отыскать Сердце своего королевства — это все, что я могу тебе сказать. Боги отверзают мои уста, боги их и замыкают.

Рассвет едва серебрил горные пики, когда Конан снова пустился в путь. Оглянувшись через плечо, он увидел Зелату, стоявшую у двери домика. Лицо старухи, как всегда, было непроницаемо, огромный волк сидел у ноги...

Над горами висело серое небо, холодный, стонущий ветер пел о близкой зиме. Побуревшие листья медленно слетали с оголенных ветвей, падая на плечи короля, обтянутые кольчугой.

Весь день ехал он по горам и холмам, держась подальше от деревень и дорог. Незадолго до темноты он начал спускаться в предгорья и наконец увидел широкие равнины Аквилонии, расстилавшиеся впереди.

Здесь, с западной стороны хребта, деревни и фермы примыкали к самому подножию гор, ибо вот уже полстолетия аквилонцы гораздо чаще тревожили набегами немедийцев, чем наоборот. Но теперь лишь угли и пепел позволяли угадать, где стояли раньше дома земледельцев и виллы вельмож.

Конан медленно ехал вперед в сгущавшейся темноте. Ему не слишком хотелось быть узнанным как недругами, так и друзьями, но опасаться этого не приходилось. Двигаясь на запад, немедийцы в полной мере припомнили соседям старые счеты, и Валерий даже не пытался сдерживать своих союзников. На то, чтобы завоевать любовь простого народа, он и не рассчитывал. Потому-то к западу от предгорий через всю страну протянулась широкая полоса пожарищ и разрушений. Конан ругался сквозь зубы, пересекая черные пепелища, бывшие когда-то тучными нивами, в стороне от которых вздымались к небесам остовы сгоревших домов. Земли вокруг были пусты и безлюдны, и Конан казался себе самому призраком, явившимся из давно забытого прошлого.

Скорость, с которой здесь двигалось неприятельское войско, свидетельствовала о том, сколь мало было встреченное им сопротивление. И все-таки, если бы сам Конан возглавлял своих аквилонцев, захватчикам пришлось бы жизнью и кровью покупать каждый фут этой земли. «Если бы за мной стояла династия! — с горечью думал король.— Но я — всего лишь одинокий искатель приключений, волею судеб вознесенный на трон. Даже та толика королевской крови, которой хвастается Валерий, оказывает больше влияния на умы людей, чем память о Конане, давшем этой стране ее мощь и свободу...»

Отряд, гнавшийся за ним в Немедии, так и не пересек горы. Конан озирался в поисках отбившихся от своих или возвращавшихся немедийских воинов, но не встретил ни одного. Мародеры поспешно убирались с дороги, принимая его в доспехах за одного из завоевателей. Земли к западу от гор изобиловали речками и рощицами — было где спрятаться и отсидеться.

Так он и ехал по разграбленной, разоренной стране, останавливаясь только затем, чтобы дать отдых коню и самому подкрепиться пищей, что собрала ему в дорогу Зелата.

И вот наконец однажды утром, схоронившись на речном берегу, густо заросшем ивами и дубами, он разглядел вдали, за полями и перелесками, голубые с золотом башни Тарантии.

Вымерший край остался позади — здесь жизнь била ключом. Конан был вынужден двигаться медленно и осторожно, прячась в густых лесах и держась нехоженых троп. В поздних сумерках подъехал он к имению Сервия Галанна.

8

УГЛИ ГАСНУЩЕГО КОСТРА

Местность кругом Тарантии счастливо избежала погрома, который пришлось пережить восточным провинциям. Сломанные заборы, вытоптанные поля, ограбленные амбары — все это было и здесь, но огонь и клинки все же не бушевали так, как в других местах.

Лишь одна угрюмая груда пепла и почерневших камней невольно притягивала взгляд. Конан помнил, что тут когда-то стояла прекрасная вилла одного из его самых убежденных сторонников.

Король не решился в открытую приблизиться к ферме Галанна, лежавшей всего в нескольких милях от города. Долго ехал он в сумерках по обширному лесу, пока между деревьями не показалась сторожка. Спешившись и привязав коня, он подошел к двери домика, намереваясь послать за Сервием сторожа. Откуда знать, какие враги могли засесть в доме? Войск поблизости не было видно, но кто поручится, что они не расквартированы по всем окрестным поместьям?.. Однако, приблизившись, он увидел, как растворилась дверь хозяйского дома, выпустив плотно сбитого человека в облегающих шелковых штанах и расшитом камзоле. Человек свернул на тропинку, уводившую в лес.

— Сервий!

Услышав негромкий оклик, хозяин усадьбы издал испуганное восклицание и обернулся. Его рука метнулась к короткому клинку, висевшему у бедра. Он шарахнулся прочь от высокого, облитого серой сталью силуэта, возникшего перед ним в темноте.

— Кто ты такой? — спросил он.— Кто твой... О Митра! — Он ахнул, и бледность расползлась по румяным щекам.— Изыди! — вырвалось у него.— Зачем ты вернулся из

серых долин смерти и пугаешь меня? Пока ты ходил по земле, я всегда был тебе верен...

— Я и в дальнейшем рассчитываю на твою верность,— ответствовал Конан.— Да не трясись ты так! Я из плоти и крови!

Взмокший Сервий нерешительно подошел, вглядываясь в лицо одетого в кольчугу гиганта, а потом, убедившись, что перед ним и вправду не дух, упал на колено и сдернул с головы украшенный перьями берет.

— О государь! Это чудо, превосходящее всякую веру! Главный колокол цитадели отзвонил по тебе много дней назад. Люди говорят, ты умер при Валкие, задавленный грудами земли и камней.

— В моих доспехах был другой,— проворчал Конан.— Но поговорим об этом потом. Если, положим, у тебя на столе найдется кусочек мяса...

— Прости, государь! — вскакивая, воскликнул Сервий.— В твою кольчугу въелась пыль дальней дороги, а я держу тебя здесь и кормлю разговорами. Во имя светлого Митры! Теперь я и в самом деле вижу, что ты живой, но, клянусь, когда я повернулся и увидел в потемках этакое серое привидение, коленки мои готовы были подломиться. Встретить вечером в лесу человека, в чьей смерти был убежден,— это ли не страх?

— Пусть сторож позаботится о моем жеребце, он привязан вон за тем дубом,— попросил Конан, и Сервий, кивнув, увел короля в сторону от тропинки. Придя в себя после пережитого испуга, вельможа явно занервничал.

— Лучше я пришлю слугу из дома,— сказал он.— Сторож сейчас у себя, но можно ли в нынешние времена доверять хотя бы и собственным слугам? Будет лучше, если о твоем возвращении не узнает никто, кроме меня.

Подойдя к большому дому, смутно белевшему за деревьями, Сервий свернул на дорожку, которой пользовались нечасто: она вилась среди дубов, посаженных вплотную друг к другу, так что переплетенные ветви смыкались над головой, не пропуская слабый свет сгущавшихся сумерек. Сервий шел поспешно и молча, с явным трудом одолевая снедавший его страх. Он провел Конана в дом маленькой боковой дверью, за которой тянулся узкий полутемный коридор. Все так же тихо и быстро они пересекли его и оказались в просторном покое с дубовым потолком и стенами, отделанными породистым деревом. В большом камине пылали целые бревна, ибо осенний воздух дышал ранним мо-

розцем, а на столе из красного дерева аппетитно дымился в каменном противне мясной пирог. Сервий запер тяжелую дверь и погасил свечи, горевшие в серебряном подсвечнике на столе. Теперь комнату освещали лишь блики пламени камина.

— Прости, государь,— принялся извиняться вельможа.— Нынче опасно: повсюду бродят шпионы. Вовсе незачем, чтобы кто-нибудь заглянул в окно и признал тебя. Пирог, однако, прямо из печи: я собирался переговорить со сторожем и, вернувшись, поужинать. Если, государь, ты снизойдешь...

— Света мне хватит,— буркнул Конан, садясь к столу и без особых церемоний вытаскивая кинжал.

Жадно набросился он на ароматный пирог, запивая его вином со знаменитых виноградников Сервия. Казалось, он и думать забыл обо всякой опасности, но Сервий так и ерзал на скамье у огня, нервно перебирая пальцами золотую цепь, висевшую на груди. Беспрестанно косился он на фигурные стекла окна, поблескивавшие в свете огня, а то, вслушиваясь, оборачивался к двери, как бы ожидая услышать за нею чьи-то шаги.

Покончив с едой, Конан поднялся и пересел поближе к огню.

— Я не стану подвергать тебя лишней опасности своим присутствием, Сервий,— сказал он без обиняков.— Рассвет застанет меня далеко от твоих владений.

— Государь! — Сервий умоляюще вскинул руки, но Конан лишь отмахнулся.

— Твоя верность и твое мужество мне отлично известны. И то и другое превыше всяких похвал. Но если мой трон захвачен Валерием, укрывать меня для тебя — верная смерть.

— У меня нет сил для открытого неповиновения,— признался Сервий.— Жалкие полсотни воинов, которых я мог бы вывести в битву,— что солома на ветру против их войска... Ты видел руины владений Эмилия Скавона?

Конан угрюмо кивнул.

— Ты же знаешь, он был самым могущественным вельможей этой провинции,— продолжал Сервий.— Он наотрез отказался присягнуть на верность Валерию. Немедийцы за это сожгли его в собственном доме. Тогда мы, уцелевшие, поняли бессмысленность сопротивления, тем более что и жители Тарантии не стали сражаться. Мы покорились, и Валерий оставил нам жизнь, хотя и обложил налогом, который наверняка разорит многих. Но что нам оставалось

делать, государь? Мы ведь думали — тебя больше нет. Многие бароны погибли, другие томятся в плену. Армия разогнана и разбита, а наследника у тебя нет. Нас некому было возглавить...

— А куда смотрел Троцеро де Пуантен? — резко спросил Конан.

Сервий беспомощно развел руками:

— Правду сказать, его полководец Просперо встал во главе небольшого войска и принял бой. Отступая перед Амальриком, Просперо безуспешно побуждал жителей встать под свое знамя. Увы, государь, после твоей кончины всем сразу вспомнились прежние свары и междоусобные распри. Вспомнили и о том, как Троцеро со своими пуантенцами когда-то прошелся по этим землям не хуже Амальрика — с огнем и мечом. Бароны не пожелали признать главенства Троцеро. Какие-то люди — не иначе шпионы Валерия — кричали на улицах, что граф Пуантенский, дескать, сам подумывает об аквилонской короне. Все разом принялись сводить старые счеты... Если бы у нас был хоть один наследник династии, мы бы немедля короновали его и пошли за ним на немедийцев. Но такого человека не нашлось... Бароны, сохранившие тебе верность, нипочем не желали избрать из своей среды короля: каждый мнил себя ничем не хуже соседа, каждый опасался честолюбия остальных. Прости, государь, но ты был для них чем-то вроде веревки, удерживающей вместе вязанку хвороста. Не стало веревки — и развалилась вязанка. Если бы у тебя был сын, бароны сплотились бы вокруг престолонаследника. Но вышло так, что их любовь к родине не обрела зримого символа... Что же до купцов и простого народа — они более всего страшились безвластия и опасались, как бы не вернулись прежние дни раздробленности и усобиц, когда каждый барон устанавливал у себя свои собственные законы. Эти люди ратовали за то, что, мол, скверный король все же лучше, чем вообще никакого,— даже Валерий, который худо-бедно в родстве с прежней династией. Потому-то никто и не преградил ему путь, когда он подъехал к городским стенам во главе войска, закованного в стальные латы, и ударил пикой в ворота Тарантии, и алый дракон Немедии реял над его головой... Вообрази, государь: люди тотчас распахнули ворота и бросились перед ним на колени! Они отказались помочь Просперо и не заперлись в городе. Они сказали: Валерий будет лучшим королем, чем Троцеро. Они утверждали — и так

оно и есть, государь,— что бароны навряд ли подчинятся Троцеро, зато Валерия многие из них примут охотно. Они решили переметнуться к Валерию, чтобы таким образом избегнуть и ужасов междоусобной войны, и ярости немедийцев. Просперо уехал на юг с десятью тысячами своих рыцарей, а всего через несколько часов в город вступила немедийская конница. Немедийцы не погнались за Просперо. Они заняли Тарантию и короновали Валерия.

— Стало быть, дым старой ведьмы показывал правду,— пробормотал Конан, и по его спине снова пробежал холодок.— А что, уж не Амальрик ли короновал Валерия?

— Да, в большом королевском зале, и говорят, что кровь после резни едва высохла у него на руках.

— И как же процветает народ при его милосердном правлении? — с гневной насмешкой поинтересовался король.

— Валерий живет как завоеватель в покоренной стране,— с горечью ответил Сервий.— При дворе полно немедийцев, из них же составлены дворцовые войска, в цитадели стоит крупный гарнизон немедийских воинов. Воистину, государь, наступил Час Дракона! Немедийцы гуляют по улицам развязной походкой господ. Они бесчестят женщин и ежедневно грабят купцов, а Валерий то ли не хочет, то ли не может их приструнить. Нет, он всего только пешка, он марионетка, а за ниточки дергает кто-то другой. Умные люди с самого начала предвидели, что так оно и случится, а теперь и народ стал понимать, что к чему. Амальрик с сильной армией отправился по внешним провинциям — усмирять непокорных баронов. Увы, единства между баронами как не было, так и нет. Они боятся и ненавидят друг друга больше, чем Амальрика. Вот он и раздавит их поодиночке, одного за другим. Во многих замках и городах сразу поняли это и сдались без боя. Тем, кто сопротивляется, приходится плохо. Немедийцы рады утолить свою давнюю ненависть. К тому же их ряды постоянно пополняются аквилонцами, которых гонит к ним голод, жадность или нужда. Чего, собственно, и следовало ожидать.

Конан печально кивнул, глядя, как багровые отсветы пламени играют на дубовых панелях, покрытых замысловатой резьбой.

— Итак, в Аквилонии есть король: безвластия, которого все так боялись, удалось счастливо избежать,— помолчав, проговорил Сервий.— Валерий и не думает защищать подданных от своих союзников-немедийцев. Сотни людей, которым не удалось заплатить назначенный выкуп, уже проданы кофским работорговцам.

Конан резко вскинул голову, синие глаза вспыхнули смертоносным огнем. Подобно железным молотам, сжались его кулаки, он витиевато выругался.

— Да,— сказал Сервий,— белые мужчины и женщины продаются в рабство, как во времена усобиц. Им суждено влачить жизнь рабов и рабынь во дворцах Турана и Шема. Да, Валерий стал королем, однако единения, на которое так надеялся народ, нет и в помине. К тому же Гандерланд на севере и Пуантен на юге еще не покорены, да и на западе держатся некоторые провинции, чьи бароны заручились поддержкой боссонцев. Но эти провинции далеки и серьезной угрозы для Валерия не представляют. Если им сильно повезет, они смогут отстоять свою независимость, но в наступление не перейдут. Здесь, в центре страны, Валерий и его чужеземные рыцари гораздо сильнее.

— Пусть радуется, пока может,— мрачно сказал Конан.— Ему недолго осталось. Народ скоро прослышит, что я жив, и поднимет восстание. Мы отобьем Тарантию еще прежде, чем подоспеет со своими армиями Амальрик. Мы выметем эту падаль из королевства поганой метлой...

Сервий молчал. Тишину нарушало только потрескивание дров.

— Ну? — воскликнул Конан нетерпеливо.— Что сидишь, повесив голову, и смотришь в огонь? Ты не согласен с тем, что я говорю?

Сервий не отважился посмотреть ему прямо в глаза.

— Ты сделаешь все, что под силу смертному человеку, мой государь.— отвечал он.— Я бывал с тобой в битвах и знаю, что перед твоим мечом склоняется любое существо из плоти и крови.

— Что ты этим хочешь сказать?

Сервий поплотнее запахнул подбитый мехом камзол и содрогнулся, хотя у огня было тепло.

— Поговаривают,— прошептал он,— будто причиной твоего падения послужила черная магия.

— Ну и что с того?

— Как что, государь? Разве под силу смертному человеку бороться против магии? Кто этот скрывающий свое лицо чужестранец, с которым Валерий и его приспешники, по словам верных людей, совещаются чуть не каждую ночь? Тот, что появляется и исчезает столь таинственно? До меня дошли слухи, будто это — страшный волшебник, умерший тысячи лет назад и возвратившийся из пучин смерти, дабы свергнуть короля Аквилонии и восстановить на троне династию, наследником которой является Валерий.

— Какая разница? — гневно вырвалось у Конана.— Я ушел из лап демонов, что слоняются по бельверусским подвалам, а потом — от демонщины в горах. Если народ поднимется...

Сервий покачал головой:

— Твои вернейшие сподвижники в восточных и центральных провинциях перебиты, бежали или томятся в застенках. Гандерланд на севере и Пуантен на юге отсюда слишком далеки. Боссонцы отступили в свои западные пределы. Понадобятся долгие недели, чтобы собрать и сосредоточить силы. Прежде чем ополченцы соединятся, Амальрик уничтожит их порознь.

— Но неужели восстание в центральных провинциях не склонит в нашу пользу чашу весов? — воскликнул Конан.— Захватив Тарантию, мы продержались бы в ней до подхода гандеров и пуантенцев, Амальрик там или не Амальрик!

Сервий помедлил, потом выговорил, понизив голос:

— Ходит слух, что ты не только погиб, но и был проклят. Будто бы человек, чье лицо скрыто, навел чары, которые сгубили тебя и привели войско к разгрому. По тебе отзвонил колокол в цитадели. Люди уверены, что короля Конана больше нет. Но даже если в центральных провинциях прослышат о том, что ты жив, народ не поднимется. Он не посмеет. Чародейство погубило тебя в битве при Валкие, чародейство же и принесло вести в Тарантию, ибо в тот самый вечер на улицах уже кричали о поражении. А потом на улицы вышел немедийский жрец и обратил черные силы против тех, кто еще сохранил тебе верность. Я сам видел это! Вооруженные люди падали, точно мухи, и умирали на мостовой, и невозможно было понять, какая смерть их уносила. А тощий жрец смеялся и приговаривал: «Я просто Альтаро, ничтожный ученик Ораста, который сам — всего лишь скромный послушник того, чье лицо скрыто. Эта сила — не моя: я только проводник ее...»

— Ну, так что,— резко произнес Конан,— неужели не лучше с честью погибнуть, чем жить в бесчестии? Неужели смерть хуже, чем угнетение, рабство и каждодневный позор?

— Страх перед колдовством гонит прочь разум,— ответствовал Сервий.— Этот страх в центральных провинциях настолько силен, что люди не восстанут даже ради тебя. Внешние провинции, надо думать, решатся на битву, но те же чары, что поразили твое войско при Валкие, поразят его вновь. Немедийцы мертвой хваткой держат самые об-

ширные, богатые и населенные области Аквилонии; с теми силами, которые тебе, быть может, удастся собрать, их не освободить. Ты лишь принесешь ненужную жертву, сгубив верных тебе людей... Горько вымолвить, но это так: государь мой Конан, ты — король без королевства.

Конан смотрел в огонь, не торопясь отвечать. Вот рассыпалось, не дав даже искр, насквозь прогоревшее полено. Не так ли рассыпалось прахом и его королевство?

И вновь Конану померещилась за внешним обликом событий некая неосязаемая, но вполне реальная сила. Вновь ощутил он неумолимый ход безжалостной судьбы... отчаяние и ужас загнанного в ловушку... багровую ярость, неистовое желание пустить в ход меч, крушить, убивать...

— Где сановники моего двора? — спросил он наконец.

— Паллантид был тяжело ранен при Валкие и угодил в плен, но семья выкупила его. Сейчас он у себя, в своем замке в Атталусе, залечивает раны. Счастье, если он сможет когда-нибудь снова сесть на коня. Канцлер Публиус бежал переодетым, никто не знает куда. Совет разогнан: кто в ссылке, кто за решеткой. Многие верные тебе люди преданы смерти. В частности, не далее как нынешней ночью под топором палача умрет юная графиня Альбиона.

Конан вздрогнул, и такая ярость вспыхнула в его синих глазах, что вельможа отшатнулся помимо собственной воли.

— За что? — спросил Конан.

— За то, что не пошла к Валерию в наложницы. Ее земли отобраны, слуги проданы в рабство, и сегодня в полночь в Железной Башне скатится на плаху ее голова. Осмелюсь посоветовать тебе, мой король,— ибо для меня ты навеки король — беги, покуда тебя не узнали! Время такое, что никому верить нельзя. Всюду кишат соглядатаи, готовые объявить малейший проступок, любое недовольное слово изменой и подстрекательством к восстанию! Если ты откроешься подданным, государь, тебя непременно схватят и казнят. В твоем распоряжении я сам, люди, которым я доверяю, и быстрые кони. К рассвету мы будем далеко от Тарантии, а там рукой подать до границы. Я не могу помочь тебе вернуть королевство, но, по крайней мере, буду в изгнании рядом с тобой...

Конан покачал головой. Он молча смотрел в огонь, подперев огромным кулаком подбородок. Пламя бросало красноватые блики на стальные звенья кольчуги, зажигало в глазах волчьи зловещие огоньки. И Сервий, в невольном беспокойстве взиравший на Конана, с особой остротой

ощутил, что его король был существом поистине из иного мира. Могучее, закаленное тело под серой кольчугой не принадлежало цивилизованному человеку, в глазах полыхали огни первобытных стихий. Все, что было в короле варварского, выступило на передний план; у последней черты с него сползла тонкая оболочка внешней цивилизованности, обнажив суть. Конан вновь становился варваром, которым был от рождения. Он действовал не так, как действовал бы в тех же обстоятельствах цивилизованный человек, его мысль летела иными путями, и невозможно было ее предсказать. Поистине один шаг отделял короля Аквилонии от одетого в шкуры воина с киммерийских холмов...

— Я поеду в Пуантен, если получится,— сказал наконец Конан.— Поеду один. Но прежде того мне, как королю Аквилонии, нужно сделать еще одно дело.

— О чем ты, государь? — Предчувствие бросило Сервия в дрожь.

— Сегодня я иду в Тарантию за Альбионой,— ответил король.— Вышло так, что я не смог защитить своих подданных. Но если они срубят голову ей, пусть рубят заодно и мою.

— Это безумие! — Сервий вскочил и поднял руки к горлу, как бы уже ощущая захлестнувшую его петлю.

— В Башню ведут потайные ходы, о которых знают немногие,— сказал Конан.— В любом случае я буду последним дерьмом, если позволю казнить Альбиону за то, что она сохранила мне верность. Пусть я буду королем без королевства, но не мужчиной без чести!

— Мы все погибнем! — обреченно выдохнул Сервий.

— Погибну только я, если потерплю неудачу. Ты и так достаточно рисковал, принимая меня. Я пойду один, и немедля. А у тебя попрошу вот что: повязку на один глаз, посох и одежду странника...

9

«ЭТО КОРОЛЬ! ИЛИ ЕГО ПРИЗРАК!»

Множество народа проходило под аркой громадных ворот Тарантии в часы между закатом и полночью: припоздившиеся странники, чужеземные купцы, ведущие вереницы тяжело груженных мулов, работники с окружающих виноградников и ферм. Теперь, когда власть Валерия в цент-

ральных провинциях до некоторой степени упрочилась, не было нужды обыскивать всякого, кого постоянная людская река вносила сквозь тяжелые ворота. Строгости военного времени были отменены: на страже стояли полупьяные немедийцы, высматривавшие в толпе разве что смазливых молоденьких крестьянок да богатых торговцев, которых можно было заставить раскрыть кошелек. Им было не до того, чтобы обращать внимание на каждого рабочего с фермы или запыленного путника — даже если этот путник на голову выше большинства других людей и поношенный плащ не в силах скрыть очертаний мощного тела.

Этому человеку была свойственна прямая осанка и грозная воинская стать, притом что он сам не осознавал ее, а значит, и не пытался скрывать. Широкая повязка прикрывала один глаз, кожаная шапка, надвинутая на самые брови, не давала рассмотреть черты лица. Сжимая загорелой рукой тяжелый толстый посох, он не спеша миновал арку, где, треща и плюясь брызгами смолы, горело несколько факелов, и, напутствуемый равнодушными взглядами подвыпивших стражников, вышел на улицы Тарантии.

Улицы города были широки и хорошо освещены. Как обычно, толпы людей сновали по своим делам туда и сюда, мастерские и ларьки были открыты, на прилавках красовался товар. Лишь одна примета наступивших перемен бросалась в глаза. Там и сям можно было заметить немедийских воинов, где группками, где поодиночке. Развязно и нагло, с видом хозяев проталкивались они сквозь толпу. Женщины спешили в сторонку, стараясь не попадаться им на пути, мужчины отступали прочь, темнея лицом и стискивая кулаки. Аквилонцы были гордым народом, а вражда с немедийцами тянулась из глубины веков.

Пальцы странника, сжимавшие посох, побелели от напряжения, но он, как и прочие, безропотно отступил, пропуская одетых в кольчуги завоевателей. В своей линялой, пропыленной одежде он мало чем выделялся среди пестрого многолюдья. Лишь однажды, проходя мимо лавки оружейника и попав в полосу яркого света, лившегося из дверей, он ощутил чей-то пристальный взгляд, быстро обернулся и заметил какого-то человека в коричневой куртке работника, который внимательно приглядывался к нему. Человек поспешно отвел глаза и затерялся в толпе. Конан, однако, тут же свернул в узкий проулок и прибавил шагу. Возможно, это было любопытство праздного зеваки, не более. Но рисковать попусту он не собирался.

Угрюмая Железная Башня стояла поодаль от цитадели, посреди путаницы узеньких улочек и беспорядочно расположенных домишек. Это место было в центральной части города, где полагалось бы селиться богатым. Однако состоятельные горожане сторонились зловещего места: так и разрослись убогие кварталы в месте, вовсе для них не предназначенном. Сама же Башня в действительности была настоящим замком. Громадные древние стены были сложены из тяжелых каменных глыб, скрепленных почерневшим железом: когда-то, в минувшем столетии, здесь была тарантийская цитадель.

Неподалеку от нее, затерявшись между купеческими складами и доходными домами, частью покинутыми, стояла старинная сторожевая башня, до того заброшенная и позабытая, что вот уже более ста лет ее даже не считали нужным наносить на планы города. Для какой цели она служила прежде, никто уже не знал. Последнее время мало кому доводилось бросить даже случайный взгляд на старую башню и на замок, что висел на ее двери, дабы покинутое здание не сделалось прибежищем воров и нищих. А между тем замок, внешне выглядевший дряхлым и ржавым, на самом деле был нов, исключительно крепок и донельзя хитро устроен, а ржавчина и грязь лишь призваны были это скрыть. Что ж, во всем королевстве за все времена едва набралось бы полдюжины людей, знавших тайны, которые охранял этот замок.

В его тяжелом, обросшем зеленью корпусе не было даже скважины для ключа. Однако умелые пальцы Конана быстро нашли несколько выпуклостей, незаметных для случайного взгляда, и надавили их в определенном порядке. Дверь беззвучно отворилась вовнутрь, и король ступил в темноту, столь плотную, что ее, казалось, можно было пощупать. Войдя, он прикрыл дверь за собой. Будь у Конана светильник, он увидел бы, что башня внутри была совершенно пуста: голый каменный цилиндр, и более ничего.

Уверенно пошарив в знакомом углу, Конан ощупал одну из плит пола. Быстро подняв и отодвинув ее, он без долгих раздумий спустился в открывшуюся дыру. Под ногами были каменные ступени; Конан знал, что они вели в узкий тоннель и далее прямо в подвал Железной Башни, стоявшей через три квартала отсюда.

Гулко ударил большой колокол цитадели — тот, что бил только в полночь или когда народу объявляли о кончине монарха. Внутри Железной Башни открылась дверь скудно

освещенной комнаты, и в коридор вышел человек. Изнутри, надо сказать, Железная Башня выглядела столь же безрадостно, как и снаружи: голые, грубо обработанные каменные стены, каменные плиты пола, глубоко истертые спотыкающимися шагами бесчисленных узников, а над ними — сводчатый каменный потолок, едва озаренный слабым пламенем факелов, чадивших в нишах стен.

Человек, шедший тяжелой походкой по этому мрачному коридору, как нельзя лучше соответствовал всему, что его окружало. Он был высокого роста, мускулистое тело плотно обтягивал черный шелк. Голову покрывал черный же капюшон, спадавший на плечи; он был снабжен двумя отверстиями для глаз. За спиной колыхался широкий черный плащ, а на плече покоился тяжелый топор. Достаточно было взглянуть на этот топор один раз, чтобы понять: он не был ни оружием воина, ни орудием мастерового.

Навстречу, с другого конца коридора, ковылял сутулый кислолицый старик, горбившийся под тяжестью фонаря и копья.

— Твой предшественник был точнее тебя, господин палач,— проворчал старик.— Только что пробило полночь, и те, в масках, пошли в камеру госпожи. Ты заставляешь их ждать!

— Эхо от колокола еще гуляет среди башен,— ответил заплечных дел мастер.— Это верно, я не так проворно кидаюсь бежать по приказу аквилонцев, как тот выродок, что служил здесь до меня. Но они смогут убедиться, что мой удар не хуже. Занимался бы ты лучше своими делами, старик, и не совал нос в мои. Право же, моя работа лучше твоей. Клянусь Митрой! Ты бродишь холодными коридорами, пялясь на ржавые решетки темниц, а я нынче срублю самую прекрасную голову во всей Аквилонии!

Сторож, хромая и ворча, удалился по коридору, палач же не спеша отправился дальше. Еще через несколько шагов, свернув за угол коридора, он краем глаза приметил слева от себя чуть-чуть приоткрытую дверь. Если бы он немного подумал, он бы догадался, что дверь приоткрыли уже после того, как ее миновал сторож. Однако думать палач не привык и прошел мимо двери, а потом размышлять сделалось поздно.

Чей-то мягкий тигриный шаг и шелест плаща предостерегли его в последний момент, но обернуться он уже не успел. Могучая рука, протянувшаяся сзади, охватила его шею, не дав закричать. В тот краткий миг, что ему еще

оставался, палач успел с ужасом осознать страшную силу нападавшего и то, сколь беспомощны были перед нею его собственные хваленые мышцы. Не видя взмаха кинжала, он ощутил над собой занесенное острие...

— Немедийская скотина! — прошипел ему в ухо хриплый от ярости голос.— Больше ты не срубишь ни одной головы аквилонца!

И это было последнее, что слышал в своей жизни палач.

В сыром подземелье, тускло освещенном единственным факелом, трое мужчин окружили юную девушку, стоявшую на коленях на каменном полу, присыпанном соломой. Тело ее едва прикрывала изорванная сорочка, роскошные золотые волосы разметались по белым плечам, грубая веревка стягивала за спиной руки, в глазах стоял ужас. Даже неверный факельный свет, даже смертельная бледность и тюремные лохмотья не могли скрыть ее замечательной красоты. Она молчала, лишь взгляд огромных глаз скользил по лицам мучителей. Все они были в масках и плащах. Деяния, подобные нынешнему, полагалось совершать в масках, хотя бы и в покоренной стране. Несмотря на это, Альбиона, конечно, без труда узнала их всех; но минует ночь — и это ее знание не повредит уже никому.

— Наш повелитель в своем милосердии дает тебе еще одну возможность, графиня,— сказал самый высокий из троих. По-аквилонски он говорил без акцента.— Он велел мне сказать тебе: смягчи свой гордый, мятежный дух, и он по-прежнему готов будет раскрыть тебе объятия. Если же нет...— И он указал рукой на зловещего вида колоду, стоявшую посередине темницы. Она была покрыта пятнами и вся в глубоких зарубках, причиненных, надобно думать, отточенным лезвием, которое раз за разом рассекало нечто уступчивое и с силой входило в плотное дерево.

Содрогнувшись, Альбиона отшатнулась прочь и побледнела еще сильней. Каждая жилка ее молодого, полного сил тела так и молила о жизни. Валерий тоже был молод и очень красив. Альбиона твердила себе, что его любили и находили привлекательным многие женщины... но тщетно. Она так и не смогла выговорить заветное слово, которое спасло бы ее нежное тело от плахи и окровавленного топора. В чем дело — она плохо понимала сама. Она знала одно: при мысли об объятиях Валерия все ее существо сотрясала дрожь отвращения, и это отвращение пересиливало даже страх смерти. Альбиона отрицательно покачала головой.

— Значит, и говорить больше не о чем! — нетерпеливо воскликнул другой вельможа, и в его голосе явственно слышался немедийский акцент.— Где там палач?

И точно в ответ, беззвучно растворилась дверь подземелья. Огромная тень появилась в проеме — ни дать ни взять черный дух из Преисподней.

При виде этого мрачного силуэта у Альбионы невольно вырвался тихий вскрик, да и остальные какое-то время могли только молча смотреть на него — таким безотчетным ужасом веяло от молчаливого гиганта в черном капюшоне с двумя прорезями. В прорезях неистовым огнем горели синие глаза; они по очереди остановились на каждом, и у каждого пробежал по спине холодок.

Потом рослый аквилонец грубо схватил девушку и поволок ее к плахе. Она отчаянно закричала и, сходя с ума от ужаса, пыталась вырваться из его рук. Но он безжалостно швырнул ее на колени и прижал золотоволосую голову к плахе, покрытой запекшейся кровью.

— Что ты медлишь, палач? — спросил он раздраженно.— Делай свое дело!

В ответ прозвучал смех — низкий и неописуемо грозный. Все, бывшие в подвале, так и застыли, глядя на палача,— двое в плащах и тот, что склонился над Альбионой. И даже она, как могла, вывернула шею, пытаясь взглянуть.

— Что еще за веселье, собака? — спросил аквилонец. Ему было не по себе.

И тут палач сорвал с головы капюшон и швырнул его наземь. И прислонился спиной к запертой двери, поднимая топор.

— Узнаете меня, ублюдки? — прогремел он.— Узнаете?

Гробовую тишину, последовавшую за этими словами, прорезал крик Альбионы.

— Король Конан! — закричала девушка и вырвалась наконец из ослабевшей хватки мучителя.— Благословен будь Митра! Король!

Трое мужчин стояли как статуи. Когда аквилонец наконец раскрыл рот, у него был вид человека, усомнившегося в собственных ощущениях.

— Это Конан! — вырвалось у него.— Это действительно король! Или его призрак! Что за демонское наваждение?

— Демонское наваждение — чтобы одурачить демонов! — насмешливо отозвался Конан. Губы его улыбались, но в глазах полыхало адское пламя.— Ну, кто первый, господа? При вас — мечи, при мне — вот этот колун. Топор мясника — именно то, что требуется, а?

— Вперед! — зарычал аквилонец и выхватил меч.— Убьем его — или он убьет нас!

Словно очнувшись, немедийцы обнажили клинки и разом кинулись на короля.

Неуклюжий тяжеловесный топор палача не предназначен для битв, но Конан орудовал им так ловко и легко, словно это была обычная боевая секира. С невероятным проворством он прыгал туда и сюда, отскакивая и нападая, сводя на нет их численное преимущество.

Первый же удар немедийского меча он отразил обухом и тут же, не дав ни отступить, ни защититься, жестоким ударом наотмашь проломил грудь негодяю. Второй немедиец с силой размахнулся, но задеть Конана не сумел и, так и не успев восстановить равновесие, рухнул с расколотым черепом. В следующий миг аквилонец был загнан в угол. Он едва поспевал отбивать сокрушительные удары. Конан не давал ему даже малейшей передышки, чтобы позвать на помощь.

Неожиданно левая рука короля метнулась вперед и сорвала с него маску, обнажив побелевшее лицо.

— Дерьмо! — заскрипел зубами король.— Так и думал, что это ты! Даже этот топор слишком хорош для твоей гнусной башки. Подыхай смертью вора, предатель!

Лезвие описало безжалостную дугу, и аквилонец с диким воплем упал на колени, хватая левой рукой обрубок правой, из которого струей хлынула кровь. Срезав руку по локоть, топор глубоко врезался в бок — так, что из раны показались внутренности.

— Валяйся здесь, пока не истечешь кровью,— сказал ему Конан и с отвращением швырнул топор на пол.— Пойдем, графиня!

Нагнувшись, он перерезал кинжалом веревку, стянувшую ее запястья. Поднял девушку, как ребенка, и понес вон. Она отчаянно рыдала, обхватив руками его могучую шею.

— Ну, ну, девочка,— проворчал он.— Надо еще выйти отсюда. Если мы сумеем добраться до каземата, где тайная дверь, ведущая в тоннель... А, чтоб им! Хоть и толстые стены, все-таки услыхали!

Звяканье доспехов, топот и крики бегущих людей неслись откуда-то спереди, отдаваясь под сводами потолка. Из-за поворота, высоко поднимая фонарь, появился хромой сторож. Яркий свет облил Конана и девушку. Король с проклятием ринулся к нему, но старик бросил фонарь и

копье и с неожиданной прытью умчался по коридору, надтреснутым голосом призывая подмогу. Послышались ответные крики...

Конан быстро повернулся и побежал назад. Они с Альбионой были отрезаны от тайного хода, которым он проник в Железную Башню и которым надеялся покинуть ее. Впрочем, Конан не отчаивался. Он неплохо знал это мрачное здание: прежде чем стать королем, он был его узником.

Он свернул в боковой ход и скоро оказался в другом, более широком коридоре, который шел параллельно первому. Здесь не было еще никого. Пробежав всего несколько шагов, киммериец кинулся в другой ход и вернулся назад, в только что покинутый коридор, попав как раз туда, куда и хотел. В считанных футах виднелась дверь, заложенная тяжелым засовом, а перед нею — бородатый немедиец в латах и шлеме. Он стоял к Конану спиной, глядя внутрь коридора, где все слышнее был шум и беспорядочно мелькали отсветы фонарей.

Конан не раздумывал долго. Он выпустил девушку и бесшумно подбежал к стражнику сзади, держа в руках меч. В последний миг тот обернулся, заорал от неожиданности и испуга и вскинул копье, но прежде чем он успел хотя бы замахнуться, меч обрушился на его шлем с силой, которая уложила бы и быка. Удара не выдержал ни шлем, ни череп под ним — стражник рухнул замертво.

В мгновение ока Конан отодвинул массивный засов, с которым обычный человек не справился бы в одиночку.

— Альбиона!

Пошатываясь, она подбежала к нему. Конан подхватил ее одной рукой, выскочил за порог и растворился во тьме.

Они попали в узкий проулок, где было темно, как в дымоходе. С одной стороны высилась сама Башня, с другой — глухие каменные стены каких-то домов. Спеша вперед со всей скоростью, какую позволял кромешный мрак, Конан выискивал окна, но не находил ни одного.

Позади громыхнула тяжелая дверь, наружу с ревом хлынули стражники. Нагрудники лат и обнаженные мечи блестели в факельном свете. Воины оглядывались, не зная, куда подевались беглецы: пламя факелов рассеивало непроглядную тьму едва на несколько шагов. В конце концов они наобум пустились по переулку — в противоположном направлении от Конана и Альбионы.

— Сейчас они поймут, что ошиблись,— пробормотал он и прибавил шагу.— Хоть бы трещинка была в проклятой стене... демон! Уличная стража!

— Кто идет? — долетел крик, и Конан скрежетнул зубами, уловив ненавистный немедийский акцент.

— Держись позади,— велел он Альбионе.— Надо прорваться, пока те не вернулись и не захлопнули мышеловку!

Занося меч, он помчался вперед, навстречу приближавшимся воинам. Он в полной мере воспользовался внезапностью и тем, что уличный свет позволял ему отлично видеть противников, между тем как сам он, выскочивший из темноты, был почти невидим для них. Они еще не вполне поняли, что происходит, а он уже был среди них, разя налево и направо с молчаливой яростью раненого льва.

Он знал, что должен прорубить себе путь, пока они не опомнились. Но их было не меньше десятка, все в доспехах, все закаленные ветераны пограничных битв, привыкшие в подобных случаях повиноваться не разуму, а безошибочному воинскому инстинкту. Трое свалились на мостовую, так и не успев понять, что на них налетел один-единственный человек. Зато остальные отреагировали мгновенно. Оглушительно загремела сталь; меч Конана высекал искры, гуляя по кольчугам и шлемам. Он по-прежнему видел их лучше, чем они его. Он был для них неясной, быстро мелькающей тенью. Их удары рассекали воздух или отскакивали от его клинка. Зато сам он разил со смертоносной яростью урагана.

Но сзади нарастали крики и топот тюремной стражи, готовой вот-вот выбежать из проулка, а ему все не удавалось пробиться: дорогу по-прежнему загораживали воины в кольчугах, размахивающие мечами. С мужеством отчаяния Конан бросился вперед, понимая, что сейчас будет настигнут... Как вдруг за спинами стражников из ниоткуда появилось десятка два каких-то темных фигур. В потемках сверкнула сталь, закричали люди, которых убивали ударами в спину. Кто-то в черном плаще метнулся навстречу Конану, и тот, приметив блеск клинка, замахнулся мечом, но остановил удар, поскольку в руке, протянувшейся к нему, оружия не было.

— Сюда, государь! — шепнул человек.— Скорее!

Конан подхватил на руки Альбиону и поспешил следом за неожиданным спасителем, изумленно ругаясь вполголоса. Когда за тобой гонится три десятка тюремных стражников, особо раздумывать недосуг.

В окружении таинственных спутников поспешил он в переулок, неся измученную девушку, точно дитя. Темные плащи с капюшонами не давали ему как следует разглядеть неведомых избавителей. Сомнения и подозрения роились у

него в голове... но эти люди, кем бы они ни были, только что перебили его врагов — так почему бы и не последовать за ними?

Словно прочитав его мысли, вожак легонько коснулся его руки и сказал:

— Тебе нечего опасаться, король Конан: мы — твои верные подданные.

Голос был незнакомый, но, судя по выговору, принадлежал аквилонцу родом из центральных провинций.

Стражники позади них подняли яростный крик — они наткнулись на изрубленные тела, валявшиеся в грязи. Неясные силуэты людей, удалявшихся по направлению к освещенной улице, подсказали им, где враг. Но люди в плащах повернулись к глухой с виду стене, и Конан увидел в ней раскрытую дверь. Сколько раз он проходил здесь прежде при свете дня и мог бы поклясться, что никакой двери не было и в помине. Тем не менее они вошли внутрь, и дверь закрылась за ними. Щелкнул замок. Конану все это не слишком понравилось, но его спутники знай спешили вперед. Видимо, им был отлично знаком этот ход. То рука, то локоть касались короля, подсказывая, куда идти. Ему казалось, они попали в тоннель. Он чувствовал, как дрожало тоненькое тело Альбионы у него на руках. А потом впереди забрезжил выход — сумрачная арка чуть светлее окружающей тьмы. Они прошли под нею один за другим и оказались в нескончаемом лабиринте мрачных дворов, переулков и извилистых коридоров. Миновав наконец последний поворот, они вступили в просторный чертог, местоположение которого Конан при всем своем первобытном чувстве направления не взялся бы определить.

10

МОНЕТА ИЗ АХЕРОНА

Не все пришедшие с Конаном вступили в чертог. Когда дверь затворилась, Конан увидел перед собой всего одного человека. Это был худощавый, стройный мужчина в черном плаще с капюшоном. Капюшон упал на плечи, открыв бледное спокойное лицо с тонкими правильными чертами.

Король поставил Альбиону на ноги, но она пугливо прижалась к нему, оглядываясь вокруг. Покой был обширный, с мраморными стенами, частью укрытыми черными бар-

хатными занавесями. На мозаичном полу раскинулись толстые, пушистые ковры. Бронзовые светильники заливали чертог мягким золотым светом.

Конан все еще держал руку на рукояти. Кровь запеклась на его ладони и на ножнах меча; вытереть клинок не было времени.

— Где мы? — спросил он.

— В храме Асуры, государь,— ответствовал незнакомец с глубоким поклоном, в котором подозрительный король не усмотрел ни намека на иронию.

Альбиона слабо вскрикнула и еще крепче прижалась к Конану, с ужасом глядя на черную арку дверей и ожидая, что оттуда вот-вот выползет какое-нибудь жуткое порождение тьмы.

— Не страшись ничего, госпожа моя,— сказал их проводник.— Суеверное заблуждение ложно: здесь тебе ничто не грозит. Уж если сам король убедился в чистоте нашей религии и тем оградил ее от преследований невежд, тебе, графиня, сомневаться в том не пристало.

— Сам-то ты кто? — спросил Конан.

— Я — Хадрат, жрец Асуры. Один из моих учеников узнал тебя, когда ты входил в город, и сообщил мне.

Конан шепотом выругался.

— Больше никто не понял, кто ты такой,— заверил его Хадрат.— Чужая одежда обманула всех, кроме последователя Асуры, ибо путь нашей веры — путь познания сути, скрытой под видимой оболочкой. Мы шли за тобой до самой сторожевой башни. Кое-кто из моих людей последовал за тобою в тоннель, чтобы помочь тебе, если ты будешь выбираться тем же путем. Прочие, в том числе и я, окружили Железную Башню. Располагай нами, король Конан. Здесь, в храме Асуры, ты по-прежнему король.

— Вы рисковали жизнью ради меня,— сказал Конан.— Зачем?

— Пока ты сидел на троне, ты был нашим другом,— ответил Хадрат.— Ты защитил нас, когда жрецы Митры посягали бичами изгнать нас из страны.

Конан с любопытством оглядывался. Он не только не бывал никогда прежде в храме Асуры, но даже не был уверен, есть ли вообще таковой в его столице. Жрецы этой религии обладали сверхъестественным умением прятать свои святыни от посторонних глаз. Культ Митры почти безраздельно господствовал среди хайборийских народов; тем не менее культ Асуры упорно продолжал существовать, не-

смотря на гонения со стороны властей и нелюбовь черни. Конан в свое время наслушался жутких историй о глубоко запрятанных храмах, где над черными алтарями непрерывно поднимается густой дым, о том, что жрецы Асуры то и дело похищают людей и приносят их в жертву громадному, свитому в кольца змею, что вечно раскачивает в зловещем мраке страшной чешуйчатой головой...

Постоянные преследования заставляли приверженцев Асуры все искуснее укрывать свои храмы и налагать покров тайны на отправлявшиеся в них службы. В свою очередь, такая таинственность порождала еще более чудовищные подозрения и невероятные россказни.

Конан, однако, отличался религиозной терпимостью, присущей варварам. Он покончил с гонениями и запретил своим подданным преследовать приверженцев Асуры — ведь все обвинения против них зиждились на весьма шатких доказательствах, вроде ничем не подтвержденных сплетен и слухов. «Если они — злые волшебники, почему позволяют вам себя обижать? — говорил Конан.— А если нет, так и трогать их не за что. Во имя демонов Крома — да пусть на здоровье веруют в таких Богов, какие им нравятся!»

Хадрат почтительно пригласил короля сесть. Конан опустился в кресло, отделанное слоновой костью, и жестом указал Альбионе на второе такое же, но она предпочла золоченую скамеечку у его ног и тесно прижалась к его колену: только рядом с ним она чувствовала себя в безопасности. Она была правоверной митраиткой и с самого детства наслушалась всяческих ужасов о кровавых жертвах нечеловеческим богам в сумраке таинственных храмов. Юная графиня до смерти боялась поклоняющихся Асуре, ей было не по себе.

Хадрат остался стоять перед ними, склонив непокрытую голову:

— Приказывай, государь!

— Для начала — еды,— проворчал Конан, и жрец ударил серебряным жезлом в золотой гонг.

Мелодичный звон еще метался меж мраморных стен, когда из-за портьер появились четверо в капюшонах и внесли приличных размеров серебряный столик, уставленный хрустальными сосудами и блюдами, над которыми курился ароматный пар. С поклоном поставили они столик перед королем. Конан вытер руки узорчатым полотенцем и с нескрываемым удовольствием причмокнул губами.

— Остерегись, государь! — шепнула ему Альбиона.— Говорят, они едят человечину...

— Ставлю свое королевство, что это всего лишь добрая жареная говядина, и не более,— ответил Конан.— Ешь, девочка! Небось изголодалась на тюремной похлебке!

Альбиона вняла этому совету, а пуще того — живому примеру человека, чье слово было для нее непреложным законом. Она принялась есть — очень изящно и с очень большим аппетитом. Сидевший рядом с ней король Аквилонии рвал мясо зубами и большими глотками пил вино так, как будто ел последний раз несколько дней назад, а не минувшим вечером.

— Ваши жрецы, Хадрат, проницательны и умны,— сказал он с набитым ртом, держа в руках кость.— Буду рад, если вы мне поможете отвоевать королевство.

Но Хадрат покачал головой, и кость с грохотом обрушилась на стол.

— Кром и демоны! Да что за напасть такая сразила мужей Аквилонии? Сначала Сервий, а теперь еще ты! Вы что, только и можете мотать своими пустыми башками, когда я рассуждаю о том, как бы дать под зад коленом этим скотам?

Хадрат вздохнул и медленно выговорил:

— Горькими будут мои слова, государь. Я и рад был бы произнести нечто иное, но, увы, со свободой Аквилонии покончено навсегда. Более того — свобода всего нашего мира, похоже, доживает свой век. Эпоха сменяет эпоху; история открывает страницу рабства и ужаса. Так бывало и в прежние времена...

— О чем ты? — невольно понизив голос, спросил король.

Хадрат сел и опустил локти на колени, глядя в пол.

— О том, что против тебя сговорились не только мятежная знать Аквилонии и немедийские завоеватели,— сказал он.— Здесь замешано волшебство — жуткая черная магия, пришедшая в сегодняшний день из далеких и зловещих времен. Страшная тень восстала из глубин прошлого, и нет никого, кто был бы способен ей противостоять...

— О чем ты? — повторил Конан.

— О Ксальтотуне из Ахерона, что умер три тысячи лет назад, а теперь вновь разгуливает по земле.

Конан долго молчал. Некий образ всплыл в его сознании — спокойное, нечеловечески прекрасное лицо, обрамленное темной бородой и густыми волнистыми волосами. Жутковатое ощущение — где я видел его раньше?..— вновь накатило на короля. Ахерон! Память смутно откликнулась на это слово, рождая неясные обрывки воспоминаний.

— Ахерон,— пробормотал он.— Ксальтотун из Ахерона! А ты не спятил, жрец? Ахерон — это миф, которому я не знаю сколько веков! Никто не ведает, существовал ли он когда-либо вообще...

— Он существовал,— ответил Хадрат.— Империя черных магов, погрязших в таком зле, какого нам теперь и не представить. Ее разрушили хайборийские племена, пришедшие с запада. Волшебники Ахерона занимались гнусной некромантией и самой низменной тавматургией, которой обучили их демоны. И величайшим среди чародеев проклятого королевства был Ксальтотун из Пифона.

— Ну и как же все-таки удалось его свергнуть? — спросил Конан скептически.

— Он ревностно хранил и берег источник космической мощи. Но этот источник был у него украден и обращен против него же. А теперь он ему возвращен, и чародей снова непобедим.

Альбиона кутался в черный плащ палача и смотрела то на жреца, то на короля, не вполне понимая их беседу. Вот Конан сердито тряхнул головой и проворчал:

— Болтовня это все. Если Ксальтотун пролежал мертвым три тысячи лет, каким образом он... Какой-нибудь негодяй присвоил его имя, и только!

Хадрат наклонился к столику из слоновой кости и раскрыл стоящую на нем маленькую золотую шкатулку. Что-то тускло блеснуло в его руке, и он протянул Конану крупную золотую монету очень древней чеканки.

— Ты видел Ксальтотуна в лицо? Вот, взгляни. Ее отчеканили в Ахероне незадолго до его падения. Это черное царство было так насыщено колдовством, что магическая сила присуща даже монете.

Конан взял золотой кружок и хмуро уставился на него. За годы грабежей через руки Конана прошло немало всевозможных монет, так что он неплохо в них разбирался. Края были сношены до тонкости, надписи истерты так, что их стало почти невозможно прочесть. Но изображение, оттиснутое на одной стороне, было, как прежде, ясным и четким. И Конан, вглядевшись, с шипением втянул в себя воздух. В комнате было тепло, но на него вдруг повеяло ледяным холодом, от которого поднялся дыбом каждый волосок. С монеты смотрело бородатое, непроницаемое, нечеловечески прекрасное мужское лицо.

— Клянусь Кромом, это он! — пробормотал Конан. Теперь он понимал, почему черты Ксальтотуна с самого на-

чала показались ему так странно знакомыми. Когда-то давно в далекой стране он уже разглядывал такую монету.— Совпадение! — проворчал он, передернув плечами.— Совпадение — или у того, кто присвоил себе имя забытого чернокнижника, хватило ума подделать и внешность...

Но в голосе короля не было убежденности. Вид монеты потряс его до глубины души. Привычный, реальный мир рушился у него под ногами, падая в бездну колдовства и иллюзий. Чародея он еще мог понять, но такая бесовщина попросту не лезла в сознание!

— У нас нет сомнений, что это действительно Ксальтотун из Пифона,— сказал Хадрат.— Это он с помощью заклинаний подчинил себе духов земной стихии и обрушил скалы при Валкие. И он же незадолго до рассвета подослал в твой шатер порождение тьмы.

Конан сдвинул брови:

— Откуда ты знаешь?

— Последователи Асуры владеют тайными способами получать нужные сведения... впрочем, это неважно. Важно иное: понимаешь ли ты, что вотще пожертвуешь своими подданными, безуспешно пытаясь вернуть себе корону?

Конан подпер кулаком подбородок, невесело глядя в пространство. Альбиона смотрела на него с беспокойством, силясь постичь загадку, с которой столкнулся ее король.

— А нет ли в мире,— спросил он наконец,— чародея, способного потягаться в магии с Ксальтотуном?

Хадрат покачал головой:

— Если бы такой был, мы, асуриты, наверняка знали бы о нем. Люди называют наш культ пережитком древнего стигийского змеепоклонства. Это ложь: наши предки пришли из Вендии, что лежит за морем Вилайет и голубыми горами Химелии. Мы — сыны Востока, а не Юга и осведомлены обо всех магах Востока, которые много сильнее чернокнижников Запада. Но перед черной мощью Ксальтотуна любой из них — что соломинка на ветру.

— Но ведь когда-то его победили! — настаивал Конан.

— Да,— кивнул Хадрат.— Но уж теперь-то он позаботится, чтобы источник космической силы не был снова похищен.

— Что же это за источник, будь он трижды неладен? — воскликнул Конан раздраженно.

— Его называют Сердцем Аримана. Когда пал Ахерон, шаман первобытного племени, что похитил его у Ксальтотуна и обратил против него, укрыл Сердце в заколдован-

ной пещере и воздвиг над ним небольшой храм. Впоследствии тот храм трижды перестраивали, делая его все больше и краше, но всякий раз — на месте прежней святыни, хотя никто уже не знал почему. Память о погребенной реликвии покинула людские умы, сохранившись лишь в жреческих книгах да фолиантах, посвященных эзотерическим знаниям. Откуда явилось Сердце, неведомо никому. Одни говорят, что это воистину сердце какого-то бога, другие считают его звездой, давным-давно упавшей с небес. Три тысячи лет ничей взгляд не касался его — до тех пор, пока оно не пропало. Когда волшебство митраитских жрецов оказалось бессильно против чар Альтаро, ученика Ксальтотуна, они вспомнили древнюю легенду о Сердце. И тогда верховный жрец с одним из учеников спустился в ужасное, лишенное света подземелье под храмом; три тысячи лет туда не сходил ни один жрец. Ибо старинные книги в железных переплетах, написанные тайным языком символов, рассказывали не только о Сердце, но и о порождении тьмы, приставленном жрецами древности его охранять. И вот далеко внизу, в чертоге, чьи двери вели в беспредельную тьму, учитель и ученик нашли черный каменный алтарь, тускло мерцавший каким-то потусторонним светом. На алтаре лежал золотой сосуд в форме двустворчатой раковины и, казалось, приросший к темному камню. Сосуд был открыт — и пуст! Сердце Аримана исчезло! И пока они стояли, пораженные ужасом, чудовищный страж подземелья напал на них и смертельно ранил верховного жреца. Но ученик сразился с бессмысленным выходцем из Преисподней и прогнал его прочь. Он сумел выбраться наружу по бесконечным каменным лестницам и вынести умирающего учителя. И тот, прежде чем умереть, поведал младшим жрецам обо всем, что с ними произошло, завещав им склониться перед силой, которую они не в состоянии победить. Однако жрецы шептались между собой, так что через некоторое время слух долетел и до нас.

— Значит, Ксальтотун черпает свою силу из этого символа? — спросил Конан. Он все еще сомневался.

— Нет. Его сила приходит из пропастей тьмы, а Сердце Аримана рождено в далекой вселенной, полной света и огня. Попади оно в руки сведущего человека — и тьма будет повержена. Сердце подобно мечу. Ксальтотун не способен разить им, но сам может быть им поражен. Сердце дает жизнь, но может и отнять. Ксальтотун прибрал его к рукам не для

того, чтобы обратить против врагов,— затем лишь, чтобы с его помощью они не погубили его самого...

— Значит, золотой сосуд в виде раковины на черном алтаре в глубокой пещере...— пробормотал Конан, силясь припомнить ускользающий образ.— Когда-то я видел... или слышал о чем-то похожем. Но все-таки, во имя Крома, хотелось бы знать, что представляет собой твое знаменитое Сердце?

— Внешне оно напоминает огромный драгоценный камень, похожий на рубин, только полыхает ослепительным светом, какого ни один рубин не знал никогда. Оно, как живой огонь...

Конан внезапно вскочил на ноги и в избытке чувств ударил кулаком по ладони.

— Кром! — загремел он.— Нет, какой же я дурень! Сердце Аримана! Сердце моего королевства! «Разыщи Сердце своего королевства»,— сказала мне Зелата. Клянусь Имиром! Я видел этот камень в зеленом дыму! Тот самый, что Тараск стащил у Ксальтотуна, пока тот спал беспробудным сном, нанюхавшись черного лотоса.

Халрат тоже вскочил в величайшем волнении, спокойствие слетело с него, точно сброшенный плащ.

— Что ты сказал? Сердце украдено у Ксальтотуна?

— Да! — гремел Конан.— Тараск до судорог боится Ксальтотуна и надумал подрезать ему крылья, тоже решив, что Сердце и есть основа его могущества. Может, он даже думал, что чернокнижник без него сразу ноги протянет. Во имя Крома, я...— Но тут лицо Конана исказила бессильная ярость, а воинственно сжатый кулак медленно опустился.— Эх, я же совсем забыл... Тараск отдал Сердце какому-то ворюге и велел бросить в море. Сейчас негодяй, верно, уже подъезжает к Кордаве. Пока я туда доберусь, он сто раз сядет на корабль, и Сердце окажется в океанской пучине...

— Море не удержит его! — дрожа от возбуждения, воскликнул Халрат.— Ксальтотун сам давно забросил бы его в самое глубокое место, если бы не знал, что первый же шторм снова выкинет его на сушу. Но вот на каком далеком, неведомом берегу это произойдет?

— Погоди, жрец! — Конан быстро справился с унынием, обычная уверенность вернулась к нему.— Лично у меня нет особой уверенности, что вор в самом деле бросит наш камушек в воду. Уж я-то знаю воров! И если я что-нибудь понимаю — а это так, ибо в юности я и сам промышлял в

Заморе воровством,— так вот, он его не выбросит. Продаст какому-нибудь купцу побогаче — да откуси я собственную голову, если не так! Кром! — Конан стремительно шагал по комнате взад и вперед.— А ведь, ей-же-ей, стоит его поискать! Зелата велела мне разыскать Сердце моего королевства, так? Все остальное, что она мне показывала, подтвердилось! Неужели наша победа над Ксальтотуном в самом деле зависит от красного камушка?

— Клянусь жизнью! — воскликнул Хадрат. Лицо его просветлело, глаза так и горели. Он сжал кулаки: — Дай мне Сердце — и я брошу вызов Ксальтотуну во всем его темном могуществе! Клянусь тебе, государь! Вернется Сердце — вернется к тебе и корона, а захватчики позабудут путь к нашим порогам! Ибо страшнее всего для Аквилонии не мечи немедийцев, но черное искусство Ксальтотуна.

Довольно долго Конан молчал; жар, с которым говорил Хадрат, произвел на него впечатление.

— Все это напоминает мне погоню, какая, бывает, происходит в дурном сне,— сказал он наконец.— Но твои слова — точно эхо дум старой Зелаты, а она говорила мне правду. Надо искать Сердце!

— В нем — судьба Аквилонии,— повторил Хадрат убежденно.— Я пошлю с тобой своих людей...

— Не надо! — нетерпеливо откликнулся король. Еще не хватало ему на шею жрецов, пусть сколь угодно сведущих в тайных науках.— Это дело для воина, и я поеду один. Сначала в Пуантен, оставлю Альбиону у Троцеро. Затем в Кордаву, а там и в море, если понадобится. Даже если ворюга надумает выполнить Тарасков наказ, ему, чего доброго, не сразу подвернется подходящий корабль.

— Как только ты найдешь Сердце,— продолжал Хадрат,— я начну торить путь к свободе здесь, изнутри страны. Тайными путями разнесу я по всей Аквилонии весть о том, что ты жив и возвращаешься с магией, превосходящей все чары Ксальтотуна. Когда ты вернешься, люди готовы будут восстать. И они восстанут! Ибо будут уверены, что есть сила, способная защитить их от Ксальтотуна. А кроме того, я помогу тебе проделать хотя бы часть пути.

Он поднялся и снова ударил в гонг.

— Потайной ход ведет из этого храма за городские стены. Ты отправишься в Пуантен в лодке паломника, чтобы никто не осмелился тебе досаждать.

— Как скажешь,— проворчал Конан. Перед ним снова была ясная цель; он сгорал от нетерпения, он жаждал немедленно действовать.— Давай только шевелись побыстрее!

Тем временем в городе, вне храмовых стен, события разворачивались столь же стремительно. В дворцовый покой, где веселился с танцовщицами Валерий, ворвался запыхавшийся гонец. Упав на колено, он разразился довольно бессвязным рассказом о кровавом нападении на тюрьму и о том, что граф Феспий, которому было поручено присмотреть за казнью Альбионы, лежит при смерти и непременно хочет сообщить Валерию нечто важное перед кончиной.

Торопливо накинув плащ, Валерий поспешил вслед за гонцом. Извилистые переходы привели их в покой, где лежал Феспий. Вне всякого сомнения, он умирал. Он трудно дышал, и при каждом вздохе на губах выступала кровавая пена. Обрубленную руку ему перетянули жгутом, остановив кровотечение, но рану в боку залечить было невозможно.

Оставшись наедине с умирающим, Валерий вполголоса выругался.

— Во имя Митры! — сказал он.— Я думал, только один человек на свете способен наносить такие удары...

— Валерий! — сипло выдохнул Феспий.— Он жив! Конан!..

— Что? — вырвалось у правителя.— Что ты сказал?

— Клянусь Митрой! — Феспий захлебывался кровью, но продолжал говорить: — Это он спас Альбиону от топора! Это был не призрак, поднявшийся из Преисподней... Он жив, он из плоти и крови и еще страшнее, чем прежде! В переулке за Башней полно мертвецов. Берегись, Валерий... он вернулся... чтобы убить... всех нас...

Жестокая судорога потрясла окровавленное тело, и душа графа Феспия отлетела.

Валерий хмуро поглядел на умершего, потом окинул быстрым взглядом чертог — не прячется ли кто — и наконец, шагнув к двери, распахнул ее внезапным движением. Гонец и немедийская стража стояли в нескольких шагах от двери. Валерий удовлетворенно пробормотал что-то сквозь зубы.

— Все ли ворота закрыты? — спросил он затем.

— Да, государь.

— Утроить стражу немедля. Никто не должен входить или выходить из города без самого тщательного досмотра. Пусть прочешут улицы и обыщут каждый дом. Важный узник

сбежал из тюрьмы с помощью аквилонского мятежника. Кто-нибудь из вас успел его узнать?

— Нет, государь. Старик сторож видел его, но мельком, и может только сказать, что это был великан, одевшийся в черный наряд палача, а сам палач, зарезанный, валяется голым в одной из камер.

— Этот человек очень опасен,— сказал Валерий.— Не пытайтесь взять его живым. Как выглядит графиня Альбиона, вы все знаете. Ищите ее. Если найдете, убейте на месте и ее, и того, кто будет с ней. Исполняйте!

Вернувшись во дворец, Валерий вызвал к себе четверку людей странной и явно чужеземной наружности. Все они были рослыми и худыми, с желтоватой кожей и неподвижными лицами. Они были очень похожи один на другого и чертами, и одеждой — все в длинных черных хламидах, из-под которых едва виднелись обутые в сандалии ноги. Черные капюшоны бросали тень на их лица. Они стояли перед Валерием, спрятав в широких рукавах скрещенные руки. Валерий немало путешествовал по свету и повидал разные народы. Он смотрел на этих четверых без особого удовольствия.

— Когда я нашел вас в джунглях Кхитая изгнанными из своего королевства и умирающими с голоду, вы поклялись вечно служить мне,— начал он без предисловий.— И вы неплохо держали слово... хотя и отвратительны были ваши дела. Сослужите же мне еще одну службу, и я разрешу вас от клятвы. Я узнал, что киммериец Конан, прежний король Аквилонии, еще жив — несмотря на чары Ксальтотуна... а может быть, и благодаря им. это мне неизвестно. Мрачный ум воскрешенного демона превыше разумения смертного человека. Я знаю одно: пока жив Конан — я в смертельной опасности. Народ принял меня как меньшее из двух зол — они ведь думали, что Конан погиб. Но стоит ему объявиться, и я моргнуть не успею, как трон зашатается у меня под ногами!.. Я даже думаю, что союзники мои одобрят такую смену правителей, если решат, что свое дело я сделал. Откуда мне знать? Но этот мир слишком мал: двум королям Аквилонии в нем не ужиться. Итак, я велю разыскать киммерийца! Пустите в ход все свои способности и выследите его, где бы он ни прятался, куда бы ни бежал. В Тарантии у него много друзей. Кто-то помог ему, когда он похищал Альбиону! Один человек — даже Конан — не мог учинить такого побоища в проулке за Железной Башней... Однако довольно. Берите посохи — и в путь! Я не знаю,

куда приведет вас его след. Но вы должны его разыскать. А когда разыщете — убейте его!

Четверо кхитайцев одновременно поклонились. И, так и не произнеся ни единого слова, повернулись и мягким шагом неслышно вышли из комнаты.

11

РЫЦАРИ ЮГА

Рассвет, занявшийся над вершинами далеких холмов, окрасил паруса небольшой лодки, спускавшейся по реке. Река — могучий Хорот — текла примерно в миле от тарантийских стен, затем поворачивала к югу. Надо сказать, эта лодка весьма сильно отличалась от большинства других суденышек, сновавших по широкой глади Хорота. Она не принадлежала ни рыбаку, ни купцу, везущему богатый товар. Она была длинная и узкая, с высоким загнутым носом и черная, точно из черного дерева, а по бортам белели нарисованные черепа. Посередине виднелась крохотная каюта с плотно занавешенными окошками. Другие суда далеко обходили зловещий кораблик: все знали, что в этой «лодке паломника» лежало тело умершего поклонника Асуры, отправившегося в последнее путешествие на юг — туда, где далеко за горами Пуантена Хорот вливался наконец в синий океан. Вся река отлично знала, как выглядели лодки паломников, и никто, даже наиболее ревностные митраиты, не смел касаться их и чинить препятствия их печальному странствию.

Куда стремились эти суденышки, не ведал никто. Одни говорили — в Стигию, другие — к безымянному острову, невидимому за горизонтом, третьи верили, что умершие обретали последнее пристанище в Вендии, таинственной и прекрасной восточной стране. Но все это были только догадки и домыслы. Умершие последователи Асуры отправлялись вниз по великой реке в лодке, направляемой громадным рабом, и больше никто никогда не видел ни тела, ни лодки, ни раба. А может, правы были те, кто утверждал, будто на веслах всегда сидит один и тот же раб?

...Человек, правивший лодку по залитому утренним солнцем Хороту, был велик ростом и темнокож. Одетый в кожаную набедренную повязку и сандалии, он ловко правил и с необыкновенной силой орудовал веслами. Дотошный глаз мог бы заметить, что цветом кожи он был обязан тща-

тельно наложенной краске. Но вилотную к погребальной лодке не смел приблизиться никто. Все знали, что над асуритами тяготело проклятие, а лодки паломников охраняла могущественная и недобрая магия. Рулевые встречных суденышек спешили переложить руль и прошептать охранительное заклинание, понятия не имея, что тем самым способствуют побегу своего короля и графини Альбионы!

Странным было их путешествие в узкой черной лодке по великой реке. Где-то там, двумя сотнями миль ниже по течению, Хорот круто сворачивал к востоку, обходя Пуантенские горы. А пока с обеих сторон разворачивалась, постоянно меняясь, панорама берегов. Днем Альбиона, как и подобает умершему, смирно лежала в каюте, а Конан греб. Девушка выбиралась наружу только в ночные часы, когда реку покидали прогулочные суда с разодетыми бездельниками, отдыхавшими на шелковых подушках, а суетливые рыбачьи лодки ожидали рассвета у берегов. Тогда Альбиона садилась к рулю, чтобы Конан мог поспать хотя бы несколько часов. Но король не нуждался в длительном отдыхе. Нетерпение подгоняло его, а выносливое тело могло одолеть и не такие труды.

Лодка шла к югу без остановки.

Зима осталась на севере: днем ласково светило золотое солнце, а по ночам гладь реки отражала мириады сверкающих звезд. Проплывали мимо города, залитые морем огней, проплывали гордые виллы и тучные пастбища. И вот засинели впереди Пуантенские горы — хребты громоздились один на другой, подобно бастионам, выстроенным руками богов. С разбегу ударившись в громадные скалы, великая река прокладывала себе путь между холмами, с ревом и грохотом обрушиваясь водопадами и вскачь летя по порогам.

Внимательно осмотрев берег, Конан повернул рулевое весло и направил лодку к мысу, где высилась серая, странной формы скала, окруженная правильным кольцом елей.

— И как это лодки проходят пороги, ревущие там, впереди? Не пойму! — проворчал он. — Хадрат говорил, как-то проходят... Ну да нам все равно соваться туда ни к чему. Жрец обещал, здесь нас будет ждать человек с лошадьми. Я, правда, никого что-то не вижу. И каким образом весть о нашем прибытии могла обогнать нас самих?

Мощным взмахом весел он выгнал лодку на низкий берег и привязал к толстому корню, торчащему из земли. Потом окунулся в воду и смыл краску, возвращая своей коже естественный цвет. Достав из каюты аквилонскую кольчугу, раздо-

бытую для него Хадратом, он натянул одежду и доспехи, Альбиона же облачилась в костюм для верховой езды по горам. Застегнув последнюю пряжку, Конан вновь оглянулся на берег... и вздрогнул, а рука метнулась к мечу. Ибо на берегу, под деревьями, стоял человек в черном. Он держал под уздцы изящную белую лошадку и гнедого боевого коня.

— Кто ты? — спросил король.

Человек низко поклонился ему:

— Я асурит. Я получил приказание и исполнил его.

— Как это «получил»? — поинтересовался Конан, но тот лишь поклонился еще раз:

— Я пришел, чтобы проводить вас через горы до первой крепости пуантенцев.

— Проводник мне не нужен,— сказал Конан,— я хорошо знаю эти места. Спасибо тебе за коней, друг, но мы с графиней привлечем меньше внимания, если поедем одни.

Человек вручил Конану поводья и забрался в лодку. Оттолкнувшись от берега, он направил ее вниз по течению, туда, где гремели вдали невидимые перекаты. Конан в недоумении покрутил головой. Потом посадил графиню в седло, сам сел на гнедого, и оба поскакали к горам, чьи зубчатые вершины казались башнями, подпиравшими небо.

Холмистая местность у подножия хребтов была теперь своего рода пограничьем и переживала темные и смутные времена. Каждый барон был сам за себя, повсюду беспрепятственно бродили ватаги разбойников. Пуантен еще официально не объявил о своем отделении от Аквилонии, но фактически превратился в самостоятельное королевство, управляемое наследным графом Троцеро. Предгорья номинально подчинялись Валерию, но он и не пытался штурмовать заоблачные перевалы с их твердынями, над которыми вызывающе развевалось малиновое знамя с леопардом.

Стоял тихий вечер. Король и его прекрасная спутница поднимались все выше по склону. И чем выше они взбирались, тем шире расстилались перед ними всхолмленные равнины предгорий, покрытые лиловыми тенями отгоревшего дня, украшенные мягким блеском рек и озер, золотом плодородных полей и белизной далеких сторожевых башен. А впереди, высоко-высоко, виднелась первая из пуантенских твердынь: суровая крепость, нависшая над узким ущельем, и малиновое знамя вилось над ней в чистой синеве неба.

Крепость была еще не близко, когда из-за деревьев появился отряд рыцарей в начищенных латах. Рыцари были настоящими южанами: высокими, темноглазыми, с воронными кудрями.

— Остановись, почтенный,— сказал Конану предводитель.— Зачем и по какому делу едешь ты в Пуантен?

— С каких это пор людей в аквилонских доспехах здесь останавливают и допрашивают, точно чужестранцев? — пристально глядя на него, спросил Конан.— Или Пуантен восстал?

— Самые разные люди едут нынче из Аквилонии,— хмуро ответил рыцарь.— Что же до восстания, если назвать этим словом неподчинение узурпатору, то да, тогда Пуантен восстал. Мы согласны служить памяти мертвого мужа, но не живому псу!

Тут-то Конан сорвал с себя шлем и, откинув густую черную гриву, прямо поглядел в глаза говорившему. Пуантенец отшатнулся и стал бледен как смерть.

— Силы небесные! — задохнулся он.— Это король! Он жив! Жив!

Его спутники недоуменно вгляделись... и разразились ревом изумления и восторга. Плотно окружив Конана, они выкрикивали боевой клич и в избытке чувств размахивали мечами. Шумное ликование пуантенских воителей могло насмерть перепугать несмелого человека.

— Троцеро заплачет от радости, увидев тебя, государь! — крикнул один из них.

— И Просперо! — добавил другой.— На нашего полководца с тех самых пор как будто и солнце не светит. Только знай клянет себя день и ночь за то, что не подоспел вовремя к Валкию и не погиб рядом со своим королем!

— Теперь мы вернем королевство! — заорал третий, вращая над головой громадным мечом.— Да здравствует Конан — король Пуантена!

Восторженные крики и лязг блистающей стали спугнули птиц, и они пестрой тучей снялись с ветвей ближних деревьев. В жилах рыцарей кипела горячая южная кровь, они жаждали лишь одного: скорее бы счастливо обретенный король вновь повел их к победам и славе.

— Приказывай же, государь! — кричали они.— Позволь, кто-нибудь из нас поскачет вперед и доставит в Пуантен весть о твоем возвращении! Пусть над башнями развеваются флаги, пусть розы ложатся под копыта твоего коня! Пусть красота и доблесть юга окажут тебе почести, подобающие твоему...

Но Конан непреклонно покачал головой.

— Кто подвергает сомнению вашу верность? — сказал он.— Дело только в том, что ветер, разносчик вестей, невоз-

бранно летит через горы — и не только в дружественные страны. А им пока совсем ни к чему знать о том, что я жив. Проводите меня к Троцеро, но смотрите никому не открывайте, кто я такой.

Рыцари мечтали о триумфальном шествии, а получилось что-то вроде тайного побега. Ехали спешно, скрытно и молча, разве только шептали словечко-другое старшинам крепостей на очередном перевале. Конан ехал меж спутников, не поднимая забрала.

Горы были почти безлюдны: жили здесь только воины в сторожевых замках да беглые разбойники, объявленные вне закона. Пуантенцы не видели нужды в том, чтобы в трудах и муках добывать скудное пропитание, возделывая суровые скалы. К их услугам были прекрасные и щедрые земли, простиравшиеся южнее гор до самой реки Аламаны, за которой лежала Зингара.

За горами, в Аквилонии, зимняя стужа оголила ветви деревьев, а здесь зеленели травами роскошные луга, в которых паслись табуны коней и стада скота — гордость и слава Пуантена. Пальмовые и апельсиновые рощи радовались ласковому солнцу, великолепные пурпурные, золотые, малиновые башни богатых городов так и сияли. Это была страна изобилия и тепла, прекрасных женщин и неустрашимых воителей. Не только суровые земли способны рождать храбрецов. Жадные соседи издревле зарились на Пуантен, и сыны его были закалены беспрестанными войнами. С севера страну прикрывали хребты гор, но на юге лишь Аламана отделяла пуантенские равнины от равнин Зингары, и воды ее сотни раз окрашивались кровью. К востоку лежал Аргос, а за ним — Офир, и оба отличались высокомерием и алчностью. Мечи пуантенских рыцарей ограждали страну, и праздные минуты редко им выпадали.

И вот Конан прибыл в замок графа Троцеро...

Конан сидел на шелковом диване в богато убранном чертоге. Теплый ветер шевелил прозрачные шторы на окнах. Троцеро ходил по комнате туда и сюда, точно пантера по клетке. Это был гибкий, первый мужчина с талией девушки и плечами бойца. Прожитые годы почти не оставили на нем отпечатка.

— Разреши нам провозгласить тебя королем Пуантена! — уговаривал он Конана.— Пусть эти ничтожные северяне влачат ярмо, в которое сами сунули шеи. Ты — по-прежнему твой! Живи здесь и правь нами среди цветов и пальмовых рощ...

Конан покачал головой:

— Пуантен благороден, как ни одна другая страна. Но и ему, при всем мужестве его сынов, не выстоять в одиночку.

— Мы поколениями оборонялись в одиночку,— возразил Троцеро с ревнивой гордостью, присущей его народу.— Мы не всегда были частью Аквилонии!

— Я знаю,— сказал Конан.— Но в те времена все королевства были раздроблены на мелкие владения, без конца воевавшие друг с другом. Теперь все по-другому. Дни герцогств и вольных городов миновали, грядет эпоха империй. Правителям снятся завоевания, и защититься можно только в единстве.

— Так давай присоединим Зингару к Пуантену,— предложил Троцеро.— Там теперь не менее полудюжины принцев, и все рвут глотки друг другу. Мы легко завоюем ее, одну провинцию за другой, и присоединим к твоим владениям. Потом с помощью зингарцев покорим Аргос и Офир. Уж если кто создаст империю, так это мы!

И вновь Конан отрицательно покачал головой:

— Об империях пускай мечтают другие, я же хочу лишь сохранить принадлежащее мне. Я не стремлюсь к тому, чтобы править империей, сколоченной огнем и мечом... Одно дело — когда народ вручает тебе трон и сам соглашается, чтобы ты им правил. И совсем другое — захватить чужую страну и властвовать с помощью страха. Чтобы я превратился во второго Валерия? Нет, Троцеро. Я намерен править всей Аквилонией — и не более. Или ничем!

— Тогда веди нас через горы, и мы выгоним немедийцев!

Свирепые глаза Конана благодарно потеплели. Но...

— Это стало бы напрасной жертвой, Троцеро,— сказал он.— Я уже объяснял тебе, что именно я должен сделать, чтобы вернуть королевство. Я должен разыскать Сердце Аримана.

— Но это же сумасшествие! — возмутился Троцеро.— Бредни еретического жреца! Бормотание свихнувшейся ведьмы!

— Не был ты в моем шатре перед Валкием,— мрачно ответил Конан и невольно покосился на свое правое запястье, где еще виднелись синие пятна.— Ты не видел, как обрушились скалы и погребли цвет моей армии. Нет, Троцеро, это не бред, и я в том убедился. Ксальтотун — не простой смертный, и противостоять ему можно только с Сердцем Аримана в руках. Так что я все-таки поеду в Корлаву. И притом один.

— Это слишком опасно,— не сдавался Троцеро.

— А жить не опасно? — проворчал король.— Но я поеду не как аквилонский владыка и даже не как пуантенский рыцарь. Я буду простым странствующим наемником, как в прежние годы. Это верно, к югу от Алиманы у меня полно врагов и на суше, и на море. Многие, понятия не имея о короле Аквилонии, вспомнят Конана — вождя барахских пиратов. Или Амру — предводителя черных корсаров. Но хватает у меня и друзей, а кроме того, есть люди, которые по некоторым причинам будут рады мне помочь.

Воспоминания заставили его слегка улыбнуться.

Троцеро уронил руки, отчаявшись убедить короля, и повернулся к Альбионе, сидевшей на соседнем диване.

— Я понимаю твои сомнения, господин мой,— сказала она.— Но я тоже видела монету в храме Асуры и помню слова Хадрата о том, что ее отчеканили за целых пятьсот лет до падения Ахерона! Если, как утверждает государь, на монете изображен именно Ксальтотун, то значит, что в прежней своей жизни он не был обычным волшебником. Его век измерялся столетиями — разве простому смертному это под силу?

Ответить Троцеро не успел: в дверь почтительно постучали, и чей-то голос произнес:

— Повелитель! Мы поймали какого-то человека, прокравшегося в замок. Он говорит, что хотел бы сообщить нечто твоему гостю. Как прикажешь с ним поступить?

— Аквилонский шпион! — прошипел Троцеро и схватился за кинжал, но Конан возвысил голос:

— Откройте дверь! Я сам посмотрю, что это за птица.

Приказание было исполнено: на пороге появился худощавый мужчина в темной куртке с капюшоном. Двое суровых стражников держали его за руки.

— Ты поклоняешься Асуре? — спросил Конан.

Мужчина кивнул, и могучие стражники, потрясенные, уставились на Троцеро.

— К нам на юг пришло слово,— сказал асурит.— За Алиманой мы уже не сможем тебе помогать: наше влияние распространяется отсюда не к югу, а лишь на восток, вдоль русла Хорота. Но вот что я вызнал: вор, которому Тараск поручил Сердце Аримана, до Кордавы так и не добрался. В Пуантенских горах его убили разбойники. Сердце досталось их вождю, который о его истинной природе и не догадывался. Вскоре пуантенские рыцари уничтожили его шайку, и он, оставшись ни с чем, продал Сердце кофскому купцу по имени Зорат.

— Ха! — Конан вскочил, как подброшенный.— И что этот Зорат?

— Четыре дня назад он пересек Алиману, направляясь в Аргос. С ним были вооруженные слуги.

— Глупец! Нынче пересекать Зингару небезопасно,— заметил Троцеро.

— Верно, за рекой неспокойно. Но Зорат смел и по-своему безрассуден. Он торопится в Мессантию, надеясь там найти покупателя. Возможно, он даже догадывается, что именно попало ему в руки, и хочет продать Сердце стигийцам. Во всяком случае, едет он прямиком через восточную Зингару, кратчайшим путем, пренебрегая более протяженной дорогой вдоль границ Пуантена.

Конан так грохнул по столу кулаком, что тяжелая столешница задрожала.

— Во имя Крома! Неужто удача наконец-то надумала мне улыбнуться? Коня, Троцеро! Скорее коня и доспехи вольного наемника! Зорат, конечно, опередил меня, но уж не настолько, чтобы я не смог его догнать — хотя бы на краю света!

12

КЛЫК ДРАКОНА

На рассвете Конан верхом переправился через мелководную Алиману и поскакал по широкой караванной тропе, что вела на юго-восток. А на покинутом им берегу молча сидел в седле граф Троцеро, окруженный закованными в сталь рыцарями, и малиновое знамя с леопардом Пуантена трепетало на утреннем ветру над его головой. Темноволосые люди в блестящих доспехах хранили молчание, пока синяя дымка расстояния окончательно не поглотила их короля...

Конан ехал на громадном вороном жеребце, которого подарил ему Троцеро. На плечах короля больше не было аквилонской кольчуги; если верить доспехам, он был наемником из Вольного Братства, члены которого, как известно, принадлежали ко всем народам земли. На голове Конана был простой шлем, помятый в боях, тело прикрывала видавшая виды броня, а красный плащ, развевавшийся за плечами, был изрядно поношен и не особенно чист. Словом, Конан с головы до пят выглядел именно тем, за кого

себя выдавал,— наемным рубакой, познавшим все гримасы и капризы судьбы: сегодня — богатая добыча, а завтра — ветер в кошельке и затянутый потуже ремень.

Конан не только выглядел наемником, он себя им и ощущал. Старые воспоминания проснулись в нем и властно заговорили. Вновь встали перед глазами безумные, далекие и славные времена, когда ему и не снилась корона, когда он странствовал и сражался, бражничал и бесчинствовал, думать не думая о завтрашнем дне. Если он тогда о чем и мечтал, так только о пенистом кубке, об алых девичьих устах да остром клинке, который обошел бы с ним бранные поля целого мира.

Сам не сознавая того, он все более возвращался к прежним повадкам. Развязность появилась в его поведении, в посадке на лошади — щегольство. Полузабытые ругательства сами собой слетали с его губ. Покачиваясь в седле, он мурлыкал старые песни — те самые, что они с друзьями хором ревели когда-то в тавернах, на пыльных дорогах, на полях кровавых сражений.

Опытный глаз его примечал, что в Зингаре вправду было неспокойно. Конные отряды, обычно разъезжавшие вдоль реки на случай набега из Пуантена, подевались неизвестно куда. Междоусобная грызня оголила границы. Пустынная дорога белела от горизонта до горизонта. Не позвякивали колокольцами караваны груженых верблюдов, не катились, постукивая колесами, повозки, не мычали стада. Конану попадались лишь редкие группы всадников, одетых в кожу и сталь, с жестокими глазами и ястребиными лицами. Они скакали стремя в стремя и держались настороженно. Обшарив Конана взглядами, они ехали прочь: с этого одинокого путника было явно нечего взять, зато схватка с ним обещала быть страшной.

Опустевшие деревни лежали в развалинах, поля стояли непахаными, луга заросли. Усобицы и налеты из-за реки почти выкосили здешний народ, времена были такие, что лишь храбрейшие дерзали путешествовать с места на место. А ведь в мирные дни эта дорога так и кишела купцами, спешившими из Пуантена в Аргос, в город Мессантию, и назад. Теперь большинство торговцев предпочитало другой путь — тот, что вел пуантенскими землями на восток и лишь потом сворачивал к югу, в Аргос. Та дорога была много длинней, зато безопасней. Только отчаянный смельчак отважился бы рисковать товарами и самой жизнью, пересекая Зингару.

У южного горизонта ночами стояло зарево, днем к небу вздымались шаткие столбы дыма: в городах и весях юга гибли люди, рушились троны, горели великолепные замки. Временами Конана брало дотянувшееся из прошлого искушение: а не повернуть ли коня, не ринуться ли очертя голову в битвы и грабежи, как когда-то? И на что ему в таких трудах и муках отвоевывать свое право властвовать над народом, который успел уже его позабыть? Зачем гнаться за блуждающим огоньком, стремясь к утраченной навеки короне? Почему бы ему не забыться, не затеряться в кровавом водовороте войны, как прежде бывало? А королевство — да неужели он нового себе не создаст?

Мир, думалось Конану, вступал в век железа, войн и имперских устремлений, и сильный человек вполне мог подняться над руинами наций, как новый завоеватель. Почему бы ему не стать таким человеком?

Так нашептывал ему знакомый бес-искуситель, а перед внутренним оком кружились призраки его кровавого и беззаконного прошлого. Но Конан так и не свернул с пути. Он ехал вперед и вперед, неустанно стремясь к цели, которая казалась чем дальше, тем все менее ясной, порою напоминая несбыточный сон.

Со всей возможной скоростью гнал он вороного жеребца по белой дороге, простиравшейся от горизонта до горизонта. Зорат и вправду намного его обогнал, но Конан знал, что едет наверняка быстрее, чем обремененный товарами купец. И спустя некоторое время дорога привела его к замку графа Вальбросо, что высился, подобно гнезду стервятника, на голом холме. Вальбросо сам выехал из ворот во главе своих молодцов. Это был смуглый худой человек с блестящими глазами и хищным носом, похожим на клюв. На нем были черные латы, а позади скакали три десятка копейщиков — черноусые ястребы пограничных войн, такие же алчные и безжалостные, как и их хозяин. Оскудевшие караваны давно не приносили добычи, и Вальбросо клял на чем свет стоит бесконечные усобицы, из-за которых дороги стали пустынны,— впрочем, эти же благословенные усобицы дали ему повод для безнаказанной расправы над соседями.

Одинокий путник, замеченный с башни, выглядел не слишком лакомым кусочком, но Вальбросо привык извлекать барыш из всего. Многоопытным взглядом окинул он Конанову потрепанную кольчугу и темное, в шрамах, лицо и сделал тот же вывод, что и всадники, с которыми киммериец разминулся ранее: тяжелый меч и пустой кошелек.

— Куда едешь, мошенник? — спросил граф.

— В Аргос,— ответил Конан.— Я — наемник. А как звать, неважно.

— Справные наемники нынче держат путь не туда, а оттуда,— проворчал Вальбросо.— Теперь все веселье на юге: и сражения, и добыча. А может, вступишь в мой отряд? С голоду не помрешь, это я тебе обещаю. На большой дороге, правда, совсем не осталось жирных купцов, которых стоило бы пощипать, но я со своими парнями думаю вскоре перебраться на юг и наняться к тем, кто ближе к победе!

Конан ответил не сразу. Он знал: стоит прямо заявить «нет», и Вальбросо тут же натравит на него своих головорезов. Зингарец же, не дождавшись ответа, сказал еще:

— Вы, вольные наемники, знаете уйму способов развязать язык самому упрямому человеку. А у меня как раз пленник — последний перехваченный мною купец, ибо я, клянусь Митрой, уже несколько недель не видел ни одного. Так вот, у негодяя была с собой железная шкатулка, и мы не сумели ни вскрыть ее, ни заставить упрямца выдать секрет. Во имя Иштар! Я-то думал, нет средств убеждения, которыми бы я не владел, но, может быть, ты, бывалый наемник, знаешь что-нибудь такое, что неведомо мне? Поехали в замок, посмотрим, не получится ли у тебя!

Эти слова возымели действие тотчас: Конан кивнул головой. В самом деле, пленником графа вполне мог оказаться и Зорат. Конан не был знаком с ним, но человек, у которого хватило духу пуститься в такое время по зингарским дорогам, мог, чего доброго, устоять и под пыткой...

Конан повернул коня и поехал рядом с Вальбросо по извилистой тропе, поднимаясь на холм, где угрюмо высился замок. Вообще-то ему, как простому воину, полагалось бы ехать позади графа, но сила привычки взяла свое, а Вальбросо не обратил внимания. Годы, прожитые на границе, напрочь отучили его от этикета, уместного при блестящем королевском дворе. Он хорошо знал, как горды и независимы наемники, чьи мечи возвели на трон не одного короля.

Высохший ров был местами до половины забит мусором. Копыта коней простучали по подъемному мосту, и отряд въехал в ворота. С мрачным лязгом упала сзади решетка. Пустынный двор зарос кое-где чахлой травой, посередине виднелся колодец. Вдоль стен ютились покосившиеся лачуги воинов графа, из дверей выглядывали женщины: одни — неряхи неряхами, другие — увешанные безвкусными укра-

шениями. Стражники в ржавых кольчугах резались в кости, сидя под арками на каменной мостовой... Сущее разбойничье гнездо, а не замок дворянина!

Вальбросо спешился и жестом пригласил Конана за собой. Войдя в дверь, они миновали длинный сводчатый коридор и натолкнулись на хмурого человека в кольчуге, спускавшегося навстречу по лестнице. Конан пригляделся к шрамам на его лице и решил, что это, скорее всего, был капитан стражи.

— Ну что, Белосо? — спросил граф.— Заговорил?

— Упрям, как черт,— буркнул Белосо, бросая на Конана подозрительный взгляд исподлобья.

Грязно выругавшись, владелец замка в ярости затопал по винтовой лестнице вверх. Конан и капитан последовали за ним.

Чем выше они поднимались, тем слышней делались стоны человека, терпящего ужасные муки. Пыточный застенок в замке Вальбросо располагался не в подземелье, как обычно, а, напротив, высоко над двором. Внутри застенка сидел на корточках волосатый, звероподобный мужик в кожаных штанах и, чавкая, обгладывал говяжью кость. А вокруг громоздились дыбы, крючья, тиски и прочие приспособления, изобретенные человеческим разумом для того, чтобы рвать плоть, дробить кости, выворачивать суставы и сухожилия...

На дыбе висел нагой человек, и Конан с первого взгляда понял, что страдать ему осталось недолго. Его руки, ноги и само тело были страшно растянуты, что говорило об исковерканных суставах и многочисленных внутренних разрывах. Смуглое лицо человека было умным и тонким, но глаза налились кровью и остекленели от муки, капли смертного пота стекали со лба, а рот был перекошен оскалом.

— Вот шкатулка, о которой я говорил.— Вальбросо злобно пнул небольшой, но увесистый железный сундучок, стоявший поблизости на полу. Его покрывал замысловатый узор из крохотных черепов и сплетающихся драконов, но Конан не заметил никаких признаков замка, запиравшего крышку. Было видно, что сундучок жгли огнем, рубили топором и зубилом, но едва смогли оцарапать.— Этот пес держит там свои драгоценности,— зло продолжал Вальбросо.— Весь Юг знает Зората и его железную шкатулку, но что в ней — одному Митре известно. Не открывает секрета, хоть тресни!

Зорат! Итак, перед Конаном был человек, которого он так долго искал. Сердце короля забилось у горла, но, когда

он склонился над мучеником, о его истинных чувствах догадаться было невозможно.

— Ослабь веревки, скотина! — резким голосом приказал он палачу. Вальбросо с капитаном уставились на него в некотором недоумении: забывшись, Конан заговорил привычным повелительным тоном. Палач же инстинктивно повиновался. В голосе незнакомца слышался металл, он явно не шутил, и заплечных дел мастер отпускал веревки постепенно — резкая слабина причинила бы разорванным суставам такую же муку, как и дальнейшее растягивание.

Схватив кубок вина, стоявший неподалеку, Конан поднес его ко рту несчастного. Зорат судорожно глотнул, проливая вино на тяжело вздымавшуюся грудь. Потом в налитых кровью глазах затеплился огонек узнавания. Шевельнулись губы, покрытые запекшейся пеной. Задыхаясь и всхлипывая, Зорат заговорил по-кофски:

— Значит, я умер? Значит, кончились наконец эти пытки? Передо мной король Конан, погибший при Валкис: я среди мертвых...

— Еще нет,— сказал Конан.— Но ты умираешь. Больше тебя не будут пытать, это я обещаю. Но и помочь тебе я уже ничем не могу. Зорат! Скажи, как открыть твой сундучок?

— Мой сундучок,— пробормотал Зорат, соскальзывая в бредовое беспамятство.— Железный сундучок, выкованный в адовом пламени огненных гор Хоршемиша... ни одно зубило его не возьмет. Какие сокровища возил я в нем по всему свету! Но равного тому, что лежит там теперь, еще не бывало...

— Скажи, как открыть,— тормошил его Конан.— Тебе оно уже не пригодится, а мне может помочь!

— Да, ты — Конан...— невнятно бормотал кофиец.— Я видел тебя на престоле в тронном зале, в Тарантии... со скипетром в руках, с короной на голове... Ты мертв: тебя убили при Валкие. Стало быть, умер и я...

— Что там несет эта падаль? — нетерпеливо спросил Вальбросо, не понимавший по-кофски.— Скажет он наконец, как отпирается чертов ящик?

Голос мучителя словно раздул в измученной груди искорку жизни. Зорат обратил налитые кровью глаза в сторону говорившего.

— Одному Вальбросо открою я тайну...— прошелестел он по-зингарски.— Я умираю... Нагнись ко мне, Вальбросо!

Граф не заставил себя упрашивать: отвратительная алчность была написана у него на лице. Угрюмый Белосо придвинулся вплотную к хозяину.

— Надави один за другим семь черепов по краю,— с трудом выдохнул Зорат.— А потом — голову дракона, изваянного на крышке. И наконец — шарик в лапах дракона. Потайная пружина...

— Живо ящик сюда! — заорал Вальбросо, добавив ругательство.

Конан поднял сундучок и поставил на лавку. Граф толкнул его плечом, оттирая в сторону. Белосо шагнул вперед:

— Позволь, я открою...

Вальбросо разразился такими проклятиями, что капитан отшатнулся. Черные глаза графа горели жадностью.

— Никто, кроме меня!

Конан, успевший инстинктивно протянуть руку к мечу, покосился на Зората. Стекленеющие глаза страдальца были с пристальным вниманием устремлены на Вальбросо. Конану померещилась даже тень зловещего торжества, искривившая усмешкой губы Зората. Лишь осознав, что умирает, кофиец согласился выдать секрет... Конан повернулся к Вальбросо и стал ждать, что же будет.

По краю крышки ларца были вырезаны сплетенные ветви какого-то дерева и между ними — семь черепов. Сверху, среди фантастических узоров, красовался инкрустированный дракон. Трясущимися от нетерпения руками Вальбросо торопливо надавил черепа, затем прижал большим пальцем резную голову дракона и вдруг, выругавшись, отдернул руку и раздраженно встряхнул ею.

— Какой козел не загладил резьбу? — прорычал он.— Так и руки недолго попортить...

Он тронул золотой шарик, что дракон держал в коготках, и крышка неожиданно отскочила. Золотое пламя ослепило глаза! Казалось, шкатулка была полна брызжущего огня, который переливался через край и разбрасывал по всей комнате трепетные искры. Белосо вскрикнул, а Вальбросо с шумом втянул в себя воздух. Онемевший Конан стоял неподвижно, околдованный невероятным сиянием.

— Митра! Вот это камень! — Волосатая лапа Вальбросо нырнула в сундук, чтобы извлечь наружу большой алый шар, исходивший пульсирующим светом. В этом свете Вальбросо почему-то выглядел как покойник, зато снятый с дыбы умирающий внезапно разразился хохотом, диким и жутким.

— Глупец! — крикнул он.— Ты получил камень и вместе с ним — смерть! Ты думаешь, что уколол палец? Приглядись к голове дракона, Вальбросо!

Обернулся не только граф — все, бывшие в комнате. Что-то маленькое и блестящее торчало из оскаленной металлической пасти.

— Клык дракона! — надрывался Зорат.— Я смазал его ядом черного стигийского скорпиона!.. Глупец, ты взялся за мой ларец без перчатки! Ты мертв, Вальбросо! Ты мертв!..

Кровавая пена хлынула из уст купца — душа его отлетела.

— О Митра, я горю! — взвизгнул Вальбросо и зашатался.— Огонь мчится по жилам!.. Рвутся суставы!.. Это смерть, смерть!..

И, покачнувшись, он рухнул на пол. Жуткие судороги скрутили его тело немыслимыми узлами; так он и застыл, глядя вверх бессмысленными глазами, обнажая в оскале почерневшие десны.

— Мертв,— пробормотал Конан и нагнулся подобрать камень, выкатившийся из скрюченной ладони Вальбросо. Сердце Аримана трепетало на полу, точно живой кусочек заката.

— Мертв,— повторил Белосо. Взгляд его был безумен. Он метнулся вперед.

Завороженный сиянием Сердца, Конан не ждал подвоха. Он понял намерение Белосо лишь тогда, когда нечто тяжелое обрушилось сверху на его шлем. Золотой свет камня сменился кровавым туманом, Конана бросило на колени.

Он услышал топот и животный рев убиваемого человека. Конан был оглушен, но сознания не потерял и успел понять, что Белосо огрел его, нагнувшегося, железной шкатулкой. Добрый боевой шлем спас короля. Пошатываясь, он поднялся, выхватил меч и затряс головой, пытаясь остановить стены комнаты, плясавшие перед глазами. Дверь была распахнута; торопливые шаги уже стихали, удаляясь по винтовой лестнице. Звероподобный палач испускал дух, валяясь на полу со страшной раной в груди.

Сердце Аримана исчезло.

Конан на нетвердых ногах выбрался из застенка наружу. Он держал в руке меч, по лицу из-под шлема бежала кровь. Качаясь, как пьяный, он сбежал вниз по ступеням. Со двора донесся звон стали, крики, затем отчаянный топот копыт. Пронзительно визжали женщины. Вывалившись во двор, Конан увидел суматошно мечущихся воинов. Задние ворота были раскрыты, поперек выхода, все еще сжимая копье, лежал с разрубленной головой мертвый воин. По двору с испуганным ржанием бегали кони, с которых никто не позаботился снять уздечки и седла. Был среди них и Конанов вороной жеребец.

— Он сошел с ума! — ломая руки, истошно кричала какая-то женщина.— Выскочил из замка, точно бешеный пес, и ну рубить направо и налево! Говорю вам, Белосо спятил! Где граф Вальбросо, наш господин?

— Куда делся Белосо? — взревел Конан.

Все разом замолчали и обернулись, пяля глаза на окровавленного незнакомца с мечом в руках.

— Ускакал в задние ворота! — ответил женский голос.

— А это еще кто? — заорал какой-то воин.

— Белосо зарубил графа! — крикнул Конан и, прыгнув, поймал за гриву своего жеребца. Он не собирался ждать, пока неуверенно переминавшиеся молодцы на него нападут. И он не ошибся: они отреагировали на его сообщение именно так, как он и ожидал. Поднялся ужасный гвалт. Никому не пришло в голову запереть ворота, взять Конана в плен или броситься в погоню за убийцей и отомстить за вождя. Этих волков объединял лишь страх перед Вальбросо. Не стало его — и каждый был сам за себя.

По всему двору загремели, сшибаясь, мечи, женский визг надрывал слух. Среди всеобщего смятения никому и дела не было до Конана, который, вскочив на коня, вылетел из ворот и умчался вниз по склону холма. Перед ним расстилалась широкая равнина, караванная же дорога за холмом раздваивалась: одна ее ветка уходила на юг, другая на восток. По восточной дороге, низко пригнувшись в седле, стремительно уносился всадник, отчаянно шпоривший коня. Ровная степь покачивалась у Конана перед глазами, багровый туман временами застилал солнечный свет. Король пошатывался в седле, хватаясь за гриву. Кровь капала на кольчугу. Мрачно стиснув зубы, Конан знай понукал жеребца.

За его спиной из замка на холме повалил густой дым. Там, внутри, труп графа Вальбросо так и валялся неприбранным рядом с телом замученного купца. Солнце садилось; на фоне страшного, кровавого неба мчались одна за другой две черные крохотные фигурки...

Вороной жеребец начинал уставать — как, впрочем, и лошадь Белосо. Но копыта могучего жеребца мелькали по-прежнему стремительно. Конан не утруждал больную голову рассуждениями о том, почему зингарец спасается бегством от одного-единственного преследователя. Быть может, Белосо поддался безрассудной панике, околдованный безумием, таившимся в сиянии камня?

Солнце скрылось. Белая дорога едва мерцала в призрачных сумерках, впереди сгущалась лиловая тьма.

Тяжело дышал измученный жеребец. Даже в потемках было заметно, как менялась местность вокруг. Голую степь оживляли дубовые рощи и заросли ольхи. Невысокие холмы поднимались вдали. Появились первые звезды... Жеребец *поспатывался* на бегу. Но Конан разглядел впереди густой лес, тянувшийся по холмам до горизонта, а между собою и лесом — смутный силуэт беглеца. И снова послал вперед едва живого коня: он видел, что расстояние между ним и Белосо сокращалось ярд за ярдом, медленно и неуклонно. Сквозь стук копыт из непроглядных теней на обочине послышались какие-то странные крики, но ни преследуемый, ни преследователь даже ухом не повели.

Когда лошади внесли их под деревья, смыкавшиеся кронами над дорогой, их разделяли считанные шаги. Яростный крик сорвался с губ Конана: он занес меч. Белосо обратил к нему бледное, еле различимое в темноте лицо и тоже занес смутно блеснувший клинок, ответив, точно эхо, на боевой клич короля. Но тут измотанный Конанов жеребец охнул и покатился кувырком, споткнувшись впотьмах. Вылетев из седла, Конан врезался больной головой в камень... и непроглядная тьма погасила для него звезды.

Долго ли он пролежал без чувств, Конан не знал. Сначала он почувствовал, что его волокут, схватив за руку, по каменистой земле, напролом сквозь густые кусты. Потом кто-то грубо швырнул его оземь, и от этого толчка сознание начало возвращаться.

Шлем укатился неизвестно куда, голову раскалывала тошнотворная боль, в волосах было полно запекшейся крови. Но Конан обладал жизненной силой дикого зверя, и едва успел проясниться перед глазами туман, как киммериец начал озираться и соображать, куда его занесло.

Большая красноватая луна светила сквозь ветви деревьев, и он понял, что полночь давно миновала. Видимо, Конан провалялся оглушенным несколько часов: вполне достаточно, чтобы оправиться и от удара, которым наградил его Белосо, и от падения с лошади. Голова теперь была определенно яснее, чем во время той сумасшедшей погони.

Тут Конан с удивлением отметил, что лежит вовсе не на обочине белой дороги, как ему сперва показалось. Дороги совсем не было видно. Конан лежал на траве посреди небольшой поляны, огороженной черной стеной древесных стволов и путаницей ветвей. Лицо и руки короля были изодраны и исцарапаны, словно его в самом деле волокли сквозь

заросли ежевики. Конан приподнялся на локте — и тотчас отшатнулся. Сидя на корточках, над ним склонился некто. Вернее, нечто.

Сперва Конан усомнился в собственном рассудке: больно уж эта тварь напоминала видение прямиком из кошмарного бреда. Неподвижному серому существу, что смотрело на Конана глазами, в которых не чувствовалось души, быть реальным просто не полагалось.

Какое-то время Конан молча разглядывал его, почти ожидая, чтобы оно растаяло, точно дурной сон. Но потом в глубине сознания шевельнулось что-то полузабытое, и король содрогнулся, ощутив, как противный холодок пополз по спине. Недаром, знать, люди шепотом передавали из уст в уста пугающие слухи о серых тенях, что таились в безлюдных лесах по холмам на гранине Зингары и Аргоса! Вурдалаки, пожиратели человечины, семя тьмы, потомство нечестивой похоти, толкнувшей давно забытое племя в объятия демонов Преисподней! Вот, значит, кто бродил в злешних первобытных лесах, прячась в проклятых руинах древнего города...

Не сводя глаз с уродливой башки нависшего над ним чудища, Конан осторожно потянулся к кинжалу, висевшему у бедра. И как раз в это время с ужасающим воплем, который невольно повторил человек, вурдалак прянул к его горлу.

Конан вскинул правую руку — собачьи клыки его противника тут же сомкнулись на ней, вдавливая в тело звенья кольчуги. Руки, похожие на человеческие, искали его горло, но Конан увернулся и левой рукой выдернул из ножен кинжал.

Они покатились по траве, вцепившись друг в друга. Под грубо-серой кожей вздувались мускулы, подобные стальным канатам; обычного человека они смяли бы без труда. Но мышцы Конана тоже были выкованы из стали, а кольчуга надежно защищала его от лязгающих клыков и когтей, стремящихся разорвать тело. Раз за разом всаживал он кинжал в вурдалака. Живучесть человекообразного монстра казалась неисчерпаемой, вдобавок каждое прикосновение скользкого, холодного тела вызывало у короля дрожь омерзения. Гадливость и невыносимое отвращение направили руку киммерийца — острие наконец отыскало сердце врага, и чудовище забилось в предсмертных муках, потом вытянулось и затихло.

Конан поднялся, борясь с тошнотой. Он стоял посреди поляны с кинжалом в руках, пытаясь понять, куда же идти.

Древний инстинкт по-прежнему безошибочно указывал ему, где север, где юг. Но вот дорога... Конан понятия не имел, куда затащил его вурдалак. Мрачным взглядом обвел он молчаливый, посеребренный луной черный лес, окружавший его со всех сторон, и помимо воли покрылся холодным потом. Он был один, без коня, затерянный в этих колдовских лесах и дохлая тварь, валявшаяся у ног, внятно свидетельствовала, что в лесах этих, быть может, водилось еще кое-что похлеще. Конан даже задержал дыхание, напрягая слух: не хрустнет ли сучок, не зашуршит ли трава?..

И наконец звук раздался, да такой, что киммериец едва не подскочил. Ночную тишину прорезал отчаянный визг насмерть перепуганного коня! Это был голос его жеребца. Наверное, на него бросилась лесная пантера, или... или вурдалаки жрали не только людей!

Конан пронзительно свистнул и помчался на крик, сокрушая кусты и подлесок. Пробудившаяся ярость мгновенно выжгла в нем страх. Погибнет конь — как он тогда настигнет Белосо и отнимет у него камень? Жеребец вновь завизжал, на сей раз немного поближе. Конь явно с кем-то сражался: Конан услышал удар копыта, пришедшийся во что-то податливое.

Неожиданно выскочив на широкую белую дорогу, он увидел своего коня. Облитый ярким светом луны, жеребец вставал на дыбы, метался и бил передним копытом. Его уши были прижаты, зубы злобно ощерены. Вокруг него, уворачиваясь, прыгала серая тень. Минуло какое-то мгновение, и, окружая Конана со всех сторон, возникли новые тени — мерзкие, скользкие, алчные. Потянуло трупным запахом, точно из склепа.

Но взгляд короля уже уловил некий блик: лунные лучи играли на лезвии его меча, полузасыпанного палыми листьями. Выругавшись, Конан метнулся к оружию, подхватил — и пошел рубить налево и направо! Разверзались слюнявые клыкастые пасти, гнусные лапы тянулись к нему, пытаясь схватить,— и все-таки он прорубил себе путь, схватил поводья жеребца и прыгнул в седло. Его меч вздымался и падал — морозная радуга, отражавшая серебряный свет. Кровь разлеталась черными кляксами из расколотых черепов вурдалаков, из рассеченных надвое отвратительных тел. Жеребец бил копытами, лягался и кусал. Наконец они вырвались из кольца и бешеным галопом понеслись прочь по дороге. Какое-то время по обе стороны, силясь догнать,

мчались серые тени. Потом они отстали. Жеребец Конана взлетел на вершину поросшего лесом холма, и король увидел впереди голые склоны, возносившиеся вверх и вверх...

13

«ТЕНЬ ЯВИЛАСЬ ИЗ ПРОШЛОГО...»

Солнце едва успело подняться, когда Конан пересек границу Аргоса. Ему так и не попался на глаза не то что сам Белосо — даже его след. Видать, успел унести ноги, покуда король лежал без сознания... если только вурдалаки не слопали его в зингарских лесах. Но следов расправы над ним Конан опять-таки не заметил. Скорее даже наоборот: по-видимому, чудовища сперва увлеклись погоней за Белосо — вот потому-то и прошло несколько часов, прежде чем они занялись Конаном. Но если Белосо жив, значит, он скакал по той же дороге, опережая Конана на некоторое расстояние. В этом король был уверен вполне. Если бы похититель Сердца не стремился в Аргос, он для начала вообще не свернул бы на юго-восток, на эту дорогу.

Стражники, стоявшие на границе, не стали спрашивать Конана ни о чем. Кто требует бумаги у одинокого странствующего наемника, особенно если доспехи его не украшены ничьим гербом, а значит, он ни у кого на службе не состоит?

Дорога вела Конана невысокими, заросшими травой холмами, где в кружевной тени дубрав лепетали ручьи. То вверх, то вниз шла дорога, убегая вперед по горам и долам, до затянутого голубой мглой горизонта. Очень, очень древним был этот путь, ведущий из Пуантена к морю...

В Аргосе царил мир. Запряженные быками повозки рокотали колесами по мощеной дороге. Загорелые, сильные люди трудились в садах и полях, привольно раскинувшихся вдоль обсаженного деревьями большака. Перед гостиницами, под сенью раскидистых дубов, сидели на скамьях почтенные старцы и приветствовали проезжающих мимо.

Конан чуть не каждого расспрашивал о Белосо: пахарей в полях, разговорчивых стариков в трактирах, куда он заглядывал промочить горло объемистым бурдюком пенящегося эля, и востроглазых купцов, одетых в шелка, что встречались ему по дороге.

Сведения были противоречивы, но постепенно Конан выяснил следующее. Где-то впереди него, очевидно, направляясь в Мессантию, в самом деле двигался по большаку тощий, жилистый, по-западному усатый зингарец с опасным блеском в черных глазах. Мессантия? Конан не удивился. Во всех морских портах Аргоса, в отличие от внутренних провинций, обитало весьма пестрое население, а Мессантия, пожалуй, была наиболее многоязычной. В ее гавани покачивались корабли, приходившие из всех мыслимых и немыслимых стран: город служил прибежищем бродягам и отщепенцам всех мастей. Ибо Мессантия жила и процветала морской торговлей, и в своих сделках с моряками горожане давно утратили невыгодную чистоплотность. Не только честные купцы торговали в Мессантии — рекой текли сюда и пираты, и контрабандисты. Все это Конан знал отлично, ибо и сам в прежние дни, будучи барахским пиратом, не раз под покровом ночи входил в этот порт, имея в трюме порою весьма странные грузы. Более того, многие пираты с тех же Барахских островов, затерявшихся в море к юго-западу от зингарского побережья, сами были аргосскими моряками. И покуда их алчное внимание было посвящено судам иных держав, аргосские власти проявляли весьма широкое понимание морских законов.

Беда, однако, заключалась в том, что Конан в свое время плавал не только с барахцами. Он имел дело и с зингарскими морскими разбойниками, и — самое скверное — с черно-кожими корсарами, что являлись с далекого юга опустошать северные берега. Это однозначно ставило его вне закона. Стоит кому-нибудь узнать его в любом порту Аргоса — и Конану не сносить головы. Тем не менее киммериец упрямо ехал в Мессантию, останавливаясь лишь затем, чтобы дать передышку коню да самому ненадолго смежить глаза.

Он въехал в город незамеченным и затерялся в толпе, кишевшей на улицах и площадях. В Мессантии не было стен: море и корабли надежно охраняли эти торговые врата юга.

Вечерело. Конан неторопливо ехал по улицам, спускавшимся к самой воде. В конце улиц виднелись набережные и за ними - мачты и паруса кораблей. Сколько лет минуло с той поры, когда Конан последний раз вдыхал соленый запах моря, слышал гул ветра в снастях и скрип мачт, видел белые венцы волн и край земли, отступающей за корму? И вновь шевельнулась в сердце тяга к дальним странствиям и неведомым землям...

Но к причалам Конан не поехал. Он повернул коня и, одолев большие, вытертые каменные ступени, выбрался на широкую улицу. Богато отделанные белые особняки смотрели с нее на море и порт. Здесь жили те, кого обогатила нелегкая морская добыча: несколько старых капитанов, сумевших поднакопить денег по чужим берегам, и великое множество перекупщиков и торговцев, ни разу не ступавших на палубу корабля, не говоря уж о морских сражениях и лютых штормах.

Конан направил коня к хорошо знакомым ему, отделанным позолотой воротам и въехал во двор, где негромко звенел фонтан и голуби перелетали с мраморных парапетов на мраморные же пороги. Навстречу выбежал паж, одетый в шелковые штаны и камзол, обрезанный снизу зубцами. Паж смотрел удивленно: мессантийским купцам приходилось иметь дело с самыми разными типами, зачастую грубыми и странными, но обычно они были как-то связаны с морем. С какой бы стати воину-наемнику этак по-хозяйски въезжать во двор известного торгового воротилы?

— Здесь живет купец Публио? — спросил Конан. Впрочем, это было скорее утверждение, чем вопрос, а в голосе, произнесшем эти слова, звучало нечто такое, отчего паж мигом сдернул шапку с пером и ответил с поклоном:

— Здесь, мой капитан.

Конан покинул седло. Паж позвал слугу, и тот, подбежав, принял поводья жеребца.

— Хозяин дома? — продолжал Конан, стаскивая латные рукавицы и выколачивая дорожную пыль из плаща и кольчуги.

— Да, мой капитан. Как прикажешь о тебе доложить?

— Я сам о себе доложу,— проворчал Конан.— Я знаю, куда идти, так что постой-ка здесь.

Властный тон не допускал возражений, и паж не посмел двинуться с места — так и остался смотреть вслед Конану, шагавшему по отлогой мраморной лестнице. Какие дела с его хозяином могли быть у этого великана-воина, похожего на варвара с севера? Пажу оставалось только гадать...

Слуги, спешившие по делам, останавливались и глазели вслед киммерийцу. Конан пересек широкую тенистую террасу и вступил в коридор, по которому гулял свежий морской ветерок. Пройдя примерно половину, он услышал, как поскрипывает перо, и отворил дверь в обширную комнату, множеством широких окон смотревшую на гавань.

Публио сидел за резным тиковым столом и водил золотым перышком по дорогому пергаменту. Он был невысо-

кого роста, большеголовый, с быстрыми темными глазами. На нем были голубые одежды из тончайшего муарового шелка, отделанного парчой, на пухлой белой шее красовалась тяжелая золотая цепь.

Купец раздраженно вскинул глаза на вошедшего... и недовольно поднятая рука так и замерла в воздухе. Полураскрыв рот, он смотрел на Конана, точно на тень, восставшую из прошлого. Он не мог поверить собственным глазам — и не мог скрыть боязни.

— Ну так что? — спросил Конан.— Что скажешь хорошенького, Публио?

Тот облизнул пересохшие губы.

— Конан! — прошептал он потрясенно.— Во имя Митры! Конан! Амра...

— А то кто же еще? — Конан расстегнул плащ и вместе с латными рукавицами бросил его на стол.— Слушай,— продолжал он нетерпеливо,— у тебя уже и стакана вина для меня не найдется, промочить глотку с дороги?

— Д-да, конечно, вина...— завороженно повторил Публио. Привычно потянулся к гонгу, но тут же отдернул руку, точно обжегшись, и содрогнулся. Конан наблюдал за ним с угрюмой насмешкой в глазах. Суетливо вскочив, купец бросился запирать дверь и при этом перво-наперво выглянул в коридор — не болтаются ли поблизости какие-нибудь рабы. Вернувшись, он принес золотой кувшин с вином и хотел было наполнить узкий бокал, но Конан отобрал у него кувшин, поднес двумя руками ко рту и долго с наслаждением пил.

— И в самом деле Конан,— пробормотал Публио.— Уж не сошел ли ты с ума?

— Клянусь Кромом, Публио,— сказал Конан, отрываясь от кувшина, но не выпуская его из рук,— ты живешь теперь совсем не так, как в прежние времена. Да, нужно быть аргосским купцом, чтобы обрасти такой роскошью, начав с крохотной портовой лавчонки, провонявшей тухлой рыбой и дешевым вином.

— Те времена давно миновали.— Публио кутался в свои шелка, силясь унять невольную дрожь.— Я отбросил прошлое, точно сношенный плащ.

— Что ж,— сказал Конан,— я не старый плащ, так что от меня тебе не отделаться. Мне, правду сказать, нужно немногое, но уж будь добр, расстарайся. Да смотри, не вздумай отказывать. Слишком много дел мы вели с тобой в прежние дни. Думаешь, я совсем уж дурак и не понимаю,

что этот особняк выстроен моим потом и кровью? Сколько грузов с моих кораблей прошло через твои руки?

— В Мессантии нет купца, который время от времени не имел бы дела с морскими бродягами...— трясущимися губами выговорил Публио.

— Но не с черными корсарами! — неумолимо ответствовал Конан.

— Во имя Митры, тише! — вырвалось у Публио. На лбу торговца выступил пот, пальцы нервно дергали золотую кайму одеяний.

— Я, собственно, хотел всего лишь освежить твою память,— сказал Конан.— Да не трясись ты так! Помнится, ты умел рисковать, когда содержал лавчонку и пытался выжить и разбогатеть. И дружил, как рука с перчаткой, со всеми пиратами и контрабандистами от Мессантии до Барахских островов! Или разбогател и вовсе хватку утратил?

— Я стал почтенным человеком...— начал было Публио.

— То есть попросту очень богатым,— фыркнул Конан.— А все почему? Почему ты так быстро разбогател? Не приходилось ли тебе торговать слоновой костью и перьями страуса, медью и кожами, жемчугом, чеканным золотом и еще всякой всячиной из страны Куш? И где, позволь спросить, ты скупал все это по дешевке, когда другие купцы за то же самое таскали стигийцам серебро мешками? Напомнить? Ты покупал у меня. И гораздо дешевле, чем следовало. А я брал свои товары у племен Черного Берега, я грабил стигийские корабли — я и мои черные корсары!

— Во имя Митры, довольно! — взмолился Публио.— Я ничего не забыл. Скажи лучше, что ты здесь делаешь? Я — единственный на весь Аргос, кто знает, что король Аквилонии был когда-то Конаном-пиратом. Потом до нас дошли вести о завоевании Аквилонии и гибели короля...

— Если верить слухам, враги уже сотню раз меня убивали,— проворчал Конан.— Однако вот он я, сижу живехонек и лакаю аргосское вино.— Кувшин вновь оказался у его губ. Почти опустошив его, Конан сказал: — Я уже говорил, что не потребую от тебя слишком многого, Публио. Мне известно, что ты знаешь обо всем, происходящем в Мессантии. Так вот, я хочу выведать, нет ли в городе зингарца по имени Белосо, или как еще там он себя теперь называет. Он высокий, тощий и смуглый, как все его племя. Вероятно также, что он хочет продать некий редкостный камень.

Публио покачал головой:

— Не видал такого и даже не слышал. Но через Мессантию проходят тысячи людей, и, если он здесь, мои люди скоро его обнаружат.

— Отлично. Вот и пошли их, пускай ищут. А пока пусть твои слуги позаботятся о моем коне да принесут мне поесть сюда, в эту комнату.

Публио многословно обещал тотчас все исполнить. Конан допил вино, небрежно отбросил кувшин в угол и подошел к ближайшему окну, невольно расправляя грудь навстречу соленому ветру. Внизу расстилался лабиринт припортовых улочек. Конан оценивающе оглядел корабли, что стояли в гавани. Потом откинул голову, и взгляд его устремился прочь от берега, в синюю даль, где сходились море и небо. Его память уже летела за горизонт, к золотым морям юга, к пламенеющему солнцу, под которым не существовало законов. Случайный запах пряности будил воспоминания о чужих берегах, где росли мангры и гремели барабаны... о кораблях, сцепившихся абордажными крючьями... палубы в крови, дым и пламя, крики дерущихся...

Задумавшись, он даже не обернулся, когда Публио потихоньку вышел из комнаты.

Подобрав шелковые одежды, купец чуть не бегом поспешил по коридору и наконец вошел в комнату, где склонился над пергаментом высокий, худой человек со шрамом на виске. Было, однако, в этом человеке нечто столь мирному занятию не соответствующее.

— Конан вернулся! — безо всяких предисловий выдохнул Публио.

— Конан? — Человек рывком вскинул голову, перо выпало из руки: — Тот самый корсар?

— Да!

Смертельная бледность залила впалые щеки.

— Он что, свихнулся? Если его обнаружат, мы пропали! На виселице очутится и корсар, и все, кто его укрывал или торговал с ним! Что, если правитель дознается о наших прежних с ним связях?

— Не дознается,— зловеще ответил Публио.— Пошли своих людей в порт и на рынки. Пускай разведают, нет ли в Мессантии зингарца по имени Белосо. Конан говорит, у того при себе драгоценный камень, который он не прочь бы продать. Значит, можно будет выяснить у ювелиров. И вот еще что. Подбери с дюжину отчаянных негодяев, притом

таких, которые, убрав человека, не станут потом трепать языками. Понял?

— Понял.— Человек со шрамом медленно и очень серьезно кивнул.

— Не затем я крал, изворачивался и обманывал, выбираясь с обочины жизни, чтобы призрак явился из прошлого и все пустил насмарку! — пробормотал Публио, и его лицо сделалось таким угрожающе-мрачным, что богатые вельможи и дамы, покупавшие жемчуг и шелка в его многочисленных лавках, немало удивились бы, доведись им лицезреть его в этот момент. Но когда спустя краткое время он вернулся к Конану и своими руками поставил перед ним большое блюдо с мясом и фруктами, незваный гость не увидел на его лице ничего, кроме доброжелательства.

Конан все еще стоял у окна, разглядывая пурпурные, малиновые, темно-красные, алые паруса галеонов, галер, каракк и дромонов.

— Если я еще не ослеп, вон та галера — стигийская,— заметил он, указывая на длинное, узкое, стройное черное судно, стоявшее на якоре поодаль от остальных, у широкого песчаного пляжа, плавной дугой убегавшего к далекому мысу.— Стало быть, между Стигией и Аргосом нынче мир?

— Так и раньше случалось,— ответил Публио и поставил блюдо на стол, не сдержав вздоха облегчения: тяжесть была порядочная, ибо он давно знал своего гостя.— Стигийские порты,— продолжал он,— временно открыты для наших судов, а наши — для их. Но не допусти Митра, чтобы какому-нибудь моему кораблю довелось встретиться в открытом море с одной из этих проклятых галер! Та, что стоит там на якоре, прибыла в порт нынешней ночью. Что здесь нужно ее хозяевам, понятия не имею. Покамест они ничего не продавали и не покупали. Ох, не верю я этим демонам смуглокожим! Если есть родина у предательства, так уж, верно, в их земле оно родилось!

— В свое время я их заставил повыть,— небрежно бросил Конан, отворачиваясь от окна.— Помнится, как-то моя галера с командой сплошь из черных корсаров подкралась ночью к самым бастионам омываемых морем замков Кеми — города с черными стенами. Мы пожгли тогда все галеоны, стоявшие в гавани. А что касается предательства... не в службу, а в дружбу, любезный хозяин, отведай-ка этих яств да пригуби вина, просто ради того, чтобы я знал, с какой стороны у тебя сердце!

Публио повиновался с такой готовностью, что подозрения Конана немедленно улеглись. Усевшись, он без даль-

нейших раздумий принялся расправляться с едой, которой хватило бы на троих.

Он еще ел, а по рынкам и набережным Мессантии уже засновали люди. Они искали зингарца, продающего дорогой камень или стремящегося на корабль, который идет в далекие страны. А высокий человек со шрамом на виске сидел, положив локти на пятнистый от вина стол, в гнусном погребке, озаренном единственным латунным светильником, свисавшим с продымленной балки над головами. Человек вел беседу с десятью отпетыми мерзавцами, чьи рожи и лохмотья говорили сами за себя.

А когда засияли первые звезды, их лучи осветили четверку весьма странных всадников, скакавших в Мессантию с запада по белой дороге. Рослые, изможденные, они были одеты в черные одежды с капюшонами. Они не разговаривали друг с другом и лишь безжалостно погоняли коней, столь же тощих, как всадники, и вконец измотанных долгим путешествием и бешеной скачкой...

14

ЧЕРНАЯ ЛАДОНЬ СЕТА

Конан пробудился от крепкого сна мгновенно и полностью, точно кот. И по-кошачьи вскочил на ноги, выхватив меч, еще прежде, чем коснувшийся его человек успел хотя бы отшатнуться.

— Какие новости, Публио? — спросил Конан, узнав хозяина дома. Золотой светильник мягко освещал толстые занавеси и богатые покрывала дивана, где только что отдыхал Конан.

Публио оправился от испуга, вызванного столь бурным пробуждением его грозного гостя.

— Зингарца нашли,— доложил он Конану.— Приехал вчера на рассвете. Несколько часов назад он пытался продать шемитскому купцу большой, необычного вида камень, но шемит не пожелал с ним связываться. Люди говорят, даже сквозь черную бороду было видно, как он побледнел, когда увидел драгоценность. Закрыл лавку и удрал, точно от нечистого духа!

— Похоже, это вправду Белосо,— пробормотал Конан, чувствуя, как кровь быстрее побежала по жилам от нетерпения.— Ну, так где он сейчас?

— Спит у Сервио в доме.

— Этот крысиный угол я хорошо помню,— буркнул Конан.— Надо спешить, пока какой-нибудь портовый воришка не перерезал ему глотку, позарившись на каменъ.

Взяв свой плащ, он накинул его на плечи, потом надел шлем, добытый для него Публио.

— Пусть мой конь ждет под седлом во дворе,— велел он купцу.— Не исключено, что мне придется спешно отбыть. И я не позабуду того, что ты для меня нынче сделал, Публио.

Через несколько минут Публио стоял у задней двери дома и смотрел в спину королю, удалявшемуся по темной улице.

— Прощай, корсар,— тихо приговаривал торговец.— Должно быть, этот камень стоит того, чтобы за ним охотился человек, только что утративший королевство. Да, надо было наказать моим молодцам, чтобы сперва дали ему завладеть безделушкой. Хотя, с другой стороны, из-за этого что-нибудь могло и сорваться... Нет уж, пускай Аргос окончательно забудет, кто такой Амра, а там пыль забвения покроет и мои прежние делишки. Очень скоро и не далее как в переулке за домом Сервио Конан перестанет быть для меня угрозой!

Дом Сервио — отвратительная конура с еще более отвратительной репутацией — стоял рядом с набережной, у самой воды. Неуклюжее строение было сложено из камня и толстых корабельных балок. К нему вел узкий загаженный переулок. Пройдя его почти весь, у самого дома Конан ощутил за собой слежку. Пристально вглядывался он в густые потемки между облезлыми постройками, но так ничего и не разглядел. Лишь однажды его слуха коснулся невнятный шорох одежды. Что ж, ничего необычного: по ночам в переулках кишели воры и нищие. Вряд ли они решатся напасть. Это люди опытные — им хватит одного взгляда на рослого вооруженного незнакомца...

Тут впереди распахнулась какая-то дверь, и Конан поспешно укрылся в тени под аркой. Кто-то вышел из двери и двинулся переулком, не то чтобы крадучись — скорее с врожденной беспечностью хищника джунглей. Когда же этот человек проходил мимо подворотни, где прятался Конан, бледный свет звезд очертил его профиль. Стигиец! Даже в потемках невозможно было не признать ястребиные черты, бритую голову и плащ, накинутый на широкие плечи. Стигиец шел к берегу, и в какой-то миг Конану по-

казалось, будто он прятал под одеждой фонарь — во всяком случае, Конан успел уловить отблеск света, когда человек уже исчезал за углом.

Но киммериец тотчас позабыл о нечаянной встрече, приметив, что дверь, из которой тот появился, так и осталась раскрытой. Вообще говоря, Конан собирался войти в дом с парадного входа и силой принудить Сервио показать ему комнату, где спал зингарец. Но если предоставился случай проникнуть внутрь, не привлекая ничьего внимания, грех им не воспользоваться!

Несколько быстрых шагов — и Конан был уже у двери. Коснулся рукой замка... и едва сдержал восклицание. Его пальцы, чуткие пальцы бывалого заморийского вора, тотчас ощутили, что замок был взломан. Какая-то жуткая сила высадила его ударом извне, погнув тяжелый запор и расшатав самые петли. Конан не представлял себе, как можно проделать подобное, не переполошив весь квартал. И тем не менее он был уверен, что взломщик орудовал здесь нынешней же ночью. Привыкнув жить среди воров и головорезов, Сервио ни за что не оставил бы сломанный замок без починки!

Конан вошел крадучись, держа кинжал наготове и соображая, каким образом он станет разыскивать комнату Белосо. Начал было шарить в кромешном мраке... и замер. Он почуял в комнате смерть, как чует ее дикое животное. Нет, самому ему смерть не грозила. Просто где-то рядом лежало мертвое — только что убитое — тело. Конан отдернул ногу, коснувшуюся податливой плоти. Предчувствие заставило его ощупью разыскать стенную полочку и на ней — латунную лампу, рядом с которой лежали трут, кремень и кресало. Несколько мгновений — вспыхнул трепещущий огонек, и Конан смог оглядеться.

Деревянный лежак возле грубой каменной стены, голый стол и единственная скамья — другого убранства в убогой комнатке не было. Внутренняя дверь была заперта на все замки и засовы. А на утоптанном земляном полу лежал Белосо. Лежал, запрокинув голову, и, казалось, внимательно созерцал прокопченный, обросший паутиной потолок. Зубы зингарца щерились в застывшем оскале. Рядом валялся меч, так и не вынутый из ножен. Рубаха Белосо была разорвана, а на коричневой мускулистой груди виднелся черный отпечаток пятерни. Каждый палец был отчетливо различим.

Конан молча смотрел на него, чувствуя, как сзади на шее встают дыбом тонкие волоски.

— Кром! — вырвалось у него.— Черная ладонь Сета!

Ему приходилось видеть такие следы, следы смертоносных прикосновений жрецов Сета, чей мрачный культ процветал в таинственной Стигии. И тут он вспомнил вспышку странного света из-под плаща вышедшего из этой самой двери стигийца.

— Во имя Крома, это было Сердце! — пробормотал Конан.— Так вот что он прятал за пазухой! Это жрец Сета: он магией выломал дверь и убил Белесо, чтобы завладеть Сердцем!

Быстрый осмотр подтвердил по крайней мере часть его выводов. Камень у зингарца действительно похитили. Конан не мог отделаться от мысли, что за цепью кажущихся случайностей проглядывал умысел. И даже таинственная стигийская галера пришла в порт не просто так, но с вполне определенной целью. Откуда было жрецам Сета знать, что Сердце прибыло на юг? Впрочем, это выглядело не более невероятным, чем прикосновение ладони, способное уложить наповал вооруженного мужчину...

Осторожные шаги снаружи заставили его оглянуться. В один миг потушил он лампу и выхватил меч. Слух говорил ему, что оттуда, из темноты, подкрадываются люди, и точно: когда глаза привыкли к неожиданной темноте, в дверном просвете замаячили какие-то фигуры, обступившие вход. Кто это такие, Конану оставалось только догадываться. Тем не менее он поспешил перехватить инициативу и внезапным прыжком вылетел за порог, не дожидаясь, пока они нападут.

Он застал головорезов врасплох. Он услышал и почувствовал, как с разных сторон на него кинулись люди, разглядел перед собой какого-то типа в маске и обрушил на него меч. Убийцы, как оказалось, и соображали, и действовали куда медленнее киммерийца: Конан вырвался из кольца и убежал переулком, прежде чем кто-либо успел его задержать.

На бегу он услышал негромкое поскрипывание уключин, донесшееся откуда-то спереди, и разом позабыл о возможной погоне. От берега отчаливала лодка! Конан скрипнул зубами и помчался вдвое быстрей, но тщетно. Еще не достигнув набережной, он различил плеск воды и шорох весел отходящего корабля...

Звезды притаились в тяжелых тучах, катившихся с моря. Конан опрометью вылетел на берег. Перед ним колыхались черные волны, и что-то удалялось во тьму — длинный, низкий, стремительный силуэт. Черная галера набирала ско-

рость. Равномерно вздымались и падали длинные весла. Уходила галера и уносила с собой камень, который означал для Конана трон Аквилонии.

Яростно выругавшись, Конан шагнул навстречу волнам, накатывавшимся на мокрый песок: долой кольчугу, скорее плыть следом за кораблем... Но сзади скрипнул песок, выдавая чье-то присутствие, и Конан обернулся. Он успел позабыть о напавших на него убийцах.

Снова темные силуэты взяли его в кольцо. Первый, кто приблизился, пал под мечом киммерийца, но остальных это не смутило. Клинки замелькали в темноте, со скрежетом задевая кольчугу. Жестокий удар снизу вверх — раздался вопль, и прямо на руку Конана хлынула кровь и выпавшие внутренности. Чей-то голос, показавшийся ему смутно знакомым, приглушенно подбадривал нападавших. Конан стал продираться на этот голос. Нападавшие пытались схватить его, осыпали ударами. Тучи ненадолго разошлись, и Конан увидел высокого, худощавого человека с длинным мертвенно-белым шрамом на виске. Мгновенный прыжок — и меч Конана расколол его череп, словно перезрелую дыню.

Чей-то топор, занесенный вслепую, обрушился на шлем короля так, что искры посыпались из глаз. Он пригнулся и сделал выпад, и предсмертный вопль был ему наградой. Но тут же Конан сам потерял равновесие, споткнувшись о труп, и удар дубинки сшиб помятый шлем с его головы. Следующий удар пришелся прямо по незащищенному черепу...

— Срубим ему голову,— предложил кто-то.

— Не стоит,— ответил другой голос.— С раскроенной башкой не живут. Прилив его унесет... Помогите-ка лучше мне перевязать раны, пока я тут кровью не истек!

— Надо раздеть его,— сказал третий.— Кольчугу можно будет продать за пару монет. И поторопимся! Тиберио мертв, а сюда идут матросы: слышите, как поют? Давайте-ка смываться!

Началась поспешная возня в темноте, потом прошуршали удаляющиеся шаги. Пьяные голоса, оравшие матросскую песню, раздавались все ближе...

Публио нервно ходил туда и сюда по своей комнате, выходившей окнами на порт, погруженный во тьму, когда что-то заставило его оглянуться. Он хорошо помнил — дверь была заперта изнутри, но что это? Она распахнулась настежь, и в комнату друг за другом вошли четверо. При виде их Публио покрылся гусиной кожей. Он видел на своем веку немало страшных созданий, но таких — еще никогда. Они

были рослыми, тощими, в черных одеждах, под капюшонами смутно угадывались желтые лица. Публио не мог разглядеть их черты, да в глубине души и не хотел к ним присматриваться. У каждого был в руке длинный посох, испещренный странным рисунком.

— Кто вы? — спросил Публио, и голос его сорвался.— Что вам здесь нужно?

— Где Конан, прежний король Аквилонии? — вопросом на вопрос ответил самый высокий. Его бесстрастный глухой голос заставил Публио содрогнуться. Так звонили колокола в храмах Кхитая...

— Я н-не знаю, о к-ком вы говорите...— начал заикаться купец. Всегдашняя выдержка изменила ему, уж слишком страшны были неожиданные гости.— Я не знаю его!

— Он был здесь,— ровным голосом промолвил кхитаец.— Во дворе стоит его конь. Скажи, где он, и не вынуждай нас причинять тебе вред.

— Гебал! — отчаянно завопил Публио, отступая перед ними и прижимаясь к стене.— Гебал!

Четверо смотрели на него так же невозмутимо.

— Если ты позовешь раба, он умрет,— предупредил один из них, но это лишь перепугало Публио еще больше.

— Гебал! — кричал он.— Проклятье, Гебал, где ты? Твоего хозяина убивают грабители!

Быстрые шаги раздались в коридоре, и в комнату ворвался Гебал — невысокий, но невероятно мускулистый шемит. Он держал в руке меч с клинком, похожим на длинный лист, курчавая иссиня-черная борода воинственно топорщилась. Гебал уставился на четверых пришельцев в туповатом недоумении. Откуда они здесь появились? Потом он смутно припомнил, как сон ненадолго сморил его прямо на лестнице, которую ему было велено охранять: наверное, вот тогда-то они и прошли. Никогда прежде он не засыпал на посту... Хозяин истерически кричал, указывая на чужаков. Гебал по-бычьи пригнул голову и ринулся вперед. Мускулистая рука взвилась в смертельном замахе, но удара так и не нанесла.

Навстречу Гебалу метнулась из широкого черного рукава другая рука — тонкая, желтокожая. Длинный посох коснулся могучей груди шемита и тотчас отдернулся. Удар его был до жути похож на бросок ядовитой змеи.

И точно незримая стена остановила Гебала: он замер посередине разбега, голова поникла на грудь, пальцы выпустили меч, и шемит поник на пол так, словно в его теле разом растворились все кости. Публио вырвало.

— Не зови больше никого,— посоветовал рослый кхитаец.— Твои слуги крепко спят, но если ты их разбудишь, они умрут, и с ними — ты сам. Где Конан?

— Он пошел к дому Сервио, что у набережных. Он разыскивает зингарца Белосо,— выдохнул Публио, разом лишившийся присутствия духа. Купец не был трусом, но эта четверка вселяла в него неописуемый ужас. Он вздрогнул всем телом, заслышав на лестнице торопливые шаги, неестественно громкие в зловещей тишине, окутавшей дом.

— Еще слуга? — спросил кхитаец.

Публио молча замотал головой: язык не повиновался ему.

Один из кхитайцев сдернул с дивана шелковое покрывало и набросил на труп, и все четверо скрылись за стенной занавесью, лишь вожак, обернувшись, приказал:

— Поговори с идущим сюда и побыстрее отошли его прочь. Если выдашь нас, ни ты, ни он живыми отсюда не выйдете. Не вздумай даже знаком показать ему, что ты не один!

Погрозил посохом — и исчез.

Публио задохнулся, с трудом подавляя новый приступ тошноты. Быть может, всему виной освещение, но ему упорно казалось, будто посохи порой шевелились сами по себе, ни дать ни взять наделенные какой-то чудовищной жизнью...

Кое-как взяв себя в руки, Публио сумел спокойно встретить оборванного негодяя, влетевшего в комнату.

— Дело сделано, господин! — громко объявил головорез.— Варвар валяется мертвым на песке у края воды.

Публио уловил спиной некое движение за шпалерой и от ужаса едва не умер на месте. Наемный убийца ничего не заметил.

— Твой секретарь Тиберио погиб,— продолжал он.— Кроме него, варвар зарубил еще четверых. Мы унесли их тела. При варваре не было ничего ценного, лишь несколько серебряных монет. Какие будут приказания, господин?

— Никаких! — белыми губами выдохнул Публио.— Убирайся!

И негодяй с поклоном поспешил прочь, удивляясь про себя тому, как немногословен Публио и какой у него, оказывается, слабый желудок.

Четверо кхитайцев вышли из-за шпалеры.

— О ком говорил этот человек? — спросил рослый предводитель.

— О чужестранце, который мне навредил,— выдавил Публио.

— Лжешь,— спокойно ответил кхитаец.— Я вижу по твоему лицу, что речь шла о короле Аквилонии. Сядь на диван, не двигайся и молчи. Я побуду здесь, а трое моих товарищей пойдут искать труп.

Публио сидел и трясся от страха, поглядывая на своего безмолвного стража, пока не вернулись остальные трое и не сообщили, что тела Конана нигде не видать. Публио не знал, горевать ему или радоваться.

— Мы нашли место, где они дрались,— сказал один из троих.— Песок в крови, но короля там нет.

Четвертый принялся чертить своим посохом какие-то символы на ковре. При свете лампы Публио примерещилась на посохе блестящая чешуя...

— Вы прочли что-нибудь на песке? — спросил предводитель.

— О да,— был ответ.— Король жив. Он отплыл на корабле, идущем на юг.

Высокий кхитаец поднял голову и посмотрел на Публио, который под его пристальным взглядом начал обильно потеть.

— Чего вы от меня хотите? — пробормотал он запинаясь.

— Нам нужен корабль,— ответил кхитаец.— Корабль с командой, пригодной для дальнего путешествия.

— Насколько дальнего? — спросил Публио. Ему и в голову не пришло отказать.

— Может статься, до края Вселенной,— сказал кхитаец.— До расплавленных морей Преисподней, кипящих за чертою рассвета!

15

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРСАРА

Когда начало проясняться сознание, Конан первым делом почувствовал движение. И ощутил, что лежит не на тверди: что-то размеренно взлымалось и опускалось под ним. Потом он услышал, как гудит ветер в снастях, и, еще не открывая глаз, понял, что находится на корабле. Слышалось неразборчивое бормотание чьих-то голосов. Конана окатили водой, отчего разум очистился полностью и мгновенно. Выругавшись, киммериец вскочил и свирепо огляделся кругом. Его встретил взрыв грубого хохота; пахло давно не мытыми человеческими телами.

Он стоял на кормовой палубе длинной галеры, шедшей под парусом. Северный ветер туго наполнял широкое полосатое полотнище. Солнце только-только вставало, мир вокруг переливался золотом, зеленью и синью. По левому борту смутной лиловой тенью виднелся берег. Справа простирался открытый океан. Все это Конан охватил первым же взглядом, хотя больше всего его интересовал, конечно, корабль.

Это было типичное торговое судно южных побережий: узкое, длинное, с высоко поднятым носом и такой же кормой, с каютами на обоих концах. Конан поглядел на открытый промежуток между палубами, откуда и поднималась тошнотворная, отвратительная вонь. Запах этот был ему знаком давно: запах гребцов, прикованных к скамьям. Их там сидело человек по сорок с каждой стороны, все — негры. Каждый был перехвачен поперек тела цепью, прикрепленной к толстому кольцу в продольном брусе, уложенном от одной палубы до другой. Конан знал: жизнь раба-гребца на аргосской галере была пострашнее всякого ада.

Корабль ходко шел по ветру, и негры отдыхали от гребли. Большинство их было из страны Куш. Но около тридцати чернокожих, чьи глаза были с праздным любопытством устремлены на новичка, явно вели свой род с далеких южных островов, исконного гнезда корсаров. Конан сразу отметил и выделил их стройные, мускулистые тела и правильные черты лиц. И даже узнал несколько человек: эти люди следовали за ним в прежние времена.

Конан оглядел море, корабль и гребцов в один миг, гораздо быстрее, чем можно про то рассказать. И повернулся к морякам, стоящим вокруг. Теперь он крепко стоял на широко расставленных ногах, кулаки его гневно сжимались. Матрос, окативший его, нагло ухмылялся, держа в руках ведро. Конан выругался и непроизвольно потянулся к мечу. Оказалось, однако, что он безоружен и почти гол, если не считать кожаных коротких штанов.

— Что это за вшивая лохань? — рявкнул он.— И как я сюда попал?

Моряки — все как один коренастые бородатые аргосцы — вновь разразились хохотом. Один из них, в ком властные повадки и важный вид выдавали капитана, сложил на груди руки и высокомерно ответил:

— Мы нашли тебя валяющимся на песке. Кто-то треснул тебя по черепу и раздел. Мы решили взять тебя на корабль, потому что у нас не хватает гребца.

— Что это за корабль? — повторил Конан.

— «Смельчак» из Мессантии, с грузом зеркал, шелковых плащей, щитов, мечей и позолоченных шлемов. Собираемся продать все это шемитам за медную и золотую руду. А я — Деметрио, капитан корабля и твой хозяин отныне!

— Ладно, и мне примерно туда же,— пробормотал Конан, пропустив мимо ушей последнее замечание капитана.

Корабль быстро шел к югу, следуя плавному изгибу аргосского побережья. Торговые корабли никогда не отваживались уходить от берега далеко. И где-то там, впереди, летела на юг черная галера стигийцев.

— Не попадалась ли вам на глаза стигийская галера...— начал было Конан, но капитан, дородный мужчина с грубой физиономией, возмущенно выпятил бороду: с какой это стати он должен отвечать на вопросы какого-то пленника? В самом деле, пора поставить нахального оборванца на место!

— А ну, за работу! — взревел он.— Скажи спасибо, что я вообще на тебя время потратил! Я и так оказал тебе слишком много чести, пригласив на ют для знакомства, да еще и отвечал на твои дурацкие вопросы! Живо марш отсюда — и за работу, если хочешь отработать проезд!

— Да я куплю твое корыто...— начал Конан и осекся, вспомнив, что здесь он всего лишь нищий босяк. Но слова его были услышаны: матросы грубо заржали, капитан же побагровел, усмотрев в происходящем насмешку над своей драгоценной персоной.

— Что? Бунтовать, свинья? — зарычал он, угрожающе шагнув вперед и хватаясь за поясной нож.— За работу, пока я не приказал тебя выпороть! Да придержи свой поганый язык, не то, клянусь Митрой, тебя посадят на весло и прикуют среди черномазых!

Долготерпением Конан не отличался никогда. И никто из тех, кто осмеливался говорить с ним таким тоном, не оставался в живых — даже в те времена, когда Конан еще не был королем.

— Заткнись, паскуда! — рявкнул он, и голос его был подобен гулу свирепого шторма. Онемевшие моряки изумленно разинули рты.— Только попробуй вынуть из ножен эту игрушку,— продолжал Конан,— и я скормлю тебя рыбам!

— Да что ты из себя корчишь, ты...— вырвалось у капитана.

— Сейчас увидишь! — И взбешенный киммериец прыгнул к козлам, где висело оружие.

Капитан выхватил нож и с ревом кинулся наперерез, но ударить не успел — Конан перехватил его руку и одним рывком выдернул плечо из сустава. Капитан завопил от боли и кувырком покатился по палубе, ибо киммериец пренебрежительно отшвырнул его прочь. Схватив тяжелый топор, Конан мгновенно обернулся навстречу подоспевшим матросам. Они обложили его, точно неуклюжие псы, между тем как сам он был сродни разъяренной пантере. Они едва успели замахнуться ножами, когда Конан снова прыгнул вперед и, оказавшись в самой их гуще, принялся раздавать удары с такой скоростью, что глаз не успевал уследить. Хлынула кровь, разлетелись мозги... два трупа повалились на палубу.

Ножи полосовали пустое место. Вырвавшись из толпы, Конан взлетел на узкий мостик, тянувшийся с кормы на нос над головами гребцов. Команда, обозленная и напуганная смертью товарищей, с оружием в руках подступала к нему сзади и спереди.

Взмахнув гонором, Конан вгляделся в обращенные к нему черные лица. Ветер развевал его густые волосы.

— Кто я такой? — прокричал он.— Протрите глаза, недоноски! Эй вы, Айонга, Ясунга, Ларанга! Кто я такой?

И снизу раздался ответный крик, тотчас перешедший в ликующий рев:

— Амра! Это Амра! Лев возвратился!

Матросня тоже услышала и поняла этот крик и подалась назад, белея от страха. Неужто стоявший перед ними белокожий дикарь и вправду тот самый ужас южных морей, что так таинственно исчез много лет назад, оставшись лишь в кровавых легендах? Тем временем черные гребцы положительно сходили с ума: дружно гремя цепями и силясь их разорвать, они с пеной у рта выкрикивали имя Амры, как заклинание. Даже кушиты, никогда прежде не видавшие Конана, подхватили крик. Рабы, запертые под кормовой палубой, с воплями колошматили в переборку.

Деметрио привстал на колени, упираясь в палубу здоровой рукой. Вывихнутое плечо причиняло ему жестокую боль.

— Вперед! — завизжал он.— Убейте его, дурачье, пока не расковались рабы!

Это было поистине самое страшное, что может произойти на галере. Моряков точно подстегнули. С обеих сторон хлынули они на мостик... но Конан был для них слишком быстр. Львиным прыжком кинулся он вниз и по-кошачьи встал на ноги в проходе между скамьями гребцов.

— Смерть хозяевам! — загремел его голос. Взвился топор и, обрушившись на ближайшую цепь, разрубил ее, точно гнилушку. Освобожденный невольник с криком вскочил и принялся ломать весло, превращая его в дубину. Матросы суматошно метались по мостику, но остановить безумие рабов было уже превыше их сил. Секира Конана взлетала и падала без перерыва, круша цепь за цепью, и каждый взмах освобождал чернокожего великана, ревущего от ненависти, жажды мести и упоения возвращенной свободой.

Моряки, которые спрыгнули вниз с намерением прикончить Конана или по крайней мере задержать его, были тут же схвачены и разорваны рабами, еще сидевшими на цепи. А те, что уже были освобождены, ринулись вверх безумным черным потоком, вопя, точно стадо демонов. Обрывками цепей и обломками весел крушили они перед собой все живое, пуская в ход и ногти, и зубы. В самый разгар схватки невольники, запертые под кормовой палубой, сломали наконец переборку и вырвались наружу. Освободив с полсотни гребцов, Конан снова выскочил на мостик, и к дубинам негров добавился его иззубренный о железо топор.

Бой скоро превратился в резню. Аргосские моряки были сильны и бесстрашны, как все, прошедшие жестокую морскую школу. Но что они могли поделать против могучих разъяренных рабов, ведомых гигантом варваром, похожим на тигра? Долгие годы страданий и унижений требовали кровавой отплаты... Смертоносный вихрь бушевал по всему кораблю. Когда же он улегся, на палубе «Смельчака» стоял один-единственный белый человек. Обезумевшие от радости негры бросались перед ним ниц и бились головами об окровавленные доски, готовые почитать его, как божество.

Конан еще тяжело дышал после битвы, пот тек по могучей груди, а с лезвия топора, зажатого в мускулистой руке, падали густые красные капли. Откинув за спину гриву черных волос, он озирался, точно какой-нибудь первобытный вождь, возглавивший пещерное племя на самой заре времен. В этот миг он не был королем Аквилонии — он снова стал вожаком черных корсаров, прорубившим себе путь наверх сквозь пламя и кровь.

— Амра! Амра! — распевали, точно молясь, уцелевшие негры.— Лев возвратился! Теперь стигийцы завоют, точно собаки в ночи, и черные псы Куша станут вторить их вою! Пламя охватит деревни, пойдут на дно корабли! Ойя! Заплачут женщины, загремят копья...

— Довольно тявкать, дворняги! — Голос Конана перекрыл хлопанье паруса.— Десять человек — вниз, освободи-

те тех, кто еще прикован. Остальные — на весла, к шкотам и фалам! Во имя демонов Крома! Вы что, не видите, что нас отнесло к берегу, пока дрались? Хотите сесть на мель и снова попасть в руки аргосцам? Мертвецов — за борт! Да шевелитесь, бездельники, если шкура вам дорога!

Со смехом, воплями и дикими песнями кинулись негры исполнять приказание Амры. Мертвые тела, белые и черные, полетели в воду, где уже резали волны треугольные плавники...

И вот Конан стоял на корме, сложив на груди могучие загорелые руки и хмуро глядя на негров, ожидавших дальнейших распоряжений. Ветер трепал его волосы, отросшие за время странствий. Мало кто из аквилонских придворных узнал бы своего короля в этом диком и свирепом корсаре — диком и свирепом даже по меркам пиратов.

Наконец он возвысил голос:

— В трюме полно еды и оружия — этот корабль вез мечи и шлемы шемитам, торгующим на побережье. Нас здесь достаточно — хватит и для сражений, и для того, чтобы управиться с кораблем. Вы гребли в цепях для аргосских собак — станете ли грести для Амры свободными?

— Да! — слитно вырвалось из десятков глоток.— Мы — твои дети! Веди нас, куда пожелаешь!

— Тогда — за дело! — приказал Конан.— Вымыть нижнюю палубу: свободным людям не пристало работать в подобной грязи. Трое — со мной: достанем из кормового трюма еду. Во имя Крома! Еще до конца плавания у вас нарастет на ребрах жирок!

Последовал новый взрыв восторженных воплей. Негры засновали, дружно впрягаясь в работу. Вновь наполнился парус, с гулом выгибаясь под ветром. Ветер свежел — там и сям на волнах закипали пенные гребни. Конан цепко стоял на качавшейся палубе, глубоко дыша соленым воздухом и расправляя могучие плечи. Будет ли он вновь королем Аквилонии — неизвестно. Но вот королем синего океана он был по-прежнему!

16

ГОРОД ЧЕРНЫХ СТЕН — КЕМИ

«Смельчак» стрелой несся к югу: теперь на его веслах сидели свободные люди, работавшие не за страх, а за совесть. По ходу дела галера превратилась из мирной купе-

ческой в боевую, насколько вообще это было возможно. На курчавых головах гребцов красовались золоченые шлемы, при бедре у каждого висел меч. Вдоль бортов появились щиты, возле мачты лежали наготове копья, луки и стрелы. Казалось, Конану помогали даже стихии. День за днем дул ровный северный ветер и наполнял широкий пурпурный парус; в гребле почти не было нужды.

Конан сутками напролет держал на макушке мачты впередсмотрящего. Однако длинная, узкая, низкобортная галера, торопившаяся к югу где-то там, впереди, так им и не показалась. Вокруг было только пустынное синее море. Рыболовные суда разлетались прочь, как перепуганные птицы, при виде щитов на бортах. Других кораблей не было видно: торговый сезон почти завершился.

Появившийся наконец парус мелькнул на севере, а не на юге. У далекого горизонта возникла быстроходная галера, она мчалась, во всю ширь развернув парус. Но напрасно негры уговаривали Конана перехватить и ограбить ее — он только покачал головой. На юг, на юг, к стигийским портам спешила стройная черная галера... Вечером, перед самым наступлением темноты, матрос видел быстроходное судно у северного горизонта: на рассвете оно оставалось все там же — далекая темная точка, казалось, повисла у них на хвосте. Конан только гадал, уж не гнались ли за ними, хотя разумному объяснению такая возможность поддавалась с трудом. Впрочем, Конану было наплевать. Чем дальше к югу продвигался «Смельчак», тем жарче делалось снедавшее его нетерпение. Сомнений Конан не ведал. Сердце Аримана похитил жрец Сета, и это было так же верно, как то, что солнце вставало утром, а садилось вечером. И куда было жрецу Сета с ним ехать, если не в Стигию?

Чернокожие чувствовали его состояние и, понятия не имея о цели своего вождя, работали так, как никогда не работали под кнутом. Они видели впереди кровь и добычу и были довольны. Мужчины с южных островов не ведали никакого иного занятия; кушиты же, с характерной для них черствостью, рады были грабить собственный народ. Кровное родство для них значило мало. Удачливый вождь и личная выгода — чего еще надо?

Побережье постепенно менялось. Больше не было отвесных утесов, не синели вдали холмы. От самой воды начинались широкие низменные луга, простиравшиеся до горизонта. Здесь было мало гаваней и еще меньше портовых городов. Шемитские города стояли поодаль от берега; там, среди

зеленых равнин, уменьшенные расстоянием, вздымались к небу белые зиккураты.

Многочисленные стада бродили по пастбищам. Их охраняли приземистые, широкоплечие всадники в цилиндрических шлемах, с иссиня-черными бородами. Такова была страна Шем — страна городов-государств, каждое из которых насаждало свои собственные законы. Конан знал, что далеко на востоке луга сменялись пустыней, где совсем не было городов — одни шатры кочевых племен.

Мимо, мимо страны зеленых савани торопился быстрый корабль, и постепенно берег вновь начал изменяться. Гуще стали пальмовые рощи, появились заросли тамаринда. Потом вдоль моря потянулась сплошная полоса зеленых кустов и деревьев, позади которых высились голые песчаные холмы. К морю бежали речки и ручейки; растительность буйствовала на их влажных берегах.

Наконец галера миновала устье крупной реки, и впереди, у южного горизонта, показались гигантские черные стены и высокие башни. Кеми!.. Река же, впадавшая в море, была не что иное, как Стикс, естественная граница Стигии. Кеми был самым крупным портом и важнейшим стигийским городом тех времен. Король жил в древнем Луксуре, зато в Кеми правило жречество. Впрочем, если верить слухам, главный жрец их темной религии располагался далеко в глубине страны, в таинственном заброшенном городе на берегу мрачного Стикса. Никто не знал, откуда текла эта река. Людям было известно лишь то, что она текла с юга на север целую тысячу миль, потом поворачивала на запад и еще через несколько сот миль изливала свои воды в океан...

Погасив все огни, «Смельчак» глухой ночью прокрался мимо города и еще до рассвета бросил якорь в маленькой бухте несколькими милями южнее. Бухту окружала топь, зеленое кружево мангровых зарослей, путаница пальм и лиан, повсюду кишели змеи и крокодилы. Что ж, зато корабль навряд ли кто обнаружит. Конан хорошо знал эту бухту: здесь он не единожды отсиживался, когда был корсаром.

Пока они шли мимо города, мимо громадных черных бастионов на острых мысах по обе стороны гавани, они видели факелы, горевшие мертвенным светом, а до слуха доносился приглушенный грохот барабанов. В этом порту, не в пример аргосским, не было толкотни кораблей. Власть и величие Стигии зиждились не на флотах. У стигийцев были и купеческие корабли, и боевые галеры, но сухопутная мощь стра-

ны далеко превосходила морскую. К тому же большинство кораблей сновало вверх и вниз по течению великой реки, не выходя в море.

Стигийцы были очень древним народом, смуглокожим и непостижимым, безжалостным и могучим. Власть их когда-то простиралась далеко на север, за Стикс, за равнины Шема, охватывая плодородные нагорья, где жили теперь племена Кофа, Офира и Аргоса. В те времена Стигия непосредственно граничила с Ахероном. Но зловещий Ахерон пал, и предки хайборийских народов, варвары в рогатых шлемах и волчьих шкурах, устремились на юг, изгоняя прежних правителей. С тех пор минули тысячи лет, но стигийцы ничего не забыли.

Весь день «Смельчак» стоял на якоре в крохотной бухте, надежно укрытый от посторонних глаз живыми стенами зелени. В путанице ветвей прихотливо переплетались лианы, мелькали ярко оперенные, звонкоголосые птицы, пробирались не менее яркие, но молчаливые змеи. Ближе к вечеру спустили и отправили вдоль берега маленькую лодку. Конан велел своим людям поймать какого-нибудь стигийского рыбака, вышедшего в море на своей плоскодонке, и добыча вскоре попалась.

Негры втащили на палубу «Смельчака» высокого, стройного, смуглого малого, серого от страха перед похитителями, которых все побережье почитало за людоедов. Он был почти наг, если не считать шелковых штанов: в Стигии, как и в Гиркании, шелк носили даже простолюдины и рабы. В лодке нашелся еще широкий плащ из тех, что рыбаки накидывают на плечи, спасаясь от ночной прохлады.

Бедняга повалился перед Конаном на колени, ожидая пыток и смерти...

— Вставай, парень, и хватит трястись,— нетерпеливо проговорил киммериец, не в силах понять его беспричинного страха.— Никто не тронет тебя. Скажи только: не возвращалась ли в последние дни из Аргоса такая черная быстроходная галера?

— Да, господин,— ответил рыбак.— Вчера на рассвете из далекого плавания на север возвратился жрец Тутотмес. Люди говорят, он ездил в Мессантию.

— Что же он привез из Мессантии?

— О, господин, откуда мне знать...

— А зачем он ездил в Мессантию, не знаешь? — допытывался Конан.

— Не гневайся, господин, я всего лишь бедный рыбак. Кто я такой, чтобы постичь замыслы служителей Сета? Я

способен говорить лишь о том, что видел сам или слышал на пристани. Поговаривают, будто с севера к нам дошли немыслимой важности новости... хотя какие именно, помилуй, не знаю... и господин Тутотмес тотчас же со всей поспешностью велел снарядить свою черную галеру. И вот он вернулся, но что он делал в Аргосе и какой груз доставил оттуда с собой — неведомо никому, даже морякам с галеры. Еще говорят, будто он разошелся с Тот-Амоном, верховным жрецом Сета, живущим в Луксуре... По слухам, Тутотмес ищет тайных познаний, стремясь низложить Величайшего. Но кто я таков, чтобы судить? Когда ссорятся жрецы, простому смертному вроде меня остается лишь пасть ниц и надеяться, что ни те, ни другие не втопчут его в пыль...

Конан только фыркнул — такая рабская философия до глубины души его возмущала — и повернулся к своим молодцам:

— Я отправляюсь в Кеми, разыскивать этого воришку Тутотмеса. Я пойду один. Рыбака посадить под замок, но не трогать... Во имя демонов Крома, да прекратите же этот вой! Вы что, воображаете, будто мы прямо так войдем в гавань и возьмем город штурмом? Нет, лучше будет, если я отправлюсь один.

Отмахиваясь от возражений, он скинул одежду и облачился в шелковые штаны и сандалии, позаимствованные у пленника. Он взял даже его головную повязку, презрев лишь короткий нож рыбака. Стигийским простолюдинам носить оружие не дозволялось, накидка же была недостаточно просторна, чтобы спрятать под ней длинный меч киммерийца. И Конан пристегнул к поясу гханатский нож — оружие свирепого народа пустыни, жившего южнее стигийцев. Это был широкий, тяжелый, слегка изогнутый клинок из великолепной стали, отточенный, как бритва, и достаточно длинный, чтобы кому угодно выпустить кишки.

Оставив стигийца под охраной корсаров, Конан перебрался через борт и спустился в рыбацкую лодочку.

— Ждите меня до рассвета,— сказал он.— Если к тому времени я не вернусь, значит, не вернусь вообще, а стало быть, можете отправляться на юг, в родные места.

Негры подняли жалобный вой, так что Конан вновь высунул голову над бортом и выругал их, приказав немедля заткнуться. Спрыгнув наконец в лодку, он схватил весла — и крохотная скорлупка полетела по волнам гораздо быстрее, чем когда-либо при прежнем владельце.

17

«ОН УБИЛ СВЯЩЕННОГО СЫНА СЕТА!»

Гавань Кеми лежала между двумя длинными мысами, далеко вдававшимися в океан. Конан обогнул южный мыс, на котором рукотворным холмом высился черный замок, и вошел в гавань в сумерках. Он подгадал время так, чтобы меркнущий свет дня позволил страже узнать лодочку и накидку рыбака, но лишних деталей рассмотреть не дал. Никто не остановил Конана, пока он осторожно пробирался между громадными боевыми галерами, что с погашенными огнями в молчании стояли на якорях. Добравшись до широких каменных ступеней, спускавшихся к самой воде, Конан привязал лодку к железному кольцу, оставив ее среди множества других таких же. Никому, кроме рыбака, подобное суденышко все равно не могло пригодиться, а рыбаки друг у друга лодок не угоняли.

Никто не удостоил Конана лишним взглядом, пока он поднимался по длинной лестнице, скромно избегая света факелов, что горели над тихо плескавшей черной водой. Подумаешь, еще один рыбак вернулся ни с чем, посвятив целый день бесплодным трудам в море! Конечно, если бы к нему присмотрелись попристальнее, кто-нибудь мог бы заметить, что шаг его был слишком пружинист, а осанка слишком уверенна и горделива для бедного рыбака. Но Конан держался в тени и быстро покинул причал, а простые стигийцы были горазды на умозаключения нисколько не более, нежели простолюдины иных, менее экзотических племен.

Телосложением Конан отчасти напоминал мужчин из стигийских воинских каст, людей высоких и мускулистых. Его бронзовая, загорелая кожа была почти такой же смуглой, как и у них, а густая черная грива, подстриженная над бровями и схваченная медной полоской, только усиливала сходство. Отличался он разве что походкой, чужеземными чертами лица и, конечно, синими глазами.

Переодевание, однако, оказалось удачным. Конану осталось только держаться в тени да отворачивать голову, когда кто-нибудь из местных подходил к нему слишком близко.

Конан знал, что ведет отчаянную игру и обман рано или поздно будет раскрыт. Слишком несхож был Кеми с портовыми городами хайборийских стран, где кишели представители всех мыслимых рас и народов. Здесь единственными инородцами были рабы — шемиты и негры, на которых он

походил еще меньше, чем на стигийцев. В городах Стигии не жаловали чужестранцев, допуская к себе только послов и купцов, приобретших торговую привилегию. Но даже им не разрешалось сходить на берег после наступления темноты.

Конан не заметил в гавани ни одного хайборийского корабля. Зато ощутил, что над городом витало некое смутное беспокойство, некое оживление древних надежд и притязаний, гулял некий шепоток, внятный лишь тем, кто шептал. Конан не особенно понимал, в чем тут дело, но обостренный инстинкт варвара подсказывал: что-то не так! Держи ухо востро!

Если его поймают, судьба его будет незавидной. Его могут убить уже за то, что он чужестранец; но если они узнают в нем Амру, предводителя корсаров, огнем и мечом опустошавшего их берега... Конан передернул широкими плечами, содрогнувшись помимо воли. Он не боялся двуногих врагов, не боялся и смерти от рук человека. Но это была черная страна колдовства, обитель безымянного ужаса. Поговаривали, будто сам Сет, Старый Змей, изгнанный с севера хайборийцами, еще скрывался во тьме таинственных храмов, где у подножия мрачных святынь совершались загадочные и жуткие деяния.

Конан покинул *припортовые улицы*, ступенчато спускавшиеся к воде, и вступил в полутемные кварталы центральной части Кеми. И опять — ничего похожего на хайборийские города. Здесь и в помине не было яркого сияния светильников и факелов, не было нарядной, смеющейся толпы, которая гуляет по мостовой мимо настежь открытых мастерских и лавок, полных товара.

Здесь все закрывалось с наступлением темноты. Улицы освещались лишь считанными факелами, дымно чадившими на порядочном расстоянии один от другого. Немногочисленные пешеходы молча торопились куда-то: чем позже час, тем меньше их становилось. По мнению Конана, все вокруг выглядело исключительно мрачно и отдавало чем-то нереальным: молчание, необъяснимая спешка... и высоченные черные стены, вздымавшиеся по сторонам улиц. Стигийская архитектура отличалась мрачной громоздкостью; она подавляла человека, производя гнетущее впечатление.

Огней почти не было — только в верхних частях зданий. Конан знал, что большая часть жителей проводила вечера на плоских крышах домов, под звездами, среди пальм своих висячих садов. Откуда-то негромко доносилась странная музыка. Время от времени, рокоча колесами по мостовой,

проезжала бронзовая колесница, везущая какого-нибудь вельможу с ястребиным лицом, закутанного в шелковый плащ, с золотым обручем на волосах в виде вздыбившейся змеи. Нагие чернокожие колесничие напрягали узловатые мышцы, с трудом сдерживая свирепых стигийских коней.

Пешеходы же были все больше простолюдины — рабы, блудницы, работники,— и чем дальше, тем реже попадался Конану кто-либо навстречу. Он двигался к храму Сета, ибо там, вероятнее всего, можно было разыскать нужного ему жреца. Оставалось надеяться, что он сумеет узнать Тутотмеса, чье лицо всего раз мелькнуло перед ним в полутьме мессантийского переулка. А в том, что это был именно Тутотмес, Конан не сомневался. Лишь маги высокого посвящения, члены пресловутого Черного Круга, наделены были властью «черной руки» — способностью убивать простым прикосновением ладони. И только такой человек решился бы противопоставить себя Тот-Амону, которого западный мир знал лишь по исполненным безотчетного ужаса мифам...

Улица сделалась шире, и Конан понял, что добрался до храмовой части города. Громадные черные здания устремлялись к тускло мерцающим звездам, свет редких факелов придавал им неописуемо мрачный и угрожающий вид. Неожиданно Конан услышал, как на другой стороне улицы и чуть впереди него тихо вскрикнула женщина — нагая куртизанка, чью замысловатую прическу венчал высокий плюмаж, знак ее ремесла. Она пятилась, прижимаясь к стене, и с ужасом смотрела на что-то еще невидимое для Конана. Заслышав ее крик, немногочисленные пешеходы так и застыли, и в тот же миг Конан расслышал тихое, но весьма зловещее шуршание, доносившееся откуда-то спереди. Потом из-за угла дома, к которому он как раз подходил, появилась омерзительная клиновидная голова, а за ней, виток за витком, поползло чешуйчатое лоснящееся тело.

Киммериец отшатнулся, мигом вспомнив рассказни, которых в свое время наслушался,— эти змеи были посвящены Сету, стигийскому Богу-Змею. В храмах Сета держали немало подобных чудовищ; когда они чувствовали голод, их выпускали прямо на улицы за добычей. Жуткие змеиные трапезы считались жертвоприношением чешуйчатому божеству...

Стигийцы, окружившие Конана,— мужчины и женщины — падали на колени, безропотно ожидая своей участи. Сейчас громадная змея изберет среди них одного, чтобы

обвить его упругими кольцами, раздавить в кровавое месиво и проглотить, как полоз проглатывает мышь. Другие останутся жить. Это была воля богов...

Но только не Конана! Между тем питон полз прямо к нему, привлеченный, возможно, тем обстоятельством, что он единственный не спешил преклонить колена. Конан сунул руку под накидку, к ножу, все еще надеясь, что адова тварь минует его. Но змея остановилась прямо перед ним, собралась в кольца и высоко подняла голову. Взгляд холодных глаз, исполненный древней змеиной жестокости, скрестился со взглядом человека, раздвоенный язык так и мелькал. И вот удав выгнул шею, собираясь ударить, но мгновением раньше Конан выхватил нож и полоснул им со скоростью молнии. Широкое лезвие рассекло клиновидную голову и глубоко врезалось в толстую шею.

Высвободив нож, Конан проворно отскочил прочь, а громадное тело забилось в судорогах, бешено свиваясь и хлеща могучим хвостом. Какое-то мгновение Конан завороженно наблюдал за агонией чудовища, а вокруг было тихо — лишь свистел и гулко бил о камни чешуйчатый хвост.

Но мгновение минуло, и потрясенные свидетели разразились ужасающим криком:

— Святотатство! Он убил священного сына Сета! Смерть ему! Смерть! Смерть!..

В Конана полетели камни. Обезумевшие стигийцы истерически закричали и бросились на него. Другие выскакивали из домов, присоединяясь к погоне. Выругавшись, Конан со всех ног кинулся в темный переулок. Он бежал, ведомый более чутьем, нежели зрением, а позади слышалось шлепанье босых ног по мостовой и яростные крики преследователей, эхом отдававшиеся от каменных стен. Нащупав левой рукой какую-то щель, Конан юркнул туда и оказался в другом переулке, еще более узком. С обеих сторон вздымались гигантские черные стены, лишь высоко над головой виднелась узенькая полоска звездного неба. Конан знал, что стены, между которыми он спрятался, были стенами храмов. Тем временем погоня миновала его — преследователи промчались впотьмах мимо устья переулка, истошные крики понемногу стихли вдали. Конан пошел вперед, хотя перспектива столкнуться в темноте еще с одним «сыном Сета» вселяла в него невольную дрожь.

Спустя некоторое время впереди возник слабый движущийся отблеск — ни дать ни взять светлячок. Конан остановился и вжался в стену, нащупывая рукоятку ножа. Он знал, что это за свет: ему навстречу, неся факел, шел человек.

Вот он приблизился уже настолько, что Конан различил смуглую руку и смутный овал лица. Еще несколько шагов — и человек тоже увидит его. Конан подобрался, точно тигр перед прыжком... но факел внезапно остановился. Пламя осветило дверь. Человек повозился с ней, отворил и вошел. Кромешная темнота вновь поглотила переулок. Было что-то зловещее в этой смутной фигуре, прокравшейся во тьме переулком и исчезнувшей в потайной двери. Не иначе это жрец возвращался к себе в храм, исполнив какое-нибудь недоброе поручение!

Конан ощупью добрался до двери. Вслед за первым факелоносцем сюда вполне могли последовать и другие. Убраться назад тем же путем означало хорошую возможность вновь напороться на толпу, от которой он только что удрал. Чего доброго, они еще вернутся, заметят переулок и с воем ринутся на ускользнувшую было жертву... Конану стало не по себе меж этих отвесных, неприступных стен, захотелось выбраться отсюда — даже если выбраться означало проникнуть внутрь одного из неведомых зданий.

Тяжелая бронзовая дверь оказалась не запертой. Приоткрыв ее, Конан заглянул в щель. Перед ним была большая квадратная комната, облицованная все тем же черным камнем. В стенной нише тлел факел. Комната была пуста. Конан проскользнул внутрь и притворил за собой лакированную дверь.

Его обутые в сандалии ноги бесшумно ступали по черному мрамору пола. Заметив впереди еще одну дверь — на сей раз из тикового дерева,— Конан миновал ее и с ножом в руках вступил в огромное полутемное помещение, высокий потолок которого терялся во мраке. Влево и вправо тянулись черные стены, прорезанные арками. Зал освещали бронзовые лампы невиданной формы, едва разгонявшие тьму. Каменными карнизами нависали над головой затененные галереи.

Конан содрогнулся: стало быть, он залез в храм какого-то стигийского бога, если не самого Сета, то какого-нибудь в том же роде. И в святилище было не пусто. Посреди громадного зала высился черный каменный алтарь — массивный, мрачный, не украшенный даже резьбой, а на нем, свернувшись, лежала одна из громадных священных змей. Змея не шевелилась, лишь радужные кольца переливались в свете масляных ламп. Конан припомнил, что жрецы якобы опаивали змей время от времени каким-то дурманом. Он нерешительно шагнул вперед... и тотчас шарахнулся обратно, но не в комнату, из которой только что вышел, а в

нишу, завешенную бархатной шторой. Его слуха коснулся звук мягких шагов, раздавшийся где-то вблизи.

Из черной арки появился высокий крепкий мужчина в сандалиях и шелковой набедренной повязке. Широкая накидка окутывала его плечи. Лицо и всю голову скрывала чудовищная маска, в которой были смешаны воедино звериные и человеческие черты. Венчало маску колеблющееся облако страусовых перьев. В подобных масках стигийские жрецы совершали некоторые ритуалы.

Конан очень надеялся, что жрец не обнаружит его, но стигийца предостерег какой-то инстинкт. Направившись поначалу к лестнице, он вдруг повернул прямо к нише. Но едва он отдернул бархатную занавесь, как из темноты метнулась рука и, не дав закричать, схватила за глотку и втянула внутрь ниши, где жрец и напоролся на нож.

Дальнейшие действия Конана были подсказаны логикой. Он снял с головы жреца ухмыляющуюся маску и надел ее сам. Прикрыв тело убитого одеянием рыбака, он натянул на могучие плечи жреческую накидку. Судьба подарила ему личину — отчего ж не воспользоваться? Пускай теперь хоть весь Кеми гоняется за святотатцем, осмелившимся поднять руку на священного гада. Но кому придет в голову заглянуть под маску жреца?

Конан смело покинул альков и направился к первой же приглянувшейся арке. Но не успел сделать и дюжины шагов, как обостренный нюх на опасность вновь заставил его обернуться.

Вниз по лестнице один за другим спускались люди в масках, наряженные в точности так же, как он. Застигнутый на открытом месте, Конан заколебался, не зная, что делать, и остался стоять неподвижно, хотя по лбу и рукам покатились капли холодного пота. Жрецы не произнесли ни единого слова. Точно призраки, вереницей спускались они в зал и шли мимо Конана к одной из арок. Предводитель нес посох из черного дерева, на котором красовался белый ухмыляющийся череп. Конан понял, что перед ним была ритуальная процессия, недоступная пониманию чужестранца, но тем не менее игравшая важную — и зачастую зловещую — роль в стигийской религии. Шедший последним слегка повернул голову в маске к неподвижно стоявшему киммерийцу, как бы приглашая его следовать за собой. Что делать? Не выполнить того, чего от тебя ждут,— значит навлечь неминуемые подозрения... И Конан пристроился в затылок последнему, приноравливая свой шаг к их мерной походке.

Они шли темным сводчатым коридором, и Конану сделалось очень не по себе, когда он заметил, что череп на посохе начал светиться неестественным фосфорическим светом. Животная паника шевельнулась в глубине его существа, понуждая выхватить нож, искромсать потусторонние силуэты вокруг — и бежать, бежать из этого жуткого храма! Конан смог удержать себя в руках, подавив ужас, родившийся в недрах сознания и готовый населять кошмарными тенями все темные углы. И все-таки, когда они миновали громадную двустворчатую дверь и вышли под звездное небо, он едва не испустил вздох облегчения.

Некоторое время Конан раздумывал, не исчезнуть ли потихоньку в каком-нибудь переулке. Однако они шли и шли вереницей по длинной улице, и люди, попадавшиеся навстречу, поспешно отворачивались и удирали. К тому же процессия держалась довольно далеко от стен: внезапный прыжок в сторону навряд ли останется незамеченным...

Пока Конан в бессильной ярости крыл про себя жрецов на все корки, шествие приблизилось к невысоким воротам в южной стене и вышло наружу. Впереди и вокруг жались друг к другу низенькие глинобитные домики, в звездном свете смутно виднелись пальмовые рощи. Теперь или никогда, подумалось Конану. Самое время расстаться с его молчаливыми спутниками!

Но как только за ними закрылись ворота, все их молчание как рукой сняло. Они принялись возбужденно переговариваться вполголоса. Оставили они и ритуальный размеренный шаг, предводитель бесцеремонно сунул посох с черепом себе под мышку, и вся компания, смешав ряды, поспешила вперед. Поспешил с ними и Конан. Ибо в приглушенный шепот жрецов вкралось слово, заставившее его немедля насторожиться. И это слово было — «Тутотмес!»

18

«Я — ЖЕНЩИНА, НЕ ЗНАВШАЯ СМЕРТИ...»

Со жгучим интересом всматривался Конан в своих закрытых масками спутников. Либо один из них и был Тутотмес, либо все они шли на встречу с человеком, который был так нужен Конану. Когда же за кронами пальм в темном небе возникла треугольная черная тень гигантской постройки, Конан сообразил, куда все идут.

Жрецы миновали облезлые домишки и рощицы; может, кто и видел процессию, но на глаза предпочел не показываться. Нигде не было ни огонька. Черные башни Кеми угрюмо вздымались к звездам, отражавшимся в водах гавани. Впереди, уходя в непроглядную тьму, расстилалась пустыня. Откуда-то доносилось тявканье шакала. Обутые в сандалии ноги бесшумно ступали по песку. Казалось, призраки спешат к гигантской пирамиде, возвышавшейся над темной пустыней.

При виде мрачной громады, заслонявшей звездное небо, сердце Конана заколотилось быстрее. Он был готов сойтись с Тутотмесом лицом к лицу и схватиться с ним, если придется, но к его нетерпению примешивался страх. Любого человека, приблизившегося к этому сооружению из черных камней, поневоле одолевали предчувствия. Самое имя его было у северных народов символом чего-то отвратительного и ужасного. Легенды намекали, что пирамиды не были выстроены стигийцами, что они уже стояли здесь в незапамятно древние времена, когда смуглолицый народ только-только поселился у великой реки.

Подходя к пирамиде, Конан заметил у ее основания пятнышко неяркого света. Постепенно вырисовался дверной проем, по обе стороны которого задумчиво возлежали каменные львы с женскими головами, таинственные, непостижимые — кошмарный сон, воплощенный в камне.

Предводитель процессии направился прямо ко входу, и Конан разглядел какой-то темный силуэт там, в глубине. Вот с ним поравнялся предводитель, приостановился на миг — и исчез во тьме внутри пирамиды. Один за другим за ним последовали и остальные. При этом таинственный страж останавливал всякого вступавшего в темный портал, и что-то совершалось между ними, какой-то жест или слово — Конан тщетно силился разобрать. Отчаявшись, он намеренно замешкался и, наклонившись, сделал вид, что возится с ремешками сандалий. И только когда последний носитель маски благополучно исчез, Конан выпрямился и пошел вперед.

Ему было не по себе: в голову назойливо лезли когда-то слышанные байки, он всерьез гадал, был ли страж храма человеком. Однако волновался он зря. Бронзовый светильник, горевший за порогом, позволял видеть часть узкого длинного коридора, уходившего в темноту, и человека в широком черном плаще, молча стоявшего у входа. Больше никого не было видно. Жрецы в масках, надо думать, удалились по коридору.

Нижняя часть лица стигийца была скрыта плащом, но глаза так и впились в Конана пронизывающим взглядом. Вот он сделал левой рукой какой-то странный жест. Положившись на удачу, Конан повторил его. Но тотчас понял, что от него ожидали чего-то другого. Правая рука стигийца вылетела из-под плаща, сверкнула сталь. Последовал убийственный удар, который, вне сомнения, пронзил бы сердце обычного человека.

Но перед стигийцем был воин, обладавший стремительной реакцией лесного кота. Тусклый свет едва успел отразиться от лезвия, когда Конан перехватил смуглое запястье, и тотчас же его правый кулак обрушился на челюсть стигийца. Голова стража запрокинулась и ударилась о камни стены с хрустом, который ясно говорил о проломленном черепе.

Конан на миг замер над ним, чутко прислушиваясь. Светильник догорал, отбрасывая бесформенные тени. Впереди, во тьме коридора, ничто не шевелилось, но Конану показалось, будто где-то там, глубоко внизу, едва различимо пропел гонг.

Нагнувшись, киммериец оттащил мертвое тело за дверь, а потом осторожно и быстро пошел по коридору вперед, даже не гадая о том, какая судьба могла его там ожидать.

Пройдя совсем немного, он озадаченно остановился. Коридор разветвлялся, и в какую сторону отправились жрецы, Конану неоткуда было знать. Наугад выбрал он левый проход. Пол слегка понижался и был гладок, точно отполированный множеством ног. Там и сям чадили факелы, разливая вокруг жутковатый трепетный полусвет. Поневоле Конан задумался, зачем и в какую из позабытых эпох были сооружены эти каменные громады. Древней, чудовищно древней была эта земля! Никто не знал, сколько веков глядели на звезды стигийские черные храмы...

Узкие арки открывались то справа, то слева, но Конан держался главного коридора — хоть и приходил все более к убеждению, что свернул не туда. Иначе он давно уже поравнялся бы со жрецами, ведь они не так сильно его обогнали. Конан начал нервничать. Тишину, казалось, можно было пощупать; тем не менее ему все время мнилось, что он был не один. Не раз, торопливо минуя темную арку, он ощущал чей-то пристальный взгляд, устремленный на него из глубины. Конан замедлил шаг, почти решив вернуться туда, где коридор раздвоился... потом резко обернулся, сжимая в руке нож.

У входа в боковой тоннель стояла девушка — стояла и смотрела на киммерийца. Кожа цвета слоновой кости говорила о ее принадлежности к какому-то древнему стигийскому роду. Как все знатные стигийки, она была высокой, гибкой и чувственно прекрасной. Роскошные волосы ниспадали черной вспененной волной, и среди них мерцал искристый рубин. На ней не было никакой одежды, кроме бархатных сандалий и широкого пояса, усеянного самоцветами.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовалась она.

Ответить — значило выдать свое чужеземное происхождение. Конан молчал и не двигался — темная зловещая фигура в маске, увенчанной страусовыми перьями. Зоркие глаза его осматривали тени за спиной девушки. Никого не было видно. Но как знать, сколько воинов сбежится тотчас же, если она позовет?

Она тем временем пошла к нему — безо всякого страха, но подозрительно вглядываясь.

— Ты не жрец,— сказала она.— Ты воин, это видно даже под маской. Ты отличаешься от жрецов, как мужчина от женщин. О Сет! — воскликнула девушка, внезапно остановившись, и глаза ее округлились.— По-моему, ты даже не стигиец!

Его рука метнулась вперед так стремительно, что глаз не успел бы уследить, пальцы почти ласково обхватили нежную шею.

— Попробуй только пискни,— пробормотал он.

Ее гладкая кожа показалась ему холодной, как мрамор. Но в бездонных черных глазах, как и прежде, не было страха.

— Не бойся, я не выдам тебя,— ответила она спокойно.— Скажи лучше, не безумен ли ты, чужестранец, вошедший в запретный храм Сета?

— Я разыскиваю жреца Тутотмеса,— ответил Конан.— Он здесь?

— А зачем он тебе нужен? — парировала она.

— При нем... нечто украденное у меня.

— Я тебя к нему провожу,— предложила она с такой готовностью, что в нем вновь проснулись подозрения.

— Не играй со мной, девочка,— заворчал он.

— А я и не играю с тобой. Я не люблю Тутотмеса.

Конан помедлил, потом все же решился. В конце концов, он был в ее власти настолько же, насколько и она — в его.

— Иди рядом,— приказал он и, выпустив шею, схватил ее запястье.— И хорошенько думай, что делаешь. Если попробуешь шутить...

Она повела его по коридору — все вниз и вниз, пока не скрылись позади последние факелы, и он зашарил рукой по стене, не видя, лишь ощущая и чувствуя женщину, идущую рядом. Когда он ей что-то сказал, она повернула к нему голову, и он вздрогнул, заметив, что ее глаза светились во тьме, точно два золотистых огня. Смутные сомнения и еще более смутные, чудовищные подозрения зародились в его душе... и все-таки он продолжал идти. Она же вела его через такой лабиринт, через такую путаницу черных тоннелей, что даже его первобытное чувство направления было бессильно. Мысленно Конан сто раз обозвал себя недоумком за то, что последовал за нею в это мрачное прибежище тайн. Так или иначе, поворачивать назад было поздно. К тому же он вновь ощущал в темноте вокруг себя жизнь и движение, ощущал чье-то опасное, голодное нетерпение неподалеку... И если слух его не подвел, он расслышал даже смутный скользящий шумок, который затем удалился, повинуясь приказу, который шепотом отдала девушка.

В конце концов она привела его в покой, освещенный таинственным светом семи черных свечей, горевших в канделябрах невиданной формы. Конан понял, что они находились глубоко под землей. Комната была квадратной, со стенами и потолком из полированного черного мрамора. Она была обставлена в древнестигийском духе: Конан увидел ложе из эбенового дерева, обтянутое черным бархатом, а рядом, на черном каменном возвышении, стоял резной саркофаг.

Конан нетерпеливо переминался, поглядывая на черные арки: в комнату сходилось сразу несколько коридоров. Но девушка не пошла дальше. С кошачьей грацией растянулась она на ложе и закинула за голову руки, глядя на Конана из-под длинных загнутых ресниц.

— Ну? — спросил он нетерпеливо.— В чем дело? Где Тутотмес?

— А куда нам спешить? — отозвалась она.— Что значит час... или день... или, если на то пошло, год или столетие? Сними маску, я хочу увидеть твое лицо.

С раздраженным ворчанием Конан стащил с себя громоздкий головной убор. Девушка окинула взглядом его темное, в шрамах лицо, горящие глаза и одобрительно кивнула:

— Я вижу в тебе силу... огромную силу. Ты мог бы задушить вола!

Конан беспокойно вглядывался в темноту проходов, держа руку на рукояти ножа. Его подозрения все возрастали.

— Если ты завела меня в ловушку, пеняй на себя,— сказал он.— Любоваться результатом тебе уже не придется. Может, слезешь наконец с дивана и сделаешь что обещала? Или мне тебя...

Он не договорил. Случайный взгляд, брошенный на саркофаг, упал на посмертную маску, исполненную из слоновой кости со всей дотошностью давно забытого искусства. В чертах резной маски Конану померещилось нечто знакомое, нечто внушавшее смутное беспокойство... Потом он потрясенно осознал, в чем дело. У маски и у девушки, растянувшейся на ложе, было одно и то же лицо! Сперва он решил, что девушка послужила скульптору моделью — но ведь саркофагу было самое меньшее несколько столетий! Архаичные иероглифы были начертаны на его лакированной крышке. Конан принялся рыться в памяти, выискивая обрывки познаний, которых он в течение своей бурной жизни успел-таки поднабраться. Один за другим узнавал он древние письмена и наконец прочитал:

— Акиваша!

— Ты слышал что-нибудь о принцессе Акиваше? — спросила девушка.

— Кто же про нее не слыхал.— буркнул Конан. Имя древней принцессы, столь же прекрасной, сколь и греховной, еще жило в легендах и песнях, которые помнил весь мир,— и это при том, что уже десять тысячелетий миновало с тех пор, как дочь Тутхамона веселилась и пировала в черных залах старинного Луксура.

— Ее единственный грех — это то, что она любила жизнь во всех ее проявлениях,— сказала стигийка.— Она приняла любовь Смерти, чтобы получить Жизнь. Ей невыносима была мысль о старости и морщинах, о том, чтобы умереть ссохшейся и поблекшей. Она отдалась Тьме и получила в подарок жизнь, жизнь, неподвластную старости и увяданию. Она укрылась во мраке, обманув смерть...

Конан свирепо взглянул на нее сузившимися глазами. Повернувшись, он сорвал крышку с саркофага. Там было пусто. От смеха девушки, прозвучавшего за спиной, кровь застыла у него в жилах. Конан резко обернулся к ней, чувствуя, как сзади на шее шевелятся волоски.

— Ты — Акиваша!

Она вновь рассмеялась, тряхнула блестящими волосами и раскинула руки:

— Да, я — Акиваша! Я — женщина, никогда не знавшая ни смерти, ни старости. Та, которую глупцы считают воз-

несшейся на небо к богам, покинувшей землю во всем цвете юности и красоты, чтобы вечно царствовать в какой-нибудь небесной стране! О нет! Лишь во тьме могут смертные достигнуть бессмертия. Десять тысяч лет назад я умерла, чтобы жить вечно. Люби же меня, могучий варвар!

Гибко вскочив, она подбежала к нему, приподнялась на цыпочки и обняла его за шею. Глядя сверху вниз в ее прекрасное запрокинутое лицо, Конан ощутил пугающее влечение — и ледяной страх.

— Люби же меня,— шептала она, откинув голову, смежив глаза и приоткрыв губы.— Дай мне крови, чтобы обновить мою юность и поддержать вечную жизнь! Я и тебя могу сделать бессмертным. Я дам тебе мудрость всех веков, открою тебе тайны, хранившиеся во мраке храмовых подземелий тысячелетие за тысячелетием. Я сделаю тебя королем призрачных орд, что пируют меж древних могил, когда ночь окутывает пустыню и летучие мыши резвятся в лунном луче. Мне надоели жрецы, маги и пленницы, которые так истошно кричат у порога смерти. Мне нужен настоящий мужчина... Люби же меня, варвар!

Она склонила темноволосую голову на его могучую грудь, и он ощутил острый укол в основание шеи, у горла. Выругавшись, Конан оторвал девушку от себя и швырнул прочь, на ложе:

— Будь ты проклята, упириха!

Кровь тонкой струйкой сочилась из крохотной ранки.

Акиваша взметнулась на ложе, точно змея, изготовившаяся укусить. Желтое адово пламя горело в ее огромных глазах. Ее губы раздвинулись, обнажив острые белые зубы.

— Глупец! — выкрикнула она.— Ты думаешь спастись от меня? Ты кончишь свою жизнь здесь, со мной, в темноте! Я завела тебя глубоко в подземелья, и одному тебе отсюда не выбраться. Ты не сумеешь одолеть или миновать тех, кто стережет эти тоннели. Если бы не я, сыны Сета давно уже набили бы твоей плотью утробы. Я еще напьюсь твоей крови, глупец!

— Прочь, пока я не изрубил тебя на куски! — зарычал Конан, и по его телу пробежала дрожь отвращения.— Может, ты и вправду бессмертна, но я тоже не шутки шучу!

Он попятился к арке прохода, сквозь который они вошли... и тут свет неожиданно погас. Все свечи потухли одновременно, хотя каким образом, Конан так и не понял: Акиваша их не касалась. Он услышал за собой смех упирихи,

сладкий, как яд, как музыка Преисподней. Конан зашарил по стене в поисках выхода, покрываясь потом и чувствуя, что пропал. Нащупав наконец отверстие, он ринулся наружу, не особенно разбираясь, та ли это арка, которую он искал, или другая. Единственная мысль билась у него в голове: скорее покинуть зловещий чертог, где столько веков обитала прекрасная и омерзительная живая покойница.

Точно в дурном сне, мчался он вперед и вперед по темным закоулкам извилистых подземных тоннелей. Сзади и по сторонам то и дело слышались шорохи ползущих тел, а однажды вновь донеслось эхо сладостного и жуткого смеха, что он слышал в покоях Акиваши. На каждый звук, примерещившийся или реальный, Конан отвечал яростным взмахом ножа. Один раз его клинок вспорол нечто податливое и тонкое — паутину? В отчаянии Конан чувствовал, что с ним играют, завлекая его все глубже и глубже в беспредельную ночь, где его наконец разорвут клыки и когти чудовищ...

Но к ужасу киммерийца примешивалась тошнотворная горечь открытия, которое он сделал. Древняя легенда об Акиваше повествовала не только о зле и пороке, но еще и о юности, бессмертии и красоте. Для многих и многих мечтателей, поэтов и влюбленных Акивана не просто была недоброй принцессой стигийских сказаний — она представала символом вечной молодости и красоты, сияющей в далеких чертогах богов. И вот какова оказалась отвратительная правда. Вечная жизнь была в действительности мерзостным извращением.

К физической гадливости, которую испытывал Конан, примешивалось жестокое разочарование. Рухнула мечта, которой так долго поклонялись мужчины. Сверкающее золото на поверку оказалось слизью и вселенской гнусностью. И волной накатила безысходность: а не тщета ли все? Не тщетны ли все мечты и надежды людей?..

Теперь он точно знал, что слух его не обманывает: за ним гнались, и преследователи подбирались все ближе. Во тьме звучали шорохи, каких никогда не производили звериные лапы, тем более человеческие ноги. Или в подземном мире была своя, особая животная жизнь? Конан повернулся лицом к наседающим тварям и стал медленно пятиться, не видя ничего и никого. И вдруг все шорохи разом умолкли. Конан обернулся и разглядел в другом конце длинного коридора слабенький огонек.

19

В ЗАЛЕ МЕРТВЫХ

Конан осторожно крался в направлении огонька, чутко прислушиваясь к тому, что делалось за спиной. Звуков погони больше не было слышно, хотя он нутром чувствовал: там, во тьме, так и кишело что-то жадное, охочее до человеческой плоти.

Огонек между тем не стоял на месте — он плыл вперед, слегка подпрыгивая. Потом Конан разглядел его источник. Тоннель, которым он пробирался, пересекал другой, более широкий. И по нему двигалась странная процессия — четверо рослых, изможденных людей в черных одеяниях с капюшонами. Каждый опирался на посох, а предводитель нес в руке факел, горевший неестественно ровно. Точно призраки, миновали они затаившегося киммерийца, оставив после себя лишь меркнущий отсвет. Неописуемой жутью веяло от этой четверки. Они не были стигийцами; подобных им Конан никогда не видал и даже усомнился, принадлежали ли они вообще к роду людскому. Гораздо более походили они на духов, бродящих в заколдованных подземельях...

Конану, впрочем, терять было нечего. Не дожидаясь, пока вновь сомкнется тьма и сзади зашуршат нечеловеческие шаги, он ринулся по коридору вперед. Выскочив в широкий тоннель, он снова увидел таинственную четверку — она была далеко и двигалась прочь, окруженная сиянием факела. Конан беззвучно поспешил следом, но почти сразу был вынужден распластаться по стене — остановившись, они сбились в кучку и, казалось, начали совещаться о чем-то. Неожиданно они повернули назад, и Конан торопливо нырнул в ближайший проход. Он успел привыкнуть к темноте, хотя ночного зрения ему не было дано. Пошарив перед собой, он обнаружил, что тоннель изгибался. Конан спрятался за ближайшим поворотом, не желая попасться на глаза тем четверым.

Стоя там, он услышал где-то позади себя негромкий гул — ни лать ни взять нестройные человеческие голоса. Пройдя немного по коридору в том направлении, он убедился, что слух его не подвел. Конан сразу оставил свое первоначальное намерение следовать за призрачной четверкой, шедшей неизвестно куда, и начал пробираться на голоса.

Вот впереди забрезжил свет, и новое пересечение коридоров позволило Конану увидеть широкую арку, выходив-

шую в какое-то освещенное помещение. И тут по левую руку от себя Конан приметил узкую каменную лестницу, уводившую вверх; звериная осторожность направила его к ней.

Голоса, которые он слышал, доносились из залитой светом арки. Пока он взбирался по лестнице, бормотание отдалилось, но затем он миновал низкую дверь и выбрался на галерею.

С галереи, окутанной спасительной тенью, Конану открылся гигантский, скудно освещенный зал. Он понял, что это был Зал Мертвых, редко посещаемый кем-либо, кроме молчаливых стигийских жрецов. Вдоль черных стен ярусами стояли резные раскрашенные саркофаги, каждый помещался в отдельной нише темного камня; ряды ниш поднимались вверх, постепенно теряясь во мгле. Тысячи резных масок бесстрастно взирали на группу людей, стоявших посередине зала и казавшихся неприметными и ничтожными среди такого скопища мертвых.

Десять человек, стоявших внизу, были жрецами — они сняли маски, но Конан узнал тех, за кем шел к пирамиде. Перед ними, подле алтаря, на котором покоилась мумия в истлевших повязках, стоял высокий мужчина с ястребиным лицом. А сам алтарь, казалось, был погружен в недра живого огня, что пульсировал и сверкал, бросая на черные камни трепетные золотые блики. Это сиял огромный алый кристалл, возложенный на алтарь, и в его свете лица жрецов казались пепельно-мертвенными. Глядя вниз, Конан разом ощутил все бесконечные мили, все долгие дни и бессонные ночи изматывающей погони. Он задрожал от безумного желания ринуться вниз на безмолвных жрецов, могучими ударами клинка проложить себе путь и схватить алый камень нетерпеливыми пальцами... Но железная воля помогла ему совладать с собой и подавить этот порыв. Конан затаился в густой тени каменной балюстрады. Он заметил, что с галереи в зал вдоль стены вела лесенка, также скрытая тенью. Конан обводил сумеречный зал пристальным взглядом, высматривая других жрецов или свидетелей. Но, похоже, здесь были только те, что стояли у алтаря.

Глухой голос стоявшего рядом с мумией гулко разносился по залу:

— ...И таким образом к нам на юг пришла эта весть. Ее нашептывал ночной ветер, вороны сообщали ее друг другу, каркая на лету, летучие мыши рассказывали ее совам и змеям, таящимся в древних руинах. Ее разнесли оборотни,

вампиры и черные демоны, крадущиеся в ночи. Спящая Ночь Мира шевельнулась и встряхнула тяжелой гривой, в черных безднах забили барабаны, и эхо далеких жутких криков стало пугать ночных пешеходов. Ибо Сердце Аримана вернулось в мир, вернулось исполнить свое непостижимое предназначение. Не спрашивайте, каким образом я, Тутотмес из Кеми, слуга Ночи, получил эту весть прежде Тот-Амона, что зовет себя королем всех волшебников мира. Есть тайны, не предназначенные даже для ваших ушей. Скажу лишь, что Тот-Амон — не единственный владыка Черного Круга. Восприняв весть, я выехал навстречу Сердцу, двигавшемуся на юг. Смерть за смертью оставляло оно за собой, несомое вперед рекой человеческой крови. Ибо кровь притягивает и питает его, а наибольшую силу придают ему окровавленные руки убийцы, вырвавшие Сердце у прежнего обладателя. Где сияет Сердце Аримана, там льется кровь, рушатся королевства и буйствуют слепые силы природы... И все же то, что должно было свершиться, свершилось — наконец-то я стою здесь перед вами как повелитель и господин Сердца. Я тайно призвал сюда вас, немногочисленных верных, чтобы разделить с вами власть над черным королевством грядущего. Сегодня вы увидите, как рухнут цепи рабства, наложенные на нас Тот-Амоном, как зародится империя! Но кто такой я — даже я, Тутотмес,— чтобы познать и покорить силы, дремлющие в этих алых глубинах? Три тысячи лет хранило оно забытые тайны... но я их узнаю. Мне расскажут — они!

И взмахом руки он обвел безмолвные силуэты, застывшие в каменных нишах.

— Они спят, глядя на нас сквозь свои скульптурные маски,— продолжал Тутотмес.— Короли, королевы, полководцы, жрецы, чародеи, все династии, вся знать Стигии за десять тысяч лет! Прикосновение Сердца пробудит их ото сна. Долго, долго пылало и билось Сердце здесь, в Стигии, здесь был его дом в течение долгих столетий, пока его не перевезли в Ахерон. Древним была известна его полная сила, и, когда моя магия пробудит их к жизни, они расскажут мне обо всем! Я заставлю их для меня потрудиться. Воскресив их, я выведаю позабытую мудрость, познания, скрытые ныне в этих высохших черепах. С помощью мертвых поработим мы живых! О да! Ибо короли, полководцы и волшебники древних станут нам помогать, и кто тогда устоит перед нами? Взгляните! Вот эти иссохшие, скрюченные останки на алтаре звались когда-то Тотмекри, верховным жрецом

Сета; он умер три тысячи лет назад. Он был посвященным Черного Круга. Он знал Сердце. Он научит нас, как пользоваться его силой!

Подняв лучистый кристалл, Тутотмес возложил его на бесплотную грудь мумии и, воздев руки, запел заклинание. Но завершить его ему не пришлось. Он замер на полуслове, вглядываясь во что-то за спинами учеников, и те разом обернулись туда, куда указывал его взгляд.

Сквозь темную арку в зал один за другим вошли четверо изможденных созданий в черных плащах. Тени надвинутых капюшонов едва позволяли различить желтые овалы их лиц.

— Кто вы? — резко спросил Тутотмес, и его голос предвещал опасность не меньшую, чем шипение кобры.— Не безумны ли вы, вторгшиеся в священную обитель Сета?

Самый высокий из чужаков ответил ему голосом бесцветным, точно звук кхитайского храмового колокола:

— Мы пришли за Конаном, киммерийцем.

— Его нет здесь,— ответил Тутотмес и сдвинул плащ с правого плеча движением пантеры, выпускающей когти.

— Лжешь,— прозвучало в ответ.— Он здесь, в храме. Мы нашли труп за бронзовой дверью и пошли по следу сквозь путаницу коридоров. Потом мы натолкнулись на это сборище. Мы пойдем дальше, но сперва отдайте нам Сердце Аримана.

— Смерть — удел безумных,— пробормотал Тутотмес, понемногу придвигаясь к говорившему. Следом, окружая чужаков, крались его жрецы, но те четверо как будто не замечали.

— Кто способен взглянуть на него и не возжелать? — продолжал кхитаец.— Мы слышали о нем еще у себя на родине. Оно даст нам власть над народом, изгнавшим нас. Ужас и слава дремлют в его алых глубинах. Отдайте его нам и не вынуждайте нас убивать...

С яростным воплем кто-то из жрецов метнулся вперед, в его руке мелькнула сталь. Но ударить он не успел: взвился чешуйчатый посох и коснулся его груди, и жрец упал, как падает только мертвый. В следующий миг равнодушные мумии стали свидетелями жуткого, кровавого боя. Сверкали и обагрялись кривые ножи, мелькали похожие на змей посохи, и люди, которых они касались, с криком падали и умирали.

Как только был нанесен первый удар, Конан вскочил на ноги и помчался вниз по ступенькам. Он лишь мельком видел тот демонский бой. Он видел, как один из кхитай-

цев, изрубленный почти что в куски, все еще стоял на ногах, раздавая смерть, пока наконец Тутотмес не ударил его в грудь раскрытой ладонью, и только тогда кхитаец свалился: сталь не в силах была побороть его колдовскую живучесть.

К тому времени, когда Конан перепрыгнул последнюю ступеньку, сражение почти завершилось. Трое кхитайцев лежали на полу мертвыми, плоть их была иссечена в клочья, внутренности выпали. Но и среди стигийцев в живых остался один лишь Тутотмес.

Вот он бросился на уцелевшего кхитайца, простирая, как оружие, пустую ладонь, и ладонь эта была черна. Но еще быстрее метнулся вперед посох высокого кхитайца — метнулся и, казалось, сам собой удлинился в хозяйской руке. Острие коснулось груди Тутотмеса, и тот зашатался, но устоял; посох ударил еще и еще раз, и Тутотмес покачнулся и рухнул замертво. По его лицу быстро расползлась чернота, теперь он был весь так же темен, как его заколдованная рука.

Тогда кхитаец повернулся к драгоценному камню, что пылал на груди мумии,— и увидел перед собой Конана.

Некоторое время они молча смотрели один на другого, стоя среди кровавого побоища, под взглядами тысяч мумий.

— Долго же мы следовали за тобою, о аквилонский король,— проговорил кхитаец спокойно.— По большой реке, через горы, через Пуантен и Зингару, по холмам Аргоса и наконец морем. В Тарантии мы с трудом взяли твой след, ибо жрецы Асуры хитроумны. Мы вновь потеряли его в Зингаре, но затем отыскали шлем, брошенный тобой в лесу у подножия пограничных холмов, там, где ты сражался с лесными вурдалаками. И сегодня, в этих лабиринтах, мы едва не сбились со следа...

И Конан подумал о том, как ему повезло,— ведь он выбрался из покоев упырихи не тем путем, которым пришел. Иначе он прямо налетел бы на желтых демонов. А так он сумел издалека разглядеть, как они, подобно двуногим ищейкам, вынюхивают его след... вынюхивают его, пуская в ход какой-то жуткий сверхъестественный дар.

Кхитаец слегка покачал головой, словно прочитав его мысли.

— Все это, впрочем, неважно,— сказал он,— ибо долгий путь окончится здесь.

— Зачем вы выслеживали меня? — спросил Конан, готовый метнуться в любую сторону с быстротой спущенной пружины.

— Мы возвращали долг,— ответил кхитаец.— От тебя, обреченного смерти, бессмысленно что-либо скрывать. Мы служили Валерию, нынешнему королю Аквилонии. Долгой была наша служба, но теперь она кончена: братьев моих освободила гибель, меня же освободит исполнение клятвы. Я вернусь в Аквилонию, везя сразу два сердца: Сердце Аримана — для себя и сердце Конана — для Валерия. Один поцелуй посоха, вырезанного из живого Дерева Смерти...

Удар посоха был подобен броску гадюки, однако нож в руке Конана мелькнул мгновением раньше. Посох распался на две половины, и половины эти начали корчиться; новый взмах отточенного клинка — и голова кхитайца покатилась по полу.

Повернувшись, Конан протянул руку к Сердцу... и отпрянул. Волосы зашевелились у него на голове, кровь в жилах так и застыла.

То, что лежало на алтаре, больше не было ссохшейся мумией. Камень пылал и переливался на широкой груди живого мужчины, лежавшего обнаженным среди истлевших повязок. Но был ли он в самом деле жив, Конан не взялся бы утверждать. Во всяком случае, глаза его были неподвижным черным стеклом, в котором мрачно тлел нечеловеческий пламень.

Держа камень на ладони, воскрешенный поднялся и встал во весь рост у алтаря — нагой, смуглокожий, с лицом, похожим на застывшую маску. Молча протянул он Конану алый кристалл, исходивший пульсирующим огнем, точно настоящее сердце. Конан взял его, испытав жутковатое чувство — подарок из рук мертвеца! Он догадывался, что не все заклинания были пропеты, обряд не доведен до конца: жизнь вернулась в тело, но не вполне.

— Кто ты? — спросил киммериец.

— Я тот, кто был Тотмекри,— прозвучал голос, подобный монотонному падению капель со сталактита в подземной пещере.— Я мертв.

— Ну так будь добр, выведи меня из этого проклятого храма,— попросил Конан, внутренне содрогаясь.

Размеренным шагом двинулся мертвый к черной арке. Конан последовал за ним. Оглянувшись, он в последний раз увидел громадный темный зал, ряды саркофагов и мертвые тела вокруг алтаря. Отсеченная голова кхитайца все еще пялилась вверх, в наползавшую тьму...

Сверкающий камень озарил черные коридоры, словно какая-нибудь волшебная лампа. Блики золотого света мета-

лись по стенам. Однажды Конану померещился в потемках отсвет тела цвета слоновой кости, но упыриха, которую когда-то звали Акивашей, попятилась перед сиянием Сердца. Нечисть и нежить разбегались с дороги, прячась во тьме.

Мертвец шел прямо вперед, не глядя по сторонам, шаг его был ровен и неизменен, точно судьба. Конан обливался холодным потом, терзаясь сомнениями. Почем знать, к свободе ли ведет его этот жуткий проводник, восставший из прошлого? С другой стороны, в одиночку Конан никогда бы не выбрался из колдовской путаницы тоннелей и коридоров. Ему ничего не оставалось, кроме как следовать за мертвым сквозь тьму, что неохотно расступалась перед ними и вновь смыкалась позади, полная крадущихся теней, ненадолго разогнанных ослепительным пламенем Сердца.

А потом впереди показалась бронзовая дверь. В лицо Конану дохнул ночной ветер пустыни. Он увидел звезды в небе, и освещенную ими пустыню, и рассекавшую ее необъятную тень пирамиды. Тотмекри молча вытянул руку, указывая в пустыню, затем повернулся и беззвучно зашагал обратно во мрак. Конан провожал его взглядом, пока он не растворился в черноте, все теми же мерными шагами идя то ли навстречу известной и неотвратимой погибели, то ли к вечному сну...

Словно очнувшись, Конан с проклятием отскочил от двери и так помчался через пески, как будто за ним гнались демоны. Он не оглядывался ни на пирамиду, ни на черные башни Кеми, смутно вырисовывавшиеся вдали. Он бежал на юг, к берегу, бежал со всей скоростью, на которую были способны его длинные ноги. Предельное усилие мышц вымело из его сознания черную паутину, чистый ветер пустыни развеял кошмары, а ужас и отвращение сменились яростным восторгом. И вот пустыню сменила болотная сырость, заблестела сквозь заросли черная гладь воды, и Конан увидел «Смельчака», стоявшего на якоре.

Он проложил себе путь сквозь влажную чащу, до бедер увязая в трясине. Потом бросился в воду и поплыл, думать не думая ни об акулах, ни о крокодилах. Он подплыл к галере и, счастливый и мокрый, полез на борт по якорной цепи, и только тут его заметили вахтенные.

— Просыпайтесь, псы! — проревел он во все горло, небрежно отмахиваясь от копья, которое перепуганный черный матрос нацелил было ему в грудь.— Поднять якорь! Живо на весла! Дать рыбаку полный шлем золота и отпустить его

на берег! Скоро восход, а еще до рассвета мы должны влететь в ближайший зингарский порт!..

И он торжествующе размахивал над головой огромным сияющим камнем так, что по всей палубе катились волны золотого огня.

20

И ВОССТАНЕТ АХЕРОН ИЗ ПРАХА

В Аквилонию снова пришла весна. Зазеленели молодой листвою ветви деревьев, проклюнувшаяся трава радовалась теплому южному ветру. Но много полей стояло невспаханными, и лишь кучи золы и головешек указывали, где прежде стояли гордые виллы или процветающие города. Волки, не прячась, бродили по заросшим травой большакам, в лесах же таились шайки готовых на все людей, не знающих над собой господина. Только в Тарантии происходили пиры один пышнее другого и царил показной блеск.

Правление Валерия отмечено было безумством. Даже те из баронов, кто поначалу рад был приветствовать его восшествие на престол, теперь возмущались в открытую. Сборщики налогов не давали житья ни богатым, ни бедным. Все богатства ограбленного королевства стекались в Тарантию, которая все менее походила на столицу державы и все более — на осажденную крепость захватчиков в завоеванной стране. Ее купцы богатели, но даже и богатеть было опасно. Каждого в любой миг могли под каким-нибудь лутым предлогом обвинить в измене, конфисковать нажитое, а самого бросить в тюрьму или вовсе отправить на плаху.

Валерий не делал даже попыток снискать любовь и доверие подданных, предпочитая опираться на немедийских воинов и отчаянно храбрых наемников. Он прекрасно знал, что является марионеткой в руках Амальрика. Знал он и то, что правит лишь с молчаливого согласия немедийца. Валерий понимал, что ему никогда не удастся объединить вокруг себя аквилонцев и сбросить это ярмо, ибо внешние провинции будут сопротивляться ему до последнего человека. Да и немедийцы мигом сбросят его с трона, вздумай он начать сплачивать королевство. Он попался в собственные силки. Отрава униженной гордости разъедала его душу — и Валерий пустился в разврат, предпочитая жить сегодняшним днем, не думая и не заботясь о дне завтрашнем.

Но безумие его содержало в себе и некую хитрость — хитрость столь тонкую, что даже Амальрик не сумел ее разгадать. Быть может, долгие годы ссылки наделили ум Валерия горечью, недоступной обычному пониманию, а отвращение к нынешнему положению дел превратило эту горечь в род безумия? Как знать! Во всяком случае, им владело единственное желание — губить все и всех, так или иначе связанных с ним.

Он знал, что его правлению придет конец, как только Амальрик решит, что он выполнил свою роль. Еще он знал: покуда он жестоко угнетает родную страну, немедийцы будут терпеть его на престоле, ведь Амальрик желал окончательно поставить Аквилонию на колени, уничтожить последние ростки независимости и неповиновения. Вот тогда-то он сам возьмет власть, расстегнет кошелек, переделывая страну по себе, и использует ее людскую силу и природные богатства, чтобы отобрать у Тараска корону Немедии. Главной целью Амальрика был императорский трон, и Валерий об этом знал. Он не знал только, догадывался ли Тараск. По крайней мере, его безжалостное правление немедийский король одобрял. Тараск ненавидел Аквилонию застарелой ненавистью, подкрепленной прежними войнами, и всей душой жаждал уничтожить западного соседа.

Что ж, Валерий и собирался разорить Аквилонию так, чтобы даже богатства Амальрика не помогли ей подняться. Он ненавидел барона не меньше, чем аквилонцев, и только мечтал дожить до того дня, когда страна придет уже в полное запустение, а Амальрик с Тараском сцепятся в междоусобной войне, которая и от Немедии не оставит камня на камне.

Он полагал, что завоевание все еще не покоренных провинций — Гандерланда и Пуантена, а с ними и Боссонских Пределов — поставит на его правлении точку. Его роль будет исполнена, и Амальрик просто отделается от него. Поэтому Валерий тянул с покорением этих провинций, ограничивая свою деятельность бессмысленными грабежами, а от Амальрика, понуждавшего его к выступлению в поход, он оттоваривался, как только мог.

Жизнь Валерия состояла из сплошных оргий и разгульных пиров. В его дворец свозили прекраснейших девушек королевства — в основном силой. Он богохульствовал и пьяным валялся на полу пиршественных залов прямо в золотой королевской короне, марая царственный пурпур разлитым вином. А когда у него случались приступы кровожадности, на виселицах, установленных на рыночной площади, грез-

дьями повисали тела, топоры палачей купались в крови, а по стране мчались немедийские конники, грабя и сжигая все на своем пути. Доведенные до отчаяния аквилонцы то тут, то там поднимали беспорядочные восстания, которые подавлялись со зверской жестокостью. Валерий грабил, насиловал и разрушал так упоенно, что даже Амальрик возмущался и предостерегал его, что, мол, еще немного — и обнищавшая страна уже не сможет отстроиться. Откуда мог он знать, что именно таков и был замысел короля!

В Немедии и Аквилонии вовсю шептались о вероятном безумии короля, а в Немедии — еще и о Ксальтотуне, человеке с покрытым лицом. Немногие видели его на улицах Бельверуса. Поговаривали, будто все больше времени он проводит в горах, среди одичавших наследников древней расы — немногословных, смуглолицых, чьи предки когда-то владели обширным королевством. Ходили слухи, будто среди спящих холмов ночами бьют барабаны, горят во тьме костры, а ветер разносит странные песнопения — песнопения и заклинания, утратившие смысл столетия назад, но упрямо повторяемые у очагов горных деревень, чьи обитатели столь разительно отличались от жителей долин.

Смысла этих ночных бдений не ведал никто — ну, может, разве Ораст, нередко сопровождавший пифонца. И было замечено, что на лицо Ораста все чаще набегала тень беспокойства.

Но с расцветом весны гибнущее королевство обежал новый слух, буквально возродивший его к жизни. Ни дать ни взять шепчущий ветер налетел с юга, пробуждая отчаявшийся, ко всему безразличный народ. Впрочем, где именно зародились эти слухи, никто так и не понял. Кто-то рассказывал соседям о странной, нелюдимой старухе, спустившейся с гор: дескать, ветер развевал ее седые волосы, а рядом, подобно послушному псу, бежал громадный серый волк. Кто-то прослышал о жрецах Асуры, возникавших, как неуловимые призраки, там и сям от Гандерланда до пуантенских границ, от Тарантии до боссонских лесных деревень...

Как бы то ни было, слух расползался, а с ним ширилось и восстание, пожаром охватившее приграничья. Восставшие штурмовали окраинные крепости немедийцев, вырезали отряды сборщиков дани. Весь запад страны вышел из повиновения столице, и это восстание было не чета прежним: уже не отчаяние чувствовалось в нем, а свирепая решимость и вдохновенный гнев освобождения. Поднимались не только простолюдины. Бароны укрепляли свои замки, заявляя о

неподчинении управителям провинций. А по ту сторону границы были замечены отряды боссонских стрелков — решительных, кряжистых воинов в чешуйчатых панцирях и стальных шлемах, с длинными луками. Отчаявшаяся, отупевшая, загнанная страна совершенно неожиданно для завоевателей наливалась грозными и яростными токами жизни. Амальрик со всей поспешностью сообщил об этом Тараску, и тот явился с армией.

Двое королей и Амальрик вели речь о восстании, сидя в тарантийском дворце. Они не посылали за Ксальтотуном, с головою ушедшим в какие-то тайные приготовления в немедийских горах. Со дня кровавой битвы при Валкие они ни разу не обращались к нему за магической помощью, и он жил своей жизнью, мало общаясь с ними и не проявляя к их замыслам видимого интереса.

Не посылали и за Орастом; жрец пришел сам — бледный, точно морская пена, гонимая штормом. Когда он вступил в раззолоченные покои, где держали совет короли, всем бросился в глаза его измученный вид и полный ужаса взгляд. Никто из них еще не видел в глазах Ораста подобного страха.

— Ты выглядишь усталым, Ораст,— сказал Амальрик.— Присядь на диван, а я пошлю раба за вином. Поездка утомила тебя...

Но Ораст вскинул руку:

— Я насмерть загнал трех коней, торопясь сюда из Бельверуса. Я не смею ни отдыхать, ни наслаждаться вином, пока не скажу того, что должен сказать.

Он заходил по комнате, словно сжигаемый неким внутренним огнем, не дававшим ему стоять неподвижно. Потом обратился к недоумевающим слушателям.

— Когда мы использовали Сердце Аримана, чтобы вернуть жизнь в мертвое тело,— начал он без обиняков,— задумывались ли мы о последствиях, которые повлечет наша возня в черной пыли прошлого? Моя в том вина, мой грех. Мы лелеяли собственные честолюбивые планы и думать не думали, какие замыслы может взлелеять воскрешенный нами чародей. Так вот, мы выпустили в наш мир демона, исчадие Преисподней, недоступное человеческому рассудку. Сам я погряз во зле глубже некуда, но есть предел, которого не переступит ни один человек нашего времени. Мои предки были чистыми людьми, не запятнавшими себя служением демонам; в бездну зла погрузился лишь я один, но и я способен грешить лишь в пределах, мне отмеренных. А за

Ксальтотуном стоят тысячи веков черной магии и демонских культов, вся сила древней религии зла! Он вне нашего разумения не только потому, что сам он волшебник, он — наследник целой расы чернокнижников! Путешествуя с ним, я видел такое, что перевернуло мою душу. Я видел, как в сердце спящих гор Ксальтотун беседовал с душами мертвых и вызывал древних демонов забытого Ахерона. Я видел, как проклятые последыши проклятой империи поклонялись ему и провозглашали его своим верховным жрецом. И я понял, что у него на уме. Слушайте же: он задумал ни больше ни меньше, как возродить древнее, черное, жуткое королевство — Ахерон!

— О чем ты? — изумился Амальрик.— Ахерон давно превратился в прах, а последыши, как ты их назвал, отнюдь не достаточно для возрождения империи. Даже Ксальтотуну не под силу пробудить прах, которому три тысячи лет!

— Плохо же ты знаком с его черным могуществом,— мрачно ответствовал Ораст.— Я видел, как самые горы меняли свои очертания и под звуки его заклинаний становились такими, какими были когда-то. Я видел, как сквозь реальность проступают тени долин, лесов, озер и горных хребтов, явившиеся из прошлого. Мне показалось, я даже заметил, как поднимались в закатном тумане пурпурные башни позабытого Пифона... И вот в нашей последней поездке, когда загремели барабаны, а звероподобные почитатели Ксальтотуна завыли, катаясь в пыли, до меня дошел наконец смысл его колдовства. Говорю вам еще раз: он возродит Ахерон, подкрепив свою магию кровью гигантских жертвоприношений, подобных которым еще не было под луной. Поработив мир, он потоками крови смоет с лица земли настоящее и возродит прошлое!

— Ты сошел с ума! — вырвалось у Тараска.

— Сошел с ума? — Измученный взгляд Ораста обратился на короля.— Да может ли сохранить рассудок увидевший то, что довелось увидеть мне? Нет, я сказал вам правду. Он задумал вернуть Ахерон — с его башнями, городами и королями, со всеми его ужасами. Потомки ахеронцев послужат ему фундаментом... но известью и камнем для строительства станет кровь и плоть ныне живущих. Каким образом — этого я вам сказать не могу. Но я видел! Видел своими глазами! Ахерон вновь станет Ахероном, и даже леса, реки и горы примут тот же облик, что в древности. Почему бы и нет? Уж если даже я, с моими ничтожными познаниями, сумел оживить человека, пролежавшего мертвым тридцать

веков — с какой бы стати величайшему волшебнику мира не воскресить королевство, рухнувшее когда-то? Придет час — и восстанет Ахерон из праха по его слову!

— Можем ли мы помешать ему? — спросил потрясенный Тараск.

— Есть лишь один путь,— ответил Ораст.— Нужно похитить у него Сердце Аримана.

— Но я...— помимо собственной воли начал Тараск и торопливо прикусил язык. Этого никто не заметил, и Ораст продолжал:

— Сердце Аримана — сила, которая может быть использована против него. Дайте его мне в руки — и я, пожалуй, решусь противостоять Ксальтотуну. Но как похитить его? Чародей прячет Сердце в каком-то тайнике, до которого навряд ли сумеют добраться даже заморийские воры. Я бессилен его отыскать. Если бы только он вновь заснул сном черного лотоса... но в последний раз это было после битвы при Валкие, когда ворожба отняла у него много сил, и...

Дверь, закрытая на все замки и запоры, беззвучно растворилась. На пороге стоял Ксальтотун. С обычным своим безмятежным спокойствием поглаживал он роскошную бороду, но глаза горели адским огнем.

— Слишком многому я тебя научил,— сказал он ровным голосом. Его палец, точно перст судьбы, указывал на Ораста. И прежде чем кто-либо успел шевельнуться, он бросил на пол к ногам замершего, как статуя, жреца горсточку пыли. Она вспыхнула и затлела, выпустив струйку синеватого дыма, который обвил Ораста тонкой спиралью. Поднявшись выше плеч, дым с внезапностью кусающей змеи обвился вокруг его горла. Вопль Ораста сменился бульканьем и затих. Он вскинул руки к шее... но глаза уже вылезли из орбит, язык вывалился изо рта. Дым душил его, как веревочная петля; потом он рассеялся и исчез, а Ораст мертвым рухнул на пол.

Ксальтотун хлопнул в ладоши. Вошли двое, которых часто видели с ним,— низкорослые, с красными косыми глазами и острыми крысиными зубами, с кожей отталкивающего темного цвета. Не произнося ни слова, они подняли и вынесли тело.

Движением руки покончив со всем происшедшим, Ксальтотун опустился за стол из слоновой кости, вокруг которого сидели побледневшие короли.

— Почему вы собрались? — спросил он.

— Аквилонцы восстали на западе,— ответил Амальрик, первым пришедший в себя от страшного потрясения, вы-

званного гибелью Ораста.— Эти глупцы верят, будто Конан остался в живых и якобы возвращается во главе пуантенского войска освобождать королевство. Если бы он появился сразу после разгрома при Валкие, если бы тогда прошел слух о том, что он жив, центральные провинции не решились бы подняться, столь велик был их страх перед волшебной силой, которая тебе повинуется. Но бездарное правление Валерия довело их до такого состояния, что люди готовы пойти против нас за кем угодно, лишь бы скорая смерть избавила их от мучений и нищеты. Разумеется, слух о том, будто Конан при Валкие не погиб, все время гулял по стране, но народ как следует поверил только сейчас. Из Офира вернулся изгнанник Паллантид, он клянется, что в тот день король лежал в своем шатре, сраженный болезнью, а в его доспехах сражался простой воин. Россказням Паллантида вторит мальчишка-оруженосец, едва оправившийся от удара булавы, которым его наградили при Валкие. Еще по стране бродит какая-то бабка с ручным волком и тоже болтает, будто король Конан жив и скоро придет за своей короной. А с некоторых пор и проклятые жрецы Асуры поют эту же песню. Они возвещают, что некоторым таинственным образом якобы получили «слово» о возвращении Конана. Покамест мне не удается поймать ни жрецов, ни старуху, но все это, без сомнения, козни Троцеро. Шпионы доносят мне, что пуантенцы явно собираются вторгнуться в Аквилонию. И я думаю, что Троцеро, скорее всего, потащит с собой какого-нибудь парня, объявляя его королем Конаном...

Тараск засмеялся, но смех его прозвучал неуверенно. Он тайком пощупал шрам под одеждой и вспомнил карканье воронов, помогавших выследить беглеца. Вспомнил он и труп Аридея, своего оруженосца, которого нашли в пограничных горах чудовищно изувеченным волчьими клыками — так, по крайней мере, утверждали напуганные воины. Еще он вспомнил об алом камне, вынутом из золотого ларца, пока спал чародей... но об этом не стоило упоминать.

А Валерий вспомнил умирающего вельможу и жуткий рассказ, вырвавшийся у него вместе с последними вздохами. И четверых кхитайцев, отбывших на юг, да так и не возвратившихся. И тоже придержал язык, ибо ненависть к союзникам глодала его, подобно червю, заставляя мечтать лишь о том, чтобы и восставшие, и немедийцы поскорее отправились на тот свет, вцепившись в глотки друг другу.

Но вот Амальрик воскликнул:

— Какая чушь — верить, будто Конан жив!

Вместо ответа Ксальтотун бросил на стол свиток пергамента. Амальрик взял его и развернул, и невнятный яростный крик сорвался с его уст. Вот что было написано на пергаменте:

«Ксальтотуну, главному фокуснику Немедии. Ахеронский ублюдок! Я возвращаюсь в свое королевство и собираюсь развесить твою шкуру на кусте ежевики. Конан».

— Подделка! — выкрикнул Амальрик.

Но Ксальтотун покачал головой:

— Письмо подлинное. Я сравнивал его с подписями на государственных документах, хранящихся в библиотеке дворца. Эти каракули невозможно подделать.

— Значит,— пробормотал Амальрик,— если он и впрямь жив, нынешнее восстание будет совсем не таким, как прежние. Конан — единственный, кому под силу как следует сплотить аквилонцев. Но,— возразил он сам себе,— на Конана это мало похоже. С какой бы стати ему выдавать себя подобным хвастовством? Я бы скорее предположил, что он ударит внезапно и без предупреждения, как чаще всего и делают варвары.

— Мы и так предупреждены,— заметил Ксальтотун.— Ты сам говорил о шпионах и о том, что Пуантен готовит войну. Он все равно не сумел бы пересечь горы незамеченным. Вот он и посылает мне вызов, причем в свойственном ему вкусе.

— Почему же тебе? — спросил Валерий.— А не мне или Тараску?

Ксальтотун обратил к королю непроницаемый лик.

— Потому,— сказал он, помолчав,— что Конан умнее вас и понял то, чего вы, короли, никак не возьмете в толк. А именно: не ты, Тараск, не ты, Валерий, и даже не ты, Амальрик, суть повелители западных народов. Их хозяин — я, Ксальтотун!

Никто не произнес ни слова; все трое молча смотрели на чародея, потрясенно осознавая, что это сущая правда.

— Мне пристала одна дорога — имперская,— продолжал меж тем Ксальтотун.— Но для начала надо раздавить Конана. Я не знаю, каким образом он спасся от меня в Бельверусе; мне не дано знать, что происходит, пока я сплю сном черного лотоса. Но так или иначе — он на юге, и он готовит удар. Это его отчаянный, последний удар, ставший возможным лишь благодаря ярости народа, натерпевшегося от Валерия. Что ж, пусть поднимаются: все их судьбы лежат у меня на

ладони. Мы подождем, пока он двинется нам навстречу, и тогда сокрушим его — раз и навсегда! После чего сомнем Пуантен, Гандерланд и глупых боссонцев. Затем придет черед Офира, Аргоса, Зингары, Кофа — все народы мира сплавим мы вместе, выковав мою империю! Вы станете моими сатрапами и тем обретете большее величие, чем ныне, когда вас зовут королями. Я непобедим — ибо Сердце Аримана спрятано так, что ни один человек более не сумеет использовать его против меня!

Тут Тараск поспешно отвел глаза, дабы Ксальтотун, чего доброго, не прочитал его мыслей. Значит, волшебник не заглядывал в золотой ларец, на крышке которого спали змеи, казавшиеся живыми,— не заглядывал с тех самых пор, как положил туда Сердце Аримана! Как ни удивительно, Ксальтотун по сей день не подозревал о похищении Сердца. Видимо, странный камень был превыше его черного знания и не подчинялся ему; во всяком случае, сверхъестественные таланты мага не подсказали ему, что ларчик был пуст. К тому же Тараску не верилось, чтобы Ксальтотун полностью представлял себе весь смысл откровений Ораста: то-то пифонец говорил не о возрождении Ахерона, а лишь о создании новой земной империи. И Тараск пришел к выводу, что Ксальтотун еще не до конца уверен в собственных силах. Им троим необходима была его помощь, но и он в них нуждался не меньше. В конце концов, магия тоже до некоторой степени зависела от ударов мечей и рыцарских копий. Король перехватил взгляд Амальрика, брошенный исподтишка, и уловил его смысл. Пусть маг применит свое искусство, помогая им избавиться от опаснейшего врага. Позже они еще выберут время, чтобы ополчиться против него. И уж как-нибудь да превозмогут темную силу, которую сами же пробудили...

21

БАРАБАНЫ В ТУМАНЕ

Война началась, когда пуантенская армия в десять тысяч человек под развернутыми знаменами, точно стальная река, стекла с южных перевалов на аквилонские равнины. Шпионы божились, будто во главе войска ехал гигант в черных доспехах, с королевским львом Аквилонии, вышитым золотой нитью на груди его шелковой накидки. Итак, Конан

был жив! Король возвращался! Теперь никто уже в этом не сомневался, ни друзья, ни враги.

Одновременно с южным нашествием пришли недобрые вести и с севера. Всадники, примчавшиеся на запаленных конях, сообщили, что из Гандерланда в Аквилонию тоже двигалось войско, причем бароны северо-запада и северные боссонцы спешили присоединиться к нему.

Тараск немедленно выступил с армией в тридцать одну тысячу воинов к городу Галпарану, что на реке Ширке: если гандеры направлялись к городам, еще удерживаемым немедийцами, они должны были переправиться именно здесь. Ширка была быстрой и бурной рекой, мчавшейся на юго-запад сквозь сплошные теснины и труднопроходимые каньоны. Нелегко было переправить целую армию через этот поток, вздувшийся от весеннего половодья. И поскольку вся страна восточнее Ширки была еще в руках немедийцев, логичным выглядело предположение, что гандеры попробуют переправиться либо у Галпарана, либо у Танасула, лежавшего южнее. Со дня на день ждали подкреплений из Немедии, но вместо подкреплений пришла весть, что южным границам страны угрожает Офир, и выслать дополнительные войска — значит оголить Немедию и спровоцировать вторжение с юга.

Амальрик и Валерий вышли из Тарантии с двадцатипятитысячной армией, оставив в городе большой гарнизон для предотвращения возможных волнений. Их целью было встретить и разгромить Конана прежде, чем он успеет соединиться с мятежными аквилонцами.

Однако король и его пуантенцы, спустившись с гор, внезапно исчезли неизвестно куда. Они не ввязывались в сражения, не осаждали крепостей и городов. Оставалось только предполагать, что они повернули на запад, в дикие, малонаселенные холмы, и ушли в Боссонские топи, обрастая по пути добровольцами. Амальрик и Валерий с их войском, состоявшим из немедийцев, аквилонских изменников и свирепых наемников, в раздражении и гневе рыскали по стране, ища врага, но враг не спешил появляться.

Амальрику приходилось довольствоваться лишь смутными слухами о передвижениях армии Конана. Отряды разведчиков таинственным образом исчезали, едва выехав из лагеря. Соглядатаев нередко находили распятыми на дубах. Страна била захватчиков по-крестьянски: жестоко, скрытно — и насмерть. Все, что удалось достоверно выведать Амальрику,— это то, что севернее его войска, за Ширкой, двигался

большой отряд гандеров и северных боссонцев, а Конан с пуантенцами и южными боссонцами находился где-то на юго-западе. Но вот где?

Амальрик начал бояться, что, если они с Валерием еще больше углубятся в здешние дебри, Конан может вовсе обойти их и проникнуть в центральные провинции у них за спиной. Амальрик отступил от Ширки и встал лагерем на равнине, в одном дне езды от Галпарана, опасаясь, что Конан заманивает его на юг, желая пропустить гандеров в королевство через северный брод...

Ксальтотун прибыл в лагерь Амальрика на своей колеснице, запряженной странными, не знающими устали скакунами. И вошел в шатер, застав барона с Валерием над картой, разложенной на походном столике из слоновой кости.

Карту Ксальтотун скомкал и отшвырнул прочь.

— Сведения, которых никак не могут добыть ваши соглядатаи, приносят мне мои,— сказал он.— Хотя, по правде сказать, их сообщения странно расплывчаты и не полны, как если бы против меня действовали незримые, но весьма могучие силы... Так вот, Конан движется вдоль реки Ширки с десятью тысячами пуантенцев, тремя тысячами южных боссонцев и баронскими дружинами юга и запада, общим числом около шести тысяч. Им навстречу с севера идет тридцатитысячное войско гандеров и северных боссонцев. Они обмениваются тайными посланиями с помощью проклятых жрецов Асуры, которые посмели противопоставить себя мне — мне! — и которых, клянусь Сетом, я скормлю змеям после сражения! Оба войска направляются к бродам у Танасула, но не думаю, чтобы гандеры стали переправляться; скорее уж Конан перейдет на тот берег и присоединится к ним.

— А зачем ему переправляться? — спросил Амальрик.

— Затем, что ему выгодно оттягивать битву. Чем дольше он прождет, тем больше сил к нему соберется, наше же положение только будет становиться опасней. Холмы за рекой так и кишат людьми, готовыми голову за него положить,— всеми теми, кого изгнала из родных мест жестокость Валерия. Со всей страны, поодиночке и группами, к Конану сбегаются люди. А у нас что ни день гибнут отряды, угодившие в крестьянские засады! В центральных провинциях неспокойно, того и гляди открыто восстанут. Одними гарнизонами там не обойтись, а немедийских подкреплений пока ждать не приходится. Что же до возни на офирской границе, я усматриваю здесь руку Паллантида — у него

в Офире родня. Одним словом, если мы не перехватим и не раздавим Конана в самое ближайшее время, у нас за спиной вспыхнет бунт. Придется отступать в Тарантию, чтобы хоть удержать однажды захваченное, и при этом прорываться с боями. А Конан подоспеет следом и заставит нас отсиживаться в городе, где тоже хватает врагов... Нет, медлить нам нельзя. Надо уничтожить Конана прежде, чем его армия как следует разрастется, прежде, чем восстанут центральные провинции. Как только люди увидят над воротами Тарантии его голову, сам собой утихнет и мятеж.

— Но коли так, почему бы тебе не околдовать его армию и не уложить всех одним заклинанием? — не без насмешки осведомился Валерий.

Ксальтотун воззрился на аквилонца так, словно провидел не только насмешку, но и безумие, тлевшее в капризном взгляде правителя.

— Тебе не о чем беспокоиться,— сказал он, помолчав.— Мое искусство в конце концов сокрушит Конана, точно ящерицу под каблуком. Но даже колдовству должны помочь копье и меч!

— Если он перейдет реку и встанет в Горалийских холмах, его не так-то просто будет выковырнуть оттуда,— заметил Амальрик.— Но если мы перехватим его по эту сторону, в долине, мы сотрем его в порошок. Далеко ли Конан от Танасула?

— Если он будет двигаться с той же скоростью, что и теперь, он достигнет бродов завтра к вечеру. Его люди выносливы, и гонит он их без остановки. Он прибудет туда, опередив гандеров самое большее на день.

— Отлично! — Амальрик решительно грохнул по столу кулаком.— Я доберусь до Танасула прежде него. Скорее отправить к Тараску гонца, чтобы выступал немедля туда же! К тому времени, когда он подоспеет, я отрежу Конана от переправы и разобью его наголову. А потом вместе с Тараском мы перейдем на ту сторону и расправимся с гандерами...

Но Ксальтотун только покачал головой:

— Это был бы неплохой план, если бы перед тобой стоял не Конан. Однако твоих двадцати пяти тысяч воинов отнюдь не достаточно, чтобы покончить с его девятнадцатью до подхода гандеров. Они будут сражаться, как раненые пантеры! А если в разгар битвы подоспеют еще и гандеры? Ты окажешься между двух огней и будешь уничтожен к приходу Тараска. Как бы он ни спешил, выручить тебя он не успеет.

— Ну так что же нам делать, по-твоему? — хмуро спросил Амальрик.

— Нужно идти на Конана объединенными силами,— ответствовал ахеронец.— Пошли всадника к Тараску, пусть двигается сюда. Дождемся его, потом вместе выступим на Танасул.

— Но пока мы будем ждать, Конан уйдет за реку и соединится с гандерами! — возразил Амальрик.

— Конан не сможет перейти реку,— заверил его Ксальтотун.

Вскинув голову, Амальрик прямо взглянул в бездонные глаза мага:

— К чему ты клонишь?

— Предположим, далеко на севере, в верховьях Ширки, разразятся проливные дожди, а значит, река у Танасула вспухнет так, что переправа сделается невозможной. Тогда мы сможем без лишней спешки собрать войска, прижать Конана к берегу и раздавить, как жука. А потом, когда полая вода схлынет,— я полагаю, это произойдет уже на другой день — мы перейдем реку, чтобы прикончить и гандеров. Таким образом, дважды наша полная сила будет использована против меньших отрядов.

Валерий расхохотался, как всегда, когда недалека была чья-нибудь гибель,— все равно, друга или врага — и беспокойно, резким движением пригладил непослушные желтые кудри. Амальрик взирал на ахеронца со смесью ужаса и восхищения.

— Если мы загоним Конана в долину Ширки таким образом, чтобы по правую руку у него были отроги холмов, а слева — бешеная река, наши с Тараском армии вправду оставят от него мокрое место,— проговорил он.— Значит, ты думаешь... ты *уверен*, что возможны такие дожди?

— Я пойду в свой шатер,— вставая, сказал Ксальтотун.— Некромантия не совершается одним взмахом жезла. Отправьте к Тараску гонца. И чтобы никто не смел приближаться к моему шатру!

Без этого последнего приказа вполне можно было обойтись. Ни один воин во всем войске ни за какие деньги не подошел бы к таинственному шатру из черного шелка, входные занавеси которого были всегда плотно задернуты. Туда никогда не входил никто, кроме самого Ксальтотуна; тем не менее из шатра часто слышались загадочные голоса, полотнища стен трепетали при полном безветрии, раздавалась жутковатая музыка. А иногда, в глухой полуночный

час, черный шелк подсвечивало изнутри багровое пламя, а по стенам начинали метаться бесформенные тени...

В ту ночь, лежа в своей палатке, Амальрик слышал бормотание барабана, доносившееся из шатра Ксальтотуна. Барабан гремел и гремел во тьме, и немедиец мог бы поклясться, что ему время от времени вторил низкий каркающий голос. Амальрик содрогался, ибо знал, что голос принадлежал не Ксальтотуну. Словно дальний гром, звучал барабан, и Амальрик, выглянув из палатки под утро, заметил у северного горизонта багровые сполохи молний; в иных сторонах света и над головой по-прежнему горели большие белые звезды. Сполохи мелькали почти беспрерывно, словно блики огня на блестящем клинке...

На другой день, на закате, явился с войском Тараск — пропыленный, измотанный дальним переходом; пешие воины на несколько часов отстали от конных. Тараск встал лагерем возле Амальрика, и уже на рассвете объединенная армия двинулась к западу.

Амальрик выслал вперед множество разведчиков и с нетерпением ждал вестей о пуантенцах, беспомощно топчущихся на берегу взбесившейся Ширки. Но вот наконец вернулись разведчики и сообщили, что Конан перешел реку!

— Что? — Амальрик не верил своим ушам.— Значит, он управился до наводнения?

— Никакого наводнения не было,— отвечали сбитые с толку соглядатаи.— Вчера поздно вечером он подошел к Танасулу и перебрался на ту сторону безо всяких помех.

— Как не было наводнения? — воскликнул Ксальтотун. Вид у мага был ошеломленный — впервые за все время, что Амальрик его знал.— Невозможно! В верховьях Ширки и позавчера, и вчера бушевал ливень!

— Может, и так, о повелитель,— ответствовал разведчик.— Вода в реке и впрямь мутная, и жители Танасула говорят, что вчера она поднималась примерно на фут. Но для того, чтобы остановить Конана, этого, видать, не хватило.

Волшебство Ксальтотуна не сработало! Эта мысль, точно молот, стучала в висках у Амальрика. С той ночи в Бельверусе, когда он увидел своими глазами, как бурая засохшая мумия наливается плотью и становится человеком, его страх перед этим созданием все возрастал. Гибель Ораста лишь подтвердила худшие опасения немедийца. В глубине души его зрело жуткое убеждение: этот волшебник — или демон — непобедим. А теперь перед ним было зримое свидетельство неудачи!

Но может быть, думал барон Торский, нынешняя неудача случайна? Даже величайший из магов время от времени допускает ошибки... Как бы то ни было, еще не время становиться поперек пути ахеронцу. Ораст вон попробовал — и угодил один Митра знает в какой круг Преисподней. Амальрик понимал: его меч навряд ли вырвет победу там, где оказалась бесполезна черная сила бывшего жреца.

В конце концов, ужасы и непотребства, задуманные Ксальтотуном, были делом отдаленного и еще неясного будущего. Зато Конан с его войском был близкой и вполне реальной угрозой. Почему бы не использовать против него магию Ксальтотуна? А там поглядим!

Они прибыли в Танасул — небольшое укрепленное поселение, близ которого естественная россыпь скал составляла как бы природную дамбу через реку, непроходимую разве что во время сильнейшего паводка. Разведчики, снова высланные вперед, сообщили, что Конан занял позицию в Горалийских холмах, отстоявших от реки примерно на милю. А к исходу дня в его лагерь прибыли гандеры.

Стояла ночь. Амальрик поглядывал на Ксальтотуна: в ярком свете факелов таинственный маг казался существом из другого мира.

— Что же нам делать теперь? — спросил барон.— Твоя магия не сработала, Конан стоит перед нами с войском, почти равным нашему, да еще и занял выгодную позицию. Нужно выбрать меньшее из двух зол: либо встать здесь и ждать, когда он нападет, либо отходить к Тарантии и ждать подкреплений!

— Промедление для нас — гибель,— отвечал Ксальтотун.— Переходите реку и разбивайте лагерь у берега. Мы нанесем удар на рассвете.

— Но у него настолько выгодная позиция...— начал Амальрик.

— Глупец! — Ксальтотун впервые сбросил маску извечного спокойствия.— Уже позабыл, что было при Валкие? Ты усомнился в моем могуществе из-за того лишь, что некий слепой природный закон помешал наводнению? Я желал, чтобы с врагом покончили ваши копья, но страшиться тебе нечего: мое искусство сокрушит его войско. Конан в ловушке. Он не увидит завтрашнего заката. Переходите реку!

Переправлялись при факельном свете. Кони цокали копытами по мокрым камням и с плеском одолевали мелко-

водья. Пламя факелов отражалось в нагрудниках и щитах, бросая на черную воду зловещие кровавые блики. Скальная перемычка была довольно широкой, и тем не менее войско расположилось на отдых лишь после полуночи. Издалека, с возвышенностей, светил огоньками неприятельский лагерь. Конан собирался дать решительный бой в Горалийских холмах; не одному аквилонскому государю послужили они последним оплотом...

Покинув палатку, Амальрик беспокойно прохаживался по лагерю. Он видел загадочный свет, исходивший из шатра Ксальтотуна. Вновь раздавалось глухое бормотание барабана — на сей раз скорее шорох, чем гром,— и вопли демонов, время от времени прорезавшие сдержанный гул.

Ночь и волнение обострили инстинкты Амальрика; он чувствовал: Ксальтотуну противостояло нечто большее, нежели физическая мощь вражеских войск. И сомнения в могуществе колдуна вновь одолели барона. Он обвел взглядом огни, горевшие по высотам, и угрюмые морщины пробороздили лицо. Он сам и его армия находились посреди враждебной страны. А там, в холмах, засели те, в чьих душах и сердцах давно выгорели все чувства, кроме беспощадной ненависти к захватчикам и безумной жажды отмщения. Поражение будет означать для немедийцев погибель, ибо отступление через враждебную, кровожадно настроенную страну ничем иным обернуться не может. С рассветом Амальрику предстояло бросить свою армию против величайшего воина западных стран и его войска, утратившего страх смерти. И если Ксальтотун со своими чарами опять их подведет...

В это время из глубоких потемок возникло с полдюжины воинов. Отсветы огня плясали по их нагрудникам и навершиям шлемов. Воины не то вели, не то волокли изможденного человека в драных лохмотьях.

— Государь,— отсалютовав барону, заговорили воины.— Этот человек сам вышел к лагерю. Он говорит, ему позарез надо сказать что-то важное королю Валерию. Он аквилонец.

Правду сказать, походил он больше на волка — на волка, оставившего лапу в капкане. На лодыжках и запястьях виднелись застарелые язвы, причинить которые могли только кандалы. Клеймо, нанесенное каленым железом, уродовало лицо. Он упал на колени перед бароном, и тот видел только глаза, горевшие из-под спутанных грязных волос.

— Кто ты, смердящий пес? — спросил немедиец.

— Зови меня Тиберием,— ответил тот и судорожно лязгнул зубами.— Я пришел рассказать тебе, как подстроить Конану ловушку...

— Своих предаешь? — зарычал барон.

— Я слыхал, у тебя много золота,— дрожа в своих лохмотьях, продолжал человек.— Поделись со мной! Дай мне золота, а я покажу, как победить короля!

Его глаза горели безумием, руки, простертые ладонями вверх, больше походили на когтистые лапы...

Амальрик с отвращением передернул плечами. Впрочем, он никогда не гнушался и самыми низменными средствами — лишь бы они вели к победе.

— Если ты говоришь правду, тебе дадут золота больше, чем ты в состоянии унести,— сказал он.— Если же выяснится, что ты лжец и шпион, тебя распнут вниз головой. Ведите его за мной!

Явившись к Валерию, барон указал ему на перебежчика, который скорчился перед ним на земле, зябко кутаясь в рванье.

— Он уверяет, что якобы может помочь нам в завтрашней битве. И эта помощь будет не лишней, особенно если у Ксальтотуна опять что-нибудь не заладится. Говори, пес!

По телу оборванца прошла судорога, слова хлынули невнятным потоком:

— Конан разбил лагерь в верхней части Львиной долины... Она имеет форму веера: с обеих сторон крутые холмы. Если вы ударите завтра, вам придется атаковать прямо в лоб — холмы по сторонам неприступны. Но если король Валерий снизойдет до моих услуг, я проведу его тайной тропой меж холмов и покажу, как выйти королю Конану в тыл. Но для этого нужно выехать немедленно. Путь займет много часов... Придется долго ехать на запад, потом на север... потом повернуть на восток.. но зато мы войдем в Львиную долину с тыла — так же, как прошли туда гандеры...

Амальрик в немалом сомнении мял рукой подбородок. В нынешние времена не так уж редки стали люди, готовые душу продать за горстку монет.

— Если заведешь меня куда-нибудь, будешь убит,— сказал Валерий.— Надеюсь, тебе это известно?

Оборванца опять затрясло, но горящий взгляд не дрогнул.

— Если я обману, убей меня!

— Конан не решится разделить свое войско,— вслух размышлял между тем Амальрик.— Ему понадобятся все силы, чтобы отразить нашу атаку. Не думаю, чтобы в горах ждали

заставы. С другой стороны, этот малый знает, что в случае чего ему несдобровать. А чтобы такое ничтожество пожертвовало собой... нет, немыслимо. Я думаю, этот человек не обманывает, Валерий.

— Обманывает, и еще как: хочет продать своего освободителя,— засмеялся Валерий.— Что ж, хорошо. Посмотрим, куда приведет меня этот пес. Сколько воинов ты мне дашь?

— Пожалуй, пяти тысяч будет достаточно,— ответил Амальрик.— Неожиданная атака с тыла смешает их ряды, и нам этого хватит. Я буду ждать твоего появления около полудня!

— Я думаю, ты сразу заметишь, когда я появлюсь,— сказал Валерий.

Вернувшись к себе, Амальрик с удовлетворением убедился, что Ксальтотун еще пребывал в своем шатре — судя по нечеловеческим воплям, от которых то и дело вздрагивала ночь. Потом слуха барона коснулся лязг стальных доспехов и звяканье сбруи. Амальрик с мрачным удовлетворением улыбнулся во тьме. Валерий, пожалуй, ему был больше не нужен. Конан, как раненый лев, даже в агонии будет рвать и крушить. Будем надеяться, когда Валерий ударит Конану в спину, киммериец успеет уложить его прежде, чем будет убит сам. Пускай Валерий вымостит своими костями немедийцам путь к победе, после этого можно будет обойтись и без него.

Пять тысяч всадников, отряженные с Валерием, большей частью были отпетые аквилонские перебежчики. В бледном сиянии звезд выехали они из спящего лагеря, следуя западному изгибу гряды высоких холмов, чьи гигантские тени чернели на небосводе. Валерий скакал первым, а рядом с ним ехал Тиберий. Ременная петля охватывала шею предателя; другой конец ремня крепко держал воин, ехавший по другую сторону. Остальные всадники прижимались друг к другу, держа мечи наголо.

— Попробуешь обмануть — умрешь немедля,— еще раз предупредил Валерий.— Я не знаю этих холмов до последней тропинки, но в каком направлении ехать, чтобы выйти сзади к Львиной долине, уж как-нибудь разберусь. Так что смотри!

Тиберий втянул голову в плечи и, клацая зубами, принялся многословно убеждать короля в своей искренней верности. При этом он с самым дурацким видом поглядывал на знамя, реявшее над головой. На знамени была вышита золотая змея — эмблема прежней династии.

Обойдя отроги холмов, прикрывавших Львиную долину, отряд направился к западу. Еще через час всадники повернули на север и углубились в труднопроходимую, дикую местность, пробираясь извилистыми, едва различимыми тропами. Рассвет застал их в нескольких милях к северо-западу от позиции Конана. Здесь проводник повернул на восток и повел отряд сквозь путаницу ущелий. Валерий находил взглядом знакомые вершины и удовлетворенно кивал. Он неплохо представлял себе, куда они едут, и знал, что покамест все правильно.

И вдруг, безо всякого предупреждения, с севера стала наползать волокнистая масса тумана. Она растекалась по долинам, окутывая склоны. Вот скрылось солнце; мир превратился в серое ничто, дальше нескольких ярдов ничего невозможно было разобрать. Теперь отряд двигался чуть не ползком, с трудом нащупывая дорогу. Валерий сыпал проклятиями. Туман скрыл вершины, служившие ему ориентирами. Поневоле приходилось полностью довериться проводнику. Знамя с золотой змеей обвисло в безветренном воздухе...

Валерию показалось, что и Тиберий был в замешательстве: он остановился, неуверенно оглядываясь.

— Заблудился, собака? — резко спросил Валерий.

— Слушай! — ответил тот.

Где-то впереди едва слышно забили барабаны.

— Это барабаны Конана! — воскликнул аквилонец.

— Если мы подошли так близко, что слышны даже барабаны,— сказал Валерий,— то где же шум сражения? Ведь оно наверняка уже началось!

— Эхо в ущельях способно сыграть любую шутку,— стуча зубами, ответил Тиберий. Его бил жестокий озноб — удел всякого, много времени проведшего в сырости подземных казематов.— Слушай!

И в самом деле, вскоре до слуха донесся глухой рев.

— Бой идет вон там, в долине! — закричал Тиберий.— А барабаны бьют на холмах! Поспешим же!..

С этими словами он поскакал прямо на гул далеких барабанов; замешательства как и не бывало. Валерий поехал следом, проклиная туман. Потом ему пришло в голову, что туман поможет им приблизиться скрытно. Конан их не заметит. Прежде чем полуденное солнце разгонит туман, они окажутся как раз за спиной киммерийца!

Теперь Валерий не имел уже вовсе никакого понятия о том, что лежало по сторонам: кручи, теснины или зеленые

чащи. Барабаны все еще били, звук, приближаясь, делался громче. Валерий утратил всякое чувство направления и даже вздрогнул, когда в густых прядях тумана слева и справа выросли серые скальные стены: стало быть, они проезжали узким ущельем. И хотя проводник держался с полным спокойствием, Валерий облегченно вздохнул, когда стены расступились и исчезли из виду. Если бы их ожидала засада, ее устроили бы в самой теснине.

В это время Тиберий снова остановился. Барабанный бой сделался громче, но Валерий никак не мог решить, откуда слышался звук: слева или справа, спереди или сзади. Сидя на боевом коне, он раздраженно оглядывался. Кругом плавал туман, на доспехах оседали капельки влаги. Позади него длинная вереница закованных в латы всадников уходила во мглу, напоминая шествие призраков.

— Что медлишь, собака? — спросил он проводника.

Тот, казалось, прислушивался к невидимым барабанам. Но вот он медленно выпрямился в седле и повернулся к Валерию. Он улыбался, и страшна была его улыбка.

— Туман редеет, Валерий,— сказал он совсем другим голосом, костлявый палец указывал вверх: — Смотри же!

Барабаны внезапно умолкли. Туман быстро рассеивался. Из серых облаков выступили сначала вершины утесов, и почему-то дрожь брала от их вида. Ниже, ниже стлался туман, рассеиваясь и редея... И Валерий привстал в стременах, испустив крик, на который эхом откликнулись его воины. Впереди не было ничего похожего на широкую, ровную долину, которую они ожидали увидеть. Ущелье кончалось тупиком. Со всех сторон высились отвесные скалы в сотни футов высотой. Сюда можно было попасть лишь узкой теснины, которую они только что миновали.

— Ублюдок! — Стиснув кольчужный кулак, Валерий с размаху ударил Тиберия по зубам.— Что еще за шутки?

Тиберий выплюнул кровь изо рта и засмеялся — жутко и грозно:

— Скоро в мире станет одной мразью меньше... Смотри внимательнее, ты, мразь!

И Валерий вскрикнул опять — не от страха, больше от ярости.

Вход в ущелье перегородили какие-то люди, стоявшие неподвижно и молча. Оборванные, заросшие, страшные люди, сжимавшие в руках копья. Их там были многие сотни. А высоко на скалах уже возникали другие — тысячи других — истощенные, свирепые, меченные огнем, железом и голодом.

— Хитрость Конана! — бешено крикнул Валерий.

— Конан и не знает об этом,— засмеялся Тиберий.— Это заговор тех, кто по твоей милости все потерял и превратился в зверей. Прав был Амальрик: Конан не разделил своего войска. Мы — сброд, следовавший за ним, мы — волки, скрывшиеся в холмах, люди без крова и без надежды. Мы сами задумали это, а жрецы Асуры помогли нам, вызвав туман. Посмотри, посмотри на нас, Валерий! На каждом — твое клеймо, если не на теле, так на душе! Посмотри на меня! Ты не узнаешь меня, верно? Твой палач выжег этот рубец у меня на лице. А ведь когда-то ты меня знал. Я был владетелем Амилия... я тот, чьих сыновей ты казнил, чью дочь обесчестили и убили твои наемники. Ты по-прежнему уверен, что я не принесу себя в жертву, заманивая тебя в ловушку? Всемогущие боги! Да будь у меня хоть тысяча жизней, я все бы их отдал, только чтобы сжить тебя со свету! И я сделал это! Смотри, смотри на погубленных тобою людей, на тех, кого ты считал мертвецами... Они все-таки дождались своего часа! Ты стоишь в могиле, Валерий! Попробуй взберись на скалы! Они круты и высоки! Попробуй вырвись отсюда — копья остановят тебя, а сверху обрушатся валуны! Я положу тебя в Преисподней, ублюдок!

Откинув голову, он захохотал так, что меж скал родилось эхо. Привстав в седле, Валерий сплеча рубанул его громадным двуручным мечом. Лезвие рассекло плечо и глубоко вошло в грудь. Тиберий осел наземь, захлебываясь кровью, но продолжая смеяться.

Гортанный гром барабанов вновь огласил ущелье. Сотрясая землю, покатились вниз огромные валуны. Крики гибнущих мешались со свистом стрел, тучами полетевших с утесов...

22

ДОРОГА В АХЕРОН

Небо на востоке едва начинало светлеть, когда войско Амальрика вошло в устье Львиной долины. По сторонам ее поднимались невысокие, но очень крутые холмы, дно же, начиная от устья, постепенно повышалось, образуя несколько природных террас неправильной формы. На самой верхней из них и стояла, ожидая врага, армия Конана. И надо сказать, что отряд, пришедший к нему из Гандерланда,

состоял не из одних только копейщиков. С ними явились еще семь тысяч боссонских стрелков, а кроме того, баронские дружины западных и северных провинций: четыре тысячи конных воинов, пополнившие ряды кавалерии.

Копейщики тесным клином выстроились в дальнем, суженном конце долины. Их было девятнадцать тысяч — большей частью гандеры, лишь около четырех тысяч пришли из других аквилонских провинций. С каждой стороны пеший клин прикрывало по пять тысяч боссонских стрелков. А позади копейшиков, держа наготове длинные пики, неподвижно сидели в седлах конные рыцари: десять тысяч пуантенцев и девять тысяч аквилонцев, не считая баронских дружин.

Позиция, занятая Конаном, была превосходна. Ее нельзя было обойти с флангов: никто не смог бы преодолеть лесистые кручи холмов под градом стрел метких боссонцев. Лагерь же располагался непосредственно позади войска, в узкой, сжатой крутыми скальными степами ложбине — естественном продолжении Львиной долины, лишь чуть выше расположенном. Удара в спину Конану незачем было бояться. Он знал, что холмы позади него кишат бездомными беглецами, отчаянными людьми, в чьей верности сомневаться не приходилось.

Лишь один недостаток имела позиция аквилонцев: в случае поражения отступить было почти невозможно. Львиная долина была не только природной крепостью, но и ловушкой для тех, кто держал в ней оборону: выбраться из нее можно было единственным узким ущельем. Только тот отважился бы принять здесь решительный бой, кто намерен был победить — или погибнуть.

Ксальтотун поднялся на холм, что стоял у широкого устья долины, по левую руку. Этот холм господствовал над остальными; назывался он Алтарем Королей, но почему — не помнил уже никто. Помнил лишь Ксальтотун, но ведь его память хранила тысячелетия.

Он был не один. С ним шли двое приближенных, те самые, красноглазые, волосатые, темнокожие. Они тащили юную аквилонскую девушку, связанную по рукам и ногам. Взойдя на вершину, они положили девушку на древний камень, и в самом деле похожий на жертвенник. Много веков точили его дожди, солнце и ветер, так что ныне живущие видели в нем лишь удивительное творение природы. Но Ксальтотун знал, чем в действительности был этот камень и почему он здесь стоял. Вот удалились слуги, сутулые, точно молчаливые гномы, и Ксальтотун остался один. Он

стоял у каменного алтаря, глядя в долину, и утренний ветер развевал его темную бороду.

Отсюда было хорошо видно извилистое русло Ширки и холмы позади Львиной долины. Ксальтотун видел стальной клин, изготовившийся для боя, видел шлемы стрелков, поблескивавшие среди кустов и камней, видел неподвижных рыцарей, молча сидевших на боевых скакунах. Ветер трогал плюмажи на шлемах, пики топорщились, точно иглы ежа.

А с другой стороны стеной надвигались сплоченные ряды немедийцев. За их спинами равнина до самой реки пестрела яркими шатрами предводителей и линялыми палатками простых воинов.

Точно река расплавленной стали, вливались немедийцы в долину, и алый дракон Немедии плыл по ветру над их головами. Самыми первыми двигались арбалетчики: стрелы лежали на тетивах, пальцы — на спусковых крючках. Следом шли копейщики, а за копейщиками — главная ударная сила армии, конные рыцари. Они ехали под развернутыми знаменами, подняв пики, громадные кони выступали торжественным шагом, как на смотру.

Аквилонская армия, изрядно уступавшая числом, ждала их в мрачном молчании.

Немедийских рыцарей было тридцать тысяч. По обычаю всех хайборийских народов решить исход битвы предстояло именно им; пешее войско должно было лишь расчистить дорогу. Пеших — копейщиков и стрелков — было двадцать одна тысяча.

Арбалетчики принялись стрелять на ходу; стрелы с гуденением и визгом уходили с тетив, но либо падали наземь, не долетев, либо отскакивали от сомкнутых щитов гандерских пехотинцев. Боссонские стрелки не дали немедийцам безнаказанно подойти на убойное расстояние: из-за камней, из кустов ударили длинные стрелы.

Довольно скоро арбалетчики начали пятиться, а затем и отступать в беспорядке. Их самострелы не могли равняться с боссонскими луками, а доспехи были слишком легки. К тому же они сознавали, что их всего лишь используют для того, чтобы расчистить рыцарям дорогу; легко догадаться, что повышению боевого духа это отнюдь не способствовало.

Смешав ряды, арбалетчики расступились и пропустили вперед пеших копейщиков. Эти были все больше наемники: их хозяева безо всяких угрызений совести приносили их в жертву. Они должны были отвлечь внимание от рыцарей,

давая тем подойти поближе. Разойдясь по флангам, арбалетчики продолжали стрелять, между тем как копейщики двинулись мерным шагом навстречу вихрю стрел. Позади них ехали рыцари.

Наемники уже готовы были дрогнуть под убийственным градом, летевшим на них с высоты, но тут пропела труба, пешие отряды подались в стороны, и закованные в железо рыцари рванулись вперед.

Им пришлось скакать сквозь жалящее облако смерти. Длинные стрелы безошибочно находили каждую щелку лат, каждое отверстие конских доспехов. Едва взобравшись на очередную террасу, иные лошади вставали на дыбы и скатывались вниз, унося с собой седоков. Неподвижные тела в стальных латах усеяли склоны. Рыцарская атака захлебнулась и повернула назад.

Амальрик перестраивал ряды, отступив к устью долины. Тараск с обнаженным мечом дрался под своим флагом, но боем командовал барон Торский. Амальрик бешено ругался, глядя на неподвижный лес пик, хорошо видимый над шлемами гандеров. Он так надеялся, что его отход заставит аквилонских рыцарей броситься за ними вниз по склону и погибнуть под стрелами арбалетчиков, под ударами превосходящих сил конницы. Но — проклятие! — они так и не сдвинулись с места. Слуги сбивались с ног, таская в бурдюках воду из реки, рыцари снимали шлемы и освежали потные головы. Раненые, оставшиеся на склонах, тщетно просили пить. Зато у аквилонского войска были под рукой родники, так что, несмотря на жаркий весенний день, от жажды они не страдали.

Ксальтотун наблюдал за ходом битвы, стоя на вершине Алтаря Королей у резного древнего камня. Вот, опустив пики, снова рванулись вперед рыцари с развевающимися султанами на шлемах. На сей раз они прорвались сквозь свистящее облако стрел и, подобно волне, с громом обрушились на живую стену щитов. Над пернатыми шлемами взлетали и падали топоры, снизу вверх били копья, валя и всадников, и коней. Честь гандеров рыцарской не уступала. Таких воинов не посылают на убой, чтобы господа могли снискать себе славу. Это была лучшая в мире пехота, и давняя традиция делала ее боевой дух непоколебимым. Короли Аквилонии с незапамятных пор ценили ее по достоинству. Не дрогнули гандеры и теперь. Знамя со львом развевалось над их стальными рядами, а в самой вершине клина вздымал окровавленный топор гигант в вороненых доспехах, с равной легкостью сокрушая и кости, и стальную броню.

Немедийцы были отважными воинами и сражались упорно, как велел им рыцарский долг. Но железный клин сломать так и не удалось, а с лесистых круч, высившихся слева и справа, дождем сыпались стрелы, производя в их тесно скученных рядах страшное опустошение. Арбалетчики здесь ничем помочь не могли, а копейщикам не под силу было одолеть крутизну и добраться до боссонцев. Нехотя отступили упрямые рыцари, и гандеры проводили их торжествующим криком. Защитники долины сомкнули ряды, заступая место павших товарищей. Пот катился из-под стальных шлемов; крепко сжимая копья, гандеры ждали новых атак, и сердца их наполнялись гордостью оттого, что среди них, как простой воин, рубился сам король. Аквилонские рыцари, сидевшие в седлах позади копейщиков, так и не пошевелились. Неподвижные, угрюмые, они молча ожидали своего часа.

Вот рыцарь на взмыленном коне взлетел на вершину Алтаря Королей. С горечью и гневом глянул он на Ксальтотуна.

— Амальрик велел передать: пришло время пускать в ход твою магию, чародей,— сказал он.— Мы мрем, как мухи, в этой проклятой долине! Мы не можем проломить их ряды!

Ксальтотун, казалось, стал еще выше ростом и шире в плечах, весь облик его дышал жутким величием.

— Возвращайся к Амальрику,— сказал он.— Скажи ему: пусть строит своих людей для атаки, но повременит, пока я не дам сигнала. И прежде чем будет дан этот сигнал, он увидит такое, чего ему не забыть до смертного ложа!

Рыцарь отсалютовал ему без особой охоты и сломя голову умчался вниз по склону холма.

Ксальтотун стоял возле темного алтарного камня, глядя в долину — на мертвых и раненых, густо усеявших террасы, на угрюмых, окровавленных аквилонцев, на пыльные отряды латников, перестраивавшихся внизу. Потом он возвел глаза к небу и наконец обратил взор на тоненькое девичье тело в белом платье, распростертое на алтаре. Подняв кинжал, сплошь усеянный архаическими письменами, Ксальтотун повел незапамятно древнее заклинание:

— О Сет! Бог тьмы, чешуйчатый повелитель теней! Кровью девственницы и семикратным символом призываю я из черных недр земли твоих сыновей! Дети глубин, спящие под красной и черной землей, пробудитесь и встряхните своими ужасными гривами! Пусть дрогнут холмы, обрушивая на моих врагов лавины камней! Пусть небеса потемнеют

над ними, а земля уйдет из-под ног! Пусть ветер, вырвавшийся из глубин, опутает их ноги, выпьет силы, иссушит и...

Он так и замер с занесенным кинжалом в руке. Стало тихо, лишь ветер доносил из долины нестройный гул множества людей. Перед Ксальтотуном, по другую сторону алтаря, стоял человек в черном плаще. Капюшон бросал тень на его бледное, с тонкими чертами, лицо и спокойные, задумчивые глаза.

— Собака асурит! — подобно рассерженной змее, зашипел Ксальтотун.— Безумец, уж не за смертью ли ты явился сюда? Эй, Баал, Хирон, живо ко мне!

— Зови, зови громче, ахеронец! — ответил человек и засмеялся.— Им, должно быть, нелегко расслышать тебя из Преисподней!

В это время из чащи, окаймлявшей вершину холма, показалась высокая старуха в крестьянской одежде. Ее седые волосы развевал ветер, а по пятам бежал большой волк.

— Жрец, ведьма и волк,— с презрительным смешком пробормотал Ксальтотун.— Глупцы! Что значат ваши жалкие фокусы по сравнению с моей силой! Движением руки смету я вас со своего пути...

— Сила твоя — что подхваченная ветром солома, ничтожный пифонец,— отвечал асурит.— Как ты думаешь, почему река не вспухла потоком и не заперла Конана на том берегу? Я разгадал твой умысел, приметив ночную грозу, и мои заклятия разогнали собранные тобой облака, не дав им пролиться дождем. А ты и не понял, что твоя магия так и не вызвала ливня.

— Лжешь! — закричал Ксальтотун, однако уверенность его была поколеблена.— Я ощущал, что против меня действует могущественное колдовство. Но магию дождя может рассеять лишь тот, кому подвластно самое сердце волшбы! Тебе ли это под силу?

— Но ведь наводнение, задуманное тобой, так и не произошло.— проговорил жрец.— Взгляни на своих союзников, пифонец! Ты привел их сюда на погибель! Ловушка захлопнулась, и ты уже не властен помочь. Смотри!

Тонкая рука Хадрата указывала вниз. Из ущелья, из верхней долины за спинами пуантенцев, галопом вылетел всадник. Он бешено размахивал над головой чем-то блестящим. Бесстрашно промчался он вниз по склону, между расступившимися гандерами, и те с торжествующим ревом принялись бить копьями в щиты, наполнив громом долину. Выскочив

на террасу, разделявшую два войска, взмыленный конь завертелся на месте, взвиваясь на дыбы. Седок кричал не своим голосом, продолжая размахивать рукой. Это был обрывок алого знамени: солнце играло и переливалось на чешуе золотой змеи, украшавшей полотнище.

— Валерий мертв! — зазвенел голос Хадрата.— Барабаны в тумане привели его к гибели! Я собрал этот туман, ничтожный пифонец, я же и развеял его с помощью своей магии, которая куда сильнее твоей!

— Что мне до Валерия? — возвысил голос Ксальтотун. На него было страшно смотреть: глаза горели, судорога коверкала черты.— Мне больше не нужен этот глупец! Я сокрушу Конана и без помощи смертных людишек...

— Так что же ты медлишь? — насмешливо осведомился Хадрат.— Чего ради ты позволил стольким своим сторонникам умереть под стрелами и на копьях?

— Потому что для великого колдовства нужна кровь! — загремел Ксальтотун, и скалы содрогнулись от его голоса. Мертвенное сияние переливалось вокруг его головы.— Потому что ни один волшебник не тратит сил попусту! Потому что я сохранил свою мощь для великих дел будущего, не желая расходовать ее ради какой-то потасовки в холмах! Но теперь, клянусь Сетом, я дам ей полную волю! Смотри же, пес, бессильный жрец давно умершего Бога, смотри, и рассудок навсегда оставит тебя!

Но Хадрат откинул голову и рассмеялся, и было в его смехе обещание ада:

— И ты смотри, черный демон Пифона!

Его рука нырнула под плащ и извлекла нечто, затмившее даже яркий солнечный свет. Всю вершину холма объяло пульсирующее золотое сияние, и Ксальтотун вдруг сделался похож на мертвеца.

Он вскрикнул, словно ощутив смертельную рану:

— Сердце! Сердце Аримана!

— Да! — был ответ.— И тебе не превозмочь его силу!

Казалось, Ксальтотун начал стариться и усыхать: бороду и волосы на глазах усыпала седина.

— Сердце! — повторил он невнятно.— Ты украл его, собака... вор...

— Нет, я не крал его. Оно побывало далеко в южных странах, и долгим было его путешествие. Но теперь оно у меня в руках, и против него тебе не поможет вся твоя черная сила. Сердце воскресило тебя — оно же и отбросит тебя обратно во тьму, из которой ты был вызван. Отправляйся

же в Ахерон по темной дороге, сквозь сумрак и тишину. Пусть черная империя, которую ты хотел возродить, навеки пребудет лишь страшной легендой и затеряется в памяти человечества. Конан снова будет править страной, а Сердце Аримана вернется домой — в пещеру под храмом Митры. Тысячу лет оно будет гореть там как символ могущества Аквилонии!

Ксальтотун взмахнул кинжалом и с нечеловеческим криком бросился на Хадрата, огибая алтарь. Но в это время откуда-то — то ли с небес, то ли из самого камня, сиявшего на ладони Хадрата,— ударил слепящий голубой луч. Он вонзился прямо в грудь Ксальтотуну, и громовой раскат эхом раскатился в холмах. Ахеронский волшебник рухнул на землю, но, еще не коснувшись ее, его тело претерпело жуткие изменения. Не труп только что убитого лежал возле алтаря — иссохшая, сморщенная мумия, скорчившаяся внутри истлевших повязок.

Зелата задумчиво смотрела на то, что лежало у ее ног.

— Он и не жил по-настоящему,— сказала она.— Сердце придало ему пустую видимость жизни, так что он и сам обманулся. А я всегда видела в нем лишь мумию!

Хадрат склонился над алтарем и освободил девушку, лежавшую без чувств. И в это время из-за деревьев появилось нечто странное: колесница Ксальтотуна, влекомая демоническими конями. Медленным шагом подошли они к алтарю и остановились. Бронзовое колесо почти касалось того, что уже не было человеком. Хадрат поднял высохшие останки и положил их в колесницу. Тотчас же тронулись с места волшебные кони и поскакали на юг, вниз по склону холма. Хадрат, Зелата и волк долго следили за тем, как они удалялись. Перед ними лежала долгая дорога в Ахерон, недоступная глазам смертного человека.

А внизу, в долине, Амальрик так и замер в седле при виде безумного всадника, что гарцевал между армиями, размахивая окровавленным клоком знамени с золотой змеей. Потом некое чувство заставило его вскинуть голову и обернуться к холму, звавшемуся Алтарем Королей... и раскрыть рот в изумлении. Вся долина увидела то же, что и барон: с вершины холма взвился луч слепящего света, окутанный брызгами золотого огня. Высоко над головами людей вспыхнуло такое сияние, что даже солнце, казалось, на миг побледнело.

— Сигнал Ксальтотуна! — взревел барон.

— Нет! — крикнул Тараск.— Это сигнал аквилонцам! Гляди!

Там, наверху, наконец-то шевельнулся доселе неподвижный рыцарский строй. Долина огласилась густым, низким ревом множества глоток.

— Ксальтотун подвел нас..— в ярости вырвалось у Амальрика.— И Валерий! Мы в ловушке! Проклятие Митры на голову Ксальтотуна — это он привел нас сюда! Трубач! Труби отступление!

— Поздно! — завопил Тараск.— Слишком поздно!

Дрогнул, опускаясь, железный лес пик. Ряды гандеров раздвинулись, точно занавес, отхлынув влево и вправо. С ураганным гулом ринулись вниз по склону рыцари Аквилонии.

Ничто не могло противостоять этой атаке. Стрелы, выпущенные перепуганными арбалетчиками, отскакивали от щитов и шлемов. Развевались цветные султаны, сеяли смерть склоненные копья... Дрогнувшие копейщики немедийцев были сметены в один миг, и стальная лавина понеслась дальше.

Срывая голос, Амальрик выкрикнул приказ, и его рыцари, пришпорив коней, с отчаянным мужеством устремились навстречу. Они все еще имели численный перевес, но это были усталые воины на усталых конях, к тому же скакавшие вверх по склонам, между тем как их противники впервые за весь день обнажили мечи. Они неслись вниз с силой и яростью бури — и, подобно буре, смяли они немедийцев, смешав их ряды, расчленив строй. Опрокинули — и погнали уцелевших к устью долины.

А за ними бегом поспешали пешие гандеры, жаждущие вражеской крови. С круч кувырком скатывались боссонцы и на ходу выпускали в неприятеля стрелу за стрелой...

Вниз, вниз, с террасы на террасу катился кровавый поток и нес с собой ошарашенных, сломленных немедийцев. Арбалетчики бросали оружие и разбегались. Копейщики, пережившие сокрушительную рыцарскую атаку, были вырезаны гандерами безо всякой пощады.

Миновав устье долины, битва выплеснулась в чистое поле. По всей равнине туда и сюда мчались воины, удирая, преследуя и убивая. Кто-то сходился один на один, кто-то, подняв коня на дыбы, разил двуручным мечом. Немедийцы еще дрались, но были уже не способны хоть как-то сомкнуть ряды и дать отпор. Целые сотни их покидали сражение и мчались к реке. Многим удалось достичь ее, вы-

браться на тот берег и ускакать на восток. Но огонь восстания уже охватил всю страну, жители охотились на бывших захватчиков, как на волков. До Тарантии добрались единицы.

Окончательно подорвала дух немедийцев гибель Амальрика. Бросив безуспешные попытки собрать и построить своих, барон устремился на вражеских рыцарей, следовавших за исполином в вороненых доспехах: царственный лев украшал его плащ, а над головой вилось черное аквилонское знамя с золотым львом и рядом с ним — малиновый леопард Пуантена. Высокий воин в сверкающих латах опустил пику и поскакал навстречу Амальрику. Они столкнулись с грохотом. Пика немедийца, угодив противнику в шлем, сорвала ремни и застежки: шлем слетел, обнаружив черты Паллантида. Пика аквилонца пробила и щит, и нагрудник, и сердце барона, сбросив его мертвое тело с седла, и под тяжестью пронзенного тела переломилась.

Поднялся отчаянный крик, сопротивление немедийцев было сломлено бесповоротно. Так приливная волна наконец прорывает и сносит подмытую ламбу. В слепом ужасе побежденные толпами устремились к реке... Кончился Час Дракона!

Тараск не побежал с поля сражения. Амальрик пал, погиб знаменосец, и королевское знамя Немедии было втоптано в кровавую грязь. Большая часть ее рыцарей скакала прочь, по пятам преследуемая аквилонцами. Тараск понимал, что битва проиграна, и с горсткой верных воинов метался по равнине, одержимый лишь одной мыслью — встретиться с Конаном. И наконец он встретил его.

К тому времени отряды успели окончательно рассыпаться и перемешаться. Пернатый шлем Троцеро сверкал в одном конце поля, шлемы Просперо и Паллантида — в другом. Конан был один. Тараск тоже был один: все его люди погибли. Два короля сошлись в поединке.

Они уже ринулись друг на друга, но тут конь Тараска захрипел и осел наземь. Конан тоже покинул седло и побежал навстречу противнику. Тараск поднялся, с трудом выпутавшись из сбруи. Ослепительно сверкнули клинки и встретились с лязгом, разбрызгивая синие искры... потом загремели доспехи: Тараск растянулся на земле, сбитый с ног страшным ударом Конанова меча.

Киммериец поставил латный башмак на грудь врагу и снова занес меч. На нем уже не было шлема; он встряхнул густой черной гривой, синие глаза горели прежним огнем:

— Сдаешься, ты...

— Ты хочешь меня пощадить? — удивленно спросил немедиец.

— Да, хочу. Хотя ты, собака, меня в свое время и не думал щадить. Живи! И пусть живут все твои, кто бросил оружие. А уж как чешутся руки раскроить тебе башку...— добавил киммериец.

Тараск, как мог, вывернул шею и оглядел поле. Остатки немедийского войска удирали по каменной дамбе. Победоносные аквилонцы висели у них на плечах, рубя со всей яростью сбывшейся мести. Гандеры и боссонцы наводнили вражеский лагерь, раздирая палатки в поисках поживы, ловя пленников, вспарывая тюки и переворачивая повозки.

Тараск грязно выругался и передернул плечами — насколько он вообще мог это сделать, прижатый к земле.

— Что ж, выбора у меня нет... Каковы твои условия?

— Ты отдашь все, чем успел завладеть в Аквилонии. Пусть твои вояки сложат оружие и выметаются изо всех замков и городов, да поживее. Ты выкупишь и вернешь на родину всех аквилонцев, проданных в рабство. А потом, когда мы в полной мере подсчитаем убытки, нанесенные войной, ты их возместишь. И будешь сидеть у меня заложником, пока это все не будет исполнено!

— Хорошо,— сдался Тараск.— Мои гарнизоны оставят города и замки без боя... и все прочее, как ты сказал. Ну, а за мою шкуру какой выкуп назначишь?

Конан засмеялся и убрал ногу с груди врага, а потом одним рывком поставил его на ноги, взяв за плечо. Он хотел что-то сказать, но заметил шедшего к ним Хадрата. Жрец, как обычно невозмутимый, осторожно пробирался между грудами мертвых тел, конских и человеческих.

Окровавленной рукой Конан утер с лица пыль и пот. Он бился весь день: сначала — пешим, среди гандерских копейшиков, потом пересел в седло и возглавил рыцарскую атаку. Он лишился плаща, залитые кровью доспехи были измяты ударами множества мечей, булав и секир. Он стоял во весь рост посреди ужасного побоища, похожий на языческого героя древней легенды.

— Ты хорошо поработал, Хадрат! — загремел он весело.— Во имя Крома, как я обрадовался, разглядев твой сигнал! Мои рыцари с ума сходили от нетерпения, уж очень хотелось им взяться поскорей за мечи. Еще немного, и я не смог бы их удержать... А что там наш чародей?

— Он отправился путем мрака обратно в свой Ахерон,— ответил Хадрат.— Мне же пора вернуться в Тарантию. Здесь

я больше не нужен, зато в храме Митры меня ждет одно неотложное дело. Все мы совершили здесь, что могли... На этом поле мы спасли Аквилонию, и не только ее. Твое возвращение в столицу станет триумфальным шествием по шальной от счастья стране. Вся Аквилония выйдет приветствовать возвращение своего короля! Итак, до встречи в Тарантии, в тронном зале дворца!

Конан молча проводил глазами жреца. Со всех сторон к нему уже спешили верные рыцари. Он разглядел Паллантида, Троцеро, Просперо и Сервия Галанна в политых кровью доспехах. Шум битвы постепенно смолкал, сменяясь многоголосым ликующим ревом. Все взгляды, горящие яростью и восторгом выигранной битвы, устремились к исполинской черной фигуре короля, руки в латных рукавицах потрясали обагренными клинками. Отовсюду неслся могучий, громовой крик, подобный гулу морского прибоя:

— Слава Конану, королю Аквилонии! Слава!

— Ты еще не назвал моего выкупа,— мрачно буркнул Тараск.

Рассмеявшись, Конан со стуком вдвинул меч в ножны. Расправив плечи, он провел пятерней по волосам, словно бы ощущая на них отвоеванную корону.

— В твоем серале,— сказал он,— есть одна девушка. Ее имя Зенобия.

— Да... да, кажется, есть.

— Вот и отлично.— Король улыбнулся, словно вспомнив о чем-то очень хорошем.— Она станет твоим выкупом, больше мне ничего не надо. Я приеду за ней в Бельверус, как и обещал. В Немедии она была рабыней, а в Аквилонии я сделаю ее королевой!

Хайборийская эра

Пятьсот лет спустя (т. е. после правления Конана Великого) хайборийская цивилизация была стерта с лица земли. Ее падение было уникально в том смысле, что вызвал его не внутренний распад, а лишь растущая мощь варваров и гирканцев. Эти-то народы и уничтожили хайборийскую культуру в самом пике ее расцвета.

Впрочем, одной из причин — хоть и косвенных — падения древней цивилизации стала жадность королей Аквилонии. Они без конца воевали с соседями, стараясь расширить границы своей империи. Зингара, Аргос и Офир были открыто аннексированы, а с ними и западные города Шема, которые, как и их восточные собратья, только что сбросили ярмо Кофа. Сам же Коф вкупе с Коринфией и племенами восточного Шема был принужден платить Аквилонии дань и оказывать ей военную помощь. В то время с новой силой вспыхнула старая вражда между Аквилонией и Гипербореей: эта последняя двинула свои войска навстречу армиям западного соседа-соперника. Равнины Пограничного Королевства стали ареной великой и яростной битвы, в которой войска северян были наголову разгромлены и отступили назад в свои заснеженные твердыни, и победоносные аквилонцы их не преследовали.

Между тем Немедия, столетиями успешно противостоявшая западному королевству, вовлекла Британию, Замору и — втайне — Коф в союз, поставивший своей целью сокрушить разраставшуюся империю. Но прежде чем их армии успели встретиться на поле брани, на востоке объявился новый враг: это гирканцы, пробуя силу, предприняли первый серьезный натиск на западный мир. Туранские всадники, усиленные искателями приключений с восточного

побережья моря Вилайет, пронеслись через Замору и опустошили восточную Коринфию. Однако на равнинах Бритунии их встретили аквилонцы и, разбив в пух и прах, отшвырнули назад на восток. При этом был сломан хребет только что образовавшегося союза: в последующих войнах Немедия держала оборону. От случая к случаю ей помогали Бритуния, Гиперборея и — как всегда тайно — Коф.

Разгром гирканцев показал всему миру истинную мощь западного королевства, чьи великолепные армии были еще усилены наемниками, многие из которых были набраны из чужеземцев — в Зингаре, а также среди варваров — пиктов и шемитов.

Вскоре у гирканцев была отвоевана Замора, но ее народ обнаружил, что восточные хозяева попросту сменились западными, и все. В Заморе расквартировали аквилонских воинов — не только ради защиты разоренной страны, но и для удержания жителей в покорности.

Гирканцам, однако, урок пошел не впрок. Еще трижды обрушивались нашествия на границы Заморы и земли Шема, и трижды их отбрасывали аквилонцы,— хотя туранские армии разрастались все это время, питаемые полчищами закованных в сталь всадников, что прибывали и прибывали с востока, двигаясь вдоль южного побережья внутреннего моря.

Сила, которой суждено было сбросить с тронов королей Аквилонии, возрастала на западе, а не на востоке.

Вдоль киммерийских границ шли бесконечные стычки между черноволосыми воинами этой страны и воителями северных стран. Жители Асгарда использовали передышки в войнах с Ванахеймом для нападений на Гиперборею, все дальше отодвигая границу и уничтожая город за городом. Киммерийцы без разбора дрались также с пиктами и боссонцами и время от времени вторгались в саму Аквилонию,— но это были не завоевательные войны, скорее просто грабительские набеги.

А вот в Пиктских пустошах удивительным образом росли и население, и военная мощь. По странному капризу судьбы пикты вступили на путь создания собственной империи в результате усилий всего одного человека, и притом чужеплеменника. Этим человеком был Арус, немедийский священнослужитель и прирожденный реформатор. Что именно заставило его обратить внимание на пиктов, нам в точности не известно, однако история свидетельствует: однажды он решился отправиться в дебри Запада и смягчить жестокие нравы язычников, разъясняя и вводя в тех местах кроткий

культ Митры. Аруса не устрашили даже жуткие истории о том, что случалось с путешественниками и торговцами, дерзавшими отправиться туда прежде. И судьба ему улыбнулась: одинокий и безоружный, он достиг-таки народа, к которому стремился, и не был тотчас заколот копьями, как ему предрекали.

Контакты с хайборийской цивилизацией всегда были благодетельными для пиктов несмотря на то, что пикты всегда яростно сопротивлялись этим контактам. В частности, они научились изготавливать грубые поделки из меди и олова. Их собственная страна не была богата металлом, и ради олова, например, они устраивали набеги в горы Зингары либо выменивали его на шкуры, китовый ус, моржовый клык и прочие немногие вещи, которыми торгуют дикари. Кроме того, пикты перестали довольствоваться пещерами и убежищами на деревьях: теперь они жили в шатрах и неуклюжих домиках, выстроенных в подражание боссонским. Кормились они по-прежнему охотой, ибо их родные леса так и кишели разнообразнейшей дичью, а реки и море — рыбой. Хотя они и научились выращивать хлеб, сеяли они его от случая к случаю, предпочитая воровать зерно у соседей — зингарцев и боссонцев. Пикты жили кланами, большей частью враждовавшими друг с другом. Их законы были просты и весьма кровожадны. И совершенно необъяснимы с точки зрения цивилизованного человека, вроде Аруса из Немедии. Пикты не поддерживали непосредственных контактов с хайборийцами, поскольку боссонцы расположились между ними наподобие буфера; тем не менее Арус счел, что они были способны к развитию, и последующие события подтвердили правоту его умозаключения,— хотя и не таким образом, как хотелось бы ему самому.

...Арусу повезло: судьба столкнула его с вождем, которого природа одарила необычайно ясным умом. Звали его Горм. Современному человеку понять Горма столь же трудно, как Чингисхана, Османа, Аттилу или иных, рожденных в дикой стране среди необразованных варваров и тем не менее наделенных духом завоевания и основания империй...

Арус сумел объясниться с вождем на ломаном боссонском, поясняя ему цель своего путешествия. Весьма озадаченный, Горм все же позволил ему избегнуть расправы и жить среди племени — едва ли не впервые за всю историю своего народа. Изучив язык, Арус взялся за дело, стараясь отменить хотя бы самые лютые обычаи пиктов: человече-

ские жертвоприношения, кровную месть и сожжение пленников живыми. Он обращался к Горму с пламенными речами — и обрел в нем заинтересованного, пусть и невосприимчивого слушателя. Воображение живо рисует нам эту сцену: черноволосый вождь, облаченный в тигриную шкуру и ожерелье из человеческих зубов, сидит на корточках, на земляном полу хижины с плетеными стенами, сосредоточенно внимая красноречию жреца. А жрец, облаченный в шелковые одеяния немедийского священнослужителя, усаженный на раздобытую ради него резную, укрытую мехами колоду красного дерева, жестикулирует изящными белыми руками, излагая вечные истины и законы — учение Митры...

Вне сомнения, Арус с укором указывал вождю на ряды черепов, украшавшие стены хижины, и призывал Горма прощать своих врагов, вместо того чтобы таким образом поступать с их выбеленными временем костями. Арус был достойнейшим представителем народа, чей врожденный артистизм был отточен столетиями цивилизованной жизни. За Гормом же стояло сто тысяч лет необузданной дикости. Поступь тигра была в его бесшумной походке, хватка гориллы — в хватке его рук с черными от въевшейся грязи ногтями, и во взгляде его горел тот же огонь, что светится в глазах леопарда.

Арус был человеком практичным. Он постарался заинтересовать дикаря соображениями материальной выгоды. Повествуя о величии Митры, он красочно описывал мощь и роскошь хайборийских королевств,— ибо что, если не труды и учение Митры, возвышало их и утверждало во славе? Он рассказывал Горму о городах и плодородных равнинах, о мраморных стенах и железных колесницах, о башнях, увенчанных драгоценными камнями, и о всадниках в сверкающей броне, мчащихся в битву. А Горм, ведомый безошибочным инстинктом варвара, пропускал мимо ушей все, что касалось богов и их учений, и жадно вбирал рассказы о земном могуществе, столь живо описанном чужаком. И вот таким образом в жалкой лачуге с плетеными стенами и земляным полом, где на колоде красного дерева сидел жрец в шелковых одеяниях, а перед ним — смуглокожий вождь в тигровых шкурах,— вот таким образом и именно там был заложен первый камень в основание империи.

Как уже говорилось, Арус был человеком практичным. Живя среди пиктов, он обнаружил множество способов, коими образованная личность может облагодетельствовать человечество — хотя бы это человечество было облачено в

тигровые шкуры и носило ожерелья из зубов своих собратьев. Как и все жрецы Митры, он был исполнен разнообразных познаний. Так, он обнаружил под пиктскими холмами обширные залежи железной руды и научил дикарей добывать ее, плавить железо и ковать из него разнообразные орудия в счастливой надежде, что это будут орудия пахоты и жатвы. Пикты были обязаны Арусу и иными нововведениями, главнейшими же его делами стали следующие. Он заронил в душу Горма желание повидать страны цивилизованного мира; он обучил пиктов ковке железа; и наконец, он впервые установил контакт между ними и цивилизацией. По просьбе вождя он вывел его и сколько-то его воинов через Боссонские топи, где на них изумленно глазели честные поселяне, во внешний блистающий мир.

Без сомнения, Арус считал, что успешно обращает пиктов в свою веру, ибо они слушали с интересом, не торопясь рубить его медными топорами. Наивно было, однако, рассчитывать, чтобы пикты с охотой приняли учение, предписывавшее им прощать своих врагов, чтобы они променяли тропу войны на честную жизнь, исполненную тяжкой повседневной работы. Мы уже знаем, что пикту была чужда артистическая утонченность; самая натура его требовала войны и кровопролития. Внимая рассказам жреца о величии и славе цивилизованных народов, меднокожие слушатели задумывались не о догмах его религии, но о той добыче, которую они могли бы взять в описываемых им богатых городах и блещущих странах. Когда он рассказывал им, как Митра помог тому или иному королю опрокинуть врагов, они меньше всего обращали внимания на чудеса Митры, внимательно вслушиваясь в описания боевых порядков, доспехов рыцарей, маневров лучников и копейщиков. Пикты внимали жрецу, и их темные глаза были зорки, а лица — непроницаемы. Они делали, что считали нужным, и не очень об этом распространялись. И Арусу поистине льстил тот напряженный интерес, с которым они принимали его наставления касательно выплавки железа и сродных с этим искусств.

До его пришествия они крали стальное оружие и доспехи у боссонцев и зингарцев и сами пробовали выделывать грубое оружие из меди и бронзы. Теперь им поистине открылся новый мир: спустя очень малое время по всей стране эхом разносился звон молотов о наковальни. А Горм, пользуясь этим вновь приобретенным искусством, начал постепенно распространять свою власть на соседние кла-

ны, прибирая их к рукам кого силой, кого — хитростью и дипломатией. И надо отметить, что по части дипломатии среди варваров ему не было равных.

Снабженные охранным свидетельством, пикты теперь свободно путешествовали в Аквилонию и назад. И, возвращаясь, доставляли все новые сведения о выделке доспехов и ковке мечей. Более того: они вступали в наемные армии Аквилонии, вызывая не поддающееся описанию отвращение у храбрых боссонцев. Аквилонские короли подумывали стравить пиктов с киммерийцами и тем самым, вполне вероятно, уничтожить угрозу, исходившую от обоих народов. Но они были слишком заняты своей захватнической политикой на юге и востоке, чтобы всерьез обращать внимание на малоизвестные земли запада, откуда являлись все новые коренастые воины и нанимались на службу.

Отслужив, эти воины возвращались в родные чащобы, принося с собой добротные познания о воинском искусстве цивилизованных стран — и презрение к цивилизации, неизбежно порождаемое близким знакомством с нею. И вот в пиктских холмах забили барабаны, с высоких вершин потянулся дым сигнальных костров, между тем в тысячах кузниц ковали и ковали сталь полудикие кузнецы.

Тем временем вооруженные налеты и интриги — слишком хитроумные и разнообразные, чтобы пытаться хоть кратко перечислить их здесь,— сделали Горма верховным вождем и приблизили его власть к королевской в большей степени, чем это бывало у пиктов в течение тысячелетий. Он ждал долго, он был уже немолод; но пришло время, и он двинулся к границам — и не с торговлей, но с войной.

Слишком поздно понял Арус свою ошибку, понял, что так и не сумел достучаться до души дикаря, где таилась копившаяся веками необузданная свирепость. Все его убедительное красноречие нисколько не потревожило сознание пиктов. Горм теперь носил вместо тигровых шкур посеребренную кольчугу, но внутренне он был совершенно прежним — вечный варвар, которому нет дела до теологии и философии, варвар, чьи инстинкты неизбежно сосредоточены на насилии и войне.

Огнем и мечом проломили пикты границу Боссонии... Вместо вчерашней толпы в тигровых шкурах, размахивавшей медными топорами, в бой шли воины в чешуйчатых бронях, с острым стальным оружием в руках. Что же до Аруса — какой-то пьяный пикт раскроил ему череп, как раз когда тот пытался исправить невольные плоды своих

трудов. Горм, впрочем, не остался неблагодарным. По его приказу могильный холм жреца увенчали черепом его убийцы.

Мрачная ирония судьбы: столь варварского украшения удостоились камни, скрывавшие тело Аруса — человека, которому насилие и кровная месть были противны более всего на свете...

И все-таки нового оружия и кольчуг оказалось недостаточно для скорой победы. Еще долгие годы мужество боссонцев и их превосходство в вооружении, а также помощь имперских войск Аквилонии сдерживали нашествие. Тем временем приходили и уходили гирканцы, а к империи была присоединена Замора...

Однако потом неожиданная измена расстроила сопротивление боссонцев. Но прежде чем перейти к ее описанию, уместно хотя бы вкратце обозреть аквилонскую империю. Аквилония всегда была богатой страной; завоевания сделали ее богатства неисчислимыми. Там, где прежде господствовал простой и суровый быт, воспитывавший выносливых и закаленных людей, воцарилась пышная роскошь. Впрочем, вырождение еще не успело коснуться ни королей, ни народа. Разодетые в шелка и золотую парчу, они оставались расой мужественной и жизнеспособной. Вот только прежнюю простоту нравов сменило высокомерие. Все с большим презрением взирали аквилонцы на слабейшие народы, облагая покоренных все более тяжелыми данями. С Аргосом, Зингарой, Офиром, Заморой и шемитскими странами обращáлись, как с порабощенными провинциями. Особенно это возмущало гордых зингарцев, и они то и дело восставали, несмотря на то что восстания подавлялись, и подавлялись жестоко.

Коф практически подчинялся Аквилонии, находясь под ее «защитой» от гирканцев. Но вот Немедию западной империи покорить так и не удалось, хотя все победы немедийцев были чисто оборонительного свойства и были одержаны с помощью армии Гипербореи. Единственными на тот период неудачами империи были провал попыток присоединить Немедию и разгром одной из армий, посланных в Асгард. Как гирканцы оказались неспособны противостоять ударам тяжелой кавалерии аквилонцев, так и эти последние, вступив в заснеженные края, не устояли в рукопашной перед яростью северян. Однако завоевания Аквилонии большей частью были направлены в сторону Нилуса (или, иначе, Стикса): в кровавом бою была уничтожена армия Стигии, а

стигийский король принужден — хотя бы единовременно — откупиться, чтобы спасти свою страну от нашествия. Британия была ослаблена в ходе нескольких стремительных войн, последовавших одна за другой. Началась подготовка к тому, чтобы наконец-то поработить старинного врага — Немедию.

Уже двинулись вперед сверкающие доспехами армии, многократно усиленные наемниками; казалось, их натиску суждено было превратить независимость Немедии в воспоминания. Но как раз тут и разгорелась свара между аквилонцами и их союзниками боссонцами.

Расширение империи с неизбежностью привело к тому, что аквилонцы сделались заносчивы и нетерпимы. Они взяли привычку осмеивать более простодушных и безыскусных боссонцев, и между ними родилась обоюдная нелюбовь. Аквилонцы презирали боссонцев, и тех возмущало подобное обращение с ними хозяев, ибо теперь те в открытую называли себя таковыми и поступали с боссонцами, точно с завоеванными подданными, устанавливая непомерные налоги и заставляя участвовать в своих захватнических войнах — войнах, с которых боссонцы не имели почти никаких выгод. В результате в Боссонии едва-едва хватало воинов для охраны границ. Вот и вышло так, что, прослышав о зверствах, чинимых на их родине пиктами, целые отряды боссонцев ушли с немедийской войны и быстрым маршем переправились на западные границы, где они дали смуглокожим захватчикам большое сражение и отогнали их прочь.

Случилось, однако, что уход боссонцев послужил непосредственной причиной поражения, нанесенного аквилонцам немедийцами, отчаянно защищавшими свой дом. Что, в свою очередь, навлекло на боссонцев жестокий гнев тогдашних императоров, нетерпимых и близоруких, как, впрочем, и все вообще императоры. Аквилонские полки были тайно стянуты к границам Боссонских Пределов. Местных вождей пригласили поприсутствовать на великом совете; и, под видом намечаемой экспедиции против пиктов, отряды свирепых шемитских воинов были размещены среди ничего не подозревавших поселян. Безоружных вождей предательски перебили, шемиты накинулись на их ошеломленные войска с факелами и саблями, а закованные в железо имперские полки обрушились на мирный народ. Страна была разорена на всем протяжении; уйдя наконец от границ, аквилонские армии оставили после себя опустошение и разгром...

И вот тогда-то, никем более не сдерживаемые, через лишенную защиты границу в полную мощь ринулись пикты. И это был не набег — это было согласное движение целого народа, движение, ведомое вождями, служившими в аквилонских войсках, движение, задуманное и направляемое Гормом. Горм был уже стар, но его яростное стремление к цели с годами не притупилось ничуть. И в этот раз на их пути не было крепких деревень, окруженных стенами и населенных бесстрашными лучниками, способными сдерживать вражеское нашествие до подхода имперских войск. Остатки боссонцев были вмиг сметены, и прежде, нежели могли быть переброшены на запад имперские легионы, вновь занятые войной с немедийцами, обезумевшие от крови варвары вломились в самое Аквилонию, грабя и сметая все на своем пути. Зингара тотчас воспользовалась возможностью и скинула ярмо, и ее примеру не замедлили последовать Коринфия и Шем. Многочисленные отряды наемников и вассалов поднимали бунт и уходили назад в родные пределы и, конечно, опять-таки жгли и грабили по дороге. Пикты же неостановимо двигались на восток, втаптывая в землю войско за войском. Аквилонцы, лишившиеся поддержки боссонских лучников, мало что могли противопоставить ливню стрел, который обрушивали на них варвары. Со всех концов империи отзывались легионы и направлялись навстречу нашествию, между тем как из западных дебрей накатывала орда за ордой, и казалось, что их источник неиссякаем. И тут, посреди воцарившегося хаоса, на равнину со своих гор хлынули киммерийцы — и довершили разгром. Они грабили города, опустошали страну и возвращались в горы с добычей. Пикты, напротив, занимали захваченные земли. Вот так, в огне и крови, рухнула Аквилонская империя...

В это время из голубых далей востока опять явились гирканцы: отвод имперских легионов из Заморы побудил их к решительным действиям. Замора уступала их натиску, сделавшись легкой добычей, и в самом большом из захваченных городов гирканский король устроил свою столицу. Та волна завоевателей явилась из старинного гирканского королевства Турана, расположенного на берегах внутреннего моря; однако с севера двигалась еще одна орда, и притом более опасная. Всадники, закованные в сталь, миновали северную оконечность моря Вилайет, промчались по западным пустыням, внедрились в степи и, гоня перед собою туземцев, обрушились наконец на западные королевства. Эти новоприбывшие на первых порах отнюдь не считали

туранцев своими союзниками, но, напротив, дрались с ними точно так же, как и с хайборийцами. Вот так кишели и резались между собой волны восточных воителей, покуда всех их не объединил под своей властью великий вождь, явившийся с самого побережья Восточного океана. Аквилонской армии, могущей воспротивиться, более не существовало, и завоеватели не ведали поражений. Они наводнили и поработили Британию, разорили южную Гиперборею и Коринфию. Они ворвались в Киммерийские горы, гоня черноволосых варваров прочь; но там, в горах, где кавалерия не могла действовать в полную силу, киммерийцы встали насмерть — и лишь беспорядочное отступление, довершившее день кровавой битвы, спасло гирканское войско от полного уничтожения.

А покуда происходили все эти события, королевства Шема покорили своего прежнего хозяина — Коф, но потерпели поражение при попытке вторгнуться в Стигию. И едва успели шемиты управиться с разорением Кофа, как на них самих налетели гирканцы — и оказались правителями пожестче, чем когда-либо были хайборийцы. Тем временем пикты сделались полными хозяевами Аквилонии, практически поглотив прежнее население. Когда же они перешли границу Зингары — тысячи зингарцев, спасаясь от резни, хлынули в Аргос и там сдались на милость двигавшихся к западу гирканцев, которые и поселили их в Заморе как своих подданных. Следом за зингарскими беглецами в Аргос вошли завоеватели-пикты, и страну объял кровавый кошмар. Потом пикты вступили в Офир и столкнулись там с гирканцами: эти последние, захватив Шем, разбили на берегах Нилуса стигийскую армию и продвинулись на юг вплоть до Черных Королевств Амазонии, а тысячи пленников, приведенных оттуда, расселили между шемитскими племенами. Если бы не яростный натиск пиктов, сдерживавших их на западе, гирканцы, вероятно, довершили бы покорение Стигии и присоединили ее к своей растущей империи.

Немедия, в свое время так и не уступившая хайборийцам, едва держалась, зажатая между владыками Востока и мечеиосцами запада, пока с севера не пришло племя асов, покинувших свою занесенную снегом страну. Придя в королевство, асы подались в наемники — и оказались необычайно умелыми воинами: не только отбросили прочь гирканцев, но и сумели остановить натиск пиктов, все еще двигавшихся на восток.

Удивительное зрелище являл собой тогдашний мир. Громадная, дикая, варварская империя пиктов простиралась от берегов Ванахейма на севере до южных побережий Зингары. В восточном же направлении она включала всю Аквилонию, кроме самой северной провинции — Гандерланда, расположенного в горах. Гандерланд пережил падение империи и, став самостоятельным королевством, все еще сохранял независимость. Пиктская империя включала также Аргос, Офир, западные земли Кофа и Шема.

Империи варваров противостояла империя гирканцев. На севере ее лежали разоренные границы Гипербореи, а на юге — пустыни к югу от Шема. В империю гирканцев входили Замора, Британия, Пограничное Королевство, большая часть Кофа и весь восточный Шем.

Границы Киммерии остались нетронутыми. Ни пикты, ни гирканцы не сумели сломить воинственных варваров. Немедия, где верховодили наемники-асы, тоже успешно противостояла нашествиям. Таким образом, Киммерия, Немедия и северные страны до некоторой степени разделяли два народа-завоевателя, зато Коф превратился в арену непрекращавшейся битвы между пиктами и гирканцами. Порою восточным воителям удавалось очистить от варваров все королевство; но проходило некоторое время — города и веси вновь оказывались в руках западных пришельцев. На далеком юге Стигия, потрясенная гирканским вторжением, страдала от бесконечных нашествий из Черных Королевств. А на дальнем севере не ведали покоя нордические племена, то и дело сражавшиеся с киммерийцами и сами тревожившие границы Гипербореи...

Горм пал от руки Хьяльмара, вождя немедийских асов. Горму к тому времени исполнилось уже чуть не сто лет. С тех пор, как из уст Аруса он впервые услышал слово «империя», минуло семьдесят пять лет — долгий срок в жизни отдельного человека, но в истории народов — краткий миг. За это время Горм сколотил из бродячих дикарских кланов империю и опрокинул цивилизацию. Родившийся в мазанке под соломенной крышей, под старость он сиживал на золотых тронах и угощался говядиной с золотых блюд, что подносили ему нагие рабыни — дочери свергнутых королей. Ни завоевания, ни приобретенное богатство не изменили пикта; из руин разграбленной цивилизации, как феникс, восстала новая культура. Смуглые руки, уничтожившие искусство побежденных, никогда не пытались ему подражать. Сидя в роскошных руинах поверженных дворцов и облачив

свое закаленное тело в шелка, сдернутые с низложенных королей, пикт остался вечным варваром — свирепым, примитивным, озабоченным лишь основными жизненными потребностями. Он не менялся сам и не изменял своим первобытным инстинктам, призывавшим его к грабежу и войне; в его мире не было места ни для искусств, ни для культурного развития человечества...

А вот асы, обосновавшиеся в Немедии, оказались не таковы. Вскорости они многое восприняли от своих цивилизованных союзников — но и сами, будучи обладателями чужой и очень жизнеспособной культуры, многое изменили и привнесли.

Последовал недолгий период, в течение которого гирканцы и пикты грызлись друг с другом на развалинах покоренного ими мира. Но потом начались оледенения и великое переселение нордических племен. Северные народы отступали перед надвигавшимися ледниками, выталкивая родственные кланы дальше на юг. Асы заняли древнее королевство Гиперборею и, перебравшись через его руины, вплотную сошлись с гирканцами. Немедия к тому времени вполне уже превратилась в нордическую державу; правили в ней потомки асов-насмников. Под напором выходцев с севера снялись с насиженных мест киммерийцы, и ни армии, ни укрепленные города не могли им противостоять. Они наводнили и смели королевство Гандерланд и двинулись через древнюю Аквилонию, неудержимо прорубая себе путь сквозь пиктские орды. Они разбили немедийцев и разграбили некоторые их города, но не остановились. Опрокинув на границах Бритунии гирканскую армию, они продвигались все дальше на восток.

А позади них, наводняя все новые страны, двигались орды асов и ванов, и пиктская империя содрогалась от их ударов. Немедия была повержена, и полуцивилизованные северяне бежали от своих более диких соплеменников. Покинутые города Немедии лежали в руинах. Беженцы-северяне (унаследовавшие имя прежнего королевства, так что термин «немедийцы» далее подразумевает именно их) вошли в древние земли Кофа, изгнали оттуда и гирканцев, и пиктов и помогли народу Шема скинуть гирканское ярмо. По всему западному миру власть гирканцев и пиктов трещала под напором более молодого, свирепого народа. Отряд асов изгнал восточных всадников из Бритунии и сам обосновался в этой стране, приняв ее имя. А северяне, завоевавшие Гиперборею, так яростно наседали на своих восточных вра-

гов, что эти смуглокожие потомки жителей Лемурии, неудержимо выталкиваемые в сторону моря Вилайет, отступили назад в степи.

Тем временем киммерийцы, мигрируя к юго-востоку, уничтожили древнее гирканское королевство Туран и поселились на юго-западных берегах внутреннего моря. Итак, мощь восточных завоевателей была сломлена. Не способные более противостоять натиску киммерийцев и северян, при отступлении они разрушили все свои города, перебили пленных, которым не по силам были дальние переходы, а затем, гоня перед собою тысячи рабов, удалились назад в таинственные пределы Востока. Обогнув северную оконечность моря Вилайет, они исчезли из истории Запада на долгие тысячелетия, чтобы много позже вновь появиться под именем гуннов, монголов, татар и турок. Вместе с ними ушли тысячи зингарцев и заморийцев, которые затем бок о бок осели далеко на востоке и, смешиваясь в течение веков, положили начало новому народу цыган.

Одновременно с этим племя отчаянных ванов просочилось на юг вдоль пиктского побережья. Опустошив древнюю Зингару, они добрались до Стигии, которая, изнемогая под властью аристократов, едва выдерживала удары с юга, где лежали Черные Королевства. Рыжеволосые ваны возглавили восстание рабов, сбросили дотоле правивший класс и сами составили касту завоевателей. Они поработили самые северные из Черных Королевств и положили начало огромной южной империи, названной ими Египтом. Ранние фараоны этой страны гордились своим происхождением от рыжеволосых ванов, явившихся с севера.

Таким образом, северные варвары верховодили уже повсюду в западном мире. Пикты все еще удерживали Аквилонию, часть Зингары и западное побережье континента. Но восточнее, до самого Вилайета, от Полярного круга до страны Шем, единственными обитателями были кочевые нордические племена — за вычетом киммерийцев, обосновавшихся в прежнем королевстве Туран. Городов не осталось нигде, кроме Шема и Стигии: волны завоевателей — пиктов, гирканцев, киммерийцев — сравняли все их с землей, а доминировавшие некогда хайборийцы вовсе исчезли, едва успев влить свою кровь в жилы новых народов. Язык варваров сохранил некоторые названия земель и племен, и они пережили столетия, постепенно обрастая путаными легендами и сказаниями — покамест вся история Хайборийской эры не покрылась прочной паутиной вымысла и

мифа. Так, в речи цыган сохранились названия Зингары и Заморы; асы, подчинившие Немедию, прозвались немедийцами, и это имя фигурировало впоследствии в ирландской истории; северяне же, осевшие в Британии, были позже названы британцами, британами и наконец бриттами.

Единой, сплоченной Нордической империи не существовало. Каждое племя по-прежнему возглавлял свой собственный вождь или король, и яростная вражда меж племенами не прекращалась. К чему могло все это в конце концов привести — осталось навеки неизвестно. Ибо новая чудовищная судорога Земли, породившая современные очертания земель и морей, обратила все в хаос. Громадные участки западного побережья погрузились в воду. Ванахейм и западный Асгард — уже сотни лет к тому времени безлюдные и покрытые ледниками — исчезли в морских волнах. Океан ворвался в горы западной Киммерии, образовав современное Северное море. Полузатопленные горы превратились в острова, позже известные как Англия, Шотландия и Ирландия. Волны перекатывались там, где прежде шумели Пустоши Пиктов и расстилались Боссонские Пределы. На севере образовалось Балтийское море, разделившее Асгард на полуострова, получившие названия Норвегии, Швеции и Дании. А на далеком юге стигийский континент откололся от остального мира, причем линия разлома пролегла по реке Нилус в ее западном течении. Над Аргосом, западным Кофом и западными землями Шема плескался голубой залив океана, которому позже люди дали наименование Средиземного моря. Однако погружение происходило не всюду. Западнее Стигии из моря поднялась обширная суша, составившая западную половину Африканского континента.

Вздыбившаяся земля воздвигла громадные горные цепи в центральной части северного континента. При этом погибли целые племена северян, а уцелевшие отступили к востоку. Однако территория вокруг медленно высыхавшего внутреннего моря была вовсе не затронута катаклизмом, и там, на западных берегах, нордические племена мирно занимались скотоводством, более или менее уживаясь с киммерийскими соседями и постепенно смешиваясь с ними. На западе остатки пиктов, отброшенные катастрофой назад в каменный век, вновь начали распространяться, являя невероятную жизнеспособность своей расы, пока, в позднейшую эпоху, их не опрокинула западная миграция киммерийцев и северян. Но это случилось спустя столь долгое время после

катаклизма, что о прежних империях повествовали только смутные, лишенные смысла легенды.

Эта последняя миграция стала уже достоянием письменной истории, и ее события нет нужды заново излагать. Причиной же, вызвавшей ее, был рост населения. Степи к западу от внутреннего моря, которое, сильно усохшее, в последующие эпохи было известно как Каспийское, оказались перенаселены в такой мере, что миграция сделалась экономической необходимостью. Племена двинулись на юг, на север и на запад — в земли, называемые теперь Индией, Малой Азией, Центральной и Западной Европой.

В эти страны они пришли под именем ариев. Первобытные арии были представлены несколькими племенами. Иные можно опознать и сегодня, иные же — давно позабыты. Светловолосые ахейцы, галлы и бритты, к примеру, суть потомки чистокровных асов. Немедийцы ирландских легенд — не кто иные, как немедийские асы. Датчане — потомки чистокровных ванов, а готы — предки остальных скандинавских и германских племен, в том числе и англосаксов — потомки смешанной расы, у истоков которой стояли ваны, асы и киммерийцы. Гэлы — предки ирландцев и нагорных шотландцев — ведут свое происхождение от чистокровных киммерийских кланов. Кимрские (валлийские) племена Британии — смешанная киммеро-нордическая раса, переселившаяся на острова прежде чисто нордических бриттов, породила легенду о гэльском первородстве. Кимры, сражавшиеся против Рима, были тех же кровей, как и гиммеры ассирийцев и греков и гоммеры древних евреев. А некоторые киммерийские кланы ушли на восток, на ту сторону высшего внутреннего моря, и спустя несколько веков, приняв в себя гирканскую кровь, вернулись на запад под названием скифов. Первопредки гэлов оставили свое имя современному Крыму.

Древние шумеры не имели никакого родства с западной расой. Они были смешанным народом гирканo-шемитского происхождения — потомки тех, кого не смогли увести с собой отступавшие завоеватели. Многим племенам Шема удалось избежать того плена, и от чистокровных шемитов, а также от тех, что смешались с хайборийцами или северянами, произошли арабы, израильтяне и иные ярко выраженные семиты. Хананиты, или горные семиты, ведут свое происхождение от шемитов, смешавшихся с жителями Куша, которых расселили среди них хозяева-гирканцы; типичный пример такого народа — эламиты. Невысокие,

плотно сбитые этруски — основа римской расы — были потомками народа, объединившего в себе черты стигийцев, гирканцев и пиктов и жившего первоначально в древнем королевстве Коф. Гирканцы же, отступившие к восточному побережью континента, дали начало позднейшим племенам татар, гуннов, монголов и турок.

Происхождение иных народов современного мира может быть аналогичным образом прослежено. История почти каждого из них уходит во мглу позабытой Хайборийской эры — много дальше и глубже, чем сами они порою осознают...

1936 год

Содержание

Предисловие

Письмо Роберта Говарда

Хайборийская эра
Перевод М. Семеновой .....

Башня Слона
Перевод Е. Хаецкой .....

Сплошь негодяи в доме
Перевод Е. Хаецкой .....

Дочь Ледяного Исполина
Перевод М. Успенского .....

Королева Черного побережья
Перевод А. Прутцкова .....

Сокровища Гвалура
Перевод А. Циммермана .....

Черный колосс
Перевод А. Кононова .....

Железный демон
Перевод Е. Кравцовой .....

Тени в лунном свете
Перевод А. Кононова .....

«...Родится ведьма»
Перевод М. Успенского 285

Призраки Замбулы
Перевод Е. Кравцовой 323

Люди Черного Круга
Перевод М. Семеновой 359

Ползучая тень
Перевод В. Карчевского 439

Колодец черных демонов
Перевод А. Кононова 471

Гвозди с красными шляпками
Перевод А. Циммермана 505

За Черной рекой
Перевод А. Циммермана 595

Феникс на мече
Перевод В. Карчевского 657

Алая цитадель
Перевод А. Кононова 683

Час Дракона
Перевод М. Семеновой 719

Хайборийская эра
Перевод М. Семеновой 908

Литературно-художественное издание

Роберт И. Говард

КОНАН ИЗ КИММЕРИИ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Г. Корчагин*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Корректоры *О. Жук, З. Озерова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Луиса Рейо*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 04.04.2007.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 48,72.
Тираж 4100 экз. Заказ № 6912.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»*
E-mail: **foreignseller@eksmo-sale.ru**

International Sales:
For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении *обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо»*
E-mail: **project@eksmo-sale.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 268-83-59/60.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Самый популярный отечественный автор фэнтези

Ник Перумов

Война мага

ДОЛГОЖДАННЫЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ ЛЕГЕНДАРНОГО ЦИКЛА:
«Война мага. ЭНДШПИЛЬ», том 3
«Война мага. КОНЕЦ ИГРЫ», том 4

Роберт Ирвин

ГОВАРД

Robert E. Howard

ISBN 5-699-11546-3

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ